

STUDIA
ROSSICA
GEDANENSIA

4/2017

Studia Rossica Gedanensia

4

Redakcja / Редакция / Edited by
Katarzyna Wojan, Zbigniew Kaźmierczyk, Żanna Sładkiewicz,
Olga Makarowska, Marta Noińska

REDAKTOR NACZELNY / EDITOR-IN-CHIEF

Dr hab. Katarzyna Wojan, prof. UG (Uniwersytet Gdański, Polska / University of Gdańsk, Poland)

ZESPÓŁ REDAKCYJNY / EDITORIAL BOARD

Dr hab. Żanna Śladkiewicz, prof. UG (Uniwersytet Gdański, Polska / University of Gdańsk, Poland) – zastępca redaktora naczelnego / deputy editor-in-chief

Dr Wanda Stec (Uniwersytet Gdański, Polska / University of Gdańsk, Poland) – zastępca redaktora naczelnego / deputy editor-in-chief

Dr Ewa Konefał (Uniwersytet Gdański, Polska / University of Gdańsk, Poland) – sekretarz / secretary

Dr hab. Zbigniew Kaźmierczyk, prof. UG (Uniwersytet Gdański, Polska / University of Gdańsk, Poland) – redaktor / editor

Dr hab. Katarzyna Wojan, prof. UG (Uniwersytet Gdański, Polska / University of Gdańsk, Poland) – redaktor statystyczny / statistical editor

Dr Radosław Kaleta (Uniwersytet Warszawski, Polska / University of Warsaw, Poland) – asystent redakcji / editorial assistant

Dr Tatiana Kopac (Uniwersytet Gdański, Polska / University of Gdańsk, Poland) – redaktor językowy, język rosyjski / language editor, Russian

Dr Olga Makarowska (Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu, Polska / Adam Mickiewicz University, Poland) – redaktor językowy, język rosyjski / language editor, Russian

Dr Aneta Lica (Uniwersytet Gdański, Polska / University of Gdańsk, Poland) – redaktor językowy, język polski / language editor, Polish

Mgr Marta Noińska (Uniwersytet Gdański, Polska / University of Gdańsk, Poland) – asystent redaktora, redaktor językowy, język angielski / editorial assistant, language editor, English

Mgr Leonidas Banakos (Ateny, Grecja / Athens, Greece) – redaktor językowy, język grecki nowożytny / language editor, Modern Greek

Bogna Wojan (Politechnika Gdańska, Polska / Gdańsk University of Technology, Poland) – redaktor techniczny / technical editor

KRONIKA / CHRONICLE

Edited by Katarzyna Wojan

Fotografie pochodzą ze zbiorów Franciszka Apanowicza, Zbigniewa Kaźmierczyka, Joanny Mampe, Marty Noińskiej, Stanisława Tokarskiego / The pictures come from the private collections of Franciszek Apanowicz, Zbigniew Kaźmierczyk, Joanna Mampe, Marta Noińska, Stanisław Tokarski

PROJEKT GRAFICZNY OKŁADKI / COVER DESIGN

Ekaterina Kaleta

Na okładce: fragment obrazu Wasilija I. Surikowa *Zdobycie śnieżnego miasteczka* (*Взятие снежного городка*) (1891), olej, płótno, 156 x 282 cm, Państwowe Muzeum Rosyjskie w Petersburgu / On the cover: a detail of the painting *Taking a snowy town* by Vasily Surikov (1891), oil on canvas 156 x 282 cm, Russian Museum, Saint Petersburg, Russia

SKŁAD I ŁAMANIE / COMPUTER-AIDED COMPOSITION

Dorota Biniakiewicz

Skład w systemie / Typesetting in the system: InDesign

© Copyright by the Authors and Editorial Board

Printed in Poland

ISSN 2392-3644 (online)

ISSN 2449-6715 (print)

Publikacja finansowana ze środków na utrzymanie potencjału badawczego Wydziału Filologicznego Uniwersytetu Gdańskiego / This journal is sponsored by the Faculty of Languages, University of Gdańsk

ADRES REDAKCJI / EDITORIAL BOARD OFFICE
Redakcja *Studia Rossica Gedanensia*
Wydział Filologiczny / Faculty of Languages
Uniwersytet Gdański / University of Gdańsk
Neofilologia, ul. Wita Stwosza 51, PL 80-308 Gdańsk, Poland
Tel. / Phone +48 58 523 31 65
e-mail: finkw@univ.gda.pl; filzs@ug.edu.pl

WYDAWCA / PUBLISHER
Uniwersytet Gdański / University of Gdańsk
Wydział Filologiczny / Faculty of Languages
ul. Wita Stwosza 51, PL 80-308 Gdańsk, Poland
Tel. / Phone +48 58 523 30 01

DRUK I OPRAWA / PRINTING AND BINDING
Zakład Poligrafii / Printing Plant
Uniwersytet Gdański / University of Gdańsk
ul. Armii Krajowej 119/121, PL 81-824 Sopot, Poland
Tel. / Phone +48 58 523 14 49, +48 58 523 13 50

Interdyscyplinarne czasopismo naukowe gdańskich rusycystów. Podejmuje zagadnienia związane z językiem, literaturą, kulturą i historią Rosji, a także komparatystyką. Ukazuje się raz w roku w wersji elektronicznej i drukowanej. Wersją referencyjną jest wersja elektroniczna. Do druku przyjmowane są teksty w języku polskim, rosyjskim i angielskim. Redakcja zastrzega sobie prawo redagowania tekstów. Wszystkie prace nadesłane do redakcji są poddawane anonimowej procedurze recenzyjnej. Prace należy przesłać zgodnie z *Wytycznymi dla autorów* umieszczonymi na stronie internetowej naszego rocznika.

An interdisciplinary periodical published by scholars in Russian studies in Gdańsk. Devoted to issues connected with Russian language, literature, culture and history, as well as with comparative studies. Published once a year. *Studia Rossica Gedanensia* is published in print and online. The online version is the primary one. Articles in Polish, Russian and English are accepted. The Editorial Board reserves the right to have the texts edited. Each paper submitted to the Editorial Board is subject to an anonymous review process. Papers are to be submitted in accordance with the *Guidelines for Authors* listed on the periodical's website.

STRONA INTERNETOWA / HOMEPAGE
<http://cwf.ug.edu.pl/ojs/index.php/SRG>

PISMO REFEROWANE I INDEKSOWANE W BAZACH / ABSTRACTED AND INDEXED BY THE INTERNATIONAL DATABASES

ARIANTA (Naukowe i Branżowe Polskie Czasopisma Elektroniczne)
BazHum (Baza Bibliograficzna Czasopism Humanistycznych i Społecznych)
CEJSH (The Central European Journal of Social Sciences and Humanities)
Expertus (Bibliografia Publikacji Pracowników, Doktorantów i Studentów UG)
PBN (Polska Bibliografia Naukowa / Polish Scholarly Bibliography)
CEON Biblioteka Nauki (Centrum Otwartej Nauki, Interdyscyplinarne Centrum Modelowania Matematycznego i Komputerowego, Uniwersytet Warszawski)
eLIBRARY.RU (Научная электронная библиотека)
Google Scholar; Infona (Portal Komunikacji Naukowej)
OCLC WorldCat
ROAD (Directory of Open Access Scholarly Resources)
SCIARY: Worldwide Scientific and Educational Library: Scientific Journals of Republic of Poland

UNIwersytet Gdański • Wydział Filologiczny

Гданьский университет • Филологический факультет

University of Gdańsk • Faculty of Languages

Studia Rossica Gedanensia

ROCZNIK / ЕЖЕГОДНИК / ANNUAL

4

Redakcja / Редакция / Edited by
Katarzyna Wojan, Zbigniew Kaźmierczyk, Żanna Sładkiewicz,
Olga Makarowska, Marta Noińska

Gdańsk 2017

RADA NAUKOWA / ADVISORY EDITORIAL BOARD

Dr hab. Marcelina Grabska, prof. UG (Uniwersytet Gdański, Polska / University of Gdańsk, Poland) – przewodnicząca / chair

Prof. dr hab. Franciszek Apanowicz (Uniwersytet Gdański, Polska / University of Gdańsk, Poland)

Prof. dr hab. Valentina N. Avramova / Валентина Н. Аврамова (Uniwersytet Konstantyna Preslawskiego w Szumen, Bułgaria, Prezydium MAPRYAL / University of Shumen Episkop Konstantin Preslavski, Bulgaria, Presidium of MAPRYAL)

Prof. dr hab., dr h.c. UMK Andrzej Bogusławski (prof. em., Uniwersytet Warszawski, Polska Akademia Umiejętności, Polska) / University of Warsaw, Polish Academy of Arts and Sciences, Poland)

Prof. dr hab. Nadezhda S. Bratchikova / Надежда С. Братчикова (Moskiewski Uniwersytet Państwowy im. M.W. Łomonosowa, Rosja / Lomonosov Moscow State University, Russia)

Dr hab. Volodymyr V. Dubichynsky, prof. UW / Владимир В. Дубичинский (Narodowy Uniwersytet Techniczny, Charkowski Instytut Politechniczny, Ukraina / National Technical University, Kharkiv Polytechnic Institute, Ukraine)

Prof. dr hab. Ivan A. Esaulov / Иван А. Есаулов (Instytut Literacki im. A.M. Gorkiego w Moskwie, Rosja / Maxim Gorky Literature Institute in Moscow, Russia)

Prof. dr hab. Tatyana M. Grigoryeva / Татьяна М. Григорьева (Sybirski Uniwersytet Federalny w Krasnojarsku, Rosja / Siberian Federal University in Krasnoyarsk, Russia)

Prof. dr hab. Jerzy Kaliszan (Uniwersytet Adama Mickiewicza w Poznaniu, Polska / Adam Mickiewicz University in Poznań, Poland)

Dr Ihar L. Kapylau / Игорь Л. Копылов (Narodowa Akademia Nauk Białorusi, Mińsk, Białoruś / National Academy of Sciences of Belarus in Minsk, Belarus)

Dr hab. Hubert Łaskiewicz, prof. KUL (Katolicki Uniwersytet Lubelski Jana Pawła II, Polska / John Paul II Catholic University of Lublin, Poland)

Prof. dr hab. Ludmiła Łuciewicz (Uniwersytet Warszawski, Polska / University of Warsaw, Poland)

Prof. dr hab. Valentina A. Maslova / Валентина А. Маслова (Witebski Uniwersytet Państwowy im. Piotra Maszeraua, Białoruś / Vitebsk State University named after P.M. Masherov, Belarus)

Dr hab. Elżbieta Mikiciuk, prof. UG (Uniwersytet Gdański, Polska / University of Gdańsk, Poland)

Prof. dr hab. Valery M. Mokienko / Валерий М. Мокиенко (Petersburski Uniwersytet Państwowy, Rosja / Saint Petersburg State University, Russia)

Prof. dr hab. Aleksandr V. Motorin / Александр В. Моторин (Państwowy Uniwersytet Nowogrodzki im. Jarosława Mądryego, Rosja / Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Russia)

Prof. dr hab. Zbigniew Opacki (Uniwersytet Gdański, Polska / University of Gdańsk, Poland)

Doc. dr Ludmiła V. Rychkova / Людмила В. Рычкова (Grodzieński Uniwersytet Państwowy im. Janki Kupaly, Białoruś / Yanka Kupala Grodno State University, Belarus)

Prof. dr hab. Tatyana E. Shapovalova / Татьяна Е. Шаповалова (Państwowy Regionalny Uniwersytet Moskiewski, Rosja) / Moscow State Regional University, Russia)

Prof. dr hab. Dorota Urbanek (Uniwersytet Warszawski, Polska / University of Warsaw, Poland)

Prof. dr hab. Jan Wawrzyńczyk (prof. em., Uniwersytet Warszawski, Polska / University of Warsaw, Poland)

Prof. dr hab. Georgy V. Vekshin / Георгий В. Векшин (Moskiewski Państwowy Uniwersytet Wydawniczo-Poligraficzny im. Iwana Fiodorowa, Rosja / Moscow State University of Printing Arts of Ivan Fedorov, Russia)

Prof. dr hab. Bogusław Żyłko (prof. em., Uniwersytet Gdański, Polska / University of Gdańsk, Poland)

RECENZENCI / REVIEWERS

Dr Yelena Andreichenko / Елена Андрейченко (Uniwersytet Narodowy im. Kapodistriasa w Atenach, Grecja / National and Kapodistrian University of Athens, Greece)

Prof. dr hab. Yelena A. Andrushchenko / Елена А. Андрущенко (Narodowy Uniwersytet Pedagogiczny im. H.S. Skovorody w Charkowie, Ukraina) / H.S. Skovoroda Kharkiv National Pedagogical University, Ukraine)

Prof. dr hab. Jerzy Bańcerowski (prof.em., Uniwersytet Adama Mickiewicza w Poznaniu, Polska / Adam Mickiewicz University in Poznań, Poland)

Prof. nadzw., dr hab. Halina Bartwicka (Uniwersytet Kazimierza Wielkiego w Bydgoszczy, Polska / Kazimierz Wielki University, Poland)

Prof. dr hab. Anna Bednarczyk (Uniwersytet Łódzki, Polska / University of Lodz, Poland)

Dr Rafał Beszterda (Uniwersytet Mikołaja Kopernika w Toruniu, Polska / Nicolaus Copernicus University in Toruń, Poland)

Dr hab. Halina Chodurska, prof. UP (Uniwersytet Pedagogiczny im. KEN w Krakowie, Polska / Pedagogical University in Cracow, Poland)

Dr hab. Ewa Dźwierzynska, prof. UR (Uniwersytet Rzeszowski, Polska / University of Rzeszów, Poland)

Prof. dr Mika Hallila (Uniwersytet Warszawski, Polska – Uniwersytet w Jyväskylä, Finlandia / University of Warsaw, Poland – University of Jyväskylä, Finland)

Prof. dr hab. Olga P. Kasymova / Ольга П. Касымова (Baskirski Uniwersytet Państwowy w Ufie, Baskortostan, Rosja / Bashkir State University in Ufa, Bashkortostan, Russia)

Doc. dr hab. Aleksey A. Kholikov / Алексей А. Холиков (Moskiewski Uniwersytet Państwowy im. M.W. Łomonosowa, Rosja / Lomonosov Moscow State University, Russia)

Prof. dr hab. Hanna Komorowska (SWPS Uniwersytet Humanistycznospołeczny w Warszawie, Polska / SWPS University of Social Sciences and Humanities in Warsaw, Poland)

Dr Piotr Koprowski (Uniwersytet Gdański, Polska / University of Gdańsk, Poland)

Prof. dr hab. Andrei A. Kurenyshv / Андрей А. Куреньшев (Akademia Obrony Cywilnej Ministerstwa Sytuacji Nadzwyczajnych Rosji, Chimki, Rosja / Civil Defence Academy EMERCOM of Russia, Khimki, Russia)

Prof. dr hab. Valery P. Ljubin / Валерий П. Любин (Instytut Informacji Naukowej Nauk Społecznych (INION RAN) Rosyjskiej Akademii Nauk, Moskwa, Rosja / Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow (INION RAN), Russia)

Prof. dr Ranko Matasović (Uniwersytet w Zagrzebiu, Chorwacja / University of Zagreb, Croatia)

Doc. dr Inessa I. Morozova / Инесса И. Морозова (Narodowa Akademia Nauk Białorusi, Mińsk, Białoruś / National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus)

Doc. dr Natalya G. Muzychenko / Наталья Г. Музыченко (Grodzieński Uniwersytet Państwowy im. Janki Kupaly, Białoruś / Yanka Kupala Grodno State University, Belarus)

Dr hab. Grzegorz Ojcewicz (prof. em.) (Wyższa Szkoła Policji w Szczytnie, Polska / Police Academy in Szczytno, Poland)

Doc. dr Yury M. Papian / Юрий М. Папьян (Instytut Literacki im. A.M. Gorkiego w Moskwie, Rosja / Maxim Gorky Literature Institute in Moscow, Russia)

Doc. dr hab. Natalia E. Petrova / Наталия Е. Петрова (Państwowy Uniwersytet Pedagogiczny im. Koźmy Minina w Niżnym Nowogrodzie, Rosja / Kozma Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University (Minin University, Russia)

Prof. dr hab. Georgy S. Prokhorov / Георгий С. Прохоров (Państwowy Uniwersytet Społeczno-Humanistyczny w Kołomnie, Rosja / Moscow Region State Institute of Humanities and Social Studies in Kolomna, Russia)

Doc. dr Inna Yu. Samoylova / Инна Ю. Самойлова (Grodzieński Uniwersytet Państwowy im. Janki Kupaly, Białoruś / Yanka Kupala State University of Grodno, Belarus)

Doc. dr Olga B. Strelkova / Ольга Б. Стрелкова (Udmurcki Uniwersytet Państwowy w Izewsku, Rosja / Udmurt State University, Izhevsk, Russia)

Dr hab. Tadeusz Sucharski, prof. AP (Akademia Pomorska w Słupsku, Polska / Pomeranian University in Słupsk, Poland)

Prof. dr hab. Maria Wojtyła-Świerżowska (prof. em., Uniwersytet Pedagogiczny im. KEN w Krakowie, Polska / Pedagogical University in Cracow, Poland)

SPIS TREŚCI / СОДЕРЖАНИЕ

STUDIA I ARTYKUŁY / ИССЛЕДОВАНИЯ И СТАТЬИ

JĘZYKOZNAWSTWO / ЯЗЫКОЗНАНИЕ

JĘZYKI OBSZARU ROSJI / ЯЗЫКИ НАРОДОВ РОССИИ

Robert Bielecki

- O RESTRYKCJACH LEKSYKALNYCH W UŻYCIU UDMURSKICH PRZYPADKÓW
KOŃCÓWKOWYCH 23

PRASŁOWIAŃSZCZYŻNA / ПРАСЛАВЯНСКИЙ ЯЗЫК

Marta Noińska, Mikołaj Rychło

- FROM PROTO-SLAVIC INTO GERMANIC OR FROM GERMANIC INTO PROTO-SLAVIC?
A REVIEW OF CONTROVERSIAL LOANWORDS 39

LEKSYKOLOGIA I SEMANTYKA / ЛЕКСИКОЛОГИЯ И СЕМАНТИКА

Jan Wawrzyńczyk

- O ROSYJSKOŚCI SYNTETYZMU *RÓŁTORATONÓWKA* 55

Владимир Н. Шапошников

- ГРАММАТИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ ГЛАГОЛОВ.
ВОЗВРАТНЫЕ НОВАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ 59

Piotr Siwczak

- РУССКИЕ И НОВОГРЕЧЕСКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ,
ВЫРАЖАЮЩИЕ СКОРОСТЬ ДЕЙСТВИЯ 72

LINGWOSTYLISZYKA / ЛИНГВОСТИЛИСТИКА

Алексей А. Кретов

- ЛЕКСИЧЕСКИЕ ПРИМЕТЫ РЕЛИГИОЗНОГО СТИЛЯ РУССКОГО ЯЗЫКА 83

Виктория В. Никульцева

- «СМОТРЕТЬ В ГЛАЗА ТВОИ РУСАЛЧЫ...» (ОБРАЗ О. А. ГЛЕБОВОЙ-СУДЕЙКИНОЙ
В ДОРЕВОЛЮЦИОННОМ ТВОРЧЕСТВЕ ИГОРЯ-СЕВЕРЯНИНА) 93

PRAGMALINGWISZYKA / ПРАГМАЛИНГВИСТИКА

Лариса В. Рацибурская, Елена В. Щеникова

- ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА ПРЕФИКСАЛЬНЫХ ГЛАГОЛЬНЫХ
ДЕРИВАТОВ В РУССКОЯЗЫЧНЫХ МЕДИЙНОМ И ФОРУМНОМ ДИСКУРСАХ 107

Żanna Śładkiewicz

- О СТАРОМ ПО-НОВОМУ: ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ
ОБРАЗА БАБЫ-ЯГИ В СОВРЕМЕННОМ ПУБЛИЧНОМ ДИСКУРСЕ 122

GLOTTODYDAKTYKA / ЛИНГВОДИДАКТИКА

Marian Szczodrowski

- PROCESY PRZYSWAJANIA, UCZENIA SIĘ I UŻYCIA JĘZYKA 141

Radosław Kaleta

- TYPOLOGIA ROSYJSKO-POLSKICH WŁĘDÓW JĘZYKOWYCH
DZIECKA DWUJĘZYCZNEGO 151

Dorota Dziewanowska

- ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ ВВОДНОГО АЛФАВИТНОГО КУРСА,
РЕАЛИЗУЕМОГО НА ОТДЕЛЕНИИ РУССКОЙ ФИЛОЛОГИИ 166

LITERATUROZNAWSTWO / ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

HISTORIA LITERATURY / ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

Алёна Г. Шевченко

- РАННЯЯ ЛИРИКА ЭДУАРДА БАГРИЦКОГО 1910-Х – 1920-Х ГГ.
В КОНТЕКСТЕ ЖИЗНЕТВОРЧЕСКОГО ПРОЕКТА ПОЭТА 183

RECERSCJA LITERATURY / ЛИТЕРАТУРНАЯ РЕЦЕПЦИЯ

Siarhei Padsasonny

- ВАРШАВСКАЯ ПРЕМЬЕРА *ИДИОТА* КАК ПУТЬ ОСМЫСЛЕНИЯ РОМАНА
ФЕДОРА М. ДОСТОЕВСКОГО 205

POETYKA / ПОЭТИКА

Piotr Koprowski

- ISTNIENIE OBDARZONEGO WOLNOŚCIĄ. SZKIC Z ZAKRESU ANTROPOLOGII
FIODORA DOSTOJEWSKIEGO 221

Maја Więckowska

- МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ В ЦИКЛЕ ПУТЕВЫХ ОЧЕРКОВ
ИВНА БУНИНА *ТЕНЬ ПТИЦЫ* 227

POETYKA TEORETYCZNA / ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ПОЭТИКА

Денис Чик, Ольга Чик

- «МАЛОРОССИЙСКИЙ» РАЙ И АД: «СТАРОСВЕТСКИЕ ПОМЕЩИКИ»
Н. ГОГОЛЯ КАК ПАСТОРАЛЬНАЯ АНТИУТОПИЯ 241

KRYTYKA LITERACKA / ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Инецца Морозова

- СЕМЬЯ – СОЦИУМ – ЛИТЕРАТУРА 261

KOMPARATYSTYKA LITERACKA / ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКАЯ КОМПАРАТИВИСТИКА

Сергей А. Шульц

- МОТИВЫ ТЕАТРАЛЬНОСТИ / МАСКАРАДНОСТИ В МАСКАРАДЕ ЛЕРМОНТОВА
И ДРАМАТУРГИИ ШЕКСПИРА 281

FILOLOGIA ŚLEDZCZA / СЛЕДСТВЕННАЯ ФИЛОЛОГИЯ

- Grzegorz Ojcewicz
Z FILOLOGII ŚLEDZCZEJ. PRACA AGENTURALNA STALINOWSKICH SŁUŻB SPECJALNYCH
ZA GRANICĄ NA PRZYKŁADZIE SPRAWY O ZABÓJSTWO IGNACEGO REISSA 297

TEOZOFIA / ТЕОСОФИЯ

- Piotr Klafkowski
CITIZEN OF THE UNIVERSE. KONSTANTIN TSIOLKOVSKI'S COSMIC PHILOSOPHY
AND SCIENCE FICTION 335

EISEISTYKA NAUKOWA / НАУЧНАЯ ЭССЕЙСТИКА

- Małgorzata Gdok-Klafkowska
A FEW WORDS ABOUT NICHOLAS ROERICH'S SWEDISH CONNECTIONS 363

- Piotr Klafkowski
A PERSONAL LOOK AT THREE SWEDISH POETS: CARL MICHAEL BELLMAN,
ESAIAS TEGNÉR, ERIK JOHAN STAGNELIUS 368

HISTORIA / ИСТОРИЯ
HISTORIOGRAFIA / ИСТОРИОГРАФИЯ

- Андрей В. Захаров
НАГРАЖДЕНИЯ «ЦАРЕДВОРЦЕВ» ТРАДИЦИОННЫМИ МОСКОВСКИМИ ЧИНАМИ
В ЭПОХУ ПЕТРА I 393

- Наталья Г. Терехова
ПОСТСОВЕТСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ 1917 ГОДА И НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ
КОНТЕКСТУАЛИЗАЦИИ. СЛУЧАЙ АНТОНИО ГРАМШИ 416

ANTROPOLOGIA KULTUROWA I ETNOLOGIA /
КУЛЬТУРНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ И ЭТНОЛОГИЯ

- Katarzyna Wojan
WYBRANE WIADOMOŚCI Z ETNOBOTANIKI I ETNOFARMACJI.
KARTY Z DZIEJÓW LECZNICTWA NATURALNEGO 435

BIBLIOGRAFISTYKA / БИБЛИОГРАФИСТИКА

- Katarzyna Wojan
Z DOROVKU POLSKIEJ LEKSYKOGRAFII DZIEDZINOWEJ: BOTANIKA 485

RECENZJE / РЕЦЕНЗИИ

- Grzegorz Ojcewicz
Ewa Konefał. *Przeglądoznawstwo rosyjskie. Tom I. Autoreferaty dysertacji 1937–2015*. Gdańsk:
Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2016, ss. 369 569

- Grzegorz Ojcewicz
Вячеслав Васильевич Меркулов, Сергей Иванович Трифонов.
Сергей Есенин в эклибрисе. Аннотированный каталог. Москва: Международный союз
общественных организаций книголюбов, 2016, 280 с. 576

- Grzegorz Ojcewicz
Николай Фёдорович Астафьев. *Трагедия в «Англетере»: действующие лица и исполнители*. Санкт-
Петербург: НППЛ «Родные просторы», 2016, 160 с., ил. 581

Владимир В. Кочетков

Владимир Николаевич Шапошников. *Частицы в современном русском языке.*

Развитие грамматического класса. Учебное пособие. Москва: Инфра-М, 2017, 158 с. 589

Balšaitytė Danutė

Perswazja językowa w różnych dyskursach (= Речевое воздействие в разных дискурсах).

В 2 т. Под ред. Жанны Сладкевич и Александы Климкевич, Гданьск:

Издательство Гданьского университета, 2017, 271 + 236 с. 592

KRONIKA / ХРОНИКА

NEKROLOGI I WSPOMNIENIA / НЕКРОЛОГИ И ВОСПОМИНАНИЯ

Liliana Kalita

NEKROLOG. PROFESOR DR HAB. JANINA SAŁAJCZYKOWA 601

Alicja Wołodźko-Butkiewicz

O PROFESOR DR HAB. JANINIE SAŁAJCZYKOWEJ SŁOWA PAMIĘCI 604

Katarzyna Wojan, Liliana Kalita

PROFESOR JANINY SAŁAJCZYK PRZEKŁADY LITERACKIE 609

JUBILEUSZE / ЮБИЛЕИ

Franciszek Apanowicz

JUBILEUSZ PROFESOR IRENY FIJAŁKOWSKIEJ-JANIAK 615

SPRAWOZDANIA / ОТЧЁТЫ

Zbigniew Kaźmierczyk

O Adamie Mickiewiczu w Moskwie. Międzynarodowa Konferencja Naukowa

Adam Mickiewicz. Polska – Rosja – Wschód. Ostafiewo, 28 października 2017 r. 625

Joanna Mampe, Marta Noińska

Staż dydaktyczny gdańskich rusycystek w Grodzieńskim Uniwersytecie Państwowym

im. Janki Kupały 627

WYWIADY / ИНТЕРВЬЮ

Ирина Завиша

Культурное пространство: ученые в Варшаве – об Александре Солженицыне.

Интервью с кандидатом исторических наук Петром Глушковским, заместителем директора

Института русистики Варшавского университета, и профессором Гданьского университета

Збигневом Казьмерчиком 633

O AUTORACH / ОБ АВТОРАХ 637

WYTYCZNE DLA AUTORÓW / ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ 658

CONTENTS

STUDIES AND ARTICLES

LINGUISTICS

LANGUAGES OF THE PEOPLES OF RUSSIA

- Robert Bielecki
ON LEXICAL RESTRICTIONS IN THE USE OF UDMURT DESINENTIAL CASES 23

PROTO-SLAVIC

- Marta Noińska, Mikołaj Rychło
FROM PROTO-SLAVIC INTO GERMANIC OR FROM GERMANIC INTO PROTO-SLAVIC?
A REVIEW OF CONTROVERSIAL LOANWORDS 39

LEXICOLOGY AND SEMANTICS

- Jan Wawrzyńczyk
ABOUT THE RUSSIAN CONNOTATIONS OF THE SYNTHETISM *PÓŁTORATONÓWKA* 55

- Vladimir N. Shaposhnikov
GRAMMAR-SEMANTIC TYPOLOGY OF VERBS. INNOVATIONS
OF REFLEXIVES IN CONTEMPORARY RUSSIAN 59

- Piotr Siwczak
CONCEPT OF SPEED IN RUSSIAN AND MODERN GREEK PHRASEOLOGY 72

LINGUOSTYLISTICS

- Aleksei A. Kretov
LEXICAL FEATURES OF THE RELIGIOUS STYLE OF THE RUSSIAN LANGUAGE..... 83

- Viktoria V. Nikultseva
“SMOTRET’ V GLAZA TVOI RUSALCH’L...” (O. A. GLEBOVA-SUDEYKINA’S IMAGE
IN IGOR-SEVERYANIN’S PRE-REVOLUTION POEMS) 93

PRAGMALINGUISTICS

- Larisa V. Ratsiburskaya, Yelena V. Shchenikova
LINGUO-PRAGMATIC FEATURES OF PREFIXAL DERIVATIVES OF VERBS
IN RUSSIAN-LANGUAGE MEDIA AND INTERNET-FORUM DISCOURSE 107

Żanna Śładkiewicz

- A NEW TAKE ON AN OLD CONCEPT: FUNCTIONAL USE OF THE IMAGE OF BABA YAGA
IN CONTEMPORARY PUBLIC DISCOURSE 122

LANGUAGE EDUCATION

Marian Szczodrowski

- PROCESSES OF ACQUISITION, LEARNING, AND USING LANGUAGE 141

Radosław Kaleta

- TYPOLOGY OF RUSSIAN-POLISH LANGUAGE ERRORS OF A BILINGUAL CHILD 151

Dorota Dziewanowska

- MAIN PRINCIPLES OF THE INTRODUCTORY ALPHABETIC COURSE
IN THE FIRST YEAR OF RUSSIAN PHILOLOGY STUDIES 166

LITERARY STUDIES

HISTORY OF LITERATURE

Alyona G. Shevchenko

- EDUARD BAGRITSKY'S EARLY LYRICS OF 1910-S – 1920-S IN THE CONTEXT
OF THE POET'S PROJECT OF LIFE-CREATION (*ZHIZNETVORCHESTVO*) 183

LITERARY RECEPTION

Siarhei Padsasonny

- WARSAW PREMIERE OF *THE IDIOT* AS A WAY TO COMPREHEND
F. M. DOSTOEVSKY'S NOVEL 205

POETICS

Piotr Koprowski

- BEING GIVEN THE FREEDOM. ON FYODOR DOSTOEVSKY'S ANTHROPOLOGY 221

Maja Więckowska

- FROM OBSERVATIONS ON THE MYTHOLOGICAL IMAGES IN TRAVEL ESSAYS
BIRD'S SHADOW BY IVAN BUNIN – BETWEEN A LEGEND AND A TALE 227

THEORY OF POETICS

Denys Chyk, Olga Chyk

- “LITTLE RUSSIAN” PARADISE AND HELL: NIKOLAI GOGOË'S
THE OLD-WORLD LANDOWNERS AS A PASTORAL DYSTOPIA 241

LITERARY CRITICISM

Inessa I. Morozova

- FAMILY – SOCIETY – LITERATURE 261

COMPARATIVE LITERARY STUDIES

Sergei A. Shults

- THE MOTIVES OF THEATER / MASQUERADE IN LERMONTOV'S *MASQUERADE*
AND IN SHAKESPEARE'S DRAMATURGY 281

INVESTIGATIVE PHILOLOGY

- Grzegorz Ojcewicz
FROM INVESTIGATIVE PHILOLOGY. AGENCY ACTIVITY OF STALIN'S
INTELLIGENCE SERVICE AS ILLUSTRATED BY THE IGNACE REISS' ASSASSINATION CASE ...297

THEOSOPHY

- Piotr Klafkowski
CITIZEN OF THE UNIVERSE. KONSTANTIN TSIOLKOVSKI'S COSMIC PHILOSOPHY
AND SCIENCE FICTION 335

SCHOLARLY ESSAYS

- Małgorzata Gdok-Klafkowska
A FEW WORDS ABOUT NICHOLAS ROERICH'S SWEDISH CONNECTIONS 363
- Piotr Klafkowski
A PERSONAL LOOK AT THREE SWEDISH POETS: CARL MICHAEL BELLMAN,
ESAIAS TEGNÉR, ERIK JOHAN STAGNELIUS 368

HISTORY

HISTORIOGRAPHY

- Andrei V. Zakharov
TRADITIONAL MUSCOVITE RANKS FOR THE «COURTIERS» IN THE PETRINE EPOCH 393
- Natalia G. Terekhova
POST-SOVIET HISTORIOGRAPHY OF 1917 AND CERTAIN PROBLEMS
OF CONTEXTUALIZATION. ANTONIO GRAMSCI'S CASE 416

CULTURAL ANTHROPOLOGY AND ETHNOLOGY

- Katarzyna Wojan
SELECTED ISSUES FROM ETHNOBOTANY AND ETHNO-PHARMACY.
PAGES FROM THE HISTORY OF NATURAL MEDICINE 435

BIBLIOGRAPHIES

- Katarzyna Wojan
ON THE ACHIEVEMENTS OF POLISH SPECIALISED LEXICOGRAPHY: BOTANY 485

REVIEWS

- Grzegorz Ojcewicz
Ewa Konefał. *Przekładoznawstwo rosyjskie. Tom I. Autoreferaty dysertacji 1937–2015.*
Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2016, pp. 369 569
- Grzegorz Ojcewicz
Вячеслав Васильевич Меркулов, Сергей Иванович Трифионов.
Сергей Есенин в эклибрисе. Аннотированный каталог. Москва:
Международный союз общественных организаций книголюбов, 2016, pp. 280 576
- Grzegorz Ojcewicz
Николай Фёдорович Астафьев. *Трагедия в «Англетере»: действующие лица и исполнители.*
Санкт-Петербург: НППЛ «Родные просторы», 2016, pp. 160 581

Vladimir V. Kochetkov

Владимир Николаевич Шапошников. *Частицы в современном русском языке.*

Развитие грамматического класса. Учебное пособие. Москва: Инфра-М, 2017, pp. 158 589

Balšaitytė Danutė

Perswazja językowa w różnych dyskursach (= Речевое воздействие в разных дискурсах).

Vol. 1–2. Ed. by Żanna Sładkiewicz and Aleksandra Klimkiewicz.

Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2017, pp. 271 + 236 592

CHRONICLE

OBITUARIES AND REMINISCENCES

Liliana Kalita

OBITUARY. PROFESSOR DR HAB. JANINA SAŁAJCZYKOWA 601

Alicja Wołodźko-Butkiewicz

REMINISCENCES ABOUT PROFESSOR JANINA SAŁAJCZYK 604

Katarzyna Wojan, Liliana Kalita

PROFESSOR JANINA SAŁAJCZYK'S LITERARY TRANSLATIONS 609

ANNIVERSARY CELEBRATIONS

Franciszek Apanowicz

JUBILEE OF PROFESSOR IRENA FIJAŁKOWSKA-JANIAK 615

REPORTS

Zbigniew Kaźmierczyk

About Adam Mickiewicz in Moscow. International Scientific Conference

Adam Mickiewicz Poland – Russia – East. Ostafyevo, October 28, 2017 625

Joanna Mampe, Marta Noińska

Teacher training at Yanka Kupala State University of Grodno 627

INTERVIEWS

Irina Zawisza

Cultural space: researchers in Warsaw about Alexandr Solzhenitsyn.

Interview with Doctor Piotr Głuszkowski, deputy director of the Institute of Russian Studies

at the University of Warsaw, and associate professor at Gdańsk University Zbigniew Kaźmierczyk 633

ABOUT THE AUTHORS 637

GUIDELINES FOR AUTHORS 658

STUDIA I ARTYKUŁY
ИССЛЕДОВАНИЯ И СТАТЬИ
STUDIES AND ARTICLES

JEZYKOZNAWSTWO
ЯЗЫКОЗНАНИЕ
LINGUISTICS

JĘZYKI OBSZARU ROSJI
ЯЗЫКИ НАРОДОВ РОССИИ
LANGUAGES OF THE PEOPLES
OF RUSSIA

O RESTRYKCJACH LEKSYKALNYCH W UŻYCIU UDMURCKICH PRZYPADKÓW KOŃCÓWKOWYCH*

ROBERT BIELECKI

Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu
Wydział Neofilologii
Instytut Językoznawstwa
al. Niepodległości 4, 61–874 Poznań, Polska
e-mail: robertbi@amu.edu.pl
(nadesłano 28.09.2017; zaakceptowano 8.10.2017)

Abstract

On lexical restrictions in the use of Udmurt desinential cases

Case is traditionally viewed as a grammatical category. Grammar is associated with regularity, and in this sense, it is very often opposed to the lexis. Nevertheless, in every language, even the most regular lingual mechanism is subject to some lexical restrictions. In this paper, an attempt is made to describe the principal mechanisms of the functioning of this phenomenon in the Udmurt desinential case system. As it turns out, in spite of the fact that the nominative is the case of such an indispensable syntactic category for a sentence as the subject, its diathetic meaning is at the end of the day determined by the lexical meaning of the verb. The syntagmatic appearance of the accusative, the other so-called grammatical case in the Udmurt language, is also restricted by the same factor. In turn, the signification of the genitive in its strictly adnominal function seems to be determined by the lexis of both components of the adnominal syntagm. In the use of the other Udmurt cases, globally speaking, even greater irregularity can be observed. Their use is determined either by the verbal or by the substantival lexical context. In some cases both factors co-occur.

* Dziękuję rodzimym użytkownikom języka udmurckiego, pani doc. dr Oldze Strelkovej, pani Oldze Urasinovej i pani Ladzie Perevoščikovej za konsultacje językowe odnośnie do sformułowanych przeze mnie egzemplifikacji.

Key words

Udmurt, case, grammar, lexis, restrictions.

Abstrakt

Przypadek jest pojmowany zazwyczaj jako kategoria gramatyczna. Gramatyka jest kojarzona z regularnością i w tym sensie jest nader często przeciwstawiana leksyce. Jednak nawet najbardziej regularny mechanizm językowy podlega w każdym języku jakimś restrykcjom o charakterze leksykalnym. Niniejszy artykuł stanowi próbę opisu głównych mechanizmów funkcjonowania tego zjawiska w końcówkowym systemie przypadkowym języka udmurckiego. Jak się okazuje, pomimo iż nominativus jest przypadkiem takiej niezbywalnej dla zdania kategorii syntaktycznej, jaką jest podmiot, to jego znaczenie diatetyczne jest w ostatecznym rozrachunku determinowane przez znaczenie leksykalne czasownika. Syntagmatyczne manifestowanie się accusativu, kolejnego tzw. przypadku gramatycznego w języku udmurckim, także jest ograniczane przez ten sam czynnik. Sygnifikacja genetivu w jego funkcji *stricte* adnominalnej wydaje się zdeterminowana z kolei przez znaczenie leksykalne obu komponentów syntagmy adnominalnej. W użyciu pozostałych przypadków udmurckich można dostrzec globalnie jeszcze mniej regularności. Ich użycie zdeterminowane jest albo przez leksykalny kontekst czasownikowy, albo przez rzeczownikowy. W pewnych okolicznościach współwystępują oba czynniki.

Słowa kluczowe

Udmurcki, przypadek, gramatyka, leksyka, restrykcje.

Uwagi wstępne

W literaturze przedmiotu **przypadek** rozumiany jest jako kategoria morfologiczna (morfosyntaktyczna) kodująca relacje między obiektami. Jako że każde zdanie w każdym języku odnosi się do jakichś obiektów i relacji między nimi, przypadek jest kategorią wszechobecną. Sposób kodowania relacji przypadkowych na płaszczyźnie wyrażania jest w zasadzie obojętny. Zawsze jednak **jakiś jest** i poszczególne przypadki dyskretnie (tj. skokowo) się od siebie pod tym względem różnią. Trudno bowiem wyobrazić sobie jakąś zupełną amorficzność w tak istotnej z punktu widzenia komunikacji językowej sprawie.

Należący do rodziny języków ugrofińskich język udmurcki, używany przez ok. 463 000 ludzi głównie na terytorium Republiki Udmurckiej w Rosji¹, oparł – jeżeli można tak powiedzieć – sygnifikację znaczeń przypadkowych przede wszystkim na mechanizmie **końcówkowym**. W porównaniu z mechanizmami alternatywnymi szczególność mechanizmu końcówkowego polega **jedynie** na tym, że **ułatwia** on znacząco iden-

¹ В.Е. Владыкин, Л.С. Христолюбова. *Удмуртӥс*. Ижевск: Удмуртия, 2008, s. 24.

tyfikację form przypadkowych jako **segmentalnie kontynualnych**. Kończącości jednak nie można w żadnym wypadku uznawać jako warunek *sine qua non* deskryptywnej relewantności przypadku jako takiego.

Przypadek jest kojarzony z kategorią gramatyczną, tj. zbiorem wyrazów, które się charakteryzują jakimiś powtarzalnymi, regularnymi eksponentami odpowiednich znaczeń i funkcji składniowych. W miejscu tym nieustannie narzuca się pytanie o, nieco kolokwialnie wręcz pobrzmiwającą, **liczbę przypadków** w danym języku. Od różnienie tzw. podejścia **onomazjologicznego**, tj. „od formy do znaczenia” – punkt widzenia odbiorcy komunikatu, od **semazjologicznego**, tj. „od znaczenia do formy” – punkt widzenia nadawcy komunikatu², stanowi jedynie pozorny trop prowadzący do rozwikłania tej aporii metodologicznej. Oba podejścia są bowiem komplementarne, tj. dopełniają się nawzajem. Nie sposób wyróżnić jakichkolwiek form językowych nie znając przypisanych do nich znaczeń, tak samo jako nie sposób uzmysłwić sobie jakichkolwiek znaczeń, by dopiero potem poszukiwać dla nich ewentualnych formalnych realizacji. Nasz intelekt pozwala nam oczywiście na traktowanie aspektu formalnego i semantycznego zjawisk językowych w odosobnieniu, o czym świadczą nieprzebrane opracowania, które to centralne rozróżnienie honorują. Nie oznacza to jednak, byśmy byli w stanie wskazać epistemiczną pierwotność któregokolwiek z nich. Wobec powyższego panujący w tej kwestii uzus metodologiczny jest taki: badacz w mniej lub bardziej zawaolowany sposób oświadcza, iż z jego punktu widzenia – za który ponosi odpowiedzialność – relewantne dla przypadku formalno-semantyczne regularności języka można w najbardziej adekwatny sposób uchwycić za pomocą takiej a takiej ilości odpowiednich klas wyrazowych zwanych przypadkami.

We współczesnym literackim języku udmurckim wyróżnia się piętnaście³ przypadków końcówkowych⁴:

² Por. O. Jespersen. *The Philosophy of Grammar*. New York: The Norton Library, 1965, s. 17; A. Bogusławski, E. Drzazgowska. *Język w refleksji teoretycznej. Przekroje historyczne*. Warszawa: Katedra Lingwistyki Formalnej Uniwersytetu Warszawskiego, 2016, s. 246–247.

³ F. Wiedemann. *Grammatik der wotjakischen Sprache nebst einem kleinen wotjakisch-deutschen und deutsch-wotjakischen Wörterbuche*. Tallin: Kluge & Ströhm, 1851, s. 17–44; R. Bartens. *Permiläisten kielten rakenne ja kehitys*. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 2000, s. 77–79; Л. Карпова. Особенности функционирования падежей в северных диалектах удмуртского языка. „Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева” 2011, nr 3, s. 231–233; Н. Кондратьева. Категория падежа имени существительного в удмуртском языке. Ижевск: Удмуртский университет, 2011, s. 16–23.

⁴ Podobną funkcję spełniają w języku udmurckim bardzo licznie występujące apozycje, a dokładniej postpozycje, które wykazują różny stopień integralności z rdzeniem leksykalnym, do którego się odnoszą. Począwszy od:

(i) całkowitej linearnej rozdzielalności wzmacnianej dodatkowo faktem występowania w leksykonie języka udmurckiego ich pełnoleksykalnych ekwiwalentów, np. *Книга ёсок вылын* ‘Książka jest na stole’ (por. *выл* ‘powierzchnia’), poprzez:

(ii) apozycje nieposiadające takich leksykalnych ekwiwalentów, np. *Москваысь Ижкарэ поездын одйё нунал ёжжэ вуыны луэ* ‘Z Moskwy do Iżewska można dojechać pociągiem w jeden dzień, których formy nie mogą występować bez rzeczownika, do którego się odnoszą (por. zdanie z *вылын* z poprzedniego punktu z: *Кыллюкам ёсок улын, нош книга вылын* ‘Słownik jest pod stołem, a książka na wierzchu’), aż po:

	termin polski	termin udmurcki	końcówki ⁵
(i)	nominativus	<i>ниман вошъет</i>	-Ø
(ii)	genetivus	<i>возъматон вошъет</i>	-лэн
(iii)	dativus	<i>сѣтон вошъет</i>	-лы
(iv)	accusativus	<i>адъзон вошъет</i>	-Ø, -эз, -ез, -э, -е, -ыз, -ты ⁶
(v)	ablativus	<i>люкон вошъет</i>	-лэсь
(vi)	instrumentalis	<i>лэсьтон вошъет</i>	-эн, -ен, -ын
(vii)	illativus	<i>пырон вошъет</i>	-э, -е, -ы, -ла, -Ø
(viii)	inessivus	<i>интыян вошъет</i>	-ын, -лан, -н
(ix)	elativus	<i>потон вошъет</i>	-ысь, -лась, -сь
(x)	approximativus	<i>лыктон вошъет</i>	-лань
(xi)	terminativus	<i>вуон вошъет</i>	-озь
(xii)	prolativus	<i>ортчон вошъет</i>	-эти, -ети, -ти, -ыти
(xiii)	egressivus	<i>кошкон вошъет</i>	-ысен, -ласен, -сен
(xiv)	abessivus	<i>кельтон вошъет</i>	-тэк
(xv)	adverbialis	<i>тупан вошъет</i>	-я

Prezentacja inwentarza przypadków wraz z przysługującymi im sygnifikatorami (morfologicznymi wykładnikami) to zaledwie jeden z pierwszych kroków prowadzących do skonstruowania gramatyki przypadku badanego języka. **Gramatyka** to zazwyczaj dziedzina językoznawstwa zajmująca się zjawiskami językowymi cechującymi się stosunkowo wysoką regularnością. W tym sensie gramatyka przeciwstawiana jest **leksyce** zajmującej się zjawiskami odosobnionymi, idiosynkratycznymi. Badania empiryczne poszczególnych języków naturalnych wydają się jednak niezmiernie potwierdzać fakt, iż nawet najbardziej regularny mechanizm języka nigdy nie jest zregulary-

(iii) apozycje zatracające w pewnych rejestrach języka taką oddzielalność, wykazujące pewien stopień erozji fonetycznej, np. dialektalne, północnoudmurckie *мон дӱням* > *монням* 'u mnie', por. *дӱнь* 'rzeń, pień; podstawa; dom' (por. K. Rédei. *Die Postpositionen im Syrjänischen unter Berücksichtigung des Wotjakischen*. Budapeszt: Akadémiai Kiadó, 1962.).

⁵ Jak przystało na język aglutynacyjny, końcówki udmurckich przypadków wykazują zarówno stosunkowo niski stopień kumulacji różnych funkcji gramatycznych, jak i stosunkowo niski stopień allomorfizmu. Zjawiska te są szczególnie jaskrawe w przypadku tzw. deklinacji absolutnej (*огишоры вошъян*) prezentowanej w tabeli, w ramach której formy imienne nie przyjmują sufiksalnych wykładników osoby.

⁶ W niniejszym artykule wszystkie wymienione końcówki traktowane są jako końcówki accusativu pomimo następujących przypadków homonimii: (i) *nu/Ø* – zarówno nominativus nieokreślony ('jakiś chłopiec'), jak i accusativus nieokreślony ('jakiegoś chłopca'), (ii) *nu/ez* – zarówno nominativus określony ('ten chłopiec'), jak i accusativus określony ('tego chłopca'), (iii) *nu/ez* – zarówno określony nominativus nieokreślony pod względem osoby ('ten chłopiec'), jak i określony nominativus określony pod względem osoby ('(ten) jego chłopiec'), (iv) *мурт/э* – zarówno illativus nieokreślony ('w człowieka'), jak i accusativus określony ('tego człowieka') (por. M.A. Castrén. *Elementa Grammatices Syrjaenae*. Helsinki: Officina typographica heredum Simelii, 1844, s. 18; Б. Серебренников. *Историческая морфология пермских языков*. Москва: Издательство Академии Наук СССР, 1964, s. 11–12; S. Csúcs. *A votják tárgyról*. „Nyelvtudományi Közlemények” 2003, nr 100, s. 126–136.).

zowany całkowicie. Na każdy mechanizm gramatyczny nakładane są jakieś **restrykcje leksykalne**.

Celem niniejszego artykułu jest naświetlenie głównych mechanizmów funkcjonowania tego zjawiska w ramach końcówkowego systemu przypadkowego języka udmurckiego.

Nominativus

Już w starożytnej Grecji, a więc w kolebce językoznawstwa okcydentalnego, zdawało sobie sprawę z wyjątkowości składniowego charakteru nominativu. Wyrazem tego przekonania jest klasyczny podział przypadków na:

- (i) *πτῶσις ὀρθή* ‘przypadek prosty / niezależny’ oraz
- (ii) *πτῶσεις πλάγαι* ‘przypadki pochyłe / zależne’.

Miano przypadku niezależnego przypisano nominativowi jako przypadkowi **podmiotu** (*determinatum absolutum* wysaturowanego logu determinacyjnego⁷). Przypadki zależne to pozostałe przypadki oprócz vocativu, który nie wstępuje w związki składniowe z żadnym wyrazem w zdaniu.

Najpełniejszym przejawem komunikatu językowego jest **zdanie**. Jeżeli zdanie nie przyjmuje formy defektywnej ze względu na przeładowanie redundancyjne, to składa się ono w swej **fundamentalnej postaci** z dwóch członów:

- (i) **podmiotu** w formie rzeczownika oraz
- (ii) **orzeczenia** w formie czasownika determinującego podmiot.

Podmiot i orzeczenie to zatem dwie niezbywalne części zdania. Inaczej zdania po prostu niepodobna sobie wyobrazić. Zdanie orzeka bowiem **coś o czymś**. Zdania języka polskiego typu *Pada* są bezpodmiotowe tylko z pozoru. Są one bowiem **defektywnymi manifestacjami** zdań pełnych typu *Deszcz pada*⁸.

Przypadek określany terminem *ниман воиъет* ‘nominativus’, jest przypadkiem podmiotu w języku udmurckim, np.:

- (1) *Студент/Ø* *нык/е.*
student-NOM *siedzieć-PRAES III SG*
 [STATIVUS]
 ‘Student siedzi.’
- (2) *Студент/Ø* *мыш/ез* *кым/ü/з.*
student-NOM *mysz-ACC* *złapać-I PRAET-III SG*
 [AGENS] [PATIENS]
 ‘Student złapał mysz.’

⁷ J. Bańczerowski. *Systems of Semantics and Syntax. A Determinational Theory of Language*. Warszawa–Poznań: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1980, s. 65–85.

⁸ L. Zabrocki. *U podstaw struktury i rozwoju języka*. Warszawa–Poznań: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1980, s. 136.

- (3) *Студент/Ø* *нюлэс/түү* *ветл/э.*
student-NOM *las-PROLAT* *chodzić-PRAES III SG*
 [LOCATOR] [LOCUS]
 ‘Student chodzi po lesie.’
- (4) *Студент/Ø* *профессор/лы* *юртт/э.*
student-NOM *profesor-DAT* *pomagać-PRAES III SG*
 [BENEFACTOR] [BENEFICIENT]
 ‘Student pomaga profesorowi.’

W świetle tego, co powiedziano do tej pory, na pierwszy rzut oka wydawać by się mogło, że nie ma nic bardziej regularnego (gramatycznego) w języku udmurckim od występowania nominativu jako przypadku podmiotu, tj. kategorii syntaktycznej obecnej w każdej niedefektywnej manifestacji zdania. Okazuje się jednak, że z semantycznego punktu widzenia mamy do czynienia z wieloma odmiankami tego samego przypadku. Jak wskazują na to już glosy, nominativus w zdaniu (1) koduje stativus, czyli aktanta czasownika nieprzechodniego, byt odnoszący się do pewnego stanu. W zdaniu (2) nominativus koduje agensa, czyli aktywnego uczestnika zdarzenia. W zdaniu (3) – locatora, czyli byt gdzieś się znajdujący, a w zdaniu (4) – benefactora, czyli kogoś w rodzaju dobroczyńcy, dawcy. O tym, które znaczenie relewantne dla kategorii diatezy – stativu, agensa, locatora, benefactora itd. – przenosi nominativus, dowiadujemy się dopiero, gdy **ujawniony zostanie czasownik** (tj. najczęściej dokładnie jego rdzeń leksykalny). W tym świetle nominativus w języku udmurckim jawi się jedynie jako **leksykalne uzupełnienie** członu podrzędnego, czyli czasownika, determinującego znaczenie diatetyczne przypadku. Innymi słowy, jeżeli ktoś mówi *нуке* ‘siedzi’, to implikuje stativus, kogoś lub coś, co siedzi (np. *студент* ‘student’, *пуну* ‘pies’, *күрег* ‘kura’ itd.). Wyraz *студент* w zdaniu (1) *Студент нуке* nie wnosi nic ponad to, że siedzi student, a nie pies czy kura.

Jak widać, nominativus w języku udmurckim jako przypadek *determinatum absolutum* wie dzie w porównaniu z pozostałymi przypadkami prym w **nieokreśloności swego statusu diatetycznego**. Przy przechodzeniu do następnych przypadków nieokreśloność ta **dyskretnie spada**. Wobec tego siłą rzeczy analogicznie jest z **rozmiarem sygnifikatora** odpowiednich znaczeń przypadkowych. Przy przechodzeniu od nominativu do następnych przypadków rozmiar sygnifikatora także dyskretnie zmniejsza się dochodząc do takich rozmiarów, aż pokrywa się on właściwie z formą przypadkową rzeczownika. Wypowiadając słowo *нюлэстүү* ‘po lesie’ należące do prolativu nie potrzebujemy żadnego kontekstualnego wsparcia, by jednoznacznie zidentyfikować przenieszone przezeń diatetyczne znaczenie *loci* ‘miejsca’. Wyraz *студент* ‘student’ nabiera znaczenia locatora idącego w parze z *locō* dopiero w połączeniu z takim czasownikiem jak na przykład *ветлэ* ‘chodzi’.

Mamy tutaj do czynienia najwyraźniej z pewnym głębszym mechanizmem **ekonomizacji środków wyrazu**. Język przejawia się w zdaniach. Nawet jeżeli wymawiamy tylko jedno słowo, np. *калуза*, to słowo to domyślnie wbudowane jest w całe zdanie, np. *Уважай, туз przed tobą jest калуза*. Dlatego nie ma potrzeby sygnalizowania znaczeń przy każdym odnośnym wyrazie, który jest nieco paradoksalnie bardziej abstrak-

cyjny od zdania⁹. Obok takich wieloznacznych diatetycznie kategorii przypadkowych jak *nominativus* mamy w języku udmurckim kategorie przypadkowe diatetycznie mniej wieloznaczne (a właściwie wręcz jednoznaczne), na przykład *accusativus* (por. zdanie (2)). Jest to mechanizm blokujący wieloznaczność na planie syntagmatycznym. Ze zdania typu:

- (5) *Студент/Ø* *профессор/ез* *адӓ/е.*
student-NOM *profesor-ACC* *widzieć-PRAES III SG*
 [AGENS] [PATIENS]
 ‘Student widzi profesora.’

wynika, że to profesor jest widziany przez studenta, a nie na odwrót. Leksyka jest wprzężona jedynie w ujednoznacznianie roli semantycznej *nominativu*. Przeciwwstawienie syntagmatyczne *nominativu* (*agensa*) *accusativowi* (*patiensowi*) i jednocześnie sygnifikowanie tego ostatniego jest osiągane za pomocą środków gramatycznych (por. końcówkę *accusativu -ез* vs. końcówkę *nominativu -Ø*).

Accusativus

Zawrotną karierę w językoznawstwie zrobiła także klasyfikacja przypadków na:

- (i) przypadki gramatyczne / logiczne i
- (ii) przypadki konkretne / semantyczne.

Spośród przypadków znanych w językach indoeuropejskich, miano przypadku gramatycznego przypisywano zazwyczaj *nominativowi*, *genetivowi* i *accusativowi*. Z kolei jako przypadki semantyczne określano takie przypadki jak *dativus*, *locativus*, *ablativus* i *instrumentalis*.

Hjelmslev i Jakobson rozpatrując przypadki jedynie z **semantycznego** punktu widzenia stoją na stanowisku, iż podział przypadków na gramatyczne i konkretne jest bezprzedmiotowy, ponieważ przypadki uznawane tradycyjnie za gramatyczne mogą występować w funkcji przypisywanej przypadkom konkretnym (tj. jako niezwiązane dopełnienia czasownika), jak i na odwrót; przypadki uznawane tradycyjnie za konkretne mogą występować w funkcji przypisywanej przypadkom gramatycznym (tj. jako związane dopełnienia czasownika)¹⁰. Koryfeusz polskiej myśli lingwistycznej Jerzy Kuryłowicz w artykule *Zagadnienie klasyfikacji przypadków* twierdzi, iż klasyfikacja taka jednak ma rację bytu przy założeniu, że da się rozróżnić w odniesieniu do każdej formy przypadkowej jej funkcję **prymarną** i **sekundarną**¹¹.

Końcówka łacińskiego *accusativu -em* w *hostem occidere* ‘zabić wroga’ funkcjonuje według Kuryłowicza jedynie w charakterze **syntaktycznego subordynatora** rzeczow-

⁹ Por. G. Frege. *Pisma semantyczne*. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1977, s. 72–73.

¹⁰ L. Hjelmslev. *La catégorie des cas*. „Acta Jutlandica” 1937, nr IX 2, s. 1–184; R. Jakobson. *Selected Writings II. World and Language*. The Hague–Paris: Mouton, 1971, s. 23–71.

¹¹ J. Kuryłowicz. *Studia językoznawcze. Wybór prac opublikowanych w języku polskim*. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1987, s. 181–184.

nika w stosunku do czasownika tranzytywnego, nie wnosząc do zwrotu **żadnego własnego wkładu semantycznego**. Natomiast końcówka łacińskiego ablatiwu *-o* w *gladio hostem occidere* ‘zabić wroga mieczem’, niebędącego rządzonym przez czasownik *occidere* ‘zabić’, poza oczywistym sygnalizowaniem syntaktycznej subordynacji rzeczownika w stosunku do czasownika, ze względu na swój charakter adverbialny ma swoją własną zawartość semantyczną (sygnifikuje instrument). W polskim zwrocie *Chorował dwa tygodnie* czy łacińskim *civitate potiri* ‘rządzić państwem’ mamy do czynienia z sytuacją odwrotną: *accusativus dwa tygodnie* użyty został konkretnie (okolicznik czasu), natomiast *ablativus civitate* – gramatycznie jako przypadek rządzony przez czasownik *potiri*¹².

Przypadki gramatyczne (np. indoeuropejski *accusativus*) mają swoją funkcję czysto syntaktyczną w sensie kuryłowiczowskim jako prymarną, natomiast funkcję semantyczną (czy też syntaktyczno-semantyczną) jako sekundarną. Z kolei przypadki konkretne (np. *ablativus*) mają swoją funkcję semantyczną jako prymarną, natomiast funkcję czysto syntaktyczną jako sekundarną. Użycia sekundarne mają to do siebie, że podlegają (o wiele ściślej) kontekstualnym restrykcjom syntaktyczno-semantycznym. Na przykład semantyczna funkcja polskiego *accusativus dwa tygodnie* w *Chorował dwa tygodnie* jest rezultatem współdziałania następujących czynników: 1) aspektu niedokonanego czasownika, 2) nieprzechodniości czasownika i 3) oznaczania przez rzeczownik okresu czasu (*tydzień*).

Udmurcki *accusativus*, jak przystało na przypadek w sensie kuryłowiczowskim wybitnie gramatyczny, w swej funkcji prymarnej stanowi dopełnienie bliższe czasowników przechodnich, np.:

(6) Мон/Ø тон/э яратii/сько/Ø.
ja-NOM ty-ACC kochać-PRAES-I SG
 ‘Ja kocham cię.’

(7) Мон/Ø та адыми/ез кемалась тодii/сько/Ø.
ja-NOM ten człowiek-ACC od dawna znać-PRAES-I SG
 ‘Ja znam tego człowieka od dawna.’

(8) Валь/эс/Ø та турын/эз мыло-кыдо си/э.
koń-PL-NOM to siano-ACC chętnie jeść-PRAES III PL
 ‘Konie chętnie jedzą to siano.’

(9) Кузё/Ø та бусы/ез гыр/ем/Ø уни.
gospodarz-NOM to pole-ACC orać-II PRAET-III SG już
 ‘Gospodarz to pole już (ponoć) zorał.’

¹² Por. udmurckie pojęcia: *кужмо кивалтон* ‘żąd mocny’ vs. *ляб кивалтон* ‘żąd słaby’ (Д. Ефремов. *Удмурт кылысь каронкылэн управленийез сярэсь*. „Вестник Удмуртского университета. История и филология” 2009, nr 1, s. 43–54.).

- (10) *Кулак/Ø вал/эз лумбыт ужа/т/э.*
kułak-NOM koń-ACC cały dzień pracować-CAUS-PRAES III SG
 ‘Kułak każe pracować koniowi cały dzień.’

Omawiane użycie accusativu w języku udmurckim charakteryzuje się wysokim stopniem regularności. We wszystkich imiennych kategoriach homoleksji tego języka, inaczej paradygmatach deklinacyjnych, odnajdujemy bowiem słowoformy określane mianem accusativu: *тон/э* ‘cię’, *адями/ез* ‘człowieka’, *турын/эз* ‘trawę, siano’, *бусы/ез* ‘pole’, *вал/эз* ‘konia’ itd., które niezależnie od swojego znaczenia leksykalnego mogą potencjalnie spełniać tę samą funkcję. Z **czasownikowego** punktu widzenia jednak manifestowanie się udmurckiego accusativu jest dalekie od tak wysokiego stopnia regularności. Czasowniki przechodnie – oprócz nielicznych wyjątków (por. kauzatyfikator *-т(ы)-* w *ужа/ты/ны* ‘kazać pracować, zmuszać do pracy’ vs. *ужа/ны* ‘pracować’) – nie charakteryzują się w języku udmurckim **żadnym specyficznym afiksem tranzytyfikującym**. By odzwierciedlić rzeczony syntagmatyczne funkcjonowanie udmurckiego accusativu w połączeniu z czasownikiem rządzącym, w ostatecznym rozrachunku nie pozostaje właściwie nic innego jak **enumeracja** czasowników łączących się z tym przypadkiem, np. *яратыны* ‘kochać’, *тодыны* ‘wiedzieć, znać’, *сыыны* ‘jeść’, *гырыны* ‘orać’ itd.

Genetivus

W omawianym ujęciu Kuryłowicza indoeuropejski genetivus traktowany jest jako przypadek gramatyczny w funkcji genetivu subiectivu i genetivu obiectivu. Pozostałe użycia genetivu Kuryłowicz określa jako sekundarne.

Charakterystyczną cechą języka udmurckiego (lub szerzej – języków permskich¹³) jest brak genetywizacji dopełnienia bliższego w procesie substancywizacji czasownika. Wyraz sygnifikujący patiens w tego typu frazach zachowuje, jeżeli można tak ująć, końcówkę accusativu. Język udmurcki zatem **dysponuje jedynie genetivem subiectivem**. Porównajmy:

- (11) *Со/Ø студентъ/эс/ты дышет/э.*
он-NOM student-PL-ACC nauczać-PRAES III SG
 ‘On naucza studentów.’
- (12) *со/лэн дышет/он/эз/Ø*
он-GEN nauczać-SUBST-III SG-NOM
 ‘jego nauczanie’
- (13) *студентъ/эс/ты дышет/он/Ø*
student-PL-ACC nauczać-SUBST-NOM
 ‘nauczanie studentów’

¹³ G. Stipa. *Funktionen der Nominalformen des Verbs in den permischen Sprachen*. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1960, s. 70–71.

Sygnifikacji diatetycznej udmurckiego genitivu subiectivu dotyczyłyby naturalnie te same ograniczenia leksykalne jak w przypadku nominativu (por. rozdział 2).

Jeżeli chodzi o użycia *stricte* adnominalne, to udmurcki genitivus charakteryzuje się zachowaniami podobnymi do genitivu indoeuropejskiego, tj. szczególnie w porównaniu z pozostałymi przypadkami polisemią. W gramatyce współczesnego języka udmurckiego pod redakcją Perevoščikova wyróżniono szereg znaczeń genitivu adnominalnego, które można by pogrupować w następujący sposób¹⁴:

(i)	possessor, np.	<i>дышетӱсь/лэн книгаосыз</i> ‘książki nauczyciela,’
(ii)	część, np.	<i>Игнат/лэн пельпумбӱсьыз</i> ‘plecy Ignacego,’
<i>корка/лэн липетэз</i> ‘dach domu,’
<i>кружок/лэн членэз</i> ‘członek kółka,’
(iii)	pochodzenie, np.	<i>Катя/лэн нылыз/лэн нылыз</i> ‘córka córki Katii,’
(iv)	nosiciel cechy, np.	<i>лымы/лэн тӱдӱыез</i> ‘biel śniegu.’

Rozmytość sygnifikacji genitivu adnominalnego w języku udmurckim wydaje się wynikać z braku odpowiednich minimalnych syntagm genetywnych i minimalnych syntagm o innym przypadku, w ramach których genitivus kontrastowałby z tymi przypadkami niejako soczewkując na swojej formie funkcję przenoszenia odpowiedniego znaczenia. W związku z tym sygnifikator docelowych znaczeń genitivu w funkcji *stricte* adnominalnej rozciąga się praktycznie na całą syntagmę nominalną, włączając w to rdzenie leksykalne stanowiące jej część. Znaczenie tego typu genitivu jest zatem w ostatecznym rozrachunku uzależnione od **leksyki łączonych członów nominalnych**.

Warto w miejscu tym zwrócić uwagę na charakterystyczną dla języków permskich, pod względem historycznym – jak się wydaje – niewyjaśnioną zadowalająco, alternację genitivu i ablativu w funkcji adnominalnej:

(14)	<i>Студент/лэн</i>	<i>доре уж/ез/Ø</i>	<i>ӱжок выл/ын.</i>
	<i>student-GEN</i>	<i>praca domowa-III SG-NOM</i>	<i>stół-na-INESS</i>
	‘Praca domowa studenta jest na stole.’		
(15)	<i>Профессор/Ø студент/лэсь</i>	<i>доре уж/з/э</i>	<i>лыдӱ/е.</i>
	<i>profesor-NOM student-ABL</i>	<i>praca domowa-III SG-ACC</i>	<i>czytać-PRAES III SG</i>
	‘Profesor czyta pracę domową studenta.’		

Alternacja ta jednak jest asemantyczna. Ablativus stanowi wariant kombinatoryczny *sui generis* genitivu, gdy wyraz nadrzędny należy do accusativu (por. (15) *студент/лэсь доре уж/з/э* ‘pracę domową studenta’). W pozostałych przypadkach w tego typu frazach występuje genitivus (por. (14) *студент/лэн доре уж/ез* (nominativus) ‘praca domowa studenta’, *студент/лэн доре уж/а/з* (inessivus) ‘w pracy domowej studenta’, *студент/лэн доре уж/ез сярӱсь* (konstrukcja poimkowa) ‘o pracy domowej studenta’ itd.). Frazy tego typu nie stanowią zatem minimalnych syntagm przypadkowych.

¹⁴ *Грамматика современного удмуртского языка. Фонетика и морфология*. Ред. П.Н. Перевощиков. Ижевск: Удмуртское Книжное Издательство, 1962, s. 79–81.

Pozostałe przypadki

Kwestię restrykcji leksykalnych, którym podlega użycie pozostałych przypadków końcówkowych w języku udmurckim, należy rozpatrywać w trojaki sposób.

Użycie dativu, ablativu, instrumentalu, illativu, inessivu i elativu jako kuryłowi-czowskich przypadków konkretnych w ich funkcji sekundarnej ograniczane jest przez kontekst **czasownikowy**. Porównajmy dwa następujące zdania:

- (16) *Вын/ы/Ø* *инженер/ын* *ужа/з.*
brat-I SG-NOM *inżynier-INESS* *pracować-III SG*
 ‘Mój brat pracował jako nauczyciel.’
- (17) *Вын/ы/Ø* *инженер/ысь* *кошк/у/з.*
brat-I SG-NOM *inżynier-ELAT* *odejść-I PRAET-III SG*
 ‘Mój brat przestał pracować jako nauczyciel.’

Użycie odpowiedniego przypadku związanego dopełnienia czasownika (tutaj inessivu i elativu) związane jest z wystąpieniem odpowiedniego czasownika. Czasownik *ужаны* ‘pracować’ łączy się z okolicznikiem stanu kodowanym za pomocą inessivu, natomiast czasownik *кошкыны* ‘odejść’ łączy się z okolicznikiem stanu kodowanym za pomocą elativu.

Użycie dativu, ablativu, instrumentalu, illativu, inessivu, elativu, approximativu, terminativu, prolativu, egressivu, abessivu i adverbialu w ich funkcji prymarnej ograniczane jest przede wszystkim przez kontekst **rzeczownikowy**. Na przykład w przypadku instrumentalu dopiero znaczenie leksykalne rdzenia rzeczownikowego, do którego została dołączona jego końcówka, determinuje odpowiednie docelowe znaczenie przypadku. W zdaniu (18) instrumentalis przenosi znaczenie instrumentalne, natomiast w zdaniu (19) znaczenie komitatywne:

- (18) *Со/Ø* *поезд/эн* *ву/у/з.*
он-NOM *pociąg-INSTR* *przyjechać-I PRAET-III SG*
 ‘On przyjechał pociągiem.’
- (19) *Со/Ø* *книга/ен* *ву/у/з.*
он-NOM *książka-INSTR* *przyjechać-I PRAET-III SG*
 ‘On przyjechał z książką.’

Determinowanie znaczenia przypadku zarówno przez rzeczownikowy kontekst leksykalny, jak i czasownikowy jest zjawiskiem niewspółmiernie rzadszym. Porównajmy następujące trzy zdania:

- (20) *Ми/Ø* *кылем* *ар/ысен* *татын* *ужа/сько/мы* *ини.*
ты-NOM *zeszły* *rok-EGRESS* *tu* *pracować-PRAES-I PL* *już*
 ‘My pracujemy tutaj już od zeszłego roku.’

- (21) *Ми/Ø* *Ижкар/ысен* *ном/и/мы.*
my-NOM *Iżewsk-EGRESS* *wyjechać-I PRAET-I PL*
 ‘My wyjechaliśmy z Iżewska.’
- (22) *Ми/Ø* *Ижкар/ысен* *нумиськ/и/мы.*
my-NOM *Iżewsk-EGRESS* *spotkać się-I PRAET-I PL*
 ‘My spotkaliśmy się w drodze do Iżewska.’

Znaczenie temporalne formy *арысен* determinowane jest przez rdzeń rzeczownikowy (*ар* ‘rok’). Znaczenie spacialne formy *Ижкарысен* – podobnie (*Ижкар* ‘Iżewsk’). Jednakże w zdaniu (21) *Ми Ижкарысен номимы* egressivus przenosi znaczenie źródła czynności, natomiast w zdaniu (22) *Ми Ижкарысен нумиськимы* komunikuje miejsce, w którym wykonywana czynność jest w swojej fazie środkowej (oddano to za pomocą polskiego wyrażenia *w drodze*)¹⁵. Dalsze ujednoznacznienie spacialnego znaczenia egressivu staje się możliwe zatem dopiero, gdy ujawniony zostanie rdzeń leksykalny czasownika. Jak widać, z czasownikami dynamicznymi (np. *номыны* ‘wyjechać’) nabiera on nieco innego znaczenia niż z czasownikami statycznymi (np. *нумиськыны* ‘spotykać się’).

Podsumowanie i wnioski

W literaturze przedmiotu przypadek prezentowany jest nader często jako kategoria gramatyczna. Nie oznacza to jednak, by leksyka – traktowana w pewnych swych aspektach jako przeciwieństwo gramatyki – nie interweniowała w jego użycie. Na każdy, nawet najbardziej zregulowany mechanizm gramatyczny bowiem są koniec końców nałożone jakieś restrykcje o charakterze leksykalnym. Celem niniejszego krótkiego artykułu było naświetlenie funkcjonowania tego zjawiska w końcówkowym systemie przypadkowym języka udmurckiego.

Z pozoru wydawać by się mogło, że nie ma nic bardziej regularnego od użycia udmurckiego nominativu jako przypadku podmiotu, czyli kategorii syntaktycznej obligatoryjnej dla każdej niedefektywnej manifestacji zdania. Z semantycznego punktu widzenia okazuje się jednak, że sygnifikacja diatetyczna nominativu determinowana jest w języku udmurckim w przytłaczającej większości przypadków przez podporządkowany mu czasownik, a dokładniej jego rdzeń leksykalny. W takich okolicznościach nominativus jawi się ni mniej ni więcej jako leksykalne uzupełnienie czasownika.

O ile odnośnie do udmurckiego accusativu, będącego przypadkiem wybitnie gramatycznym, w porównaniu z nominativem z diatetycznego punktu widzenia nie można mówić o takiej wielości jego znaczeniowych odmianek, to syntagmatyczne funkcjonowanie accusativu już tak klarowne nie jest. Jego użycie ograniczane jest bowiem przez kontekst czasownikowy. By je odzwierciedlić adekwatnie, w języku udmurckim

¹⁵ Рог. Н. Кондратьева. Категория падежа имени существительного в удмуртском языке. Ижевск: Удмуртский университет, 2011, s. 190–191.

gramatykowi przypadku w ostatecznym rozrachunku nie pozostaje nic innego jak wyliczenie poszczególnych czasowników rządzących accusativem.

Charakterystyczną cechą języka udmurckiego jest brak genetivu obiectivu. Jeżeli chodzi o genetivus subiectivus, to użycie jego odpowiednich semantycznych odmianek podlega takim samym restrykcjom leksykalnym jak w przypadku nominativu. Ze względu na brak minimalnych syntagm przypadkowych, w których genetivus *stricto* adnominalny kontrastowałby na planie paradygmatycznym z innymi przypadkami soczewkując na sobie funkcję przenoszenia odpowiedniego znaczenia, znaczenie tego typu genetivu jawi się jako wybitnie rozmyte. Ten stan rzeczy wynika z faktycznej absorpcji przez sygnifikator przypadku rdzeni leksykalnych stanowiących całą syntagmę przypadkową.

W użyciu pozostałych udmurckich przypadków stwierdza się jeszcze mniej regularności. Ich użycie w funkcji sekundarnej ograniczane jest przez kontekst czasownikowy. Natomiast ich użycie w funkcji prymarnej ograniczane jest przede wszystkim przez kontekst rzeczownikowy. W specyficznych warunkach możliwe jest wystąpienie ograniczeń obu typów jednocześnie.

W świetle przedstawionych faktów należy postawić postulat hierarchicznego formułowania gramatyk języków etnicznych, tzn. zadaniem gramatyk tych byłoby w pierwszym rzędzie prezentowanie faktów najbardziej regularnych. Przejście do faktów mniej regularnych następowałoby w drugiej kolejności. Opisy winny uwzględniać jednak oba aspekty funkcjonowania tzw. kategorii gramatycznych. Dalsze badania nad omawianym zagadnieniem przyczyniłyby się niewątpliwie do pogłębienia naszej wiedzy na temat gramatykalizacji. Sam fakt posiadania afiksów jako nośników odpowiedniej funkcji nie przesądza bowiem o równym nasileniu tego zjawiska w przypadku każdego z nich.

Stosowane oznaczenia i skróty

-Ø	końcówka zerowa	GEN	genetivus
I, II, III	pierwszy, drugi, trzeci	INESS	inessivus
[]	znaczenie diatetyczne	INSTR	instrumentalis
/	granica między morfami	NOM	nominativus
ABL	ablativus	PL	pluralis
ACC	accusativus	PRAES	praesens
CAUS	causativum	PRAET	praeteritum
DAT	dativus	PROLAT	prolativus
EGRESS	egressivus	SG	singularis
ELAT	elativus	SUBST	substantivum

Bibliografia

- Bañčerowski J. *Systems of Semantics and Syntax. A Determinational Theory of Language*. Warszawa–Poznań: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1980.
- Bartens R. *Permiläisten kielten rakenne ja kehitys*. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 2000.

- Bogusławski A., Drzazgowska E. *Język w refleksji teoretycznej. Przekroje historyczne*. Warszawa: Katedra Lingwistyki Formalnej Uniwersytetu Warszawskiego, 2016.
- Castrén M.A. *Elementa Grammatices Syrjaenae*. Helsinki: Officina typographica heredum Simelii, 1844.
- Csúcs S. *A votják tárgyról*. „Nyelvtudományi Közlemények” 2003, nr 100, s. 126–136.
- Frege G. *Pisma semantyczne*. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1977.
- Hjelmsov L. *La catégorie des cas*. „Acta Jutlandica” 1937, nr IX 2, s. 1–184.
- Jakobson R. *Selected Writings II. World and Language*. The Hague–Paris: Mouton, 1971.
- Jespersen O. *The Philosophy of Grammar*. New York: The Norton Library, 1965.
- Kuryłowicz J. *Studia językoznawcze. Wybór prac opublikowanych w języku polskim*. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1987.
- Rédei K. *Die Postpositionen im Syrjänischen unter Berücksichtigung des Wotjakischen*. Budapeszt: Akadémiai Kiadó, 1962.
- Stipa G. *Funktionen der Nominalformen des Verbs in den permischen Sprachen*. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1960.
- Wiedemann F. *Grammatik der wotjakischen Sprache nebst einem kleinen wotjakisch-deutschen und deutsch-wotjakischen Wörterbuche*. Tallin: Kluge & Ströhm, 1851.
- Zabrocki L. *U podstaw struktury i rozwoju języka*. Warszawa–Poznań: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1980.
- Владыкин В.Е., Христолюбова Л.С. *Удмуртӥс*. Ижевск: Удмуртия, 2008.
- Грамматика современного удмуртского языка. Фонетика и морфология*. Ред. П.Н. Перевощи-ков. Ижевск: Удмуртское Книжное Издательство, 1962.
- Ефремов Д. *Удмурт кылысь каронкыллэн управлениез сярысь*. „Вестник Удмуртского университета. История и филология” 2009, nr 1, s. 43–54.
- Карпова Л. *Особенности функционирования падежей в северных диалектах удмуртского языка*. „Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева” 2011, nr 3, s. 231–236.
- Кондратьева Н. *Категория падежа имени существительного в удмуртском языке*. Ижевск: Удмуртский университет, 2011.
- Серебрянников Б. *Историческая морфология пермских языков*. Москва: Издательство Академии Наук СССР, 1964.

PRASŁOWIAŃSZCZYNA
ПРАСЛАВЯНСКИЙ ЯЗЫК
PROTO-SLAVIC

FROM PROTO-SLAVIC INTO GERMANIC
OR FROM GERMANIC INTO PROTO-SLAVIC?
A REVIEW OF CONTROVERSIAL LOANWORDS

MARTA NOIŃSKA

Uniwersytet Gdański
Wydział Filologiczny
Instytut Rusycystyki i Studiów Wschodnich
Katedra Pragmatyki Komunikacji i Akwizycji Języka
Neofilologia, ul. Wita Stwosza 51, 80-308 Gdańsk, Polska
e-mail: marta.noinska@ug.edu.pl

MIKOŁAJ RYCHŁO

Uniwersytet Gdański
Wydział Filologiczny
Instytut Anglistyki i Amerykanistyki
Katedra Językoznawstwa
Neofilologia, ul. Wita Stwosza 51, 80-308 Gdańsk, Polska
e-mail: mikolaj.rychlo@ug.edu.pl
(nadesłano: 1.09.2017; zaakceptowano: 3.12.2017)

Abstract

**From Proto-Slavic into Germanic or from Germanic into Proto-Slavic?
A review of controversial loanwords**

Germanic loanwords in Proto-Slavic have been comprehensively analysed by both Western and Eastern scholars, however the problem of borrowings in the opposite direction received far less attention, especially among Western academics. It is worth noticing that Viktor Martynov (1963) proposed as many as 40 borrowings and penetrations from Proto-Slavic into Proto-Germanic. Among these, there are nine (**bljudo*,

**kupiti, *lěkъ, *lugъ, *lukъ, *plugъ, *pъlkъ, *skotъ, *tynъ*) which are considered certain loanwords in the opposite direction in the newest monograph on the topic by Pronk-Tiethoff (2013). The aim of the present paper is to review and juxtapose linguists' views on the direction and etymology of these borrowings. The authors take into consideration the analyses carried out not only by Saskia Pronk-Tiethoff (2013) and Viktor Martynov (1963), but also by Valentin Kiparsky (1934) and Zbigniew Gołąb (1992). An attempt is made to assess which of the nine words could be borrowings from Proto-Slavic in Germanic.

Key words

Proto-Slavic, Germanic, loanword, direction of borrowing.

Резюме

Из праславянского в германский или наоборот: обзор спорных заимствований

Германские заимствования в праславянском языке были всесторонне проанализированы как западными, так и восточными учеными, однако проблема заимствований в обратном направлении получила гораздо меньше внимания, особенно среди западных ученых. Стоит отметить, что Виктор Мартынов (1963) предложил 40 заимствований и проникновений из праславянского языка в прагерманский. Среди них девять, которые считаются заимствованиями в противоположном направлении в новейшей монографии по теме авторства Саскии Пронк-Титхофф (2013). Все они включены в составленный ей список вероятных германских заимствований в праславянском языке. Цель настоящей статьи – обзор и сопоставление взглядов лингвистов на этимологию этих слов (**bljudo, *kupiti, *lěkъ, *lugъ, *lukъ, *plugъ, *pъlkъ, *skotъ, *tynъ*). Авторы учитывают анализы, проведенные не только Саскией Пронк-Титхофф и Виктором Мартыновым, но и Валентином Кипарским (1934) и Збигневом Голомбом (1992). Делается попытка определить, какие из девяти слов на самом деле можно с уверенностью считать заимствованиями из германских языков в праславянский, а также какие слова могли быть заимствованы в противоположном направлении.

Ключевые слова

Праславянский, германский, заимствование, направление заимствования.

Introduction

Occurring whenever two languages come in contact, numerous lexical borrowings can be traced in languages of neighbouring nations, such as Slavic and Germanic. The

question remains when the first encounters of Slavic and Germanic peoples and the first borrowings took place.

Saskia Pronk-Tiethoff believes Slavic and Germanic peoples not to have interacted with each other at least until the beginning of the first millennium AD, a view expressed earlier by Valentin Kiparsky¹. By contrast, Viktor Martynov dates the first contacts already around 500 BC². Zbigniew Gołąb is of the opinion that Slavic-Germanic relations per se commenced about 300 BC³, however, he does not exclude earlier contacts between the Slavic and Germanic tribes. He points out that North-European lexical dialectisms can serve as linguistic evidence in favour of their early contacts. In Gołąb's view, "Most of these lexical dialectisms undoubtedly come from a time when the linguistic ancestors of the Slavs, Balts and Teutons dwelt close to each other, as a group of neighbouring tribes somewhere in Eastern Europe, probably in the third millennium BC⁴".

One of the major issues connected with the possible borrowings from Proto-Slavic into Germanic is the cultural level at the time of contact. Numerous scholars presume that due to the influence of the Roman Empire on Germanic peoples, they surpassed the Slavs in technological development⁵. Martynov, who dates the contacts much earlier, considers previous research biased in assuming cultural hegemony of the Germanic tribes⁶.

Gołąb postulates that "the cultural levels of the respective peoples or tribes before their encounter with the classical Graeco-Roman (Mediterranean) culture were roughly the same, which seems to have been conditioned both by their geographical location in the northern, central and eastern part of Europe and by their common IE heritage"⁷.

The discrepancies in linguists' views are related to the issue of Slavic ethnogenesis (discussed in Noińska 2016)⁸. Despite long-going discussions in various disciplines⁹,

¹ V. Kiparsky. *Die gemeinlavischen Lehnwörter aus dem Germanischen*. Helsinki: Druckerei der Finnischen Literaturgesellschaft, 1934; S. Pronk-Tiethoff. *The Germanic Loanwords in Proto-Slavic*. Amsterdam – New York: Editions Rodopi, 2013, pp. 72–73.

² В.В. Мартынов. *Славяно-германское лексическое взаимодействие древнейшей поры*. Минск: Издательство Академии наук БССР, 1963.

³ Z. Gołąb. *The Origins...*, p. 391; Z. Gołąb. *O pochodzeniu...*, p. 343.

⁴ Z. Gołąb. *The Origins...*, p. 126; Z. Gołąb. *O pochodzeniu Słowian w świetle faktów językowych*. Kraków: Universitas, 2004, p. 117; cf. also J. P. Mallory. *In Search of the Indo-Europeans*. Thames and Hudson, 1989, pp. 107–109.

⁵ Compare: S. Pronk-Tiethoff. *The Germanic Loanwords...*, pp. 24–25. G. Holzer. *Review of Saskia Pronk-Tiethoff's Germanic Loanwords in Proto-Slavic*. „Slavia Centralis” 2014, No 1, p. 104.

⁶ В.В. Мартынов. *Славяно-германское лексическое...*

⁷ Z. Gołąb. *The Origins...*, p. 355.

⁸ M. Noińska. *Genetyka populacyjna a problem etnogenezy Słowian*. „Studia Rossica Gedanensia” 2016, vol. 3.

The article reviews various (autochthonous and allochthonous) theories concerning the origins of the Slavs and describes the recent discoveries in population genetics, which may shed some light on the problem of the Slavic origins.

⁹ e.g. archeologists: Józef Kostrzewski, Tadeusz Makiewicz, Tadeusz Malinowski, Kazimierz Go-

researchers have not reached consensus about the location of the Slavic homeland¹⁰. It seems that the analysis of possible Proto-Slavic loanwords in Germanic languages could help to answer some questions about the early contacts of Slavic and Germanic peoples.

The topic of Germanic borrowings in Proto-Slavic has enjoyed considerable interest among both Western and Eastern scholars, with a few comprehensive monographs devoted to the topic. Miklošič's *Die Fremdwörter in den slavischen Sprachen*¹¹, which was published 150 years ago, contains all 9 words discussed in the present paper. Saskia Pronk-Tiethoff's monograph *The Germanic Loanwords in Proto-Slavic* is the latest comprehensive work on the topic. Not only does it provide a thorough review of the words belonging to the oldest layer of Germanic loanwords in Proto-Slavic, but it also describes the way the borrowings were adapted to the Proto-Slavic accentual system¹². The dissertation contains a corpus of 78 words that can be regarded as Germanic loanwords in Proto-Slavic. Many of them have relatively well-established Indo-European etymology – for an overview see Noińska and Rychło¹³. Among the 78, there are some with less secure etymologies, 9 of which were considered borrowing in the opposite direction in Viktor Martynov's monograph of 1963, *Славяно-германское лексическое взаимодействие древнейшей поры*¹⁴.

Borrowings from Proto-Slavic into the Germanic languages have been discussed far less comprehensively than Germanic loanwords in Proto-Slavic. Martynov's book was the first detailed study of possible Proto-Slavic borrowings in Proto-Germanic. Martynov picked cases where the Germanic donors have problematic or unclear etymologies and each time assumed Proto-Slavic to be a possible source of borrowing¹⁵. Focusing only on prehistoric contacts between Germanic tribes and the Proto-Slavs, Martynov's work contains only words supposedly borrowed from or into Proto-Germanic and not from later Germanic languages. Martynov divided the 40 loan-

dłowski, Michał Parczewski, Piotr Kaczanowski; linguists: Tadeusz Lehr-Splawiński, Jürgen Udolph, Valentin Kiparsky, Zbigniew Gołąb, Witold Mańczak, anthropologists: Janusz Piątek, Anna Juras.

¹⁰ For a detailed discussion, see: K. Borowiec. *Kanon wiedzy na temat tzw. etnogenezy Słowian. Czas przełomu*. „Kwartalnik Językoznawczy” 2012, No 1; K. Godłowski. *Pierwotne siedziby Słowian*. Kraków: IA UJ, 2000. A. Juras. *Etnogeneza Słowian w świetle badań kopalnego DNA*. Praca doktorska przygotowana pod kierunkiem prof. dra hab. Janusza Pionka w Zakładzie Biologii Ewolucyjnej Człowieka Instytutu Antropologii na Uniwersytecie im. Adama Mickiewicza w Poznaniu. Poznań, 2012; J. Piątek, B. Iwanek, Segda S. *Antropologia o pochodzeniu Słowian*. Monografie Instytutu Antropologii UAM. Poznań: Instytut Antropologii UAM, 2008; W. Mańczak (Ed.). *Praojczyzna Słowian. Zbiór wypowiedzi*. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2001, p. 32; M. Noińska. *Genetyka populacyjna...*

¹¹ F. Miklošič. *Die Fremdwörter in den slavischen Sprachen*. [In:] *Denkschriften (Akademie der Wissenschaften in Wien. Philosophisch-historische Klasse)*. Vol. 5. Wien: Aus der Kaiserlich-Königlichen Hof- und Staatsdruckerei, 1867, pp. 73–140.

¹² S. Pronk-Tiethoff. *The Germanic Loanwords...*

¹³ M. Noińska, M. Rychło. *The Indo-European heritage of the relatively secure Germanic loanwords in Proto-Slavic*. (in press)

¹⁴ В.В. Мартынов. *Славяно-германское лексическое...*

¹⁵ В.В. Мартынов. *Славяно-германское лексическое...*, pp. 36–41.

words into three groups¹⁶ according to the level of reliability and additionally he distinguished between *zaimstvovanija* ‘borrowings’ and *proniknovenija* ‘penetrations’¹⁷. Martynov distinguished:

- 13 penetrations and 2 loanwords with minimal relative reliability (marked ‘*min*’), when the word is proved to be indigenous in the donor language and fails to do so in the recipient language; there is no need for additional arguments to qualify the word into this group;
- 11 penetrations with maximal relative reliability (marked ‘*max*’), when the source of borrowing is proved to be an innovation in the donor language created by means of word-formation processes, native to the donor language;
- 11 penetrations and 3 loanwords with medium relative reliability (marked ‘*med*’) for cases which fulfil the criteria for minimal reliability and there are additional arguments in favour of the source of borrowing.¹⁸

As already mentioned, out of 40 Proto-Slavic loanwords in Proto-Germanic proposed by Martynov, 9 are considered certain Germanic loanwords in Proto-Slavic in the newest monograph on the topic by Saskia Pronk-Tiethoff (2013). The aim of the present paper is to review arguments given by Pronk-Tiethoff and Martynov and assess whether any of the nine loanwords could have been borrowed from Proto-Slavic into Germanic. The authors take into consideration the analyses carried out by other scholars, especially Valentin Kiparsky (1934) and Zbigniew Gołąb (1992).

Proto-Slavic borrowings in (Proto-)Germanic or the reverse – review

Martynov believes Proto-Slavic **bljudo*, **kupiti*, **lěkǫ*, **lugǫ*, **lukǫ*, **plugǫ*, **pǫlkǫ*, **skotǫ*, **tynǫ* to be possible borrowings from Proto-Slavic into Proto-Germanic. The table below shows the degree of reliability assigned to each loanword by Martynov and the origin of the discussed words according to Pronk-Tiethoff, Gołąb and Kiparsky.

Word	Origin of the word according to various linguists			
	Martynov	Pronk-Tiethoff	Gołąb	Kiparsky
<i>*bljudo</i>	PSlav. (min)	Goth.	Goth.	Goth.
<i>*kupiti</i>	PSlav. (med)	Goth.	Goth.	Goth.
<i>*lěkǫ</i>	PSlav. (min)	Goth.	possibly Slav.	Goth
<i>*lugǫ</i>	PSlav. (med)	WGmc.	-	WGmc.
<i>*lukǫ</i>	PSlav. (med)	WGmc.	possibly Slav.	WGmc.
<i>*plugǫ</i>	PSlav. (med)	WGmc.	Possibly PGmc.	WGmc.

¹⁶ Martynov uses terms *минимальная/ средняя/ максимальная относительная надежность*, which Gołąb translates as minimal / medium / maximal degree of probability. Reliability seems to reflect the meaning of the Russian word *надежность* better and therefore is used in the present article.

¹⁷ В.В. Мартынов. *Славяно-германское лексическое...*, p. 23.

¹⁸ В.В. Мартынов. *Славяно-германское лексическое...*, p. 42.

* <i>pŕolkŕ</i>	PSlav. (min)	INDET GERMANIC	Goth.	Goth.
* <i>skotŕ</i>	PSlav. (med)	INDET GERMANIC	Possibly Slav.	PGmc.
* <i>tynŕ</i>	PSlav. (max)	WGmc.	PGmc.	PGmc.

In the table below, translation and related Germanic forms of the discussed loanwords are presented. Considering that the Slavs could have borrowed words from Proto-Germanic, Gothic, Balkan Gothic¹⁹ and the West Germanic dialects, the most important information for the analysis comes from the attested Gothic, Old High German, Old Saxon and Old English forms.

PSlav.	Translation	Germanic forms
* <i>bljudo</i>	plate, dish	PGmc. * <i>beuda-</i> ‘table, plate’; Goth. <i>biuþs</i> ; OHG <i>biet</i> ; OS <i>biod</i> ; OE <i>bēod</i>
* <i>kupiti</i>	to buy	PGmc. * <i>kaupjan-</i> / * <i>kaupōn-</i> ‘to buy’; Goth. - / <i>kaupon</i> ; OHG <i>koufen</i> / <i>koufōn</i> ; OS <i>kōpian</i> / <i>kōpon</i> ; OE <i>cēapian</i> / <i>cýpan</i> , <i>cīpan</i> ; (E <i>to cheap</i> obs.) Lat. <i>caupō</i> ‘innkeeper, small tradesman’ Lat. <i>caupōnāri</i> ‘to haggle’
* <i>lĕkŕ</i>	medicine	PGmc. * <i>lĕkja-</i> ‘doctor’; Goth. <i>lekeis</i> ; OGH <i>lāhhi</i> ; OE <i>lāce</i> , <i>lāca</i> (E <i>leech</i> (arch.) ‘doctor; bloodsucker’)
* <i>lĕčiti</i>	cure	PGmc. * <i>lĕkinōn-</i> ‘to cure’; Goth. <i>lekinon</i> ; OHG <i>lāhhenōn</i> ; OS <i>lāknon</i> ; OE <i>lācnian</i> (E <i>lechne</i> , obs.)
* <i>lugŕ</i>	lye, caustic soda	NWGmc. * <i>laugō-</i> ; OHG <i>louga</i> ; OE <i>lēah</i> (E <i>lye</i>)
* <i>lukŕ</i>	chive, onion	NWGmc. * <i>lauka</i> ; OHG <i>louh</i> ; OS <i>-lōk</i> ; OE <i>lēac</i> (E <i>leek</i>)
* <i>plugŕ</i>	plough	NWGmc. * <i>plōga-</i> ‘plough’; OHG <i>phluog</i> ; OE <i>plōg</i> (E <i>plough</i> , <i>plow</i>)
* <i>pŕlkŕ</i>	regiment, crowd	PGmc. * <i>fulka-</i> ‘people’; OHG <i>folk</i> ; OS <i>folk</i> ; OE <i>folc</i> ‘crowd, people’ (E <i>folk</i>)
* <i>skotŕ</i>	cattle	PGmc. * <i>skatta-</i> ‘money, property’; Goth. <i>skatts</i> ‘coin, money’; OHG <i>scaz</i> ; OS <i>skatt</i> ‘coin, property, cattle’; OE <i>sceat</i> ‘property, treasure, tax, bribe, unit of money’ (E <i>skat</i> , obs.)
* <i>tynŕ</i>	fence	NWGmc. * <i>tūna-</i> ; OHG <i>zūn</i> ; OE <i>tūn</i> (E <i>town</i>)

It is clear at first glance that certain words are well-established Germanic borrowings in Proto-Slavic. We are going to begin the review with almost certain borrowings from Germanic into Proto-Slavic **kupiti* and **pŕlkŕ*. Then, we will discuss loanwords with plausible etymologies in Germanic **bljudo*, **tynŕ*, **lugŕ* and **plugŕ*. Finally, we are going to present loanwords likely to have been borrowed from Proto-Slavic into Germanic **lĕkŕ*, **lukŕ* and **skotŕ*.

¹⁹ Pronk-Tiethoff might be right in dismissing the Balkan Gothic layer of loanwords in Proto-Slavic (compare: Holzer 2014). However, in view of the fact that Gołąb and Kiparsky include such a layer, its existence should be taken into consideration.

PSlav. **kupiti* 'buy'
 PGmc. **kaupjan* 'buy'

Unattested Goth. **kaupjan* is probably the source of Slav. *kupiti*. The phonological shape of the words strongly suggests borrowing (the same stops, as opposed to the opposition *k:h*, *p:f* expected in cognates; the Germanic diphthong **au* could develop in Slavic into *u*, whereas the presence of *j* in the Gothic verb could explain the front vowel *i* in Slavic). Goth. **kaupjan* is usually derived from the noun **kaupo* 'trader' borrowed from Lat. *caupō* 'innkeeper, tradesman', which is probably a borrowing from Greek itself. The etymology of the Greek and Latin words is unclear and this is where Martynov spots a chance to advocate the Slavic origin²⁰. He doubts the Latin origin of the Germanic word and prefers to derive it from Slav. **kupovati*²¹. He tries to prove his point with a long discussion of semantic microstructures, which, however, does not explain the relationship of the Germanic and Latin word and is not very convincing. Moreover, the borrowing from Germanic is accepted as certain by Kiparsky, Gołąb and Pronk-Tiethoff²². All in all, the Slavic origin of the word is highly unlikely. If the Roman empire had had closer relations with Slavs, the word could have been borrowed directly from Latin.

PSlav. **pъlkъ* 'regiment; crowd'
 PGmc. **fulka-* 'people'

Martynov sees the difficulty in explaining the presence of *f* in Germanic²³. It can be accounted for by substitution of Germanic *f* by a plosive in Slavic, however. The Germanic fricative **f* cannot have been taken over as such into Proto-Slavic because it was absent from its sound inventory and it was replaced by a corresponding stop²⁴. There are more instances of such a process:

PSlav. **pila* and PGmc. **finh(a)lō*; OHG *fila*; OS *fila*
 PSlav. **postъ* and PGmc. **fast-*; Goth. *fastubni*; OHG *fasta*, *fasto*; OS *fasta*
 PSlav. **pergynja* and PGmc. **fergunjō-*; Goth. *fairguni*;
 PSlav. **petъlja* and NWGmc. **fatila*; OHG *fezzil*; OE *fetel*²⁵

For the above-mentioned reasons, **pъlkъ* can be regarded as a borrowing from Germanic in Proto-Slavic.

Slav. **bljudo* 'plate, dish'
 PGmc. **beuda-* 'table, plate'

As Martynov points out, the word is almost unanimously considered a loanword from Germanic, the only controversial point being the exact donor and time of bor-

²⁰ В.В. Мартынов. *Славяно-германское лексическое...*, p.161.

²¹ Ibidem, p. 164.

²² compare: Z. Gołąb. *O pochodzeniu...*, p. 326; S. Pronk-Tiethoff. *The Germanic Loanwords...*, pp. 112–113.

²³ В.В. Мартынов. *Славяно-германское лексическое...*, p. 224.

²⁴ S. Pronk-Tiethoff. *The Germanic Loanwords...*, pp. 121–122 and 229.

²⁵ Ibidem, p. 229.

rowing²⁶. He tries to prove the opposite direction of borrowing analysing semantic microstructures, which seems insufficient even to himself²⁷. It seems purposeful to have a closer look at the possible Germanic donor, though. The Germanic form probably derives from the verb **beudan-* ‘to offer’, inherited from PIE **b^heud^h-* ‘to be aware’²⁸. Gołąb considers the word to have been borrowed from Gothic between the 2nd and the 4th centuries AD²⁹. Georg Holzer considers Slavic **bljudo* a pre-Gothic borrowing and uses it as a proof for a layer of Proto-Germanic loanwords in Proto-Slavic:

Slav. **bljudo* ‘plate, table’ (vorursl. **bew^hda* > urslav. **bjaw^hda*) kann nicht aus dem Gotischen stammen, wie Pronk-Tiethoff behauptet (PT 77–78, 222,234), denn got. *biups* Sg. *biudis* ‘table’ würde Slav. ***bljudo* ergeben und nicht **bljudo*. Es muss vielmehr ein vorgotisches **beuda-* entlehnt worden sein, wie es gewöhnlich als urgermanische Lautung des Wortes rekonstruiert wird³⁰.

It may not be clear to all why Goth. *biups* ‘table’ would have to result in Slavic ***bljudo* and not **bljudo*. After all, PSI **b* developed from earlier **i*, whereas it was earlier **u* that developed into PSI **o*. The answer is to be sought in the first delabialization of rounded vowels, a sound change that George Shevelov places “not earlier than the sixth century” and “in the seventh–eighth centuries, the first delabialization of *ũ* was completed”³¹. The word **bljudo* complied with the conditioning environment of the sound change, as the first delabialization of rounded vowels occurred after all palatal(ized) consonants³².

Holzer’s arguments seem convincing, therefore the word can be assumed to have been borrowed from Proto-Germanic.

Slav. **tynъ* ‘fence’
PGmc. **tūn-* ‘fence’

PGmc. **tūn-* is usually considered a borrowing from the Celtic languages (OIr *dún* ‘fort, rampart’; OW *din* ‘castle’). For instance, J.P. Mallory and D.Q. Adams believe that

dhūnos (**dhuh_xnos?*) ‘fort’ /.../ OIr *dūn* ‘fort’, Welsh *din* ~ *dinas* ‘fort’ (< **hill*), OE *dūn* ‘down, moor, height, hill, mountain’ (> NE *down(s)*), MDutch *dūne* ‘sandy hill’ (borrowed > NE *dune*). Germanic borrowed Celtic **dhūno-* before the phonological changes wrought by Grimm’s Law and thus it appeared in Proto-Gmc as **tūna-* and is attested in OE *tūn* ‘enclosed place, home-

²⁶ В.В. Мартынов. *Славяно-германское лексическое...*, p. 192.

²⁷ Compare: В.В. Мартынов. *Славяно-германское лексическое...*, pp. 192–195.

²⁸ S. Pronk-Tiethoff. *The Germanic Loanwords...*, p. 78.

²⁹ Z. Gołąb. *The Origins...*, p. 2004: 325

³⁰ G. Holzer. *Review of...*, p. 104. “Slav. **bljudo* ‘plate, table’ (PSlav. **bew^hda* > Slav. **bjaw^hda*) cannot stem from Gothic, as Pronk-Tiethoff claims (PT 77-78, 222,234), because Goth. *biups*, Sg. *biudis* ‘table’ would result in Slav. ***bljudo* and not **bljudo*. It is much more probable to have been borrowed from **beuda-*, which is a usual phonological shape of the Proto-Germanic reconstruction of the word” (G. Holzer. *Review of...*, p. 104).

³¹ G.Y. Shevelov. *A Prehistory of Slavic: the Historical Phonology of Common Slavic*. Carl Winter, 1964, pp. 267, 633.

³² G.Y. Shevelov. *A Prehistory of Slavic...*, p. 264.

stead, village' (>NE *town*), OHG *zun* 'fence, hedge'. A northwesternism confined to Celtic and Germanic.³³

However, Martynov considers the word to have been borrowed from Proto-Slavic into Germanic and assigns to it maximum degree of reliability. Martynov finds borrowing from Celtic improbable on semantic grounds. Indeed, the semantics of the Slavic **tynǔ* 'fence' seems much closer to the meaning of the Germanic word. This argument is a double-edged sword, however, since a close semantic relationship can be used as a supporting argument for borrowing in the opposite direction. Martynov considers **tynǔ* to be a native Slavic word derived from **tyti* 'become fat, grow densely'. He sees the semantic relationship in the fact that a line of thick bushes forms a hedge, which is a kind of fence. Although it seems far-fetched, it could be a possible etymology if we assumed that the Germanic word was neither borrowed from Celtic, nor inherited from PIE.

However, as Pronk-Tiethoff points out (after Matasović 2009³⁴), the Celtic and Germanic words could be cognates derived from PIE **d^huHno-* 'enclosure'³⁵. This refutes Martynov's argumentation about the lack of convincing etymology for PGmc. **tūn-*. Even if we accept the inherited etymology of **tynǔ* (from **tyti* 'become fat'), we will be left with strikingly similar Celtic forms (OIr *dún* 'fort, rampart'; OW *din* 'castle'), which we will have to consider unrelated in view of the fact that Proto-Slavic **t* cannot be cognate with Celtic **d*.

Additionally, Gołąb and Kiparsky consider **tynǔ* a certain borrowing from PGmc, which makes this direction of borrowing more likely.

It is worth noticing that there are many derivatives of *tyn* with the meaning 'fence' in Polish dialects such as *tyna*, *tynica*, *tynina*, *tynianka*, *tynka*.

PSlav. **lugǔ*, **luga* 'lye, caustic soda'

PGmc. **laugō* 'bath, lye'

Martynov does not believe **laugō* to derive from the PIE word for 'to wash, bathe'³⁶ (as it is usually assumed), because, in his opinion, it does not account for the presence of *g* in Germanic or Slavic³⁷. In view of the fact that this etymology actually seems convincing and is widely accepted, borrowing from Germanic into Slavic is far more probable. Semantics as well as the sounds correspond well (the words contain the same stops; the Germanic diphthong *au* corresponds to PSlav. **u* and reflects an earlier monophthongization in PSlav.). The word is attested only in West and North Germanic, therefore it probably entered Slavic through one of the West Germanic dialects³⁸.

³³ J.P. Mallory and D.Q. Adams. *Encyclopedia of Indo-European Culture*. USA and UK, 1997, p. 210.

³⁴ R. Matasović. *Etymological dictionary of proto-Celtic*. Leiden Indo-European Etymological Dictionary Series 9, Leiden and Boston: Brill, 2009.

³⁵ S. Pronk-Tiethoff. *The Germanic Loanwords...*, p. 96.

³⁶ The root, according to modern conventions, is reconstructed as PIE **leuh₃/*louh₃* - cf. De Vaan (2008: 330–331), or, according to Pokorny (1959: 692) as PIE **lou-*, **louǵ-* 'waschen', **louǵ-tro-* 'Waschbecken'.

³⁷ B.B. Мартынов. *Славяно-германское лексическое...*, p. 166.

³⁸ S. Pronk-Tiethoff. *The Germanic Loanwords...*, p. 117.

PSlav. **plugъ* 'plough'
 NWGmc. **plōga-* 'plough'

The Germanic etymology is not clear: it can be connected with **plegan-* 'do one's best', or regarded as a possible loanword from Gaulish³⁹. According to Martynov, an alternative etymology could be a borrowing from Slavic, if one accepts that it is possible to derive *plugъ* < **plužiti* 'to drag on soil'⁴⁰. Pronk-Tiethoff uses the argument that Germanic borrowing seems to be more likely, as many names of technical developments were borrowed from Germanic into Slavic. Moreover, phonological and semantic features of the word suggest the Germanic origin⁴¹. Gołąb places the word on his list of Germanic loanwords in Proto-Slavic borrowed before the second century AD either from Proto-East-Germanic or from early Gothic, but he also suggests that the word could have been borrowed into Slavic without the Germanic intermediary from a PIE dialect, which however, does not provide etymology for the Germanic word⁴².

PSlav. **lukъ* 'chive, onion'
 NWGmc. **lauka* 'Allium. onion'

The origin of the Germanic word is unclear, therefore Martynov postulates the possibility of borrowing from Slavic into Germanic, with **lukъ* derived from PIE **leuk* 'light'⁴³. Pronk-Tiethoff includes **lukъ* in her main corpus of certain Germanic loanwords in Proto-Slavic, but there are serious doubts as to whether the word is the loanword or the donor⁴⁴. The discussion of the argumentation goes beyond the scope of the present paper, and deserves a separate study⁴⁵.

PSlav. **skotъ* 'cattle, livestock'
 PGmc. **skatta-* 'money, property'

In view of the fact that the word in Germanic seems to be an isolated formation⁴⁶, whose origin is unknown and that it is possible to put a convincing case in favour of its Slavic origin, **skatta-* is one of a few cases where borrowing from Slavic is plausible. This is not only Martynov's opinion but also Gołąb's⁴⁷.

Apart from Martynov's controversial etymology⁴⁸, there are at least two other conceivable proposals. First, according to Rudnicki, **skotъ* can be considered a derivative of the verb **skočiti* 'jump' and its primary form and meaning in Proto-Slavic would

³⁹ S. Pronk-Tiethoff. *The Germanic Loanwords...*, p. 93.

⁴⁰ В.В. Мартынов. *Славяно-германское лексическое...*, p.177.

⁴¹ S. Pronk-Tiethoff. *The Germanic Loanwords...*, pp. 87–88.

⁴² Z. Gołąb. *O pochodzeniu...*, pp. 322–323.

⁴³ В.В. Мартынов. *Славяно-германское лексическое...*, pp. 168–169.

⁴⁴ S. Pronk-Tiethoff. *The Germanic Loanwords...*, pp. 87–88)

⁴⁵ M. Rychło and M. Noińska (in preparation). *Proto-Slavic *lukъ 'chive, onion': the donor or the loanword?*

⁴⁶ Pronk-Tiethoff's (2013: 144) final verdict that the origin of PSlav. **skotъ* is Germanic is supported by Kroonen's etymology (2013: 441) which relates PGmc **skatta-* to the Westphalian German strong verb *schâen* 'to yield'.

⁴⁷ S. Pronk-Tiethoff. *The Germanic Loanwords...*, p. 144; Z. Gołąb. *O pochodzeniu...*, pp. 323–324.

⁴⁸ В.В. Мартынов. *Славяно-германское лексическое...*, pp. 183–187.

be **skok-to-* ‘calf, calves (collective),’ i.e., ‘jumping (young animal[s)]’⁴⁹. Second, according to Stankiewicz, it is possible to derive PSlav. **skotǔ* from PSlav. **skopiti* ‘to castrate’⁵⁰. Both etymologies would refer to nominalizations with a common suffix **-tǔ* found in a large number of abstract and concrete nouns including nomina instrumenti. Parallel examples include: **potǔ* ‘sweat’ (OCS *potǔ*, Russian *pot*, Pol. *pot*) derived from **pekti* ‘bake’ (OCS *pešti*, Russian *pieč*, Pol. *piec*) and **plotǔ* ‘fence’ (OCS *plotǔ*, Old Russian *plotǔ*, Pol. *plot*) derived from **plesti* ‘plait’ (Russian *plesti*, Pol. *pleść*).

The intermediate form with *pt*, i.e. **skopt* could be used to explain the presence of the geminate in the Germanic languages⁵¹. Semantically, cattle and money are related because livestock was often used as a means of payment. Even though the borrowing from Slavic can be phonologically and semantically well explained, Pronk-Tiethoff doubts it because of the word’s wide attestation, including North and West Germanic⁵². If one assumes that the word was borrowed into Proto-Germanic, however, this problem seems to be solved. Pronk-Tiethoff advocates an unspecified Germanic word as the donor, but the borrowing from Slavic seems a more attractive explanation.

PSlav. **lěkǔ* ‘medicine’; **lěčiti* ‘to cure’

PGmc. **lěkja-* ‘doctor’; PGmc. **lěkinōn-* ‘to cure’

Martynov again notices a case where the etymology of the Germanic word is unclear (it could stem from Celtic, but it is uncertain). He finds proving the case of borrowing from Slavic problematic, however⁵³. Gołąb and Matasowić doubt the Germanic origin of the word and derive it from PIE **leikʷ* ‘to leave’. Pronk-Tiethoff finds such a semantic shift unlikely⁵⁴. Gołąb even believes **lěkǔ* to be the source of Germanic PGmc. **lěkinōn-* and PGmc. **lěkja-*, which he thinks would fit better phonetically. The explanation offered by Gołąb is that **lěkǔ* could be “an inherited word from PIE **loikó-*, *nomen agentis* from PIE **leik-* ‘leave’⁵⁵ (see Pokorny⁵⁶, s.v. **leikʷ-* ‘lassen, zurück-, übriglassen’ and especially the continuations of the PIE adj. **loikʷo-s-* ‘übrig...’)” and its “concrete meaning would be ‘decoction remaining in the vessel from brewing medicinal herbs.’” This etymology, if not certain, is yet possible, which makes **lěkǔ* the third plausible borrowing from Proto-Slavic to Germanic.

⁴⁹ M. Rudnicki. *Prasłowiańszczyzna – Lechia – Polska*. Vol. 2, 1961, p. 79 (cf. also Z. Gołąb. *The Origins...*, p. 126; Z. Gołąb. *O pochodzeniu...*, p. 323–324).

⁵⁰ E. Stankiewicz. *The Slavic languages: unity in diversity*. Berlin–New York: De Gruyter, 1986, pp. 443–446.

⁵¹ Ibidem.

⁵² S. Pronk-Tiethoff. *The Germanic Loanwords...*, p. 146.

⁵³ For details B.B. Мартынов. *Славяно-германское лексическое...*, pp. 210–217.

⁵⁴ S. Pronk-Tiethoff. *The Germanic Loanwords...*, pp. 115–116.

⁵⁵ Z. Gołąb. *The Origins...*, p. 372.

⁵⁶ J. Pokorny. *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*. Bern–München: Francke Verlag, 1959, p. 669.

Conclusion

The review of etymologies offered by various linguists has shown that **lěkъ*, **lukъ* and **skotъ* are likely to have been borrowed from Proto-Slavic into Germanic and not the other way round. The remaining words have convincing Germanic etymologies and can be considered as certain Germanic borrowings in Proto-Slavic.

Apart from the two scenarios considered in the present paper, it cannot be excluded that there are other possibilities, such as: common origin (e.g. **bljudo*, **beuda-* and **lugъ*, **laugō*), or borrowing from a different source (e.g. **kupiti* from Latin *caupō*), though these are less likely.

Despite some inaccuracies, Martynov's work inspired other scholars to consider the possibility of Proto-Slavic borrowings in (Proto-)Germanic. Both most comprehensive works concerning early Slavic-Germanic contacts written after Martynov's publication (i.e. Gołąb 1992 and Pronk-Tiethoff 2013) contain sections on Proto-Slavic loanwords in Germanic. There is no consensus among linguists as to the exact number of borrowings from Germanic in Proto-Slavic or the reverse. Even a brief analysis shows great discrepancies in views of various scholars. The number of borrowings from Proto-Slavic into Germanic and the reverse is also highly controversial. Gołąb speaks of 13 and 45 loanwords, whereas Pronk-Tiethoff mentions 8 and 76 respectively. The low number of loanwords from Proto-Slavic into Germanic advocated by Pronk-Tiethoff results from the fact that she dismisses the possibility of interaction between speakers of Proto-Slavic and Proto-Germanic. Out of 8 probable Proto-Slavic loanwords in Germanic listed by Pronk-Tiethoff, none overlaps with the borrowings quoted by Martynov, the reason being dating the time of the first contact by eight centuries later and locating the Slavic homeland further to the east. According to Pronk-Tiethoff, "if it is possible to prove or put a convincing case for Proto-Slavic loanwords in Germanic, these must be words that were either borrowed into Gothic or into West Germanic"⁵⁷.

Gołąb believes there are 13 plausible Proto-Slavic loanwords in Germanic. Insignificant as this number may seem, Gołąb considers it a solid evidence that the contacts between the Proto-Slavs and Germanic tribes were not as one-sided as it is sometimes assumed⁵⁸. Out of the 8 probable Proto-Slavic loanwords in Germanic listed by Pronk-Tiethoff only 1 is mentioned by Gołąb. The words could be assigned to various periods of borrowing, making the corpus of possible Proto-Slavic loanwords in the Germanic languages significantly larger.

It seems that Germanic did not remain untouched by Slavic lexical influence. However, in view of the fact that there has been little research into Proto-Slavic borrowings in Germanic, there is definitely a need for further investigation of the topic.

Bibliography

Borowiec K. *Kanon wiedzy na temat tzw. etnogenezy Słowian. Czas przełomu*. „Kwartalnik Językoznawczy” 2012, No 1.

⁵⁷ S. Pronk-Tiethoff. *The Germanic Loanwords...*, p. 70.

⁵⁸ Z. Gołąb. *The Origins...*, p. 342.

- Godłowski K. *Pierwotne siedziby Słowian*. Kraków: IA UJ, 2000.
- Gołąb Z. *O pochodzeniu Słowian w świetle faktów językowych*. Kraków: Universitas, 2004.
- Gołąb Z. *The Origins of the Slavs. A Linguist's view*. Columbus: Slavica Publishers, 1992.
- Holzer G. *Review of Saskia Pronk-Tiethoff's Germanic Loanwords in Proto-Slavic*. „Slavia Cestralis” 2014, No 1.
- Juras A. *Etnogeneza Słowian w świetle badań kopalnego DNA*. Praca doktorska przygotowana pod kierunkiem prof. dra hab. Janusza Piontka w Zakładzie Biologii Ewolucyjnej Człowieka Instytutu Antropologii na Uniwersytecie im. A. Mickiewicza w Poznaniu. Poznań, 2012.
- Kiparsky V. *Die gemeinlavischen Lehnwörter aus dem Germanischen*. Helsinki: Druckerei der Finnischen Literaturgesellschaft, 1934.
- Kroonen G. *Etymological Dictionary of Proto-Germanic*. Leiden–Boston: Brill, 2013.
- Mallory J.P. *In Search of the Indo-Europeans: Language, Archaeology, and Myth*. London: Thames and Hudson, 1989.
- Mallory J.P. and Adams D.Q. *Encyclopedia of Indo-European Culture*. London and Chicago, 1997.
- Mańczak W. (Ed.) *Praojczyzna Słowian. Zbiór wypowiedzi*. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2001, p. 32.
- Matasović R. *Etymological Dictionary of Proto-Celtic*. Leiden Indo-European Etymological Dictionary Series 9, Leiden and Boston: Brill, 2009.
- Miklošič F. *Die Fremdwörter in den slavischen Sprachen*. [In:] *Denkschriften (Akademie der Wissenschaften in Wien. Philosophisch-historische Klasse)*. Vol. 5. Wien: Aus der Kaiserlich-Königlichen Hof- und Staatsdruckerei, 1867, pp. 73–140.
- Noińska M. *Genetyka populacyjna a problem etnogenezy Słowian*. „Studia Rossica Gedanensia” 2016, vol. 3, pp. 143–156.
- Noińska M., Rychło M. *The Indo-European heritage of the relatively secure Germanic loanwords in Proto-Slavic*. (in press)
- Orel V. *A Handbook of Germanic Etymology*. Leiden–Boston: Brill, 2003.
- Pokorny J. *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*. Bern–München: Francke Verlag, 1959.
- Piontek J., Iwanek B., Segda S. *Antropologia o pochodzeniu Słowian*. Monografie Instytutu Antropologii UAM. Poznań: Instytut Antropologii UAM, 2008.
- Pronk-Tiethoff S. *The Germanic Loanwords in Proto-Slavic*. Amsterdam–New York: Editions Rodopi, 2013.
- Rudnicki M. *Prasłowiańszczyzna – Lechia – Polska*. Vol. 2: *Wspólnota słowiańska – Wspólnota lechicka – Polska*. Seria Prace Komisji Filologicznej – Poznańskie Towarzystwo Przyjaciół Nauk, Vol. 19, No 1. Poznań: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1961.
- Rychło M. and M. Noińska (in preparation). *Proto-Slavic *lukъ ‘chive, onion’: the donor or the loanword?*
- Shevelov G.Y. *A Prehistory of Slavic: the Historical Phonology of Common Slavic*. Heidelberg: Carl Winter, 1964.
- Stankiewicz E. *The Slavic Languages: Unity in Diversity*. Berlin–New York: Mouton de Gruyter, 1986.
- Мартынов В.В. *Славяно-германское лексическое взаимодействие древнейшей поры*. Минск: Издательство Академии наук БССР, 1963.

LEKSYKOLOGIA I SEMANTYKA
ЛЕКСИКОЛОГИЯ И СЕМАНТИКА
LEXICOLOGY AND SEMANTICS

O ROSYJSKOŚCI SYNTETYZMU *PÓŁTORATONÓWKA*

JAN WAWRZYŃCZYK

profesor emeritus

Uniwersytet Warszawski, Polska

e-mail: j.wawrzynczyk@uw.edu.pl

(nadesłano 4.11.2017; zaakceptowano 5.11.2017)

Abstract

The note is devoted to the history of the Polish word *półtoratonówka*. The question is raised about the beginning and extinction of its Russian connotation.

Key words

Russianism, univerbation, *półtoratonówka*, polutorka truck, translation.

Резюме

O русскости универба *półtoratonówka*

Заметка посвящена истории польского слова *półtoratonówka*. Ставится вопрос о зарождении и угасании его русской коннотации.

Ключевые слова

Русизм, универб, *półtoratonówka*, полуторка, полуторатонка, перевод.

Ten rzeczownik nie występuje w żadnym z podstawowych słowników ogólnych języka polskiego (od „Lindego” do „Dubisza”)¹. Odnotowany został dopiero w jednym

¹ Ich listę z dokładnymi danymi bibliograficznymi por. w: J. Wawrzyńczyk. *250 tysięcy ciekawych słów. Leksykon przypomnień*. T. 1. Wyd. 2 poszerz. Warszawa: BEL Studio, 2016, s. 7.

ze specjalnych opracowań leksykograficznych poświęconych tzw. nowemu słownictwu polskiemu². W pracy tej wyraz został udokumentowany³ jednym jedynym cytatem – z nieistniejącej dziś gazety „Sztandar Młodych”, wydawanej w Warszawie. Rozszerzona obserwacja polskich tekstów wydanych po II wojnie światowej, wykraczająca znacznie śmieiej poza ten krąg publikacji prasowych i pozaprasowych, który ekscerpowany jest już od wielu lat przez samą Teresę Smólkową⁴, a następnie przez zespół pod jej kierunkiem, umożliwiła zebranie innych świadectw bytowania rzeczownika *półtoratonówka* w języku polskim, świadectw starszych.

Najwcześniejsze świadectwa życia danego syntetyzmu, jakie mi się udało znaleźć, związane są mocno, jednoznacznie z rzeczywistością rosyjską i jej odzwierciedleniem w tekstach polskich, tłumaczonych i oryginalnych.

Charakterystyczne jest jego użycie przez Ferdynanda Goetla (pisarza o dorobku nader znaczącym dla relacji polsko-rosyjskich) w narracji osnutej na przekazie słów Rosjanina świadka zdarzeń w wiadomym lesie katyńskim:

W marcu 1940 pracowałem, jak zwykle, przy inspektach. Podczas pracy zauważyłem przejeżdżający drogą konwój samochodów. Najpierw samochód osobowy, później dwa wozy więzienne, zamknięte i czarne, znane powszechnie pod nazwą „czornyj woron”. Za nimi półtoratonówka.⁵

Nie wiemy, jakiego słowa użył w rozmowie z Goetlem rosyjski informator, mogła to być *полуторка* albo *полуторатонка*. Pierwsze poświadcza na przykład Aleksander Solżenicyn:

Но армии проснулись, пошли в наступление, – и Наде пришлось ехать домой – опять в той же неуклюжей гимнастерке, с тем же поддельным красноармейским билетом. Полуторка увозила ее по лесной просеке, и она из кузова еще долго-долго махала ему.⁶

Drugie słowo potwierdza m.in. Wałam Szalamow:

Мы вышли к машине. Полуторатонка с откинутым кузовом⁷.

Istotne jest, że zarówno tłumacz utworu Solżenicyna, jak i tłumacz Szalamowa wygenerowali w procesie przekładu ten sam syntetyzm: *półtoratonówka*⁸.

² *Nowe słownictwo polskie. Materiały z prasy lat 1985-1992. Cz. 2: P-Ż*. Red. T. Smólkowa. Kraków: Wydawnictwo IJP PAN, 1999.

³ Na s. 69. wyrazisty cytat posłużył zespołowi do sformułowania definicji: ‘samochód ciężarowy, którego dopuszczalna ładowność wynosi półtorej tony’.

⁴ Por. T. Smólkowa. *Nowe słownictwo polskie. Badania rzeczowników*. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1976.

⁵ Por. F. Goetel. *Czasy wojny*. Londyn: nakł. Katolickiego Ośrodka Wydawniczego „Veritas”, 1955, s. 262.

⁶ Por. A. Солженицын. *Собрание сочинений в шести томах*. Т. 3: *В круге первом*. Frankfurt/Main: Посев, 1969, s. 283.

⁷ В. Шаламов. *Собрание сочинений в шести томах*. Т. 1. Москва: Терра – Книжный клуб, 2004, s. 191.

⁸ A. Solżenicyn. *Krąg pierwszy*. Przeł. M. Kaniowski. Paryż: Instytut Literacki, 1970, s. 248; W. Szalamow. *Opowiadania kołymskie. I: Pierwsza śmierć*. Przeł. J. Baczyński. Gdańsk: Atex, 1991, s. 197.

O trwałości tekstowej, o cyrkulacji derywatu *półtoratonówka* w świecie tekstów polskojęzycznych świadczy cytat z 9. (tak!) wydania polskiego znanej powieści *В окнах Сталинграда*⁹:

Kapitan przychodzi o świcie. Za pięć minut ma tu być półtoratonówka – pojeździemy do fabryki traktorów.

Leksykalna nowość *półtoratonówka* nie została chyba odnotowana w pracy Jaworskiej o rusycyzmach¹⁰, zapewne z powodu jej nieobecności w słownikach języka polskiego.

Dla nosicieli polszczyzny, native speakerów, wciągniętych w orbitę kultury, literatury i języka rosyjskiego po 1945 roku, omawiany wyraz niewątpliwie miał konotację rosyjskości. Wraz z wygasaniem znaczenia języka rosyjskiego, związanym z zachodzącymi zmianami politycznymi, ta konotacja musiała z biegiem lat osłabnąć i w końcu zaniknąć. Równocześnie zaczęły się bowiem pojawiać liczne nowe związki wyrazowe z przymiotnikiem *półtoratonowy*, odnoszące się nie tylko do samochodów ciężarowych, lecz także do aut osobowych oraz innych obiektów o wyróżniającej się, ponadnormatywnej itp. wadze. Odpowiednich przykładów dostarczają dane Internetu. Od lat można w nim zobaczyć związki owego przymiotnika m.in. z rzeczownikami: *ciało, ciągniki, cielsko, figury, kombi, ładunki, odważniki, ople, osobówki, płyty, zwierciadło, żarna* i wielu, wielu innymi. Zwróćmy uwagę, że większości implikowanych tu analizów mogą odpowiadać w praktyce mownej, w spontanicznej komunikacji syntetyzmy: *półtoratonowe ciało > półtoratonówka, półtoratonowe ciągniki > półtoratonówki, półtoratonowe cielsko > półtoratonówka* itd. itp. Mówiący, nadawca komunikatu z reguły nie krępuje się tu homonią, kłopot niejednoznaczności pozostawia odbiorcy.

Nie należy też zapominać, że przymiotnik *półtoratonowy* jest homofoniczny, ma w swej podstawie rzeczownik (1) *tona* i/albo (2) *ton*. Półtoratonowe są i dźwięki, stąd możliwa – co najmniej teoretycznie – *półtoratonówka* ‘dźwięk, głos ...’ O zaistnieniu tego rodzaju bytów rozstrzygają zawsze konkretne potrzeby **onomazjologiczne** nadawcy.

Bibliografia

- Goetel F. *Czasy wojny*. Londyn: nakł. Katolickiego Ośrodka Wydawniczego „Veritas”, 1955.
Niekrasow W. *W okopach Stalingradu*. Przekł. J. Jędrzejewicz. Wyd. 9. Warszawa: Czytelnik, 1966.
Nowe słownictwo polskie. Materiały z prasy lat 1985-1992. Cz. 2: P-Ż. Red. T. Smółkowa. Kraków: Wydawnictwo IJP PAN, 1999.
Smółkowa T. *Nowe słownictwo polskie. Badania rzeczowników*. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1976.
Solżenicyn A. *Krąg pierwszy*. Przeł. M. Kaniowski. Paryż: Instytut Literacki, 1970.

⁹ W. Niekrasow. *W okopach Stalingradu*. Przekł. J. Jędrzejewicz. Wyd. 9. Warszawa: Czytelnik, 1966, s. 117.

¹⁰ Ю. Л. Яворская. *Очерки по русско-польским языковым взаимодействиям*. Szczecin: Wyższa Szkoła Pedagogiczna, 1983. W publikacji (bardzo trudno czytelnej reprodukcji maszynopisu) brak indeksu omówionych wyrazów.

- Szałamow W. *Opowiadania kołymskie. I: Pierwsza śmierć*. Przeł. J. Baczyński. Gdańsk: Atex, 1991.
- Wawrzyńczyk J. *250 tysięcy ciekawych słów. Leksykon przypomnień*. T. 1. Wyd. 2 poszerz. Warszawa: BEL Studio, 2016.
- Солженицын А. *Собрание сочинений в шести томах*. Т. 3: *В круге первом*. Frankfurt/Main: Посев, 1969.
- Шаламов В. *Собрание сочинений в шести томах*. Т. 1. Москва: Терра – Книжный клуб, 2004.
- Ю. Л. Яворская. *Очерки по русско-польским языковым взаимодействиям*. Szczecin: Wyższa Szkoła Pedagogiczna, 1983.

ГРАММАТИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ
ТИПОЛОГИЯ ГЛАГОЛОВ.
ВОЗВРАТНЫЕ НОВАЦИИ
В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

ВЛАДИМИР Н. ШАПОШНИКОВ

Московский государственный психолого-педагогический университет
Факультет иностранных языков

Кафедра лингводидактики и межкультурной коммуникации
ул. Василия Ботылева, д. 31, 121500, Москва, пос. Рублево, Россия
e-mail: vladimirshaposhnikoff@yandex.ru

(получено 16.08.2017; принято 27.09.2017)

Abstract

**Grammar-semantic Typology of Verbs.
Innovations of Reflexives in Contemporary Russian**

In the article, the grammatical-semantic typology of verbs is considered. The morpho-syntactic classes of verbs in the contemporary Russian language are noted. The reflexive verbs and the principles of their description are analyzed. New phenomena of reflexivity and its types in the Russian language are described, based on the semantic, derivational and syntactic criteria.

Key words

Verb, verb typology, reflexive verbs, grammatical-semantic classes, language changes.

Резюме

Рассматривается грамматико-семантическая типология глаголов. Выделяются морфосинтаксические классы глаголов в современном русском языке. Анали-

зируется область возвратных глаголов, принципы их описания. Описываются новые явления возвратности и их типы в русском языке, выделяемые по логико-семантическому, деривационному и структурно-синтаксическому основаниям.

Ключевые слова

Глагол, типология глаголов, возвратные глаголы, грамматико-семантические классы, языковые изменения.

Многообразная структура языка и языковая семантика, ее развитие включает различные по положению части и элементы. В языковой организации содержание глагола сосредоточивает самый богатый набор грамматических категорий; он представляет целую процессуальную ситуацию, семантическими компонентами которой наряду с действием являются различные номинативные участники. Парадигма глагола охватывает различные аспекты языковой структуры. В грамматической системе выделяются глагольные типы, которые объединяются групповыми номинативными значениями и выражают их избранными и сопоставленными формальными средствами. Система и структура языка характеризуется тем, что общий состав этих способов глагольного действия окончательно не установлен. Данные номинативно-грамматические разряды – способы действия – связаны с системой грамматических категорий. По своей природе это семантико-морфологические, лексико-грамматические общности языковых единиц.

При описании структуры языка выделяются по присущим глаголам грамматическим связям синтактико-семантические классы, которые имеют типовые значения и общие категориальные управляющие и синтаксические трансформационные свойства. При их внутренней соотнесенности синтаксические свойства глаголов не только служат основанием для формирования семантических классов, но и основой для предсказания управляющих свойств глаголов¹. В принципе отмечается², что синтактико-семантические классы глаголов связаны с морфологическими категориями: видом, залогом, наклонением и временем. Принадлежность к выделяемому лексико-грамматическому классу формирует определенные закономерности количества, состава и ранга семантических отношений – актантов глагола.

В современном русском языке возникают новые по конструктивным составляющим признаками типовые явления лексико-грамматического материала. Развиваются новые типовые явления особой структурно-семантической области – возвратных глаголов. Содержание возвратных глаголов является сложным феноменом, трудным для логического определения. Сложность проявля-

¹ *Теоретические проблемы русского синтаксиса*. Отв. ред. Ю.Д. Апресян. Москва: Языки славянских культур, 2010, с. 289.

² Ю.Д. Апресян. *О толковом словаре управлений и сочетаемости русского глагола*. [В:] *Словарь, грамматика, текст*. Москва: Институт русского языка им. Виноградова, 1996, с. 21.

ется в их группировке. Ср. отмечавшиеся группы возвратных глаголов от пяти основных (собственно-возвратные, взаимно-возвратные, активно-безобъектные, косвенно-возвратные, общевозвратные) до десяти и более групп³. Возвратные группы выделяются не всегда под теми же названиями.

Вся данная структурная область характеризуется тем, что объективно происходит соединение и смешение принципов описания возвратных глаголов, – отмечаемых логико-семантического и деривационного подходов в их изучении. Так, собственно возвратные и активно-безобъектные возвратные глаголы выделяются по значению, привнесенному аффиксом *-ся*; общевозвратные и взаимно-возвратные глаголы выделяются по лексическому значению глагола; безличные возвратные глаголы выделяют на иносистемном для морфологии – синтаксическом основании отсутствия подлежащего⁴.

Исследовательское совмещение подходов обуславливается эмпирически грамматическим материалом языка. Полное описание возвратных глаголов вынуждено учитывать как те формальные отношения, которые связывают возвратный глагол с его производящим невозвратным, так и те смысловые связи, которые существуют между различными возвратными глаголами. Русские возвратные глаголы образуют сложную сеть, в которой выявляются конструктивные планы – деривационный и собственно семантический, а также структурно-синтаксический аспект языковых единиц.

В целом возвратные глаголы семантически и структурно весьма неоднородны. Неоднородность приводит к трудности и противоречиям в определении возвратных глаголов. Глаголы по-разному включаются и трактуются в их группировках. Так, в одной приводившейся классификации в группе рефлексивно-посессивных указываются глаголы «прищуриться, публиковаться»⁵. Однако по внутреннему семантическому признаку субъектной и объектной локализации действия они различны, в силу чего могут быть отнесены к разным лексико-грамматическим группам. Аналогично, трактующиеся как пассивно-качественные глаголы «читается, запирается» различаются по субъектному и объектному признакам действия. Ср. преобразование: *читается*, напр., *Флешка не читается; смотреться*, напр., *Вообще-то фильм смотрится* (газета «Маяк», 01.07.2016); *стираться* (1. *Пиджак стирается, изделие не стирается*, т. е. можно/нельзя стирать; 2. *Материал стирается*, т. е. возможно отстирать); *гладиться*, напр., *Ткань не гладится*.

Неоднородность глаголов связана с природой возвратного показателя *-ся*, который занимает конструктивно промежуточное положение среди типов морфем. Постфикс *-ся* по базовой характеристике – отношению значения морфемы к значению целого, в состав которого она входит, – находится между типом морфем, значение которых прямо и непосредственно входит в значение целого,

³ Ю.П. Князев. *Русские возвратные глаголы на семантической карте рефлексивности*. [В:] *Грамматические процессы и системы в синхронии и диахронии*. Ред. колл. А.М. Молдован и др. Москва: Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 2016, с. 34.

⁴ *Русская грамматика*. Т. 1. Ред. Н.Ю. Шведова. Москва: Высшая школа, 1980, с. 279.

⁵ Ю.П. Князев. *Русские возвратные глаголы...*, с. 35.

и морфемами, чье значение только косвенно и опосредованно входит в значение целого.

Как и существовавшие группы материала, новые явления возвратности и их разновидности выделяются и группируются в зависимости от конструктивных показателей определенных языковых уровней: типа лексического значения, словообразовательной связи глагола, характера синтаксических связей в предложении и соответствующего им внутрисконструктурного соотношения семантических и синтаксических актантов глагола.

I. Субъектно-результативный тип глаголов.

Приставочные глаголы с определенным значением.

Совершенный вид.

Засветиться. Ранее глагол представлял собой начинательный тип семантики (оказаться под освещением, стать объектом физического действия со стороны). Ср. толкование МАС⁶: Засветиться. 1. – над, 2. – чем. Представляется другой тип действия по сравнению с семантикой существовавшего глагола – ‘достичь известного состояния’: 1) *Фьюджит уже успел засветиться в паре десятков фильмов и сериалов* (газета “Metro”, 15.06.2016); 2) Совершенный и несовершенный вид в значении совершенного вида: *Чубик также не захотел засвечиваться* (В.С. Маканин. *Андеграунд, или Герой нашего времени*, 1998).

Конструктивные параметры нового глагола следующие: изменение субъекта действия – одушевленный предмет; изменение структуры семантики – активный процесс; устранение определяющего компонента значения – начала действия и его сосредоточенности; изменение управления (семантического компонента пространства) – *где*; устранение орудийной связи – *чем*; устранение структурной связи со значением пространства; приобретение качественно-результативной связи, т. е. обозначение цели и результата действия; обозначение производителя действия – продвижение в новое состояние и включение нового качества.

Аналогичны по типу значения, словообразовательной структуре, характеру синтаксических связей и внутреннему соотношению семантических и синтаксических актантов глаголы: *подвинуться*, просторечное, напр., *подвинулся рассудком*; *сдвинуться* (Убогий божж... сдвинулся на Осе Мандельштаме. Ю. Кузнецов); *прокапаться*, напр., *Я сейчас прокапаюсь и пойду на другие процедуры*; *пролечиться*, напр., *Надо пролечиться. Потом будет ясно*; *пронаблюдаться*, напр., *Пронаблюдаться у специалиста*; *выдвинуться*, напр., *304 кандидата выдвинулись самостоятельно*; *избираться*, напр., *Он в ноябре избирается*; *обсудиться*, напр., *Он обсудился на кафедре*.

⁶ МАС – здесь и далее: *Малый академический словарь*. Ред. А.П. Евгеньева. Москва: Русский язык, 1981–1984.

При образовании этого типа возникает омонимия, как то: *проколоться* I. (напр., *Ты там прокололся*, т. е. допустил оплошность); *проколоться* II. (напр., *Проколетсяь, потом придете на прием*).

Внутри грамматико-семантического типа выделяются разновидности и более мелкие подгруппы. Новые глаголы соотносятся с существительными, то есть семантика мотивирована предметом: *защититься*, напр., *Он защитился недавно*; *пропиариться*; *освободиться*, напр., *Я в прошлом голу освободился*; *демобилизоваться*; *призываться*, напр., *Я призывался в Саратове*; *светиться*, скажем, *Не надо там светиться* (устная речь, 2001); *остепениться*, напр., *остепененные преподаватели*; разговорные *одоцентиться* и *предзащититься*; просторечные *устаканиться*, *остограмиться*, *остаканиться*, *ополлитриться*.

Морфемная, приставочно-суффиксальная структура глаголов этого типа соответствует их семантике и синтаксическим свойствам. По типу семантики это не автокаузативные глаголы, не собственно причинные по внутреннему строению содержания. Ср. пример последних: *Андрей спрятался за высоким памятником*; *Они летели вместе <...> и там познакомились*⁷. В определении семантики автокаузативных глаголов субъект полностью обуславливает действие и является его единственной исчерпывающей причиной, что не тождественно содержанию образующихся глаголов субъектно-объектно-результативного типа, обозначающих стороннего содействителя, для которого субъект является объектом. Субъектно-результативные глаголы также отличаются от внешне похожих глаголов собственно возвратного типа, которые обозначают физическое действие, направленное на самого деятеля и совершаемое им самим в своих интересах. Образовавшиеся глаголы соотносятся с трактовкой рефлексивно-посессивной группы, то есть возвратно-притяжательными глаголами. Однако в дополнение к тому содержанию, в выделяющихся субъектно-объектных новациях субъект производит действие и при этом результат является объектом некоторого процесса; таким образом действие возможно под влиянием другого, стороннего источника, и субъект изменяется под влиянием действия. Субъектно-результативный тип несколько отличается от выделявшихся рефлексивно-каузативных глаголов: *завербоваться*, *казаться*, *жениться*⁸; ср. также *сдаться*, *отметиться*. Таким образом, у субъектно-объектно-результативной лексемы иное соотношение семантических и синтаксических актантов: деятеля – подлежащего, объекта и пациенса – дополнения.

На общей карте рефлексивности, концептуальной схеме представления возвратности в современной грамматической теории, основанной на принципах непрерывности и смежности значений⁹, в грамматической системе эти глаголы более удалены от области пассива – правой части карты и сдвинуты к ее противоположной левой части, крайняя точка которой маркируется формой

⁷ Ю.П. Князев. *Русские возвратные глаголы...*, с. 35.

⁸ Там же, с. 34.

⁹ M. Haspelmath. *The geometry of grammatical meaning: semantic maps and cross-linguistic comparison*. [B:] *The new psychology of language*. V. 2. Mahwah, NJ: Erlbaum, 2003, с. 96.

английского языка *himself*, но после срединной части, показываемой формой французского языка *se*.

Глаголы данного типа соотносительны с глаголами без постфикса *-ся*, которые являются переходными. Функции морфемы *-ся* в образованных глаголах двойственны, прямо входя в значение целого – слова и относясь к значению синтаксической единицы.

II. Субъектно-страдательный тип (агентивный пассив).

Первоначально этим способом преобразовывались бесприставочные глаголы. Они формально соотносительны с глаголами без постфикса *-ся*, переходными, т.е. управляемыми объектным значением.

Семантика этого типа образуется в измененных компонентах: субъект действия становится объектом воздействия и в силу этого изменяется.

Вестись / Повестись. Разговорное. Действительный залог.

Образуется семантическая связь контрагента – на что, либо глагол без дополнения – обозначения участника ситуации: *Главное на это не вестись, типа нет никого* (В. Дурненков. *Мир молится за меня*, 2005); *Молодой партийный функционер повелся на эту провокаторшу-проститутку* («Литературная газета» 2016, № 42).

Купиться / Покупаться. Например, *Как люди могут **покупаться** на соборную шубу для жены и мерседес для сына* (В. Громов. *Компромат для олигарха*, 2000).

Тащиться. Просторечное. Образован от переходного глагола: *Он **тащится** с нее* (устная речь).

Подставиться / Подставляться. Разговорное.

Одновалентный глагол с главной субъектной связью. Он образован от переходного трехвалентного глагола *подставить*, который был семантически преобразован в связи с объектом, ставшим одушевленным, и изменен структурно-семантически.

Напрягаться. Просторечное. Несовершенный вид: *Я один доедал суп, **напрягался*** (устная речь). Одноактантный глагол, одна валентность которого является разорванной. Цепь семантического преобразования: *напрягать, что* → *напрягать, кого* → *напрягаться*. Происходит изменение акциональности, степени действия в содержании глагола.

Все эти глаголы могут иметь валентность причинно-следственной связи, но являются информационно полными и сами по себе.

III. Субъектно-целевой тип.

Догнаться / Догоняться. Просторечное. Новообразование. Совершенный и несовершенный вид: *Они там сидели, догонялись; Надо догнаться; Догонимся* (устная речь).

Структура появившегося значения: 'изменить себя' плюс 'достичь состояния'. В соответствии с ней появляется косвенная валентность – творительный падеж орудийного значения: *Они догонялись пивом* (устная речь, 2001).

Оттянуться/ Оттягиваться.

Формально исходный глагол *тянуться* и производный от него *протянуться* включает в свое содержание параметрический компонент и насчитывает в своей структуре до 4 валентностей: объект (что тянется), направление (куда), путь (через что, между чего, по чему, вдоль чего) и расстояние (на сколько). Первая из этих позиций характеризуется тем, что ее может заполнять субъектная валентность. Появившийся затем глагол физического действия *оттянуться* имел значение 'отвиснуть', разговорное. В нем произошло упрощение структуры валентностей.

Имевшиеся семантические валентности устранились во внутренней перестройке новообразования. Обязательной главной валентностью становится субъектная: *Мы оттягивались*. У семантического новообразования появились другие структурные связи: *Потом ← мы оттянемся → по полной* (устная речь), т.е. семантические роли времени и образа действия.

Сформировалось второе значение данного глагола, при котором имеется новая валентность пациенса: *оттянуться* – на ком / чём.

Оторваться. Просторечное. Одновалентный глагол, напр., *Никто не оттягивается так, как русские* (Интернет, 2016).

Эти возвратные глаголы образованы от переходных глаголов с развитой системой актантов, которые устраняются. В общем этот семантический тип отличается от собственно возвратных глаголов (*умываться, подготовиться*), которые обозначают физическое действие, направленное деятелем на себя и на нем сосредоточенное. Данные же глаголы обозначают действие, направленное на результат, которое прикладывается не к границе, а к некоторой находящейся на развитой стадии состояния точке.

IV. Объектно-целевой тип.

Его создают приставочные глаголы, образованные от бесприставочных возвратных глаголов, которые образованы в свою очередь от переходных, т.е. имевших прямой объект глаголов.

Позаниматься. Совершенный вид в значении несовершенного. Действительный залог – 'заняться деятельностью, обратиться к деятельности': *Может, логистикой позанимаемся?* (газета, 2015); *Я вчера позанимался, поизучал этот закон* (ТВ, 2016). Ср. ранее: *Позанимайся с ним* (Чехов). Происходит устранение семантического актанта пациенса; устранение актанта взаимодействия, выражавшегося творительным падежом с предлогом. Устраняется также компонент одушевленности в управлении; устраняется в значении компонент 'некоторое время, немного'; наличие связи (косвенного) объекта – чем.

Структура значения равнозначно 'действие в определенном направлении', 'стремление к участию'.

Показатель лимитатива присоединяется к названию процесса – обозначению самопроизвольного изменения объекта; процесс представляется как ситуация. Видовое значение включает как качественную, так и количественную аспектуальность, а также совмещается с неаспектуальным значением.

Побиться. Совершенный вид в значении несовершенного, напр., А. Поветкин **побьется** за претендента (газета «Коммерсантъ-Daily», 09.04.2015; далее – газета «Ъ»). Устранение актанта взаимодействия в форме творительного падежа с предложением – с кем; наличие целевой валентности – за что.

Побороться. Совершенный вид в значении несовершенного: *Мы решили **побороться** за вашу ногу* (2004); *За пост канцлера **поборется** М. Шульц* (ТВ, 2017).

Преобразование: обозначение субъекта-деятеля в 3 лице; появление целевой валентности – за что; устранение в значении компонента взаимности.

Поругаться. Совершенный вид в значении несовершенного.

1. *Я с ним **поругался***. Разговорное, в значении ‘рассориться’.
2. *Вы пришли **поругаться**?* В значении ‘делать перепалку, схватиться’.

Подражаться.

1. *Не **подрались**?* (устная речь). Разговорное.
2. Совершенный вид в значении несовершенного: *Что, хочешь **подражаться**?* В значении ‘вступить в схватку’.

Пободаться. Просторечное. Одновалентный глагол: обозначает действие с компонентом ‘на необходимом и достаточном уровне’. Например, *Поставили канадцев, поверивших, что способны **пободаться**, на место* (газета «Ъ», 18.08.2016).

Эти глаголы не имеют значения взаимности. Ср. с новообразованиями невозвратного приступательно-перфектного типа: *поучаствовать, попривыкать, пообсуждать*.

V. Объектно-итоговый тип. Совершенный и несовершенный вид.

Получается / Получиться. Например, *В Европу **не получается**?* (А. Битов); *Нет, к Новому году **не получится*** (Р. Сенчин); *Зато **получилось** поучаствовать в конкурсе*.

В содержании новообразования синтактико-семантические планы: действие, сосредоточенное в самом себе, направлено на объект и при этом имеет субъектную перспективу – соединяются. Происходит изменение структурно-семантических связей слова. Изменяется субъект-объектный компонент в содержании новообразования. Например, *С флагом, все-таки, кажется, **получается закончить*** (Р. Сенчин. *Чего вы хотите?*, 2013).

Оформляется сирконстант ‘способ’. Оформляются те или иные сирконстантные связи, в том числе значение меры и степени. Например, *Поговорить об этом стихотворении и о поднятых в нем проблемах **почти не получилось** – пришел брат Алеша* (Р. Сенчин).

Случиться. Совершенный вид.

В лексико-грамматической системе глагол был имплицативным, представляющим своим содержанием два выражаемых и соединяемых понятия. На данной логико-синтаксической основе происходит семантическое новообразование: *С началом строительства «Южного потока», которое случится завтра, <...>* (газета «Ъ», 06.12.2012); *Потом случилась роль; Случилась любовь* (газетное интервью) в значении 'прийти, явиться'.

Субъект устраняется из содержания: *Вначале планировалась встреча Путина с единорогами <...> Не случилось. Зато...* («Российская газета», 10.08.2014); *Сразу не случилось, пишу только сейчас* (Интернет, 2015).

Лексема передвинулась в данный структурно-семантический класс, переходя границы сферы действия, а именно: изменение представления субъекта-деятеля; изменение представления объекта действия – конкретный предмет; изменение в содержании компонента акциональности – его увеличение.

Сложиться. Совершенный вид.

Например: *Не сложилось на курорте, зато...* («Российская газета», 23.06.2014); *Как сложится* (устная речь); *С Красной Поляной не сложилось* (Интернет, 08.02.2016); *Если все сложится, <...> индийцы получают долю пирога в кинопрокате* (газета «Культура», 2017, № 5).

Это значение слова представляет опору на структурную схему другого, предшествующего предложения и на внеязыковую ситуацию. Один актант в разных употреблениях заполняет разные синтаксические функции и семантические роли.

Задаться. Разговорное. Например, *Но с правовой основой, кажется, не задалось с самого начала* («Новая газета», 2017).

Срастись. Просторечное. Например: *Не срослось; Если срастется, то...; Как срастется, Всё срослось* (устная речь).

При устранении субъектной валентности выявляется семантическая роль контрагента или бенефактива (участник, интересы которого непосредственно затрагивает ситуация, или который должен воспользоваться конечным результатом действия, но ни деятелем, ни пациенсом этой ситуации он не является).

VI. Накопительно-объектный тип.

Вкладываться / Вложиться. Семантическое новообразование: действительный залог, совершенный и несовершенный вид. Например: *«Норникель» вложился в проект* (ТВ, 22.06.2016); *Москва предлагает инвесторам вложиться в транспортно-пересадочные узлы* (газета «Аргументы и факты», 2016, № 5).

Преобразование:

- целевая валентность глагола;
- семантическая связь способа – как;
- глагол является объектом глагольного управления;
- наличие субъекта-деятеля.

Структура семантики возвратной новации: субъект-деятель одушевленный; выделенная деятелем из себя предметная часть; приложение данной части к обозначаемому объекту-адресату.

Инвестироваться. Двувидовой глагол. Субъект-деятель одушевленный.

Определиться / Определяться.

В семантической новации устраняются две валентности глагола, функции и признака, и изменяется валентность субъекта. Появляется валентность деятеля-агенса, напр., *Определитесь уже* (Интернет, 2016) и валентность пациенса – актанта, характеристики которого изменяются в результате действий другого лица, напр., *Мы определились с экспертом* (устная речь, 2017).

Интегрироваться. Действительный залог. Двувидовой глагол. Обстоятельственная связь – во что.

Закупаться. Действительный залог. Например, *Мы закупаемся в субботу у знакомых фермеров* (газета «Комсомольская правда», 01.01.2017).

Прикалываться / Приколоться. Просторечное. Структура значения: субъект одушевленный, результат, экспериенцер.

Проставляться. Просторечное. Например, *Она будет проставляться в среду* (устная речь).

В грамматической системе есть формы страдательного залога, которые не являются противопоставленными новообразованию соответствиями.

VII. Притяжательно-возвратный тип.

Образуется от переходных глаголов. Семантически соотносится с глаголами страдательного залога, но отличается по виду.

Распределиться. Например, *По окончании университета он распределился в НИИЛМ.*

Обсудиться. Разговорное. К примеру, *Рабочая группа обсудится в следующем месяце.*

Утвердиться. Разговорное. Например, *Аспирант утвердился в декабре*, т.е. представил желаемую тему / на заседании кафедры утвердили тему работы аспиранта.

Для этой группы не подходят трактуемые как рефлексивно-посессивные глаголы наподобие *прищуриться*, обозначающие действия, которые субъект-деятель совершает полностью для себя, в свою пользу, в своих интересах. Ср. пассивную интерпретацию, которая «предполагает, что данное действие субъект не может произвести над собою сам: Сам я преследовался в 1936 году за антифашистскую деятельность и был уволен из Института гибридизации (Гранин)»¹⁰.

Глаголы устно-разговорной сферы *обсудиться* и т.п. могут квалифицироваться как автокаузативные. Это вызвано различиями трактовки автокаузативности, относящейся к уровню синтаксиса¹¹. Такая трактовка не совпадает с составом примеров типа *спрятаться, познакомиться*.

¹⁰ Ю.П. Князев. *Русские возвратные глаголы...*, с. 34.

¹¹ Е.М. Лазуткина. *О новой модели двусоставного глагольного предложения в современном*

VIII. Деятельно-неперсональный тип.

Глаголы имеют семантические актанты 'обладатель' и 'признак': *Там пятнашка идется / бежится за 48 минут* (устная речь). Ср. выраженный логический субъект-деятель и синтаксический объект – пациенс определенный: *Ой, кому-то нынче плачется, а кому смеется* (песня, 1974); *Чтоб смеялось нам с утра* (песня, 1935). Невыраженный субъект и деятель при выраженном объекте: *Глаза встречаются, надолго изучаются, и так все ясно, слов не говори* (песня, 1973).

Ср. с другой стороны глаголы с семантическими актантами 'способ' и 'цель': *В кружок Анны Павловны принимались из французов только закоренелые легитимисты, и здесь выражалась патриотическая мысль... За военными событиями следилось жадно, и распускались самые выгодные для нашей армии слухи* (Л. Толстой).

В субъектно-неопределенных возвратных глаголах подразумевается субъект-деятель; при этом он прямо не выражен и не выделен в структуре предложения, то есть присутствующий, но неопределенный и обобщенный. Функционировали деятельно-неперсональные глаголы с главной объектной связью, как то: *Топоры, тесаки работали со всех сторон. Все делалось без приказания. Тащились дрова про запас ночи, пригораживались шалашики начальству, варились котелки, справлялись ружья и амуниция; Сражение дается. Убиваются тысячи людей с той и другой стороны* (Л. Толстой). При главной объектной связи в той или иной степени подразумевается субъектная деятельность, причем она двупланова, особенно в *варились котелки, убиваются тысячи людей*.

В неперсональном употреблении отсутствуют критерии пассива. В современном русском языке не выступает дательный и творительный падеж – субъект при возвратном глаголе; нет именительного падежа – субъекта/подлежащего при обозначении физического действия. Например: *В городе действует несколько шалманов, где 100 гр выпивается за 40 р.* (А. Болдырев. *Осадная записка*, 1948).

Обозначается объект действия возвратного глагола при неперсонифицированном субъекте, как то: *Наших женщин так и не отучили носить национальную одежду – сари. В первую очередь по причине простоты. Покупается пять с половиной метров ткани и обматывается вокруг тела за секунды. Всё, платье готово* (газета «Аргументы и факты», 2016, № 42). При этом глагольная форма единственного числа тяготеет к некоторому деятелю, предполагает обладателя действия, который дополнительно раскрывается контекстом за пределами предложения, так что лицо полагается, хотя в очень общем и неконкретизованном виде. Данный семантико-синтактико-словообразовательный тип в современном русском языке развивается. См.: *Волосы мажутся керосином, потом они носятся прямые совсем* (устная речь, 2017), т.е. волосы стоят прямо.

Таковы в целом основные грамматико-семантические типы возвратных глаголов, новации которых образуются и развиваются в современном русском языке. В современном русском языке также появляются, вне особых синтаксических предпосылок образования, возвратные глаголы – неологизмы, которые относятся к определенным выделявшимся ранее семантико-грамматическим группам. Например, новые взаимно-возвратные глаголы *эсемеситься, чатиться*; автокаузативные глаголы *колбаситься* (просторечное), *подтянуться*, к примеру, *Отправляйся, и я скоро туда подтянусь*; неагентивно-пассивные *идентифицироваться, просчитываться*; собственно возвратные глаголы *позиционироваться/позиционировать себя, загружаться*, скажем, *Компьютер загружается, восстанавливаться, шугаться* (просторечное).

При более тщательном и подробном рассмотрении выделяются подтипы возвратных глаголов. Они лексически более ограничены. Так, граница между отмечавшимся декаузативом и пассивом утрачивает четкие очертания в силу наличия «неавтономных» декаузативов¹². Данная разновидность обозначает «неавтономную микроситуацию, являющуюся частью каузативной микроситуации»¹³, в которой лексическое значение основы глагола и семантический тип подлежащего указывают на то, что данная микроситуация не может возникнуть сама по себе. В таких глаголах агентивная ситуация представляется как неагентивная. Выделяются несколько типичных сфер, в которых используются «неавтономные» декаузативы. Это обозначения таких целенаправленных действия, в которых роль производителя действия состоит в их начальном импульсе, а дальнейшее их протекание происходит без его участия. Здесь размещаются также «неавтономные» декаузативные возвратные глаголы, называющие внешний эффект действия, производимого человеком, но его присутствие может быть незаметным.

Возникают еще менее распространенные, окказиональные явления возвратности. Например, областное просторечие: *С Митькой Петровичем? Он ведь вытпивается. Ох уж это не человек, если каждый день бутылка* (Н. Горланова. *Ряженые*, 1997).

Все рассмотренные явления глаголов суть лексика, т.е. значения, лексические связи и сочетаемость, и грамматика, грамматический уровень языка. Лексическая семантика, значение слов влияет на морфологическую синтагматику и на синтаксические отношения, возникающие между словами в предложении. В морфологии между общим значением процессуальности глагола и его типовыми акциональными значениями и значениями категорий залога, вида и склонения, информирующих о связи предметов с предметами и качествами, существует глубокая внутренняя зависимость.

При обусловленности этими категориями функции морфемы *-ся* в образованных глаголах широки, богаты и разнообразны. Эти показатели связаны

¹² Ю.П. Князев. *Русские возвратные глаголы...*, с. 34.

¹³ В.П. Недалков, Э.Ш. Генюшене, *Типология рефлексивных конструкций*. [В:] *Теория функциональной грамматики: персональность; залоговость*. Отв. ред. А.В. Бондарко. Санкт-Петербург: Наука, 1991, с. 262.

с синтагматическими свойствами глаголов. На общей семантической карте рефлексивности в русском языке возвратные глаголы могут выражать все включаемые значения. Совокупность действительных продуктивных значений, связанных с функционированием возвратной морфемы в современном русском языке, показывает, что семантические проблемы категории возвратности имеют к лексикологии тесное отношение наряду с грамматикой. Система глагольных значений, связанных с постфиксом *-ся*, лишь частично основывается на субъектных и объектных отношениях действия. С ними соединились видовые значения действия, значение залога, а в связи с этим – синтагматические и синтаксические свойства и изменения и переходы лексических значений глагола.

Грамматико-семантическое описание дает понимание закономерностей строения парадигмы, связывающих разные формы в совокупность, и картины эволюции и перестройки парадигм; отмечается возникновение, существование и устранение менее регулярных и нерегулярных форм; изменение состава словопорождающих типов и их продуктивности; отмечается место и ранг элементов в парадигме, среди которых возможно различие исходных и более или менее важных форм.

Литература

- Апресян Ю.Д. *О толковом словаре управления и сочетаемости русского глагола*. [В:] *Словарь, грамматика, текст*. Москва: Институт русского языка им. Виноградова, 1996.
- Виноградов В.В. *Русский язык. Грамматическое учение о слове*. Москва: Высшая школа, 1972.
- Исследования по теории грамматики*. Вып. 6: *Типология аспектуальных систем и категорий*. Ред. Е.В. Головки, М.А. Даниэль, В.А. Плунгян, Кс.П. Семёнова. Москва: Наука, 2012.
- Князев Ю.П. *Русские возвратные глаголы на семантической карте рефлексивности*. [В:] *Грамматические процессы и системы в синхронии и диахронии*. Ред. колл. А.М. Молдован и др. Москва: Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 2016.
- Лазуткина Е.М. *О новой модели двусоставного глагольного предложения в современном русском языке*. [В:] *Грамматические процессы и системы в синхронии и диахронии*. Ред. колл. А.М. Молдован и др. Москва: Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 2016.
- Малый академический словарь*. Ред. А.П. Евгеньева. Москва: Русский язык, 1981-1984.
- Недялков В.П., Генюшене Э.Ш. *Типология рефлексивных конструкций*. [В:] *Теория функциональной грамматики: персональность; залоговость*. Отв. ред. А.В. Бондарко. Санкт-Петербург: Наука, 1991.
- Русская грамматика*. Т. 1–2. Ред. Н.Ю. Шведова. Москва: Высшая школа, 1980.
- Современный русский литературный язык: учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению и специальности "Филология"*. Ред. П.А. Лекант. Изд. 3-е, испр. и доп. Москва: Высшая школа, 1996.
- Теоретические проблемы русского синтаксиса. Взаимодействие грамматики и словаря*. Отв. Ред. Ю.Д. Апресян. Москва: Языки славянских культур, 2010.
- Шанский Н.М., Бабайцева В.В. *Современный русский язык*. В 3-х частях. Москва: Просвещение, 1987.
- Haspelmath M. *The geometry of grammatical meaning: semantic maps and cross-linguistic comparison*. [В:] *The new psychology of language*. V. 2. Mahwah, NJ: Erlbaum, 2003.

РУССКИЕ И НОВОГРЕЧЕСКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ, ВЫРАЖАЮЩИЕ СКОРОСТЬ ДЕЙСТВИЯ

PIOTR SIWCZAK

Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu
Wydział Neofilologii
Instytut Językoznawstwa
Al. Niepodległości 4, 61-874 Poznań, Polska
e-mail: piotrsiwczak@interia.pl
(nadesłano 1.07.2017; zaakceptowano 20.09.2017)

Abstract

Concept of speed in Russian and Modern Greek phraseology

Due to social and cultural changes, a 21st century man more and more often expects fast and effective solutions enabling him to realize his resolutions, overcome difficulties or achieve success. The article is devoted to the comparative study of Russian and Modern Greek phraseological units expressing the speed of action. The author attempts to define the semantic structure and points out principal similarities and differences in the use of those expressions in daily communication.

Key words

Russian phraseology, Modern Greek phraseology, speed, linguistics, comparative studies.

Abstrakt

Koncept 'szybkość' we frazeologii rosyjskiej i nowogreckiej

W rezultacie zaistniałych przemian społecznych i kulturowych człowiek XXI wieku coraz częściej oczekuje szybkich i skutecznych metod realizacji własnych postanowień, pokonywania trudności czy osiągnięcia sukcesu. Artykuł jest próbą komparatywnego

przedstawienia rosyjskich i nowogreckich frazeologizmów wyrażających znaczenie szybkości akcji, określenia ich struktury semantycznej oraz wskazania zasadniczych podobieństw i różnic w użyciu tychże jednostek w codziennej komunikacji.

Słowa kluczowe

Frazeologia rosyjska, frazeologia nowogrecka, szybkość, językoznawstwo, komparatystyka .

Сегодня в мире, следует сказать с большой вероятностью, господствует общеизвестный тренд на то, чтобы человек XXI века мог сделать что-нибудь, получить какую-либо вещь или добиться какого-либо успеха как можно быстрее. Эта тенденция, в свою очередь, приводит к широко используемым средствам разных уровней языка для выражения скорости действия – например, во фразеологии. В связи с этим, смысл настоящей статьи заключен в компаративном анализе русских и новогреческих ФЕ со значением скорости; определяя семантическую структуру, а также выявляя принципиальные сходства и различия в плане их употребления в речи. По нашему мнению, данный текст дополняет существующие знания в области сопоставительного описания проблемы на русской и новогреческой почвах.

Процесс вербализации концепта *скорость* осуществляется в парах слов: *быстро-медленно / γρήγορα-αργά* (наречие) или *быстрый-медленный / γρήγορος-αργός* (прилагательное). Эти языковые средства, как правило, служат выражению быстрого или медленного совершения какого-либо действия¹. Кроме того, семантика быстроты или медленности находит яркое выражение в ряде ФЕ обоих языков (таб. 1):

Таблица 1. Список русских и новогреческих ФЕ, выражающих скорость действия.

Признак	ФЕ русского языка	ФЕ новогреческого языка
быстро/ γρήγορα	в один миг, в два счета, в мгновение ока, одним духом, на одном дыхании, в одно касание, как рукой сняло, пролететь как фанера над парижем, на скорую руку, не мудрствуя лукаво, в темпе, с колёс, завестись с пол-оборота, пропасть как цуцик, во весь опор, во весь мах, во весь дух, на всех парах, полный ход вперед, изо всех сил, со всех ног, на полном газу, что есть духу, без оглядки, жать на всю железку, на весь костыль, без	στο πι και φι, στο άψε σβήσε, στα γρήγορα, στα πεταχτά, στο φτερό, όπου φύγει φύγει, όσο/ώσπου να πεις κύμνο, όσο/ώσπου να πεις κρεμμύδι, ώσπου να πεις τρία, ώσπου να πεις αμήν, κάνω γρήγορα, εν ριπή οφθαλμού, ώσπου να γυρίσεις να δεις, σε πέντε λεπτά, όσο ν' ανοιγοκλείσεις τα μάτια σου, σε μισό λεπτό, μια στιγμή, στη στιγμή, καλλάζω στα τέσσερα, χωρίς φρένο, πρόσω ολοταχώς, δίνω γκάζι, με τέρμα το γκάζι, πατάω τέρμα το γκάζι, το βάζω

¹ E. Straś. *Kategoria intensywności we frazeologii języka polskiego i rosyjskiego*. Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, 2008, c. 118.

	памяти, нажать на все кнопки, нажать на все педали, что есть сил, ловить на лету, схватывать на лету, на одной ноге, сломя голову, на цырлах, горит в руках, ускоренным маршем, дать газ, вскочил как встрепанный, в пожарном порядке, в срочном порядке, в спешном порядке, смойся с глаз!	στα πόδια, ρίχνω μια ματιά, χωρίς δεύτερη σκέψη, στο καπάκι, με μια αναπνοή, με ταχύτητα του φωτός, με γοργό βήμα, με γοργούς ρυθμούς, με τη μία, όσο γίνεται πιο γρήγορα, με μια μονοκοντυλιά, με την πρώτη ματιά, με γεωμετρική πρόοδο, χωρίς πολλή σκέψη, χτυπούν τα πόδια του στην πλάτη, πάω με τα χίλια, πάνω τελικές, από τη μια στιγμή στην άλλη, χάσου από τα μάτια μου!
быстрый/ γρήγορος	как лошадь, как гончая, как заяц	τρέχω σαν ελάφι, κολυμπά γρήγορα σαν δελφίни, σαν κυνηγημένη πέρδικα
	как ветер, как вихрь, как буря, как молния, как метеор, как ветром дуло	σαν αστραπή, σαν άνεμος, σαν μπόρα, έπεσε σαν βόμβα, σαν κεραυνός
	любовь с первого взгляда, молниеносная любовь	έρωτας με την πρώτη ματιά, κεραυνοβόλος έρωτας
	как безумный, как ненормальный, как сумасшедший, как чокнутый, как псих, как с цепи сорвался	σαν τρελός
	как стрела, как ракета, как пуля, как на пружинах, как паровоз, только и видели (кого)	χτύπησε σαν πύραυλος, τρέχει σαν βλήμα, σαν το βέλος
	идти семимильными шагами	με γιγάντια βήματα
	расти как грибы после дождя, глотать слова, глотать воздух, дать драпа, расти как на дрожжах	φυτρώνουν σαν μανιτάρια, γίνομαι λαγός, τρώω τα λόγια μου, βάζω πηλάλα, κάνω μια πηλάλα
	как будто на перегонки	αφήνω πίσω
	живой рукой, живым манером, на живую руку, живым духом, на живую нитку, живым делом	κάνω χεράτα
как ветер, как гончий пес, как молния, как самолет	σαν άνεμος, σαν κεραυνός, σαν αστραπή, σαν ζαρκάδι	
медленно/ αργά	черепашьим ходом, как черепаха, как улитка, еле двигать ногами, тянуть канитель, не мычит, не телится, тянуть резину, тянуть репу, тянуть мозги, тянуться как похоронная процессия	με βήματα χελώνας, πάει σαν χελώνα, σέρνω τα πόδια μου, λαγκάρω αισχρά/ τρελά/άπειρα, μένω πίσω, τρώω λαγκ, λεμονίζω το θέμα, πάω σαν κότα, στα χασομέρια
медленный/ αργός	медленный как улитка, как черепаха	είμαι καθυστερημένος, αργός σαν το σαλιγκάρι, σαν χελώνα

Языковой материал, используемый в настоящей статье содержит 91 и 76 примеров русских и новогреческих ФЕ, соответственно. Это позволяет нам сделать ряд интересных наблюдений. Итак, первой отправной точкой в нашем компаративном анализе становится неоспоримый факт, что приведенные выше примеры ФЕ со значением скорости можно отнести к разным семантическим категориям. Они выражают:

1) Быстрый процесс совершения действия: напр. в один миг², στο πι και φ³

С точки зрения быстроты совершения какого-либо действия, в русском языке не имеется столь очевидная тенденция к образованию ФЕ с помощью лексем, выражающих время для реализации данной акции (здесь наблюдается только один пример – *в один миг* с употреблением лексемы *миг*). В новогреческом, однако, эта склонность показательнее: *σε μισό λεπτό, στη στιγμή, μια στιγμή, σε πέντε λεπτά, μισό λεπτό*. Так, лексемы *λεπτό* и *στιγμή* являются типичными временными компонентами для выражения скорости действия. Отдельного рассмотрения заслуживают фразеологизмы *в мгновение ока* и *όσο ν'ανοιγοκλείσεις τα μάτια σου/εν ριπή οφθαλμού*. С одной стороны, новогреческий вариант *όσο ν'ανοιγοκλείσεις τα μάτια σου* семантически и стилистически равновесен русскому примеру. С другой стороны, два новогреческих примера отличаются стилистически друг от друга, поскольку второй вариант *εν ριπή οφθαλμού* более официальный и встречается также в библейской фразеологии.

2) Успешный выход из затруднительного положения: напр. дать драпа⁴, γίνομαι λαγός⁵

Как в русской, так и в новогреческой фразеологии заяц считается животным, которое свободно развивает большую скорость движения и поэтому успешно находит выход из затруднительного положения. Фразеологизм *γίνομαι λαγός* использует аналогию с зайцем, чтобы выразить поспешные действия человека с целью избежать опасности в трудную минуту. Более того, зайцу свойствен также признак трусливости, отражающийся в парах с компаративным компонентом как: *трусливый как заяц* и *φοβάται σαν λαγός*. Таким образом, можно предположить, что наличие атрибута трусливости у зайца влияет положительно на увеличение скорости его движений.

3) Сходство движения человека и животных: напр. медленный как улитка⁶, πάω σαν κότα⁷

В данной семантической категории фразеологизмов речь пойдет о выражении сходства медленного движения человека и животных. Русский вариант *медленный как улитка* равносильен по семантике новогреческому *αργός σαν το σαλιγκάρι*. Отмечается, однако, действительная разница в составе отдельных структурных компонентов. Так, к фразеологической единице *αργός σαν το σαλι-*

² Фразеологический словарь русского литературного языка. [Online:] <http://phraseology.academic.ru/101/в_один_миг> (20.06.2017).

³ Λεξικό της κοινής νεοελληνικής. Θεσσαλονίκη: Ίδρυμα Μανόλη Τριανταφυλλίδη, 2003, с. 1072.

⁴ Фразеологический словарь русского литературного языка. [Online:] <http://phraseology.academic.ru/2930/Дать_драпа> (20.06.2017).

⁵ Ε. Δεμίρη-Προδρομίδου, Δ. Νικολαΐδου-Νέστορα, Ν. Τρύφωνα-Αντωνοπούλου. Η γλώσσα των ιδιωτισμών και των εκφράσεων. Θεσσαλονίκη: University Studio Press, 2002, с. 60.

⁶ В.М. Мокиенко. Словарь сравнений русского языка: 11 000 единиц. Санкт-Петербург: Норинт, 2003, с. 451.

⁷ Греческий сленг. [Online:] <<https://www.slang.gr/definitions?q=πάω+σαν+κότα>> (20.06.2017).

υκάρι, в отличие от ее русского эквивалента, добавлено слово *το*, использовано в качестве определенного артикля среднего рода единственного числа. Стоит здесь подчеркнуть, что название условий для добавления или нет к существительному, как одному из возможных компонентов структуры фразеологической единицы, определенного артикля требует отдельной разработки.

Интересными кажутся также ассоциации, связанные с курицей, в русской и новогреческой языковых картинах мира. В выражении *πάω σαν κότα* имеется в виду отнесенность к очень медленному движению курицы. Оно употребляется в контексте небыстрого и монотонного вождения автомобиля. Подобная характеристика курицы отсутствует, однако, в русском языке. Зато существует известное *писать как курица лапой*, то есть писать неразборчиво; так, что нельзя понять. Его новогреческим эквивалентом является выражение *υράφω ορνιθοσκαλίσιματα*, включающее в себя два семантических аспекта: писать неразборчиво, а также совершать данное действие наспех.

4) Максимальную активизацию сил движения объекта: напр. *во весь дух*⁸, *καλλάζω στα τέσσερα*⁹

Заметно, что местоименное прилагательное *весь* входит в состав многих русских ФЕ, выражающих максимальную степень движения объекта: *во весь дух, во весь опор, во весь мах, на всех парах, изо всех сил, со всех ног, жать на всю железку, на весь костыль, нажать на все кнопки, нажать на все педали*. Многие из них можно отнести к опасному легкомыслию при вождении машины. Новогреческий фразеологизм *καλλάζω στα τέσσερα*, в свою очередь, связан с предельной скоростью движения лошади. Он содержит глагол *καλλάζω*, который представляет семантически высшую степень скорости, чем глагол *τρέχω* (*бежать*).

5) Быструю последовательность погодных явлений: напр. *как ветер*¹⁰, *σαν μπόρα*¹¹

В этой группе обнаруживается почти полная семантическая и стилистическая соотнесенность русских и новогреческих фразеологизмов.

6) Необычный способ ходьбы: напр. *бежать как сумасшедший*¹², *τρέχω σαν τρελός*¹³

Прилагательное, относящееся по своей семантике к психосоматическим расстройствам человека (*безумный, ненормальный, сумасшедший, чокнутый*)

⁸ Л.А. Войнова, В.П. Жуков, А.И. Молотков, А.И. Федоров. *Фразеологический словарь русского языка*. Под ред. А.И. Молоткова. Москва: Издательство «Русский язык», 1978, с. 148.

⁹ *Η Πύλη για την ελληνική γλώσσα*. [Online:] <http://www.greek-language.gr/greekLang/modern_greek/tools/lexica/search.html?lq=καλλάζω&dq> (20.06.2017).

¹⁰ В.М. Мокиенко. *Словарь сравнений русского языка...*, с. 59.

¹¹ *Η Πύλη για την ελληνική γλώσσα*. [Online:] <http://www.greek-language.gr/greekLang/modern_greek/tools/lexica/search.html?lq=μπόρα&sin=all> (20.06.2017).

¹² В.М. Мокиенко. *Словарь сравнений русского языка...*, с. 421.

¹³ *Λεξικό της κοινής νεοελληνικής...*, с. 1357.

и содержащее обязательно компаратив *как*, выступает в роли компонента ФЕ, прежде всего, в русском языке. Единственным примером его употребления в новогреческой фразеологии является широко распространенное в письменной и устной речи компаративное выражение *σαν τρελός*. И хотя существует выражение *είμαι καθυστερημένος*, употребляемое в контексте человека соображающего плохо и медленно на предмет того, что происходит в окружающей среде, оно лишено компаративного компонента.

7) Трудности при движении: напр. еле двигать ногами¹⁴, σέρνω τα πόδια μου¹⁵

Русские и новогреческие фразеологизмы данной категории семантически равновесны. Наблюдаются, однако, различия в плане структуры их отдельных компонентов. Глагол *σέρνω* охватывает сам по себе семантику медленности совершения какого-либо действия. В случае русского *еле двигать ногами* глагол *двигать*, нейтральный по выражению скорости, сопровождается наречием *еле*, семантически замедляющим исход совершаемого действия.

8) Скорость роста грибов: расти как грибы после дождя¹⁶, φυτρώνουν σαν μανιτάρια¹⁷

В рамках этой категории обнаруживается семантическая и стилистическая соотнесенность русских и новогреческих фразеологизмов, за исключением придаточной к русскому варианту части *после дождя*, указывающей точно на временное расстояние, после которого ожидается самый быстрый рост грибов.

9) Результат или элемент соперничества: как будто на перегонки¹⁸, αφήνω πίσω¹⁹

Русский фразеологизм *как будто на перегонки*, в данном случае, передает значение скорости действующих соперников перед исходом соревнований, длившихся на протяжении определенного отрезка времени. Новогреческое выражение *αφήνω πίσω* указывает на окончательный результат действий законов природы (*ο τυφώνας άφησε πίσω του πάνω από 20 νεκρούς*) или решительность и убежденность человека в правильности своих стремлений (*άφησε πίσω της το παρελθόν*).

10) Самый быстрый режим хода судна: полный ход вперед²⁰, πρόσω ολοταχώς²¹

¹⁴ Р.И. Яранцев. *Русская фразеология. Около 1500 фразеологизмов*. Москва: Издательство «Русский язык», 1997, с. 281.

¹⁵ *Η Πύλη για την ελληνική γλώσσα*. [Online:] <http://www.greek-language.gr/greekLang/modern_greek/tools/lexica/search.html?lq=σέρνω&sin=all> (20.06.2017).

¹⁶ В.М. Мокиенко. *Словарь сравнений русского языка...*, с. 89.

¹⁷ И.П. Хориков, М.Г. Малев. *Новогреческо-русский словарь: около 67 000 слов*. Под ред. Т. Пападопулоса, П. Пердикиса. Москва: Издательство «Русский язык», 1980, с. 495.

¹⁸ В.М. Мокиенко. *Словарь сравнений русского языка...*, с. 312.

¹⁹ И.П. Хориков, М.Г. Малев. *Новогреческо-русский словарь...*, с. 166.

²⁰ Там же, с. 660.

²¹ Там же, с. 660.

В этой группе скорость движения судна в русской фразеологии выражает прилагательное *полный*, а его новогреческий эквивалент *ολοταχώς* является наречием-дериватом от прилагательных *όλος* (*весь*) и *ταχύς* (*быстрый*).

11) Преуменьшение возможных последствий: напр. без оглядки²², χωρίς δευτέρα σκέψη²³

В данной категории ФЕ семантика быстроты в выражениях *без оглядки* и *χωρίς δευτέρα σκέψη* отражает поведенческую норму: не смотреть на то, что происходит вокруг во время совершения какого-либо действия, в русском, или не думать долго о том, стоит ли принять решение без колебаний, в новогреческом языке.

12) Отношение к сказочным мотивам: напр. идти семимильными шагами²⁴, με γιγάντια βήματα²⁵

Данные примеры ФЕ сказочного происхождения в обоих языках выявляют семантическое и стилистическое сходство не только по скорости, но и по величине совершаемых движений.

13) Самый быстрый режим хода машины: напр. нажать на все педали²⁶, πιάνω τελικές²⁷

Для приобретения большой скорости машины ключевую роль играет: скорость, измеряемая стрелками указателя (*πιάνω τελικές*) или скорость, приобретаемая при резком нажатии педали газа (*нажать на все педали*).

14) Быстроту проявления чувства любви: напр. любовь с первого взгляда²⁸, κεραυνοβόλος έρωτας²⁹

Чувство любви в русском языке проявляется *с первого взгляда*, а в новогреческом сопоставляется со скоростью удара молнии – *κεραυνοβόλος έρωτας*. Надо отметить, что к существующему русскому эквиваленту *молниеносная любовь* примыкает до сих пор лишь маргинальное употребление в письменной речн. В подтверждение этих слов, хочется обратить внимание на результаты поиска в *Национальном корпусе русского языка*, в котором найден только один пример реализации данного фразеологизма в тексте.

²² Р.И. Яранцев. *Русская фразеология...*, с. 353.

²³ *Н Πύλη για την ελληνική γλώσσα*. [Online:] <http://www.greek-language.gr/greekLang/modern_greek/tools/corpora/corpora/content.html?t=1,636&h=15032&l=15186#pinpoint> (20.06.2017).

²⁴ Л.А. Войнова и др. *Фразеологический словарь русского языка...*, с. 531.

²⁵ *Н Πύλη για την ελληνική γλώσσα*. [Online:] <http://www.greek-language.gr/greekLang/modern_greek/tools/lexica/search.html?lq=βήμα&dq> (20.06.2017).

²⁶ В.М. Мокиенко. *Новая русская фразеология*. Opole: Wydawnictwo Świątego Krzyża, 2003, с. 31.

²⁷ *Греческий сленг*. [Online:] <<https://www.slang.gr/definition/1732-piano-telikes>> (20.06.2017).

²⁸ Л.А. Войнова и др. *Фразеологический словарь русского языка*, с. 64.

²⁹ Γ. Μπαμπινιώτης, *Λεξικό της νέας ελληνικής γλώσσας*. Κηφισιά: Κέντρο Λεξικολογίας, 2012, с. 883.

15) Медленный процесс выполнения дела: напр. *тянуть резину*³⁰, *λεμονίζω το θέμα*³¹

В этой группе обнаруживается почти полная контекстная и стилистическая связанность русских и новогреческих фразеологизмов. Более того, они стали в современности и находят плотное распространение в разговорном стиле.

Среди большого разнообразия семантических категорий ФЕ, выражающих скорость действия, можно отметить три примера фразеологизма (один русский и два новогреческие), в которых наличие признака скорости реализуется через употребление формы повелительного наклонения для второго лица единственного числа – *смойся с глаз* и *χάσου από τα μάτια μου, στο άψε σβήσε*. Наиболее уникальным из этой триады, на наш взгляд, должен считаться второй новогреческий вариант. Правда, ему присущи не только формы повелительного наклонения, т.е. *άψε* (будучи краткой формой от *άναψε*) и *σβήσε* (от глагола *σβήνω*), но и, благодаря тому, что в его фразеологической структуре содержится компонент *στο* (слитное слово, образованное на базе предлога *σε* и определенного артикля среднего рода *το*), он способен употребляться в разных типах вербальной коммуникации, не ограничивая своей отнесенности только к одному конкретному лицу.

Разумеется, выражение быстроты действия непосредственно связано с понятием времени, т.е. чем время короче, тем выше скорость завершения действия. В большинстве случаев, приведенные в начале статьи примеры русских и новогреческих ФЕ могут содержать в своей структуре в качестве постоянного или сопровождающего компонента глаголы движения (*бежать, мчаться, нестись, взорваться, трéχω, πηγαίνω, περπατάω, πέφτω* и др.). Таким образом, они способны выражать скорость движения вперед (*бежать как заяц, трéχω σαν ελάφι*), вверх (*взорвался как бомба*) или вниз (*έπεσε σαν βόμβρα*). При этом, надо сказать, что достаточно большой части указанных в рамках анализа русских и новогреческих ФЕ характерно наличие компаративного компонента *как*, входящего в состав довольно богатой группы фразеологических оборотов вообще.

Предложенное в статье компаративное описание русских и новогреческих ФЕ со значением скорости позволяет прийти к следующим выводам. Во-первых, отмечается соотносительность символики некоторых животных в обоих языках (*черепаха, улитка, заяц, χελώνα, σαλιγκάρι, λαγός*) как ассоциации со способом ходьбы человека. Во-вторых, имеется яркое сходство русских и новогреческих ФЕ на структурно-семантическом уровне для выражения быстроты действия через отнесенность к погодным явлениям (*как ветер, как молния, как буря, σαν άνεμος, σαν αστραπή, σαν μπόρα*). В-третьих, русский и новогреческий языки образуют относительно малое количество ФЕ, выражающих медленность. В парах фразеологических оборотов замечается также повторяющееся употребление компаративного компонента *как/σαν* в качестве структурного фундамента многих выражений. Что касается различий, здесь обнаружена непропорциональность в образовании ФЕ с прилагательными, относящимися к необычному

³⁰ В.М. Мокиенко. *Новая русская фразеология...*, с. 95.

³¹ *Греческий сленг*. [Online:] <<https://www.slang.gr/definition/22970-lemonizo>> (20.06.2017).

способу ходьбы человека. Более того, для выражения скорости действия новогреческий язык выявляет большое количество примеров ФЕ, которым свойственно наличие в плане структуры лексемы, определяющей краткий отрезок времени (*στιγμή, λεπτό*).

Параллельное изучение других проблем по сопоставительному описанию русской и новогреческой фразеологии, установление в этом отношении явных сходств и различий между двумя языками представляется перспективной задачей, решение которой обеспечит открытый доступ к лингвокультурным сокровищам и сделает возможным широкий взгляд на основные способы восприятия действительности в русской и новогреческой языковых картинах мира.

Литература

- Войнова Л.А., Жуков В.П., Молотков А.И., Федоров А.И. *Фразеологический словарь русского языка*. Под ред. А.И. Молоткова. Москва: Издательство «Русский язык», 1978.
- Греческий сленг*. [Online:] <www.slang.gr> (20.06.2017).
- Мокиенко В.М. *Новая русская фразеология*. Ополе: Wydawnictwo Świętego Krzyża, 2003.
- Мокиенко В.М. *Словарь сравнений русского языка: 11 000 единиц*. Санкт-Петербург: Норинт, 2003.
- Фразеологический словарь русского литературного языка*. [Online:] <www.phraseology.academic.ru> (20.06.2017).
- Хориков И.П., Малев. М.Г. *Новогреческо-русский словарь: около 67 000 слов*. Под ред. Т. Пападопулоса, П. Пердикиса. Москва: Издательство «Русский язык», 1980.
- Яранцев Р.И. *Русская фразеология. Около 1500 фразеологизмов*. Москва: Издательство «Русский язык», 1997.
- Straś E. *Kategoria intensywności we frazeologii języka polskiego i rosyjskiego*. Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, 2008.
- Δεμίρη-Προδρομίδου Ε., Νικολαΐδου-Νέστορα Δ., Τρύφωνα-Αντωνοπούλου Ν. *Η γλώσσα των ιδιωτισμών και των εκφράσεων*. Θεσσαλονίκη: University Studio Press, 2002.
- Μπαμπινιώτης Γ. *Λεξικό της νέας ελληνικής γλώσσας*. Κηφισιά: Κέντρο Λεξικολογίας, 2012.
- Η Πύλη για την ελληνική γλώσσα*. [Online:] <www.greek-language.gr> (20.06.2017).
- Λεξικό της κοινής νεοελληνικής*. Θεσσαλονίκη: Ίδρυμα Μανόλη Τριανταφυλλίδη, 2003.

LINGWOSTYLISTYKA
ЛИНГВОСТИЛИСТИКА
LINGUOSTYLISTICS

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ПРИМЕТЫ РЕЛИГИОЗНОГО СТИЛЯ РУССКОГО ЯЗЫКА¹

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ КРЕТОВ

Воронежский государственный университет
Факультет романо-германской филологии
Кафедра теоретической и прикладной лингвистики
Университетская площадь, д. 1, Воронеж, 394018 Россия
e-mail: tipl@rgph.vsu.ru
(получено 17.08.2017; принято 27.09.2017)

Abstract

Lexical features of the religious style of the Russian language

The article focuses on the study of the texts (159.613 running words) by the Professor of the Moscow Theological Academy, Alexei Ilyich Osipov. The analysis shows that the 3,325 confessionalisms found in them constitute 1/3 of the wordlist. The classification of confessionalisms is given, and their share is determined: fideisms – 75%, theologisms – 13%, ortodoxisms – 8% and tserkovnoslavyanizms – 4%. The author puts forward the idea of creating an electronic corpus of Russian religious texts and proposes algorithms for automatic extraction of stylistically colored vocabulary (declarative, posterior, procedural, and derivational). The prospects of extensive and intensive development of the *project Living stylistic dictionary of the Russian language* are outlined.

Key words

Religious style, classification of confessionalisms, algorithms for automatic extraction of stylistically colored vocabulary.

¹ Статья выполнена в рамках проекта *Лингвистическая подготовка и создание электронного «Живого стилистического словаря русского языка»*, поддержанного грантом РФФИ № 17-04-00421.

Резюме

Исследование текстов профессора Московской Духовной Академии, Алексея Ильича Осипова объёмом в 159.613 сл/уп позволило установить, что обнаруженные в них 3.325 конфессионализмов составляют 1/3 словаря. Предложена классификация конфессионализмов, определена доля и показано примерное наполнение каждого таксона: фидеизмы – 75%, теологизмы – 13%, ортодоксизмы – 8% и церковнославянизмы – 4%. выделенных групп конфессионализмов. Выдвинута идея создания электронного корпуса русских религиозных текстов. Предложены алгоритмы автоматического выделения стилистически окрашенной лексики: декларативный, апостериорный, процедурный и словообразовательный. Намечены перспективы экстенсивной и интенсивной разработки проекта «Живой стилистический словарь» русского языка.

Ключевые слова

Религиозный стиль, классификация конфессионализмов, алгоритмы автоматического выделения стилистически окрашенной лексики.

Данное исследование является частью проекта *Живой стилистический словарь русского языка*, который ставит своей целью выработку алгоритмов автоматической квалификации языковых единиц в отношении их тяготения к употреблению в типических социокультурных контекстах общения, иными словами – технологии автоматического выявления стилистических окрасок единиц языка, прежде всего лексических. Среди этих типических контекстов важное место занимает религиозный. Единицы, устойчиво употребляемые в религиозной среде и в результате используются как знаки принадлежности к ней, а также как средства воплощения типической коммуникативной роли верующего, и составляют религиозный стиль языка². Интерес к исследованию религиозного стиля русского языка в последнее время оживился³.

² Г.В. Векшин, С.А. Гейченко. *Основы стилистической семантики: учебное пособие*. Москва: Московский технологический университет (МИРЭА), 2017.

³ См. напр.: Е.Ю. Балашова. *Концептуальные поля вера, надежда, любовь в религиозном дискурсе (на материале текстов Национального корпуса русского языка)*. «Вестник Челябинского государственного университета» 2014, № 23 (352), с. 5–9; И.В. Бугаева. *Язык православной сферы: современное состояние, тенденции развития*. Автореф. дис. ...д-ра филол. наук. Москва 2010; М.Б. Герашенко. *Реактивизация лексики к началу XXI*. Дис. ...канд. филол. наук. Белгород 2009; И.М. Гольберг. *Религиозно-проповеднический стиль современного русского литературного языка: моральные концепты*. Дис. ...канд. филол. наук. Москва 2002; Р.И. Горюшина. *Лексика христианства в русском языке (системные отношения прямых конфессиональных и производных светских значений слов)*. Дис. ...канд. филол. наук. Волгоград 2002; И.В. Гостева. *Динамика лингвокультурного поля «Духовность» в русской языковой картине мира (1981-2008 гг.)*. Автореф. дис. ...канд. филол. наук. Челябинск 2009; Н.М. Дмитриева.

Однако на сегодняшний день трудно утверждать, что религиозный стиль русского литературного языка описан хотя бы в первом приближении. Так, последний по времени словарь церковнославянского языка⁴ создан в конце XIX века. Словарь Ирины В. Андреевой и Нины В. Баско отражает лишь ту лексику, которая (по большому счёту – случайно) встретилась в русской литературе XIX–XX в.⁵ Школьные словари Татьяны И. Кобяковой⁶ и Натальи В. Давыдовой⁷ ставят и решают конкретные учебно-педагогические

Духовно-нравственная лексика в языке сельской молодежи. «Русская речь» 2005, № 5, с. 61–68; Дмитриева Н.М. *Этический аспект культуры русской речи (лингвокультурологический анализ словаря студентов-аграриев)*. Дис. ...канд. филол. наук. Челябинск 2005; О.В. Загоровская. *Типологические разновидности русского языка и формы его существования в начале XXI века.* «Известия ВГПУ» 2015, № 3 (268), с. 96–101; О.В. Загоровская, И.К. Матей. *Русская православная лексика как предмет изучения в современной русистике.* [В:] *Современные проблемы лингвистики и методики преподавания русского языка в вузе и школе.* Вып. 18. Под ред. О.В. Загоровской. Воронеж: Научная книга, 2012, с. 3–14; Т.И. Кобякова. *Концепты духовности в русской языковой картине мира: лингвокультурологический словарь.* Уфа: Башкирский государственный университет, 2004; Т.И. Кобякова. *Учебный лингвокультурологический словарь «Концепты духовности русской языковой картины мира» как основа формирования концептосферы учащихся на уроках русского языка.* Дис. ...канд. фил. наук. Уфа 2006; Л.П. Крысин. *Введение. Активные процессы в русском языке конца XX – начала XXI века. Вводные замечания.* [В:] *Современный русский язык: активные процессы на рубеже XX–XXI веков.* Москва: Языки славянских культур, 2008, с. 13–29; Ю.Т. Листрова-Правда. *Возрождение церковно-религиозной лексики и фразеологии русского языка в последние десятилетия.* [В:] *Актуальные проблемы изучения и преподавания русского языка на рубеже XX–XXI веков.* Воронеж 2001, с. 18–20; И.К. Матей. *Православная лексика в современном русском языке и языковом сознании его носителей.* Автореф. дис. ...канд. филол. наук. Воронеж 2012; И.К. Матей. *Словарь как источник сведений о духовной культуре народа.* «Известия ВГПУ» 2015, № 2 (267), 2015, с. 170–173; Н.Б. Мечковская. *Язык и религия: Пособие для студентов гуманитарных вузов.* Москва: Агентство «ФАИР», 1998; Ю.Н. Михайлова. *Религиозная православная лексика и ее судьба (по данным толковых словарей русского языка).* Дис. канд. филол. наук. Екатеринбург 2004; О.В. Ситникова. *Лексика морально-нравственного содержания в русском языке новейшего периода и ее отражение в языковом сознании современных носителей русского языка.* Дис. ...канд. филол. наук. Воронеж 2009; Г.Н. Скляревская. *Введение.* [В:] *Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика.* Под ред. Г.Н. Скляревской. Москва: Эксмо, 2007, с. 5; Г.Н. Скляревская. *Предисловие.* [В:] *Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия.* Под ред. Г.Н. Скляревской. Москва: Астрель АСТ, 2001, с. 6–7; И.С. Шевченко. *Русская православная лексика духовно-нравственного содержания: семасиологический и лексикографический аспекты.* Автореф. дис. ...канд. филол. наук. Воронеж 2016.

⁴ Г. Дьяченко. *Полный церковно-славянский словарь.* Репр. воспроизведение изд. 1900. Москва: Отчий дом, 2009.

⁵ И.В. Андреева, Н.В. Баско. *Словарь православной лексики в русской литературе XIX–XX в.* Москва: Сретенский монастырь, 2012.

⁶ Т.И. Кобякова. *Учебный лингвокультурологический словарь «Концепты духовности русской языковой картины мира» как основа формирования концептосферы учащихся на уроках русского языка.* Дис. ...канд. фил. наук. Уфа 2006.

⁷ Н.В. Давыдова. *Православная культура. Словарь-справочник школьника.* Москва: ПРО-ПРЕСС, 2008.

задачи, не стремясь дать сколь-нибудь полную стилистическую характеристику конфессионализмов.

Причин тому несколько. Во-первых, функции литургического (богослужебного языка) на Руси уже более 1000 лет исполняет старославянский язык в его русском изводе, называемый церковнославянским языком. Во-вторых, на сегодняшний день, несмотря на наличие радостных исключений, религиозный стиль только начинает восставать из руин, в которых он лежал на протяжении советского периода. В-третьих, отсутствует единый координационный центр и единая долговременная программа, которая была бы посвящена исследованию религиозного стиля русского языка. В-четвёртых, тридцати последних лет, в которые публикация таких исследований стала возможной, оказалось недостаточно для того, чтобы отдельные фрагментарные исследования сложились в целостную картину.

Началом решения указанной проблемы могло бы стать создание электронного корпуса русских религиозных текстов и параллельного ему фонда научных исследований текстов религиозного стиля.

Целью исследования является отработка на современном, репрезентативном, и в то же время обозримом материале алгоритма получения религиозной лексики и разработка алгоритма автоматического выявления текстов религиозного дискурса через религиозно окрашенные слова – *конфессионализмы*. Для русского языка такое исследование естественно начинать с текстов православных мыслителей. Разумеется, это не значит, что понятие *конфессионализмов* мы ограничиваем «православной» лексикой. Нашу исследовательскую позицию можно было бы назвать *лингвистическим экуменизмом*.

Объектом исследования являются электронные версии текстов профессора (с 1975 г.) Московской Духовной Академии, доктора богословия (с 1985 г.) Алексея Ильича Осипова (31.04.1938, г. Белев, Тульской области): *Бог, Чтобы не пришла тьма, Единство и многообразие в церкви, Экзорцизм, Ф. М. Достоевский и христианство, Любовь. Брак. Семья. Разговор со взрослыми, О чем предупреждают две тысячи лет, Посмертная жизнь, Православное понимание экуменизма, Православное видение войны и мира, Путь разума в поисках истины. Основное богословие, Россия сегодня и славянофилы, Русское духовное образование, Святые как знак исполнения Божия обетования человеку, В чем сущность христианства*. Все тексты представлены в Интернете в свободном доступе.

Общий объём информации 3,841 Мб. Общая длина текстов 159.613 сл/уп (это примерно половина объёма «Войны и мира»). Словник корпуса составляет 26.173 словоформы, представляющих 10.127 слов (лексем).

Предмет исследования – лексические приметы религиозного стиля русского языка, т.е. *конфессионализмы*.

В исследовании использованы два основных метода: компьютерный и интроспективный. *Компьютерный метод* состоял в компьютерной обработке объекта: все тексты были собраны в один текстовый файл (SVOD.txt; его размер см. выше); вначале был получен Частотный Словник Словоформ (ЧаСлоСлоФ). Затем ЧаСлоСлоФ был лемматизирован, что дало Частотный Словник Лексем (ЧаСлоЛекс). *Интроспективный метод* состоял в использовании языкового

чутья исследователя для интуитивного выделения слов и словоформ, характеризующих, по мнению исследователя, *религиозный дискурс*.

Количество конфессионализмов в исследованных текстах – 3.325, что составляет примерно 1/3 словаря исследованных текстов.

Анализ материала позволяет подразделить конфессионализмы на 4 неравные группы: 1) *церковнославянизмы* (Цс) (132 слова) – церковно-славянские слова и формы, стилистически маркированные (или даже отсутствующие) в современном русском литературном языке; как правило, это цитаты из церковнославянского перевода Библии и других церковнославянских текстов, 2) *теологизмы* (Т) (433 слова) – богословские термины, функционирующие в богословской литературе; 3) *ортодоксизмы* (О) (251 слово) – слова, описывающие реалии православной Церкви и 4) *фидеизмы* (Ф) (2509 слов) – слова, описывающие понятия православной Веры.

Разумеется, границы между этими группами условны.

Количественное соотношение групп представлено на рис. 1.

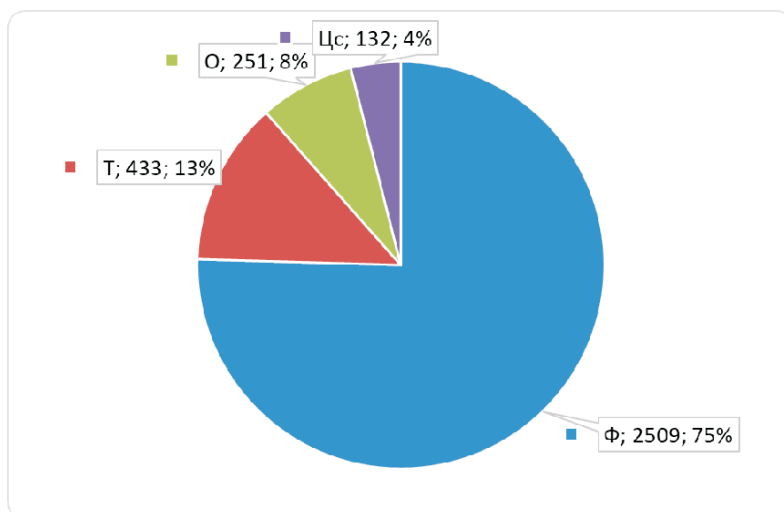

Рис. 1. Количественное соотношение групп конфессионализмов в текстах А.И. Осипова.

Уместно рассмотреть наполнение групп на примере наиболее частотной лексики.

Начнём с самой многочисленной группы – с *фидеизмов*. Приведём слова с частотой больше 5.

19: *спасать, умирать*; 17: *божий*; 16: *духовный, отвергать*; 15: *любить*, 14: *божественный*; 13: *душевный, очищать, рождать, страшный*; 12: *богоподобный, великий, молить, православный, святой, святоотеческий, христианский*; 11: *веровать, достигать, мертвый, телесный*; 10: *ветхозаветный, грех, греховный, добрый, исполнять, истинный, небесный, осуждать, праведный, священный, чистый, истина*; 9: *большой, грешный, дух, душа, евангельский, земной, изгонять, исцелять, каяться, прекрасный, смертный, смирать*; 8: *апостол, апостольский, бесконечный, бесовский, блаженный, бог, грешник, злой, мудрый, распинать, фа-*

рисей, христов; 7: ангел, верить, ветхий, вечный, воскресать, высший, дар, демон, добродетель, достоверный, избирать, исказать, искать, иудейский, мытарство, падший, писание, покаяться, поражать, похоть, праведник, светлый, свободный, святая, скорбь, сотворить, спастись, творение, ужас, христианин; 6: бес, бесстрастный, блаженство, высокий, дарование, добродетельный, жить, идол, исповедание, исповедовать, наслаждение, ненавидеть, образ, первозданный, погибать, подвиг, попирает, порождать, посмертный, пророчество, прославлять, разбойник, самоубийство, святыня, сердце, соборный, страдание, судьба, таинственный, тайна, тварный, убивать, усопший, христос, чудесный.

Следующую по размеру группу теологизмов проиллюстрируем словами с частотой более 2. Эта группа по преимуществу состоит из слов греко-латинского происхождения.

15: религиозный; 12: мистический; 11: апологетический, богословский, католический; 10: еврейский, моральный, рациональный, экуменический, языческий; 9: магический, нравственный, сверхъестественный; 8: богослов, культ, познавать, религия, язычник; 7: атеистический, догмат, идея, создавать, созерцание; 6: богочеловеческий, воспринимать, всемирный, догматический, протестантский, чувственный; 5: апологетика, богословие, воззрение, канонический, катастрофа, мистицизм, монотеистический, пантеизм, пантеистический, протестант, раскол, сотериологический, христианство, экзорцист, энергия, эсхатологический, этический; 4: анимистический, апологет, апология, атеизм, богоборчество, дохристианский, дуалистический, заклинание, католицизм, мистик, миф, монотеизм, нехристианский, оккультизм, оккультный, первобытный, первопричина, полемика, политеистический, протестантизм, секулярный, схоластический, теизм, телеологический, экклезиологический, экуменизм; 3: абсолютный, агностик, антиномия, апокатастасис, атеист, деизм, диалектический, идеал, идеальный, идеолог, индуистский, иноверец, иудаизм, иудейство, космогония, космос, логос, лютеранский, магия, мировоззренческий, мифология, многолетний, мусульманство, мыслитель, мыслить, нехристианин, общерелигиозный, оригеновский, политеизм, религиозность, реформация, славянофил, триада, экзальтация, экстаз.

Следующей по размерности является группа ортодоксизмов – слов, описывающих реалии Церкви. Наполнение этой группы проиллюстрируем словами с частотой более 1.

11: крестить, церковный; 9: аскетический, икона; 8: молитва, обращать, подвижник, священник, священнослужитель; 7: библейский, мирской, монастырь, собор, старец, церковь; 6: благословлять, богослужение, духовник, евангелие, епископ, книга, монах, неправославный, патриарх, проповедовать, святитель, секта, таинство, храм, царь; 5: братия, милостыня, митрополит, молитвенный, молиться, новозаветный, покойный, поминовение, поработать, православие, преподобный, учение, ученик, учитель, язычество; 4: аскетик, батюшка, гроб, евхаристический, ересь, еретик, инок, канонизировать, крещение, крещеный, монашеский, наставник, освящение, поминать, священнодействие, священство, семинарист; 3: архиерей, аскет, библия, еретический, заповедовать, идолослужение, иерарх, иерархия, инославие, инославный, исповедь, канон,

литурический, литургия, молебен, мольба, монашество, нецерковный, обряд, община, пасха, поп, послушник, пост, причащаться, проскомидия, прославление, протоиерей, пятикнижие, семинария, синод; 2: архиепископ, аскез, аскетизм, безбожие, безбожник, владыка, воевать, духовенство, евангелист, елей, епархия, епитимья, игумен, иеромонах, исповедник, исповедоваться, катехизис, келия, кладбище, миссионер, могила, моление, молитвенность, монахиня, обедня, обитель, паломник, панихида, папа, пасхальный, песнопение, постриг, проповедник, проскомидийный, просфора, псалом, псалтирь, пустынь, рождественский, свеча, сектантский, синодальный, скит, служение, служитель, служить, стража, стригольник, схиигумен, устав, устой, церковнослужитель, четки, юридивый.

Наименее многочисленной оказалась группа церковнославянизмов. Приведем её целиком.

7: чуждый; 6: взор, возводить, возвышать, именовать; 4: око, таковой; 2: авва, агнец, быть, деторождение, есма, каков, каковой, кой, лестчий, оный, простираться, святой, сие, смертность, темница; 1: алкать, аще, безвидный, безвозвратный, безвременный, безземной, бех, боже, божиего, божиим, божиимъ, божих, бывание, бых, властех, вождевать, вождение, всяе, всуе, глаголати, дабы, данний, демонъ, дмение, днесъ, доколе, должень, доньне, дотоле, дщерь, егда, еже, ежели, елико, емлется, еси, зиждать, зиждиться, ижден, избавль, иноци, кимвал, мирстие, многа, многий, мя, мястись, наипаче, напоиша, некий, непостыждение, несмь, несть, обряцета, объядение, осиявать, оскуда, отвень, отверстый, отч, отчуждение, отчужденность, отшествоие, падоше, паче, плевел, плотию, поелику, позорище, постыждение, поядать, приемлется, приемлющий, приемля, приемише, приидет, приидешь, пришед, прияв, приял, приял, путех, раби, реча, руце, седмижды, седмица, седмь, снадать, снадь, снисшедши, созиждать, сотворих, сотвориша, сотвориши, судище, сшествовать, твоя, торжищех, убо, уготовал, умерщвление, шестоднева, ю, юдоль, языце, яко, якоже, яство.

Для доказательства «цитатного» происхождения церковнославянизмов приведем пример употребления редкой формы снисшедши: «Почти дословно ту же мысль высказывает святитель Епифаний Кипрский: «Жизнь же наша — ... (Христос) за нас Пострадавший, чтобы нас **разрешить** от страстей и, умерши **плотию, соделаться** смертью смерти, чтобы сокрушить жало смерти, **снисшедши** в преисподнюю сломить алмазные заперы. **Соделав** это, вывел Он пленные души, и ад **соделал** пустым» [Преп. Епифаний Кипрский. Творения. Ч. 1. М., 1863. с. 140.]. В тексте нами выделены и другие приметы церковнославянского языка.

Теперь мы можем приступить к обсуждению едва ли не центральной проблемы: каким может быть алгоритм автоматического выявления конфессионализмов и религиозных текстов на просторах Интернета.

Самый простой алгоритм состоит в реализации **декларативного подхода** – использовании полученного списка. При декларативном подходе едва ли не центральным оказывается вопрос расширения списка. Можно его расширять вручную, привлекая новые религиозные тексты и дополняя имеющийся список новыми интуитивно выделенными конфессионалистами.

В этой связи ближайшей перспективой видится исследование трудов Святителя Игнатия (Брянчанинова), игумена Никона (Воробьева), Св. Иоанна Кронштадтского, схиигумена Иоанна (Алексеева) и др.

Автоматизация поиска конфессионализмов возможна благодаря явлению констелляции – концентрированию конфессионализмов в текстах соответствующей тематики. Конфессионализмы могут быть взвешены по аттрактивности – их способности «тянуть» за собой в текст другие конфессионализмы. Наиболее аттрактивные конфессионализмы могут использоваться для расширения списка конфессионализмов. Взвешивание же конфессионализмов по их стилистической аттрактивности может быть осуществлено посредством «алгоритма Гинзбурга»⁸, ориентированном на выявление сателлитов слова в любом тексте.

Второй – **апостериорный** путь составления списка конфессионализмов предполагает максимальное использование информации имеющихся толковых словарей; например, *Малого академического словаря*⁹, единодушно признающегося специалистами лучшим описанием лексики современного русского литературного языка.

Ориентируясь на пометы и дефиниции этого словаря, можно вытащить все конфессионализмы, представленные в нем.

Третий путь является **процедурным**. Поскольку фонетические и грамматические приметы церковнославянизмов известны, можно с опорой на них создать программу автоматического поиска церковнославянизмов. Недостатки этого подхода следующие. Во-первых, так мы получим не все конфессионализмы, а только их наиболее малочисленную группу. Во-вторых, формально церковнославянские слова могут утрачивать свою стилистическую окраску и функционировать как стилистически нейтральные слова. Эти недостатки можно отчасти сгладить применением алгоритма Гинзбурга и комбинированием подходов.

Разновидностью процедурного подхода является **словообразовательный** путь. Дело в том, что стилистическая окраска может закрепляться за корнями, приставками и суффиксами. Можно составить инвентарь таких морфем и автоматически вытаскивать слова, содержащие такие морфемы, и их контексты.

Подведём итоги исследования.

1. Получен предварительный список *конфессионализмов* размером в 3.325 единиц.
2. Предложена и осуществлена классификация конфессионализмов на *фидеизмы* 75%, *теологизмы* – 13%, *ортодоксизмы* – 8% и *церковнославянизмы* – 4%.
3. Показано примерное наполнение выделенных групп конфессионализмов.
4. Выдвинута идея создания электронного корпуса русских религиозных текстов.
5. Предложены пути расширения и уточнения полученного списка: *декларативный, апостериорный, процедурный* и *словообразовательный*.

⁸ Е.Л. Гинзбург. *ИдиоGLOSSY: проблемы выявления и изучения контекста*. [В:] *Семантика языковых единиц: Доклады VI Международной конференции*. Т. 1. Москва 1998, с. 26–28.

⁹ А.П. Евгеньева (ред.). *Словарь русского языка*: В 4-х т. 2-е изд., испр. и доп. Москва: Русский язык, 1981–1984.

6. Намечены перспективы экстенсивной и интенсивной разработки проекта *Живой стилистический словарь русского языка*.

Литература

- Андреева И.В., Баско Н.В. *Словарь православной лексики в русской литературе XIX–XX в.* Москва: Сретенский монастырь, 2012.
- Балашова Е.Ю. *Концептуальные поля вера, надежда, любовь в религиозном дискурсе (на материале текстов Национального корпуса русского языка)*. «Вестник Челябинского государственного университета» 2014, № 23 (352), с. 5–9.
- Бугаева И.В. *Язык православной сферы: современное состояние, тенденции развития*. Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Москва 2010.
- Векшин Г.В. *Основы стилистической семантики*. Москва: Московский технологический университет, 2017.
- Герашенко М.Б. *Реактивизация лексики к началу XXI*. Дис. ... канд. филол. наук. Белгород 2009.
- Гинзбург Е.Л. *Идиоглоссы: проблемы выявления и изучения контекста*. [В:] *Семантика языковых единиц: Доклады VI Международной конференции*. Т. 1. Москва 1998, с. 26–28.
- Гольберг И.М. *Религиозно-проповеднический стиль современного русского литературного языка: моральные концепты*. Дис. ... канд. филол. наук. Москва 2002.
- Горюшина Р.И. *Лексика христианства в русском языке (системные отношения прямых профессиональных и производных светских значений слов)*. Дис. ... канд. филол. наук. Волгоград 2002.
- Гостева И.В. *Динамика лингвокультурного поля «Духовность» в русской языковой картине мира (1981–2008 гг.)*. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск 2009.
- Давыдова Н.В. *Православная культура. Словарь-справочник школьника*. Москва: ПРО-ПРЕСС, 2008.
- Дмитриева Н.М. *Духовно-нравственная лексика в языке сельской молодежи*. «Русская речь» 2005, № 5, с. 61–68.
- Дмитриева Н.М. *Этический аспект культуры русской речи (лингвокультурологический анализ словаря студентов-аграриев)*. Дис. канд. филол. наук. Челябинск 2005.
- Дьяченко Г. *Полный церковно-славянский словарь*. Репр. воспроизведение изд. 1900. Москва: Отчий дом, 2009.
- Евгеньева А.П. (ред.) *Словарь русского языка*. В 4-х т. 2-е изд., испр. и доп. Москва: Русский язык, 1981–1984.
- Загоровская О.В. *Типологические разновидности русского языка и формы его существования в начале XXI века*. «Известия ВГПУ» 2015, № 3 (268), с. 96–101.
- Загоровская О.В., Матей И.К. *Русская православная лексика как предмет изучения в современной русистике*. [В:] *Современные проблемы лингвистики и методики преподавания русского языка в вузе и школе*. Выпуск 18. Под ред. О.В. Загоровской. Воронеж: Научная книга, 2012, с. 3–14.
- Кобякова Т.И. *Концепты духовности в русской языковой картине мира: лингвокультурологический словарь*. Уфа: Башкирский государственный университет, 2004.
- Кобякова Т.И. *Учебный лингвокультурологический словарь «Концепты духовности русской языковой картины мира» как основа формирования концептосферы учащихся на уроках русского языка*. Дис. канд. фил. наук. Уфа 2006.

- Крысин Л.П. *Введение. Активные процессы в русском языке конца XX – начала XXI века. Вводные замечания.* [В:] *Современный русский язык: Активные процессы на рубеже XX–XXI веков.* Москва: Языки славянских культур, 2008, с. 13–29.
- Листрова-Правда Ю.Т. *Возрождение церковно-религиозной лексики и фразеологии русского языка в последние десятилетия.* [В:] *Актуальные проблемы изучения и преподавания русского языка на рубеже XX–XXI веков.* Воронеж 2001, с. 18–20.
- Матей И.К. *Православная лексика в современном русском языке и языковом сознании его носителей.* Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж 2012.
- Матей И.К. *Словарь как источник сведений о духовной культуре народа.* «Известия ВГПУ» 2015, № 2 (267), 2015, с. 170–173.
- Мечковская Н.Б. *Язык и религия: Пособие для студентов гуманитарных вузов.* Москва: Агентство «ФАИР», 1998.
- Михайлова Ю.Н. *Религиозная православная лексика и ее судьба (по данным толковых словарей русского языка).* Дис. канд. филол. наук. Екатеринбург 2004.
- Ситникова О.В. *Лексика морально-нравственного содержания в русском языке новейшего периода и ее отражение в языковом сознании современных носителей русского языка.* Дис. ... канд. филол. наук. Воронеж 2009.
- Скляревская Г.Н. *Введение.* [В:] *Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика.* Под ред. Г.Н. Скляревской. Москва: Эксмо, 2007, с. 5.
- Скляревская Г.Н. *Предисловие.* [В:] *Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия.* Под ред. Г.Н. Скляревской. Москва: Астрель АСТ, 2001, с. 6–7.
- Шевченко И.С. *Русская православная лексика духовно-нравственного содержания: семасиологический и лексикографический аспекты.* Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж 2016.

«СМОТРЕТЬ В ГЛАЗА ТВОИ РУСАЛЧЬИ...»
(ОБРАЗ О. А. ГЛЕБОВОЙ-СУДЕЙКИНОЙ
В ДОРЕВОЛЮЦИОННОМ ТВОРЧЕСТВЕ
ИГОРЯ-СЕВЕРЯНИНА)

ВИКТОРИЯ В. НИКУЛЬЦЕВА

Московский финансово-юридический университет МФЮА

Кафедра гуманитарных дисциплин

ул. Введенского, д. 1-а, 115191, Москва, Россия

e-mail: severjanin@list.ru

(получено 24.08.2017; принято 27.09.2017)

Abstract

„Smotret' v glaza tvoi rusalch'i...”

(O. A. Glebova-Sudeykina's image in Igor-Severyanin's
pre-revolution poems)

The article deals with language and stylistic analysis of Igor-Severyanin's poem *Po-eza predvesennikh trepetov* (1913). The composition, the system of images, the level of ideas and subjects are regarded via the analysis of the following language levels: lexical-semantic, phonetic, grammatical. Without any doubt, from the point of view of stylistics also the set of expressive devices used by the author in his writings is interesting for the researcher of poetic texts.

Key words

Igor-Severyanin, O.A. Glebova-Sudeykina, linguistic and stylistic analysis, language levels of text, an individual-authorial style, expressive devices of the language.

Резюме

В статье приводится лингвостилистический анализ стихотворения Игоря-Северянина *Поэза предвесенних трепетов* (1913). Композиция, образная система, идейно-тематический план стихотворения рассматриваются через анализ языковых уровней текста – лексико-семантического, фонетического, грамматического. В стилистическом отношении несомненный интерес для исследователя поэтического текста представляет и палитра изобразительно-выразительных средств, применяемых автором данного произведения.

Ключевые слова

Игорь-Северянин, Ольга Афанасьевна Глебова-Судейкина, лингвостилистический анализ, языковые уровни текста, индивидуально-авторский стиль, изобразительно-выразительные средства языка.

В жизни Игоря-Северянина¹ театр занимал значительное место. Это вызвано тем, что в его роду были певцы и музыканты (троюродная тётка Евгения Константиновна Мравина, лирико-колоратурное сопрано, артистка Императорского Мариинского театра; двоюродный брат Виктор Журов (псевд. Vittorio Andoga), баритон, режиссер миланского театра „La Scala”; его жена Наталия Фесенко (псевдоним Аида Марчелла), артистка „La Scala”; сводный брат Василий Салов, композитор, автор оперы с народным сюжетом *Журка*), и потому в семье с особым благоговением относились к всемирно известным и новым постановкам музыкальных театров.

Из оперных певцов юный поэт отдавал предпочтение Леониду Собинову, Фёдору Шаляпину, Николаю Фигнеру, Олимпии Баронат, Марчелле Зембрих, Марии Гальвани, Медее Фигнер, Лидии Липковской и мн. др. За границей был особо дружен с артистами драмтеатра Ольгой Гзовской и Владимиром Гайдаровым. Из композиторов предпочитал Джакомо Пуччини, Петра Чайковского, Жоржа Бизе, Джузеппе Верди, Михаила Глинку, Николая Римского-Корсакова, Жака Оффенбаха, Эдварда Грига, Людвиг ван Бетховена, Сергея Прокофьева, Федерика Шопена, Ференца Листа. Не было чуждым для Игоря-Северянина и творчество ресторанных, кафешантанных, кабареточных артистов (Александра Вертинского, Софьи Шамардиной, Марии Волнянской и др.).

С октября 1912 года Игорь-Северянин начал посещать салон Фёдора Сологуба, где познакомился, среди прочих талантливых представителей богемы Серебряного века, с художником Сергеем Юрьевичем Судейкиным (1882–1946) и его женой Ольгой Афанасьевной Глебовой-Судейкиной (1885–1945)².

¹ О выборе дефисного написания псевдонима поэта см.: В.В. Никульцева. *Словарь неологизмов Игоря-Северянина*. Москва: Азбуковник, 2008, с. 5; В.В. Никульцева. *История одного литературного псевдонима*. «Русская речь» 2009, № 3, с. 96–98.

² *Глебова-Судейкина Ольга Афанасьевна*. [Online:] <https://ru.m.wikipedia.org/wiki/Глебова-Судейкина,_Ольга_Афанасьевна> (11.12.2016).

Судьба последней сложилась очень непросто. С детства Ольга, дочь чиновника Горного института, мечтала стать актрисой. Окончила драматические курсы Императорского театрального училища (1902–1905), исполняла эпизодические роли в Александринском театре, театре В.Ф. Комиссаржевской, Малом (Алексея Суворина) и Литейном Интимном театрах, театре Литературно-художественного общества³. С момента открытия литературно-артистического кабаре *Бродячая собака* (в новогоднюю ночь 1912-го) и вплоть до его закрытия была постоянной участницей представлений в качестве декламатора стихов, певицы, танцовщицы, позже выступала в *Привале комедиантов* и *Би-ба-бо*⁴. В январе 1907 года обвенчалась с Судейкиным, но брак продлился недолго. В 1915 г. любвеобильный художник вступил в незаконную связь с Верой де Боссе, официально не расторгнув брака с Ольгой, а его венчанная жена – с композитором Артуром Сергеевичем Лурье. Считается, что одной из причин распада их брака является влияние Михаила Кузмина, приведшее к многочисленным и запутанным гетеро- и гомосексуальным связям супругов. В январе 1916 г. произошёл окончательный разрыв Ольги и Сергея. После Октябрьской революции 1917 г. Глебова-Судейкина продолжала выступать в *Привале комедиантов*, по преимуществу исполняя танцевальные номера, жила за счет гражданского мужа Лурье, ставшего комиссаром, начальником музотдела Наркомпроса, поддерживала тесные отношения с четой Фёдор Сологуб – Анастасия Чеботаревская, Михаилом Кузминым и Анной Ахматовой.

После эмиграции в 1922 г. своего гражданского мужа Ольга Глебова испытывает постоянную нужду и депрессию. По настойчивому его требованию актриса покидает родину в 1924 г., сначала выехав в Берлин, затем переехав в Париж, однако семейные отношения дают трещину, и она остается в одиночестве и нищете. В Париже постоянно проживает вплоть до своей смерти, вызванной скоротечной чахоткой. В эмигрантских кругах ее прозвали „La Dame aux oiseaux” – „Дама с птицами”, т.к. Ольга предпочитала окружать себя живыми существами, резвыми и щебечущими, напоминавшими ей себя в молодости. Ее пристрастия распространяются и на предметы интерьера: в дореволюционном Петербурге она любила собирать безделушки (фарфоровые изделия гарднеровской и поповской мануфактуры: табакерки, миниатюры, скульптуры и проч.), посещая Александровский рынок, и некоторые вещи из своей коллекции, почти полностью распроданной в послереволюционные годы, она смогла вывезти за границу.

Ольга, соответствуя богемному образу в свете, умела создавать уютную семейную атмосферу. Это ее редкостное качество проявлялось в том, как она разграничивала свою личную и публичную жизнь. Вера де Боссе вспоминала:

³ Подробнее о сценах, на которых выступала О.А. Глебова-Судейкина, см.: Ю.Л. Алянский. *Увеселительные заведения старого Петербурга*. Санкт-Петербург: Аврора, 2003.

⁴ Об этих кабаре см.: М. Шруба. *Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890–1917 годов: словарь*. Москва: Новое литературное обозрение, 2004.

Сереза подробно рассказывал о своем самом бедственном периоде жизни на Васильевском и о том, как Ольга, фыркая на всех, не допускала никаких знакомств⁵.

Описывая дореволюционный быт, Борис Романов так отзывался о вкусах Ольги Глебовой:

В домашнем укладе Судейкиных во всем чувствовалось ее влияние. В квартире на окнах висели кисейные занавесочки с едва заметными горошинками. Это вкус Олечки. Качалась клетка с канарейкой. Это ее любовь к птицам. На булях, столиках из красного дерева стояло множество расписных с позолотой чайников, чашек и пасторальных статуэток из гарднеровского и поповского фарфора⁶.

Чтобы скрасить время в одиночестве и заработать на жизнь в Париже, Ольга лепила и раскрашивала фигурки из севрского фарфора, шила куколок, изготовлением которых увлеклась еще в Петербурге. Пошивом и дизайном кукол занимались многие современники Судейкиных – как профессиональные художники, так и любители⁷.

Воспоминания об Ольге Афанасьевне Глебовой-Судейкиной оставили многие деятели искусства: Артур Лурье⁸, Вера де Боссе (Судейкина)⁹, Михаил Кузмин¹⁰, Юрий Анненков¹¹, Георгий Чулков¹² и мн. др. Составлена и ее подробная биография¹³.

Современникам О. Глебова-Судейкина запомнилась в основном как водевильная актриса и уникальная танцовщица.

В О.А. Глебовой-Судейкиной с особой завершенностью и отточенностью предстал тот тип актрисы, в котором театр миниатюр нуждался – и которому, в свою очередь, дал возможность самоосуществиться. Она была живым воплощением не только стиля нового искусства, но и нового стиля жизни. <...> С детской припухлостью рта, с обрамленным белокурыми локонами тонким лицом, чуть смятым хронической бессонницей, она сама была театральным персонажем на подмостках эпохи, насквозь пропитанной театральностью. Ее облик, так счастливо совпавший с женским идеалом, признанным в богемной среде, был доведен до эстетической законченности рукой художника Сергея Судейкина, чьей женой, музой и живой моделью она была¹⁴.

⁵ Вера Судейкина. *Дневник. Петроград. Крым. Тифлис*. Москва: Русский путь – Книжница, 2006, с. 349.

⁶ Там же, с. 526.

⁷ Там же, с. 592–593.

⁸ А. Лурье. *Ольга Афанасьевна Глебова-Судейкина*. «Воздушные пути» 1967, т. 5, Нью-Йорк, с. 139–145.

⁹ Вера Судейкина. *Дневник. Петроград. Крым. Тифлис...*

¹⁰ М. Кузмин. *Дневник 1908–1915*. Ред. Н.А. Богомолова, С.В. Шумихина. Санкт-Петербург: Издательство Ивана Лимбаха, 2005.

¹¹ Ю. Анненков. *Дневник моих встреч: цикл трагедий*. Ред. Р. Герра. Москва: Вагриус, 2005.

¹² Г.И. Чулков. *Годы странствий*. Ред. М.В. Михайлова. Москва: Федерация, 1999.

¹³ Э. Мок-Бикер. „Коломба десятих годов...“: книга об Ольге Глебовой-Судейкиной. Пер. с фр. Париж; Санкт-Петербург: Издательство Гржебина, 1993.

¹⁴ Л.И. Тихвинская. *Повседневная жизнь театральной богемы Серебряного века: Кабаре и театры миниатюр в России. 1908–1917*. Москва: Молодая гвардия, 2005, с. 213.

Игорь-Северянин познакомился с Ольгой в салоне Фёдора Сологуба и Анастасии Чеботаревской, где она мастерски исполняла стихи хозяина дома, и посвятил ей чудесные стихотворения: „чувственно-богемный” мадригал *Поэза предвесенних трепетов* и *Голосистую могилку*¹⁵ – одно из его поздних стихотворений, написанное в момент потрясения, наивысшего напряжения чувств, очень схожего со страданием, причиненным тонкой поэтической душе встречей с умирающей Евгенией Константиновной Мравиной в Ялте 1913 года...¹⁶. Возможно, имеются и другие стихотворения Игоря-Северянина, посвященные Олечке Глебовой-Судейкиной, однако литературоведы отмечают только эти два¹⁷.

В данной статье остановимся на первом из указанных стихотворений.

Итак, в честь одной из самых утонченных „демимонденок” Серебряного века Игорь-Северянин создает *Поэзу предвесенних трепетов* (1913), вошедшую в сборник *Златолира*.

Весенним ветром веют лица
И тают, проблагоухав.
Телам легко и сладко слиться
Для весенеющих забав.

Я снова чувствую томленье
И нежность, нежность без конца...
Твои уста, твои колени
И вздох мимозного лица, –

Лица, которого бесчертны
Неуловимые черты:
Снегурка с темпом сердца серны,
Газель оснеженная – ты.

Смотреть в глаза твои русалчьи
И в них забвенно утопать;
Изнежные цветы фиалчьи
Под ними четко намечать.

И видеть уходящий поезд
И путь без станций, без платформ,

¹⁵ Подробнее см.: В.В. Никульцева. *Образ О.А. Глебовой-Судейкиной в зарубежном творчестве Игоря-Северянина (Поэтическая эпитафия «Голосистая могилка»)*. [В:] *Литературное зарубежье как культурный феномен*. Ред. Т.Г. Петрова. Москва: ИНИОН РАН, 2017.

¹⁶ Анализ стихотворения содержит статья: В.В. Никульцева. *Символика смерти в стихотворении И. Северянина «У Е.К. Мравиной»*. «Русский язык в школе» 2001, № 2, с. 75–79.

¹⁷ *Словарь литературного окружения Игоря-Северянина (1905–1941): био-библиографическое издание*. Т. 1, Сост. Д.С. Прокофьев. Псков: Гименей, 2007, с. 30, 45, 196, 232; В.Н. Терёхина, Н.И. Шубникова-Гусева. „За струнной изгородью лиры...”: научная биография Игоря Северянина. Москва: ИМЛИ РАН, 2015, с. 206–208; Э. Мок-Бикер. „Коломба десятих годов...”..., с. 64, 97–100.

Читать без окончания повесть, –
 Душа Поэзии – вне форм.
 (1913)¹⁸

Идейно-тематический план стихотворения создается в результате взаимодействия нескольких семантических полей (СП): „время года” (*весенний, весенеющий, предвесенний; Снегурка, оснеженная*), „ветер” (*вздых, ветер, вьют*), „цветок” (*цветы, фиалчьи, пролагоухав*), „человек” (*лицо, глаза, тела, уста, колени, черты, сердце*), „любовь” (*забава, нежность, забвенно, тают, чувствую томленье, слиться, трепеты, утопать*), „зрение” (*смотреть, намечать (= видеть), видеть*), творчество (*поэза, повесть, поэзия*), „движение” (*путь, темп, поезд, уходящий, станция, платформа*). Все эти поля коррелируют друг с другом, постоянно пересекаясь: так, на СП „человек” и „время года” накладывается СП „женщина” и „красота” (*Снегурка, серна, газель, русалчьи*); на СП „человек” и „любовь” – СП „нежность” и „колдовство” (*мимозное лицо, бесчертны черты, русалчьи глаза, оснеженная газель, нежность, изнежные*); СП „время” при наложении на СП „движение” порождает корреляцию „форма / материя”: *без конца, без окончания (= вне форм) / черты / бесчертны*.

Наложение, трансформация СП в то же время создает тематические контрасты, формирующие символику текста: 1) реальная / ирреальная действительность (*забвение, таять, бесчертны черты – тело, слиться*); 2) весна / зима (*весенеющий, весенний, предвесенний – оснеженный, Снегурка*); 3) статика / динамика (*томленье – трепет, темп сердца серны, весенеющие забавы*); 4) любовь / расставание, чувство ложное / истинное (*утопать, изнежный, забвенно – четко намечать, видеть уходящий поезд*); 5) душа / тело, духовная / земная любовь (*нежность, русалчьи глаза – телам легко и сладко слиться*); 6) время / бесконечность, момент / вечность (*видеть уходящий поезд – путь без станций, без платформ; слиться – читать без окончания повесть; Душа Поэзии – вне форм*).

Портретная характеристика любимой женщины дана через импрессионистические детали. Мы не видим ее лица, но чувствуем всю нежность, исходящую от нее, благодаря эпитетам *мимозное* (лицо, т.е. нежное), *бесчертны*, *неуловимы* (черты) вкупе с тонкой прорисовкой зеркала этой загадочной женской души – „русалчьих” глаз с „изнежными фиалчьими цветами” (теньями) под ними. Возлюбленная, утомленная то ли любовными ласками, то ли творческим процессом (а может быть, и тем и другим?), является обладательницей необыкновенных зеленых глаз с глубоким и нежным взором, притягивающим и околдовывающим мужчину. Лишь одна эта характерная портретная деталь Глебовой-Судейкиной, приоткрывающая завесу над ее женской сущностью, так мастерски обыгрывается Игорем-Северянином¹⁹. Несмотря на кажущуюся „откровенность” текста, он не дает четкого представления о том, испытал ли лирический герой любовное наслаждение, либо это только его эротические

¹⁸ Игорь Северянин. Тост безответный. Стихотворения. Поэмы. Проза. Сост. Е. Филькина. Москва: Республика, 1999, с. 65.

¹⁹ „Наконец, огромные русалочьи глаза, светлые и прозрачные, – характерная примета ее облика” (Э. Мок-Бикер. „Коломба десятих годов...”..., с. 99).

фантазии. Второе предположение подтверждается также тем фактом, что автор только единожды вводит в текст личное местоимение *я* при четырехкратном употреблении личного и притяжательного местоимений *ты – твой*, относящихся к лирической героине, достигая этим не эффекта гармонии, а, наоборот, контраста, оппозиции желаемого / осуществленного. Происходит отождествление женщины с поэзией; форма и материя сливаются воедино, время переходит в безвременье, реальность сменяется ирреальностью. Любовь, черпающая истоки в красоте, подобна бесконечному творческому процессу, стирающему грани между зимой и весной, жизнью и небытием. Неслучайны и образы уходящего поезда, вечного пути, неоконченной повести – это и своеобразная метафора загадочной женской сути, и модель человеческого бытия.

Постижению этой идеи способствует авторская композиция: излюбленная Игорем-Северянином трехчастность наряду со скрытыми контрастами и параллелизмом.

Первая структурная часть объединяет начальную строфу и 1–2-й стихи второй строфы, в которых общими штрихами намечено состояние лирического героя, предчувствие любви, наступление весны (скорее всего, ирреальной – как времени года, когда пробуждаются чувства; ассоциативно возникает картина Боттичелли *Весна*, на которой аллегорически представлена прекрасная обнаженная женщина вся в цветах)²⁰.

3–4-й стихи второй строфы вместе с третьей и четвертой строфами образуют новую композиционную часть, содержащую портретную и эмоциональную характеристику лирической героини. Утомление чувствуется во всем неясном облике женщины. Взгляд мужчины скользит по ее лицу и телу, останавливаясь на губах, коленях, глазах. Ассоциативно возникает ряд персонажей, воплощенных Глебовой на театральной сцене: лебедь (балет *Лебединое озеро* П.И. Чайковского)²¹, Путаница (мифический персонаж в одноименной пьесе Юрия Беляева)²², возможно, и Снегурочка (*Снегурочка* Александра Николаевича Островского)²³.

²⁰ “Связанный с ней образ весны нам знаком: “Вся в цветах, как «Весна» Боттичелли”, – напишет о ней Анна Ахматова в *Поэме без героя*. И Корней Чуковский скажет, что Ольга “своей победительной, манящей улыбкой и всеми ритмами своих легких движений” всегда напоминала ему именно ту Весну” (Э. Мок-Бикер. “Коломба десятих годов...”..., с. 99).

²¹ Хотя Глебова-Судейкина закончила драматические курсы, ее истинной страстью был танец. “В 1911-м она танцевала в Малом театре в *Лебедином озере* Чайковского и *Дивертисменте*, который шел после пьесы *Красная ленточка* Р. Де Флера и Г.А. Кайяве; в Литейном театре – в водевиле Яковлева *Женское любопытство*. В 1913–1914 годах она танцует в *Царице Таур* Тэффи. Она исполняла танцы в частных салонах и кабаре” (Э. Мок-Бикер. “Коломба десятих годов...”..., с. 99). Малым театром в начале XX века называли театр Алексея Суворина в Санкт-Петербурге, на сцене которого шли балеты, оперы и водевили, часто в виде дивертисментов.

²² “С. Судейкин увековечил Ольгу Афанасьевну в роли Путаницы в спектакле *Париж, 1840 год*, восторгам публики не было конца” (В.Н. Терёхина, Н.И. Шубникова-Гусева. “За струнной изгородью лиры...”..., с. 207).

²³ Сравнению Ольги со Снегурочкой способствовало необычное одеяние работы Сергея Судейкина: “В одну из петербургских зим десятих годов многие обратили внимание на ее манто

Третью структурную часть образует 5-я строфа, в которой содержится сожаление по поводу невозможности обретения постоянного счастья, горечь от утраченных иллюзий и философское предвидение новой любви художника.

При работе над композицией текста значительную роль играет синтаксическое оформление. Традиционно отказываясь от упрощенных конструкций, Игорь-Северянин строит свой текст, основываясь на одном из законов диалектики: от синтаксиса простого осложненного предложения автор-творец постепенно переходит к синтаксису многочленного сложного предложения, создавая эффект конструктивной градации.

Первая структурная часть состоит из трех простых предложений, осложненных, соответственно, 1) однородными сказуемыми (*веют и тают*) и обособленным обстоятельством (*проблагоухав*), 2) однородными членами предложения, соотнесенными со сказуемыми в безличном предложении (*легко и сладко слиться*), 3) однородными дополнениями, из которых второе дублируется (*томленье и нежность*). Остальные две структурные части организованы намного сложнее.

Второй композиционный блок представлен многочленным сложным предложением, распадающимся на две структурно-семантические части: первая объединяет три номинативных распространенных предложения (*Твои уста, твои колени / И вздох мимозного лица...*) и сложноподчиненное предложение атрибутивно-объектного типа, главный компонент которого введен с помощью лексического повтора (*Лица, которого бесчертны / Неуловимые черты...*); вторая же структурно-семантическая часть многочленного сложного предложения состоит из двусоставной распространенной конструкции с инверсионным порядком слов, осложненной однородными сказуемыми (*Снегурка с темпом сердца сурны, / Газель оснеженная – ты*). Помимо многочленного сложного предложения, во вторую композиционную часть входит целиком четвертая строфа, представленная сложным предложением с союзной и бессоюзной связью, распадающимся на три конструкции, соотносимые с инфинитивными односоставными предложениями (*Смотреть... / И... утопать; / ...намечать*).

Заключительная композиционная часть, присоединяющаяся к предыдущей при помощи союза „и”, образована как бессоюзное сложное предложение, состоящее из двух инфинитивных конструкций (*И видеть уходящий поезд / И путь без станций, без платформ, / Читать без окончания повесть...* – первая из них осложнена однородными дополнениями *поезд и путь* и определениями *без станций, без платформ*) и двусоставного предложения (*Душа Поэзии – вне форм*) с составным именным сказуемым (нулевая связка + именная часть *вне форм*).

Осложняющие компоненты в разного типа конструкциях вкпе с инверсионным порядком следования структурных блоков и членов предложения, а также

из светло-голубой ткани, украшенное лебяжьим пухом, которое делало ее похожей на Снегурочку, снежную фею” (Э. Мок-Бикер. “Колумбина десятых годов...”..., с. 42). “Имя »Снегурка« (или »Снегурочка«) вполне могло бы относиться к Ольге Судейкиной, которую называли так ее современники” (там же, с. 99).

градационные построения и концентрация однородных конструкций создают своеобразие синтаксического рисунка поэтических текстов Игоря-Северянина.

Богатство синтаксиса оттеняет ритмику и мелодику поэтического произведения за счёт применения четырехстопного ямба с пиррихиями. Женская рифма в нечетных строках не всегда точна: *томленье – колени* (5–7-й стихи), *бесчертны – серны* (9–11-й), *поезд – повесть* (17–19-й), а в стихах 13–15-м она построена на введении окказионального элемента (*русалчьи – фиалчьи*)²⁴. Мужская рифма в четных строках отточена до блеска (*без конца – лица, черты – ты* и проч.).

Перекрестная рифмовка и силлабо-тонический размер придают напевность стиху, что также подчеркивается его звуковой инструментальной. Если в первой композиционной части превалирует ассонанс на [э], [а], [о], то во второй из этого созвучия почти уходит [о] при усилении звучания [э], а в третьей части [а] и [о] заглушают все остальные гласные звуки, вместе взятые. Напевное, нежное [э], способствующее передаче элегического настроения лирического героя и его чувств к возлюбленной (что особенно явно в 1, 6, 11 и 12-м стихах), постепенно уступает место сильным, открытым [а] и [о], стирающим грань между реальностью и небытием. На 23 звукоупотребления [а] приходится 18 и 10 звукоупотреблений [э] и [о] соответственно.

Не чужд Игорь-Северянин и консонансной звукописи. На фоне ласкающего [э] отчетливо слышится аллитерация на [в'] (*Весенним ветром веют лица...*), [л] – [л'] (*Телам легко и сладко слиться...*) и [н] – [н'] (*Я снова чувствую томленья / И нежность, нежность без конца...*). Во второй и третьей композиционных частях аллитерация не так явно выражена, хотя невозможно не обратить внимание на повышенную частотность употребления шипящих и свистящих на фоне сонорных (...*Вздых мимозного лица, – // Лица, которого бесчертны / Неуловимые черты...*; ...*Изнежные цветы фиалчьи / Под ними четко намечать; Читать без окончания повесть...* и мн. др.).

Поэза предвесенних трепетов насыщена изобразительно-выразительными средствами, традиционно применяемыми Игорем-Северянином в любовной лирике. Здесь встречается излюбленный поэтом троп – метафора (*лица веют и тают, благоухав; сладко слиться телам*), в частности генитивная (*тепл сердца серны, вздох лица, Душа Поэзии*) и стертая (*уходящий поезд*). В состав метафоры часто входит окказиональное слово: *весенеющие забавы*, т.е. „происходящие весной, под влиянием весны”²⁵; *цветы фиалчьи* – тени, синяки под глазами; *фиалчий* – „подобный фиалкам”²⁶. Помимо метафоры, в тексте встречается метаморфоза (*весенним ветром*), оксюморон (*бесчертны черты*), лексический повтор (*нежность, твои*), множество метафорических эпитетов: *мимозное лицо*, т.е. очень нежное; *Снегурка с темном сердца серны* (своеобразный синтаксический оксюморон, построенный на контрастах: бойкая + нежная + ме-

²⁴ **ФИАЛЧИЙ**, -ьего, прил. Подобный фиалкам. (В.В. Никольцева. *Словарь неологизмов Игоря-Северянина...*, с. 311).

²⁵ Там же, с. 55.

²⁶ Там же, с. 311.

ланхоличная + страстная), *газель оснеженная* (букв. „покрытая снегом”²⁷; здесь: в белой дымке, вуали, парике и т.п.); *неуловимые черты*; *русалчьи глаза* (удлиненные, манящие, зеленые); *забвенно утопать*; *изнежные цветы* („способные изнежить; повергающие в негу”)²⁸.

Происходит наложение тропов: так, из метафорических эпитетов вырастает аллюзия: *мимозное лицо* – ссылка на раннее стихотворение Игоря-Северянина *Принцесса Мимоза*²⁹, а введение лексических элементов „Снегурка”, „оснеженный”, „предвесенний”, „уста”, „вздых”, „русалчьи” (глаза) намекает на персонажей произведений А.Н. Островского (весенняя сказка *Снегурочка*) и Ганса-Христиана Андерсена (*Русалочка*).

Особенность синтаксического строя и композиционное решение автора подготавливают введение символов в архитектурное основание текста. *Поезд, путь без станций и без платформ, повесть без окончания* – все это ипостаси бытия, быстротекущей человеческой жизни.

Синтаксический параллелизм в 4–5-й строфах, анадиплосис во 2–3-й строфах, а также многочисленные инверсии (в 1, 9, 10, 12, 15, 16, 19-м стихах) – те фигуры, которые вкупе с авторской пунктуацией придают загадочность, лиричность и завершенность северянинской „Поэзе предвесенних трепетов”.

Артур Лурье пишет:

Ольга Афанасьевна (...) выражала собой рафинированную эпоху Петербурга начала XX века так же, как мадам Рекамье – *la divine Juliette* – выражала эпоху раннего ампира. Вкус Ольги Афанасьевны был вкусом эпохи; стиль её был также стилем эпохи, утонченной и вычурной³⁰.

Именно эти черты Глебовой-Судейкиной с истинным совершенством раскрыты Игорем-Северянином в *Поэзе предвесенних трепетов*, входящей в алмазный фонд русской литературы.

²⁷ Там же, с. 208.

²⁸ Там же, с. 119.

²⁹ В сказке-триолете *Принцесса Мимоза* дан образ цветка, погибшего от поцелуя возлюбленного-мотылька:

Ее святая чистота –
 Причина гибели Мимозы,
 Что чище вешнего листа.
 В любви духовной – чистота,
 А не в земной, рабыне прозы:
 Есть для одних молитв уста,
 И их святая чистота –
 Причина гибели Мимозы!

(Игорь Северянин. *Громокиящий кубик. Ананасы в шампанском. Соловей. Классические розы*. Сост. В.Н. Терёхина, Н.И. Шубникова-Гусева. Серия «Литературные памятники». Москва: Наука, 2004, с. 379.)

³⁰ Э. Мок-Бикер. „Коломба десятих годов...”..., с. 140.

Источники

Игорь Северянин. *Тост безответный. Стихотворения. Поэмы. Проза*. Сост. Е. Филькина. Москва: Республика, 1999.

Литература

- Алянский Ю.Л. *Увеселительные заведения старого Петербурга*. Санкт-Петербург: Аврора, 2003.
- Анненков Ю. *Дневник моих встреч: цикл трагедий*. Ред. Р. Герра. Москва: Вагриус, 2005.
- Судейкина В. *Дневник. Петроград. Крым. Тифлис*. Москва: Русский путь – Книжница, 2006.
- Кузмин М. *Дневник 1908–1915*. Ред. Н.А. Богомолова, С.В. Шумихина. Санкт-Петербург: Издательство Ивана Лимбаха, 2005.
- Лурье А. *Ольга Афанасьевна Глебова-Судейкина*. «Воздушные пути» 1967, т. 5. Нью-Йорк, с. 139–145.
- Мок-Бикер Э. *„Коломба десятих годов...“: книга об Ольге Глебовой-Судейкиной*. Пер. с фр. Париж; Санкт-Петербург: Издательство Гржебина, 1993.
- Никулцева В.В. *История одного литературного псевдонима*. «Русская речь» 2009, № 3, с. 96–98.
- Никулцева В.В. *Образ О.А. Глебовой-Судейкиной в зарубежном творчестве Игоря-Северянина (Поэтическая эпитафия „Голосистая могилка“)*. [В:] Литературное зарубежье как культурный феномен. Ред. Петрова. Москва: ИНИОН РАН, 2017.
- Никулцева В.В. *Символика смерти в стихотворении И. Северянина «У Е.К. Мравиной»*. «Русский язык в школе» 2001, № 2, с. 75–79.
- Никулцева В.В. *Словарь неологизмов Игоря-Северянина*. Москва: Азбуковник, 2008.
- Словарь литературного окружения Игоря-Северянина (1905–1941): био-библиографическое издание*. Сост. Д.С. Прокофьев. Псков: Гименей, 2007.
- Терёхина В.Н., Шубникова-Гусева Н.И. *„За струнной изгородью лиры...“: научная биография Игоря Северянина*. Москва: ИМЛИ РАН, 2015.
- Терёхина В.Н., Шубникова-Гусева Н.И. *„Согреет всех мое бессмертье...“* [В:] Игорь Северянин. *Громокипящий кубик. Ананасы в шампанском. Соловей. Классические розы*. Сост. В.Н. Терёхина, Н.И. Шубникова-Гусева. Москва: Наука, 2004, с. 601–644.
- Тихвинская Л.И. *Повседневная жизнь театральной богемы Серебряного века: кабаре и театры миниатюр в России. 1908 – 1917*. Москва: Молодая гвардия, 2005.
- Чулков Г.И. *Годы странствий*. Сост. М.В. Михайлова. Москва: Федерация, 1999.
- Шруба М. *Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890–1917 годов: словарь*. Москва: Новое литературное обозрение, 2004.
- Глебова-Судейкина Ольга Афанасьевна*. [Online:] <https://ru.m.wikipedia.org/wiki/Глебова-Судейкина,_Ольга_Афанасьевна> (11.12.2016).

PRAGMALINGWISTYKA
ПРАГМАЛИНГВІСТИКА
PRAGMALINGUISTICS

ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА
ПРЕФИКСАЛЬНЫХ ГЛАГОЛЬНЫХ ДЕРИВАТОВ
В РУССКОЯЗЫЧНЫХ МЕДИЙНОМ
И ФОРУМНОМ ДИСКУРСАХ

ЛАРИСА В. РАЦИБУРСКАЯ

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
имени Н.И. Лобачевского
Институт филологии и журналистики
Кафедра современного русского языка и общего языкознания
ул. Большая Покровская, д. 37, 603000, г. Нижний Новгород, Россия
e-mail: racib@yandex.ru

ЕЛЕНА В. ЩЕНИКОВА

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
имени Н.И. Лобачевского
Институт филологии и журналистики
Кафедра современного русского языка и общего языкознания
ул. Большая Покровская, д. 37, 603000, г. Нижний Новгород, Россия
e-mail: shen1@yandex.ru
(получено 17.08.2017; принято 27.09.2017)

Abstract

Linguo-pragmatic features of prefixal derivatives of verbs in Russian-language media and Internet-forum discourse

The paper deals with non-usual prefixal verbs represented in the Russian-language segments of media and Internet-forum discourse. The word-building units are analyzed in the semantic, stylistic and functional-pragmatic aspects: they are divided into

semantic groups; the changes of meanings of the prefixes are presented in comparison with the situation of the end of the 20th century; stylistic devices realized in the process of creation and usage of prefixal verbs are described; their functional loading is analyzed.

Key words

Derivational neologisms, prefixal verbs, mass media, Internet forums, expression, language play.

Резюме

Осуществляется анализ неузальных префиксальных глаголов, представленных в русскоязычных сегментах медийного и форумного дискурсов. Словообразовательные единицы рассматриваются в семантическом, стилистическом и функционально-прагматическом аспектах: выделяются их семантические группы, отмечаются изменения значений префиксов по сравнению с ситуацией конца XX века; представляются стилистические приемы, реализуемые при создании и употреблении префиксальных глаголов, рассматривается их функциональная нагрузка.

Ключевые слова

Словообразовательные неологизмы, префиксальные глаголы, масс-медиа, интернет-форумы, экспрессия, языковая игра.

В условиях глобализации, виртуализации общественной жизни многократно усиливается роль СМИ и Интернета, язык которых претендует на роль общего, усредненного языка разных народов. Интерес исследователей к соответствующим типам дискурса в последние годы коррелирует с актуализацией прагмалингвистических и лингвокогнитивных исследований явлений языка и речи: «В современной лингвистике всё больше внимания уделяется лексической прагматике, предметом изучения которой являются прагматические свойства отдельного слова – прагматические компоненты в структуре его значения»¹.

В языке масс-медиа не только «активно реализуются системные потенции общенародного языка и наиболее полно отражается его социальная структура: язык масс-медиа интересен также в аспекте аксиологическом»². По мнению уче-

¹ Е.Б. Кузьмина. *Идеологический прагматический компонент семантики слов русского языка (лексикографический аспект)*. «Studia Rossica Gedanensia» 2016, 3, с. 160.

² Е.И. Коряковцева. *Очерки о языке современных славянских СМИ (семантико-словообразовательный и лингвокультурологический аспекты)*. Siedlce: Uniwersytet Przyrodniczo-Humanistyczny w Siedlcach, 2016, с. 7.

ных, «перерабатывая информацию и передавая её читателю, комментируя или аранжируя события, СМИ формируют моральные нормы, эстетические вкусы и оценки, выстраивают иерархию этических и эстетических ценностей, а нередко даже навязывают читателю образцы рецепции истин исторических, социально-политических, психологических и др.»³.

Интернет-форумы отличаются своей структурно-смысловой организацией. В целом каждый из них монотематичен, однако общение коммуникантов на форуме политематично, оно предполагает обратную связь и неограниченный доступ. На форумах «интернауты не только высказывают свою точку зрения, но и стараются аргументировать её»⁴; они «нередко создают “индуцированные неодериваты”, представляющие интерес для исследователя новых словообразовательных явлений и деривационных процессов»⁵.

В современных медийном и форумном дискурсах словообразование является эффективным инструментом для решения прагматических задач. В современную эпоху возможности словотворчества значительно расширяются, поскольку они не только отражают, но и определяют изменения в общественном и индивидуальном сознании. Деривационные процессы и отношения «отражают способы усвоения знаний и опыта с помощью актуальных для данной эпохи корневых и аффиксальных морфем, используемых для объективации новых концептов и связей»⁶. Анализ неодериватов медийной и форумной речи дает представление об активности и продуктивности новых словообразовательных типов, моделей, аффиксов и позволяет понять, как в языковом сознании говорящего в ходе номинации осмысливаются новые явления действительности.

В начале XXI века в разных коммуникативных сферах проявляют продуктивность префиксальные типы глаголов преимущественно с исконными русскими префиксами, что отражает тенденцию, отмеченную Е.А. Земской еще в 1980–1990-е годы⁷. И в частности, префиксальные глагольные дериваты составляют заметные (хотя, и не самые многочисленные) группы неузуальных слов в русскоязычных медийном и форумном дискурсах.

Высокую продуктивность проявляют типы префиксальных глаголов в текстах, представленных в центральной и региональной российской прессе⁸, на российских телеканалах и радиостанциях⁹, а также на российских интернет-форумах, относящихся к ряду тематических групп¹⁰.

³ Там же, с. 7.

⁴ Там же, с. 11.

⁵ Там же, с. 11.

⁶ Там же, с. 9.

⁷ Е.А. Земская. *Активные процессы современного словопроизводства*. [В:] *Русский язык конца XX столетия (1985–1995)*. Москва: Языки русской культуры, 1996, с. 90–141.

⁸ Газеты: «Антенна-Телесемь», «Завтра», «Комсомольская правда», «Культура», «Ленинская смена», «Литературная газета», «Селедка», «Собеседник».

⁹ 1-й канал, Россия 1, Радио России, Вести FM.

¹⁰ К исследованию привлечены форумы четырех тематических групп: «домашние животные», «авто», «недвижимость», «путешествия», а именно: 1) форумы любителей кошек: *Форум о мейнкунах*. [Online:] <<http://mainecoon-forum.ru>> (20.08.2017) (далее, в ссылках на

Семантико-функциональные особенности неузуальных префиксальных глаголов отражают специфику освоения русским языковым сознанием новых реалий разных сфер действительности, а также оценку говорящими окружающих реалий.

Префиксальные глагольные дериваты как в медийном, так и в форумном дискурсе обнаруживают принадлежность к ряду семантических групп, регулярно передавая ряд смысловых оттенков.

В обоих типах дискурса распространены глаголы, которые акцентируют внимание на **количественно-качественных** аспектах действий/состояний (при этом значения префиксов, а также конкретные словообразовательные модели нередко оказываются субъективно-оценочными).

Заметную группу среди таких глаголов составляют слова, указывающие на **степень полноты/неполноты, интенсивности действия** и т.п.

В медийных текстах семантика интенсивности, избыточности, чрезмерности, многократности, всеохватности действия реализуется новообразованиями с префиксом *пере-*: *Где-то добавила, где-то убавила, где-то передобавила, где-то недоубавила* (1-й канал, 06.11.2015); *Как не перепотреблять продукты* (Радио России, 15.11.2016); *Американцы где перекупили, где перезапузали эту элиту* (Россия 1, 22.11.2015). В последнем случае у префикса появляется семантика распространения (действия) на все объекты.

Для форумного дискурса префикс *пере-* в рассматриваемом значении не столь характерен. Семантика интенсивности, избыточности, чрезмерности,

источники текстовых примеров, сокращенно – МФ); *Cat-форум*. [Online:] <<http://mauforum.ru>> (20.08.2017) (далее сокращенно – МАУ); *MaineCoon Portal*. [Online:] <<http://mainecoop-portal.ru>> (20.08.2017) (далее сокращенно – МП) – и форумы любителей собак: *Моя собака* САО. [Online:] <<http://dogs-forum.ru>> (20.08.2017) (далее сокращенно – САОФ); *Собаки Средней Азии*. [Online:] <<http://cao.borda.ru/.ru>> (20.08.2017) (далее сокращенно – СБ); 2) форумы автовладельцев: а) *Matizclub*. [Online:] <<http://matizclub.net>> (20.08.2017) (далее сокращенно – А1); б) *Матиз клуб*. [Online:] <<http://www.e1.ru>> (20.08.2017) (далее сокращенно – А2); в) автомобильные форумы на платформе NN.RU: *Девушка за рулем: для девушек и не только, Нижегородский автофорум: Для автолюбителей и автопрофессионалов*. [Online:] <<https://www.nn.ru/community/>> (20.08.2017) (далее сокращенно – А3); 3) форумы, посвященные вопросам купли-продажи, аренды, коммунального обслуживания жилья: а) форумы о недвижимости на платформе NN.RU: *Недвижимость Нижнего Новгорода — N1.RU: Форум о нижегородском рынке недвижимости, Жалобная книга – недвижимость: Форум о недобросовестных нижегородских риэлторах, застройщиках, управляющих компаниях, Цветы ж/к, Верхнепечерская слобода пос.: форум домов, КП Аладдин: Форум для жителей коттеджного поселка, КМ Анкудиновский парк ЖК: Форум жилого комплекса, Красная Поляна ЖК: форум жилого комплекса, Квартал Европейский жк: форум жилого комплекса*. [Online:] <<https://www.nn.ru/community/>> (20.08.2017) (далее сокращенно – Н1); б) *Форум жителей коттеджного поселка Мечта*. [Online:] <<http://forum.tsg-mechta.ru>> (20.08.2017) (сокращенно – Н2); 4) форумы любителей речных круизов: а) форум на сайте судоходной компании «Водоход» [Online:] <<https://vodohod.com/club/forum/>> (20.08.2017) (далее сокращенно – ВЪ); б) *Речной форум*. [Online:] <<https://riverforum.net>> (20.08.2017) (далее сокращенно – РеФ).

многократности действия передается здесь посредством широкой группы префиксов, ни один из которых нельзя выделить как наиболее типичный:

- *вы-* ('интенсивно и (или) тщательно совершить действие'¹¹): *У меня два года назад в новогоднюю ночь вот так же кот выскочил, я вся обыскалась. На улице минус сорок, праздники, а он где-то один-одинешенек, я все глаза **выревела***¹² (САОФ, 09.01.2017);
- *за-* ('интенсивно и/или в течение длительного периода времени совершать действие' – в академической *Русской грамматике* 1980 года данное значение у префикса не выделяется): *Не отказалась бы я **закруизить** по Вишере! Уж очень живописна она сама* (РеФ, 01.05.2017) (семантика префикса является комплексной: помимо качественно-количественного оттенка здесь просматривается оттенок начала действия);
- *из-/ис-* ('интенсивно совершить действие'): *через сколько-то дней мне все это надоело и вернула ему наполнитель.... сколько у него радости было, весь **изрылся и ископался**)*) (МФ, 21.01.2016);
- *на-* ('интенсивно совершить действие'): (... *сначала понять не могла, че народ наш дом по дороге уже обходит. А потом глядь, а чадушко развлекается, хвостиком **намахивает*** (СБ, 02.01.2017); *Тут подъехал другой кадр на Шевроле Лачетти. Начал **насигналивать*** (А1, 11.03.2013) (в приведенных примерах добавление словообразовательных префиксов сочетается с заменой видового суффикса: *махать* → *намахивать*, *сигналить* → *насигналивать*);
- *об-* ('интенсивно совершить действие' – в академической грамматике 1980 года данное значение у префикса не выделяется): *Хорошо, что Вы предупредили меня о том, что упаковка другая, а то я б **обвозмущались*** (МАУ, 13.11.2014);
- *от-* ('полностью, окончательно совершить действие'): *Да и менять (автомобиль. – Авт.) сразу после покупки, тоже трата денег по сути. Вы свои вложения не **отъездили**, так сказать* (А1, 22.08.2016);
- *пере-* ('интенсивно совершить действие'): *Я бы раньше тормозить начал при таком раскладе – может у чувака тормоза кончились и он полюбому на мою полосу вылезет. Лучшие **перетормозить** ИМХО, чем ждать пока оно само уберется с дороги* (А1, 13.01.2012);
- *по-* ('многократное (...) действие'): *Дерево вроде идеально, но она ж его все **порасклюет** и из-за этого будет плохо мыться...* (МФ, 04.03.2015);
- *раз-/рас-* ('совершить с большой интенсивностью'): *Семьч-то как **разудивлялся!!!*** (МФ, 04.07.2015); *сейчас вроде **расстроились**, много новых ЖК строят, а вот года 3 назад ничего кроме хрущей в продаже не было* (Н1, 11.05.2017) и др.

Некоторые из указанных префиксов встречаются в медийных глаголах: *Хозяйственного и работающего Александра прямо-таки **выбешивало** огульное раз-*

¹¹ Здесь и далее, за исключением особо оговоренных случаев, значения префиксов приводятся по академическому изданию *Русская грамматика*. Т. 2. Москва: Наука, 1980.

¹² Здесь и далее при цитировании текстов интернет-форумов авторские орфография и пунктуация сохраняются.

долбайство старшего брательника (Ленинская смена, 09.06.2016); в том числе в составе префиксально-суффиксальных формантов: *Видимо, мы ещё не **напо**треблялись* (Вести FM, 06.11.2016).

В форумном дискурсе помимо отдельных префиксов в образовании новых глаголов участвует также полипрефиксальный формант *пона-* со значением 'интенсивное действие, совершаемое многими субъектами' (в академической *Русской грамматике* 1980 г. не рассматривается): *И вот представилось на секундочку, как пришёл такой простой покупатель и создал подобную тему... Вот бы по башке то сразу **понаприлетело**...* (МФ, 07.05.2012).

Указание именно на большое количество в форумных контекстах нередко осуществляется также за счет префикса *на-* с языковым значением 'накопить(ся) в определенном (курсив наш. – Авт.) количестве': *Ну так и я об этом - **наудовлетворяли** спрос на адекватноценных котят...* (МФ, 10.11.2014); *В конце видео еще кучка пластмассовых инопомоечек **натюкалась*** (А1, 16.04.2014).

В форумном дискурсе у единиц анализируемой группы сема большого/значительного количества периодически сочетается с отрицательной семой. В частности, это наблюдается в составе таких значений, как 'причинить ущерб': *две ночи у нее оставалась ночевать, дак она меня **обкормила**... и отказаться неудобно, она от всей души* (А2, 01.02.2014); 'с нежелательно большой длительностью совершить действие': *Катририще, вы **перепариваетесь**... (...) вы слишком загнулись по выбору, надо как то отпустить себя* (МФ, 12.01.2016).

Семантика неполноты, незначительной степени интенсивности действия в обоих видах дискурса реализуется прежде все посредством префиксов *недо-* и *под-* (последний особенно продуктивен в СМИ): *Откуда у подростков такая агрессия? **Недодрались** в раннем возрасте на переменах?* (Радио России, 28.04.2017); *чего-то там **недопылесосили*** (Радио России, 26.09.2016); *В аудитории (Балтийского федерального университета им. И. Канта. – Авт.) обычно не увидишь патриотически настроенных студентов или аспирантов. Все уже основательно зачищено от русизма. А «**недоизгнанные**» патриоты из числа профессуры или в подполье, или просто не приглашаются* (Литературная газета, 24–30.03.2016, № 12); *Каюсь, что сегодня почему то **недощелкнул** ближний свет и включил только габариты* (А1, 22.09.2012); *Если вы **недовозьмете** летних вещей, то этого добра на теплоходе в сувенирном киоске полно* (ВЪ, 19.05.2017); *Нет, понятно, что санкции, падение цен на нефть и прочие попытки наших западных «партнеров» во главе с США добиться от Кремля полной покорности кое-кого «**поднагнули**»...* (Завтра, 2015, № 42); *Сегодня власть чиновников надо **подурезать*** (Вести FM, 16.11.2016); *У нас в России интерес к шахматам как-то **подзаглох*** (Вести FM, 11.12.2016); *Сейчас телевидение там (в США. – Авт.) **подуспокоилось?*** (Вести FM, 10.08.2017); *Почитал тему. Один неизвестный человек написал про неизвестную собаку о ее неизвестных примерах трусости. И многие известные стали доказывать друг другу и даже **подсориваться*** (СБ, 02.01.2015).

Нельзя не отметить, что в обоих типах дискурса префикс *недо-* активно расширяет свои синтагматические возможности и, помимо глаголов, нередко присоединяется к именам. Прежде всего это имена существительные: (...) *хмурые*

после московской **недовесны** пассажиры наконец улыбаются (Комсомольская правда, 16.03.2016, № 27); Мы вас не допускаем (к соревнованиям. – Авт.), потому что вы **недопилоты** (Радио России, 16.08.2017); (...) **гнилой недопринц** датский (Вести FM, 29.08.2017); *тоже в выходные недошпы* (6-й сезон резине) поставил, всяко рад (А2, 13.10.2014), *Да, есть такое. Какие-то недотрехместки. Там есть где развернуться, в отличии от обычных 2.2* (РеФ, 14.08.2014). Кроме того, в форумном дискурсе отмечено сочетание префикса с именами прилагательными: *А т.к. у нас государство недоправовое, то никто не будет на стороне хозяина доводить дело до суда* (Н1, 18.01.2017); *Есть недорыжий* (котенок. – Авт.), *но оочень красивый* (МФ, 09.04.2015).

Реже для указания на неполноту, незначительную степень интенсивности действия используются другие префиксы:

- по-: *Жаль японцы глиняные наполнители не уважают... Им лишь бы отходы поперерабатывать* (МАУ, 20.05.2015); *У "Грина" слабая загрузка на август и сентябрь этого года. Вот и намекают – спешите покружить* на люкстеплоходе (РеФ, 26.07.2016);
- при-: *На видео, ну ладно не нравится ему за камазом ехать, так или приотпусти камаз или опереди и вправо уйди* (А1, 13.10.2012);
- до-: *надо взять люфт по времени, чтобы они доорганизовались и доподготовились* (Радио России, 16.11.2016) (в данном примере префикс до- реализует также значение 'окончить длившееся определенное время действие').

И пользователи интернет-форумов, и журналисты склонны обращать внимание на негативные аспекты окружающей действительности. Не случайно для обоих рассматриваемых типов дискурса характерны префиксальные глаголы со значением 'дovести до нежелательного состояния': (...) **додемонизировала** Россию до такой степени (Россия 1, 26.02.2017); *По этнической чисткой я не имел в виду, что их надо всех загноцидить* (Вести FM, 20.06.2017). В медийных текстах новообразования с префиксом до- могут создаваться чересступенчатым способом с пропуском ступени беспрефиксного глагола: **Дотолерантничались**. *Еще недавно немцы рукоплескали Ангеле Меркель, демонстрирующей настолько стойкую толерантность, что ее хватило бы на весь Евросоюз...* (Комсомольская правда, 12.01.2016) – префиксально-постфиксальная модель предполагает в качестве исходного слова неузואльный глагол *толерантничать*. Аналогичным способом создан и окказионализм **дошарлились**: **Дошарлились**. *В свежем номере скандального журнала «Шарли Эбдо» выжившие французские карикатуристы похихикали над утонувшим сирийским мальчиком...* (Комсомольская правда, 16.09.2015). Оба неузואльных глагола обладают ярким негативно-экспрессивным потенциалом.

Особенно заметной данная группа единиц является в форумном дискурсе, где представлена моделями с разными префиксами:

- до-: *Кзм, да в наших краях бри и скоттишей давно доразмножали до такой степени, что форум забит предложениями котиков по 200–300 грн. А в некоторых случаях – и по 100–150. Сами можете себе представить, какое там качество породы осталось* (МФ, 24.06.2015);
- за-: *СУК ваще прям засодержал площадку, аж разорился* (Н1, 04.08.2016);

- *от-*: *Какая связь? Ага, раз у нас предательская власть, давайте ее отмайда-ним. И провалимся в ад лет на 20* (А1, 08.09.2015);
- *у-*: *Вне школы – они (занятия по основам веры. – Авт.) и так есть - хоть у занимайтесь факультативно* (МФ, 23.04.2015).

Семантика отрицательного состояния / отрицательного результата действия иногда проявляется при использовании даже таких префиксов, которым в некоторых научных источниках приписывается лишь более широкое значение ‘совершить (довести до результата)’: ...*заводчикам лучшие самим кастрировать котят и сразу говорить об этом условии, чтобы у “бридеров” напрочь отбить желание, что-нибудь там набридить*) (МФ, 02.05.2012); (... *преступлений на совершали на целый сериал* (Россия 1, 16.11.2016).

Уточним, что посредством префиксов со значением ‘совершить (довести до результата)’ (префиксы *вы-*, *от-*, *с-*, *по-*, *про-*), а также префикса со значением ‘довести до конца или до какого-н. предела’ (префикс *до-*) регулярно создаются и стандартные глаголы, не связанные с выражением отрицательной оценочности. Заметного преобладания тех или иных моделей здесь не наблюдается: *У их мамы по корпусу черный пигмент тоже заменился коричневым, хотя она до золота не доцвела* (МАУ, 09.12.2012; о возрастных изменениях окраса у животного); *Американцы обхаживают Китай. — Ну и что? Докуда они их дообхаживали?* (Россия 1, 25.06.2017); *И метрики у совладельцев забираю до кастрации. Откастрили? Отлично. Забирайте документы* (МФ, 27.06.2015); *Упс, по моему у меня глюкнул комп и продублировалась, вернее протроилась фотка* (МФ, 01.02.2013); *В нашей судьбе своеобразно проучаствовал* (...) (Радио России, 03.11.2015); *И вот мы уже видим Земфиру – нервную, переживающую, что ее проассоцируют с украинским флагом на концерте* (Культура, 08–14.04.2016, № 13); *Как, говорите, фамилия? Правда, у нас работал? А у меня даже не сассоцировалось, что это может быть наш человек!* (Собеседник, 2016, № 20). При этом обращает на себя внимание тот факт, что в форумном дискурсе префиксы с рассматриваемыми значениями периодически присоединяются к основам двувидовых глаголов, по сути дублируя их грамматическую семантику (семантику совершенного вида): *Я согласна, что хочется сконкретизировать подарок.* (МФ, 15.11.2015); *И даже больше, лично купил второго куна-кастрата в товарищи первому. Первого уже тоже скоро покастрируют* (МФ, 20.03.2014). Появление плеоназмов в таких случаях, на наш взгляд, обуславливается комплексом факторов. С одной стороны, это желание говорящих наиболее точно и однозначно передать мысль, избежать интолкований (которые в форумной коммуникации нередко порождают коммуникативные конфликты); с другой стороны – желание сделать речь более экспрессивной и/или непринужденной.

Аналогичным образом, видимо, можно объяснить и некоторые случаи заменительной префиксации, при которой новообразование создается путем замены префикса в исходном слове. В основном они связаны с отказом от использования префикса *про-*: *и опять отцитирую интересную мысль* (МФ, 11.01.2015) – подчеркивается интенсивность, тщательность действия (ср.: *процитировать*); *Сцитировать не смогла. там текст большой* (МФ, 03.01.2016) – подчеркивается механизм цитирования – копирование (в данном случае можно

говорить о создании нового слова по образцу глагола *скопировать*). Впрочем, отелные факты заменительной префиксации (*Согласна:*) *сегодня отпробовали эту шаурму. Ну, не шедевр... прямо скажем* (Н1, 06.10.2016); ср.: *попробовали*) в большей степени можно объяснить действием не семантического, а стилистического фактора, который более подробно будет рассмотрен ниже.

Прочие качественно-количественные и собственно качественные аспекты действий/состояний значительно реже обозначаются посредством неузуальных глагольных префиксатов. Соответствующие значения префиксов представлены немногочисленными (в ряде случаев – единичными) дериватами, например:

- ‘повторно, заново, иногда по-новому, иначе совершить действие’: Пользователь 1: *У нее МОЗХ по другому заточен. Она машину не ВИДИТ.* Пользователь 2: *Вот если эту бабушку оштрафовать за первое нарушение рублей, эдак, на 500, за второе на 1000-2000 (хотя бы), то я Вас уверяю, и моск у нее моментально **перезаточится*** (А1, 14.03.2017); *Порошенко внимательно изучает эту встречу. Каждое слово слушает и **переслушивает*** (Россия 1, 02.05.2017);
- ‘совершить в ответ’: *Да и в конце-то концов, мало у кого были свои участки лет 15-20 назад, держали все породы в квартирах, ещё и **отругивались** от тех, кто говорил, что собака должна жить в будке...* (САОФ, 05.09.2009);
- ‘уничтожить(ся), израсходовать(ся), употребить во что-н.’: *особенно она уважает куриный череп в продольном разрезе ... а череп этот практически с ее череп в габаритах.. и ничего..она его **ухомячивает** за пару минут..* (МФ, 19.07.2011)¹³;
- ‘упустить, пропустить что-н.’: *Украина проспала или **промайданила**, а Казахстан - традиции степи: вертеть головой на 260 градусов и далеко глядеть* (СБ, 22.05.2014);
- ‘добыть, получить что-н.’: *У нас тоже история о том, как муж вообще не терпел кошек) Пока у нас их две... А вторую(куницу) я **выныла**..* (МФ, 23.10.2015).

Что касается *пространственных значений*, то степень их актуализации в современных деривационных процессах относительно невелика. Необходимость указать на какие-либо пространственные параметры действий/состояний значительно реже приводит к появлению новых префиксальных глаголов, чем необходимость обозначить те или иные качественно-количественные характеристики.

В форумном дискурсе пространственные оттенки префиксов, отличаясь некоторым разнообразием, легко объединяются в две группы:

1) перемещение в пространстве:

- ‘достигнуть какого-н. места, прибыть (...) в какое-н. место’: Пользователь 1: *РОССИЯ БУДЕТ ЛЕЗТЬ.* Пользователь 2: *скажите, а куда она уже **прилезла?** У Вас имеются факты присутствия?* (СБ, 30.04.2014);

¹³ В данном и предыдущем примерах добавление словообразовательных префиксов сочетается с заменой грамматического (видового) суффикса: *ругаться* → *отругиваться*, *хомячить* → *ухомячивать*.

- ‘направить сквозь что-н., через что-н.’: *они вдвоем в него (наполнитель для кошачьего туалета. – Авт.) ходят и он оочень быстро стал пахнуть и **прописываться*** (МАУ, 14.01.2012);
- ‘довести (...) до какого-н. предела’ (в данном случае – пространственного): *Мне так было удобнее - в некоторых случаях пальчиком так подцепляла, морда поднималась, карие глаза печально косили в сторону жертвы, но не **докашивали**, и мы расходились* (СБ, 30.07.2013);
- ‘удалить(ся) с чего-н.’: *А полотенце-то какое яркое, красивое! Одно удовольствие будет котику его с вешалки стаскивать! (Мой постоянно **сцарапывает** полотенчики на пол)* (МФ, 16.12.2015);
- ‘отделить(ся) от чего-н.’: (...) *месяц назад **отгнил** провод в монтажном блоке* (АЗ, 25.04.2017);

2) охват пространства / расположенных на нем объектов:

- ‘сплошь, полностью покрыть(ся) чем-н.’: *Пользователь 1: Чмокни Шанечку от меня в носик. Пользователь 2: Наташ, я ее всю **учмокала**... но мне кажется она не в восторге))))* (МФ, 21.06.2015);
- ‘распространить действие (...) на много объектов’: *А сейчас – коньяку накатить, всех в охапку и спать. Бонсаи, Браху и Улиту можно не **охапать**, обойтись Лимохой и мужем* (МФ, 05.02.2015);
- ‘покрыть(ся), закрыть(ся) чем-л.’: *Взять, например, вонюшу канашкой на Гордеевке, когда при строительстве метропта че-то там расковыряли и годами(!) не **заковыривали** обратно* (Н1, 29.04.2017).

Префикс *за-* с пространственной семантикой встречается и в медийных незуальных глаголах: *На форумах звучат призывы “**заспамить**” почты и сайты президента, правительства, природоохранной прокуратуры, комитета по правам человека...* («Ленинская смена» 09.06.2016).

Временные аспекты действий/состояний еще реже, чем пространственные, обозначаются при помощи незуальных глагольных префиксатов. Ввиду малочисленности таких единиц, соответствующие значения префиксов в рамках нашей выборки почти не поддаются систематизации. Приведем отдельные примеры:

- ‘начать действие’: *Тем более же была мечта о черном куне))) Воплощаем, воплощаем, главное в процессе не **за мечтать** еще и о красном))))* (МФ, 23.10.2015);
- ‘окончить длившееся определенное время действие’: *А подарок к вам обязательно доберется...мы все **отрадуемся**, а у вас праздник продлится))* (МФ, 24.12.2015); *Только не плачь. Соберись, **отплачься*** (1-й канал, 09.06.2017) – во втором примере префикс *от-* выступает в составе префиксально-постфиксального форманта;
- ‘совершить постепенно, совершить в течение некоторого времени’: *И сайдинг с дома **поотъедала**, пришлось кирпичом обкладывать* (СБ, 12.08.2010).

Временные оттенки префиксов на форумах и в СМИ периодически реализуются в комплексе с количественно-качественными, например:

- ‘совершить в течение некоторого времени (чаще недолго)’: *Помайданили, выбрали Юща. Не понравилось то, что выбрали. Снова **помайданили**, выбра-*

ли Янука. Опять не то! (МФ); (...) московские фриганы. Так себя называют люди, использующие продукты, которые выбрасывают магазины (...) в соцсетях у них часто спрашивают, где в столице можно **пофриганить**, и просят указать конкретные адреса (Собеседник, 2016, № 22);

- ‘совершить в течение какого-н. времени (чаще – длительного)’: канефрон **проешите** курсом. 1 таб утром, одна вечером (МФ, 04.02.2015).

Сочетания значений префиксов в целом не редки в медийном и форумном дискурсах.

При создании и включении в текст глагольных префиксатов пользователи форумов и журналисты нередко обращаются к разнообразным **стилистическим приемам**.

В форумном дискурсе при образовании новых префиксальных глаголов достаточно популярным является использование разного рода **несоответствий / контраста**.

Многие из таких слов в форумном дискурсе обнаруживают черты **оксюморона**.

Как правило, пользователи форумов обыгрывают несоответствие количественных характеристик префикса и производящей основы: префикс (*по-*, *под-*) указывает на малое количество чего-либо, а основа, соответственно, на большое. Конкретные типы семантических/смысловых несоответствий разнообразны:

- несоответствие по объему: *пока что ценник пока не критичен совсем. но чет подообожрались они с этой осагой уже* (АЗ, 29.03.2017; *под-* – ‘совершить с незначительной интенсивностью’, *обожраться* – ‘объесться’¹⁴, т.е. ‘съесть слишком много’¹⁵).
- несоответствие по степени интенсивности: *Поддастали вы, честное слово. Разберитесь уже со своим заводчиком, прокляните его или простите/забудьте* (МФ, 06.02.2016; *под-* – ‘совершить с незначительной интенсивностью’, *достать* – ‘вызвать сильное раздражение’); *всегда визуально боялась брать кур головы...видимо жара на меня подействовала и решила **по-зверствовать*** (МФ, 12.07.2012; об использовании куриных голов в приготовлении еды для кошек; *по-* – ‘совершить с незначительной интенсивностью’, *зверствовать* – ‘поступать крайне жестоко’¹⁶);
- несоответствие по степени значимости: *И насчет “побежали покреститься” – я тоже среди таких. Нет, это точно не было из-за Ельцина, но крестилась я в 19-ть лет, сама. Потом решила **подизучить** во что же я верю и поняла, что мимо, что не верю* (МФ, 09.11.2015; глагол *изучить* в языке, как известно, не имеет количественных сем, однако в контексте с его участием обозначается выяснение специфики мировоззрения, что предполагает высокую

¹⁴ *Словарь русского языка: В 4-х т. Т. 2.* Ред. А.П. Евгеньева. Москва: Русский язык, 1981, с. 552.

¹⁵ Там же, с. 578.

¹⁶ *Словарь русского языка: В 4-х т. Т. 1.* Ред. А.П. Евгеньева. Москва: Русский язык, 1981, с. 602.

степень социальной значимости и плохо коррелирует с префиксом, содержащим сему малого количества).

Медийный дискурс может обнаруживать сходные явления: *Глава Чечни продолжает демонстрировать свое нарастающее всевластие. На минувшей неделе он всерьез **подразогнал** судебную власть республики...* (Собеседник, 2016, № 17); см. также *поднагнули* (от жаргонного *нагнуть* 'заставить полностью подчиниться'), *подзаглох*.

Оксюмороны неколичественного характера в форумном дискурсе встречаются реже. Приведем пример игры на контрасте созидания–деструкции: (...) *при строительстве метромоста че-то там расковыряли и годами(!) не **заковыривали** обратно* (Н1, 29.04.2017) (*за-* – 'закрыть(ся) чем-л.', то есть 'закопать', *ковырять* – 'раскапывать что-л. (...)'¹⁷).

Несколько реже сочетание префикса и основы дает близкий оксюмору троп – *катахрезу*. При реализации катахрезы – благодаря префиксу – действие, названное мотивирующим глаголом, начинает осмысливаться через категории, связь с которыми у него отсутствует. Возникающий при этом алогизм формирует заметную экспрессию: *Я таки притащила себе МейнКуна!!! (...) Его хозяин взял котенком, с родословной, а потом внезапно **подженился** и дама с котом не поладили...* (САОФ, 21.07.2011). Так, действие, называемое глаголом *жениться*, не имеет степеней интенсивности, в то время как префикс *под-* со значением 'совершить с незначительной интенсивностью действие, названное мотивирующим глаголом', указывает на одну из них.

Стилистический контраст в форумном дискурсе, как правило, базируется на дихотомии «книжное – разговорное»: *Это ж сколько надо времени чтобы с каждым слово молвить, на поводок взять, в центр города сгонять – **посоциализироваться**, еду правильную приготовить, раздать, расчесать, ошупать и в форуме побузить!* (СБ, 16.03.2012). В приведенном примере разговорный префикс присоединяется к книжной основе (формируя при этом представление о низкой ценности действий оппонента). Возможно и обратное сочетание – «книжный префикс – разговорная основа». О коте: *Фадей изволился **откакать!*** (МФ, 22.05.2012). Префикс *от-* со значением окончания длительного действия не является собственно книжным (см., например, *отцвести*), однако многие слова рассматриваемого словообразовательного типа заметно тяготеют к художественному стилю (*отлюбить, отстрадать, отбушевать, отшуметь* и др.), что и позволяет реализоваться рассматриваемому приему.

Определенную экспрессию дает **использование** в узком контексте **антонимичных префиксов** (при этом неузуальным, как правило, является только одно из слов, включающих такие морфемы): *Вот полностью согласна с тем что аварийку включать стесняться не нужно! Лучшие **перестраховаться**, чем **недостраховаться*** (А1, 20.04.2012) (ср. также в медийном дискурсе: *передобавила – недоубавила*). Значительно большую функциональную нагрузку имеют дериваты, у которых к языковой игре подключаются производящие основы: *Енотик очень хорошая машина, но дизайнеры явно **перемудрили**... или **недомудрили***

¹⁷ *Словарь русского языка: В 4-х т. Т. 2.* Ред. А.П. Евгеньева. Москва: Русский язык, 1981, с. 66.

(А1, 02.10.2008). В приведенном примере происходит каламбурное обыгрывание основы *мудрить*: в слове *перемудрили* она имеет узуальное отрицательное значение '(...) искать более сложные решения чего-л., пренебрегая простыми и ясными путями'¹⁸, а в слове *недомудрили* – контекстуальное положительное 'тщательно обдумывать, вдумываться'. Это позволяет представить неопределенность, незаконченность внешнего вида автомобиля и за счет комического снижения выразить отрицательное отношение к данному факту. См. также пример выше: *расковыряли и годами(!) не заковыривали обратно* (Н1, 29.04.2017).

Наконец, рассмотрим **оценочный контраст**, а именно несоответствие оценки, закрепленной за словообразовательной единицей, и фактической оценки обозначаемого явления. В форумном дискурсе чаще наблюдается сочетание «отрицательная словообразовательная модель – положительная оценка явления»: *Кот, который “да хоть зацалул в носопырку, хочешь – на еще раз!, хоть заобжамкай, хоть запереобсюкайся!, только гладь, обнимай, держи на ручках! я на всё ради этого готов!”)* (МФ, 18.02.2015); *НО если кошь пришла ласкаться к дочери.... истопчет, избодает, умурлыкает...* (МФ, 29.01.2015).

Как наглядно демонстрируют примеры, в форумном дискурсе контрастные дериваты используются прежде всего для создания комизма в разных его проявлениях – от легкой шутки до резкого сарказма. При этом закрепленности стилистических эффектов за определенными морфемами / моделями не наблюдается.

Амплификация (или, иначе, нагнетение) используется в обоих типах дискурса. Стилистический прием представлен в двух основных вариантах.

Очень экспрессивным является нанизывание префиксов в пределах одного слова: *Понаговорились ? Понаругались ? А теперь батьку послушаем* (А1, 18.08.2012); *Давно брожу по порталу. Исперечитала вдоль и поперек* (МП, 12.03.2009). Экспрессия значительно усиливается, если к производящей основе одновременно присоединяется несколько префиксов в качестве единого, сложного форманта: *Даже не попереприпоминаю каких я только перлов не попереслушала* (МФ, 31.07.2013); см. также: *хоть заобжамкай, хоть запереобсюкайся* (МФ, 18.02.2015); *Пиар-услуги – это когда за определенную сумму можно глаза «приподзакреть»...* (Селедка, 2016, № 2).

Несколько меньшей экспрессией (по причине относительной типичности) обладает нанизывание префиксальных глаголов, образованных по одной модели: *я с ним недоговорил, недоходил, недосмеялся, недохохотал...* (НТВ, 05.11.2016); *Он ее расфантазировал, расширил, развспомнил* (Культура, 22.10.2016); (...) *и поляков подбодрить, и немцев подохладить* (Россия 1, 09.07.2017); *Какая ты добрая. Я бы уже обгудел, обморгал обприжимал* (А1, 17.07.2012); *Пахнет (...) сильновато сперва, как насыпешь новый. Потом или он подвыветривается, или я подпринюхиваюсь* (МАУ, 21.08.2012).

Яркие стилистические эффекты дает **образование** глаголов **по конкретному образу**.

Часть слов создается по образцу глаголов с синонимичными основами. Некоторые из таких единиц работают преимущественно как средства усиления

¹⁸ Там же, с. 308.

экспрессии — за счет своей нетипичности, отступления от нормы (образца): *Хохотала так, что мой веселый морд пришел, сочувственно посмотрел хитро-жопыми глазами - чего, **прихворала?*** (МФ, 16.03.2016), ср.: *приболела*. Прочие глаголы заимствуют и активно транслируют оценочность слова-образца (или сочетания, частью которого оно является): *не надоело **поднюхивать?*** (Н1, 19.02.2015) – реакция на регулярные сообщения одного из пользователей форума о запахе, идущем с очистных сооружений, ср.: *подслушивать/подсматривать*; *Потому как одна будет тикировать, тикировать, да не **вытикирует*** (МАУ, 30.12.2012) – о неудачной попытке вывести кошек тикированного окраса, ср. устойчивое сочетание – скороговорку *лавирует, лавирует, да не **вылавирует***; *Не скажу, что у пиканты расход бензина меньше.. (...) пока что больше мотыки 0,8л кушает.. я бы сказала **обкушавает*** (А1, 07.09.2011), ср.: *объедает*.

Отмечается также образование новых глаголов по образцу слов той же тематической группы:

- издавать звуки, продуцировать речь: (...) *кот мурчал очень тихо, слегка вибрации ощущались. правда сегодня удалось его **размурчать**, пока он дремал!)) затарахтел как трактор))* (МФ, 02.03.2015); ср.: *разговорить*;
- издавать звуки, петь: *Я с некоторых пор запала на эту песню и пела ее им, а у Декси урчалка очень хорошо в такт этой песни попадает, а может научился ее **подуркивать**... (...) Мерик ушел спать на мою ногу и уже Шаня под моим носом тоже что-то **науркивала**, но я уже была в полудреме* (МФ, 02.06.2015); ср.: *подпевать, напевать*;
- принимать пищу: *Асу присоединилась и **отлакала** у меня красного сухого вина. Вот это да* (МФ, 04.09.2009).

Наконец, как стилистическое средство (средство создания экспрессии) можно отметить **использование** в форумном дискурсе **неузуальных словообразовательных моделей**, однако встречается оно достаточно редко: *Да, любить Родину так, как любит ребенок мать-алкоголичку (со всеми вытекающими) это сильно. Это же насколько нужно быть.... Нет.... **Небыть**.... Именно такой глагол. Несуществующий* (МФ, 18.10.2015); *с чего вы в своё время так **анти-активничали** в моей ПРОБЛЕМЕ?* (СБ, 28.02.2011).

В медийном дискурсе глагольные префиксаты включаются в процессы **графодеривации**. В частности, префиксы используются в составе дериватов с использованием прописных букв (капитализация): **Скинуть** по полной (о скидках на товары. – Авт.) (Антенна-Телесемь, 25–31.01.2016, № 3).

Как показало исследование, пользователи конкретных форумов в разной степени прибегают к глагольной префиксации. Наибольшее количество примеров фиксируется на форумах любителей домашних животных (и прежде всего на *Форуме о мейнкунах* – <http://maincoon-forum.ru>). На форумах о недвижимости и форумах любителей речных круизов глагольная префиксация представлена в меньшей степени. При этом в целом для форумного дискурса рассматриваемый способ образования можно признать достаточно типичным. В текстах СМИ глагольные неодериваты отмечаются несколько реже, чем на страницах форумов, однако их типичность для медийного дискурса также не вызывает сомнений.

В форумном и медийном дискурсах задействуются не все средства, представленные в словообразовательной системе современного русского языка. При этом у используемых единиц диапазон значений оказывается несколько шире, чем в традиционно описываемой системе узуальных словообразовательных средств. Продуктивность конкретных префиксов в рассмотренных видах дискурса может различаться; но в целом и пользователи форумов, и журналисты чаще делают выбор в пользу единиц с количественно-качественными оттенками, которые в большей степени позволяют выразить субъективное (нередко – негативное) отношение к конкретному действию и ситуации в целом.

Глагольные новообразования реализуют разнообразные функции. Они позволяют не только дать оценку обозначаемым реалиям (действиям, процессам), но и конкретизировать смысл (в частности, при добавлении префиксов к двувидовым глаголам); сделать сообщение более эмоциональным, придать ему интересную, легкую для восприятия форму; реализовать креативный потенциал личности.

Таким образом, исследование неузуальных глагольных префиксатов в форумном и медийном дискурсах позволяет выявить специфику отображения и оценки актуальных для носителей языка фрагментов действительности.

Литература

- Земская Е.А. *Активные процессы современного словопроизводства*. [В:] *Русский язык конца XX столетия (1985–1995)*. Москва: Языки русской культуры, 1996, с. 90–141.
- Коряковцева Е.И. *Очерки о языке современных славянских СМИ (семантико-словообразовательный и лингвокультурологический аспекты)*. Siedlce: Uniwersytet Przyrodniczo-Humanistyczny w Siedlcach, 2016.
- Кузьмина Е.Б. *Идеологический прагматический компонент семантики слов русского языка (лексикографический аспект)*. «*Studia Rossica Gedanensia*» 2016, nr 3, с. 159–168.
- Русская грамматика*. Т. 2. Москва: Наука, 1980.
- Словарь русского языка: В 4-х т.* Ред. А.П. Евгеньева. Москва: Русский язык, 1981–1984.

О СТАРОМ ПО-НОВОМУ: ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ОБРАЗА БАБЫ-ЯГИ В СОВРЕМЕННОМ ПУБЛИЧНОМ ДИСКУРСЕ

ЖАННА СЛАДКЕВИЧ

Гданьский университет
Филологический факультет
Кафедра прагматики коммуникации и лингводидактики
ул. Вита Ствоша 51, 80-308 Гданьск
e-mail: filzs@ug.edu.pl
(получено 11.09.2017; принято 27.09.2017)

Abstract

A new take on an old concept: functional use of the image of Baba Yaga in contemporary public discourse

The article is devoted to the functional use of the image of Baba Yaga in various communicative spaces, marked by different pragmatic goals. The key mythological and fairy-tale characters are in demand in modern public discourse. Numerous authors use these images due to their high cultural significance for the society, their high “recognizability”, as well as the rich pragmatic potential of the images themselves. The author considers the main areas of use of Baba Yaga’s image: political and social caricature, marketing space (advertising of natural cosmetics, gastronomy, food products, services), educational sphere.

Key words

Baba Yaga, modern public discourse, political caricature, commercial advertising, dual nature of the image.

Резюме

Данная статья посвящена рассмотрению функционального использования образа Бабы-Яги в различных коммуникативных пространствах, отмеченных разными прагматическими целями. Ключевые мифологические и сказочные персонажи востребованы в современном публичном дискурсе. Обращение авторов к этим образам обусловлено их высокой культурной значимостью для социума, высокой «узнаваемостью» данного культурного продукта, а также богатым прагматическим потенциалом самих образов. Автор рассматривает основные области использования образа Бабы-Яги: политическая и социальная карикатура, маркетинговое пространство (реклама натуральной косметики, гастрономических объектов, продуктов питания, сферы услуг); образовательная сфера.

Ключевые слова

Баба-Яга, современный публичный дискурс, политическая карикатура, коммерческая реклама, двойственная природа образа.

Баба-Яга – это единый орально-текстуальный patchwork (мозаика, лоскутное одеяло (англ.)), составленный из различных фольклорных и мифоритуальных традиций (шаманизма, тотемизма, анимизма, матриархата), так что ее статус, функция и полномочия меняются от сказки к сказке, от одной фольклорной зоны к другой, от рассказчика к рассказчице.
Дубравка Угрешич¹

На протяжении столетий загадочный и неоднозначный образ Бабы-Яги вдохновлял сказочников, фольклористов, кинематографистов, аниматоров, сценаристов, художников на создание традиционных и новых ее воплощений в различных видах искусства. Современный публичный дискурс также не обошел стороной этот многогранный персонаж. Данная статья посвящена прагматико-концептуальным трансформациям одного из фундаментальных образов славянской демонологии – Бабы-Яги – в политической, социальной и маркетинговой сферах.

Традиционная ипостась Бабы-Яги. Специфика персонажа

Баба-Яга – это существо демоническое, чародейка, ведунья, наделенная магической силой, т.е. некая квинтэссенция древнеславянских представлений о ведьмах.

¹ Д. Угрешич. *Снесла Баба Яга яичко*. Пер. с серб.-хорв. Л. Савельевой. Москва: Эксмо, с. 329.

Среди исследователей нет единогласия в отношении этимологии имени и рассматриваемого персонажа. В славянских языках лексемы «яга» и ее производные связаны с понятием опасности, мучений и ужаса². Так, М. Фасмер возводит имя Яга к праславянскому (*j)ega*, рефлексам которого являются сербское слово *jeza* «ужас», *jeziv* «опасный», словенское *jeza* «гнев», *jeziti* «сердить», чешское *jezinka* «лесная ведьма», польское *jeźza* «ведьма, злая баба»³ и др. Существует и иная трактовка, по которой имя Бабы-Яги связано с названием определённого предмета – «халата с откладным, в четверть, воротником», согласно *Очеркам Берёзового края* (1857) Николая Абрамова (аналогичное толкование даёт и словарь В.И. Даля)⁴.

Кроме имени, на древнейшее происхождение персонажа указывает факт наличия многочисленных межкультурных двойников Бабы-Яги: Германия имеет Фрау Холле, итальянцы Бефану, а венгры Богоркань. В кельтской мифологии аналогичной Бабе-Яге фигурой может быть Черная Аннис, практически идентичная со своим славянским альтер-эго, с той разницей, что местом ее обитания являются пещеры⁵.

В фольклоре сербов, хорватов, словенцев, македонцев, черногорцев есть старое страшило женского рода – Баба Рога, Баба Ера, Гвоздензуба. (...) У болгар вместо Бабы Яги имеется Горная мать, которая вызывает бессонницу у маленьких детей. (...) Румынская Мамападуреи (Мума падурии) живет в лесу, в избушке на птичьих ногах. Избушка окружена изгородью, на которую насажены человеческие черепа. Она крадет маленьких детей и превращает их в деревья. (...) В венгерских фольклорных легендах живет Васорру баба – старая женщина с железным носом, свисающим почти до самых колен. Васорру баба любит тестировать молодых героев или героинь и, если те оказываются недостаточно любезными по отношению к ней, может превратить их в какое-нибудь животное или в камень. Рагана (по-литовски *regeti* означает знать, видеть, предвидеть; а *ragas* — это рог, полумесяц) — литовская мифологическая злодейка. (...) Рагана связана со смертью и воскресением, т. е. регенерацией⁶.

Примеры можно продолжать, причем не только на территории Европы, но и Африки, Азии, Латинской Америки, и все же отметим, что традиционный образ русской Бабы-Яги имеет свою специфику, характеризуется выразительной амбивалентностью, даже полярностью черт и поступков. Так, Ю.С. Степанов отмечает, что с одной стороны, Яга – «баба», «женщина», с другой – воплощение негативных черт различных мифологических героев⁷.

² В. Кокорин. *Баба-Яга*. [Online:] <<https://sites.google.com/site/kokorinva/Home/b/baba-aga>> (28.08.2017).

³ М. Фасмер. *Яга*. [Online:] <<https://vasmer.lexicography.online/%D1%8F/%D1%8F%D0%B3%D0%B0>> (04.09.2017).

⁴ В. Кокорин. *Баба-Яга...*; Даль. *Словарь Даля*. 2012. [Online:] <<https://slovar.cc/rus/dal/582119.html>> (04.09.2017).

⁵ D. Winiarski. *Demony Leśne. Baba Jaga*. [Online:] <<https://slowianskibestiarusz.pl/bestiarusz/demony-lesne/baba-jaga/>> (02.09.2017).

⁶ Д. Угрешич. *Снесла Баба Яга яичко...*, с. 422–430.

⁷ Ю.С. Степанов. *Константы: словарь русской культуры: опыт исследования*. Москва: Школа «Языки русской культуры», 1997, с. 89–91.

В народном сознании запечатлен поражающий воображение внешний облик Бабы-Яги как уродливой столетней старухи, растрепанной и длинноносой, отличающейся наличием костяной ноги и безошибочно распознающей «дух» человеческий. По причине костености Баба-Яга в русских сказках не ходит: она либо летает в ступе, погоняя ее пестом и заматавая след помелом, либо лежит, растянувшись из угла в угол, словно в гробу (*Лежит Баба-Яга, костяная нога из угла в угол, нос в потолок врос; Баба-Яга из угла в угол перевертывается: одной губой пол стирает, а носом трубу затыкает*), т.е. проявляет себя как мертвец.

Не случайно по одной из версий, Баба-Яга – это проводник в потусторонний мир⁸. Живет в дремучем лесу на границе миров живых и мертвых, в «тридевятом царстве», где-то «за тридевять земель, за огненной рекой», где «нет ни стежечки, ни дорожечки». Такое место в мифологическом сознании воспринимается как потусторонний мир. Дом старухи огорожен тыном, на каждой из тычинок которого торчит по голове, и только на одной тычинке головы нет. Сама знаменитая избушка на курьих ножках – словно проходная в этот мир, поскольку войти в нее нельзя, пока она, после произнесенного заклинания, не повернется к лесу задом. В древности умерших хоронили в домиках, расположенных над землей на высоких пнях с выглядывающими из-под земли корнями, отверстием к лесу. Хоронили ногами к выходу, что, вероятно, послужило источником выражения *Баба-Яга костяная нога*. В.Я. Пропп обращает внимание на важную деталь: в русских сказках Яга топит баню и выпаривает героя, совершая таким образом ритуальное омовение, после чего кормит пришедшего обрядовым угощением, которое «отверзает уста умершего» и позволяет ему попасть в тридесятое царство⁹. Таким образом, Баба-Яга, стоящая на границе миров живых и мертвых, служит проводником, помогающим герою проникнуть в потусторонний мир благодаря совершению определенных ритуалов. Более того, во многих сказках этому персонажу свойственно людоедство, что соотносит образ опасной старухи с мифологическими представлениями о персонифицированной смерти.

По другой версии, прототип Бабы-Яги – ведуньи, знахарки, нелюди-мые женщины-целительницы и собирательницы трав, которые лечили людей и часто селились в лесу, вдали от деревни. Ягой-бабой (егибовой, егибицей) крестьяне некоторых районов России именовали сходную с рассматриваемым персонажем по облику и занятиям колдунью¹⁰. Обычай же Бабы-Яги поджаривать детей в печи на лопате напоминает обряд «перепекания» младенцев, «недозревших» в материнском чреве, т.е. больных рахитом или атрофией: ребенка заворачивали в «пеленку» из ржаного теста, клали на деревянную хлебную лопату

⁸ В.П. Аникин. *К мудрости ступенька. О русских песнях, сказках, пословицах, загадках, народном языке. Очерки*. Москва: Детская литература, 1982, с. 41–44.

⁹ См. подробнее: В.Я. Пропп. *Таинственный лес*. [В:] В.Я. Пропп, *Исторические корни волшебной сказки*. Ред. и комм. И.В. Пешкова, Москва: Лабиринт 2000, с. 36–89.

¹⁰ В.В. Иванов, Н.В. Топоров. *Баба Яга*. [В:] *Славянская мифология. Энциклопедический словарь*, Москва: Эллис лак, 1995, с. 45.

и трижды всовывали в теплую печь, после чего разворачивали, а тесто отдавали на съедение собакам¹¹.

Исследователи усматривают связь образа Бабы-Яги (хозяйки леса) с тотемным животным, которому поклонялись и просили об обеспечении успешной охоты. Более того, этот образ восходит к дохристианским представлениям об устройстве мира и матриархальном укладе жизни – Баба-Яга рассматривается как жрица-родоначальница, прародительница, старшая женщина в роду, берегиня¹² рода, хранительница его жизненного пространства, обычаев и традиций¹³. Мудрая жрица-ведунья в древности распоряжалась не только обрядом захоронения, но и обрядом инициации¹⁴, т.е. посвящения мальчиков-подростков в полноправные члены общины. Обряд сопровождался телесными повреждениями, что также способствовало трансформации образа ведуньи в образ страшной и кровожадной ведьмы, которая похищает детей¹⁵.

Таким образом, Баба-Яга – это многоликий образ, впитавший в себя множество мифов, символов, обрядов славянского прошлого. Прежде чем стать сказочным персонажем, Баба-Яга была существом мифологическим. Образ Бабы-Яги в преданиях славян изначально не был отрицательным, однако по мере же распространения на Руси христианства Бабе Яге стали приписываться отрицательные черты: «Баба Яга изначально – прародительница, очень древнее положительное божество славянского пантеона, хранительница (если надо – воинственная) рода и традиций, детей и околodomашнего (часто лесного) пространства. В период насаждения христианства всем языческим богам и божествам, духам, в том числе и оберегавшим людей (берегиням), придавались злые,

¹¹ В. Пономарева. *Обряд «перепекания» ребенка: на лопату и в печь*. [Online:] <http://telo.by/massage/obryad_perepekaniya_rebenka/> (09.09.2017).

¹² В такой нетипичной для западного дискурса ипостаси предстает Баба-Яга в интерпретация Томаша Багинского в цикле «Польские Легенды Аллегро» (*Legendy Polskie. Film Jaga. Allegro*, 2015. [Online:] <<https://www.cda.pl/video/1169502e8>>). Яга – это молодая женщина-воительница, страстно желающая восстановить естественный порядок вещей, спасти человечество. Сценарист Блажей Дзиковски (Błażej Dzikowski) создал персонаж, который ломает стереотипное представление о Бабе-Яге как старухе, живущей в избушке на курьих лапках и любящей есть детей. Молодая Яга (Katarzyna Pośpiech) любой ценой хочет вернуть потерянный мир, в котором дети бегали босиком по лугам, а воздух был кристально чистым. Для осуществления этого благородного в ее представлении хаоса, она убегает из ада, которым руководит самовлюбленный карьерист – дьявол Борута (Tomasz Drabek).

¹³ В.В. Иванов, Н.В. Топоров. *Баба Яга*. [В:] *Славянская мифология. Энциклопедический словарь*. Москва: Эллис лак, 1995, с. 45; *Ведический образ Бабы Яги*. [Online:] <<http://newcivilization.mirtesen.ru/blog/43840501133/vedicheskiy-obraz-babyi-yagi>> (01.09.2017).

¹⁴ В.Г. Балушок. *Инициации древних славян*. [Online:] <http://svitk.ru/004_book_book/1b/27_baluhok-iniciacii_drevnih_slovyan.php> (06.09.2017).

¹⁵ Существуют и более экзотические версии происхождения образа Бабы-Яги. Наиболее известные из них это гипотеза исследователя А. Подъяпольского об индийском генезисе персонажа: Баба-Яга – это трансформированное «баба-йога», т.е. «учитель-йог» и теория инопланетного происхождения Бабы-Яги, разработанная Ю. Росциусом (Е.Е. Чистякова. *Истоки происхождения образа Бабы Яги*. 2017. [Online:] <<https://nsportal.ru/ap/library/literaturnoe-tvorchestvo/2017/04/29/istoki-proishozhdeniya-obraza-baby-yagi>> (10.09.2017)).

демонические черты, уродливость внешнего вида и характера, злые намерения. Так, языческая строгая прародительница была превращена в злобного демона, которым пугают маленьких детей»¹⁶. В русских волшебных сказках отражена двойственность образа Бабы-Яги: она может быть и помощницей, и демоном-вредителем.

Ипостаси Бабы-Яги в современном публичном дискурсе

В настоящее время можно констатировать расширение пространства волшебной сказки и ее экспансию в смежные творческие сферы. Базовые мифологические и сказочные образы оказались весьма востребованными в современном публичном коммуникативном пространстве. Обращение авторов к этим образам обусловлено, в первую очередь их высокой культурной значимостью для социума, высокой «узнаваемостью» данного культурного продукта, а также богатым прагмакоммуникативным потенциалом самих образов.

Рассмотрим наиболее продуктивные ипостаси Бабы-Яги, реализуемые в нескольких коммуникативных пространствах, отмеченных разными прагматическими целями. Можно выделить следующие области использования данного образа: политическая и социальная карикатура; маркетинговое пространство (реклама натуральной косметики, гастрономических объектов, продуктов питания, сферы услуг); образовательная сфера и культурно-просветительская деятельность, литературное и кинематографическое творчество. Будучи ограниченными рамками статьи, рассмотрим подробнее вариации образа Яги в современной карикатуре и рекламе.

Образ Бабы-Яги в социально-политической карикатуре

Поликодовые, вербально-визуальные жанры¹⁷, как к а р и к а т у р а (а также реклама, этикетка, анимация, видеоролик, сайт с иллюстрациями), содержащие иконическую часть, характеризуются огромным воздействующим потенциалом, поскольку «визуальные образы обладают большей сенситивностью, чем

¹⁶ А. Баженова. *Солнечные боги славян*. [Online:] <http://www.lomonosov.org/article/solar_gods_slavs.htm> (10.09.2017).

¹⁷ См. об этом: Е.Е. Анисимова. *Паралингвистика и текст (к проблеме креолизованных и гибридных текстов)*. «Вопросы языкознания» 1992, № 1, с. 71–78; А.А. Бернацкая. *К проблеме «креолизации» текста: история и современное состояние*. «Речевое общение: Специализированный вестник». Ред. А.П. Сковородников. Красноярск 2000. Вып. 3 (11), с. 104–110; Л.С. Большакова. *О содержании понятия «поликодовый текст»*. «Вестник СамГУ» 2008, № 4 (63), с. 19–24; М.А. Ищук. *Гетерогенный текст: функции его составляющих*. «Вестник ТвГУ: Серия Филология». Выпуск: *Лингвистика и межкультурная коммуникация* 2008, № 13, с. 176–182; Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов. *Креолизованные тексты и их коммуникативные функции*. [В:] *Оптимизация речевого воздействия*. Москва: Москва 1990, с. 180–186; Ż. Śladkiewicz. *Spółczesność „OKA” i tekst wielokodowy (na przykładzie rosyjskiej satyry politycznej)*, „Przegląd Rusycystyczny” 2014, № 3 (147), с. 111–124.

устное или письменное слово»¹⁸, они наглядны, напрямую влияют на психику человека и передают «меседж» в ярких и запоминающихся образах. Исследователи креолизованных текстов отмечают их высокую *интертекстуальную плотность*, т.е. обыгрывание прецедентных феноменов. *Прецедентными* называются явления: 1) имеющие сверхличностный характер, 2) актуальные в познавательном и эмоциональном плане, 3) обращение к которым регулярно возобновляется в речи представителей лингвокультурного сообщества¹⁹. Частое обыгрывание прецедентных феноменов в социально-политической карикатуре обусловлено ее спецификой как смехового жанра, базирующегося на переименовании и травестировании устойчивых, «авторитетных» для определенного контингента культурных форм.

Е.А. Артемова, исследовавшая карикатуру как жанр политического дискурса, выделяет 4 вида пресуппозиций, детерминирующих понимание реципиентом смысла сообщения²⁰: 1) *экстралингвистическая*, т.е. знания в области культуры, фольклора, литературы; 2) *политическая* – знание политических событий, визуальное опознавание политических личностей, партий, их символики; 3) *логическая* – представление о натуральных отношениях между событиями; 4) *лингвистическая* – знание особенностей языка, его графических и суперсегментивных средств, актуальных для порождения, выражения и восприятия имплицитной информации.

Итак, в карикатуре дается «некий эквивалент действительному событию или ситуации, но с переносом на иную изобразительную плоскость. “Картинка” становится новым означающим для исходного означаемого (события, ситуации)»²¹. В этой связи понятие прецедентности становится ключевым, поскольку «узнаваемость» визуального образа является основополагающей для жанра карикатуры.

Традиционное представление о Яге как старой отвратительной ведьме, с большим носом и костяной ногой, живущей в глухом лесу в избушке на курьей ножке, любящей полакомиться человечинной, позволяет широко использовать образ Бабы-Яги в политической карикатуре с целью демонизации идеологического оппонента. Следует отметить, что в российском сатирическом пространстве этот персонаж воплощают собой Юлия Тимошенко²² (с наибольшей частотностью), Дженнифер Псаки, Кэтрин Эштон, Ирина Фарион (рис. 1-3):

¹⁸ Порозов Р.Ю. *Визуальное как доминанта современной культуры*. «Политическая лингвистика». Ред. А.П. Чудинов. Екатеринбург 2011. Вып. 2 (36), с. 221.

¹⁹ Ю.Н. Караулов. *Русский язык и языковая личность*. Москва: Наука, 1987, с. 216.

²⁰ Е.А. Артемова. *Карикатура как жанр политического дискурса*. Диссертация на соискание научной степени кандидата филологических наук. Волгоград 2002. [Online:] <http://dibase.ru/article/05042010_artemova_evgenija_aleksandrovna_4478/1> (23.03.2017).

²¹ И.Н. Кукулина. *Явления фразеологизации и дефразеологизации в языке современной прессы*. Диссертация на соискание научной степени кандидата филологических наук, Москва: МГОУ 2006, с. 118.

²² Анекдот из сети в тему – см.: [Online:] <http://pikabu.ru/story/bednaya_babayaga_3329875> (28.08.2017):

Как-то раз встретились Мальвина, Дюймовочка и Баба-Яга и давай хвастать:

Рис. 1. Ю. Тимошенко

Рис. 2. Ю. Тимошенко

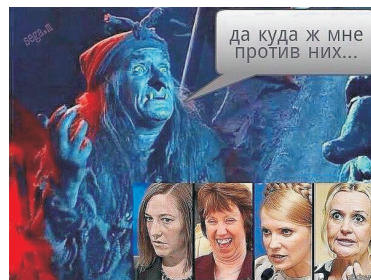

Рис. 3. Яга: Да куда ж мне против

Приведенные примеры показывают, что при использовании сказочного образа в политической карикатуре (шарже, демотиваторе) используется несколько базовых приемов, таких как:

- комическое заострение черт внешности и характера;
- усиление внешнего сходства за счет визуального сопоставления определенного ракурса снимка политического субъекта и его сказочного прототипа:

Рис. 4. Дж. Керри – Баба Яга

Рис. 5. И. Фарион – Кощей Бессмертный

— Я самая Красивая, — говорит Мальвина.

— А я самая Маленькая! — отвечает Дюймовочка.

А Баба-Яга угрожающе обеим:

— А я самая Жестокая и Коварная!!!

Тут вдруг возник перед ними Домик Правды!

Зашла в него Мальвина и выбежала, рыдая:

— Я не самая Красивая! Белоснежка Красивей меня!

Дальше Дюймовочка. Вышла со слезами и говорит:

— Я не самая Маленькая, Мальчик-с-пальчик Меньше меня!

Залетает на метле в домик Баба-Яга... через полчаса только выходит растерянно, чешет плешь и бормочет:

— Чёрт, я так и не поняла ни черта. Кто такая Юлия Тимошенко???

Рис. 6. Ю. Тимошенко – Баба Яга

Рис. 7. Ю. Тимошенко – Баба Яга

- использование прецедентных высказываний. Так, например, *Баба Яга против* – это крылатая цитата из одноименного советского мультфильма 1979 года, выпущенного студией «Союзмультфильм» к летним Олимпийским играм 1980 года. Сюжет истории заключается в том, что Медвежонок Миша выбран талисманом Олимпиады, однако Баба-Яга вместе со Змеем Горынычем и Кошчем Бессмертным стремятся помешать ему сначала попасть на Олимпиаду, а затем и участвовать в ней. Использование данной цитаты в карикатуре способствует трансформации визуального ряда, исходным фреймом для которого является серьезный политический дискурс, в новый фрейм – комический, как в карикатурах, представляющих Виталия Чуркина в ООН (рис. 8), писательницу и журналиста Юлию Латынину (рис. 9) или блок Юлии Тимошенко (рис. 10):

Рис. 8. В. Чуркин против!

Рис. 9. Ю. Латынина против!

Рис. 10. Блок Ю. Тимошенко против!

Рис. 11. За Единую Нечистую Силу!

Оценочные трансформации названий партий, выполненные в рамках сказочной метафорической модели, не нарушают узнаваемости референтного политического субъекта, обозначенного в тексте карикатуры (рис. 11):

Леший: — Если б ты пошла на выборы, за кого из местных голосовала б?

Баба-Яга: — Ясен пень, за наших — за Единую Нечистую Силу!

Весьма частотное использование образа Бабы-Яги в социальной карикатуре. Несмотря на то, что в эпоху высоких технологий Баба-Яга как карикатурный персонаж пытается идти в ногу со временем, пользуясь компьютером, спутниковой антенной и электродвигателем (рис. 12–14), в современной российской действительности ей пришлось столкнуться с рядом социальных проблем: материальных, медицинских, транспортных и имущественных.

Рис. 12. Баба-Яга и техника

Рис. 13. Google

Рис. 14. В век высоких технологий

Наиболее популярные социальные сюжеты с образом Бабы-Яги можно разделить на несколько групп: Яга и недвижимость, Яга и транспорт, Яга и визиты к врачу (в т.ч. беременность). В карикатуре Баба-Яга вынуждена искать источник доходов, стать в очередь на жилье, отстаивать право на свое имущество перед риелторами, продавать или сдавать в аренду избушку, обращаться в ЖЭС, в эпоху кризиса варить себе похлебку из курьих ножек, вызывать механика к избе или ступе, терять сбережения, отданные в банк, объясняться с полицией по поводу столкновения с городским транспортом, обращаться к врачу, принимать новые препараты, хоронить избушку, павшую от птичьего гриппа и т.п. (рис. 15–20)

Рис. 15. Домоуправление

Рис. 16. В очереди на квартиру

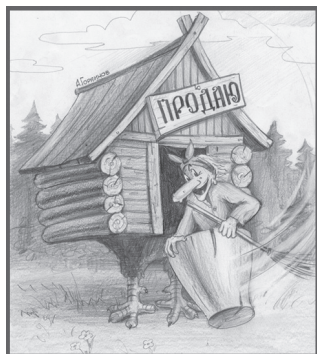

Рис. 17. Продаю

Рис. 18. Риелтор

Рис. 19. Ищу работу

Рис. 20. На пенсию не проживешь

Рис. 21. Яга – ЕГЭ

Рис. 22. Баба ЕГЭ

Фонетическое созвучие *Яга – ЕГЭ* позволяет широко использовать образ старой ведьмы (злой и беспринципной учительницы) для сатирического представления атмосферы сдачи единого государственного экзамена (рис. 21, 22). Отметим, что в этой связи образ Бабы-Яги как мудрой старушки (дополнительно коррелирующий с экзаменатором ЕГЭ) способствует включению данного персонажа (а также соответствующего сказочного вербально-визуального контента) в различные дидактические проекты. Одним из показательных является цикл развивающих игр для детей дошкольного и младшего школьного возраста, разработанный группой МедиаХауз²³: *Баба-Яга в плену врага. Информатика; Баба-Яга за тридевять земель. Начинаем учить английский / немецкий / французский; Баба-Яга учится считать; Баба-Яга учится читать; Баба-Яга. Пойди туда, не знаю куда* (развитие логического мышления); *Баба-Яга. Школа на курьих ножках.*

Образ Бабы-Яги в маркетинговой сфере

В русской культуре образ Бабы-Яги амбивалентен, в мифах и сказках она часто проявляет себя как знахарка, целительница, умудренная жизненным опы-

²³ МедиаХауз. [Online.] <<http://www.mediahouse.ru/catalogue.html>> (10.09.2017).

том пожилая женщина, помогающая главному герою²⁴. Эта сторона двойственной природы рассматриваемого персонажа способствует использованию образа Яги в маркетинговых целях. В России весьма продуктивной представляется эксплуатация образа Яги-ведуньи и травницы в медицинской сфере – не только при реализации всевозможных курсов автотренингов²⁵, психотерапии семьи²⁶, сайтов, толкующих о болезнях и их лечении²⁷, но и прежде всего в рекламе натуральной косметики. Так, например, семантическая структура текста, рекламирующего российскую авторскую косметику «Яга», основана на апелляции к мудрости старой целительницы и секретам древних источников:

Косметика «ЯГА» – это реализация идеи, пришедшей как будто свыше и в то же время из глубокой древности. (...) Третий принцип, дошедший до нас из древних источников, заключается в отказе от деления базовой (недекоративной) косметики на дневную и ночную. (...) Наша кожа устала от равнодушной химической суспензии, в лучшем случае основанной на экстрактах, и обманчивых лифтингов. Реакция на полезные растения совсем иная. Это похоже на то, что сама Природа признается Женщине в любви²⁸.

Е.А. Ноздренко и А.А. Ескина отмечают, что реклама как феномен современной культуры является «одним из показателей национальной индивидуальности и самости государства. В любой стране она должна обращаться к целевой аудитории на понятном ей языке. Соответственно, она использует легкочитаемые образы, символы, культурные традиции, те элементы, которые помогут потребителю идентифицировать себя с теми персонажами и ролями, которые предлагает ему реклама»²⁹. А сказочные сюжеты, знакомые массовому потреби-

²⁴ Такая трактовка образа хорошо вписывается в современную культурную парадигму и коррелирует с ипостасью Бабы-Яги, представленной в популярной русской песне *Матушка Ягиня* (2015), которую исполняют Татьяна и Андрей Шадровы ([Online:] <<https://www.youtube.com/watch?v=n-20Ci-bhJg>> (28.08.2017)):

*Матушка Ягиня, древняя Богиня,
Добрая ведунья, бабушка-колдунья.
Силы приумножит, хвори отворожит
и советом мудрым искренне поможет.*

²⁵ Чакра аджна – мудрость архетипа Бабы Яги. Как развить видение и яснознание?. [Online:] <https://samopoznanie.ru/articles/chakra_adzhna_-_mudrost_arhetipa_baby_yagi_kak_razvit_viden/> (10.09.2017); Психологические мастерские Е. Литягиной. Женская психотерапевтическая группа «Баба Яга 2». [Online:] <https://samopoznanie.ru/trainings/zhenskiy_trening_baba_yaga_otvetnyu_vizit/?date=205575> (10.09.2017).

²⁶ П. Янг-Айзендрат. *Ведьмы и герои: Феминистский подход к юнгенианской психотерапии семейных пар*. Пер. В.К. Мершавка. Москва: Когито-Центр, 2005.

²⁷ М. Норбеков, А. Алефиоров. *Как Баба-яга лечила свою костяную ногу, или Моя прабабушка дает советы*. [Online:] <<http://www.universalinternetlibrary.ru/book/10186/ogl.shtml#t1>> (10.09.2017).

²⁸ *Натуральная авторская косметика ручной работы*. [Online:] <<http://www.anapamama.ru/news/2013/10/28/kosmetika-yaga-100-naturalnaya-avtorskaya-kosmetika-ruchnoi-raboty-v-magazine-olivko>> (28.07.2017).

²⁹ Е.А. Ноздренко, А.А. Ескина. *Использование этнокультурных образов в отечественной рекламе как отражение культурных традиций*. [Online:] <<https://science-education.ru/pdf/2013/6/417.pdf>> (01.09.2017).

телю услуг и товаров, оптимально позволяют моделировать поведение целевого адресата. В этой связи рекламное агентство Young & Rubicam разработало рекламную кампанию для ипотечной линии банка ВТБ 24 под слоганом *От сказочных условий – к реальным возможностям*. Помимо телевизионной рекламы, кампания использовала такие каналы коммуникации, как печатная и наружная реклама, полиграфические материалы. Словесная метафора о *сказочных условиях*, по мнению разработчиков, позволяет акцентировать внимание на потребителя на преимуществах продуктов ВТБ 24. Ролик выполнен в смешанной технике: его героями являются как анимационные, так и вполне реальные персонажи: главный герой – рисованный Федот (напоминающий Леонида Филатова, автора «Федота-стрельца»), его супруга – русская красавица Василиса Премудрая. Выйдя замуж, Василиса озаботилась проблемами благоустройства холостяцкой избы Федота и семейным бюджетом. Взяв ипотечный кредит ВТБ 24, молодые зажили сказочно счастливо. О своей лояльности к клиентам банк напомнил в конце ролика, показав, что даже для Бабы-Яги может сделать сказку былью. В плакатах, напротив, ведунья Баба-Яга учит Федота житейской и банковской мудрости³⁰.

Рис. 23. Ипотека на полвека

Отметим, что создание рекламного сюжета, использующего прецедентные волшебные образы, требует мастерства и точности исполнения, в противном же случае ролик / плакат вызовет отторжение целевой аудитории или будет воспринят как пародия. Грамотно сказочные персонажи вписаны в стратегию коммерческой рекламы бренда «Причуда» – лидера рынка вафельных тортов в России. Ролик под слоганом *Секрет внутри* представляет собой экранизацию современного варианта сказки про Бабу-Ягу. Особенностью данного видеосообщения является то, что образы и характеры героев осовременены: Иван-Царевич переименован в Иван-007, у Бабы-Яги на входе в избышка уста-

³⁰ Young & Rubicam и ВТБ 24 делают сказку былью. Стрелец Федот и Василиса Премудрая начинают совместную жизнь с кредита. 2008. [Online: <<http://www.sostav.ru/news/2008/04/24/roll1/>> (10.09.2017)].

новлен домофон, сама Яга значительно помолодела. Тем не менее композиция рекламного сюжета соответствует структуре сказки, в героях легко читаются известные сказочные персонажи. Иван-007 обращается за помощью к Бабе-Яге. *Наскучил Василисе меч-леденец!* – рассказывает ей Иван. На что Баба-Яга отвечает, что женщин нужно постоянно удивлять: *В бисквите «Причуда», я спрятала сочность апельсинов под темным шоколадом.* Иван-Царевич, как и в сказке, выполняет задание для завоевания сердца Василисы Премудрой, рискуя своей жизнью³¹. Несмотря на небольшую модификацию образов, они не утрачивают узнаваемости и ясны целевой аудитории.

Образ Бабы-Яги интенсивно используется в маркетинговой деятельности ресторанов, гостиниц, а также городской администрации с включением всей сказочной атрибутики – черный кот, избушка на курьих ножках, вороны, черепа: ресторан „Baba Jaga” во Вроцлаве; туристический старинный трамвай „Baba Jaga” 1925 года, курсирующий по Вроцлаву³²; „Zajazd Baba Jaga” в Святой Катажине (Święta Katarzyna); „Karczma Baba Jaga” в Радоме; „Gospoda u Baby Jagi” в Быдгощи; ресторан „Baba Yaga” в Москве, Тель-Авиве, Уфе, Перми; кафе «Баба Яга» в Самаре; кафе Бабы-Яги в Кукобье, где расположился ее музей. Примеры можно продолжать.

Дубравка Угрешич, хорватская писательница и автор искрометного романа о Бабе-Яге как квинтэссенции представлений о старой женщине, дает обзор широкому использованию образа Яги в коммерческой сфере:

...конечно, она не Опра Уинфри и не принцесса Диана, но, тем не менее, и не анонимный мифический персонаж. Ее имя носит центр шаманистики на севере Голландии, магазин настольных светильников где-то в Польше, польско-американский журнал („Baba Yaga’s Cogner”), дом престарелых, семейный пансион и курсы иностранных языков в Германии. Имя Бабы Яги весьма популярно и у владельцев ресторанов, кондитерских и магазинов здоровых продуктов питания, что, учитывая гастрономические предпочтения этого персонажа, не лишено определенного юмора. Имеются фитнес-центры, носящие ее имя, видимо, потому, что их владельцы усматривают какую-то связь между Бабой Ягой и йогой?! «Баба Яга» – это и название немецкого производителя дамской одежды, и голландского спиритуального веб-сайта (где заинтересованные лица могут приобрести магические ведьмовские шары и чайники), и одного женского хора, тоже голландского. Образ Бабы Яги послужил источником вдохновения для некоторых театральных и музыкальных групп, художественных проектов, кинорежиссеров, авторов комиксов и мультипликационных фильмов, графических и неграфических книг, порносайтов и сайтов ужасов, блогов и реклам. Так, например, один сербский рекламный слоган для автомобиля порше „Carrera GT” звучит так: «Стремителен, как Баба Яга»³³.

Подводя итоги, отметим, что рассмотренные в статье трансформации архетипичного образа Бабы-Яги обусловлены прагматикой современной комму-

³¹ Иван-007 и Баба-Яга продвигают «Причуду». 2005. [Online:] <http://www.shokoladka.ru/news.php?n_id=1971> (10.09.2017).

³² *Turystyczny tramwaj zabytkowy „Baba Jaga”*. [Online:] <https://tramwaj-zabytkowy-po-wroclawiu.pl/tl/_-g-Baba-Jaga-g-.htm> (01.09.2017).

³³ Д. Угрешич, *Снесла Баба Яга яичко...*, с. 318–319.

никации, а также интерпретацией новых реалий окружающей действительности. В этом ракурсе можно переосмыслить известные слова Максима Горького о том, что «Люди знакомятся с новыми вещами, не только непосредственно видя и осязая вещи, но и по рассказам о вещах»³⁴. Ключевые фигуры славянского божественного пантеона или славянской демонографии, к которым можно отнести Бабу-Ягу, являются базовыми концептами славянской культуры, характеризующимися многослойной семантической структурой. В этой связи они обладают колоссальным персуазивным потенциалом, позволяющим им участвовать в смыслообразовании политических, рекламных, дидактических, сатирических текстов.

Литература

- Legandy Polskie. Film Jaga. Allegro.* 2015. [Online:] <<https://www.cda.pl/video/1169502e8>> (01.09.2017).
- Сладкевич Ж. *Spółczesność „OKA” i tekst wielokodowy (na przykładzie rosyjskiej satyry politycznej)*. „Przegląd Rusycystyczny” 2014, № 3 (147), с. 111–124.
- Winiarski D. *Demony Leśne. Baba Jaga*. [Online:] <<https://slowianskibestiarusz.pl/bestiarusz/demony-lesne/baba-jaga/>> (02.09.2017).
- Young & Rubicam и ВТБ 24 делают сказку былью. Стрелец Федот и Василиса Премудрая начинают совместную жизнь с кредита.* 2008. [Online:] <<http://www.sostav.ru/news/2008/04/24/rol1/>> (10.09.2017).
- Аникин В.П. *К мудрости ступенька. О русских песнях, сказках, пословицах, загадках, народном языке. Очерки.* Москва: Детская литература, 1982.
- Анисимова Е.Е. *Паралингвистика и текст (к проблеме креолизованных и гибридных текстов)*. «Вопросы языкознания» 1992, № 1, с. 71–78.
- Артемова Е.А. *Карикатура как жанр политического дискурса*. Диссертация на соискание научной степени кандидата филологических наук. Волгоград 2002. [Online:] <http://dibase.ru/article/05042010_artemova_evgenija_aleksandrovna_4478/1> (23.03.2017).
- Баженова А. *Солнечные боги славян*. [Online:] <http://www.lomonosov.org/article/solar_gods_slavs.htm> (10.09.2017).
- Балушок В.Г. *Инициации древних славян*. [Online:] <http://svitk.ru/004_book_book/1b/27_baluhok-iniciacii_drevnih_slovyan.php> (06.09.2017).
- Бернацкая А.А. *К проблеме «креолизации» текста: история и современное состояние*. «Речевое общение. Специализированный вестник». Ред. А.П. Сковородников, Вып. 3 (11). Красноярск 2000, с. 104–110.
- Большакова Л.С. *О содержании понятия «поликодовый текст»*. «Вестник СамГУ» 2008, № 4 (63), с. 19–24.
- Ведический образ Бабы Яги*. [Online:] <<http://newcivilization.mirtesen.ru/blog/43840501133/vedicheskiy-obraz-babyi-yagi>> (01.09.2017).
- Иван-007 и Баба-Яга продвигают «Причуду»*. 2005. [Online:] <http://www.shokoladka.ru/news.php?n_id=1971> (10.09.2017)

³⁴ Цит. по: К.А. Лебедев. *От составителя*. [В:] *Афганские сказки и легенды*. Пер. с пушту К.А. Лебедев, Москва: Наука, 1972, с. 6.

- Иванов В.В., Топоров Н.В. *Баба Яга*. [В:] *Славянская мифология. Энциклопедический словарь*. Москва: Эллис лак, 1995.
- Ищук М.А. *Гетерогенный текст: функции его составляющих*. «Вестник ТвГУ: Серия Филология». Выпуск: *Лингвистика и межкультурная коммуникация* 2008, № 13, с. 176–182.
- Караулов Ю.Н. *Русский язык и языковая личность*. Москва: Наука, 1987.
- Кокорин В. *Баба-Яга*. [Online:] <<https://sites.google.com/site/kokorinva/Home/b/baba-aga>> (28.08.2017).
- Куклина И.Н. *Явления фразеологизации и дефразеологизации в языке современной прессы*. Диссертация на соискание научной степени кандидата филологических наук, Москва: МГОУ 2006.
- Лебедев К.А. *Афганские сказки и легенды*. Пер. с пушту К.А. Лебедев. Москва: Наука, 1972.
- Ноздренко Е.А., Ескина А.А. *Использование этнокультурных образов в отечественной рекламе как отражение культурных традиций*. [Online:] <<https://science-education.ru/pdf/2013/6/417.pdf>> (01.09.2017).
- Норбеков М., Алефиров А. *Как Баба-яга лечила свою костяную ногу, или Моя прабабушка дает советы*. [Online:] <<http://www.universalinternetlibrary.ru/book/10186/ogl.shtml#t1>> (10.09.2017).
- Пономарева В. *Обряд «перепекания» ребенка: на лопату и в печь*. [Online:] <http://telo.by/massage/obryad_perepekaniya_rebenka/> (09.09.2017).
- Порозов Р.Ю. *Визуальное как доминанта современной культуры*. «Политическая лингвистика». Ред. А.П. Чудинов. Вып. 2 (36). Екатеринбург 2011, с. 219–222.
- Пропп В.Я. *Исторические корни волшебной сказки*. Ред. и комм. И.В. Пешкова. Москва: Лабиринт, 2000.
- Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф. *Креолизованные тексты и их коммуникативные функции*, [В:] *Оптимизация речевого воздействия*. Москва: Москва 1990, с. 180–186.
- Степанов Ю.С. *Константы: словарь русской культуры: опыт исследования*. Москва: Школа «Языки русской культуры», 1997.
- Угрешич Д. *Снесла Баба Яга яичко*. Пер. с серб-хорв. Л. Савельевой. Москва: Эксмо, 2011.
- Фасмер М. *Яга*. [Online:] <<https://vasmer.lexicography.online/%D1%8F/%D1%8F%D0%B3%D0%B0>> (04.09.2017).
- Чистякова Е.Е. *Истоки происхождения образа Бабы Яги*. 2017. [Online:] <<https://nsportal.ru/ar/library/literaturnoe-tvorchestvo/2017/04/29/istoki-proishozhdeniya-obraza-baby-yagi>> (10.09.2017).
- Янг-Айзендрат П. *Ведьмы и герои: Феминистский подход к юнгенианской психотерапии семейных пар*. Пер. В.К. Мершавка. Москва: Когито-Центр, 2005.

Список источников (10.09.2017)³⁵

- Рисунок 1. <https://durdum.in.ua/uk/main/photo/photo_id/23019/user_id/9509.phtml>
- Рисунок 2. <<http://posledniyrubezh.org/photos/photo654.html>>
- Рисунок 3. <http://fotki29.ru/photo_albums1399049705/political_humor/>
- Рисунок 4. <http://likeness.ru/blog/topic/88282/dzhon_kerri_pokhoz_h_na_georgiya_millyara_v_rol_i_babi_yagi.php>

³⁵ Все иллюстрации скопированы с бесплатных общедоступных интернет-страниц либо сайтов, допускающих копирование со ссылкой на источник. Все иллюстрации приведены в тексте по принципу цитирования, без вмешательства в графическую структуру произведения.

- Рисунок 5. <<http://volvo-sklad.ru/archives/1670>>
- Рисунок 6. <<http://blog.liga.net/user/balashov/article/7028.aspx>>
- Рисунок 7. <<http://contact.meta.ua/users/sergey-nepokupny-1301985/media/2207465.image>>
- Рисунок 8. <<http://24today.net/open/486908>>
- Рисунок 9. <<http://www.superdemotivator.ru/a-baba-yaga-protiv.html>>
- Рисунок 10. <https://durdom.in.ua/ru/main/photo/photo_id/11355/user_id/4363/filter/interesting/order/asc.phtml>
- Рисунок 11. <<http://xpomov.com/news/?page5>>
- Рисунок 12. <<http://irina-wiki.pp.ua/novosti/pritcha-pro-babu-jagu.html>>
- Рисунок 13. <<http://rem-tv.at.ua/photo/29-0-983>>
- Рисунок 14. <<http://mif-vidar.narod.ru/smeh1.html>>
- Рисунок 15. <<http://tomiks33.ru/upload/iblock/d0a/d0a9bfd40232616e0aac2ace50bca48e.JPG>>
- Рисунок 16. <<http://tyum-pravda.ru/photos/25972-kran-works>>
- Рисунок 17. <<http://dalance.ru/portfolio/alexgorec/25251/>>
- Рисунок 18. <<http://forum.onliner.by/viewtopic.php?p=75826089#p75826089>>
- Рисунок 19. <<https://hodor.lol/post/82333/>>
- Рисунок 20. <<https://patriotrus.ru/society/pensionnyie-mifyi-i-ix-sochiniteli.html>>
- Рисунок 21. <<http://gmorder.livejournal.com/6186704.html?thread=120465360>>
- Рисунок 22. <<http://unclepasha.net/wp-content/uploads/2015/06/ege1.jpg>>
- Рисунок 23. <<http://www.hib.ru/2014/12/kredit-v-banke-ipoteka.html?m=0>>

GLOTTODYDAKYKA
ЛИНГВОДИДАКТИКА
LANGUAGE EDUCATION

PROCESY PRZYSWAJANIA, UCZENIA SIĘ I UŻYCIA JĘZYKA

MARIAN SZCZODROWSKI

Ateneum Szkoła Wyższa w Gdańsku
Wydział Neofilologiczny
ul. 3 Maja 25 A, 80-825 Gdańsk, Polska
e-mail: m.szczodrowski6@upoczta.pl
(nadesłano: 18.04.2017; zaakceptowano 13.07.2017)

Abstract

Processes of acquisition, learning, and using language

This paper considers the following processes: (1) the acquisition of language by a child, who in stages masters a specific stock of vocabulary and grammatical rules, constructing at the same time his/her own linguistic store-mechanism; (2) learning the first language or a foreign language in educational circumstances, in which theoretical knowledge of the language system is acquired, and a theoretical knowledge of the development of communicative competences and abilities (c.f. first language), although in the case of a foreign language, the learner acquires organized lexical-grammatical material, which constitutes the basis for the receptive and productive use of it; (3) the use of language in daily communicative situations and in cognitive-research work, as a result of which the inventory of expressions in the used language increases.

Key words

Language acquisition *ab initio*, competences and abilities, glottodidactics and its divisions, mental and linguistic products.

Abstrakt

Przedmiotem rozważań są następujące procesy: (1) Przyswajania (akwizycji) języka przez dziecko, które opanowuje stopniowo określony zasób słownictwa i reguł gramatycznych, budując jednocześnie własny magazyn-mechanizm językowy. (2) Uczenia się języka ojczystego lub obcego w warunkach edukacyjnych, gdzie zdobywa się i wiedzę teoretyczną o systemie języka, i o doskonaleniu jego sprawności i umiejętności komunikacyjnych (por. język ojczysty), a w przypadku języka obcego uczący przyswaja uporządkowany materiał leksykalno-gramatyczny, stanowiący podstawę receptywnego i produktywnego operowania nim. (3) Posługiwania się językiem w codziennych sytuacjach komunikacyjnych oraz w pracy badawczo-poznawczej, w wyniku której powiększa się inwentarz wyrazów używanego języka.

Słowa kluczowe

Przyswajanie języka *ab initio*, sprawności i umiejętności, glottodydaktyka i jej podział, wytwory duchowe i językowe.

Wprowadzenie

Niniejsze rozważania na temat funkcjonowania języka dotyczą trzech procesów, w których, po pierwsze, dokonuje się jego przyswajanie (akwizycja) *ab initio*, tzn. osoba (tu dziecko), uczestnicząc w sytuacjach komunikacyjnych z członkami swojej wspólnoty językowej, nawiązuje z nimi kontakt najpierw receptywnie, a następnie stopniowo (re)produktywnie, opanowując w sposób świadomy zarówno stosowane słownictwo, jak i arefleksyjnie jego poszczególne struktury fonetyczno-fonematyczne oraz zasady gramatycznych powiązań pojedynczych wyrazów w syntagmatyczno-syntaktyczne konstrukcje. Takie czynności obcojęzyczne sprawiają, iż dany użytkownik z wolna konstruuje własny magazyn-mechanizm języka, który wyposażony w receptywno-produktywne umiejętności i sprawności umożliwi posługiwanie się nim w kontaktach z współpartnerami swojej wspólnoty językowej. Jest to proces systematycznego opanowywania języka ojczystego przez dziecko już we wczesnym okresie postnatalnym. Tu jednak pojawia się następujący problem, a mianowicie dziecko przyswaja taki język, jakim operują członkowie jego wspólnoty językowej. W takim przypadku nasuwa się pytanie, jakiego języka używają członkowie tejże wspólnoty, tzn. czy przestrzegają norm języka literackiego, czy używają również form środowiskowych i/lub terytorialnych języka?!

Po drugie, nauka jakiegokolwiek języka i ojczystego, i obcego polega również na jego uczeniu się w różnych warunkach sytuacyjno-komunikacyjnych, a szczególnie zaś w zorganizowanym systemie edukacyjnym, gdzie – ogólnie rzecz ujmując – uczący się nabywają i systematyzują zarówno potrzebną wiedzę teoretyczną o systemie norm w nim obowiązujących, jak i o praktycznym ich zastosowaniu w trakcie mówienia i pisania, w których to czynnościach dokonuje się ugruntowanie nie tylko wiedzy o ję-

zyku, lecz także biegłości w jego użyciu jako środka porozumiewania się ustnego i piśmennego.

Trzeci proces wiąże się właśnie z wyżej wymienionymi zagadnieniami, czyli ze sprawnościami i umiejętnościami prawidłowego i starannego stosowania języka podczas mówienia i pisania, a także uważnego słuchania i zrozumienia przekazywanych przez rozmówców informacji oraz czytania ze zrozumieniem (literackich i specjalistycznych) tekstów.

A zatem dokładniejsza charakterystyka wymienionych procesów językowych wskaże na istotne właściwości wybranych stadiów ich informacyjno-komunikacyjnego przebiegu.

Proces przyswajania języka

Przyswajanie języka dokonuje się poprzez (bardzo) częsty kontakt danego użytkownika z członkami tej samej wspólnoty językowej, co skutkuje tym, iż po pewnym czasie odbierane i dekodowane w procesie informacyjno-komunikacyjnym struktury fonetyczno-fonematyczne, słownikowe i gramatyczne zostają arefleksyjnie opanowane i ukształtowane w językowym magazynie-urządzeniu jako prawie że trwałe matryce najpierw w sposób receptywny, następnie reproduktywne, i – w końcu – produktywny.

Istota procesu opanowywania języka przejawia się również w tym, iż prawidłowość przyswojonych i w dalszym ciągu przyswajanych struktur poddana zostaje zarówno kontroli, jak i – jeśli zachodzi taka konieczność – korekcie najpierw (jeśli to możliwe) ze strony jego najbliższych użytkowników, a następnie fachowej ocenie ich poprawności wraz z wymaganą korektą występujących błędów lub nieprawidłowości w zinstytucjonalizowanym (szkolnym) systemie edukacyjnym. Oprócz wyszczególnionych czynności należy jeszcze wymienić zachodzący u niektórych użytkowników proces autokontroli i autokorekty podczas recepcji, reprodukcji i produkcji opanowanych i nowo przyswajanych struktur językowych. Wszystkim wymienionym procesom towarzyszy w różnym stopniu dokonujące się przetwarzanie materiału językowego, polegające na analizie szczególnie tych struktur, które podczas ich semantyczno-gramatycznego dekodowania umożliwiają ich efektywne zakodowanie (przechowanie) w określonej pamięci danego użytkownika¹.

Proces nabywania jakiegokolwiek języka dokonuje się podczas przebywania jego użytkownika w środowisku, w którym dany język stanowi środek porozumiewania się, oraz jego równoczesnego uczestniczenia receptywnego, reproduktywnego i produktywnego w sytuacjach lingwo-komunikacyjnych. Są to zatem naturalne warunki przyswajania języka, czyli podobne do tych, w których dziecko opanowuje swój język, a więc inne od tzw. 'sztucznych warunków' nauki języków obcych². Dziecko przyswaja język ojczysty w określonym okresie swojego życia na podstawie specyficznego i już odpowiednio rozwiniętego mechanizmu odbioru i przetwarzania dekodowanych

¹ H. Strohner. *Textverstehen, Kognitive und kommunikative Grundlagen der Sprachverarbeitung*. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1990, s. 25.

² V. Beeh. *Sprache und Spracherlernung. Unter mathematisch-biologischer Perspektive*. Berlin-New York: Walter de Gruyter, 1981, s. 115.

struktur, czyli bez konieczności formalnego i merytorycznego instruktażu glottodydaktycznego. Naukę języków obcych w systemie zorganizowanej edukacji pobierają uczący się (młodzież szkolna, akademicka i dorośli), którzy opanowali już swój język ojczysty, a przyswajanie języków obcych w zinstytucjonalizowanych warunkach wymaga systematycznego nauczania i uczenia się. Nauczyciel lub lektor języka obcego, podręczniki i materiały glottodydaktyczne, stosowane metody stanowią podstawowe czynniki odróżniające naukę tych języków od procesu przyswajania języka ojczystego³. Ponadto opanowywanie języka realizuje się również w procesie indywidualnego i świadomego samokształcenia, a w warunkach zinstytucjonalizowanych wynika on w wielu przypadkach, szczególnie zaś w szkolnej edukacji, z procesu nauczania. A zatem właściwości procesu przyswajania języków w ogóle, tzn. języków ojczystych i obcych, dają się porównać ze zjawiskiem nabywania języka podczas operowania nim w bezpośredniej komunikacji międzyludzkiej lub w trakcie jego indywidualnego użycia, na przykład podczas czytania albo pisanania, a także w sytuacjach glottodydaktycznych, gdzie język stanowi i przedmiot nauki, i zarazem środek porozumiewania się.

Druga ważna konstatacja odnosi się do następującego zagadnienia: Osoba rozpoczynająca naukę języka obcego albo kontynuująca tenże proces jest już użytkownikiem swojego języka ojczystego, a może być także użytkownikiem kilku języków ojczystych i/lub obcych. W odniesieniu do osób władających jednym lub kilkoma językami ojczystymi można przyjąć podział na użytkowników monolingwalnych, bilingwalnych, trilingwalnych itd., a wobec osób posługujących się jednym lub kilkoma językami obcymi stosuje się niekiedy określenia: pierwszy, drugi, trzeci itd. język obcy. Trzeba jednak podkreślić, iż istnieje zasadnicza różnica między stwierdzeniem, iż dana osoba operuje językiem ojczystym albo obcym. Po pierwsze, rodzimi użytkownicy języka opanowali go w warunkach naturalnych, w których ów język był i jest na co dzień środkiem międzyludzkiego porozumiewania się. Po drugie, różnica ta tkwi w zakresie oraz poziomie przyswojenia określonych sprawności i umiejętności językowych, i wreszcie, po trzecie, inna jest biegłość szczególnie w mowie u rodzimych użytkowników języka/języków, a inna u tych, którzy zdobyli sprawności i umiejętności obcojęzyczne w procesach zorganizowanej edukacji, gdzie przywiązuje się wagę do prawidłowego opanowania języka pod względem gramatycznym, stylistycznym, ortograficznym, interpunkcyjnym, a także – jeśli zachodzi taka konieczność i istnieje możliwość – do przestrzegania i stosowania zasad ortoepii i ortofonii⁴. Może się jednak zdarzyć, że uczący się języka obcego po pewnym czasie opanuje go lepiej niż swój ojczysty, a jego kompetencja lingwo-komunikacyjna przewyższa kompetencję prymarnojęzykową, czyli ojczystojęzyczną.

³ Zob. także S.W. Felix. *Psycholinguistische Aspekte des Zweitspracherwerbs*. Tübingen: Gunter Narr Verlag, 1982, s. 126 i n.

⁴ Por. H.J. Vollmer. *Spracherwerb und Sprachbeherrschung*. Tübingen: Gunter Narr Verlag, 1982, s. 153.

Proces uczenia się języka

Każda naukowa koncepcja systematyzująca wyniki badań, uzyskane dzięki poznaniu i wyjaśnianiu podstawowych czynników kształtujących procesy nauki języka, stanowi jednocześnie część teorii, która nawiązuje do dotychczas istniejących poglądów na temat nauczania, uczenia się i przyswajania języków w ogóle. Taka teoria analizuje i opisuje wymienione procesy i przybiera tym samym charakter diagnozujący (rozpoznawczy) w odniesieniu do czynników konstytuujących określony proces glottodydaktyczny i funkcjonujących równocześnie w jego przebiegu.

Skoro zaś rozważa się związki glottodydaktycznej teorii z zagadnieniami glottodydaktycznej praktyki, a wśród nich metody jej efektywności, to należy uwzględnić różne sposoby postępowania nauczającego i uczących się oraz ich sprawności i umiejętności komunikacyjne, a także stosowane środki dydaktyczno-metodyczne prowadzące do osiągnięcia wyznaczonego celu. Takie formy glottodydaktycznej działalności przybierają charakter prognozujący, polegający na przewidywaniu możliwego przebiegu cząstkowego procesu glottodydaktycznego. Glottodydaktyczna przewidywalność wynika z formułowanych przesłanek teoretycznych i praktycznych, sprzyjających stwarzaniu optymalnych warunków nauczania i uczenia się języków, a także uwzględniających możliwości osiągnięcia zamierzonego celu w określonych sytuacjach przebiegu tychże procesów.

Rozpatrując kwestie przyswajania języków z punktu widzenia glottodydaktycznego, a także badając procesy opano(wy)wania języka ojczystego w sytuacjach naturalnych oraz procesy nauczania i uczenia się języków obcych w warunkach zinstytucjonalizowanych, można zastosować nieco inny podział nauki języków. Ogólna glottodydaktyka językowa obejmuje naukę języka ojczystego i języków obcych, a w zakresie tych ostatnich wyróżnia się języki klasyczne (greka, łacina) i języki nowożytne (na przykład: język angielski, francuski, hiszpański, niemiecki, rosyjski itd.). Dodać należy jeszcze, że glottodydaktyka językowa włącza do swojego programu badawczego również metody nauki tzw. języków sztucznych, które jako języki pomocnicze funkcjonują w międzynarodowej komunikacji (por. esperanto, ido, novial, occidental, volapük). Zatem uzupełniona klasyfikacja języków w świetle glottodydaktyki obejmuje (lub może obejmować) badania w zakresie:

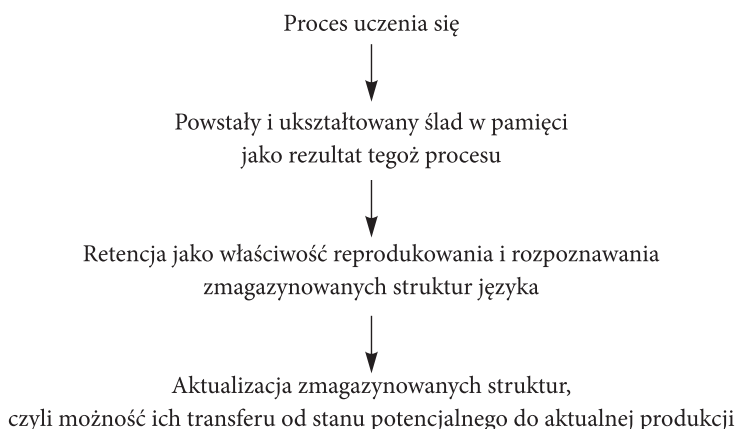
1. glottodydaktyki ojczystojęzycznej,
2. glottodydaktyki obcojęzycznej (w tej subdziedzinie należy rozgraniczyć dydaktykę języków nowożytnych od dydaktyki języków klasycznych),
3. glottodydaktyki języków sztucznych.

W niniejszych rozważaniach glottodydaktycznych bierzemy pod uwagę osoby, które władają (jednym) językiem ojczystym i pobierają naukę pierwszego języka obcego. Zakładamy jednocześnie, że te osoby opanowały swój język ojczysty w mowie i piśmie w taki sposób, iż potrafią nim bez trudności operować w komunikacji międzyludzkiej.

W rozważaniach na temat przyswajania i uczenia się języka ważny jest fakt, gdyż odnosi się do istoty przechowania (magazynowania) dekodowanych struktur językowych w odpowiedniej pamięci uczącego się. Carel F. Parreren⁵ rozpatrując powyższe

⁵ C.F. van Parreren. *Lernprozess und Lernerfolg*. Braunschweig: Georg Westermann Verlag, 1972, s. 297.

zagadnienia, odwołuje się do psychologii uczenia się, gdzie rezultaty tego procesu sprowadza się do pojęcia pozostawionego w pamięci „śladu” („Spur”, konkretniej „Gedächtnisspur”). Rezultat uczenia się interpretuje w dwojaki sposób: raz jako aktualne działanie językowe, drugi raz jako potencjalną zdolność odbiorczo-wytwórczą tkwiącą w umyśle (w urządzeniu językowym) człowieka, która może się objawić w określonych warunkach kontaktu językowego. Pojęcie śladu jest bliskie pojęciu matrycy językowej w ujęciu Ludwika Zabrockiego⁶, gdy przedstawia i wyjaśnia istotne cechy cybernetycznych modeli językowej komunikacji. Wracając do efektów procesu uczenia się i przyswajania języka, warto uświadomić sobie, iż w umyśle odbiorcy zostaje odcisnięty określony znak, a w tym przypadku jest to znak językowy o charakterystycznej cesze i konkretnej informacji. W koncepcji Parreren’a⁷ ślad w pamięci gwarantuje konsekwentną ciągłość działania odbiorcy, tzn. osiąga sprawność rozpoznania struktur fonetyczno-fonologicznych lub graficzno-grafematycznych w jego receptorach (= zdolność do retencji), a także zdolność reprodukcji dekodowanych informacji. W odniesieniu do procesu uczenia się języka i jego receptywno-produktywnych następstw konstruuje ciąg składający się z czterech następujących ogniw (rys. 1):

Rys. 1. Fazy receptywno-produktywne procesu uczenia się języka obcego według koncepcji C.F. van Parreren’a.

Źródło: opracowanie własne.

Proces użycia języka

Kwestia stosowania języka wiąże się raz ze swobodnym operowaniem nim w powstałych lub tworzących się sytuacjach komunikacyjnych, a drugi raz z twórczą działalnością badawczo-poznawczą jego użytkownika, gdy w trakcie takiej czynności odkrywa dotychczas nieznaną fragment rzeczywistości pozajęzykowej i równocześnie przyporządkowuje mu nową nazwę, która najpierw uzyskuje akceptację u bezpośred-

⁶ L. Zabrocki. *Kybernetische Modelle der sprachlichen Kommunikation*. Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk: Ossolineum, 1975, s. 42 i n. oraz 80 i n.

⁷ C.F. van Parreren. *Lernprozeß und Lernerfolg...*, s. 297.

nich odbiorców/partnerów komunikacyjnych, następnie w szerszym kręgu członków swojej wspólnoty językowej, co powoduje wzbogacenie dotychczas istniejącego inwentarza słownikowego danego języka. Postęp wiedzy ogólnej i specyficznej pociąga za sobą również rozwój inwentarza języka i jego komunikacyjne doskonalenie.

Z powyższych konstatacji wynika, iż czynności językowe danej osoby można rozpatrywać na kilku płaszczyznach i w wielu wymiarach, na przykład:

1. W codziennej działalności członków danej wspólnoty ojczystojęzycznej w różnych okolicznościach życiowych i zawodowych;
2. W sytuacjach glottodydaktycznych, w których odbywa się nauka (nauczanie i uczenie się) języka ojczystego albo języka obcego;
3. Na płaszczyźnie intraindywidualnej w trakcie pracy poznawczo-badawczej, gdzie w obiegu egocentrycznej komunikacji zachodzi specyficzny proces użycia języka;⁸
4. Podczas receptywnych czynności słuchania ze zrozumieniem albo czytania ze zrozumieniem;
5. Podczas produktywnych czynności mówienia (w wypowiedziach monologicznych, dialogowych, polilogowych, recytacji itp.);
6. Podczas produktywnych czynności pisania różnego rodzaju tekstów;
7. W procesie tworzenia nowych wyrazów (neologizmów), odnoszących się do przyporządkowania im nazw dotychczas nieznanymi przedmiotów, zjawisk lub ich właściwości.

Do niektórych powyższych czynności językowych ustosunkował się również Konrad Górski⁹, gdy przedstawił i wyjaśnił zagadnienia wytworów duchowych i językowych danego użytkownika, wyszczególniając ich właściwości intraindywidualne, urzeczywistniające się w procesie generowania i produkowania, oraz właściwości interindywidualne, które „wyrażone i utrwalone oddzielają się od podmiotu czynności i nabierają charakteru obiektywnego bytu...”, czyli stają się już częścią ogólnego inwentarza języka określonej wspólnoty. Podkreśla tym samym psychiczno-lingwalne czynności użytkownika języka, którego wytwory zostają uzewnętrznione i tym samym mogą być i/lub zostają utrwalone w znakowym systemie języka. W powyższej konstatacji dokonuje autor podwójnego rozróżnienia uzewnętrznionych wytworów na trwałe lub nietrwałe, a w wytworach utrwalonych wyróżnia ich stan aktualny, tzn. istniejący rzeczywiście w przestrzeni, oraz potencjalny, mogący ujawnić się w przyszłości podczas użycia języka.

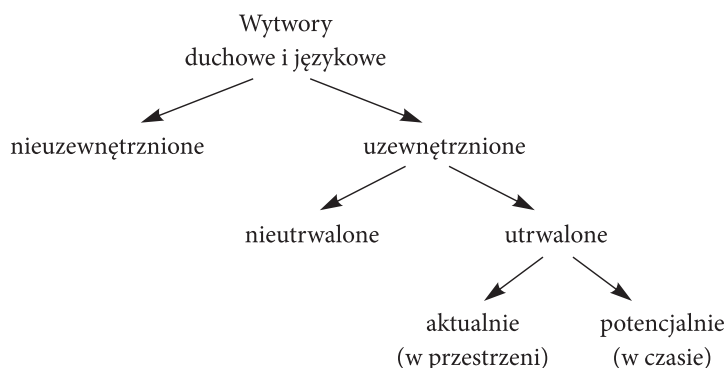
Wtwory użytkowników języka stanowią zatem część ich wytworów duchowych, których binarno-modelowe uporządkowanie można przedstawić następująco (rys. 2):

Interpretując pojęcie wytwór uzewnętrzniony Konrad Górski¹⁰ nazywa go wytworem wyrażonym i dochodzi do definicji wyrazu, który służy do „przekazywania sta-

⁸ L. Jäger. *Einführung in die Sprachtheorie*. „Linguistik und Didaktik” 1980, nr 41, s. 7.

⁹ Autor powołuje się na wyróżnienie wytworów dokonane przez Kazimierza Twardowskiego w rozprawie *O czynnościach i wytworach (Księga pamiątkowa ku uczczeniu 250 rocznicy założenia Uniwersytetu Lwowskiego, LL, Lwów 1912*, a także w formie przedruku *Rozprawy i artykuły filozoficzne*, Lwów 1927). Zaznacza również, iż różni się od K. Twardowskiego w kwestii podziału wytworów i licznych ich szczegółów (zob. Konrad Górski 1984, s. 14, przypis).

¹⁰ K. Górski. *Rozważania teoretyczne. Literatura – Muzyka – Teatr*. Lublin: Katolicki Uniwersytet

Rys. 2. Podział wytworów duchowych i językowych na podstawie koncepcji K. Górskiego.
Źródło: opracowanie własne.

nów psychicznych lub treści duchowej (...) za pomocą odpowiednich zmysłowo dostrzegalnych znaków”.

Intraindywidualny proces językowy nadawcy jest ściśle sprzężony z procesem mentalnym, podczas którego pojawia się określony zamyśl komunikacyjny, a ten z kolei przekazany na zasadzie samosterowania do urządzenia językowego powoduje, iż dochodzi do wyboru korespondujących z nim i odpowiadających mu wyrazów oraz ich łączenia (konkatenacji) w konstrukcje syntagmatyczno-syntaktyczne¹¹. W ten sposób dokonuje się w urządzeniu językowym proces generowania wyrazów i ich syntagmatyczno-syntaktyczne uporządkowanie, które jako informacje samosterowane, przekazywane do efektorów, podlegają produkcji fonetyczno-fonematycznej albo graficzno-grafematycznej. Rozważając zatem cały ciąg przebiegu użycia języka przez nadawcę, należy wskazać raz na proces inicjujący komunikację w sferze lingwo-mentalnej, i drugi raz na złożony proces kodowania informacji w urządzeniu językowym, przebiegający najpierw w subprocesie generowania, a następnie w subprocesie produkowania w określonych efektorach¹². Urzeczywistnienie intencji komunikacyjnej warunkują stan ilościowy poszczególnych struktur języka przyswojonych przez danego użytkownika oraz ich moc generatywna i produktywna, dzięki którym dochodzi do wytwarzania „nowych” (indywidualnych) informacji przez nadawcę, tzn. nie takich samych, które prezentuje podręcznikowy materiał bazowy, składający się z wybranych i glottodydaktycznie uporządkowanych struktur i stanowiących podstawę nauczania i uczenia się języków obcych.

Lubelski – Wydawnictwo, 1984, s. 16.

¹¹ Por. także J. Piaget. *Strukturalizm*. Warszawa: Wiedza Powszechna, 1972, s. 124.

¹² Szczegółowa charakterystyka wymienionych procesów i ich poszczególnych faz w artykułach: M. Szczodrowski. *Zweistufige Dekodierung der fremdsprachlichen (Informations-)Signale*. „Studia Niemcoznawcze” („Studien zur Deutschkunde”). Warszawa: Uniwersytet Warszawski, Instytut Germanistyki, 2013, t. 52, s. 299–306 oraz M. Szczodrowski. *Zweistufige Kodierung fremdsprachlicher Informationen*. „Studia Niemcoznawcze” („Studien zur Deutschkunde”). Warszawa: Uniwersytet Warszawski, Instytut Germanistyki, 2013, t. 52, s. 307–314.

Do różnych form wypowiedzi danego użytkownika nawiązuje również René Dirven¹³, wyróżniając ich trzy podstawowe typy w zakresie języka mówionego: (1) spontaniczne, (2) przygotowane i (3) niespontaniczne. Wśród pierwszych (spontanicznych) wyodrębnia wypowiedzi autentyczne i tzw. pozorno-autentyczne, a do autentycznych zalicza monologowe (opowiadania, sprawozdania), dialogowe (konwersacje) i multilogowe (rozmowy prowadzone w kilkusobowej grupie), natomiast pozorne-autentyczne dzieli na dwie grupy, a mianowicie na wyuczone na pamięć i odczytane (np. wykłady, wiadomości, teksty literackie). W przygotowanych wypowiedziach wyróżnia, między innymi, wykład, kazanie, przemowę, mowę itp.

Powyższe przykłady wypowiedzi mają wskazać nie tylko na możliwości ich kodowania, lecz również na sposób ich audytywnego odbioru i zrozumienia. Zarówno proces produkcji językowej, jak i proces audytywnego odbioru i zrozumienia informacji językowych odznaczają się kompleksową strukturą, na którą składają się komponenty audytywno-fonetyczne, fonetyczno-fonologiczne, syntaktyczno-semantyczne, semantyczno-pragmatyczne i tekstowo-kognitywne.

Podsumowanie

Wspólną właściwością przedstawionych procesów jest ich stosowana substancja językowa, a ich zróżnicowanie dotyczy warunków i czasu ich przebiegu. Omówione procesy można scharakteryzować następująco:

1. W pierwszym przypadku proces przyswajania języka dokonuje się w naturalnych warunkach, w których jego użytkownicy posługują się nim w codziennych sytuacjach.
2. Drugi przypadek wskazuje na nauczanie i uczenie się, a w dalszej kolejności, na opano(wy)wanie danego języka (tu szczególnie języka obcego) w szkolnych i pozaszkolnych warunkach, gdzie ów proces podlega ogólnie przyjętym i realizowanym w praktyce zasadom edukacyjnego systemu nauki języków obcych. Proces taki nabiera *stricte* charakteru glottodydaktycznego.
3. Ostatnia sytuacja odnosi się do autodydaktycznego zaangażowania się o staranność i dbałość językową w odniesieniu do odbieranych, a przede wszystkim do własnych wypowiedzi i tekstów. Użytkownik języka jako odbiorca zazwyczaj szybciej dostrzega błędy gramatyczne, semantyczne, ortograficzne, interpunkcyjne lub niezgodności z obowiązującymi regułami w wypowiedziach lub tekstach swoich partnerów. Z drugiej strony użytkownik języka jako nadawca potrafi zauważyć również własne błędy, co należy uznać za specyficzny (i skuteczny) rodzaj lingwalnej autoglottodydaktyki, prowadzący do poprawnego władania językiem w odniesieniu do stosowanych struktur i ich dźwiękowej lub graficznej produkcji. Każda z wymienionych czynności wywołuje refleksję na temat popełnionego błędu albo pojawiającej się niecisłości, a także jego/jej starannej korekty i zapamiętania popełnianego błędu oraz do utrwalenia prawidłowej formy językowej lub pogłębienia wiedzy o obowiązujących regułach i wyjątkach w danym języku.

¹³ R. Dirven. *Was ist Hörverstehen? Synopse vorhandener Theorien und Modelle*. [W:] Hrsg. A. Schumann, K. Vogel Klaus, B. Voss. *Hörverstehen*. Tübingen: Gunter Narr Verlag, 1984, s. 22.

Bibliografia

- Beeh V. *Sprache und Spracherlernung. Unter mathematisch-biologischer Perspektive*. Berlin–New York: Walter de Gruyter, 1981.
- Dirven R. *Was ist Hörverstehen? Synopse vorhandener Theorien und Modelle*. [W:] A. Schumann, K. Vogel, B. Voss (Hrsg.). *Hörverstehen*. Tübingen: Gunter Narr Verlag, 1984, s. 19–40.
- Felix S.W. *Psycholinguistische Aspekte des Zweitspracherwerbs*. Tübingen: Gunter Narr Verlag, 1982.
- Górski K. *Rozważania teoretyczne. Literatura – Muzyka – Teatr*. Lublin: Katolicki Uniwersytet Lubelski – Wydawnictwo, 1984.
- Jäger L. *Einführung in die Sprachtheorie*. „Linguistik und Didaktik” 1980, nr 41, s. 1–42.
- Parreren C.F. van. *Lernprozeß und Lernerfolg*. Braunschweig: Georg Westermann Verlag, 1972.
- Piaget J. *Strukturalizm*. Warszawa: Wiedza Powszechna, 1972.
- Strohner H. *Textverstehen, Kognitive und kommunikative Grundlagen der Sprachverarbeitung*. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1990.
- Szczodrowski M. *Zweistufige Dekodierung der fremdsprachlichen (Informations-)Signale*. „Studia Niemcoznawcze” („Studien zur Deutschkunde”) 2013, t. 52. Warszawa: Uniwersytet Warszawski, Instytut Germanistyki, s. 299–306.
- Szczodrowski M. *Zweistufige Kodierung fremdsprachlicher Informationen*. „Studia Niemcoznawcze” („Studien zur Deutschkunde”) 2013, t. 52. Warszawa: Uniwersytet Warszawski, Instytut Germanistyki, s. 307–314.
- Vollmer H.J. *Spracherwerb und Sprachbeherrschung*. Tübingen: Gunter Narr Verlag, 1982.
- Zabrocki L. *Kybernetische Modelle der sprachlichen Kommunikation*. Wrocław–Warszawa–Kraków–Gdańsk: Ossolineum, 1975.

TYPOLOGIA ROSYJSKO-POLSKICH BŁĘDÓW JĘZYKOWYCH DZIECKA DWUJĘZYCZNEGO

RADOSŁAW KALETA

Uniwersytet Warszawski
Wydział Lingwistyki Stosowanej
Katedra Białorutenistyki
Pracownia Glottodydaktyki Białorutenistycznej
ul. Szturmowa 4, 02-678 Warszawa, Polska
e-mail: rkaleta@uw.edu.pl
(nadesłano 7.09.2017; zaakceptowano 21.10.2017)

Z dedykacją dla Marysi (Maszy)

Abstract

Typology of Russian-Polish language errors of a bilingual child

The article presents a typology of errors made by a bilingual (Russian-Polish) girl, mostly in Polish, but also in Russian. The typology is divided into interference errors (from the second mother tongue) and errors caused by insufficient knowledge of the language system (caused by various reasons) both in Polish and Russian. Lapsological analysis showed some analogies with errors made by foreigners as well as Polish-Russian interlingual analogies.

Key words

Russian, Polish, language error, linguistic analogy, interference, child's language, mother tongue, bilingualism.

Abstrakt

W artykule przedstawiono typologię błędów dwujęzycznej (rosyjsko-polskiej) dziewczynki, popełnianych głównie w języku polskim, choć także rosyjskim. W typologii uwzględniono błędy interferencyjne (z drugiego języka ojczystego/macierzystego) oraz błędy spowodowane nieopanowaniem (z różnych przyczyn) systemu zarówno języka polskiego, jak i rosyjskiego. Analiza wykazała pewne analogie lapsologiczne w porównaniu z błędami cudzoziemskimi oraz szereg analogii międzyjęzykowych polsko-rosyjskich.

Słowa kluczowe

Język rosyjski, język polski, błąd językowy, analogia lapsologiczna, interferencja, język dziecka, język ojczysty/macierzysty, dwujęzyczność rodzinna.

Błędy to droga do prawdy
Fiodor Dostojewski

Błędy człowieka czynią go sympatycznym
Johann Wolfgang von Goethe

Niniejszy artykuł stanowi kontynuację badań prowadzonych przez autora w ramach Pracowni Glottodydaktyki Białorutenistycznej Uniwersytetu Warszawskiego. Wcześniejsze prace¹ dotyczyły błędów młodych dorosłych uczących się jednego z języków słowiańskich jako obcego i nie obejmowały zagadnień związanych z przyswajaniem języków przez dzieci dwujęzyczne. Jednakże analizowanie procesu uczenia się języków ojczystych/macierzystych przez dzieci dwujęzyczne wskazuje na występowanie (obok szeregu różnic) wielu procesów analogicznych do tych, jakie towarzyszą nauce języka ojczystego przez osoby jednojęzyczne, czy przy nauce języka obcego, na co wskazuje popełnianie podobnych błędów.

W artykule używamy terminu *błąd językowy*, który rozumiemy jako odstępstwo od normy (zarówno wzorcowej, jak i użytkowej). Popularny termin *błąd glottodydaktyczny* jest dość specyficzny, węższy (jako odstępstwo od normy glottodydaktycznej) i może budzić pewne kontrowersje², a dla nas oznacza z jednej strony błąd uczącego się języka obcego, a z drugiej strony mógłby być rozumiany jako błąd nauczyciela (np. błąd metodyczny), który przecież także jest elementem układu glottodydaktycznego³.

¹ Np. R. Kaleta. *Polsko-białoruska lapsologia glottodydaktyczna*. Warszawa: Katedra Białorutenistyki. Wydział Lingwistyki Stosowanej. Uniwersytet Warszawski, 2015.

² Zob. A. Dąbrowska, M. Pasieka. *Błąd językowy – co to takiego? Rozważania o błędzie językowym w glottodydaktyce polonistycznej*. „Acta Universitatis Lodzensis. Kształcenie Polonistyczne Cudzoziemców” 2015, t. 22, s. 25–26.

³ Więcej o układach glottodydaktycznych zob. P.E. Gębal. *Glottodydaktyka porównawcza jako nowa subdyscyplina glottodydaktyki*. „Lingwistyka Stosowana” 2014, t. 10, s. 39–42.

Przedstawiona niżej typologia błędów opracowana została na podstawie materiału zasłyszanego i zebranego z wypowiedzi dziewczynki (Marysia/Maszy) pochodzącej z rosyjsko-polskiej rodziny mieszkającej w Polsce, choć nierzadko podróżującej do Rosji, w okresie od 2. do 4. roku jej życia⁴. W domu dominuje język rosyjski (jako język matki, język dziadków kontaktujących się przez Skype'a, język nauki i zabawy domowej), czyli *de facto* język mniejszości⁵. Język polski jest językiem otoczenia, przedszkola i (rzadszych niż z matką) kontaktów z ojcem, ale *de facto* językiem większości, bo dziecko mieszka na stałe w Polsce. Marysia (Masza) w badanym okresie dobrze znosiła przełączanie kodów między językiem domu a językiem otoczenia zewnętrznego, jednak gorzej tolerowała dwujęzyczność w samym domu, czyli rozmowy rodziców, w których każdy z nich mówił w swoim języku, także z dzieckiem. Powodowało to, że dziecko nie tylko przełączało się z języka na język w ramach rozmów z jednym z rodziców, lecz także używało na przemian różnych kodów w jednej wypowiedzi (by wyrazić myśl przy użyciu najszybciej dostępnych w danej chwili środków językowych, a czasem po prostu dla zabawy)⁶, co z jednej strony jest zjawiskiem naturalnym i normalnym, a z drugiej strony niezbyt korzystnym, gdyż tworzy rodzaj języka trzeciego – hybrydowego, mieszanego polsko-rosyjskiego. Taki rodzaj języka może być zabawny, stanowi element rozwoju, ale bywa rozumiany i dobrze odbierany niemal wyłącznie w środowisku domowym, które go rozumie. Środowisko zewnętrzne (częściej rówieśnicze niż dorosłe) takiego mieszanego języka nie musi jednak (choć w pewnych sytuacjach może) ani rozumieć, ani tolerować, co często nie jest łatwe do przyjęcia dla dwujęzycznego dziecka, które w którymś momencie postawi sobie pytanie o własną tożsamość i przynależność, skoro w Polsce nie jest do końca Polakiem (jego polszczyzna zawiera przecież wiele rusycyzmów), a w Rosji – do końca Rosjaninem (jego język rosyjski może być nawet w miarę poprawny, ale z bardziej lub mniej wyczuwalnym polskim akcentem i polską intonacją). Być może dlatego niejednokrotnie można było zaobserwować chęć dziecka do ujednoczenia języka domu, wyrażaną w prośbach (czasem na krótko spełnianych) do ojca, by – jak matka – posługiwał się językiem rosyjskim. Z jednej strony prośba taka może być czystym dziecięcym kaprysem czy chęcią wygody (lenistwem językowym?), a z drugiej strony może wynikać także z poczucia braku jasno zdefiniowanych obszarów używania w domu każdego z języków, czyli momentami niekonsekwentnej/płynnej strategii wychowania językowego. Zarówno ojciec, jak i matka rozmawiają z dzieckiem we własnym języku (zgodnie ze strategią *one person, one language* 'jedna osoba, jeden język')⁷, ale między sobą rozmawiają już bardzo róż-

⁴ Celowo do badań błędów językowych wybrano dziewczynkę, gdyż dziewczynki w tym wieku mają na ogół bogatszy słownik niż chłopcy, którzy rozwijają się wolniej, czego jednak nie można wyolbrzymiać, gdyż wielką rolę u dzieci odgrywają też czynniki indywidualne. Średnio zasób słów dziecka pomiędzy 2. a 3. rokiem życia wynosi od kilkudziesięciu do kilkuset wyrazów; zob. T. Rożek. *Słownik wyrazów obcych*. „Gość Niedzielny”, nr 26, z dn. 2 lipca 2017, s. 58–59.

⁵ Por. K. Wróblewska-Pawlak. *Naturalna dwujęzyczność, czyli o dwujęzycznym wychowaniu dzieci*. „Języki Obce w Szkole” 2013, nr 1, s. 91.

⁶ Więcej o przełączaniu kodów u dzieci zob. M. Velínská. *Family bilingualism*. Charles University in Prague. Faculty of Education. Department of English Language and Literature. Supervisor: Paed Dr Marie Hofmannová. Prague 2007, s. 31–32.

⁷ Tamże, s. 20; K. Wróblewska-Pawlak. *Naturalna dwujęzyczność...*, s. 93 i nast.

nie (także przy dziecku): niekiedy w swoim języku, raz po polsku, raz po rosyjsku, czasem też z przełączaniem kodów w połowie zdania, co może być źródłem zamieszania dla dziecka, a także pewnym wzorem do naśladowania.

W takim kontekście funkcjonowania w najbliższym środowisku domowym zarówno języka polskiego (języka większości zewnętrznej/państwowej), jak i języka rosyjskiego (języka mniejszości wewnętrznej/domowej) nie dziwią silne naturalne procesy nakładania się obu języków w kształtującym się dopiero języku dziecka, na co wskazują błędy analizowane w niniejszym artykule. W zebranych materiale skupiono się raczej na błędach w języku polskim – języku większościowym, języku kraju, w którym dziecko mieszka. W przypadku badanego dziecka dwujęzycznego przeważają błędy interferencyjne. W wypunktowanych wypowiedziach dziecka i w komentarzach do nich odnotowano w sumie 220 przykładów błędów (w tym dziewięć błędów analogicznych), z czego najliczniejszą grupę stanowią błędy leksykalne (jest ich w sumie 71). Kwestia opracowania typologii błędów dziecka dwujęzycznego nie jest sprawą oczywistą. Nasuwa się pytanie, czy stosować klasyfikacje dotyczące błędów w języku ojczystym, czy klasyfikacje błędów nierodzimych użytkowników języka⁸. W opracowaniach rosyjskich można spotkać pogląd, że dziecko, które od urodzenia poznawało świat w języku rosyjskim i komunikowało się po rosyjsku choćby tylko z jednym z rodziców, popełnia błędy charakterystyczne dla rodzimych użytkowników tego języka⁹. Rzadziej pojawiają się błędy gramatyczne (typu *красивый книга), gdyż wynikają one z faktu nieznamomości danej leksyki, rzadsze są błędy z zakresu łączliwości i fleksji¹⁰. Być może powyższe twierdzenie sprawdza się w przypadku dzieci chodzących do szkoły, gdyż w naszych badaniach odnotowano błędy charakterystyczne dla cudzoziemców i dziecięcych, a nie dorosłych rodzimych użytkowników języka. W przypadku wybranego do badań dziecka dwujęzycznego rodzi się pytanie, czy językiem ojczystym jest (zgodnie z polską nazwą) język (polski) ojca, czy język (rosyjski) matki (język macierzysty zgodnie z angielską nomenklaturą, ang. *mother tongue*). Trudno byłoby jednak określić, który z nich jest silniejszy¹¹, gdyż oba z założenia mają być językami ojczystymi/macierzystymi, pytanie tylko, czy można mieć dwa języki ojczyste/macierzyste i na ile jest to możliwe w praktyce, czy jeden z nich nie będzie jednak w jakimś stopniu pierwszym, a inny drugim (bo tak się to mimo wszystko numeruje w literaturze), czy (w tym konkretnym przypadku) rosyjski nie stanie się językiem jedynie odziedziczonym (utraconym). Nawet jeśli oba języki są w jakiejś mierze ojczystymi/macierzystymi, to zapewne im dziecko będzie starsze, tym większy wpływ będzie miał na nie język otoczenia zewnętrznego, ale w przypadku dziecka trzyletniego wpływ języka wewnętrznego/domowego (matki) ma jeszcze na tyle duże znaczenie, że oba języki mogą znajdować się na porównywalnym poziomie „ojczystości/macierzystości”, gdyż w obu dziecko może reagować emocjonalnie, skarżyć się, szukać wsparcia rodzica, zadawać

⁸ Więcej o istniejących klasyfikacjach zob. A. Dąbrowska, M. Pasięka. *Błąd językowy – co to takiego?...*, s. 27–31.

⁹ Е.А. Хамраева. *Русский язык для детей-билингвов: теория и практика. Учебное пособие*. Москва: Билингва, 2015, s. 93.

¹⁰ Tamże.

¹¹ Por. M. Velíská. *Family bilingualism...*, s. 22.

mu pytania¹². Mamy tu zatem do czynienia z tzw. dwujęzycznością dziecięcą (ang. *infant bilingualism*, fr. *bilinguisme de l'enfant*), naturalną (ang. *natural/primary bilingualism*, fr. *bilinguisme naturel*) lub rodzinną (fr. *bilinguisme familial*), zrównoważoną (ang. *balanced bilingualism*), charakterystyczną dla rodzin dwujęzycznych, w których dzieci od początku uczą się od swoich rodziców dwóch języków (ang. *simultaneous bilingualism*, fr. *bilingualié d'enfance précoce simultanée*)¹³.

W przypadku dziecka dwujęzycznego rosyjsko-polskiego możemy stosować jednocześnie w zależności od materii błędu typologie lapsologiczne odnoszące się zarówno do języka ojczystego, jak i do języka obcego w zależności od materii błędu. U takiego dziecka wyróżniamy zatem następujące błędy ze względu na mechanizm ich powstawania:

1) błędy w języku polskim:

- a) spowodowane interferencją z języka rosyjskiego, np. *Tu jest *princ (książę)*;
- b) spowodowane niedostatecznym opanowaniem systemu (czego przyczyn może być wiele, np. generalizacja, interferencja wewnątrzjęzykowa, a także przyczyny pozajęzykowe, jak wiek, różne stopnie uzdolnienia itd.¹⁴), np. *sklep dla *dzieciów; Tam nie było wszystkich *dzieciów (dzieci)*;

2) błędy w języku rosyjskim:

- a) spowodowane interferencją z języka polskiego, np. *Я *памыла (почистила) зубы*;
- b) spowodowane niedostatecznym opanowaniem systemu, np. **бежу (беги)*.

Odrębną kategorię (o której tu siłą rzeczy zaledwie wspomnimy) mogłyby stanowić błędy celowe, tj. głównie błędy leksykalne, polegające na stosowaniu dla zabawy raz polskiego, raz rosyjskiego wyrazu. Ustalenie jednak, czy w danym momencie zostało to spowodowane interferencją, czy celową zabawą, jest bardzo trudne. Do pewnych wniosków można dojść (naturalnie bez stuprocentowej pewności), odczytując kontekst sytuacyjny oraz dzięki dobrej znajomości zachowań dziecka.

W lingwistycznej analizie błędy najczęściej opisuje się z punktu widzenia systemów języka i na tym opiera się także typologia lapsologiczna zaprezentowana w niniejszym artykule. Ponieważ błędy zostały wyekscerpowane z wypowiedzi dwujęzycznej dziewczynki między 2. i 4. rokiem życia, siłą rzeczy mogły być one tylko zasłyszane, stąd na potrzeby artykułu dokonano ich rekonstrukcji na piśmie, z użyciem transkrypcji fonetycznej tam tylko, gdzie było to naszym zdaniem konieczne. Błędy oznaczono gwiazdką, a poprawną formę przytoczono w nawiasie.

A1. Błędy w języku polskim spowodowane interferencją języka rosyjskiego

A1.1. Błędy fonetyczne

A1.1.1. Błędne zmiękczenie spółgłosek

*[konɛfka] ([konefka])

¹² Por. E.A. Хамраева. *Русский язык для детей-билингвов...*, s. 8.

¹³ M. Velíská. *Family bilingualism...*, s. 11–13. Terminologię francuską zob. K. Wróblewska-Pawlak. *Naturalna dwujęzyczność...*, s. 90.

¹⁴ Poglądy różnych specjalistów na ten temat zob. R. Kaleta. *Dyskusja nad błędem językowym w wybranych polskich pracach językoznawczych wydanych w latach 1978-2008 (przegląd)*. „Lingwistyka Stosowana” 2009, t. 1, s. 167 i nast.

A1.2. Błędy fleksyjne

A1.2.1. Błędna odmiana zaimków przeczących

Z kim rozmawiasz? – *Nie z kim (Z nikim);
Za kogo chcesz się pomodlić? – *Ni za kogo (Za nikogo);
 Nie możesz się *ni w co (w nic) angażować.

A1.2.2. Błędna końcówka fleksyjna

Chleb bez *mioda (miodu);
 Ciocia nie dała *Grzesiu (Grzesiowi) żadnego *lista (listu);
 Dam prezent *Jasiu (Jasiowi) i *Dawidu (Dawidowi);
 Kocham *tatu (tatę);
 wiaderko z *łopatkiej (łopatką);
 po *lasu (lesie);
 *jabłki [japki] (jabłka);
 *Polaki (Polacy) nie mówią po rosyjsku;
 Kiedy przyjadą *gości (goście?);
 Pokarmić *kaczuszek (kaczuszki);
 Zobaczyliśmy *rybek, krabów (rybki, kraby);
 On będzie *smutnyj (smutny).

A1.2.3. Błędne unieruchomienie fleksyjne

(zwrot do misia) Zobacz *Uszatek! (Uszatu!).

A1.2.4. Błędne przypisanie rodzaju gramatycznego lub liczby

Daj mi *sałat (sałatę)¹⁵, ros. *салат* (r. męski);
 *Fontan (fontanna), ros. *фонтан* (r. męski);
 *Drugi skarpetek (druga skarpetka), ros. *второй носок* (r. męski);
 To *jest (są) drzwi, ros. *дверь* (p., r. żeński).

A1.2.5. Błędna odmiana czasownika

Kaczuszki *jadą (jedzą);
 Ale *będzie pomieszać (pomieszam/będę mieszać);
 Pociąg *będzie ułożyć (będę układać).

A1.2.6. Nierozróżnianie rodzajów: męsko- i niemęskoosobowego

Grzyby? Gdzie *oni (one) są?
 Ja pochodziłam do dzieci i *oni brali (one brały) cukierki.

A1.2.7. Błędne formy zaimków osobowych

Trzymam *jego (go).

¹⁵ Nauczenie dziecka uprzejmości i używania *proszę* (*Daj mi, proszę, sałatę*) i odróżnienia normy wzorcowej/wysokiej od użytkowej jest kwestią kultury słowa i wychowania. W zależności od przyjętych kryteriów można by zatem było mówić w tym przypadku również o błędzie pragmatycznym.

A1.3. Błędy składniowe

A1.3.1. Błędna rekcja czasownika

- *Ciebie czekałam (Na ciebie czekałam);
- Mama z nami pojedzie *na pociągu (pociągiem);
- Widziałeś, jak przyjechał *na samochodzie? (samochodem);
- Kiedy lecieliśmy *na samolocie (samolotem), to też szybko lecieliśmy;
- Zadzwonię *ci (do ciebie);
- Nie lubię *gorącą kaszę (gorącej kaszy);
- Nie umyliśmy *zęby (zębów);
- Nie założyłam *skarpetkę (skarpetki).

A1.3.2. Błędne konstrukcje składniowe

- *U mnie nie ma kataru (Nie mam kataru);
- *U mnie jest większa choinka (Mam większą choinkę);
- *U nas jest kasza (Mamy/jemy kaszę);
- *U mnie jest obiad (Mam/jem obiad);
- *U ciebie jest tort (Masz tort);
- *U ciebie jest fajna broda (Masz fajną brodę);
- *U mnie boli brzuch (Mnie boli brzuch);
- *Mnie podoba się (Lubię) zbierać grzyby;
- *Mnie podoba się (Lubię), jak ty mnie kąpiesz.

A1.3.3. Błędna rekcja liczebnika

- Dwa *doma (domy);
- Mam dwa *talerzyka (talerzyki);
- Ja chcę dwa *misia (misie);
- Zjadła dwa *cukierka (cukierki);
- Poproszę trzy *chrupka (chrupki);
- *Jest dwa lasa (Są dwa lasy).

A1.3.4. Błędny przyimek

- Zawsze zaczynamy *z (od) piosenki, dobrze?;
- Jedziemy *w cerkiew (do cerkwi).

A1.4. Błędy leksykalne

A1.4.1. Kalkowanie słów

Błędy tego typu dotyczą kalkowania słów (w tym homonimów międzyjęzycznych) należących do różnych części mowy, najczęściej rzeczowników, czasowników, ale też przymiotników, przyimków czy zaimków.

- *Kto to (ktoś) płacze;
- *Pośle (po) pracy;
- Chyba *wsio (wszystko);
- Zobacz, *skolko (ile) piasku;
- One nie są *skolskie (śliskie);
- Tu są okna *krugłe (okrągłe);
- Słoń, lew, małpa, *begiemot (hipopotam);
- To jest *markowka (marchewka);

Samochód bez *kaliosów (kół);
 To jest od *pakupek (zakupów);
 Rajstopy są w *pałoski (paski);
 Tu jest *princ (książę), a tam księżniczka;
 Z *papą (tatą);
 Jaki *malczik (chłopiec);
 Wykopał *jamę (dół);
 W tej grze nie ma *człowieka (ludzika);
 Gdzie ja mogę *sieść? (usiąść);
 Mamo, *odziejaj się (ubieraj się);
 *Odziejamy (Ubieramy) się;
 *Skazałam (Powiedziałam);
 *Ty skazałaś (Powiedziałaś);
 *Ustałam (Zmęczyłam) się;
 *Guliałam (Spacerowałam);
 *Prygłam (Skoczyłam);
 *Prygałam na batucie (Skakałam na trampolinie/batucie);
 Chcesz *uwidzieć? (zobaczyć);
 *Podwiń (Przesuń) się;
 *Podwiń/Przedwiń (Przesuń) to tu;
 Wszystkie kwiatki *podniały (podniosły) się;
 Ciemno *stało (się zrobiło);
 To *zaredziło się (Naładowało);
 Czemu ty *pośmijałeś (zaśmiałeś) się?;
 *Musiałeś (Powinieneś być) to zrobić;
 Miś może siedzieć i *stojąc (stać);
 Kasza *ostyla (ostygła);
 *Dumałam (Myślałam), że nie ma mojej pasty;
 *Poniuchaj (Powąchaj), jak pięknie pachnie;
 Nie mogłam sama *odkryć dźwier (otworzyć drzwi);
 Jakie masz fajne *oczki (okulary)¹⁶;
 *Ubierz (Zabierz) rękę/krzesło;
 *Ubieramy (Sprzątamy) to?;
 Ja coś powiedziałam *drugiego (innego);
 *Papa da drugą wilkę (Tata da inny widelec);
 *Drugi raz (Innym razem) pójde z tobą;
 To jest *deska (tablica) dla dzieci;
 Pociąg *złamał się (zepsuł się);

¹⁶ Ten i kolejne przykłady wynikają z homonimii międzyjęzykowej, por. R. Kaleta. *O polsko-białorusko-rosyjskiej homonimii międzyjęzykowej w ujęciu glottodydaktycznym*. [W:] *Wokół homonimii międzyjęzykowej*. Red. M. Majewska. Warszawa: Wydawnictwo UKSW (w druku); zob. też: I. Kozielewski. *Słownik wyrazów o podobnym brzmieniu a odmiennym znaczeniu w języku rosyjskim i polskim*. Warszawa: Państwowe Zakłady Wydawnictwa Szkolnych, 1959; K. Kusał *Rosyjsko-polski słownik homonimów międzyjęzykowych*. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 2002; B. Gasek *Лексико-семантическая интерференция в процессе перевода (на материале русского и польского языков)*. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego 2012.

*Złamało się (Zepsuło się);
 Położyłam daleko, żeby nie *dostał (dosięgnął);
 Ja kredki *dostałam (wyjęłam);
 Mamo, ja cię *lubię (kocham);
 Gdzie wypluć tę *kostkę (pestkę)?
 Gotuję *owoce (warzywa);
 Usiadła na *swój stół (swoje krzesło);
 Już nie będziemy się *grać (bawić).
 Tam był wielki basen z *górkami (zjeżdżalniami).

A1.4.2. Nadawanie zwrotności czasownikom niezwrotnym

Zostało *się (Zostało);
 Został *się (Został);
 Została *się (Została) tylko jedna kartka;
 Chcę zostać *się (zostać) tu.

A1.5. Błędy słowotwórcze

*Tosin brat (brat Tosi) tam jest;
 Ty będziesz czytać, a ja będę *podmuviać (podpowiadać).

A.1.6. Błędy złożone

Do grupy tej zaliczamy wypowiedzi zawierające więcej niż jeden rodzaj błędu¹⁷, na przykład:

na *bałkonu (balkonie) – błąd fonetyczny ([ł] zamiast [l]) i błąd fleksyjny;
 Kiedy wróciłam z przedszkola, jeszcze *się zostali (zostały) cukierki – błąd leksykalny (nadanie zwrotności czasownikowi) i błąd fleksyjny (nierozróżnianie rodzaju męsko- i niemęskoosobowego);
 Ja nie idę *spotkać mamę (Ja nie idę po mamę) – błąd fleksyjny (mamy) i leksykalny (spotkać to kalka ros. *встретить*);
 Dwa *plecaka nie zmieszczą się na *spinie (Dwa plecaki nie zmieszczą się plecach) – błąd składniowy (rekcja liczebnika) i błąd leksykalny (kalka rosyjska);
 Nie *znam, jak w to się *gra (Nie wiem, jak w to się gra) – błąd leksykalny i błąd fleksyjny;
 *Ty mnie zrobił to łóżko (To ty zrobiłeś dla mnie to łóżko) – błąd składniowy i błąd fleksyjny czasownika);
 Mój tatuś *samy ukochany i samy piękny (jest najukochańszy i najpiękniejszy) – błąd składniowy (elipsa czasownika *być*) i 2 błędy słowotwórcze przymiotnika;
 *Drugie dzieci bez samochodów poszli i oni zmokli (Inne dzieci nie pojechały samochodami i zmokły) – błąd leksykalny, 2 błędy fleksyjne, błąd składniowy (nadużywanie zaimka osobowego), błąd logiczno-językowy (*pójść z samochodem);
 *ja czekam ciebie (czekam na ciebie) – 2 błędy składniowe (nadużywanie zaimka osobowego i rekcja czasownika);
 *U Asi urodziny jest (Asia ma urodziny) – 2 błędy składniowe (kalka konstrukcji składniowej oraz błąd szyku);
 Zobacz, jaką mam *czapeczkę do basejnu (czepek na basen) – błąd leksykalny i błąd fleksyjny.

¹⁷ Por. A. Dąbrowska. *Składniowa konstrukcja dysmorficzna jako błąd kompleksowy*. „Poradnik Językowy” 2012, nr 6, s. 82–93.

A2. Błędy w języku polskim spowodowane niedostatecznym opanowaniem systemu

A2.1. Błędy fleksyjne

Błędy fleksyjne sprowadzają się najczęściej do nieprawidłowej odmiany rzeczowników i czasowników, spowodowanej m.in. hipergeneralizacją czy nierozróżnianiem rodzaju żeńskiego i męskiego. Są charakterystyczne dla dzieci w procesie rozwoju języka.

Czy panie noszą krawaty? – Nie, tylko *pany (panowie);

Możesz umyć *ząby (zęby);

do *nogów (nóg) i *ręk (rąk);

Mam dużo *siłów (sił);

Nie ma *oknów (okien);

Sama malowałam *pieseka (psa/pieska);

Budujemy *samolota (samolot);

z *babciem i *dziadką (z babcią i dziadkiem);

z babcią i *dziadką (z babcią i dziadkiem);

On chce iść z *kolegiem (kolegą);

babcia i *dziadka (dziadek);

*moja syra (mój ser);

Dużo *jedzeniów (jedzenia);

*dla ludź (ludzi);

sklep dla *dzieciów (dzieci);

Tam nie było wszystkich *dzieciów (dzieci);

Ja ci *powiedzę (powiem);

Ja ci *wybiorę (wybiorę);

On tam *weszedł (wszedł);

Tata *dała (dał), *patrzyła (patrzył), *myła (mył);

Tata, ty *sama (sam);

Tata, *usiadaś? (usiadłeś);

Kto *dała (dał);

moja mama, *moja (mój) tata;

Są *dwa/dwie (Jest dwoje) drzwi.

A2.2. Błędy składniowe

Błędy składniowe dotyczyły głównie skomplikowanej konstrukcji zdań celowych oraz szyku (ostatni przykład).

Chcę, *żeby ty odkleiłeś (żebyś ty odkleił);

*Żeby ja nie płakałam (żeby ja nie płakała);

A ja chciałam, *żeby ty ze mną pojechałeś (żebyś ze mną pojechał);

*Nie tam idź (Nie idź tam).

A2.3. Błędy leksykalne

Błędy leksykalne polegały zazwyczaj na błędnym wyborze aspektu czasownika oraz nienadawaniu zwrotności czasownikom zwrotnym.

Trzeba rozłożyć makaron – Za chwilę będziemy *rozłożyć (rozkładać);

Kiedy mama przyjdzie? Bo już nie mogę *doczekać (się doczekać).

A2.4. Błędy złożone

Przyniosę swoją książkę do *farbów (kolorowania) – błąd fleksyjny i leksykalny.

Na zakończenie omawiania błędów w języku polskim warto wspomnieć także o wypowiedziach zawierających błędy złożone mieszane, czyli wynikające zarówno z interferencji (omówione w części A1), jak i z niewystarczającego opanowania systemu (omówione w części A2), na przykład:

Nie chcę, *żeby jego trzymałeś (żebyś gotrzymał) – interferencyjny błąd fleksyjny zaimka i błąd składniowy;

Chciałam, *żeby ty mnie przyniesiesz (żebyś mi przyniósł) jakąś niespodziankę – interferencyjny błąd fleksyjny zaimka i błąd składniowy;

*Ja chciała, żeby już przyjechałeś (Chciałam, żebyś już przyjechał) – interferencyjny błąd fleksyjny czasownika i błąd składniowy;

Kiedy chodziłam *do basejna (na basen) – błąd składniowy i interferencyjny błąd fleksyjny.

B1. Błędy w języku rosyjskim spowodowane interferencją języka polskiego

B1.1. Błędy fleksyjne

*Приглашам (Приглашаю) в гости;

Мой папа красиво *одеты (одетый);

Кто не закрыл *фломастера (фломастер);

Я хочу *печеньке (печеньку).

B1.2. Błędy składniowe

Я не пойду *по нево (за ним);

Не вижу *дедули (дедулю);

Почему он это ест? – Потому что *любит (ему нравится).

B1.3. Błędy leksykalne

*Пильную его (Слежу/Смотрю за ним);

Папа *мувит (говорит) по-польски;

Как ты чувствуешь *се (себя чувствуешь)?;

Я сама *наложу (положу) на тарелку;

Я *памыла (почистила) зубы;

*Помою (почищу) зубки.

B2. Błędy w języku rosyjskim spowodowane niedostatecznym opanowaniem systemu

B2.1. Błędy fleksyjne

Папа не *ела (ел);

*бежу (бегу);

Давид меня *подвигивает (подвигает);

Давай *побегем (побежим) вместе;

Для *детих (детей).

B2.1. Błędy złożone

*У Греты 4 *лет (Грете 4 года) – błąd składniowy i fleksyjny.

Kwestia stworzenia typologii lapsologicznej rosyjsko-polskiego dziecka dwujęzycznego nie jest oczywista i stwarza niemało komplikacji. Czasem trudno zdecydować, czy zastosowane [gulałam] jest błędem fleksyjnym w języku rosyjskim (zamiast

Я гуляла), czy kalką leksykalną w języku polskim (zamiast *Spacerowałam*). Zdawałoby się, że pomoc mogłoby ustalenie, w jakim języku zwracał się do dziecka dorosły. Jeśli więc dorosły powiedział po rosyjsku *Можешь добавить* i usłyszał odpowiedź dziecka [dabaw'iałam] (zamiast *Я добавила*), to (w myśl strategii *one person, one language*) można byłoby wywnioskować, że jest to interferencyjny błąd fleksyjny w języku rosyjskim. Jeśli rodzic powiedział po polsku *Kupiłem płyn* i usłyszał odpowiedź-pytanie [ty kup'ił?] (zamiast *Kupiłeś?*), to można zakładać, że jest to analogiczny interferencyjny błąd fleksyjny w języku polskim. Pewności, że nie była to jednak odpowiedź w języku rosyjskim, nie ma i być nie może. Kwestię ewentualnych jednoznacznych rozstrzygnięć komplikuje fakt, że dziecko nie zawsze konsekwentnie odpowiada w języku rodzica, gdyż ma świadomość, że rodzic rozumie oba języki, często więc odpowiada w drugim języku ojczystym/macierzystym, często z błędem interferencyjnym, np. na rosyjski komunikat dorosłego: *Люблю тебя*, dziecko odpowiedziało: *Ja też *lubię cię* (zamiast *Ja też cię Kocham*). W rozstrzyganiu mógłby pozornie pomóc sam początek zdania, np. *Już *dajełam*, co sugerowałoby błąd w języku polskim. Jednak i takie założenie wydaje się z góry fałszywe, gdyż język dziecka nie jest bynajmniej konsekwentny, na co wskazują wypowiedzi złożone na przemian ze słów polskich i rosyjskich, np. **Princesy takie *jubki *majut* (zamiast *Księżniczki mają takie spódnice*), które można uznać za błędne w języku polskim (2 błędy leksykalne i błąd fleksyjny) albo w języku rosyjskim (2 błędy fleksyjne) *Princesy *takie jubki *majut* (zamiast *Принцессы такие юбки имеют*), do czego można by jeszcze dodać błąd składniowy, bo zdecydowanie lepiej po rosyjsku brzmiałoby: *У принцесс такие юбки*. Inny przykład stanowi wykrzyknik *Moja papa!*. Może on być rozpatrywany dwojako: z jednej strony uznać go można za błąd w użyciu zaimka w języku rosyjskim (*моя* zamiast *мой*), z drugiej natomiast jako błąd w rodzaju zaimka i równocześnie błąd leksykalny w języku polskim (**Moja papa* zamiast **Mój tata*).

Warto też wspomnieć o możliwym błędzie natury pragmatycznej czy kulturowej, występującym w polskich wypowiedziach typu *Daj mi wiadro*. Zdanie takie potraktować można jako niegrzeczne, zwłaszcza jeśli podkreśla to ton wypowiedzi, ale jeśli zdanie zostało wypowiedziane dość spokojnie, to i sens wypowiedzi jest raczej neutralny. Uprzejmości przydaje w tym wypadku użycie *proszę* (*Daj mi, proszę, wiadro*), które jest standartem wypowiedzi wzorcowej wobec osób starszych czy nieznanymi lub wobec tych, którym pragniemy okazać szacunek i uprzejmość, ale w kontaktach z rówieśnikami praktyka bywa różna. To też kwestia kultury języka i wychowania. W języku rosyjskim wypowiedź analogiczna bez *пожалуйста* uchodzi za bardzo niegrzeczną. Dla równowagi wychowawczej dwujęzycznej wersja wzorcowa (uprzejma) powinna być używana także w zdaniach polskich.

Na zakończenie warto byłoby zaznaczyć, że w analizowanym materiale dostrzec można pewne analogie (procesy analogiczne) lapsologiczne skutkujące pojawieniem się błędów analogicznych¹⁸, do których możemy zaliczyć:

¹⁸ Por. R. Kaleta. *Glottodydaktyczne błędy analogiczne na przykładzie języka polskiego i języka białoruskiego*. „Acta Universitatis Lodzianensis. Kształcenie Polonistyczne Cudzoziemców” 2015, t. 22, s. 319–335.

błędy analogiczne do błędów cudzoziemców, tzn. takie, jakie nierzadko popełniają dorośli cudzoziemcy uczący się języka polskiego¹⁹ i rosyjskiego²⁰ (lub innych języków pokrewnych²¹), 6 przykładów, np. **Fontan* (*fontanna*); *Kaczuszki *jadą* (*jedzą*); *Ale *będzie pomieszać* (*potem mieszam/będę mieszać*); *On chce iść z *kolegiem* (*kolegą*); *He вижу *дедули* (*дедулю*); *Я *намыла* (*почистила*) *зубы*;

błędy analogiczne międzyjęzykowe (ten sam typ błędu dotyczący tej samej materii w obu językach, można je odnotować także wśród błędów cudzoziemskich)²², trzy przykłady, np. *On będzie *smutnyj* (*smutny*) vs. *Мой nana красиво *одеты* (*одет*); *Nie założyłam *skarpetkę* (*skarpetki*) vs. *He вижу *дедули* (*дедулю*); **Mnie podoba się* (*Lubię*) *zbierać grzyby* vs. *Почему он это ест? – Потому что *любит* (*ему нравит-ся*).

Badania nad procesami i błędami analogicznymi warto pogłębiać na różnych płaszczyznach:

- 1) u dzieci dwujęzycznych (między ich językami ojczystymi/macierzystymi oraz w porównaniu z błędami rodzimych użytkowników języka oraz błędami obcokrajowców);
- 2) u obcokrajowców uczących się języków obcych (zwłaszcza blisko spokrewnionych)²³;
- 3) u obcokrajowców w porównaniu z rodzimymi użytkownikami języka²⁴.

Wyniki takich badań z pewnością zainteresowałyby nie tylko lingwistów, glottodydaktyków, metodyków i psychologów.

¹⁹ Por. M. Foland-Kugler. *Uczymy polskiego na Wschodzie. Poradnik metodyczny*. Warszawa: Wydawnictwa CODN, 1998; A. Dąbrowska, U. Dobesz, M. Pasieka. *Co warto wiedzieć. Poradnik metodyczny dla nauczycieli języka polskiego jako obcego na Wschodzie*. Warszawa: Ośrodek Rozwoju Edukacji, 2010; R. Kaleta. *Polsko-białoruska lapsologia...*

²⁰ Por. Z. Harczuk. *Interferencja języka polskiego w procesie nauczania języka rosyjskiego*. Warszawa: Państwowe Zakłady Wydawnictw Szkolnych, 1972; B. Wewiór. *Błędy gramatyczne i leksykalne*. [W:] *Z problematyki błędów obcojęzycznych*. Red. F. Grucza. Warszawa: Wydawnictwa Szkolne i Pedagogiczne, 1978; J. Korzeniewska-Rogalewicz. *Błąd leksykalny a dydaktyka języka obcego. Na materiale języka rosyjskiego*. Warszawa: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, 1986; J. Gliwińska-Kotyńia. *Najczęstsze błędy Polaków uczących się języka rosyjskiego*. [W:] *Bogactwo językowe i kulturowe Europy w oczach Polaków i cudzoziemców*. Red. M. Biernacka i M. Wojenka-Karasek. Łódź: Pictor, 2011, s. 210–216.

²¹ Por. R. Kaleta. *Glottodydaktyczne błędy analogiczne...*

²² Por. tamże.

²³ Por. tamże.

²⁴ Na przykład błędy polskich maturzystów rozwiązujących testy certyfikatywne na poziomie C2. Zob. G. Przechodzka, W. Miodunka. *Kompetencja językowa polskich maturzystów. Na podstawie testów certyfikatywnych z języka polskiego jako obcego na poziomie zaawansowanym C2. Analiza jakościowa*. „Polonistyka” 2006, nr 8, s. 6–17; zob. też: A. Dąbrowska, M. Pasieka. *Błąd językowy – co to takiego? ...*, s. 31.

Bibliografia

- Dąbrowska A., Dobesz U., Pasieka M. *Co warto wiedzieć. Poradnik metodyczny dla nauczycieli języka polskiego jako obcego na Wschodzie*. Warszawa: Ośrodek Rozwoju Edukacji, 2010.
- Dąbrowska A. *Składniowa konstrukcja dysmorficzna jako błąd kompleksowy*. „Poradnik Językowy” 2012, nr 6, s. 82–93.
- Dąbrowska A., Pasieka M. *Błąd językowy – co to takiego? Rozważania o błędzie językowym w glottodydaktyce polonistycznej*. „Acta Universitatis Lodziensis. Kształcenie Polonistyczne Cudzoziemców” 2015, t. 22, s. 25–26.
- Foland-Kugler M. *Uczymy polskiego na Wschodzie. Poradnik metodyczny*. Warszawa: Wydawnictwa CODN, 1998.
- Gasek B. *Лексико-семантическая интерференция в процессе перевода (на материале русского и польского языков)*. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego 2012.
- Gliwińska-Kotynia J. *Najczęstsze błędy Polaków uczących się języka rosyjskiego*. [W:] *Bogactwo językowe i kulturowe Europy w oczach Polaków i cudzoziemców*. Red. M. Biernacka i M. Wojenka-Karasek. Łódź: Piktora, 2011, s. 210–216.
- Harczuk Z. *Interferencja języka polskiego w procesie nauczania języka rosyjskiego*. Warszawa: Państwowe Zakłady Wydawnictw Szkolnych, 1972.
- Kaleta R. *Polsko-białoruska lapsologia glottodydaktyczna*. Warszawa: Katedra Katedra Białorutenistyki. Wydział Lingwistyki Stosowanej. Uniwersytet Warszawski, 2015.
- Gębał P.E. *Glottodydaktyka porównawcza jako nowa subdyscyplina glottodydaktyki*. „Lingwistyka Stosowana” 2014, t. 10, s. 39–42.
- Kaleta R. *Dyskusja nad błędem językowym w wybranych polskich pracach językoznawczych wydanych w latach 1978–2008 (przegląd)*. „Lingwistyka Stosowana” 2009, t. 1, s. 151–171.
- Kaleta R. *Glottodydaktyczne błędy analogiczne na przykładzie języka polskiego i języka białoruskiego*. „Acta Universitatis Lodziensis. Kształcenie Polonistyczne Cudzoziemców” 2015, t. 22, s. 319–335.
- Kaleta R. *Polsko-białoruska lapsologia glottodydaktyczna*. Warszawa: Katedra Katedra Białorutenistyki. Wydział Lingwistyki Stosowanej. Uniwersytet Warszawski, 2015.
- Kaleta R. *O polsko-białorusko-rosyjskiej homonimii międzyjęzykowej w ujęciu glottodydaktycznym*. [W:] *Wokół homonimii międzyjęzykowej*. Red. M. Majewska. Warszawa: Wydawnictwo UKSW, 2017 (w druku).
- Korzeniewska-Rogalewicz J. *Błąd leksykalny a dydaktyka języka obcego. Na materiale języka rosyjskiego*. Warszawa: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, 1986.
- Kozielewski I. *Słownik wyrazów o podobnym brzmieniu a odmiennym znaczeniu w języku rosyjskim i polskim*. Warszawa: Państwowe Zakłady Wydawnictw Szkolnych, 1959.
- Kusał K. *Rosyjsko-polski słownik homonimów międzyjęzykowych*. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 2002.
- Przechodzka G., Miodunka W. *Kompetencja językowa polskich maturzystów. Na podstawie testów certyfikatowych z języka polskiego jako obcego na poziomie zaawansowanym C2. Analiza jakościowa*. „Polonistyka” 2006, nr 8, s. 6–17.
- Rożek T. *Słownik wyrazów obcych*. „Gość Niedzielny”, nr 26, z dn. 2 lipca 2017, s. 58–59.
- Velíská M. *Family bilingualism*. Charles University in Prague. Faculty of Education. Department of English Language and Literature. Supervisor: Paed Dr Marie Hofmannová. Prague 2007. [Online:] <https://dspace.cuni.cz/bitstream/handle/20.500.11956/9282/DPTX_2010_1_11410_OSZD001_69289_0_22217.pdf?sequence=1> (dostęp: 20.08.2017).
- Wewiór B. *Błędy gramatyczne i leksykalne*. [W:] *Z problematyki błędów obcojęzycznych*. Red. F. Grucza. Warszawa: Wydawnictwa Szkolne i Pedagogiczne, 1978.

Wróblewska-Pawlak K. *Naturalna dwujęzyczność, czyli o dwujęzycznym wychowaniu dzieci*. „Języki Obce w Szkole” 2013, nr 1, s. 88–97.

Хамраева Е.А. *Русский язык для детей-билингвов: теория и практика. Учебное пособие*. Москва: Билингва, 2015.

ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ ВВОДНОГО АЛФАВИТНОГО КУРСА, РЕАЛИЗУЕМОГО НА ОТДЕЛЕНИИ РУССКОЙ ФИЛОЛОГИИ

DOROTA DZIEWANOWSKA

Uniwersytet Pedagogiczny im. KEN w Krakowie
Instytut Neofilologii, Katedra Dydaktyki Języka Rosyjskiego
ul. Studencka 5, 31-116 Kraków, Polska
e-mail: ddziewanowska@o2.pl
(nadesłano 30.07.2017; zaakceptowano 8.08.2017)

Abstract

Main principles of the introductory alphabetic course in the first year of Russian philology studies

The article presents the principles of forming the writing technique among university students who start learning Russian from scratch. The author believes that teaching writing techniques in beginners' groups should follow the principle of complexity. According to the author, the parallel forming of graphic and calligraphic habits should be connected with forming phonetic habits, as well as learning spelling and lexical-grammatical material. In the article, the teaching techniques which may be used during the introductory alphabetic course are presented. Moreover, the difficulties of Polish students in the process of learning Russian calligraphic, phonetic and spelling norms are discussed.

Key words

Russian alphabet, writing technique, calligraphy, spelling, articulation, intonation.

Резюме

В настоящей статье описаны принципы формирования техники письма у студентов-русистов, которые начинают изучать русский язык с азбуки. Автор статьи считает, что в нулевых студенческих группах обучение технике письма должно соответствовать принципу комплексности. По мнению автора, параллельное формирование графических и каллиграфических навыков должно сочетаться с формированием фонетических навыков, а также с изучением орфографического и лексико-грамматического материала. В статье указывается на приемы работы, которые могут быть применены в ходе вводного алфавитного курса, и на трудности польских студентов, связанные с усвоением норм русской каллиграфии, фонетики и орфографии.

Ключевые слова

Русский алфавит, каллиграфия, орфография, артикуляция, интонация.

Письменная речь как вид речевой деятельности включает в себя письмо и собственно письменную речь. Обучение письму – это «обучение графической и орфографической системам языка для записи отдельных слов, словосочетаний, предложений, формирование навыков фиксировать устную речь с помощью графических знаков»¹. Обучение собственно письменной речи связано с выработкой умения «сочетать слова в письменной форме для выражения своих мыслей в соответствии с потребностями общения»². Иначе говоря, письмо связано с развитием техники письма, а обучение письменной речи непосредственно связано с развитием коммуникативных умений.

В настоящее время в польских школах наблюдается недооценивание роли формирования навыков в области письма в процессе обучения как родному языку, так и иностранным языкам. По моему мнению, причину этого следует усматривать в том, что заложенная коммуникативным методом направленность на практическое овладение иностранным языком привела к усилению тенденции обучать устной речи. Свой отпечаток оставил также технологический бум, наблюдаемый в конце XX века и в начале XXI века. Применение в дидактическом процессе компьютерных технологий выразилось в пренебрежении к формированию каллиграфических навыков. Это наблюдение относится также к обучению русскому языку как иностранному на филологическом факультете. В последнее время во многих вузах, в том числе и в Краковском педагогическом университете, на отделение русской филологии стали поступать абитуриенты с нулевым знанием русского языка. В новой дидактической ситуации обучение технике письма является начальной стадией обучения языку. Иначе говоря, до

¹ Э.Ю. Сосенко. *Обучение письменной речи*. [В:] *Методика. Заочный курс повышения квалификации филологов-русистов*. Ред. А.А. Леонтьев. Москва: Русский язык, 1988, с. 142.

² Там же, с. 142.

формирования умений в области репродуктивной и продуктивной письменной речи студентам необходимо овладеть техникой письма, т.е. познакомиться с русским алфавитом, овладеть правилами русской графики и орфографии.

В настоящей статье сделана попытка наметить новые пути формирования графических навыков у студентов-русистов, начинающих изучать русский язык с азбуки.

Под термином *графика* С.И. Лебединским и Л.Ф. Гербик понимается

совокупность начертательных средств того или иного письма, включающая графемы, знаки препинания, знак ударения и др.; система отношений между графемами и фонемами в фонематическом письме. Соответственно, графические навыки – это навыки владения этими средствами, навыки их использования при письме и узнавания при чтении. Другое их название, встречающееся в методической литературе, – навыки техники чтения и письма³.

С точки зрения М.А. Рычковой,

графика – это совокупность всех средств письменности данного языка: буквы, отношения между звуками речи и обозначающими их буквами, знаки препинания и выделения, абзацы, условные подчеркивания и шрифтовые выделения⁴.

М.А. Рычкова считает, что усвоение графики, т. е. умение правильно соотносить звук и букву, составляет основу развития орфографических умений и навыков.

В лингводидактической литературе разграничиваются два понятия: «графика» и «каллиграфия». По мнению Т.М. Балыхиной, «**графика** (от греч. *grapho* «пишу») подразумевает совокупность основных начертательных средств (буквы, буквосочетания и др.) для изображения звуков и звукосочетаний языка на письме»⁵. В свою очередь «**каллиграфия** (от греч. *kalligraphia* «красивый почерк») представляет собой умение писать четко, разборчиво и красиво, даже искусно»⁶.

Более образное определение понятия «каллиграфия» дает М.А. Рычкова, которая пишет: «Каллиграфия – это наиболее сокровенная, личная, спонтанная форма выражения. Подобно отпечатку пальцев или голосу, она уникальна для каждого человека (...) Древние восточные мудрецы говорили: Каллиграфия – это не только искусство идеального написания слов, но и искусство идеального духа!»⁷.

³ С. И. Лебединский, Л. Ф. Гербик. *Методика преподавания русского языка как иностранного. Учебное пособие*. Минск: РИВШ БГУ, 2011, с. 278. [Online:] <www.bsu.by/Cache/pdf/365803.pdf> (20.01.2016).

⁴ М.А. Рычкова. *Каллиграфия для взрослых. Учебное пособие*. Улан-Удэ: ФГОУ ВПО Бурятская государственная сельскохозяйственная академия им. В.Р. Филиппова, 2009, с. 66.

⁵ Т.М. Балыхина. *Методика преподавания русского языка как неродного (нового). Учебное пособие для преподавателей и студентов*. Москва: Издательство Российского университета дружбы народов, 2007, с. 150.

⁶ Т.М. Балыхина. *Методика преподавания русского языка как неродного...*, с. 150.

⁷ М.А. Рычкова. *Каллиграфия для взрослых ...*, с. 5.

В российской методике формирования графических и каллиграфических умений соблюдаются строгие правила: 1) буквы в словах надо писать с одинаковым наклоном в 65 градусов, 2) необходимо писать буквы в словах на одинаковом расстоянии друг от друга, 3) буквы должны быть одинаковой высоты, 4) слог пишется безотрывно, 5) писать надо быстро и красиво⁸.

Вопрос о необходимости соблюдения или несоблюдения при обучении иноязычных учащихся графике и каллиграфии строгих требований, принятых в российских школах, вызывает много дискуссий. Большинство российских лингводидактов считает, что нужно требовать от иностранных учащихся написания букв с наклоном вправо. По моему мнению, нельзя упускать из виду тот факт, что в Польше и во многих других европейских странах распространено прямое письмо, поэтому письмо с наклоном вправо вызывает трудности у учащихся. Проведенное мною в 1984–1986 гг. экспериментальное обучение русскому языку с применением репродуктивно-креативного метода подтверждает тезис о том, что при обучении русской графике и каллиграфии не надо заставлять польских учащихся соблюдать все требования, относящиеся к письму, которые ставятся школьникам в России. В условиях работы с польскими учащимися достаточно, чтобы они научились правильно соединять буквы, например буквы *л, м, я*, с предшествующими буквами и буквы *а, о, у* с последующими буквами. Основная цель обучения русской графике и каллиграфии польских обучаемых – сформировать правильное, разборчивое и довольно скорое письмо⁹. Эти требования должны соблюдаться также при обучении письму студентов-русистов, начинающих изучать русский язык с азбуки.

Важным с лингводидактической точки зрения является вопрос, касающийся последовательности введения букв. Э.Ю. Сосенко считает, что русские буквы надо вводить с учетом степени возрастания трудности их написания. К буквам нулевого ранга сложности относятся: *г, о, с, в*. К буквам первого ранга сложности, т.е. объединяющим два элемента, относятся: *д, у, а*. При обучении русской графике допускается также использование комбинированного метода, т.е. буквы группируются в серии по общности графических элементов, например: *о, а, ю, д, б, ф* или *и, й, ш, ц, щ, у*¹⁰. Однако, следует отметить, что в польской лингводидактике последовательность изучения букв определяется не характером русской графики, а требованиями алфавитного курса и реализуемых в его ходе лексических тем, что отвечает требованиям коммуникативного метода и необходимости формирования коммуникативной компетенции.

Графическое и каллиграфическое оформление письменного текста состоит из ряда взаимосвязанных операций: «звукового представления, звукового и зрительного восприятия, ассоциирования звуков с соответствующими графемами,

⁸ См. М.А. Рычкова. *Каллиграфия для взрослых...*, с. 40.

⁹ Zob. D. Dziewanowska. *Kształtowanie sprawności mownych w procesie nauczania języka rosyjskiego metodą reprodukcyjno-kreatywną w klasie V i VI szkoły podstawowej*. Seria Prace Monograficzne, nr 175, Kraków: Wydawnictwo Naukowe WSP, 1993, с. 13–14.

¹⁰ См. Э.Ю. Сосенко. *Обучение письменной речи...*, с. 144.

рукоmotorной деятельностью, сочетающейся с внутренней речью»¹¹. Поэтому в нулевых студенческих группах обучение технике письма должно полностью соответствовать принципу комплексности в обучении видам речевой деятельности. В Краковском педагогическом университете при изучении азбуки на занятиях практикума русского языка особое внимание уделяется не только написанию букв, но и звукобуквенным соответствиям. Параллельное формирование графических, каллиграфических и произносительных навыков осуществляется в тесной связи с обучением слушанию, говорению и чтению при одновременном изучении орфографического и лексико-грамматического материала.

При обучении русской графике польских студентов следует иметь в виду то, что приступая к изучению русской графики, они уже обладают прочно сформированными навыками письма на родном языке, которые нередко затрудняют изучение русской графики. Преимущественно эти трудности связаны с написанием букв, а также со звукобуквенными соответствиями. В ходе алфавитного курса наши студенты узнают в русском алфавите:

- а) уже знакомые им буквы, например: *а, к, о*;
- б) буквы, совпадающие с польскими буквами, но обозначающие другие звуки, например: *в, р, с, у*;
- в) совершенно новые графические символы, например: *г, ж, ц, ш, щ, э*;

В процессе обучения в центре внимания преподавателя должны находиться, главным образом, две последние группы букв, усвоение которых нередко доставляет студентам большую трудность.

Эти трудности должны преодолеваются в ходе введения букв и тренировки в их написании. Целесообразно вводить русский звук в слове и сразу же соответствующую этому звуку букву. Преподаватель произносит слово, содержащее букву, и пишет на доске эту букву, а затем демонстрирует, как пишутся ее элементы, обращая при этом внимание обучаемых особенно на те элементы, которые отличаются от графики родного языка. Преподаватель должен также показывать направления движения руки при написании данной буквы (букв) на доске.

На начальной стадии обучения русским буквам каждую букву надо вводить изолированно. Затем буква пишется в сочетаниях с другими буквами, в составе слога и слова. При этом необходимо обращать внимание на соединение букв с предшествующими буквами и с последующими буквами, например: *ал, ол, см, ам, ия, ая, ых, ма, ох, ас, ос, ур, уч, щё*.

Учитывая тот факт, что на этом этапе обучение письму сочетается с обучением чтению, каждому вводимому звуку должны соответствовать четыре буквы: две рукописные (прописная и строчная) и две печатные (прописная и строчная). Такая дидактическая процедура способствует формированию звукобуквенных связей.

Обучение графике и каллиграфии должно строиться на когнитивной основе. Сознательное овладение закономерностями русской графики и каллиграфии является наиболее результативным приемом, ускоряющим процесс обучения

¹¹ Т.М. Балыхина. *Методика преподавания русского языка как неродного...*, с. 150.

и усвоения. Однако надо помнить, чтобы комментарии преподавателя передавались в сжатой форме. Приведем несколько примеров:

Если вы пишете букву в слове, сочетании и в слове, подумайте, откуда начинается следующая буква: сверху, снизу или с середины строки.

Если следующая буква начинается сверху, то соединительную линию надо продолжать к верхней линейке строки.

Если следующая буква начинается снизу, то соединительную линию надо начертать вправо вниз, немного выше нижней линейки строки.

Если следующе букву можно написать не отрывая руки, то линию надо продолжить к середине строки и сделать плавное соединение.

По нашему мнению, на этапе предъявления букв и тренировки в их написании хорошим приемом работы является ведение руки учащегося (рука учащегося в руке преподавателя). Такое упражнение может выполняться на доске или в тетради учащегося. Можно также применить технику воображаемого письма, т.е. письма в воздухе, когда учащиеся по написанному на доске образцу поднятой рукой отображают в воздухе, как пишутся элементы буквы (букв). Не менее пригодным приемом является обведение букв по шаблону с предварительным зрительным и двигательным анализом элементов буквы. По моим наблюдениям, для фронтальной работы с группой пригоден ритмический прием, т.е. письмо в одинаковом ритме. При написании буквы «И»: 1 – движение руки вниз, 2 – делаем крючок, 3 – движение руки вверх, 4 – движение руки вниз, 5 – делаем крючок до середины строки. На примере буквы «И» можно легко объяснить принцип безотрывного письма и показать момент соединения букв. При соединении буквы «и» и буквы «м» выполняются движения 1–5, затем 6 – делаем точку, 7 – снова движение руки вниз, 8 – делаем крючок, 9 – движение руки вверх и т.д. Несомненным преимуществом этого упражнения является то, что оно способствует развитию плавности движения руки и уверенность руки, а также устанавливает нужную скорость письма.

При обучении русской графике следует использовать две группы упражнений: упражнения в начертании букв (каллиграфические упражнения) и упражнения на звукобуквенные соотношения.

В первую очередь мы приведем примеры каллиграфических упражнений, которые могут заключаться в написании элементов букв по образцу, переписывании букв, переписывании буквенных сочетаний, переписывании слов, переписывании предложений, переписывании микротекстов (по образцу), в группировке данных в разбивку строчных и прописных букв, в написании печатных букв прописью, переписывании печатных образцов прописью, написании алфавита, написании слов или предложений по памяти¹².

Приведенные выше примеры упражнений предназначены для учащихся школьного возраста, но представляется, что они успешно могут применяться в нулевых студенческих группах. По нашему мнению, студентам полезно предложить задание, заключающееся в анализе своих графических ошибок и написании правильных вариантов. В студенческих группах не менее пригодным

¹² См. Э.Ю. Сосенко. *Обучение письменной речи...*, с. 144.

заданием является выписывание из текста слов, относящихся к данной тематической теме.

Обучение взрослых обучаемых технике письма иногда является кропотливой работой и требует терпения как со стороны преподавателя, так и студентов. Этот процесс усложняется тем более, что у студентов имеются прочно сформированные графические и каллиграфические навыки в области родного языка.

К числу наиболее частых графических ошибок можно отнести неправильное начертание букв и несоблюдение норм соединения букв. Довольно часто встречаются ошибки, связанные с несоблюдением норм написания деталей букв. Например, несмотря на то, что русские буквы отличаются от латинских начертанием, студенты пишут некоторые из них с использованием латинского алфавита. Отметим, что многие буквы польского алфавита пишутся выше строки (*k, t, h, l*). Под влиянием графических навыков алфавита родного языка наши студенты пытаются писать некоторые русские буквы выше строки, преимущественно букву *к* и *л*. Однако известно, что русский алфавит характеризуется небольшим количеством букв, которые пишутся выше строки, чаще всего русские буквы выходят за строку вниз (*у, р*). Иногда последний элемент букв *и, щ* польские студенты пишут на такой же высоте как петли у польских букв *g, j, y*. Причину возникновения такого рода ошибок можно усматривать в интерференции каллиграфических навыков родного языка.

Нередко буквы *В, в, Г, Ж, ж, Д, д, К, к, П, п, Т, Х, х, ы, Ш, ш* студенты пишут согласно печатным образцам. По-моему, эти ошибки являются следствием чрезмерного использования компьютера и сотовых телефонов.

У наших студентов наблюдаются и другие погрешности, которые связаны с несоблюдением однородного наклона букв. Как упоминалось выше, в Польше распространено прямое написание букв или с небольшим наклоном, поэтому мы не настаиваем на том, чтобы наши студенты писали буквы русского алфавита с наклоном в 65 градусов. Однако крупной каллиграфической ошибкой можно считать написание в одном слове букв с наклоном влево, вправо или без наклона. Многие каллиграфические ошибки связаны с нарушением пропорции букв, т.е. с неодинаковой высотой букв или их частей, или же с неодинаковой шириной букв или их элементов.

Отметим, что последние погрешности, совершаемые студентами, являются следствием непрочно сформированных каллиграфических навыков в процессе школьного обучения польскому языку. Они свидетельствуют также о том, с какими трудностями встречаются преподаватели, ведущие занятия практикума русского языка на первом курсе в студенческих группах нулевого уровня.

Нередко буквы, внешне сходные в русском и польском алфавите, но обозначающие различные звуки, студенты пишут соответственно буквам, имеющимся в польской графике. Например, на начальных стадиях обучения на месте русской буквы «п» студенты пишут букву *p*: *papa – rara*, на месте русской буквы *м* студенты пишут букву *m*: *мама – тата*, на месте русской буквы *г* студенты пишут букву *d*: *гора – дора*, на месте буквы *у* пишут букву *u*: *урок – ирок*. Довольно часто студенты обозначают на письме звук [б] буквой *в*, например: *бабушка – вавушка*, а звук [ц] обозначают на письме с помощью буквы *с*, например: *цена*

– сена. Преодолеть эти трудности можно довольно быстро при условии, что обучение буквам русского алфавита строится с учетом особенностей графики родного языка обучаемых. При этом преподаватель должен обращать внимание как на расхождения в графике родного и изучаемого языков, так и на их сходства.

Согласно нашим наблюдениям, большинство графических ошибок является следствием плохо усвоенной русской фонетики. Поэтому, как упоминалось выше, очень важно, чтобы с первых занятий параллельно формировались каллиграфические и произносительные навыки студентов. Отметим, что обучение польских студентов нормам русской фонетики уже имеет свои традиции в Краковском педагогическом университете, в котором с 1963 года применяется репродуктивно-креативный метод, автором которого является профессор Януш Генцель. Основные теоретические принципы обучения нормам русской фонетики изложены им в монографии *Обучение русскому языку репродуктивно-креативным методом*¹³ и в последующих работах. Этот метод нашел также применение в школьном обучении¹⁴. Следует сказать, что обучение русскому произношению как студентов-филологов, так и школьников согласно принципам репродуктивно-креативного метода давало положительные результаты. Однако в новой сложившейся в нашей стране дидактической ситуации, когда студенты-русисты начинают изучать русский язык с азбуки, приходится переосмыслить этапы и принципы обучения русскому произношению. Подробному обсуждению этих вопросов я посвятила отдельную статью: *Новые требования к обучению русскому образцовому произношению польских студентов-русистов, изучающих русский язык с нулевого уровня*¹⁵. Поэтому в настоящей статье предлагаю сосредоточиться преимущественно на обучении русскому произношению как неотъемлемому компоненту обучения письму.

При обучении букв и звуков в сознании студентов должна быть установлена связь между звуком и возможными вариантами его графического изображения. Согласно сказанному выше, отработку артикуляционного явления следует начинать с предъявления произношения звука в слове или же в нескольких словах (лишь особо трудные для польских студентов звуки полезно отрабатывать в изолированном положении)¹⁶. Непосредственно после объяснения правил артикуляции звука и имитации его речевого образца вслед за преподавателем необходимо перейти к обсуждению его графического изображения и тренировке в его написании. Важно, чтобы всякие комментарии, касающиеся произношения и написания букв, сводились к минимуму. Буквы вводятся в изолированной форме, затем в сочетаниях с другими буквами, в составе слога, но непременно нужно переходить к упражнениям на несложных словах и предложениях. Кроме

¹³ Zob. J. Henzel. *Nauczanie języka rosyjskiego metodą reproduktywno-kreatywną*. Kraków: Wydawnictwo Naukowe WSP, 1978.

¹⁴ Zob. D. Dziewanowska. *Kształtowanie sprawności mownych...*, 1993.

¹⁵ См. Д. Дзевановская. *Новые требования к обучению русскому образцовому произношению польских студентов-русистов, изучающих русский язык с нулевого уровня*. «Studia Rossica Posnaniensia» 2013, № 38. Ред. Е. Калишан, с. 53–63.

¹⁶ См. там же, с. 57.

фонетических упражнений, заключающихся в чтении вслух вслед за преподавателем, а также в индивидуальном чтении студентами ряда слов или же несложных предложений, выполняются упражнения по транскрибированию слов или словосочетаний. Активное овладение фонетической транскрипцией дает студентам возможность лучше осознать особо трудные для них артикуляционные явления, а также способствует прочному закреплению фонетических правил. На этом этапе особого внимания заслуживают упражнения, направленные на формирование звукобуквенных соответствий. К самым результативным можно отнести следующие: чтение вслух слов, предложений; списывание букв, слогов, слов и предложений с доски, из учебника; заполнение пропусков в слове; заполнение пропусков в предложении; диктанты (буквенные, слоговые, словарные и фразовые); слушание и одновременное чтение слов, предложений и текстов¹⁷.

К не менее пригодным можно отнести упражнения, заключающиеся в написании букв со слуха, в усложненном списывании с подчеркиванием определенных букв, в усложненном списывании с подчеркиванием слов, в которых количество звуков не совпадает с количеством букв, в усложненном списывании с подчеркиванием буквы, которая не имеет звукового значения¹⁸.

На этом этапе обучения русскому языку студенты учатся читать слоги, слова, словосочетания, предложения и краткие тексты, а также задавать вопросы, отвечать на них, составлять краткие тексты по изученным темам, поэтому необходимо знакомить их с основными интонационными конструкциями (ИК-1, ИК-2, ИК-2а, ИК-3, ИК-4 и ИК-5), а также с правилами синтагматического членения высказывания. Подобно обучению артикуляции, обучение интонации должно осуществляться на когнитивной основе. Процесс формирования интонационных навыков должен состоять из нескольких фаз: 1) предъявление правила; 2) звуковое предъявление мелодической линии данной интонационной конструкции (ИК) и демонстрация схемы, иллюстрирующей графическую запись мелодической линии ИК; 3) имитация по образцу предложения вслед за преподавателем; 4) выполнение тренировочных интонационных упражнений; 5) выполнение закрепительных упражнений¹⁹.

При постановке интонации необходимо ознакомить студентов с частями данной интонационной конструкции и изменением тона в пределах частей ИК. Овладение интонацией обеспечивается применением следующих процедур:

- произнесение всех частей интонационной конструкции с разной громкостью: предцентровую часть нормальным голосом, центр – громко, постцентровую часть – очень тихо;

¹⁷ См. Т.И. Капитонова, Л.В. Московкин. *Методика обучения русскому языку как иностранному на этапе подготовки*. Санкт-Петербург: Златоуст, 2006, с. 123.

¹⁸ См. Э.Ю. Сосенко. *Обучение письменной речи...*, с. 144.

¹⁹ См. Д. Дзевановская. *Новые требования к обучению русскому образцовому произношению польских студентов-русистов...*, с. 59.

– использование движений рук – преподаватель, произнося предложение, показывает рукой изменение тона. Студенты повторяют за ним это движение и произносят предложение, сначала про себя, а затем вслух²⁰.

Закреплению интонационных навыков способствует выполнение:

- 1) упражнений с постепенно увеличивающейся постцентральной частью, например: *Он. Он учится. Он учится в университете.; Где? Где ты был? Где ты был летом?; Ваша ручка? Ваша ручка лежит на столе?*
- 2) упражнений на изменение интонационного центра в предложении, например: *Как ваша фамилия? Как ваша фамилия?; Твою подружку зовут Анна? – Да, Анна. Твою подругу зовут Анна? – Нет, сестру. Твою подружку зовут Анна? – Да, мою.*
- 3) упражнений на противопоставление, например, ИК-1 и ИК-2а (*Это моя ручка. Это моя ручка!*); ИК-2, ИК-2а (*Кто это сказал? Кто это сказал!*); ИК-1 и ИК-3 (*Антон изучает литературу. Антон изучает литературу?*)²¹.

Упражнения на изменение интонационного центра помогают студентам лучше осмыслить интенцию данного высказывания и тем самым готовят их к реальной языковой коммуникации. В свою очередь, упражнения, построенные по принципу противопоставления, с одной стороны, противодействуют спутыванию интонационных конструкций, с другой стороны – готовят студентов к выполнению упражнений, направленных на употребление интонационных конструкций в многосинтагменных предложениях.

Следует подчеркнуть, что в ходе алфавитного курса, в течение нескольких (трёх-четырёх) первых недель, невозможно ознакомить студентов со всеми фонетическими особенностями русского языка. Совершенствование фонетических навыков студентов и дальнейшее обучение закономерностям артикуляции и интонации должно являться неотъемлемым компонентом занятий по практическому русскому языку на всех последующих этапах обучения. Мой опыт работы со студентами старшекурсниками показал, что хорошие результаты даёт опережение коммуникативных задач выполнением тренировочных фонетических упражнений. Предварительная отработка фонетических явлений, связанных с актуально изучаемым языковым материалом, требует выделения отдельного компонента занятий, занимающего 5–10 минут. Поскольку тренировочные упражнения предшествуют упражнениям в говорении, отбор фонетических явлений полностью подчиняется темам, вытекающим из коммуникативных задач, осуществляемых на данном занятии, и полностью зависит от преподавателя. Исходя из положения, что обучение нормам русской фонетики должно строиться на когнитивной основе, при выполнении тренировочных упражнений необходимо обращаться к соответствующим фонетическим правилам. Кроме того, при презентации произношения мы рекомендуем графически иллюстрировать артикуляционные явления, пользуясь знаками фонетической транскрипции. Тренировочные упражнения по существу опираются на слова или предложения, выступающие в изолированной позиции. Именно поэтому очень

²⁰ См. там же, с. 59.

²¹ См. там же, с. 60–61.

важно, чтобы отработанные слова и фразы непременно включались в состав осмысленного коммуникативного высказывания. В свою очередь, при выполнении интонационных упражнений, на наш взгляд, положительные результаты дает использование схем, иллюстрирующих мелодическую линию данной ИК.

Отметим, что выработка правильных артикуляционных навыков способствует повышению корректности речи в плане ударения и служит базой для дальнейшего обучения русскому словесному ударению с учетом лингвистической информации²². Степень владения правильной артикуляцией и интонацией положительно сказывается также на чтении вслух и выполнении устных речевых упражнений. Особый рост мотивации к изучению языка наблюдается у студентов, когда они начинают употреблять интонационные конструкции в речи.

Овладение орфографией – одна из важнейших задач обучения письму. По словам Э.Ю. Сосенко, «орфография, как и графика, определяет приемы и способы буквенного обозначения звуков речи, но делает это с учетом конкретных слов в целом, их форм или морфем (корней, приставок, суффиксов, окончаний, соединительных гласных)»²³.

С правилами русской орфографии наши студенты знакомятся по мере введения новых слов или грамматических форм. Обучение орфографии происходит произвольно в ходе обучения чтению и письму, поэтому более прочному и легкому усвоению правильного написания слов способствует комплексная подача языкового материала, когда на одном занятии студент слышит, читает и пишет новое слово.

Основным принципом русской орфографии является морфологический принцип. Это обозначает, что каждая морфема (суффикс, корень, приставка) пишется одинаково. Однако, в зависимости от фонетических условий, морфемы произносятся по-разному, например, *вода* – *воды*, *дом* – *дома* – *дома*. В русском языке написание некоторых слов подчинено фонетическому принципу, т.е. эти слова пишутся согласно произношению, например, *сыграть*, *безыдейный*. Бывают случаи, когда слова пишутся согласно традиции, например, это касается буквы *ь* в окончании глаголов (*читаешь*, *знаешь*), а также букв *а* и *о* в одной и той же корневой морфеме (*загорать* – *загар*).

Овладение произношением йотированных гласных *е*, *ё*, *ю*, *я* в ударном слоге и безударных слогах в положении после согласных позволяет преодолеть некоторые орфографические ошибки, совершаемые нашими студентами. Например, слова: *тётя*, *бюро* под влиянием польского языка *ciocia*, *biuro* они пишут: *тиотиа*, *биуро*. Устранить эти ошибки помогает запись этих слов с применением знаков транскрипции. Знание артикуляции облегчает осознание и усвоение орфографических правил, касающихся обозначения на письме мягкости согласного, правописания гласных после шипящих и *ц*.

Поскольку русская орфография опирается на морфологический принцип, то при обучении орфографии особое внимание должно уделяться работе над

²² Zob. D. Dziewanowska. *Aspektowo-kompleksowe nauczanie akcentuacji na studiach rusycystycznych*, Kraków: Wydawnictwo Naukowe Akademii Pedagogicznej, 2005.

²³ Э. Ю. Сосенко. *Обучение письменной речи...*, с. 144–145.

значимыми элементами слов. В данном случае полезно применять морфолого-орфографический анализ, например, выделение корневых или приставочных морфем, сопоставление с родственными словами. Эта форма работы способствует запоминанию правильного написания слов.

В процессе формирования орфографических навыков используются разного рода диктанты: зрительные, зрительно-слуховые, слуховые, самодиктанты. При проведении диктантов следует стремиться к тому, чтобы студенты безошибочно записывали диктуемое, а также чтобы умели обосновать правильность или неправильность написанного. Поэтому студенты должны осознанно усваивать определенные орфографические правила. В работе по усвоению правила должен соблюдаться принцип постепенности в нарастании трудностей. Объяснения, касающиеся применения правила, должны предшествовать написанию диктанта. Целесообразно также приводить правила после написания диктанта. Такой анализ написанного обладает обучающими ценностями.

В процессе обучения орфографии полезно также выполнять и другие упражнения, такие как: списывание, усложненное дополнительными заданиями, например, подчеркиванием определенных букв, заполнением пропусков; группировка слов, например, слов, сходных по составу или тематически связанных слов. По нашему мнению, ценным упражнением является работа со словарем. Например, при изучении приставок *пре-* и *при-* студентам дается задание выписать из орфографического словаря двадцать слов с этими приставками, а затем объяснить их значение и правописание. С этими словами студенты составляют предложения. Хорошие результаты дает также письмо по памяти. Материалом для такого упражнения могут служить разнообразные тексты.

Работа над орфографией, конечно, должна продолжаться и после завершения алфавитного курса. Это связано с тем, что в рамках этого курса невозможно ознакомить студентов со всеми правилами русского правописания. Обучение орфографии должно осуществляться в тесной связи с обучением письменной речи²⁴.

Подытоживая, следует ещё раз подчеркнуть, что в ходе алфавитного курса должны параллельно закладываться основы русской графики, каллиграфии, фонетики и орфографии. В это время студенты знакомятся с буквами русского алфавита, с системой фонем русского языка, артикуляцией русских звуков, качественными особенностями русского ударения, ритмическими моделями одно- и многосложных слов, основными типами интонационных конструкций, а также изучают орфографический и лексико-грамматический материал. Параллельное обучение подсистемам языка становится наиболее результативным, когда оно строится на когнитивной основе. Очень важно, чтобы обучение технике письма полностью соответствовало принципу комплексности в обучении

²⁴ См. Д. Дзевановская. *Формирование умений в области письменной речи в процессе обучения нормам русской орфографии на младших курсах русистики*. [В:] *Новое в теории и практике описания и преподавания русского языка. Материалы научно-методической конференции, происходившей 6-7 мая 1999 года в Варшаве*. Вып. VI. Ред. Н. Исаев, Й. Исаева, Т. Медзински. Варшава: Wydawnictwo Artico, 1999, с. 91–97.

видам речевой деятельности, т.е. осуществлялось в тесной связи с обучением слушанию, говорению и чтению. Надо иметь в виду то, что приобретенные в ходе вводного алфавитного курса умения и навыки непрочны и быстро подвергаются разбалансированию; поэтому на всех последующих этапах обучения необходимо обращать пристальное внимание на соблюдение студентами норм русской каллиграфии, фонетики и орфографии.

Литература

- Dziewanowska D. *Aspektowo-kompleksowe nauczanie akcentuacji na studiach rusycystycznych*. Kraków: Wydawnictwo Naukowe Akademii Pedagogicznej, 2005.
- Dziewanowska D. *Kształtowanie sprawności mownych w procesie nauczania języka rosyjskiego metodą reprodukcyjno-kreatywną w klasie V i VI szkoły podstawowej*. Seria Prace Monograficzne, nr 175, Kraków: Wydawnictwo Naukowe WSP, 1993.
- Henzel J. *Nauczanie języka rosyjskiego metodą reprodukcyjno-kreatywną*. Kraków: Wydawnictwo Naukowe WSP, 1978.
- Балыхина Т.М. *Методика преподавания русского языка как неродного (нового)*. Учебное пособие для преподавателей и студентов. Москва: Издательство Российского университета дружбы народов, 2007.
- Дзевановская Д. *Новые требования к обучению русскому образцовому произношению польских студентов-русистов, изучающих русский язык с нулевого уровня*. «Studia Rossica Posnaniensia» 2013, № 38. Ред. Е. Калишан, s. 53–63.
- Дзевановская Д. *Формирование умений в области письменной речи в процессе обучения нормам русской орфографии на младших курсах русистики*. [В:] *Новое в теории и практике описания и преподавания русского языка. Материалы научно-методической конференции, происходившей 6–7 мая 1999 года в Варшаве*. Вып. VI. Ред. Н. Исаев, Й. Исаева, Т. Медзински. Варшава: Wydawnictwo Artico, 1999, с. 91–97.
- Капитонова Т.И., Московкин Л.В. *Методика обучения русскому языку как иностранному на этапе подготовки*. Санкт-Петербург: Златоуст, 2006.
- Лебединский С. И., Гербик Л. Ф. *Методика преподавания русского языка как иностранного*. Учебное пособие. Минск, 2011. [Online:] <www.bsu.by/Cache/pdf/365803.pdf> (20.01.2016)
- Рычкова М.А. *Каллиграфия для взрослых, Учебное пособие*. Улан-Удэ: ФГОУ ВПО Бурятская государственная сельскохозяйственная академия им. В.Р. Филиппова, 2009.
- Сосенко Э.Ю. *Обучение письменной речи*. [В:] *Методика. Заочный курс повышения квалификации филологов-русистов*. Ред. А.А. Леонтьев. Москва: Русский язык, 1988, с. 142–151.

LITERATUROZNAWSTWO
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ
LITERARY STUDIES

HISTORIA LITERATURE
ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ
HISTORY OF LITERATURE

РАННЯЯ ЛИРИКА ЭДУАРДА БАГРИЦКОГО 1910 – 1920-Х ГГ. В КОНТЕКСТЕ ЖИЗНЕТВОРЧЕСКОГО ПРОЕКТА ПОЭТА

АЛЁНА Г. ШЕВЧЕНКО

Харьковский национальный педагогический университет имени Г. С. Сковороды
Факультет иностранной филологии
Кафедра практики английской устной и письменной речи
ул. Валентиновская, 2, 61000, Харьков, Украина
e-mail: alyonageorgievna@gmail.com
(получено 19.09.2017; принято 22.09.2017)

Abstract

Eduard Bagritsky's early lyrics of 1910-s–1920-s in the context of the poet's project of life-creation (*zhiznetvorchestvo*)

The article summarizes the results of research on Eduard Bagritsky's early lyrics in the context of his life-creation (*zhiznetvorchestvo*) project. Entering literature at the end of the Silver Age, Bagritsky belonged to the generation of postsymbolists who mastered poetic experience of previous literary trends, interpreted it in their creative work and expressed it in the way of life structured according to the laws of the new art. E. Bagritsky's lyrics and his life-creation (*zhiznetvorchestvo*) project of a «tramp» and a «fowler», opposed to the way of life of artists in first decades of the twentieth century, corresponded to the aesthetics of the era, in which not only former artistic searches, but also political and social standards were reviewed, the energy of destruction and the pathos of creation were combined. E. Bagritsky took an active part in creation of a «new» world and a «new» man, which was reflected in his creative work, connected with the traditions of Acmeism and Futurism. In addition to that, the way the course of social reorganization made some changes in his behavioral strategy, and reflected the crisis of his worldview.

Key words

Life-creation project, behavioral strategy, lyrical hero, poet's image, sociocultural situation.

Резюме

В статье обобщаются результаты изучения ранней лирики Эдуарда Багрицкого в контексте его жизнетворческого проекта. Вошедший в литературу на излете Серебряного века, Багрицкий принадлежал к поколению постсимволистов, которое усвоило поэтический опыт прежних литературных течений, преломило его в своем творчестве и выразило в способе жизни, построенной по законам нового искусства. Лирика Багрицкого и его жизнетворческий проект «бродяги» и «птицелова», противостоящие жизнетворчеству художников первых десятилетий XX в., отвечали эстетике эпохи, в которой пересмотру подвергались не только прежние художественные искания, но также политические и социальные нормы, сочеталась энергия разрушения и пафос созидания. Багрицкий принимал активное участие в строительстве «нового» мира и формировании «нового» человека, что нашло отражение в его творчестве, связанном с традициями акмеизма и футуризма. Вместе с тем ход социального переустройства внес коррективы в его поведенческую стратегию, отразил кризис его мировоззрения.

Ключевые слова

Жизнетворческий проект, поведенческая стратегия, лирический герой, образ поэта, социокультурная ситуация.

Творчество Эдуарда Багрицкого (1895–1934) принадлежит к числу значительных явлений русской поэзии XX века. Им созданы стихотворения и поэмы, которые воплотили проблемы, возникшие после резкого революционного слома мира, и поиски новой гармонии. Вошедший в литературу на излете Серебряного века, Багрицкий принадлежал к поколению постсимволистов, которое усвоило поэтический опыт прежних литературных течений, своеобразно преломило его в своем творчестве и выразило в способе жизни, построенной по законам нового искусства. Сформированный в атмосфере пред- и послереволюционных лет, Багрицкий принимал активное участие в строительстве «нового» мира и формировании «нового» человека, что, несомненно, нашло отражение в его творчестве, поначалу связанном с традициями акмеизма и футуризма. Вместе с тем ход социального переустройства, свидетелем которого поэт стал в 1930-е гг., существенно повлиял на тематику его произведений, внес коррективы и в его поведенческую стратегию, отразил кризис его мировоззрения.

Однако история изучения этой проблемы свидетельствует о том, что лирика поэта, как правило, осмыслялась наряду с молодой «комсомольской» поэзией 1920-х гг. и в связи с романтизмом и романтикой, что внесло терминологическую путаницу и исказило историко-литературную перспективу. В нашей статье речь идет о том, что плодотворным для ее изучения является контекст житнетворчества поэта. Это позволяет пересмотреть устоявшиеся и порой ошибочные представления о роли и месте его поэзии в литературе 1920–1930-х гг. Под житнетворчеством в этом случае мы понимаем, вслед за Е.А. Бычковой, «сознательное структурирование своего жизненного пути, реализация в своей биографии некоего выбранного канона, личной легенды конкретного человека»¹. Рассмотренная в таком аспекте, лирика Э. Багрицкого предстает как один из важнейших факторов воплощения утопического житнетворческого проекта, направленного, в отличие от предшественников, не на торжество Красоты и Добра, а на установление мира всеобщей Справедливости и Свободы.

Творческое наследие Эдуарда Багрицкого становилось предметом изучения неоднократно², однако к середине 1990-х гг. интерес к творчеству Багрицкого заметно снизился. В учебниках, вышедших в свет в начале нынешнего века, творчество Багрицкого зачастую представляется упрощенно. Его безосновательно упрекают в антигуманизме, пропаганде революционного насилия, которому должно быть подчинено все. Вместе с тем в последние годы кроме односторонних и прямолинейных оценок предприняты попытки предложить новые подходы к прочтению известных стихотворений³. Многие наблюдения иссле-

¹ Е.А. Бычкова. *Житнетворчество как феномен культуры декадана на рубеже XIX–XX веков*. Диссертация на соискание ученой степени кандидата культурологии. Специальность 24.00.01 – «Теория и история культуры». Москва, 2001, с. 9.

² В.Б. Азаров. *Багрицкий и современность*. «Новый мир» 1948, № 7, с. 201–214; В.Б. Азаров. *Пушкинская тема в творчестве Багрицкого*. «Литературный современник» 1937, № 1, с. 169–174; Л.Э. Аннинский. *Багрицкий: «... и труба пропела»*. «Литературная учеба» 2003, № 5, с. 178–195; Л. Аннинский. *Са-пож-ни-ки...* «Родина» 2010, № 3, с. 23; П.Г. Антокольский. *Путь поэта*. [В:] *Эдуард Багрицкий: воспоминания современников*. Москва: Советский писатель, 1973, с. 3; П.Г. Антокольский. *Эдуард Багрицкий*. [В:] П.Г. Антокольский. *Поэты и время*. Москва: Советский писатель, 1957, с. 85–99; К.М. Бугаева. *К вопросу об эволюции романтизма Э. Багрицкого*. «Вопросы русской литературы» 1966. Вып. 2, с. 73–78; И. Волгин. *Эдуард Багрицкий*. [В:] *Стихотворения и поэмы*. Сост., вступ. ст. и прим. И.Л. Волгина. Москва: Правда, 1987, с. 5–20; И. Гринберг. *Эдуард Багрицкий: Творческий путь поэта*. Ленинград: Художественная литература, 1940; И. Гринберг. *Эдуард Багрицкий*. [В:] Э. Багрицкий. *Стихотворения и поэмы*. Авт. вступ. ст. И. Гринберг. Сост. и подгот. текста В. Азарова, Е. Бургункер. Москва: Художественная литература, 1956, с. 5–35; Е.П. Любарева. *Советская романтическая поэзия (Н. Тихонов, М. Светлов, Э. Багрицкий)*. 2-е изд. Москва: Высшая школа, 1973; Е.П. Любарева. *Эдуард Багрицкий: Жизнь и творчество*. Москва: Советский писатель, 1964; И.С. Рождественская. *Поэзия Эдуарда Багрицкого*. Ленинград: Художественная литература, 1967; А.Д. Синявский. *Эдуард Багрицкий*. [В:] *История русской советской литературы*. Т. 1. Москва: Издательство АН СССР, 1958, с. 397–420.

³ Л. Аннинский. *Эдуард Багрицкий: «...и труба пропела»*. [В:] Л. Аннинский. *Красный век. Эпоха и ее поэты. В 2 книгах*. Москва: ПРОЗАИК, 2009. [Online:] <<https://coollib.com/b/212252/read#t16>> (20.08.2017); Р.В. Банчуков. *Одесса – Куницево – Вечность*. [В:] *Люди. Peoples.ru*. [On-

дователей подтверждают плодотворность рассмотрения лирики Э. Багрицкого в контексте жизнетворчества поэта.

Проблема жизнетворчества в отечественной и зарубежной науке ставится и решается, как правило, на материале литературы немецкого романтизма, западноевропейского декадентства и русского символизма. Большое количество работ, посвященных этой проблеме, позволяет говорить об основательной изученности этого феномена (Н. Богомолов⁴, Г. Винокур⁵, О. Вайнштейн⁶, Т. Никольская⁷, З. Минц⁸, В. Паперный⁹, Е. Обатнина¹⁰ и др.). О жизнетворчестве младших символистов и поэтов русского авангарда пишет Д. Иоффе¹¹; жизнет-

line:] <http://www.peoples.ru/art/literature/poetry/contemporary/eduard_bagritskiy> (20.08.2017); П. Баренбойм. *Тиль Уленшпигель времен сталинизма*. «Время новостей» 2010, 16 февраля; В. Домиль. *Удивительный мир Эдуарда Багрицкого*. «Секрет» 2010, 6 августа. [Online:] <http://bagritsky.ru/articles/Udivitelnyu_mir_Aeduarda_Bagritskogo/> (20.08.2017); М.П. Зарпелный. *Эдуард Багрицкий*. Харьков: Фолио, 2012. [Online:] <http://modernlib.ru/books/m_p_zagrebnyi/eduard_bagrickiy/read_1/> (20.08.2017); Е. Каракина. *По следам Юго-Запада*. [Online:] <http://www.belousenko.com/books/litera/karakina_south_west.htm> (20.08.2017); Е. Каракина. *Птицелов в сетях*. «Предлог» 2000, № 2, с. 180–188; Е.А. Ковалева. *Лексический аспект железнодорожной ситуации в поэзии Э. Багрицкого*. [В:] *Масловские чтения*. Мурманск: Издательство Мурманского университета, 2007, с. 231–235; А.А. Малиновский. *Э. Багрицкий*. «Кошки». «Русский язык в школе» 2014, № 2, с. 42–45; Е. Михайлик. «Карась» глазами рыбоведа. «Новое литературное обозрение» 2007, № 87, с. 104–112; Н.А. Петрова. *Но иногда глаза он раскрывал. Февраль и Октябрь в поэзии Эдуарда Багрицкого*. «Вестник Томского государственного университета. Филология» 2010, № 4 (12), с. 86–94; И. Поступальский. *Стихи. Воспоминания о Багрицком*. Вступ. слово, публ. и ком. С. Зенкевича. «Журнальный зал. Арион» 2015, № 4. [Online:] <<http://magazines.russ.ru/arion/2015/4/22p.html>> (20.08.2017); С. Стратановский. *Возвращаясь к Багрицкому*. «Звезда» 2007, № 2, с. 191–208; И. Фаликов. *Кидайся в края...: заметки о Багрицком*. «Культура» 2004, 13–19 мая, с. 5; В. Шохина. *Ангел смерти в кожаной тулжурке*. «Частный корреспондент», 3 ноября 2014. [Online:] <http://www.chaskor.ru/article/angel_smerti_v_kozhanoj_tuzhurke__20802> (20.08.2017).

⁴ Н.А. Богомолов. «Мы два грозой зажженные ствола...». [В:] *Анти-мир русской литературы: язык, фольклор, литература*. Москва: Ладомир, 1996, с. 309–337.

⁵ Г.О. Винокур. *Биография и культура. Русское сценическое произношение*. Москва: Русские словари, 1997, с. 17–23.

⁶ О. Вайнштейн. *Жизнетворчество в культуре европейского романтизма*. «Вестник РГГУ». Вып. 2: *ИВГИ за письменным столом*. Под ред. С.Ю. Неклюдова. Москва: Российский государственный гуманитарный университет, 1998, с. 161–186.

⁷ Т.Л. Никольская. *Творческий путь Л.Д. Зиновьевой-Аннибал*. [В:] *А. Блок и революция 1905 года*. Блоковский сборник 7. Тарту, 1988, с. 123–139.

⁸ З.Г. Минц, Ю.М. Лотман. *Статьи о русской и советской поэзии*. Таллинн: Ээсти Раамат, 1989.

⁹ В.М. Паперный. *Из наблюдений над поэтикой Андрея Белого: лицемерие как текстопорождающий механизм*. «Славяноведение» 1992, № 6, с. 39–44.

¹⁰ Е.А. Обатнина. А.М. Ремизов: *жизнетворчество entrenchienetloup*. «Пограничное сознание. Альманах» 1999. Вып. 5. Санкт-Петербург, с. 397–424.

¹¹ Д. Иоффе. *Жизнетворчество русского модернизма subspeciesemioticae. Историографические заметки к вопросу типологической реконструкции системы жизнь-текст*. «Критика и семиотика» 2005. Вып. 8, с. 126–179.

ворчеству как феномену культуры декаданса рубежа XIX–XX веков посвящена работа Е. Бычковой¹²; жизнетворческому проекту М. Пришвина – статья Е. Худенко¹³; жизнетворчество Н. Гумилева рассмотрено в работе А. Кулагиной¹⁴. Обобщение современных представлений о сущности и особенностях жизнетворчества дает возможность реконструировать основные аспекты жизнестроительного проекта Э. Багрицкого. На наш взгляд, рассмотрение его лирики в таком контексте позволит решить вопрос о месте романтики в ней, пояснить эволюцию его творчества, сделать выводы о проблемно-тематическом и поэтологическом своеобразии лирики.

Эдуард Багрицкий впитывал черты предшествующей культуры, прежде всего, доминантные элементы жизнетворчества романтиков и символистов, но формировался на их отрицании как стратегии поведения по модели «художник – бродяга» в варианте «художник (поэт) – птицелов». В жизнетворческом проекте Багрицкого очевидны типичный склад поведения, специфические формы общения и внешнего самовыражения, соответствующие новому пониманию функции поэта и поэзии. Для него характерны равнодушие к материальному, подчеркнутая нелитературность речи и неизысканность поведения, книжный характер ранней поэзии и представление о ее «всемирном» предназначении; «естественная» театрализация, участие в публичных акциях и собраниях поэтов как инвариант «богемной» жизни; использование для общения с любимой женщиной кратких форм, не терпящих внешнего выражения чувств; деэстетизация жизни. В московский период жизни игровой характер поведения поэта претерпевает изменения вследствие столкновения с меняющейся социокультурной ситуацией. Если исходить из принятого нами понимания феномена жизнетворчества, его элементами являются сознательный подход поэта к выбору поведенческой стратегии и ориентация на некий канон, подсказывающий пути пусть и не сознательного, но формирования собственной «легенды». На наш взгляд, в биографии и творчестве Э. Багрицкого очевидны эти особенности, дающие возможность пояснить и уточнить проблематику стихотворений, нередко вызывающих сложности в понимании и произвольные истолкования. Такой подход особенно плодотворен при обращении к ранней лирике поэта 1910–1920-х гг., названной нами лирикой ученического периода. В ней ощутимо влияние поэзии акмеизма и футуризма.

Первые стихотворения поэта публиковались в 1915 году в альманахах: «Серебряные трубы» (1915), «Авто в облаках» (1915), «Седьмое покрывало» (1916) и газете «Южная мысль» (1915). Как писал И. Волгин, в ту пору

¹² Е.А. Бычкова. *Жизнетворчество как феномен культуры декаданса на рубеже XIX–XX веков*. Диссертация на соискание ученой степени кандидата культурологии. Специальность 24.00.01 – «Теория и история культуры». Москва, 2001.

¹³ Е.А. Худенко. *Жизнетворчество М.М. Пришвина: игровая стратегия*. [Online:] <<http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/18695/1/iurg-2011-87-10.pdf>> (20.08.2017).

¹⁴ А.А. Кулагина. *Жизнетворческая концепция и принципы создания образа в лирике и драматургии Н.С. Гумилева*. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Специальность 10.01.01 – «Русская литература». Москва, 2012.

стихи читались со всех эстрад: поэзия была разлита в воздухе. И когда летом 1914 года предприимчивый одесский фельетонист Пильский возил по дачным пригородам ватагу пользующихся неизменным успехом молодых дарований (среди которых первенство по праву принадлежало 18-летнему автору “Креолки”), <...> Если там, на севере, выходят нашумевшее „Облако в штанах” или какой-то необыкновенный „Близнец в тучах”, то почему бы и здесь, на юге, не завести свое собственное издание – с не менее замечательным названием – „Авто в облаках”? Именно в этом альманахе появляются первые стихи Багрицкого¹⁵.

Исследователи прежних лет эти стихотворения недооценивали. И. Гринберг полагал, что «подражательность стихов Багрицкого тех лет очевидна <...> Здесь нет еще собственного поэтического голоса; здесь налицо только копии с копий»¹⁶. В ранней лирике он справедливо обнаруживал «ритмы и образы, словно скопированные с “модели” – произведений Гумилева, Брюсова, Северянина, раннего Маяковского»¹⁷. В. Катаев относил к кругу чтения Багрицкого Стивенсона, Эдгара По, Бодлера, Верлена, Артюра Рембо, Леконта де Лиля, Эредиа, символистов, акмеистов и футуристов. Волгин считал Багрицкого «истинным знатоком русской и мировой поэзии. Мир прошлого и настоящего различается начинающим стихотворцем через этот магический кристалл»¹⁸. Потому естественно, что в его поведенческой стратегии обнаруживаются признаки контаминации разных элементов романтической модели, в которой очевидна стилизация предшествующей книжной культуры. Однако эта модель, на наш взгляд, воспринята молодым поэтом через посредничество западноевропейского символизма, в котором фигура поэта, его «поза» и «жест», а также тематика стихотворений говорили об исключительности, оторванности от постылого буржуазного быта. Как справедливо отмечал Волгин, «всей поэтической структуре» Багрицкого было присуще такое качество, как «естественная театральность»: «Каждый поэт в известной степени лицедей. Но Багрицкому свойственна театральность особо города. Он выкликает на поэтическую сцену не только своих любимых героев – бродяг, рыбаков, птицеловов, пиратов, контрабандистов и т.п. – он сам примеряет их экзотические одежды и принимает посильное участие в их забавах и гульбищах»¹⁹. Между подобным жизнетворческим приемом и реальной жизнью молодого поэта была, однако, огромная разница: Багрицкий жил в стесненных условиях еврейской местечковой среды, боялся воды и никогда не купался в море, никуда не выезжал из Одессы.

В ранних стихотворениях вместе с тем проявлялись и индивидуальные художественные решения молодого поэта. Сам поэт, как известно, связывал свое творчество именно с акмеизмом и считал своими учителями Вл. Нарбута и М.

¹⁵ И. Волгин. *Эдуард Багрицкий. Стихотворения и поэмы*. Сост., вступ. ст. и прим. И.Л. Волгина. Москва: Правда, 1987, с. 8.

¹⁶ И. Гринберг. *Эдуард Багрицкий. Стихотворения и поэмы*. Авт. вступ. ст. И. Гринберг. Сост. и подгот. текста. В. Азарова, Е. Бургункер. Москва: Художественная литература, 1956, с. 6–7.

¹⁷ И. Гринберг. *Эдуард Багрицкий. Стихотворения и поэмы...*, с. 7.

¹⁸ И. Волгин. *Эдуард Багрицкий. Стихотворения и поэмы...*, с. 6.

¹⁹ Там же, с. 9.

Зенкевича. Увлечение Багрицкого новейшими поэтическими исканиями и создание собственной поведенческой модели не было чем-то исключительным. Лирический герой молодого поэта И. Эренбурга в цикле *Туберозам* (1910), написанном под влиянием символистской поэзии, признавал, что со своими романтическими взглядами «на пять столетий опоздал»:

В одежде гордого сеньора
На сцену выхода я ждал,
Но по ошибке режиссера
На пять столетий опоздал²⁰.

Позднее Эренбург вспоминал:

Русский юноша девятнадцати лет, жадно мечтавший о будущем, оторванный от всего, что было его жизнью, решил, что поэзия – костюмированный бал. Мне действительно тогда казалось, что я создан, скорее, для крестовых походов, нежели для высшей школы социальных наук. Стихи получились изысканные; мне теперь неловко их перечитывать, но писал я их искренне²¹.

Думается, это признание может объяснить и юношеские поэтические пробы Багрицкого. Так, В. Катаев приводил четверостишие из его стихотворения, написанного до публикации первых стихов в печати, которое он относил к 1912 или 1913 году, и в котором очевидно типологическое сходство с ранним стихотворением Эренбурга:

Нам с башен рыдали церковные звоны,
Для нас поднимали узорчатый флаг,
Но мы заряжали, смеясь, мушкетоны
И воздух чертили ударами шпаг²².

Д. Мирский писал, что «первое двестише точно воспроизводит ритм, движение и декорацию „Города женщин” Брюсова, второе – столь же точно „Капитанов” Гумилева, тогда еще только начинавшего завоевывать сердца молодых поэтов. Но оба двестишия вместе – не Брюсов и не Гумилев. В них есть уже предчувствие позднейшей бунтарской тематики Багрицкого...»²³. Наблюдение Мирского подтверждает заключительная строфа стихотворения, в которой возникает индивидуальный поэтический образ Летучего Голландца:

Когда погибал знаменитый «Титаник»,
Тогда твой мираж трепетал в небесах.

²⁰ И. Эренбург. *Стихотворения и поэмы*. Вс. ст., сост., подг. текста и прим. Б.Я. Фрезинского. Серия «Новая библиотека поэта». Санкт-Петербург: Гуманитарное агентство «Академический Проект», 2000, с. 77.

²¹ И. Эренбург. *Люди, годы, жизнь: Воспоминания: в 3 т. Т. 1*. Вс. ст. Б.М. Сарнова, ком. Б.Я. Фрезинского. Изд. исправл. и доп. Москва: Советский писатель, 1990, с. 107.

²² В.П. Катаев. *Алмазный мой венец*. Москва: Советский писатель, 1979, с. 182.

²³ Д.П. Святополк-Мирский. *Э. Багрицкий. «Юго-Запад»*. [В:] *Поэты и Россия: статьи. Рецензии. Портреты. Некрологи*. Санкт-Петербург: Алетейя, 2002, с. 133.

Летучий Голландец! Чарующий странник!
 Чрез вечность летишь ты на всех парусах!²⁴

Поэт сближает в рамках одной строфы современность и прошлое, что создаст объемную панораму исторического времени: «Титаник» потерпел крушение в 1911 г., однако эта катастрофа осмыслена как одна из череды таинственных кораблекрушений. Образ Летучего Голландца («чарующий странник») возвышен авторской увлеченностью.

На наш взгляд, Багрицкому было близко истолкование этого образа в романтическом духе западноевропейской литературы, выраженном в произведениях В. Скотта, В. Гауфа, Г. Гейне. Он также был знаком с оперой Р. Вагнера *Летучий голландец*. В его архиве сохранилась рукопись под названием *Вагнер*, имеющая текстовые совпадения, которые позволяют рассматривать ее как один из вариантов поэтического цикла *Сказание о море, матросах и Летучем Голландце*. В тексте есть строка «Вагнеровский двинулся прибой», отсылающая к опере немецкого композитора. Этот поэтический образ, родившийся как отражение воплощенного в литературе и музыке образа, становится сквозным в лирике поэта. В стихотворении *Конец Летучего Голландца* (1915) ощутимо его новое звучание. Он возникает в заглавии и в последней строфе, окружающих сниженное, прозаическое изображение припортового города, района, прилегающего к пристани, и его обитателей. «Конец» легенды прочитывается в поэтических образах, обытовляющих обычно возвышенные приметы мира в его романтической интерпретации: «надтреснутых гитар», «дребезжащи звуки», «охрипшая труба», «костлявые безжалостные руки», таверна заброшенная, матрос напившийся, бранятся два пьяных боцмана, «струится липкий чад», «весь в пятнах от вина передник толстой Марты». Однако во второй части стихотворения поэт отдает дань модернистской эстетике:

Береты моряков обшиты галунами,
 На пурпурных плащах в застёжке – бирюза.
 У бледных девушек зеленые глаза
 И белый ряд зубов за красными губами...
 Фарфоровый фонарь – прозрачная луна,
 В розетке синих туч мерцает утомленно,
 Узорчат лунный блеск на синеве затона...²⁵

Образ Летучего Голландца, которому нет места в житейской, сниженной картине мира, трансформируется – он не преследует корабли, не символизирует их погибель:

Безумный старый бриг Летучего Корсара
 Раскрашенными флагами поник²⁶.

²⁴ Д.П. Святополк-Мирский. Э. Багрицкий. «Юго-Запад»..., с. 134.

²⁵ Э.Г. Багрицкий. *Собрание сочинений: в 2 т.* Т. 1: *Ранние стихи. Октябрь. Море. Трактир. Юго-Запад.* Под ред. И. Уткина. Вступ. ст. Ю. Севрука. Москва–Ленинград: ГИХЛ, 1938, с. 228.

²⁶ Там же.

Сквозной характер образа Летучего Голландца подчеркивает его возникновение в целом ряде стихотворений. Так, на литературном вечере 2 марта 1923 г. поэт прочел недавно завершённую поэму *Сказание о море, матросах и Летучем Голландце*, которая была опубликована в одесском журнале «Силуэты». Багрицкий предпослал тексту своего произведения своеобразное поэтическое предисловие. Оно не вошло в опубликованный текст, в сборниках же стихотворений Багрицкого иногда печатается в примечаниях и поясняет не только глубинный смысл самого произведения, но и стихотворений *Пушкин* и *Александрю Блоку*. У Багрицкого лирический герой, уподобленный коту, волочит по камням цепь, явно символизирующую пролеткультовские догмы, и «цепь грохочет влево, влево, / Не смей направо повернуть!». Между тем он по-прежнему ощущает себя поэтом-бродягой – «Довольно! Или не бродячий / Мне послан Господом удел?», – который скитается уже не по рощам и полям, наблюдая птиц, а по фронтам гражданской войны. Лирический герой отстаивает свое право на поэзию, которая была его оружием:

Когда в госпиталях тифозных
Я Блока для больных читал...
Пусть, важной мудростью объятый,
Решит внимающий совет:
Нужна ли пролетариату
Моя поэма или нет!²⁷

Как известно, это произведение Багрицкий не публиковал в своих сборниках стихотворений.

Полемика о месте творчества Багрицкого в культуре пролетариата смещается в сторону размышления о роли поэзии в целом, о ее инструментарии и функции. Ю. Олеша в своих воспоминаниях писал:

Когда-то, очень давно, Багрицкий рассказывал мне об одном своем замысле. «Представь себе... Летучий Голландец... он входит в харчевню. Деревянный стол. Девушка. Он кладет на стол розу. И вдруг все видят: начинается превращение розы... Сквозь нее проступают очертания города... Люди видят город...» Я не помню, что рассказывал он дальше. Когда мы хоронили Багрицкого, я вспомнил эту импровизацию замечательного романтика. Ведь это же и есть сущность искусства – эти превращения! Ведь это же и есть сила искусства – превратить материал своей жизни в видение, доступное всем и всех волнующее...²⁸

На наш взгляд, Ю. Олеша говорит именно о жизнетворчестве («превратить материал своей жизни в видение»), в котором осуществляются превращения жизненного материала в поэзию, а жизни – в «текст» искусства.

Стихотворения молодого Багрицкого, появившиеся в одесских изданиях в 1915 г., писались под мощным влиянием модернистских поэтических исканий. Поэт экспериментировал, перебирал разные темы, связанные с его книжными

²⁷ Э.Г. Багрицкий. *Собрание сочинений: в 2 т.* Т. 1: *Ранние стихи. Октябрь. Море. Трактир. Юго-Запад...*, с. 508.

²⁸ Ю.К. Олеша. *Ни дня без строчки: воспоминания.* [В:] Ю.К. Олеша. *Зависть. Три толстяка. Ни дня без строчки.* Москва: Художественная литература, 1989, с. 222.

впечатлениями, а также апробировал разные поэтологические приемы. Стремление к вещиности, воспринятой им от акмеизма, распространяется не только на изображение мира природы, но и на постижение сущности человека. В стихотворении *Суворов*, отмеченном многими критиками и исследователями, проявляется намеренный отказ от героизации образа великого полководца, сосредоточение внимания на материальных деталях, вещах, создающих впечатление «натуралисто-реалистического», по выражению В. Нарбута, описания:

В серой треуголке, юркий и маленький,
В синей шинели с продранными локтями, –
Он надевал зимой теплые валенки
И укутывал горло шарфами и платками²⁹.

Слава великого полководца уже катилась по России: слышав рожок его почтовой кареты, поднимались шторы, смолкало пение и звучал восторженный шепот: «Едет Суворов!». Поэт воссоздает ясные и точные детали и завершает стихотворение там, где другие поэты обычно его начинали: парадный образ Суворова ему не интересен. Как отмечает Л. Аннинский,

реальный Суворов, прошедший огни и воды, солдатски быстрый, закаленный, прицельно очный в глазомере, мало похож на старика, хватающегося за перила в стихе Багрицкого, но энергия стиха таится именно в обороте реальности и выдуманности: ход оборотня как раз и делает “Суворова” шедевром раннего Багрицкого...³⁰

Поэтическое новаторство Э. Багрицкого оказало влияние на последующие интерпретации этого образа (например, К. Симоновым).

В тот же период Багрицкий пишет стихотворение *Гимн Маяковскому* (1915), уже привлекавшее внимание исследователей³¹. Творчество В. Маяковского захватывало внимание молодого поэта – он является последователем Маяковского прежде всего в тематике: под влиянием современника в его поэзию приходит урбанистическая тема (*Дерибасовская ночью*, *Порт*). Поэту были знакомы написанные В. Маяковским к этому времени *Владимир Маяковский*, *Я и Наполеон*, *Вам!*, *Гимн судье*, *Гимн ученому*. Используя в заглавии своего стихотворения слово «гимн», Багрицкий не подражал Маяковскому, а нашел собственное наименование, подразумевающее прославление современника, содержащее «обращения и воззвания к восхваляемому объекту, хвалебные сравнения и описания»³² и т.п., – Маяковский ввел в заглавие своих стихотворений слово «гимн» позднее.

²⁹ Э.Г. Багрицкий. *Собрание сочинений: в 2 т.* Т. 1: *Ранние стихи. Октябрь. Море. Трактир. Юго-Запад...*, с. 231.

³⁰ Л.Э. Аннинский. *Багрицкий: «... и труба пропела»*. «Литературная учеба» 2003, № 5, с. 180.

³¹ С. Гехт. *Эдуард Багрицкий*. [В:] Э.Г. Багрицкий. *Избранное*. Москва: Правда, 1939, с. 3–12; А. Горелов. *Маяковский и Багрицкий. Идеи и образы*. [В:] А. Горелов. *Бесстрашие художника*. Ленинград: Издательство писателей, 1935, с. 54–70; И.Т. Крук. *Забывшие страницы Э. Багрицкого*. «Вопросы русской литературы». Вып. 1 (4). Львов: Издательство Львовского университета, 1967, с. 47–53; З.Г. Минц. *Раннее творчество Эдуарда Багрицкого*. «Вестник ЛГУ» 1948, № 6, с. 109–118; Ю.К. Олеша. *Об Эдуарде Багрицком*. «Литературный критик» 1934, № 3, с. 84–91.

³² *Литературная энциклопедия*. Т. 2. Москва: Сов. энциклопедия, 1929, с. 534.

Гимн Маяковскому, по нашему мнению, свидетельствует о новой доминанте в поэтических исканиях Багрицкого – футуристической. Используя отдельные приемы поэтов этого течения, образный строй, ритмику, поэт сумел создать произведение в духе футуристской эстетики. Стихотворению присущи прозаизация предметов изображения, концентрация поэтических образов, всеобъемлющие олицетворения. Из ранней лирики Маяковского в стихотворение Багрицкого переходят образы города и осуществляется углубление, конкретизация образности, воспринятой от него. Образ «трубы, лоящие, как руки, облака» восходит и к «флейте водосточных труб» из стихотворения *А вы могли бы?*, и к образу стекающих с крыши в трубы слез (*Кое-что про Петербург*), и к образу «встающих звезд», ноги которых «оперлись» на перину, и пр. Образ гиганта, который «ударил землю кованым каблуком», подсказан, вероятно, образом Маяковского из *Уличного* – «Вбиваю гулко шага сваи»; а оранжевый цвет костюма «вселенского спортсмена» вырос из усиления цвета, используемого Маяковским для описания города: «желтую кофту из трех аршин заката», «золоченой буквы», «золотокудрые брюквы», «раздали горящие желтые карты» окнам, «как желтые раны, / огни обручали браслетами ноги». Роднит *Гимн Маяковскому* Багрицкого с поэзией современника и образ огромного в своих масштабах лирического героя, который запечатлен в ряде ранних стихотворений Маяковского. Стихотворение Багрицкого открывает целый тематический цикл произведений русских поэтов, посвященных Маяковскому (А. Ахматова, Н. Асеев, М. Цветаева). Как точно комментирует это стихотворение Л. Аннинский,

крутая талантливость, дымящаяся в этих строках, не мешает нам разглядеть несомненную выдуманность фигуры патриция, у коего „математика и история” на самом-то деле укладываются в курс реального училища, дополненного училищем землемерным, а изнеженность – плод упоенного чтения мировой мифологии и декадентской поэзии, помогающих вытеснить из сознания действительно ненавидимую Современность³³.

Однако эта фигура вполне укладывается в поведенческую стратегию молодого поэта, уточняющуюся под влиянием его поэтических исканий.

О них свидетельствует попытка из экзотической легендарности обратиться к легендарности национальной в стихотворениях *Славяне* и *Враг*. Они создавались на фоне событий Первой мировой войны, когда в свет выходили сборники *Славянские военные песни* и *Богатырские военные песни*, в которых война истолковывалась как исполнение тысячелетней миссии России. Именно так осмыслена эта война В. Брюсовым, в поэтической интерпретации которого очевидна связь с его исторической концепцией и новая война представлена здесь абстрактным, а не живым драматическим событием. Подтверждением этому может служить и его стихотворение *Старый вопрос* (1914), уже своим названием отсылающее к проблеме места и роли России в мировых процессах. Багрицкий осмысляет войну иначе. Центральным для его стихотворения становится

³³ Л. Аннинский. *Эдуард Багрицкий: «...и труба пропела»*. [В:] Л. Аннинский. *Красный век. Эпоха и ее поэты. В 2 книгах*. Москва: ПРОЗАИК, 2009. [Online:] <<https://coollib.com/b/212252/read#t16>> (20.08.2017).

образ славянского бога Перуна, покровителя военной дружины. Однако поэт десакрализует его, трижды называя «безумным» и описывая посвященные ему пышные и жестокие обряды. Сближается с этим произведением и стихотворение Багрицкого *Враг*. Прозаизация традиционной военной темы, своеобразный взгляд на образ врага и войны, выраженные Багрицким, были восприняты поэтами-современниками и использованы в лирике 1940-х гг.

Индивидуальное своеобразие поэзии Багрицкого раннего периода также обусловил образ Тиля Уленшпигеля, связывающий между собой поэзию и поведенческую стратегию поэта. Как вспоминала Л. Багрицкая, «роман де Костера был настольной книгой поэта, а фольклорные образы Тиля Уленшпигеля и его закадычного друга, весельчака и ленивца Ламме, ставшего носителем идеи народного возмездия, – любимыми героями Багрицкого»³⁴. Но не только героями: по нашему мнению, они стали неотъемлемыми элементами канона жизнетворчества, на которые ориентировался поэт. «Тиль Уленшпигель и Ламме Гоодзак слились в нем в одно», – полагала З. Шишова³⁵. А. Адалис даже утверждал, что поэту «хотелось жить так, как жили герои его стихов – замечательные малые: Робин Гуд и Эдвин, и Ламме Гоодзак, и сам Уленшпигель – бродяги и бунтовщики»³⁶. Это подтверждает наше предположение о создании жизнетворческого проекта Багрицкого по модели «художник – бродяга». На наш взгляд, стихотворения, в которых возникает этот образ, целесообразно рассматривать как цикл. В нем циклообразующими элементами является образ Тиля Уленшпигеля, который сближается с лирическим героем, сквозная тематика, текстуальные совпадения, использование экспозиции, внешне не связанной с проблематикой стихотворений.

Стихотворение *Тиль Уленшпигель* датировано 1918 г. и 1926 г. Первая редакция этого стихотворения напечатана в одесских «Силуэтах», а позднее, в существенно переработанном виде, вторая редакция публиковалась в «Красной нови» и в сборнике «Юго-Запад». Стихотворение открывается обширной экспозицией, являющейся описанием кухни. Это описание напоминает фламандскую живопись, с которой неоднократно сравнивали стихотворения Багрицкого. В ней с помощью крупных, ясных и выпуклых образов представлена картина приготовления пищи. Описание кухни представляется нам искусной стилизацией, которая создает мир прошлого, причем мир, в котором контаминируются детали книжной реальности и современности. Лирический герой переключает внимание с кухни, где готовится пища, на себя:

Я в этот день по улице иду,
На крыши глядя и стихи читая, –

³⁴ Эдуард Багрицкий: воспоминания современников. Сост. Л.Г. Багрицкая. Москва: Советский писатель, 1973, с. 535.

³⁵ Эдуард Багрицкий: Альманах. Под ред. В. Нарбута. Москва: Советский писатель, 1936, с. 202.

³⁶ Там же, с. 211.

В глазах рябит от солнца, и кружится
Беспутная, хмельная голова³⁷.

В стихотворении возникает образ «бродяги», важный и для самохарактеристики героя, а сближение лирического героя и Тиль Уленшпигеля происходит не путем осознания каких-либо сходных черт, а путем наделения его собственными чертами. Таким образом, Тиль Уленшпигель является не только бродягой, как и лирический герой, но и поэтом, как он. В образе лирического героя подчеркнуты особенности, характерные и для поэта: «Пускай голодный я стою у кухонь», «Пускай истреплется моя одежда, / И сапоги о камни разобьются», а также дух вольнолюбия, сопряженный с близостью к людям. Во вторую редакцию стихотворения, опубликованную в «Красной нови», были внесены изменения. В первой редакции призыв к упокоению относится к бродяге, который в своей жизни много пил; во второй вместо образа бродяги поэт вводит образ товарища, который не много пил, а много пел о свободе. В первой редакции речь шла о могиле бродяги Уленшпигеля, а во второй – об упокоении лирического героя, посвятившего себя «песне и свободе».

Образ Тиль Уленшпигеля создан и в двух стихотворениях, написанных в конце 1922 г. и опубликованных одновременно: в новогодних номерах «Моряка» за 1923 г. и «Известиях Одесского губисполкома...» с одинаковыми заглавиями *Тиль Уленшпигель. Монолог*. В стихотворении *Тиль Уленшпигель. Монолог* («Отец мой умер на костре, а мать...») создается стилизация, в которой события, происходящие с лирическим героем, связаны с книжной основой. Однако поэт причудливо переосмысливает ее, отождествляя книжного и лирического героя, говорящего от первого лица.

Я – Уленшпигель. Нет такой деревни,
Где б не был я; нет города такого,
Чьи площади не слышали б меня.

Он близок к народу, к «добрым фламандцам», он «всем знаком». Герой пробуждает в сердцах, заплывших жиром и привыкшим мечтать лишь о пиве и душистом супе, «дух вольности и гордости родной». Он зовет кузнецов не починять кастрюли, а ковать мечи и наконечники для копий, он зовет корабельщиков построить корабль освобождения, солдат – не «почесывать затылки, / Дыша вином у непотребных девок», а готовиться к бою. Он дважды произносит пароль гезов, которые вели борьбу против испанского владычества, отвечая на посвист жаворонка криком петуха. Этот крик упоминался уже в первом стихотворении и возникает в финале, обращенном к испанскому полководцу Альбе³⁸. Во втором стихотворении *Тиль Уленшпигель. Монолог* («Я слишком слаб, чтоб латы боевые...») лирический герой признается в неспособности воевать на поле брани, потому его оружием становится искусство – поэзия, живопись, музыка: «Веселые я выдумую песни», «на заборе нарисую», «перебирая струны, запою».

³⁷ Э.Г. Багрицкий. *Собрание сочинений: в 2 т.* Т. 1: *Ранние стихи. Октябрь. Море. Трактир. Юго-Запад...*, с. 51–52.

³⁸ Там же, с. 290–291.

К циклу стихотворений о Тиле Уленшпигеле, по нашему мнению, относится также стихотворение *Ламме* («В осенний день над площадью стоит»). Обычно оно публикуется отдельно от остальных произведений. Только в издании незавершенного двухтомного *Собрания сочинений* (1938) они публиковались как цикл³⁹. Как известно, между стихотворениями *Ламме* и *Встреча* есть текстуральные совпадения, но, на наш взгляд, их следует рассматривать не как разные редакции одного стихотворения, а как два разных произведения, связанных между собой тематически. Как и прежние стихотворения цикла, *Ламме* начинается экспозицией, в которой представлено выразительное описание базарной площади. На ней продаются «осенние дары воды и суши»: полный соком виноград, пыльно-фиолетовые сливы, плетеные корзины с яблоками, золотистый перелив которых «озаряет» корзины, распластанные камбалы, грудой наваленный творог, нежно тающее масло, подвешенные на крючках мясные туши. Лирический герой, оглядывая эти богатства, думает о своем друге: «О, где же ты, широкоплечий Ламме – Великий мастер кухни и корчмы?»⁴⁰ Образ толстяка Ламме, несущего гогочущего гуся и корзину с разнообразной снедью, символизирует собой возникавшую во всех стихотворениях цикла тему освободительной борьбы вольнолюбивых фламандцев, обозначаемую через свист жаворонка и крик петуха. Стихотворение *Встреча* отличается от стихотворения *Ламме* существенно, прежде всего, описанием базара, свидетельствующим об изменении точки зрения лирического героя. Он смотрит на продающуюся еду с отвращением и, в отличие от описания кухни или базара в предшествующих произведениях, испытывает по отношению к еде кардинально иные чувства: он «заблудился в грудах помидоров», «среди арбузов не нашел дороги», «черешни завели меня в тупик», «стена творожная обстала», «обрывы сыра / Грозят меня обвалом раздавить»⁴¹. Масло, о котором герой говорил, что оно «нежно тает», теперь вот-вот «раскаленной жижей» «обдаст камня – и зальет меня». Брюква – «синемордая, тупая», морковь – «крысья, узкорылая». Еда «неумолимо» навалена в корзины и телеги, раскидана по грязи в мешках. С особенным отвращением описаны продавцы, «хозяйева еды», «вожди съедобных батальонов», «памятники пьянству и обжорству». Все здесь ему глубоко враждебно, он «один среди враждебной стаи / Людей, забронированных едою». Появление Ламме представляется здесь спасением героя, неожиданным подарком. Описание общения с ним значительно расширено, детализировано и осовременено. Вместо искусной стилизации, в которой Ламме и лирический герой находятся в условном прошлом времени, поэт переносит любимого героя в современность – ведет в погреб с надписью «Пивная госзаводов Пищетрест». Диалог между Ламме и лирическим героем касается позиции поэта. Ламме видит, что он потерял прежнюю готовность к борьбе, он «ослабел». Если в стихотворении 1923 г. появление Тиля Уленшпигеля было неожиданным, то здесь с помощью ряда сравнений, повторяющихся «Пока... Пока...» акцентируется другая мысль: он

³⁹ Там же, с. 453–472.

⁴⁰ Там же, с. 491.

⁴¹ Там же, с. 117.

и не мог не появиться, поскольку он вечен. Потому заключительный стих *Я Тилья Уленшпигеля пою!* становится утверждением свободолюбивой идеи. В отличие от *Ламме* в этом стихотворении строка публикуется после отточия и завершается восклицательным знаком.

Образы Тилья Уленшпигеля и Ламме, восходящие к литературному претексту, заняли важное место в жизнетворчестве поэта. Созданный на основе книжного источника и с помощью его образов мир построен на борьбе бродяги и творца с несправедливостью. В нем приняты отвлеченные и простые истины, противостоящие стороны определены четко и ясно, друзья и враги легко различимы. Во *Встрече* ощутимы перемены, происходящие в сознании лирического героя: выходя за границы условного поэтического мира, он обнажает истинные значения предметов и событий. Раблезианская радость от образов еды сменяется отвращением к ним, поскольку книжный мир устроен по другим правилам, чем мир реальный. Ламме оказывается голосом совести, призывающим из условного мира борьбы за справедливость выйти в мир действительных социальных противоречий, где Тилья Уленшпигель остается символом постоянного сопротивления. Но тоска лирического героя этим все равно не искупается.

Еще один важный элемент жизнетворческого проекта Багрицкого – это образ Диделя, близкого лирическому герою и самому поэту – любителю и знатоку птиц. Впервые это имя появляется в рукописи, датированной 1916–1917 гг. Эта рукопись утеряна, но воспроизведена в альманахе «Эдуард Багрицкий»⁴². Две песни, содержащиеся в рукописи, опубликованы в 1923 г. в газете «Моряк». Редакция «Библиотеки поэта» называет эти песни разными редакциями стихотворения *Птицелов*. Как в случае со стихами *Ламме* и *Встреча*, мы рассматриваем их в качестве самостоятельных произведений, связанных единством темы и имеющих текстуальные совпадения. Известное стихотворение Багрицкого *Птицелов* впервые опубликовано в 1927 г. в «Красной ниве», а также открывало сборник «Юго-запад». Стихотворение датировано автором 1918 г. В 1926 г. оно вписано в тетрадь под заглавием *Дидель*. На наш взгляд, очевидна тематическая переключка между стихами о Диделе и стихотворением *О любителе соловьев*, опубликованном в 1915 г. в альманахе «Авто в облаках». *Птицелов* и стихотворения «диделевского цикла», по нашему мнению, должны рассматриваться в контексте произведений Багрицкого о птицах, особенную любовь к которым отмечают все исследователи его биографии и творчества.

В жизнетворческом проекте Багрицкого модель «художник – бродяга» имеет инвариант «поэт – птицелов». В стихотворении *Тилья Уленшпигель* («Отец мой умер на костре, а мать...») сам поэт использует именно этот образ: «...бродяге-птицелову, / Несущему на рынок свой улов...», так что сближение лирического героя с птицеловом совершенно органично. Здесь впервые возникает любовная тема, когда увлеченность героя птицами приносит страдание женщине, не умеющей занять их место в его сердце. Поэт и «бродяга – птицелов» оказывается неспособным к жизни на одном месте, к обычному человеческому семейному счастью. В первой песне («Ах, у Диделя в котомке») птицы упоминаются

⁴² Эдуард Багрицкий: Альманах..., с. 65.

дважды: среди разных занятий Диделя – «гуляет по полям», «смотрит в небо», «смеется невзначай», «свищет птицам». Затем эти же слова возникают в повторяющейся строфе:

Марта, Марта, надо ль плакать,
Если Дидель ходит в поле,
Если Дидель свищет птицам
И смеется невзначай⁴³.

Эта строфа тематически сближается со стихотворением *О любителе соловьев*, в которой лирическая героиня признается: «Я в него влюблена, / А он любит каких-то соловьев...»⁴⁴. Во второй песне *Целый день – одна забота* образ Марты выдвигается на первый план. В первой песне она описана, как дочь трактирщика, «девушка с косою русой», которую Дидель покинул, а на нее засматривается «королевский красный рейтер»: он «глядит, глядит на Марту, / Крутит ус и щурит глаз». Во второй песне у нее «целый день – одна забота: / Прясть и прясть не уставая». Она влюблена в Диделя, однако лирический герой – птицелов и бродяга, он не может остаться рядом с Мартой, сердце которой хорошо понимает: «Дидель знает – это сердце / По любви своей грустит».

Завершающее стихотворение цикла датировано автором 1918 г. Багрицкий собирався назвать его *Дидель*, но затем все-таки отдал предпочтение заглавию, называемому не имя героя, а его занятие. Он хорошо изучил птиц, знает их повадки, время перелетов, безошибочно различает их посвисты:

Соловей ударил дудкой,
На сосне звенят синицы,
На березе зяблик бьет.

«Веселый Дидель» – хозяин этого мира. С палкой, птицей и котомкой он ходит по разным местностям и странам: через Гарц, по рейнским берегам, по Тюрингии и Саксонии, по Вестфалии и Баварии. Он весел, потому что свободен и слит с живой природой. Как отмечали авторы коллективной монографии *История русской советской поэзии. 1917–1941*, «...в стихах этого рода намечается очень существенная для поэзии Багрицкого идеализация “непосредственной жизни, близости к природе, ветру, солнцу, лесам”, сопровождаемая образами охоты, вольного бродяжничества»⁴⁵. Несмотря на изменение социокультурной ситуации, основа жизнотворческого проекта остается прежней: «...поэтизация жизни как „кидания бездомной молодости”, романтизация бродяжничества, в котором открывается мир вольным и распахнутым, накладывает свой отпечаток и на восприятие самой революции»⁴⁶. Ее участник, однако, из бродяги-птицелова превращается в бродягу-борца, как, впрочем, и его герой Тиль Уленшпигель.

⁴³ Э.Г. Багрицкий. *Собрание сочинений: в 2 т.* Т. 1: *Ранние стихи. Октябрь. Море. Трактир. Юго-Запад...*, с. 479.

⁴⁴ Там же, с. 235.

⁴⁵ *История русской советской поэзии. 1917–1941.* Ленинград: Наука, 1983, с. 194.

⁴⁶ Там же, с. 195.

Багрицкий, как известно, был склонен к воспеванию и поэтизации бродяг и бродяжничества, притом применительно и к самому себе. В стихотворениях о Тиле Уленшпигеле именно бродяжничество дает поэту основания сопоставлять своего любимого героя с лирическим героем: «...вспоминаю / О том бродяге, что, как я, быть может, / По улицам Антверпена бродил...», «Пусть, как и тот бродяга, я пройду / По всей стране...». В творческом мире, в то же время, образ Тили Уленшпигеля близок к Диделю, то есть птицелову, который прямо назван «бродягой»: «Я всем знаком: бродяге-птицелову...». У Багрицкого бродягой является и сам лирический герой: «Я целый день шатаюсь по дорогам...». Попытки объяснить эту особенность предпринимались неоднократно. Исследователи полагали, что бродяга, хоть и символ вольности, но индивидуалистической, он борется не за переделку общества, а за уход от него в мир природы. На наш взгляд, здесь очевидно усвоение романтической по своей сути модели поведенческой стратегии, когда поэт остается свободным творцом, не связанным с определенной социальной средой, а формой жизни является творчество, в данном случае поэтическое. Следование этой стратегии ощутимо и в поэзии, и в обычной жизни Багрицкого, построенной на отрицании материального, не подчиненной условиям привычного житейского существования. Лирический герой поэта, например, в стихотворении *Осень* (1916), говорит: «Я целый день шатаюсь по дорогам». Он не занят созидательным трудом, а живет лишь тем, что жертвуют ему другие: «...в мою суму дорожную бросают / Потертый грош, творожную лепешку»⁴⁷. В заключительной части стихотворения автохарактеристика лирического героя дополняется такими деталями, как «...мы бродяги подбираем жадно...» и «Я, бедный странник, подымаю руки...».

И. Волгин писал, что сам поэт в обычной жизни все чаще стремился уйти от житейской суеты:

И чем неподвижнее оседает он в своей крохотной квартирке на Дальницкой улице, <...> чем плотнее окружают его литературные друзья и поклонники, делящие с ним бремя “веселой нищеты”, тем бесприютнее и отчаяннее становится его лирический герой, тем охотнее вступает он в единоборство со стихией:

Ранним утром
Я уйду с Дальницкой,
дынь возьму и хлеба в узелке,
Я сегодня
Не поэт Багрицкий,
Я – матрос на греческом дубке...⁴⁸

А. Карпов полагал, что в этих стихотворениях содержалась

квинтэссенция характерного для раннего Багрицкого радостного любования прекрасным, многокрасочным миром. Но гармоничность характера <...> была, в сущности, гармонией упрощенности, оказывалась искусственной. Традиционное для романтиче-

⁴⁷ Э.Г. Багрицкий. *Собрание сочинений: в 2 т.* Т. 1: *Ранние стихи. Октябрь. Море. Трактир. Юго-Запад...*, с. 100.

⁴⁸ И. Волгин. *Эдуард Багрицкий. Стихотворения и поэмы...*, с. 11.

ской поэзии противопоставление божественного дара певца тупой сытости обывателя у Багрицкого обострялась тем, что его герой, покидая заоблачные романтические выси, выходил в жизнь»⁴⁹. Однако эта жизнь, на наш взгляд, имела не много общего с реальностью: как признавался сам поэт, «события мало волновали меня. Я старался пройти мимо них»⁵⁰.

В стихотворениях этого периода очевидно ученичество Багрицкого не столько у конкретных поэтов-предшественников и современников, сколько у всей новейшей русской поэзии. Он отдает дань такому пониманию поэтического образа, который должен быть вещным, ясным, прозрачным, как в акмеизме, склонен к выпуклым и живописным описаниям еды, напоминающим картины фламандской школы живописи. Вместе с тем Багрицкий использует такую комбинацию средств художественной выразительности, в которой, например, плодотворные для поэтики футуризма олицетворения использованы для названия не урбанистических, а природных явлений. В ранний период творчества он прошел путь ученичества, обрел индивидуальную и неповторимую тематику и поэтику. Его стихотворения этого времени составляют важнейшую часть жизнетворческого проекта, в котором книжный мир прошлого отбрасывает свой отсвет на действительность, а герои любимых произведений отождествляются с лирическим героем поэта.

Литература

- Азаров В.Б. *Багрицкий и современность*. «Новый мир» 1948, № 7, с. 201–214.
- Азаров В.Б. *Пушкинская тема в творчестве Багрицкого*. «Литературный современник» 1937, № 1, с. 169–174.
- Аннинский Л. Э. *Багрицкий: «... и труба пропела»*. «Литературная учеба» 2003, № 5, с. 178–195.
- Аннинский Л. *Эдуард Багрицкий: «... и труба пропела»*. [В:] Аннинский Л. *Красный век. Эпоха и ее поэты. В 2 книгах*. Москва: ПРОЗАиК, 2009. [Online:] <<https://coollib.com/b/212252/read#t16>> (20.08.2017).
- Аннинский Л.Э. *Са-пож-ни-ки...* «Родина» 2010, № 3, с. 23.
- Антокольский П.Г. *Путь поэта*. [В:] *Эдуард Багрицкий: воспоминания современников*. Москва: Советский писатель, 1973, с. 3.
- Антокольский П.Г. *Эдуард Багрицкий*. [В:] Антокольский П.Г. *Поэты и время*. Москва: Советский писатель, 1957, с. 85–99.
- Багрицкий Э.Г. *Собрание сочинений: в 2 т.* Т. 1: *Ранние стихи. Октябрь. Море. Трактир. Юго-Запад*. Под ред. И. Уткина. Вступ. ст. Ю. Севрука. Москва–Ленинград: ГИХЛ, 1938.
- Банчуков Р.В. *Одесса – Кунцево – Вечность*. [В:] *Люди. Peoples.ru*. [Online:] <http://www.peoples.ru/art/literature/poetry/contemporary/eduard_bagritskiy> (20.08.2017).
- Баренбойм П. *Тиль Уленшигелъ времен сталинизма*. «Время новостей» 2010, 16 февраля.
- Богомолов Н.А. *«Мы два грозой зажженные ствола...»*. [В:] *Анти-мир русской литературы: язык, фольклор, литература*. Москва: Ладомир, 1996, с. 309–337.

⁴⁹ А.С. Карпов. *Багрицкий Эдуард Георгиевич*. [В:] *Русские писатели 20 века. Биографический словарь*. Гл. ред. и сост. П.А. Николаев. Москва: Научное издательство «Большая Российская энциклопедия», Издательство «Рандеву-АМ», 2000, с. 61.

⁵⁰ Там же.

- Бугаева К.М. *К вопросу об эволюции романтизма Э. Багрицкого*. «Вопросы русской литературы» 1966. Вып. 2, с. 73–78.
- Бычкова Е.А. *Жизнетворчество как феномен культуры декадана на рубеже XIX–XX веков*. Диссертация на соискание ученой степени кандидата культурологии. Специальность 24.00.01 – «Теория и история культуры». Москва, 2001.
- Вайнштейн О. *Жизнетворчество в культуре европейского романтизма*. «Вестник РГГУ». Вып. 2: *ИВГИ за письменным столом*. Под ред. С.Ю. Неклюдова. Москва: Российский государственный гуманитарный университет, 1998, с. 161–186.
- Винокур Г.О. *Биография и культура. Русское сценическое произношение*. Москва: Русские словари, 1997, с. 17–23.
- Волгин И. *Эдуард Багрицкий. Стихотворения и поэмы*. Сост., вступ. ст. и прим. И.Л. Волгина. Москва: Правда, 1987, с. 5–20.
- Гехт С. *Э.Г. Багрицкий Избранное*. Москва: Правда, 1939, с. 3–12.
- Горелов А. *Маяковский и Багрицкий. Идеи и образы; Горелов А. Бесстрашие художника*. Ленинград: Издательство писателей, 1935, с. 54–70.
- Гринберг И. *Эдуард Багрицкий. Стихотворения и поэмы*. Авт. вступ. ст. И. Гринберг. Сост. и подгот. текста В. Азарова, Е. Бургункер. Москва: Художественная литература, 1956, с. 5–35.
- Гринберг И. *Эдуард Багрицкий: творческий путь поэта*. Ленинград: Художественная литература, 1940.
- Домиль В. *Удивительный мир Эдуарда Багрицкого*. «Секрет» 6 августа 2010. [Online:] <http://bagritsky.ru/articles/Udivitelnyu_mir_Aeduarda_Bagritskogo/> (20.08.2017).
- Загребельный М.П. *Эдуард Багрицкий*. Харьков: Фолио, 2012. [Online:] <http://modernlib.ru/books/m_p_zagrebelnij/eduard_bagrickiy/read_1/> (20.08.2017).
- Иоффе Д. *Жизнетворчество русского модернизма subspeciesemioticae. Историографические заметки к вопросу типологической реконструкции системы жизнь-текст*. «Критика и семиотика» 2005. Вып. 8, с. 126–179.
- История русской советской поэзии. 1917–1941*. Ленинград: Наука, 1983.
- Каракина Е. *Птицелов в сетях*. «Предлог» 2000, № 2, с. 180–188.
- Каракина Е. *По следам Юго-Запада*. [Online:] <http://www.belousenko.com/books/litera/karakina_south_west.htm> (20.08.2017).
- Карпов А.С. *Багрицкий Эдуард Георгиевич*. [В:] *Русские писатели 20 века. Биографический словарь*. Гл. ред. и сост. П.А. Николаев. Москва: Научное издательство «Большая Российская энциклопедия», Издательство «Рандеву-АМ», 2000, с. 60–62.
- Кагаев В.П. *Алмазный мой венец*. Москва: Советский писатель, 1979.
- Ковалева Е.А. *Лексический аспект железнодорожной ситуации в поэзии Э. Багрицкого*. [В:] *Масловские чтения*. Мурманск: Издательство Мурманского университета, 2007, с. 231–235.
- Крук И.Т. *Забывтые страницы Э. Багрицкого*. «Вопросы русской литературы». Вып. 1 (4). Львов: Издательство Львовского университета, 1967, с. 47–53.
- Кулагина А.А. *Жизнетворческая концепция и принципы создания образа в лирике и драматургии Н.С. Гумилева*. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Специальность 10.01.01 – «Русская литература». Москва, 2012.
- Литературная энциклопедия*. Т. 2. Москва: Советская энциклопедия, 1929, стб. 768.
- Любарева Е.П. *Советская романтическая поэзия (Н. Тихонов, М. Светлов, Э. Багрицкий)*. 2-е изд. Москва: Высшая школа, 1973.
- Любарева Е.П. *Эдуард Багрицкий: Жизнь и творчество*. Москва: Советский писатель, 1964.
- Малиновский А.А. *Э. Багрицкий. «Кошки»*. [В:] «Русский язык в школе» 2014, № 2, с. 42–45.

- Миц З.Г. *Раннее творчество Эдуарда Багрицкого*. «Вестник ЛГУ» 1948, № 6, с. 109–118.
- Миц З.Г., Лотман Ю.М. *Статьи о русской и советской поэзии*. Таллинн: Ээсти Раамат, 1989.
- Михайлик Е. «Карась» глазами рыбоведа. «Новое литературное обозрение» 2007, № 87, с. 104–112.
- Никольская Т.Л. *Творческий путь Л.Д. Зиновьевой-Аннибал*. [В:] А. Блок и революция 1905 года. Блоковский сборник 7. Тарту, 1988, с. 123–139.
- Обатнина Е.А. А.М. Ремизов: *жизнетворчество entrenchienetloup*. «Пограничное сознание. Альманах». Вып. 5. Санкт-Петербург, 1999, с. 397–424.
- Олеша Ю.К. *Ни дня без строчки: воспоминания*. [В:] Олеша Ю.К. *Зависть. Три толстяка. Ни дня без строчки*. Москва: Художественная литература, 1989, с. 220–228.
- Олеша Ю.К. *Об Эдуарде Багрицком*. «Литературный критик» 1934, № 3, с. 84–91.
- Паперный В.М. *Из наблюдений над поэтикой Андрея Белого: лицемерие как текстопорождающий механизм*. «Славяноведение» 1992, № 6, с. 39–44.
- Поступальский И. *Стихи. Воспоминания о Багрицком*. Вступ. слово, публ. и ком. С. Зенкевича. «Журнальный зал. Арион» 2015, № 4. [Online:] <<http://magazines.russ.ru/arion/2015/4/22p.html>> (20.08.2017).
- Петрова Н.А. *Но иногда глаза он раскрывал. Февраль и Октябрь в поэзии Эдуарда Багрицкого*. «Вестник Томского государственного университета. Филология». Томск: Томский государственный университет, 2010, № 4 (12), с. 86–94.
- Рождественская И.С. *Поэзия Эдуарда Багрицкого*. Ленинград: Художественная литература, 1967.
- Святополк-Мирский Д.П. Э. Багрицкий. «Юго-Запад». [В:] *Поэты и Россия: Статьи. Рецензии. Портреты. Некрологи*. Санкт-Петербург: Алегейя, 2002, с. 133–136.
- Синявский А.Д. *Эдуард Багрицкий*. [В:] *История русской советской литературы*. Т. 1. Москва: Изд-во АН СССР, 1958, с. 397–420.
- Стратановский С. *Возвращаясь к Багрицкому*. «Звезда» 2007, № 2, с. 191–208.
- Фаликов И. *Кидайся в края...: заметки о Багрицком*. «Культура» 2004, 13–19 мая, с. 5.
- Худенко Е.А. *Жизнетворчество М.М. Пришвина: игровая стратегия*. [Online:] <<http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/18695/1/iurg-2011-87-10.pdf>> (20.08.2017).
- Шохина В. *Ангел смерти в кожаной тужурке*. «Частный корреспондент», 3 ноября 2014. [Online:] <http://www.chaskor.ru/article/angel_smerti_v_kozhanoj_tuzhurke__20802> (20.08.2017).
- Эдуард Багрицкий: Альманах*. Под ред. В. Нарбута. Москва: Советский писатель, 1936.
- Эдуард Багрицкий: воспоминания современников*. Сост. Л.Г. Багрицкая. Москва: Советский писатель, 1973.
- Эренбург И. *Люди, годы, жизнь: Воспоминания: в 3 т.* Т. 1. Вс. ст. Б.М. Сарнова, ком. Б.Я. Фрезинского. Изд. исправл. и доп. Москва: Советский писатель, 1990.
- Эренбург И. *Стихотворения и поэмы*. Вс. ст., сост., подг. текста и прим. Б.Я. Фрезинского. Серия «Новая библиотека поэта». Санкт-Петербург: Гуманитарное агентство «Академический Проект», 2000.

RECEPCJA LITERATURY
ЛИТЕРАТУРНАЯ РЕЦЕПЦИЯ
LITERARY RECEPTION

ВАРШАВСКАЯ ПРЕМЬЕРА *ИДИОТА* КАК ПУТЬ ОСМЫСЛЕНИЯ РОМАНА ФЕДОРА М. ДОСТОЕВСКОГО

SIARHEI PADSASONNY

Uniwersytet Warszawski
Wydział Lingwistyki Stosowanej
Instytut Lingwistyki Stosowanej
ul. Dobra 55, 00-312 Warszawa, Polska
e-mail: s.padsasonny@uw.edu.pl
(nadesłano 4.07.2017; zaakceptowano 7.09.2017)

Abstract

Warsaw premiere of *The Idiot* as a way to comprehend F. M. Dostoevsky's novel

The article gives an assessment of the premiere (February 11, 2017) of the eponymous play based on the novel *The Idiot* by F.M. Dostoevsky in the National Theater (Teatr Narodowy) in Warsaw directed by Pavel Miskiewicz (Paweł Miśkiewicz). The philosophical content of the play is analysed, with the *Apocalypse* as its leading motif. Attention is drawn to the role of the reflectivity as a connecting element for building the categories of double and doppelgänger. Reflection is made not only about the problem of saving beauty, but also about saving the whole world through beauty, goodness, Orthodoxy, Russia. The problem of understanding the image of Prince Myshkin, being a combination of the holy and the ridiculous, is unfolded, however there is no answer about his identity: he might be Christ, a false prophet or, perhaps, the devil himself.

Key words

Play, double, doppelgänger, reflectivity, binary opposition, Apocalypse, time.

Резюме

В статье дается оценка премьеры (11 февраля 2017 г.) одноименного спектакля по роману *Идиот* Федора М. Достоевского в Национальном театре (Teatr Narodowy) в Варшаве в режиссуре Павла Мицкевича (Paweł Miśkiewicz). Анализируется философское содержание спектакля, ведущим смысловым мотивом которого становится *Апокалипсис*. Обращается внимание на роль зеркальности как связующего элемента для выстраивания категорий двойника и двойничества. Осмысливается постановка вопроса не только о спасении красоты, но и всего мира через красоту-добро, православие, Россию. Рассматривается проблема прочтения образа князя Мышкина, который сочетает в себе святое и смешное; однако нет ответа на вопрос, кто он: Христос, лжепророк или, может быть, сам дьявол.

Ключевые слова

Спектакль, двойник, двойничество, зеркальность, бинарная оппозиция, Апокалипсис, время.

В Польше первый перевод романа *Идиот* Федора М. Достоевского, сделанный Хеленой Гротовской (Helena Grotowska), появился в Кракове в 1909 году, это привело к широкой известности данного произведения в стране, на что указывают комментаторы *Полного собрания сочинений*¹ писателя (впрочем, они называют девичью фамилию переводчицы: «Г. де Кампо-Шипио» (итал. Scipio del Campo)). Позже польские режиссеры обращались к роману *Идиот* неоднократно. Например, через всё творчество Анджея Вайды (Andrzej Wajda) проходит как данный роман, так и иные тексты писателя. Однако особенный интерес наблюдается к постановке пьесы именно по роману *Идиот*: театральные репетиции спектакля проходили еще в 1975 году, но не завершились премьерой в Варшаве в Малом театре (Teatr Mały) – сцене Национального театра (Teatr Narodowy); успешная постановка появилась позже в Старом театре (Stary Teatr) в Кракове – пьеса «Настасья Филипповна» (польск. *Nastazja Filipowna* – 1977 г.). Постановке по мотивам романа *Идиот* предшествовали 27 предпремьерных показов-репетиций, на которые зрители могли купить билеты и следить за тем, как достигается финальный результат. Перед зрителем предстали только два актера, игравшие Мышкина и Рогожина, а последняя глава романа Достоевского подверглась импровизации. Театральный критик Барбара Остерлофф (Barbara Osterloff) заметила:

«Признаюсь, что наиболее увлекательной для меня в краковской постановке стала проверка или же подтверждение театральных возможностей, которые открываются

¹ Здесь и далее цитаты из данного издания приводятся по: Ф. М. Достоевский. *Полное собрание сочинений*. Т. IX. Ленинград: Наука, 1972–1990, с. 423 – с указанием тома (римскими цифрами) и страницы (арабскими цифрами).

в адаптации *Идиота* Вайды. Тем более что актеры, от которых зависит ответ на вопрос, „где Настасья Филипповна?“, могут здесь сделать очень много» (здесь и далее пер. мой – С.П.)².

Но Вайда не был удовлетворен результатом до конца, он искал новых решений. К постановке романа Достоевского мэтр вернулся на японской сцене с местными актерами в 1989 году. Режиссер мастерски использует методики театра кабуки, при помощи которых ищет новые пути изображения. Сам Вайда замечал:

«Многие годы меня мучила мысль, а позже и уверенность, что существует некое лучшее сценическое решение *Идиота*. Помог случай. Когда в 1981 году я посещал Киото, там шла постановка *Дамы с камелиями*. Так я познакомился с Тамасабуро Бандо, одним из величайших японских исполнителей женских ролей»³.

Актер исполнит роль Мышкина и Настасьи Филипповны также и в последующей киноверсии (*Настасья* (польск. *Nastazja* – 1994 г.)), в которой женское и мужское станут нераздельным единством, а философия Достоевского наполнится новыми смыслами двойничества.

На основе постановки Вайды в 2013 году состоялась очередная премьера спектакля *Настасья Филипповна* (польск. *Nastasja Filipowna*), который до сегодняшнего дня (2017 г.) идет уже в адаптации Анджея Домалика (Andrzej Domalik) в варшавском Театре имени Стефана Ярача «Атенеум» (Teatr im. Stefana Jaracza Ateneum). Режиссер в интервью заметил:

«Проще всего было бы сказать, что в начале было слово, но это неправда. В начале были актеры. Я подумал, что если судьба свела меня с Мартином Дорочинским (Marcin Dorociński) и Гжегожем Даменцким (Grzegorz Damiński), которые играют у нас в труппе, то будет очень интересно увидеть их вместе на сцене. С этого всё и началось»⁴.

В спектакле также, как и в задумке Вайды, только два актера, которые играют Мышкина и Рогожина; это последняя встреча героев романа, которые ведут напряженный диалог о вере, Боге, бытии и красоте, а главная героиня уже мертва,

² B. Osterloff. *Gdzie jest Nastasja Filipowna? 27 prób Andrzeja Wajdy (I)*. «Teatr». № 5. 6 marca 1977. [Online] <<http://www.encyklopediateatru.pl/artykuly/66457/gdzie-jest-nastasja-filipowna-27-prob-andrzeja-wajdy-i>> (27.02.2017). См. оригинал: „Przyznaję się, że najbardziej ekscytujące w krakowskim przedsięwzięciu jest dla mnie sprawdzenie czy też potwierdzenie możliwości teatralnych, jakie niesie adaptacja *Idioty* Wajdy. Tym bardziej, że aktorzy, od których zależy odpowiedź na pytanie: „gdzie jest Nastasja Filipowna?” – wiele mogą tu zdziałać”.

³ Fiodor Dostojewski, *Nastasja Filipowna, według pomysłu Andrzeja Wajdy, na motywach Idioty*. Warszawa: Ateneum, Teatr im. Stefana Jaracza w Warszawie, 2013 [program spektaklu]. См. оригинал в программе к спектаклю: „Przez lata dręczył mnie niepokój, a później pewność, że istnieje jakieś lepsze rozwiązanie sценicznej wersji *Idioty*. Z pomocą przyszedł mi przypadek. Kiedy w 1981 roku odwiedziłem Kioto, grano tam *Damę Kameliową*. Tak poznałem Tamasaбуro Bando, jednego z największych japońskich odtwórców ról kobiecych”.

⁴ Там же, см. оригинал: „Najłatwiej byłoby powiedzieć, że na początku było słowo, ale to nieprawda. Na początku byli aktorzy. Pomyślałem, że skoro los zdarzył, że mamy w zespole Marcina Dorocińskiego i Grzegorza Damińskiego, będzie to bardzo ciekawe zobaczyć ich razem na scenie. Od tego to się zaczęło”.

находится в соседней комнате. Настасья Филипповна, имя которой вынесено в название пьесы, так и не появляется на сцене, но зритель в каждой фразе и жесте чувствует, что она рядом, а эмоции достигают кульминации именно благодаря эффекту отсутствия. Существенным отличием от постановки Вайды является четкое следование установкам режиссера, а не игровая импровизация. Короткий спектакль (75 мин.) держит зрителя в абсолютном напряжении и оказывает ошеломляющее воздействие.

В 2000 году была еще одна постановка в Театре Розмаитости (Teatr Rozmaitości) в режиссуре Николая Варянова (Mikołaj Warianow) – это псевдоним Гжегожа Яжины (Grzegorz Jarzyna). В роли князя Мышкина выступил Цезарий Косиньски (Cezary Kosiński). Спектакль

«...должен был стать историей человека, который находится в поиске простоты и бескорыстия в прагматическом мире Петербурга. В спектакле используются звуки чечетки, музыка Павла Мыкетына (Paweł Mykietyn), мультипликация Петра Думала (Piotr Dumała)»⁵.

А в 2014 году в театре «Сохо» (Teatr Soho) появилась постановка «Идиот» в режиссуре Игоря Гожковского (Igor Gorzkowski). На сцене четыре персонажа: Мышкин, Рогожин, Настасья и Аглая. Интересным моментом является то, что роль Мышкина исполняет актриса Агата Бузек (Agata Buzek), будто оживляя традицию театра кабуки, которую ранее использовал Анджей Вайда.

«В белом костюме, без макияжа она напоминает британскую актрису Тильду Суинтон (Tilda Swinton). В исполнении Бузек персонаж лишен категории пола, и весь его мир – это мир духовный»⁶.

11 февраля 2017 года состоялась очередная премьера одноименного спектакля по роману «Идиот» в Национальном театре (Teatr Narodowy) в Варшаве в режиссуре Павла Мишкевича (Paweł Miśkiewicz). Следует отметить, что на сцене Национального театра пьесу по данному роману ставят впервые, а обращаются к творчеству Достоевского только лишь в третий раз: перед этим дважды были поставлены *Братья Карамазовы* в режиссуре Адама Ханушкевича (Adam Hanuszkiewicz), а также Анны и Ежи Красовских (Hanna i Jerzy Krasowscy).

На этот раз на суд зрителю было представлено полномасштабное действие, в котором участвуют 15 актеров, а продолжительность спектакля – 3 часа 40 минут (с одним антрактом). Первое действие представляет собой объективный взгляд на героя (Мышкина) романа Достоевского, оно сближено в сюжетно-композиционном смысле с текстом произведения, когда герои один за другим на вечере у Настасьи Филипповны рассказывают о самом ужасном поступке в своей жизни. А вот второе действие – это субъективный взгляд на мир

⁵ I. Szymańska. *Zajrzeć do głowy księcia Myszkina*. „Gazeta Wyborcza”. „Co jest grane 24”. Warszawa, nr 34, wydanie z dnia 10/02/2017, SCENA, s. 24. См. оригинал: „...miał być historią człowieka poszukującego prostoty i bezinteresowności w pragmatycznym świecie Petersburga. W spektaklu wykorzystano dźwięki ze stepu, muzykę Pawła Mykietyna, animacje Piotra Dumala”.

⁶ Там же, см. оригинал: „W białym garniturze, bez makijażu, przypomina Tildę Swinton. Stworzyła postać, która jest poza płciami, a całym jej światem jest świat duchowy”.

через эпилептическое сознание героя. Режиссер соединяет динамичную, стремительно развивающуюся часть с метафизическим анализом бытия, воспринимаемого сквозь призму болезни. Спектакль наполнен глубоким философским содержанием, центральным смысловым мотивом которого становится Апокалипсис. Именно чтением текста *Откровения* Иоанна Богослова из уст актера, который играет Лебедева, и начинается пьеса. В романе герой признается князю Мышкину, что чтением Апокалипсиса и его толкованием пытался успокоить эмоциональность и надрывность Настасьи Филипповны:

«Я же в толковании Апокалипсиса силен и толкую пятнадцатый год. Согласилась со мной, что мы при третьем коне, вороном, и при всаднике, имеющем меру в руке своей, так как все в нынешний век на мере и на договоре, и все люди своего только права и ищут: „мера пшеницы за динарий и три меры ячменя за динарий“... да еще дух свободный, и сердце чистое, и тело здоровое, и все дары божию при этом хотят сохранить. Но на едином праве не сохраняют, и за сим последует конь бледный и тот, коему имя Смерть, а за ним уже ад...»⁷.

Герой даже утвердительно принимает тот факт, что его называют «профессором антихриста». Позже о пятнадцатилетнем толковании Апокалипсиса Лебедев повторяет информацию и Аглае Епанчиной, которая просит его объяснить данный текст. Однако генерал Иволгин тут же всё это называет «шарлатанством»⁸. В данной характеристике, а также дальнейшей попытке толкования Апокалипсиса Лебедевым звучит указание писателя на поверхностное понимание книги Библии героем, слишком дословное социально-бытовое прочтение. На этот факт также указывали комментаторы *Полного собрания сочинений* Достоевского, которые отметили, что толкование Апокалипсиса отразило отклик «на идейную борьбу эпохи», представленную в споре-переписке Александра И. Герцена и Владимира С. Печерина в 1853 году:

«В своих письмах к Герцену Печерин, признавая, что буржуазное общество несет с собой „тиранство“ материальной цивилизации и падение духовной жизни, делал отсюда вывод, что спасением для человечества является не наука, а религия. В противоположность Печерину, стоявшему в своей критике буржуазной цивилизации на романтической точке зрения, Герцен доказывал, что наука, техника, промышленность, создаваемые буржуазным обществом, являются величайшими прогрессивными рычагами общественного развития...»⁹.

Именно цивилизационный аспект толкования накладывается у Лебедева на понимание «звезды „полынь“» (Откр. 8, 10–11), которая ничто иное для героя, как «сеть железных дорог, раскинувшаяся по Европе»¹⁰. За этим символом цивилизационного развития Лебедев и усматривает губительность для человеческого бытия:

⁷ Ф.М. Достоевский... Т. VIII, с. 167–168.

⁸ Там же. Т. VIII, с. 202.

⁹ Там же. Т. IX, с. 393.

¹⁰ Там же. Т. VIII, с. 254; с. 309–310.

«Собственно одни железные дороги не замутят источников жизни, а всё это в целом-с проклято, всё это настроение ваших последних веков, в его общем целом, научном и практическом, может быть, и действительно проклято-с»¹¹.

Утраченная духовность становится причиной конечности мира, о чем с горечью восклицает Лизавета Прокофьевна: «... так уж и впрямь последние времена пришли»¹². А это указание непосредственно связано с текстом *Откровения*: «времени уже не будет» (Откр. 10, 6), «время близко» (Откр. 1, 3; 22, 10). Эту цитату повторяет и Ипполит, который намеревается прочесть свою исповедь и совершить самоубийство:

«Завтра „времени больше не будет“ <...> А помните, князь, кто провозгласил, что „времени больше не будет“? Это провозглашает огромный и могучий ангел в Апокалипсисе»¹³.

Через весь роман проходит мотив апокалиптического конца, через который автор ведет читателя к неминуемой катастрофе, а вместе с тем подчеркивает, что судный день настал для всех героев. Но князь Мышкин не задумывался Достоевским как гневный Христос Апокалипсиса, о чем автор писал из Женевы еще 31 декабря 1867 года (12 января 1868) Аполлону Н. Майкову:

«Давно уже мучила меня одна мысль, но я боялся из нее сделать роман, потому что мысль слишком трудная и я к ней не приговорен, хотя мысль вполне соблазнительная и я люблю ее. Идея эта – *изобразить вполне прекрасного человека*»¹⁴.

Позже в подготовительных материалах писатель трижды замечает на полях: «Князь Христос»¹⁵. И сам главный герой открыто говорит в романе, что он не является судьей, а поэтому оказывается несколько размытым в апокалиптическом настроении произведения. А вестником Апокалипсиса становится шарлатан Лебедев, который в спектакле Павла Мицкевича обретает совершенно иные черты характера. Критик Ян Боньча-Шабловски (Jan Bończa-Szabłowski) заметил:

«Мариуш Бенуа (Mariusz Benoit) – это замечательный Лебедев, комбинатор и пройдоха, который одновременно вызывает восхищение как толкователь Апокалипсиса»¹⁶.

И точно так же, как и в романе, ощущение конца, неминуемой катастрофы не покидает зрителя на протяжении всего спектакля.

Сложные для слухового восприятия монологи и диалоги героев, нелинейная композиция, обрывочность действия и сюжета постановки, вплетение ряда других текстов самого Федора М. Достоевского (*Униженные и оскорбленные*, *За-*

¹¹ Там же. Т. VIII, с. 310.

¹² Там же. Т. VIII, с. 237.

¹³ Там же. Т. VIII, с. 318–319.

¹⁴ Там же. Т. XXVIII (2), с. 240–241.

¹⁵ Там же. Т. IX, с. 246; с. 249; с. 253.

¹⁶ J. Bończa-Szabłowski. *Dostojewski w grze jak Big Brother*. „Rzeczpospolita”. „Kultura”. 16 lutego 2017. См. оригинал: „Mariusz Benoit to świętany Lebie dziew, kombinator i kręta cz, który jednocze śnie budzi podziw jako tłumacz Apokalipsy”.

писки из подполья, *Игрок*, *Бесы*, *Подросток*, *Братья Карамазовы*) и Николая А. Бердяева (*Смысл истории*, *Истоки и смысл русского коммунизма*), Николая Ф. Федорова (*Философия общего дела*) делают постановку интеллектуально перегруженной. Она раскрывает многие смыслы только лишь для действительно подготовленного зрителя. Достаточно серьезно поставлен вопрос не только о спасении красоты, но и всего мира через красоту-добро, православие, Россию. А это уже широкий выход за пределы одного текста писателя через пересечение этико-эстетических категорий.

На каждом уровне режиссер использует ход, который подчеркивает бинарные оппозиции в понимании действительности (субъект/объект, актер/зритель, истина/ложность и т.п.). Мир спектакля вообще не имеет единого смыслового посыла. Зритель при этом становится живым соучастником происходящего на сцене и в романе. Даже технически, чтобы попасть в зал, необходимо пройти через сцену, на которой уже стоят декорации, а также находятся актеры еще до начала спектакля, но уже играя свои роли без слов. Зрители в небольшом зале, первые ряды которого буквально стоят на сцене, невольно участвуют в игре актеров и присутствуют на вечере у Настасьи Филипповны. Более того, весь задний план сцены обставлен огромной стеной зеркал, в которых отражаются и актеры, и зрители. Актер Павел Томашевски (Paweł Tomaszewski), исполняющий роль Мышкина, заметил в одном из интервью:

«Большое значение здесь имеет пространство, которое из-за использования огромного количества зеркал становится навязчивым, от него болят глаза, чувствуется усталость. Это реальность героя, неприспособленного к этому миру, мужская версия *Алисы в стране чудес*»¹⁷.

На важность зеркала (зеркальности) в романе *Идиот* обратила внимание исследовательница Елена Г. Новикова в монографии «*Nous serons avec le Christ*». Роман Ф.М. Достоевского «*Идиот*»¹⁸, отметив, что ранее к этой проблеме уже обращались, например, Михаил М. Бахтин и Юрий М. Лотман. Литературовед подчеркнула следующее:

«...Двойничество, двоение, парность, зеркальность – это именно то, что активно обсуждает современная гуманитарная наука в связи с визуальностью, использованной в других видах искусства, т.е. связанной именно с принципом „переведения из одного плана изображения в другой”»¹⁹.

А вот Юрий М. Лотман заметил, что «литературным адекватом мотива зеркала является тема двойника»²⁰. И данный момент особенно важен в концепции

¹⁷ I. Szymańska. *Zajrzeć do głowy księcia Myszkina*. „Gazeta Wyborcza”. „Co jest grane 24”. Warszawa, nr 34, wydanie z dnia 10/02/2017, SCENA, s. 24. См. оригинал: „Dużą rolę odegra tu przestrzeń: przez wykorzystanie wielu lusterek staje się inwazyjna, bołą od niej oczy, czuć zmęczenie. To jest rzeczywistość nieprzystosowanego do świata bohatera, męska wersja *Alicji w krainie czarów*”.

¹⁸ Е.Г. Новикова. «*Nous serons avec le Christ*». Роман Ф.М. Достоевского «*Идиот*». Томск: Издательство Томского университета, 2016, 244 с.

¹⁹ Там же, с. 42.

²⁰ Ю.М. Лотман. *Избранные статьи: в 3 т.* Т. I. Таллин: Александра, 1992, с. 157.

анализируемого нами спектакля. Зеркало в таком случае является техническим решением для изображения двойничества в пространстве актерско-зрительского мира. Именно с помощью зеркала происходит попытка увидеть себя, вплетенного в мир пьесы и романа, и даже – не только посмотреть на себя со стороны, но и заглянуть внутрь себя, своего второго, раздвоенного «Я», отыскать собственного двойника. Владимир К. Кантор в монографии *Любовь к двойнику. Миф и реальность русской культуры* писал следующее:

«Человек, выходящий, но не вышедший из безличной мифологической структуры, остающийся еще внутри мифологического сознания, не в состоянии найти свою определенность, устойчивость своего бытия. На этой неустойчивости и паразитирует двойник. Двойник прорывается к сути человека, пытается подменить ее, а порой и подменяет. Он существует, строго говоря, в волнах мифологического бытия. Именно такое балансирование на грани мифа и рацио вводит в личностную культуру нового времени тему двойничества, актуализирует ее»²¹.

Двойственность очерчена Достоевским уже на первых страницах романа. Встречаются Мышкин и Рогожин, которые всматриваются друг в друга, как в зеркало, и возникает вопрос: кто же является оригиналом, а кто двойником – «черномазый» или «белокурый»? Они одногодки, оба получают наследство, до этого Рогожин был также беден: «Пять недель назад я вот, как и вы, – обрателься он к князю, – с одним узелком от родителя во Псков убежал, к тетке...»²². Но есть и разительное отличие: Мышкин будто чужд русской культуре, одет «не по-русски», другое дело – Рогожин. Но в то же время последний говорит о Мышкине: «таких, как ты, бог любит»²³. А вот князь о Рогожине замечает, что «в нем много страсти, и даже какой-то большой страсти»²⁴. Герой очень хорошо понимает сущность своего двойника уже в начале романа, осознает, что Рогожин вполне может зарезать Настасью Филипповну, хорошо видит Мышкин и характеры других персонажей, проникает в их тайные мысли, подсознание, прочитывает заветные мечты и желания. Также он предчувствует и предугадывает, что о нем думают окружающие, что для них он выглядит подозрительно. При этом герой позволяет себя обманывать, совершать проступки, дает ложную надежду, говорит Келлеру о двойных мыслях: «Две мысли вместе сошлись, это очень часто случается. Со мной непрерывно»²⁵. А это не дает возможности однозначного понимания образа. Возвращаясь к тексту Апокалипсиса, в данном контексте следует привести слова об Ангеле Лаодикийской церкви: «Но как ты тепл, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих» (Откр. 3, 16). Это та характеристика, которая делает главного героя романа также неоднозначным для восприятия, что отражается в литературной критике произведения. Так, Николай О. Лосский утверждал:

²¹ В.К. Кантор. *Любовь к двойнику. Миф и реальность русской культуры: очерки*. Москва: Научно-политическая книга, 2013, с. 265.

²² Ф.М. Достоевский... Т. VIII, с. 10.

²³ Там же. Т. VIII, с. 14.

²⁴ Там же. Т. VIII, с. 28.

²⁵ Там же. Т. VIII, с. 258.

«Образ Мышкина чрезвычайно привлекателен; он вызывает сочувствие и сострадание, но от идеала человека он весьма далек. Ему не хватает той силы духа, которая необходима, чтобы своею душевною и телесною жизнью и руководить людьми, нуждающимися в помощи. На чужие страдания он может откликнуться лишь своими страданиями и не может стать организующим центром, ведущим себя и других к бодрой жизни, наполненной положительным содержанием»²⁶.

И эту неудачу понимал и сам Достоевский, который писал 8 (20) марта 1869 года из Флоренции Софье А. Ивановой: «А насчет недостатков я совершенно и со всеми согласен; а главное, до того злюсь на себя за недостатки, что хочу сам на себя написать критику»²⁷.

И в спектакле Мышкин является совмещением святого и смешного, также нет ответа, кто он – Христос, лжепророк или, может быть, сам дьявол. Даже актер, который его играет, получает двойственные роли: «Имеет в себе невинность, но также и несогласие играть по правилам. Вероятно, поэтому режиссеры дают ему роли либо святых, либо бунтарей»²⁸. Афиша к спектаклю также весьма своеобразна: Мышкин изображен на ней в свадебном кокошнике с фатой. Снова возвращается гендерное единство в герое с указанием на цельную двойственность. А в программе к спектаклю размещена фотография Виссариона (Сергея А. Торопа) – основателя и главы секты «Церковь последнего завета», который называет себя «Словом Божиим», «Христом»²⁹. В данном случае дается прямое указание на двойника, подмену настоящего Христа неким лжепророком в образе князя Мышкина. В этой же программе к спектаклю приводятся слова о. Хенрика Папроцкого: «Монофонический мир злых духов, проявляющийся в полифонической структуре романа Достоевского, знает образ инквизитора-добродетеля и лжеспасителя Мышкина, а также тех, которые предстают открытыми врагами Христа»³⁰. Х. Папроцкий является автором работы, раскрывающей мир личности, в которой борются сила и слабость (лев и мышь). Книга так и называется *Лев и мышь, или Тайна человека. Эссе о героях Достоевского* (польск. *Lew i mysz czyli tajemnica człowieka. Esej o bohaterach Dostojewskiego*)³¹. Папроцкий

²⁶ Н.О. Лосский. *Достоевский и его христианское миропонимание*. [В:] Н.О. Лосский. *Бог и мировое зло*. Москва, 1994, с. 188.

²⁷ Ф.М. Достоевский... Т. XXIX (1), с. 24.

²⁸ I. Szymańska. *Zajrzeć do głowy księcia Myszkina*. „Gazeta Wyborcza”. „Co jest grane 24”. Warszawa, nr 34, wydanie z dnia 10/02/2017, SCENA, s. 24. См. оригинал: „Ma w sobie niewinność, ale też niezgodę na zasrane reguły. Pewnie dlatego reżyserzy obsadzają go w roli świętych i buntowników”.

²⁹ См. подробнее: [Online:] <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A2%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%BF_%D0%A1%D0%B5%D1%80%D0%B3%D0%B5%D0%B9_%D0%90%D0%BD%D0%B0%D1%82%D0%BE%D0%BB%D1%8C%D0%B5%D0%B2%D0%B8%D1%87> (19.05.2017).

³⁰ Кс. Н. Папроцкий. *Być zbawicielem fałszywym...* [В:] *Idiota. Fiodor Dostojewski*. Warszawa: Teatr Narodowy, 2017, s. 19 [program spektaklu]. См. оригинал: „Homofoniczny świat złych duchów przejawiający się w polifonicznej strukturze powieści Dostojewskiego zna postać inkwizytora-dobroczyńcy i fałszywego zbawcy Myszkina, i tych, którzy wprost mienią się wrogami Chrystusa”.

³¹ Н. Папроцкий. *Lew i mysz czyli tajemnica człowieka. Esej o bohaterach Dostojewskiego*. Białystok: Bractwo Młodzieży Prawosławnej, 1997, 110 s.

утверждает, что Мышкин «...представляет христианство без Христа, трактует христианский идеал в отрыве от Личности <...> является лжеспасителем»³². Двойственность Мышкина становится причиной, по которой и актер, сыгравший героя на варшавской сцене, говорит о «неудачной попытке автора». Изображение добра для Павла Томашевского является сложным, так как оно не включает никакой тайны, слишком очевидно в своих результатах. Однако актер заметил:

«...доброта не должна означать слабости. Думая, что Мышкин – это Христос, мы забываем о нашей склонности смотреть на Христа, как бы сказал польский драматург Павел Демирски (Paweł Demirski), как на „Господина с радужными лучами, который простит“, или, по словам сегодняшних политиков, как на жаждущего почестей властелина, который хотел бы воссесть на троне Польши. Мы смотрим на него, как на сильного, мужественного, критичного человека, радикального типа, который был рядом с преступниками, проститутками, смело подставлял вторую щеку»³³.

Двойственность сценического образа, связь с Апокалипсисом подводят к идее, что перед нами, скорее, не Христос, а лишь его копия, двойник – Антихрист, что, однако, не совсем вписывается в полифоническую поэтику Достоевского. В этом снова двойственность силы и слабости литературного образа, ибо, по замечанию Владимира К. Кантора, «отличие Антихриста от Христа одно: Христос миром не принят, он трагичен, а Антихрист принят»³⁴. В таком контексте Мышкин перестает быть двойником, он, как и Христос Апокалипсиса, может сказать: «Се стою у двери и стучу: если кто услышит голос Мой и отворит дверь, войду к нему и буду вечерять с ним, и он со Мною» (Откр. 3, 20). Также Мышкин пребывает под дверью у Рогожина, который слышит, но не открывает, именно за дверью совершается убийство Настасьи Филипповны; эта граница будто бы непроходима для героев романа именно тогда, когда это имеет определяющее значение. Мышкин и Рогожин сходятся по одну сторону двери, когда уже совершен страшный грех. Но и здесь даруется надежда, которая дана в Апокалипсисе только для обитателей нового града Иерусалима: «И отрет Бог всякую слезу из очей их, и смерти не будет уже; ни плача, ни вопля, ни болезни уже не будет, ибо прежнее прошло» (Откр. 21, 4). Также и Мышкин гладит убийцу «дрожащую рукой по его волосам и щекам, как бы лаская и унимая его»³⁵.

³² Там же, с. 78. См. оригинал: „reprezentuje chrześcijaństwo bez Chrystusa, pojmuje ideał chrześcijański w oderwaniu od Osoby»; «jest zbawicielem fałszywym”.

³³ I. Szymańska. *Zajrzeć do głowy księcia Myszkina*. „Gazeta Wyborcza”. „Co jest grane 24”. Warszawa, nr 34, wydanie z dnia 10/02/2017, SCENA, s. 24. См. оригинал: „...dobroć nie musi oznaczać słabości. – Myśląc, że Myszkina to Chrystus, zapominamy o naszym przyzwyczajeniu, w którym, jakby powiedział Paweł Demirski, Chrystus to „Pan z tęczowymi promieniami, który wybaczy”, czy, jak mówią dziś politycy, żądny szczytów władca, który chciałby zasiadać na tronie Polski. Patrzymy na niego jak na silnego, męskiego, krytycznego człowieka, radykalnego gościa, który przebywał z przestępcami, prostytutkami, odważnie nadstawiał drugi policzek”.

³⁴ В.К. Кантор. *Любовь к двойнику. Миф и реальность русской культуры: очерки*. Москва: Научно-политическая книга, 2013, с. 279.

³⁵ Ф.М. Достоевский... Т. VIII, с. 507.

А перед этим герои снова, как и в начале романа, сидят на стульях друг напротив друга, всматриваясь друг в друга, как в зеркало³⁶ (что использовали в своих постановках Анджей Вайда и Анджей Домалик), позже вместе пребывают в беспомощности³⁷. Но изображение на сцене такой двойственности, на которой основывается всё христианство, оказалось не просто сложной задачей.

«Идея создать персонаж, который одновременно является воплощением Христа и Антихриста, не была до конца реализована. Сказать, что Мышкин – это Христос, недостаточно, хотя он и производит жесты Христа. В свою очередь, воспринять его как Антихриста – это уже слишком, хотя он и подвигает других на поступки, за которые не желает брать ответственности и кажется совсем ни в чем не виноватым»³⁸,

– утверждает актер, который играет Мышкина. Герой спектакля получился достаточно нечетким, размытым, особенно теряется на фоне других сценических персонажей: будь то статный красавец Матеуш Русин (Mateusz Rusin), играющий Рогожина и воплощающий само напряжение, или Виктория Городецкая (Wiktoria Gorodeckaja), которая как Настасья Филипповна изображает всплеск эмоций, а в кульминациях переходит с польского языка на русский, что должно подчеркивать накал ее внутреннего состояния. И она также раздвоена – гордая страдалница – отражается частью себя в своем двойнике – Аглае. Это о последней Мышкин говорит: «Красоту трудно судить; я еще не приготовился. Красота – загадка»³⁹; и тут же добавляет, что она «почти как Настасья Филипповна, хотя лицо совсем другое». В романе создается множество копий, двойников через вырисовывание ряда образов, а также через экфрасисы, которыми насыщено произведение. Автор выстраивает целые зеркальные коридоры, как во время сцены гадания, когда появляется галерея различных отражений человеческой сути. О подобном типе зеркальности художественного пространства романа Достоевского писала и американская исследовательница Ксана Бланк (Ksana Blank) в монографии *Dostoevsky's Dialectics and the Problem of Sin*⁴⁰. Точно такой же эффект создан при помощи сценографии в спектакле. Множество лиц, своих и чужих, открываются перед зрителем. Некоторые покрыты условными масками двойничества. В романе Ганя Иволгин замечает, что и Мышкин носит «маску»⁴¹, а далее мы узнаем, что и Настасья Филипповна «смеялась и маскировалась веселостью»⁴². Герои Достоевского полифоничны, с множеством двойни-

³⁶ Там же. Т. VIII, с. 502; с. 503.

³⁷ Там же. Т. VIII, с. 507.

³⁸ J. Cieślak. *Chrystus czy Antychryst*. „Rzeczpospolita”. „Kultura”. 09 lutego 2017. См. оригинал: „Pomysł na postać, która jest zarazem wcieleniem Chrystusa i Antychrysta, nie został zrealizowany do końca. Powiedzieć, że Myzkin jest Chrystusem, to za mało, choć wykonuje chrystusowe gesty. Z kolei uznać go za Antychrysta to zbyt wiele, choć deleguje inne postaci do czynów, za które nie chce brać odpowiedzialności i pozornie nie jest obciążony winą”.

³⁹ Ф.М. Достоевский... Т. VIII, с. 66.

⁴⁰ См. подробнее: K. Blank. *Dostoevsky's Dialectics and the Problem of Sin*. Evanston, Illinois: Northwestern University, 2010, с. 69–79.

⁴¹ Там же. Т. VIII, с. 75.

⁴² Там же. Т. VIII, с. 87.

ков, которые разбросаны по всему пространству даже не только одного произведения, но целой художественной системы писателя. Например, двойственное начало Мышкина было скрыто автором более глубоко, но в подготовительных материалах, как замечают комментаторы «Полного собрания сочинений», что особенно значимо в обсуждаемом контексте, «в Идиоте первой редакции проглядывали черты Ставрогина»⁴³. Безусловно, в процессе работы над романом образ модифицировался, претерпел изменения и правки, но некоторые элементы подпольного героя неизменно остаются и в нем.

Актер, которого мы видим на сцене в роли Рогожина, имеет особую связь с творчеством Достоевского, так как ранее уже сыграл Дмитрия Карамазова в постановке *Братьев Карамазовых*, а также Ипполита в *Идиоте*. И сам режиссер спектакля играл Алешу в *Братьях Карамазовых* Кристиана Лупы. Для зрителя все эти детали имеют особое значение, так как позволяют поверить в то, что происходит на сцене, проникнуть в состояние персонажей. Русина-Рогожина критики даже именовали неким экспертом от русской души. Сам актер в одном из интервью с улыбкой отвечает на это замечание:

«Спрашиваешь о „русской душе“, а я сказал бы шире – о душе славянской, которую отличает глубокая чувственность, некое хулиганство и порывистость, скрытые страсти. Мы, поляки, темпераментный народ, и нам недалеко до русской души. Достоевский умеет всё это выискивать, умеет говорить с собственной совестью. Здесь и насыщенность, и мрачность, и колорит, ведь именно таким является человек – не до конца хороший и не до конца плохой. Вся наша жизнь – это постоянный поиск»⁴⁴.

Зритель участвует в этом поиске вместе с актерами, пытаясь уловить все тайные ходы режиссерского замысла. Но часто недоумевает от монологов Мышкина, как и в романе, не до конца их понимает общество в доме Епанчиных, когда ведутся рассуждения о России и Западе, православии и католицизме, вере и атеизме. А такое стирание границ между сценической реальностью и действительностью позволяет говорить о сегодняшних медиаприемах в театральной постановке и игре актеров:

«В спектакле она выглядит как современное реалити-шоу, хотя и в историческом костюме. Названный участник гордится тем, что публично может признаться в том, о чем иные предпочли бы забыть. Чувствует, что становится героем, о котором услышат все»⁴⁵.

⁴³ Там же. Т. IX, с. 345.

⁴⁴ J. Bończa-Szabłowski. *Talent. Otwartość. Skromność*. „Rzeczpospolita”. „Kultura”. „Życie Dolnego Śląska”. 24 lutego 2017. См. оригинал: „Pytasz o „rosyjską duszę“, a ja powiedziałbym szerzej o dusze słowiańskiej, którą charakteryzuje głęboka uczuciowość, pewne rozwirowanie, porывczość, skrywane namiętności. Jako Polacy jesteśmy temperamentnym narodem i blisko nam do rosyjskiej duszy. Dostojewski potrafił to rozgrzebywać, potrafił rozmawiać z własnym sumieniem. To jest gęste, mroczne, soczyste, bo taki jest człowiek. Ani do końca dobry, ani do końca zły. Całe nasze życie to przecież ciągle poszukiwanie”.

⁴⁵ J. Bończa-Szabłowski. *Dostojewski w grze jak Big Brother*. „Rzeczpospolita”. „Kultura”. 16 lutego 2017. См. оригинал: „W spektaklu wygląda ona jak współczesne reality show, choć w historycznym kostiumie. Wyznaczony uczestnik jest dumny, że może publicznie wyznać to, o czym inni woleliby zapomnieć. Czuje, że staje się bohaterem, o którym będzie głośno”.

Перед зрителем изображение именно внутреннего драматизма, которому служит каждая деталь. Например, Настасья Филипповна в ярости сбрасывает со стола гору фарфоровой посуды, которая стоит на сцене всё представление, а зритель ожидает, когда она с грохотом разлетится по сцене. В этом можно увидеть параллель с разбитой вазой Мышкиным в романе, когда Аглая предупреждает, герой остерегается этого подсознательно и, наконец, совершает⁴⁶, что также указывает на двойственность сознания. Некий ключевой предмет используется автором для этого регулярно: например, нож, который писатель упоминает на протяжении развития сюжета, пока он не станет орудием убийства. Также Ипполит говорит Мышкину: «Однако ж я замечаю, что вы все третируете меня как... фарфоровую чашку...»⁴⁷. Эти же чашки, множество чашек, разбиваются Настасьей Филипповной в спектакле. На данную реплику Ипполита в романе Мышкин произносит одну из ключевых фраз всего произведения: «Пройдите мимо нас и простите нам наше счастье»⁴⁸. Пытаются остановить перед разрушительным жестом в спектакле и Настасью Филипповну. Но и в герое, и в героине слишком много обиды и совсем нет сочувствия к миру. Хотя в Апокалипсисе именно тем, кто страдал, дана возможность стать «перед престолом Бога» в белых одеждах: «...это те, кто пришли от великой скорби; они омыли одежды свои и убелили одежды свои Кровию Агнца. За это они пребывают ныне перед престолом Бога и служат ему день и ночь в храме Его, и Сидящий на престоле будет обитать в них» (Откр. 7, 14–15). Но это всё оживает через христианское миропонимание, которое не всегда удается открыть в героях романа. И в таком сценическом напряжении, интеллектуальной полемике на фоне колоритных героев-актеров будто нет Мышкина, он будто исчезает:

«Поэтому во второй части спектакля дискуссия на тему ценностей, поиска спасения в вере, попытки сохранения в себе хотя бы частички человечности утомляет. Как глашатай этих истин Мышкин не обладает той внутренней силой, которая показала бы, что он провозглашает те ценности, в которые сам верит»⁴⁹.

И именно таким становится вердикт театральных критиков по отношению к главному герою постановки Павла Мицкевича. Очередная попытка перенести Достоевского на сцену не стала великой удачей, а сценический герой, как и романский, несколько разочаровывает. Хотя, если целью изображения считать раздвоение характера, художественного образа, а вместе с тем и попытку заглянуть в раздвоенное сознание зрителя, то в этом смысле режиссер достиг грандиозных результатов. А перед литературной критикой открылся еще один путь осмысления такого сложного и далеко неоднозначного литературного персонажа, как князь Мышкин.

⁴⁶ Ф.М. Достоевский... Т. VIII, с.435; с. 436; 454.

⁴⁷ Там же. Т. VIII, с. 433.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Там же, см. оригинал: „Dlatego w drugiej części spektaklu dyskusja na temat wartości, szukania ratunku w wierze, próby ocalenia w sobie choć cząstki człowieczeństwa nuży. Jako głóściciel tych prawd Myszkín nie ma wewnętrznej siły, która pokazałaby, że głósi tezy, w które sam wierzy”.

Литература

- Достоевский Ф.М. *Полное собрание сочинений*. В 30 томах. Ленинград: Наука, 1972–1990.
- Кантор В.К. *Любовь к двойнику. Миф и реальность русской культуры: очерки*. Москва: Научно-политическая книга, 2013.
- Лотман Ю.М. *Избранные статьи: в 3 т.* Т. I. Таллин: Александра, 1992.
- Новикова Е.Г. «*Nous serons avec le Christ*». Роман Ф.М. Достоевского «*Идиот*». Томск: Издательство Томского университета, 2016.
- Лосский Н.О. *Достоевский и его христианское миропонимание*. [В:] Н.О. Лосский. *Бог и мировое зло*. Москва: Издательство «Республика», 1994.
- Blank K. *Dostoevsky's Dialectics and the Problem of Sin*. Evanston, Illinois: Northwestern University, 2010.
- Bończa-Szabłowski J. *Dostojewski w grze jak Big Brother*. „Rzeczpospolita”. „Kultura”, 16 lutego 2017.
- Bończa-Szabłowski J. *Talent. Otwartość. Skromność*. „Rzeczpospolita”. „Kultura”. „Życie Dolnego Śląska”, 24 lutego 2017.
- Cieślak J. *Chrystus czy Antychryst*. „Rzeczpospolita”. „Kultura”, 9 lutego 2017.
- Fiodor Dostojewski, Nastasja Filipowna, według pomysłu Andrzeja Wajdy, na motywach Idioty*. Warszawa: Ateneum, Teatr im. Stefana Jaracza w Warszawie, 2013 [program spektaklu].
- Osterloff B. *Gdzie jest Nastasja Filipowna? 27 prób Andrzeja Wajdy (I)*. «Teatr». № 5, 6 marca 1977. [Online:] <<http://www.encyklopediateatru.pl/artykuly/66457/gdzie-jest-nastasja-filipowna-27-prob-andrzeja-wajdy-i>> (27.02.2017).
- Szymańska I. *Zajrzeć do głowy księcia Myszkina*. „Gazeta Wyborcza”. „Co jest grane 24”. Warszawa, nr 34, wydanie z dnia 10/02/2017, SCENA, s. 24.
- Paprocki H. *Lew i mysz czyli tajemnica człowieka. Esej o bohaterach Dostojewskiego*. Białystok: Bractwo Młodzieży Prawosławnej w Polsce, 1997.
- Ks. Paprocki H. *Być zbawicielem fałszywym...* [В:] *Idiota. Fiodor Dostojewski*. Warszawa: Teatr Narodowy, 2017 [program spektaklu].

РОЕТУКА
ПОЭТИКА
POETICS

ISTNIENIE OBDARZONEGO WOLNOŚCIĄ.
SZKIC Z ZAKRESU ANTROPOLOGII
FIODORA DOSTOJEWSKIEGO

PIOTR KOPROWSKI

Uniwersytet Gdański
Wydział Historyczny, Instytut Historii, Zakład Historii Myśli i Kultury Politycznej
ul. Wita Stwosza 55, 80-952 Gdańsk, Polska
e-mail: hispko@univ.gda.pl
(nadesłano 9.03.2017; zaakceptowano 10.08.2017)

Abstract

Being given the freedom. On Fyodor Dostoevsky's anthropology

The article contains some reflections on the problem of freedom of the human individual in Fyodor Dostoevsky's thought. According to the Russian writer and thinker, the world is not fully cognizable and therefore one searches in himself for the things one cannot find in this world. One searches for freedom and things related to it. Freedom has certain limits within the created reality, however when it opens to God, it becomes unrestricted. The Russian thinker emphasized that the human freedom should be based on the foundation of Christ. Otherwise, freedom becomes captivity, lawlessness. The latter always leads to evil. The human individual who voluntarily and consciously surrenders to evil, annihilates himself, begins the way to nothingness, emptiness and death. However, one can always "recover", take responsibility for misdeeds and atone.

Key words

Anthropology, freedom, man, Christ, lawlessness, good, evil.

Abstrakt

W artykule przedstawiono kilka refleksji na temat problemu wolności jednostki ludzkiej w myśli Fiodora Dostojewskiego (1821–1881). Świat nie jest, zdaniem rosyjskiego pisarza i myśliciela, do końca poznawalny i stąd człowiek szuka w sobie tego, czego nie może odnaleźć w tymże świecie. Szuka wolności i tego, co się z nią wiąże. Wolność ma w obrębie rzeczywistości stworzonej określone granice, lecz, kiedy otwiera się na Boga, staje się nieograniczona. Myśliciel podkreślał, że ludzką wolność należy oprzeć na fundamencie Chrystusa. Jeśli tak się nie dzieje, zamienia się ona w swoje przeciwieństwo, czyli w niewolę, staje się samowolą. Ta ostatnia zaś zawsze prowadzi do zła. Jednostka ludzka, która dobrowolnie i świadomie ulega złu, unicestwia samą siebie, wchodzi na drogę nicości, pustki i śmierci. Zawsze jednak może się ona na powrót „odzyskać”, przyjąć odpowiedzialność za złe czyny i podjąć pokutę.

Słowa kluczowe

Antropologia, wolność, człowiek, Chrystus, samowola, dobro, zło

Niezwykle istotnym zagadnieniem antropologicznym, frapującym pisarza i myśliciela rosyjskiego, Fiodora Dostojewskiego (1821–1881), jest problem wolności jednostki ludzkiej, jej specyfiki, uwarunkowań i przejawów. Wolność człowieka, orientująca się zarówno wobec drugiego „ja”, jak i sfery wartości oraz ich źródła – Boga, jawiła się w myśli twórcy jako określona osnowa duchowości danej osoby, wskazująca na jej partycypację w dobru lub złu, w tym, co doskonalą albo destrukcyjnie. Dzięki wolności jednostka może doświadczyć – i doświadcza – stanów ducha, których nie jest w stanie zracjonalizować. Niniejszy artykuł jest swoistą etiudą badawczą, niepretendującą do całościowego, wyczerpującego przedstawienia problemu, lecz przybliżającą jedynie kilka refleksji na ten temat.

Jednostka ludzka jest – w przeświadczeniu Dostojewskiego – naznaczona wieloma sprzecznościami, tajemnicami, ale mimo to jawi się jako wolna. Może więc, niezależnie od tego, w jakim stopniu uległa amoralizmowi i niszczącej sile zła, poprzez cierpienie i wiarę się odrodzić. Pisarz dokonał z jednej strony rehabilitacji praw człowieka „z podziemia”¹, z drugiej zaś – wskazał na fakt narodzin i rozwój dobra w ludzkiej duszy². Umysłowił czytelnikowi, iż z tytułu bycia wolną jednostka w każdej sytuacji może „coś” uczynić, podjąć „jakieś” działanie, które zaowocuje wykrystalizowaniem

¹ L. Szestow. *Dostojewski i Nietzsche. Filozofia tragedii*. Przeł. C. Wodziński. Warszawa: Czytelnik, 1987, s. 156.

² Zdaniem Włodzimierza Sołowjowa, w trakcie pobytu na zesłaniu, na Syberii Fiodor Dostojewski zrozumiał, „co mu zabrali najlepsi przedstawiciele inteligencji [tj. zorientowani ateistycznie inteligenci rosyjscy]”, a mianowicie „wiarę w Boga i świadomość swojej grzeszności”. Zob. W. Sołowjow. *Trzy mowy ku pamięci Dostojewskiego 1881–1883. Mowa pierwsza*. Przeł. J. Zychowicz. [W:] Tenże: *Wybór pism*. T. 3. Poznań: „W drodze” – Wydawnictwo Polskiej Prowincji Dominikanów, 1988, s. 136–137.

się nowej jakości, staniem się kimś innym, odmienionym, od czegoś wyzwolonym. Człowiek jest bowiem bytem diametralnie różniącym się od zniewolonych struktur i mechanizmów świata natury. Porządek natury nie determinuje wolności istoty ludzkiej. Ta ostatnia, ze względu na swoją biologię, jest – co prawda – elementem rzeczywistości przyrodniczej, jednak w najistotniejszych przejawach własnej egzystencji sytuuje się ponad nią. Kiedy budujemy swoje człowieczeństwo, a następnie umacniamy je i rozwijamy, musimy być autonomiczni, ze wszech miar niezależni od natury. Ludzka natura wymaga od nas zachowania wolności, której przejawem jest m.in. możliwość samodzielnego stanowienia o sobie³. Samodzielnego aż „do końca”, bez względu na następstwa dokonanego wyboru.

W imię troski o wartość człowieczeństwa nie tylko można, ale trzeba dokonywać różnorakich, indywidualnych wyborów, zwłaszcza o proveniencji aksjologicznej. Jeśli jednostka tak czyni, wówczas przejawia się i realizuje. Tego rodzaju działania są, zdaniem Dostojewskiego, odzwierciedleniem faktu „niedopracowania”, niedookreślenia człowieka. Towarzyszą im permanentnie dylematy związane z tym, ku czemu podążać: ku dobru czy też złu. Jeśli nie wejdzie się na drogę dobra w sposób jednoznaczny i zdecydowany lub osłabnie w przyjętym postanowieniu, idzie się szlakiem zła. Nierzadko jest tak, że owe „wahania” w jedną lub w drugą stronę wynikają z nieuwzględnienia racji rozumu, z odrzucenia jego logicznych i trzeźwych praw. Człowiek lubi – w imię choćby jakiegoś dziwnego kaprysu – pożyć sobie lekkomyślnie, „byle jak”, w zgodzie z małostkowym „chcieniem”. Pragnienie własnej samorealizacji może więc przybrać negatywne oblicze.

Konsekwencje hołdowania wolności mogą być różne: pozytywne lub negatywne. Optyka wolnościowa sama w sobie jest jednak konotowana dodatnio, gdyż współharmonizuje z istotą człowieka, z naturą człowieczeństwa. Realizując tę optykę, można m.in. uwalniać się od prawd religijnych, brzemienia tradycji i „umowy społecznej”. Wolność konkretyzuje się wówczas w działaniach aspołecznych i amoralnych. Wyjście z tego kręgu może mieć miejsce pod wpływem jakiegoś imperatywu, na przykład religijnego, uczuciowego⁴.

Innym wariantem realizacji wolności może być jej całkowite sprzężenie z samym rozumem. Posługiwanie się tym ostatnim jest – w przeświadczeniu pisarza – ze wszech miar zasadne. Problem może się jednak pojawić w przypadku, kiedy dochodzi do wyraźnego nadużywania rozumowej sylogistyki. Okazuje się bowiem, że wybór drogi dobra nie dokonuje się raczej za sprawą tej ostatniej, lecz dzięki porywom woli. Co więcej, jeśli pierwiastek racjonalistyczny nie jest sprzęgnięty z uczuciowym, wolność przybiera – w mniejszym lub większym stopniu – oblicze destrukcji, śmierci. Ale i nadmierne eksponowanie uczuciowości – podkreśla Dostojewski – nie jest wskazane. Gdy sfera uczuciowości przeobrazi się w skupisko namiętności, w które „wejdzie” czło-

³ Zob. m.in. F. Dostojewski. *Notatki z podziemia*. Przeł. G. Karski. [W:] Tenże: *Notatki z podziemia*. Gracj. London: Puls Publications – Warszawa: Puls, 1992.

⁴ Przykładowo: bohater *Zbrodni i kary*, Rodion Raskolnikow, zaczyna zmieniać się z osoby pozbawionej wyrzutów sumienia na wrażliwą moralnie w związku z narodzinami miłości. Zob. F. Dostojewski. *Zbrodnia i kara*. Przeł. Cz. Jastrzębiec-Kozłowski. Seria Biblioteka Klasyków. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1984.

wiek, rozpocznie się choroba jego duszy, sukcesywne odchodzenie od „żywego” dobra duchowości. Zagłuszenie „żywego” poczucia dobra, które – wedle twórcy – wywodzi się od Boga owocuje pozostaniem sam na sam z własnym jestestwem. Taka „wersja” wolności jest synonimem chaosu, dysharmonii. Ulegająca jej jednostka w istocie przejściowo traci (do momentu wejścia na ścieżkę odnowy) człowieczeństwo, stając się niewolnikiem namiętności.

Wolność jest więc – innymi słowy – przestrzenią, w której może tkwić zapowiedź duchowej śmierci, jak i zrównoważonego, harmonijnego rozwoju samego siebie. Szukając dobra, pragnąc wejść na jego drogę, musimy zwrócić się do tego, kto jest jego źródłem – do Boga. Impulsem do takiego zwrotu jest modlitwa, cierpienie, ale i czyn o charakterze przestępczym, np. zabójstwo. W każdym wypadku nieodzowna jest szczerość, autentyzm przeżycia momentu „przesilenia”, od którego rozpoczyna się wychodzenie z moralnej zapaści⁵. Ów autentyzm, nawet jeśli wiąże się z pewną nieporadnością w werbalnym nazywaniu tego, co się odczuwa i myśli, ma większą „moc” i znaczenie niż powielanie „gotowych” formuł i zwrotów, skądinąd uznanych za właściwe i słuszne. Dostojewski, uwypuklając to, wpisywał się zarówno w rodzimą (casus Włodzimierza Sołowjowa), jak i w zachodnioeuropejską myśl filozoficzną (Piotr Abelard, Georg Wilhelm Friedrich Hegel)⁶.

U podstaw wolności znajduje się w myśli Dostojewskiego osobowy Bóg. To Stwórca pozostawił człowiekowi wolność wyboru – dokonany suwerenny akt wyboru dobra nie wyradza się ani w ucieczkę od świata, ani w postawę samowoli, gdzie „wszystko wolno”. Prawdziwe dobro, wywodzące się z przewyższającej je instancji moralnej, nie karłowacieje, nie ulega degeneracji. Jednostka ludzka, mając jako wzór postępowania postać Chrystusa, jest w stanie samodzielnie, aktem serca właściwie rozstrzygnąć, co jest, a co nie jest dobrem⁷. Wpatrując się w Syna Bożego, analizując jego słowa i czyny, otrzymuje obraz autentycznego życia, zwłaszcza prawdziwej wolności i miłości⁸.

Człowiek może – wedle Dostojewskiego – upadać albo się wznosić „ku światłu”⁹. Nie jest „samotną wyspą”, jawi się jako związany swoistą jednością z drugim ludzkim

⁵ Polem bitwy Boga z Szatanem jest – wedle Dostojewskiego – serce człowieka (F. Dostojewski. *Bracia Karamazow. Powieść w czterech częściach z epilogiem*. Przeł. A. Wat. Seria Biblioteka Klasyków. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1984, s. 133). W sercu następuje też uruchomienie kontemplatywnej „odsłony” intelektu, czyli – innymi słowy – „usercowienie świadomości”. Zob. J.-Y. Leloup. *Hezychazm. Zapomniana tradycja modlitewna*. Przeł. H. Sobieraj. Seria Religie i Kościoły. Kraków: Znak, 1996, s. 91.

⁶ J. Dobieszewski. *Fiodor Dostojewski. Kilka uwag*. [W:] *Wokół Tołstoja i Dostojewskiego*. Red. J. Dobieszewski. Warszawa: Wydział Filozofii i Socjologii Uniwersytetu Warszawskiego, 2000, s. 49.

⁷ Warto zaznaczyć, że Chrystus Dostojewskiego nie przekonuje do swoich racji, nie jest kwiecistym oratorem, lecz milczy, pragnąc uzmysłowić człowiekowi, że zrozumie siebie milcząc, wnikając w swoje wewnętrzne jestestwo. Zob. P. Evdokimov. *Szalona miłość Boga*. Przeł. M. Kowalska. Seria Kościoł Wschodni. Białystok: Bractwo Młodzieży Prawosławnej w Polsce, 2001, s. 33.

⁸ Por. L. Bouyer. *Wprowadzenie do życia duchowego. Zarys teologii ascetycznej i mistycznej*. Przeł. L. Rutowska. Warszawa: Instytut Wydawniczy Pax, 1982, s. 10–12.

⁹ Duszę każdego, nawet największego grzesznika może zawsze, zdaniem pisarza, rozświecić „światło”. Pojęcie o „świecie” zyskuje się wówczas, kiedy skonstatuje się fakt istnienia „ciemności”. Zob. F. Dostojewski. *Listy*. Przeł. Z. Podgórzec i R. Przybylski. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawni-

„ja”. Owa jedność zawiera w sobie zapowiedź wspólnoty, braterstwa. W efekcie tak zarysowanego powiązania każdy jest odpowiedzialny za każdego, wszyscy – za wszystkich. Szkoda jednak, konstatuje myśliciel, że duch braterstwa został, zwłaszcza w Europie Zachodniej, przesłonięty przez kategorie materialne.

„Dawniej [w Paryżu – P. K.] – ceniło się również coś poza pieniędzmi, tak iż człowiek bez pieniędzy, ale posiadający inne zalety, mógł jednak liczyć na jakiś szacunek [...] Teraz paryżanin ma sam siebie za nic, jeżeli czuje, że ma pustą kieszeń, i to świadomie, poważnie, z największym przekonaniem. Pozwala się człowiekowi na przedziwne rzeczy, o ile ma pieniądze. Ubogi Sokrates jest tylko głupim i szkodliwym frazesowiczem, szanowanym najwyższej na scenie, gdyż mieszczuch wciąż jeszcze lubi szanować cnotę w teatrze”¹⁰.

Dla człowieka Zachodu wspólnota, braterstwo to, zdaniem Dostojewskiego, jedynie puste słowa, niestanowiące w istocie rdzenia jego natury. W tym kręgu cywilizacyjnym nie ma właściwej atmosfery, umożliwiającej rozwój osobowości jednostki. Jest tylko miejsce na egzystencję chorobliwie samotniczą, aspołeczną i ahumanistyczną: „jest tam obecny pierwiastek indywidualny, element osobniczy, wzmożony instykt samozachowania w swojej własnej jaźni, przeciwstawienia tej jaźni całej naturze i wszystkim pozostałym ludziom jako samodzielnej, odrębnej zasady, absolutnie równej i równowartej wszystkiemu co istnieje poza nią”¹¹.

W takich realiach jednostka najwyższej żąda tego, co – jak twierdzi – jej się należy. Nie jest w stanie zrozumieć, że najważniejszą jawi się służba, służba drugiemu człowiekowi i społeczeństwu.

„Dobrowolne – podkreśla myśliciel – absolutnie świadome i niewymuszone poświęcenie się na rzecz wszystkich jest [...] oznaką najwyższego rozwoju osobowości, jej najwyższej potęgi, najwyższego panowania nad sobą, najwyższej wolności własnej woli. Dobrowolnie ofiarować swoje życie dla ogółu, umrzeć dla ogółu, na krzyżu, na stosie, można tylko pod warunkiem największego rozwoju indywidualności. [...] Indywidualność, całkowicie przekonana o swoim prawie do tego, by być indywidualnością, nie czująca już żadnego strachu o siebie, nie może zrobić innego użytku z siebie, jak tylko oddając się bez reszty ogółowi po to, aby wszyscy inni byli również samodzielnymi i szczęśliwymi jednostkami”¹².

czy, 1979, s. 69; tenże: *Idiota*. Przeł. J. Jędrzejewicz. Seria Biblioteka Klasyków. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1984, s. 456.

¹⁰ F. Dostojewski. *O literaturze i sztuce*. Wybór i przekład M. Leśniewska. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 1976, s. 171. Przeświadczenie, iż nie ma czegoś takiego, jak cnota, a więc wszystko jest dozwolone, wynika – wedle Dostojewskiego – z faktu odrzucenia Boga. Zob. F. Dostojewski. *Bracia Karamazow...*, s. 102; tenże: *Dziennik pisarza*. Przeł. M. Leśniewska. T. 1: 1847–1874. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1982, s. 276–277.

¹¹ F. Dostojewski. *O literaturze i sztuce...*, s. 175. Jest więc postrzegany Dostojewski jako prorok czasów XX w. Zob. m.in. H. de Lubac. *Dramat humanizmu ateistycznego*. Przeł. A. Ziernicki. Kraków: Wydawnictwo WAM, 2004, s. 295–296.

¹² F. Dostojewski. *O literaturze i sztuce...*, s. 175–176. Zdaniem Dostojewskiego, już na Ziemi jest uobecnione Królestwo Niebieskie jako pełna ładu i harmonii przestrzeń szczęścia. Por. P. Evdokimov. *Gogol i Dostojewski, czyli zstąpienie do otchłani*. Przeł. A. Kunka. Bydgoszcz: Wydawnictwo Homini, 2002, s. 280–281.

Jednostka, włączając się w działalność na rzecz dobra publicznego, kochając ludzi, nie tylko kształtuje swoją własną osobowość, lecz również sukcesywnie utwierdza się w wierze w Boga¹³.

Zagadnienie wolności jest ogniskową myśli antropologicznej Fiodora Dostojewskiego. Świat nie jest do końca poznawalny i stąd człowiek szuka w sobie tego, czego nie może odnaleźć w tymże świecie. Szuka wolności i tego, co się z nią wiąże. Wolność ma w obrębie rzeczywistości stworzonej określone granice, lecz kiedy otwiera się na Boga staje się nieograniczona. Myśliciel podkreślał, że ludzką wolność należy oprzeć na fundamencie Chrystusa. Jeśli tak się nie dzieje, zamienia się ona w swoje przeciwieństwo, czyli w niewolę, staje się samowolą. Ta ostatnia zaś zawsze prowadzi do zła. Jednostka ludzka, która dobrowolnie i świadomie ulega złu, unicestwia samą siebie, wchodzi na drogę nicości, pustki i śmierci. Zawsze jednak może się ona na powrót „odzyskać”, przyjmując odpowiedzialność za złe czyny i podjąć pokutę.

Bibliografia

- Bouyer L. *Wprowadzenie do życia duchowego. Zarys teologii ascetycznej i mistycznej*. Przeł. L. Rutowska. Warszawa: Instytut Wydawniczy Pax, 1982.
- Dobieszewski J. (red.). *Wokół Tołstoja i Dostojewskiego*. Warszawa: Wydział Filozofii i Socjologii Uniwersytetu Warszawskiego, 2000.
- Dostojewski F. *Bracia Karamazow. Powieść w czterech częściach z epilogiem*. Przeł. A. Wat. Seria Biblioteka Klasyków. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1984.
- Dostojewski F. *Dziennik pisarza*. Przeł. M. Leśniewska. T. 1: 1847–1874. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy. Warszawa 1982.
- Dostojewski F. *Idiota*. Seria Biblioteka Klasyków. Przeł. J. Jędrzejewicz. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1984.
- Dostojewski F. *Listy*. Przeł. Z. Podgórzec i R. Przybylski. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1979.
- Dostojewski F. *Notatki z podziemia. Gracz*. London: Puls Publications – Warszawa: Puls, 1992.
- Dostojewski F. *O literaturze i sztuce*. Wybór i przekład M. Leśniewska. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 1976.
- Dostojewski F. *Zbrodnia i kara*. Przeł. Cz. Jastrzębiec-Kozłowski. Seria Biblioteka Klasyków Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1984.
- Evdokimov P. *Gogol i Dostojewski, czyli zstąpienie do otchłani*. Przeł. A. Kunka. Bydgoszcz: Wydawnictwo Homini, 2002.
- Evdokimov P. *Szalona miłość Boga*. Przeł. M. Kowalska. Seria Kościół Wschodni. Białystok: Bractwo Młodzieży Prawosławnej w Polsce, 2001.
- Leloup J.-Y. *Hezychazm. Zapomniana tradycja modlitewna*. Przeł. H. Sobieraj. Seria Religie i Kościoły. Kraków: Znak, 1996.
- Lubac H. de. *Dramat humanizmu ateistycznego*. Przeł. A. Ziernicki. Kraków: Wydawnictwo WAM, 2004.
- Sołowjow W. *Wybór pism*. T. 3. Poznań: „W drodze” – Wydawnictwo Polskiej Prowincji Dominikanów, 1988.
- Szestow L. *Dostojewski i Nietzsche. Filozofia tragedii*. Przeł. C. Wodziński. Warszawa: Czytelnik, 1987.

¹³ F. Dostojewski. *Bracia Karamazow...*, s. 71.

ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ НАД МИФОЛОГИЧЕСКИМИ
ОБРАЗАМИ В ЦИКЛЕ ПУТЕВЫХ ОЧЕРКОВ
ИВАНА БУНИНА *ТЕНЬ ПТИЦЫ* –
МЕЖДУ ЛЕГЕНДОЙ И ПРЕДАНИЕМ

МАЈА WIĘCKOWSKA

Uniwersytet Warszawski
Wydział Lingwistyki Stosowanej
ul. Dobra 55, 00-312 Warszawa, Polska
e-mail: maja.wieckowska@wp.pl
(nadesłano: 30.08.2017; zaakceptowano 5.09.2017)

Abstract

**From observations on the mythological images in travel essays
Bird's Shadow by Ivan Bunin – between a legend and a tale**

The article is an attempt to analyze the selected legends reflected in Ivan Bunin's travel essays *Bird's Shadow*. The cycle of essays contains elements taken from the mythology of many different cultures. These include stories about the founding of cities, legends related to symbolic images, stories about famous historical and religious figures and fantastic creatures. Mythological images provided by Ivan Bunin are multifunctional, and each of them sends the reader to other images and at the same time enriches the image of cultural and historical memory.

Key words:

Ivan Bunin, *Bird's Shadow*, myth, mythology, legend, tale.

Abstrakt

Z obserwacji nad mitologicznymi obrazami w szkicach podróżniczych Iwana Bunina *Cień ptaka* – między legendą a podaniem

Artykuł jest próbą analizy wybranych legend odzwierciedlonych w szkicach podróżniczych Iwana Bunina *Cień ptaka*. Cykl zawiera elementy zaczerpnięte z mitologii wielu różnych kultur. Są to między innymi opowieści o założeniu miast, legendy związane z wizerunkami-symbolami, opowiadania o znanych historycznych i religijnych postaciach, a także o fantastycznych stworzeniach. Mitologiczne obrazy przytoczone w tekście przez Iwana Bunina są wielofunkcyjne, a każdy z nich odsyła czytelnika do innych obrazów i jednocześnie wzbogaca wyobrażenie o kulturowej i historycznej pamięci.

Słowa kluczowe

Iwan Bunin, *Cień ptaka*, mit, mitologia, legenda, podanie.

Очерки цикла *Тень птицы* создавались в 1907–1911 годах одновременно с *Деревней* и *Суходолом*. Этот период был началом расцвета бунинского дарования, которому в немалой степени способствовали постоянные путешествия писателя по миру. „Он не только изъездил Россию и Европу, но странствовал по Африке, съездил в Палестину, на Цейлон. В Константинополе побывал тринадцать раз!”¹. Путешествия играли в жизни Бунина важную роль. Многие исследователи (например, К. Цеслик, Ю. Мальцев, И. П. Вантенков) подчёркивают, однако, что никакие другие путешествия не принесли таких плодотворных результатов как путешествия на Восток. „Восток” для Бунина – „это чарующие страны древней культуры и мифа, прародина человечества, доисторический Рай”².

Своё первое путешествие на Восток Бунин совершил в 1903 году. Перед этой поездкой „он в первый раз целиком прочел Коран, который очаровал его, и ему хотелось непременно побывать в городе, завоеванном магометанами, полным исторических воспоминаний, сыгравшем такую роль в православной России, особенно в Московском царстве”³. Константинополь, в котором Иван Бунин пребывал в течение месяца, поразил его своей красотой. Это событие было одним из самых важных, благотворных и поэтических в жизни писателя⁴.

Во второе странствие в древние страны Востока писатель отправился со своей будущей женой Верой Муромцевой в 1907 году. 4 мая 1907 года Иван Алексеевич писал Н. Д. Телешову:

¹ Л.В. Крутикова. *Комментарии*. [В:] Бунин И.А. *Собрание сочинений в 9-ти томах*. Т. 3. Москва: Художественная литература, 1965–66, с. 655.

² Ю. Мальцев. *Иван Бунин 1870–1953*. Москва: Посев, 1994, с. 23.

³ А.К. Бабореко. *Бунин: жизнеописание*. Москва: Молодая гвардия, 2009, с. 85.

⁴ Там же, с. 87.

„Дорогой друг, совершаем отличное путешествие. Были в Царьграде, в Афинах, Александрии, Яффе, Иерусалиме, Иерихоне, Хевроне, у Мертвого моря! Теперь пишу тебе из Сирии, – из Бейрута. Завтра – в Дамаск, потом в Назарет, Тивериаду, Порт-Саид, Каир и, посмотревши пирамиды, – домой, снова через Афины”⁵.

Писатель не расставался тогда со стихами любимого персидского поэта Саади, словами которого он часто определял смысл своих собственных странствий⁶. Хотя очерки цикла *Тень птицы* были созданы непосредственно в результате второго путешествия, но они, всё-таки, являются плодом двух поездок писателя (1903 и 1907 годов).

В *Тени птицы* присутствует не только современность, но и история, в том числе архаическая культура народов Востока. В связи с этим необходимо обратить внимание на очень значимую роль мифов. Поскольку существует немного собственно исторических текстов архаического периода, то „мифологические источники при всей своей неполноте и неточности восполняют (хотя и в специфической форме) исторические источники, помогают в решении задач истории как познания”⁷. Запечатленные в мифах упоминания, названия конкретных лиц, имена собственные, культурологические знаки несут информацию об ушедших цивилизациях. Прошедшее, в свою очередь, даже если подверглось разрушениям, не исчезает. Оно сохраняется не только в древних руинах, но и в преданиях и легендах.

Некоторые исследователи (например, Г. Г. Исаев, И. А. Таирова и др.) обращают внимание на наличие в *Тени птицы* многих интертекстуальных элементов. В произведении обнаруживаются цитаты и реминисценции из *Библии*, *Нового и Ветхого Заветов*, *Корана*, *Талмуда*, *Книги мёртвых*, *Книги пирамид*, *Каббалы*, древних авторов и мифологий. Интертекстуальные вкрапления вводятся в текст повествователем для того, чтобы передать колорит прошлого, документально закрепить его истинность и достоверность⁸.

В обиходном понимании *миф* – это античные, библейские и другие старинные тексты, которые повествуют о сотворении мира и человека, а также о деяниях богов и героев. Слово *миф* по преимуществу ассоциируется с древними греческими и римскими текстами, как правило, поэтическими, наивными, нередко причудливыми. Такое представление о мифах является результатом включения античной культуры в круг знаний европейского человека – само слово *миф* происходит из греческого языка⁹. Согласно общепринятому определению, „Мифы (от греч. *mythos* – повествование, басня, предание), создания коллективной

⁵ Там же, с. 104.

⁶ Л.В. Крутикова. *Комментарии*. [В:] Бунин И. А. *Собрание сочинений в 9-ти томах*. Т. 3. Москва: Художественная литература, 1965–1966, с. 594.

⁷ В.Н. Топоров. *История и мифы*. [В:] *Мифы народов мира: энциклопедия*. Т. 1. Гл. ред. С.А. Токарев. Москва: Советская энциклопедия, 1987, с. 572.

⁸ И.П. Вантенков. *Лирические миниатюры и путевые поэмы*. [В:] *Бунин-повествователь (рассказы 1890–1916 гг.)*. Минск: Издательство Белорусского университета, 1974, с. 66.

⁹ С.А. Токарев, Е.М. Мелетинский. *Мифология*. [В:] *Мифы народов мира: энциклопедия*. Т. 1, с. 11.

общенародной фантазии, обобщенно отражающие действительность в виде чувственно-конкретных персонификаций и одушевленных существ, которые мыслятся первобытным сознанием вполне реальными¹⁰. Однако в *Тени птицы* читатель имеет дело не только с античными мифами, но и, прежде всего, со сказаниями восточных народов (ветхозаветными, христианскими, кораническими, иудейскими, арабийскими, ханаанскими, египетскими и др.). Надо обратить внимание, что применительно к этим сказаниям сам Иван Бунин употребляет в произведении понятие „легенда”. Слово *миф* не используется автором.

Автор словарной статьи К. В. Чистов указывает: „Легенда (от лат. *legenda*, буквально – то, что следует прочесть)”¹¹. Он различает два типа легенд. К первому типу относятся „литературные легенды”. Первоначально это были жития святых и патериковые рассказы, а со временем легендами стали называть разнообразнейшие повествования религиозного характера. Легендам присущи такие свойства, как благочестивость и поучительность. Второй тип – это „фольклорные легенды”, т.е. вошедшие в традицию устные народные рассказы. Как правило, в их основе лежит чудо, фантастический образ или представление, которое воспринимается как достоверное. В современном обиходном значении легендой часто называют произведения любого жанра, отличающиеся поэтическим и „сверхъестественным” вымыслом и одновременно претендующие на некую достоверность в прошлом¹².

Г. А. Левинтон, причисляющий легенду к группе фольклорных произведений, замечает, что эти тексты в разных культурных традициях описывают не вполне сходные явления и по-разному соотносятся с другими фольклорными жанрами. По его мнению, общей чертой для легенд разных традиций является их приуроченность к историческому времени, или, по крайней мере, к переходу от мифологического времени к историческому. Повествования о „заранее” известных лицах, событиях и времени, в историчности которых не сомневается носитель, Г. А. Левинтон разделяет на *легенды* и *предания*¹³. По его мнению „легенды связаны преимущественно с персонажами священной истории (напр., христианскими или исламскими святыми, евангельскими персонажами), предания же – с персонажами мирской истории, причем элемент чудесного в них не обязателен”¹⁴.

В *Тени птицы* обнаруживаются оба типа повествований – легенды и предания. Что касается понятий „миф” и „легенда” (которые в разных традициях могут противопоставляться друг другу), то они все же, как правило, объединяются по признаку уверенности носителей в достоверности сообщаемого и нали-

¹⁰ С.С. Аверинцев, М.Н. Эпштейн. *Мифы*. [В:] *Литературный энциклопедический словарь*. Под ред. В.М. Кожевникова и П.А. Николаева. Москва: Советская энциклопедия, 1987, с. 222.

¹¹ К.В. Чистов. *Легенда*. [В:] *Литературный энциклопедический словарь...*, с. 177.

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Г.А. Левинтон. *Легенды и мифы*. [В:] *Мифы народов мира: энциклопедия*. Т. 2. Гл. ред. С.А. Токарев. Москва: Советская энциклопедия, 1987, с. 45.

чии элемента чудесного¹⁵. По отношению к путевым очеркам И. Бунина ближе определение „легенда”. Вслед за автором произведения мы оперируем этим понятием.

Как замечает И. А. Таирова, мифология, наряду с религией, часто составляла основу мировоззрения древних народов Востока. Для того, чтобы глубже проникнуть в содержание путевых очерков, отразивших историю, культуру, традиции и быт восточных народов, необходимо рассмотреть некоторые из легенд, вошедших в цикл *Тень птицы*.

Н. А. Николина в своём учебном пособии *Поэтика русской автобиографической прозы* обращает внимание на то, что роль мифологического интертекста особенно возрастает в прозе XX века. В автобиографическом жанре, с одной стороны, усиливается субъективность, с другой – возрастает степень обобщения и обостряется внимание к мифологическим образам¹⁶. По словам Н. А. Николиной, в русской автобиографической прозе XX века обнаруживаются две тенденции: „тенденция к своеобразному отчуждению «я» повествователя в прошлом, что приводит к семантической множественности его «я» в тексте, и тенденция к выявлению глубинных мотивов человеческого существования в реконструируемой памятью частном опыте”¹⁷. В свою очередь, утраченная целостность „я”, открытие его многослойности и определяют усложнение художественных структур, используемых в автобиографической прозе. Обращение к мифологическим первоосновам – одно из направлений этого процесса. Мифологемы являются источниками образности, схемами моделирующими самопознание и познание человеком мира¹⁸. Далее исследовательница подчёркивает, что мифологические образы, которые подвергаются в тексте реинтерпретации и трансформации, имеют различный характер. Первый тип – это образы, связанные с античной, древнеиндийской мифологиями и с библейскими текстами. Второй тип восходит к русской сказочно-мифологической традиции. Третий соотносится с историческими деятелями и ситуациями, а также образами, взятыми из литературы и искусства Нового времени¹⁹.

Мифологические образы, воплощённые в *Тени птицы*, относятся к первому типу, выделенному Н. А. Николиной. В очерках цикла обнаруживаются античные и древнеиндийские легенды, а также библейские тексты. Однако следует подчеркнуть, что христианских реминисценций намного больше; они доминируют, пронизывая весь текст.

В первом рассказе цикла под таким же заглавием – *Тень птицы*, рассказчик называет Турцию страной, на которую пала „тень Птицы Хумай”. Он, ссылаясь на строки Саади и на слова его комментаторов, поясняет, что птица Хумай – это „легендарная птица и что тень её приносит всему, на что она падает, цар-

¹⁵ Там же.

¹⁶ Н.А. Николина. *Поэтика русской автобиографической прозы: учебное пособие*. Москва: Флинта: Наука, 2002, с. 379.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же, с. 380.

ственность и бессмертие”²⁰. Приведённая Буниным легенда о птице Хумай раскрывает символику названия всего цикла. Далее рассказчик приводит ещё две легенды, которые рассказывают о происхождении города Константинополя.

Песнью Песней, чудом чудес, столицей земли называли город Константина греческие летописцы. Молва всего мира объясняла его происхождение божественным вмешательством. Одна легенда говорит, что на месте Византии орел Зевса уронил сердце жертвенного быка. Другая – что основателю её было повелено основать город знаменем креста, явившимся в облаках над скутарийскими холмами, „при слиянии водных путей и путей караванных”. Но восточный поэт сказал не хуже: „Здесь пала тень Птицы Хумай”.

(И.А. Бунин. *Тень птицы*. [В:] *Собрание сочинений*..., т. 3, с. 515).

Первая из легенд принадлежит античной культуре, вторая относится к христианской мифологии. Повествователь подчёркивает, что город был назван „Песнью Песней” (это, как известно, и заглавие книги Ветхого Завета, авторство которой приписывается „величайшему мудрецу всех времён” – Соломону²¹). Выражения с сочетанием единственного и множественного числа (Песнь Песней, чудо чудес) указывают на превосходную степень, важность понятия. Определение „Песнь Песней” по отношению к Константинополю толкуется как *богоданный, самый лучший, самый красивый из всех городов*. Поскольку легенды часто повествуют об основании городов, они не могли обойти молчанием главного из них. Приведённые предания очень интересны и образны. Однако, по мнению повествователя, Тезкират Саади сказал о происхождении города „не хуже”. Легенда, о которой упоминает персидский поэт, восходит к иранской и арабской мифологии, а также к арабизированной мифологии народов Средней Азии. Повествователь считает, что легенда о птице, тень которой приносит всему, на что падает, царственность и бессмертие, наиболее поэтична по сравнению с двумя другими. Надо также обратить внимание на наличие в данных легендах существенной мифологемы, а именно символа птицы (Птица Хумай, орел Зевса, „знамение креста, явившиеся в облаках”). Образ птицы появляется в мифологиях и религиях многих народов и чаще всего воспринимается как благоприятный знак. Птица рассматривается как символ Солнца (короля Солнца), ветра, воздуха, времени, божества, Создателя, духа, души²². Птицы играют важную роль в мифах о создании городов, империй или мира. Они часто воспринимаются как воплощение божества. Символ птицы присутствует ещё в одной легенде, повествующей о возникновении другого известного города. В данном фрагменте описывается не фантастическая, а реальная птица

²⁰ И.А. Бунин. *Тень птицы*. [В:] *Собрание сочинений в шести томах. Произведения 1907–1914*. Т. 3. Москва: Художественная литература, 1987, с. 115. В дальнейшем данное издание цитируется в тексте в скобках с указанием номера страницы.

²¹ Д.В. Щедровицкий. *Соломон*. [В:] *Мифы народов мира: энциклопедия*. Т. 2, с. 460.

²² W. Kopaliński. *Ptak*. [В:] *Słownik symboli*. Warszawa: Oficyna Wydawnicza Rytm, 2008, с. 343.

Настало время, когда над миром восторжествовала грозная и дикая мощь Ислама. Амру, полководец Омара, пришел к Нилу и взял Вавилон. В его палатке свила гнездо голубка. Уходя, Амру оставил палатку, дабы не трогать гнезда. И на этом месте зачался „Победоносный”, Великий Каир.

(И.А. Бунин. *Тень птицы*, с. 530).

Древняя легенда рассказывает о событиях, которые якобы имели место в 639 году, когда полководец Амра завоевал Вавилон. В ряде традиций голубь выступает как символ души умершего, небесный вестник²³. Гнездо, свитое птицей на крыше военной палатки Амра, было признано хорошим предзнаменованием. Предводитель халифа Омара приказал не снимать свою палатку. Она так и осталась на своём месте, когда войска отправились в дальнейший поход.

Следующим символом, с которым связаны многие легенды и которому И. А. Бунин посвятил один из рассказов цикла (*Камень*), является „Камень Мориа”. Объясняя его, писатель приводит цитату из Талмуда:

Камень Мориа, скала, на которой первый человек принес первую жертву богу, есть средоточие мира. Скалу Мориа, что была покрыта некогда храмом Соломона, а ныне хранима мечетью Омара, положил в основание вселенной сам бог.

(И.А. Бунин. *Тень птицы*, с. 554).

Согласно преданиям этот камень находился на одноимённой горе, расположенной на северо-востоке от Иерусалима. На этом месте царь Соломон построил свой первый храм. Туда отправился Авраам, чтобы принести в жертву своего единственного сына²⁴.

В дни пророков Камень был внутри святилища храма Соломона, и первосвященник ставил на нем курящуюся кадильницу. На нем же стоял и Ковчег Завета, урна с манной и лежал вечно цветущий жезл Аарона. Ныне Ковчег Завета скрыт в тайниках под Камнем, где сохранял его от врагов сам Соломон, которому Камень давал неземную силу: с него видел царь весь мир от края до края – и понимал язык птиц и зверей.

(И.А. Бунин. *Тень птицы*, с. 555).

Во время посещения Буниным этого легендарного места над камнем возвышался уже совсем другой храм – мусульманская мечеть Омара. „Камень Мориа”, „Скала” – это древнейший символ Иудеи. В легендах, приведённых рассказчиком, находится пояснение его истории и значения.

Древние книги и легенды Иудеи и Аравии говорят: „В Иерусалиме бог сказал Скале: ты – основание, от коего начал я создание мира... От тебя воскреснут сыны человеческие из мертвых”.

(И.А. Бунин. *Тень птицы*, с. 554).

Камень Мориа считается символическим фундаментом мироздания, поскольку, согласно легендам, именно с него Бог начал создание мира. На протя-

²³ В.В. Иванов, В.Н. Топоров. *Птицы*. [В:] *Мифы народов мира: энциклопедия*. Т. 2, с. 348.

²⁴ Архимандрит Никифор. *Мориа*. [В:] *Библия. Ветхий и Новый заветы. Синодальный перевод. Библейская энциклопедия*. 1891. [Online:] <<http://dic.academic.ru/dic.nsf/biblerus/70737/%D0%9C%D0%BE%D1%80%D0%B8%D0%B0>> (20.07.2017).

жении веков этот образ-символ принято было называть также „Камнем Основы” или „Камнем Основания” трех религий: иудаизма, христианства и ислама. А вот следующая его характеристика:

Сойдя в пещеру под Скалой, Медшир-ед-Дан видел чудо чудес: колеблющаяся глыба Скалы, ничем и никем не поддерживаемая, висела на высоте, подобно парящему орлу.
(И.А. Бунин. *Тень птицы*, с. 554).

„Камень Мориа” по преданию является священным и имеет чудесную силу. В некоторых легендах он даже оживляется и наделяется человеческими чертами:

Магомет – в ночь своего путешествия из Медины в Иерусалим на верблюдице Молнии – „стал своей священной стопой на Скалу Мориа, раскачивающуюся между небом и землею”. Был взмах почти достигший врат рая, – и Скала издала крик радости. Но пророк повелел ей молчать – и вошел во врата рая. А Скала вновь пала к земле – и вновь вознеслась – и в движении своем пребывает и донныне: „не мешаясь с прахом и не смея преступить неба”.

(И.А. Бунин. *Тень птицы*, с. 554).

Это мусульманское предание связано с историческими событиями. В 638 году Иерусалим был захвачен мусульманами, которые объявили Гору Мориа священным местом ислама и построили на холме два монумента – Аль-Акса и Купол Скалы.

В мифах автор ищет информацию о прошлом, о легендарном плодородии восточных регионов.

Следует ли, говорят некоторые, искать на Ливане отдельных мест, связанных преданием с Эдемом? Не Эдем ли весь Ливан?

(И.А. Бунин. *Тень птицы*, с. 577).

Рассказчик приходит к выводу, что напрасно искать конкретные места, упоминаемые в легендах. Жизнь течет, и мир все время изменяется, обогащается. Не стоит постоянно обращаться к прошлому, лучше посмотреть вокруг и увидеть то, что иногда не видно на первый взгляд.

Автор не только обращает внимание на красоту и великолепии посещаемых стран. Он не упускает из виду также их сложное прошлое.

На другой день покидаем Яффу, направляясь по Саронской долине к Иерусалиму. Пустынный путь! Нарциссы долины, из-за легендарного плодородия которой было пролито столько крови, теперь начинают выпаживать. Иудея опять понемногу заселяется своими прежними хозяевами, страстно мечтающими о возврате дней Давида. Но цветов еще много, слишком много. Всюду мак, мак и мак: щедро усеял он эти пашни и нивы своими огненными лепестками.

(И.А. Бунин. *Тень птицы*, с. 540).

Рассказчик, с одной стороны, подчёркивает великолепие иудейской земли во времена царя Давида. С другой стороны, он замечает, что эта страна подвергалась бедствиям. Образ выпаживаемых цветов отсылает нас к образу Нарцис-

са – древнего растительного божества умирающей и воскресающей природы²⁵. Красные маки, в свою очередь, символизируют сон и смерть. Происхождение маков часто связывается в мифах с кровью убитого человека. В христианской литературе распространено представление, что маки являются символом невинно пролитой крови²⁶. Это может быть намёк на кровь распятого на кресте Христа, или на кровь людей, погибших во время захвата Иудеи Навуходоносором, Персией, Александром Македонским или римлянами.

Одним из самых великих исторических персонажей, упоминаемых в произведении (*Море богов*), является Александр Македонский.

Александр (...) раздвинул пределы земли, смешал народы и, возвратясь, сказал: „Мир бесконечен, и бог тысячеклик. Я поклонялся всем ликам; но истинный – неведом (...)”.

(И.А. Бунин. *Тень птицы*, с. 521).

Александр славится как один из величайших полководцев в истории. Он завоевал огромную территорию и подчинил себе многие народы. И хотя он столько увидел в своей жизни, но не нашёл Бога. После его смерти созданная им мировая держава распалась. Имя его, однако, сохранилось в преданиях.

Нередко в цикл вводятся сказания о религиозных деятелях. По мнению Г.А. Левинтона, именно рассказы о жизни и деятельности персонажей священной истории принято называть легендами. В *Тени птицы* упоминается легенда о бегстве в пустыню Измаила и Агари.

И тайные мольбы и славословия падающего ниц человека со всех концов мира несутся всегда к единому месту: к святому городу, к ветхозаветному камню в пустыне Измаила и Агари...

(И.А. Бунин. *Тень птицы*, с. 512).

Согласно ветхозаветным и кораническим преданиям, девяностолетняя бездетная Сарра, по обычаю, отдала мужу Аврааму в наложницы свою рабыню Агарь, чтобы та родила ему ребёнка. Родившегося сына назвали Измаилом. Однако спустя некоторое время Сарра сама родила сына Исаака. Между ней и рабыней вспыхнула ссора, и Сарра выгнала Агарь с сыном, а Авраам лишил его права первородства. В связи с данной легендой Измаил считается родоначальником всех арабских племен²⁷.

В *Шеоле* приводится образ ветхозаветного пророка Илии, который за свою жизнь прославился многими чудесами.

Тысячи преданий слили его образ с образом солнечного бога: Илия был питаем воронами, повелевал громами и бурями, низводил огонь и дождь с неба, превращал в камни растения, заживо, как истый сын Солнца, вознесся к нему на пламенной колеснице.

(И.А. Бунин. *Тень птицы*, с. 557).

²⁵ К.А. Зурабова, В.В. Сухачевский. *Нарцисс*. [В:] *Мифы и предания. Античность и библейский мир: популярный энциклопедический словарь*. Москва: Терра, 1993, с. 178.

²⁶ В.Н. Топоров. *Мак*. [В:] *Мифы народов мира: энциклопедия*. Т. 2, с. 90.

²⁷ К.А. Зурабова, В.В. Сухачевский. *Измаил*. [В:] *Мифы и предания. Античность и библейский мир: популярный энциклопедический словарь*. Москва: Терра, 1993, с. 112.

Земли, посещаемые рассказчиком, вызывают у него ассоциации с библейскими образами. В *Стране содомской* упоминается дамасская легенда о Христе, проведенным сорок дней и ночей в пустыне.

Но внизу ещё тень, и, верно, мыши принимают ее за сумерки, когда и создал их Христос. Он сорок дней и ночей провел в пещере над Иерихоном, на обрыве, закрывающем запад, – он не знал, когда садится солнце и когда надлежит совершать молитву. И вот однажды поднялся он на вершину и, как только скрылось солнце, начертал на пыли то легкое, таинственное создание, что так любит сумрак. Он вдохнул в него жизнь и сказал: „Каждый вечер на закате солнца вылетай из расселин горы, где отныне будет твое жилище, дабы знал я час молитвы...”

(И.А. Бунин. *Тень птицы*, с. 569).

В тексте появляется также имя вечного врага Христа – дьявола Азазела, пытавшегося покорить Сына Божьего в пустыне.

Дьявол, Азazel, имя и образ которого так и остались тайной, был издревле владыкой пустыни. Это он обитал в ее знойном серо-каменном море, некогда взбудораженном подземными силами и навсегда застывшем. Это ему каждый год – в десятый день седьмого месяца – посылали левиты и первосвященники Козла Отпущения – от лица всего Израиля, за все грехи его. И не странно ли, что именно оттуда прозвучали первые легенды предтечи!

(И.А. Бунин. *Тень птицы*, с. 560).

Легко заметить, что в тексте доминирует христианское миропонимание. Реминисценции из Библии позволяют приблизить и расшифровывать прошлое. Образ Христа в очерках встречается наиболее часто. По мнению рассказчика, с Христом связаны самые красивые легенды на земле.

Как полевой цветок, мало кому ведомый, выросший из случайно занесенного ветром семени в углу покинутого дома, расцвела и здесь легенда, может быть самая прекрасная, самая трогательная: без огня, по бедности родителей, засыпал божественный младенец; мать сидела у его постельки, тихо заговаривая, убаюкивая его; а чтобы не было скучно и жутко ему в наступающей ночи, светящиеся мушки по очереди прилетали радовать его своим зеленым огоньком. А страна Геннисаретская, где прошла вся молодость его, все годы благовествования, все те дни, незабвенные до скончания века, для них же и был он в мире, – она совсем не сохранила зримых следов его. Но нет страны прелестнее, и нигде так не чувствуется он!

(И.А. Бунин. *Тень птицы*, с. 584).

Повествователь подчеркивает, что зримые следы жизни и деятельности Христа не сохранились, но в Вифлееме всё-таки чувствуется его незримое присутствие.

Мифологические образы в цикле путевых поэм *Тень птицы* наслаиваются и взаимодополняют друг друга. Они отличаются многофункциональностью. Будучи порождением прошлого, они в то же время соотносятся с настоящим и устремлены в будущее.

Литература

- Аверинцев С.С., Эпштейн М.Н. *Мифы*. [В:] *Литературный энциклопедический словарь*. Под ред. В.М. Кожевникова и П.А. Николаева. Москва: Советская энциклопедия, 1987.
- Бабореко А.К. *Бунин: жизнеописание*. Москва: Молодая гвардия, 2009.
- Бунин И.А. *Тень птицы*. [В:] И.А. Бунин. *Собрание сочинений в шести томах. Произведения 1907–1914*. Т. 3. Москва: Художественная литература, 1987.
- Вантенков И.П. *Лирические миниатюры и путевые поэмы*. [В:] *Бунин-повествователь (рассказы 1890–1916 гг.)*. Минск: Издательство Белорусского университета, 1974.
- Зурабова К.А., Сухачевский В.В. *Нарцисс*. [В:] *Мифы и предания. Античность и библейский мир: популярный энциклопедический словарь*. Москва: Терра, 1993.
- Зурабова К.А., Сухачевский В.В. *Измаил*. [В:] *Мифы и предания. Античность и библейский мир: популярный энциклопедический словарь*. Москва: Терра, 1993.
- Иванов В.В., Топоров В.Н. *Птицы*. [В:] *Мифы народов мира: энциклопедия*. Т. 2. Гл. ред. С.А. Токарев. Москва: Советская энциклопедия, 1988.
- Исаев Г.Г. *Художественная репрезентация Ближнего Востока в лирико-документальном дискурсе И. Бунина (цикла путевых поэм «Тень птицы»)*. [В:] *Художественная картина мира в фольклоре и творчестве русских писателей: Коллективная монография*. Под ред. Г.Г. Исаева. Астрахань: Астраханский государственный университет, 2011.
- Крутикова Л.В. *Комментарии*. [В:] Бунин И.А. *Собрание сочинений в 9-ти томах*. Т. 3. Москва: Художественная литература, 1965–1966.
- Левинтон Г.А. *Легенды и мифы*. [В:] *Мифы народов мира: энциклопедия*. Т. 2. Гл. ред. С.А. Токарев. Москва: Советская энциклопедия, 1987.
- Мальцев Ю. *Иван Бунин 1870–1953*. Москва: Посев, 1994.
- Никифор, архимандрит. *Мориа*. [В:] *Библия. Ветхий и Новый заветы. Синоидальный перевод. Библейская энциклопедия*. 1891. [Online:] <<http://dic.academic.ru/dic.nsf/biblerus/70737%D0%9C%D0%BE%D1%80%D0%B8%D0%B0>> (20.07.2017).
- Николина Н.А. *Поэтика русской автобиографической прозы: учебное пособие*. Москва: Флинта: Наука, 2002.
- Таирова И.А. *Восточные традиции в творческом восприятии И.А. Бунина. Введение к работе*. Москва 2010. [Online:] <<http://www.dslib.net/russkaja-literatura/vostochnye-tradicii-v-tvorcheskom-vosprijatii-i-a-bunina.html>> (30.06.2017).
- Токарев С.А., Мелетинский Е.М. *Мифология*. [В:] *Мифы народов мира: энциклопедия*. Т. 1. Гл. ред. С.А. Токарев. Москва: Советская энциклопедия, 1987.
- Топоров В.Н. *История и мифы*. [В:] *Мифы народов мира: энциклопедия*. Т. 1. Гл. ред. С.А. Токарев. Москва: Советская энциклопедия, 1987.
- Топоров В.Н. *Мак*. [В:] *Мифы народов мира: энциклопедия*. Т. 2. Гл. ред. С.А. Токарев. Москва: Советская энциклопедия, 1988.
- Чистов К.В. *Легенда*. [В:] *Литературный энциклопедический словарь*. Под ред. В.М. Кожевникова и П.А. Николаева. Москва: Советская энциклопедия, 1987.
- Щедровицкий Д.В. *Соломон*. [В:] *Мифы народов мира: энциклопедия*. Т. 2. Гл. ред. С.А. Токарев. Москва: Советская энциклопедия, 1987.
- Cieślak K. „Poematy” podróżnicze. [В:] *Iwan Bunin (1870–1953). Zarys twórczości*. Szczecin: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Szczecińskiego, 1998, s. 53–62.
- Kopaliński W. *Ptak*. [В:] *Słownik symboli*. Warszawa: Oficyna Wydawnicza Rytm, 2008.

POETYKA TEORETYCZNA
ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ПОЭТИКА
THEORY OF POETICS

«МАЛОРОССИЙСКИЙ» РАЙ:
СТАРОСВЕТСКИЕ ПОМЕЩИКИ НИКОЛАЯ ГОГОЛЯ
КАК ПАСТОРАЛЬНАЯ ДИСТОПИЯ

ДЕНИС ЧИК

Кременецкая областная гуманитарно-педагогическая академия имени Тараса Шевченко,
кафедра иностранных языков и методики их преподавания
проулок Лицейный, 1, г. Кременец, Тернопольская обл., 47003, Украина
e-mail: denyschyk@ukr.net

ОЛЬГА ЧИК

Кременецкая областная гуманитарно-педагогическая академия имени Тараса Шевченко,
кафедра иностранных языков и методики их преподавания
проулок Лицейный, 1, г. Кременец, Тернопольская обл., 47003, Украина
e-mail: olga_chyk@meta.ua
(получено 16.08.2017; принято 9.09.2017)

Abstract

“Little Russian” Paradise and Hell:

Nikolai Gogol’s *The Old-World Landowners* as a Pastoral Dystopia

The article considers the genre specificity of Nikolai Gogol’s short story *The Old-World Landowners* (*Starosvyetskiye pomeshchiki*) (1835), which refers to the so-called Ukrainian stories. The genre features of the work are analyzed, which give grounds to consider it as a dystopia: the danger of possible mankind degeneration due to rejection of philanthropy and infatuation with material values; the presence of the topoi of two worlds – “ideal” and imperfect. Gogol successfully changed the established literary stereotypes in Russian literature by means of *Evenings on a Farm near Dikanka* (*Vechera na hutore bliz Dikanki*) and *Mirgorod* – by his own utopian project, which turned into

a real pastoral anti-utopia. The death of the main characters symbolizes the collapse of the illusory, lucrative and exemplary economy of the Cossack officers who received the noble rights in the Russian Empire and were fully integrated into the imperial upper circles. The story *The Old-World Landowners* by Gogol is the image of a terminated Cossack epoch and the creation of a new – total integration of Little Russian nobles into the “body” of the Russian Empire of the XIX century.

Key words

Short story, dystopia, the pastoral, farm topos, Little Russia, Ukraine, the Russian Empire.

Резюме

В статье рассматривается жанровая специфика повести Николая Гоголя *Старосветские помещики* (1835), которая относится к так называемым украинским повестям. Авторы анализируют жанровые черты произведения, дающие основания рассматривать его как дистопию – опасность возможной дегенерации человечества из-за отказа от человеколюбия и увлечение материальными ценностями, наличие топосов двух миров – «идеального» и несовершенного, система аллюзий на пасторальную идиллию русской литературы первых десятилетий XIX века; разрыв с прежней казацкой историей; замкнутая и цикличная жизнь за запрограммированными схемами. Гоголь успешно изменил устоявшиеся в русской литературе литературные стереотипы посредством *Вечеров на хуторе близ Диканьки* и *Миргорода* собственным утопическим проектом, который превратился в отдельных произведениях в настоящую пасторальную дистопию. Смерть главных персонажей символизирует крах иллюзорно прибыльного и образцового хозяйства казацкой старшины, которая получила дворянские права в Российской империи и полностью интегрировалась в имперские высшие круги. Повесть *Старосветские помещики* Гоголя является образом завершенной эпохи казачества и создания новой – тотальной интеграции малороссийских дворян в «тело» Российской империи XIX века.

Ключевые слова

Повесть, дистопия, пастораль, тоpos хутора, Малороссия, Украина, Российская империя.

Николай Гоголь относится к тем двойственным писателям, творчество которых постоянно провоцирует и будет провоцировать появление новых и новых исследований, часто противоречащих друг другу. Особенно показательными являются труды, касающиеся изображения национального характера в произ-

ведениях писателя, «количества» и «качества» «российского» и «украинского» в них, принципов взаимодействия различных типов патриотизма – имперского, национального, регионального – на уровне поэтики отдельных произведений и в творчестве в целом. Полифония смыслов в текстах Гоголя дает все основания для огромного количества разночтений, продуцируемых в зависимости от ракурсов их толкований творчества писателя: как украинского автора, который самостоятельно развивал собственное направление в русской литературе, став настоящим духовным «отцом» для российских писателей; или как русского писателя, творчество которого немыслимо без рассмотрения его в контексте современной ему русской литературы, к становлению и развитию которой он имел непосредственное отношение. Продуктивным считаем подход современных гоголеведов Юрия Барабаша, Эдиты Бояновской, Владимира Звиняцковского, которые анализируют творчество Гоголя как принадлежащее к украинской, так и к российской литературе, что является примером гибридного типа национального наследия.

В такой плоскости рассмотрим жанровую специфику повести Гоголя *Старосветские помещики* (1835), которая относится к так называемым украинским повестям. Как известно, это произведение было включено в сборник *Миргород*. Повесть *Старосветские помещики* проанализируем как элемент уникального авторского проекта антиутопического цикла, к которому можно причислить также повести *Иван Федорович Шпонька и его тетушка* (1832) и *Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем* (1834). Попробуем обосновать тезис, что повесть Гоголя можно отнести к прообразу дистопии – особого типа антиутопии, которая демонстрирует негативные последствия реализации определенного утопического проекта.

Антиутопии в европейских литературах окончательно сформировались в отдельный жанр в XX веке, хотя отдельные черты антиутопии наблюдаются еще в произведениях Джонатана Свифта и Жюль Верна (исследователи Б. Ланин, Н. Ковтун, Г. Морсон, С. Никольский, О. Филенко, В. Чаликова считают антиутопиями, прежде всего, произведения Герберта Уэллса, Карела Чапека, Евгения Замятина, Михаила Булгакова, Олдоса Хаксли, Джорджа Оруэлла и др.). Исследователь антиутопии С. Никольский подчеркивает, что толчком к появлению антиутопий стало фокусирование внимания ученых, политиков и представителей искусства на возможных катаклизмах, которые угрожали человечеству техногенными, экологическими, антигуманистическими потрясениями. По мнению указанных писателей, вероятные катастрофы могли стать следствием человеческой духовной слепоты, которая фатально скрывает опасность, таящиеся в научно-техническом прогрессе и насильственном внедрении антигуманных идеологий тоталитаризма вроде марксизма, сталинизма или национал-социализма¹. Для Гоголя опасность возможной дегенерации человечества пробуждал отход от человеколюбия и увлечение материальными ценностями. Этот процесс он впервые рассмотрел под специфическими углами зрения: из

¹ С.В. Никольский. *Над страницами антиутопий К. Чапека и М. Булгакова (поэтика скрытых мотивов)*. 2-е изд., испр. и доп. Москва: Институт славяноведения РАН, 2009, с. 6.

Петербурга он анализирует историю и современность родной Украины как имперской провинции, а российскую повседневность *Мертвых душ* препарировать также с расстояния – пребывая в Швейцарии, Франции и Италии. В абсолютном большинстве его произведений мы видим актуализацию тем, которые так или иначе связаны с критикой ухода от человеческих ценностей – семейных, национальных, христианских.

О. Филенко жанровой чертой антиутопии считает наличие топосов двух миров – идеального (в котором живут персонажи) и некоего другого, который провозглашен несовершенным. В идеальном мире прошлое находится под запретом – в его топосе царит только современность². В повести *Старосветские помещики* Гоголя мы проследим как прошлое – вторая половина XVIII века – находится под табу, а современность – первые десятилетия XIX века – выстраивает псевдоидеальный и квази-идиллический мир украинского дворянского поместья, которое зиждется на ложных антидуховных идеалах. На разделение пространства в повести на два мира указывал Юрий Лотман, проанализировав обособленность двух топосов через систему препятствий и границ, а также констатируя ахронность закрытого пространства помещичьего хутора³.

Современный американский славист Гарри Сол Морсон подчеркивает, что антиутопия – это антижанр, в котором сохраняется литературная традиция насмеяться над жанром, и поэтому антиутопическое произведение часто не дублирует в инверсированном виде спародированный жанр, а создает систему аллюзий на него. В антиутопии высмеивается не конкретное произведение, а жанр в целом⁴. По нашему убеждению, повесть *Старосветские помещики* является именно такой системой аллюзий на пасторальную идиллию русской литературы первых десятилетий XIX века, в которой идеальная Малороссия изображалась как благословенная и экзотическая окраина Российской империи.

Еще современники Гоголя прочитывали в повести *Старосветские помещики* идиллию⁵, которая якобы представляла сентиментальное и отчасти наивное восхищение автора спокойным существованием на украинском хуторе, неспешной текучестью жизни старых и одиноких супругов и воплощала образец взаимной любви и чувствительной преданности. Почти все исследователи творчества писателя указывали также на то, что жанром повести является идиллия, которая демонстрирует фиктивный, камерный, обреченный на угасание мир

² О. Филенко. «Покоряя пространство и время...» (Роман Е.И. Замятина «Мы» и его роль в становлении жанра антиутопии). «Русский язык и литература в учебных заведениях» 2004, № 2, с. 38–51.

³ Ю.М. Лотман. Проблема художественного пространства в прозе Гоголя. [В:] Ю.М. Лотман. *Избранные статьи*. Т. 1. Таллинн: Александра, 1993, с. 428.

⁴ Г. Морсон. *Границы жанра*. [В:] *Утопия и утопическое мышление: антология зарубежной литературы*. Сост., общ. ред. и предисл. В.А. Чаликовой. Москва: Прогресс, 1991, с. 233–234.

⁵ А.С. Пушкин. «Вечера на хуторе близ диканьки». Повести, изданные Пасичником Рудым Паньком. Издание второе. Две части, в 8 д. л. XIV, 203 и X, 233, в тип. Департамента Внешн. торговли. [Рецензия]. [В:] А.С. Пушкин. *Полное собрание сочинений*. Т. 7: Критика и публицистика. Ленинград: Наука, 1978, с. 237.

(следует упомянуть наиболее важные имена – Нестор Котляревский⁶, Дмитрий Овсянико-Куликовский⁷, Виктор Виноградов⁸, Василий Гиппиус⁹, Михаил Бахтин¹⁰, Эмма Жилиякова¹¹, Арнольд Слюсарь¹², Иван Есаулов¹³, Аркадий Гольденберг¹⁴ и др.).

Замкнутость пасторального мира идиллии, в котором находятся персонажи – Афанасий Иванович Товстогуб и его жена Пульхерия Ивановна, должна бы, согласно законам жанра, указывать на их единение с природой, предусматривающее гармоничность в отношениях с природной средой, утешение и радость от созерцания природных образов. И действительно, Гоголь прямо свидетельствует, что если бы надлежало написать современных Филемона и Бавкиду, он, не задумываясь, изобразил бы на полотне эту пару¹⁵. Чета из античного мифа действительно стала архетипным образцом гостеприимных пожилых супругов, ублажающих гостей (они готовы зарезать единственного гуся для богов Зевса и Гермеса, зашедших к ним в образе обычных путешественников). Исключительное гостеприимство и радушие Филемона и Бавкиды были щедро вознаграждены Зевсом: их бедная хижина превратилась в величественный храм, а супруги стали жрецами, долгие годы служили в храме и умерли в один день, превратившись в деревья с одним корнем¹⁶. Свою популярность миф получил благодаря европейским изданиям, переводам и адаптациям поэмы *Metamorphoses* древнеримского поэта Овидия. Правда, Гоголь травестировал в своем произведении этот миф, как в свое время Котляревский талантливо травестировал эпичную

⁶ Н.А. Котляревский. *Николай Васильевич Гоголь, 1829-1842: Очерк из истории русской повести и драмы Нестора Котляревского*. 2-е испр. изд. Санкт-Петербург: Типография М.М. Стасюлевича, 1908, с. 236.

⁷ Д. Овсянико-Куликовский. *Н. Гоголь в его произведениях: К столетию рожд. великого писателя. 1809-1909*. Москва: т-во И.Д. Сытина, 1909, с. 22–23.

⁸ В.В. Виноградов. *Н. В. Гоголь*. [В:] В.В. Виноградов. *Поэтика русской литературы: Избранные труды*. Отв. ред. М. П. Алексеев, А. П. Чудаков. Москва: Наука, 1976, с. 218.

⁹ В. Гиппиус. *Гоголь*. [В:] В. Гиппиус. *Гоголь*; В. Зеньковский. *Н. В. Гоголь*. Предисл. и сост. Л. Аллена. Санкт-Петербург: Logos, 1994, с. 70.

¹⁰ М.М. Бахтин. *Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике* [В:] М.М. Бахтин. *Собрание сочинений*. Москва: Русские словари; Языки славянских культур, 1997–2012. Т. 3: «Теория романа» (1930–1961). 2012, с. 475.

¹¹ Э.М. Жилиякова. *Традиции сентиментализма в творчестве раннего Достоевского (1844–1849)*. Томск: Издательство Томского университета, 1989, с. 99, 107–108.

¹² А.А. Слюсарь. *Жанровые особенности «Старосветских помещиков» Н.В. Гоголя*. «Вопросы русской литературы» 1990. Вып. 1 (55), с. 19.

¹³ И.А. Есаулов. *Спектр адекватности в истолковании литературного произведения («Миргород» Н.В. Гоголя)*. Москва: Российский государственный гуманитарный университет, 1995, с. 22–41.

¹⁴ А.Х. Гольденберг. *Архетипы в поэтике Н. В. Гоголя*. Волгоград: Издательство ВГПУ «Перемена», 2007, с. 50.

¹⁵ Н.В. Гоголь. *Миргород*. Изд. подготовил В.Д. Денисов. Отв. ред. В.М. Маркович. Санкт-Петербург: Наука, 2013, с. 7.

¹⁶ [М. Ботвинник]. *Филемон и Бавкида*. [В:] *Мифологический словарь*. Гл. ред. Е. М. Мелетинский. Москва: Советская энциклопедия, 1990, с. 573.

поэму *Aenēis* Вергилия. И если Котляревский при этом использовал опыт ранней, но менее известной ироикомической поэмы *Виргилиева Энеида, вывороченная наизнанку* (1791, 1794, 1796) Н. Осипова, то Н. Гоголь использовал схему вольного перевода на русский язык поэмы *Philemon et Baucis* Ж. де ла Фонтена (1693), сделанный И. В. Дмитриевым в 1805 году. В поэме резко критикуется стяжательство чинов и богатств, восхваляется буколическое единение с природой, а любовь Филемона и Бавкиды противопоставляется разврату их земляков:

Ни злато, ни чины ко счастью не ведут:
 Что в них, когда со мной заботы век живут?
 Когда дух зависти, несчастным овладея,
 Терзает грудь его, как вран у Промефея?
 Ах, это сущий ад! Где ж счастье наконец?
 В укромной хижине: живущий в ней мудрец
 Укрыт от гроз и бурь, спокоен, духом волен,
 Не алча лишнего, и тем, что есть, доволен;
 Захочет ли за луг, за тень своих лесов
 Тень только счастья купить временщиков?
 Нет! суетный их блеск его не обольщает:
 Он ясно на челе страдальцев сих читает,
 Что даром не дает фортуна ничего.
 Придет ли к цели он теченья своего,
 Смерть в ужас и тоску души его не вводит:
 То солнце после дня прекрасного заходит¹⁷.

После чудесного превращения супругов, деревья становятся культовым местом поклонения любящих сердец. Гоголь отбрасывает образцовый пример любящей четы и вместо воспевания любви на фоне великолепной природы, рассматривает такую любовь как привычку:

«Боже! — думал я, глядя на него, — пять лет всё истребляющего времени — старик уже бесчувственный, старик, которого жизнь, казалось, ни разу не возмущало ни одно сильное ощущение души, которого вся жизнь, казалось, состояла только из сидения на высоком стуле, из ядения сушеных рыбок и груш, из добродушных рассказов — и такая долгая, такая жаркая печаль? Что же сильнее над нами: страсть или привычка? Или все сильные порывы, весь вихрь наших желаний и кипящих страстей — есть только следствие нашего яркого возраста и по тому одному только кажутся глубоки и сокрушительны?» Что бы ни было, но в это время мне казались детскими все наши страсти против этой долгой, медленной, почти бесчувственной привычки¹⁸.

Кроме того, пафос гостеприимства и взаимного уважения в повести безжалостно занижен в бурлескном стиле.

Интерпретация древнегреческого мифа в повести *Старосветские помещики* кажется идиллией на новый лад, изображающая настоящую и неподдельную

¹⁷ И.И. Дмитриев. *Филемон и Бавкида. Вольный перевод из Лафонтена*. [В:] И.И. Дмитриев. *Полное собрание стихотворений*. Ленинград: Советский писатель, 1967, с. 150.

¹⁸ Н.В. Гоголь. *Миргород*. Изд. подготовил В.Д. Денисов. Отв. ред. В.М. Маркович. Санкт-Петербург: Наука, 2013, с. 22.

историю украинских хуторов и их владельцев, которую автор знал по собственному биографическому опыту. Даже особый тип хронотопа якобы указывает на то, что перед нами идиллия: закрытый топос хутора, который живет спокойной жизнью, а течение этого размеренного жизненного темпа не способен нарушить ни один внешний раздражитель. Исследователи часто отмечали закрытость поместья Товстогубов, подчеркивая, что хуторянское уединение было характерной особенностью тогдашней Украины; это было известно Гоголю, и он даже видел в этом причину промышленного и экономического отставания родины¹⁹. Впрочем, уединение и упадок хозяйств старосветских помещиков писатель объясняет в первую очередь не экономическими, а духовно-культурными причинами.

По нашему мнению, при анализе специфики закрытого топоса идиллии в повести *Старосветские помещики* следует принимать во внимание выразительный идеологический подтекст. Как замечает автор, дорогие его сердцу и памяти помещики (которые на момент написания текста уже умерли) противопоставляются его землякам, которые пытаются пробиться в имперской столице:

«По ним можно было, казалось, читать всю жизнь их, ясную, спокойную жизнь, которую вели старые национальные, простосердечные и вместе богатые фамилии, всегда составляющие противоположность тем низким малороссиянам, которые выдираются из дегтярей, торгашей, наполняют, как саранча, палаты и присутственные места, дерут последнюю копейку с своих же земляков, наводняют Петербург ябедниками, наживают наконец капитал и торжественно прибавляют к фамилии своей, оканчивающейся на *о*, слог *въ*. Нет, они не были похожи на этих презренных и жалких творений, так же как и все малороссийские старинные и коренные фамилии»²⁰.

Итак, эта резкая критика адресована не только вчерашним негоциантам, а прежде всего – в качестве разъяснения – петербургским читателям, которые должны отныне понимать: украинцы, успешно делающие карьеру в столице, отличаются от «других» украинцев – представителей старинных казацких семей, которые до сих пор составляли сердцевину украинской нации. «Низкие малороссияне» не только готовы нажиться на своих земляках, но и для осуществления своих амбициозных целей интегрируются в чужое общество, с легкостью меняя фамилию и отказываясь от собственной национальной идентичности. Таким образом, рассказчик представляет свое повествование как некую апологию в защиту украинцев от определенных негативных стереотипов. В конце концов, автор – как украинский писатель, который также приехал в столицу завоевывать имперский литературный Олимп, – защищает и себя, отделяясь от земляков, которые имели наглость искать лучшей жизни и состояния в Петербурге, не обладая при этом благородным происхождением. Как известно, сам Гоголь принадлежал к старинной казацкой семье Гоголей-Яновских – его предками по отцовской и материнской линиям были наказной гетман Правобережной Украины Остап Гоголь, полковой писарь Миргородского полка Опанас Гоголь, казацкие старшины Забилы, Косяровские, Лизогубы, Палии, Танские,

¹⁹ Там же, с. 322.

²⁰ Там же, с. 6.

Трошинские, которые в разное время занимали высокие должности в казацкой иерархии²¹.

В начале XIX века в русской литературе была апробирована и распространена мифологическая модель Малороссии – благодатного и цветущего края, в котором проживает идиллический народ со славной историей, интерпретируемой отныне как общая, ведь народ этот исповедует общую с россиянами религию – православное христианство. В произведениях ряда литературных травелогов Дмитрия Н. Бантыш-Каменского, Андрея Г. Глаголева, Ивана М. Долгорукого, Владимира В. Измайлова, Алексея И. Левшина, Павла И. Сумарокова, Петра И. Шаликова и других Российская империя выступала цивилизованным государством с мудрыми правителями, которые несли просвещение на колонизированные земли (например, заменяя природные законы Запорожской Сечи на имперские уставы), восстанавливая и преумножая их богатства. Роскошная и живописная природа, вполне сравнима с греческой или итальянской, целебный воздух, плодородная земля – эти характеристики, вместе с постоянными рефлексиями на тему идеализации украинцев и их национального характера, стали постоянным пунктом в сентименталистских путевых очерках – и оригинальных, и стилизованных под чувствительное путешествие. Впрочем, топос прекрасной Малороссии встречается и в других жанровых разновидностях, в частности в сентименталистской повести – как, к примеру, в произведении Н. Мамышева «Злосчастный. Истинное происшествие» (1807), в котором нарратор восхищается природой украинского городка:

«Какие живописные места! – говорил я, вышед на ровной луг. – Счастливые здешние жители! Всякий ли час вы благодарите Бога за то, что живете в объятиях прелестной природы, щедро наделяющей вас дарами своими? Завидую участи вашей, если только привычка видеть всегда одинакие предметы не ослабила чувствительности вашей. Кто жил всегда в шумной столице, тот в восторге сердца готов целовать землю, на которой вы обитаете»²².

Звиняцковский назвал «романтической игрой» попытку Гоголя изменить устоявшиеся литературные стереотипы в русской литературе посредством *Вечеров на хуторе близ Диканьки* и *Миргорода*²³ – но, как представляется, эти сборники стали успешной попыткой заменить распространенные утопии об Украине собственным утопическим проектом, который в трех упомянутых выше повестях превратился в настоящую пасторальную дистопию (произошла, кстати, и смена парадигм – с сентименталистской на романтическую).

Во многих сюжетах известных травелогов Измайлова, Шаликова, Левшина 1800–1810-х годов был использован топос гостевания русского путешественника в доме дворянского или крестьянского малороссийского семейства, в ко-

²¹ Т.В. Чухліб. *Козацьке коріння Миколи Гоголя*. Київ: Наш час, 2013.

²² Н. Мамышев. *Злосчастный. Истинное происшествие*. [В:] *Русская сентиментальная повесть*. Составление, общая редакция и комментарии П. А. Орлова. Москва: Издательство Московского университета, 1979, с. 267.

²³ В.Я. Звиняцковский. *Николай Гоголь. Тайны национальной души*. Киев: Ликей, 1994, с. 58–59.

тором царят семейная гармония, взаимоуважение, любовь и счастье²⁴. Гоголь, вероятно, был знаком с этим и другими текстами упомянутых выше авторов, в которых гостеприимные жители богатой и щедрой Малороссии-Аркадии так похожи на образы беззаботных пастухов из древнегреческих буколик (как известно, буколическая поэзия была распространена в русской литературе второй половины XVIII века и оказала известное влияние на травелоги и сентименталистскую литературу). В повести Гоголя также представлен топос гостевания у хлебосольных супругов, но в инверсированном виде: застолье превращается в настоящий праздник живота, благородный пир – в неудержимое поедание дарованных благодатной и щедрой землей Украины плодов и нескончаемую дегустацию алкогольных напитков. При этом проявляется эксцентричность хозяев в ведении хозяйства, проведении свободного времени, приеме гостей и т.п. Борис Ланин среди основных жанровых признаков антиутопий выделяет именно эксцентричность главных героев²⁵. Как и древнегреческие прототипы, Товстогубы очень рады гостям и пытаются им всячески угодить – однако кроме еды и разговоров о способах приготовления тех или иных кушаний им нечего предложить. Автор умышленно перечисляет многочисленные блюда и напитки, которые в гротескно огромных масштабах выставляются на стол (не провести параллели с такой же огромной кулинарной номенклатурой бурлескно-травестийной поэмы *Энеида* полтавского земляка Гоголя И. Котляревского невозможно – настолько это сходство очевидно, недаром Юрий Манн назвал повесть настоящей ироикомиической поэмой еды и поглощения пищи²⁶). Хозяева проводят дни и ночи, заботясь о приготовлении блюд, умножении пищи, постоянно потребляя ее в неизмеримом количестве. Все в их доме вертится вокруг снеди, которая, в авторской интерпретации, является не благом, дарованным Богом, а скорее проклятием:

«Всей этой дряни наваривалось, насаливалось, насушивалось такое множество, что, вероятно, они потопили бы наконец весь двор, потому что Пульхерия Ивановна всегда сверх расчисленного на потребление любила готовить еще на запас, если бы большая половина этого не съедалась дворовыми девками, которые, забираясь в кладовую, так ужасно там объедались, что целый день стонали и жаловались на животы свои»²⁷.

Михаил Бахтин почему-то в таком бешеном и зацикленном на один результат жизненном ритме не увидел напряженного труда («Достаточно вспомнить такую идиллию, как *Старосветские помещики* Гоголя, труд здесь вовсе отсутствует, зато остальные члены соседства представлены довольно полно (неко-

²⁴ В.С. Киселев, Т.А. Васильева. «Под отечественным небом странствую с мирною душою»: образ Украины в русских травелогах начала XIX в. (В. В. Измайлов, П. И. Шаликов, А. И. Левшин). «Имагология и компаративистика» 2015. № 2, с. 29. [Online:] <<http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000521216>> (10.08.2017).

²⁵ Б.А. Ланин. *Анатомия литературной антиутопии*. «Общественные науки и современность» 1993, № 5, с. 156.

²⁶ Ю.В. Манн. *Творчество Гоголя: смысл и форма*. Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2007, с. 139.

²⁷ Н.В. Гоголь. *Миргород...*, с. 10.

торые – в крайне сублимированном виде) – старость, любовь, еда, смерть; еда, занимающая здесь очень большое место, дана в чисто бытовом плане (так как нет трудового момента)²⁸) – но в повести труд присутствует, он даже является интенсивным. Заключается он, как уже говорилось, в постоянном приготовлении и потреблении блюд и напитков – это не идиллическое сочетание жизни человека с трудом на земле, а сознательное принесение жизни в жертву культуре пищи.

Хуторская Малороссия кажется изолированной от былой истории, от славных битв, описанных в *Тарасе Бульбе* – старосветские помещики, как и мифические Филемон и Бавкида, становятся на старость лет жрецами культа, проводя каждый день свои ритуалы употребления блюд и пользуясь обычными словесными формулами – сакральными гимнами во славу пище (все разговоры сводятся к беседам, что съесть или выпить – не более). Поэтому помещики практически не занимаются своим хозяйством, их не волнует очевидная вороватость слуг, кучеров, лакеев и даже гостей – пока в погребах есть в достаточном количестве еда, до тех пор все остальное их не интересует. Пульхерия Ивановна заботится только о заполнении помещичьих амбаров. В поместье мы видим малороссийский рай, жителям которого Бог способствует во всем. Еда дает им все – цель жизни, осознание себя, и пища даже способна зачать новую жизнь (Пульхерия Ивановна, к своему недоумению, постоянно обнаруживает беременность дворовых девок – зачатие детей, шутливо намекает Гоголь, имеет якобы «непорочное» происхождение от постоянного переедания молодых слуганок²⁹). Но появление новой жизни (вообще, для автора это настолько повторяющийся пустяк, что после него он в одном абзаце упоминает о громадном количестве мух в доме), приезд гостей и преувеличенные слухи о новой войне с Наполеоном не нарушают целостности хронотопа поместья. Время здесь, как и в любой другой антиутопии, застыло, антиутопическое пространство ограничено – жизнь успешно самозарождается в дворовых девках, ведь бездонное чрево помещичьих амбаров способно насытить всех. Даже смерть не приходит сама и внезапно – ее хозяева заставляют прийти к себе, заранее подготовившись к переходу из своего рая. Профанация полноценной жизни завершается добровольным переходом Пульхерии Ивановны в лучший мир – но и после смерти спутницы она ассоциируется у мужа с определенной пищей.

Повесть как дистопия демонстрирует четкий разрыв со славной прежней историей украинских казаков – она выразительно представляет повседневную хуторскую жизнь как противоположность подвигам минувших дней. Когда Афанасий Иванович в шутку решает идти на вероятную войну, жена раздражительно напоминает, что его пистолы уже давно заржавели и лежат в кладовке: теперь хозяин не похож на бывшего бравого компанийца, который бесстрашно похитил свою избранницу. В упоминании о заржавевших пистолях Юрий Барабаш даже усматривает основания мотива национальной самокритики, который будет обстоятельно реализован позже в творчестве поэта Тараса Шев-

²⁸ М.М. Бахтин. *Формы времени и хронотопа в романе...*, с. 475.

²⁹ Н.В. Гоголь. *Миргород...*, с. 10.

ченко – упрек правнукам, которые променяли казацкую героику и величие на дремотное старосветское прозябание³⁰. То, что Гоголь вспоминает о компанийском прошлом добросердечного старика, также является важным – ведь молодой Афанасий Иванович служил наемником в так называемых охотничьих полках – последних казацких милитаристских формированиях. Кстати, писатель четко указывает возраст бывшего компанийца – 60 лет. В разговоре с гостем упоминается о возможности новой войны с армией Наполеона, скорее всего, события происходят в 1815 году³¹. Если же руководствоваться этой авторской хронологией, то она свидетельствует о том, что пребывание Афанасия Товстогуба в компаниях было весьма непродолжительным, и основную карьеру он сделал в Российской имперской армии.

Интересно сопоставить возраст главного героя повести с возрастом Тараса Бульбы: как известно, хронология повести *Тарас Бульба* является очень условной и не имеет ничего общего с настоящими историческими событиями (например, выдуманная автором осада казацкими войсками волынского города Дубно). Гоголь показывает три основных исторических маркера, которые должны дать внимательному читателю представление о почтенном возрасте храброго казака: из текста узнаем, что «это был один из тех характеров, которые могли только возникнуть в грубый XV век и притом на полукочующем востоке Европы, во время правого и неправого понятия о землях, сделавшихся каким-то спорным, нерешенным владением, к каким принадлежала тогда Украина»³²; при реформировании казацкого войска польским королем Стефаном Баторием в 1578 году (кстати, это также неподтвержденные исторически данные) Бульбу избрали одним из первых полковников³³; Тарас Бульба активно участвует в казацком восстании 1633 года под руководством гетмана Якова Искры-Остриянина (Острияницы), во время которого героически погибает³⁴. Таким образом, относительная хронология в *Тарасе Бульбе* приписывает главному герою возраст не менее чем 140–150 лет. Но напомним, в 60 лет Афанасий Товстогуб – уже старый человек, который почти не выезжает за пределы своего поместья, его немислимо представить в роли неистового и желающего кровавых битв с неприятелем полковника Бульбы, который, как помним, раздражительно возглашает свою знаменитую речь об основном назначении украинского казака:

«— ... Какого дьявола мне здесь ожидать? Что, я должен разве смотреть за хлебом да за свинарями? Или бабиться с женою? Чтоб она пропала! Чтоб я для ней оставался дома? Я козак. Я не хочу! Так что же, что нет войны? Я так поеду с вами на Запорожье, погулять. Ей-Богу, еду! — И старый Бульба мало-помалу горячился и наконец рассердился совсем, встал из-за стола и, приосанившись, топнул ногою. — Завтра же едем! Зачем откладывать.

³⁰ Ю. Барабаш. «Коли забуду тебе, Єрусалиме...» Гоголь і Шевченко. Порівняльно-типологічні студії. Харків: Акта, 2001, с. 27.

³¹ Н.В. Гоголь. *Миргород...*, с. 445.

³² Там же, с. 28.

³³ Там же.

³⁴ Там же, с. 75.

Какого врага мы можем здесь высидеть? На что нам эта хата? к чему нам все это? на что эти горшки? — При этом Бульба начал колотить и швырять горшки и фляжки»³⁵.

Компанийские полки были частным (охотничьим) конным войском, дозволенным украинским гетманам, согласно Глуховским статьям 1669 года, наряду с разрешением иметь в подчинении личную пехоту – сердюцкие полки. Охотничье войско было феноменальным явлением, которое появилось как ответвление регулярного казачества, но, несмотря на свой наемный характер, в отличие от западноевропейских аналогов, всегда набиралось из числа украинцев. Эта легкая кавалерия несла сторожевую и разведывательную службу на южной и западной границах империи, а после реформы в начале XVIII века превратилась в придворную гетманскую гвардию. После закрепления Екатериной II права имперского правительства определять количество и принципы функционирования компанийцев, с 1726 года их стали набирать по наследственному, а не наемному принципу, который предусматривал получение определенных имущественных и социальных привилегий³⁶. Поэтому можно с уверенностью предположить, что отец Афанасия Товстогуба также был в свое время компанийцем. После разрушения Запорожской Сечи компанийские полки были вновь преобразованы – из компанийцев сформировали в 1775 году регулярные легкоконные полки, которые включились в единую структуру Российской имперской армии³⁷.

Афанасий Иванович совсем не похож на бывшего казака – он даже не любит вспоминать время наемничества (нарратор язвительно предполагает, что это юношеское время он мог и попросту забыть³⁸). Не упоминает он и дальнейшую службу в имперской армии, где Товстогуб дослужился до должности секунд-майора (на момент написания повести этот штаб-офицерский чин уже был анахронизмом – отменен после военной реформы 1797 года³⁹). Гоголевед Владимир Шенрок (как, впрочем, и другие) обоснованно подтверждает, что прототипом образа Афанасия Ивановича послужил дед автора – Опанас Демьянович Гоголь-Яновский (кстати, имя Опанас – украинская народная форма для канонического имени Афанасий), а для описания поместья помещиков – семейный хутор Васильевка. Опанас Гоголь, выпускник Могилянской академии и одаренный полиглот, начинал свою карьеру в должности переводчика в Генеральной военной канцелярии последнего гетмана Кирилла Разумовского в 1757 году. Дед Гоголя принимал участие в Крымском походе 1770 года, через десять лет получил почетное звание бунчукового товарища (приравнивалось по значимости к полковнику) и уже в 1782 году возглавил канцелярию Миргородского полка.

³⁵ Там же, с. 28.

³⁶ О. Сокирко. *Лицарі другого сорту. Наймане військо Лівобережної Гетьманщини 1669–1726 рр.* Київ: Темпора, 2006, с. 122.

³⁷ В.В. Станіславський. *Компанійські полки.* [В:] *Енциклопедія історії України.* Т. 4: *Ка-Ком.* Редкол.: В. А. Смолій (голова) та ін. НАН України. Інститут історії України. Київ: Наукова думка, 2007. [Online:] <http://www.history.org.ua/?termin=Kompaniyski_polky> (10.08.2017).

³⁸ Н.В. Гоголь. *Миргород...*, с. 8.

³⁹ Л.Е. Шепелев. *Титулы, мундиры, ордена в Российской империи.* Москва: Наука, 1991, с. 81.

В 1792 году он получает грамоту на дворянство – с того времени и по 1798 год служит секунд-майором Российской имперской армии⁴⁰. Фамилия жены Опанаса Гоголя-Яновского – Лизогуб (которую, по семейным преданиям Гоголей, немолодой канцелярист также похитил у родителей) перекликается с фамилией старосветских помещиков – Товстогуб. Как видим, Гоголь специально не вводит в текст бесспорно известные ему факты из жизни и карьерного роста деда и даже умышленно преуменьшает его героизм, умалчивая об участии в военных походах, не упоминая его хорошее образование и переводческий талант. Товстогуб, в отличие от главного героя следующей повести в сборнике *Миргород* – Тараса Бульбы, не был казаком в полном смысле слова, завершив свою службу в рядах Российской императорской армии. Дворянство Товстогуб несомненно получил при правлении Екатерины II, ведь бывшие чиновники Гетманщины, которые продолжили службу после ее отмены, получали соответствующие грамоты автоматически и зачислялись в привилегированные наследственные слои Российской империи⁴¹. Поэтому казацкое прошлое старого дворянина в первые десятилетия XVIII века является лишним, вследствие чего писатель ограничивается скупой ремаркой о службе Товстогуба в компаниях. Современность заступает здесь прошлое, а забвению казацкого прошлого способствует и поразительно слабая память Афанасия Ивановича – этот факт может символизировать и национальную амнезию потомков казаков уровня Тараса Бульбы.

Интерьер дома старосветских помещиков также указывает на новые реалии помещичьих семей, которые отдаляются от казацких корней, – картины с изображением «какого-то» архиерея, российского императора Петра III, герцогини Луизы-Франсуазы де ла Вальер (монахиня Луиза Милосердная) и большое количество лубочных картин⁴². Владимир Денисов в этой тройке портретов увидел мотив служения храму, в который превращают свою квартиру помещики – архиерей является представителем черного монашества, Петру III якобы должен был присягать на верность секунд-майор Товстогуб, портрет бывшей фаворитки Людовика XIV, которая ушла в монастырь после издевательств короля, также связан со служением Богу⁴³. Но сравнивать эти портреты со своеобразными иконами не совсем правильно: архиерей изображен «какой-то», а портрет Луизы Милосердной в «узеньких рамах» запачкан мухами – то есть ее святость и благочестие также комично «сужено». В повести Гоголя речь идет о едином императорском портрете Петра III художника Алексея Антропова. Как отмечают искусствоведы, художник добросовестно передал все особенности неприглядной внешности императора, и поэтому современники могли убедиться в уродстве Петра III. Этот портрет должен гармонировать с униженно загрязненным портретом Луизы Милосердной:

⁴⁰ Т.В. Чухліб. *Козацьке коріння Миколи Гоголя...*, с. 52–61.

⁴¹ З. Когут. *Російський централізм і українська автономія. Ліквідація Гетьманщини, 1760–1830*. Київ: Основи, 1996, с. 209.

⁴² Н.В. Гоголь. *Миргород...*, с. 9.

⁴³ В.Д. Денисов. *Историческая проза Гоголя*. [В:] Н. В. Гоголь. *Миргород...*, с. 401.

«Петр III дан в кокетливой позе, но здесь она резко противоречит его уродству, которое Антропов не может, да и не пытается скрыть. Он откровенно показывает императора жалким дегенератом; до смешного маленькая головка его несоразмерна с длинным телом и непомерно длинными, рахитичными ногами, живот вздут; на лице – подобие гримасы. Этот почти гротескный портрет не является, конечно, сознательной сатирой; она была бы слишком рискованной в портрете императора. Портрет следует считать образцом предельной честности художника-реалиста»⁴⁴.

Если Товстогуб и присягал на верность Петру III как товарищ в период полугодового правления императора (5 января 1762 – 9 июля 1762 гг.), то он, безусловно, знал, что последний гетман Кирилл Разумовский был среди наиболее активных участников увенчавшегося успехом мятежа против правительства – к власти пришла жена свергнутого правителя Екатерина II. Именно Екатерина II отменит Гетманщину и окончательно уничтожит остатки бывшей казачьей республики в июне 1775 года. Как видим, портрет свергнутого императора можно рассматривать и как некий косвенный вызов государственной политике императрицы.

Старинная казачья семья символизирует упадок ядра нации – казачьего старшинства – в целом. В семье Товстогубов живут только сегодняшним днем, не размышляют о будущем, пытаются забыть славную прошлую историю. При отбрасывании духовной опоры даже незначительный случай способен разрушить псевдоидиллию. И внешние силы так разрушают с виду устойчивый закрытый мир поместья. Это случайные и хаотические примеры случая: то дикие коты решают судьбу Пульхерии Ивановны, то никому не известный дальний родственник приводит к полному упадку унаследованную деревню. Когда любимая кошечка Пульхерии Ивановны, проголодавшись, возвращается после своего бегства с дикими котами, хозяйка получает удовольствие от созерцания того, как животное уплетает еду. Но дальнейшее внезапное бегство кошечки из дома разрушает гармоничность этого момента – животное неожиданно меняет сытую жизнь на романтические свободу и любовь, как шутит автор⁴⁵. Пульхерия Ивановна убеждает себя в том, что это не кошечка приходила, а смерть – не могла же ее любимица так наивно променять сытую жизнь на неуверенность обитания диких котов. Еда окажется бессильной перед желанием смерти – Афанасий Иванович предлагает Пульхерии Ивановне на смертном одре съесть что-нибудь, наивно надеясь на целебное действие блюда. Ведь когда у него что-то болело ночью, то лечилось это непременно выпитым кислым молоком или компотом с грушами. Бесцельное существование супружеской пары завершается исчезновением камерного мира деревни в безвременьи провинциальной и полностью колонизированной Малороссии. Как заметила Тамара Гундорова, закрепление колониального статуса Украины началось еще в *Вечерах...*, где Го-

⁴⁴ Н.П. Ледовских. *Портрет Петра III. Антропов Алексей Петрович*. [В:] Н.П. Ледовских. *Мировая художественная культура: Отечественная художественная культура*. [Online:] <http://www.rsu.edu.ru/wordpress/wp-content/uploads/e-learning/History_of_Art/Pictures/Pict_48_104.html> (10.08.2017).

⁴⁵ Н.В. Гоголь. *Миргород...*, с. 18.

голь также пытается описать Украину в статусе покоренного и приспособленного Другого в структуре имперской культуры⁴⁶. В *Миргороде* и в *Старосветских помещиках* в частности этот проект будет продолжен через синтез российской и украинской истории.

Нарратор, анализируя страдания Афанасия Товстогуба после смерти спутницы жизни, приводит известный ему случай ужасных терзаний знакомого после смерти любимой: вслед за двумя неудачными попытками суицида молодой мужчина снова женится и наслаждается жизнью. Этот введенный в текст повествования случай противопоставляется тому горю, которое переживает безутешный старый помещик в течение пяти лет. Автор с грустью и болью осуждает душевное поражение Афанасия Ивановича, которое является для него проявлением не страсти или любви, а длительной привычки⁴⁷.

Со смертью старосветских помещиков (умышленно не одновременной, в отличие от сюжета древнегреческого мифа) упадок хозяйства только ускоряется – это крах иллюзорно прибыльного и образцового хозяйства казацкой старшины, которая получила дворянские права в Российской империи и полностью интегрировалась в имперские высшие круги (иногда, как Товстогубы, на своем провинциальном уровне). Напомним, что соблюдение старосветских обычаев понималось дворянами как приготовление блюд староукраинской кухни – это сведение обрядов казачества к повседневному ритуалу приготовления и поглощения пищи. Антиутопическое общество не может не жить по запрограммированным схемам⁴⁸, поэтому все жители поместья Товстогубов живут ритуализированной жизнью. Окончательным и финальным этапом упадка поместья Товстогубов станут «реформы» дальнего родственника, который унаследовал село. Ритуалы прозябания сменяются другими – поручик в отставке теперь изображает крупного хозяйственника, разъезжая по малороссийским ярмаркам, но покупая «всё то, что не превышает всем оптом своим цены одного рубля»⁴⁹.

Подобный декаданс былого могущества гетманских чиновников мы видим в романе-семейной хронике *Пан Халявский* другого украинского писателя Григория Квитки-Основьяненко (1839), который был опубликован через четыре года после *Старосветских помещиков*. В романе Квитки-Основьяненко большое место занимают подробные описания гомерических пиров козацкой старшины времен Гетманщины. В письме к Петру Плетневу Квитка-Основьяненко на соответствующий упрек литературных критиков объясняет, что «повторение кушаньев в „Халявском”, может быть, необходимо. Понимают ли они, что это желание описать прежний быт, а форма – чтобы избегнуть сухости. Все проведение времени было в еде, в коей истончались до разнообразия. Время для

⁴⁶ Гундорова Т. *Кітч і Література. Травестії*. Київ: Факт, 2008, с. 119.

⁴⁷ Н.В. Гоголь. *Миргород...*, с. 22.

⁴⁸ Б.А. Ланин. *Анатомія літературної антиутопії*. «Общественные науки и современность» 1993, № 5, с. 157.

⁴⁹ Н.В. Гоголь. *Миргород...*, с. 24.

горячих, молочных, холодных мяс, на все было свое время. Мне казалось необходимым выразить в подробности, что ели, когда и как»⁵⁰.

Таким образом, повесть *Старосветские помещики* Гоголя является образом завершенной эпохи казачества и создания новой – тотальной интеграции малороссийских дворян в «тело» Российской империи. То, как эта интеграция приводит к фатальным последствиям потери исторической памяти, духовной и национальной идентичности, писатель демонстрирует в своей дистопии – он фактически высмеивает пасторальный образ благодатной и щедрой Украины, сложившийся в российских травелогах первых десятилетий XIX века. Как верно замечает Слюсарь, в *Старосветских помещиках* патриархально-идиллический уклад изживает себя окончательно, хотя он овеян поэзией природы, но бессодержателен и обречен на гибель⁵¹. И если в дистопиях XX века изображены «идеальные» государства, то в *Старосветских помещиках* видим «идеальное» помещичье хозяйство, которое отказалось от соблюдения памяти казацкого рода, – своеобразную гоголевскую цибустопию (лат. *cibus* – пища). Гоголь не предлагает выхода из ситуации разрушения последних старосветских хозяйств, но, как и другие авторы антиутопий, вводит дидактическое начало в текст, завершая повесть намеком на мрачный упадок и исчезновение последних старинных казацких родов.

Литература

- [Ботвинник М.]. *Филемон и Бавкида*. [В:] *Мифологический словарь*. Гл. ред. Е. М. Мелетинский. Москва: Сов. энциклопедия, 1990, с. 573.
- Барабаш Ю. «Коли забуду тебе, Єрусалиме...» Гоголь і Шевченко. *Порівняльно-типологічні студії*. Харків: Акта, 2001.
- Бахтин М.М. *Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике* [В:] Бахтин М.М. *Собрание сочинений*. Москва: Русские словари; Языки славянских культур, 1997–2012. Т. 3: «Теория романа» (1930–1961). 2012, с. 340–511.
- Виноградов В. В. *Н. В. Гоголь*. [В:] Виноградов В. В. *Поэтика русской литературы: Избранные труды*. Отв. ред. М. П. Алексеев, А. П. Чудаков. Москва: Наука, 1976, с. 190–376.
- Виролайнен М. *Мир и стиль («Старосветские помещики» Гоголя)*. [В:] Виролайнен М. *Речь и молчание: Сюжеты и мифы русской словесности*. Санкт-Петербург: Амфора, 2003, с. 312–330.
- Гиппиус В. *Гоголь*. [В:] Гиппиус В. *Гоголь*; Зеньковский В. Н. В. *Гоголь*. Предисл. и сост. Л. Аллена. Санкт-Петербург: Logos, 1994, с. 10–188.
- Гоголь Н.В. *Миргород*. Изд. подготовил В.Д. Денисов. Отв. ред. В.М. Маркович. Санкт-Петербург: Наука, 2013.
- Гольденберг А. Х. *Архетипы в поэтике Н. В. Гоголя: монография*. Волгоград: Издательство ВГПУ «Перемена», 2007.
- Гундорова Т. *Кітч і Література. Травестії*. Київ: Факт, 2008.

⁵⁰ Г.Ф. Квітка-Основ'яненко. [Лист] до П. О. Плетньова. 29 ноября [1]839. [В:] Г. Ф. Квітка-Основ'яненко. *Зібрання творів*. Т. 7. Київ: Наукова думка, 1981, с. 237.

⁵¹ А.А. Слюсарь. *Жанровые особенности «Старосветских помещиков» Н. В. Гоголя*. «Вопросы русской литературы» 1990. Вып. 1 (55), с. 20.

- Денисов В.Д. *Историческая проза Гоголя*. [В:] Гоголь Н. В. *Миргород*. Изд. подготовил В.Д. Денисов. Отв. ред. В. М. Маркович. Санкт-Петербург: Наука, 2013, с. 251–411.
- Дмитриев И.И. *Филемон и Бавкида. Вольный перевод из Лафонтена*. [В:] Дмитриев И.И. *Полное собрание стихотворений*. Ленинград: Советский писатель, 1967, с. 150–153.
- Есаулов И.А. *Спектр адекватности в истолковании литературного произведения («Миргород» Н.В. Гоголя)*. Москва: Российский государственный гуманитарный университет, 1995.
- Жилиякова Э. М. *Традиции сентиментализма в творчестве раннего Достоевского (1844–1849)*. Томск: Издательство Томского университета, 1989.
- Звиняцковский В.Я. *Николай Гоголь. Тайны национальной души*. Киев: Ликей, 1994.
- Квітка-Основ'яненко Г.Ф. [Лист] до П.О. Плетньова. 29 ноября [1]839. [В:] Квітка-Основ'яненко Г.Ф. *Зібрання творів: В 7 т.* Київ: Наукова думка, 1978–1981. Т. 7. 1981, с. 236–238.
- Киселев В.С., Васильева Т.А. «Под отечественным небом странствую с мирною душою»: образ Украины в русских травелогах начала XIX в. (В. В. Измайлов, П. И. Шаликов, А. И. Левшин). «Имагология и компаративистика» 2015, № 2, с. 20–42. [Online:] <<http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000521216>> (10.08.2017).
- Когут З. *Російський централізм і українська автономія. Ліквідація Гетьманщини, 1760–1830*. Київ: Основи, 1996.
- Котляревский Н.А. *Николай Васильевич Гоголь, 1829–1842 : Очерк из истории русской повести и драмы Нестора Котляревского*. 2-е испр. изд. Санкт-Петербург: Типография М.М. Стасюлевича, 1908.
- Ланин Б.А. *Анатомия литературной антиутопии*. «Общественные науки и современность» 1993, № 5, с. 154–163.
- Ледовских Н.П. *Портрет Петра III. Антропов Алексей Петрович*. [В:] Ледовских Н.П. *Мировая художественная культура: Отечественная художественная культура*. [Online:] <http://www.rsu.edu.ru/wordpress/wp-content/uploads/e-learning/History_of_Art/Pictures/Pict_48_104.html> (10.08.2017).
- Лотман Ю.М. *Проблема художественного пространства в прозе Гоголя*. [В:] Лотман Ю.М. *Избранные статьи (в 3-х т.)*. Таллинн: Александра, 1993. Т. 1, с. 413–447.
- Мамышев Н. *Злосчастный. Истинное происшествие*. [В:] *Русская сентиментальная повесть*. Составление, общая редакция и комментарии П. А. Орлова. Москва: Издательство Московского университета, 1979, с. 267–282.
- Манн Ю.В. *Творчество Гоголя: смысл и форма*. Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2007.
- Морсон Г. *Границы жанра*. [В:] *Утопия и утопическое мышление: антология зарубежной литературы*. Сост., общ. ред. и предисл. В.А. Чаликовой. Москва: Прогресс, 1991, с. 233–251.
- Никольский С.В. *Над страницами антиутопий К. Чапека и М. Булгакова (поэтика скрытых мотивов)*. 2-е изд., испр. и доп. Москва: Институт славяноведения РАН, 2009.
- Овсяннико-Куликовский Д. Н. *Гоголь в его произведениях: К столетию рожд. великого писателя. 1809–1909*. Москва: т-во И.Д. Сытина, 1909.
- Пушкин А.С. *Вечера на хуторе близ Диканьки. Повести, изданные Пасичником Рудым Паньком. Издание второе. Две части, в 8 д. л. XIV, 203 и X, 233, в тип. Департамента Внешн. торговли*. [Рецензия]. [В:] Пушкин А.С. *Полное собрание сочинений*. В 10 т. Т. 7: *Критика и публицистика*. Ленинград: Наука, 1978, с. 237.
- Слюсарь А.А. *Жанровые особенности «Старосветских помещиков» Н.В. Гоголя*. «Вопросы русской литературы» 1990. Вып. 1 (55), с. 18–27.
- Сокирко О. *Лицарі другого сорту. Наймане військо Лівобережної Гетьманщини 1669–1726 рр.* Київ: Темпора, 2006.

- Станіславський В.В. *Компанійські полки*. [В:] *Енциклопедія історії України: Т. 4: Ка-Ком*. Редкол.: В. А. Смолій (голова) та ін. НАН України. Інститут історії України. Київ: Наукова думка, 2007. [Online:] <http://www.history.org.ua/?termin=Kompaniyski_polky> (10.08.2017).
- Филенко О. «Покоряя пространство и время...» (Роман Е.И. Замятина «Мы» и его роль в становлении жанра антиутопии). «Русский язык и литература в учебных заведениях» 2004, № 2, с. 38–51.
- Чухліб Т.В. *Козацьке коріння Миколи Гоголя*. Київ: Наш час, 2013.
- Шепелев Л.Е. *Титулы, мундиры, ордена в Российской империи*. Москва: Наука, 1991.

КРУТУКА ЛІТЕРАСКА
ЛІТЕРАТУРНАЯ КРУТІКА
ЛІТЕРАУ КРУТІСІСМ

СЕМЬЯ – СОЦИУМ – ЛИТЕРАТУРА

ИНЕССА МОРОЗОВА

Институт философии НАН Беларуси
Центр социально-философских и атропологических исследований
ул. Сурганова 1/2, 220072 Минск, Беларусь
e-mail: inesmorozova@bk.ru
(получено 12.09.2017; принято 30.09.2017)

Abstract

Family – Society – Literature

The article presents an analysis of the moral and psychological problems of the family as a social institution, reflected in the modern Belarusian fiction literature of the last decade. On the basis of the works of Belarusian writers (A. Bravo, O. Zhdan, V. Zelenko, L. Kebich, A. Kozlov, D. Petrovich, M. Prokhar), the author describes the problem of dehumanization of traditional family values, the phenomena of alienation in interpersonal relations and adultery, as well as the emotional-psychological and moral violence in the family.

Key words

Family, marriage, love, personality, society, conflict, estrangement, betrayal, selfishness, literature, morality, psychology.

Резюме

В статье представлен анализ нравственно-психологических проблем семьи как социального института, отраженных в современной белорусской художественной литературе последнего десятилетия. В частности, рассматривается проблема дегуманизации традиционных семейных ценностей, феномены от-

чужденности в межличностных отношениях и супружеской измены, эмоционально-психологическое и моральное насилие в семье на материале произведений белорусских авторов (А. Браво, О. Ждан, В. Зеленко, Л. Кебич, А. Козлов, Д. Петрович, М. Прохар).

Ключевые слова

Семья, брак, любовь, личность, социум, конфликт, отчужденность, измена, эгоизм, литература, нравственность, психологизм.

Институт семьи, являющийся первоосновой человеческого бытия, существующий в границах определенного общества и объективно выполняющий специфические социальные функции, имеет уникальное значение. Семья продолжает оставаться одной из главных базовых ценностей для человека, невзирая на различного рода пессимистические прогнозы относительно ее будущего. Безусловно, семья развивается вместе с обществом, в той или иной степени реагируя на социальные изменения. Как уже неоднократно указывалось исследователями, развитие института семьи на постсоветском пространстве на современном этапе во многом похоже и повторяет тенденции, характеризующие особенности процесса изменений семьи в европейских странах: явления нуклеаризации и эгалитаризации семьи, демократизации семейных отношений, эмансипация женщин, распространение нетрадиционных форм семьи. С одной стороны, усиливаются явления дегуманизации традиционных семейных ценностей, с другой – осуществляется синтез традиции и модерна. Следует признать тот очевидный факт, что идет объективный процесс трансформации традиционной семьи в современную, причем эта трансформация, по мнению многих исследователей, является прогрессивной эволюцией, это мировой процесс, а кризис – это условие, в котором происходит модернизация семьи.

Происходящие на современном этапе системные трансформации общества влекут за собой изменения института семьи, затрагивая как сущностные ее характеристики, так и специфику ее функциональных свойств, приводя к ослаблению духовно-нравственной атмосферы. Об этом говорит и Дарио Салас Соммэр, констатируя этический и духовный упадок современного человека, отсутствие у него духовных ценностей, необходимых для формирования качественных семейных отношений¹. Феномены отчужденности, отстранения в межличностных семейных отношениях и супружеской измены, имеющие различную вариативность, наиболее актуализированы на данном этапе развития семьи. Все это существенно влияет на изменение функционирования социальных ролей в семье. Усиливаются взаимные претензии супругов, связанные с неоправданными ролевыми ожиданиями, поскольку явления индивидуализации и рационализма, стремление к автономности, инфантилизм и легкомысленное

¹ Д. Соммэр. *Ослабление семьи*. [В:] *Мораль XXI века*. [Online:] <http://bookz.ru/authors/dario-salas-sommer/moral_x_356/1-moral_x_356.html> (10.10.2017).

отношение к браку порождают стрессовые ситуации в межличностных семейных отношениях.

Художественная литература всегда чутко реагировала на происходящие изменения в многофункциональном пространстве семьи, достаточно широко отражая проблему антиномичности триадических отношений «человек – семья – социум». Противоречия в этой триаде носят многоуровневый характер и вызывают повышенный исследовательский и читательский интерес. Нравственно-психологический аспект взаимоотношений в семье всегда является актуальным для художественного сознания. Проблема противоречивых, неоднозначных взаимоотношений мужчины и женщины, внутренней дисгармонии и эмоционально-психологической разобщенности находит свое отражение в современной литературной реальности.

Как правило, причиной кризисных ситуаций во взаимоотношениях двух становится факт обычной банальной измены. В современной белорусской литературе наблюдается усиление обращенности к данной (в общем-то традиционной) проблематике, причем, социальная составляющая не является определяющей в кризисе семейных диадических отношений мужа и жены, отраженных в романе Веры Зеленко *Не умереть от истины*. Авторское сознание тщательно фиксирует ситуацию так называемой «точки невозврата», которую определяет для себя главный герой, успешный и очень популярный актер театра и кино, явившись случайной жертвой нападения неизвестных, принимая решение «исчезнуть» из жизни и понаблюдать за реакцией близких, друзей и коллег. Приняв в жизни, а не на сцене, роль человека играющего, он случайно узнает после собственных «похорон» настоящую картину микромира своей семьи. Осознав ложь, фальшь и предательство супруги, умудрившейся на протяжении долгого времени жить двойной жизнью, изменять ему с коллегой по работе, он впадает в состояние тяжелой депрессии, еще более усугубившейся от понимания отсутствия родственных связей между ним и дочерью, которую он боготворит:

Он лежал пластом. Не шевелясь и не дыша. Вот только сейчас он почувствовал себя окончательно и заживо сожженным. Его душа была объята голубым пламенем, в одно мгновение она истончилась до кучки серого невзрачного пепла. Сначала у него отобрали жизнь. Теперь дочь, и с этим ничего нельзя было поделать. Лучше бы он сгорел!²

Герой не может обрести экзистенциальное равновесие, сосредоточенность на профессиональной деятельности, преодолеть моральную опустошенность и социальный нигилизм. Возникшее чувство внутренней растерянности породило состояние социальной и моральной ущербности, доминирующими становятся пессимизм и депрессивность. Герою предстоит длинный и непростой путь преодоления душевного кризиса и эмоционально-психологического надлома. Анализируя прожитую жизнь, творческие достижения и личные неудачи, переосмысливая нравственную составляющую межличностных отношений, герой

² В. Зеленко. *Не умереть от истины*. [В:] *Неизъяснимая любовь: современная женская проза*. Составитель, автор вступительной статьи О. А. Ждан. Минск: Звезда, 2014, с. 7.

романа открывает для себя острую потребность в общечеловеческих ценностях и такую ясную, гениальную в своей простоте истину:

Как много вещей существует на свете, которые не нужны. Простые вещи — самые драгоценные. Только потеряв все это, начинаешь понимать, что тепло, верность, твоя семья и твой ребенок, сказки, рассказанные ему на ночь, вот этот вот пригрезившийся яблочный пирог со стаканом горячего чая, друзья рядом, с которыми всегда есть о чем перемолвиться словом и которые никогда не предадут, а еще здоровые руки, ноги, а главное — голова и обязательно, чтобы впереди маячил свет надежды, — только потеряв все это, начинаешь понимать, что это и есть жизнь³.

Проблемное существование человека в период разрыва семейных отношений находит свое художественное воплощение в прозаических произведениях Дмитрия Петровича *Замкнёнае кола* и *Дождж*, в которых представлены моменты безграничной душевной боли и отчаяния, болезненно переживаемые мужчинами. Вполне типичные жизненные ситуации, когда, после достаточно продолжительной совместной жизни, жены уходят от порядочных и тонко чувствующих мужей к другим, более молодым и, может быть, более успешным. А покинутые мужья на протяжении длительного времени тяжело переосмысливают момент экзистенциальной неудачи, окунаясь в ретроспекцию ностальгических воспоминаний. Ромен Роллан проникательно отметил важную значимость любви в жизни каждого человека: «Благодетельствие любви не только в том, что она внушает нам веру в другого человека, но и в том, что мы обретаем веру в себя». Но с уходом объекта любви исчезает не только вера в него, но и вера в себя, что, в свою очередь, приводит к внутренней душевной драме, психологической катастрофе (*Замкнёнае кола*):

Адразу пасля расстання гэты боль, здавалася, аплёў-ахапіў душу і цела – не хапала паветра, было цяжка дыхаць. Сэрца, быццам механічны гадзіннік, запавольвала свой ход. Нейкі цяжар давіў на галаву, шыю, грудзі. Хацелася легчы, заснуць і больш ніколі не прачынацца... Але трэба было жыць, працаваць... Цяпер як быццам пачыналася другое жыццё, і неабходна было нанова вучыцца рухацца, гаварыць, думаць. Часам боль прытуляўся, але душа ўсё роўна патрабавала збавення ад бессэнсоўнасці, бяссілля, бяссоннай нудоты ад сузірання рэчаіснасці – жыццё ж навокал віруе!.. А Трыгубін усяго гэтага не заўважаў: адзінота нібыта паглынула яго, прымусіўшы жыць па яе законах ...⁴

Общеизвестно, что бытие человека изначально одиноко, и в системе семейных (или любовных) взаимоотношений, пусть даже самых счастливых и гармоничных, всегда существует неслиянность двух одиночеств, о которой говорили западные экзистенциалисты. А когда любимый человек выпадает из этой неслиянности одиночеств, собственное болезненное ощущение оставленности и ненужности удваивается, зачастую подталкивая человека к суицидальным мыслям и действиям. Герои прозы Дмитрия Петровича мучительно переживают подобные состояния, при этом нужно учитывать, что мужское со-

³ Там же, с. 7.

⁴ *Ева ў пошуках Адама: аповесці, апавяданні*. Уклад. Віктар Шніп. Мінск: Мастацкая літаратура, 2016, с. 284.

знание и самолюбие всегда нацелены на сокрытие своих болезненных внутренних чувств, дабы в глазах окружающих не казаться слабым и беспомощным, выражающееся в миробоязни, в жизнебоязни, обнаруживая тонко чувствующие души и сердца (*Дождж*):

Нешта зноў разбалеліся суставы. Дзякуй табе, Божа, за гэты боль. Бо ён, фізічны боль, не такі цяжкі, як маральны. Дзякуючы яму я хоць на нейкі час пазбаўляюся ад гэтых душэўных пакут... Бязлітасны дождж. Ад яго нельга схавацца нават у вадзе. Дзе б ты ні знаходзіўся, маланка здрады заўсёды можа ўдарыць цябе, і тады нават фізічны боль становіцца тваім збавеннем⁵.

В повести Анатолия Козлова *Паразумеца з ветрам* авторское сознание тщательно фиксирует ситуацию глубоких душевных переживаний и отчаяния, в которой оказывается главный герой, испытывающий непреодолимую боль от осознания измены любимой женщины. Душевная пустота пронизывает все его существо, нарушая привычный ритм жизни. Оказавшись в тяжелом депрессивном состоянии, полном отчаяния и безысходности, он теряет веру в людей, интерес к жизни и профессии. Нарушение гармонии микромира семьи приводит к эмоционально-психологическому надлому, к невозможности эффективной реализации в социуме своего внутреннего потенциала:

Существование человека характеризуется экзистенциальными дихотомиями... У него нет другого пути к единству с миром и в то же время к ощущению единства с самим собой, к соединению с другими и сохранению себя как уникальной сущности, кроме пути эффективного применения своих сил. Если он терпит крах на этом пути, то не может достичь внутренней гармонии и цельности; он раздвоен и разбит, стремится убежать от самого себя, от ощущения бессилия, скуки и беспомощности, являющимися временными результатами его неудачи⁶.

Рефлектирующее сознание героя, отражающее постоянный скрупулезный процесс самоанализа и самокопания, экзистенциальную «потерянность», крайний пессимизм и цинизм, индивидуалистический нигилизм, обусловлено внутренними индивидуальными качествами персонажа произведения, позволяющими саркастично-критически воспринимать и переосмысливать устоявшиеся стереотипы мышления и поведенческие установки представителей общества. Используя иронию и сарказм, герой стремится успокоить уязвленное самолюбие, констатируя общеизвестные истины:

Жыў бы ты са сваёй Хаўроннай... у шчасці і любові. Тайком здраджвалі б адно аднаму. Запрашалі ў госці такія ж рэспектабельныя і зладжаныя пары, як самі. Пілі віно, выкурвалі лёгкі касячок на кампанію ды так наіграна і штучна, да ікаўкі, паказвалі гасцям, якое моцнае ў вас каханне... А вочкі дык бегалі б, бегалі па баках, вышуквалі пякнейшую і прыгажэйшую, а галоўнае – новую ахвяру для ўцехі. І хавалася б грахоўная жарсць за бязвінныя і шчырыя ўсмешкі. Ці не кожныя выхадныя пачыналіся б з нявінных выпівак для прыемнасці, а затым, незаўважна, – алкагалізм і пахмелле адначасна». «Мо і ёсць яшчэ

⁵ Там же, с. 283.

⁶ Э. Фромм. *Человек для себя*. Минск: ООО «Попурри», 1998, с. 634.

на гэтай зямлі верныя жонкі. Але тое ўжо дыягназ. Як цяпер зразумеў: вернасць у наш час – паталогія⁷.

Герой предпринимает попытку самоуспокоения и мести, окунаясь в всепоглощающий мир примитивного разврата, в однообразную атмосферу сексуальной общедоступности и вседозволенности, тем более что соцсети способствуют быстрым и многочисленным знакомствам. Следует отметить, что в прозе Анатолия Козлова представлен факт общеизвестного и общераспространенного искаженного понимания человеком самого понятия «измена». Все эти случайные, легкодоступные, мимолетные сексуальные связи и похождения ничего общего с изменой как таковой не имеют. Это просто действия, цель которых – получение наслаждения. Причем, получая эти удовольствия, мужчины и женщины снимают с себя нравственные обязательства по отношению друг к другу, морали здесь места нет, это весьма убедительно отражено в прозе Анатолия Козлова:

Наступныя тры тыдні праляцелі быццам у вар'яцкім, ірэалістычным сне. Кватэры, нумары гатэляў, сауны і душавыя кабінкі, заднія сядзенні іншамарак, прыцменныя лавы ў скверах і парках саступалі месца недалёкім ад Мінска дачам, лясным палянам турыстычным намётам... У галаве змяшаліся густым кактэйлем імёны дзяўчат, маладзічак і жанчын, як безасабова кажуць, сярэдніх гадкоў. Ніводнага з іх я не запамніў, як і твараў. Яны, па сутнасці, ператварыліся ў адзін неабдымны твар без колеру вачэй, без вуснаў і насоў...⁸

Ложь и псевдоизмена очень часто выступают в качестве самозащиты человека и в форме мести за нанесенные душевные раны, однако, как правило, такая месть не достигает своей цели, обрекая человека на бессмысленную борьбу с самим собой, усугубляя эмоционально-психологический кризис и моральный дискомфорт, столь ярко представленные в прозе Анатолия Козлова:

Ледзь не месяц кідаўся на лёгкае, даступнае і падатлівае... І што маю? Апустошанасць. Бяспуцце. Можа, гэткая дарога не мая? Не ведаю, пакуль не ведаю. Адчуваю, што сам сабе супрацьлегласць, як вышчарбленая шасцяронка ў агульным зладжаным механізме. Хоць у прорву галавой... Помсцячы, ці набываем мы душэўны спакой, раўнавагу і ўпэўненасць?.. І каму помсцім?! Помсцім сабе...⁹

Более того, постоянный поиск новых встреч, новых ощущений связан зачастую с отсутствием внутренней цельности и самодостаточности человека, наличием духовно-нравственной и интеллектуальной пустоты. И только одна пустота достойна уважения и сочувствия – это душевная опустошенность, связанная с утратой доверия к любимому человеку, опустошенность, обусловленная невозможностью существования без него, ибо «душа человека дороже царств мира»¹⁰. И только, наконец, возвращение любимой, его Единственной, метафизически почувствовавшей экзистенциальный хаос и душевные страдания героя, останавливает этот бессмысленный и опустошающий бег по кругу

⁷ А.С. Казлоў. *Той, хто абганяе сны: аповесці*. Мінск: Мастацкая літаратура, 2014, с. 89.

⁸ Там же, с. 155.

⁹ А.С. Казлоў. *Той, хто абганяе сны...*, с. 158.

¹⁰ Н. Бердяев. *Самопознание*. Москва: Международные отношения, 1990, с. 285.

обыденных и ненужных встреч, приводит к эмоционально-психологическому и моральному равновесию:

Плаўна адчыняюцца жалезныя дзверы, і я бачу сваю Адзіную, сваё сонейка. Адхінаюся ўсім целам. Заклала вушы, абарвалася і пакацілася па лесвічнай пляцоўцы маё сэрца. Абясक्रоўленае і спакутаванае. Я плачу¹¹.

В повести Анатолия Козлова *Так і жывём* художественно воплощена модель современной семьи, в которой доминируют свободные отношения, без детей, без регистрации брака, без взаимных обязательств, то есть своеобразный союз незавершенного мужчины и незавершенной женщины, означающий «удвоение их слабостей. Они объединяются на основе своих недостатков, а не потому, что любят друг друга и ощущают полноту жизни».¹² Отношения пары изначально выстроены на взаимной симпатии, но не более того; она живет ожиданием чего-то нового в своей судьбе, а он, подчиняясь влиянию приятеля, изрядно подкрепившись алкоголем, проводит свободное время в гараже в компании неизвестных легкодоступных девиц. Банальность и обыденность столь распространенной жизненной ситуации, примитивность такого времяпрепровождения вызывают у героя чувство безразличия:

Хмель выпітага за дзень яшчэ засціў свядомасць... Перад унутраным зрокам мільгацелі эпизоды-карцінкі мінулага дня: Рудзька і яго гараж, імправізаваны столік з пітвом і ежай, дзве дзяўчыны, якіх яны з Рудзькам прывезлі ў гаражныя апартаменты, хіхіканне, цыгарэтны дым, самагонка без смаку. Усё – як у танным і дрэнным фільме, які здымаўся хуткай рукою невядомага аператара на закінутым гарышчы напаўразваленага барака. Але дзіўна – ніякай брыдкасці ад пражытага дня Пятрок не адчуваў. Было тое, што было, і ўсё¹³.

Героиня поначалу испытывает некое эмоциональное воодушевление от предстоящих отношений с первым встречным, на которые сама же себя и вдохновила, желая помочь подруге (и не только ей), страдающей от измены мужа, предложив ей универсальный рецепт устранения подобных проблем:

Сёння мы з табою падчэпім класных малайцоў. Ты ж ведаеш, што клін клінам выбіваецца. На разавую здраду ты дзясятка разоў тым жа адкажы. Вось тады і толк будзе... Забудзешся на пакуты душэўныя, спазнаўшы цялесную ўцеху¹⁴.

Однако все эти спонтанные телесные утхи вызывают душевное разочарование и чувство брезгливости, универсальный рецепт не сработал: «Пагана на душы... Пайшла па руках. Гэта ж трэба туляцца па кватэрах, аціраць чужыя ложка. І дзеля чаго? Закарцелася навізны? Дык яе ж і не было. Ніякай радасці, толькі адчуванне апляванасці»¹⁵. Взаимная ложь, вызывающая чувство неловкости и усугубляющая отчужденность друг от друга, все же приемлема для

¹¹ Там же, с. 163.

¹² Д. Соммер. *Ослабление семьи*. [В:] *Мораль XXI века*. [Online:] <http://bookz.ru/authors/dario-salas-sommer/moral_x_356/1-moral_x_356.html> (10.10.2016).

¹³ А.С. Казлоў. *Той, хто абганяе сны...*, с. 267.

¹⁴ Там же, с. 265.

¹⁵ Там же, с. 280.

обоих, ведь она, с их точки зрения, стала нормой жизни для большинства – так живут все; осознание подобной ситуации несколько успокаивает и примиряет, вот только ради чего:

А ўрэшце, усе мы, людзі, такія. Сатканья з супрацьлегласцяў. Не бывае ў нашых душах аднаколернасці... Хочацца ўсё спазнаць. Шкада, што заднім днём думаем. Наступаем на свае ранейшыя ідэалы, губім, адным бяздумным рухам разбураем тое, што гадамі ўзрошчвалася, песцілася. А мо гэта і ёсць прагрэс, штуршок да спазнання свету? Нецікава, нават згубна ўвесь час варыцца ў адным катле. Тады тупееш, абрастаеш тлушчам, дэфармуецца мазгі. Чалавек ад нараджэння імкнецца хадзіць па лязе нажа, казытаць свае нервы, правяраць псіхіку¹⁶.

В исследовательской практике неоднократно указывалось на наличие всеобщей сексуальной озабоченности в современной цивилизации, а Энтони Гидденс в своей известной работе *Трансформация интимности. Сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах* говорит о возникновении нового типа брака и брачных отношений, предполагающий определенную свободу в выборе сексуальных партнеров, а также констатирует проявления мужских качественных характеристик в поведенческих моделях, реализуемых женщинами:

Мужчины большей частью приветствуют тот факт, что женщины стали сексуально доступнее... И все же... они проявляют очевидную и глубоко коренящуюся обеспокоенность... Они говорят, что женщины «утратили способность к доброте», что они «больше не умеют приходить к компромиссам» и что «женщины сегодня не хотят быть женами, они сами хотят себе жен¹⁷.

Современные женщины предпочитают свободные отношения, так называемые гражданские браки, не требующие официальной регистрации, а следовательно, исключают взаимные обязательства любого характера; они стремятся отплатить мужчинам их же монетой, примерив на себя лицемерие и цинизм, пытаюсь скрыть внутреннюю чувствительность, что и находит отражение в повестях Анатолия Козлова, который, декларируя в прозе экзистенциальное мироощущение, мотивы одиночества и разочарования, внутренней неудовлетворенности, потерю духовности, поиски смысла жизни, философски переосмысливая окружающий мир, актуализирует проблему любви, являющуюся необходимой, насущной потребностью, важнейшей составляющей жизни человека.

Современное состояние семьи отражает наличие распространенной модели взаимного отстранения в диаде «муж – жена», продиктованного различными объективными и субъективными причинами, что вплотную затрагивает интересы детей, поскольку нарушается привычная схема обыденных межличностных взаимоотношений в семье, искажается нравственно-психологический микроклимат семьи. Дети (особенно старшего возраста) болезненно реагируют на такую «прохладную» семейную атмосферу, поскольку оказываются в ситуации

¹⁶ Там же, с. 283.

¹⁷ Э. Гидденс. *Трансформация интимности. Сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах*. Пер. с англ. В. Анурин. Санкт-Петербург: Издательский дом «Питер», 2004, с. 39.

родительского отстранения по отношению к ним, пока супруги заняты своими проблемами, забыв о моральной ответственности перед детьми.

Актуализация данной проблематики находит свое воплощение в прозе Людмилы Кебич *Епідемія грипу*, где авторское сознание отражает кризис семейных отношений в триаде «муж – жена – сын». Представлена достаточно типичная ситуация невозможности построения нормальных гармоничных взаимоотношений между отцом-эгоистом, снимающим с себя моральную ответственность за судьбы членов семьи, и чутким, проницательным сыном, длящаяся на протяжении восемнадцати лет с момента рождения ребенка. Супруга, практикующий врач-психотерапевт, на протяжении столь длительного времени безрезультатно пытается исправить существующее положение, вызванное нравственным бездушием, моральной глухотой мужа-адвоката, которому абсолютно безразличны повседневные заботы сына и его внутренний мир.

Более того, бесконечный эгоцентризм мужа приводит к деструкции в линии поведения с женой, духовная связь с которой ослабевает, плавно переходя в границы «одиночества вдвоем». Такая модель поведения, доминантой которого является моральное отчуждение, отсутствие принятия Другого в качестве самодостаточной личности, приводит к нежеланию понимать и принимать интересы Другого. Самосознание мужа, направленное на утверждение *Я-значимости*, отражающей жизнеустройство только для себя, диссонирует с самосознанием жены, направленным на утверждение *Ты-значимости*, отражающей жизнеустройство, в первую очередь, для других, а потом для себя. Такой диссонанс является помехой для выстраивания модели *Мы-значимости*, направленной на гармоничное функционирование семьи в целом. Однако супруга не желает разрывать семейные узы, ей одинаково дороги и близки и муж, и сын, демонстрируя классический вариант женской жертвенности, суть которой проницательно определил Эрих Фромм: «Отдавать себя – единственный способ быть собой». Поэтому, погрузив немного о своей женской судьбе, не впадая в депрессивное отчаяние и душевную боль, она твердо намерена ожидать позитивных перемен:

І ці то ад таго, што яе не зачала сур'ёзна, а ўсяго толькі крышачку драпанула татальная сусветная епідемія разбурэння маральнага ґрунту, спрадвечных ісцін, сапраўдных каштоўнасцей, жыццёвых арыенціраў; ці ад толькі што ўсталяванай у яе падсвядомасці ўпэўненасці ў тым, што ў іх сям'і абавязкова ўсё наладзіцца, бо яна будзе і далей прыкладаць для гэтага ўсе свае намаганні, аддасць любым мужу і сыну ўсю сваю любоў, прыступіла да штовечаровых спраў з незвычайным натхненнем¹⁸.

В повести Олега Ждана *Гений* моделируется иная психологическая ситуация, отражающая конфликтные отношения в диаде «мать – сын», где объектом агрессии и морального нигилизма становится мать. Морально-психологический прессинг со стороны сына – это банальная и примитивная месть за нереализованность задуманного, за несчастливую собственную жизнь и своеобразный компенсаторный выход негативной энергии, которую он не способен в полной мере обрушить на тех, кто причиняет ему зло. У героя не хватает ни

¹⁸ Ева ў пошуках Адама: аповесці, апавяданні..., с. 188.

внутренней силы, ни мужества противостоять такому положению вещей (это, действительно, очень сложно), но хватает храбрости предъявлять претензии матери, морально уничтожая ее «убийственной» мыслью:

Он не просился на свет. Она его родила и потому не имеет права жаловаться на судьбу. Вместе с ним она должна принимать эту муку... А вы думали – на радость? Христос – на муку, а вы – на удовольствие? Все на муку, кроме глупцов и тиранов¹⁹.

А она, решив родить ребенка в возрасте сорока лет, прекрасно осознавая перспективу судьбы матери-одиночки, руководствовалась не эгоистическими установками и узким прагматизмом, а принципами христианской метафизики:

Да и не могла не родить. Он жил во мне давно, лет уже... не знаю, всегда. Знала, какой он, как ест, пьет, на горшке сидит... Все знала. Оставалось выпустить на Божий свет. Это ведь я преступление совершила б, если бы... Не перед людьми, нет, им все равно, перед Богом²⁰.

Мать для Тришки является человеком, главная функция которого заключается в обслуживании его эгоцентричной персоны. Внешнее отсутствие душевной теплоты и сострадания, эмоциональная черствость доминируют в поведении Тришки. Он совершает моральное предательство, уничтожая мать своим презрительным сарказмом, не считаясь с ее интересами. Ничего, фактически, не создав в этом мире и не стремясь что-либо кардинально изменить в личной судьбе и жизни матери, он перечеркивает метафизическую и онтологическую значимость самого святого человека в мире, глубинную сущность которого понимал Василий Розанов, утверждая:

Есть ли жалость в мире? Красота – да, смысл – да. Но жалость? Звезды жалеют ли? Мать – жалеет; и да будет она выше звезд²¹.

В повести представлен образ достаточно сложного и противоречивого молодого человека, амбициозного художника-самоучки, одаренного от природы и уверенного в собственной гениальности, но непризнанного и непонятого, одержимого мечтой создать гениальный шедевр в живописи. Невостребованность в профессии, материальные трудности, насмешки со стороны окружающих вызывают ответную агрессивную реакцию у героя. Моральная деструктивность во взаимоотношениях с приятелями, с коллегами по работе обусловлена не только осознанием существующей социальной несправедливости, сложных экзистенциальных противоречий, наличием деформированной психики, но и стремлением уберечь собственную индивидуальность от влияния социума, демонстрируя позицию социального бунтарства и нигилизма.

Конфликтность внутрисемейных отношений в сочетании с внутренней эмоционально-психологической деструкцией, в свою очередь, порождающей агрессивную асоциальность и отчужденность, создает замкнутость экзистенци-

¹⁹ О. Ждан. *Гений*. [В:] *И нет пути чужого: соврем. белорус. Повесть*. Сост. А. Черота. Минск: Звезда, 2014, с. 117.

²⁰ Там же, с. 109.

²¹ В. Розанов. *Опавшие листья*. Санкт-Петербург: Амфора, 2000, с. 13.

ального круга, разорвать который очень сложно. Феномен социального отчуждения выявляет практически неустрашимые противоречия в диаде «личность – социум», где нарушено равновесие между общественным и индивидуальным. Поэтому в художественно реализованном типе антигероя с ярко выраженным кризисом индивидуализма декларация одиночества как враждебности социальным установкам становится доминирующей.

Если герой повести Олега Ждана агрессивен асоциален, то Маргарита Прохар художественно моделирует тип индифферентного созерцателя общества, сознание которого заключено в границы индивидуалистического нигилизма. Представитель творческой интеллигенции, молодой человек в возрасте тридцати лет, совмещающий писательскую деятельность с работой на телевидении, оказавшись в конфликтной ситуации с любимой, испытывая внутренний дискомфорт, позиционирует себя человеком-наблюдателем, разочарованным в жизни и не стремящимся что-либо кардинально менять в ней:

Я назіральнік. Я той, хто бачыць і чуе, аднак не ўмешваецца ў жыццё і не будзе сваё, адпускаючы яго па плыні часу і таксама назіраючы за ім... Я – назіральнік, таму што стаміўся, жыццё выбіла мяне з каляіны тым, што мой свет і мае мары не знайшлі месца ў гэтым жыцці. Яго змяніць нельга, а сябе я змяніць не хачу. І я проста гляджу на свет, можа быць, чакаю таго, што верне мне – мяне. Аднак пакуль гэтага не адбываецца, я – назіральнік²².

Самокритично оценивая неудачи в любви и творчестве, герой устраняется от противоречий бытия, снимает с себя моральную ответственность, занимает не по-мужски выжидательную позицию, замыкаясь в инфантилизме и отчужденности. И эта отчужденность вовсе не связана со стремлением уберечь собственную индивидуальность от влияния общества. Он свободен от всех и от всего, он равнодушен ко всему, декларируя принципы индивидуализма и социального пессимизма. В повести затрагивается актуальная проблема индивидуальной свободы человека, актуализируется значимость социальной и нравственной ответственности человека.

В современной литературной ситуации бытует и другой вариант отстранения (доходящий до нравственно-психологического отчуждения) родителей от детей, продиктованный личными неудачами в жизни, отражающий моральное и эмоционально-психологическое насилие в семье, давление родителей на детей, очень часто реализуемый в модели нарушения отношений в диаде «мать – дочь».

Алена Браво смело и бескомпромиссно обнажает в своих произведениях суть такой семейной «идиллии», мастерски используя богатый биографический материал, не скупясь на жесткую критику и резкие инвективы. Авторское сознание тщательно фиксирует все оттенки удушливой семейной атмосферы не-любви, в которой оказалась героиня повести *Рай давно перенаселен*, маленькая девочка, которая, взрослея, на протяжении многих лет оставалась объектом морального и эмоционально-психологического унижения, давления со сторо-

²² М. Прохар. *Назіральнік*. «Маладосць» 2009, № 3, с. 8.

ны собственной матери. Ретроспективно анализируя моменты жизни детства и юности, она пытается понять причины такого поведения ее родного человека, а следствия такой поведенческой модели ярко воплощены в тексте:

Дома с удвоенным остервенением мыть полы, готовить еду, орать на детей. И, наконец, заслуженная награда в конце трудового дня – выпить чашку чаю с припрятанной плиткой шоколада... Что-о-о?! Кто из вас, сучонки, сожрал шоколад?! Да пропадите вы обе пропадом! Да когда же вы наконец уберетесь из моего дома?! Да когда же я наконец сдохну?!²³

Образ матери лишен идеализации, он отражает существо грубоватое и бескультурное, на дух не переносящее интеллигентных умных людей (неслучайно бросила своего первого мужа-юриста, испытывала неукротимое, постоянное чувство ненависти к свекрови), стремящееся выстроить свою профессиональную карьеру на заводе, окунаясь в общественные дела, подчиняясь веянию времени эпохи социализма, при этом не забывая и о личной жизни, устроить которую пыталась с расчетливым и грубым, приземленным человеком, вполне разделяя и принимая его псевдоустановки жизнеустройства по циничной схеме «хочешь жить – умей вертеться». Потерпев фиаско в личной жизни, проживая судьбу матери-одиночки, она использует достаточно распространенную «классическую» схему банальной мести, направленную в первую очередь на собственных детей:

Она... вымещала горечь поражения на детях («Зла на вас не хватает!») ... Ей требовалось распахнуть свое нутро, вывернуться наизнанку и залить своим отчаянием всех: в первую очередь – детей, а потом и тех, кто пытался под видом сочувствия устроить из ее несчастья распространенный аттракцион под названием: «Кому-то еще хуже, чем мне» – аттракцион, неизменно поддерживающий грошовую дозу оптимизма в тех, кому жизнь чего-то не додала²⁴.

Злость особенно вымещается на старшей дочери, которая резко отличается от нее, своим присутствием всегда напоминающая интеллигентного отца, генетически унаследовавшая страсть к чтению книг и наделенная творческими задатками, что вызывает негативную реакцию неприятия у матери, демонстрирующую обусловленную характером ненависть. Дочь становится и жертвой, и заложницей атмосферы нелюбви, выступая в качестве объекта деструктивного своеволия матери, которая забыла об известном факте, что дети приходят в этот мир не по своему усмотрению, слабые и беззащитные, полностью зависимые от взрослых, они нуждаются в душевной теплоте и повышенной родительской заботе, позволяющей осуществить определенную адаптацию к окружающему миру, полному противоречий и неожиданностей. Но мать находится в плену ложных установок, позволяющих реализовать примитивное вымещение злобы, причинение боли другим, поскольку испытывает постоянную боль сама.

Руководствуясь мещанскими принципами, искажающими истинные представления о настоящей жизни и семье, пребывая в состоянии постоянной неудовлетворенности, поглощающей ее лучшие годы, заключенные в границы од-

²³ А. Браво. *Имя Тени – Свет: повести, рассказы*. Минск: Літаратура і Мастацтва, 2012, с. 181.

²⁴ Там же, с. 179.

нообразной и серой обыденности, она выплескивает потоки негатива на дочь, демонстрируя примитивную тиранию. Пользуясь ситуацией вседозволенности и безнаказанности, она, к тому же, демонстрирует банальную трусость и малодушие, поскольку ребенку ответить нечем, ему остается только хранить молчание.

Мать живет стереотипами, не в силах преодолеть стремления следовать распостраненным установкам, позволяющим собственную жизнь и себя лично всегда сравнивать с кем-то другим, с ее точки зрения, более успешным и счастливым, забывая при этом о том, что каждый – иной, со своим багажом позитивных и негативных качеств, талантов, одаренностей (или отсутствием оных), неудач и т. д. Всегда видят только «витрину», «фасад», но никогда не знают всей правды, сокрытой за этим «фасадом», и действительно, «никто не взвешивал чужих крестов», как мудро напоминает Алена Браво. Но мать этого не понимает, проживая свои годы в постоянной зависти к тем, кто «устроен» в этой жизни в семейном отношении, в материальном плане, кто относится к категории «хозяев» жизни, абсолютно не осознавая безнравственности этого «мирка» бездушных циников.

Главным жизненным принципом для матери является посыл «быть как все», позволяющий хоть как-то соответствовать определенному усредненному стандарту, приводящему к иллюзии внутреннего успокоения. Но отсутствие мужчины в пространстве ее жизни усиливает осознание ущербности, что, в свою очередь, нарушает эмоционально-психологическую стабильность, резко увеличивая «витальную агрессивность», которую мать в изобилии обрушивает на собственную дочь, демонстрируя полнейшее отсутствие как самоуважения, так и уважительного отношения к ребенку, подобно лакмусовой бумажке, проявляя истинную суть своей человеческой натуры.

По прошествии многих лет, случайно обнаружив старые фотографии своей матери, дочь внимательно изучает серьезные изменения во всем ее облике: от мечтательных и незащитных глаз юной девушки до «искаженного гримасой отчаяния лица состарившейся нимфы». Дочь пытается оправдать жестокость матери по отношению к собственным детям, понимая, что ее жизнь, полная болезненных неудач, разочарований, безоглядного однообразия и бесцветной обыденности, не могла сложиться иначе, все попытки что-либо изменить обречены на провал. Более того, мать в детском возрасте сама стала жертвой домашнего «воспитания», будучи частенько «нешадно бита своей матерью» за утерянны варежки или шарфик, а ее отец, всю жизнь носивший в себе обиду, к семье никакого отношения не имевшую, тем не менее, «люто издевался над женой и детьми». Дочь прекрасно понимает, что человек, выросший в тяжелой атмосфере жестокости, суровости и нелюбви, вряд ли сможет реализовать в собственной жизни другую модель поведения в семье, поскольку у него для этого нет никакого практического потенциала:

Вот только почему-то среди этих без любви повзрослевших мальчиков полным-полно невротиков и психопатов, по совместительству – алкоголиков; а девочки, выросшие без любви, бросаются в нее как в омут, торопясь ослепнуть и оглохнуть, – легче было бы

купить в магазине бутылку горькой... Бутылка потребуется потом, когда эти девочки, уже протрезвевшие, одинокие и остервенелые бабы, из-за неудавшейся судьбы станут измываться над своими детьми, передавая генетическую обреченность на поражение, как ножик в тюрьму, следующему поколению²⁵.

Однако отчаянная попытка оправдать антигуманное поведение матери наталкивается на жестокую реальность, прочно зафиксированную в сознании дочери, от которой невозможно самоустраниться. Следует отметить, что такая же модель межличностных семейных отношений почти зеркально отражена в повести Ирины Васильковой *Садовница*²⁶. Авторитаризм деспотичной матери, лишенной потенциала базовых культурных и нравственных ценностей, носит разрушительный, деструктивный характер по отношению к собственным детям и мужу. Скудость грубого лексикона, отсутствие доброты и жалости, банальное хамство и патологическое желание унижить личность человека являются доминирующими в поведении матери. Художественное воплощение данных реалий лишний раз свидетельствует о распространенности, типичности этого антигуманного явления, ломающего судьбы людей.

В повести *Имя Тени – Свет (история одной фобии)*, фактически, выявляется стремление авторского сознания художественно зафиксировать и проанализировать ту же проблему, отражающую моральное и эмоционально-психологическое давление родителей на детей, домашний прессинг, скрытый от посторонних глаз. Алена Браво, вновь используя биографический материал, актуализирует данную проблематику, фиксируя сложные взаимоотношения матери и дочери, представив драматическую ситуацию существования молодой женщины, страдающей фобией, приобретенной еще в раннем детстве, связанной с боязнью потери сознания как в общественных местах, так и в домашней обстановке. Это состояние выводит героиню из эмоционального и экзистенциального равновесия, нарушая жизненную перспективу. Причины сформированной фобии кроются в раннем детстве героини, когда неудачница-мать, испытав разочарование в личной жизни, всю свою ненависть обрушивает на старшую дочь, совсем еще маленького ребенка, всячески унижая ее:

...накормив и уложив сестру, она забилась в угол за креслом и просидела там до утра, дрожа от холода и страха, что мать проснется и снова будет ее бить... Но мать больше не ударила ее ни разу – да, ни разу. Она выбрала другой способ пытки. Ох, лучше бы она лупила ее чем попало! Но, как зверь безошибочно определяет слабое место у жертвы, мать распознала в дочери сверхчувствительность именно к слову... Приспособления для издевательств менялись в зависимости от настроения палача – от обжигающей плети иронии... до железных тисков проклятий, от которых хрустели кости²⁷.

Постоянно используя словесные оскорбления, даже самые грубые и нецензурные, она словно кодировала на неудачу психику ребенка, причиняя дочери бесконечную боль. Мастерски изощряясь в собственном скудоумии, с особым

²⁵ А. Браво. *Имя Тени – Свет...*, с. 137.

²⁶ И. Василькова. *Садовница*. «Новый мир», 2007, № 7. [Online:] <http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2007/7/va4.html> (11.06.2017).

²⁷ Там же, с. 261.

«восторгом» формируя вокруг невыносимую атмосферу негатива, мать не стремилась создавать комфортное существование в семье. В сознании дочери формируется устойчивые мотивы страха и вины, определившие психологическую ущербность, а родительница полагает, что ее действия продиктованы материнским бескорыстием, о котором Эрих Фромм высказался достаточно однозначно: «это симптом невротического нарушения... Дети растут в постоянном страхе не оправдать материнских ожиданий».²⁸ Вот как проходят дни маленькой девочки, с ужасом ожидающей прихода матери с работы:

От страха у не болел живот, ее рвало, ноги подкашивались, как только стрелка часов приближалась к шести; точно подстреленная она металась по квартире, пробуя предугадать, что на этот раз станет пусковым механизмом скандала: плохо выжатая тряпка для посуды? песок от обуви на полу? – она торопилась погасить искры вероятного пожара – послушная дочь, отличница, член совета пионерской дружины, – но мать всегда находила к чему придраться: плохо накрахмаленный воротничок школьной формы, беспорядок в письменном столе... «Ничтожество! Дрянь!» – истерично визжала мать, швыряя ей в лицо выдранный «с мясом» воротничок, выворачивая на пол содержимое ящичков стола²⁹.

Проживая свою детскую жизнь в постоянной боязни наказания за несуществующие деяния, ребенок, взрослея, приобретает не только фобии, но и депрессивное состояние, приводящее к суицидальным мыслям, так и не дождавшись от матери если не любви, то хотя бы доброжелательного снисхождения: «Именно страдание безответной любви привело девочку к мысли о самоубийстве – это было последним, отчаянно-молчаливым криком, мольбой о милосердии». Ощущение отчаяния и невыносимости существования усиливаются от понимания двуличия матери, ее фальши и лжи в отношениях с коллегами по работе, где всегда грубость, вульгарность и жестокость маскируются мнимой доброжелательностью и так называемой «социальной активностью».

Демонстрируя авторитарную совесть, позволяющую морально и психологически ломать ребенка, мать стремится утвердить свой родительский авторитет, формируя субъективную «концепцию» воспитания, но такой родительский авторитет и способ, каким дети справляются с ним, являются главными источниками неврозов. Такая жизненная ситуация ярко представлена в повести, подчеркивает безысходность нравственно-психологического состояния несчастного ребенка:

Отчего же она так угрюмо молчала, затаившись, словно волчонок, в своем убежище за креслом? Отчего не возражала, не оправдывалась? Да от того, что была уверена в необъятности своей вины: все так, мама права (да и разве может мама – ошибаться?), она, Виктория, – выродок, нелюдь... А мать, разъяренная ее молчанием, не могла уже остановиться и осыпала «идиотку» проклятиями. Впрочем, иногда «шкодливая девка» во время этих словесных экзекуций падала, словно подкошенная, на пол, и мать, уверенная в том, что

²⁸ Э. Фромм. *Человек для себя...*, с. 532.

²⁹ А. Браво. *Имя Тени – Свет...*, с. 245.

«истеричка» взяла моду притворяться, покидала комнату, хлопая дверью так, что осыпалась штукатурка....³⁰

Фактически мать лишает собственную дочь экзистенциальной и метафизической защиты, которую может обеспечить только она, подарившая жизнь ребенку, особенно на энергетическом уровне. Пребывая в постоянном стрессе, дочь, взрослея и реализуя себя в профессиональной деятельности, испытывает огромные трудности в преодолении фобий, в построении межличностных отношений. И если героине повести «Рай давно перенаселен», также прошедшей подобный путь взросления, предоставлена возможность прикоснуться к чарующему теплу родной бабушки, способной компенсировать отсутствие материнской любви и душевной доброты, то молодой женщине с устойчивой фобией приходится надеяться только на собственные силы, приводя нарушенное эмоционально-психологическое равновесие в норму.

Сложные взаимоотношения матери и дочери, формирующие пребывание последней в ситуации устойчивого стрессового состояния, в конечном итоге, приводят к дисгармоничному существованию в жизни, невозможности полноценной и качественной реализации в социуме и построения собственных семейно-брачных отношений. Такая же ситуация наблюдается и в повести «Рай давно перенаселен», когда повзрослевшая дочь предпринимает попытку «убежать» из ужасающей атмосферы домашнего «ада» в скоропалительный брак, который естественно и закономерно заканчивается неудачей, поскольку в замужество не «убегают», его создают, руководствуясь совершенно иными мотивами, а естественное отсутствие внутренней цельности и эмоционально-психологической стабильности у героини (в чем, безусловно, виновата мать) не позволяют выстроить семейное счастье.

В прозе Алены Браво художественно воплощен мотив отстранения,ходящий до нравственно-психологического отчуждения родителей от детей, продиктованный личными неудачами в жизни, отражающий моральное и эмоционально-психологическое насилие в семье, давление родителей на детей, очень часто реализуемый в модели нарушения отношений в диаде «мать – дочь». Подобное состояние морального унижения выводит из эмоционального и экзистенциального равновесия, нарушая жизненную перспективу, формируя в сознании ребенка устойчивые мотивы вины и страха, определяющие психологический надлом. Такая модель поведения матери, отражающая отсутствие интуитивного понимания ребенка как отдельной личности, ее субъективных переживаний, наличие авторитарно-командного стиля, низкой степени эмпатии, приводит к девальвации материнства как нравственной ценности.

Таким образом, рассмотренные примеры отражения в современной художественной литературе нравственно-психологической проблематики свидетельствуют о том, что нарушение гармонии микромира семьи, привычной схемы обыденных межличностных взаимоотношений в структуре семьи, продиктованное различными объективными и субъективными причинами, приводит

³⁰ Там же, с. 264.

к эмоционально-психологическому надлому человека, к невозможности эффективной реализации в социуме своего внутреннего потенциала.

Литература

- Бердяев Н. *Самопознание*. Москва: Международные отношения, 1990.
- Браво А. *Имя Тени – Свет: повести, рассказы*. Минск: Літаратура і Мастацтва, 2012.
- Василькова И. *Садовница*. «Новый мир» 2007, № 7. [Online:] <http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2007/7/va4.html> (11.06.2017).
- Гидденс Э. *Трансформация интимности. Сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах*. Пер. с англ. В. Анурина. Санкт-Петербург: Издательский дом «Питер», 2004.
- Ева ў пошуках Адама: апавесці, апавяданні*. Уклад. Віктар Шніп. Мінск: Мастацкая літаратура, 2016.
- Ждан О. Гений. [В:] *И нет пути чужого: соврем. белорус. повесть*. Сост. А. Черота. Минск: Звезда, 2014.
- Зеленко В. *Не умереть от истины*. [В:] *Неизъяснимая любовь: современная женская проза*. Сост., автор вступительной статьи О. А. Ждан. Минск: Звезда, 2014.
- Казлоў А. С. *Той, хто абганяе сны: апавесці*. Мінск: Мастацкая літаратура, 2014.
- Прохар М. *Назіральнік*. «Маладосць» 2009, № 3, с. 7–40.
- Розанов В. *Опавішыя лістыя*. Санкт-Петербург: Амфора, 2000.
- Соммэр Д. *Ослабление семьи*. [В:] *Мораль XXI века*. [Online:] <http://bookz.ru/authors/dario-salas-sommer/moral_-x_356/1-moral_-x_356.html> (10.10.2016).
- Фромм Э. *Человек для себя*. Минск: ООО «Попурри», 1998.

КОМПАРАТИСТУКА ЛІТЕРАСКА
ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКАЯ
КОМПАРАТИВИСТИКА
COMPARATIVE LITERARY STUDIES

МОТИВЫ ТЕАТРАЛЬНОСТИ / МАСКАРАДНОСТИ В МАСКАРАДЕ ЛЕРМОНТОВА И ДРАМАТУРГИИ ШЕКСПИРА

СЕРГЕЙ АНАТОЛЬЕВИЧ ШУЛЬЦ

независимый исследователь

Ростов-на-Дону, Россия

e-mail: s_shulz@mail.ru

(получено 1.10.2017; принято 10.10.2017)

Abstract

The motives of theater / masquerade in Lermontov's *Masquerade* and in Shakespeare's dramaturgy

In Lermontov's *Masquerade*, Shakespeare's motif "the whole world – theater" is reversed in all the diversity of its meanings. Lermontov rejects any positive content of various meanings of the motif. It is given in the transformed dimension – as a heroic, stoic endurance of an almost always passive "role". This endurance is an inherent part of the "role's" greatness.

Key words

Lermontov, Shakespeare, motives, theater, masquerade, trial, endurance of the "role".

Резюме

В *Маскараде* Лермонтова преломлен мотив Шекспира «весь мир – театр» во всем многообразии смыслов мотива. В отличие от Шекспира, их позитивное наполнение Лермонтовым в целом отвергается. Оно дано в превращенном измерении

– как героическое, стоическое претерпевание индивидом почти всегда страдательной «роли», и в таком «претерпевании» – неотъемлемая высота «роли».

Ключевые слова

Лермонтов, Шекспир, мотивы, театр, маскарадность, испытание, претерпевание «роли»

В связи с топиной маскарадности/театральности в драме Лермонтова *Маскарад* заслуживает внимания целостный план творчества Шекспира, где принципиальны мотивы мира как театра («сцены», в несколько уточненном переводе¹). По наблюдению Б. М. Эйхенбаума, «Лермонтов пристально читал Шекспира»².

Сама по себе идея тотальной театрализации существования восходит, как известно, к поздней античности. Маскарадность выступает у Шекспира частным случаем театральности³. Последняя существует у Шекспира в трех основных вариациях:

- 1) нейтрально-констатирующая (данность мирового порядка, способа существования индивидов),
- 2) негативная (притворство, фальшь),
- 3) многообразно, насыщенно позитивная (каждый человек должен играть выпавшую на его долю роль как этико-эстетическую призванность, почетную обязанность, приятный долг).

Сугубо позитивно в разбираемом ассоциативном семантическом комплексе шекспировских мотивов (во всем их целом) – появление идеи взаимосвязи между искусством и жизнью: одно переходит в другое, жизнь и театр (искусство) не противопоставлены, а изоморфны и взаимозависимы (что по-своему откликнется в идеях М. М. Бахтина о «творческом хронотопе»).

Искусство при этом мыслится в качестве одного из высших концентрированных проявлений самой жизни. «Жизнь» гораздо больше, чем просто «природа», в «подражании» которой примерно до эпохи романтизма видели принцип творчества. Шекспир часто рассуждает о необходимости преодоления «природы» в искусстве (например, в *Тимоне Афинском*), что отчасти созвучно последующему преломлению у Лермонтова фульеристской идеи «возвращения страстей», т.е. трансформации «природных» задатков под влиянием социума⁴.

¹ Н. Киасашвили. *Скрытая метафора «мир – сцена» как структурный элемент «Гамлета»*. [В:] *Шекспировские чтения 1978*. Москва: Наука, 1981; И.О. Шайтанов. *Шекспир*. Москва: Молодая гвардия, 2013.

² Б.М. Эйхенбаум. *К истории «Гамлета» в России*. [В:] *Шекспировский сборник 1967*. Москва: Наука, 1968, с. 70.

³ Особо о шекспировской театрализации см.: В. Пимонов. *Шекспир. Поэтика театральности*. Москва: ГИТР, 2006.

⁴ Б.М. Эйхенбаум. «Герой нашего времени». [В:] Б.М. Эйхенбаум. *О прозе. О поэзии*. Ленинград: Художественная литература, 1986, с. 269–338. Тем самым Лермонтов констатирует некие

Афористичнее всего идея мира как театра выражена в знаменитом монологе Жака из шекспировской комедии *Как вам это понравится*:

Весь мир – театр.
 В нем женщины, мужчины – все актеры
 У них свои есть выходы, уходы,
 И каждый не одну играет роль.
 Семь действий в пьесе той.

(Т. 5, с. 47)⁵

Следующая далее у Жака театрализованная история смены семи различных социально-экзистенциальных возрастных состояний человека напоминает образ-представление человека в загадке Сфинги, излагаемой софокловскому Эдипу. Напрашивается параллель между *Как вам это понравится* и *Царем Эдипом* Софокла: в обеих пьесах – изгнание властителя и передача правления другому лицу. Если Эдипа судьба побеждает, заставляя его в итоге отречься от власти и ослепить себя, то шекспировские герои в самих себе несут свою судьбу (что отмечено еще Гегелем). Впрочем, уже жанровые номинации рассматриваемых пьес (комедия у Шекспира и трагедия у Софокла) обязывают их к соответствующей топике и выводам⁶.

Сцены маскарада у Шекспира занимают немаловажное место, например, в *Бесплодных усилиях любви*, *Ромео и Джульетте*, *Генрихе VIII*. У Шекспира маскарад – момент экзистенциального испытания, в зависимости от результата которого в жизни персонажей могут произойти перемены в ту или иную сторону.

В комедии *Бесплодные усилия любви* маскарадность – ведущий мотив. Король Наварры Фердинанд вместе со своими приближенными декларируют создание некоей философской академии (по античному образцу) и дают обет три года избегать женщин. Вскоре наваррский двор посещает французская принцесса с придворными дамами. Узнав об обете, все прибывшие дамы (во главе с принцессой) для общения с королем и его свитой надевают маски, что несет несколько значений:

- 1) отказ дам предстать в истинном свете,
- 2) розыгрыш дамами короля и его свиты,
- 3) испытание дамами короля и его свиты.

«преодоления» природы, причем «преодоления» не всегда с отрицательным знаком.

⁵ Произведения Шекспира цит. по изданию: В. Шекспир. *Полное собрание сочинений*. В 8 т. Москва, 1957–1960. Ссылка дается в основном тексте в круглых скобках с указанием тома и страницы.

⁶ У.Х. Оден проводит небезосновательные (хотя требующие дальнейшей дешифровки) параллели между шекспировской «теорией» семи возрастов и «теорией» пяти веков человеческого рода (от «золотого» века к последующему падению), излагаемой в *Трудах и днях* Гесиода – У.Х. Оден. *Лекции о Шекспире*. Пер. М. Дадяна. Москва: Издательство О. Морозовой, 2008, с. 248–249.

Наваррский король и его приближенные постепенно сдают свои позиции, отказываясь от принятого ими обета. Именно поэтому далее, с развитием интриги, уже король и его свита надевают маски:

Бойе
 Ну да. Наряжены король и свита
 Как русские, иначе московиты.
 Их цель – шутить, ухаживать, плясать,
 По собственным подаркам опознать
 Своих избранниц, несмотря на маски,
 И смелостью завоевать их ласки.
 (Т. 2, с. 476)

Ответ Принцессы свидетельствует о прихотливой игре различных маскарадныхостей в пьесе, о столкновении одного типа маскарадности с другим:

Кто верх возьмет – еще мы поглядим!
 Сударыня, мы в масках выйдем к ним,
 Но вопреки мольбам и просьбам их
 Пред ними не откроем лиц своих.
 (Т. 2, с. 476)

И далее:

Да, таково намеренье мое.
 Кто с роли сбился, не войдет в нее.
 Вот это шутка: шутку подхватить
 И ею шутников перешутить!
 (Т. 2, с. 477)

Если наваррский король и его свита в роли ряженных намерены привести к раскрытию тайного, то для французской Принцессы и приближенных к ней дам маски – средство обмануть, запутать, «осмеять» (т. 2, с. 477), т.е. выступить отчасти в шутовской роли (а та никогда у Шекспира не низка).

Значение маски в качестве утаивания вложено в слова Принцессы о двух альтернативах для околпаченных наваррцев:

Клянусь, теперь им всем один конец:
 Повеситься иль век ходить под маской.
 (Т. 2, с. 484)

Кроме того, «век ходить под маской» означает также консервацию состояния неизвестности и состояния лишь постоянного доказывания своей позиции наваррцами.

В монологе Бойе (представляющего свиту Принцессы) о Принцессе и ее придворных дамах манифестирован смысл маски как средства утаивания «живого», непосредственного:

С цветком в бутоне дамы в масках схожи.
 Явив без масок розовые лица,
 Они должны, как розы, распуститься.
 (Т. 2, с. 485).

Итак, распустившаяся роза предварительно должна иметь статус «бутона», т.е. маска все же подготавливает раскрытие истинной, полной сущности. «Утаивание» истины маской («бутоном») оказывается тут сугубо временным, неизбежно венчающимся победой открытости, свершения.

Столкновение и борьба различных маскарадностей в «Бесплодных усилиях любви» приводит к тому, что маскарадность французских дам побеждает, дамы добиваются от короля и его свиты выражения любовных признаний, но дамы же, в виде назначения испытания или даже в виде мести, на год отсрочивают полноценное общение с наваррцами. В результате пьеса приобретает одновременно черты комедии и трагедии⁷.

В трагедии *Ромео и Джульетта* Ромео знакомится со своей будущей супругой на маскараде. Появлению там героя предшествует эпизод его серьезных сомнений в необходимости посещения:

Как знать? На этот маскарад умно ль
Идти нам?

(Т. 3, с. 29)

Принципиальные сомнения Ромео охватывают всю перспективу его жизни:

Боюсь, что слишком рано мы придем.
редчувствует душа, что волей звезд
Началом несказанных бедствий будет
очное это празднество. Оно
Конец ускорит ненавистной жизни,
то теплится в груди моей. Послав
Мне страшную, безвременную смерть.

(Т. 3, с. 31)

Тем не менее, несмотря на ожидания «несказанных бедствий», предчувствие даже «страшной» смерти, Ромео восклицает:

Но тот, кто держит руль моей судьбы,
Пускай направит парус мой.

(Т. 3, с. 31)

Восклицание можно понять и в аспекте покорности героя судьбе, но и в аспекте противоположном – выражения надежды на «правильного» кормщика, делающего все должно. Во время самого маскарада Ромео опознается Тибальтом, соглашающемся с просьбой Капулетти унять гнев против врага их семейства. Однако Тибальт, в унисон с мрачными предощущениями Ромео, заявляет:

Пускай уйду я, но его (Ромео – С.Ш.) приход
Ему не радость – горе принесет.

(Т. 3, с. 35)

⁷ Последний момент акцентирован в финале постановки *Бесплодных усилий любви* режиссером Л. Додиним в Малом Драматическом театре (С.-Петербург).

Дальнейший ход действия трагедии показывает правоту предвзвешений и Ромео, и Тибальта. Полнота и неслыханная (истинно ренессансная⁸) гармония союза Ромео и Джульетты не закрывает горького смысла сбывшихся в итоге предощущений Ромео о «несказанных бедствиях» и «страшной» смерти. Одно (гармония) существует на фоне другого (печальной развязки), и каждый элемент этой семантической оппозиции получает свое значение именно в противопоставлении, вплоть до сплетения и нерасторжимости состояний и смыслов.

Наполнение мотива (символа) маскарада в драме Лермонтова во многом напоминает содержание аналогичного мотива (символа) в *Ромео и Джульетте*. Лермонтовский маскарад становится уже не завязкой (как в шекспировской трагедии), а ареной катастрофы, приводя к физической гибели – Нину и к духовной гибели – Арбенина.

С другой стороны, смыслы любви, жизни и смерти у Лермонтова не обнаруживают той склонности к сочетанию в них разнонаправленных и многонасыщенных символов, что шекспировские. Поэтому в финале лермонтовской драмы вместе с безумием и деструкцией всего «образа веры» (точнее, «образа безверия») Арбенина рушится и весь его внутренний мир, лишь проекцией которого выступал весь окружавший его мир.

Развитие «характера» и вообще всех составляющих художественной реальности в переходе от античности к Ренессансу и далее (пропускаем, в бахтинском ключе, опосредующие звенья) к романтизму заключалось в смене внешних мотивировок – почти сугубо внутренними⁹. Арбенин – практически весь в своей внутренней жизни, сложной, безмерной, недоступной обыденному восприятию.

Переключки между *Маскарадом* и шекспировской трагикомедией *Зимняя сказка* – не только в родственности мотивов театральности, но сейчас мы остановимся только на них. В *Зимней сказке* символика жизни-театра – в частности, в словах Леонта:

Играй, мой сын, – и мать твоя играет,
И я играю, но такую роль
Которая сведет меня в могилу.
Свистки мне будут звоном погребальным.
Играй, играй! Иль твой отец рогат,
Иль дьявол сам его толкает в пропасть.

(Т. 8, с. 16)

В цитате Леонт начинает с одного из значений игры – «детского развлечения». Затем он переходит к обличению мнимо виновной жены в качестве якобы играюще-притворяющейся (здесь значение игры – фальшь, негативность) и, наконец, завершает высказывание идеей собственной игры в мировом театре

⁸ См.: Н.Я. Берковский. *«Ромео и Джульетта», трагедия Шекспира*. [В:] Н.Я. Берковский. *Лекции и статьи по зарубежной литературе*. Санкт-Петербург: Азбука-классика, 2002, с. 317–351.

⁹ А.В. Михайлов. *Из истории характера*. [В:] А.В. Михайлов. *Языки культуры*. Москва: Языки русской культуры, 1997, с. 176–210.

в виде исполнения им определенной – не лучшей, согласно Леонту, – роли. В последнем случае – сочетание момента обреченности обстоятельствам с моментом борения с ними (т.е. синтез «нейтральности» и «негативности» театральности).

Развивая кружение и разветвление идеи игры, слов-образов «роль» / «театр» вплоть до взаимоперехода различных коннотаций, Леонт решает взбунтоваться против такого уклада. Тем самым им намечена попытка выхода за пределы его якобы плачевной роли – к роли (ролям) иной (иным).

Далее в *Зимней сказке* топика театральности развивается в монологе Утраты. Перед эпизодом переодевания Утраты ради придания ее облику пока только чисто наглядной видимости ее высокого происхождения (но внутренние ее достоинства сами собой подтверждают ее происхождение), Утрата, еще не знающая о том, что она королевская дочь, слышит от Камилло программные для развития сюжетной ситуации слова:

Прекрасная счастливица, пусть небо
Исполнит то, что вам я предсказал.
Подите за кусты, переоденьтесь.
(Т. 8, с. 91)

Утрата отвечает репликой, исполненной философского пафоса (что переключается с процитированными выше словами Леонта):

Играть, я вижу, надо как на сцене.
(Т. 8, с. 92)

Здесь речь идет о ее вхождении в ее истинную роль в мировом театре, об обретении ею ее истинного лика. Приближение к великой бездонной идее театральности мироздания (включая надземный космос) означает приближение к нахождению своего настоящего лица, своего «единственного места в бытии» (Бахтин).

Ближе к финалу *Зимней сказки* Первый дворянин, услышав историю злключения и итоговой истинной победы Утраты и Леонта, многозначительно восклицает:

Да, величие этой сцены было достойно царственных актеров.
(Т. 8, с. 110)

Тем самым в мотив театральности вносится еще акцент «царственности» как подлинного значения всякой игры – «царственность» идет от возвышенного представления об искусстве вообще, от уравнивания художника и властителя в единстве жреческо-профетическо-метафизической соположенности. С другой стороны, «царственность» несет значение театральности в том аспекте, что она – атрибут высокой роли (да и всякой роли, поскольку она роль) в театре мироздания.

В шекспировском *Короле Иоанне* через театральный «код» описано военное сражение между Англией и Францией, над которым «потешаются» короли:

Ей-Богу, нагло же они смеются
Над вами, короли, спокойно глядя

Из-за бойниц могучих на театр,
 Где страшное дается представлень!
 (Т. 3, с. 336)

Упомянутое в цитате «представление» дается для королей, они выступают как его «высокие зрители», отстраненные, но тем самым и вознесенные над ним, почти как боги¹⁰.

В шекспировском *Генрихе VIII* король, явившись в маске на пир кардинала Вулси, встречает там свою будущую жену Анну Болейн, ставшую затем матерью последующей королевы Елизаветы. Во многом ради восславления Елизаветы и создана вся пьеса (что нисколько не умаляет ее высоких художественных достоинств)¹¹.

Для Лермонтова, в отличие от Шекспира, театральность выступает частным моментом маскарадности, а не наоборот (у Лермонтова именно маскарадность – определяющая). Маскарад для Лермонтова – прежде всего апофеоз лицемерия. Даже допускаемые маской элементы вневенциональной «искренности» вплетены у Лермонтова в общую интерсубъективную ткань мрачного розыгрыша, т.е. служат в конечном счете негативным целям.

В начальных монологах Арбенина сразу звучит зловещая трактовка маскарадности, что предвещает мрачное развитие сюжета драмы:

Пусть говорят, а нам какое дело?
 Под маской все чины равны,
 У маски ни души, ни званья нет, — есть тело.
 И если маскою черты утаены,
 То маску с чувств снимают смело.
 (с. 288)¹²

В драме Лермонтова фигурируют не люди в масках, а именно «маски», словно те сами по себе, т.е. нечто заведомо овеществленное и подставное. Отсутствие у маски души делает ее своего рода безжизненным «трупом». Снятие маски с выражения индивидом чувств (искренних или притворных) противопоставлено сокрытию маской черт, отсюда фиксация автором произвольности, вынужденности, случайности даже, казалось бы, «искренних» эмоций.

Появившись на маскараде, Арбенин восклицает:

Напрасно я ищю повсюду развлечения,
 Пестреет и жужжит толпа передо мной...

¹⁰ Скорее всего, цитата оказала воздействие на строки стихотворения Ф.И. Тютчева *Циркон* о «высоких зрелищ зрителе», допущенном в «совет» «небожителеев», а также влияние на мотив зрелища в цикле А.А. Ахматовой *Северные элегии* (и в других ее аналогичных текстах и пассажах).

¹¹ Подробнее см.: С.А. Шульц. «Маскарад» Лермонтова и «Генрих VIII» Шекспира (жанрово-мотивный аспект). [В:] *Лермонтовские чтения 2016*. Санкт-Петербург, 2017, с. 93–103 (в печати).

¹² М.Ю. Лермонтов. *Сочинения. В 6 т. Т. 5*. Москва – Ленинград: Издательство АН СССР, 1956. Далее при цитировании в основном тексте в скобках указана страница данного издания.

Но сердце холодно, и спит воображенье:
 Они все чужды мне, и я им всем чужой!
 (Князь подходит, зевая.)
 Вот нынешнее поколение.
 И то ль я был в его лета, как погляжу.
 (с. 289)

Так интерсубъективность оказывается мнимой: протагонист и маски полностью чужды друг другу, а встреча Арбенина с князем Звездичем становится поводом для снижения облика всего «нынешнего поколения» целиком. Одновременно из арбенинского монолога мы узнаем, что он, следовательно, уже не молод и многое уже испытал, пережил, выносил в своем сознании.

Одна из масок благодаря своей сокрытости и анонимности получает возможность сказать Звездичу все, что думает о нем:

Ты! бесхарактерный, безнравственный, безбожный,
 Самолюбивый, злой, но слабый человек;
 В тебе одном весь отразился век,
 Век нынешний, блестящий, но ничтожный.
 Наполнить хочешь жизнь, а бегаешь страстей.
 Всё хочешь ты иметь, а жертвовать не знаешь;
 Людей без гордости и сердца презираешь,
 А сам игрушка тех людей.
 (с. 292)

Через последнюю фразу – «игрушка тех людей» – проводится программный для Лермонтова мотив тотальной зловещей игры «света», где один человек (или группа людей) «играет» другим (другими), чего тот другой в своем самодовольном неведении даже не замечает – но он и сам способен «играть» другими по отношению к нему индивидами. Тут заметно созвучие мысли позднего Платона о том, что человек – игрушка в руках Бога. Лермонтов в *Маскараде* вместе со своим протагонистом так и воспринимает Абсолют, богоборчески полемизируя с ним (непосредственно вслед за Байроном).

Что сказала Арбенину другая маска, в тексте отсутствует, однако нам известно о реакции протагониста:

Арбенин
 Вы мне вещей наговорили
 Таких, сударь, которых честь
 Не позволяет перенести...
 Вы знаете ль, кто я?...
Маска
 Я знаю, кто вы были.
 (с. 294)

Последние слова вновь обращают к прошлому протагониста, сразу представляющемуся читателю/зрителю интригующим, очень непростым.

Далее в монологе Казарина через метафору карт идея игры как экзистенциального розыгрыша формулируется уже прямо, причем в противостоянии с рационалистической философией Декарта и Вольтера:

Что ни толкуй Волтер или Декарт –
 Мир для меня – колода карт,
 Жизнь – банк; рок мечет, я играю,
 И правила игры я к людям применяю.
 (с. 339)

Вольтер резко выступал против христианской идеи Предопределения – а у Казарина фигурирует рок, т.е. также противохристианская трактовка телеологии, ее переворачивание. После упоминания Казариным «мечущего» «рока» (некоей зловещей и анонимно-дьявольской случайности) следует «я играю», т.е. констатируется вступление в сферу деятельных начал исторического бытия и жизненного мира уже самого Казарина. Тем самым Казарин, в итоге, мыслит себя движителем различных событий – в коллаборации с «роком». Поэтому трудно согласиться с М. Ю. Карушевой в том, что это Арбенин «чувствует себя его (рока – С.Ш.) орудием»¹³. Казня Нину, Арбенин скорее противопоставляет себя року в целом и «роковым женщинам», в частности (так он после поклепа воспринимает невинную жену).

Трагуня посвящение Лермонтова к трагедии *Menschen und Leidenschaften* (1830), К. Э. Штайн и Д. И. Петренко замечают: «Понимание «среды», «света» как «толпы презренной» приобретает здесь еще и значение «враждующей судьбы», некоего рока, связанного со злом, которое трудно переломить, перебороть»¹⁴. Сказанное полностью верно также по отношению к *Маскараду*.

Карточная игра, становясь у Лермонтова эпифеноменом все той же всегда одинаковой (в дурном значении равной себе), всегда лживой маскарадности, вбирает в себя моменты рока, распространяя их на самое маскарадность. Месть некогда обманутого Арбениным игрока, из-за последствий которой протагонист убивает невинную Нину, а затем сходит с ума, – лишь штрих общей, глобальной карточно-маскарадной реализации рока. В этом «лишь» для обезумевшего в финале Арбенина и состоит весь ужас его состояния: он оказывается всего только «лишь», одним из многих, вообще из всех.

Рок у Лермонтова, с одной стороны, имманентен светской маскарадности-лжи (что констатировал Казарин). С другой, он послан свыше, что выражено автором в том числе через символично-аллегорический образ Неизвестного, отсутствующего в списке действующих лиц.

По замечанию А. М. Докусова, Неизвестный – «Персонаж, наделенный конкретной биографией, мотивирующей и его присутствие в пьесе, и мстительное озлобление против Арбенина, он в то же время – как бы своеобразный символ «света», его враждебности герою»¹⁵. Однако биография Неизвестного вовсе не

¹³ М.Ю. Карушева. *К идее рока в драме Лермонтова «Маскарад»*. «Русская литература» 1989, № 3, с. 165.

¹⁴ К.Э. Штайн, Д.И. Петренко. *Метапоэтика Лермонтова*. Ставрополь: СГУ, 2009, с. 483.

¹⁵ А.М. Докусов. *Маскарад*. [В:] *Лермонтовская энциклопедия*. Москва: Советская энцикло-

конкретна (сведена к одному из эпизодов его прошлого), а символика образа Неизвестного в целом шире «света», образ выводит в сферу «рока» с его бесчеловечно-прихотливой игрой чужими судьбами.

Поскольку Арбенину ничего, кроме «света», неизвестно, то облик «света» глобализируется до облика целой жизни (насколько та доступна восприятию и пониманию протагониста).

Ю. В. Манн считает, что «образы «маскарада» и «бала», с одной стороны, и «игры», – с другой, несут в себе в себе контрастные значения и <...> этот контраст определяет весь строй драмы»¹⁶. Едва ли это так. Образы маскарада, игры, бала изоморфны друг другу, развивая ветвящиеся и родственные семантические значения. Уже поэтому нельзя согласиться с У. Р. Фохтом в том, что якобы «*Маскарад* построен на противопоставлении сильной личности героя окружающей его бездушной и корыстной среде»¹⁷: ведь Арбенин – сам игрок, он сам тесно связан со «светом» (обманув некогда Неизвестного), – и «свету» же, однако, протагонист пытается себя противопоставить в своей «идее».

Для Ю.В. Манна лермонтовский «маскарад – образ самой светской конвенциональности, разрешаемой этикетом неправильности, включая и такую “неправильность”, как искреннее чувство»¹⁸.

Однако «неправильности» маскарада происходят у Лермонтова не благодаря, а вопреки конкретному маскарадному действию. Так, в частности, изображение гибели искренней Нины полемично по отношению к мнимой (отчасти, редуцированно «карнавальной») смерти не менее искренней Гермiony в *Зимней сказке* Шекспира.

Более прав А.Н. Зорин, отметивший, что Лермонтов выдвинул на первый план идею театральности мира как некоей «игры»¹⁹, добавим – игры зловецей, страшной.

Лермонтовский маскарад – «театр в театре», т.е. он подразумевает удвоение театральности: на изначальный «спектакль» мира накладывается еще и другой спектакль, маскарадный. Претекстом здесь выступает шекспировский *Гамлет* с его эпизодом «мышеловки», когда король-убийца смотрит на сцене спектакль, воспроизводящий события, аналогичные составу его преступления. Но не надо забывать и о третьем измерении мотива театральности в *Гамлете* и *Маскараде*, заключающемся в том, что сами эти произведения предназначены для постановки на сцене²⁰.

педия, 1981, с. 273.

¹⁶ Ю.В. Манн. *Динамика русского романтизма*. Москва: Аспект-пресс, 1995, с. 290.

¹⁷ У.Р. Фохт. *Лермонтов. Логика творчества*. Москва: Наука, 1975, с.124.

¹⁸ Ю.В. Манн. *Динамика русского романтизма...*, с. 292.

¹⁹ А.Н. Зорин. *Поэтика ремарки в русской драматургии XVIII – XIX веков*. Саратов: СГУ, 2008, с. 140.

²⁰ О взаимосвязях ряда произведений Лермонтова и *Гамлета* см. также: Е. Rowe. *Hamlet. A Window on Russia*. New York: New York University Press, 1976; Лотман Ю.М. *Лермонтов. Две реминисценции из «Гамлета»*. [В:] Ю.М. Лотман. *О поэтах и поэзии*. Санкт-Петербург: Искусство, 2001, с. 543–545.

«Шекспировские» мотивы театральности – будучи поданы в отрицательном плане – звучат в репликах Арбенина, неправильно истолковывающего призна- ния баронессы Штраль:

Вы их (Звездича и Нину – С.Ш.) свели... учили их... давно ли
Взялись вы за такие роли?

(с. 349)

В данном случае имеется в виду «роль» сводни. «Роль» тут несет характер еще и «предопределенности» в том значении, что Арбенин уверяется в движе- нии маскарадной телеологии (т.е., для него, целой всемирной истории) к худше- му; сбываются константные предчувствия Арбенина. Множественное число рассматриваемой сугубо «театральной» категории («роли») свидетельствует о графаретности, пошлой избитости амплуа сводни.

Немногим далее Звездич говорит испуганной баронессе:

Ваш страх напрасен!..
Арбенин в свете жил, – и слишком он умен,
Чтобы решиться на огласку;
И сделать, наконец, без цели и нужды,
В пустой комедии – кровавую развязку.

(с. 353)

Называя свою мнимую интрижку с Ниной «пустой комедией», Звездич вы- казывает тем самым неглубокий антиметафизический пафос. «Светскость», она же «театральность» / «маскарадность», для Звездича, в отличие от Арбенина или Казарина, – синоним лишь посясторонней, сугубо земной профанации.

С другой стороны, Арбенин, разбивая планы Звездича, привносит именно «кровавую развязку» в развитие действия. Для Арбенина всё-всё произошед- шее – не «пустая комедия». Лермонтов плюралистически констатирует потен- циальную множественность точек зрения (и «ролей») в историческом и жиз- ненном мире, хотя, конечно, не все они для автора равноправны и равноценны.

Итак, Лермонтов на романтическом этапе литературного развития продол- жает и трансформирует ренессансные открытия Шекспира. При этом позитив- ное преломление театральности Лермонтовым в целом отвергается. Оно дано в превращенном измерении – как героическое, стоическое претерпевание инди- видом почти всегда страдательной «роли», и в таком вот «претерпевании» – ее неотъемлемая и всегда очевидная для Лермонтова высота.

Литература

- Берковский Н.Я. *«Ромео и Джульетта», трагедия Шекспира*. [В:] Берковский Н.Я. *Лекции и статьи по зарубежной литературе*. Санкт-Петербург: Азбука-классика, 2002, с. 317–351.
- Докусов А.М. *Маскарад*. [В:] *Лермонтовская энциклопедия*. Москва: Советская энциклопедия, 1981, с. 273.
- Зорин А.Н. *Поэтика ремарки в русской драматургии XVIII–XIX веков*. Саратов: СГУ, 2008.
- Карушева М.Ю. *К идее рока в драме Лермонтова «Маскарад»*. «Русская литература» 1989, № 3.

- Киасашвили Н. *Скрытая метафора «мир – сцена» как структурный элемент «Гамлета»*. [В:] *Шекспировские чтения 1978*. Москва: Наука, 1981.
- Лермонтов М.Ю. *Сочинения. В 6 т. Т. 5*. Москва – Ленинград: Издательство АН СССР, 1956.
- Лотман Ю.М. *Лермонтов. Две реминисценции из «Гамлета»*. [В:] Лотман Ю.М. *О поэтах и поэзии*. Санкт-Петербург: Искусство, 2001, с. 543–545.
- Манн Ю.В. *Динамика русского романтизма*. Москва: Аспект-пресс, 1995.
- Михайлов А.В. *Из истории характера*. [В:] Михайлов А.В. *Языки культуры*. Москва: Языки русской культуры, 1997, с. 176–210.
- Оден У.Х. *Лекции о Шекспире*. Пер. М. Дадына. Москва: Издательство О. Морозовой, 2008.
- Пимонов В. *Шекспир. Поэтика театральности*. Москва: ГИТР, 2006.
- Фохт У.Р. *Лермонтов. Логика творчества*. Москва: Наука, 1975.
- Шайтанов И.О. *Шекспир*. Москва: Молодая гвардия, 2013.
- Шекспир В. *Полное собрание сочинений. В 8 т.* Москва, 1957–1960.
- Штайн К.Э., Петренко Д.И. *Метапоэтика Лермонтова*. Ставрополь: СГУ, 2009.
- Шульц С.А. «Маскарад» Лермонтова и «Генрих VIII» Шекспира (жанрово-мотивный аспект). [В:] *Лермонтовские чтения 2016*. Санкт-Петербург, 2017, с. 93–103 (в печати).
- Эйхенбаум Б.М. *К истории «Гамлета» в России*. [В:] *Шекспировский сборник 1967*. Москва: Наука, 1968.
- Эйхенбаум Б.М. «Герой нашего времени». [В:] Эйхенбаум Б.М. *О прозе. О поэзии*. Ленинград: Художественная литература, 1986, с. 269–338.
- Rowe E. *Hamlet. A Window on Russia*. New York: New York University Press, 1976.

FILOLOGIA ŚLEDCZA
СЛЕДСТВЕННАЯ ФИЛОЛОГИЯ
INVESTIGATIVE PHILOLOGY

Z FILOLOGII ŚLEDCZEJ. PRACA AGENTURALNA STALINOWSKICH SŁUŻB SPECJALNYCH ZA GRANICĄ NA PRZYKŁADZIE SPRAWY O ZABÓJSTWO IGNACEGO REISSA

GRZEGORZ OJCEWICZ

Prof. em. Wyższej Szkoły Policji w Szczytnie, Polska
e-mail: gojcew@poczta.onet.pl
(nadesłano 21.06.2017; zaakceptowano 5.07.2017)

Abstract

From Investigative Philology. Agency activity of Stalin's intelligence service as illustrated by the Ignace Reiss' assassination case

In order to illustrate the agency activity of Stalin's intelligence service abroad in the 1940s I have selected a notorious case of the assassination of a prominent Soviet spy, Ignace Reiss, which took place on 4 September 1937 near Lausanne. I have set three main research objectives: 1. to verify the current state of knowledge on the assassination of Ignace Reiss; 2. to establish the possible involvement of Sergei Efron in the assassination; 3. to evaluate to what extent the fate of Sergei Efron in relation to the assassination of Ignace Reiss influenced the lives of his own family members (Marina Tsvetaeva, Ariadna Efron and Georgy Efron) and his immediate agency circle. As for today, there are strong grounds to state that Sergei Efron was not directly involved in Reiss' killing – presumably, he did not shoot him. Following the unmasking of the espionage network in Paris led by Efron, his family and Efron himself were forced to abandon France in a hurry. Soon after that Efron and his relatives experienced Stalin's repression of the Great Terror. Efron was executed by the NKVD, Marina Tsvetayeva committed suicide, Ariadna Efron was placed in prison for many years and Georgy Efron, 19 years old at the time died in Belarus in August 1944, merely two months after having fought at the front in the Second World War.

Key words

The first wave of Russian emigration, Soviet agency, Ignace Reiss, Lausanne assassination, the death of a Soviet spy.

Резюме

Из следственной филологии. Агентурная работа сталинских спецслужб за границей на примере дела об убийстве Игнатия Рейсса

Чтобы проиллюстрировать агентурную работу сталинских спецслужб за границей в 40-е гг. XX в., я выбрал громкое дело об убийстве выдающегося советского шпиона, Игнатия Рейсса, которое совершилось 4 сентября 1937 года под Лозанной. Перед собой я поставил три главные исследовательские цели: 1. проверить новейший уровень знаний об убийстве Игнатия Рейсса; 2. определить потенциальную роль Сергея Эфрона в данном убийстве; 3. оценить, как судьба самого Сергея Эфрона в связи с коварной смертью Игнатия Рейсса повлияла на жизнь его собственной семьи (Марины Цветаевой, Ариадны Эфрон и Георгия Эфрона) и ближайшего агентурного окружения. На сегодняшний день мы имеем больше аргументов, свидетельствующих о том, что Сергей Эфрон не принимал непосредственного участия в убийстве Рейсса, т.е. он в него не стрелял. Вследствие деконспирации шпионской сети в Париже, которой он руководил, сам Эфрон и его семья были принуждены покинуть Францию. Эфрон и члены его семьи вскоре были подвержены сталинским репрессиям в рамках великого террора. Эфрон был расстрелян НКВД, Марина Цветаева наложила на себя руки, Ариадна Эфрон попала на долгие годы в лагерь, а 19-летний Георгий Эфрон погиб на Беларуси в августе 1944 года, уже через два месяца с момента пребывания на фронте II мировой войны.

Ключевые слова

Русская эмиграция первой волны, советская агентура, Игнатий Рейсс, убийство под Лозанной, смерть советского шпиона.

Wstęp

Szpiegostwo jest stare jak świat. Można nawet powiedzieć, uwzględniając historię Adama i Ewy oraz Węża, że ma ono biblijne źródła. Działalność szpiegów przechodziła przez tysiąclecia określoną ewolucję, by z działań na ogół amatorskich i doraźnych przemienić się w permanentną aktywność wywiadowczą w ramach rozbudowanych oficjalnych instytucji państwowych, penetrujących własny kraj i obce państwa głównie w celach politycznych oraz militarnych. Dlatego nie może dziwić fakt, że wraz z pierwszą falą emigrantów rosyjskich na obczyźnie znaleźli się ludzie, którzy świadomo-

mie podejmowali płatną współpracę z organami NKWD i bezwzględnie wykonywali wszelkie polecenia, jakie otrzymywali z Moskwy, łącznie z organizacją zamachów na życie wytypowanych przez Iosifa Stalina (1878–1953) osób, dokonywania perfidnych zabójstw, likwidowania członków rodzin agentów. Nagrodą za pomyślnie wykonane zadanie były najczęściej środki finansowe i wysokie odznaczenia państwowe, co w warunkach emigracyjnego niedostatku czy wręcz biedy okazywało się dostatecznie ważne¹. Nie może również dziwić fakt, że „W okresie stalinowskim radziecki wywiad służył partii, a ściślej, jej Komitetowi Centralnemu, a jeszcze ściślej – Stalinowi, którego wolę, którego rozkazy, a niekiedy i kaprysy wypełniał bezwarunkowo. Jednym z takich kaprysów była patologiczna nienawiść do Lwa Trockiego i także samo pragnienie jego zlikwidowania oraz jego zwolenników. Do wykonania tego zadania rzucono najlepsze siły wywiadu i, jak się to mówi, z wielkim zaangażowaniem, godnym lepszej sprawy, wykonywały one wskazane zadanie”².

Środowisko rosyjskich emigrantów pierwszej fali nie było jednorodne. Znajdowali się w nim zwolennicy dawnej monarchii, nastawieni przeciwko ZSRR, jak też osoby o prosowieckiej i prostalinowskiej orientacji. Idee rewanzu za krach caratu i marzenia o zbrojnej interwencji obcych mocarstw na Kraj Rad były równoważone przez pragnienia powrotu do ojczyzny. To oczywiście, że w myśl zasady „dziel i panuj” Kreml starał się wykorzystać do swoich celów politycznych i propagandowych to swoiste rozchwianie postaw, nastrojów i oczekiwań wśród byłych obywateli Imperium Rosyjskiego. Dlatego Stalin angażował aparat szpiegowski za granicą, by osłabiać jedność wśród emigrantów rosyjskich i zapewnić sobie stały dopływ informacji o tym, co się dzieje w innych krajach. Dlatego też agenci NKWD przedostawali się do organizacji emigracyjnych, związków, towarzystw, łóz masońskich, penetrowali wszystkie środowiska, zajmowali się porwaniami liderów tzw. białego ruchu na obczyźnie, wykonywali pozasądowe wyroki śmierci na osobach, które jawnie występowały przeciwko radzieckiemu systemowi totalitarnemu³. W styczniu 1930 roku tzw. grupa Jaszy, czyli agenta OGPU⁴ Jakowa Sieriebranskiego (1891–1956) porwała w Paryżu generała Aleksandra Kutiełowa (1882 – po 26 I 1930), a przy pomocy agenta NKWD⁵, białego generała Nikołaja Skoblina (1893–1939)⁶, również w stolicy Francji, dokonano 22 września 1937

¹ Na przykład mieszkająca w Paryżu matka Władimira Prawdina, domniemanego zabójcy Ignacego Reissa, otrzymała z Moskwy już po zamordowaniu Reissa czek na dziesięć tysięcy franków, który miała jej przekazać Wiera Guczkowa-Traill. Zob. np.: *Великие операции спецслужб. Между первой и второй мировыми войнами. Конфеты из Лозанны*. [Online:] <<http://greatoperation.narod.ru/3/konfroz.htm>> (dostęp: 6.06.2017) oraz <https://www.e-reading.club/chapter.php/39551/54/Mlechinn_-_Sluzhba_vneshnei_razvedki.html> (dostęp: 11.06.2017).

² *Великие операции спецслужб...*

³ Zob. np.: *Тени замка Арсин*. [Online:] <<http://www.travel-journal.ru/phenomenons/2/576/>> (dostęp: 6.06.2017).

⁴ OGPU / ОГПУ (= Объединённое государственное политическое управление / Zjednoczony Państwowy Zarząd Polityczny) – organ działający od 2 XI 1923 do 10 VII 1934.

⁵ NKWD / НКВД (= Народный комиссариат внутренних дел / Ludowy Komisariat Spraw Wewnętrznych) – organ działający od kwietnia 1934 do marca 1946.

⁶ Sam Skoblin zginał najprawdopodobniej w zamachu na jego życie, zorganizowanym przez inną komórkę operacyjną NKWD.

roku porwania innego generała, Jewgienija Millera (1867–1939), będącego przywódcą wojskowej antykomunistycznej emigracji rosyjskiej na Zachodzie i stojącego na czele „Związku Ogólnowojskowego”⁷. Z pewnością także zabójstwo Lwa Trockiego (1879–1940), człowieka, który miał odwagę zachowania niezależnych poglądów na rewolucję październikową i dalsze, poleninowskie, losy Rosji, mieści się w ramach tych samych likwidatorskich planów Stalina.

Z inicjatywy Moskwy w emigracyjnym Paryżu działała na przykład organizacja pod nazwą „Związek Powrotu do Ojczyzny”⁸, którą kierował nie kto inny, jak mąż Mariny Cwietajewej (1892–1941) – Siergiej Efron (1893–1941), były biały oficer, człowiek o wielu talentach i wielu twarzach. Organizacja ta, utrzymywana przez Kreml, była jedynie przykrywką dla pracy agenturalnej: w rzeczy samej Efron (zwłaszcza on) i jego współpracownicy zajmowali się werbowaniem nowych agentów do kolaboracji ze stalinowskim reżimem. Niewątpliwym sukcesem Efrona było pozyskanie do pracy wywiadowczej pisarza i historyka Nikołaja Klepinina (1899–1941)⁹ i jego żony, Antoniny (Niny) Klepininy (z d. Nasonow; 1894–1941)¹⁰.

Przed 17 lipca 1937

Nazwisko Ignacego Reissa pojawiło się przede mną w trakcie lektury artykułu emigrantki rosyjskiej Kseni Kriwoszeiny (1945), znawczyni życia i twórczości św. Matki Marii (Skobcowej; 1891–1945), poświęconego palindromowym związkom między tą prawosławną paryską zakonnica a Mariną Cwietajewą¹¹. Kriwoszeina pisze:

Kusiciel [Aleksiej – G. O.] Tołstoj był ściśle związany z Efronem, który w swoim bolesnym miotaniu się ostatecznie wstąpił na wydział filozoficzny Uniwersytetu Praskiego. Kimże Efron w swoim życiu był! Publicystą, literatem, oficerem Białej Armii, „markowcem” – żołnierzem Siergieja Markowa, „pierwszomarszowcem” – uczestnikiem Pierwszej Kubańskiej Kampanii młodej Armii Ochotników zimą-wiosną 1918 roku, eurazją, **agentem NKWD** i, nie zapominajmy o doprawdy ważnym etapie – aktorem teatru i cyrku. **Niewykluczone, że teatralna gra sceniczna całkiem logicznie wiązała się z jego ostatnią rolą w przygotowaniu zamachu na Ignacego Reissa.** Historia ujawnia, że już w czeskich latach udało się mu zwerbować swoich przyjaciół, małżeństwo Klepininów oraz

⁷ Ros. „Общевоинский союз”. Bogatą listę „wyczynów” tego typu w wykonaniu OGPU i NKWD można znaleźć w książce Piotra Krasnowa. Zob.: П. Краснов. *Ложь*. Париж: Издательство В. П. Сияльского, 1939; <<https://books.google.pl/>> (dostęp: 11.06.2017).

⁸ Ros. „Союз возвращения на родину”.

⁹ Nikołaj Klepinin był starszym bratem ojca Dmitrija Klepinina (1904–1944), prawosławnego kapłana i najbliższego współpracownika św. Matki Marii (Skobcowej, 1891–1945), działającego w paryskiej cerkwi przy ulicy Lourmel 77.

¹⁰ Akcent polski: Antonina (Nina) Klepinina (Nasonowa) urodziła się w Warszawie. Była córką Nikołaja i Jekatieriny Nasonowów. Z pierwszego związku małżeńskiego z Wilhelmem Sezemanem miała dwóch synów: Aleksieja i Dmitrija. Z drugiego – z Nikołajem Klepininem – córkę Sofię. Więcej: [Online:] <<https://www.geni.com/people/Антонина-Клепинина/600000006373302671>> (dostęp: 6.06.2017).

¹¹ К. Кривошеина. *Неэвклидов палиндром имен и судеб, небесных и не очень*. [Online:] <<http://mere-marie.com/life/neeuklidov-palindrom-imen-i-sudeb/>> (dostęp: 22.10.2016); „Новый журнал” 2016, nr 10. [Online:] <http://newreviewinc.com/kseniya_krivosheina/> (dostęp: 18.10.2016).

Konstantina Rodziewiczza (który został kochankiem Mariny Cwietajewej, i, najpewniej, ojcem jej syna, Mura – Georgija). Związki Efrona z Tolstojem były tajne i stałe¹².

Stąd, ze zdania, że „teatralna gra sceniczna całkiem logicznie wiązała się z jego ostatnią rolą w przygotowaniu zamachu na Ignacego Reissa”, popłynął zasadniczy impuls śledczy, za którym pojawiły się trzy główne cele badawcze: 1. sprawdzić, jaki jest najnowszy stan wiedzy o okolicznościach zabójstwa Ignacego Reissa; 2. określić, jaka jest ewentualnie w tym zabójstwie rola Siergieja Efrona – czy tylko organizatora lub współorganizatora, a może jednak także bezpośredniego (współ)wykonawcy wyroku; 3. ocenić, jak losy samego Siergieja Efrona w związku ze skrytobójczą śmiercią Ignacego Reissa wpłynęły na życie jego własnej rodziny (Mariny Cwietajewej, Ariadny Efron i Georgija Efrona) oraz najbliższego agenturalnego otoczenia.

Sprawa zabójstwa Ignacego Reissa jest złożona i wielowątkowa, a do tego bardzo trudna, ponieważ nie ma wolnego dostępu ani do archiwów dawnego KGB, ani tajnych archiwów w Szwajcarii. Wydaje się, że do zrozumienia pewnych istotnych faktów i wydarzeń związanych bezpośrednio z zabójstwem wybitnego agenta służb specjalnych, potrzebna jest na początek uporządkowana wiedza, którą można czerpać przede wszystkim z biografii radzieckiego szpiega¹³.

Ignacy Natan Porecki (alias Natan Porecki, Ignacy Reiss s. Stanisława, Ignatz Reiss, Ignace Poretsky, Hans Eberhardt, Steff Brandt, Walter Scott, Ludwig, Ludwik, Reimond; Игнати́й Рейсс/Рейс/Райс, Натан Порецкий, Людвиг, Людвик, Раймонд) urodził się w noworoczną niedzielę, 1 stycznia 1889 roku, w galicyjskich Podwołoczyskach nad Zbruczem w zaborze austrowęgierskim, w zamożnej żydowskiej rodzinie kupieckiej jako Nathan Porecki, syn Marka. Po ukończeniu szkoły we Lwowie udał się do Wiednia, gdzie studiował i ukończył prawo na tamtejszym uniwersytecie. Wielu przyjaciół z lat jego młodości i pobytu we Lwowie stało się w przyszłości sowieckimi wywiadowcami. W 1919 roku związał się z polskimi komunistami, zostając członkiem Komunistycznej Partii Robotniczej Polski.

W latach I wojny światowej Porecki odwiedził Lipsk, gdzie spotykał się z niemieckimi socjalistami. W 1918 roku powrócił do rodzinnego miasteczka i podjął się pracy na kolei. Starszy brat Poreckiego, z którym razem się uczył we Lwowie, zginął w 1920 roku podczas wojny polsko-bolszewickiej. W tym samym roku Porecki przybył do Moskwy i wstąpił do partii bolszewików. Wkrótce został współpracownikiem Wszechrosyjskiej Komisji Nadzwyczajnej, znanej bardziej jako CzeKa, zajmującej się przede wszystkim walką z kontrrewolucją i sabotażem¹⁴. Tutaj pozostawał wierny tej represyjnej insty-

¹² Tu i dalej, jeśli nie zaznaczono inaczej, wszystkie cytaty podaję we własnym tłumaczeniu. Także wyróżnienia pochodzą ode mnie.

¹³ Najpełniejszą na chwilę obecną wiedzę o życiu i działalności Ignacego Reissa zawiera, jak sądzę, książka napisana przez jego żonę, Jelizawietę Porecką, upamiętniająca nie tylko samego Reissa, lecz także jego przyjaciół. W dziele Poreckiej znajdują się następujące rozdziały odzwierciedlające etapy agenturalnej aktywności Natana Poreckiego: *List, Polska Partia, Lwów, Berlin/Wiedeń, Praga/Amsterdam, Moskwa, Richard Sorge, Europa, Moskwa, Szwajcaria*. Zob. np.: E. K. Poretsky. *Our Own People: A Memoir of "Ignace Reiss" and His Friends*. London: Oxford University Press, 1969.

¹⁴ O tym, jak działa ta represyjna instytucja, napisał na przykład były agent stalinowskich służb specjalnych Georgij Agabekow. Zob.: Г. Агабеков. *Г.П.У. Записки чекуиста (G.P.U. Notatki czekisty,*

tucji, która zmieniała kolejno szyldy z GPU¹⁵, na OGPU i NKWD oraz wywiadowi na rzecz Armii Czerwonej. W Moskwie poznał i ożenił się ze studentką medycyny, Jelizawietą Karłowną, ps. konspiracyjny „Elza”, tak samo zauroczoną ideami Lenina, jak jej mąż, tak samo szczerze oddaną hasłom rewolucji październikowej i marzeniom o internacjonalizmie. Młody Porecki musiał być naprawdę dobrym agentem, skoro sam Lenin nazwał go „profesjonalnym rewolucjonistą”¹⁶.

W latach 1920–1922 Porecki pracował we Lwowie, zajmując się kolportażem nielegalnej literatury. W związku ze swoją działalnością konspiracyjną został aresztowany w 1922 roku i skazany na 5 lat więzienia. Podczas konwojowania udało się mu zbiec i przez Kraków przedostać się do Niemiec. W kolejnych latach, 1922–1927, Reiss pracował głównie w Europie Zachodniej: Berlinie, Wiedniu, Pradze i Amsterdamie. Kontaktował się wtedy z wieloma radzieckimi wywiadowcami działającymi nielegalnie, w tym m.in. z Jakowem Blumkinem (1898–1929), Wasilijem Zarubinem (1894–1972), Sándorem Radó (1899–1981) i Janem Berzinem (1889–1938). W 1927 roku otrzymał zadanie utworzenia siatki szpiegowskiej w Wielkiej Brytanii, co się mu najprawdopodobniej udało, skoro w 1928 roku za osiągnięcia wywiadowcze został odznaczony Orderem Czerwonego Sztandaru. W okresie 1929–1932 Reiss ponownie pracował w Moskwie, oficjalnie podejmując działania w polskiej sekcji Międzynarodówki Komunistycznej. Do Zagranicznego Wydziału Wywiadu Politycznego Głównego Zarządu Bezpieczeństwa Państwowego (INO NKWD)¹⁷ trafił w 1931 roku. Następnie od 1933 roku aż do feralnego lipca 1937 przebywał w Paryżu, będąc rezydentem INO NKWD.

W 1937 roku Jelizawieta Porecka po raz ostatni przyjechała do Moskwy. Tam spotkała się – również po raz ostatni – z zaufanymi towarzyszami Reissa. Ci przekazali przez nią Ludwигowi, który przebywał wówczas w Szwajcarii, ostrzeżenie, by nie wracał do ZSRR i by unikał kontaktów ze swoimi byłymi agentami. Towarzysze Reissa mieli wtedy złożyć swego rodzaju przysięgę: „Ten spośród nas, który przeżyje, kiedyś o nas napisze”¹⁸. Później większość z nich, jak dowiodła historia, została zlikwidowana w ramach stalinowskiego terroru. Tylko cudem uniknąwszy zamachu na swoje życie, Jelizawieta Porecka wywiązała się ze złożonej obietnicy i wykonała zadanie, pisząc wspomnienia¹⁹.

Prawdziwie zaangażowany ideowo Reiss-agent był prawnikiem, człowiekiem kulturalnym, o nienagannych manierach, towarzyskim, łatwo nawiązującym kontakty

Berlin 1930) i Ч.К. за работой (Cz. K. w czasie pracy, Berlin 1931). Książki te przetłumaczono na kilka języków obcych.

¹⁵ GPU / ГПУ (= Государственное политическое управление / Państwowy Zarząd Polityczny) – organ działający od 6 II 1922 do 2 XI 1923.

¹⁶ Л. Клот. *Игнатий Рейсс: загадочная смерть советского шпиона под Лозанной* | *Ignace Reiss, mort d'un espion soviétique à Lausanne*. [Online:] <<http://nashagazeta.ch/news/14121>> (dostęp: 20.05.2017).

¹⁷ Ros. „Иностраннный отдел политической разведки Главного управления государственной безопасности”.

¹⁸ *Военная литература. Мемуары*. [Online:] <http://militera.lib.ru/memo/russian/poretskya_ek/01.html> (dostęp: 5.06.2017).

¹⁹ E. K. Poretsky. *Our Own People...*

z nieznanymi. To cechy wielce pożądane w pracy szpiega i werbownika, który działał głównie w kręgach osób wykształconych – profesorów i dziennikarzy. Miał jednak na sumieniu równie brudne sprawy, jakich sam padł ofiarą, gdy z przekonaniem i ofiarnością brał bezpośredni lub pośredni udział w likwidacji osób wytypowanych przez Kreml. W artykule *Wielkie operacje służb specjalnych. Między pierwszą a drugą wojną światową. Sukiery z Lozanny (Великие операции спецслужб. Между первой и второй мировыми войнами. Конфеты из Лозанны)*²⁰ znajdują katalog przewinień Reissa-agenta. Nie wiadomo, czy jest to pełny spis jego likwidatorskich dokonań, ale nawet to, co zostało ujawnione, już pozwala na wyrobienie sobie negatywnego zdania o ich bohaterze. Tak więc, we wspomnianym tekście mówi się o następujących sprawach z udziałem Reissa:

Nie ma dowodów wprost na to, lecz jest całkiem możliwe, że **Reiss brał bezpośredni lub pośredni udział w zabójstwach zdrajców i osób, które odmówiły powrotu do kraju:** rezydenta w krajach nadbałtyckich – Ignacego Dziewałtowskiego w końcu 1925 roku; byłego współpracownika radzieckiej agentury w Niemczech – Georga Semmelmanna w czerwcu 1931 w Wiedniu; kuriera Hansa Wissangera w maju 1932 w Hamburgu; jednej z głównych osób nielegalnie przebywających w Austrii – Witolda Sturm de Strome w grudniu 1933 w Wiedniu. Znanu mu były także okoliczności zabójstwa byłego rezydenta INO – G. Agabiekowa²¹. Krótko mówiąc, wiedział, czym grozi zdrada ojczyzny i „służby”. Przecież w połowie lat 20. wszyscy wywiadowcy podpisywali specjalne oświadczenie, którego naruszenie przewidywało karę w porządku pozasądowym²².

Dodam do tej listy jeszcze dwie sprawy z udziałem Reissa. Chodzi o głośne wydarzenie związane z pozbawieniem życia w sierpniu 1925 roku Władimira Nesterowicza (1895–1925), eksrezydenta wywiadu wojskowego, bohatera wojny domowej. Nesterowicz porzucił swój urząd w Wiedniu i udał się do Niemiec, gdzie nawiązał kontakt z agentami brytyjskimi. Zwykle opuszczenie urzędu wiązało się z defraudacją środków pieniężnych. Eksrezydent został otruty w restauracji w Mainzu przez agentów Komunistycznej Partii Niemiec, braci Holków. A nieco wcześniej, w 1924 roku, Reiss zaangażował się w tuszowanie skandalu, którego bohaterem był inny agent radziecki o tym samym pseudonimie, co Porecki, czyli „Ludwig”. Reiss wywiózł był wówczas z Berlina do Wiednia kochankę-prostytutkę Ludwiga i ślad po niej skutecznie zaginął. Zapytam retorycznie: czy otwarte wystąpienie przeciwko stalinowskiemu systemowi przez opublikowanie listu otwartego do WKP(b), ucieczka z Paryża do Szwajcarii z załączonymi rządowymi pieniędzmi może zmazać jego winy?

²⁰ *Великие операции спецслужб...*

²¹ Georgij/Grigorij Agabiekow (właśc. Georgij/Grigorij Arutiunow; 1895–1937) – radziecki funkcjo-nariusz NKWD, jeden z pierwszych wysokich funkcjonariuszy stalinowskich służb specjalnych, który odmówił powrotu do ZSRR. W czerwcu 1930 roku uciekł z Konstantynopola, gdzie był rezydentem INO NKWD, do Paryża. Podjął współpracę z wywiadami wielu państw europejskich. Występował z odczytami i wykładami, w których demaskował system stalinowski. W sierpniu 1937 roku zginął w obszarze nadgranicznym hiszpańsko-francuskim w wyniku zamachu zorganizowanego przez agenta NKWD, Aleksandra Korotkowa (1909–1961), który w przyszłości został generałem KGB i szefem wywiadu zewnętrznego. Przypis – G. O.

²² *Великие операции спецслужб...*

17 lipca 1937

Już wkrótce historia potoczy się dokładnie tak, jak przewidywali to moskiewscy współpracownicy Reissa. Zaraz bowiem, po zakończeniu pokazowych procesów moskiewskich, wybitny wywiadowca został wezwany w sobotę 17 lipca 1937 do ambasady radzieckiej w Paryżu i otrzymał tam polecenie pilnego powrotu do kraju w celu odbycia „osobistych konsultacji” ze swoimi przełożonymi służbowymi. Reiss jednak odmówił wykonania polecenia, ponieważ od dłuższego czasu nosił się już z zamiarem opuszczenia szeregów służb specjalnych, znał ponadto tragiczne losy wielu dyplomatów, współpracowników INO NKWD, a także wojskowych attaché, którzy posłusznie powrócili do ZSRR. Świadomie nie chciał dzielić losu prawdziwych oraz rzekomych szpiegów, wywiadowców, zdrajców radzieckiej ojczyzny i współpracowników z obcymi wywiadami, czyli zginąć po wstępnych torturach i w męczarniach w podziemiach Łubianki²³. Jelizawieta Porecka była pewna, że gdyby jej mąż dla własnego bezpieczeństwa zgłosił się wtedy dobrowolnie na francuską lub szwajcarską policję jako osoba nielegalnie przebywająca na ich terenie, wówczas „aresztowano by go, oczywiście, za posługiwanie się fałszywymi dokumentami, lecz jest mało prawdopodobne, by w danym przypadku groziła mu surowa kara. W każdym razie, pozostałby wśród żywych. Jego odważne zerwanie z GPU przyniosłoby mu pożądany rozgłos”²⁴.

Być może w tę samą sobotę, 17 lipca 1937 roku, po wyjściu z ambasady radzieckiej Reiss napisał swój list adresowany do Komitetu Centralnego Wszechnarodowej Komunistycznej Partii (bolszewików), a być może został on napisany już wcześniej, natomiast wezwanie agenta do ambasady uruchomiło lawinę zdarzeń. Wiadomo, że Reiss swój list demaskujący politykę masowych represji Stalina przekazał do opublikowania przez trockistowski „Biuletyn Opozycji”, redagowany i wydawany przez Lwa Siedowa, (1906–1938), syna Lwa Trockiego²⁵. Reiss złożył także w ambasadzie radzieckiej ory-

²³ Mam na myśli słynny i złowrogi artykuł 58. kodeksu karnego Rosyjskiej Federacyjnej Socjalistycznej Republiki Radzieckiej z 25 lutego 1927 roku z późniejszymi zmianami (zwłaszcza z 1934 roku i po zdefiniowaniu pojęcia „wróg ludu”). Na tej podstawie aresztowano osoby podejrzane o działalność kontrrewolucyjną, karząc zgodnie z czternastoma paragrafami, w których wyspecyfikowano następujące przestępstwa: 1. zdrada Ojczyzny; 2. zorganizowanie powstania zbrojnego, próba przejęcia władzy nad częścią terytorium; 3. udzielanie pomocy wrogom ZSRR; 4. udzielanie pomocy międzynarodowej burżuazji; 5. skłanianie obcego mocarstwa do wypowiedzenia wojny ZSRR; 6. szpiegostwo; 7. działanie na szkodę przemysłu, transportu, handlu, obrotu pieniężnego i spółdzielczości; 8. terror; 9. dywersja; 10. działalność propagandowa wymierzona przeciwko ZSRR; 11. wszelkiego rodzaju działalność zorganizowana nastawiona na przygotowanie lub dokonanie przestępstw przewidzianych w danym rozdziale, a także udział w organizacji utworzonej w celu przygotowania lub dokonania jednego z przestępstw, przewidzianych w niniejszym rozdziale; 12. niedoniesienie o popełnieniu przestępstwa; 13. służba w oddziałach carskich; 14. sabotaż (ekonomiczna kontrrewolucja). Zob. np.: [Online:] <[https://pl.wikipedia.org/wiki/Artykuł_58_\(radziecki_kodeks_karny\)](https://pl.wikipedia.org/wiki/Artykuł_58_(radziecki_kodeks_karny))>; *Статья 58 Уголовного кодекса РСФСР (1938)*; <http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Article/st_58.php> (dostęp: 10.06.2017).

²⁴ Л. Клот. *Знакомые лица: романды века на наших страницах | Le général Guisan élu Romand du siècle*. [Online:] <<http://nashgazeta.ch/news/12648>> (dostęp: 1.06.2017).

²⁵ Do dzisiaj nie ustają podejrzenia, że Lew Siedow zmarł na skutek „ukierunkowanej opieki medycznej”, jaką otrzymał w jednym ze szpitali paryskich od lekarzy współpracujących z komunistami

ginał listu z prośbą o jego przekazanie do Moskwy na ręce Lidii Grozowskiej pełniącej funkcję sekretarza przedstawicielstwa handlowego²⁶. Czy Reiss wiedział, że Lidia Grozowska od dawna jest agentem NKWD? Można przypuszczać, że nie, w przeciwnym bowiem razie nie popełniłby raczej tak wielkiego błędu i liczyłby się z brakiem lojalności ze strony sekretarza przedstawicielstwa handlowego oraz permanentną perlustracją dokumentów agenturalnych. Można według mnie twierdzić, że list zaadresowany do Komitetu Centralnego Wszechzwiązkowej Komunistycznej Partii (bolszewików) stał się katalizatorem wszystkich wydarzeń, które nastąpiły po dotarciu korespondencji do rąk majora bezpieczeństwa państwowego²⁷, zastępcy naczelnika INO NKWD, Siergieja Spiegelgłasa (1897–1941), i opublikowaniu jej w najbliższym numerze „Biuletynu Opozycji”.

Oto feralny list Ignacego Reissa, przypominający swoją ekspresją i odwagą pismo księcia Andrieja Kurbskiego (1528–1583), zwanego pierwszym rosyjskim dysydem, skierowane do cara Iwana IV Groźnego:

Do Komitetu Centralnego Wszechzwiązkowej Komunistycznej Partii (bolszewików)

List, który dzisiaj do Was piszę, powinienem był napisać już dawno, tego dnia, gdy „szesnastu” zostało straconych w piwnicach Łubianki na polecenie „ojca narodów”.

Wtedy milczałem, nie zaprotestowałem także przy następnych zabójstwach i ponoszę za to wielką odpowiedzialność. Ogromna jest moja wina, lecz postaram się ją zmyć, szybko zmyć, aby w ten sposób ulżyć swojemu sumieniu.

Szedłem razem z wami aż do tej pory – teraz ani kroku dalej. Nasze drogi się rozchodzą! Kto teraz jeszcze milczy, staje się współnikiem Stalina i zdrajcą sprawy klasy robotniczej oraz socjalizmu.

Od momentu, gdy skończyłem dwadzieścia lat, walczę o socjalizm. Nie chcę teraz, na progu piątego dziesięciolecia, żyć łaskami Jezowa.

Mam za sobą 16 lat nielegalnej pracy – to nie mało, lecz mam jeszcze dosyć sił, aby zacząć wszystko od nowa. A chodzi właśnie o to, by „zacząć wszystko od nowa”; o to, by uratować socjalizm. Walka zaczęła się już dawno – chcę w niej znaleźć swoje miejsce. Szum, jaki powstał wokół lotników polarnych, powinien zagłuszyć krzyki i jęki męczonych w piwnicach Łubianki, w Swobodnej, Mińsku, Kijowie, Leningradzie i Tyflisie. Do tego nie powinno być dojść. Słowo, słowo prawdy, jest wciąż silniejsze od najmocniejszego silnika o dowolnej liczbie koni mechanicznych.

Zapewne lotnikom-rekordzistom łatwiej jest uzyskać względy amerykańskiej lady i otrutej sportem młodzieży na obydwu kontynentach niż nam zdobyć światową opinię społeczną oraz wstrząsnąć światowym sumieniem! Ale nie trzeba siebie oszukiwać, prawda znajdzie sobie drogę, dzień sądu jest znacznie bliżej, znacznie bliżej niż myślą panowie z Kremla. Bliski jest dzień

i Moskwą.

²⁶ Według Walentina Leskowa, Lidia Woroncowa oraz Margarita Woroncowa, a także Lidia Grozowska (1902–1980) to najprawdopodobniej jedna i ta sama osoba, agentka INO NKWD, która brała udział w likwidacji Ignacego Reissa. Ostatnie jej zadanie miało polegać najprawdopodobniej na wynajdowaniu w USA ludzi, którzy mieli wiedzę o uzbrojeniu atomowym. Wśród kochanków Grozowskiej znaleźli się między innymi jeden z synów Fiodora Szalapina, pianista Siergiej Rachmaninow, a także sam Albert Einstein. Zob.: В. Лесков. *Сталин и заговор Тухачевского*. Москва: Вече, 2003. [Online:] <http://www.e-reading.club/chapter.php/33771/47/Leskov_-_Stalin_i_zagovor_Tuhachevskogo.html> (dostęp: 11.06.2017).

²⁷ Stopień majora NKWD odpowiadał wojskowemu stopniowi dowódcy brygady (комбриг), a więc znajdował się między pułkownikiem a generałem-majorem.

sądu międzynarodowego socjalizmu nad wszystkimi przestępstwami ostatnich dziesięciu lat. Nic nie będzie zapomniane i nic nie będzie przebaczone. Historia jest surową damą i „genialny wódz, ojciec narodów, słońce socjalizmu” będzie musiał odpowiedzieć za wszystkie swoje czyny. Klęska rewolucji chińskiej, czerwone referendum i klęska niemieckiego proletariatu, social-faszizm i front narodowy, wyznania złożone Howardowi²⁸ i czułe gruchanie wokół Laval²⁹; jedna sprawa genialniejsza od poprzedniej! Proces ten zachodzi na oczach ludzi, ma świadków, wielu świadków, żywych oraz martwych; wszyscy oni jeszcze raz przemówią, lecz wtedy powiedzą prawdę, całą prawdę. Zjawią się wszyscy – niewinnie zabiści i zniesławieni – a międzynarodowy ruch robotniczy ich zrehabilituje, wszystkich tych Kamieniewów i Mraczkowskich, Smirnowów i Murałowów, Drobnisów i Sieriebriakowów, Mdiwani i Okudżawów, Rakowskich i Ninów³⁰, wszystkich tych „szpiegów i dywersantów, agentów gestapo i sabotażystów”.

Aby Związek Radziecki, a razem z nim i cały międzynarodowy ruch robotniczy nie stał się ostatecznie ofiarą otwartej kontrrewolucji i faszyzmu, ruch robotniczy powinien się pozbyć swoich Stalinów i stalinizmu. To mieszanina zrobiona z — najgorszego, bo pozbawionego zasad – oportunistu, krwią i kłamstwem grozi otruciem całego świata i zniszczeniem resztek ruchu robotniczego.

Najbardziej zdecydowana walka – ze stalinizmem.

Nie front narodowy, lecz walka klasowa; nie komitety, lecz interwencja robotników, aby zbać hiszpańską rewolucję – oto co znajduje się teraz na porządku dziennym!

Przec z kłamstwem o socjalizmie w jednym kraju – czas powracać do internacjonalizmu Lenina! Ani II, ani III Międzynarodówki nie są zdolne wykonać tej historycznej misji; zdemoralizowane i skorumpowane mogą tylko powstrzymać klasę robotniczą od walki; one są przydatne jeszcze tylko do tego, by odgrywać rolę pomocników policyjnych burżuazji. Jakaż ironia historii: wcześniej burżuazja dostarczała spośród własnych szeregów Cavaignaców i Galliffetów, Triepowów i Wrangłów³¹, a teraz pod „słynnym” kierownictwem obu Międzynarodówek proletariusze sami wykonują pracę katów wobec swoich towarzyszy. Burżuazja może spokojnie zajmować się swoimi sprawami; wszędzie panuje „spokój i ład”; są jeszcze Noske i Jeżowowie, Niegrinowie i Diazowie³². Stalin jest ich wodzem, a Feuchtwanger³³ jest ich Homerem.

²⁸ Niewykluczone, że chodzi o Howarda Hughesa (1905–1976), amerykańskiego miliardera, biznesmena, pilota i konstruktora lotniczego oraz producenta filmowego. W 1935 roku Hughes ustanowił światowy rekord prędkości, który wyniósł 567 km/h, a w 1938 wykonał etapowy lot dookoła świata w czasie 91 godzin. Tu i dalej przypisy do listu Ignacego Reissa pochodzą od autora.

²⁹ Chodzi zapewne o Pierre’a Laval (1883–1945), francuskiego polityka, który jako przewodniczący parlamentu w trakcie wizyty w Rzymie w 1935 roku zawarł nieformalny układ z Benito Mussolinim, godząc się na zaplanowaną przez duce napaść Włoch na Etiopię. W czasie okupacji niemieckiej był szefem rządu Państwa Francuskiego (Francja Vichy). W trakcie II wojny światowej jako premier prowadził jawną politykę kolaboracji z niemieckim okupantem. Po wojnie został osądzony i skazany na karę śmierci przez rozstrzelanie. Więcej: A. Beevor, A. Cooper. *Paris After the Liberation, 1944–1949* (1994); A. Beevor, A. Cooper. *Paryż wyzwolony*. Tłum. J. Małecki. Kraków: Znak Horyzont, 2015.

³⁰ Ignacy Reiss wymienia nazwiska tzw. starych bolszewików, których Stalin poddał represjom w okresie wielkiej czystki, głównie z obawy o utratę władzy i wpływów w partii.

³¹ Ignacy Reiss wymienia nazwiska postaci historycznych związanych z określonymi wydarzeniami z przeszłości.

³² Są to nazwiska ludzi wywodzących się z aparatu wykonawczego Stalina, negatywnie zapisanych na kartach historii Rosji.

³³ Lion Feuchtwanger (właśc. Jacob Arje; 1884–1958) – niemiecki prozaik i dramatopisarz pochodzenia żydowskiego, autor powieści historycznych oraz popularnych powieści biograficzno-histo-

Nie, więcej nie mogę. Zwracam sobie wolność. Wracam do Lenina, jego nauczania i sprawy.

Chcę ofiarować swoje skromne siły sprawie Lenina; chcę walczyć i tylko nasze zwycięstwo – zwycięstwo rewolucji proletariackiej – uwolni ludzkość od kapitalizmu, a Związek Radziecki – od stalinizmu.

Naprzód ku nowym bojom o socjalizm i proletariacką rewolucję! Za organizację IV Międzynarodówki.

Ludwig (Ignacy Reiss).

17 lipca 1937 r.

P. S. W 1928 roku zostałem nagrodzony orderem „Czerwonego Sztandaru” za moje zasługi na rzecz rewolucji proletariackiej. Korzystając z okazji, zwracam wam ten order. Nosić go jednocześnie z katami najlepszych przedstawicieli rosyjskiej klasy robotniczej – poniżej mojej godności.

(W gazecie „Izwestija” w ostatnich 14 dniach zostały podane nazwiska nagrodzonych orderami; ich funkcje wstydliwie nie były wspomniane: one sprowadzają się do wykonywania wyroków śmierci).

L.³⁴

List sam w sobie całkowicie jednoznaczny: odsłaniający prawdę o rzeczywistości okresu stalinowskiego, zwłaszcza zaś wielkiego terroru, a więc niepożądany, niebezpieczny i w konsekwencji... śmiertelny. Są w nim wydarzenia i ludzie, ich losy oraz akcenty politycznej samowoli i arogancji Stalina, który sprzeniewierzył się ideałom Lenina. Dla takich przesiąkniętych duchem październikowej rewolucji i oddanych sprawie Międzynarodówki Komunistycznej, jak Ignacy Reiss, postępowanie „ojca narodów” było nie do przyjęcia. Stąd jawny bunt i zachęta, by inni szli jego śladem w imię zwycięstwa rewolucji proletariackiej.

Dziś dobrze wiemy, że żadne z oczekiwań Reissa się nie urzeczywistniło, a terror polityczny trwał w ZSRR jeszcze przez dziesięciolecia po śmierci Stalina. Wielu rezydentów, jak Reiss, odmówiło powrotu do ZSRR na wezwanie Kremla. Na przykład Aleksandr Orłow (rezydent w Hiszpanii), Lew Gelfand³⁵ (Ambasada ZSRR w Italii) czy Matus Steinberg (Szwajcaria)³⁶ opuścili zajmowane rezydentury po cichu, nie afiszując

rycznych i dramatów.

³⁴ Źródło: *Изменники и предатели. 1937. РЕЙСС Натан Маркович*. [Online:] <<http://www.fssb.su/history-state-security/history-state-security-traitors/80-1937-reyss-natan-markovich.html>> (dostęp: 31.05.2017). List został opublikowany w 1937 roku, we wrześniowo-październikowym numerze „Biuletynu Opozycji” („Бюллетен оппозиции” [большевиков-ленинцев] 1937, № 58–59, сентябрь–октябрь), s. 23. Zob. także: *Военная литература. Мемуары*. [Online:] <http://militera.lib.ru/memo/russian/poretskya_ek/01.html> (dostęp: 5.06.2017).

³⁵ Lew Gelfand (1900–?) – z pochodzenia Żyd. Od 1918 roku w Robotniczo-Chłopskiej Armii Czerwonej. Uczestnik wojny domowej, pracownik polityczny. Od 1925 w służbie dyplomatycznej. Pracował w centralnym aparacie Ludowego Komisariatu Spraw zagranicznych ZSRR i jednocześnie służył w INO OGPU NKWD. W 1930 – drugi sekretarz pełnomocnego przedstawicielstwa ZSRR we Francji, w latach 1933–1937 – pierwszy sekretarz, radca pełnomocnego przedstawicielstwa ZSRR we Włoszech. W okresie 1938–1939 – pełnomocnik ds. spraw ZSRR we Włoszech. Od 1940 – uciekinier. Zmarł w USA pod nazwiskiem „Mur”. Na marginesie: syna Mariny Cwietajewej, Gieorgija Efrona, od dzieciństwa nazywano Murem.

³⁶ Matus Steinberg (alias Матус/Макс Штейнберг, Матвей Штейнберг, Max Steinberg, Charles Emile Martin/Чарльз Эмиль Мартин/ Шарль Эмиль Мартен; 1904–1987) – Radziecki wywiadowca nielegalnie przebywający w Szwajcarii, major bezpieczeństwa państwowego (1935), członek

się swoim postępowaniem, lecz zabrawszy pieniądze, którymi dysponowali, udawali się do wybranych państw, z dala – jak sądzili – od europejskich agentów NKWD. Reiss wybrał natomiast rozwiązanie przypominające efekt meteoroidu, który pozostawia po sobie jasny ślad, gdy przelatuje przez atmosferę ziemską.

W relacji Waltera Kriwickiego (1899–1941)³⁷, dni bezpośrednio poprzedzające wydarzenia z 17 września 1937 i zaraz po nim, a związane z Ignacym Reissem, wyglądały następująco:

1. Kriwicki przyjeżdża do Paryża w pierwszej połowie lipca 1937 i spotyka się na kilka minut z Reissem 17 lipca o godzinie 19 w kawiarni „Weber”. Reiss prosi o kolejne spotkanie. Umawiają się, że Reiss zadzwoni w tej sprawie do Kriwickiego 18 lipca o godzinie 11.

2. O godzinie 21 Kriwicki zostaje pilnie wezwany do paryskiego biura na rozmowę z Siergiejem Spiegelglasem, który przybył z Moskwy z supertajną misją i nadzwyczajnymi pełnomocnictwami, by zorganizować porwanie generała Jewgienija Millera oraz zlikwidować Ignacego Reissa. Spiegelglas daje Kriwickiemu do przeczytania dwa listy, które tego dnia Reiss przekazał Lidii Grozowskiej. Kriwicki uświadamia sobie, że list Reissa datowany 17 lipca 1937 musiał być napisany przed ich spotkaniem w kawiarni „Weber”. Spiegelglas bezceremonialnie przypomina Kriwickiemu, że odpowiada moralnie za Reissa, ponieważ rekomendował go na członka partii i zaproponował włączenie do agentury. Dlatego, by zmyć swoją winę przed Stalinem, powinien zlikwidować Reissa jeszcze tej nocy w celu uniemożliwienia mu ucieczki z kraju.

3. Kriwicki odmawia wykonania zadania i zdaje sobie od razu sprawę, że jego praca na rzecz wywiadu radzieckiego w tej samej chwili się skończyła, ponieważ nie odpowiadał już wymaganiom ery stalinowskiej, w której pozbawianie innych życia stało się standardowym sprawdzianem na wierność „ojcu narodów”. Wobec odmowy Kriwickiego Spiegelglas wzywa na wspólną rozmowę innego agenta o pseudonimie „Mann”, czyli Teodora Mally'ego³⁸, przyjaciela Reissa.

sieci agenturalnej pod kryptonimem „Czerwona Orkiestra” w Szwajcarii. Kodowe identyfikatory: przedsiębiorca z Harbinu i szwajcarski inżynier George Wilmer, Lorenz, Laurenz, Dubois oraz: mediolański przemysłowiec Carlo Emilio Wilmer.

³⁷ Walter Kriwicki (właśc. Samuel Ginzberg; 1899–1941) – oficer radzieckiego wywiadu wojskowego, rezydent INO NKWD na Europę Zachodnią w latach 1935–1937. Po tym, jak odmówił powrotu do ZSRR, wyemigrował do USA, gdzie rozpoczął intensywną pracę demaskatorską, której celem było obnażenie totalitarnego systemu stalinowskiego i radzieckiego wywiadu agenturalnego. W kwietniu 1939 roku, na kilka miesięcy przed zawarciem tajnego aktu Ribbentrop–Mołotow, Kriwicki pisał o konsekwentnym dążeniu Stalina do porozumienia z III Rzeszą. Według niektórych źródeł stał się kolejną ofiarą zabójstwa dokonanego przez agentów NKWD, według innych – że popełnił samobójstwo. Kriwicki, tak samo jak Porecki-Reiss, urodził się w Podwołoczyskach.

³⁸ Theodor Mally (1894–1938) – były ksiądz katolicki, który stał się radzieckim wywiadowcą, majorem bezpieczeństwa państwowego. Studiował w Wiedniu na wydziałach filozoficznym oraz teologicznym. Członkiem partii bolszewickiej został w styczniu 1920 roku. Uczestnik wojny domowej. W organach służb specjalnych – od 1921 roku, a od 1926 – w organach centralnych OGPU. W latach 30. – współpracownik INO NKWD. Kierownik nielegalnej rezydentury angielskiej. Zajmował się głównie werbowaniem do pracy agenturalnej studentów Oxfordu, mając w tym zakresie określone sukcesy. W lipcu 1937 roku został wezwany do Moskwy. Aresztowany 7 marca 1938. Oskarżony na

4. Po północy, a więc już w niedzielę 18 lipca 1937, Kriwicki dzwoni parokrotnie do Reissa i odkłada słuchawkę upewniwszy się, że odebrał on telefon. Między godziną pierwszą a trzecią w nocy Kriwicki z Mannem dzwonią do Reissa jeszcze czterokrotnie w taki sam sposób: głuche telefony były sygnałem ostrzegawczym.

5. Po godzinie 10 rano 18 lipca 1937 roku dochodzi do spotkania Kriwickiego i Manna ze Spiegelglasem. Przyjaciele Reissa dowiadują się, że Reiss zdołał uciec.

6. Rankiem 19 lipca 1937 Kriwicki otrzymuje list od Reissa, w którym ten żegnał się z nim i wyjaśniał powody swojego postępowania, a z rana 20 lipca 1937 Spiegelglas żąda od Kriwickiego pilnego spotkania w sprawie listu, jaki ten otrzymał od Reissa. Kriwicki oddaje ten list Spiegelglasowi³⁹.

Z relacji Kriwickiego płyną co najmniej dwa istotne wnioski w kontekście sprawy Reissa: po pierwsze, że Reiss napisał swój list do KC WKP(b) przed godziną 19, tj. przed spotkaniem z Kriwickim, a po drugie, że polowanie na agenta-uciekiera rozpoczęto jeszcze tego samego dnia, w którym Reiss pozostawił swoje listy pracownicy ambasady ZSRR w Paryżu, Lidii Grozowskiej. We wspomnieniach Kriwickiego zostały także ujawnione szczegóły dotyczące typowania osób do wykonania wyroku śmierci na Reissie. Ponieważ Kriwicki i Mally odmówili wykonania zadania, Spiegelglas zdecydował się na grupę Siergieja Efrona; Efron nie odmówił.

Spiegelglas zameldował o sprawie Nikołajowi Jeżowowi (1895–1940), szefowi NKWD. Jeżow – Stalinowi. Stalin, urażony postępkami Reissa, nie mógł się pogodzić z jawną krytyką jego samego i jego polityki. Życie innego człowieka nie miało dla „ojca narodów” żadnego znaczenia, czego niejednokrotnie dowiodła historia, więc jeszcze jeden wyrok śmierci wydany na tego, który mu dotąd wiernie służył, oznaczał wyłącznie powiększenie danych statystycznych i dawał poczucie dobrze spełnionego obowiązku... Ze słów Aleksandra Orłowa⁴⁰ (1895–1973) wiadomo, że „gdy zameldowano Stalinowi o «zdradzie Reissa», ten wydał rozkaz Jeżowowi, by zlikwidował zdrajcę, razem z jego żoną i synem. Miało to być pokazowe ostrzeżenie wobec wszystkich potencjalnych osób, które odmówiły powrotu” do ZSRR⁴¹. „To było oczywiste – pisze

podstawie artykułu 58. wspomnianego kodeksu karnego RFSRR z 25 lutego 1927 roku. Rozstrzelany 20 września 1938. Zrehabilitowany w 1956 roku. Zob. jeszcze: Л. Млечин. *История внешней разведки...*, s. 388.

³⁹ Rekonstrukcja na podstawie książki Waltera Kriwickiego: В. Кривицкий. *Я был агентом Сталина. Записки советского разведчика*. Москва: Теппа-Terra, 1991. [Online:] <https://scepssis.net/library/print/id_559.html> (dostęp: 12.06.2017).

⁴⁰ Aleksandr Orłow (właśc. Lew/Lejba Feldbin; 1895–1973) – major bezpieczeństwa państwowego ZSRR (1935). W NKWD nosił pseudonim Lew Nikolski (Лев Никольский), a w USA – Igor Berg (Игорь Берг). W latach 1933–1937 był nielegalnym rezydentem zagranicznego oddziału NKWD (INO NKWD) we Francji, Austrii i Włoszech, a legalnym rezydentem NKWD i radcą rządu republikańskiego ds. bezpieczeństwa w Hiszpanii w latach 1937–1938. Wezwany na spotkanie z przedstawicielem INO w czasie wielkiej czystki, przewidując uprowadzenie i egzekucję w przypadku wykonania rozkazu, wyjechał do Stanów Zjednoczonych Ameryki Północnej wraz z dokumentacją i kasą rezydentury NKWD w Hiszpanii. Autor wspomnień demaskujących kulisy wielkiej czystki, opublikowanych po śmierci Stalina. Na obczyźnie wykładał w uniwersytetach amerykańskich.

⁴¹ W języku rosyjskim mianem „невозвращенец” nazywano obywateli ZSRR, a także poddanych Imperium Rosyjskiego, którzy odmówili powrotu do kraju, przebywając legalnie na prywatnym wy-

Ludmiła Kłot – że po skandalicznym zerwaniu [ze Stalinem – G. O.] dni jego [Reissa – G. O.] były policzone⁴².

Między 17 lipca 1937 a 4 września 1937

Reiss uciekł z Paryża 18 lipca 1937 roku najpierw na krótko do Holandii, po czym schronił się razem z żoną i 12-letnim synem Romanem w Szwajcarii, w głuchej wsi Finhaut, położonej w kantonie Valais. Tam Reissowie przebywali około miesiąca, by przenieść się do kantonu Vaud. A jeszcze później, w dniu zabójstwa, przeprowadzili się do małej miejscowości pod Lozanną – Territet. Reiss krążył jeszcze po ucieczce między Paryżem i Lozanną, mając nadzieję na pierwsze spotkanie z Lwem Siedowem. Zerwanie Reissa z reżimem stalinowskim pozytywnie odebrał Lew Trocki, któremu były już agent służb specjalnych przekazał informacje o szykowanym na niego zamachu. O trudnym okresie ukrywania się przed światem w Szwajcarii Jelizawiecia Porecka wspominała: „Jesteśmy wolni, lecz to oznacza zerwanie ze wszystkim, co sercu drogie: z młodością, z przeszłością, z towarzyszami. W krótkim czasie Ludwig bardzo się postarzał, włosy mu zbieleły, a dusza jego znajduje się w podziemiach Łubianki. Jeśli nawet uda się mu zasnąć, widzi we śnie egzekucje lub samobójstwa⁴³”.

Ucieczka Reissa wywołała reakcję łańcuchową: Spiegelglas polowanie na Lwa Siedowa, którym zajmowała się dotąd grupa Siergieja Efrona, przekształcił natychmiast w polowanie na Ignacego Reissa i wzmocnił siły agenturalne, angażując do poszukiwania zdrajcy zasłużoną dla Kremla grupę agenta Jakowa Sieriebranskiego. Do całej akcji zaangażowano prawie dwadzieścia osób, sama zaś operacja kosztowała rząd radziecki około 300000 franków, a więc bardzo dużo, jak na ówczesne warunki życia we Francji⁴⁴.

Wybór agentów z Paryża jako wykonawców zadania nie był dziełem przypadku, tutaj bowiem urywał się ślad Reissa. „Związkiem Powrotu do Ojczyzny” kierował w tamtym czasie Siergiej Efron, a wspierała go między innymi fanatyczna komunistka i agentka INO NKWD, Wiera Guczkowa-Traill (1906–1986), również zamieszana w sprawę zabójstwa Poreckiego⁴⁵. Zdaniem Ludmiły Kłot, Efron „bezpośredniego udziału w rozprawie nie miał, ale zajmował się kwestiami organizacyjnymi i koordynował śledzenie wywiadowcy-zdrajcy⁴⁶”. Czy jednak wszyscy zorientowani w danej sprawie uważają tak samo? Niekoniecznie.

Siergiej Efron został agentem NKWD w 1934 roku. Działał pod przykryciem jako generalny sekretarz „Związku Powrotu do Ojczyzny”. Kierował kilkuosobową gru-

jeździe zagranicznym czy w ramach delegacji. Oficjalnie zjawisko nielegalnej emigracji z państwa totalitarnego w latach 30. XX wieku definiowano w ZSRR prawnie jako „ucieczka w czasie pobytu za granicą”.

⁴² Л. Клот. *Игнатий Рейсс...*

⁴³ Л. Клот. *Игнатий Рейсс...*

⁴⁴ Taką kwotę wymienia Walter Kriwicki. Zob. В. Кривицкий. *Я был агентом Сталина...*, s. 265.

⁴⁵ Informację tę znalazłem na następującej stronie: *Гучкова-Трэйл Вера Александровна*. [Online:] <<http://rusrazvedka.narod.ru/base/htm/guct.html>> (dostęp: 9.06.2017).

⁴⁶ Л. Клот. *Игнатий Рейсс...*

pą, w której była także Renata Steiner. W 1931 roku mąż Cwietajewej złożył wniosek o paszport radziecki i deklarację gotowości do współpracy z organami NKWD, byleby tylko odkupić swoje winy wobec ojczyzny. NKWD chętnie dało szansę, a kolejna brudna sprawa, którą załatwił Efron sam lub zespołowo szła na poczet zmywania win. Jak pisze Rogowin, „Efron i jego przyjaciele ze «Związku» brali udział w najbrudniejszych zagranicznych operacjach NKWD»⁴⁷. Praca agenturalna Efrona musiała przynosić określone efekty, skoro w domu pojawiały się odtąd regularnie setki franków na utrzymanie rodziny. Cwietajewa była przecież bystrą kobietą i doskonale zdawała sobie sprawę, skąd pochodzą środki finansowe, które regularnie przynosił bezrobotny mąż.

4 września 1937

Według Waltera Kriwickiego, dnia 4 września 1937 roku Gertruda Schildbach (1896–1941)⁴⁸ i obywatel Monako Rol(l)and Abbiate (alias Władimir Prawdin, ps. „Pilot”; 1904–1970), agent NKWD należący do Zarządu Zadań Specjalnych, wynajęli pokój w Hôtelu de la Paix w Lozannie⁴⁹. Schildbach, kilkuletnia współpracownica Reissa jeszcze w okresie lipskim i przyjaciółka domu Poreckich, nie wiedziała, że Abbiate w związku ze sprawą zabójstwa Reissa odgrywa od pewnego czasu rolę płomiennego kochanka wyłącznie na polecenie NKWD. Po zakończeniu akcji Schildbach i Abbiate nie powrócili już do hotelu i nie zapłacili rachunku za pobyt. Pozostawili jednak w wynajmowanym pokoju swój prywatny bagaż, który odegrał w śledztwie określoną rolę; zwłaszcza nadziane strychniną czekoladki⁵⁰. Zakończył się też „służbowy związek” dwojga szpiegów.

⁴⁷ В. З. Роговин. *Прозрение и гибель Игнатия Райса*. В: В. З. Роговин. 1937. Москва: (brak danych o wydawnictwie), 1996. [Online:] <<http://www.litres.ru>> (wersja PDF, s. 678) (dostęp: 11.06.2017). Grupa operacyjna Siergieja Efrona przygotowywała w styczniu 1937 roku zamach na życie Lwa Siedowa w Miluzie, mieście położonym w północno-wschodniej Francji.

⁴⁸ Gertruda Schildbach (z d. Neugebauer) urodziła się w niemieckim Strasburgu. Żydówka. Wychowanie wyższe humanistyczne, nauczycielka języków obcych. Po 1933 roku uciekła z Niemiec do Rzymu, gdzie była nielegalnym rezydentem NKWD. Aresztowana 1 VII 1941. Zrehabilitowana 8 X 1941. [Online:] <<https://nekropole.info/ru/Gertruda-Shildbah>> (dostęp: 11.06.2017).

⁴⁹ W książce Waltera Kriwickiego mówi się o Отеле де ля Пэж, co należałoby oddać po francusku jako Hôtel de la Paix. Niewykluczone, że Kriwicki się pomylił. Zob.: В. Кривицкий, *Я был агентом Сталина...*, s. 265. Z kolei William E. Duff wskazuje na dzień 3 września 1937 jako datę zameldowania się Schildbach i Abbiate’a w Hôtelu de la Paix. Zob.: W. E. Duff. *A Time for Spies: Theodore Stepanovich Mally and The Era of The Great Illegals*. Nashville and London: Vanderbilt University Press, 1999, s. 168.

⁵⁰ To o operacyjnym przeznaczeniu pudełko nadzianych strychniną czekoladek przywozła z Paryża do Lozanny Renata Steiner i przekazała je Gertrudzie Schildbach. Pisze o nich także Walter Kriwicki jako dowódzie w sprawie zabójstwa Reissa i poszlakach prowadzących do Gertrudy Schildbach. Zob.: В. Кривицкий. *Я был агентом Сталина...*, s. 264. Na marginesie: służby NKWD chętnie sięgały po pudełka z czekoladkami, by pozbawić człowieka życia. Tak zginął między innymi 23 maja 1938 roku w Rotterdamie przywódca OUN, Jewhen Konowalec, któremu agent NKWD, Paweł Sudołatow (1907–1996), wręczył bombonierkę z ładunkiem wybuchowym, przygotowanym wcześniej

Dnia 4 września 1937 roku Reiss, odpowiadając wcześniej na rozpaczliwy i pełen wątpliwości list Schildbach, przebywającej wtedy w Rzymie, zgodził się z nią spotkać w Lozannie. Od pewnego czasu przełożeni Schildbach nie mieli do niej pełnego zaufania, była zatem politycznie niepewna, a w rozmowach z Reissem wyrażała gotowość wspólnego opuszczenia agenturalnych szeregów. O złym stanie ducha Schildbach byli doskonale poinformowani także urzędnicy najwyższych organów NKWD, którzy postanowili teraz z tej wiedzy zrobić perfidny użytek. Reiss bezgranicznie ufał Schildbach i, odpowiadając na jej korespondencję, ujawnił czas oraz miejsce kontaktu, postąpił zatem bardzo nieprofesjonalnie, jak na agenta o tak wysokich kwalifikacjach, powinien był bowiem zdawać sobie sprawę, że pościg za nim już na pewno trwa, a dotychczasowi przyjaciele mogą się okazać członkami grupy likwidatorskiej NKWD.

Czy wiemy dokładnie, jak wyglądały ostatnie godziny życia Reissa i sam przebieg zabójstwa? Niestety, tylko częściowo, gdy dokonamy określonych rekonstrukcji, opierając się na materiałach zebranych w trakcie śledztwa, jakie prowadziły odpowiednie organy w Szwajcarii i we Francji. Zasadniczą wartość dowodową posiadają tutaj zeznania Jelizawiey Poreckiej oraz Renaty Steiner.

Z początku 4 września 1937 roku miało dojść do pozbawienia Reissa życia przez otrucie go czekoladkami nadzianymi strychniną. Gertruda Schildbach spotkała się najpierw z Poreckimi po południu w jednej z lozańskich kawiarni i w sposób naturalny rozpoczęła przekazywanie śmiertelnego prezentu, kierując go w stronę żony Reissa. Najprawdopodobniej w ostatnim momencie Schildbach uświadomiła sobie, że tymi samymi czekoladkami mogą się także otruć członkowie rodziny Reissa i dlatego zachowała się w sposób dziwny dla Poreckich, wyrwijąc gwałtownie pudełko ze słodyczami z rąk żony Reissa, jednocześnie przeprasząc, że musi już iść, podawszy za powód pilne spotkanie w innym miejscu. Wyznaczono zatem godzinę kolejnego spotkania: wieczorem w jednej z lozańskich restauracji. Na drugie spotkanie z Schildbach Reiss przybył już bez żony. Spiegelglas, który przewidział różne warianty przebiegu zdarzenia, wysłał do restauracji, w której miało dojść do spotkania Poreckiego z Schildbach, dwóch agentów: Borysa Afanasjewa i Władimira Prawdina⁵¹.

Ze zrozumiałych względów nie dysponujemy dzisiaj dokładnymi danymi o przebiegu zdarzeń, które doprowadziły do zgonu Reissa. Na chwilę obecną dwie wersje należą do najbardziej znanych. Zgodnie z pierwszą, w pewnym momencie miało dojść w restauracji do zainscenizowanej kłótni, a „pijanego” czy raczej odurzonego Reissa, by uniknąć skandalu, Prawdin i Afanasjew „wyprowadzili” w towarzystwie Schild-

specjalnie na tę okazję przez specjalistów z działu technicznego NKWD. Sudopłatow był przyjacielem Sergieja Spiegelgłasa. Przygotował udany zamach na Lwa Trockiego. Współorganizator szpiegostwa atomowego.

⁵¹ W artykule *Великие операции спецслужб...*, opartym na wspomnieniach Pawła Sudopłatowa, mówi się o tym, że zarówno Afanasjew, jak i Prawdin byli Bułgarami, co nie znajduje potwierdzenia w innych tekstach przedmiotowych, ponadto o Prawdinie pisze się tutaj błędnie jako o Wiktorze Prawdinie, zięciu Afanasjewa, a o Renacie Steiner jako kochance Prawdina. W konfrontacji z pozostałymi źródłami należy raczej przyjąć, że Renata Steiner mogła być albo nawet była zarówno kochanką Sergieja Efrona, jak też Władimira Prawdina i wielu innych mężczyzn, jednak Prawdin nie był Bułgarem i z uwagi na swój rok urodzenia (1904), jak również rok urodzenia Afanasjewa (1902) nie mógł być absolutnie zięciem drugiego agenta.

bach, wsadzili do samochodu i odjechali. Zabiwszy po drodze, ciało porzucili w przydrożnych krzakach. Według drugiej wersji, cała czwórka – Reiss, Schildbach oraz dwaj wymienieni agenci – dobrowolnie i w spokoju opuścili restaurację, wsiedli do auta i udali się w nieznanym kierunku.

W każdej z powyższych wersji pojawia się moment wsiadania do pojazdu i oddalenia agentów-zabójców oraz ofiary z miejsca egzekucji. Powstaje jednak pytanie, co było dalej? Czy do zabójstwa doszło już w samochodzie czy też Reissa przed śmiercią zamierzano jeszcze przesłuchać, aby wyjaśnić kwestie, jakie interesowały ludzi Jeżowa i Spiegelglasa? Stawiałbym raczej na tę właśnie opcję, chociażby dlatego, że strzelanie do żywej krępej, a więc zapewne i silnej fizycznie osoby w aucie nie zawsze jest łatwe i bezpieczne, jeśli ofiara siedzi na przykład między dwoma oprawcami na tylnym siedzeniu, ponadto, jeśli w ciele denata odnaleziono wiele ran postrzałowych w okolicach klatki piersiowej, to oddanie wszystkich strzałów nie mogło raczej nastąpić wewnątrz auta: zabójca siedzący na miejscu pasażera z przodu, jeśli strzelał do Reissa, musiałby się najpierw odwrócić w jego kierunku, być może unieść z siedzenia, wycelować, strzelić i przy okazji nie zranić asystujących w zamachu dwóch pozostałych agentów siedzących obok Reissa.

Walter Kriwicki podaje jeszcze inną możliwość:

On [Reiss – G. O.] pojechał z nią [Schildbach – G. O.] na obiad w restauracji w pobliżu Chamblandes, by omówić sytuację. Tak myślał Reiss. Po obiedzie poszli na krótki spacer. W czasie spaceru wyszli na głuchą drogę. **Nagle zjawił się samochód i gwałtownie zahamował. Wyskoczyło z niego kilku mężczyzn, którzy napadli na Reissa. Reiss próbował się bronić.** Z pomocą Schildbach, której pęk włosów pozostał w zaciśniętej dłoni zabitego, napastnikom **udało się wepchnąć go do auta.** Jeden z ludzi – **Abbate-Rossi** – razem z innym agentem OGPU, wezwanym z Paryża, **Étienne Martigny**⁵², wystrzelił do Reissa z bliskiej odległości. Jego martwe ciało wyrzucono z samochodu niedaleko od tego miejsca.⁵³

Tak samo, jak u Kriwickiego, jest w książce Leonida Mleczina *Historia wywiadu zewnętrznego. Kariery i losy (История внешней разведки. Карьеры и судьбы)*, który, jak widać, powtarza zasadniczo wersję Kriwickiego:

W trakcie śledztwa, związanego z zabójstwem Poreckiego, policja szwajcarska ustaliła, co następuje.

Nocą [z 3 – G. O.] na 4 września 1937⁵⁴ roku w pewnej odległości od drogi, która prowadziła z Lozanny do Chamblandes, zostało odnalezione ciało nieznanego mężczyzny w wieku około lat czterdziestu. **Pięć kul wsadzono mu w głowę, siedem w ciało**⁵⁵. Policja szybko odnalazła

⁵² Étienne/Charles Martigny i Borys Afanasjew (Atanasow; 1902–1981) to najprawdopodobniej jedna i ta sama osoba – Bułgar, agent NKWD, a w niedalekiej przyszłości – sowiecki pułkownik (od 1953) i jeszcze później – zastępca redaktora naczelnego czasopisma „Literatura Radziecka” („Советская литература” 1963–1965). Przypis – G. O.

⁵³ В. Кривицкий. *Я был агентом Сталина...*, s. 265.

⁵⁴ Jeśli przyjąć, że zegarek Reissa, na którym wskazówki zatrzymały się na godzinie 9.40 (= 21.40) wskazywały czas zabójstwa, wówczas do zamachu na życie nie mogło dojść w nocy z 3 na 4 września 1937 roku. Przypis – G. O.

⁵⁵ Na marginesie: gdyby ran postrzałowych było trzynaście – w układzie 5 + 8 – można byłoby się dopatrzeć w liczbie 58 zbieżności z artykułem 58. kodeksu karnego RFSRR (1925 z późn. zm.), na

porzucone auto ze śladami krwi w kabinie i aresztowała kobietę, która wypożyczyła samochód. Ku zdziwieniu policji, nie usiłowała ona się ukryć po dokonaniu zabójstwa.

Ta kobieta nazywała się Renata Steiner i nie mogła zrozumieć, gdzie się podziali jej przyjaciele, którym przekazała to auto. Policja zidentyfikowała „przyjaciół” Steiner i stworzyła wersję prawdopodobnego przebiegu zdarzeń. Ale nikogo, prócz Renaty Steiner, policji się nie udało odnaleźć. Zakłada się, że moskiewskiej grupie operacyjnej pomogła Gertruda Schildbach (z d. Neugebauer), członkini Komunistycznej Partii Niemiec, która uciekła z kraju po objęciu władzy przez nazistów.

Schildbach przyjaźniła się z Poreckim. Policja doszła do wniosku, że Schildbach namówiła Poreckiego na spotkanie. Razem pojechali do restauracji za miastem. Po obiedzie wyszli na spacer i wtedy na mało uczęszczanej drodze **pojawił się samochód, z którego wyskoczyło kilku mężczyzn⁵⁶. Na siłę wepchnęli Poreckiego do auta, w którym go zastrzelili.** Zwłoki wyrzucili na drogę.

Renata Steiner wymieniła nazwisko Efrona. Według niej był on agentem NKWD.⁵⁷

Biorąc powyższe wersje pod uwagę, wydaje się mi, że najbliższej prawdy był jednak Kriwicki, który doskonale znał metody operacyjne NKWD i technikę niespodziewanego nalotu samochodowego, by zastrzelić ofiarę i tak samo szybko się oddalić w tylko sobie znanym kierunku. Lecz w narracji Kriwickiego nic się nie mówi o pęku siwych włosów należącym do Gertrudy Schildbach. Dlatego uzupełniam to brakujące ogniwo przez logiczny domysł, który może odpowiadać rzeczywistemu przebiegowi zdarzenia, może się też z prawdą całkowicie lub częściowo mijać. Tak więc, ostatnie godziny życia Reissa mogły wyglądać następująco:

1. Schildbach i Reiss spokojnie opuszczają restaurację i udają się w plener, aby uniknąć potencjalnych podsłuchów. Ścieżkę spacerową proponuje Schildbach, a niczego niepodejrzewający Reiss nie oponuje.

2. Gdy Schildbach i Reiss wychodzą na mało uczęszczaną drogę. Kobieta wie, że za chwilę zjawi się samochód, a z niego wysiądą zabójcy Reissa.

3. Gdy z samochodu wysiada czworo mężczyzn, Reiss orientuje się, że wpadł w pułapkę i że Schildbach nie jest tutaj bez winy.

4. Reiss próbuje się bronić, traktując Schildbach jak żywą tarczę. Kobieta krzyczy i się wyrывa, lecz Reiss wie, jak skutecznie należy trzymać człowieka, jedną ręką unieruchamiając jego tułów, a drugą trzymając mocno za włosy.

5. Następuje, być może, szybka i ostra wymiana zdań pomiędzy zabójcami a Reissem. Reiss nie godzi się na dobrowolne wypuszczenie Schildbach. Wtedy padają pierwsze strzały od tyłu, które trafiają Reissa w tułów; potem następuje.

6. Reiss pod wpływem postrzałów upada i uwalnia tym samym z uścisku Schildbach, która z uwagi na swoje słabe nerwy, niewykluczone, że wpada w histerię. W prawej dłoni Reissa pozostaje pęk siwych włosów zdrączyjni.

którego podstawie skazywano „wrogów ludu”. Przypis i pogrubienie – G. O.

⁵⁶ Ale ta wersja nie uwzględnia wyrwania siwych włosów z głowy Schildbach, a włosy przecież były dowodem w sprawie o zabójstwo.

⁵⁷ Л. Млечин. *История внешней разведки. Карьеры и судьбы*. [Online:] <<https://books.google.pl/books>> (dostęp: 10.06.2017).

7. Zabójcy – czterech mężczyzn i Schildbach – oddają jeszcze pięć strzałów w okolicę głowy już martwego Reissa, po czym upychają jego zwłoki do auta i wszyscy oddalają się pośpiesznie z miejsca zdarzenia.

8. Po drodze zabójcy zatrzymują się, wyciągają zwłoki Reissa z auta, wloką ku gęstym zaroślom i porzucają je w takim miejscu od drogi, by nie były widoczne w świetle samochodowych reflektorów, po czym pośpiesznie odjeżdżają z miejsca przestępstwa w kierunku Genewy. Przed stacją kolejową porzucają auto.

Każdy z dwunastu oddanych w kierunku Reissa strzałów mógł być śmiertelny, lecz na modłę zbrodniczych pieczęci NKWD należało się upewnić, że ofiara nie żyje, dlatego zapewne cała piątka oprawców celuje i strzela jeszcze w okolice głowy Reissa. Teraz sprawa jest na pewno skończona: agent nie żyje, a jego zwłoki nie mają dla zabójców żadnego znaczenia. Niewykluczone, że któryś z nich wykonuje jeszcze fotografię pośmiertną Reissa, by okazać ją w Moskwie jako dowód pomyślnego zakończenia akcji: to też jeden z nieludzkich zbrodniczych standardów technicznych NKWD, który, być może, do dzisiaj jest przechowywany w archiwach Łubianki.

Na dzień dzisiejszy wiele wskazuje na to, że pasażerami auta, którym przyjechali zabójcy, byli: Rol(l)and Abbiate, Borys Afanasjew, Wadim Kondratjew i Dmitrij Smirienki. Wśród nich do najbardziej zasłużonych dla stalinowskiego reżimu należy dwóch pierwszych – Abbiate i Afanasjew, to oni bowiem 13 listopada 1937 roku na mocy dekretu Wszechrosyjskiego Centralnego Komitetu Wykonawczego zostali odznaczeni orderami Czerwonego Sztandaru za ofiarne wykonanie zadań specjalnych Rządu Radzieckiego. Rol(l)and Abbiate otrzymał nawet radzieckie obywatelstwo i nową tożsamość paszportową: stał się odtąd Władimirem Siergiejewiczem Prawdinem i dalej zajmował się działalnością agenturalną. Z uwagi na to, że Wadim Kondratjew (1903–1939), zwerbowany do pracy agenturalnej przez Nikołaja Klepinina w połowie lat 30., pracował w Paryżu nie tylko jako roznosiciel chleba czy pomocnik zecera⁵⁸, lecz jako taksówkarz, można zasadnie przyjąć, że to właśnie on kierował samochodem użytym do akcji związanej z zabójstwem Reissa. On też jako pierwszy ze wszystkich uciekł do ZSRR po zakończeniu zbrodni. Z relacji Dmitrija Sezema (1922–2010) wynika, że Wadim Kondratjew jako jedyny z grupy uczestniczącej w zabójstwie Ignacego Reissa nie został poddany represjom, ponieważ zachorował na gruźlicę i zmarł w Moskwie. „W ten sposób prątki Kocha wygrały z NKWD” – ironizował Sezeman⁵⁹.

⁵⁸ W tej samej paryskiej drukarni, której właścicielem był niejaki Borys Schwarz, pracował Nikołaj Klepinin jako administrator, Siergiej Efron zajmował się korektą, a Wadim Kondratjew wykonywał czynności zecera. Zob. np.: Б. Прянишников. *Незримая паутина: ОГПУ–НКВД против белой эмиграции*. Москва: Яуза–Эксмо, 2004, s. 96. [Online:] <<https://unotices.com/book.php?id=178320&page=96>> (dostęp: 17.06.2017).

⁵⁹ Zob.: Б. Носик. *Сент-Женевьев-де-Буа. Русский погост в предместье Парижа*; <<https://books.google.pl/books>> (dostęp: 17.06.2017) – nekrolog: *Де Пляни (De Plagny)*. Юрий Филлипович, 6.01.1905–4.08.1986. Zob.: М. Соколов. *Дмитрий Сеземан: Марина Цветаева, Георгий Эфрон и возвращение в СССР. Часть 1*. [Online:] <<https://www.svoboda.org/a/262693.html>> (dostęp: 17.06.2017). Zob. także: Д. П. Прохоров, О. И. Лемехов. *Перебежчики. Заочно расстреляны*. [Online:] <<http://coollib.com/b/271956/read>> (dostęp: 17.06.2017).

Po 4 września 1937

Jak pisze Walter Kriwicki, „Zabójstwo Reissa stało się głośną sprawą w Europie i wieści o nim dotarły do prasy amerykańskiej oraz innych państw. Policja szwajcarska przy pomocy posła Sneevlieta i wdowy Reissa przeprowadziła solidne śledztwo, które ciągnęło się przez wiele miesięcy. Sprawozdanie ze sprawy zostało włączone do książki, która pojawiła się we Francji w zeszłym roku pod tytułem *Zabójstwo Ignacego Reissa* i którą opublikował Pierre Tisné⁶⁰. Sam Kriwicki dowiedział się o śmierci Reissa już 5 września 1937 roku i wtedy, jak wspomina, „zrozumiał, że moje własne położenie jest rozpaczliwe. Wiedziałem, że Stalin i Jeżow nie wybaczą mi udziału w sprawie Reissa. Przede mną był wybór – albo kula na Łubiance z rąk oficjalnych katów, albo seria z pistoletu maszynowego wypuszczona przez tajnych stalinowskich zabójców poza granicami Rosji”⁶¹.

Za punkt wyjścia w zrelacjonowaniu najnowszej wiedzy o zamachu na życie radzieckiego szpiega wybrałem artykuł Ludmiły Kłot, jaki ukazał się 14 września 2012 roku na łamach szwajcarskiej „Naszej Gazety”, która za gazetą „24 Heures” przypominała tamtejszym czytelnikom o zdarzeniu historycznym (wtedy) sprzed 75 lat. Dany tekst nie jest kompletnym źródłem i wymaga uzupełnień literaturowych, ale porządkuje pewne sprawy w sposób klarowny i dostarcza informacji, których nie znajduję w innych opracowaniach przedmiotowych.

Tak więc, z dokumentacji śledczej, o której wspomina Kłot, wynika, że wczesnym rankiem 5 września 1937 roku jeden z mieszkańców dzielnicy Chamblandes w miasteczku Pully pod Lozanną, będąc na spacerze z psem, natknął się na pozbawione oznak życia zakrwawione ciało tęgiego mężczyzny. Ale według Kriwickiego do odnalezienia zwłok nieznanego krępego mężczyzny w wieku około 40 lat, podziurawionych od kul, porzuconych w pewnej odległości od drogi, doszło już 4 września 1937 roku nocą: pięć pocisków przebiło głowę, siedem – ciało.

Przybyli na miejsce zdarzenia żandarmi doliczyli się **dwunastu ran postrzałowych**, a więc – potencjalnie – w ciele denata mogło tkwić **dwanaście pocisków**: zabójcy strzelali w okolice klatki piersiowej i okolice mózgowiczaszki. Liczba pocisków oraz ich lokalizacja nie są, o czym jestem przekonany, przypadkowe. Strzałami do człowieka w środek czoła – strzał zasadniczy – oraz w jedną ze skroni – dla pewności, gdyby pierwszy strzał nie okazał się śmiertelny – podpisywali się przede wszystkim zabójcy wywodzący się ze służb specjalnych, nie tylko zresztą bolszewickich. Tak zginął na przykład Siergiej Jesienin (1895–1925), do którego stalinowscy agenci strzelali dwukrotnie z nagana⁶². Podobnie zginął Grigorij Rasputin, do którego mierzył w czoło i wystrzelił agent służb brytyjskich. Z punktu widzenia psychopatologii zabójców, taki zespołowy mord skutecznie wiąże jego uczestników, stanowiąc nie tylko jednoznaczne ostrzeżenie dla każdego, kto chciałby się wyrwać z kryminalnego układu, lecz także

⁶⁰ В. Кривицкий. *Я был агентом Сталина...* Kriwicki miał na myśli następującą książkę: V. Serge, M. Wullens, A. Rosner. *L'assassinat d'Ignace Reiss*. Paris: Editions Pierre Tisné, 1938. Przypis – G. O.

⁶¹ Tamże, s. 266.

⁶² Zob. G. Ojcewicz, R. Włodarczyk, D. Zajdel. *Zabójstwo Sergiusza Jesienina. Studium kryminalistyczno-historycznoliterackie*. Szczytno: Wydawnictwo Wyższej Szkoły Policji, 2009.

stanowi dowód w postaci zeznań przed przełożonymi z wykonanego brudnego zadania.

Sprawę zabójstwa „nieznajomego z Chamblandes” przydzielono pułkownikowi Robertowi Jacquiardowi, który kierował służbą bezpieczeństwa w danym kantonie. Niewykluczone, że Jacquiard szybko zdał sobie sprawę nie tylko ze złożoności samych czynności dochodzeniowo-śledczych, ale także z międzynarodowego charakteru zdarzenia, i jeśli uwzględniał udział w nim służb specjalnych, to śledztwo nie mogło toczyć się wedle działań rutynowych. Wkrótce po odnalezieniu zwłok na policję dotarł list, w którym życzliwy i zorientowany w sprawie nadawca donosił, iż zabity mężczyzna jest międzynarodowym aferzystą i zajmował się nielegalnym handlem bronią i że padł on ofiarą wewnętrznych porachunków. Z punktu widzenia historii zgadzało się w tym liście tylko jedno: Reiss rzeczywiście zginął w wyniku wewnętrznych działań agenturalnych. List o takiej samej treści trafił również do policji francuskiej, zapewne w Paryżu, z tą jednak różnicą, że piszący ten list wymienił nazwisko Eberharda. Stąd prosty wniosek, że nie był on obcy zabójcom.

Okoliczności na miejscu zdarzenia przemawiały za tym, że ofiara nie zginęła w Pully, lecz że została tutaj przywieziona i porzucona, o czym najdobitniej świadczyły ślady wleczenia denata po ziemi. Biorąc pod uwagę ciężar ciała Reissa, zwłoki musiało wlecco najmniej dwóch silnych osobników. Ponadto nikt z mieszkańców wspomnianego miasteczka nie słyszał strzałów. To jednak nie jest, w mojej ocenie, żadnym istotnym dowodem w sprawie, ponieważ stosowanie tłumików montowanych na broni palnej w sposób absolutnie satysfakcjonujący zmniejsza hałas, jaki towarzyszy wystrzałowi. Poza tym nie wiadomo, czy przesłuchano wszystkich mieszkańców Pully i czy przypadkiem nie woleli oni milczeć niż z uwagi na potencjalne zagrożenie własne okazać wylewność, składając zeznania przed żandarmami.

W wyniku przeszukania zwłok żandarmi odkryli, że zmarły miał przy sobie czechosłowacki paszport na nazwisko „Hermann Eberhardt”⁶³, z którego wynikało, że był urodzony 1 marca 1889 roku w Czechach⁶⁴, portfel z okazałą sumą pieniędzy (co wykluczało wersję napadu rabunkowego) oraz bilet na pociąg do Reims, miasta położonego w północno-wschodniej części Francji w odległości ok. 160 km od Paryża; tam po raz pierwszy Reiss miał się spotkać z Lwem Siedowem. Na dworcu w Reims czekała zapasowa grupa egzekucyjna zorganizowana przez Spiegelglasa na wypadek, gdyby w Lozannie nie udało się zlikwidować radzieckiego szpiega.

Bilet do Reims był przebity pociskiem rewolwerowym (zapewne od nagana, ulubionej broni zabójców NKWD), lecz na bilecie widniały już inne dane personalne – niejakiemu Steffa Brandta. Zwykle bilety i inne ważne dokumenty ludzie praworęczni

⁶³ We wspomnieniach Waltera Kriwickiego występuje nie imię „Hermann”, lecz „Hans” (Ганс) Eberhardt. Zob.: В. Кривицкий. *Я был агентом Сталина...*, s. 257.

⁶⁴ Na marginesie pewna ciekawostka: Natan Porecki urodził się, jak pisałem, 1 stycznia 1889 roku, czyli w Nowy Rok, i być może na upamiętnienie tej chwili otrzymał imię „Natan”, co znaczy „podarunek, prezent”. W fałszywym czechosłowackim paszporcie zachowano rok urodzenia Poreckiego i dzień, w którym przyszedł na świat, tj. pierwszego dnia miesiąca, ale zmieniono styczeń na marzec, uwiarygodniając w ten sposób w wysokim stopniu dane o dacie urodzenia okaziciela dokumentu z jego wyglądem zewnętrznym.

przechowują w wewnętrznej górnej lewej kieszeni ubrania. Tak mogło być i w przypadku Reissa, a ślad na bilecie po postrzale świadczy, że rana objęła okolice serca. Wskazówki na zegarku zabitego zatrzymały się i wskazywały godzinę 9:40, w ręce zaś Reiss ścisnął pęk siwych żeńskich włosów. Autorka nie uściśla, w której ręce denat trzymał żeńskie włosy i czy były to włosy naturalne lub sztuczne, a dla śledztwa takie szczegóły są przecież istotne. Do chwili ustalenia tożsamości Reissa mówiono o nim jako o „nieznajomym z Chamblandes”.

Ciekawe, w jaki sposób policja Szwajcarii zdołała ustalić, do kogo należą siwe włosy, które były w ręce denata, skoro Schildbach i zabójcy pośpiesznie opuścili ten kraj? Zapewne „identyfikacji” kryminalistycznej właścicielki włosów dokonano na podstawie zeznań Poreckiej i Steiner. Steiner wiedziała przecież, komu wynajęła auto i widziała, jak wyglądali jej znajomi. Porecka zaś feralnego dnia spotkała się z Schildbach i na pewno zwróciła uwagę na kolor jej włosów oraz uczesanie. Czy takich dowodów z zeznań dwóch świadków nie dałoby się dzisiaj z powodzeniem podważyć w postępowaniu procesowym przed sądem? Gertruda Schildbach w 1937 roku liczyła 41 lat, nie jest to więc wiek, w którym kobiety na ogół znacznie siwieją. Występowanie siwych włosów wskazuje nie tylko na aspekty czysto fizjologiczne organizmu agentki, lecz także na obecność najprawdopodobniej wielu sytuacji stresowych w jej życiu, które również sprzyjają pogłębianiu się procesowi siwienia.

Jak wspomniałem, natychmiast po akcji Gertruda Schildbach i młodszy od niej o osiem lat kochanek, opuścili Szwajcarię, porzucając przed stacją kolejową w Genewie auto ze śladami krwi w kabinie. Ta właśnie dość niecodzienna okoliczność zastanowiła 5 września 1937 roku tamtejszą żandarmerię, która zainteresowała się danym pojazdem. Zastawiono pułapkę, a gdy 6 września 1937 roku do zaparkowanego samochodu podeszła Renata Steiner, zatrzymano ją i poproszono o złożenie zeznań. W ich trakcie wyjaśniło się, że Steiner wynajęła samochód znajomym, nie pytając i nie wiedząc, do jakich celów będzie im służyć. Policji szwajcarskiej nie udało się udowodnić Renacie Steiner współudziału w zabójstwie Reissa.

Wkrótce, bo już 6 września 1937 roku, na policję w Lozannie zgłosiła się Jelizawita Porecka, która dowiedziała się z gazet, że nocą 4 IX 1937 na drodze z Lozanny do Pully znaleziono zwłoki mężczyzny mającego przy sobie czechosłowacki paszport na nazwisko Hansa Eberharda. Kobieta była przekonana, że chodzi o jej męża Ignacego Reissa. Dodała, że Reiss został najprawdopodobniej zabity przez czekistów za zerwanie z radzieckimi służbami specjalnymi.

W trakcie śledztwa policja szwajcarska współpracowała z policją francuską. W sprawozdaniu na temat śledztwa w sprawie zabójstwa Reissa, datowanym na 2 stycznia 1938 roku, Jacquiard nie ukrywał swojej irytacji z powodu powściągliwości kolegów z Francji i ich działania na przekór szwajcarskiemu pułkownikowi. Na przykład francuska policja kryminalna dwukrotnie zatrzymywała Marinę Cwietajewą i przesłuchiwała ją przez wiele godzin. Cwietajewa twierdziła, że niczego nie wiedziała o działalności męża. Rosyjska emigrantka, Zinaida Szachowska⁶⁵, napisała w swoich

⁶⁵ Księżna Zinaida Szachowska, po mężu Malewska-Malewicz (1906–2001) – rosyjska poetka, prozaik, krytyk literacki, dziennikarka. Na emigracji od 1920 roku. W Paryżu od 1925. Autorka interesującej memuarystyki, w której głównymi bohaterami są wybitne postaci rosyjskiego świata kultury,

wspomnieniach, że Cwietajewa, poznawszy dowody udziału jej męża w zabójstwie Reissa, miała tak odpowiedzieć: „Jego zaufanie mogło zostać nadużyte, moje zaufanie do niego jest niezachwianie”⁶⁶. Po tym oświadczeniu władze francuskie odstąpiły od oskarżenia jej o współprawnictwo.

Z kolei 9 listopada 1937 roku Jacquiard, zgodnie zresztą ze stanem faktycznym, zakomunikował, że w sprawę jest zamieszany agent NKWD, Siergiej Efron, ale, jak wiadomo z historii, władze francuskie nie podjęły żadnych czynności mających na celu zatrzymanie podejrzanego w kraju i dlatego można zasadnie przyjąć, że nagły wyjazd Efrona z Francji nastąpił w porozumieniu francuskich służb specjalnych z radzieckim wywiadem. Nie jest przecież odkrywcze stwierdzenie, że międzynarodowe służby specjalne w określonych zakresach ze sobą współpracują, a podejmowane przez nie decyzje zawsze stanowią perfekcyjny rachunek strat i zysków, jakie można ponieść lub osiągnąć, decydując się na pewne kroki w odniesieniu do konkretnych osób. Przypadek nagłego wyjazdu Efrona nie jest przecież odosobniony: razem z nim w trybie pilnym opuszczają Francję inni współpracownicy NKWD, bezpośrednio powiązani ze „Związkiem Powrotu do Ojczyzny” i zabójstwem Ignacego Reissa.

Pułkownik Jacquiard wnioskował także do władz francuskich o zbadanie działalności dwóch pracowników ambasady radzieckiej w Paryżu, małżeństwa Grozowskich – Arnolda⁶⁷ i jego żony, Lidii. Arnold Grozowski, korzystając z przywileju dyplomatycznego, gdy zrobiło się niebezpiecznie w związku ze sprawą Reissa, pośpiesznie opuścił Francję, pozostawiając w niej swoją żonę, być może w roli „zakładnika” francuskich służb specjalnych. Gdy Szwajcarzy zwrócili się do Francuzów z wnioskiem o wydanie im Lidii Grozowskiej po przedstawieniu materiału prokuratorskiego, paryska policja, mimo presji radzieckich służb dyplomatycznych we Francji, najpierw przesłuchała Grozowską 15 grudnia 1937 roku, a dwa dni później aresztowała, natomiast sąd wypuścił warunkowo po uiszczeniu okazałej kaucji w wysokości 50000 franków i odebraniu zobowiązania o nieopuszczaniu kraju⁶⁸. W rzeczy samej Grozowska skorzystała z okazji i potajemnie opuściła Francję. Wiedziała, że w danej sytuacji może być „bezpieczna” tylko pod skrzydłami protektorów, czyli moskiewskiego NKWD. Wiele zatem wskazywało na to, że rząd francuski nie chciał się narażać rządowi radzieckiemu i wolał zachować lepsze relacje z Kremlem niż z policją szwajcarską. W powieści *Kłamstwo* (*Ложь*) były generał Białej Armii, Piotr Krasnow (1869–1947), napisał: „Ignacy Reiss, nasz były agent, który odmówił powrotu do Związku, i który uciekł najpierw do Holandii, a potem do Szwajcarii, został zabity niedawno w Lozannie. **Organizatorka tego**

tej rangi, co Iwan Bunin czy Vladimir Nabokov. Zob. 3. A. Шаховская. *Отражения: эссе, письма*. Paris: YMCA-Press, 1975.

⁶⁶ Л. Клот. *Игнатий Рейсс...*

⁶⁷ Arnold Grozowski (1901–?) – agent sowieckich służb specjalnych. Od 1926 – współpracownik INO NKWD. Od 1927 – jako sekretarz radzieckiego konsulatu w Wyborgu zajmował się pracą wywiadowczą. W latach 30. pracował w Belgii i Francji pod przykryciem w roli przedstawiciela handlowego. Od 11 XII 1935 – starszy lejtnant bezpieczeństwa państwowego (odpowiednik wojskowy – stopień majora). Od VI 1938 – Komendant Wydziału Transportu Północno-Kolejowego Obozu Pracy. Dalsze jego losy nie są znane. Niewykluczone, że zginął w ramach stalinowskich czystek.

⁶⁸ Kwotę tę, która pochodziła z kasy operacyjnej NKWD, wymienia Walter Kriwicki. Zob.: В. Криwickий. *Я был агентом Сталина...*, s. 265.

zabójstwa, nasz współpracownik, Lidia Grozowska, jest w pełni bezpieczna w Paryżu, w radzieckiej ambasadzie⁶⁹.

W wyniku przeprowadzonego przez pułkownika Roberta Jacquiarda śledztwa przed szwajcarskim sądem stanęła tylko Renata Steiner (1908–1986), urodzona w szwajcarskim Sankt Gallen, nauczycielka w Zurychu, członkini Komunistycznej Partii Szwajcarii. Przed zabójstwem Reissa dwukrotnie przebywała w Moskwie, gdyż, jak sama mówiła, „chciała zrozumieć rolę kobiet rosyjskich w życiu politycznym”⁷⁰. W 1932 roku Steiner poznała się z osobami sympatyzującymi z komunistami. Dwa lata później wyjechała na sześć tygodni do Moskwy, jak podaje historyk Peter Huber (1954), autor książki *Szwajcarscy komuniści w Moskwie: zdraycy i niewolnicy Międzynarodówki Komunistycznej*⁷¹. Do pracy w INO NKWD zwerbował ją Siergiej Efron. Związek Radziecki musiał szybko urzec tę młodą kobietę, ponieważ związała się ze stalinowskimi służbami specjalnymi, a liczne grono rosyjskich kochanków stanowiło doskonałe źródło informacji. Pracownicy NKWD podstawili jej nawet swojego agenta, niejakiego Molijenkę, za którego Steiner wyszła za mąż i który pozostał w ZSRR. Są dowody na to, że Steiner, aby uzyskać radziecki paszport i móc wyjechać do Moskwy, wykonywała różnorodne zadania na rzecz Kremla, śledziła także Reissa i wynajęła w Bernie auto dla zabójców radzieckiego agenta. Peter Huber napisał, że Renatę Steiner „zlikwidowano podczas jej kolejnego pobytu w Moskwie”⁷². Innego zdania jest Władimir Weichman, który napisał, że „Życie Renaty Steiner [po zabójstwie Reissa – G. O.] było długie, lecz jego szczegóły nie są znane prócz tego, że zmarła w 1986 roku”⁷³.

Zwłoki Ignacego Reissa poddano kremacji. Z wypowiedzi Jelizawiety Poreckiej wiadomo, że dopiero pod koniec września, a więc po ponad trzech tygodniach od zabójstwa sowieckiego szpiega, została wezwana do kolumbarium w Lozannie, gdzie przekazano jej urnę, w której miały się znajdować prochy Natana Poreckiego. Nie wiadomo jednak, kto był zlecniodawcą kremacji i nie wiadomo, czy w przekazanej Poreckiej urnie rzeczywiście znajdowały się spopielone szczątki jej męża. To jeszcze jedna z wielu tajemnic, w których tak się lubowały nie tylko stalinowskie służby specjalne. Jedyne oficjalne nekrolog o śmierci Reissa ukazał się w antystalinowskim paryskim „Biuletynie Opozycji”. Rząd Nikity Chruszczowa (1894–1971) zrehabilitował Ignacego Reissa w 1960 roku.

W grudniowym numerze „Biuletynu Opozycji”, w artykule *GPU zabija i za granicą*, Lew Siedow pisał: „«Ojciec narodów» ze swoimi Jeżowowami zbyt dobrze wie, iluz potencjalnych Reissów jest we wszystkich aparatach. Lozańskie zabójstwo powinno im wszystkim – i nie tylko im – posłużyć jako ostrzeżenie... Dlatego z większą energią

⁶⁹ П. Краснов. *Ложь*. Париж: Издательство В. П. Сияльского, 1939. [Online:] <<https://books.google.pl/>> (dostęp: 11.06.2017).

⁷⁰ Л. Клот. *Игнатий Рейсс...*

⁷¹ Zob.: P. Huber. *Stalins Schatten in der Schweiz. Schweizer Kommunisten in Moskau: Verteidiger und Gefangene der Komintern*. Erich: Chronos Verlag, 1994.

⁷² Podaję za: Л. Клот. *Игнатий Рейсс...*

⁷³ В. Вейхман. *Каждый день я прихожу на пристань*. [Online:] <<https://proza.ru/2009/10/31/512>> (dostęp: 31.05.2017).

powinna prasa robotnicza i robotnicze organizacje demaskować stalinowskie przestępstwa. Tylko szerokie nagłośnienie przestępstwa może nałożyć kaganiec na wściegłego uzurpatora⁷⁴.

Zgon Reissa wywołał także poważniejsze reperkusje polityczno-organizacyjne: gdy sprawy wyszły na jaw, gdy stało się jasne, że zginął człowiek z rąk bolszewickich służb specjalnych, a więc – w powszechnym odczuciu – komunistów, znacznie się pogorszył stosunek Szwajcarów do „czerwonych”. W 1937 roku zabroniono oficjalnie działalności Komunistycznej Partii Szwajcarii w dwóch kantonach – Genewie i Neuchâtel, a 29 listopada 1940 roku zakaz objął już cały kraj. Na nic się zdały skargi członków KPS kierowane do sądu najwyższego, ponieważ sędziowie na ogół odmawiali ich rozpatrywania.

Można zasadnie zapytać: czy zorganizowanie agenturalnego zabójstwa Reissa wynikało wyłącznie z chęci Moskwy pokazowego ukarania zbuntowanego agenta? Niekoniecznie tylko z tej przyczyny. Jak podaje Rogowin, zaraz po egzekucji Reissa „agenci Jeżowa rozpoczęli polowanie na jego archiwum, które przechowywała wdowa. (...) Część notatek Reissa, odzwierciedlających kuchnię moskiewskich procesów, została opublikowana w grudniowym numerze „Biuletynu Opozycji” z 1937 roku⁷⁵. W związku z powyższym Walter Kriwicki wspominał:

Mniej więcej w połowie września pojawił się mój młody pomocnik Hans Bruss. Był roztrzęsiony, dowiedziawszy się o zabójstwie Reissa. Otrzymał instrukcje, by jechać do Holandii, gdzie przebywała wdowa Reissa. Dostał polecenie wykradzenia notatek i listów, które pozostawił Reiss, ale powrócił z pustymi rękoma. Zmusili go więc, aby jechał ponownie i nie cofał się przed niczym, nawet przed zabójstwem, by tylko wykraść papiery. Zrozpaczony, ze łzami w oczach, przyjechał do mnie po radę. Powiedziałem mu, że Reiss był idealistą, prawdziwym komunistą i że przyszła historia ruchu rewolucyjnego i robotniczego osądzi zabójców z OGPU. Poradziłem mu, by sabotował niebezpieczne zadanie, które otrzymał od Spiegelglasa, i powiedziałem, jak to ma zrobić⁷⁶.

Z tego by wynikało, że Reiss mógł dysponować pisemną wiedzą o czymś, co najprawdopodobniej mocno kompromitowałoby Kreml, gdyby wyszło na jaw, i dlatego z takim enkawudeowskim zapałem ludzie Jeżowa starali się do interesujących ich materiałów dotrzeć. Rosyjski historyk, archiwista i działacz praw człowieka, Nikita Pietrow (1957)⁷⁷, zakłada, że przyczyna tak gwałtownej nagonki na Reissa, w której wyniku zginął, miała podtekst przede wszystkim polityczny, albowiem radziecki szpieg był dobrze zorientowany w tajnych rozmowach, jakie prowadził Hitler/Ribbentrop ze Stalinem/Mołotowem. Prawdą jest, o czym pisze także Rogowin, że w latach 30. XX w. zarówno Wiktor Kriwicki, jak i Ignacy Reiss zajmowali się zbieraniem informacji o wojskowych przygotowaniach Hitlera do wojny. Według Pietrowa, „na posiedzeniu

⁷⁴ «Бюллетень оппозиции» 1937, nr 58–59, s. 22.

⁷⁵ В. З. Роговин. *Прозрение и гибель...*, s. 683–684).

⁷⁶ В. Кривицкий. *Я был агентом Сталина...*, s. 266.

⁷⁷ Dr Nikita Pietrow to znany w Rosji autor książek o KGB i represjach systemu totalitarnego. Wiele lat pracował w archiwach Łubianki. Jest zastępcą przewodniczącego rady Naukowo-Informacyjnego i Oświatowego Centrum „Memoriał”. Odznaczony 24 marca 2005 roku przez Prezydenta RP Aleksandra Kwaśniewskiego Krzyżem Kawalerskim Orderu Zasługi Rzeczypospolitej Polskiej za wybitne zasługi w ujawnieniu i udokumentowaniu prawdy o represjach wobec ludności polskiej w ZSRR.

Biura Politycznego Stalin zapytał Litwinowa, czy obcokrajowcy wiedzą o tych rozmowach. Naciskał, aby zapobiec jakiegokolwiek wyciekowi informacji. Dowiedziawszy się, że materiały dotyczące rozmów miał Reiss, Stalin krzychał do Jeżowa: «Niech go Pan zlikwiduje, albo ja zlikwiduję tego, kto nie wykona moich poleceń!». W tej sytuacji Reiss nie mógł przeżyć⁷⁸.

Gdy tylko sprawa zabójstwa Reissa wyszła na jaw, Siergiej Efron i Nikołaj Klepinin zostali przerwani najpierw do Hiszpanii, następnie do ZSRR, gdzie od paru miesięcy przebywała już Ariadna Efron (1912–1975). „O życiu Nikołaja Klepinina, starszego brata ojca Dmitrija, wiadomo dość wiele. Oficer Białej Armii, członek Rosyjskiego Studenckiego Ruchu Chrześcijańskiego, w Paryżu współpracował z YMCA-Press; w 1928 roku pracuje już w gazecie „Eurazja”, założonej przez Siergieja Efrona. Przyjaźnił się z Mariną Cwietajewą i, poczynawszy od praskich lat, stale wynajmowali mieszkania obok siebie” – napisała Ksenia Kriwoszeina⁷⁹. Uciekinierzy zamieszkali w listopadzie 1938 roku na dachu w Bołszewie pod Moskwą, przy ulicy „Nowy Byt” 4/33 (obecnie ul. Jakowa Swierdłowa 15). Efron nazywał się teraz Andriejew, a Klepininowie nosili nazwisko „Lwow”. Klepinin znów działał pod przykryciem, pracując oficjalnie we Wszechzwiązkowym Towarzystwie Związków Kulturowych z Zagranicą. Potem dołączyli do nich pozostali członkowie rodzin: Antonina Klepinina z dwoma synami, Aleksiejem i Dmitrijem Sezemanami, a w czerwcu 1939 – Marina Cwietajewa (1892–1941) z synem Georgijem (1925–1944). Po dwóch miesiącach od jej przyjazdu zaczęły się aresztowania.

Chronologia tragicznych wydarzeń 1939 roku zaczyna się od Ariadny Efron, którą NKWD uwięziło 27 sierpnia 1939 roku. Z kolei 10 października został aresztowany Siergiej Efron, a nocą, z 6 na 7 listopada, na Łubiankę trafili Nina i Nikołaj Klepininowie oraz Aleksiej Sezeman. Dnia 28 lipca 1941 roku w przejściowym więzieniu orłowskim Klepininowie i Efron zostali osądzeni jako francuscy szpiedzy i skazani na „grupowe rozstrzelanie”; wyrok wykonano: Klepininowie byli rozstrzelani 27 sierpnia 1941 roku⁸⁰, a Efron – 16 października 1941.

O Ariadnie Efron Ksenia Kriwoszeina napisała:

W połowie lat 30. dzięki kontaktom ojca udaje się ją zatrudnić w czasopiśmie „Nasz Związek” („Наш Союз”), będącym w rzeczy samej głosem paryskiego „Związku Powrotu do Ojczyzny”. Jakkolwiek byłaby naiwna, lecz niespodziewanie zjawiające się w rodzinie pieniądze, tajemnicze zniknięcia ojca, który mówił, że jedzie w „delegację”, nie mogły nie wywoływać ciekawości córki: czymże zajmuje się ojciec? A ojciec zajmował się werbunkiem emigrantów i otrzymywał pieniądze z Moskwy za aktywną pracę werbownika. Według niektórych danych, udało się mu zwerbować około **24 osób**⁸¹.

A sama Ariadna Efron, gdy została zrehabilitowana (1955), w piśmie do prokuratury wojskowej, tak pisała o swoim ojcu, pragnąc, aby on także doczekał się zwrotu

⁷⁸ Великие операции спецслужб...

⁷⁹ К. Кривошеина. Неэвклидов палиндром...

⁸⁰ Według innych źródeł: 30 VII 1941.

⁸¹ Wadim Rogowin pisze, że w czasie przesłuchań na Łubiance Siergiej Efron wymienił nazwiska **około 30 agentów**, których zwerbował na rzecz sowieckiej agentury. Zob.: В. З. Роговин. Прозрение и гибель Игнатия Райса..., s. 682.

dobrego imienia i oczyszczenia z zarzutów, które doprowadziły go do śmierci: „Ojciec, w przeszłości biały emigrant, który później odkupił swoje błędy, swoją winę wobec Ojczyzny, uczynił wszystko, by je zmasać. **Przez długie lata zajmował się pracą wywiadowczą za granicą, zorganizowawszy silną grupę wywiadowców**”⁸². A w innym wniosku dotyczącym rehabilitacji Siergieja Efrona wspomniała o „**zadaniu, które grupie kierowanej przez mojego ojca, przydzielił Spiegelglas**”⁸³. Z kolei w notatce związanej z procedurą rehabilitacyjną, którą na temat Efrona przygotował zarząd śledczy KGB, wskazywano, że „W ciągu wielu lat Efron był wykorzystywany jako szef grupy i aktywny werbownik, z jego udziałem przez organy NKWD zostało zwerbowanych wielu białych emigrantów (...) W Związku Radzieckim Efron przebywał pod nazwiskiem «Andriejew» i był na utrzymaniu organów NKWD”⁸⁴.

We wspomnieniach Dmitrija Sezemana znajdujemy fragment, w którym **wskazuje on na Efrona jako bezpośredniego zabójcę Reissa**, lecz zgadza się z autorem wywiadu, że tego nie udowodniono. Pisze ponadto o tym, czego był naocznym świadkiem jako nastolatek, a co świadczy o załamaniu nerwowym, jakie przeżywał mąż Mariny Cwietajewej:

Moja mama [Nina Klepinina – G. O.] bardzo szybko, według mnie, zrozumiała, że to wszystko źle się skończy i była w jakiejś depresji. A Siergiej Jakowlewicz [Efron – G. O.] w jeszcze większej. Przesiadywał w zamknięciu przez cały dzień w swoim pokoju. I pewnego razu, nagle słyszę przez drzwi z tamtej połowy [domu – G. O.] **głośny szloch**. Moja mama była w domu, rzuciła się w tamtym kierunku i, jak to rozumiem, **przez długi czas** go pocieszała. A kiedy wróciła, zapytałam: „Co się dzieje?”. Ona na to: „Nic, po prostu **Sierioża źle się czuje**”⁸⁵.

Czy Siergiej Efron miał powody, by się źle czuć? Zdecydowanie tak, o czym przesądziła jego agenturalna przeszłość. Tak pisano o niej w *Cieniach zamku Arsin*:

Tak, to on werbował drobne płotki w środowisku emigracyjnym jako materiał rozchodowy NKWD. Tak, to on uczestniczył w porwaniu archiwum Lwa Trockiego i kierował śledzeniem jego syna. Tak, to on wchodził w skład grupy kuratorów śledzenia i zabójstw niezgadających się z polityką Stalina komunistów. Ale to także był on – Siergiej Efron, który uratował życie generałowi Denikinowi, uprzedziwszy go o przygotowywanym na niego porwaniu. (...) Od 1934 roku Efron jest już „na posadzie i z pensją”, wykonuje polecenia swoich kuratorów. Zajmował się przede wszystkim werbunkiem małych pionków, organizacją śledzenia, pomagał w wysłaniu wolontariuszy na hiszpańską wojnę domową, wstąpił na polecenie NKWD do loży masonskiej i donosił wedle reguł reżimu, agitując do powrotu do ZSRR tych, którzy nie byli w stanie odnaleźć się na emigracji. Taki oto był schemat werbunku: „Chcesz wrócić? Na prawo do powrotu trzeba u nowej władzy zasłużyć...”. Wartości szczególnej Efron jak agent nie przedstawiał i był u nowych gospodarzy niczym popychadło, póki się nie wybił.⁸⁶

⁸² В. З. Роговин. *Прозрение и гибель Игнатия Райса...*, s. 682.

⁸³ Tamże.

⁸⁴ В. З. Роговин. *Прозрение и гибель Игнатия Райса...*, s. 683.

⁸⁵ М. Соколов. *Дмитрий Сеземан: Марина Цветаева, Георгий Эфрон и возвращение в СССР. Часть 2*. [Online:] <<https://www.svoboda.org/a/262899.html>> (dostęp: 17.06.2017).

⁸⁶ *Тени замка Арсин*. [Online:] <<http://www.travel-journal.ru/phenomenons/2/576/>> (dostęp: 6.06.2017).

Zakończenie

W słusznej ocenie Ludmiły Kłot, „śmierć Ignacego Reissa stała się nie tylko przykładem skutecznej pracy stalinowskich służb specjalnych, ale także częścią historii kantonu Vaud⁸⁷. W 75. rocznicę przypominała sobie o niej gazeta «24 Heures», opublikowawszy artykuł pod nazwą *Brudny cios GPU*⁸⁸ i przedstawiwszy najistotniejsze etapy śledztwa oraz sylwetki uczestników – organizatorów oraz zabójców – zamachu na życie wybitnego radzieckiego szpiega. O randze ówczesnego wydarzenia świadczą co najmniej trzy charakterystyczne fakty: po pierwsze, z danych sondażu, jaki przeprowadziło czasopismo „Illustré” oraz szwajcarska telewizja TSR, wynika, że zabójstwo Reissa znalazło się na liście stu najważniejszych historycznych wydarzeń tego państwa, do jakich doszło w XX wieku⁸⁹, po drugie, bezkompromisowa postawa Reissa stała się inspiracją dla francuskiego producenta filmowego i scenarzysty Daniela Künzi (1958), który w 1995 roku nakręcił 53-minutowy film dokumentalny zatytułowany *Ignacy Reiss, życie i śmierć rewolucjonisty*⁹⁰, wreszcie po trzecie, pomimo upływu lat nie słabnie zainteresowanie pisarzy postacią sowieckiego agenta, za czym przemawiają chociażby książki Eberharda Raetza z 2006 roku o ostatnim dniu wywiadowcy Reissa⁹¹ czy proza Władimira Weichmana (1934) *Każdego dnia przychodzę nad przystań*⁹².

Z dokonanej prezentacji materiału związanego z pracą zagranicznej agencji stalinowskiej, w związku z zabójstwem Ignacego Reissa, płynie kilka zasadniczych wniosków:

1. Ignacy Reiss zginął z rąk agentów NKWD, ich grono oraz nazwiska są znane, lecz nie ma pewności, że są to wszystkie nazwiska i że są to rzeczywiste nazwiska agentów-likwidatorów.

2. Wedle dzisiejszej wiedzy krąg osób najściślej związanych ze sprawą Ignacego Reissa z podziałem na funkcje wygląda następująco:

- a) Siergiej Spiegelglas – pełnomocnik Nikołaja Jeżowa i kierownik zadania oraz agenci spoza „Związku Powrotu do Ojczyzny”, jak: Rol(1)and Abbiate, Borys Afanasjew, Wadim Kondratjew, Lidia Grozowska, Arnold Grozowski, Dmitrij Smirenski;
- b) Siergiej Efron – kierownik grupy operacyjnej, dysponujący agentami pracującymi pod przykryciem w „Związku Powrotu do Ojczyzny”, jak: Renata

⁸⁷ Kanton Vaud ze stolicą w Lozannie jest położony w zachodniej części Szwajcarii.

⁸⁸ Л. Клот. *Игнатий Рейсс...*

⁸⁹ Zob.: Л. Клот. *Знакомые лица: романдцы века на наших страницах | Le général Guisan élu Romand du siècle*. [Online:] <<http://nashagazeta.ch/news/12648>> (dostęp: 1.06.2017).

⁹⁰ *Ignace Reiss, vie et mort d'un révolutionnaire*, 53 minutes, TVSR, TVSI, Planète. W filmie tym fragmenty książki Elisabeth K. Poretzky, *Our Own People...* czyta brytyjska aktorka i laureatka Oscara, Vanessa Redgrave (1937). Film Daniela Künzi otrzymał nagrodę na festiwalu filmowym Inter Svet na Ukrainie (Primé par le DIP à Genève et par le Festival international SVET en Ukraine).

⁹¹ Zob. także: E. Raetz. *Hôtel de la Paix. Ein politischer Mord in Lausanne*. Bretten: INFO Verlag, 2006.

⁹² В. Вейхман. *Каждый день я прихожу на пристань*. [Online:] <<https://proza.ru/2009/10/31/512>> (dostęp: 31.05.2017).

Steiner, Wiera Guczkowa-Traill, Nikołaj Klepinin, Antonina Klepinin, Piotr Schwarzenberg;

c) zabójcy: Rol(l)and Abbiate, Borys Afanasjew, Wadim Kondratjew, Dmitrij Smirenski i Gertruda Schildbach⁹³.

Zachowanie Ignacego Reissa, polegające na zerwaniu z radzieckimi służbami specjalnymi, było działaniem świadomym, o czym świadczy nawiązanie przez niego wiosną 1937 roku kontaktów ze zwolennikami IV Międzynarodówki⁹⁴ i uprzedzeniem o czekających ich wkrótce ze strony Moskwy represjach oraz nieodwołalnym zamiarze zlikwidowania zwolenników Trockiego za granicą oraz antystalinowskich komunistów.

Ignacy Reiss jako współpracownik NKWD wiedział, że za brak lojalności Kreml każe śmiercią, więc naiwne byłoby zakładanie, że został przez moskiewskich agentów zaskoczony. Likwidacja Reissa była tylko kwestią czasu. Odległość geograficzna nie stanowiła żadnej przeszkody, o czym najlepiej świadczy zabójstwo Lwa Trockiego, do jakiego na zlecenie Stalina doszło w 1940 roku w Meksyku.

Śmierć Ignacego Reissa potwierdza fakt istnienia wewnątrzorganizacyjnego zjawiska, które nazywam „kanibalizmem agenturalnym”, a polegającym na postępującym likwidowaniu agentów, którzy wcześniej sami wykonywali wyroki śmierci na wskazanych przez Moskwę do likwidacji osobach, przez kolejnych agentów wysłanych do przeprowadzenia działań operacyjnych⁹⁵. W ten sposób „młodszy” zabójcy zabierali do grobu tajemnice swoich „starszych” likwidatorów. Zjawisko to potwierdza, że agentów służb specjalnych Stalin traktował instrumentalnie, nie wahając się skazywać na śmierć najbardziej mu oddanych, wręcz fanatycznych współpracowników, zajmujących nawet wysokie stanowiska ministerialne (np. kazu Nikołaja Jeżowa).

Najprawdopodobniej, gdyby nie list Ignacego Reissa do KC WKP(b), a ściślej jego opublikowanie przez francuskie media, w konsekwencji zaś nagłośnienie sprawy, wzmocnionej następnie przez zabójstwo radzieckiego agenta pod Lozanną, ten wybitny z punktu widzenia operacyjności NKWD agent podzieliłby zapewne los wielu innych szpiegów, o których wciąż milczy historia radzieckiego wywiadu. Ponieważ Reiss wybrał tę samą drogę głośnego trzaśnięcia drzwiami, jak inni wielcy szpiedzy – Walter Kriwicki czy Aleksander Barmin (1899–1987)⁹⁶ – przedostał się do historii wywiadu agenturalnego i wciąż stanowi zagadkę, nad której rozwiązaniem nadal pracują badacze nie tylko w Rosji.

Do spopularyzowania sylwetki Ignacego Reissa przyczyniła się w dużej mierze jego żona, Jelizawieta Porecka, pisząc o swoim mężu wspomnienia i publikując je poza ZSRR.

⁹³ O losach agenta Dmitrija Smirenskiego zob. np.: В. Вейхман. *Каждый день...*

⁹⁴ Najczęściej wymienia się tutaj nazwisko lidera holenderskich trockistów, Hendricusa Sneevlieta (1883–1942).

⁹⁵ Więcej o katach, wykonujących wyroki Stalina, czyli jego „psach”, zob. np: N. Pietrow. *Psy Stalina*. Tłum. J. Prus-Wojciechowska, K. Syska. Warszawa: Demart SA, 2012.

⁹⁶ Aleksandr Barmin (właśc. Aleksandr Graff) – radziecki wywiadowca i dyplomata, który odmówił powrotu do ZSRR. Był mężem wnuczki prezydenta USA, Teodora Roosevelta, co w największym chyba stopniu przyczyniło się do tego, że nie zginął z rąk oprawców z NKWD.

Na dzień dzisiejszy więcej argumentów przemawia za tym, że Siergiej Efron nie brał bezpośredniego udziału w zabójstwie Reissa, a więc – że do niego nie strzelał. Na skutek dekonspiracji siatki szpiegowskiej w Paryżu, którą kierował Efron, on sam i jego rodzina musieli pośpiesznie opuścić Francję. Wkrótce Efron oraz jego najbliżsi zostali poddani stalinowskiemu represjom w ramach wielkiego terroru. Efron został rozstrzelany przez NKWD, Marina Cwietajewa popełniła samobójstwo, Ariadna Efron trafiła na długie lata do więzienia, a 19-letni Gieorgij Efron zginął na Białorusi w sierpniu 1944 roku, zaledwie po dwóch miesiącach od pobytu na froncie II wojny światowej.

Dzięki wspomnieniom Dmitrija Sezemana, bezpośredniego świadka wydarzeń, w których bohaterem jest rodzina Siergieja Efrona oraz jego własna, tj. Nikołaja i Niny Klepininów, możemy z zaufaniem przyjąć nie tylko podawane przez Sezemana informacje o ludziach i sprawach, ale także zgodzić się wielokrotnie z jego interpretacjami wydarzeń historycznych, w których uczestniczył on sam jako zaskoczone przez historię dziecko, młodzieniec i dorosły mężczyzna, jako mieszkaniec Francji i ZSRR.

Jest jeszcze jedna rzecz, która nie daje mi spokoju. Wiąże się ona z przebiegiem zdarzeń w dniu 4 września 1937 roku, ściślej – z akcją, w której użyto samochodu. Zarówno Kriwicki, jak i inni autorzy po nim i za nim powtarzają, że samochód pojawił się **nagle** i że **wyskoczyło** z niego kilku mężczyzn oraz że **zwłoki Reissa z trudem zostały umieszczone w kabinie pojazdu**. Kriwicki pisze: „Nagle zjawił się samochód i gwałtownie zahamował. Wyskoczyło z niego kilku mężczyzn, którzy napadli na Reissa. Reiss próbował się bronić. Z pomocą Schildbach, której pęk włosów pozostał w zaciśniętej dłoni zabitego, napastnikom udało się wepchnąć go do auta”. Wtóruje mu Mleczin: „Po obiedzie wyszli na spacer i wtedy na mało uczęszczanej drodze pojawił się samochód, z którego wyskoczyło kilku mężczyzn. Na siłę wepchnęli Poreckiego do auta, w którym go zastrzelili”.

Patrzę na fotografię auta, którą Ludmiła Kłot zamieściła w „Naszej Gazecie”, podpisując zdjęcie całkowicie jednoznacznie: „Samochód, w którym przewożono zwłoki Reissa”. Co prawda, mimo starań nie udało się mi jeszcze ustalić marki tego pojazdu, lecz sądzę, że wyglądem swoim przypomina najbardziej dwudrzwiowego chevroleta master de luxe z 1937 lub nieznacznie wcześniejszego roku – 1935 lub 1936. I tutaj moje wątpliwości się potęgują. Auto tego typu nie porusza się bezszelestnie, więc jeśli pojawiło się na głuchej drodze, **musiało być już słyszane z pewnej odległości**. Jeśli były włączone **reflektory – także widziane**. Ponieważ jest to dwudrzwiowy sedan, trudno mówić o kilku mężczyznach, którzy mieliby WYSKOCZYĆ z automobilu. Owszem, wyskoczenie jest możliwe, gdy auto jest czterodrzwiowe, lecz nie dwudrzwiowe, albowiem najpierw musiał wysiąść z samochodu kierowca i pasażer zajmujący przednie siedzenie (lub w odwrotnej kolejności), by mogli następnie wydostać się z auta pozostali pasażerowie. A zatem, jeśli Reiss usłyszał i dostrzegł nadjeżdżające z oddali auto, nie musiał w tym samym momencie uważać, że zbliża się do niego grupa likwidatorska, lecz gdy pojazd się zatrzymał, a z niego po kolei zaczęli pośpiesznie się wydostawać pasażerowie, jego podejrzenia musiały wziąć zapewne górę i dlatego zareagował natychmiast, przyciągając do siebie Schildbach – żywą tarczę. Dalej zdarzenia potoczyły się, być może, według scenariusza, który podałem.

I jeszcze jeden interesujący element, o którym nikt, jak dotąd, z badaczy nie napisał: moment umieszczania zakrwawionych zwłok Reissa w aucie: gdzie i jak je uloko-

wano w samochodzie? Na przednim czy na tylnym siedzeniu? Jeśli na tylnym, to w pozycji siedzącej pomiędzy dwoma zabójcami czy leżącej, a wtedy na zwłokach musieliby usiąść oprawcy. A jeśli z przodu, to kto podtrzymywał denata, by udawał śpiącego człowieka? I czy takie rozwiązanie nie było zbyt ryzykowne, bo wiązało się z szybkim zdemaskowaniem w przypadku zatrzymania pojazdu przez żandarmerię do kontroli? I czy wszyscy uczestnicy zdarzenia, a więc Reiss i pięciu agentów, razem sześć dorosłych osób, mogłoby się zmieścić w dwudrzwiowym sedanie? Z fotografii opublikowanej w „Naszej Gazecie” wynika, że bagażnik w danym pojeździe jest dosyć mały, więc wersja o upchnięciu zwłok krępego mężczyzny w tej części pojazdu jest raczej bardzo mało wiarygodna.

I jest jeszcze jedna wątpliwość: a może fotografia pojazdu, którą znalazłem w artykule Ludmiły Kłot, nie ma nic wspólnego ze sprawą Reissa? Może to tylko dziennikarska sztuczka? Jedyne Walter Kriwicki wspomina, że do akcji użyto auta produkcji AMERYKAŃSKIEJ. Owszem, marka Chevrolet spełniałaby to kryterium, ale nie zapominajmy, że czterodrzwiowe chevrolety sedany montowano w latach 1936–1939 w... Warszawie, a wtedy należałoby mówić o samochodzie wyprodukowanym w przedwojennej Polsce. Zagadek jest zresztą więcej, lecz bez bezpośredniego dostępu do akt sprawy nie da się wielu z nich satysfakcjonująco rozwiązać.

Kapitan bezpieczeństwa państwowego⁹⁷ Ignacy Reiss bez względu na to, jak będziemy go nazywać i postrzegać – jako bezkompromisowego i zaangażowanego ideowo żołnierza światowej rewolucji czy wytrawnego agenta radzieckich służb specjalnych – pozostaje osobą, o której nie można myśleć pozytywnie w kategoriach etycznych, ponieważ jego agenturalna przeszłość wymagała od bolszewickiego szpiega zachowań dwuznacznych, nie zawsze moralnie nienagannyh, a do tego skrajnych, w tym – brania bezpośredniego lub pośredniego udziału w pozbawianiu ludzi życia, tych ludzi, których stalinowski system uznał za niepotrzebnych, niebezpiecznych, i dla niego niewygodnych. Winy Reissa związane z ciemną stroną pracy wywiadowczej nie są, jak uważam, w stanie wyrównać rachunków ludzkich krzywd. Ten stary bolszewik, przekonany, że Stalin prowadzi Rosję ku faszyzmowi i totalnej katastrofie, sam się stał tragiczną ofiarą reżimu, dla którego przez długie lata wiernie pracował. Ale nie wolno pomijać milczeniem chociażby tego ostatniego wołania sumienia, które doprowadziło do jawnego sprzeciwu wobec stalinizmu w obronie ludzkiej godności i wierności lenińskim ideałom – opublikowania demaskatorskiego listu do Komitetu Centralnego WKP(b). List ten był jednak opieczętowany kremłowskim piętrem śmierci, które zamykało kolejną sprawę, za którą stał największy z największych wrogów ludu – Stalin.

Bibliografia

- Beevor A., Cooper A. *Paryż wyzwolony*. Tłum. J. Małecki. Kraków: Znak Horyzont, 2015.
Conquest R. *Wielki Terror*. Tłum. W. Jeżewski. Warszawa: Wydawnictwo Michał Urbański, 1997.
Duff W. E. *A Time for Spies: Theodore Stepanovich Mally and The Era of The Great Illegals*. Nashville and London: Vanderbilt University Press, 1999.

⁹⁷ Temu stopniowi w NKWD odpowiadał wojskowy stopień pułkownika.

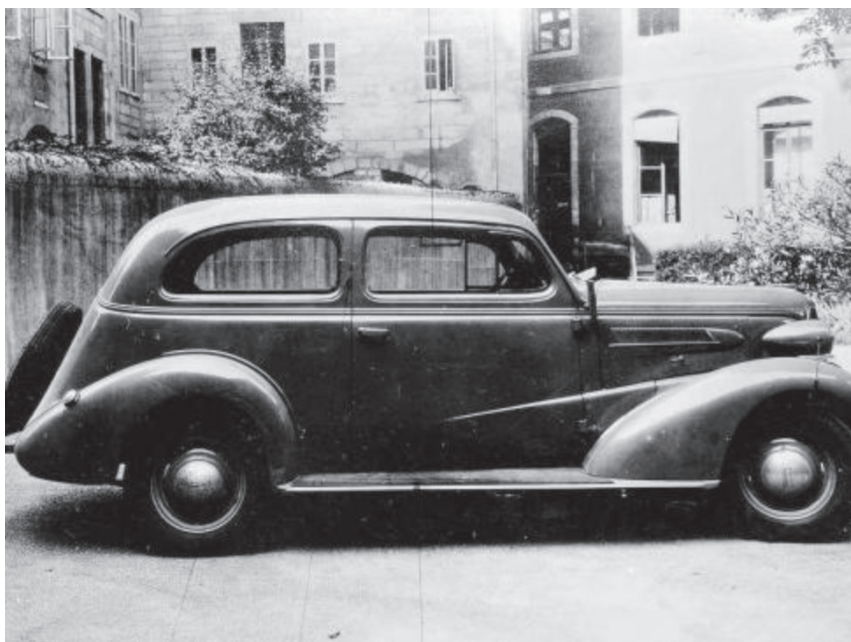
- Huber P. *Stalins Schatten in der Schweiz. Schweizer Kommunisten in Moskau: Verteidiger und Gefangene der Komintern*. Erich: Chronos Verlag, 1994.
- ICL Decrees: No More „Reiss Factions”. [Online:] <<http://www.internationalist.org/Reissfactions0301.html>> (dostęp: 5.06.2017).
- Ignace Reiss, *vie et mort d'un révolutionnaire*, 53 minutes, TVSR, TVSI, Planète.
- Kuk A. *Kanwa wywiadu agenturalnego*. Tłum. G. Ojcewicz. Warszawa: Wydawnictwo Biura Kadry i Szkolenia Urzędu Ochrony Państwa, 1994.
- Ojcewicz G., Włodarczyk R., Zajdel D. *Zabójstwo Sergiusza Jesienina. Studium kryminalistyczno-historycznoliterackie*. Szczytno: Wydawnictwo Wyższej Szkoły Policji, 2009.
- Pietrow N. *Psy Stalina*. Tłum. J. Prus-Wojciechowska, K. Syska. Warszawa: Demart SA, 2012.
- Poretzky E. K. Léon Trotsky, *Les Nôtres: vie et mort d'un agent soviétique (Our own people)*. Tłum. Olivier Simon. Paris: Denoël, Les Lettres nouvelles, 1969.
- Poretzky E. K. *Our Own People: A Memoir of "Ignace Reiss" and His Friends*. London: Oxford University Press, 1969.
- Raetz E. *Hôtel de la Paix. Ein politischer Mord in Lausanne*. Bretten: INFO Verlag, 2006.
- Reiss E. *Ignace Reiss: In Memoriam*. „New International” 1938, September, s. 276–278.
- Scope of Soviet Activity in United States. Hearing...* 1956, 2 III.
- Serge V., Wullens M., Rosmer A. *L'assassinat d'Ignace Reiss*. Paris: Editions Pierre Tisné, 1938.
- Serge V., Wullens M., Rosmer A. *L'assassinat politique et l'U.R.S.S.; crime a Lausanne en marge des proces de Moscou (La mort d'Ignace Reiss)*. Paris: Pierre Tisné, 1938.
- Sudopłatow P. *Wspomnienia niewygodnego świadka*. Tłum. J. Markowski. Warszawa: Dom Wydawniczy Bellona, 1999.
- „Бюллетен оппозиции” [большевиков-ленинцев] 1937, № 58–59, сентябрь–октябрь.
- „Бюллетен оппозиции” [большевиков-ленинцев] 1937, № 60–61, ноябрь–декабрь.
- „Новое время” 1991, № 21, с. 36, 38.
- „Новое время” 1993, № 4, с. 49.
- „Последние новости” 1937, 24 октября.
- „Столица” 1992, № 38, с. 56.
- „Столица” 1992, № 39, с. 59–60.
- Абрамов В. *Евреи в КГБ. Палачи и жертвы*. Москва: Яуза – Эксмо, 2005.
- Антонов В. С., Карпов В. Н. *Расстрелянная разведка*. Москва: Международные отношения, 2008.
- Архив Троцкого*. № 4921.
- Бросса А. *Агенты Москвы*. „Иностранная литература” 1989, № 12.
- Вейхман В. *Каждый день я прихожу на пристань*. [Online:] <<https://proza.ru/2009/10/31/512>> (dostęp: 31.05.2017).
- Великие операции спецслужб. Между первой и второй мировыми войнами. Конфеты из Лозанны*. [Online:] <<http://greatoperation.narod.ru/3/konfroz.htm>> (dostęp: 6.06.2017).
- Военная литература. Мемуары*. [Online:] <http://militera.lib.ru/memo/russian/poretzskya_ek/01.html> (dostęp: 5.06.2017).
- Залесский К. А. *Империя Сталина. Биографический энциклопедический словарь*. Москва: Вече, 2000.
- Изменники и предатели. 1937. РЕЙСС Натан Маркович*. [Online:] <<http://www.fssb.su/history-state-security/history-state-security-traitors/80-1937-reyss-natan-markovich.html>> (dostęp: 31.05.2017).
- Каган Ю. М. *Марина Цветаева в Москве. Путь к гибели*. Москва: Отечество, 1992.

- Клот Л. *Знакомые лица: романдцы века на наших страницах* | *Le général Guisan élu Romand du siècle*. [Online:] <<http://nashagazeta.ch/news/12648>> (dostęp: 1.06.2017).
- Клот Л. *Игнатий Рейсс: загадочная смерть советского шпиона под Лозанной* | *Ignace Reiss, mort d'un espion soviétique à Lausanne*. Online: <<http://nashagazeta.ch/news/14121>> (dostęp: 20.05.2017).
- Краснов П. *Ложь*. Париж: Издательство В. П. Сияльского, 1939. [Online:] <<https://books.google.pl/>> (dostęp: 11.06.2017).
- Кривицкий В. *Я был агентом Сталина. Записки советского разведчика*. Москва: Терра-Terra, 1991. [Online:] <https://scepis.net/library/print/id_559.html> (dostęp: 12.06.2017).
- Кривошеина К. *Неэвклидов палиндром имен и судеб, небесных и не очень*. [Online:] <<http://meremarie.com/life/neeuklidov-palindrom-imen-i-sudeb/>> (dostęp: 22.10.2016); „Новый журнал” 2016, № 10. [Online:] <http://newreviewinc.com/kseniya_krivosheina/> (dostęp: 18.10.2016).
- Лесков В. *Сталин и заговор Тухачевского*. Москва: Вече, 2003. [Online:] <http://www.e-reading.club/chapter.php/33771/47/Leskov_-_Stalin_i_zagovor_Tuhachevskogo.html> (dostęp: 11.06.2017).
- Лосская В. *Марина Цветаева в жизни (неизданные воспоминания современников)*. Москва: ПрозаиК, 1992.
- Млечин Л. *История внешней разведки. Карьеры и судьбы*. Москва: ЗАО Центрполиграф, 2008.
- Носик Б. *Сент-Женевьев-де-Буа. Русский погост в предместье Парижа*. [Online:] <<https://books.google.pl/books>> (dostęp: 17.06.2017).
- Порецкая Е. К. *Наши. Воспоминания об Игнатии Райссе и его товарищах*. Москва: Издательство ВДА, 1992. [Online:] <http://militera.lib.ru/memo/russian/poretskya_ek/index.html> (dostęp: 17.06.2017).
- Прохоров Д. П., Лемехов О. И. *Перебежчики. Заочно расстреляны*. [Online:] <<http://coollib.com/b/271956/read>> (dostęp: 17.06.2017).
- Прянишников Б. *Незримая паутина: ОГПУ–НКВД против белой эмиграции*. Москва: Язуз – Эксмо, 2004. [Online:] <<https://unotices.com/book.php?id=178320&page=96>> (dostęp: 17.06.2017).
- Роговин В. З. *Прозрение и гибель Игнатия Райса*. В: В. З. Роговин. 1937. Москва: [s.n.], 1996. [Online:] <<http://www.litres.ru>> (wersja PDF) (dostęp: 11.06.2017) .
- Соколов М. *Дмитрий Сеземан: Марина Цветаева, Георгий Эфрон и возвращение в СССР. Часть 1*. [Online:] <<https://www.svoboda.org/a/262693.html>>; *Часть 2*. [Online:] <<https://www.svoboda.org/a/262899.html>> (dostęp: 17.06.2017).
- Тени замка Арсин*. [Online:] <<http://www.travel-journal.ru/phenomenons/2/576/>> (dostęp: 6.06.2017).
- Хубер П. *Смерть в Лозанне*. „Новое время” 1991, № 21.
- Шаховская З. А. *Отражения: эссе, письма*. Paris: YMCA-Press, 1975.
- Энциклопедический словарь российских спецслужб*. Автор-сост. А. Диенко, предисл. В. Велико. Москва: Русский миръ, 2002.

Internetowe źródła fotografii

- <<http://blogrev.livejournal.com/1575359.html>> (dostęp: 20.05.2017)
- <<http://mysteric.ru/mysteries/rollan-abbia-ot-agenta-do-rezidenta.html>> (dostęp: 20.05.2017)
- <<http://nashagazeta.ch/news/14121>> (dostęp: 20.05.2017)
- <http://sea-writer.ucoz.ru/index/kazhdj_den_prodolzhenie_3/0-362> (dostęp: 31.05.2017)
- <http://www.hrono.ru/slovo/2003_03/hly02.jpg> (dostęp: 20.05.2017)
- <<http://www.travel-journal.ru/phenomenons/2/576/>> (dostęp: 20.05.2017)
- <<https://fr.pinterest.com/pin/376191375105313399/>> (dostęp: 15.06.2017).

Aneks fotograficzny

Fot. 1. Wynajęte przez Renatę Steiner auto, którym zabójcy przewieźli ciało martwego Ignacego Reissa i porzucili na drodze z Lozanny do Pully

Fot. 2. Falszwyw czechosłowacki paszport, którym posługiwał się Ignacy Reiss jako Hermann Eberhardt

Fot. 3. Zdjęcia policyjne Ignacego Reissa wykonane w 1927 roku

Fot. 4. Jelizawiecia Porecka

Fot. 5. Renata Steiner

Fot. 6. Rol(l)and Abbiate (alias François Rossi i Władimir Prawdin)

Fot. 7. Siergiej Spiegelglas

Fot. 8. Gertruda Schildbach

Fot. 9. Wiera Guczkova-Traill

Fot. 10. Dmitrij Smirenski

Fot. 11. Siergiej Efron po uwięzieniu przez NKWD

Fot. 12. Okładka książki o zabójstwie Ignacego Reissa autorstwa V. Serge'a, A. Rosnera i M. Wullensa, wydanej w Paryżu w 1939 roku

TEOZOFIA
TEOCOFIA
THEOSOPHY

CITIZEN OF THE UNIVERSE.
KONSTANTIN TSIOLKOVSKY'S COSMIC PHILOSOPHY
AND SCIENCE FICTION

PIOTR KLAFKOWSKI

University of Szczecin
Institute of Sociology
Ethnology and Cultural Anthropology Unit
Krakowska 71–79, 71-017 Szczecin, Poland
e-mail: pklafkowski@gmail.com
(nadesłano 26.06.2017; zaakceptowano 25.07.2017)

Abstract

The paper discusses Konstantin Tsiolkovsky's philosophy as it can be reconstructed from his writings of two kinds, the academic papers and the works generally, though not always correctly, classified as science fiction. It is stressed that Tsiolkovsky belongs to the large school of Russian philosophers known as the Cosmists, and he is placed within the group of 20th century academic-minded Cosmists. The first part of the paper reconstructs Tsiolkovsky's cosmic philosophy on the basis of his philosophical works, which amount to half of his published works. The second part of the paper discusses all the works by Tsiolkovsky available in English under the science fiction label. The paper also contains comparisons of Tsiolkovsky's views with the philosophical-religious system propagated by Nicholas and Helena Roerich, known as Agni Yoga, and its ancient Indian roots. It is also mentioned that Tsiolkovsky played an important role in the development of the early Russian, or more properly Soviet, science fiction movies. The paper stresses that Tsiolkovsky always based his writings on solid scientific foundations, so that the label "science fiction" does not always apply to them.

Key words

Agni Yoga, Konstantin Tsiolkovsky's life and works, the Russian Cosmists, cosmic philosophy, the limitations of "science-fiction" label, theosophy.

Abstrakt

Artykuł omawia filozofię Konstantego Ciołkowskiego na podstawie jej rekonstrukcji w oparciu o dwa rodzaje jego pism, prace naukowe i prace z reguły, choć nie zawsze poprawnie, klasyfikowane jako fantastyka naukowa.

Podkreśla się, że Ciołkowski należał do dużej szkoły filozofii rosyjskiej znanej jako kosmiści: określone zostaje jego miejsce wśród XX-wiecznych kosmistów o nastawieniu naukowym. W pierwszej części artykułu autor dokonuje rekonstrukcji kosmicznej filozofii Ciołkowskiego na podstawie jego pism filozoficznych, które stanowią połowę jego opublikowanego dorobku.

W drugiej części omówiono wszystkie dzieła Ciołkowskiego dostępne po angielsku i klasyfikowane jako science-fiction. Artykuł zawiera także porównania filozofii Ciołkowskiego z filozoficzno-religijnym systemem propagowanym przez Mikołaja i Helenę Rerichów, znanym jako Agni Joga, i jego staroindyjskimi korzeniami. Autor podkreśla że Ciołkowski odegrał ważną rolę w rozwoju wczesnego rosyjskiego, a – ściśle mówiąc – radzieckiego kina science fiction oraz zaznacza, że Ciołkowski opierał swe rozważania filozoficzne na solidnych podstawach naukowych, a zatem etykieta science fiction nie zawsze do jego pism pasuje.

Słowa kluczowe

Agni Joga, Konstanty Ciołkowski – życie i twórczość, rosyjscy kosmiści, filozofia kosmiczna, ograniczenia etykiety „science fiction”, teozofia.

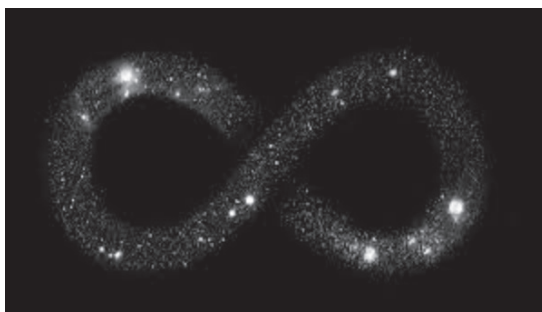

Plate One: *Vselennaya, The Infinite Universe*. [Online:] <<https://www.shutterstock.com/search/symbols>> (access 1.06.2017).

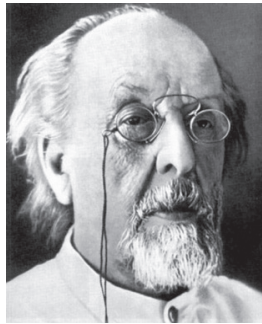

Plate Two: *Konstantin E. Tsiolkovsky 1857–1935*. [Online:] <<https://alchetron.com/Konstantin-Tsiolkovsky>> (access 1.06.2017).

Thought goes before action, and imagination before exact computation.

K. Tsiolkovsky, *The Exploration of Outer Space Using Jet-Propelled Rockets* (1903)

I am not only a materialist, but also a panpsychist, recognizing the sensitivity of the entire universe. This quality I count indivisible from matter. All is alive, but only conditionally do we count it alive, meaning, only that which has the capacity to sufficient feel.
K. Tsiolkovsky, *Monism of the Universe* (no date)

There is an Oriental riddle,
“What is it that likes to be buried?”

Answer: “A seed.”

Agni Yoga, *Illumination* (1925), verse 3:2:19

If you are asked, “How do you picture the universe?,”
answer, “As a drop of water”.

Agni Yoga, *Illumination* (1925), verse 3: 4: 5

Abbreviations and acknowledgements

Abbreviations used in this paper refer to the most complete edition of Tsiolkovski's philosophic works available online:

TOR – tsiolkovsky.org/ru/nauchnoe-nasledie

TOE – tsiolkovsky.org/en/cosmic-philosophy-by-tsiolkovsky

I acknowledge my gratitude to the creators of the above portal for making the philosophical and literary works by Tsiolkovski readily available.

Introductory

This paper was long in coming. Its origins go back to December 6th, 1997, when I bought a secondhand copy of the Polish translation of Tsiolkovsky's¹ science fiction

¹ There are two Romanizations of his name in current use, *Tsiolkovski* and *Tsiolkovsky*.

novel *Vne Zemli*², described on the back cover as Tsiolkovsky's only science fiction novel. The book both fascinated and intrigued me. I referred to it in my wife's and mine paper of 2007³ and then again, this time on my own, in 2016⁴, but I felt certain the "real" work on Tsiolkovsky's philosophy was still to come. The problem was the sources. The original Russian editions of Tsiolkovsky's works are generally unavailable in Poland. Fortunately, an almost complete collection of his philosophical and literary works proved available on the web⁵. There are also some books by and about Tsiolkovsky available in English, including a selection of his science fiction works and the translation of the second volume of his *Izbrannye Trudy* (=Selected Works, Moscow 1954) that contains his most famous scientific and rocketry works⁶. The study of the Russian Cosmist philosophy by George M. Young also proved of great help⁷. Many times comparisons between Tsiolkovsky's philosophy and the system known as *Agni Yoga*⁸ that we owe to Helena and Nicholas Roerich were almost forcing themselves in, so I let them come. Young devotes a few pages to Tsiolkovsky, but mentions the Roerichs only twice and cursorily. Maria Carlson's history of Theosophy in Russia⁹ does not

² K. Ciołkowski. *Poza Ziemią*. Warsaw: Iskry, 1979, translated by Andrzej Bień, with the space paintings by Alexei Leonov, the first man who "walked" in outer space, and Andrei Sokolov, one of the best known Russian science-fiction painters, as illustrations.

³ M. Gdok-Klafkowska, P. Klafkowski. *Mysł o przyrodzie w filozofii rosyjskiej. Szkice do portretu*. [In:] *Ekorozwój i Agenda 21, Interdyscyplinarny model kształcenia*, pp.135–146. Ed. by Piotr Pieczyński. Szczecin: Collegium Balticum, 2007.

⁴ P. Klafkowski P. *Czy ludzkość ma jeszcze szansę? Konstanty Ciołkowski, Mikołaj Roerich i Daniil Andrejew*. [In:] *Dialog kultur i społeczeństw*. Ed. by B. Afeltowicz, J. Miturska-Bojanowska, H. Walter. Szczecin: Volumina pl, 2016, pp. 83–92.

⁵ In Russian: [Online] <tsiolkovsky.org/ru/nauchnoe-nasledie> (access 1.06.2017). In English: [Online] <tsiolkovsky.org/en/cosmic-philosophy-by-tsiolkovsky> (access 1.06.2017). This page is available in both Russian and English, but they are not identical. The Russian texts are complete and currently (19.05.17) contain 210 titles. The English version of this page currently (=same day) features 10 texts in abridged summarizing translations. At the moment, it is the most complete collection of Tsiolkovsky's philosophic writings available in any form.

⁶ A very special feature of this volume is the introductory essay by Sergei P. Korolyov (1907–1966), the legendary „Chief Constructor”, the creator of the USSR space program, the man whose name and whereabouts were kept top secret as long as he was alive. The essay is based on his lecture commemorating Tsiolkovsky's birthday centenary in 1957. Indeed, the right man for the job! The lecture was given on September 17th, and three weeks later, on October 4th, *Sputnik One* launched the space age, followed by the flight of Laika in November 1957, the happy landing of Belka and Strelka in August 1960 and Yuri Gagarin's flight in April 1961. Korolyov was the brain behind all the four. For the importance of Tsiolkovsky in the development of the USSR space program see: R.D. Launius, J. Logsdon, Robert W. Smith. *Reconsidering Sputnik: Forty Years Since the Soviet Satellite*. London: Routledge, 2000.

⁷ G.M. Young. *Russian Cosmists, the Esoteric Futurism of Nikolai Fedorov and his Followers*. Oxford: Oxford University Press, 2012.

⁸ *Agni Joga, učenje živoi etiki*. 2 vols. Moskva: Eksmo, 2003.

⁹ M. Carlson. *No Religion Higher Than Truth, A History of the Theosophical Movement in Russia, 1875–1922*. Princeton: Princeton Legacy Library, 1993.

mention Tsiolkovsky¹⁰, but he appears many times in Bernice G. Rosenthal's history of the occult in Russia and the USSR¹¹.

Those who know Tsiolkovsky only as the founder of astronautics and the author of the *Tsiolkovsky equation*¹² of 1903 may be surprised that over half of his works are devoted to philosophy and broadly understood science fiction: well over 200 philosophical papers and 10 literary works are attributed, not always correctly, to science fiction genre. Tsiolkovsky himself admitted having been an avid reader of Jules Verne¹³, and in an autobiographic sketch of 1928 he wrote: "Our sphere is the sphere of speculation, to hypothesize. But how are we to walk along an untapped and unknown and still dark route of a scientific technical concept unless we illuminate this route with the light of science fiction?"¹⁴. During his three years in Moscow he got to know Nikolai F. Fedorov (1829–1903), the most famous Russian Cosmist philosopher¹⁵, and Dmitri I. Pisarev (1840–1868)¹⁶, the well-known political writer, whose influence is clearly seen in his own works.

Scattered throughout Tsiolkovsky's autobiographic writings there are remarks on his psychic experiences¹⁷. He felt his life was guided by some higher powers, and though a declared materialist, he saw no contradiction between materialism and the

¹⁰ This is interesting, as Carlson says that the Kaluga branch of the Russian Theosophical Society, founded in 1906, was the second most important one in Russia after St. Petersburg (M. Carlson. *No Religion Higher...*, p. 63). Tsiolkovsky settled in Kaluga in 1892 (D.H. Shubin. *Tsiolkovsky. The Cosmic Scientist and His Cosmic Philosophy*. Publisher and place not given. ISBN 978-1-365-25981-4, copyright 2016, p. 144) and it seems unlikely he did not attend some of their meetings.

¹¹ G.B. Rosenthal (Ed.). *The Occult in Russian and Soviet Culture*. Ithaca and London: Cornell University Press, 1997.

¹² This equation interrelates the exhaust, velocity, and mass of a rocket that moves on the jet principle. Though the basic mathematics of jet propulsion had been known earlier, Tsiolkovsky was the first who applied it to the concept of a rocket breaking the force of gravity and leaving the Earth. Without this equation, there would be no space flights.

¹³ He came across Verne's novels in the the Chertkovski Library in Moscow, where he lived 1873–1876 (A.A. Blagonravov (Ed.) *Selected Works of Konstantin E. Tsiolkovsky*. Honolulu: University Press of the Pacific, 2004, pp. 83–84). He was so impressed by the novel "Round the Moon" that he calculated the force of the gun described by Verne to send the rocket on the way and concluded it would kill all the passengers (D.H. Shubin. *Tsiolkovsky. The Cosmic Scientist...*, p. 70).

¹⁴ D.H. Shubin. *Tsiolkovsky. The Cosmic Scientist and His Cosmic Philosophy...*, p. 157.

¹⁵ See: G.M. Young. *Nikolai Fedorov, an Introduction*. Balmont: Nordland Publishers, 1979. G.M. Young. *Russian Cosmists, the Esoteric Futurism of Nikolai Fedorov and his Followers*. Oxford: Oxford University Press, 2012.

¹⁶ It may be a coincidence of names, but according to Carlson (M. Carlson. *No Religion Higher...*, p. 63), the Kaluga branch of the Russian Theosophical Society was set up by one Nikolai Pisarev (no source known to me gives the dates of his life) and his wife Elena (1855–1944). Pisarev owned the Lotus Publishing House, the first Theosophic printing press in Russia. I could not find out whether Tsiolkovsky's friend and the Kaluga family were relatives. Elena Pisareva does not mention Tsiolkovsky in the chapter on Kaluga in her memoirs (E.F. Pisareva. *The Light of the Russian Soul: A Personal Memoir of Early Russian Theosophy*. Wheaton: Quest Books, 2008, pp. 34–39).

¹⁷ D.H. Shubin. *Tsiolkovsky. The Cosmic Scientist...*, pp. 163–164, 176–177, 263–264.

spiritual phenomena. He admitted he was a lunatic¹⁸ as a child¹⁹. He remembered that when he read H.G. Wells's *War of the Worlds* something strange happened to him: "... all of a sudden a tune and words materialized within me, one that I never heard before, yet it corresponded with the destruction of humanity and complete hopelessness"²⁰. As far as his religious views are concerned, Tsiolkovsky was ready to accept Jesus Christ as the highest moral authority but not as a divine being²¹. In his paper of 1931 titled *Is There God?* he equals God with the universe²².

Other motives that reappear in his autobiographic writings are the difficulties caused by poverty and almost full deafness, the problems of convincing the academic world to new ideas, and the overall need of iron will and persistence. He writes "We love to embellish the childhood of the great people, but this is not entirely artificial, but the invention of a preconceived opinion"²³. This passage comes from his last autobiographic sketch, written in 1935, when he was a recognized authority and could rightly feel a great man, but he never forgot the days he could not afford a warm coat for Moscow winters and had almost nothing to eat. He recollects:

I remember very well that I had nothing to eat but brown bread and water. I would go to the baker's once in three days and buy 9 kopeks' worth of bread. In this way I spent on bread 90 kopeks a month. For all this, I was happy with my ideas, and my diet of brown bread did not damp my spirits²⁴.

In the present paper, I refer mostly to the source works in English, in particular to Daniel H. Shubin's *Tsiolkovsky. The Cosmic Scientist and His Cosmic Philosophy*, as these are more easily available to me. Wherever it was possible, I checked the English translations against the Russian originals. I am going to give details of Tsiolkovsky's biography only when necessary, since detailed accounts of his life are easily available online both in Russian and in English. I refer the interested readers to D.H. Shubin's *Tsiolkovsky. The Cosmic Scientist and His Cosmic Philosophy*²⁵, which is an exceptionally useful and easily available source containing Tsiolkovsky's selected autobiographical and philosophical works.

The Cosmists and Their Philosophy

The philosophy developed by Tsiolkovsky can be placed, though not without some difficulty, in the so-called Russian Cosmism. What is Cosmism? It is a characteristically Russian branch of the philosophy of Nature that originated in the Russian Enlight-

¹⁸ This term stresses the supposed sensitivity of the subject to Luna, that is the Moon, which the term "sleepwalker" does not indicate.

¹⁹ D.H. Shubin. *Tsiolkovsky. The Cosmic Scientist...*, p. 119.

²⁰ Ibidem, p. 146.

²¹ Ibidem, p. 74.

²² More about it later on.

²³ D.H. Shubin. *Tsiolkovsky. The Cosmic Scientist...*, p. 117.

²⁴ A. Kosmodemyansky. *Konstantin Tsiolkovsky. His Life and Work*. Honolulu: University Press of the Pacific, 2000, p. 11.

²⁵ D.H. Shubin. *Tsiolkovsky. The Cosmic Scientist...*

enment of the 18th century, reached its peak in the second part of the 19th century and has many eminent continuators today.

The basic tenets of Cosmism common to all its branches are few: the Cosmos is a living, conscious and self-conscious entity; as planet Earth, we are a part of it; whatever happens in the Cosmos affects us and our planet in various ways; the development of life is inseparably connected with the activities of the Cosmos; man is a divine being and should act in agreement with the Cosmic principles, which are love, understanding, freedom and mutual respect. At the turn of the 19th/20th centuries the group divided into two, one concentrating on the religious and Orthodox Christian significance of the above principles, the other on science and scientific validation of the same principles. In this paper, we are primarily interested in the second group.²⁶

George M. Young, the foremost authority on Cosmism in English, suggests the following chronology which clearly shows the place of Tsiolkovsky in Cosmism:

a/ the beginnings – Mikhail V. Lomonosov 1711–1765

Gavrila R. Derzhavin 1743–1816²⁷

Alexander N. Radishchev 1749–1802

Vasily N. Karazin 1773–1842²⁸

Prince Vladimir F. Odoevsky 1803–1869

Alexander V. Sukhovo-Kobylin 1817–1903

b/ **Nikolai F. Fedorov** 1829–1903²⁹, the most important Cosmist philosopher following whom the school divided into two distinct groups:

c/ the religious branch

Vladimir S. Solovyov 1853–1900

Sergei N. Bulgakov 1871–1944

Pavel A. Florensky 1882–1937

Nikolai A. Berdyaev 1874–1948

d/ the scientific branch

KONSTANTIN E. TSIOLKOVSKY 1857–1935

Vladimir I. Vernadsky 1863–1945

Alexander L. Chizhevsky 1897–1964

Vasily F. Kuprevich 1897–1969

e/ twentieth-century Cosmists

Nikolai P. Peterson 1844–1919

Vladimir A. Kozhevnikov 1851–1917

Alexander K. Gorsky 1886–1943

Nikolai A. Setnitsky 1888–1937

²⁶ See: Semenova S.G., A.G. Gačeva (Ed.). *Russkij komizm: antologija filsofskoi mysli*. Moskva: Pedagogika-pres, 1993. This work, unavailable to me at the time of writing this paper, seems to be the most recent anthology of Cosmist philosophy. Its list of contents is given in Russian-language Wikipedia, the address is the book's title (access 20.05.2017).

²⁷ He is usually called the second greatest Russian poet after Alexander Pushkin.

²⁸ Should not be confused with the famous Russian historian Nicolas M. Karamzin 1776–1826.

²⁹ All the five histories of Russian philosophy available in Polish discuss him in various ways, and comparing them is a good key to understanding how unique his ideas were in the Western world and how differently various scholars reacted to them. See bibliography, Russian Philosophy and Science, at the end of this paper.

Valerian N. Muravyov 1885-1932
 Vasily N. Chekrygin 1897-1922
 Lev N. Gumilev 1912-1992.

As one can see, the list contains some of the most famous Russian scientists and philosophers, which testifies to the importance of the Cosmist philosophy in Russian culture.

As many of the later Cosmists have been influenced by Theosophy, some names should be added to complete the above list, namely:

Helena P. Blavatsky 1831–1891, the founder of modern Theosophy
 Nicholas K. Roerich 1874–1947
 Helena I. Roerich 1879–1955
 Pyotr P. Fateev 1891–1971 (A)³⁰ the founder of the Amaravella group³¹,
 Alexander P. Sardan 1901–1974 (A)
 Sergei I. Shigolev 1895 - disappeared after being arrested in 1942 (A)
 Vera N. Pshesetskaya 1879–1945/1946 (died as deportee in Archangelsk, exact date unknown) (A)
 Viktor T. Chernovolenko 1900–1972 (A)
 Boris A. Smirnov-Rusetski 1905–1993 (A).

One of the most amazing Cosmist cosmologies has been presented by *Daniil L. Andreev* (1906–1959) in his masterpiece, *Roza Mira*³². It is based on the principle of parallel universes and time-streams, a giant net of space-time systems that are interpenetrating, though each is a self-sufficient world in itself. One of the principal assumptions of *Roza Mira* is that our own planetary system is a part of that giant Whole and is affected by what happens on other space-time planes³³. The cosmology of *Roza*

³⁰ (A) means the member of the Amaravella Group.

³¹ The Amaravella was a group of artists that existed 1920 (1923?) – 1930. Though all its six members are known primarily as painters, their works are closely connected with the Cosmist philosophy which they developed in their own individual ways. Nicholas Roerich was a friend and supporter of the Amaravella, and many paintings by the group's members show stylistic similarities to Roerich's art. The name *Amaravella* is a Sanskrit word meaning "The Sprouts of Immortality", but the group was also known as "The Cosmists" or "Cosmist Painters". The elements unifying the group were N.F. Fedorov's philosophy, Helena Blavatsky's Theosophy, and besides Roerich, three eminent artists of Russia: Nicolas K. Čurlionis (a Lithuanian painter and composer, 1875–1911), Victor E. Borisov-Musatov (painter, one of the founders of Russian symbolism, 1870–1905) and Mikhail A. Vrubel (probably the most famous Russian symbolist painter, 1856–1910).

³² D.L. Andreev. *Roza Mira*. Moskva: Mir Uranii, 2000; D.L. Andreev. *The Rose of the World*. Lindisfarne Books, 1997; D.L. Andreev. *Roza Mira, die Weltrose*. 3 volumes. Vega e. K., 2008–2009. First complete edition in Russian 1991, English translation 1997 (incomplete), German translation in 3 volumes 2008–2009 (complete). The list of Shubin's works in D.H. Shubin. *Tsiolkovsky. The Cosmic Scientist...* includes a translation of Andreev's work, *The Rose of the World*, but I have no access to it, and Mr. Shubin did not answer my e-mails sent at the address given in D.H. Shubin. *Tsiolkovsky. The Cosmic Scientist...* I cannot say whether his translation is complete or not.

³³ Andreev's cosmology forms the general framework of one of the most interesting recent Russian philosophical science fiction novels, the trilogy *Spasiteli Veera* by Vasilii Golovačev, two of its three volumes being also available in the Polish translation *Obrońcy wachlarza: V. Golovačev. Spasiteli*

Mira has been compared to Dante's *Divine Comedy*³⁴ and Swedenborg's *De Caelo et ejus Mirabilibus, et de Inferno ex Auditibus et Visibus* (1758)³⁵, but this is no place to go deeper into such comparisons³⁶. It seems interesting that Young does not mention Andreev even once³⁷. However, he definitely belongs in the religiously oriented line of Cosmists, as his many references to Vladimir Solovyov indicate. On the other hand, Andreev is very little, if at all, influenced by Theosophy and the Indian philosophies. He mentions Theosophy only once, the context suggesting he did not entirely approve of it³⁸.

Though he was neither a Russian nor a Cosmist, the Indian polymath *Jagadish Chandra Bose* (1858–1937)³⁹ just cannot be left unmentioned in this context, his ideas being extremely close to the views of Tsiolkovsky and Vernadsky in both scientific and religious aspects. Bose's universalism springs from the classical Indian philosophy, which always stressed the fundamental unity of Nature, presenting man as nothing but a small part of a Great Whole, and planet Earth as only one of untold number of planets in an untold number of parallel universes that harbor intelligent life. The same ideas can be found in Cosmism, and since the Cosmists could not have known Bose's works (Bose's selected works appeared in the Russian translation only in 1964) this parallelism indicates the importance and probability of these views.

Veera, one-volume edition. Moskva: Eksmo, 2004; W. Gołowaczew. *Wirus mroku* (cykl *Obrońcy wachlarza*, tom 1) i *Wysłannik* (cykl *Obrońcy wachlarza*, tom 2) Olsztyn: Wydawnictwo Solaris, 2005.

³⁴ The edition generally regarded as best is: A. Dante *Le Opere di Dante*. A cura di M. Barbi et al. Firenze: Testo Critico della Società Dantesca Italiana, Bemporad et Figlio- Editori, MCMXXI. This edition contains an excellent explanatory index of personal and place names. I have no access to the *Divine Comedy* in English.

³⁵ E. Swedenborg. *De Caelo et Ejus Mirabilibus et de Inferno ex Auditibus et Visibus*. Whitefish: Kessinger Publications, 2009. The English translation: E. Swedenborg. *Heaven and its Wonders, and Hell from Things Seen and Heard*. London: The Swedenborg Society, 1958.

³⁶ On Andreev and his cosmology see: P. Klafkowski. *Od kultur do metakultury, refleksje nad dziełem Daniła Andrejewa „Roza Mira”*. [In:] *Homo Communicans*. Vol. 2: *Čelovek v prostranstve meždukul'turnyx kommunikatsii*. Ed. by K. Janaszek, J. Miturska-Bojanowska, R. Gawarkiewicz. Szczecin 2012: Grafform, pp. 74–79; P. Klafkowski. *Opisując nieopisywalne: Światy i zaświaty Daniła Andrejewa*. [In:] *Homo Communicans*. Vol. 2: *Čelovek v prostranstve meždukul'turnyx komunikatsii...*, pp. 122–132; P. Klafkowski. *Czy ludzkość ma jeszcze...*, pp. 83–92.

³⁷ G.M. Young, *Russian Cosmists...*

³⁸ See *Roza Mira...*, p. 19 (in Russian), *The Rose...*, p. 20 (in English), and *Roza Mira Die Weltrose...* vol. 1, p. 44 (in German), where Andreev says that Theosophy, Anthroposophy and Masonry are “like a bouquet, of various flowers of truth eclectically picked from every imaginable religious glade.”

³⁹ See: Peter Tompkins and Christopher Bird. *The Secret Life of Plants*. London: Penguin Books, 1974, Chapter 6: *Plant life magnified a hundred million times*, pp. 81–96, for a more detailed account of Bose's life and incredible discoveries, and p. 323 for the list of Bose's most important works in English (Bose was a Bengali and wrote in both his mother tongue and in English). Incidentally, he was also a pioneer of Bengali science-fiction, which makes him even more similar to Tsiolkovsky.

Tsiolkovsky's Science-Fiction Works

It is rather difficult to distinguish Tsiolkovsky's purely philosophic works from science-fiction. The following list is based on *The Science Fiction of Konstantin Tsiolkovsky*⁴⁰, edited by Adam Starchild⁴¹, but the works are listed in the chronological order of writing. The English titles follow *The Science Fiction of Konstantin Tsiolkovsky*, while chronology is based on the list given in TOR. Most of these works are now available in separate editions in Russian, and a few also in English, which I have no access to⁴². Let us note that Adam Starchild was not the editor's real name⁴³.

The title of the volume edited by Starchild is rather misleading because, as we shall see, only *one* of the works included is an actual science-fiction novel⁴⁴ while all the others fall into the category aptly called by Shubin "Cosmic Philosophy". In fact, Starchild's *The Science Fiction of Konstantin Tsiolkovsky* and D.H. Shubin's *Tsiolkovsky, The Cosmic Scientist and His Cosmic Philosophy* are both Tsiolkovsky's selected philosophic works, perfectly complementary to each other. Taken together, they contain all the basic sources for the study of Tsiolkovsky's life and philosophy.

1886 – *Vne Zemli/Outside the Earth*. Written in 1886, serialized in journals 1918, published as a book in 1920⁴⁵.

1887 – *Na Veste/On Vesta*. Written in 1887, published 1893.

1887 – *Na Lune/On the Moon*. Written in 1887, published in 1893⁴⁶.

1894 – *Izmennye otnositelnosti tyazhestv na Zemle/Changes in Relative weight*.

1916 – *Gryozy o Zemli i Nebe/Dreams of Earth and Sky*⁴⁷.

1920 – *Biologia karlikov i velikanov/Biology of Dwarfs and Giants*. Manuscript.

⁴⁰ A. Starchild (Ed.). *The Science Fiction of Konstantin Tsiolkovsky*. Honolulu: University Press of the Pacific, 1979.

⁴¹ The English volume gives neither the translator's name nor the particulars of the Russian original. Judging by the comparison of various Russian editions available on the web, it seems to me that A. Starchild (Ed.). *The Science Fiction...* is the translation of Tsiolkovsky's *Put' k zvezdam*. Moscow: USSR Academy of Sciences, 1960.

⁴² These can easily be found on the web, Amazon page in English, *Tsiolkovsky naučno-fantastičeskie rasskazy* in Russian Wikipedia (access 5.05.2017).

⁴³ His real name was Malcolm Willis McConahy, 1946–2006. He was a financial fraudster, a leading figure in the "perpetual traveler" tax-avoiding movement, a prolific writer on taxes, offshore matters and finances, and was jailed in both UK and US for financial and homosexual offences. He changed his name to "Adam Starchild" around the year 1975. His edition of Tsiolkovsky's science-fiction works is his only venture into this field.

⁴⁴ This is *Outside the Earth*, a complete novel. We might put parts of *Dreams of Earth and Sky*, *On Vesta*, and *Changes in Relative Weight*, in the same class, but all the other titles are more academic than literary.

⁴⁵ Also available in the Polish translation by Andrzej Bień: K. Ciołkowski. *Poza Ziemią*. Warsaw: Iskry Publishers, 1979.

⁴⁶ A different translation of the same is found in D.H. Shubin. *Tsiolkovsky. The Cosmic Scientist...*, pp. 297–333.

⁴⁷ There is a distinction here that does not exist in English. The Russian word "gryozā" means a dream, but a dream experienced when sleeping. A dream of something that we experience when we are awake is called "mečta". Compare the Polish words "sen" and "marzenie".

- 1920 – *Za atmosferoi Zemli/Beyond the Earth's Atmosphere*.
 1928–1933 – *Efirnyi Ostrov/Island of Ether*. Typescript.
 1929 – *Tseli Zvezdoplavanya/The Aims of Astronautics*.
 1929 – *Zhivotnoe Kosmosa/Living Beings in the Cosmos*.
 1930 – *Izobretatelam reaktivnyx mashin/To Inventors of Reaction-Propelled Machines*.
 1935 – *Tol'ko li fantasia?/Is This Mere Fantasy?*

The last two titles, added by Adam Starchild as supplements, are not, strictly speaking, literary works. The one of 1930 is Tsiolkovsky's answer to all his readers who kept sending him their own inventions of jet-transport vehicles. The one of 1935 is Tsiolkovsky's brief reflection on the possibility of space travel inspired by filming his *Vne Zemli* in 1935⁴⁸.

A word should also be said about Tsiolkovsky's work of 1883, titled *Svobodnoe prostranstvo / Free Space*⁴⁹. Written in the form of a diary kept by a scientist working on gravity and extending from 20th February through 12th April 1883, it is half-way between a literary and a scientific text. It is difficult to say what readers Tsiolkovsky had in mind – the work was not printed during his lifetime – but it clearly shows his gifts as a teacher able to explain highly complex problems in the way that can easily be understood by non-specialists. An example:

February 24, 1883. In free space the object under observation neither exercises pressure on its support nor experiences any from it... In free space there is no distinction between top and bottom. You could not say "I get up" or "I get down"; "I am higher up" and "You are down below". There the pendulum would not vibrate and the clock would not go. Time, however, could be measured by means of watches, i.e., such timepieces whose pendulums vibrate not under the impact of gravity but owing to the resilience of a steel spring⁵⁰.

Tsiolkovsky's Philosophic Works

The most complete list of Tsiolkovsky's philosophic works in Russian is given in TOR; titles are listed in the alphabetic order of the Russian alphabet. A much shorter

⁴⁸ The film, titled *Kosmičeski rejs* (some sources say *Kosmičeskoe putešestvie*), exists in two versions, both silent, of 1924 and 1935 respectively. The 1935 version's first frame says "Dedicated to the great scientist and this film's consultant K. E. Tsiolkovsky"; the action takes place in Moscow in 1946, and the chief protagonist is a professor at the K.E. Tsiolkovsky All-Soviet Institute of Interplanetary Relations. Both versions were directed by V.N. Zhuravlev (1904–1987). For a detailed account of it see the web: [Online:] <sensesofcinema.com/2007/cteq/cosmic-voyage> (access 19.05.2017). The film is available on cda.pl/video/5403285b, titled in Polish *Kosmiczny rejs*, 1935 (film niemy), * (access 26.05.2017). This is no place to discuss the early Russian and Soviet space movies, but let us only recall two, *Aelita* of 1924 (silent movie) directed by Yakov Protazanov (1881–1945) and based on the story by Alexei Tolstoy, and *Mežplanetarnaya revolutsiya*, a 1924 cartoon B&W movie with subtitles, directed by Nikolai Xodataev, Zenon Komissarenko and Yuri Merkulov, described as a parody of *Aelita*.

⁴⁹ See A. Kosmodemyansky. *Konstantin Tsiolkovsky...*, p. 14–16 and D.H. Shubin. *Tsiolkovsky, The Cosmic Scientist...*, pp. 40–41. A part of it is available in English, see A.A. Blagonravov (Ed.) *Selected Works...*, pp. 27–40. By "free space" Tsiolkovsky means the gravity-free space.

⁵⁰ Taken from A. Kosmodemyansky. *Konstantin Tsiolkovsky...*, p. 15.

list in English is given by Shubin⁵¹. The TOR list includes dates and references of many kinds, while Shubin only gives dates without explaining whether they are of writing or of first editions. As far as I know, the last printed edition of Tsiolkovsky's philosophic works in Russian was his *Sobrane sočineni v 5 tomax / Collected Works in 5 Volumes* published by the USSR Academy of Sciences in Moscow in 1951–1964 (actually only four volumes were published). It is interesting that the incomplete list of his works given in his biography in Russian-language Wikipedia mentions a text titled *Evangelie ot Kupaly*, reprinted in Moscow in 2003, and a novel *Priklučene Atoma*, reprinted in Moscow in 2009; The first title, not listed in TOR and Shubin, translates as *Gospels of Kupaylo* and hints at Tsiolkovsky's interest in old Slavic faith⁵². The second title appears in Shubin's list as *Adventures of the Atom (1917–1918)*⁵³. It is not listed in TOR.

Rosenthal mentions an edition of Tsiolkovsky's works in 10 volumes that was in preparation by the Russian Academy of Sciences, giving a personal communication of 1992 as her source; three of these volumes were to contain Tsiolkovsky's philosophic, religious, and social writings⁵⁴. However, the up-to-date though partial bibliography in Russian-language Wikipedia does not mention such edition though it lists works as recent as 2009. It seems that TOR, though possibly incomplete, is the only source both comprehensive and easily available.

Reconstruction of Tsiolkovsky's Philosophy on the Basis of Daniel H. Shubin's Work⁵⁵

The recentmost work on Tsiolkovsky in English, Shubin's book consists of five parts:

- I. An introduction and Tsiolkovsky's biography,
- II. Three of Tsiolkovsky's autobiographic sketches of 1919, 1928 and 1935,
- III. Six papers in cosmic philosophy,
- IV. A longer paper on socialist philosophy and human society,
- V. *On the Moon*, a sample of Tsiolkovsky's science-fiction,
- VI. Appendices: a speech by A.R. Belyaev⁵⁶ given in 1940 to commemorate the fifth anniversary of Tsiolkovsky's death, a list of his most important works (English titles only), and a brief bibliography.

⁵¹ D.H. Shubin. *Tsiolkovsky. The Cosmic Scientist ...*, pp. 341–346.

⁵² *Kupala*, sometimes spelt *Kupaylo*, is believed to have been a pre-Christian Slavic god of fertility.

⁵³ D.H. Shubin. *Tsiolkovsky. The Cosmic Scientist ...*, pp. 341.

⁵⁴ G.B. Rosenthal (Ed.). *The Occult...*, p. 197.

⁵⁵ D.H. Shubin. *Tsiolkovsky. The Cosmic Scientist...* pp. 13–17.

⁵⁶ One of the most famous Russian writers of science-fiction, Alexandr Romanovich Belyaev lived 1884–1942 and was often called „Russia's Jules Verne”. His 1928 novel *Čelovek-Amfibia (The Amphibia Man)* was filmed in 1962 by Vladimir Chebotaryov and Gennadi Kazanski, starring Vladimir Korenev and Anastasia Vertinskaya the daughter of the famous singer Alexandr Vertinsky. The movie was one of the greatest hits of the Soviet cinema and is still easily available on DVD. Its Polish title is *Diabeł morski*.

In Shubin's own words: "The translator feels that the passages selected for the inclusion in this volume are sufficient to provide an excellent survey of Tsiolkovsky's ideology⁵⁷ and only a brief review will be presented here"⁵⁸.

With the help of Shubin's analysis, let us try to present a systematic outline of the principles of Tsiolkovsky's philosophy.

1. The Universe.

The universe is material, it has always existed and will always exist. It cannot be measured and has no beginning and no end. It consists of untold number of what Tsiolkovsky calls Ethereal Islands – galaxies, nebulae, solar systems etc. There are two main forces that keep the universe going, happiness (intangible) and gravity (tangible). Gravity is the source of all the energy that there is in the universe, and the universe generates everything that is. Significantly, he called it "gravity panzer"⁵⁹ and was convinced man can break through it into what he called "free space"⁶⁰, that is space where gravity and air-resistance do not exist. The universe gives all the impression of being an intelligent entity, it clearly has its own will, and it is the will to intellect and happiness, not to error and destruction. Tsiolkovsky says it in so many words: "the entire universe is sensitive, and sensitivity is indivisible from matter"⁶¹. It consistently follows that: "Each atom has the ability to maintain sensation, it is animate. An atom is not just a particle of matter, it is alive"⁶². In fact, the universe is God and God is the universe⁶³. The only possible method to approach the universe is monism, since all is one. In Tsiolkovsky's own words: "We preach monism in the universe, and no more than this. The entire scientific process consists in this drive toward monism, to a wholeness, to an elementary principle. Its success is defined gradually with its attainment of wholeness"⁶⁴. One is reminded here of the famous words from the Emerald Tablet⁶⁵: "As above, so below".

⁵⁷ Some may not like the word "ideology" here. However, the Russian language makes a distinction between "ideologia" or ideology, and "mirovozrenie" that has no equivalent in English but probably derives from the German word "Weltanschauung" that could be approximated in English as "world outlook". Philosophically speaking, "ideologia" is collective, and "mirovozrenie", individual. Compare the Polish words "ideologia" and "światopogląd". "Ideologia" has clear political connotations and its aim is assuming power, while "mirovozrenie" is simply one person's coming to terms with the world and the possibilities of the beyond.

⁵⁸ D.H. Shubin. *Tsiolkovsky. The Cosmic Scientist...*, p. 14.

⁵⁹ A. Kosmodemyansky. *Konstantin Tsiolkovsky...*, p. 68.

⁶⁰ Ibidem, p. 64.

⁶¹ D.H. Shubin. *Tsiolkovsky. The Cosmic Scientist...*, p. 182.

⁶² Ibidem, p. 16.

⁶³ Ibidem, p. 212.

⁶⁴ D.H. Shubin. *Tsiolkovsky. The Cosmic Scientist...*, p. 190.

⁶⁵ One of the most important texts of Western alchemy and mysticism, also known as Tabula Smaragdina, attributed to Hermes Trismegistus. One of its translators was Isaac Newton.

2. Life.

As we have seen, each single atom is sensitive and alive. Life fills the universe. Its appearance on various planets is always connected with their individual conditions and distances from their suns. Life is a cyclic phenomenon generated by the universe's force of happiness. Death does not exist, as the elements into which bodies dissolve consist of atoms, and these are alive. The most essential condition for life is heat. When a sun stops generating heat, life in its range comes to an end, and the cycle repeats. Man and higher animals can show their feelings by movement and voice. Lower animals cannot do it, they can only demonstrate will to escape from danger. Plants cannot do even that, but does it mean they have no sensitivity?⁶⁶ "The inorganic world is also powerless to communicate anything about itself but this does not mean that it does not possess a lower form of sensitivity"⁶⁷.

3. Matter.

"The universe is all matter"⁶⁸. There are no spirits or ghosts, but there are beings consisting of matter of low density, of tenuous matter, and these may seem invisible.⁶⁹ All matter is generated by the universe and is essentially one. The organic matter develops from simple to complex, which is the principle of life. However, since atoms are alive and have souls⁷⁰, there is no sense in dividing matter into organic (=living) and inorganic (=not living). The entire universe is alive, only the sensitivity degrees of its various components differ.

4. Man.

The most sensitive being now in existence. Man has developed from monocellular organisms. A distinction has to be pointed out: *man* has developed, but "...the person has changed little himself"⁷¹ and still has animal passions and instincts. Man cannot rationally organize his society, the ants and the bees are far more perfect at it. However, man will continue to evolve, which means both biological changes and a more rational organization of human society in future. Man will tremendously increase in numbers, transform the world and eventually settle both our solar system and other systems in

⁶⁶ The subject of the sensitivity and consciousness of plants is too big to discuss here. For more information about it see: P. Wohlleben. *Das geheime Leben der Bäume*. Munich: Ludvig Verlag, 2016; P. Wohlleben. *The Hidden Life of Trees*. Jackson: Perseus Distribution, 2016; P. Wohlleben. *Sekretne życie drzew*. Kraków: Wydawnictwo Otwarte, 2016; P. Tompkins and C. Bird. *The Secret Life of Plants*. London: Penguin Books, 1974.

⁶⁷ This point has been made in the Jainist philosophy some 25 centuries ago. To the Jains, stones and minerals are "jiva" beings (= beings having souls/consciousness), since they have one sense, the sense of touch.

⁶⁸ D.H. Shubin. *Tsiolkovsky. The Cosmic Scientist...*, p. 14.

⁶⁹ The Agni Yoga's main physical principle is the distinction between gross (=dense) and subtle (=fine) matter. We can only see the gross matter, but we can learn to perceive the subtle one as well.

⁷⁰ Tsiolkovsky always uses the expression *atom-dux*, that is *atom-soul/spirit* (G.M. Young. *Russian Cosmists...*, p. 151).

⁷¹ D.H. Shubin. *Tsiolkovsky. The Cosmic Scientist...*, p. 193.

space. Man should understand the folly of wars, violence and all kinds of oppression and discrimination. Man should not take life⁷².

5. Social organization.

Tsiolkovsky never hides the fact he is a socialist, and his ideas about human society show it clearly. Man is a social being and lives best in a society. The human society evolves into a state that has numerous responsibilities towards its citizens: assuring their basic needs, taking care of the poor, guarantee equal access to education, health care, housing and security of each person. Women and minorities should have the same rights as everyone else. A man's basic right is the right to life and freedom. There should be no death penalty. Laws, not wars, should solve the problems of man. Complete demilitarization is not possible, but the number of weapons can be reduced to the absolute minimum. Everyone has the right to property and the use of it, including the right to land and the use of raw materials found in it. One has also the right to his ideas, inventions and creations.⁷³ People do have rights over animals, but not the right to kill them which "humiliates humanity"⁷⁴. Man has the right to inherit property, but society should see that inheritance does not turn into social parasitism or anything harmful. Paper currency is "twice as bad"⁷⁵ as coins made of gold and other precious metals. Since forging money is easy, money should be abolished and substituted by some better solutions⁷⁶. In the novel "Outside the Earth" Tsiolkovsky describes the world of the year 2017 (sic!), which has a universal government, a universal language and a universal script⁷⁷.

6. Religion.

According to Tsiolkovsky there is no God such as religions – particularly Christianity – talk about. He was ready to accept Jesus Christ as a perfect man, but not God. The only principle here should be religious freedom, not enforcing religion upon people.

⁷² The first promise given by one by one becoming a Buddhist is: "I shall not take life of any sentient being". The Buddha understood it two and a half thousand years ago. True to his principles, Tsiolkovsky was vegetarian.

⁷³ On at least two occasions Tsiolkovsky was a victim of plagiarism, see D.H. Shubin. *Tsiolkovsky. The Cosmic Scientist...*, pp. 51–52 and 81–83. He also experienced the common fate of the pioneers – being disregarded in his own country and having to watch how incompetent foreigners are favoured in the fields in which native sons are pushed aside (A. Kosmodemyansky. *Konstantin Tsiolkovsky...*, pp. 89–90).

⁷⁴ D.H. Shubin. *Tsiolkovsky. The Cosmic Scientist ...*, pp. 293.

⁷⁵ Ibidem, p. 296.

⁷⁶ Ibidem, pp. 271–296.

⁷⁷ The earliest Esperanto societies in Russia were organized in the 1890s (1891 Moscow and Saratov, 1892 Sankt Peterburg, cf. *Enciklopedio de Esperanto*. Budapest: Hungara Esperanto-Asocio, 1979, pp. 589–592), but I could not find any evidence of Tsiolkovsky's interest in Esperanto or of any Esperantists in Kaluga. It is interesting that Tsiolkovsky predicts not only the universal language, but also the universal script; writing in the Russian, ie. modified Cyrillic script, he must have been more aware of the possible advantages of universal script than anyone using only the Latin one, as one writing in English on Russian or Oriental subjects will know all too well.

Tsiolkovski wrote that “My conclusions are more comforting than the promises of the most optimistic of religions. Not one positivist can be more vigilant than I am. Even Espinoza⁷⁸, in comparison with myself, was a mystic⁷⁹”. As we have already seen, Tsiolkovsky openly declares himself to be both materialist and panpsychist, so the comparison with Spinoza is logical. We have also seen that to Tsiolkovsky, God means the Universe – the living, feeling, all-creating *Vselennaya*⁸⁰. We have already noted he believed his life to be guided by some higher powers⁸¹, but he would probably attribute it to destiny or the higher-developed being, not to a God. As his daughter remembered, Tsiolkovsky did not like the ceremonial side of religion and was not a church-goer, but he believed in the freedom of beliefs, including religion. He considered churches as nice monuments of the past and enjoyed the sound of church bells⁸². He quoted the words of Christ from John 14: 2, “In my Father’s house are many mansions” to support his firm belief in the existence of life throughout the universe, and that planets older than Earth had populations of higher-perfected beings than man. However, as all universe is made of the same elements, this did not disturb his belief in overall Unity⁸³. Again, “As above, so below”.

Tsiolkovsky’s “Science-Fiction” Works

I put the words “science-fiction” in inverted commas because they are really studies in what called “Cosmic Philosophy” by Shubin.

The beginning of Tsiolkovsky’s career as a science-fiction writer was marred by an unfortunate incident. As Shubin narrates it⁸⁴, it was in 1894 that Tsiolkovsky read some of his manuscript works at the house of his Kaluga friend A.N. Goncharov⁸⁵. The readings included *Dreams of Earth and Heaven* and *On the Moon*. Goncharov offered his help in getting the texts published provided they pass the state censorship. When they did, Tsiolkovsky had “Published by A.N. Goncharov” printed on the cover as a surprise gift of gratitude. However, Goncharov got furious that his name was used without permission and in connection with nonsense speculations⁸⁶, and terminated the friendship. What is more, an anonymous review of the book published in 1895

⁷⁸ The original Russian text makes it clear – it is *Spinoza*.

⁷⁹ D.H. Shubin. *Tsiolkovsky. The Cosmic Scientist ...*, p. 179.

⁸⁰ This is the Russian word for the Universe. Let us note an interesting point: in English, the Universe is an “it”, but in Russian it is a “she”, an all-Embracing Feminine Creative Principle. Small wonder that the Russian philosophy of Nature is one of the richest in the West. This approach reaches its apex with Vernadsky, in whose writings we can see the ideas now known as James Lovelock’s *Gaia Theory* (J. Lovelock. *GAJA. Nowe spojrzenie na życie na Ziemi*. Warszawa: Prószyński i S-ka, 2003.).

⁸¹ D.H. Shubin. *Tsiolkovsky. The Cosmic Scientist...*, p. 74.

⁸² As Tsiolkovsky was almost fully deaf, the church bells could be the only musical instrument he could hear and enjoy.

⁸³ D.H. Shubin. *Tsiolkovsky. The Cosmic Scientist...*, pp. 36–37.

⁸⁴ *Ibidem*, pp. 62–64.

⁸⁵ The famous novelist Ivan A. Goncharov (1812–1891) was his uncle.

⁸⁶ The published book contained both science-fiction and some papers in cosmic philosophy.

described it as “intolerable” and pure nonsense, adding that there were many other science-fiction writers with much better scientific background than Tsiolkovsky⁸⁷. This must have hurt Tsiolkovsky very badly. Though he began writing his major novel “*Beyond the Earth*” already in 1896, his next science-fiction work was published only in 1916 (see above).

We have already seen Tsiolkovsky's statement that scientific discoveries are preceded by dreams expressed in science-fiction. It is therefore obvious that his works in science-fiction must reflect his philosophic and academic views. Let us have a look at them from this point of view, our basic text being A. Starchild (Ed.) *The Science Fiction of Konstantin Tsiolkovsky*.

V.1. *On the Moon.*

The book is written in the form of a dream experienced by a man suffering of high fever: he and his friend, a physicist, find themselves on the Moon and explore it, also the dark side. One of the main motives of the story is life in almost gravity-free conditions, exemplified by the problems of boiling water, and another one is the rhythm of sleeping in an environment that is not ruled by the 24-hour cycle. When the heroes eventually run out of food, they fall asleep and the narrator wakes up in a hospital bed on Earth⁸⁸.

V.2. *Dreams of Earth and Sky.*

This book, similar in concept to *Free Space* of 1883, is an outline of cosmology interspaced with stories about space travel and the author's meetings with beings living on different planets and asteroids. Again, we see the motive of freeing oneself from the force of gravity. In Chapter 4, titled *The Gravity Hater* we read the following: “One of my friends was a very odd fellow. He hated terrestrial gravity as though it were something living; he hated it not as a harmful phenomenon, but as his personal, bitterest enemy.”⁸⁹ It is not difficult to recognize it as a humorous self-portrait of the author himself. Much of the scientific part of the book is devoted to the various problems of overcoming gravity and the free space.

V.3. *On Vesta.*

In this brief sketch, Tsiolkovsky describes Vesta as the largest asteroid; in fact, it is the second largest body after Ceres in the asteroid belt. Tsiolkovsky tries to imagine

⁸⁷ Shubin quotes the names of Valentina Nikolaevna Zhuravlyova (1933–2004), and G.S. Altov (the pen name of Henrik Saulovič Altšuller, 1926–1998), but they were much younger than Tsiolkovsky and could not be compared with him in 1894.

⁸⁸ Presentation of a scientific message disguised as a delirious dream of a man with high fever appears also in the Polish novel *Profesor Przedpotopowicz* (1898, new edition 1957) by the biologist and archaeologist Erazm Majewski (1858–1922): E. Majewski. *Profesor Przedpotopowicz*. Warszawa: Czytelnik, 1957.

Tsiolkovsky's descriptions of the lunar landscapes bring to mind another Polish literary work, the first volume of the so-called *Lunar Trilogy* (1903, numerous reprints) by Jerzy Żuławski (1874–1915): J. Żuławski. *Na srebrnym globie, rękopis z Księżyca*. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 1956.

⁸⁹ A. Starchild (Ed.). *The Science Fiction...*, pp. 80–83.

what kind of life might have developed under Vesta conditions and how man could adjust to these conditions. The text gives the impression of being somewhat unfinished, it breaks off without a clear conclusion.

V.4. *Outside the Earth.*

Outside the Earth is one of Tsiolkovsky's best-known science-fiction books, his longest literary work and the only actual novel of his available in English. The story is set in the year 2017 (sic!). As mentioned above, the world has a universal government, a universal international language and a universal script. The story opens in a castle somewhere in the Himalayas where six men retire to give all their time and energy to science⁹⁰. Their names are obvious keys: Newton, Franklin, Galileo, Laplace, Helmholtz. The sixth one, Ivanov, a Russian, is described in the following way: "(He) was a great dreamer, though possessing vast knowledge: more than the others he was capable of abstract thought, and it was he who most frequently broached such unusual subjects as the one discussed by our companions on the day described"⁹¹. The subject in question was the rocket enabling man to reach the Moon, and it is obvious that "Ivanov" is Tsiolkovsky himself. In a few places throughout the long novel (172 pages in English) the author mentions that similar ideas have been suggested by a Russian scientist early in the 20th century, but nobody took them seriously. The description of how only the most beautiful boys and girls are selected for the first generation of space colonists may sound a bit like eugenics, but the author's intentions are honest and sincere. The novel is a veritable paean to the conquest of space and its advantages: broadening knowledge, giving man more space to settle, providing unlimited vegetarian food, making contacts with other intelligent beings possible; it almost seems that it is a *belles lettres* counterpart of Tsiolkovsky's more academic paper described below. The novel's underlying motives are at least two, the familiar question of freeing man from the force of gravity and the advantages of international cooperation and interdisciplinary approach to the conquest of space. In this approach, philosophy is just as important as engineering solutions. Let us have a closer look at the five great scholars and he way Tsiolkovsky describes them⁹²:

Galileo Galilei (1564–1642) is an astronomer and a connoisseur of fine arts;

Isaac Newton (1643–1727) is presented as a philosopher and profound thinker, phlegmatic by nature;

Benjamin Franklin (1706–1790) is a practical mind with religious inclination;

Pierre Laplace (1749–1827) wants to appear only as a mathematician, but deep inside he is also a philosopher and a poet;

Hermann von Helmholtz (1821–1894) is a genius in physics, though absent-minded and forgetful as a person.

It almost seems as if Tsiolkovsky wanted to stress that even the greatest scientists were just human beings with their own peculiarities.

⁹⁰ The Himalayan setting may be an echo of Helene Blavatsky's writings; the Mahatmas, Blavatsky's chief sources and teachers, are described by her as living in the Himalayas.

⁹¹ A. Starchild (Ed.). *The Science Fiction...*, p. 168.

⁹² Ibidem

V.5. *The Aims of Astronautics.*

This work is more of a scientific paper than science-fiction, but as we have already seen, it is not easy to make a clear distinction between the two when studying Tsiolkovsky's writings. The initial question is simple and direct: "What will humanity gain from conquering outer space?"⁹³. The first achievement will be the very journey into outer space (=conquering gravity) and utilization of solar energy. Settling other planets comes second, but to survive on them man will need very special dwellings, suits and the overall adjustment to gravity-free environment. Tsiolkovsky gives some space to the discussion of beneficial or harmful effects of living in gravity-free worlds depending on the individual persons involved, the constructions of greenhouses to cultivate food, and the recirculation of water and human excreta. But even if there are advantages of man's spreading into space, why should we do it? Tsiolkovsky gives the answer at the very end of the paper. There are two dangers, remote but real, that threaten our planet, its explosion "from an accumulation of elastic material inside it and the cooling down and extinction of the Sun"⁹⁴, not to mention the problems caused by overpopulation.

V.6. *Changes in Relative Weight.*

Starchild tells us that the text is excerpted from the original manuscript⁹⁵. The main topic is given by the title of the work: what would the familiar concept of physical weight be on different planets? The passages available in English discuss this question in the contexts of Mercury, Mars, Vesta (with which Tsiolkovsky seems to have had some special fascination), Ceres and Pallas⁹⁶, and the rings of Pallas. In a manner reminiscent of Emanuel Swedenborg and his book *De Telluribus in Mundo nostro Solari, Quae vocantur Planetæ: et De Telluribus in Cælo Artificiose: Deque illarum Incolis; tum te Spiritibus & Angelis ibi; Ex Auditibus & Visis* (1758)⁹⁷ and Johannes Kepler's *Somnium, seu opus posthumus de astronomia lunari* (1634)⁹⁸, Tsiolkovsky introduces the Mercurians, Martians, Vestians, and Pallasians as his interlocutors and sources of information⁹⁹. Again, we see the familiar motive of overcoming the force of gravity and

⁹³ Ibidem, p. 333.

⁹⁴ Ibidem, p. 372.

⁹⁵ Ibidem, p. 373.

⁹⁶ Two of the three largest asteroids in the asteroid belt.

⁹⁷ E. Swedenborg. *De Telluribus in Mundo Nostro Solari, Quae vocantur Planetæ: Et De Telluribus in Cælo Astrifero: Deque illarum Incolis: tum de Spiritibus & Angelis ibi; Ex Auditibus & Visis*. London: The Swedenborg Society, 1934; E. Swedenborg, *Earths in the Universe. Earths in our Solar System which are called Planets, and Earths in the Starry Heaven, Their Inhabitants, and the Spirits and Angels There. From Things Seen and Heard*. London: The Swedenborg Society, 1970.

⁹⁸ J. Kepler. *Sen czyli wydane pośmiertnie dzieło poświęcone astronomii księżycowej*. The Polish translation by Dorota Sutkowska and Jarosław Włodarczyk. Warsaw: Wydawnictwo Naukowe Scholar, 2004.

⁹⁹ As the text says, *Ceres was at the opposite end of the orbit, and I would have had to go nearly 1.000 million kilometers out of my way to visit it.* (A. Starchild (Ed.). *The Science Fiction...*, p. 388). He introduced the Vestians in text V.3, but in a speculative manner, without directly talking to them.

the advantages of it, and of the variety of life in space depending on the environment. Tsiolkovsky says that Pallas has rings, but the modern observations do not confirm it.

V.7. *Living Beings in the Cosmos.*

This paper could possibly be of much interest to the SETI Program¹⁰⁰. Again, it is more an academic paper than a science-fiction text. The text opens with a question: “Why are animals made up of only 29 elements, 9 of them probably unnecessary, out of 90¹⁰¹?¹⁰²” The soils and atmospheres of other planets may have different chemical composition, but this does not mean there is no life there, only that life has to adjust to the environment. Most forms of life need solar energy, but even where the sun cooled down, life might have survived. How important is the size of the brain? If the larger the brain, the greater its powers, obviously human heads ought to grow in size, but there are three problems involved. *First*, larger head means difficulty at birth, which might lead to abandoning procreation. *Second*, such a development might lead to overall pessimism and early deaths. *Third*, the brain and the mind are not in equilibrium right now (written in 1929, PK), but once this equilibrium is attained, man will stop thinking there is some conflict between his duties to himself and to his children. The size of living organisms is limited by the force of gravity, so theoretically planets of weaker gravity might support living beings of enormous size. Tsiolkovsky gives much space to the process of respiration. Human respiration system, in his view, is imperfect, because one of its openings is also serving as the intaking of food, while a proper system should have two openings only for itself. Are water and air absolutely necessary in the quantities we use? Those living in high altitudes have to do with less oxygen, but they adapt and survive. Could we imagine an organism sustaining only on light energy? It is difficult but not impossible. Life is periodic in character, it develops and evolves in stages, and this is the general rule valid all across the universe, with each planetary environment developing it in its own way.

V.8. *Biology of Dwarfs and Giants.*

This paper discusses the differences in life processes in men of unusual sizes. Tsiolkovsky assumes that the average height of man is ca. 180 cm, so he discusses two opposite cases, the dwarfs (men of 90 cm in height) and the giants (men of 360 cm in height). The half-sized man will have fewer problems with gravity than the double-sized one. Could we imagine a man one hundred times smaller, that is being only some 10 millimeters? His strength in relation to his body will be a hundred times greater than ours, and he will have no problems with gravity. Man developed the current size only because the larger is stronger. However, as we shall expand into space, we should not be surprised to meet intelligent beings of enormous sizes.

¹⁰⁰ SETI = Search for Extraterrestrial Intelligence, a large international project started in 1959.

¹⁰¹ As of 2017, there are 118 elements in the Mendeleev Periodic Table.

¹⁰² A. Starchild (Ed.). *The Science Fiction...*, p. 401.

V.9. *Island of Ether.*

The title “Island of Ether” is the Universe as we now know it¹⁰³, and this paper is really a summary of Tsiolkovsky's cosmology, the origin and development of solar systems, the development of suns and other stars¹⁰⁴, the various types of suns and their planetary systems, and finally the structure of the Milky Way and the distribution of its known elements. The conclusion of the paper stresses that our solar system, including planet Earth, the Milky Way, and even the Island of Ether, are but infinitely small parts of the giant Whole.

V.10. *Beyond the Earth's Atmosphere.*

The main points discussed in his paper are jet propulsion, gravity, and gas pressure. Gravity is beneficial to plants (destroying mouldering trunks, bending branches with fruits and controlling the height reached by sap), and it does not disturb any basic human functions. However, a living body cannot manage without the gas pressure exercised upon it, and this would be impossible in free space. Man can emerge into it in protective clothing (space suit, PK), but his sensory perception will be very different: no up or down, no atmosphere obstructing long-distance sight, the overall illusion of nearness. The paper concludes with some practical remarks on the construction of jet-propelled aircraft and its three rudders – of direction, altitude and stabilization.

As we can see, there are a few basic motives which reappear in Tsiolkovsky's writings again and again: the problem of overcoming gravity, the possibilities of life in free space, the unity of life and the Universe, the advantages of and respect for science, finally stressing the importance of philosophy and science-fiction in solving problems that seem to be merely technical or engineering ones. Being self-taught, Tsiolkovsky was not limited by any academic dogmas that decide what is an “acceptable” science and what is not. Tsiolkovsky's approach is closer to the Renaissance model of an all-round scientist/philosopher¹⁰⁵ than to his and our time's idolizing ever-narrowing fields, which results, as the English say, in not seeing the wood for the trees. The concept of Unity, stressed by Tsiolkovsky again and again, demands versatility, and both Tsiolkovsky and Roerich showed that it is possible.

Conclusions

Tsiolkovsky's non-rocketry writings are closer to the speculations of modern cosmology or broadly understood futuristics/probabilistics than to science fiction, though it might be classified as philosophical science fiction, a genre that is easier to recognize than to define. To him, science fiction was the first step to solving actual scientific problems, giving the advantage of unlimited imagination. His philosophy belongs to the Russian Cosmism, but has its roots in the holistic thinking of the classical philoso-

¹⁰³ A. Starchild (Ed.). *The Science Fiction...*, p. 428.

¹⁰⁴ Tsiolkovsky puts suns in a special category which includes our own Sol.

¹⁰⁵ Of course, in today's terms, where philosophy is generally seen as something different from science.

phy of India. Many of his ideas seem close to Theosophy, and it is possible that he was not aware of how much he was influenced by the Indian philosophy.

He knows the classical concepts of science fiction – see *Outside the Earth*, which is written in the tradition of Jules Verne – but he prefers to elaborate his ideas in a scholarly way, sometimes interspersing them with more literary embellishments (like in *Dreams of Earth and Sky*). He claims to be a materialist first and last, but he is ready to define the universe as God and attribute intelligence and sensitivity to it. He feels his life to be preordained, but attributes it to higher intelligences of free space, not to any God. He stresses the fact that the universe is full of life, which puts him in the line started by Giordano Bruno in his *De l'infinito universe et mundi*¹⁰⁶ (1584) and continued by Emanuel Swedenborg in his *De Infinito, et Causa Finali Creationis*¹⁰⁷ (1734) and the book referred to in part V.6. above.

At the same time he says that even Spinoza was a mystic in comparison with him, which stresses his strictly scientific points of departure; indeed, his philosophic papers are rather considerations built upon well-known facts than exercises in pure fantasy, as Tsiolkovsky stresses again and again that his points of departure are facts, not guesses. This places him outside the field of science-fiction as the term is generally interpreted. The contemporary works by scholars who wrote science-fiction – Isaac Asimov, Lloyd Biggle jr., Arthur C. Clarke, Stephen Baxter, Michael Crichton, Kim Stanley Robinson, A.E. Van Vogt¹⁰⁸ – are traditional novels rather than philosophic treatises. Just as the philosophers of ancient India, Tsiolkovsky stresses that we are but a speck of dust in an unimaginably giant Whole and affected by whatever happens in it; this line of thought was continued by Daniil Andreev, whom we have mentioned above, and by Lev Gumilov (1912–1992), whose *Etnogenez i biosfera Zemli*¹⁰⁹ (1979) and *Etnosfera, istoria lyudei i istoria prirody*¹¹⁰ (1993) frequently remind the reader of Tsiolkovsky and the other Cosmists. There are so many parallels between the thinking of Tsiolkovsky and Vernadsky¹¹¹ that discussing them would make this paper twice as long.

In more ways than one, Tsiolkovsky brings to mind Nicholas and Helena Roerich and the *Agni Yoga* system¹¹². There are many parallels – the unity of the universe and

¹⁰⁶ *On the Infinite Universe and Worlds*. I base my knowledge of this book on the Russian translation titled *O beskonečnosti, vselennoi i mirax*, see: Dzhordano Bruno. *Izbrannoe*. Samara: Izdatel'skii dom "Agni", 2000, pp. 323–480.

¹⁰⁷ E. Swedenborg. *Prodromus Philosophiæ Ratiocinantis de Infinito, et Causa Finali Creationis*. Place not given, Palala Press, 2015; E. Swedenborg. *The Infinite. The Final Cause of Creation*. London: The Swedenborg Society, 1965.

¹⁰⁸ Although A.E. Van Vogt (1912–2000) was not a scholar in terms of academic degrees, he had an incredible gift of turning scientific theories into novels. His *Voyage of the Space Beagle* (1950, based on Oswald Spengler's *Untergang des Abendlandes* theories of cyclic history) and *Null-A Trilogy* (1948–1984, based on Alfred Korzybski's *Science and Sanity* and principles of general semantics) are exemplary philosophical science fiction masterpieces.

¹⁰⁹ L. Gumilev. *Etnogenez i biosfera Zemli*. Moskva: Izdatel'stvo ACT, 2005. Available in the English translation: L. Gumilev. *Ethnogenesis and the Biosphere*. Moscow: Progress Publishers, 1990.

¹¹⁰ L. Gumilev. *Etnosfera: istoria lyudei i istoria prirody*. Moskva: Izdatel'stvo ACT, 2006.

¹¹¹ See bibliography; Vernadsky, Levit, Bailes, Lovelock, Young.

¹¹² On Nicholas Roerich and the *Agni Yoga* see: M. Gdok-Klafkowska. *The Dream of Kanchenjonga*:

its being full of life, variety as the key to stability and survival, periodic character of life and its evolution, infinity as a sensitive and conscious being, adaptability, necessity of matching the technological development with the mental and ethical one, equality of all forms of life, spirituality rather than religion and the equal status of all religions, freedom of thinking, necessity of knowing tradition, finally the versatility and the return to the Renaissance model of a scholar/philosopher making no qualitative distinction between a mathematical work and a philosophic study, a poem or a science-fiction novel. It is not known whether Tsiolkovsky and Roerich ever met, but it seems almost impossible that Tsiolkovsky did not know about Roerich and his art, though he could not know the Agni Yoga¹¹³.

Regarding the possible influence of Theosophy on Tsiolkovsky's views, there is no doubt it exists, but its detailed study necessitates being well-acquainted with all the works by both Helena Blavatsky and Tsiolkovsky, a giant though extremely tempting challenge. This would also include answering the question whether those views of Tsiolkovsky's that seem Indian are Indian indeed, or they are filtered through Theosophy.

Let me conclude this paper with what is probably the most-quoted one-liner by Tsiolkovsky: *Planeta est' kolybel' razuma, no nel'za žit' v kolybeli*¹¹⁴ This literally means *The planet is the cradle of mind, but one cannot live in a cradle*. However, it most frequently appears in English in a slightly different version that I think Tsiolkovsky would accept: "The Earth is the cradle of humanity, but one cannot live in a cradle forever"¹¹⁵.

I feel tempted to add: may man grow up in his cradle to be another perfect creature of the Universe. In Tsiolkovsky's own words: *Vsya vseleennaya polna žizni soveršennyx suščestv, kotoraya ožidatet i Zemlu, i drugie nemnogie planet nezrelogo vozrosta*.¹¹⁶

The Roerich Family and Himalayan Studies. [In:] *Buddhist Himalaya, Studies in Religion, History and Culture*. Vol. 1: *Tibet and the Himalaya*. Ed. by A. McKay and A. Balicki-Denjongpa. Gangtok: Namgyal Institute of Tibetology, 2011, pp. 318–319; M. Gdok-Klařkowska. *Mikołaj Konstantynowicz Re- rich jako prekursor komunikacji międzykulturowej...*, pp. 50–52; M. Gdok-Klařkowska. *Agni Joga jako płaszczyna dialogu między Wschodem a Zachodem...*, pp. 79–83.

¹¹³ The first volume of the Agni Yoga – *Leaves of Morya's Garden*. Vol. 1: *The Call* – appeared in Russian in Paris in 1923, and in English in New York in 1924.

¹¹⁴ This quote reputedly comes from a letter written by Tsiolkovsky in 1911; no source at my disposal says to whom was the letter addressed. It seems this quote is so much taken for granted that nobody bothers about the details of its source and context.

¹¹⁵ In A. Kosmodemyansky. *Konstantin Tsiolkovsky...*, p. 95 it appears in a slightly different wording: *This planet is the cradle of the human mind, but one cannot spend all one's life in a cradle*.

¹¹⁶ *Naučnaya etika / The Scientific Ethic* (1930), p. 24 of the original edition available on TOR (access 3.06.2017). it translates: *The entire universe is full of life of perfect beings, which fate also awaits the Earth and a few other planets of immature age*. D.H. Shubin. *Tsiolkovsky. The Cosmic Scientist...*, p. 252 translates it somewhat clumsily as: *The entire universe is full of the life of perfected creatures, and which the Earth is awaiting and so are few other planets that have not reached mature growth*. That which the Earth is awaiting is, of course, the fullness of life of its perfect beings. The untranslatable aspect of this statement is that both *vseleennaya* (=the universe) and *žizn* (=life) are feminine in Russian, while in English they are just "it", neuter. This gives it an emotional coloring English is wholly incapable of reproducing.

Let us only hope that man matures – *eventually* – and becomes such a perfect being as Tsiolkovsky dreamt about. It is a small consolation, but a consolation all the same, that we are not the only immature ones.

Bibliography

1. Russian philosophy and science.

- Agni Joga, *učenie živoi etiki*. 2 vols. Moskva: Eksmo, 2003. [This is the most complete Russian edition of the Agni Yoga system, also called Living Ethics, that we owe to the Roerichs.]
- Andreev D.L. *Roza Mira*. Moskva: Mir Uranii, 2000. [Contains a glossary and an index of names.]
- Andreev D.L. *The Rose of the World*. Lindisfarne Books, 1997. [Incomplete: only Books I-VI of the original twelve. Contains a glossary and an index.]
- Andreev D.L. *Roza Mira, die Weltrose*. 3 volumes. Vega e.K., 2008–2009. [An excellent complete translation with helpful glossaries and indices.]
- Andreeva A.K. et al. *Daniil Andreev v kul'ture XX veka*. Moskva: Mir Uranii, 2000. [An interesting collection of studies by several Russian scholars edited by Andreev's widow.]
- Andreeva A.K. *Plavanë k nebesnoi Rossii*. Moskva: Agraf, 2004. [Written by D.L. Andreev's widow, this book is both an autobiography, a biography of Andreev's, and an introduction to his philosophy and works.]
- Bailes K.E. *Science and Russian Culture in an Age of Revolutions*. Vol. 1: *Vladimir I. Vernadsky and His Scientific School, 1863–1945*. Bloomington: Indiana University Press, 1990.
- Carlson M. *No Religion Higher Than Truth. A History of the Theosophical Movement in Russia, 1875–1922*. Princeton: Princeton Legacy Library, 1993.
- Berdyaev N.A. *Theosophy and Anthroposophy in Russia*. [Online:] <http://www.berdyaev.com/berdyaev/berd_lib/1916_256.html> (access 20.04.2017).
- Decter J. *Nicholas Roerich. The Life and Art of a Russian Master*. Vermont: Park Street Press, 1989.
- Dębowski J. *Przyroda w filozofii rosyjskiego prawosławia*. Olsztyn: Wyższa Szkoła Pedagogiczna, 1998.
- Dubaev M. *Rerich*. Moscow: Molodaya Gvardia, 2003.
- Gdok-Klafkowska M., P. Klafkowski. *Mysł o przyrodzie w filozofii rosyjskiej. Szkice do portretu*. [In:] *Ekorozwój i Agenda 21: Interdyscyplinarny model kształcenia*, pp. 135–146. Ed. by P. Pieczyński. Szczecin: Collegium Balticum, 2007.
- Goerd W. *Historia filozofii rosyjskiej*. Kraków: Wydawnictwo WAM, 2012.
- Klafkowski P. *Czy ludzkość ma jeszcze szansę? Konstanty Ciołkowski, Mikołaj Roerich i Daniil Andrejew*. [In:] *Dialog kultur i społeczeństw*. Ed. by B. Afeltowicz, J. Miturska-Bojanowska, H. Walter. Szczecin: Volumina pl, 2016, pp. 83–92.
- Levit G.S. *Biochemistry-Biosphere-Noosphere. The Growth of the Theoretical System of Vladimir Vernadsky*. Berlin: WVB Verlag, 2001.
- Łoski M. *Historia filozofii rosyjskiej*. Kęty: Antyk, 2000.
- Pisareva E.F. *The Light of the Russian Soul: A Personal Memoir of Early Russian Theosophy*. Wheaton: Quest Books, 2008.
- Rosenthal Glatzer B. (Ed.) *The Occult in Russian and Soviet Culture*. Ithaca and London: Cornell University Press, 1997.
- Rottert T.G, I.V. Lipskaya (Ed.). *Vystavka proizvedenii xudożnikov grupy AMARAVELLA, katalog*. Międzynarodnyi Centr-Muzei imeni N.K. Rerixa, Moskva 2000. [This is the catalogue of the exhibition of the Amaravella Group paintings held in Moscow in 2000, and the best source of information about the history and members of the group.]
- Śpidlik T. *Mysł rosyjska, inna wizja człowieka*. Warszawa: Wydawnictwo Księży Marianów, 2000.

- Stołowicz L. *Historia filozofii rosyjskiej, podręcznik*. Gdańsk: Słowo. Obraz/Terytoria, 2008.
- Ul'rix I.V. *Žizn' čeloveka, Vvedenie v Metaistoriu*. Moskva: Izdatel'stvo „Litan”, 2003. [This book is essentially a commentary on D.L. Andreev's *Roza Mira*.]
- Vernadsky V.I. *The Biosphere*. Göttingen: Copernicus Publications, 2013.
- Vernadsky V.I. *Geochemistry and the Biosphere*. Santa Fe: Synergetic Press, 2007.
- Walicki A. *Zarys myśli rosyjskiej od Oświecenia do Renesansu religijno-filozoficznego*. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2005.
- Waldenfels E. von. *Nikolai Roerich Kunst, Macht und Okkultismus*. Berlin: Osburg Verlag, 2011.
- Val'denfels E. von. *Nikolai Rerix Iskusstvo, Vlast', Okkultizm*. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie, 2015.
- Young G.M. *Nikolai Fedorov, an Introduction*. Balmont: Nordland Publishers, 1979.
- Young G.M. *Russian Cosmists, the Esoteric Futurism of Nikolai Fedorov and his Followers*. Oxford: Oxford University Press, 2012.
- Young G.M. *Navigating Spaceship Earth: Four Russian Cosmists*. Quest Magazine. Summer Issue. Wheaton, 2013, pp. 105–108, 120.

2. Works by and about Konstantin E. Tsiolkovsky.

a/ Printed books.

- Blagonravov A.A. (Ed.). *Selected Works of Konstantin E. Tsiolkovsky*. Honolulu: University Press of the Pacific, 2004.
- Ciołkowski K. *Poza Ziemią*. Warsaw: Iskry, 1979.
- Kosmodemyansky A. *Konstantin Tsiolkovsky, His Life and Work*. Honolulu: University Press of the Pacific, 2000.
- Shubin D.H. *Tsiolkovsky. The Cosmic Scientist and His Cosmic Philosophy*. Publisher and place not given. ISBN 978-1-365-25981-4, copyright 2016.
- Starchild A. (Ed.). *The Science Fiction of Konstantin Tsiolkovsky*. Honolulu: University Press of the Pacific, 1979.

b/ Tsiolkovsky's works online (access 1.06.2017).

In Russian: <tsiolkovsky.org/ru/nauchnoe-nasledie>

In English: <tsiolkovsky.org/en/cosmic-philosophy-by-tsiolkovsky>

[This is an almost complete collection of Tsiolkovsky's philosophic and literary works. The Russian page gives complete texts. The English page, much smaller, gives summarizing translations of selected texts. The portal is in constant development.]

Other.

- Bruno Dž. *Izbrannoe*. Samara: Izdatel'skii dom "Agni", 2000.
- Dante A. *Le Opere di Dante*. A cura di M. Barbi et al. Firenze: Testo Critico della Societa Dantesca Italiana, Bemporad et Figlio- Editori, MCMXXI.
- Enciklopedio de Esperanto*. Budapest: Hungara Esperanto-Asocio, 1979.
- Gdok-Klafkowska M. *The Dream of Kanchenjonga: The Roerich Family and Himalayan Studies*. [In:] *Buddhist Himalaya. Studies in Religion, History and Culture*. Vol. 1: *Tibet and the Himalaya*. Ed. by A. McKay and A. Balikci-Denjongpa. Gangtok: Namgyal Institute of Tibetology, 2011.
- Gdok-Klafkowska M. *Mikołaj Konstantynowicz Rerich jako prekursor komunikacji międzykulturowej*. [In:] *Homo Communicans*. Vol. 2: *Čelovek v prostranstve međdukul'turnyx kommunikatsii*. Ed. by K. Janaszek, J. Miturska-Bojanowska, R. Gawarkiewicz. Szczecin: Grafform, 2012, pp. 50–52.
- Gdok-Klafkowska M. *Agni Joga jako płaszczyzna dialogu między Wschodem a Zachodem*. [In:] *Homo Communicans*. Vol. 2: *Čelovek v prostranstve međdukul'turnyx kommunikatsii*. Ed. by K. Janaszek, J. Miturska-Bojanowska, A. Šunkov, B. Rodzevič. Szczecin: Grafform, 2012, pp. 79–83.

- Golovačev V. *Spasiteli Veera*. One-volume edition. Moskva: Eksmo, 2004.
- Gołowaczew W. *Wirus mroku* (cykl *Obrońcy wachlarza*, tom 1) i *Wysłannik* (cykl *Obrońcy wachlarza*, tom 2). Olsztyn: Solaris, 2005. [The third volume of the Polish translation has not been published.]
- Grojs B. *Russkii kosmizm, antologia*. Moskva: Ad Marginem Press, 2015.
- Gumilev L. *Ethnogenesis and the Biosphere*. Moscow: Progress Publishers, 1990.
- Gumilev L. *Etnogenez i biosfera Zemli*. Moskva: Izdatel'stvo ACT, 2005.
- Gumilev L. *Etnosfera, istoria lyudei i istoria prirody*. Moskva: Izdatel'stvo ACT, 2006.
- Kepler J. *Sen czyli wydane pośmiertnie dzieło poświęcone astronomii księżycowej*. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe Scholar, 2004. [The Polish translation by Dorota Sutkowska and Jarosław Włodarczyk.]
- Klafkowski P. *Od kultur do metakultury, refleksje nad dziełem Daniła Andrejewa „Roza Mira”*. [In:] *Homo Communicans*. Vol. 2: *Človek v prostranstve meždukul'turnyx komunikatsii*. Ed. by K. Janaszek, J. Miturska-Bojanowska, R. Gawarkiewicz. Szczecin 2012: Grafform, pp.74–79.
- Klafkowski P. *Opisując nieopisywalne: Światy i zaświaty Daniła Andrejewa*. [In:] *Homo Communicans*. Vol. 2: *Človek v prostranstve meždukul'turnyx komunikatsii*. Ed. by K. Janaszek, J. Miturska-Bojanowska, R. Gawarkiewicz. Szczecin 2012: Grafform, 2012, pp. 122–132.
- Lanium R.D., J. Logsdon, Robert W. Smith. *Reconsidering Sputnik: Forty Years Since the Soviet Satellite*. London: Routledge, 2000.
- Lovelock J. *GAJA. Nowe spojrzenie na życie na Ziemi*. Warszawa: Prószyński i S-ka, 2003.
- Majewski E. *Profesor Przedpotopowicz*. Warszawa: Czytelnik, 1957.
- Semenova S.G., A.G. Gačeva (Ed.). *Russkij komizm, antologia filozofskoi mysli*. Moskva: Pedagogika-pres, 1993.
- Swedenborg E. *De Telluribus in Mundo Nostro Solari, Quae vocantur Planetæ: Et De Telluribus in Cælo Astrifero: Deque illarum Incolis: tum de Spiritibus & Angelis ibi; Ex Auditis & Visis*. London: The Swedenborg Society, 1934.
- Swedenborg E. *Earths in the Universe. Earths in our Solar System which are called Planets, and Earths in the Starry Heaven, Their Inhabitants, and the Spirits and Angels There. From Things Seen and Heard*. London: The Swedenborg Society, 1970.
- Swedenborg E. *De Cælo et Ejus Mirabilibus et de Inferno ex Auditis et Visis*. Whitefish: Kessinger Publications, 2009.
- Swedenborg E. *Heaven and its Wonders, and Hell from Things Seen and Heard*. London: The Swedenborg Society, 1958.
- Swedenborg E. *Prodromus Philosophiæ Ratiocinantis de Infinito, et Causa Finali Creationis*. Place not given. Palala Press, 2015.
- Swedenborg E. *The Infinite, The Final Cause of Creation*. London: The Swedenborg Society, 1965.
- Tompkins P., C. Bird. *The Secret Life of Plants*. London: Penguin Books, 1974.
- Wohlleben P. *Das geheime Leben der Bäume*. Munich: Ludvig Verlag, 2016.
- Wohlleben P. *The Hidden Life of Trees*. Jackson: Perseus Distribution, 2016.
- Wohlleben P. *Sekretne życie drzew*. Kraków: Wydawnictwo Otwarte, 2016.
- Żuławski J. *Na srebrnym globie, rękopis z Księżyca*. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 1956.

ESEISTYKA NAUKOWA
НАУЧНАЯ ЭССЕИСТИКА
SCHOLARLY ESSAYS

A FEW WORDS ABOUT NICHOLAS ROERICH'S SWEDISH CONNECTIONS

MAŁGORZATA GDOK-KLAFKOWSKA

Szczecin, Polska

niezależna badaczka życia i twórczości rodziny Rerichów

e-mail: pklafkowski@gmail.com

(nadesłano 28.08.2017; zaakceptowano 7.09.2017)

Abstract

The paper attempts at tracing the connections of Nicholas Roerich with Sweden as exemplified by his participation in the Baltic Exhibition at Malmö in 1914 and his great individual art exhibition at Stockholm in 1918. The author is a free-lance researcher in the life and works of the Roerich family.

Key words

Nicholas Roerich, Baltic Exhibition of 1914, Gummesson Gallery.

Abstrakt

Artykuł podejmuje próbę prześledzenia związków Mikołaja K. Rericha ze Szwecją na przykładzie jego udziału w Wystawie Bałtyckiej w Malmö w roku 1914 i wystawy indywidualnej w Sztokholmie w roku 1918. Autorka podkreśla, iż właśnie w trakcie pobytu w Skandynawii w latach 1916-1919 Mikołaj Rerich stał się artystą znanym i cenionym w skali światowej, nie tylko rosyjskiej. Artykuł wiąże się tematycznie z obszerniejszą pracą Autorki (przyjętą do druku) na temat pobytu Mikołaja Rericha i jego rodziny w Finlandii.

Słowa kluczowe

Mikołaj K. Rerich, Szwecja, Wystawa Bałtycka 1914, Galeria Gummesona w Sztokholmie, wystawa indywidualna Rericha w 1918 roku.

This brief paper was first presented at the International Anthropological Conference titled *The Swedish Traditions, Customs, And Esthetic Sensitivity on the Example of the Hälsingland Region Culture*, held at the Chair of Ethnology and Cultural Anthropology, University of Szczecin on October 5th, 2015. It was continued by a more detailed paper on Nicholas Roerich's stay in Finland¹. It turned out that more data was available on Roerich's stay in Finland, while the Swedish cultural institutions contacted via internet when I was preparing this paper were clearly unfriendly and unwilling to help, hence the brevity of this paper which is more of a communicate, really.

Nicholas Konstantinovich Roerich (1874–1947) was one of the painters of the Russian Silver Age² who gained international fame. He is not well known in Poland, maybe not yet. Not repeating what is also included in the paper on Roerich's stay in Finland I will only say that the artist lived in Scandinavia in the years 1916–1919, and it was in that period that he became a star of international, not only Russian importance.

The first Swedish trace in Roerich's biography is his participation in the Baltic Exhibition³ at Malmö in 1914. The exhibition opened on May 15th; it was originally supposed to close on September 30th, but it was slightly prolonged until October 4th. The exhibition was overshadowed by the outbreak of the First World War. Let us remember that Germany declared war with Russia already on August 1st, 1914, and the Russian army entered East Prussia that same year. This meant that on the day of the exhibition's opening two of participating states were at war with each other, something that throws a lot of interesting light on the exhibition. The three main topics of the exhibition were industry and industrial achievements, craftsmanship, and general arts.

The Baltic Exhibition at Malmö was a regional rather than truly international venture, as only four states participated in it: Sweden, Denmark, Russia, and Germany. The exhibition was accompanied by the Baltic Games, international swimming competition.

¹ This paper, currently in the press, was presented at the international conference *Obszary fenniskie: język – kultura – naród (Diverse Areas of Finnish Studies: Language – Culture – Nation)* held at the University of Gdańsk on May 15th, 2017, commemorating the centenary of Finland's independence. It also contains a complete list of Roerich studies by my husband Piotr Klafkowski and myself.

² This is the common name of the period of Russian culture at the turn of the XIX/XX centuries that was characterized by enormous flourishing of visual arts, music, literature, science, and philosophy. It is sometimes stated that the Silver Age began in 1898 (with the first volume of the journal „Мир искусства”) and came to an end in 1934 when the so-called socialist realism was introduced in the USSR as the only method of artistic expression allowed by the state.

³ Most of the information on the Baltic Exhibition comes from the English-language Wikipedia, entry „Baltic Exhibition”, accessed October 1st, 2015.

The Russian art at the exhibition was represented by the following painters:

- Valentin Serov 1865–1911, one of Russia's most famous portrait painters, 39 paintings exhibited;
- Nicholas Roerich 1874–1947, painter, stage designer and one of the pioneers of Russian applied art, 28 paintings exhibited;
- Kuzma Petrov-Vodkin 1878–1939, a well-known symbolist, 7 paintings exhibited;
- Vassily Kandinsky 1866–1944, the pioneering abstract painter, 5 paintings exhibited;
- Martiros Sasian 1880–1927, the creator of Armenian national school in painting, his works remind one very much of Nicholas Roerich, particularly when showing mountains;
- Aleksandr⁴ Golovin 1863–1930 who, like Roerich, was also a noted stage designer.

These names appear in the few reference sources on the Baltic Exhibition that are at my disposal. It is possible Russia was represented by more painters than the above.⁵

The Russian contribution to the exhibition created great interest in Sweden, and I think it is here we can look for the origins of Roerich's subsequent international fame. Due to the outbreak of the First World War several of the paintings remained at Malmö, and the question of their return to Russia remains controversial⁶. The Russian sources stress that the participation of Russia in the Baltic Exhibition was the first foreign exhibition of Russian paintings from private collections organized by the Russian Artists Association.

The second, and probably much stronger Scandinavian appearance of Roerich was his great individual exhibition held in Stockholm from November 10th until 30th, 1918. The inviting side and the organizer was the Gummesson Gallery, at that time one of the most important artistic institutions in Scandinavia. Carl Gummesson, a well-known bookseller and collector of modern art, founded the gallery in 1912; among the artists who had their exhibitions there we should note Vassily Kandinsky and Andy Warhol. The Gallery was closed on March 31st, 2009, and its collections moved to Swedish National Museum. Unfortunately, when I contacted that Museum asking for information during the preparation of this paper, it proved unwilling to provide any information, insisting it is not their job. The one thing I have been able to find out is that the only Roerich painting in the former Gallery was passed on to the Stockholm Museum of Modern Art; the Swedish National Museum is interested only in the artists born until 1870, and Roerich was born in 1874. The painting in question was in all likelihood bought by Gummesson himself in or around 1918.

⁴ The Russian version of the name Alexander.

⁵ Surprisingly, the Swedish-language Wikipedia, entry *Baltiska utställingen 1914* (accessed 1.07.2017), does not give any details about the participating artists or a more detailed description of the exhibition. The above list is quoted from the internet source given in the next footnote, same date of access.

⁶ According to the English-language Russian internet page *forum.artinvestment.ru* (accessed 1.07.2017) some 40 paintings by the Russian painters still remain in Malmö, 26 of these hidden from view and kept in the museum magazine on the order of the museum's directors fearing Russian claims.

Roerich's exhibition was a very large one, featuring 105 paintings and drawings⁷. The titles of the paintings are too general to determine whether any of them have been closely connected with Sweden.

From Sweden this exhibition went on to Denmark, where it was presented in Copenhagen in the early 1919, but so far I have not been able to find out more about it.

Roerich's exhibitions and activities in Finland, briefly sketched in 2015, are now discussed more fully in the paper mentioned in footnote 1 above.

It seems interesting that Roerich never had an exhibition in Norway, though he was greatly interested in ancient Norwegian art and stage-designed the performance of Ibsen's *Peer Gynt* in Petersburg in 1912. In what is probably Nicholas Roerich's best-known book, *Altai-Himalaya*, Sweden and Finland are mentioned very briefly and only in the context of meeting Swedish missionaries in Sinkiang and Finnish ones in Sikkim⁸. In Roerich's less-known collection of brief sketches *Звучание народов* [*Zvučane narodov*] Sweden and Finland are not included⁹.

There is one more connection between the Roerich family and Sweden: Yuri N. Roerich (1902–1960), Nicholas Roerich's elder son who became one of the most famous Orientalists of the XX century, was a close friend of the Swedish explorer and writer Sven Hedin (1865–1952)¹⁰.

Another Scandinavian connection of the Roerichs is the still-unexplained etymology of their name. Several biographies and popular works on Nicholas Roerich suggest that the name "Roerich" (Russian pronunciation: "Ryorih") derives from alleged old Scandinavian expression "roe rikt" which is supposed to mean "rich in glory"¹¹. Other sources suggest the Latvian or German origin of the family, but the etymology of the name remains a mystery. Aleksandre Andreyev¹² summarizes the researches by Ivars Silars¹³ that indicate the Roerichs descended from the van der Ropp family, a German family in Russian-ruled Latvia. However, let us remember that there was an 8th century Slavic-Scandinavian trading post in today's Mecklenburg-Vorpommern, Germany, that was called Reric or Rerik, so there seem to be more possibilities.

Nicholas Roerich has authored a large number of paintings connected with ancient Scandinavia, but these focus on the Vikings and their art, and cannot be ascribed to any modern Scandinavian country in particular. This is again different in the case of his Finnish paintings, which are clearly just that, Finnish, not Scandinavian or "Nordic".

The fame of Roerich's later Indian and Himalayan paintings has somewhat pushed aside the works he created during his brief stay in Scandinavia. As far as I know, the only researcher working in this field is Elena Soini.

⁷ The complete list is given by E. Soini [Е. Соини] 2001, pp. 155–158.

⁸ *Altai-Himalaya*, pp. 209–210 and 382–383.

⁹ See Н. Перих. *Зажигайте сердца*, pp.137–154.

¹⁰ Yuri Roerich wrote a detailed paper titled *Sven Hedin*, published in the third volume of the *Journal of Urusvati Himalayan Research Institute*, 1933, pp. 1–16. Let us note that Sven Hedin is mentioned three times in *Altai-Himalaya*, see pp. 163, 246 and 379.

¹¹ See Decter 1989, p. 13 as an example.

¹² A. Andreyev. *The Myth of the Masters Revealed. The Occult Lives of Nikolai and Elena Roerich*. Eurasian Studies Library vol. 4, Leiden and Boston: Brill, 2014, pp. 2–3.

¹³ D. Savelli, A. Andreyev (Eds), *Rerixi, mify i fakty*. Sankt-Peterburg: Nestor-Istoria, 2011. pp. 8–29.

I hope to be able to find out more details on Roerich's exhibitions and possible influence in Sweden and Denmark. At the moment I can only refer the reader to my forthcoming paper on the Finnish episode in Roerich's life and art, which is more detailed.

Acknowledgements

I am grateful to Sebastian Musielak and Justyna Polanowska for helping me to get access to Elena Soini's book of 2001. I also thank my husband Piotr Klafkowski for translating this brief sketch into English and his help with the internet sources in Swedish.

Literature cited or consulted

- Andreyev A. *The Myth of the Masters Revealed. The Occult Lives of Nikolai and Elena Roerich*. Eurasian Studies Library vol. 4, Leiden and Boston: Brill, 2014.
- Decter J. *Nicholas Roerich, the Life and Art of a Russian Master*. Rochester, Vermont: Park Street Press, 1989.
- Klimentieva V. *Nicholas Roerich: In Search of Shambhala*. Austin: The University of Texas, 2009.
- Roerich Nicholas. *Altai-Himalaya, a Travel Diary*. Brookfield, Connecticut: Arun Press, 1983.
- Stasulane A. *Theosophy and Culture: Nicholas Roerich*. Roma: Pontificia Universita Gregoriana, 2005.
- Williams R.C. *Russian Art and American Money 1900–1940*. Cambridge (Massachusetts) and London (England): Harvard University Press, 1980.
- Рерих Н. [Rerix N.]. *Зажигайте сердца [Zažigajte serdca]*. Москва: Молодая гвардия, 1990.
- Savelli D., Andreyev A. (Eds), *Rerixi, mify i fakty*. Sankt-Peterburg: Nestor-Istoria, 2011.
- Сойни Е.Г. [Soini E.]. *Северный лик Рериха [Northern Images of Nicholas Roerich]*. Самара: Издательский дом "Агни", 2001.

Translated by Piotr Klafkowski

A PERSONAL LOOK AT THREE SWEDISH POETS:
CARL MICHAEL BELLMAN, ESAIAS TEGNÉR,
ERIK JOHAN STAGNELIUS¹

PIOTR KLAFKOWSKI

University of Szczecin
Institute of Sociology
Ethnology and Cultural Anthropology Unit
Krakowska 71–79, 71-017 Szczecin, Poland
e-mail: pklafkowski@gmail.com
(nadesłano 28.08.2017; zaakceptowano 7.09.2017)

Abstract

The paper is the author's personal homage to his three favourite Swedish poets. It attempts at showing the Polish readers that Sweden, too, had its share of great poets, as Swedish poetry is almost wholly unknown in Poland. Carl Michael Bellman is compared with his contemporary Robert Burns, Esaias Tegner is presented in the context of epic poems of Denmark and Norway, whereas Erik Johan Stagnelius – in comparison with John Keats and William Blake.

Key words

Swedish poetry, Sweden in the late 18th century, Carl Michael Bellman, Esaias Tegner, Erik Johan Stagnelius.

Abstrakt

Artykuł stanowi osobisty hołd autora złożony jego trzem ulubionym szwedzkim poetom. Jest to również próba pokazania polskiemu odbiorcy, że Szwecja także miała

¹ Special invited contribution.

szereg wielkich poetów, chociaż są oni w Polsce prawie nieznani. Po krótkim wprowadzeniu historycznym omówieni zostają wymienieni w tytule twórcy. Carl Michael Bellman przedstawiony jest w porównaniu z jego szkockim równolatkiem Robertem Burnsem, Esaias Tegner – na tle duńskiej i norweskiej poezji epickiej, Erik Johan Stagnelius porównany jest z dwoma poetami angielskimi: Johnem Keatsem (niemal równolatkiem Stagneliusa) oraz Williamem Blakiem. Tekst zawiera kilka ilustracji, cytatów z wierszy Bellmana i Stagneliusa (cytaty z Tegnera byłyby zbyt długie, jako że mamy do czynienia z poezją epicką), obszerną bibliografię dzieł w językach szwedzkim, angielskim i polskim oraz znaną autorowi dyskografię pieśni Bellmana oraz muzyki powstałej do dzieła Tegnera.

Słowa kluczowe

Szwecja pod koniec XVIII wieku, Liga Gotycka, fosforyzm, Carl Michael Bellman, Esaias Tegner, Erik Johan Stagnelius.

Dedicated to:

- *The memory of Mr. Claes Nyegaard (1920–1999) of Damms Antikvariat², Oslo, the Greatest Antiquarian and Gentleman I have ever known, in whose Antikvariat I first met Esaias Tegnér;*
- *The memory of Bjørn Ringstrøm of Oslo (1928–2015), in whose Antikvariat I first met Erik Johan Stagnelius;*
- *The children of Vetre School on Oslofjord in 1990–1992, who never ever tired of singing Bellman's Old Man Noah to the undersigned. I hope you still remember me.*

Thank you for everything you taught me.

PK

Introductory

I would like to begin this paper by explaining why I have written it. When I returned to Poland after thirteen years in Norway I was immediately struck by how little was the Scandinavian culture known to the Polish general public. Denmark was universally associated only with Hans Christian Andersen and his fairy tales. Norway seemed to fare a little better: many people seemed to know at least the names of Edvard Grieg, Sigrid Undset, Henrik Ibsen, Knut Hamsun, and the cinema lovers remembered that the Polish movie *Żywoł Mateusza* of 1967 (directed by Witold Leszczyński, starring

² I prefer to use the Norwegian word „Antikvariat”, as its primary connotation is the place for old books, not Dickensian Old Curiosity Shop. I also think that there is a world of difference between “old books” and “second hand books”.

Franciszek Pieczka) was based on the Norwegian novel *Fuglene* of 1957 (Polish translation *Ptaki* 1964) by Tarjei Vesaas (1897–1970)³.

Sweden, or to be precise, Swedish literature, fared much worse. It seemed to me that the only names my respondents knew were Astrid Lindgren and Ingmar Bergman. The Swedish literature seemed to be totally unknown, and my quoting the Swedish Romantic poets was frequently met with genuine surprise of the type “you mean they had any?”. The movie lovers remembered *Sommaren med Monika* of 1952⁴ and *Hon dansade en sommar* of 1951⁵, or at least the scandals caused by those movies⁶, and of course they could recite the titles of all the films by Bergman. However, Master Ingmar has successfully convinced the audiences that Sweden is a dark country, gloomy realm of lower middle-class hypocrites, completely deprived of joy, smiles, emotional subtlety and any romantic feelings. Bloody past, gloomy present sealed by the seventh seal⁷, period⁸.

Nobody seemed to know that it was a Swede – Emmanuel Swedenborg (1688–1772) – who authored what is probably the most beautiful book on both the marital and the extramarital love: *Delitiae Sapientiae de Amore Congugiali post quas sequuntur Voluntates Insaniae de Amore Scortatorio ab Emanuele Swedenborg, Suecio, 1768*⁹.

I have even met some younger people who did not know that ABBA was a Swedish group “because they sang only in English, didn’t they?”.

But, after all, also in Scandinavia – I almost wrote “But, after all, even in Scandinavia” – we find great romantic poetry, full of subtle feelings, easily equalling the English, Russian, German, or Polish masters of words. All they need is being introduced in Poland in the right way.

A handy conference on Swedish culture¹⁰ provided an opportunity of presenting three of my most favourite Swedish poets to the Polish public. The paper was in Polish.

³ Though, to be precise, Ibsen wrote in Danish and was proud of it, and the language of Sigrid Undset’s novels is definitely more Danish than Norwegian. Of the writers mentioned, only Tarjei Vesaas wrote in pure Norwegian.

⁴ Based on Per Anders Fogelström’s (1917–1998) novel *Sommaren med Monika* of 1951 (Polish translation titled *Wakacje z Moniką* by Aleksander Szulc 1960) starring Harriet Andersson and directed by the young Ingmar Bergman. The Polish title of the movie was the same as the title of the translation of the novel.

⁵ Based on the novel *Sommardansen* of 1949 by Per Olof Ekström (1926–1981), starring Ulla Jacobsson, directed by Arne Mattisson. The Polish title of the movie was *Ona tańczyła jedno lato*.

⁶ These two movies launched the myth of Sweden as a country of unrestrained physical love.

⁷ Yes, I do mean Bergman’s famous *Det sjunde inseglet* of 1957.

⁸ I invite the skeptical reader to study Ronald Hundford’s *The New Totalitarians* (London 1971) or Jacek Kubitzky’s *Szwecja od środka* (1987) and *Alfabet szwedzki* (2011) to experience the land of Bergman in its fullness.

⁹ Swedenborg wrote only in Latin. This particular work of his has been translated into English many times. The best modern rendering that I have seen is titled *The Sensible Joy in Married Love and the Foolish Pleasures of Illicit Love*, translated by David H. Gladish, Swedenborg Foundation, West Chester (Pennsylvania) 1992.

¹⁰ This conference, titled *International Anthropological Conference: Swedish Tradition, Customs and Esthetic Sensitivity on the Example of the Culture of Hälsingland Region*, was organized by Chair of

It now appears in English, which makes my task more difficult, as I have no access to the English translations of the poems (except a few), only to the Polish renderings and some originals. Anyway, I hope that my sketch will make some readers interested in looking for more.

The three poets I have chosen are the following:

Carl Michael Bellman 1740–1795

Esaias Tegnér 1782–1846

Erik Johan Stagnelius 1793–1823.

The choice is the undersigned's own heart – I simply like these three more than any other Swedish poets whose works I have read. Besides, their poems are available in Polish, and it was the Polish audience that I wanted to reach. I do not go into biographic details of them all, as my intention is to give an impression, an impulse for further study. The basic references are given in the bibliography. For the sake of clarity, I will also add that “Scandinavia” in this paper means only the three countries of Sweden, Norway and Denmark, excluding the Faroe Islands, Iceland, Kalallit Nunaat (formerly known as Greenland) and Sapmi (formerly known as Lapland).

As I have no access to the published English translations of Bellman and Stagnelius, I quote passages from their poems available on the web in the *PoemHunter.com* portal. These quotations are marked (PH). My own translations are marked (PK).

The subject of this paper being poetry and its personal appreciation, I allowed myself to be more personally involved than the current academic fashions allow. I hope my readers will not hold it against me.

The Historical Background

It is necessary to begin with a few words on Sweden at the end of the 18th century. It was the period of the origin and development of Swedish enlightened absolutism culminating with the assassination of king Gustav III in March 1792¹¹. The beginning of the 19th century in Swedish history is the loss of Finland to Russia, the banishment of king Gustav Adolf IV, the reign of Karl XIII (known in Norway as Karl II), and finally the coming to power of the Frenchman Jean Baptiste Bernadotte as the king Karl XIV Johan¹². This is the period in which Sweden tries to regain its strength after being defeated by Peter the Great of Russia in the early 18th century. In 1814, on the basis of the Treaty of Kiel – the North-European equivalent of the Congress of Vienna (1814–1815) – Sweden takes over Norway from Denmark.

The three poets I have chosen, besides their literary achievements, are a very interesting group from the point of view of cultural anthropology and the anthropology of literature. Bellman came from a middle-class family. Tegnér, son of a peasant family,

Ethnology and Cultural Anthropology, University of Szczecin, on October 5th, 2015.

¹¹ This event is the subject of one of Giuseppe Verdi's best-known operas, *Un ballo in maschero/The Masked Ball*, of 1859.

¹² He was born in 1763, was one of Napoleon's best field commanders, rose to the ranks of the marshal of France in 1804, and became the king of Sweden and Norway in 1818. His best, most detailed biography is available only in Swedish, see Höjer 1939–1960.

was educated at the famous (until this very day) university of Lund, where for many years he was a professor of Greek; he spent the last 20 years of his life as the bishop of Växjö. Stagnelius came from a rather poor family connected with the Church of Sweden and for various reasons presents a wholly different picture from his two much better-known poetic predecessors.

Carl Michael Bellman 4.02.1740 – 11.02.1795

A close contemporary of Haydn (1731–1809), Mozart (1756–1791), and Robert Burns (1759–1796), Bellman defies easy labelling. He was born in a well-to-do upper middle-class family. His father was a civil servant working at the royal chancery. Bellman was educated mostly by private tutors. He tried making his living as a bank employee, did not like the job, spent one term as a student at Uppsala university, then again tried working at a bank, went personally bankrupt and had to flee to Norway to avoid arrest, became a famous poet and a bard of Stockholm's guttersnipes and tipplers, and eventually got a sinecure job from the Swedish king Gustav III which was intended to give him financial safety for the rest of his life. However, though not unexpectedly, Bellman, who already suffered of tuberculosis, landed in jail in 1794. It was in jail that he wrote a brief account of his life¹³.

Something rather unusual happened to him when he was a boy. He fell ill, had high fever, and when he recovered he discovered he could express himself in fluent poetry, the gift he apparently had not had before¹⁴.

Bellman is best known today as a poet and a composer. He wrote poetry all his life. It was probably at the time he tried being a student at Uppsala that he started drinking and composing drinking songs. His output includes numerous religious poems as well, but these are not as well-known as his two masterpieces, 82 *Fredmans Epistler* (*Fredman's Epistles*, 1790) and 65 *Fredmans sånger* (*Fredman's Songs*, 1791). These titles could be properly translated as *Freeman's Epistles* and *Freeman's Freeman's Songs*.

Similarly to Robert Burns, Bellman set his poems to music and sang them accompanying himself on the instrument today called cittern¹⁵, similar to a small and flat-

¹³ See Neuger 1991, pp. 244–248.

¹⁴ According to Bellman himself, it was when he lay with high fever he started talking and singing in rhymes to his mother (Neuger 1991, p. 246). This strange episode is mentioned in Bellman's biography available on the web, Wikipedia (English), access 10.07.2017. However, according to the Wikipedia, Bellman discovered the sudden poetic gift only when he recovered, a small but important difference.

¹⁵ The musical gift ran in the family – according to Neuger, Bellman's grandfather was famous for his improvisations on cittern (Neuger 1991, p. 242). According to Swedish sources, Bellman played the instrument his grandfather had bought when he was in Rome. Unfortunately, the luthier's name is not given.

tened lute with six courses or pairs of strings¹⁶. He had the reputation of an unrivalled virtuoso of the instrument¹⁷.

Bellman came to fame as merciless scoffer ridiculing all the pompous eminences of his epoch in the way that was elegant and refined – and therefore even more murderous. Some compare him to the Mozart shown by Miloš Forman in the well-known movie *Amadeus* of 1984. Maybe there is a point to it. However, Bellman reminds me, first and most of all, of Ignacy Krasicki with his unforgettably vitriolic pen¹⁸, with the elegant but merciless ridiculing everything that deserves ridiculing.

The earlier collections of Bellman's poems – *Månan* (*The Moon*, 1760) and *Bacchi Tempel* (*Temple of Bacchus*, 1783) today seem to be remembered only in Sweden.

The chief protagonist of Bellman's most famous works, *Fredman's Songs*, is a Free Man proud of his freedom, the man who always has his own opinion – generally critical – of the officially accepted greats and eminences of this world. The shining salons full of pompous “higher spheres” pursuing the ignoble art of self-admiration are as far from Fredman as one can imagine. Despising those gas bags, Fredman seeks company there where ridiculing the greats will be accepted with an open heart (and money-bag!) – at a pub, a tavern, a drinking den where no one pretends, where one can be himself. Probably no other Scandinavian poet has sung – literally! – so many hymns to drinking, to imbibing strong and still stronger booze than Bellman, or more properly, Fredman. However, these are NOT ramblings of a dipsomaniac, but the proud posture of one who knows his choice and fully realizes what others may think about him. It is in this all-embracing pride, in the might of the individuality, in the charisma that outshines all ridicule, that Bellman comes closest to his great Scottish contemporary Robert Burns. What a pity the two have never met!

The very title *Fredman's Epistles* hints at a parody of New Testament Epistles, as the word “epistle” has a clear religious tinge in the Lutheran world. According to Neuger¹⁹, *Fredman's Epistles* have originally been intended a parody of St. Paul's *Epistles*, and each of them had a clearly-stated sender and addressee. However, the *Epistles* developed into something else – a series of moral teachings given by Fredman using the examples taken from his favourite setting of watering holes and their regulars of both sexes. The explanatory titles remained. Let us have a look at some examples:

Epistle 23, being Fredman's soliloquy when he was lying flat (= in the gutter, PK) not far from the Crawl in Here pub across the Banking House on one summer night of 1768 (PK);

¹⁶ The cittern had many variants ranking from 4 to 7 courses and it is not easy to say what tuning was used by Bellman. However, his best-known portrait shows him playing a six-course instrument, which suggests CGDADG or CGDADA as the likely tunings that Bellman might use.

¹⁷ According to the entry „Cittern” In English-language Wikipedia, Bellman's instrument has survived and is now in the collections of the National Museum, Stockholm. However, the Museum's portal answers “Your search has produced no hit” (as of 16.08.2017).

¹⁸ Ignacy Krasicki lived 1735–1801. Some of his best-known collections of poems putting him beside Bellman are *Mouseiad* (1775), *War of the Monks* (1778), *Fables and Parables* (1779), *Satires* (1779), finally *New Fables* published posthumously (1802).

¹⁹ In his Polish translation of Bellman, p. 249.

Epistle 41, marking the happenstance when Chrystian Wingmark²⁰ lost his dressing-gown in a clash with Mollberg (PK);

Epistle 45, to Father Mollberg upon his harp, being also a kind of *ad notitiam* giving witness to the fact that Mollberg has suffered innocently in the Rostock pub (PK)²¹.

Fredman's Epistles remain a parody of Pauline *Epistles*, but on a rather refined level – the one of form and associations rather than direct ridicule. *Fredman's Songs*, in turn, achieve the same effect by making outright fun of numerous Biblical personalities chiefly of the Old Testament.

Fredman's Songs and *Epistles* popularity in Sweden and the entire Scandinavia cannot be compared with any other work by any other Nordic poet. They entered folklore and are known, and frequently sung, by people who do not know they are Bellman's, for the simple reason that "they have always been!". Truly, *monumentum aere perenius*.

Fredman's works are sung, played, and recorded until today, sometimes with piety that produces an additional humoristic effect, though definitely not intended. Bellman's music arranged for various chamber groups – featuring the violin, viola da gamba or cello, lute, guitar, harpsichord etc. – causes the songs to lose their greatest point which is simplicity (but it is Mozart's simplicity!) and their frankness, directness, straightforwardness. Seeing a concert singer, even an otherwise truly great one – of course attired in tailcoat, plastron white shirt and shining patent-leather black shoes – trying, with full concentration on sheet-music on the music stand before him, to sing about the delights of a glass of beer or of pinching the ale-wife's bum, one does not know what to laugh at first – the Bellman humour or its unintended "serious music" parody with the operatic tenor or bass thundering about Bacchanalian delights.

While considering music it is worth noting that though Bellman was an exceptionally gifted composer – some sources say he was the greatest Swedish Rococo composer, thus placing him alongside with Mozart – he frequently used either folk tunes or the tunes of popular songs of the epoch; giving bacchanalian lyrics to popular, and probably serious tunes caused an additional effect. This brings to mind the scandal caused in Poland many years ago by Maciej Zembaty with his "sacrilegious" version of Chopin's *Funeral March*, or on a different emotional scale, Wojciech Młynarski's arrangement of Boccherini's *Minuetto*.

We Poles are lucky – Leonard Neuger published a masterly translation of a selection of *Fredman's Songs and Epistles* in 1991. A detailed *Afterword* (pp. 229–263) and *Explanatory Notes* (pp. 264–274) introduce the reader to Bellman's Sweden and answer almost all the questions the reader might have on reading the poems. What a pity the book is not accompanied by a CD record – they were already in existence – which would give the reader the opportunity of meeting Fredman live. Also, I regret that the book features a highly modern, almost expressionist image of Bellman instead of

²⁰ See Neuger 1991 p. 6 and p. 265 for the explanatory list of *Fredman's Epistles* heroes.

²¹ It is interesting that according to the poem, Father Mollberg was beaten up by some soldiers for publicly speaking up in defence of Poland, the incident which Neuger dates at the first partition of Poland in 1772 (Neuger 1991, p. 235). See Neuger 1991, pp. 235–237 for more about Poland in Bellman's Sweden.

giving his contemporary portrait showing him playing his favourite cittern²². On the other hand, the dust cover design is pure Fredman! The translations are incredibly faithful and beautiful, only in very few places small changes might make the rhythm more fit for singing.

One of the most famous Fredman's Songs is No. 65, *Old Man Noah*, focusing on the weakness the captain of the Ark had for a glass of wine. Here is how it begins:

*Old man Noah
Old man Noah
Was a funny guy.
As long as on board
He obeyed the Lord
But when Ark he disembarked
First thing he made was wine.*
(PK)

After many a gulp Fredman concludes with praising good old days when there were no boring speeches at the table and nobody had to ask for permission, one just took a glass and drank.

It is worth noting that this particular tune has countless sets of lyrics known even to children, who love to sing it anytime.

Seen from Poland, Bellman reminds me most closely of Ignacy Krasicki and Stanisław Trembecki in the 18th century, and of Konstanty Ildefons Gałczyński and Julian Tuwim in our own times. In English (if English it is!) he is a close soul mate of Robert Burns, but sometimes his comparisons of warm pubs with cold churches, of proud poverty with shameless riches, bring William Blake to mind, for example in when reading Fredman's Song No. 24, *The Alehouse*:

*A very tiny old church stood
At forest edge among the rocks.
For everyone it was a hub
Two windows' cleft
Door to the left
And it was called a pub.*
(PK)

Compare Blake's *Songs of Experience*, *The Little Vagabond*, whose first words read:

*Dear Mother, dear Mother, the Church is cold
But the Ale-house is healthy and pleasant and warm²³.*

The two poems are close contemporaries, Bellman's poem is dated 1791, and Blake's – 1794.

Since the undersigned is an employee of the University of Szczecin, a Szczecin trace in Fredman's *Epistle 1, to Cajsa Stina* cannot be left unmentioned. Cajsa Stina is a diminutive form of Katarina Kristina. According to Neuger (p. 265), she may have

²² I am thinking about Per Krafft the Elder's (1724–1793) portrait of Bellman dated 1779 that accompanies Bellman's biography in the English-language Wikipedia (Access 1.10.2015).

²³ See Blake's *Songs of Experience*, Blake 1977, p. 127.

been a relative of the proprietors of *Terra Nova* pub at Skeppsbron (=Ships Wharf), and sometimes helped them at the tiddlywink. This pub was bought in 1720 by one Joachim Schachou of Szczecin. Neuger supposes that the man could be a Germanized Slav, maybe a Pole, whose original name was Szachoł.

I invite the readers to consult the internet portal *PoemHunters.com* for enjoying a small selection of *Fredman's Epistles and Songs* in excellent English translations. A selection of Fredman's works set to music is also available on YouTube at the address *Carl Michael Bellman* (access 10.07.17).

Esaias Tegnér 13.11.1782 – 2.11.1846

Esaias Tegnér was born in a poor family of a Lutheran pastor. The family was of peasant origin in both paternal and maternal lines. The father's original name was Lucasson, but he changed it to Tegnérus after the name of the village he was born in, Tegnaby. It was his youngest son, the famous poet, who shortened the name to Tegnér²⁴.

The young Esaias proved so excellent a pupil at school that in 1792, when his father died, he became an assistant and a scribe to the regional registrar. The registrar, seeing the exceptional inborn gifts of the boy, allowed him to join his own sons to receive private tuition. Tegnér became a student of Lund university in 1799, graduated with a degree in philosophy in 1802, became a tutor in Greek, and since 1812 he was a professor of Greek, the job he held until he became a bishop of Växjö in 1824²⁵. Since 1819 he has also been a member of the Swedish Academy. He held the bishop's dignity until his death in 1846. His life is an example of how the unlimited thirst for knowledge can help one to rise from a peasant's son to a professor at a famous university.

For most of his life Tegnér struggled with attacks of melancholy and depression, which eventually developed into a mental disease that took his life.

His poetic debut of 1808 was a patriotic war song followed by *Svea*, a long patriotic poem, in 1811. It was *Svea* that was awarded the Swedish Academy Prize and made its author famous. As regards his artistic convictions, Tegnér was an enthusiastic member of the Gothic²⁶ League²⁷. His writing slowly developed from short occasional poems. He was increasingly fascinated by the old Icelandic sagas, which are regarded the cor-

²⁴ In the Polish edition of Tegnér's *Frithjof Saga* Stanisław Wałęga suggests that the father or his family may have had some drawing abilities, as the word "tegnér" means "drawer, he who draws". However, the Wikipedia biographies of the poet in Swedish and English do not say anything about it.

²⁵ It was the king Karl XIV Johan that made Tegnér the Bishop. The biographies of the poet stress in various ways that although Tegnér was not strongly connected with the Lutheran Church of Sweden, making him a bishop was the royal recognition of his greatness as a poet. One feels tempted to conclude that at least one king recognized a great poet by giving him a high rank rather than jailing him.

²⁶ "Gothic" in the name does not refer to the Goths of Alaric, but to the Swedish island of Gotland, Sweden's largest island and the place full of old Swedish traditions.

²⁷ Called *Gotiska förbundet* in Swedish, it was a literary club whose members were chiefly university people interested in the Nordic past and mythology. The club opened in 1811 and closed in 1844. It counted many great Swedish scholars and men of letters as its members or supporters. The Gothic League could well be called the cradle of Swedish Romanticism.

nerstone of all Scandinavian literatures. Of particular interest to Tegnér was the *Saga of Frithjof the Brave*, usually dated for ca. 1300 CE. In 1820, he began writing his own poem based on the Saga. The first parts of it came out in *Iduna*, the Gothic League's journal, in 1820 and 1821. The complete poem was published in Stockholm in 1825 and brought the poet everlasting fame. It was one of the greatest literary sensations in Sweden and until today it remains the only major Swedish poem that is known – or at least should be known – to poetry readers all over the world. It has been translated many times into all the major European languages. The renderings quoted most frequently are two different German translations already in 1826²⁸ (followed by many more) and the Russian translation of 1841 followed by the new one of 1935. Some bibliographies seem to confuse the original Icelandic Saga and Tegnér's poetic retelling of it.

One of the main features of Tegnér's poem was the meter. The poem consists of 24 Cantos, each of which is written in a different meter, rhyming or not, showing the poetic richness of the Swedish language. The First and the Last Cantos are in hexameter, the traditional meter of epic poetry.

It is interesting to have a closer look at the history of the Polish translations of Tegnér's masterpiece. The chronology follows, based on Wałęga 1957:

- 1852 – a partial translation by Roman Zmorski (1842–1867). The translation was from German, not from the Swedish original, and featured many changes and misunderstandings by the translator.
- 1856 – the complete translation by Ludwik Jagielski (1821–1884), who was also a known painter. His translation is also from German.
- 1859 – the complete translation by Józef Grajner (1831–1910), also from German. According to Wałęga Grajner's translation, even though full of various mistakes and changes, distinguishes itself from the two previous ones by its “warmth and feeling”.
- 1861 – the complete translation by Jan Nepomucen Wiernikowski (1800?–1877), according to Wałęga full of the same mistakes as the previous ones. The language from which Wiernikowski translated the poem is not specified, but the general context suggests German.
- 1957 – the complete translation by Stanisław Wałęga, the first translation of Tegnér's poem directly from the Swedish original with a long and detailed introduction.

In this age of the domination of English it is worth noting that it was Henry Wadsworth Longfellow (1807–1882) who translated some episodes from Tegnér's poems into English in 1837²⁹. Longfellow travelled across Europe several times, getting acquainted with poetry new and old, and learning languages; it is worth noting he had at least the basic knowledge of Finnish and Swedish. His work, completed by others, is the best-known English rendering of Tegnér's masterpiece.

²⁸ One of the earliest German enthusiasts of Tegnér's epic was Goethe himself (1749–1832).

²⁹ See Robert L. Gale, *A Henry Wadsworth Longfellow Companion*, pp. 90–91 and 261, Greenwood Press, Westport (Connecticut) and London 2003, the work being in fact a Longfellow encyclopedia.

During the 19th century many Swedish, German, Dutch and French composers set the whole poem or some of its parts to music. It has also become a source of many popular and folk songs of Sweden. Among those who wrote music based on Tegnér's poems we can mention the Germans – Max Bruch (1838–1920), Felix Draeseke (1835–1913), Heinrich Hofmann (1842–1902); the Dutch – Johan Wegenaar (1862–1941) and Cornelis Doppe (1870–1939); the Frenchman Théodore Dubois (1837–1924); and the Swedish composer Elfrida Andrée (1841–1929). It seems that only Max Bruch is still remembered, but thanks to his *Violin Concerto* No. 1 in G Minor, Opus 26, of 1867, not his *Frithjof Cantata*, Opus 23, of 1864.

An interesting witness to the popularity of Tegnér's poem in Germany is the monument to Frithjof presented by the German Kaiser Wilhelm II to the village of Vangsnes near the township of Balestrand, Vik district, Sogn og Fjordane County, Norway. It was unveiled in July 1913 and is still overlooking the Sognefjord. Some of my friends from that area used to say they never really got used to this monument, which in their opinion is more German than Scandinavian³⁰.

In 1986, a group of eight young Swedish musicians recorded an LP titled *Frithjofs Saga* that was released by the *Cinnober* label. This extremely interesting record presents a selection of 16 Swedish songs based on passages from the various Cantos of Tegnér's poem and recovered, as the accompanying booklet says, from old school songbooks and sheet music. As far as I know, this collection has never been released as a CD record.

The readers of this paper are asked to excuse me for not quoting any passages from Tegnér's masterpiece. To give it full justice, I would have to quote a passage from each of its 24 Cantos, as each one is in a different meter. I can do no better than to refer the reader to the internet portal *PoemHunter.com* which features a small selection of Tegnér's poems in English, including three well-known fragments of the *Frithjof Saga*³¹.

Tegnér gave his country a true epos, something that Denmark does not have until now³², and which Norway got only in the second half of the 20th century³³. As a master of form, he might – just might – be compared with Juliusz Słowacki, *Frithjof's Saga* being a counterpart, albeit a remote one, of Słowacki's *Lilla Weneda*. However, I do not think Tegnér can really be compared to any Polish Romantic poet, he is a phenomenon all unto himself.

³⁰ A picture showing this monument can be seen on the web, the page titled *Fridþjófs Saga Hins Frøkna* (accessed 5.07.2017).

³¹ *PoemHunter.com* (accessed 15.07.17).

³² Frederik Paludan Muller's (1809–1876) three-volume poem *Adam Homo* (1842–1849) is more a satirical and moral tale than an epic, though it has passages of highest grandeur. Adam Oehlen-schläger's (1779–1850) poem *Nordens Guder* of 1818, though extremely interesting, cannot be called a Danish national epic. It seems that both Denmark and England are now competing for the famous poem *Beowulf* attributed to the 8th century.

³³ Hans Henrik Holm's (1892–1980) poems *Jonsoknatt* (St. John's Night, 1933) and the eight-volume *Norsk Folke Epos* (Norwegian Folk Epic, 1965–1972, see Klafkowski 1995 and 2016).

Erik Johan Stagnelius 14.10.1793–3.04.1823

The third poet I wish to present is, in many ways, the most enigmatic one. We know very little about him. He was two years old when Bellman died, was Tegnér's junior by 11 years, yet he died 23 years earlier than the author of *Frithjof's Saga*. We know the future poet was born on the island of Öland³⁴ and lived there until he was 16 years old. He had three brothers and two sisters. Both of his parents were connected with the Lutheran Church of Sweden: his father was a priest on the island and a titular professor of Greek, and his mother came from a priestly family. Already as a child he showed poetic talent. He studied at Uppsala, graduated in 1814, moved to Stockholm and spent the rest of his life as a clerk in a church chancery³⁵. He knew several men who would later form the Gothic League, but did not seem to be attracted to their ideas. He lived alone in a small, dirty and cheap room, having no friends to visit him. His biographers stress that he seems to have had no emotional connections with any woman³⁶. Those who knew him personally always stressed that he was extremely ugly and unattractive. What could it mean? It is known that he suffered from some disease that caused him intense pains throughout his life, and that he sought help in opium to relieve his suffering³⁷. It is not certain what was wrong with him, and the only drawing of him that we know does not show ugliness, maybe only a somewhat disproportionate head. Some scholars suggest Stagnelius suffered from the so-called Noonan syndrome³⁸. It is known that he was a heavy drinker and client of prostitutes, but he kept to himself and had very few closer acquaintances. His biographies say that about a month before his death he was stopped by police in the streets of Stockholm, for he was so terribly drunk that he was posing danger to himself and others. It is said that when he died, nobody came to his funeral, and that the inspection of his room resulted in finding a sack stuffed with manuscripts and rags, apparently to be thrown as garbage. It may reflect

³⁴ The second largest Swedish island and the birthplace of several eminent Swedish poets and novelists.

³⁵ In Swedish, the office he was employed is called "ecklesiastikexpeditionens kansli", that might be approximated in English as "ecclesiastic correspondence chancery". Though the lexicon is similar, the names of various Swedish institutions do not easily translate into English.

³⁶ Many of his poems are addressed to one Amanda, but nothing is known about her, and some critics question her existence as a living person.

³⁷ He was not the only one. I am not fluent in Swedish literature as a whole, but famous opium users in England included T.S. Coleridge, Thomas Quincey, George Crabbe, Percy B. Shelley, John Keats, and finally Lord Byron, and in Wales, the famous writer Iolo Morganwg (the pen name of Edward Williams, 1747–1826).

³⁸ A genetic disorder characterized by short stature, large head, small nose and low-placed ears. The last three features seem to agree with Stagnelius's known portrait. Leonard Neuger (Neuger 1991, p.8) quotes the words of one of the easy virtue ladies who knew Stagnelius, describing him as "extremely ugly; small posture, thin and crooked; deep-set hazel eyes, cherry-colored face." Erik Gustaf Geijer, the founder of the Gothic League, remembered Stagnelius as an "affable though strange, hairy, tippler creature" (ibid.). In brief, a Mr. Hyde to Bellman as Dr. Jekyll. The Swedish sources say that two of the poet's brothers had the same psychic problems, but they do not specify what problems they were.

Stagnelius's disappointment that his few published poems had not been well received. All in all, his life seems to be foreshadowing the one of Franz Kafka (1883–1924).

So short a life, and so tragically lonely.

Stagnelius published, privately and anonymously, at least three of his works: the epic poem *Vladimir the Great*³⁹ (1817), three parts of *Lillies of Sharon*⁴⁰ (1821), and a tragedy *Bacchantes or Fanaticism* (1822). A few years earlier, in 1818, he won the second prize in the poetic competition of the Swedish Academy with the poem titled *Song of the Nordic Women*, and received the prize himself. This is about all we can say of his poetic career when he was alive.

His poems and dramas published posthumously earned him – rightly! – the fame of one of the greatest masters of the Swedish language, but the views behind the poems do not make a consistent whole. The debut poem *Vladimir the Great* praises Russia and the Catholic Christianity, both topics not exactly welcome in Sweden. This praise of power, admiration of the stronger one, may reflect the fact that Stagnelius was short and physically weak, so maybe the admiration of the great and mighty was a natural reaction. The *Lillies of Sharon* include most of his best-known shorter poems. Four dramas were published posthumously:

- *Riddartornet (The Knight Tower)*, a tragedy based on incest motive;
- *Glädjeflicjan i Rome (Pleasure Girl of Rome)*, in which the ghost of the dead criminal calls upon his living lover to come to join him in the realms of the dead;
- *Albert och Julia (Albert and Julia)*, in which the spirit of a woman gives up staying in heaven for joining her lover in hell;
- *Torsten fiskare (Torsten the Fisherman)*, a comedy based on the king-for-a-day motive⁴¹.

In the introduction to the Polish translation of Stagnelius's selected poems Leonard Neuger⁴² attempts at reconstructing the poet's views, which according to him are grounded in fosforism⁴³. Let us briefly summarize what fosforism was all about.

According to fosforism, there are three worlds or three levels of existence: the Nature, the world of ideas, and the world of feelings. There is a constant interchange between the three that is described as correspondences⁴⁴, as the visible world is but a reflection of the invisible one. The fall of man was trusting matter instead of spirit, darkness instead of light, appearances instead of realities. The entire history divides into two parts, before and after the Fall. Neuger calls this view of history "Manicheist"⁴⁵.

³⁹ Vladimir the Great, born ca. 958, ruler of Kievan Rus since 980 until his death in 1015.

⁴⁰ Title alluding to *Song of Songs* II: 1.

⁴¹ The brief descriptions of these four plays are based on the Swedish-language Wikipedia biography of Stagnelius (accessed 10.07.2017).

⁴² Neuger 1991, op. cit., p. 14.

⁴³ A specifically Swedish school of thinking developing the ideas of early German Romanticism (Karl and August Schlegel, Friedrich Schelling, Ludwig Tieck, Novalis). The name comes from the journal *Fosforos* whose first volume appeared in 1810.

⁴⁴ This is the key term in Emanuel Swedenborg's (1688–1772) theology.

⁴⁵ This duality brings to mind Zoroastrianism and the *Avesta*, one of Mani's (215–275) chief sources of inspiration.

The result is obvious – the entire universe is full of suffering⁴⁶. Man is alone in it, which adds to the suffering, and what is more, man remembers that life and world may be different, but are not. As we see, it is a philosophy as far from joy as possible, and even its name – suggesting the existence of Light⁴⁷ – does not fill one with optimism.

Not having all of Stagnelius's works before me I cannot enter into polemic with Neuger, but his summary of Stagnelius's thinking is well-reflected in the poems he chose to translate into Polish. The translations are masterly – that is the only word that can describe them. They prove that translating Poetry, not only poems, is possible if the translator knows *his own* language, not only the “other” one.

Stagnelius is sometimes compared to two British poets, Percy B. Shelley (1792–1822) and William Blake (1757–1827). As English poets are much better known all over the world than the Swedish ones, let us say a few words about these comparisons.

Maybe it is obvious that Stagnelius should be compared to Shelley, as the two poets were almost exact contemporaries – Shelley lived 1792–1822, and Stagnelius, 1793–1823) – and both took opium. Here, however, the similarities end. The most frequent key words to describe Shelley's views are idealism, nonconformism, nonviolence, social justice for the poor, and vegetarianism. Can we see any similarities between him and Stagnelius? The Swedish poet sang the glory of the absolute ruler, his nonconformism expressed itself chiefly in drinking and carousing, and the noble ideas or social justice and vegetarianism seem to be unknown to him. Of course, we may interpret Stagnelius's stressing the loneliness of man as a kind of social justice dream, but this would require a considerable amount of *licentia poetica*. Shelley was the Bard of Light, Stagnelius, of Darkness, even though they were contemporaries.

More similarities can be found if we compare Stagnelius with William Blake. Of course, Blake was the Bard of the Free⁴⁸, like Shelley, and Stagnelius's admiration of absolute rulers is as far from Blake as one can imagine. And yet – Blake's world, most obviously the world of the *Songs of Innocence*, and less obviously so, the world of the *Songs of Experience* and the *Prophetic Books*, has one feature that is found in abundance in Stagnelius's poems – Magic, spelt with a capital letter. In this world, or in these worlds, everything is full of magic. Compare Blake's *The Sick Rose* with Stagnelius's *Look at This Flower!*⁴⁹; *Hear the Voice of the Bard* with *How Cruelly the Chains of the Mundane Do Bind Me*⁵⁰; or finally, the entire *Songs of Innocence and of Experience* with just one poem by Stagnelius, *The Blush*⁵¹. It seems that the Swedish poet said in one poem that for which Blake needed two books.

⁴⁶ This brings to mind Buddhist philosophy, as Buddhism teaches that suffering (not necessarily physical, but also the feeling of want, deprivation of something that I think would make me happy) is the one feature known to all sentient beings.

⁴⁷ The word phosphorus means “bringing light” in Greek. This again brings to mind the Buddhist key term – enlightenment.

⁴⁸ Let us remember the trouble Blake got himself into by literally kicking out an intruding soldier from his garden.

⁴⁹ I am retranslating the Polish title into English, as I do not have Stagnelius's poems in Swedish before me.

⁵⁰ Cf. the previous footnote.

⁵¹ To argue for the validity of comparison with Blake I will now give a brief summary of *The Blush*.

Or maybe I am wrong, for *The Blush* can also be seen as the Scandinavian counterpart to Blake's *The Mental Traveller*, as hauntingly close as can be. I cannot say when *The Blush* was written, but the probable period is not long, as it has to be between Stagnelius's debut in 1817 and his death six years later. *The Mental Traveller* is not dated, neither is the *Pickering Manuscript* from which it comes. Blake scholars date the poem for 1803 or 1805⁵². Blake did not etch or illustrate the poem, and it is believed that it was intended to be read aloud from the manuscript, a bit untypical for Blake.

As a musician performing on the Norwegian eight-string Hardanger fiddle I could write a separate paper on Stagnelius's poem *The Water Demon*⁵³ which immediately brings to mind the Fossegrimmen or Waterfall Guardian, The Nix.

It is difficult to compare Stagnelius to any Polish poet, but I think that if we could imagine a triangle whose apexes would be formed by Mikołaj Sęp Szarzyński's poems (melancholy), Franciszek Karpiński (*Laura and Filon*, sentimentalism), and Juliusz Słowacki (*Król Duch*, the philosophical sweep and grandeur), Stagnelius would be in the centre of it⁵⁴.

As in the case of Tegnér and Bellman, I can only invite the reader to get acquainted with some of Stagnelius's poems on the *PoemHunter.com* webpage, even though the selection does not give the poet full justice. Let me quote the opening lines of some of the poems available on the web at *PoemHunter.com*, followed by my own rendering of the first two stanzas of *The Blush*.

ETERNITY

Up through the ruins of my earthly dreams
I catch the stars of immortality;
What store of joy can lurk in heaven for me?
What other hope feed those celestial gleams?
(PH)

It opens with the image of a beautiful, innocent child, not knowing what suffering is, playing in the fields and enjoying Nature. A beautiful girl appears, looks at the child, whispers his name and kisses him. His blood immediately boils and he discovers the so-far unknown feeling of shame. The no-longer child has a vision of his life and his last dream in the Garden of Eden. He communes with the angels, sees the girl again, they consummate their love, and the feeling of time is born. The no-longer child begs God to turn the dream into reality or to let him dream forever. He is then brought down to the earth and all he remembers is the memory of that first kiss that turned into shadow and sorrow.

⁵² Cf. William Blake, *The Complete Poems*, Penguin Classics 1977, p. 960.

⁵³ The Swedish title is *Nacken*.

⁵⁴ Mikołaj Sęp Szarzyński lived ca. 1550–1581. He is probably the most eminent Polish metaphysical poet. His Polish poems (he wrote in both Polish and Latin) were first published by his brother in 1601. Franciszek Karpiński, 1741–1825, is the best known Polish sentimentalist, chiefly thanks to the idyll *Laura and Filon* of 1780. Juliusz Słowacki (1809–1849) is one of the great "Trinity" of the Polish Romantic poets. His philosophic epos *Król Duch* (*King Spirit* or *The Royal Spirit*), whose first part was published in 1847, was left unfinished. It is, philosophically speaking, the most important achievement of Polish Romanticism.

O CAMP OF FLOWERS

O camp of flowers, with poplars girded round,
 Gray guardians of life's soft and purple bud!
 O silver spring, beside whose brimming flood
 My pensive childhood its Elysium found!
 (PH)

LUNA

Deep slumber hung o'er sea and hill and plain;
 With pale pink cheek fresh from her watery caves
 Slow rose the moon out of the midnight waves
 Like Venus out of ocean born again.
 (PH)

*NACKEN – WATER DEMON*⁵⁵

The evening is festooned with golden cloud
 the fairies dance in the meadow
 And the leaf-crowned Nacken
 Plays his fiddle in the silvery brook.
 (PH)

THE BLUSH

A carefree child I roamed the grass of yore
 Not knowing any pains or passions bliss
 The wind was playing with my hair galore
 And sunlight filling my whole soul with ease.

All of a sudden, beautiful maiden came
 With roses in her long, dark, silky hair,
 Her arm uncovered by the red scarf flame
 Her bosom breathing naked springtime air⁵⁶.
 (PK)

Some Conclusions

A paper ought to have at least some conclusions. As this one was written to prove that there does exist great poetry in Swedish, I hope that this aim has been achieved.

We can see three different *Human Images*⁵⁷ before us. Bellman and his Fredman are maybe most appealing in the age where the few rich are again despising and neglecting the rapidly increasing ranks of the poor. If you cannot do anything else, laugh at them, ridicule them, show them they are mere bloated gas bags, hypocrites crossbred with petty fraudsters, or in one immortal name, Tartuffes. Bellman reminds us that the poor

⁵⁵ The Nix.

⁵⁶ I will not dare going on – I just hope that these two stanzas will convince the sceptical readers that comparing Blake and Stagnelius is well-founded, and that it is well worth learning Swedish if only for its poetry.

⁵⁷ To those not (yet!) knowing William Blake – *The Human Image* is one of the key *Songs of Experience*.

are also human beings with their own dignity. Most of them are not poor by choice, but by the injustice of law or the society. Their weapon is laughter, scorn, ridicule – and satire is a weapon well and truly deadly.

Vesti la giubba e la faccia in farina
 Le gente paga, e rider vole qua..
 Ridi, Pagliaccio, sul tuo amore infranto!
 Ridi del duol, che t'avvelena il cor!⁵⁸

The life and works of Tegnér show us another image. A child thirsting for knowledge can rise from rags to academia, but the sensibility, the feeling of the injustice of the world, may defeat even the strongest spirit. Instead of capitalizing on his fame, the author of *Frithjof Saga* succumbed to melancholy and depression – he who was a bishop, whose job, well, a part of it, was telling the poor that God loves them and takes care of them even though they – most likely – do not see any signs of it. Again, there is a lesson in it fit for our times. It is simple – let us not be defeated by the prevailing feeling of injustice, let us not succumb to gloom. *No pasarán!*⁵⁹

And finally, the strange case of Dr. Stagnelius and Mr. Stagnelius⁶⁰, the poet who could turn a flower into a world and a world of flowers into Mordor⁶¹. His life was brief, bleak and tragic. Can we learn anything from him? The answer is simple – we must remember that Light comes to Beauty, and we can find it wherever we turn, if only we want to look for it. As a common saying has it, there is a light at the end of the tunnel. Let us focus on it, no matter how many miles of darkness separate us from it. It may be a long way, too long to us – but Light and Beauty are there at the end of it. Really. Paraphrasing Stagnelius's sublime poetry in prose, even the vast realm of damp tombs fires up with the gold of the dawn⁶². Would he write the same poems were he tall, handsome and athletic? Is it enough to remember that *to everything there is a reason, and a time for every purpose under heaven*⁶³?

Both in Norway and Denmark I have heard – many times – that *the Nordic language for poetry is Swedish*⁶⁴. I was not convinced then, but I think I can understand it now.

Acknowledgement

I wish to thank Leonard Neuger for his breathtaking Polish translations of Bellman's and Stagnelius's poems. Please, Mr. Neuger, if this paper reaches you, give us more Stagnelius in Pol-

⁵⁸ I invite the readers to listen to Leoncavallo's *Pagliacci* for the entire aria *Vesti la giubba e la faccia in farina/Put on your costume, powder your face*.

⁵⁹ I hope the name of Dolores Ibárruri Gomez is not yet totally forgotten.

⁶⁰ I cannot but think of him as Dr. Jekyll and Mr. Hyde in one, not two separate bodies.

⁶¹ I hope that Tolkien's admirers will forgive me this comparison. I add that I know *The Lord of the Rings* almost by heart.

⁶² This is the conclusion of Stagnelius's poem *Wayfaring Birds* (cf. footnote 38).

⁶³ Ecclesiastes III: 1.

⁶⁴ I must admit, though, that most of my literary friends voicing this opinion did not know Faroese and Icelandic, and very few had any knowledge of Nynorsk (New Norwegian) poetry. I think that the experience of listening to – I stress, *listening to*, not just looking at the printed pages – Janus Djurhuus's (1881–1948) translation of the *Iliad* (*Illionskvæði*, published posthumously in Tórshavn in 1967) would convince many that Faroese has just as strong a claim to the distinction.

ish and think of completing the trilogy with the new Polish translation of Tegnér's *Frithjof Saga*! You are a Master of Polish, not only Swedish. In the times when our language degenerates into Polglish you prove that pure Polish is still alive, unbelievably rich and beautiful. Who could do justice to Tegnér's and Stagnelius's masterpieces better than you?

Plates

Plate One – Carl Michael Bellman playing his cittern. Portrait by Per Krafft the Elder, 1779
<http://historiesajten.se/visainfo.asp?id=58>

Plate Two – Esaias Tegnér, portrait from *Svenska Familj Journalen* of 1870
https://sv.wikipedia.org/wiki/Esaias_Tegn%C3%A9r

Plate Three – Frithjof's monument in VAngsnes, Norway (see fn. 29)
<https://de.wikipedia.org/wiki/Frithjofssage>

Plate Four – Erik Johan Stagnelius. The Swedish-language Wikipedia informs us that this portrait was painted after a silhouette taken from life, apparently the only existing picture of the poet
https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/d/dd/Erik_Johan_Stagnelius%2C_color.jpg

Bibliography

Histories of Scandinavia.

- Derry T.K. *A History of Modern Norway 1814–1972*. Oxford: Clarendon Press, 1973.
- Derry T.K. *A History of Scandinavia: Norway, Sweden, Denmark, Finland, Iceland*. University of Minnesota Press, 2000.
- Höjer T.T. *Carl XIV Johan*. 3 vols. Stockholm: P.A. Norstedt & Sönners Forlag, 1939 (vol. 1), 1943 (vol. 2), 1960 (vol. 3).
- Kent N. *A Concise History of Sweden*. Cambridge: Cambridge University Press, 2011.

1. Carl Michael Bellman.

1.1. Printed books

- Bellman, Carl Michael – see Neuger 1991.
- Britten A.P. *The Life and Songs of Carl Michael Bellman: Genius of the Swedish Rococo*. Malmö and New York: American-Scandinavian Foundation, 1967.
- Britten A.P. *Carl Michael Bellman: Sweden's Shakespeare of the Guitar Song*. Stockholm: Proprius, 1998.
- Hüllden L. *Carl Michael Bellman*. Stockholm: Natur och kultur, 1991 (in Swedish).
- Neuger L. *Fredmanowe Posłania i Pieśni*. Selected and translated by Leonard Neuger. Warszawa: Polskie Wydawnictwo Muzyczne, 1991 (in Polish).

1.2. Internet sources, all accessed 1.07.2017.

- Carl Michael Bellman, biografi*. Wikipedia, in Swedish.
- Carl Michael Bellman, biography*. Wikipedia, in English.
- Fredmans Epistlar* (in Swedish).
- Fredmans Epistlar* (in English).
- Fredmans Sångar* (in Swedish).
- Fredmans Sångar* (in English).
- PoemHunter.com – Poems by Carl Michael Bellman.

1.3. Discography.

- Fredman's Epistles and Songs*. Performed by Martin Bagge and Helena Ek. CD record. B.E.L.L. Musique 2002.
- Songs of Carl Michael Bellman*. Performed by Martin Best. CD record. Nimbus Records 1997.

2. Esaias Tegnér.

2.1. Printed books.

- Böök F. *Esaias Tegnér*. Stockholm: Bonniers, 1946
- Gale R.L. *A Henry Wadsworth Longfellow Companion*. Westport (Connecticut) and London: Greenwood Press, 2003.

2.2. Frithjof's Saga.

- Tegnér E. – *Frithjof's Saga*. Translated into English verse by Henry Wadsworth Longfellow, Lucius Sherman, Thomas and Martha Holcomb, and William Blackley, with the introductory notes to the cantos by Longfellow and the general introduction by Bayard Taylor. Stockholm: The Limited Editions Club, P.A. Norstedt & Söner, 1953.

Tegnér J. *Frithiofowa Saga*. Przełożył, wstępem i objaśnieniami opatrzył Stanisław Wałęga. Biblioteka Narodowa Seria II, Nr 108. Wrocław–Kraków: Zakład Narodowy im. Ossolińskich – Wydawnictwo, 1957 (in Polish).

2.3. Internet sources, all accessed 1.07.2017.

Esaias Tegnér, biografí (In Swedish).

Esaias Tegnér, biography (in English).

Friðþjófs saga hins frækna (in Swedish and English, both under the same title).

Frithiofs Saga (in Swedish).

PoemHunter.com – Poems by Esaias Tegnér.

2.4. Epic Poetry in Norway.

Klafkaowski P. *Hans Henrik Holm, the Last Homer of Europe*. [In:] “Czas Kultury”. Nr 5–6, Poznań 1995, pp. 11–23. (in Polish).

Klafkaowski, P. *Where the Folk and the Individual Meet. Nynorsk Poetry and its Connections with Folk Literature*. [In:] “Literatura Ludowa: dwumiesięcznik naukowo-literacki” Nr 6, listopad–grudzień 2016, Wrocław, pp. 33–43.

Discography.

Frithiofs Saga, ur Tegnér's Frithiofs Saga till folkliga melodier. Performed by Katarina Jerkersdotter, Hans Grönlund, Agneta Stolpe, Matts Arnberg, Anders Eklundh, Lars Höpkers, Sverre Jensen and Tommy Ridde. Cinober Records CINLP 3, an analogue LP, 1986.

3. Erik Johan Stagnelius.

3.1. Printed books.

Neuger L. *Erik Johan Stagnelius. Elegie*. Wybrał, przełożył i wstępem opatrzył Leonard Neuger. Kraków: Oficyna Literacka, 1991.

3.2. Internet sources, all accessed 1.07.2017.

Erik Johan Stagnelius, biografí. Wikipedia (In Swedish).

Erik Johan Stagnelius, biography. Wikipedia (in English).

PoemHunter.com – Poems by Erik Johan Stagnelius.

3.3. Comparisons to William Blake.

Blake W. *The Complete Poems*. Edited by Alicia Ostriker. London: Penguin Classics, 1977.

Blake W. *The Complete Poetry and Prose of William Blake*. Edited by David V. Erdman, Commentary by Harold Bloom. New York: Anchor Books, a Division of Random House, Inc., 1988.

Blake and Swedenborg. Opposition is True friendship. The Sources of William Blake's Arts in the Writings of Emanuel Swedenborg. An Anthology. Compiled and Edited by Bellin H.F. and D. Ruhl, in conjunction with G.F. Dole, T. Kieffer and N. Crompton, with an Introduction by George F. Dole. New York: Swedenborg Foundation Inc., 1985.

Damon S.F. *A Blake Dictionary*. Hanover and London: University Press of New England, 1988.

Rose J.S., S. Shotwell, M.L. Bertucci (Eds.). *Scribe of Heaven. Swedenborg's Life, Work, and Impact*. West Chester (Pennsylvania): Swedenborg Foundation, 2005.

Swedenborg E. *The Universal Human and Soul-Body Interaction*. New York–Mahwah: Paulist Press, 1984.

4. English dictionaries used.

[Maybe this section needs an introductory word. Reading and translating poetry frequently demands a rather special vocabulary that not many dictionaries include. I have a group of dictionaries that are my *very special* friends, for they never fail me in finding the word I need, teaching me a lot along the way. I wish to thank them all here.]

- Chambers 20th Century Thesaurus, a comprehensive word-finding dictionary.* Edited by M.A. Seaton, G.W. Davidson, C.M. Schwarz, J. Simpson. Edinburgh: Chambers, 1986.
- Fernald J.C. *Synonyms, Antonyms & Prepositions.* New York: A Funk & Wagnalls Book Published by Thomas Y. Crowell, 1947.
- Lewis N. *The Comprehensive Word Guide.* With an Introduction by Clarence Barnhart. New York: Doubleday & Company, Inc. Garden City, 1958.
- March F.A. *March's Thesaurus and Dictionary.* With an Introduction by C.L. Barnhart, issued under the Editorial Supervision of N. Cousins, with a New Supplement by R. A. Goodwin. New York: Doubleday & Company, Inc. Garden City, 1958
- March F.A. *March's Thesaurus and Dictionary of the English Language.* Under the Editorial Supervision of Norman Cousins, with a New Supplement by R. A. Goodwin and S. Flexner. New York: Abbeville Press Publishers, 1980.
- [This, to me, is the best English thesaurus ever published, and I invite all the sceptics to consult it and see for themselves.]
- The Random House Dictionary of the English Language. The Unabridged Edition.* J. Stein (Editor in Chief), L. Urdang (Managing Editor). New York: Random House, 1967.
- The Random House Dictionary of the English Language. College Edition.* L. Urdang (Editor in Chief), S.B. Flexner (Managing Editor). New York: Random House, 1968.
- Reader's Digest Word Power Dictionary.* Edited by A. Wevell and W. Powell. Cape Town: The Reader's Digest Association South Africa (Pty) Limited, 1996, reprinted 2000.
- Roget P.M. *Roget's Thesaurus, Facsimile of the First Edition of 1852 with an Introduction by Laurence Urdang.* London: Bloomsbury, 1987.
- Stillman F. *The Poet's Manual and Rhyming Dictionary.* London: Thames and Hudson, 1966.

HISTORIA
ИСТОРИЯ
HISTORY

HISTORIOGRAFIA
ИСТОРИОГРАФИЯ
HISTORIOGRAPHY

НАГРАЖДЕНИЯ «ЦАРЕДВОРЦЕВ» ТРАДИЦИОННЫМИ МОСКОВСКИМИ ЧИНАМИ В ЭПОХУ ПЕТРА I

АНДРЕЙ В. ЗАХАРОВ

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Научно-учебная лаборатория междисциплинарных эмпирических исследований
Сектор исторических исследований
ул. Студенческая, 38, 614070, г. Пермь, Россия
e-mail: ELURAL@yandex.ru¹
(получено 10.08.2017; принято 27.09.2017)

Abstract

Traditional Muscovite ranks for the «courtiers» in the Petrine epoch

The article presents the research results on the last ennoblements to Duma and Muscovite ranks. Based on archival sources, the author reconstructs the reasons for ennoblement in the Muscovite ranks for the period from 1690 to 1725 in the context of the political events of the Petrine era in Russia. The author focuses on biographies of prestigious ranks holders as well as the last innovations into the traditional rank system for the Russian service elite. Before the publication of *Tables of ranks*, the institution of Moscow rank system was an important way of communication between the supreme power and subjects. The old ranks retained the function of award distinctions for service and had a respected position among courtiers, nobles and prominent dignitaries.

¹ Статья подготовлена в ходе проведения исследования (№ 17-01-0100) в рамках программы «Научный фонд Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики (НИУ ВШЭ)» в 2017–2018 гг. и в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5-100».

Key words

Peter the Great, administrative reforms, Ceremonial ranks, Muscovite ranks, Russian elite, boyars, Boyar Duma, Sovereign's court, All-Drunken Synod of Fools and Jesters.

Резюме

В статье на основе архивных источников анализируется практика последних пожалований в думные и московские чины в России. В контексте политических событий Петровской эпохи реконструируются мотивы пожалований в старомосковские чины с 1690-х годов до 1725 года. Уточняются биографии обладателей престижных званий и последние новации в реформе традиционных чинов для представителей российской служилой элиты. До публикации *Табели о рангах* институт московского чиновпроизводства был важным средством коммуникации верховной власти и подданных, сохранял функцию наградных отличий за службу и имел авторитетные позиции в среде придворных, знати и видных сановников.

Ключевые слова

Петр I, административные преобразования, гражданские чины, московские чины, служилая элита, бояре, Боярская дума, «всепьянейший собор».

Едва ли не все военные, социокультурные и административные преобразования царя Петра I современники и потомки сопоставляли с новизной и сломом традиций. Более того, образ наиболее ярких петровских реформы сам трансформировался в метафоры обновления. С насаждением неподатным слоям подданных венгерского костюма, парика, бритьем бород, низвергались старомосковские институции, уступая место новым изобретениям или небывалым названиям прежних практик. Современные исследования перемен в русском костюме, введения запретов на ношение бороды², смена названий отдельных учреждений на новые убедительно показывают, что нововведения по меркам десятилетий вводились с перерывами, постепенно, имели прецеденты до XVIII столетия, многократно повторялись, а первоначально принятые образцы новин могли видоизменяться.

Названию и системе чинов, доживших из глубин Московского царства, Петр I, как известно, противопоставил в конце своего царствования чины *Табели*

² А.А. Абрамов. *Портрет Петра I времени Великого посольства 1697 г.* [В:] *Труды Государственного Эрмитажа*. Т. 70: *Петровское время в лицах: К 400-летию Дома Романовых (1613–2013)*. Санкт-Петербург: Издательство Государственного Эрмитажа, 2013, с. 5–9; L. Hughes. „A Beard is an Unnecessary Burden”: *Peter I's Laws on Shaving and their Roots in Early Russia*. [В:] *Russian Society and Culture and the Long Eighteenth Century: Essays in Honour of Anthony G. Cross*. Ed. R. Bartlett, L. Hughes. Münster: Lit, 2004, с. 21–34.

о рангах. Казалось бы, запрет старых званий светских служащих мог быть самой простой и эффективной мерой, но такого легкого решения не произошло. Даже после смерти царя думные, дворцовые и московские чины продолжали употребляться в государственном делопроизводстве и в частной переписке. На протяжении XVIII столетия наблюдается своеобразный феномен наследования старых именований. Потомок служилого человека из думных или московских чинов, дороживший честью рода или по иным мотивам, мог называть себя или внуком боярина или сыном стольника.

Насколько быстро, планомерно и безболезненно происходил отказ или смена перечисленных думных и московских чинов на новые, каковы мотивы замен, имелись ли рецидивы старомосковской практики в первой четверти XVIII столетия? Ответы на эти вопросы важны для понимания каналов коммуникации монарха и русской служилой элиты, для выяснения судеб московских служебных отличий и чиновных институций, появившихся и ставших традиционными в первое столетие Московского государства. Рудиментам традиции пожалования в чины думных людей после нескольких замечаний М.М. Богословского историки долгое время не уделяли должного внимания, а материал о «царедворцах», будучи распылен и фрагментарен, и вовсе не входил в орбиту внимания³.

Практика именования обладателей высших чинов в доимперский период включала обширный ряд чиновных названий, аналогичных формулам «Соборного уложения» 1649 г.: «или за бояры, или за околничими и за думными и за комнатными людьми, и за стольники и за стряпчими и за дворяны московскими, и за дьяки, и за жильцы, и за городовыми дворяны и детьми боярскими, и за иноземцы, и из всякими вотчинники и помещики». Современному человеку тонкости отличий между разрядами «вотчинников и помещиков» малопонятны, а в исследовательской парадигме обобщений и поиска закономерностей, сословных начал, аналогов современного общества редко необходимы. С точек зрения социального и институционального подходов в историографии Петровской эпохи появлялись понятия «феодалная аристократия», «государев двор», или наиболее распространенные на сегодняшний день: «служилая элита», «бюрократия», «генералитет». Изучение повседневной истории такие термины если не отвергает, то заставляет с оговорками прибегать к обобщениям и терминологическим упрощениям. Дореволюционный термин «служилый класс», объясненный Н.П. Лихачевым и В.О. Ключевским, прижился в историографии. Этот конструкт во многом перекликается с современным научным понятием «служилая элита», под которой необходимо понимать представителей государственного и дворцового аппарата, рекрутированных на государеву службу любого вида и статуса по спискам думных, высших дворцовых и московских чинов, имевших возможность получения наивысших поместных окладов и денежных

³ М.М. Богословский. *Петр I. Материалы для биографии*. Т. 4. Москва: Госполитиздат, 1948, с. 243–258; М.П. Лукичев. *Боярские книги XVII века: труды по истории и источниковедению*. Москва: Древлехранилище, 2004; А.Н. Медушевский. *Утверждение абсолютизма в России: сравнительное историческое исследование*. Москва: Текст, 1994; М.Т. Пое. *The Russian Elite in the Seventeenth Century*. Vol. 1–2. Helsinki: Academia Scientiarum Fennica, 2004.

«дач» по сравнению с провинциальными (городовыми) служилыми людьми. Современники Московского государства также искали обобщения в контексте однотипности службы, поэтому в старорусском лексиконе закрепились термины: «думные», «московские чины», «комнатные» (то есть высшие дворцовые) и «царедворцы»⁴. Параллельно сосуществовало несколько систем чинов, которые мы видим с рациональной точки зрения современных критериев. В «московском списке» или «московских чинах»⁵ располагались снизу вверх: жильцы, дьяки, московские дворяне, стряпчие, стольники, всего около 11 тыс. человек к началу XVIII в. Обладатели этих чинов, за исключением дьяков, именовались «царедворцами». Выше стольников в иерархии чинов находились комнатные стольники, именовавшиеся в XVII в. спальниками, как служившие при комнате государя, «спавшие во Дворце». Статус спальников подчеркивался особо как дворцовых чинов⁶.

Верх служебной пирамиды венчал список думных чинов, называемых «палатными людьми», вновь следуя по перечням снизу вверх: думные дьяки, думные дворяне, окольные бояре. Особый служебный статус думных и высших дворцовых чинов подчеркивался их близким расположением в списках чиновного учета, хотя люди дворцовых степеней в Думу приглашались редко.

В высших чинах начинали служебную карьеру многие видные сподвижники Петра I. Думными чинами в боярских списках значились трое из восьми новоиспеченных губернаторов в 1708 г.: бояре Т.Н. Стрешнев, П.С. Салтыков и окольный П.М. Апраксин; трое были комнатными стольниками: кн. П.А. и Д.М. Голицыны, Ф.М. Апраксин и печально известный сибирский губернатор, закончивший жизнь на виселице стольник кн. М.П. Гагарин. Из восьми первых губернаторов московских чинов не имел только светлейший князь А.Д. Меншиков. В последнем составе 1725 г. из 10 губернаторов 6 человек происходили из комнатных стольников и по одному из бояр, стольников, жильцов⁷ и вновь «безчиновый» Меншиков. Несмотря на губернаторские назначения П.М. Апраксин и П.С. Салтыков именовались «ближними боярами» до своей смерти. Некоторое время после получения нового звания канцлера и впервые⁸ российского титула графа Г.И. Головкин одновременно именовался по-старому

⁴ А.В. Захаров. «Государев двор» и царедворцы Петра I: проблемы терминологии и реконструкции службы. [В:] *Правящие элиты и дворянство России во время и после Петровских реформ (1682–1750)*. Ред. Н.Н. Петрухинцев, Л. Эррен, А.В. Доронин. Москва: Российская политическая энциклопедия, 2012, с. 10–44.

⁵ Оба термина являются аутентичными для XVII – начала XVIII в.

⁶ Выше спальников располагались высшие дворцовые чины по одному за каждым царем: стряпчий с ключом, постельничий, кравчий. После смерти Ивана V его дворцовые механически вошли в состав дворцовых Петра I.

⁷ В последнем составе губернаторов из бояр происходил кн. И.Ю. Трубецкой, комнатными стольниками были Ф.М. Апраксин, кн. М.В. Долгоруков, кн. Н.И. Репнин, Ю.А. Ржевский, кн. И.Ф. Ромодановский, А.Ф. Салтыков, стольник А.П. Волынский, жилец П.В. Измайлов.

⁸ См.: О.И. Хоруженко. *Дворянские дипломы XVIII века в России*. Москва: Наука, 1999, с. 25, 29–30.

постельничим. Задумав по наблюдениям иностранцев⁹ реформу чинов за десятилетие до Табели о рангах, Петр I не допустил одномоментного уничтожения учета «царедворцев». Из 16 президентов коллегий петровского времени 5 были из думного списка, 5 из комнатных стольников, 4 из московских чинов, «безчиновными» – только Я.В. Брюс и А.Д. Меншиков. Все губернаторы и президенты, лично знакомые царю с юности, как ближние люди, думцы и комнатные чины имели большие шансы зарекомендовать себя на службе.

Последними старомосковскими пожалованиями справедливо считать все случаи возведения в думные, высшие дворцовые и московские чины, зафиксированные приказной и сенатской документацией, после завершения ежегодных регулярных пополнений, то есть период 1695–1725 гг. Подробные записи о чинопроизводстве вносились Разрядным приказом в «записные книги всяких дел» до 1710 г., но позднейшие сохранившиеся книги 1693/94 г. и 1696/97 г. имеют значительные утраты текста, а за XVIII в. известны лишь копийные выписки. Записные книги факультативно сообщают основания пожалования, имена дьяков «сказавших» государев указ, форму этого сообщения и прежний чин награжденного. Лакуны утраченных книг отчасти восполняют другие разрядные документы¹⁰, в том числе ежегодные боярские списки, которые за 1714–1719 гг. также утрачены. Это осложняет достоверно оценить наличие награждений последнего пятилетия.

В конце XVII в. ежегодные массовые пополнения старомосковских чинов в количественном отношении восполняли физически выбывавших из боярского списка. Количество думных чинов в пределах 160–170 человек¹¹ значительно не изменялось до начала 1690-х гг. Государственный переворот августа 1689 г. немедленно вызвал волну награждений. Связанные родством и свойством 28 победивших сторонников Петра I или имевших клиентские отношения с Нарышкиными¹², пополнили думный список. Напротив, думные почести стали недоступны сошедшим с политической сцены ближайшим родственникам вдовствующих цариц Марфы Матвеевны урожденной Апраксиной и царицы Прасковьи Федоровны урожденной Салтыковой. Чтобы не допустить нежелательный разлад с семьей «старшего царя» Ивана Алексеевича были пожалованы его спальники: В.Ф. Салтыков стал кравчим (1690), П.С. Салтыков – боярином (1691). Нарышкины были вынуждены терпеть среди думцев двух Милославских: Лариона Семеновича и Матвея Богдановича¹³. Вскоре после кончины царя

⁹ Г. Грунд. *Доклад о России в 1705–1710 гг.* Пер. Ю.Н. Беспятых. Санкт-Петербург: Институт российской истории, 1992, с. 138.

¹⁰ *Дворцовые разряды.* Т. 3–4. Санкт-Петербург: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1852–1855 (далее – ДР).

¹¹ За 1667–1678 гг. число людей с думным чином (без высших дворцовых чинов, но с печатником) увеличилось с 67 до 167 человек. См.: *Российский государственный архив древних актов* Ф. 210. Оп. 2 (Боярские списки). Д. 1. Л. 1–5 об.; Д. 15. Л. 1–15 (далее – РГАДА).

¹² Нарышкины были возведены в течение трех лет после переворота 1689 г. в думные чины шесть раз и дважды их свойственники Лопухины. В.Ф. Нарышкин получил за весну и лето 1691 г. околичничество и боярство.

¹³ М.Б. Милославский оказался в околичниках в начале правления царя Федора в 1676 г.,

Ивана, Ларион Семенович заболел и скончался в 1698 г. Боярина Матвея Семеновича отправили в феврале 1697 г. доживать свой век «в деревню до указа» еще до путешествия Петра I в Европу. Позволения вернуться в столицу опальный Милославский так и не дождался, скончавшись в 1705 г.

Стремительное пополнение думного списка продолжались до 1694 г.¹⁴ Приостановка в объявлении «чести боярской» объяснима достижением численного перевеса в думном списке победившего «клана» Нарышкиных и сменой механизма генерации пожалований. В 1695–1701 гг. отмечены редкими, не более чем двукратными пожалованиями в год. Таким образом, именно 1694 г. можно считать закатом регулярных думных пожалований, но не прекращением этой практики в целом.

Личная воля царя отчетливо видна в награждении думным дворянством посольского дьяка А.А. Виниуса 24 марта 1695 г. Нет сомнений, что Виниус заслужил высокую честь за успехи в приказном деле и за обучение царя голландскому языку¹⁵. Царь мог лично оценить даровитого и деятельного А.А. Виниуса во время первой архангельской поездки 1693 г. Сын обрусевшего голландца был едва ли не самым «бесчиновными» среди многочисленной царской свиты¹⁶. Его опыт был необходим царю как в походах, так и в столице. В новом качестве Виниус заседал в Думе в 1698–1701 гг.¹⁷ и возглавил Сибирский приказ. Особенно важно, что возвышение Виниуса было одним из первых самостоятельных решений Петра I на административном поприще.

Следующими думных почестей удостоились руководители Азовско-Днепровских компаний 1695–1697 гг. Командующего во втором Азовском походе корпусом московского дворянства кн. П. Г. Львова «великий государь (далее – в. г., титул, имя.) пожаловал из стольников в окольничие и указал ему быть на своей в. г. службе в новозавоеванном городе Азове воеводою и сей свой в. г. указ в Розряде записать в книгу. Таков в. г. указ за пометою думнаго дьяка Никиты Зотова»¹⁸. Награждение кн. Львова 15 августа 1696 г. в день успения Богородицы должно было отметить и азовскую службу, и компенсировать смену вологодского воеводства на азовское. Окольничества удостоились думные дворяне:

в честь венчания царей Ивана и Петра был возведен 25 июня 1682 г. в бояре, а Л.С. Милославский в окольничие, став боярином на исходе правления Софьи 31 марта 1689 г.

¹⁴ С сентября по декабрь 1689 г. состоялось 4 пожалования в думные чины, в 1690 г. – 23, в 1691 г. – 21, в 1692 – 9, в 1693 – 7, в 1694 г. пожалований не было. См.: РГАДА. Ф. 210. Оп. 2. Д. 30–36.

¹⁵ Историки приписывают свидетельство успеха Петра I в освоении языка в надписи, вырезанной на деревянном кресте «Dat kruys maken karptein Piter van a Chr. 1694», водруженным в память о спасении царя в морскую бурю на Беломорье в мае 1694 г. См.: *Письма и бумаги имп. Петра Великого*. Т. 1: 1688–1701. Санкт-Петербург: Гос. тип., 1887, с. 21, 495 (далее – ПБ).

¹⁶ *Полное собрание русских летописей*. Т. 33: *Холмогорский и Двинской летописцы*. Ленинград: Наука, 1977, с. 194.

¹⁷ А.В. Захаров. *Государев двор Петра I: публикация и исследование источников разрядного делопроизводства*. Челябинск: Челябинский государственный университет, 2009, с. 101–103.

¹⁸ ДР. Т. 4. Стб. 970.

начальник «у провиантских дел» С.И. Языков (25 марта 1696 г.)¹⁹ и воевода В.Б. Бухвостов, успешно оборонявший от крымчаков завоеванную крепость Тавань в 1697 г.²⁰ На третий день после приезда из Великого посольства царь удостоил Бухвостова заслуженной награды за выдержанную осаду на Таванском острове в низовьях Днепра. Спешка царя в объявлении чина подчеркивает важность самого действия. Источники не сообщают о присутствии царя на церемонии, но очевидно, что без его личного решения она не могла состояться: «206 году (1698 г.) августа в 28 день в. г. (имя, титул) пожаловал из думных дворян в околничие Василья Борисовича Бухвостова. В.г. жалованье честь сказывал думной дьяк Автамон Иванов сын Иванов»²¹. Вполне удачно сложилась дальнейшая служба азовских героев, спустя год, они заседали в кремлевских думных палатах²². Языков возглавил Провиантский приказ в новоизобретенной должности генерал-провианта с 1700 г., а Бухвостова отправили в 1701 г. в Псков укреплять крепость и ведать ратными людьми²³. В годы Азовских походов царь еще не был готов жаловать ордена и новые титулы, а русская знать была не в состоянии принять и понять иные формы отличий. Денежные придачи и поместные оклады были несравнимы с получением высокого «палатного» статуса.

По сообщениям Г.К. Котошихина в XVII в. для отпрысков знатных боярско-княжеских родов был обычным, когда «царь жаловал многих в бояре не по разуму их, но по великой породе»²⁴. При Петре I это правило стремительно угасало. Именно за заслуги были отмечены родовитые участники Азовско-Днепровских акций, один из которых вошел в круг доверенных и влиятельных сотрудников царя. 20 июля 1697 г. «в. г. пожаловал из стольников комнатных князя Якова Федоровича Долгорукого чеством в бояря. И о том сесь свой в. г. указ в Розряде записать в книгу, а к нему послать свою в. г. грамоту. В. г. указ о том за пометою думного дьяка Микиты Зотова в столпу у боярского списка»²⁵. В конце мае 1697 г. Долгоруков двинулся сухим путем на соединение с силами гетмана И. Мазепы для защиты малороссийских городов и днепровских таванских крепостей от «татар». Боярство князь получил до успешного завершения задуманной военной акции, и, может быть слишком поспешно, заслужив вскоре и взыскания царя. Тем не менее, основным мотивом быстрого решения Петра I в пользу награждения кн. Долгорукова были известия о его белгородской

¹⁹ Там же. Стб. 1046.

²⁰ ДР. Т. 4. Стб. 1046. И.А. Желябужский. *Записки*. [В:] *Россия при царевне Софье и Петре I: записки русских людей*. Сост., автор вступит. ст., коммент. и указ. А.П. Богданов. Москва: Современник, 1990, с. 258.

²¹ ДР. Т. 4. Стб. 1082.

²² А.В. Захаров. *Государев двор Петра I...*, с. 99–100, 161–162, 275–277.

²³ ПБ. Т. 2. Санкт-Петербург, 1889, с. 448.

²⁴ Г.К. Котошихин. *О России в царствование Алексея Михайловича*. 3-е изд. Санкт-Петербург, 1884, с. 27.

²⁵ РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Д. 27 (Записная разрядная кника «всяких дел»). Л. 348 об. Указ «в столпу», то есть подклеенный в столбце с другими документами повытья боярского списка.

службе²⁶. Воеводство в Белгороде кн. Я.Ф. Долгорукого – представителя одного из 15 «меньших» боярских родов (по терминологии Котошихина) было не менее востребовано для защиты пограничных рубежей и азовских завоеваний, чем служба кн. Львова, Языкова и Бухвостова. Как и прежде, сообщение боярства не привело мгновенно к возвращению в столицу. В документации участников боярских съездов 1698–1701 гг. имя Долгорукого не встречается. Как известно, думные чины лишь предоставляли право участия заседаний в Думе, не обязывая царя определять круг реальных советников.

Впервые с середины 1690-х годов высокой думной чести удостоились не родственники и свойственники царицы Натальи Кирилловны, а деятельные сподвижники Петра I. Основания пожалований 1695–1698 гг. коренным образом отличались от предыдущих – обеспечивших сначала Софью, затем правительство Нарышкиных поддержкой лояльными сторонниками и соединенными узами родства. По достижении численного перевеса сторонников победившего «клана» Нарышкиных, Прозоровских и кн. Б.А. Голицына надобность в массовых пожалованиях исчезла, и список думных стал редеть вследствие естественной убыли. Дума наполнялась людьми с думным саном, бывшими в Москве; учитывалась их занятость в приказах «ради самых нужных дел» и здоровье²⁷. Этот наличный состав думцев в 1697–1701 гг. не превышал 42 % от перечня думных людей по боярскому списку²⁸. Число и состав реальных советников царя все менее коррелировало с думным списком.

Последним в XVII в. думный чин получил окольный И.А. Мусин-Пушкин, достигший в своем роду первым думных чинов и высшей боярской степени 9 сентября 1698 г. Постепенно он приобрел расположение царя как успешный воевода, был назначен первым начальником Монастырского приказа, стал графом и первым в списке сенаторов. Причину монарших милостей к Мусину-Пушкину необходимо искать вне его мифического образа как «единокровного брата» Петра I, тиражированного в литературе²⁹. Разрядная записная книга передает текст грамоты с указом царя от 9 сентября 1698 г. с четко обозначенной причиной награды³⁰. Вряд ли очевидное служебное рвение и успехи Мусина-Пушкина, отмеченного боярством, можно умалить недостоверным мотивом в официальной грамоте, объяснив еще более мифическим родством с царской семьей. После нескольких лет воеводства, после приезда в Москву в конце 1700 г. он приглашался на собрание думцев в Столовую палату Кремля 4 апреля 1701 г.³¹

²⁶ ПБ. Т. 1. С. 621, 625.

²⁷ А.В. Захаров. *Государев двор Петра I...*, с. 31.

²⁸ Там же, с. 395–398.

²⁹ П.В. Седов. *Закат Московского царства: царский двор конца XVII века*. Москва: Дмитрий Буланин, 2006, с. 113. Критика версии о рождении будущего графа в начале 1670-х годов от царя Алексея Михайловича см.: А.В. Захаров. *Боярин и первый сенатор Иван Алексеевич Мусин-Пушкин на службе и в кругу семьи*. [В:] *Труды государственного Эрмитажа*. Т. 78: *Петровское время в лицах*. Санкт-Петербург: Издательство Государственного Эрмитажа, 2015, с. 229–236.

³⁰ ДР. Т. 4. Стб. 1085–1086.

³¹ РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Стб. 767. Л. 884.

Сановник не скрывал гордости за свою службу, увенчанную боярским чином. В 1715 г. престарелый сенатор, как описывали Мусина-Пушкина современники, добиваясь титула графа, сочинил «Показание» о своих службах, четко объяснив свое боярство: «посылал на Аграхань на воровских казаков полковника Ивана Спешнева с ратными же людьми... Потом послан был на Еик на воровских же казаков, которые взяли Еик город, полковник Иван Меэр с ратными людьми... Да при моей же бытности моим радением учинен немалой збор казне в. г. без всякие народные тягости, на что свидетелствуют купецкие люди розсияня и армяня ... И за сию мою службу пожалован я от в. г. в бояря»³². Саморефлексия пожалования полностью совпадает с оценкой подданного верховной властью.

Традиции продолжали поддерживаться в большей степени в атрибутике награждения. Объявление думного звания происходило, как правило, в великие праздники³³ и царские дни. Во время «похода» на Воронеж, в свой день рождения 30 мая 1701 г. царь объявил думное дворянство И. И. Исленьеву, что было особой честью. Иван Исленьев происходил из дворянского рода. Его отец Иван Степанович, начавший службу стольником патриарха Филарета, был воеводой, назначался с дипломатическими миссиями, стал вторым судьей Судного Владимирского приказа, дослужился до стольника и московского дворянина, умер в 1668 г. Матерью И.И. Исленьева была княжна Мария Семеновна Друцкая, отец которой также был воеводой и вырос до дворян московских, был в стряпчих московского списка. Иван Иванович начал службу при царе Алексее Михайловиче, и впервые упомянут в челобитье на него А. Вельяминова 1659/60 г. о винной продаже. При дворе И. И. Исленьев впервые появился в чине стряпчего, возглавив в 1673 г. одну из 22 сотен жильцов, встречавших шведское посольство. Это позволяет предположить его рождение не позже начала 1640-х годов. Будучи стольником на воеводстве в Муроме, на Алатаре в 1676–1677 гг. он мог воспользоваться таким же опытом своего отца. Новое воеводство Исленьев, возможно, получил в Шацке спустя 13 лет³⁴. Совершенно неожиданно воевода «малых» городов сделал прыжок в 1685/86 г. до чина комнатного стольника Петра I, в который жаловались либо наиболее приближенные лица, либо их дети. На тот момент Исленьеву должно было исполниться около 45 лет, он был женат первым браком на дочери московского дворянина Домне Семеновне Чаплиной³⁵. Свояченица Исленьева Акулина Семеновна была замужем за тро-

³² Д.О. Серов. *Администрация Петра I*. Москва: ОГИ, 2007, с. 243–244.

³³ Думные пожалования состоялись: кн. П.Г. Львову в праздник Успения Пресвятой Богородицы (15 августа 1696 г.), С. И. Языкову в Благовещение Пресвятой Богородицы (25 марта 1697 г.), В. Б. Бухвостову – «в навечерии праздника Усекновения главы святого пророка предтечи и крестителя Иоанна» (28 августа 1698 г.).

³⁴ *Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией*. Санкт-Петербург: Печатня В.И. Головина, 1907. Т. 21. Стб. 318. ДР. Т. 3. СПб., 1852. Стб. 915–916, 1158, 1195; Т. 4. СПб., 1855, с. 107; Т.А. Лаптева. *Провинциальное дворянство России в XVII в.* Москва: Древлехранилище, 2010, с. 467.

³⁵ В. и Г. Холмогоровы. *Исторические материалы о церквях и селах XVI–XVIII вв.* Вып. 11: *Верейская, Дмитровская и Троицких вотчин десятины (Московского уезда)*. Москва: Изд. Императ. о-ва Истории и Древностей Российских при Моск. ун-те, 1911, с. 203, 243.

юродным дядей Петра I боярином Кондратием Фомичем Нарышкиным³⁶. Вот почему безвестному Исленьеву удалось попасть в царские спальни. Вероятно, то же свойство с Нарышкиными в связи с успешной службой помогли пробиться к желанной ступени думного дворянина. В разрядной документации вновь были опущены подробности награждения, лишь отмечено, что «подлинной вел. г-ря указ закрепил думной дьяк Микита Моисеев сын Зотов»³⁷. В 1702 г. Исленьев в числе «походных ближних людей» был в составе 4-тысячного царского двора, державшего путь к Архангельску и Соловецкому монастырю³⁸. Вскоре после дальнего похода он скончался в 1703 г.³⁹.

Через месяц после награждения Исленьева в Петров день на царские именины думное дворянство дождался известный «князь-папа всешутейшего собора» Н.М. Зотов. Сначала была удовлетворена просьба думного дворянина и печатника Д.М. Башмакова об отставке с 29 июня 1701 г.: «по указу вел. г-ря по ево челобитью для старости печать у него принята и велено ево писать думным дворянином»⁴⁰. На должность судьи Печатного приказа издавна назначались люди неподкупные, обличенные особым доверием царя, опытные приказные дельцы. Совпадение дат повышения Зотова и отставки Башмакова говорит о продуманной подготовке царского указа. Сметливость Зотова в прошении⁴¹ графского диплома в 1710 г. намекает на такую же бурную деятельность десятилетием ранее. Основание думного пожалования 1701 г. удалось извлечь из чернового отпуски и материалов, подготовленных для графского титула. Опубликованный подлинник диплома глухо касается мотивов пожалования⁴², в пространной «копии» бумаг они изложены несколько подробнее: «...в начале с салтаном Турским под Азовом будучи посольских дел и военного управления министром, неусыпное попечение имел, за что по взятии города восприял от нас гербовное знамя и по чину победы золотую монету, последи же в думныя дворяня и печатники пожаловали...»⁴³. Черновой «отпуск патента» на графство полнее разворачивает историю чиновного успеха Зотова: «... от юности наша... в чине дьяцем в крайнюю милость нашего в[еличества] восприяли и от оного обучались руского писания, а потом за верные его услуги и непрестанное

³⁶ В.В. Руммель, В.В. Голубцов. *Родословный сборник русских дворянских фамилий*. Т. 2. Санкт-Петербург: Издание А. С. Суворина, 1887, с. 647.

³⁷ РГАДА. Ф. 199. Ед. хр. 130. Ч. 16. Д. 1. Л. 12.

³⁸ *Досифей. Летописец Соловецкий на четыре столетия, от основания Соловецкого монастыря до настоящего времени, то есть с 1429 по 1833 год*. 3-е изд. Москва: В Унив. тип., 1833, с. 100; Ю.Н. Беспятых. *Третье «пришествие» Петра I на Белое море*. [В:] *Архангельск в XVIII в.* Сост. и отв. ред. Ю.Н. Беспятых. Санкт-Петербург: Русско-балтийский информ. центр «БЛИЦ», 1997, с. 31–32.

³⁹ РГАДА. Ф. 210. Оп. 2. Д. 49. Л. 7.

⁴⁰ Там же. Д. 45. Л. 8.

⁴¹ *Древняя Российская вивлиофика*. Изд. Н.И. Новиковым. Ч. 9. Москва: Типография компании типографической, 1789, с. 476.

⁴² ПБ. Т. 11. М.; Л., 1962, с. 243–244.

⁴³ *Древняя Российская ...* Ч. 9, с. 479.

при нас пребывание в думные дьяки пожаловали, потом⁴⁴ же усмотря его великую к нам верность, усердие и разум до тайных наших советов... допустили, которым советы он нам в. г. во многих случаях в прошлой с салтаном Турским войне при атаках Азова пребывая всегда при нас многия верные услуги нам в. г. показал, за что мы его в наши думные дворяне и печатники пожаловали»⁴⁵. Думное дворянство Зотова «запаздывает» на четыре года от окончания азовской службы, что свидетельствует о личном прощении думного отличия. Указ о повышении Зотова закрепил устроитель Карловицкого перемирия П. Б. Возницын⁴⁶.

За несколько дней до думного возвышения Зотова Петр I утвердил новое чиновное изобретение: «Июня в 26 день (1701 г.) великий государь пожаловал ево (Возницына. – А. З.), велел в боярских книгах и списках и во всяких письмах писать ево с вичем выше думных дьяков»⁴⁷. Впервые вводилось официальное наименование «советника», разумеется, пока еще «думного». Зная заранее грядущий переворот Табели о рангах, первые чиновные преобразования Петра I нашему современнику показались бы мелкими и паллиативными. В начале XVIII в. придуманное звание выглядело смелым шагом, но уже по проторенной дороге. Царевна Софья и кн. В. В. Голицыным от имени юных царей наградили полковника А. А. Шепелева новым чином думного генерала в 1682 г.⁴⁸ Спустя почти 20 лет уже для выходца из дьячества учреждалось звание «думный советник», приближенное к высшему чину для неродовитых служилых людей – к думному дворянству. Вряд ли Прокофий Богданович Возницын претендовал на эту новину, навсегда исчезнувшую из истории служебных отличий с его смертью 4 февраля 1702 г.⁴⁹

Новые звания удивительно быстро впитывались канцелярским лексиконом. Так, например, эхо пребывания боярина Б. П. Шереметева на Мальте в 1698 г. ежегодно повторялось в боярских списках с 1700 г. новым почетным званием «кавалера мальтийского», выделяя особую служилую почеть в сухом перечне имен. Сохранился неизвестный ранее указ царя от 28 января 1701 г.⁵⁰, закрепленный думным дьяком Г. Ф. Деревнинным, о написании Б. П. Шереметева «ге-

⁴⁴ Напротив этого слова на поле листа имеется вставка: «(первые два слова неразборчивы) содержание, каторое приписано для того, что неведомо в котором году то было и за то в какой он чин пожалован был».

⁴⁵ РГАДА. Ф. 154. Оп. 2. Д. 68. Л. 2 об.

⁴⁶ РГАДА. Ф. 199. Ед. хр. 130. Ч. 16. Д. 1. Л. 15–15 об.

⁴⁷ «Вичем» – то есть полным отчеством. РГАДА. Ф. 210. Оп. 2. Д. 45. Л. 10.

⁴⁸ Шепелев в 1657/58–1675/76 был дворянином московским, в 1676/77 г. был пожалован чином генерал-майора, позже назначен генерал-поручиком, в 1682/83 г. стал первым и единственным (sic) думным генералом, его было велено писать выше думных дворян. Точная дата пожалования в думные генералы не была зафиксирована боярскими списками. 13 октября 1687 (sic) г. он стал окольным (РГАДА. Ф. 210. Оп. 2. Д. 27. Л. 9).

⁴⁹ Возницын был впервые после переговоров приглашен в Думу 14 октября 1699 г., участвовал на «съездах» в феврале 1700 г. Дата и год его смерти в историографии прежде были неизвестны. См.: А. В. Захаров. *Государев двор Петра I...*, с. 106; РГАДА. Ф. 210. Оп. 2. Д. 46. Л. 7.

⁵⁰ РГАДА. Ф. 199. Ед. хр. 130. Ч. 16. Д. 1. Л. 4.

нералом и военным кавалером мальтийским свидетельствованным». В другом случае постельничий Г. И. Головкин стал называться в боярских списках с 1711 г. «государственным канцлером, тайным советником и кавалером, графом». Тогда же в перечне бояр кн. Я. Ф. Долгорукий был записан как сенатор и «тайной советник, генерал пленипотенциар крикс камисар». Прижились не все словесные эксперименты Петра I. Однажды у имени комнатного стольника кн. Н.И.Репнина было приписано: «генерал рыденбант Святаго апостола Андрея»⁵¹.

После награждений Возницына и Зотова список думных людей не пополнялся долгие восемь лет до Полтавской победы. Своеобразный «ренессанс» возведения в думные чины, как ни парадоксально, открыло письмо не обладавшего даже московскими чинами А. Д. Меншикова к главе Разрядного приказа Т.Н. Стрешневу. Подчиненный светлейшего князя по Ижорской канцелярии В.С. Ершов был пожалован думным дьячеством в 1709 г. и впервые⁵² записан в боярском списке: «октября в 15 день указ о том за рукою⁵³ боярина Тихона Никитича Стрешнева»⁵⁴. Позднее была сделана помета: «По писму от светлейшого князя. Оборкамисар от кавалерии».

Следующее более заметное награждение также не могло состояться без царской воли. Петр I пожаловал 22 января 1710 г. казанского губернатора окольного П. М. Апраксина в бояре⁵⁵. Среди трех сенаторов, некогда состоявших в боярах, он единственным официально именовался «ближним боярином, графом» до смерти, что подчеркивало его уважение к чести боярской⁵⁶. Приобретя опыт думного возвышения, новоявленный боярин Апраксин, испрашивал в 1715 г. у царя новый графский титул. пожалования Ершова и Апраксина возродили впечатление доступности думных званий, и царь пресек возможную волну прошений необычным способом.

Счастливыми обладания заветных чинов оказались люди различного социального статуса: деятельные царедворцы и... шуты⁵⁷. Одним из организаторов «всешутейшего и всепьянейшего собора» был кн. Юрий Федорович Шаховской, созывавший особыми повестками всех «соборян» и придворных двора на очередное действо. Известный в шутовской иерархии как «архидиакон Гедеон», он был объявлен боярином из комнатных стольников на Светлой неделе 12 апреля 1710 г. в компании с шутами Патрикеевым и Бутурлиным. Мотив Шаховского

⁵¹ См.: РГАДА. Ф. 210. Оп. 2. Д. 58. Л. 2, 5, 9. Прозвание Репнина как кавалера ордена необходимо считать казусом, поскольку факт орденского награждения не отмечались в списках московских чинов у прочих кавалеров: бояр, комнатных стольников и стольников.

⁵² Сведения Маршала По о В. Ершове как думном дьяке с 1690-х гг. ошибочны. Его имя вписали в боярскую книгу 1691/92 г. в 1711 г. в момент назначения «новичного» оклада (250 руб.). Книга спорадически пополнялась записями до 1716 г. Ср.: М.Т. Пое. *The Russian Elite in the Seventeenth Century...*

⁵³ В боярской книге 1691/92 г. в этом месте написано «за приписанием». РГАДА. Ф. 210. Оп. 1. Д. 11. Л. 47.

⁵⁴ См.: РГАДА. Ф. 210. Оп. 2. Д. 56. Л. 8 об.

⁵⁵ Там же. Д. 57. Л. 2 об. Ближним боярином до смерти также именовался и П.С. Салтыков.

⁵⁶ Там же. Ф. 248. Д. 641. Л. 38.

⁵⁷ РГАДА. Ф. 210. Оп. 2. Д. 56. Л. 2 об., 4 об.; Д. 58. Л. 2, 6 об.

очевиден. Его отец князь Федор Иванович достиг той же ступени в сентябре 1682 г. за верную службу в первом Троицком походе. Младший Шаховской назывался шутом современниками. В действиях «соборян», как известно, были расписаны роли и «звания» крупных сановников, придворных, царя⁵⁸. Петровский дипломат кн. Б.И. Куракин нелестно описывал все царское окружение и назвал Шаховского человеком «ума немало и читателя книг, токмо самой злой сосуд и пьяной»⁵⁹. Необходимо иметь в виду, что четкую грань между шутом и служилым человеком провести не удастся. Сферы придворной и административной повседневности намеренно соединялись в контексте действий «соборян». Шутовские умения забавлять и разоблачать прегрешения придворных были поставлены царем в своеобразный род службы.

Одновременно с кн. Ю.Ф. Шаховским окольным вмиг оказался «из ближних людей» Кузьма Хрисанфович Патрикеев, вероятно, он же «отец Козьма». Подобную свободу чиновной раздачи трудно представить по меркам XVII в., для соблюдения традиций это было симптоматично. Неродовитому человеку, не состоявшему в «московском списке», высокий чин окольного первые Романовы могли позволить лишь родственникам царицы, какими новоявленные «думцы», естественно не являлись. Стольник Петр Васильевич Бутурлин по шутовскому прозвищу «Корчага» был произведен в думные дворяне, казалось бы, согласно всем канонам чинопроизводства. Его государева служба как и некоторых новоиспеченных «бояр» не исчерпывалась умением забавлять Двор. Светлейший князь Меншиков задействовал кн. Ю.Ф. Шаховского и П.В. Бутурлина заниматься обустройством Санкт-Петербурга по царскому указу от 16 августа 1711 г. Они «описали и меряли под загородные дворы землю и лес и во всяких местех». Совместно с окольным кн. Ю.Ф. Щербатовым – по «совместительству» одним из «соборян» и двумя стольниками «бояря» составили книгу с описью 255 промеренных участков. Князь Шаховской приложил немало сил в защите Адмиралтейского острова новой столицы от пожаров в 1711–1713 гг.⁶⁰ Неоднозначная роль шута в XVIII в. известна в историографии, менее известно, что уже в конце XVII в. состоялось пожалование шута Филата Шанского за службу, а не ради умаления московских чинов⁶¹.

⁵⁸ Ю. Юль. *Записки датского посланника в России. [В:] Лавры Полтавы.* Москва: Фонд Сергея Дубова, 2001, с. 85; Е.А. Zitser. *The Transfigured Kingdom. Sacred Parody and Charismatic Authority at the Court of Peter the Great.* Ithaca and London: Cornell University Press, 2004, с. 96–100.

⁵⁹ Г. Грунд. *Доклад о России в 1705–1710 гг.*, с. 129; Б.И. Куракин. *Гистория о Петре I и ближних к нему людях.* «Русская старина» 1890. Т. 68, № 10, с. 256.

⁶⁰ Научно-исторический архив Санкт-Петербургского Института истории РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 3762; *Петербург в эпоху Петра I: документ в фондах и коллекциях НИИ СПбИИ РАН. Каталог.* Сост. Е.А. Андреева, Т.А. Базарова и др. Ч. 1. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский филиал архива РАН, 2003, с. 751.

⁶¹ С.Ф. Платонов. *Из бытовой истории Петровской эпохи. Любимцы Петра Великого: Медведь, Битка и др.* «Известия Академии наук СССР». Серия VI, № 9, с. 677–678. Ф.П. Шанский пожалован в стольники 12 января 1694. РГАДА. Ф. 210. Оп. 2. Д. 35. Л. 622.

В январе 1711 г. аналогичной награды дождался и П.А. Ушаков, пиетет которого к чинам заметен даже по служебным спискам за десятилетие до думного сана. Прибыв на смотр московских чинов 11 августа 1700 г., он записался в число московских стряпчих «из серпуховских» служилых людей. В тот же год его имя неведомыми путями оказалось без каких-либо отметок о пожаловании в официальном списке стряпчих⁶². Разумеется, без его особых стараний этот казус не мог произойти. Позже Ушаков отправлялся по делам Казенного приказа, был выбран в «начальные люди», но прославился он при дворе на стезе шута. Однажды его «коптили на льду» реки Невы⁶³, что похоже на очередной экстравагантный ритуал, изобретенный царем для развлечений. Ушаков, ревностно служивший государю, не мог примириться со своим прозвищем «дурака». Он жаловался на обидные переключки своей фамилии с «Ушаков» на «Ишаков». Царь, шутливо принимая жалобы своего любимца, издал в надлежащем духе патент: «...господину думному дворянину, Прокопию Ушакову чернинькому мымричку дурачику-чку. Ведомо чиним всем, кому о том ведати надлежит, чтоб оного называли неупрямой фамилии веселинькой шутик или дурачик-чок; а хто ево назовет дураком, тем платить вышней саржи⁶⁴ по золотому, другим рубль, третьему полтина, четвертому пол-полтины, самым низким гривна»⁶⁵. В 1714 г. «шутик» умер и в тот же день «его величество смотрел анатомию» Ушакова. Церемонию его погребения в Александровом монастыре возглавил царь, прибывший с царицей, новгородским митрополитом и большой свитой на нескольких скампавах⁶⁶, что олицетворяет действительный статус усопшего как придворного. Могила Ушакова оказалась одной из первых на территории Александро-Невской лавры.

Пожалования одиозных личностей из «соборян» думными чинами по замыслу Петра I должны были отвратить после награждения В.С. Ершова и П.М. Апраксина погоню сановников и рядового «шляхетства» за думными чинами.

В ряд шутовских наград совершенно не вписывается объявление чина окольного стольнику Юшкову и думного дворянства Тургенева. Награждая А.А. Юшкова, Петр I собственноручно приписал в указе Сенату 4 ноября 1711 г.: «За многия и чрезвычайныя службы у служения и радения в врученных ему делех пожаловать сею честию»⁶⁷. Шутом Петра I был его однофамилец Александр Юшков. Историк М.И. Семевский считал, что о награждении Алексея Александровича хлопотала царица Прасковья Федоровна, спасая его же сына Василия от отца. Младший Юшков был комнатным стольником и близким

⁶² Ушаков, судя по всему, позаботился о закреплении царского решения о производстве в чин: «В нынешнем 1711-м году генваря в 14-м числе в.г. пожаловал в думные дворяня ис стряпчих. Указ о том записан генваря 28-го 712-го года в Санкт Петербурхе». См.: РГАДА. Ф. 210. Оп. 2. Д. 58. Л. 6 об.; Д. 44. Л. 219; Д. 43. Л. 575.

⁶³ *Походный журнал 1712 г.* Санкт-Петербург, 1913, с. 54.

⁶⁴ От французского charge – чин. То есть высшим чином.

⁶⁵ Шуточный патент Петра Великого думному дворянину Прокопию Ушакову. *Русский архив.* 1865. Изд. 2-е. Москва 1866. Стб. 61–62.

⁶⁶ *Походный журнал 1714 г.* Санкт-Петербург, 1913, с. 9, 102.

⁶⁷ ПБ. М., 1964. Т. 11. вып. 2. С. 236. Ср.: РГАДА. Ф. 210. Оп. 2. Д. 58. Л. 4 об.

человеком царицы и якобы был принужден отцом возратить когда-то подаренные деревни; с помощью царицы старика «задобрили чином окольникового»⁶⁸. Старший А.А. Юшков долго служил⁶⁹, но сторонился «всепянейших компаний соборян», за что кн. Ю. Ф. Шаховской грозил ему в 1709 г. отпиской всех имений на государя⁷⁰. К моменту получения окольниковства Юшкову было 64 года. И вполне понятно, что желание дослужиться до думных чинов им двигало с тех пор, как сын Василий превзошел отца по чинам, став спальником царя Ивана в 13 лет, а потом кравчим царевны Прасковьи. За плечами старшего Юшкова были три похода в XVII в., также три он пропустил, заплатив «вместо походов» деньги. В 1702–1703 гг. он находился у переписки монастырей, а в самые тяжелые годы войны избежал походной службы, сетуя «на головную и животную болезни». В 1705 г. его отправили воеводой в Белев на несколько лет. Несмотря на солидный возраст, он все-таки оказался «в армии»⁷¹ в 1711 г. у исполнения «чрезвычайных дел». Весомым аргументом окольниковства как награды за военную службу является назначение ему оклада в 350 рублей в декабре 1712 г.⁷² Служилых людей, достойных как Юшков думного награждения, было немало, но не каждый пользовался покровительством царицы.

Неоднозначным для объяснения оказывается награждение думным дворянством Семена Яковлевича Тургенева 28 января 1712 г. «из стольников». В источниках известен «веселящий» (шут) Семен Тургенев, личность которого до сих пор достоверно не идентифицирована. В отличие от других шутов, С. Тургенев в источниках не известен с упоминанием думного чина и с упоминанием отчества. Среди «царедворцев» в задаче идентификации необходимо исключить двоих: тезку Семена Павловича и тезку его отца Якова Гавриловича Тургенева, который не имел сыновей и был далек от царского двора⁷³. Вероятнее всего, очередное награждение думным чином касалось бывшего в 1690-е годы новосильского воеводы, далекого от ролей шутов и «соборян». В пользу этого свидетельствует «исчезновение» из списков служилых людей 1714–1722 гг. пожилого С.Я. Тургенева, в то время как шут С. Тургенев был еще жив в 1725 г.

Вновь четыре шутовских награждения были объявлены в день Пасхи 20 апреля 1712 г. Боярином из стольников стал П.И. Бутурлин, принявший звание «князь-папы» после смерти Н.М. Зотова. По царскому указу он созывал славельщиков, «соборян», как в свое время кн. Шаховской. Любопытно, что совместно с ним в устройении церемоний «всешутейшего собора» был задействован даже правительствующий Сенат. Исполняя желание царя, сенаторы

⁶⁸ Документальных отсылок на это известие у Семевского нет. См.: М.И. Семевский. *Царица Прасковья*. Москва: Художественная литература. Ленинградское отделение, 1989, с. 23–24.

⁶⁹ В сказке, поданной в Разряд А. А. Юшков объявил, что служит с 1670/71 г. РГАДА. Ф. 210. Оп. 2. Д. 50. Л. 49.

⁷⁰ Там же. Оп. 17. Д. 8. Л. 87.

⁷¹ РГАДА. Ф. 210. Оп. 2. Д. 52. Л. 24; Д. 58. Л. 22 об.

⁷² РГАДА. Ф. 210. Оп. 1. Д. 11. Л. 39.

⁷³ Это проясняется из «сказки» Я.Г. Тургенева, поданной на сенатском смотре 1722 г. См.: РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Д. 9. Л. 213.

спешили «к Рождеству Христову в священоссыцы выбрать возрастных и толстых, и плешивых» славельщиков⁷⁴. Второе повышение за три года получил родственник Петра Ивановича, упомянутый выше Петр Корчага Бутурлин, став окольничим. Тот же чин из компании «соборян» получил кн. Никита Михайлович Жировой-Засекин, бывший комнатным стольником. Его отец прославился на «всепянейшем» поприще прозванием «митрополита Мисаила». Княжеский сын превзошел отца, проявив себя на разных службах. В 1706 г. он назначался в ход за иконами, с 1719 г. был воеводой Костромской провинции⁷⁵. О кн. М.Ф. Шаховском, замыкавшем четверку пожалованных в окольничие известно немного, он также как кн. Жировой-Засекин безвыездно жил в новой столице до 1719 г. и едва дождался разрешения Сената выехать для «деревенских своих нужд» на 5 месяцев⁷⁶.

Вновь для желающих добиться «боярской чести» царь преподавал очередной урок перед грядущей чиновной реформой. Боярство «было сказано» кн. Ивану Алексеевичу Голицыну. Царь отправил 14 октября 1715 г. сенатору кн. М.В. Долгорукову указ, наполненный едким сарказмом: «посылаю к Вам Екима Волкова, с которым поезжай х князь Ивану Голицыну мужу светейшей княгини [Анастасии Петровны⁷⁷. – А. З.], и вели ему Волкову сказать ему за службу жены его боярство, а ты стой у сказки, да за его тульскую службу червонной золотой, которой бы носил всегда на выи⁷⁸ своей». Более поучительной атмосферы «награждения» было сложно придумать. Указ царя зачитал не сенатор и не дьяк, как водилось прежде, а «карла» Еким Волков по прозвищу Комар. Да и боярством жаловали за придворную службу жены. Новоиспеченный боярин, видимо, стеснялся пользоваться такой «честью»⁷⁹. По крайней мере, в 1722 г. он признался, что в свои 55 лет «в службе вашего императорского величества нигде не бывал». В то время в подобном контексте под «службами» понимались «походы», то есть военная служба. Князь упорно называл себя комнатным стольником, а сенаторы, напротив, в текущих приговорах именовали беднягу боярином, следуя царской воле⁸⁰, напоминали боярским чином пример «достойных заслуг».

Казусы шутовских прозваний перемешивались и вне думских награждений. В 1716 г. думный дворянин и печатник Зотов на старости лет должен был привыкнуть к званию «тайного советника и Ближней канцелярии генерал президента, графа Магнуса Наклевании». Шутовской титул Петр I присвоил ему за «умение» «клевать носом», то есть спать в разгар веселья «соборян»⁸¹ и прилип-

⁷⁴ РГАДА. Ф. 248. Оп. 12. Д. 649. Л. 676.

⁷⁵ РГАДА. Ф. 199. Ед. хр. 130. Ч. 16. Д. 6. Л. 5; Ф. 350. Оп. 3. Д. 1. Л. 98.

⁷⁶ РГАДА. Ф. 248. Оп. 12. Д. 648. Л. 344–346.

⁷⁷ Княгиня А.П. Голицына, урожденная Прозоровская состояла приближенной «шутихой» царицы Екатерины, участвовала в увеселениях «соборян» в роли «князь-игуменьи».

⁷⁸ Выя – шея; РГАДА. Ф. 9. Оп. 1. Д. 9. Л. 49–49 об.

⁷⁹ РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Д. 5. Л. 2; Ф. 350. Оп. 3. Д. 1. Л. 204 об. («Список царедворцев на житье в Петербург» фиксирует состав на 1718 г.); РГАДА. Ф. 286. Оп. 1 Д. 7. Л. 24.

⁸⁰ В июне 1722 г. «Сенат приказал ис царедворцов Василью Черторьльскому быть при боярине» кн. И. А. Голицыне. См.: РГАДА. Ф. 248. Д. 95. Л. 192–194.

⁸¹ *Русский биографический словарь*. Т. 7: *Жабокритский–Зяловский*. Изд. под наблюдением

чивый «титул» вновь повторялся в официальных сенатских бумагах⁸². Сенаторам было ничуть не проще, чем нашему современнику провести границу между шутовским и реальным чином.

Среди получивших думные чины после Полтавской победы 1709 г. были люди различного статуса: влиятельные сановники (В.С. Ершов, П.М. Апраксин), деятельные служилые (А.А. Юшков, С.Я.Тургенев), организаторы «соброян» (кн. Ю.Ф. Шаховской, П.И. Бутурлин), для которых заветный чин был способом повысить статус как личный, так и родовой. Придворные шуты, задействованные за редким исключением на различных службах, назначались царем в думные люди в назидание мечтателям о «чести боярской» после каждого случая пожалования служилых людей за нешутовскую службу. Действительная природа и статус пожалования обнаруживается в стилистике царских указов и в контексте карьеры служилого человека. Как ни странно, но в выборе даты и чина награждения, стилистике указов, соблюдены старинные каноны чинопроизводства, поскольку механизм его не был разрушен. Следуя логике вручения думных званий только «дуракам», царю вряд ли стоило скрупулезно учитывать чиновную традицию. Лишь несколько царских подданных, прежде служивших по «московскому списку», добились думных чинов на закате их существования за несомненные служебные доблести. Петр I как дальновидный правитель использовал думные и московские чины, чтобы поддерживать традиционными отличиями служебные заслуги родовитых отпрысков.

Последнее пожалование чином боярина известно в историографии по позднейшей записи в боярской книге 1691/92 г. Екатерина I таким образом наградила стольника С.П. Нелединского-Мелецкого 15 сентября 1725 г. за длительную службу⁸³. Этот казус объясним отношением подданного к древним атрибутам чести и лояльностью императрицы к старому чинопроизводству.

С момента единодержавия в 1696 г. прерогатива высших награждений принадлежала единолично Петру I, который после смерти Ивана V включил его комнатных стольников (спальников) в свою «комнату». Вероятнее всего, в память о брате-соправителе Петр I отказался от пожалований в комнатные стольники, поскольку все прежние пожалования «в комнаты» объявлялись царями совместно. Таким образом, последним⁸⁴ в истории получения чина комнатного стольника 14 октября 1695 г. оказался 11-летний Василий Михайлович Ртищев, ставший к началу 1720-х гг. майором Кроншлотского драгунского полка⁸⁵.

председателя Императорского Русского Исторического Общества А. А. Половцова. Под ред. Е. С. Шумигорского и М. Г. Курдюмова. Санкт-Петербург: тип. Гл. упр. уделов, 1897, с. 479.

⁸² РГАДА. Ф. 248. Оп. 12. Д. 641. Л. 39.

⁸³ РГАДА. Ф. 210. Оп. 1. Д. 11. Л. 31.

⁸⁴ Остается необъяснимым статус пожалования кн. Ю.Ф. Шаховского. Он попадает в боярский список 1696/97 г. впервые как комнатный стольник, и одновременно числится в перечне стольников вплоть до 1710 г. включительно. Но какой-либо указ или запись о его пожаловании в спальники отсутствуют в боярском списке и разрядах. См.: РГАДА. Ф. 210. Оп. 2. Д. 41. Л. 15 об., 76 об.; Д. 42. Л. 14, 69; Д. 43. Л. 14, 69.

⁸⁵ РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Д. 7. Л. 2 об.

Трансформация Боярской думы в практику работы совещаний различных составов, один из которых известен как «консилии министров», а затем учреждение Сената предопределили судьбу думного чинопроизводства. Думные чины сохранились в качестве статусных вознаграждений наиболее отличившихся сподвижников. Среди 9 пожалованных в думные 1695–1701 гг. были выходцы из служилой среды (6 человек), в меньшинстве оказались представители княжеско-боярских фамилий (2 человека). По-прежнему среди награжденных не было представителей недворянских семей, а в думные дьяки был пожалован один дьяк. Основным фактором пожалования впервые за весь XVII в. становится не родство и свойство, а личная служба как для родовитых, так и для служилых отпрысков. Неприкосновенными остаются атрибуты чиновной иерархии, соблюдается порядок записи чиновного награждения⁸⁶, установленные задолго до конца XVII в.

Свои особенности имело возведение в традиционные нижестоящие чины: жильцов, дворян московских, стряпчих и стольников. По надежным данным боярских списков в последний год XVII в. состоялось несколько массовых переводов («записей») из немосковских чинов и несколько персональных пожалований чинов московских. Незадолго до «Свейского похода» 169 царичиных стольников, среди которых упомянут известный в будущем В.Н. Татищев⁸⁷, перевели в царские стольники⁸⁸, в московские дворяне – 100 дворцовых служащих: ключников, чарочников и дворцовых стряпчих⁸⁹. Персональные пожалования получали служилые люди различного статуса и происхождения.

Стольниками из жильцов стали 14 декабря 1699 г. братья Иван Средний и Иван Большой Ильичи Дмитриевы-Мамоновы, последний из которых сражался с начала Северной войны гвардейским офицером и в 1720-е гг. стал морганатическим супругом царевны Прасковьи Ивановны. В московских чинах могли оказаться и наемные иностранцы, что практиковалось и в XVII в. Так, кн. Андрей Васильевич Свирский из литовского княжеского рода был записан 30 ноября 1699 г. в перечень стольников, «служилых с корму», то есть получавших особое жалование. Персонально пожаловали в стольники царя пятерых царичиных стольников, среди которых был 22-летний двоюродный брат царичи Марфы Матвеевны Петр Иванович Ловчиков⁹⁰.

⁸⁶ Думные дворяне не могли получить чин выше окольного, представители титулованной знати в чине стольника жаловались в окольное, нетитулованные служилые – не выше думного дворянина.

⁸⁷ А.В. Захаров. *Открывая новые страницы о юности В.Н. Татищева (по документам Разрядного приказа)*. [В:] *Петровское время в лицах. Труды Государственного Эрмитажа*. Санкт-Петербург: Издательство Государственного Эрмитажа, 2008, с. 122–127.

⁸⁸ 19 августа 1700 г. 169 человек было «велено написать в полковую службу». Запись в чин ради службы, даже более высокой, лишь условно можно считать пожалованием. РГАДА. Ф. 210. Оп. 2. Д. 43. Л. 473–477 об.

⁸⁹ 27 мая 1700 г. 100 «дворовых людей, которые от двора отставлены и присланы для службы в Разряд..., а в Разряде написаны они по московскому списку» то есть в дворяне московские. Там же. Д. 43. Л. 631–633 об.

⁹⁰ В 1700 г. царскими стольниками стали стольники царичи Прасковьи Федоровны кн.

Регулярные пожалования в стряпчие прекратились летом 1695 г. Единственное исключение царь сделал для Ульяна Акимовича Синявина, как одного из деятельных сотрудников, пожаловали в стряпчие 7 января 1699 г. Спустя полгода в день царских именин Синявин был возведен в стольники. В новом столетии петровский любимец прошел службу от обер-комиссара до генерал-майора. Он был хорошо знаком царю до Великого посольства, во время которого состоял в свите «второго посла» Ф.А.Головина. Вероятнее всего, за эту успешную миссию Синявин и был награжден московскими чинами, которых не достиг его отец за 43-летнюю службу⁹¹.

Семь последних пожалований в московские дворяне представляют особый интерес, поскольку точно датированы и позволяют уточнить мотивы и статусные роли награждаемых. В московских дворянах в 1700 г. оказался иностранец В.И. Сердаров «из турчан» и четверо городских дворян⁹². 1 декабря 1701 г. был пожалован родной брат местоблюстителя патриаршего престола Федор Иванович Яворский, находившийся «у резанского митрополита в домовых»⁹³. Сын стряпчего с ключом Л.Б. Плохова «недоросль» Иван Леонтьевич 28 июня 1707 г. был «за увечьем, что горбат написан по московскому списку». В приписке упоминается любопытное основание: «помета на смотренных тетрадах у записки недорослей»⁹⁴. Достоверно известно, что Петр I лично участвовал в смотре «царедворцев» и «отмечал в росписи своею рукою»⁹⁵. В последних актах пожалований очевидны ходатайства, поданные царю от влиятельных лиц в сочетании с заслугами представленных к награждению. По письму сенаторов кн. Я.Ф. Долгорукова и графа И.А. Мусина-Пушкина в июле 1713 г. «царское величество указал по именному своему в. г. указу изволил написать во дворяне» 35-летнего Никона Ивановича Волкова⁹⁶ – видного «купчину», служившего при комнате

И.П. Мещерский (22 января), кн. И.М. Елецкий (26 января), И.А. Лихарев (без указания даты), ранее состоявший в ее свите Ловчиков (28 января), дослужившийся до подполковников, как и М.С. Аничков (3 февраля), бывший стольником царицы Евдокии Федоровны до 1692 г. В 1702 г. последним в список стольников был помещен стряпчий С.М. Дуров, служивший в 1690-е гг. в «летних походах» и под Белгородом, но записи о его возведении в стольники сделано не было. Кроме того, в список стольников «полковой службы» 1700 г. были записаны стряпчие А.Д. Клишков, И.С. Назарьев и 36-летний Л.А. Синявин – все без указания даты и заметок о пожаловании, лишь с отметкой «в стольниках». Там же. Д. 35. Л. 222 об.; Д. 43. Л. 485, 472–472 об., 488 об., 539, 548 об., 569 об., ; Д. 46. Л. 92. *Список военным чинам первой половины 18-го столетия*. [В:] *Сенатский архив*. Т. 7. Санкт-Петербург: Типография Правительствующего сената, 1895, с. 687.

⁹¹ РГАДА. Ф. 210. оп. 2. Д. 36. Л. 220 об. – 221 об., 236 об.; Д. 43. Л. 121, 220.

⁹² В 1700 г. были пожалованы Сердаров «по московскому списку за крещение в православную христианскую веру» (28 января), торопчанин кн. И.В. Шаховской и выборный дворянин кн. П.Б. Шаховской (2 марта); 10 марта 1701 г. – «из смольнян» Г.И. Дернов; в 1709 г. ярославец И.И. Тихменев. РГАДА. Д. 43. Л. 658, 641 об.; Д. 45. Л. 293; Д. 56. Л. 182.

⁹³ РГАДА. Ф. 210. Оп. 2. Д. 45. Л. 289.

⁹⁴ Там же. Д. 53. Л. 121.

⁹⁵ Желябужский И.А. Указ соч. С. 286.

⁹⁶ РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Д. 5. Л. 142

царевны Наталии Алексеевны с 1704 г.⁹⁷ Без сомнений, самые последние награждения московскими чинами сделаны по прямым распоряжениям царя.

Если в нескольких вышеприведенных случаях заметны могущественные покровители (митрополит, придворные, царевна), то мотивы пожалований городских дворян пока остаются неизвестными.

В течение всей Северной войны регулярные пожалования производились в приказные дьяки⁹⁸, бывшими предпоследними в перечне московского списка, но наиболее практичными в административной сфере. С 1700 до конца 1710 г. дьячество получили 89 подьячих.

В 1702 г. в московском списке вводятся, как и в думном перечне, новые звания и должности. Выше дьяков появляется особая строка «генеральный писарь и секретарь» у дьяка Любима Сергеевича Судейкина – первого в России обладателя секретарской должности по названию и по сути возложенных дел. С 1710 г. в устоявшемся русле чинопроизводства начинается волна новаций. Она отражается и в структуре традиционных чинов. Появляются неизвестные ранее звания и должности: у стольника кн. М.П. Гагарина «генеральной президент и московской комендант и сибирских правинцей судия», у А.А. Курбатова «оберинспектор ратушского правления». И, наконец, новейшая должность сенатора заняла первый перечень в боярском списке, а ее обладатели автоматически были исключены из чина бояр.

Массовые записи и пожалования состоялись в низший московский чин жильцов. В 1700 г. не менее 400 человек были пожалованы «в житье» и в том числе 130 человек переведены в жилецкий список по указу 28 августа 1700 г. из дворцовых подключников⁹⁹. В течение 1701 г. в жильцы персонально было пожаловано 107 человек, в 1702 г. – 117, в 1703 г. – 80 человек¹⁰⁰. Единичные записи в жильцы по полкам жилецкого списка проводились и в 1704 г.¹⁰¹ Основанием многочисленных пожалований «новики» в жильцы стала служба их отцов, отставленных из «полковых перечней» по старости или болезням. Поэтому среди «новики» типичны примеры назначения поместных окладов и отсрочек от службы на несколько лет совсем юным жильцам.

Стоит подчеркнуть, что в чинопроизводстве за службу отцов по сути и про являлся традиционный характер московских чинов или так называемый генетический фактор традиционной системы управления. Анализ персональных и массовых назначений позволяет уточнить представления о первых чиновных

⁹⁷ Там же. Д. 7. Л. 1163.

⁹⁸ С марта 1711 г. чинопроизводством в дьяки занимался Сенат. Только в трех случаях за 1711–1725 гг. в дьячество пожаловали по именным указам. См.: Д.О. Серов. *Последние дьяки: из истории реформирования системы гражданских чинов России в первой четверти XVIII в.* «Уральский исторический вестник» 2011, № 3, с. 64–72.

⁹⁹ В жилецком списке 1704 г. из записанных в жильцы в 1700 г. отмечено 414 человек и в том числе 63 человека из бывших 130 подключников. РГАДА. Ф. 210. оп. 3. Д. 69. Л. 77–92 об.; Д. 58. Л. 208–212.

¹⁰⁰ Там же. Д. 60. Л. 193–200 об.; Д. 70. Л. 277–290 об., 324–329 об.

¹⁰¹ В жильцы, которым с «704-го году велено служить в Севском полку» были записаны Е.Н. Ширков, Е.Ю. и Е.Ю. Шеншины. См.: РГАДА. Ф. 210. оп. 3. Д. 69. Л. 108.

петровских новациях, предпринятых с последних лет XVII в. Также неоднозначна и практика пожалований в традиционные чины в годы Северной войны. Указ об отмене старомосковских чинов не имел и малейших шансов состояться при понимании монархом отношения служилой среды к привычным отличиям. Думные и московские чины были заметной вехой жизни человека и надолго оставались в памяти награжденного и его рода. Весомый авторитет этих чинов долгое время сохранялся в среде придворной знати, дьячества и рядовых служилых людей, выходцы из которых испытывали чувство значимости в своих прежних отличиях за службу.

На исходе XVII столетия родовитого происхождения для повышения в боярство оказывалось совершенно недостаточно. И, напротив, повышение думным чином как наградой за службу приобретает характер правила. После Полтавской победы, Петр I, не имея значительного арсенала в выборе чиновных почестей, вернулся к спорадическим пожалованиям престижных чинов, проявив удивительную деликатность к поклонникам «боярской чести». Но, отмечая одиозных придворных, царь изобретательно демонстрировал бесплодность стремлений к чинам Московского царства. Необъятное пространство государевой службы постепенно поглощало условные границы московских чинов, поэтому появились примеры нескольких «шутов», допущенных до чиновных вершин и «соборян», выполнявших нешутовскую административную работу.

При детальном рассмотрении практики последних пожалований думных и московских чинов выясняется, что дихотомия «старое–новое» удобна для восприятия административных новшеств как петровскими, так и нашими современниками. Противопоставление различных практик в чиновной сфере оказалось действенным инструментом пропаганды реформаторского начала. В то же время контраст «старого–нового» затрудняет объяснение «рецидивов» существовавших образцов, инертности настроений поклонников привычных почестей и факта сосуществования нескольких иерархических моделей. Причина сохранения элементов московского чинопроизводства в первой четверти XVIII в. кроется, во-первых, в потребности Петра I отметить легитимным способом службу своих ближайших сотрудников и придворных, и, во-вторых, в привычности традиционных начал для самого царя-реформатора. Система чинопроизводства *Табели о рангах* в действительности не отменяла прежних званий, не задумывалась для умаления московских почестей и принижения заслуг их обладателей. Императивному тону запретов в чиновной сфере была фактически выбрана альтернатива длительных и постепенных политических мероприятий.

Список использованных источников

- РГАДА = *Российский государственный архив древних актов* Ф. 9, 154, 199, 210, 248, 286.
Дворцовые разряды. Т. 3–4. Санкт-Петербург: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1852–1855.
Досифей. Летописец Соловецкий на четыре столетия, от основания Соловецкого монастыря до настоящего времени, то есть с 1429 по 1833 год. 3-е изд. Москва: В Унив. тип., 1833.

Древняя Российская вивлиофика. Изд. Н.И. Новиковым. Ч. 9. Москва: Типография компании типографической, 1789.

ПБ = Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 1. Санкт-Петербург, 1887.

Полное собрание русских летописей. Т. 33: *Холмогорский и Двинской летописцы*. Ленинград: Наука, 1977.

Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. Т. 21. Санкт-Петербург: Печатня В.И. Головина, 1907.

Русский архив. 1865. Изд. 2-е. Москва 1866.

Список военным чинам первой половины 18-го столетия. [В:] *Сенатский архив*. Т. 7. Санкт-Петербург: Типография Правительствующего сената, 1895.

Холмогоровы В. и Г. *Исторические материалы о церквях и селах XVI–XVIII вв.* Вып. 11: *Верейская, Дмитровская и Троицких вотчин десятины (Московского уезда)*. Москва: Изд. Императ. о-ва Истории и Древностей Российских при Моск. ун-те, 1911.

Литература

Абрамов А.А. *Портрет Петра I времени Великого посольства 1697 г.* [В:] *Труды Государственного Эрмитажа*. Т. 70: *Петровское время в лицах: К 400-летию Дома Романовых (1613–2013)*. Санкт-Петербург: Издательство Государственного Эрмитажа, 2013.

Беспярых Ю.Н. *Третье «пришествие» Петра I на Белое море*. [В:] *Архангельск в XVIII в.* Сост. и отв. ред. Ю.Н. Беспярых. Санкт-Петербург: Русско-балтийский информ. центр «БЛИЦ», 1997, с. 31–32.

Богословский М.М. *Петр I. Материалы для биографии*. Т. 4. Москва: Госполитиздат, 1948, с. 243–258.

Грунд Г. *Доклад о России в 1705–1710 гг.* Пер. Ю.Н. Беспярых. Санкт-Петербург: Институт российской истории, 1992.

Желябужский И.А. *Записки*. [В:] *Россия при царице Софье и Петре I: записки русских людей*. Сост., автор вступит. ст., коммент. и указ. А.П. Богданов. Москва: Современник, 1990.

Захаров А.В. *Открывая новые страницы о юности В.Н. Татищева (по документам Разрядного приказа)*. [В:] *Петровское время в лицах. Труды Государственного Эрмитажа*. Санкт-Петербург: Издательство Государственного Эрмитажа, 2008, с. 122–127.

Захаров А.В. *Государев двор Петра I: публикация и исследование источников разрядного делопроизводства*. Челябинск: Челябинский государственный университет, 2009.

Захаров А.В. *«Государев двор» и царедворцы Петра I: проблемы терминологии и реконструкции службы*. [В:] *Правящие элиты и дворянство России во время и после Петровских реформ (1682–1750)*. Ред. Н.Н. Петрухинцев, Л. Эррен, А.В. Доронин. Москва: Российская политическая энциклопедия, 2012, с. 10–44.

Захаров А.В. *Боярин и первый сенатор Иван Алексеевич Мусин-Пушкин на службе и в кругу семьи*. [В:] *Труды государственного Эрмитажа*. Т. 78: *Петровское время в лицах*. Санкт-Петербург: Издательство Государственного Эрмитажа, 2015, с. 229–236.

Котошихин Г.К. *О России в царствование Алексея Михайловича*. 3-е изд. Санкт-Петербург, 1884.

Куракин Б.И. *История о Петре I и ближних к нему людях*. «Русская старина» 1890. Т. 68, № 10.

Лукичев М.П. *Боярские книги XVII века: труды по истории и источниковедению*. Москва: Древлехранилище, 2004.

Медушевский А.Н. *Утверждение абсолютизма в России: сравнительное историческое исследование*. Москва: Текст, 1994.

- Петербург в эпоху Петра I: документ в фондах и коллекциях НИА СПбИИ РАН. Каталог.* Сост. Е.А. Андреева, Т.А. Базарова и др. Ч. 1. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский филиал архива РАН, 2003.
- Письма и бумаги имп. Петра Великого.* Т. 1: 1688–1701. Санкт-Петербург: Гос. тип., 1887.
- Платонов С.Ф. *Из бытовой истории Петровской эпохи. Любимцы Петра Великого: Медведь, Битка и др.* «Известия Академии наук СССР». Серия VI, № 9, с. 655–678.
- Походный журнал 1712 г.* Санкт-Петербург, 1913.
- Руммель В.В., Голубцов В.В. *Родословный сборник русских дворянских фамилий.* Т. 2. Санкт-Петербург: Издание А. С. Суворина, 1887.
- Русский биографический словарь.* Т. 7: *Жабокритский–Зяловский.* Изд. под наблюдением председателя Императорского Русского Исторического Общества А. А. Половцова. Под ред. Е. С. Шумигорского и М. Г. Курдюмова. Санкт-Петербург: тип. Гл. упр. уделов, 1897.
- Седов П.В. *Закат Московского царства: царский двор конца XVII века.* Москва: Дмитрий Буланин, 2006.
- Серов Д.О. *Последние дьяки: из истории реформирования системы гражданских чинов России в первой четверти XVIII в.* «Уральский исторический вестник» 2011, № 3, с. 64–72.
- Серов Д.О. *Администрация Петра I.* Москва: ОГИ, 2007.
- Хоруженко О.И. *Дворянские дипломы XVIII века в России.* Москва: Наука, 1999.
- Юль Ю. *Записки датского посланника в России.* [В:] *Лавры Полтавы.* Москва: Фонд Сергея Дубова, 2001.
- Hughes L. „A Beard is an Unnecessary Burden”: *Peter I’s Laws on Shaving and their Roots in Early Russia.* [В:] *Russian Society and Culture and the Long Eighteenth Century: Essays in Honour of Anthony G. Cross.* Ed. R. Bartlett, L. Hughes. Münster: Lit, 2004.
- Poe M.T. *The Russian Elite in the Seventeenth Century.* Vol. 1–2. Helsinki: Academia Scientiarum Fennica, 2004.
- Zitser E.A. *The Transfigured Kingdom. Sacred Parody and Charismatic Authority at the Court of Peter the Great.* Ithaca and London: Cornell University Press, 2004, с. 96–100.

ПОСТСОВЕТСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ 1917 ГОДА И НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ КОНТЕКСТУАЛИЗАЦИИ. СЛУЧАЙ АНТОНИО ГРАМШИ

НАТАЛЬЯ Г. ТЕРЕХОВА

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
Департамент иностранных языков, Кафедра иностранных языков
ул. Б. Ордынка, д. 47/7 с. 1, 115162, Москва, Россия
e-mail: nterekhova@hse.ru
(получено 6.08.2017; принято 10.09.2017)

Abstract

Post-Soviet Historiography of 1917 and certain problems of contextualization. Antonio Gramsci's Case

A quarter of a century ago, historians gained access to Soviet archives. Consequently, the events of the Revolution of 1917 finally received a comprehensive unbiased coverage by Russian scholars. The success of this work is impressive, but it also sets new tasks including the contextualization of the activities of foreign communists in Soviet Russia after the Bolsheviks came to power and established the Comintern. Among these figures was the famous and very popular Italian Antonio Gramsci.

Key words

Russian Revolution 1917, Post-Soviet Historiography, Comintern, “Philosophy Steam-er” 1922, Show Trial under Lenin, Bolshevik’s Persecution of Religion, Antonio Gramsci.

Резюме

Четверть века назад историки получили доступ к советским архивам. Благодаря этому события Революции 1917 года наконец получили всестороннее непредвзятое освещение со стороны российских ученых. Успех этой работы впечатляет, но и ставит новые задачи, в том числе по осмыслению и контекстуализации деятельности иностранных коммунистов в Советской России после того, как большевики пришли к власти и учредили Коминтерн. К числу таких фигур принадлежит ставший знаменитым и весьма популярным итальянец Антонио Грамши.

Ключевые слова

Русская революция 1917 года, постсоветская историография, Коминтерн, «философский пароход», суд над эсерами в 1922 году, гонения большевиков на церковь, итальянский коммунист Антонио Грамши.

Нынешний год богат на юбилеи, среди которых нельзя не упомянуть 500 лет тезисам Мартина Лютера, 100 лет Октябрьской революции, 80 лет началу сталинских репрессий. Читатель, несомненно, добавит другие значимые события, по нашему мнению в этом же ряду стоит годовщина смерти Антонио Грамши, скончавшегося в апреле 1937 г. вскоре после освобождения из многолетнего заключения в фашистских застенках¹. Интерес к идеям этого итальянского мыслителя, к его наследию растет во многих странах мира, особенно в Италии, в Бразилии, в Мексике, в США², но мало затрагивает Россию, хотя связь его с этой страной – тема большая, полная неожиданных поворотов, насыщенная перспективной, актуальной проблематикой. Фигура этого политического деятеля неотделима от социалистической культуры первой четверти XX века, от распространения марксизма в Европе и в мире, от революционных событий 1917 года в России и их последствий для деятельности левых сил за пределами страны. Два аспекта, таким образом, необходимо учитывать при постановке проблемы, заявленной в заголовке – значительное, многократное расширение источниковой базы по событиям и процессам этого периода, а также по главным

¹ А. Грамши родился на о. Сардиния в 1891 г.

² Работы на итальянском языке, посвященные А. Грамши, его идейному наследию выходят ежегодно и исчисляются десятками. См.: Eric J. Hobsbawm *Gramsci in Europa e in America*. Bari: Laterza, 1995. Среди недавних наибольший резонанс вызвали: M. Canali. *Il tradimento. Gramsci, Togliatti e la verità negata*. Venezia: Marsilio, 2013; G. Fabre. *Lo scambio. Come Gramsci non fu liberato*. Palermo: Sellerio Editore, 2015; N. Ghetti. *La cartolina di Gramsci: A Mosca, tra politica e amori, 1922–1924*. Roma: Donzelli Editore; Sagine, 2016. См. также на английском языке: A. Pearmain. *Gramsci in Love*. Winchester, Washington: Top Hat Books, 2015; P. Thomas. *Gramsci and the Intellectuals: Modern Prince versus Passive Revolution*. [B:] *Marxism, Intellectuals, and Politics*. Ed. by David Bates. London: Palgrave Macmillan, 2007; *Perspectives on Gramsci: Politics, Culture and Social Theory*. Ed. by J. Francese. New York, Routledge, 2009..

действующим лицам этой исторической драмы, прежде всего, следует уделить внимание инициатору, организатору, теоретику и руководителю партии большевиков – В.И. Ленину.

Октябрьская революция стала для Грамши манящей целью, направлением, стимулом, идеологией, смыслом деятельности, отправной точкой развития, этому событию посвящены многие страницы его работ³. Знакомство ставшего туринским журналистом выходца из Сардинии с представителями партии большевиков произошло еще до событий судьбоносной осени 17-ого года. В промышленной столице Италии, где к тому времени были построены, став значительным фактором экономического развития, заводы ФИАТа, в левой прессе работал большевик, уроженец города Лодзь Арон Визнер. Именно он организовал в 1919 году встречу Антонио Грамши с «товарищем Деготем», бывшим одним из самых доверенных, близких В.И. Ленину эмиссаров только что организованного Третьего Интернационала, посланных в Европу с поручением поддержать единомышленников⁴. Спустя годы Владимир Деготь подробно рассказал о своих встречах с итальянскими социалистами в нескольких книгах воспоминаний, изданных в Советской России, современные российские исследователи также уделили внимание этой фигуре в своих работах⁵.

В течение последующих полутора лет Грамши популяризировал на страницах возглавляемой им туринской газеты «Ордине нуово» опыт большевиков, публиковал присланные из Москвы статьи и материалы. Вскоре ему довелось приехать в столицу первого в мире государства «диктатуры пролетариата». С мая 1922 г. по январь 1923 г. он жил в специально отведенной для иностранных коммунистов гостинице «Люкс» в центре города. Здесь же в Москве произошли важнейшие события его профессиональной жизни, что подтверждает, в частности, мемориальная доска на фасаде здания возле Кремля, где располагались кабинеты сотрудников различных комиссий Коминтерна⁶. Грамши состоял в нескольких из них, об этом рассказывают протоколы заседаний, изданные после того, как бывшие советские архивы стали доступны исследователям. Истории и деятельности этого учрежденного в начале 1919 году органа мировой революции, российские ученые за последние четверть века посвятили большое

³ A. D'Orsi. *Gramsci. Una nuova biografia*. Milano: Giangiacomo Feltrinelli, 2017; N. Terekhova N. *L'Ottobre in Italia: Serrati, Bordiga, Gramsci*. [B:] *1917 Ottobre Rosso. La Rivoluzione russa: i fatti, i protagonisti, il mito*. A cura di A. Carioti. Milano: Corriere della sera, 2017.

⁴ Сайт "Russi in Italia" [Русские в Италии]. [Online:] <www.russinitalia.it>; S. Caprioglio. *Un "compagno polacco" citato da Gramsci*. «Rinascita», 13 марта 1965 г.; он же: *Aron Wizner, un collaborator di Gramsci al "Grido del popolo"*. [B:] *Mezzosecolo. Materiali di ricerca storica. Annali 1975*, Torino: Guanda, 1976, с. 103–116; A. Venturi. *L'emigrazione russa in Italia 1917–1921*. Milano: Feltrinelli, 1979; Я. Леонтьев. *Группа «русских большевиков» в Италии и эмиссары Коминтерна 1917–1922*. [B:] *Русские в Италии: культурное наследие эмиграции*. Сост., науч. ред. М. Г. Талая. Москва: Русский путь, 2006, с. 53–95.

⁵ М. Пантелеев. *Агенты Коминтерна. Солдаты мировой революции*. Москва: Яуза; Эксмо, 2005.

⁶ Мемориальная доска А. Грамши размещена рядом с памятным знаком его венгерскому коллеге Бела Куну, расстрелянному в 1938 г.

количество документальных исследований⁷, сконцентрировав внимание как на руководителях, так и на организационной структуре Третьего Интернационала, а также на его отдельных секциях по регионам – Латинская Америка, Африка, Средний и Ближний Восток, Балканы, и по странам – Германия, Финляндия, Испания, Китай, Вьетнам, Япония.

Во время своего пребывания в стране Советов Грамши довелось посетить также Петроград и знаменитый «город невест», русский центр текстильной промышленности Иваново-Вознесенск, где первая фабрика была организована в далеком 1742 г., а первая забастовка прошла в 1871 г. Спустя годы, в 1885 г. рабочим удалось камнями остановить казаков, присланных губернатором, и добиться повышения зарплат на 5 %. В 1905 г. в Иваново-Вознесенске был избран первый Совет рабочих депутатов. Грамши же приезжал туда спустя 17 лет в связи с очень непростой политической ситуацией, после недавно подавленного выступления рабочих местных предприятий против нового режима. Во время этих поездок его сопровождала дочь близкого знакомого «вождя мирового пролетариата» Юлия Шухт. Девушка прекрасно владела итальянским языком, т.к. в юности жила с семьей в Италии и Швейцарии, помогала Антонио в качестве переводчика, а впоследствии стала матерью его детей. По причинам, изложенным в книге внука, полного тезки итальянского политика⁸, Юлия не поехала жить в Италию, и вскоре была навсегда разлучена со своим гражданским супругом. Эта разлука способствовала тому, что нить, связывавшая Грамши с Россией стала еще крепче, обретя помимо идеологической составляющей, романтическую, семейную, что нашло отражение в коллекции писем (частично опубликованных на русском языке Цецилией Кин во время краткого периода хрущевской «оттепели»).

Когда в ноябре 1926 года после вступления в силу закона Муссолини о запрете деятельности оппозиционных партий, избранный в 1924 году депутатом парламента Грамши был арестован, рядом с ним была, поддерживала его и помогала ему свояченица (сестра жены) Татьяна, ставшая ему верным и надежным другом, что подтверждает их обширная переписка⁹.

Внук Грамши подробно, в деталях восстановил перипетии жизни русско-итальянской семьи, в которой, по его словам, «царил матриархат». Автор рассказал о сложных межличностных, внутрисемейных отношениях с преобладающей, доминирующей ролью женщин, начало которым положила «стальная» рево-

⁷ А.Ю. Ватлин, Ф.И. Фирсов. *Бухарин и Коминтерн*. «Рабочий класс и социальный прогресс». Москва, 1990, с. 251–282; А.Ю. Ватлин. *Троцкий и Коминтерн (1923–1933)*. Москва: Знание, 1991; А.Ю. Ватлин. *Коминтерн: первые десять лет*. Москва: Россия молодая, 1993; Г.М. Адибеков, Э.Н. Шахназарова, К.К. Ширина. *Организационная структура Коминтерна. 1919–1943*. Москва: РОССПЭН, 1997; *История Коммунистического Интернационала. Документальные очерки 1919–43*. Под ред. А.О. Чубарьяна. Москва: Наука, 2002; *Политбюро ЦК РКП б-ВКП (б) и Коминтерн 1919–43. Документы*. Москва: РОССПЭН, 2004. [Online:] <http://militera.lib.ru/docs/da/politburo_komintern/index.html> (12.08.2017).

⁸ A. Jr. Gramsci. *La storia di una famiglia rivoluzionaria*. Roma: Editori Riuniti, 2014.

⁹ А. Грамши. *Письма из тюрьмы*. Москва: Издательство по историческим наукам, 1957 (2016).

люционерка Евгения, сестра двух вышеупомянутых женщин. С ней Антонио познакомился вскоре после приезда в Россию в санатории в Серебряном Бору, и, согласно недавнему исследованию, опубликованному в Италии, был влюблен и любим¹⁰. Евгения – особенная, но, в то же время, типичная для России конца XIX – начала XX вв. эмансипированная, увлеченная политикой девушка. Много было в тот период образованных, радикально настроенных женщин, активно занимавшихся революционной деятельностью.

Евгения работала под началом Надежды Крупской, супруги Ленина, которой после прихода большевиков к власти был доверен важный идеологический участок, – народное образование, борьба с неграмотностью и организация работы по воспитанию молодежи. Это всего лишь гипотеза, но представляется вероятным, что именно Евгения Шухт повлияла на изменение политической роли Антонио Грамши. Вполне очевиден момент, когда он, будучи одним из нескольких руководителей созданной в январе 1921 года при поддержке Интернационала Коммунистической партии Италии¹¹, приобрел особую роль, став “il capo”, т.е. «начальником, руководителем». Это произошло после визита Грамши в Кремль, состоявшегося 25 октября 1922 года в 18.00 по приглашению лидера большевиков В.И. Ленина. Известно, что во время этой встречи два политика при помощи переводчика обсуждали проблемы итальянского Юга, усиление фашизма в Италии¹², а также ситуацию в итальянской социалистической партии и возможность ее слияния с ИКП согласно замыслу руководителей Третьего Интернационала¹³. Беседа продолжалась два часа и имела значительные последствия для итальянского политического деятеля. К сожалению, сайт международного Общества изучения наследия Грамши International Gramsci Society в хронологической биографии не упоминает об этой встрече, в то время как аккуратно указан день, когда Грамши познакомился с Юлией Шухт.

Из Советской России Грамши отправился в Вену, где встречался с известной социалисткой Анжеликой Балабановой, стоявшей у истоков Коминтерна. Эволюция ее политических взглядов была стремительной, Балабанова спустя два года с трудом вырвалась из страны, управляемой большевиками, методы которых она не разделяла после подавления Кронштадского восстания¹⁴, когда были расстреляны моряки, требовавшие вернуть Советам власть, узурпированную партией. Из-за своей позиции относительно судьбы и роли лидера итальянских социалистов Джачинто Менотти Серрати бывшая сторонница Ленина при выезде из страны была предупреждена о том, что ей запрещено когда-ли-

¹⁰ M.L. Righi. *Gramsci a Mosca tra amori e politica (1922–23)*. “Studi storici” 2011, № 4, с. 1015.

¹¹ ИКП после Второй мировой войны стала самой крупной и весьма влиятельной в Западной Европе и в соцлагере партий.

¹² Знаменитый марш на Рим, после которого Бенито Муссолини возглавил правительство, состоялся через несколько дней, в конце октября 1922 г.

¹³ Подробнее о деятельности ИСП см.: В.П. Любин. *Социалисты в истории Италии. ИСП и ее наследники 1892–2006*. Москва: Наука, 2007.

¹⁴ *Кронштадтская трагедия 1921 года: документы (в 2-х тт.)*. Сост. И.И. Кудрявцев. Москва: РОССПЭН, 1999.

бо «высказываться устно или письменно по итальянскому вопросу»¹⁵. Встреча с Балабановой была нужна Грамши для получения разрешения на пребывание в европейской стране, где у видной деятельницы международного социалистического движения были хорошие связи в правительственных кругах, при этом он скептически отзывался о ней в письмах к жене.

Крупнейшим экспертом по Грамши в России является Ирина Владимировна Григорьева. Первое ее выступление состоялось в далеком 1968 году на конференции советских и итальянских историков. Затем она участвовала во всех грамшианских встречах: в 1977 году во Флоренции, в 1987 году – в Москве, в 1997 году – в Кальяри, а десять лет спустя в круглом столе в Москве (2007 г.). Доклады, сделанные участниками десять лет назад, к сожалению, до сих пор не напечатаны. Тем не менее, И.В. Григорьева выступила тогда по ранее не затрагивавшейся исследователями проблематике: *Грамши, проблема тоталитаризма и советская реальность 20-х и 30-х годов*. С тех пор публичные мероприятия, посвященные ему, в России не проводились, тем не менее, думается, что тема, поднятая профессором Григорьевой в 2007 г., заслуживает внимания и дальнейшей разработки.

Находясь в Советской России без знания местного языка, будучи окруженным большевиками на заседаниях в Коминтерне, в гостинице «Люкс», в спецстоловой, в спецсанатории, в персональной машине с водителем и в семье, Грамши следовал в своей перцепции незнакомой страны и окружавшей его действительности исключительно линии партии, находившейся у власти. Известно, что иностранным работникам Коминтерна было запрещено вступать в контакт с местным населением, об этом свидетельствует сын одного из многолетних руководителей Третьего Интернационала Осипа Пятницкого, расстрелянного в 1938 г.¹⁶. В письмах или заметках, написанных в заключении, не встречаются упоминания о том, что Грамши самому приходилось ездить в трамвае, нанимать извозчика, стоять в очереди за продуктами, разговаривать на улицах с солдатами, с крестьянами на рынке, общаться со студентами или рабочими кроме случаев специально организованных мероприятий, предполагавших его заранее подготовленные выступления с трибуны перед активом предприятий (в Иваново-Вознесенске). При этом необходимо учесть, что 27 октября 1917 года был введен тотальный запрет для небольшевистской печати, около четырехсот газет было закрыто сразу в течение двух недель, поэтому, даже если бы иностранец читал и понимал по-русски, он не смог бы воспользоваться альтернативными источниками информации. В связи с этим возникает вопрос: а было ли его восприятие новой русской действительности точным? Было ли оно объективным, поскольку сведения, которые до него доводились, были специальным образом отобраны, отцензурированы аппаратом Коминтерна, а в близком дружеском, семейном кругу обмен мнениями проходил под контролем «стальной» Евгении?

¹⁵ А. Балабанова. *Моя жизнь – борьба. Мемуары русской социалистки 1897–1938*. Москва: Центрполиграф, 2007.

¹⁶ В. Пятницкий. *Осип Пятницкий и Коминтерн на весах истории*. Минск: Харвест, 2004.

Что было известно Грамши о реальных событиях, происходивших в то время в стране, в столице, в деревне?

После открытия бывших советских архивов в 1991 году, у исследователей, наконец, появилась возможность попытаться контекстуализировать пребывание Антонио Грамши в «советистской» (как он ее называл) России.

Период 1922–1923 годов был очень важным для новой власти, именно тогда был осуществлен разгром трех ключевых противников, к которым большевики причисляли Православную церковь, независимую интеллигенцию и политическую оппозицию. В феврале 1922 года В.И. Ленин подписал декрет, положивший начало процессу конфискации ценностей, принадлежавших церкви¹⁷ (речь не шла о золотых слитках или монетах, изымались предметы культа – оклады икон, кресты, серебряные цепочки и т.п.). Эти мероприятия обосновывались необходимостью сбора средств на борьбу с голодом, бушевавшим в стране, сопровождалась репрессиями против служителей храмов и прихожан, разрушениями иконостасов, арестами и расстрелами.

Жаркие месяцы того же года (1922) оказались судьбоносными для интеллектуальной элиты страны, став необратимой катастрофой, известной в историографии как «философский пароход». Необходимо упомянуть детальные исследования российских историков, которые посвятили свои недавние работы этому трагическому сюжету¹⁸, а также изданный в 2010 году том *Остракизм побольшевистски. Репрессии против политических оппонентов в 1921–1924 гг.*¹⁹, насчитывающий более 800 страниц исторических документов. В течение двух месяцев была приведена в исполнение задуманная Лениным операция по принудительной эмиграции лучших представителей науки, медицины, юриспруденции. Видные философы, экономисты, профессора университетов, литераторы, историки, адвокаты были под конвоем погружены на пароходы и высланы

¹⁷ Н.Н. Покровский. *Политбюро и Церковь. 1922–1923*. «Новый мир» 1994, № 8; Я.Н. Шапов (ред.). *Русская Православная церковь и коммунистическое государство 1917–1941. Документы и фотоматериалы*. Москва Библейско-Богословского института, 1996; М. Данилушкин и др. *История Русской Православной Церкви. Новый патриарший период. 1917–1970*. Т. 1. Санкт-Петербург: Воскресение, 1997; Политбюро и церковь. Архивы Кремля. В 2-х кн. Москва – Новосибирск, 1997.

¹⁸ А.В. Квакин. *Осмысление «философского парохода» 1922 года (к 80-летию административной высылки большевиками значительной группы видных российских интеллигентов*. [В:] *Толерантность и власть: судьбы российской интеллигенции*. ред. М.Е. Главацкий. Пермь: Пермский региональный институт педагогических информационных технологий, 2002, с. 20–26; В.Г. Макаров, В.С. Христофоров (сост, авт. вст.ст.). *Высылка вместо расстрела: Депортация интеллигенции в документах ВЧК-ГПУ 1921–1923*. Москва: Русский путь, 2005; «Очистим Россию надолго...» *Репрессии против инакомыслящих. Конец 1921 – начало 1923 гг.: Документы*. Москва: МФД Материк, 2008; В.Г. Макаров. *Историко-философский анализ внутривластной борьбы начала 1920-х годов и депортация инакомыслящих из Советской России*. Москва: Русский путь, 2010.

¹⁹ *Остракизм побольшевистски: Преследования политических оппонентов в 1921–1924 гг.* Сост., предисл. В. Г. Макаров, В.С. Христофоров. Коммент. В.Г. Макаров. Москва: Русский путь.

за рубежи своей Родины. Библиография на русском языке по этой теме обширна, сами высланные оставили бесценные свидетельства (мемуары известного итальяниста Михаила Осоргина были опубликованы в Париже в 1955 г., а на русском языке они увидели свет лишь в 1994г.). Работа другого вынужденного эмигранта крупного историка Сергея Мельгунова вышла в Германии в 1924 году, в СССР – в 1990г., а в Италии совсем недавно – в 2010 г.

После крушения СССР и последовавшего за ним открытия архивов значительные объемы источников и документов, рассказывающих о сложном периоде 1917–1924 годов, – о Гражданской войне, о значительной роли крестьянства в сопротивлении новой власти увидели свет в России²⁰. Большой интерес вызвали работы по экономической истории этого периода, в которых, согласно авторам, Россия представляла собой более или менее здоровую жизнеспособную страну со значительным потенциалом, вполне способную к постепенному прогрессу, к эволюционному развитию общественных институтов, к устойчивому экономическому и социальному развитию. Мнение большинства современных российских историков значительно отличается от марксистской точки зрения, которой придерживался, в том числе и Грамши, о том, что экономика России в результате Первой мировой войны была полностью разрушена, находилась в упадке.²¹

Начавшаяся четверть века назад новая страница в истории России дает возможность ответить на вопрос: что изменилось с прекращением власти монополюсальной коммунистической идеологии в восприятии наследия Грамши? Его самое знаменитое сочинение, написанное в заключении, – *Тюремные тетради*, было переведено на русский язык в 1957 г., но не полностью, а только четверть всего объема. На русском языке увидели свет и другие его произведения, последнее из них – в 1991 г. Около двадцати переводчиков, среди которых сама Евгения Шухт, занимались в XX веке текстами Грамши.

Однако в XXI веке приходится констатировать слабый интерес читателей и издателей к этой фигуре. Фундаментальный библиографический труд «Италия кириллицей» приводит все изданные в России и СССР переводы с итальянского

²⁰ В.П. Булдаков. *Исторические метаморфозы «Красного Октября»*. [В:] *Исторические исследования в России. Тенденции последних лет*. Под ред. Г.А. Бордюгова. Москва: Аиро XXI, 1996; С.А. Павлюченков. *Военный коммунизм в России. Власть и массы*. Москва: РКТ, 1997; В.М. Бухараев, Д.И. Люкшин. *Крестьяне России в 1917 году. Пиррова победа «общинной революции»*. [В:] *1917 в судьбах России и мира*. Москва: ИРИ РАН, 1998; В.В. Кондрашин. *Крестьянское движение в Поволжье в 1918–1922 гг.* Москва, 2001; Д.И. Люкшин. *Вторая русская смута: крестьянское измерение*. Москва: Аиро XXI, 2006; А.А. Куреньшев. *Крестьянские военно-политические организации России. Повстанчество. 1918–1922*. Москва: Компания Спутник Плюс, 2010; *Гражданская война в России: энциклопедия катастрофы*. Сост. и отв. ред.: Д.М. Володихин, научн. ред. С.В. Волков. Москва: Сибирский цирюльник, 2010.

²¹ А. Маркевич, М. Харрисон. *Первая мировая война. Гражданская война и восстановление: национальный доход России в 1913–1928 гг.* Москва: Мысль, 2013; Б.Н. Миронов. *Российская империя: от традиции к модерну*. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2014; М.А. Давыдов. *Двадцать лет до Великой войны. Российская модернизация Витте-Столыпина*. Санкт-Петербург: Алетейя, 2016.

языка на русский с 1913 г. в течение ста лет, по 2013 год. В разделе «Философия» имя Грамши встречается лишь однажды в связи с работой *Записки по педагогике*. Итальянские составители признают в предисловии: «в списке переведенных на русский язык книг по философии поражает значительное присутствие таких имен как Антонио Менегетти, Юлиус Эвола рядом с Джованни Джентиле и Чезаре Ломброзо. Для Италии это неоднозначные имена, но в Санкт-Петербурге Менегетти в 2004 г. учреждает кафедру онтопсихологии в Государственном университете, из работ Эволы в последние годы были переведены и опубликованы шесть книг. Имена Эволы и Менегетти подтверждают со всей очевидностью то, что перевод является чрезвычайно важным индикатором сложного взаимодействия двух культур, при котором получающая культура может следовать совершенно иным предпочтениям, чем те, что преобладают в исходной культуре»²².

Представляется оправданным более осторожное отношение к утверждениям о полном понимании и знании особенностей реальной русской действительности периода становления советской власти со стороны Грамши: его впечатления в период пребывания в стране акритичны, неотделимы от идеологизированной, мифологизированной картины, над созданием которой работала мощная машина советской пропаганды. После 1926 года, во время заключения доступ к информации был ограничен, хотя известно, что ему хоть и с перебоями, обусловленными цензурой задержками, все-таки доставлялась по запросу необходимая литература и периодика. Тем не менее, в итальянской историографии, философии и публицистике, во всем, что связано с особенностями становления и развития нового режима в России утверждения Грамши считаются весьма авторитетными, экспертными, несмотря на огромный пласт новых материалов, введенных в научный оборот и в общественный дискурс за минувшую четверть века. Остается признать справедливость слов, сказанных последним советским послом в Риме А.Л. Адамишиным в сентябре 2013 г. во время выступления на конференции в МГУ им. Ломоносова: «Италия и Россия должны больше изучать друг друга, честно говоря, мы мало друг друга знаем». И, думается, истоки такого взаимного восприятия следует искать на заре «короткого века». Некоторые историки этот феномен уже отметили, объяснив причины появления лагун и недостаточной информированности, отличавших итальянскую дипломатию и печать накануне и во время Октябрьской революции (Дж. Петракки)²³. После событий поздней осени 1917 г. итальянское посольство возобновило работу в Москве лишь в 1924 году с признанием Советского Союза со стороны правительства Муссолини, когда, по словам Серджио Романо²⁴, было дано начало «дружеским отношениям, связавшим обе страны между двумя [мировыми – прим. авт.] войнами»²⁵.

²² S. a cura di Pavan. *Italia in Cirillico*. Verona: Conoscere Eurasia Edizioni, 2013.

²³ G. Petracchi. *Da San Pietroburgo a Mosca: la diplomazia italiana in Russia, 1861–1941*. Roma: Bonacci, 1993.

²⁴ Посол Италии в СССР с 1985 по 1989 гг.

²⁵ В своем обзоре истории двусторонних отношений С. Романо деликатно умолчал о 22 июня 1941 г., когда Муссолини вступил в войну на стороне Гитлера и осуществил оккупацию со-

Политические круги Италии также отличала скудная осведомленность о происходивших в России событиях и процессах, историк Этторе Чиннелла недавно писал в связи с этим:

«Нельзя сказать, что итальянские социалисты накануне революции следили за политической жизнью в России. Не хватало информации о социалистическом движении, об особенностях, о внутренних дискуссиях (первоначально между эсерами и социал-демократами, а затем внутри русской социал-демократии). Прежде всего, была совершенно непонятна и казалась абсолютно неоправданной беспощадная полемика между большевиками и меньшевиками. Все социалисты в Европе и в Италии ненавидели тиранию царя и симпатизировали оппозиционным движениям».

Тем не менее, в знаменитый процесс против эсеров, членов крупнейшей с середины 90-х годов XIX в. партии в России, получившей большинство на выборах в разогнанное большевиками в январе 1918 года Учредительное собрание²⁶, Грамши был вовлечен непосредственно. Власти привлекли к процессу многих находившихся тогда в Москве представителей иностранных компартий. Антонио была уготована роль защитника эсерки Лидии Коноплевой, неоднозначной фигуры, игравшей в процессе новейшим исследованиям провокационную роль. С окончанием советской власти появилась возможность познакомиться с документами, протоколами, заявлениями, с подробными стенограммами этого демонстративного мероприятия, получившего в современной историографии название «суд без суда»²⁷. Теперь степень участия вовлеченных в него лиц изучена российскими историками в малейших подробностях²⁸. Результаты их трудов опубликованы ведущим российском издательством «Росспэн».

Известно, что Грамши высоко ценил теоретические работы и практическую деятельность лидера большевиков В.И. Ленина, считал его максималистом и якобинцем, «деятельным, эффективным политиком, способным перевести марксизм из теории в практику, взять от этого учения все необходимое для преобразования мира»²⁹. Итальянский коммунист оправдывал революционной целесообразностью чрезвычайные меры, предпринимаемые большевиками. Тем временем вождь мирового пролетариата давал следующие, опубликованные в советское время в полном собрании сочинений, указания:

«война не на жизнь, а на смерть богатым и прихлебателям, буржуазным интеллигентам... с ними надо расправляться, при малейшем нарушении... В одном месте посадят в тюрьму... В другом – поставят их чистить сортиры. В третьем – снабдят их, по отбытии карце-

ветских территорий итальянскими войсками. См.: http://archivistorico.corriere.it/2006/febbraio/22/Italia_Urss_alti_bassi_tra_co_9_060222088.shtml

²⁶ Л.Г. Протасов. *Учредительное собрание: история рождения и гибели*. Москва: РОССПЭН, 1987.

²⁷ М. Янсен. *Суд без суда, 1922 год: показательный процесс социалистов-революционеров*. Москва: Возвращение, 1993.

²⁸ К.Н. Морозов. *Судебный процесс социалистов-революционеров и тюремное противостояние 1922–1926: этика и тактика противоборства*. Москва: РОССПЭН, 2005.

²⁹ G. Liguori, P. Voza a cura di, *Dizionario gramsciano*. Roma: Carocci, 2009, с. 457.

ра, желтыми билетами... В четвертом – расстреляют на месте... Чем разнообразнее, тем лучше, тем богаче будет общий опыт...»³⁰

или перечисленные в телеграмме от 9 августа 1918 г.: «Пенза, Губисполком. ...провести беспощадный массовый террор против кулаков, попов и белогвардейцев; сомнительных запереть в концентрационный лагерь вне города».³¹

С крушением советского строя ведущим историкам и философам была предоставлена возможность первыми в составе специальной комиссии ознакомиться с рассекреченными документами архивного фонда основателя советского государства. И, как признавался один из членов специальной комиссии, увиденное и прочитанное вызвало у него, человека с солидной гуманитарной подготовкой, оторопь. Рассекреченные материалы представляли вождя мирового пролетариата не просто чрезвычайно жестоким человеком, но настоящим «человеконенавистником». Вот выдержки из некоторых из его телеграмм, засекреченных при советской власти:

«...Прекрасный план! Доканчивайте его вместе с Дзержинским. Под видом „зелёных“ (мы потом на них свалим) пройдем на 10—20 вёрст и перевешаем кулаков, попов, помещиков. Премия: 100.000 р. за повешенного...»³²

«...Можете ли вы еще передать Теру, чтобы он всё приготовил для сожжения Баку полностью, в случае нашествия, и чтобы печатно объявил это в Баку».³³

«Товарищам Кураеву, Бош, Минкину и другим пензенским коммунистам.

Товарищи! Восстание пяти волостей кулачья должно повести к беспощадному подавлению. Этого требует интерес всей революции, ибо теперь взят «последний решительный бой» с кулачем. Образец надо дать. Повесить (непреренно повесить, дабы народ видел) не меньше 100 заведомых кулаков, богатеев, кровопийц. Опубликовать их имена. Отнять у них весь хлеб. Назначить заложников – согласно вчерашней телеграмме. Сделать так, чтобы на сотни верст кругом народ видел, трепетал, знал, кричал: душат и задушат кровопийц кулаков. Телеграфируйте получение и исполнение. Ваш Ленин».³⁴

В советской историографии было принято считать, что белый террор в стране начался летом 1918 года, а красный – после выхода постановления Совнаркома в сентябре того же года в качестве ответной меры. Современные российские историки придерживаются теперь иной точки зрения, они связывают

«начало красного террора с убийством царской семьи, с призывом Ленина к проведению террора в Петрограде в ответ на убийство Володарского, с резолюцией ВЦИК 29 июля 1918 г. о проведении массового террора против буржуазии, с тем, что террор составлял сущность советской системы, и до августа 1918 г. проводился фактически, а с 5 сентября 1918 г. – официально. ...Советские декреты либо фиксировали то, что уже происходило,

³⁰ В.И. Ленин. *Как нам организовать соревнование? Полное собрание сочинений*. Т. 35. Москва: Политиздат, с. 200, 201, 204.

³¹ В.И. Ленин. *Полное собрание сочинений*. Т. 50. Москва: Политиздат, с. 143–144.

³² А.Л. Литвин. *Красный и Белый террор в России в 1917–1922 годах*. Москва: Эксмо, 2004.

³³ Рукописное распоряжение В.И. Ленина председателю Бакинской Чрезвычайной Комиссии (ЧК) С. Тер-Габриэлянцу. Цит по кн.: Д.А. Волкогонов. *Ленин. Политический портрет*. В 2-х кн. Москва: АСТ, 1998.

³⁴ А.Г. Латышев. *Рассекреченный Ленин*. Москва: МАРТ, 1996, с. 57.

либо инициировали ускорение того, что, по мнению властей, замедляло свой ход. Среди причин, обусловивших победу большевизма в стране, были: нетерпимая к инакомыслию идеология, отвечающая сиюминутным чаяниям нищей массы, требующей социальной справедливости; право руководства распоряжаться кадрами, привилегиями, организацией властей, жестокий террор. Большевикам удалось создать иллюзорное представление о справедливой уравнительности, уверить большинство населения в том, что оно получит землю, хлеб, мир. Реалией стали война, голод, реквизиции и террор»³⁵.

Российские историки подсчитали, что в стране за период 1917–1922 гг. погибло более 15 млн. человек, из них 1,3 млн. стали в 1918–1920 гг. жертвами массовых репрессий, бандитизма, погромов, пыток, расстрелов, участия в крестьянских выступлениях и их подавления³⁶. По признанию одного современных российских исследователей «с тех пор, когда естественным течением вещей было отменено значение октябрьских событий семнадцатого года как нового пришествия, как главного рубежа в прошлой и грядущей истории человечества на пути к обществу свободы и справедливости, ... рассыпался тот краеугольный камень, на котором стояла отечественная историография»³⁷.

Многие историки называют переворот в октябре 1917 г. леворадикальной революцией, отмечают его *квазиглобальный* характер, отмечают присущую ему ошибочность

«расчетов на цепную реакцию пролетарских революций по всему миру. Будучи в качестве последователей Маркса *интенциональными*, теоретическими глобалистами, большевики стали первой политической силой, которая стремилась руководствоваться глобальными идеями и схемами на практике. Абсолютные цели требовали доктринальной абсолютизации... Классовые интересы чаще всего понимались как решающая детерминанта человеческого поведения, их сцепляющая функция переоценивалась, а внутриклассовые различия, как и межклассовые компромиссы недооценивались»³⁸.

Большевики преувеличивали степень радикализации масс не только в Европе, но и в самой России. Тем не менее, по мнению российских исследователей в тот момент «векторы деструктивной активности большевиков и радикализованных масс совпали, но они самым негативным образом проявились в последующие годы, когда формировалось новое общество».

В виду низкого уровня «революционного» сознания большинства населения революционерам, движимым «непродуктивной бескомпромиссностью», «ошалелостью буревестника» («пусть сильнее грянет буря»; «чем хуже – тем лучше»), приходилось прибегать к репрессивным методам и командно-мобилизационным практикам. Уже в годы Гражданской войны объектами репрессий стали представители не только привилегированных («эксплуататорских») классов,

³⁵ А.Л. Литвин. *Красный и Белый террор в России...*

³⁶ А.Л. Литвин. *Красный и Белый террор в России...*

³⁷ С.А. Павлюченков. *Военный коммунизм – в плену большевистской доктрины*. [В:] *Исторические исследования в России. Тенденции последних лет*. Г.А. Под ред. Бордюгова. Москва: Аиро XXI, 2013, с. 222–238.

³⁸ Ю.И. Игрицкий. *Революции 1917 года: уроки для радикалов, либералов и консерваторов*. «Вопросы истории», 2008, № 5.

но крестьяне и сами рабочие, от имени которых действовали большевики (расстрелы в Астрахани, Царицыне, на Урале...).

В феврале 1917 г. партия ВКП (б) насчитывала 24 тысячи членов, ликовавших по случаю падения самодержавия, и в те месяцы они были не более радикальны, чем меньшевики и эсеры, все они были настроены работать в режиме двоевластия.

По мнению историка Ю.И. Игрицкого «своими Апрельскими тезисами резко сдвинул партию влево. Как вспоминал Ф. Раскольников, встречавший возвращавшегося из эмиграции Ленина на подъезде к Петрограду, его речь на площади Финляндского вокзала с призывом к борьбе против Временного правительства «произвела целую революцию в сознании партии». Непримируемость Ленина и Троцкого не позволила достичь межпартийного политического компромисса на Демократическом совещании в сентябре 1917 г., сорвав возможность формирования даже однородного социалистического правительства... что стало решающим в судьбах российской демократии»... Осенью 250–300 тыс. членов большевистской партии отличал «куда более боевой, неуступчивый и властолюбивый» подход, приведший к длительной и кровопролитной гражданской войне, «губительно повлиявшей на дальнейший ход российской истории»³⁹.

Под углом зрения получившей в настоящее время широкое распространение социальной психологии и антропологии рассматривает этот период признанный ведущим специалистом по проблемам Великой русской революции историк В.П. Булдаков. По его мнению, марксизм, в качестве квазирелигии, соответствовал «структуре перевозбужденного синкретического сознания» населения. Он считает, что «в 1917 г. произошел спонтанный вброс примордиалистских представлений в псевдоклассовую среду»⁴⁰. Представляется, однако, что упомянутый «вброс» не был таким уж спонтанным. Агитация большевиков среди солдатской массы, состоявшей из крестьян, торопившихся оставить фронт и успеть домой к дележу земли, была чрезвычайно энергичной, а пропаганда – весьма талантливой.

Таким образом, ни о какой апологии октябрьских событий и последовавших за ними массового террора и гражданской войны в рамках широкого общественного дискурса говорить не приходится, при этом в зону отторжения и критического восприятия попадают и зарубежные последователи идейного вдохновителя большевистской революции и следовавшей за ней «трагедии огромной страны». По всей видимости, незнание источников, обусловленное нерешенностью проблемы перевода с русского языка, по-прежнему влияет на устойчивость парадигмы, созданной советской коммунистической историографией и пропагандой в тот период, когда финансирование работы переводчиков осуществлялось на постоянной и регулярной основе идеологическим отделом

³⁹ Ю.И. Игрицкий. *Революции 1917 года...*, с. 119.

⁴⁰ В.П. Булдаков. *Quo vadis? Кризисы в России: пути преодоления*. Москва: РОССПЭН, 2007, с. 89. См. также другие работы автора: *Красная смута. Природа и последствия революционного насилия*. Москва: РОССПЭН, 2010; *Хаос и этнос. Этнические конфликты в России 1917–18 гг. Условия возникновения и последствия, хроника, комментарии, анализ*. Москва: Новый хронограф, 2010.

ВКП (б), а затем КПСС. Остается надеяться, что со временем работы и публикации российских историков найдут своих читателей за рубежом, и тогда, вероятно, появится новый, более плодотворный ракурс исследований, посвященных фигуре и наследию Антонио Грамши в стране, с которой он был так тесно связан.

Литература

- Адибеков Г.М., Шахназарова Э.Н., Шириня К.К. *Организационная структура Коминтерна. 1919–1943*. Москва: РОССПЭН, 1997.
- Балабанова А. *Моя жизнь – борьба. Мемуары русской социалистки 1897–1938*. Москва, Центрполиграф, 2007.
- Булдаков В.П. *Quo vadis? Кризисы в России: пути преодоления*. Москва: РОССПЭН, 2007.
- Булдаков В.П. *Красная смута. Природа и последствия революционного насилия*. Москва: РОССПЭН, 1997, 2010.
- Булдаков В.П. *Хаос и этнос. Этнические конфликты в России 1917–18 гг. Условия возникновения и последствия, хроника, комментарии, анализ*. Москва: Новый хронограф, 2011.
- Булдаков В.П. *Исторические метаморфозы «Красного Октября»*. [В:] *Исторические исследования в России. Тенденции последних лет*. Под ред. Г.А. Бордюгова. Москва: Аиро XXI, 2013.
- Бухараев В.М., Люкшин Д.И. *Крестьяне России в 1917 году. Пиррова победа «общинной революции»*. [В:] *1917 в судьбах России и мира. Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению*. РАН, Государственный архив РФ. Москва: ИРИ РАН, 1998.
- Ватлин А.Ю. *Троцкий и Коминтерн (1923–1933)*. Москва: Знание, 1991.
- Ватлин А.Ю. *Коминтерн: первые десять лет*. Москва: Россия молодая, 1993.
- Ватлин А.Ю. *Коминтерн: Идеи, решения, судьбы*. Москва, РОССПЭН, 2009.
- Ватлин А.Ю., Фирсов Ф.И. *Бухарин и Коминтерн. «Рабочий класс и социальный прогресс»*. Москва, 1990, с. 251–282.
- Волгогонов Д.А. *Ленин. Политический портрет*. В 2-х кн. Москва: АСТ, 1998.
- Гражданская война в России: энциклопедия катастрофы*. Сост. и отв. ред.: Д.М. Володихин, научн. ред. Волков С.В. Москва, 2010.
- Гражданская война в России: энциклопедия катастрофы*. Сост. и отв. ред.: Д.М. Володихин, научн. ред. С.В. Волков. Москва: Сибирский цирюльник, 2010.
- Грамши А. *Письма из тюрьмы*. Москва: Издательство по историческим наукам, 1957.
- Давыдов М.А. *Двадцать лет до Великой войны. Российская модернизация Витте-Столыпина*. Санкт-Петербург: Алетей, 2016.
- Данилушкин М. и др. *История Русской Православной Церкви. Новый патриарший период. 1917–1970*. Т. 1. Санкт-Петербург: Воскресение, 1997.
- Игрицкий Ю.И. *Революция 1917 года: уроки для радикалов, либералов и консерваторов*. «Вопросы истории», 2008, № 5.
- История Коммунистического Интернационала. Документальные очерки 1919–43*. Под ред. А.О. Чубарьяна. Москва: Наука, 2002.
- Квакин А.В. *Осмысление «философского парохода» 1922 года (к 80-летию административной высылки большевиками значительной группы видных российских интеллигентов)*. [В:] *Толерантность и власть: судьбы российской интеллигенции*. ред. М.Е. Главацкий. Пермь: Пермский региональный институт педагогических информационных технологий, 2002, с. 20–26.

- Кондрашин В.В. *Крестьянское движение в Поволжье в 1918–1922 гг.* Москва: Янус-К, 2001.
- Кронштадтская трагедия 1921 года: документы (в 2-х тт.).* Сост. И. И. Кудрявцев. Москва, РОССПЭН, 1999.
- Куреньшев А.А. *Крестьянские военно-политические организации России. Повстанчество. 1918–1922.* Москва: Компания Спутник Плюс, 2010.
- Латышев А.Г. *Рассекреченный Ленин.* Москва: МАРТ, 1996.
- Ленин В.И. *Как нам организовать соревнование? Полное собрание сочинений.* Т. 35. Москва: Политиздат, 1974.
- Ленин В.И. *Полное собрание сочинений.* Т. 50. Москва: Политиздат, 1970.
- Леонтьев Я.В. *Группа «русских большевиков» в Италии и эмиссары Коминтерна 1917–1922.* [В:] *Русские в Италии: культурное наследие эмиграции.* Сост., науч. ред. М.Г. Талалая. Москва, Русский путь, 2006, с. 53–95.
- Литвин А.Л. *Красный и Белый террор в России в 1917–1922 годах.* Москва: Эксмо, 2004.
- Любин В.П. *Социалисты в истории Италии. ИСП и ее наследники 1892–2006.* Москва, Наука, 2007.
- Люкшин Д.И. *Вторая русская смута: крестьянское измерение.* Москва: Аиро XXI, 2006.
- Макаров В.Г., Христофоров В.С. (сост.). *Высылка вместо расстрела: Депортация интеллигенции в документах ВЧК–ГПУ 1921–1923.* Москва: Русский путь, 2005.
- Макаров В.Г. *Историко-философский анализ внутриполитической борьбы начала 1920-х годов и депортация инакомыслящих из Советской России.* Москва: Русский путь, 2010.
- Маркевич А., Харрисон М. *Первая мировая война. Гражданская война и восстановление: национальный доход России в 1913–1928 гг.* Москва: Мысль, 2013.
- Миронов Б.Н. *Российская империя: от традиции к модерну.* Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2014.
- Морозов К.Н. *Судебный процесс социалистов-революционеров и тюремное противостояние 1922–1926: этика и тактика противоборства.* Москва: РОССПЭН, 2005.
- Остракизм по-большевистски: преследования политических оппонентов в 1921–1924 гг.* Сост., предисл. В.Г. Макаров, В.С. Христофоров. Комментар. В.Г. Макаров. Москва: Русский путь. «Очистим Россию надоло...» Репрессии против инакомыслящих. Конец 1921 – начало 1923 г.: Документы. Москва: МФД Материк, 2008.
- Павлюченков С.А. *Военный коммунизм в России. Власть и массы.* Москва: РКТ, 1997.
- Павлюченков С.А. *Военный коммунизм – в плену большевистской доктрины.* [В:] *Исторические исследования в России. Тенденции последних лет.* Г.А. Под ред. Бордюгова. Москва: Аиро XXI, 2013, с. 222–238.
- Пантелеев М. *Агенты Коминтерна. Солдаты мировой революции.* Москва, Яуза; Эксмо, 2005.
- Покровский Н.Н. *Политбюро и Церковь. 1922–1923.* «Новый мир» 1994, № 8.
- Политбюро и церковь. Архивы Кремля.* В 2-х кн. Москва – Новосибирск: РОССПЭН, Сибирский хронограф, 1997.
- Политбюро ЦК РКП б-ВКП (б) и Коминтерн 1919–43. Документы.* Москва: РОССПЭН, 2004.
- Протасов Л.Г. *Учредительное собрание: история рождения и гибели.* Москва, РОССПЭН, 1997.
- Пятницкий В. *Осип Пятницкий и Коминтерн на весах истории.* Минск: Харвест, 2004.
- Щапов Я.Н. (ред.). *Русская Православная церковь и коммунистическое государство 1917–1941. Документы и фотоматериалы.* Москва: Издательство Библийско-Богословского института, 1996.
- Янсен М. *Суд без суда, 1922 год: показательный процесс социалистов-революционеров.* Москва: Возвращение, 1993.
- Canali M. *Il tradimento. Gramsci, Togliatti e la verità negata,* Venezia: Marsilio, 2013.
- Caprioglio S. *Un “compagno polacco” citato da Gramsci.* “Rinascita”, 13 marzo 1965.

- Caprioglio S. *Aron Wizner, un collaborator di Gramsci al "Grido del popolo"*. [B:] *Mezzosecolo. Materiali di ricerca storica. Annali 1975*. Torino: Guanda, 1976, c. 103–116.
- D'Orsi A. *Gramsci. Una nuova biografia*. Milano: Feltrinelli, 2017.
- Fabre G. *Lo scambio. Come Gramsci non fu liberato*. Palermo: Sellerio Editore, 2015.
- Ghetti N. *La cartolina di Gramsci: A Mosca, tra politica e amori, 1922–1924*. Roma: Donzelli Editore, 2016.
- Gramsci A.Jr. *La storia di una famiglia rivoluzionaria*. Roma: Editori Riuniti, 2014.
- Hobsbawm E.J., *Gramsci in Europa e in America*, Bari: Laterza, 1995.
- Liguori G., Voza P. a cura di. *Dizionario gramsciano*. Roma: Carocci, 2009.
- Pavan S. a cura di. *Italia in Cirillico*. Verona: Conoscere Eurasia Edizioni, 2013.
- Pearmain A. *Gramsci in Love*. Winchester, Washington: Top Hat Books, 2015.
- Perspectives on Gramsci: Politics, Culture and Social Theory*. Ed. by J. Francese. New York, Routledge, 2009.
- Petracchi G. *Da San Pietroburgo a Mosca: la diplomazia italiana in Russia, 1861–1941*. Roma: Bonacci, 1993.
- Righi M.L. *Gramsci a Mosca tra amori e politica (1922–23)*. "Studi storici" 2011, № 4, c. 1015.
- "Russi in Italia" [Русские в Италии]. [Online:] <www.russinitalia.it> (12.08.2017).
- Terekhova N. *L'Ottobre in Italia: Serrati, Bordiga, Gramsci*. [B:] *1917 Ottobre Rosso. La Rivoluzione russa: i fatti, i protagonisti, il mito*. A cura di A. Carioti. Milano: Corriere della sera, 2017.
- Thomas P. *Gramsci and the Intellectuals: Modern Prince versus Passive Revolution*. [B:] *Marxism, Intellectuals, and Politics*. Ed. by David Bates. London: Palgrave Macmillan, 2007.
- Venturi A. *L'emigrazione russa in Italia 1917–1921*. Milano: Feltrinelli, 1979.

ANTROPOLOGIA KULTUROWA
I ETNOLOGIA
АНТРОПОЛОГИЯ И ЭТНОЛОГИЯ
CULTURAL ANTHROPOLOGY
AND ETHNOLOGY

WYBRANE WIADOMOŚCI Z ETNOBOTANIKI
I ETNOFARMACJI.
KARTY Z DZIEJÓW LECZNICTWA NATURALNEGO

KATARZYNA WOJAN

Uniwersytet Gdański
Wydział Filologiczny
Instytut Skandynawistyki
Pracownia Języka Fińskiego, Kultury i Gospodarki Finlandii
Neofilologia, ul. Wita Stwosza 51, 80-308 Gdańsk, Polska
e-mail: finkw@univ.gda.pl
(nadesłano 6.08.2017; zaakceptowano 20.10.2017)

Abstract

Selected issues from ethnobotany and ethno-pharmacy.

Pages from the history of natural medicine

The article presents a brief history of natural medicine based on substances derived from plants, practiced in the world from the earliest days up until the era of present-day chemistry-based pharmaceuticals. The unusual properties of phytotherapy applied from the ancient times in various cultural and civilizational communities have been shown. The author describes the means available to the ancients, as well as the experiments and discoveries made by scholars of later ages. Attention was paid to the observations important for the development of medicine, medical anthropology and ethnobotany.

Key words

Cultural anthropology, ethnology, ethnobotany, ethno-pharmacy, history of medicine, medical anthropology, natural medicines, phytonymy.

Abstrakt

Artykuł przedstawia krótką historię lecznictwa za pomocą substancji naturalnych pozyskiwanych z roślin, praktykowanego w świecie od czasów najdawniejszych po erę dzisiejszych środków farmaceutycznych opartych na chemii. Ukazano w nim niezwykle właściwości fitoterapii stosowanej od starożytności przez rozmaite społeczności kulturowo-cywilizacyjne. Opisano środki, jakimi dysponowali starożytni, a także jakich doświadczeń i odkryć dokonali uczeni późniejszych epok. Zwrócono uwagę na to, jakie obserwacje poczynione wieki temu okazały się ważne dla dalszego rozwoju medycyny, antropologii medycznej, etnobotaniki.

Słowa kluczowe

Antropologia kulturowa, etnokultura, etnologia, etnobotanika, etnofarmakologia, fitonimika, historia medycyny, leki naturalne.

*Drogiej Pani Profesor Krystynie Szcześniak,
Wielkiej Miłośniczce cudownego, mistycznego świata roślin
artykuł ten dedykuję*

Kilka słów wstępu

„Rośliny towarzyszyły człowiekowi od zawsze”¹ – napisała w swej znakomitej monografii o pięknym, wymownym tytule: *Świat roślin światem ludzi na pograniczu wschodniej i zachodniej Słowiańszczyzny* (Gdańsk 2008)² Profesor Krystyna Szcześniak, znana i ceniona badaczka różnych obszarów onomastyki, m.in. botanicznej, oraz etnografii wschodnio- i zachodniosłowiańskiej, w szczególności zamów, tradycji kulturowych, obyczajów obecnych w etnokulturach, symboliki roślin.

Niniejszy artykuł z ogromną przyjemnością i nieskrywaną atencją dedykuję Autorce powyższego motta – Pani Profesor Krystynie Szcześniak, Wielkiej Miłośniczce niezwykłego świata roślin, świadomej wspaniałości darów Natury, Wielkiej Humanistce, dostrzegającej dobro i piękno w drugim człowieku, Wyjątkowemu i Charyzmatycznemu Nauczycielowi, będącemu dobrym duchem młodych pokoleń – studentów, doktorantów, naukowców. Zdaję sobie oczywiście sprawę, iż Pani Profesor posiada rozległą wiedzę etnograficzną na temat flory, historii badań świata roślinnego³, ziołolecznictwa

¹ K. Szcześniak. *Świat roślin światem ludzi na pograniczu wschodniej i zachodniej Słowiańszczyzny*. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2008, s. 9.

² Praca doczekała się drugiego, poprawionego i zaktualizowanego, wydania w roku 2013. Dodam, iż koszty wydawnicze drugiego nakładu poniosła sama Autorka.

³ Zob. rozdział: *Historia badań świata roślinnego*. [W:] K. Szcześniak. *Świat roślin światem ludzi...*, s. 9–30.

i etnofarmacji. Żywię jednak nieśmiało nadzieję, że pewne wiadomości zebrane i usystematyzowane przeze mnie okażą się w jakiejś mierze nowe i ciekawe.

Celem niniejszej pracy jest przedstawienie krótkiej historii lecznictwa za pomocą substancji naturalnych, zwłaszcza zaś tych pozyskiwanych z roślin, praktykowanego na świecie od czasów najdawniejszych po erę dzisiejszych środków farmaceutycznych opartych na chemii i biotechnologii, a także pokazanie niezwykłych właściwości fitoterapii stosowanej od starożytnych czasów przez rozmaite społeczności kulturowo-cywilizacyjne. Poniższe rozważania przybliżają, bądź też przypominają, wiedzę na temat kształtowania się metod i form praktyk leczniczych dokonywanych na przestrzeni tysiącleci. Syntetyczne ujęcie wiadomości na temat lecznictwa naturalnego ukazuje ukierunkowanie ludzkiego myślenia na to, jak świadomie chronić życie i zdrowie oraz jak przynieść ulgę w cierpieniu. Artykuł informuje, jakimi środkami dysponowali starożytni, a także jakich doświadczeń i odkryć dokonali uczeni późniejszych epok. Uzmysławia on, jakie poczynione wieki temu obserwacje okazały się ważne dla rozwoju medycyny, antropologii medycznej, etnobotaniki. Na koniec zwrócono uwagę i krótko przedstawiono szkodliwe działanie pewnych związków zawartych w roślinach.

Zaprezentowane tu wiadomości zgromadzone zostały na podstawie dostępnego piśmiennictwa – serii artykułów specjalistycznych oraz opracowań monograficznych dotyczących historii etnomedycyny i właściwości fitoterapeutycznych roślin⁴. Szkic ma charakter humanocentryczny. Zamieszczono w nim jedynie ważniejsze fakty z historii etnofarmakologii i etnomedycyny – temat ten bowiem nie jest i nie może być, rzecz jasna, wyczerpany. Artykuł ma charakter przeglądowy.

Rozwój lecznictwa ma niezwykle długą historię. Kształtowało się ono na przestrzeni wielu tysiącleci⁵. Jak pisze Władysław Szumowski⁶, „Już w świecie zwierzęcym spotykamy pewne zabiegi mające pewne znaczenie lecznicze”. Najpierw zwierzęta, a w ślad za nimi, ludzie uczyli się instynktownie korzystać z bogactwa darów natury – potężnego arsenału specyfików naturalnych, które dziś nazywamy lekami. W historii ludzkości podejście zarówno do samej choroby, jak i do sposobów jej leczenia⁷, a także, co istotne, stosunku do chorego zmieniało się. Praktykowano różne metody

⁴ Alfabetyczny spis pozycji bibliograficznych literatury przedmiotu, z jakiej obficie korzystałam, zamieszczam na końcu pracy. Literatura nt. historii lecznictwa jest nader obszerna. Do ważniejszych opracowań monograficznych należą: sześciotomowa *Historia leków naturalnych* pod red. B. Kuźnickiej, *Historia medycyny* W. Szumowskiego. Odwołania do poszczególnych prac zawarłam w przypisach.

⁵ Zob. np. *Historia leków naturalnych*. T. 2: *Natura i kultura. Współzależności w dziejach lekoznawstwa*. Red. B. Kuźnicka. Warszawa: Wydawnictwo Instytutu Historii Nauki, Oświaty i Techniki, 1989.

⁶ W. Szumowski. *Historia medycyny filozoficznie ujęta*. Wyd. 4 popr. i uzup. Kęty: Wydawnictwo Marek Derewiecki, 2008, s. 27.

⁷ Słowa *lek* oraz *leczyć* są, jak wiadomo, bardzo stare, ujawniają praindoeuropejski rdzeń (por. st.niem. *lahhi* 'leczyć', st.ang. *læce*, st.nordyckie *læknir*, gockie *lēkeis*, śr.niem. i śr.niderlandzkie *lieke*, śr.ang. *leche*). W językach indoeuropejskich formalno-semantyczne ekwiwalenty przekładowe słowa *leczyć* miały pierwotnie zakodowany sens: 'wyciągnąć chorobę z chorego organizmu'. W takim znaczeniu funkcjonowało ono jeszcze w XVI-wiecznej polszczyźnie (np. w *Herbarzu* Marcina Siennika z 1568 roku). Za: Z. Bela *Etymologia i pierwotne znaczenia wyrazów »lek« i »leczyć«*. „Gazeta Farmaceutyczna”, marzec 2011, s. 16–28.

mające na celu przynieść ulgę cierpiącemu, poratować lub zachować zdrowie czy też urodę. Podstawy naukowe teorii i praktyki medycznej wypracowano dopiero przed dwustu laty. Do obecnego stanu wiedzy ludzie dochodzili stopniowo. Często wielkie odkrycia przeplatały się z przesadami – w nierozdzielalnym związku pozostawały czary i lecznictwo, kapłaństwo i medycyna⁸. W zamierzchłych czasach, na długo przed pojawieniem się piśmiennictwa, w charakterze leków wykorzystywano rośliny, minerały (skały i kopaliny), części organizmów żywych, a także miód i wody mineralne⁹. W starożytności korzystano już z aromaterapii i balneologii, kładziono nacisk na higienę i profilaktykę zdrowia, dbano o kosmetykę ciała i kondycję psychiczną. Niektóre popularne smakowite napoje, na przykład coca-cola¹⁰ czy tonik, dawniej traktowane jako lek, są wymysłem aptekarzy. W XIX wieku Vincenz Priessnitz, niewykształcony chłop pochodzący ze Śląska Austriackiego, ojciec współczesnego wodolecznictwa, głosił, że myśl o stosowaniu wody w celach leczniczych nasunęła mu sarna moczająca w strumyku postrzeloną nogę do zagojenia się rany¹¹. W medycynie prymitywnej przyczyn zachorowań doszukiwano się w magii¹². Leczenie było domeną szamanów uzdrawiających przy pomocy różnego rodzaju rytuałów, amuletów, roślin, organizmów zwierzęcych¹³. W ziołolecznictwie niełatwo było rozdzielić magię od rzetelnej wiedzy przynoszącej właściwą korzyść¹⁴. W Europie ludzie aż do połowy XIX wieku posługiwali się wyłącznie lekami roślinnymi¹⁵. Wiele ziół do dnia dzisiejszego okrywa wciąż nimb tajemnicy. Człowiek, tak jak i inne zwierzęta¹⁶, w okresach swej niemocy wybierał rośliny, kierując się instynktem. Wybierał intuicyjnie te spośród nich, które łagodziły jego cierpienia, a ponadto uzdrawiały. Człowiek jako istota rozumna, żyjąc i poznając otaczający go świat, niestrudzenie czynił obserwacje – przede wszystkim obserwował różne zjawiska i poznawał to, co ofiarowała mu Matka-Natura¹⁷. Człowiek jest przecież istotą cierpiącą. Z czasem nauczył się rozpoznawać, które rośliny posiadają jakąś moc, które uśmierzają jego ból, które przywracają siły i zdrowie, a które

⁸ Na ten temat zob. W. Szumowski. *Historia medycyny filozoficznie ujęta...*, s. 33–90.

⁹ R. Jütte. *Historia medycyny alternatywnej. Od magii do naturalnych metod leczenia*. Tł. K. Jachimczak, E. Ptaszyńska-Sadowska. Warszawa: Wydawnictwo WAB, 2001.

¹⁰ Oryginalny skład zawierał wyciągi z orzeszków cola i liści coca, zawierające silne stymulanty (kofeinę i kokainę) – S. Kucharski. *Coca-colę wynalazł aptekarz*. „Bez Recepty”, maj 2003.

¹¹ W. Szumowski. *Historia medycyny...*, s. 28.

¹² R. Jütte. *Historia medycyny alternatywnej...*

¹³ Zob. W. Szczepański. *Leki pochodzenia zwierzęcego w farmakopeach polskich od 1560 do 1970*. [W:] *Historia leków naturalnych. Cz. 2: Natura i kultura – współzależności w dziejach lekoznawstwa*. Red. B. Kuźnicka. Warszawa: Wydawnictwo Instytutu Historii Nauki, Oświaty i Techniki, 1989.

¹⁴ K. Hanisz. *Ziołolecznictwo w medycynie ludowej. Cz. II: Fitoterapia magiczna*. „Bez Recepty” 2002, nr 10, s. 24–25.

¹⁵ K. Hanisz. *Ziołolecznictwo w medycynie ludowej. Cz. I*. „Bez Recepty” 2002, nr 9, s. 24–25; K. Hanisz. *Apteczki w polskich dworach i dworkach – historia farmacji*. „Bez Recepty” 2001.

¹⁶ Np. kozica, ukąszona przez żmiję, instynktownie zjada wilczomleczce. Zob. *Zielnik dla każdego, czyli opis ziół wykorzystywanych w leczeniu domowym wraz z praktycznym zastosowaniem*. Zebrał i oprac. J. Rogala oraz R. Maciej. Ożarów: Wydawnictwo Olesiejuk, 2009, s. 5.

¹⁷ Indianie, na przykład, zaobserwowali, że chore na malarię pumy obgryzają korę drzewa chinowego.

po prostu polepszają nastrój. Jednocześnie poznawał swoje reakcje na poszczególne substancje zawarte w roślinach. Odkrywał rośliny, które mają silniejsze działanie fizjologiczne – przeczyszczające, wymiotne, moczopędne, mlekopędne, powstrzymujące krwawienia, przeciwgorączkowe, aseptyczne, odurzające, przeciwbólowe. Nauczył się ich używać w chorobach i dolegliwościach, a zatem uznał je za leki, czyli coś, co przynosi ulgę i poprawia nastrój, ratuje¹⁸. Z czasem posiadał szerszą wiedzę o roślinach i ich właściwościach pokarmowych, paszowych, leczniczych, trujących, którą następnie spisał w znany mu sposób. Ludzie zaczęli wykorzystywać zioła nie tylko w celach leczniczych, lecz także w kuchni, jako barwniki i kosmetyki. Do najwcześniej używanych ziół należały mak, mandragora, konopie, lulek czarny i dzbanecznik¹⁹. Dla farmaceutów rośliny stanowią ważny surowiec leków o różnym spektrum działania. Paracelsus – bazylejski profesor sztuki lekarskiej – nie bez powodu nazwał pola, łąki i lasy „prawdziwymi aptekami”²⁰, z których można czerpać nieskończenie.

O wielkich wartościach ziół wiedzano już w czasach prehistorycznych. Stosować je jednak zaczęto znacznie później. Nie dziwi to, bowiem człowiek musiał najpierw poznać świat roślin, odkryć ich magię, wartości, „wypróbować” i nauczyć się z nich korzystać. Ziołolecznictwo²¹ rozpowszechnione było, i jest nadal, we wszystkich znanych nam cywilizacjach świata (także Indian²² amerykańskich, aborygenów australijskich)²³. Jest to najprostszy, naturalny, a zarazem tani sposób pozyskiwania leków, leczenia różnorodnych schorzeń i dolegliwości. Na dowolnym obszarze kuli ziemskiej występuje swoista roślinność (endemity). Indianie czy aborygeni australijscy dysponowali dużo większym inwentarzem ziół, i to znacznie wcześniej niż medycy greccy czy rzymscy. Wraz z odkryciem Ameryki wiedzę o roślinach i nowych medykamentach z nich pozyskiwanych rozpropagowano w europejskim świecie medycznym²⁴. Właśnie z Ameryki przywieziono na stary kontynent m.in. korę chinowca (*Cinchona L.*)²⁵ mającego zastosowanie w zwalczaniu malarii dzięki zawartości chininy, balsam peruwiański (*Balsamum peruvianum*) – wyciekający z uszkodzonej kory woniawca balsamowego (*Myroxylon balsamum*) i stosowany przy różnorodnych dolegliwościach, liście coca – z krasnodrzewu pospolitego (*Erythroxylum coca*) – bogate w kokainę

¹⁸ O tym: J. Dobrogowski et al. *Ból i jego leczenie*. Seria Przewodnik Lekarza Praktyka. Warszawa: Springer PWN, 1996.

¹⁹ M. Hilgier. *Historia i leczenie bólu przewlekłego*. „Nowa Medycyna” 2001, z. 2 (110).

²⁰ *Zielnik dla każdego...*, s. 6.

²¹ J. Thorwald. *Dawna medycyna, jej tajemnice i potęga. Egipt, Babilonia, Indie, Chiny, Meksyk, Peru*. Przeł. A. Bandurski i J. Szaniecka Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich – Wydawnictwo, 1990.

²² Por. J.Z. Ryn. *Medycyna indiańska*. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 2007.

²³ Zob. np. *Ziołolecznictwo amazońskie i andyjskie*. Red. K. Żurowska. Gdańsk: Tower Press, 2001.

²⁴ Zob. W. Jaroniewski, D. Jaroniewska. *Rośliny lecznicze i używki z Ameryki i Australii*. Łódź: Instytut Wydawniczy Związków Zawodowych, 1996; K. Hanisz, J. Mularczyk. *Z historii leków uzależniających. Liście koka i kokaina*. „Bez Recepty”, kwiecień 2002.

²⁵ Zob. J. Molenda. *Rośliny, które zmieniły świat; fakty i mity na temat właściwości leczniczych warzyw i owoców, anegdoty i zagadki roślinnych peregrynacji, kulisy ewolucji gatunków*. Zakrzewo: Replika, 2011.

i wprowadzające pacjenta w stan snu narkotycznego pożądany przed poważniejszymi zabiegami chirurgicznymi²⁶.

Najstarszymi księgami opisującymi lecznicze właściwości roślin są księgi chińskie, indyjskie, papyruse egipskie, wreszcie dzieło ojca medycyny – Hipokratesa. Kultura europejska jest spadkobierczynią kultury grecko-rzymskiej, wzorującej się z kolei na egejskiej i egipskiej, następnie babilońskiej, sumeryjskiej itd. Zdecydowanie mniejszy wpływ na nią wywierały kultury Indii i Chin.

Warto także wspomnieć, iż już w starożytności podejmowano próby zastosowania do walki z chorobami drobnoustrojów lub produktów ich metabolizmu²⁷.

Lecznictwo babilońskie i asyryjskie

W starożytnej Mezopotamii lecznictwo było stosunkowo dobrze rozwinięte²⁸. Stosowano magię (wypędzanie duchów z chorego poprzez rytuały) i amulety oraz leczenie roślinami. Systematyczne badania właściwości ziół sięgają czasów starożytnych Sumerów (4000 p.n.e.), którzy sporządzili opisy działania i użycia m.in. kminku (*Carum carvi L.*), macierzanki tymianu (*Thymus vulgaris L.*), wawrzynu (*Laurus L.*); robili z nich proszki i nalewki, stosowali kompresy i okłady. Sumerowie stosowali w terapii także surowce zwierzęce, na przykład skorupy żółwi, skórę, ciała węży, surowce mineralne, m.in. muł rzeczny, olej skalny i asfalt. Babilończycy i Asyryjczycy znali 250 surowców leczniczych pochodzenia roślinnego, 180 zwierzęcego i 120 mineralnego; posiadali rozległą wiedzę na temat upraw²⁹, zbierania, suszenia i przechowywania ziół, która jest aktualna do dziś. Już w VIII wieku p.n.e. opisywano rośliny i sporządzano na glinianych tabliczkach przepisy na korzystanie z nich. Ordynowanie leków wspólnie musiało z datą, porą dnia, a także położeniem gwiazd.

Lecznictwo indyjskie

Ważnym ośrodkiem zielarskim były Indie, gdzie wiedza medyczna stała na wysokim poziomie. Hindusi wychodzili z założenia, iż na każdą chorobę musi istnieć lekarstwo. Jeden z najslawniejszych hinduskich lekarzy Susruta znał aż 760 leków roślinnych³⁰. Europejczycy zawdzięczają Hindusom wiele atrakcyjnych przypraw i substancji leczniczych o wyjątkowych właściwościach, m.in. cynamon (wysuszona kora cynamonowca *Cinnamomum Scheffer*), korzeń imbiru (imbir lekarski *Zingiber officinale* Rosc), owoce kminku (lud. karolek) (*Carvi fructus*), pieprz (*Piper L.*), kardamon (*Elettaria cardamomum L.*), znamiona szafranu (*Crocus sativus*), goździki (nierozkwitłe, wysuszone pąki kwiatowe drzewa goździkowego, czapetki pachnącej *Syzygium aromaticum*), gałkę muszkatołową (nasiona muszkatałowca *Myristica fragrans* Houtt.),

²⁶ Por. D. Szczygielska. *Kokainowiec pospolity*. „Wiadomości Zielarskie” 1993, nr 7.

²⁷ S. Russell. *Antybiotyki*. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1977, s. 26–27.

²⁸ O tym: W. Szumowski. *Historia medycyny...*

²⁹ Babiloński król Mardukapaliddina (panujący 721–710 p.n.e.) posiadał ogród z roślinami leczniczymi. Zob. W. Szumowski. *Historia medycyny...*

³⁰ Píše o tym W. Szumowski w swojej pracy: *Historia medycyny...*, s. 59.

osnowkę (epimacjum, arylus, łac. *arillus*), spikanardę (olejek nardowy, nard, szpinakard)³¹, senes (liście kilku gatunków krzewów z rodzaju *Senna Mill.*), nasiona głogu (*Crataegus L.*), olej sandałowy (*Santalum album*), nasiona rycynowe (rącznika pospolitego *Ricinus communis L.*), konopie indyjskie (*Cannabis indica Lam.*). Ze Wschodu na Zachód przywędrowały rośliny dostarczające haszyszu (konopie)³², opium³³, indygo³⁴, czarcie łajno (smrodzieniec, asafetyda)³⁵, różne gummy, żywica benzoesowa (styraks, bensoes, benzoin)³⁶, sok z trzciny cukrowej (*Saccharum officinarum L.*) itp. Powszechnie używano również środków mineralnych. Hindusi znali już związki rtęci (kalomel, sublimat, cynober), dolegliwości leczyli preparatami z żelaza, znali trujące i lecznicze właściwości arseniku, związki ołowiu, miedzi, stosowali antymon (wymiotnie). Ze złota przygotowywali eliksir na przedłużenie życia, wykorzystywali w procesie leczenia kamienie szlachetne. Indyjskie przepisy o sporządzaniu lekarstw i ich działaniu przesycone były pierwiastkami teurgii, magii, wiary w siły nadprzyrodzone. Hindusi posiadali również niezwykły inwentarz leczniczych środków zwierzęcych, takich jak krew, żółć, mleko, masło, serwatka, miód, tłuszcz, szpik, mięso, skórę, nasienie, zęby słonia, rogi, kopyta, włosy, kamienie żółciowe wołu, mocz, gnój (krowi w przypadkach zapalenia, a stoniowy – trądu). Środki lecznicze klasyfikowano według ich działania (przeczyszczające, wymiotne, uspokajające, podniecające, pobudzające do kichania itd.), według smaku (słodkie, kwaśne, słone, gorzkie, ostre, ściągające itd.) albo według przypuszczalnego mechanizmu działania (rozgrzewające, chłodzące, wysuszające, rozmiękczone)³⁷. Hindusi znali i trucizny, i odtrutki. Szczegółowo opisywali objawy zatrucia truciznami pochodzenia roślinnego, zwierzęcego, mineralnego. Podawali leki pochodzenia naturalnego na przyspieszenie akcji porodowej.

Lecnictwo chińskie

Początki ziołarstwa w Chinach sięgają 4000 lat p.n.e.³⁸. W Państwie Środka odnaleziono zapiski na kościach wróżebnych z II wieku p.n.e. o stosowaniu ziół w różnych schorzeniach. Niektóre źródła³⁹ podają, iż najstarszy zielnik świata – wielka księga

³¹ Olejek eteryczny otrzymywany z korzenia i łodygi rośliny *Nardostachys jatamansi*, rosnącej w Himalajach na wysokości 3000–4000 m n.p.m.

³² Substancja otrzymywana ze zlepionej i sprasowanej żywicy konopi indyjskich (*Cannabis sativa indica*) lub siewnych (*Cannabis sativa sativa*), zawierających substancję psychoaktywną tetrahydrokannabinol.

³³ Substancja otrzymywana za pomocą wysuszenia soku mlecznego z niedojrzałych makówek maku lekarskiego (*Papaver somniferum*).

³⁴ Barwnik otrzymywany z liści tropikalnej rośliny indygowca barwierskiego (*Indigofera tinctoria L.*).

³⁵ Gumożywica otrzymywana z korzeni i kłączy zapalniczki cuchnącej (*Ferula assa-foetida*), występującej w północnych Indiach, Iranie i Afganistanie.

³⁶ Żywica balsamiczna pozyskiwana z naciętych pni drzew z rodzaju styrak (*Styrax*), głównie *Styrax benzoin* i *S. tonkinensis*, rosnących w Azji Wschodniej i Indiach.

³⁷ Wiadomości zebrane na podstawie: W. Szumowski. *Historia medycyny...*, s. 60.

³⁸ O tym: W. Szumowski. *Historia medycyny...*

³⁹ S. Dłużewski. *Szen-Nung. Poczet wielkich fitoterapeutów*. [Online:] <<http://panacea.pl/articles.php?id=60>> (dostęp: 16.05.2010).

Pen-cao (kompedium lekarskie) sporządzona została w 3216 roku p.n.e. przez pierwszego hipotetycznego władcę Chin cesarza Szen-Nung, ogłoszonego ojcem tamtejszego zielarstwa i ogrodnictwa. Bywa on niekiedy nazywany Szen-Nung-Pen-cao (co oznacza ‘cesarza zielarza’), ponieważ wprowadził wiele nieznanych wcześniej Chińczykom roślin użytkowych. Wieść głosi, że jako jedyny człowiek zgłębił on całą florę Chin i tajniki właściwości leczniczych roślin. *Pen-cao* jest traktatem o surowcach leczniczych i sposobach ich zastosowania i zawiera ponad 8000 recept opartych na 1800 surowcach, głównie roślinnych. Zioła pogrupowano – zgodnie z tradycyjnym podziałem chińskim – według trzech klas. Wyróżniono zatem klasę: a) „książęcą”, tj. zioła podtrzymujące życie, nieszkodliwe dla organizmu człowieka, b) „ministerską”, tj. zioła zwalczające ciężkie choroby i przywracające energię, c) „asystencką”, tj. zioła leczące pewne choroby, ale trujące i nienadające się do stałego użytku⁴⁰.

Przyjmuje się, iż pierwsza w świecie farmakopea nosząca tytuł *Szen-Nung-pen-cao-tsing* powstała w 502 roku n.e. Nawiązuje ona do eksperymentów prowadzonych przez Szen-Nunga i zawiera opisy 730 roślin leczniczych. W Chinach ziołolecznictwo rozwijane było bardzo intensywnie. W XVI wieku znano już i opisano 1892 gatunki roślin mających wartość leczniczą. Do dziś jednym z najsłynniejszych leków chińskich jest korzeń żeń-szenia (‘korzeń życia’). Niewątpliwie należy on do najstarszych surowców leczniczych odkrytych przez chińskiego mędrca La Tse około 320 roku p.n.e. Uczeni dowiedli, iż żeń-szeń (ginseng, wszechlek, *Panax ginseng* C.A. Meyer) pojawił się w Azji przed czterema tysiącami lat. Sprowadzony do Europy w XIV wieku używany był głównie jako afrodyzjak. Chińczykom zawdzięczamy takie odkrycie właściwości leczniczych rzewienia chińskiego (rabarbaru dłoniastego, *Rheum palmatum* L.), stosowanego przy niezbytach żołądka i jelit, kamforę, ziele przęśli, efedrynę, a także chińską herbatę (*Camellia sinensis* (L.) Kuntze). Mieszkańcy Chin wierzyli, iż natura kryje w sobie lek na każdą chorobę i dolegliwość, a leczenie naturalne ma ścisły związek z religią. Chińczycy wypróbowali wiele najróżnorodniejszych środków, dochodząc do biegłości empirycznej. Potrafią na przykład leczyć rozwiniętą wściekliznę, na choroby skórne stosują siarkę, alun, arszenik, rtęć. Kiłę leczą poprzez zakładanie choremu do nosa napełnionej cynobrem (siarczkiem rtęci) tutki papierowej i zapalenie jej, co w efekcie powoduje oddychanie parą rtęci⁴¹.

Chińczycy od XI wieku n.e. stosują szczepienia ochronne przeciw ospie⁴². Popularna jest akupunktura stosowana na różne choroby i dolegliwości. Chińskie nazwy leków są niezwykle tajemnicze, na przykład „proszek trzech największych mędrców”, „proszek pięciorakiego pochodzenia”. Recepta składa się z kilku środków, najczęściej przyjmuje się pięć dawek. Przy doborze leków Chińczycy zwracają szczególną uwagę na istniejące w przyrodzie znaki symboliczne (sygnatury), na przykład szafran (*Crocus* L.) z uwagi na żółtą barwę jest skuteczny żółtacze, zaś świetliki (robaczki) świętojańskie (*Lampyrus noctiluca*), ponieważ świecą, powinny ich zdaniem wchodzić w skład wody do oczu.

⁴⁰ O tym: W. Szumowski. *Historia medycyny...*

⁴¹ O tym: W. Szumowski. *Historia medycyny...*

⁴² Ibidem, s. 70.

Lecznictwo egipskie

Kolebką wiedzy lekarskiej był niewątpliwie starożytny Egipt, a lekarze egipscy uchodzili za najlepszych w świecie, o czym niejednokrotnie wspominał Herodot. Medycyna starożytnych Egipcjan, podobnie jak medycyna babilońska, miała charakter empiryczno-supranaturalistyczny i sakralny⁴³. Medycynę stworzyli bogowie, a największe zasługi w tej dziedzinie przypisywano Tothowi, o wizerunku z głową ibisa; miał on być twórcą rozmaitych wynalazków, m.in. enemy⁴⁴. Lekarze należeli do kasty kapłanów, której obowiązkiem było uprawianie i przechowywanie rozległej wiedzy w świątyniach.

Nad Nilem zrodziła się nauka o leku – nazwa *farmacja* wywodzi się ze starożytnego egipskiego *ph-ar-maki* ‘kto zapewnia bezpieczeństwo’⁴⁵. Prawdopodobnie ze staro-egipskiego pochodzi też pojęcie *chemia*⁴⁶ (st.egip. *khemein* lub *khēmia*, wg Plutarcha st.egip. *kēme* ‘kraja czarnej ziemi’ jako endoetnonim kraju ‘Egipt’⁴⁷, w hieroglifach: *khn*). Od prawieków uprawiano tam metalurgię, farbiarstwo i alchemię. Arsenal leków egipskich – pochodzących zarówno ze świata roślinnego, jak zwierzęcego i mineralnego – był niezwykle bogaty. Źródłem wiedzy o ówczesnej medycynie są napisy i rysunki na budowach, egipskie papirusy oraz dzieła Herodota i Pliniusza Starszego. Pierwsze wzmianki na temat leków pojawiają się w zapisach hieroglificznych umieszczonych na posągu boga Thotha – patrona mądrości, lekarza i maga⁴⁸. Najbardziej cennymi w odkrywaniu tajników wiedzy medycznej, jaką posiadali starożytni egipscy uczeni uzdrowiciele, są oczywiście papirusy: z Kahun (2250 r. p.n.e.), Smitha (1555 r. p.n.e.), Ebersa (1550 r. p.n.e.), Hearsta (1550 r. p.n.e.), Ermana (1550 r. p.n.e.), berliński (1350 r. p.n.e.), londyński (1350 r. p.n.e.), Chester-Beatty (1200 r. p.n.e.).

Obecność roślin leczniczych odkryto na zwojach mierzącego 20.23 m papirusu medycznego, znalezionego przez pewnego Araba między nogami mumii odkrytej w Tebach i sprzedanego w 1873 roku lipskiemu egiptologowi, Georgowi Ebersowi. Papirus Ebersa pochodzi z około 1550 roku p.n.e., ale – jak wynika z analizy tekstów – jego fragmenty są najprawdopodobniej odpisem ze źródeł starszych o 1000 lat. Papirus Ebersa nazwany został przez swoich autorów „księgą o sporządzaniu leków dla wszystkich części ciała ludzkiego”⁴⁹. Zawiera on opis leków (ok. 500 różnorodnych

⁴³ Ibidem, s. 53.

⁴⁴ „Z chęci zapobiegania chorobom powstał przepis, że należy trzy dni w każdym miesiącu dzień po dniu brać na wymioty i stosować enemy” – op. cit., W. Szumowski. *Historia medycyny...*, s. 56.

⁴⁵ W. Giermaziak. *Początki farmacji w cieniu piramid*. „Bez Recepty”, styczeń 2009.

⁴⁶ W. Szumowski. *Historia medycyny...*, s. 54. Por. hasło: *alchemy* [w:] *The Oxford English Dictionary*. Ed. J.A. Simpson and E.S.C. Weiner. Vol. 1, 2nd ed., Oxford: Clarendon Press – New York: Oxford University Press 1989. Zob. też hasło: *alchemy (n)* [w:] *Online Etymology Dictionary*. [Online:] <<https://www.etymonline.com/word/alchemy>> (dostęp: 10.10.2017).

⁴⁷ Zob. hasło: *alchemy* [w:] *The Oxford English Dictionary*. Ed. J.A. Simpson and E.S.C. Weiner. Vol. 1, 2nd ed., Oxford: Clarendon Press – New York: Oxford University Press 1989. Zob. też hasło: *alchemy (n)* [w:] *Online Etymology Dictionary*. [Online:] <<https://www.etymonline.com/word/alchemy>> (dostęp: 10.10.2017).

⁴⁸ Za: W. Giermaziak. *Początki farmacji w cieniu piramid...*

⁴⁹ Ibidem.

środków leczniczych) i zakresu ich stosowania. Stanowi niezwykle imponujący receptariusz – składa się z 29 części, 100 rozdziałów i notuje około 900 recept. Należy uściślić, iż w skład receptury wchodziły głównie zioła, niekiedy także środki pochodzenia zwierzęcego (w tym leki pszczele) i minerały⁵⁰. W charakterze rozpuszczalników wykorzystywano zaś wino, piwo, oliwę, mleko, wodę, a nawet moc. Leki, jakie znalazły się w spisach, zalecano na choroby żołądka, na przeczyszczenie (olej rycynowy, zażywany z czymś w rodzaju piwa), wymioty (cebulę morską), guzy zapalne (tj. nowotwory) w przewodzie pokarmowym, tasiemce, glisty, usunięcie plam wątrobowych (tzw. ostudy), pozbycie się potówek, zapalenie odbytu i sromu, obstrukcję, blednicę egipską, bóle głowy, ból dziąseł, skąpomocz, łzawienie oczu, oparzeliny, a nawet wzmocnienie mięśni. Doceniano opium na uśmierzanie bólu, jałowiec (*Juniperus* L.) jako środek moczopędny, korę granatowca (*Punica granatum* L.) przeciw robaczycy, bylicę piołun (*Artemisia absinthium* L.) jako lek zwiększający łaknienie, tatarak (*Acorus*), miętę pieprzową (*Mentha piperita* L.), lulek (*Hyoscyamus* L.), mirrę (wonną żywicę z balsamowca *Commiphora*), kulczybę wronie oko (*Strychnos nux-vomica* L.), cynamon (z cynamonowca *Cinnamomum*), czosnek (*Allium sativum* L.), cebulę (*Allium cepa* L.), kmin (karolek, *Carum carvi* L.), mak polny (*Papaveraceae* Juss.), sałatę (*Lactuca* L.), siemię lniane (nasiona lnu zwyczajnego, *Linum usitatissimum* L.), różę (*Rosa* L.), szafran (*Crocus* L.), daktyle (owoce daktylowca właściwego *Phoenix dactylifera*), mandragorę (*Mandragora officinarum* L.), lotos (*Nelumbo* Adans), aloes (*Aloë* L.) i in.⁵¹ Co ciekawe, w receptariuszach występują bardzo poetyckie nazwy roślinnych środków leczniczych, na przykład bylicę piołun (*Artemisia absinthium* L.) określano jako „serce sępa”, a werbenę (witułkę, *Verbena* L.) – „łzy ibisa”⁵². Warto zamieścić tu następującą ciekawostkę – w lekospisie utrwalonym na papirusie Ebersa zawarty jest przepis na lek, który miał sporządzać dla siebie największy egipski lekarz i farmaceuta – Re, bóg Słońca. Preparat ten składa się m.in. z kminku, miodu i wosku⁵³.

Innym ważnym dokumentem medycznym jest papirus Smitha znaleziony w 1862 roku w grobowcu w pobliżu Teb przez Edwina Smitha, pochodzący z 1555 roku p.n.e., zawierający odpisy dużo wcześniejszych informacji dotyczących charakterystyk (48) chorób wewnętrznych, chirurgii, metod nastawiania i unieruchamiania złamanych kończyn, leczenia infekcji i gorączki, uszkodzeń neurologicznych. Papirus zawiera także dane na temat poczynionych obserwacji anatomicznych (wzmianki o akcji serca, obliczeniach tętna). Powszechnie uważa się jednak, iż autorem tego „traktatu chirurgicznego” jest sam Imhotep⁵⁴ – żyjący ok. 2900 roku p.n.e. pierwszy lekarz znany z imienia ze źródeł historycznych, twórca egipskiej medycyny, autor ksiąg medycznych, deifikowany urzędnik faraona Dżesera, bóg-uzdrowiciel, mędrzec, uprawiający magię. Uczeni przypuszczają, iż to właśnie Imhotep był autorem etyki zawartej w tzw. przysiędze Hipokratesa.

⁵⁰ Ibidem.

⁵¹ Ibidem.

⁵² *Zielnik dla każdego...*, s. 6–7.

⁵³ M. Kora. *Zielona medycyna. Apiterapia, homeopatia, ziołolecznictwo. Przewodnik pacjenta*. Wyd. 2 uzup. Warszawa: Oficyna Wydawnicza Eko-Vital, 1996, s. 19.

⁵⁴ J. Baines, J. Málek. *Wielkie kultury świata. Egipt*. Przeł. z ang. T. Derda. Warszawa: Penta, 1995.

Kolejnym źródłem historii farmacji jest tzw. papirus Hearsta z 1550 roku p.n.e. stanowiący odpisy z ksiąg świętych. Zawiera on szczegółowe instrukcje sporządzania leków oraz opisy konkretnych przypadków ich użycia. Z kolei 80 recept zamieszczono w tzw. papirusie berlińskim, odnalezionym w Sakkarze przez Heinricha Brugscha, a pochodzącym z 1350 roku p.n.e. Księgą recept jest także papirus londyński z tego samego okresu⁵⁵.

Starożytni uzdrowiciele egipscy dużą wagę przywiązywali także do profilaktyki chorób⁵⁶, zachęcając przede wszystkim do higienicznego trybu życia. Potrafiliby oni racjonalnie leczyć i zapobiegać, znali właściwości odkażające kadzidła o nazwie *kyphi* (wierzyli również, że odstrasza ono choroby)⁵⁷. Współcześnie wiadomo, że podczas jego spalania wydziela się kwas karbolowy bądź fenol, które są silnymi środkami bakteriobójczymi. Egipska wiedza medyczna była niezwykle ceniona przez współczesnych okresie, a lekarze-uzdrowiciele z Naju uchodzili za znakomitych praktyków. Lekarze-kapłani uzdrawiający swych pacjentów także przy pomocy magii⁵⁸ i zaklęć, pełnili rolę ówczesnych psychoterapeutów. W Egipcie istniał podział na poszczególne specjalizacje⁵⁹. Lekarze byli doskonale zorganizowani⁶⁰ i opłacani przez państwo. Istniał też dobrze rozwinięty system ich kształcenia. W dużych miastach działały liczne przyświątynne instytucje – tzw. Domy Życia, w których przygotowywali się do zawodu kapłani uzdrowiciele oraz kapłanki akuszerki, i w których już wtedy prowadzono oddziały porodowe, pierwszej pomocy, medycyny paliatywnej oraz hospicja. Armia egipska dysponowała własnymi szpitalami polowymi i własnymi zespołami medyków. Egipcjanie najczęściej przy świątyniach zakładali cenne ogrody botaniczne, w których uprawiali rośliny przeznaczone na leki. Lekarstwa przygotowywali z dużą starannością, w specjalnych pomieszczeniach, ściśle wedle receptury, wykorzystując do tego rośliny zielarskie, minerały i tkanki zwierzęce. Podobno wykorzystywali oni jedną trzecią leków znanych nam dzisiaj. Zresztą wytwarzali je tak, jak czyni się to obecnie. Ze środków mineralnych stosowano sole miedzi (na wymioty), sole ołowiu (w celach kosmetycznych), natron, sól morską itd.⁶¹; ze środków pochodzenia zwierzęcego – prócz miodu – wykorzystywano w lecznictwie mleko różnych zwierząt, przeróżne tłuszcze

⁵⁵ W. Giermaziak. *Początki farmacji w cieniu piramid...*

⁵⁶ W Egipcie stworzono system kanalizacji. Nie wolno było zanieczyszczać ziemi gnijącymi ciałami, zwłoki balsamowano, istniały ogłędziny mięsa, wodę w późniejszych czasach pito przegotowaną i filtrowaną, bardzo dbano o higienę osobistą, stosowano enemy i higieniczny tryb życia.

⁵⁷ K. Hanisz. *Z historii leków. Inhalacje*. „Bez Recepty” 2005, nr 3, s. 32–34.

⁵⁸ Dawni egipciolodzy mieszały medycynę egipską z magią. Nieporozumienie wynikało m.in. stąd, że w staroegipskim ten sam wyraz oznaczał lekarza i maga. Grecki wyraz *μάγος* oznacza szarlatana lub czarownika, natomiast Egipcjanie przez podobny wyraz rozumieli uczonego. Za: W. Szumowski. *Historia medycyny...*, s. 49.

⁵⁹ Leczone wszystkie schorzenia i dolegliwości – od bólu zęba i dziąseł począwszy, poprzez astmę, miażdżycę, obniżenie odporności, kończąc na skomplikowanej trepanacji czaszki. Za: W. Szumowski. *Historia medycyny...*, s. 49.

⁶⁰ Jedną z pierwszych znanych kobiet-lekarek była Peseshet, żyjąca w okresie IV dynastii, nosząca tytuł „zarządcy kobiecych lekarzy”. Pierwszą zaś znaną kobietą uczoną-lekarką była Merit Ptah (ok. 2700 r. p.n.e.) – zob. *Nowy leksykon PWN*. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 1998.

⁶¹ W. Szumowski. *Historia medycyny...*, s. 55.

zwierzęce, rybie i ptasie, żółć, różne rodzaje krwi, mięsa, skóry, włosów, rogów, kopyt, kału, także całe owady, jak na przykład kantarydy, robaki, żmije, jaszczurki itp.⁶². Egipcjanie byli niezwykle biegli w opatrywaniu i leczeniu ran, które kurowali za pomocą żywic, skał i metali, co najmniej dwóch środków o działaniu antybakteryjnym oraz miodu, znanego powszechnie jako środek o właściwościach antywirusowych, antygrzybiczych i antybakteryjnych (miód, powodując odwodnienie, drogą osmozy tworzy warunki niesprzyjające rozwojowi drobnoustrojów). W podobny sposób leczono wrzody i oparzenia. Badania mumii egipskich wykazały, iż w przeszłości występowały potencjalnie śmiertelne urazy, które jednakże się zagoiły⁶³. Świadczy to niezbitcie o tym, że starożytni Egipcjanie byli znakomitymi ratownikami ludzkiego życia. Środki lecznicze przepisywali⁶⁴ w różnej postaci. Znali oni z całą pewnością roztwory, wlewki, wywary, syropy, emulsje i mazidła, plastry, kremy, maści, płukanki do ust; posiadali krople do oczu (zakrapiali je za pomocą ptasich piórek), pigułki, proszki, kompresy, tabaczkę, a także czopki na schorzenia ginekologiczne i rektalne. Byli wynalazcami enemy. Na dolegliwości układu oddechowego ordynowali leki do inhalacji – wylewane na gorące kamienie i wdychane przez nos i usta za pomocą trzciny pustej w środku⁶⁵. Umiejętnie stosowali techniki znane współczesnej farmacji – zagęszczali, rozcieńczyli, miażdżyli, aby odpowiednio uwolnić zawartą substancję, potrafili konserwować sporządzane specyfiki. Jako pierwsi w charakterze metody leczniczej stosowali aromaterapię. Wymyślili też kosmetyki wieloskładnikowe. Obecnie wielkie światowe laboratoria kosmetyczne dokonują analiz starożytnych receptur, aby je wykorzystały na potrzeby współczesnego rynku kosmetycznego⁶⁶.

Lecnictwo greckie i rzymskie

Wysoka cywilizacja starożytnych Greków i Rzymian znalazła odbicie w licznych bezcennych księgach, w których zawarta została ogromna wiedza na temat roślin leczniczych⁶⁷. A były to księgi Teofrasta z Eresos (370–287 p.n.e.), Dioskuridesa Pedianosa (I w.), Pliniusza Starszego (23–79 n.e.), Galena (130–201 n.e.). Warto pokrótce przyrzeć się temu dorobkowi intelektualnemu.

Starożytni Grecy byli spadkobiercami wiedzy medycznej wypracowanej przez Egipcjan oraz społeczności znajdujących się w kręgu rozwiniętej kultury egejskiej⁶⁸. Rozkwit nauk medycznych przypada u nich na okres V i IV wieku p.n.e. Lecnictwo praktyczne było związane z kultem religijnym⁶⁹ i początkowo skupiało się wyłącznie

⁶² Ibidem, s. 55.

⁶³ W. Giermaziak. *Początki farmacji w cieniu piramid...*

⁶⁴ Sposób przepisywania leków był podobny do dzisiejszego – środek podstawowy, środek pomocniczy, środek obojętny, nadający lekom postać, a także środek poprawiający smak i zapach.

⁶⁵ K. Hanisz. *Z historii leków. Inhalacje...*

⁶⁶ W. Giermaziak. *Początki farmacji...*

⁶⁷ Na ten temat zob. *Historia medycyny*. Wyd. 2 popr. i uzup. Red. T. Brzeziński. Warszawa: Wydawnictwo Lekarskie PZWL, 1995.

⁶⁸ W. Szumowski. *Historia medycyny...*

⁶⁹ Grecy wykorzystywali także właściwości narkotyczne oraz toksyczne roślin w celach obrzędowych.

w świątyniach. Z czasem zrezygnowano z magii, szczególnie zaś z teurgii⁷⁰ i praktykom lekarskim nadano świecki charakter (w VI wieku p.n.e.). Wykształciły się specjalizacje osób trudniących się sporządzaniem leków. Pojawili się farmakopole – osoby odpowiedzialne za ich przygotowanie. Mimo, iż w starożytnej Grecji medycyna stała na dość wysokim poziomie, trudniono się zielarstwem, a pasterzy uprawiających zioła nazywano pogardliwie trucicielami⁷¹. Wyszukiwaniem, zbieraniem, suszeniem, krajaniem ziół zajmowali się *krajacze korzeni* (ryzotomowie)⁷². Zioła sprzedawano w specjalnych składach, które nazywano *apotheke* (od gr. ἀποθήκη ‘przechowywać’)⁷³. Starożytni Grecy umiejętnie reklamowali zarówno własne apteki, jak i produkty – do kupna specyfików zachęcali i wizualnie, umieszczając na ścianach freski oraz celne napisy, i „dźwiękowo”, wynajmując heroldów obwieszczających m.in. przybycie statków wiozących surowce lecznicze oraz wina⁷⁴. Wiele nazw łacińskich zioła zawdzięczają greckim nazwom ludowym, na przykład nazwa naukowa krwawnika pospolitego używanego do tamowania krwawienia wywodzi się od imienia Achillesa, któremu w boju towarzyszył Patrokles. Grecy nie tylko opisywali właściwości uzdrawiające ziół, lecz koncentrowali się także na opisie ziół trujących, na które poszukiwali antidotum drogą eksperymentów na ludziach⁷⁵.

Za prekursora współczesnej medycyny uchodzi Hipokrates z Kos (460–370); jest nazywany jej „ojcem”. Racjonalne idee i metody szkoły Hipokratesa znane są z dzieła *Corpus Hippocrateum*, które stanowi zbiór niespełna siedemdziesięciu pism lekarskich pochodzących z około IV wieku p.n.e., zebranych już po śmierci uczonego. Hipokrates stworzył podstawy nauki o płynach ustrojowych – krwi, śluzie, żółci, czarnej żółci. Jego zdaniem, zdrowie człowieka uzależnione było od stanu równowagi tych płynów. Ideą szkoły Hipokratesa była troska o zdrowie chorego (łac. *salus aegroti suprema lex* ‘zdrowie najwyższym prawem’)⁷⁶. Naczelna zasada brzmiała natomiast: nie szkodzić choremu, lecz wspomagać naturalne procesy zdrowienia. Duży nacisk Hipokrates kładł na profilaktykę – zalecał dietę i higienę. Starożytny lekarz oparł medycynę na racjonalnych zasadach i nauka jego „nie ma sobie równej pod względem troski o chorego, obserwacji lekarskiej i logicznego wyciągania wniosków prognostycznych. Wywarła ona przemożny wpływ na medycynę światową przez wiele stuleci. Hipokrates sporządził bardzo dokładne opisy objawów chorobowych oraz niezwykle bogaty spis

wych. Wywarów z roślin trujących używali m.in. do wykonywania wyroków śmierci.

⁷⁰ Teurgia to forma magii polegająca na zmuszaniu bóstwa do pożądanego działania.

⁷¹ Por. M. Barosiak. *Wąż Eskulapa, laska Asklepiosa i krew Gorgony. Cz. II. „Bez Recepty”* 2001, nr 5.

⁷² Zob. K. Hanisz. *Polihymnia u Asklepiosa. Cz. I: Historia farmacji. „Bez Recepty”*, lipiec 2001; K. Hanisz. *Polihymnia u Asklepiosa. Cz. II: Historia farmacji. „Bez Recepty”*, październik 2001.

⁷³ Z. Wolniak. *Historia pierwszych aptek. „Bez Recepty”*, lipiec 2003.

⁷⁴ K. Hanisz, M. Ewich. *Z dziejów reklamy aptekarskiej. „Bez Recepty”* 2003, nr 10, s. 22–23.

⁷⁵ Władca Pergamonu Attalos III w obawie przed otruciem, sadził w ogrodzie toksyczne rośliny, m.in. ciemiężycę, lulek, szaleję, bielun, z których następnie sporządzano wywary, po czym podawano skazańcom, aby obserwować ich reakcję na nie. Król Pontu Mityrdades V przygotowywał natomiast odtrutkę, na którą usiłował uodpornić swój organizm, bowiem również chorobliwie bał się otrucia – za: *Zielnik dla każdego...*, s. 9.

⁷⁶ *Wielka encyklopedia powszechna PWN. T. 1–12.* Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1960–1968.

leków. Był wielkim zwolennikiem ziołolecznictwa, zioła zaś zalecał stosować bez jakiegokolwiek przetwarzania z uwagi na optymalną ilość zawartych w nich substancji leczniczych⁷⁷. Idee Hipokratesa rozwijane były m.in. przez Dioklesa (ur. ok. 350 r. p.n.e.), autora pierwszej książki o anatomii.

Równie wybitnym uczonym greckim był Teofrast z Ereos (ok. 370–287 p.n.e.), uczeń Arystotelesa. Rozbudował on metodę obserwacji naukowej i stosował ją w wielu dziedzinach – badaniach dotyczących biologii, medycyny, meteorologii oraz w rozważaniach etycznych i charakterologicznych. Największe zasługi Teofrast położył jednak na polu biologii. Formułując różnice między światem zwierzęcym i roślinnym, skupił się na badaniu świata roślin i zyskał dzięki temu miano „ojca botaniki”. Zajmował się przede wszystkim systematyką, morfologią, geografią, ekologią i fizjologią roślin (wydzielił trzy organy tych ostatnich: korzeń, łodygę i liść). Dążył do ustalenia terminologii botanicznej. Wprowadzony przez niego podział świata roślinnego na cztery grupy: rośliny zielne, krzewiny, krzewy, drzewa przetrwał w nauce aż do XVI wieku. Teofrast opisał około 500 gatunków. Pozostawił bogaty dorobek piśmienniczy, m.in. *Historia plantarum (Badania nad roślinami)* w dziewięciu księgach i *De causis plantarum (Przyczyny powstawania i rozwoju roślin)* w sześciu księgach. Uważany jest ponadto za prekursora ekologii i geografii roślin⁷⁸.

Wybitnym greckim lekarzem, farmakologiem i botanikiem, pracującym w Rzymie w służbie cesarza Nerona i Wespazjana, był Dioskurides Pedianos (ok. 40–90), który podczas wypraw wojennych opisywał działania lecznicze kilkuset gatunków roślin, wprowadzając tym samym ziołolecznictwo na nauki medycznych. Opisał on szereg produktów zwierzęcych o znaczeniu dietetycznym i leczniczym. Jest autorem pięciotomowego dzieła *De Materia Medica*, uznawanego za najważniejszą księgę o roślinach zielarskich czasów starożytnych, użyteczną do XVII wieku i stanowiącą punkt wyjścia do opracowania pierwszych farmakopei. Jego nazwiskiem nazwano rodzinę roślin jednoliściennych *Dioscoreaceae*⁷⁹.

W starożytnym Rzymie uznani medycy często miewali greckie korzenie. Jednym z takich był Asklepiades (124 r. p.n.e. lub 129 r. p.n.e. – 40 r. p.n.e.) – zwolennik atomizmu epikurejskiego i mechanicznego wyjaśniania czynności organizmu. Medyk ów stosował proste i naturalne środki lecznicze, takie jak dieta, ruch, świeże powietrze, kąpiele, masaże, kuracje wodne i napotne. W charakterze uniwersalnego środka przypisywał wino. Wywarł wielki wpływ na dalszy rozwój medycyny; głosił zasadę leczenia „tuto, celriter, iucunde” (‘pewnie, szybko i przyjemnie’)⁸⁰.

Ważnym uczonym i encyklopedystą był Aulus Cornelius Celsus (50 r. p.n.e.–7 r. n.e.) – autor wielkiego dzieła encyklopedycznego *Artes*, które zawierało 8 ksiąg *O medycynie (De Medicina)*. Choć Celsus nie był lekarzem, to udało mu się niezwykle trafnie dokonać kompilacji ówczesnego dorobku wiedzy medycznej. Jego dzieło stało się klasycznym podręcznikiem, do XVIII wieku wielokrotnie tłumaczono je na różne języki, jest cenione do dziś przez patologów.

⁷⁷ Ibidem.

⁷⁸ Ibidem.

⁷⁹ Zob. *Wielka encyklopedia powszechna PWN*. T. 3..., s. 54.

⁸⁰ Ibidem.

W I wieku praktykował Pakkios Antiochos, który zdobył majątek dzięki sprzedaży pewnego specyfiku, którego recepturę utrzymywał w sekrecie. Scribonius Largus w I wieku n.e. pozostawił po sobie dzieło *De compositione medicamentorum* (*O sporządzaniu leków*). Na przełomie wieków II i III działał Sekstus Empiryk, przedstawiciel szkoły sceptyków niewierzących w wykrywanie prawdziwych przyczyn chorób i ograniczających się do obserwacji objawów. Twórcą monumentalnego dzieła *Historia Naturalis* (*Historia naturalna*), złożonego z 37 ksiąg o charakterze encyklopedycznym, jest Pliniusz Starszy (Caius Plinius Secundus, 23–79 n.e.). Księgi 12–27 obejmują botanikę, ogrodnictwo, rolnictwo i leki roślinne, księgi 28–32 – leki pochodzenia zwierzęcego, zaś księgi 33–37 – minerały. Dzieło to stanowiło główne źródło informacji aż po czasy renesansu i zawierało opis blisko 1000 gatunków roślin.

Najwybitniejszym lekarzem rzymskim greckiego pochodzenia był chirurg, patolog i anatom Galen z Pergamonu (Claudius Galenus, ok. 130 n.e. – 200 n.e.), przyboczny lekarz cesarzy i główny lekarz gladiatorów⁸¹. Wywarł on ogromny wpływ na późniejszy rozwój nauk medycznych średniowiecza i renesansu. Galen pozostawił po sobie ogromny dorobek, m.in. w postaci pism medycznych i farmaceutycznych, z których największe znaczenie mają *Therapeutice* (*Metoda lecznicza*), nazwane później *Megatechne*, oraz *Techniatrike* (*Sztuka lekarska*), przemianowane następnie na *Mikrotechne*. Zdaniem Galena, cztery elementarne jakości występują także w zasadniczych cechach innych leków pochodzenia roślinnego, zwierzęcego lub mineralnego, tj. pieprz jest gorący, mięta i opium zimne, wino i cebula – gorące⁸². W oparciu o obserwacje wpływu różnych środków na organizm człowieka wprowadził cztery stopnie zimna⁸³. Prócz tego wniósł niezwykle cenny wkład do terapii. Używał przy tym wielu leków w myśl zasady *Populus remedia cupit* ('lud żąda leków')⁸⁴. Wprowadził również szereg nowych środków leczniczych, opisał ponad 400 roślin leczniczych, usystematyzował nagromadzone przez stulecia przepisy sporządzania leków⁸⁵, a także badał sam i zalecał empiryczne badanie ich skuteczności – stworzył więc podwaliny farmacji. Galen stosował wszystkie znane leki wschodnie, a także sporo europejskich. Opracował metody sporządzania leków, na których opierała się niemal cała terapia przez następne piętnaście wieków⁸⁶. W jego receptach odnajdujemy wiele środków mineralnych: związki ołowiu, miedzi, żelaza, arseniku, sól morską, sól kamienną, gips, glinę, siarkę, ałun, sodę, lapis lazuli, jaspis, malachit. Z arsenału środków leczniczych pochodzenia zwierzęcego, oprócz powszechnie znanych, takich jak mleko, serwatkę, masło, tłuszcze, włączył do terapii jądra, jajniki (jest prekursorem dzisiejszej opoterapii), mięso, szpik, ślinę, jaja itd. Był natomiast zdecydowanym przeciwnikiem stosowania potu, moczu, krwi miesięczkowej, gnoju, które uważał za obrzydliwe. Jego ulubionym środkiem na dole-

⁸¹ Ibidem.

⁸² W. Szumowski. *Historia medycyny...*, s. 147.

⁸³ Galen uważał, że choroby powstające z niewłaściwego składu cieczy, należy leczyć w oparciu o zasadę „*contraria contrariis*” środkami przeciwnymi, jak zimne i ciepłe kąpiele, okłady, powietrze – za: W. Szumowski. *Historia medycyny...*, s. 148.

⁸⁴ W. Szumowski. *Historia medycyny...*, s. 148.

⁸⁵ Ibidem, s. 148.

⁸⁶ *Wielka encyklopedia powszechna PWN*. T. 4..., s. 84.

gliwości żołądkowe był pieprz⁸⁷. Przepisywał aloes oraz diacodion (*syrupus diacodion* 'ulepek makowy'). Galen był twórcą wiedzy o postaciach leków – twierdził, że postać, w jakich są podawane, determinuje ich działanie. Wprowadził nowe postacie leków, m.in. proszki, wyciągi, nalewki na wodzie, winie i occie, mazidła, noszące do dziś nazwę preparatów galenowych⁸⁸, inaczej *galeników* (tj. leków z surowców pochodzenia roślinnego, zwierzęcego i mineralnego otrzymywane drogą ekstrakcji); dokonał podziału substancji leczniczych na maści, kremy, papki. Zalecał środki do pędzlowania, na kichanie, do żucia, wstrzykiwania, wlewania, wziewania, lewatywy, plastrów gorczycznych, środki przyżegające, proszki do zębów, czopki, a także krążki maciczne⁸⁹. Do nauk medycznych włączył kosmetykę.

Lecznictwo bizantyjskie

W starożytnym Bizancjum działało wielu znakomitych lekarzy, filozofów, botaników, ale w zasadzie wnieśli oni niewiele nowego do rozwoju nauk medycznych, bazując na bogatym dorobku swoich poprzedników⁹⁰. Najwybitniejszymi byli: biegły chirurg Oribarius (Oribasios, Oribasism Oribaso, 325–403) – autor potężnego dzieła medycznego w 70 tomach *Zbiory lekarskie*, będącego cenną encyklopedią medyczną, oraz czterotomowego poradnika samoleczenia *Lekarstwa domowe*; Aleksander z Tralles (ok. 525–605) – patolog i internista, twórca dzieła *Dwanaście ksiąg na temat medycyny* poświęconego w całości leczeniu chorób wewnętrznych, oraz chirurg Paweł z Eginety (Paulus Aegineta, Aegina, 625? – 690?), który opracował encyklopedię medyczną *Epitomes iatrikes biblio hepta*, stanowiące podsumowanie zachodniej wiedzy medycznej, która zdobyła wręcz niezwykłą popularność w medycynie arabskiej i europejskiej.

Lecznictwo arabskie

Średniowieczna medycyna arabska była spadkobierczynią dziedzictwa medycyny różnych kultur – perskiego, hinduskiego, syryjskiego, mezopotamskiego, greckiego i egipskiego⁹¹. W XI wieku różniła się już od tej antycznej, była dużo bardziej zaawansowana niż poprzedzająca ją wiedza z kręgu kultury śródziemnomorskiej, a przede wszystkim wyprzedzała znacznie ówczesną medycynę europejską⁹². Arabowie stworzyli nadzwyczaj postępową i bogatą literaturę medyczną oraz system kształcenia lekarzy, który potwierdzał wiedzę dyplomem. Podczas studiów medycznych w ramach zajęć studenci musieli odbywać praktykę w ogrodzie i poznawać rośliny lecznicze. Lekarze wywodzili się spośród innych nacji, głównie Syryjczyków, Persów i Greków.

⁸⁷ W. Szumowski. *Historia medycyny...*, s. 148.

⁸⁸ Por. J. Pluta, D. Haznar-Garbacz, B. Karolewicz, M. Fast. *Preparaty galenowe*. Wrocław: Med-Pharm Polska, 2010.

⁸⁹ A. Drygas. *Zarys dziejów farmacji. Z elementami zagadnień metodologicznych dla studentów farmacji*. Gdańsk: Akademia Medyczna, 1994.

⁹⁰ W. Szumowski. *Historia medycyny...*, s. 148.

⁹¹ Opracowano na podstawie: W. Szumowski. *Historia medycyny...*, s. 148.

⁹² Ibidem.

Ekspansja muzułmańska wpłynęła w dużej mierze m.in. na rozwój handlu środkami leczniczymi i wymianę wiedzy medycznej. W Koranie i w hadisach wartości ludzkiego zdrowia poświęcono wiele wersetów, zaś Mahomet polecał, aby zdrowie darzyć szczególnym szacunkiem; zwracał się do chorych, aby domagali się leków, a do lekarzy – by je tworzyli⁹³. Prorok nakazywał również inwestować w badania naukowe. Zarówno Koran, jak i Sunna zawierają wiele wskazań na temat higieny, a tym samym profilaktyki chorób. W muzułmańskich szpitalach z uwagi na zachowanie właściwej higieny żywienia organizowano odrębne kuchnie oraz opracowywano specjalną dietę zalecaną chorym. W VIII wieku Arabowie stworzyli i rozwinęli znakomity system lecznictwa otwartego. Zakładali pierwsze szpitale publiczne, także o charakterze dzisiejszych klinik medycznych, pierwsze szpitale psychiatryczne oraz apteki, w których wydawano leki na podstawie recept lekarskich. Do lecznictwa włączono farmakognozę⁹⁴. Doro-bek antyczny Dioskuridesa Arabowie wzbogacili o wiedzę pochodzącą z Indii i Chin oraz z własnych doświadczeń. Wnieśli tym samym nieoceniony wkład w rozwój farmacji i ziołolecznictwa⁹⁵. Uczonym muzułmańskim zawdzięczamy odkrycie destylacji, w wyniku której otrzymuje się olejki eteryczne. Arabowie wzbogacili asortyment leków wieloma roślinnymi surowcami z Indii i Chin. Wprowadzili w rejonie Morza Śródziemnego uprawę ryżu, trzciny cukrowej i bawełny. Opracowali nowe formy leków, na przykład syropy, wody aromatyczne, spirytusy lecznicze. Zarysował się wyraźny podział na medycynę i farmację⁹⁶.

Jednym z najznamienitszych lekarzy muzułmańskich okresu średniowiecza był Rhazes (Abu Bakr Muhammad ibn Zakarijja ar-Razi, 865–932), uznawany za ojca medycyny eksperymentalnej (prowadził m.in. doświadczenia w alchemii). Rhazes traktował sztukę lekarską jako „sztukę, która poświęciła się zachowaniu zdrowego ciała w walce z chorobą”⁹⁷. Wskazywał na trzy ważne aspekty nauk medycznych: zdrowie publiczne, medycynę profilaktyczną i lecznictwo indywidualne. Motto Rhazesa było następujące: „Zwalczanie choroby może być zawsze osiągnięte przez stosowanie diety, a nie leków; unikaj stosowania leków złożonych wszędzie tam, gdzie wystarczą prostsze”⁹⁸. Stworzył on także – co ciekawe – podwaliny pediatrii. Krąg jego zainteresowań naukowych był nader szeroki i obejmował higienę, epidemiologię, toksykologię oraz klimatologię.

Do kręgu wybitnych uczonych należeli Abu Rajhan Muhammad al-Biruni (973–1048), który pozostawił wybitną *Farmakognozę*, w której odniósł się krytycznie do poglądów na temat leczniczego wpływu kamieni i minerałów, a także Ibn al-Bajtar – autor cenionej *Księgi leków*. Najśłynniejszym uczonym islamskim, lekarzem i filozofem, był Ibn Sina (980–1037) zwany Awicenną z Buchary, okrzyknięty ojcem medycyny nowożytnej; na podkreślenie zapewne zasługuje fakt, iż sławę medyczną zdobył

⁹³ Ibidem.

⁹⁴ J. Danecki. *Co zawdzięczamy islamowi*. [Online:] <http://www.opoka.org.pl/biblioteka/I/IR/co_islamowi.html> (dostęp: 12.02.2016).

⁹⁵ O tym A. Drygas. *Zarys dziejów farmacji...*

⁹⁶ Ibidem.

⁹⁷ P. Kardas. *Najstarsze leki*. „Żyjmy dłużej” 1999, nr 12.

⁹⁸ Ibidem.

on w wieku lat siedemnastu. Pozostawił po sobie 450 uczonych ksiąg, m.in. *Kanon medycyny* (używany w Europie do XVIII w.) i *Księgę uzdrowienia*. Wprowadził do lecznictwa diety wyłącznie owocowe, masaże lecznicze, opisał wiele ich technik. Sporządził opis ośmiuset leków roślinnych – rodzimych i proveniencji egipskiej, perskiej, hinduskiej, tadżyckiej, syryjskiej, mezopotamskiej, greckiej⁹⁹.

Warto uzmysłowić sobie fakt, iż cały dorobek intelektualny wypracowany w starożytności przez Greków i Rzymian Europa zawdzięcza wysoko rozwiniętej kulturze arabskiej, która nie tylko wzbogaciła go, ale i przechowała wiedzę medyczną (przekłady medycznych dzieł hellenistycznych na arabski). Dotyczy to szeroko pojmowanej powinności leczenia ludzi. Arabskie osiągnięcia w zakresie agrokultury przyniosły rozwój rolnictwa i upraw lasów w całej Europie. To właśnie Arabowie zaszczepili w Europejczykach zamiłowanie do zakładania ogrodów, w których hodowano nie tylko rośliny ozdobne (pozytywnie działające na psychikę), ale też przyprawowe (wspomagające trawienie, dodające aromatu) i lecznicze. Wielu arabskich botaników zyskało sławę w kręgu europejskim; do nich należał m.in. toledańczyk Ibn Wafid (zm. 1075) znany jako Abenguefith, któremu przypisuje się autorstwo dzieła *Madżmu al-filaha* (*Zbiór o rolnictwie*)¹⁰⁰.

Lecznictwo żydowskie

W medycynie żydowskiej na plan pierwszy wysuwa się higiena. O szczegółach mówią Święte Księgi *Starego Testamentu* oraz *Talmud*. Żydzi, podobnie jak Arabowie, rozwinęli kosmetologię, wytwarzając z roślin olejkodajnych cenne i kosztowne wonności. W *Biblii* można odnaleźć kilkadziesiąt nazw ziół. Odnajdziemy w niej też wzmianki o „niszczących” choroby właściwościach gleby. Według ówczesnych wierzeń gleba miała specyficzne właściwości odkażające. Wierzono, że ciała ludzi zmarłych na chorobę zakaźną po złożeniu do ziemi traciły swoje zakaźne cechy¹⁰¹.

Średniowieczne lecznictwo w Europie

Ziołolecznictwo kontynuowano w chrześcijańskich klasztorach w ramach tradycji zakonnej¹⁰². Ożywienie w tej dziedzinie nastąpiło dopiero w VI wieku, kiedy rzymski filozof i mnich Kasjodor (485–583) czynił wysiłki, aby zgromadzić i odtworzyć starożytną wiedzę medyczną. W klasztorach stworzył niezbędne warunki do kopiowania i analizowania ksiąg Galena i Hipokratesa oraz kontynuowania ich dzieła; przyczynił się do rozwoju medycyny klasztornej opartej na lekach roślinnych i wywiadzie lekarskim. Wybitne zasługi mieli w tej dziedzinie benedyktyni z Salerno¹⁰³. W X wieku

⁹⁹ J. Danecki. *Co zawdzięczamy islamowi*.

¹⁰⁰ Ibidem.

¹⁰¹ Por. S. Russell. *Antybiotyki...*, s. 26. Por. M. Wasilewski. *Minerał jako lek. Między starożytnością a współczesnością*. Warszawa: Oficyna Wydawnicza Rytm, 2008.

¹⁰² Zob. np. A. Cavelius, B. Frohn. *Zioła w medycynie naturalnej*. Przeł. P. Montusiewicz. Bremen: Mak, 2005.

¹⁰³ W. Szumowski. *Historia medycyny...*

powstała tam szkoła medyczna, która uważana jest za pierwowzór uniwersytetów (w czasie wojen krzyżowych misjonarze powracający z Ziemi Świętej zawijali do Salerno, aby leczyć swoje choroby i rany). Jednym z najwybitniejszych jej uczonych był Konstantyn Afrykańczyk z Kartaginy, podróżnik, autor prac, w których wymieniał 168 roślin leczniczych i ponad 200 leków. Mnisi uprawiali rośliny lecznicze w wirydarzach, sporządzali maści, wyciągi, wywary, nalewki, byli tym samym uzdrowicielami, opracowali bowiem szereg cennych receptur ziołowych i przepisów dietetycznych, które weszły na stałe do ludowej kultury medycznej¹⁰⁴. Posiedli również sztukę prowadzenia ilustrowanych herbariów, które stały się katalogami roślin leczniczych (rozwój europejskiego ziołoznawstwa)¹⁰⁵.

W średniowiecznej Europie, wyniszczanej przez pożary i epidemie, wraz z upadkiem kultury miejskiej nastąpił faktyczny upadek medycyny¹⁰⁶. Zarówno chorzy, jak i medycy we wszystkim dopatrywali się działania sił nieczystych, nienaturalnych, ozdrowienia szukali w opatrności Boskiej (teocentryzm), diabłach i aniołach. W sprawach zdrowia stosowano egzorcyzmy, magię, post, ofiarę, relikwie i modlitwę. Wiele chorób mało swoich patronów. Równocześnie nie przestrzegano żadnych zasad higieny (piętno grzechu na ciele ludzkim). Ziołolecznictwo stało się przede wszystkim domeną cudotwórców i czarownic, a bywało, że i sutenerów. Nastąpił długi okres degradacji ziół, a tym samym dobroczynnej fitoterapii. W puszczach przed okrucieństwem ówczesnego życia, a później przed Świętą Inkwizycją, zmuszone były skrywać się kobiety żywiące się, leczące i czarujące zbieranymi przez siebie leśnymi roślinami. Były wśród nich osoby o niezwykłej intuicji medycznej, które – jak stwierdza Szumowski – „łatwiej robiły nowe odkrycia niż napuszeni *doctores medicinae*”¹⁰⁷. Kościół uznawał czarodziejstwo za „grzech przeciwny religii”, a papież Innocenty VIII wydał bullę nakazującą inkwizytorom prześladowanie czarownic.

W epoce Odrodzenia zakonnicy utracili wyłączność na leczenie ziołami. Pojawili się aptekarze, olejkarze, zbieracze ziół, a także lekarze-botanicy¹⁰⁸. Rozpoczęto naukowe opisywanie nowych roślin i surowców leczniczych. Nie sposób wymienić tu wszystkich nazwisk znamienitych europejskich uczonych lekarzy i botaników działających w tym okresie. Na przestrzeni XIII i XIV wieku w wielu krajach europejskich utworzono pierwsze apteki nazywane „składami pieprzu” i „sklepami korzennymi”¹⁰⁹. Wynalezienie druku sprzyjało rozpowszechnianiu wiedzy lekarskiej i farmaceutycz-

¹⁰⁴ Układ gniazdowy i słownik słów kluczowych wybranych kategorii kultury. *Medycyna ludowa*. Red. Cz. Robotycki, W. Babik. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2005; A. Paluch. *Świat roślin w tradycyjnych praktykach leczniczych wsi polskiej*. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 1984; prace Katarzyny Hanisz w magazynie „Bez Recepty”.

¹⁰⁵ M. Kora. *Zielona medycyna. Apiterapia, homeopatia, ziołolecznictwo*. Warszawa: Oficyna Wydawnicza EKO-VITAL, 1996; *Fitoterapia i leki roślinne*. Red. E. Lamer-Zarawska et al. Warszawa: Wydawnictwo Lekarskie PZWL, 2007.

¹⁰⁶ W. Szumowski. *Historia medycyny...*

¹⁰⁷ Ibidem.

¹⁰⁸ O tym: J. Majewski. *Pierwsze apteki w grodzie Lecha*. „Bez Recepty”, styczeń 2003; J. Majewski. *Muzea farmacji i zbiory aptekarskie w Polsce*. Poznań: Wydawnictwo Kontekst, 2006.

¹⁰⁹ Z. Wolniak. *Korzenie aptek i zawodu lekarskiego*. „Bez Recepty”, kwiecień 2009; Z. Wolniak. *Historia pierwszych aptek*. „Bez Recepty”, lipiec 2003.

nej, popularyzacji zielników o charakterze encyklopedii, które pełniły funkcję poradników lekarskich. Pierwszym zielnikiem drukowanym było włoskie *Herbarium* z 1481 roku Apuleiusa Platonicusa. Również w Polsce w XVI–XVII wieku ukazało się wiele cennych herbariów¹¹⁰. Najobszerniejszym, nadto najcenniejszym zielnikiem w Europie był wówczas zielnik opracowany przez doktora filozofii i medycyny Uniwersytetu Jagiellońskiego Szymona Syreniusza (Syreńskiego), wydany w 1613 roku w Krakowie, liczący 150 stron i zawierający opis 755 roślin mających uzdrawiające znaczenie. Do ważnych polskich opracowań należy ponadto *Herbarz polski* Marcina z Urzędowa (z połowy XVI wieku)¹¹¹.

W epoce wielkich odkryć geograficznych wieków XV i XVI zioła oraz wiedza na tematy botaniczno-lekarskie stawały się coraz bardziej popularne¹¹². Ze swych wypraw żeglarskich Hiszpanie i Portugalczycy przywozili niemało nieznanych dotąd gatunków roślin – z Ameryki m.in. drzewo chinowe (*Cinchona* L.), kakaowiec (*Theobroma cacao* L.), ipekakuanę (*Carapichea ipecacuanha*), wanilię (*Vanilla* Mill.), pieprzowiec (paprykę, *Capsicum* L.), senegę (krzyżownicę wirginijską, *Polygala senega*), ziemniaki (*Solanum tuberosum* L.), tytoń (*Nicotiana* L.), kukurydzę (*Zea mays*), a z Indii – liczne przyprawy korzenne i medykamenty azjatyckie. Miało to ogromny wpływ na rozwój ziołolecznictwa¹¹³. Rozpoczęto opracowywanie naukowych opisów nowych roślin i surowców leczniczych, popularyzowano wiedzę o lekach¹¹⁴.

Na przestrzeni kolejnych stuleci w Europie działało wielu uczonych przyrodników, opisujących korzystne działanie roślin. Jednym z nich był „aptekarz niezwykły” Samuel Heinrich Schwabe (1789–1875), wybitny astronom i znawca roślin, autor zielnika prezentującego około 3500 zachowanych roślin¹¹⁵.

Chemia leków

Początki badań fitochemicznych

Poniżej przedstawione zostaną ważniejsze kwestie związane z chemią leków na tle ogólnej historii lecznictwa. Opisane zostaną najbardziej istotne dla medycyny odkrycia dotyczące prowadzonych przez kilka stuleci badań substancji roślinnych, które zaowocowały rzetelnym opisem naukowym wyodrębnianych, a następnie syntetyzowanych, substancji leczniczych, przyczyniając się do rozwoju farmacji. Uczni krok po kroku pracowali nad udoskonaleniem składu chemicznego leków oraz modyfikacją ich oddziaływań na organizm ludzki, poszukując preparatów, które mogłyby być bez-

¹¹⁰ J. Szostak. *Farmakognozja, farmacja galenowa i aptekarstwo w renesansowych zielnikach polskich*. Warszawa: Wydawnictwo Lekarskie PZWL, 2006.

¹¹¹ Zob. L. Bartkowiak. *Kształtowanie się aptekarstwa w Polsce (XIII–XX wiek)*. Studium historiograficzne. Poznań: Wydawnictwo Naukowe Akademii Medycznej im. Karola Marcinkowskiego, 2004.

¹¹² *Historia leków naturalnych*. T. 1: *Źródła do dziejów etnofarmacji polskiej*. Red. B. Kuźnicka. Warszawa: Wydawnictwo Instytutu Historii Nauki, Oświaty i Techniki, 1986.

¹¹³ *Fitoterapia i leki roślinne*. Red. E. Lamer-Zarawska et al. Warszawa: Wydawnictwo Lekarskie PZWL, 2007.

¹¹⁴ K. Hanisz. *Apteczki w polskich dworach i dworkach – historia farmacji...*

¹¹⁵ S. Kucharski. *Aptekarz zapatrzony w Słońce*. „Bez Recepty”, czerwiec 2003.

piecznie wykorzystywane w terapii medycznej i weterynaryjnej. Prześledzenie historii osiągnięć uczonych w zakresie chemii leków pozwoli na ujawnienie wydarzeń przełomowych dla lecznictwa.

Przełomem w dziejach leczenia przy pomocy substancji roślinnych była działalność naukowa żyjącego w latach 1493–1541 Paracelsusa (właśc. Philippus Aureolus Theophrastus Bombastus von Hohenheim), niemieckiego lekarza, chemika, przyrodnika i filozofa, profesora uniwersytetu w Bazylei. Był on jednym z prekursorów nowożytnej medycyny i twórcą jatrochemii, fitochemii i współczesnej farmakognozji. Paracelsus wyrażał pogląd, iż zadaniem alchemii jest nie tylko próba wykrywania sposobów zamiany jednych substancji w drugie, lecz przede wszystkim poszukiwanie metod sporządzania leków na konkretne choroby. Filozofia Paracelsusa była swoista – kierował się bowiem wiarą, iż Bóg dał ludziom lek (*arcanum*) na każde schorzenie, a w celu ułatwienia odnalezienia go – zsyłał znaki zewnętrzne (*sygnatury*). Jednak nie udało mu się wynaleźć panaceum na wszystkie choroby. Uczony ów głosił, iż „więcej niż z ksiąg Galena i Avicenny można się nauczyć medycyny od kata i czarownicy”¹¹⁶. Był on autorem słynnej maksymy: „Świat to apteka, a Bóg jest największym aptekarzem”. Paracelsus stworzył teorię zwaną *quinta essentia* (kwintesencja), zajmującą się związkami farmakodynamicznie aktywnymi, a więc – nieocenionymi – ciałami czynnymi roślin, które odgrywają istotną rolę w przywracaniu zdrowia. Opracował metodę przetwarzania surowców roślinnych, wyodrębniając z nich ową substancję aktywną. Teoria Paracelsusa stanowiła podwalinę badań fitochemicznych, których przedmiotem było wykrywanie związków farmakologicznie czynnych; z badań tych z czasem wykształciła się jatrochemia. Paracelsus jako pierwszy zastosował w leczeniu preparaty chemiczne, wprowadził nowe leki i ustalił zasadę ich dozowania¹¹⁷; włączył do medycznego obiegu rtęć, siarkę, alkohol, sól kuchenną, sole arsenu, miedzi, ołowiu i srebra. Na przełomie XVI i XVII wieku z alchemii (jako przednaukowej praktyki starożytnej) wyłoniła się dziedzina zwana *jatrochemią* (*chemiatrią*, *alchemią lekarską*), której celem było wyjaśnianie procesów przebiegających w organizmach żywych i preparowanie leków¹¹⁸. Nadal jednak podstawę lecznictwa stanowiły naturalne środki roślinne, w których botanicy i lekarze, odkrywali nieznanne dotąd właściwości, często podpatrując praktykujące znachorki.

W 1785 roku miało miejsce znaczące dla lecznictwa odkrycie. A mianowicie: pewien angielski lekarz, William Withering, zaobserwował, iż jedna z okolicznych wiejskich kobiet-zielarek uleczyła ciężko chorego, któremu on nie dawał szans na przeżycie z powodu objawów puchliny spowodowanej zastoinową niewydolnością serca¹¹⁹. Z bukietu zielarskiego znachorki wyodrębnił zioło, u którego stwierdził zarówno nieocenione własności lecznicze, jak i śmiertelnie trujące (powodujące bicie serca albo zatrzymanie jego akcji). Withering sporządził naukowy opis zastosowania naparstnicy purpurowej (*Digitalis purpurea*), jednej z roślin najbardziej znanych i cenionych w leczeniu chorób związanych z niewydolnością sercowo-krążeniową. Przez dziesięć lat

¹¹⁶ M. Kora. *Zielona medycyna. Apterapia, homeopatia, ziołolecznictwo...*, s. 11.

¹¹⁷ *Nowy leksykon PWN*. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 1998, s. 1271.

¹¹⁸ *Ibidem*, s. 715.

¹¹⁹ M. Kora. *Zielona medycyna...*, s. 12.

Withering prowadził intensywnie eksperymenty mające na celu ustalenie właściwych dawek leku, a następnie opublikował wyniki swoich badań¹²⁰. Z czasem ujawniono, iż właściwości lecznicze zioła związane są digitoksyną (*Digitoxinum*) – glikozydem nasercowym ($C_{41}H_{64}O_{13}$), uzyskiwanym z liści naporstnicy purpurowej, działającym na mięsień sercowy, która powoduje szybszy i silniejszy jego skurcz oraz wolniejszy i pełniejszy rozkurcz (silniej działa na serce niewydolne niż zdrowe), co w rezultacie czyni pracę serca bardziej efektywną i stabilną, a także z digoksyną (*Digoxinum*) – organicznym związkem chemicznym z grupy glikozydów ($C_{41}H_{64}O_{14}$) uzyskiwanym z naporstnicy wełnistej (*Digitalis lanata*), stosowaną do leczenia zaawansowanej skurczowej, zastoinowej przewlekłej niewydolności serca, migotania i trzepotania przedsionków, napadowymi częstoskurczami nadkomorowymi, wadami zastawkowymi przebiegającymi z niewydolnością serca, kardiomiopatię niedokrwinną, a także jako lek pierwszego rzutu u dzieci z niewydolnością serca. Digoksyna zwiększa siłę i pobudliwość mięśnia serca, zwalnia przewodnictwo w węzle przedsionkowo-komorowym i zmniejsza częstość akcji serca; digoksyna wykazuje też wpływ na kanaliki nerkowe – dzięki hamowaniu pompy sodowej wtórnie zmniejsza sekrecję reniny, powodujące nasilenie efektu natriuretycznego, a poprzez następcze zmniejszenie wytwarzania angiotensyny – rozszerzenie naczyń. Obydwa glikozydy okazały się środkiem niosącym ratunek tysiącom, wcześniej nieuleczalnie, chorych.

Przełomowe było również wykrycie właściwości sporyszu (*Secale cornutum*), czego dokonał w 1808 roku amerykański lekarz John Stearns, dowiedziawszy się od wiejskiej akuszerki – niemieckiej emigrantki, iż sporysz jest środkiem ułatwiającym poród¹²¹. Sporysz to przetrwalniki pasożytniczego grzyba buławinki czerwonej (*Claviceps purpurea*) z rodziny gruzełkowatych (*Hypocreaceae*), atakującego zboża (żyto, jęczmień, pszenica, ryż)¹²². Dziś wiadomo, iż zawiera on wiele alkaloidów: ergotaminę (*Ergotaminum*), ergobazyne (ergometrynę, *Ergometrinum*), a także aminokwasy: tyrozyne (*Tyrosinum*), tryptofan (*Tryptophanum*), histydyne (*Histidinum*), leucynę (*Leucinum*), kwas asparaginowy (*Acidum asparticum*), betainę (*Betainum*) i aminy biogeniczne: histaminę (*Histaminum*) i tyraminę (*Tyraminum*). Ergotamina zawarta w sporyszu powoduje skurcz mięśni gładkich macicy i naczyń krwionośnych; stosowana bywa więc do powstrzymania krwawienia z dróg rodnych i jako lek wspomagający leczenie bólu migrenowego. Sporysz był i jest stosowany w medycynie w charakterze środka wczesnoporonnego oraz przeciwmigrenowego, wykazuje też działanie psychodeliczne. Wcześniej, kiedy ziarna zboża nie były czyszczone, domieszka sklerot sporyszu w ziarnach i mące powodowały halucynacje (tzw. ogień świętego Antoniego, ergotyizm), przykurcze mięśni prowadzące do martwicy tkanek w wyniku niedokrwienia¹²³. Z czasem lekarze zidentyfikowali toksyczne właściwości grzybka. Z uwagi na źródło ergotaminy wykorzystywany jest on obecnie do produkcji LSD (silnej substancji psy-

¹²⁰ Ibidem....

¹²¹ *Zielnik dla każdego...*, s. 12.

¹²² R. Palusiński. *Narkotyki. Przewodnik, Cz. 1: Soft – drugs: marihuana, LSD-25. Grzyby: historia, produkcja, sposób użycia, efekty, niebezpieczeństwa*. Kraków: Total Trade & Publishers, 1994.

¹²³ Zatrucie sporyszem nazywano „ogniem św. Antoniego”.

chodelicznej, stosowanej m.in. w walce z silnymi bólami nowotworowymi) i innych środków narkotycznych.

Surowce roślinne były i są niezwykle istotnym źródłem pozyskiwania leków. Dziś wiemy, że efekt terapeutyczny roślin (tzw. „babskich lekarstw”) uwarunkowany jest obecnością w nich różnych związków chemicznych – często mających różną budowę i wykazujących silne działanie biologiczne. Nie sposób opisać osiągnięć medycyny nie zwróciwszy uwagi na rolę surowców zielarskich w wytwarzaniu leków. Jeśli współcześnie uzyskuje się leki w sposób syntetyczny, to przecież ich podłożem były wcześniej substancje uzyskiwane z surowców naturalnych.

Prześledźmy kształtowanie się rozwoju farmacji doby chemii farmaceutycznej. Od wielu setek lat ludzkość знаła silne działanie na organizm ludzki i zwierzęcy pewnych surowców roślinnych¹²⁴. W Ameryce Południowej używano kurary¹²⁵ do zatruwania strzał, odwar pietrasznika czyli cykuty (właściwie szczwołu plamistego, *Conium maculatum* L.), zawierający koniinę (*Coniinum*), był trucizną stosowaną w starożytnej Grecji. Ludy wschodnie znały odurzające własności opium, Aztekowie i Majowie – peyotlu, meksykańskiej odmiany kaktusa (*Lophophora williamsii*) uważanego za „świętą roślinę”, a ludy Ameryki Południowej – liście kokainowca (krasnodrzewu pospolitego, *Erythroxylum coca* Lam.)¹²⁶. Od dawien dawna znano właściwości uzdrawiające niektórych roślin, m.in. dziko rosnącej w Indii u stóp Himalajów rauwolfii żmijowej (zgrzynu żmijowego, *Rauwolfia serpentina*), będącej źródłem rezerpiny (*Reserpinum*) – naturalnego alkaloidu wyizolowanego z korzenia tej rośliny¹²⁷. Mechanizm działania rezerpiny polega na wypłukiwaniu katecholamin (neuroprzekaźników) i zapobieganiu ich gromadzeniu się w zakończeniach nerwów układu współczulnego, co wpływa na zniesienie przekąźnictwa w układzie współczulnym i rozszerzenie naczyń krwionośnych, a to z kolei sprzyja obniżeniu ciśnienia krwi. Rezerpina znalazła zastosowanie w leczeniu łagodnego nadciśnienia powiązanego z częstoskurczem zatokowym. Z uwagi na silne działanie uspokajające, używano jej długo w psychiatrii jako efektywnego leku przeciwpsychotycznego¹²⁸. Skuteczność niektórych preparatów roślinnych wpłynęła zresztą na ich dużą popularność w świecie medycznym (na przykład wcześniej chinina)¹²⁹.

Na przełomie XVIII i XIX wieku nastąpił niezwykle dynamiczny rozwój chemii¹³⁰. We wczesnym okresie rozwoju chemii organicznej uczeni zwrócili uwagę na możliwość wyodrębnienia licznych substancji leczniczych z surowców roślinnych. W kolejnym XIX stuleciu zaszły istotne zmiany w lecznictwie farmaceutykami. W drodze

¹²⁴ M. Kora. *Zielona medycyna...; Fitoterapia i leki roślinne...*

¹²⁵ Kurara to toksyna pozyskiwana jako wyciąg z kory kilku gatunków kulczyby (*Strychnos toxifera*, *S. schomburgkii*, *S. cognes*), z cebuli rośliny *Burmannia* lub ze śluzowatej substancji korzeni *Cissua quadrialata*.

¹²⁶ J. Z. Ryn. *Medycyna indiańska...*

¹²⁷ J. Thorwald. *Dawna medycyna, jej tajemnice i potęga...*

¹²⁸ Por. *Encyklopedia zielarstwa i ziołolecznictwa*. Red. H. Strzelecka, J. Kowalski. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2000.

¹²⁹ Por. P. Kardas. *Najstarsze leki...*

¹³⁰ Zob. W. Bergandy. *Od alchemii do chemii kwantowej. Zarys historii rozwoju chemii*. Poznań: Wydawnictwo Naukowe UAM, 1997.

doświadczeń chemicznych chemikom udało się uzyskać szereg ważnych z medycznego punktu widzenia alkaloidów w postaci czystej, stały się one przedmiotem badań strukturalnych i syntetycznych. Wkrótce na dobre skończyła się też „złota era środków roślinnych”. W lecznictwie na wielką skalę zaczęto stosować tzw. chemikalia lecznicze, czyli uzyskiwane w laboratoriach środki chemiczne przeznaczone do celów leczniczych, tj. syntetyki lecznicze.

Przytoczmy kilka najbardziej istotnych dla lecznictwa faktów¹³¹. Pierwszej izolacji jednorodnej chemicznie substancji leczniczej z surowca roślinnego dokonał niemiecki aptekarz Friedrich Wilhelm Sertürner (1783–1841). Ten przełom w nauce zapoczątkował rozwój chemii leków. Uczony został jednym z pionierów chemii alkaloidów; w 1805 roku prowadził badania nad opium, które ostatecznie zaowocowały wyodrębnieniem morfiny (*Morphinum*)¹³² (od imienia gr. boga snu – Morfeusza) i stwierdzeniem właściwości nasennych i przeciwbólowych preparatu.

Duży wkład w badanie alkaloidów wniósł francuski farmaceuta i chemik Pierre Joseph Pelletier (1788–1842). Wspólnie z innym uczonym – chemikiem i farmaceutą – Josephem Beinaimé Caventou odkrył bowiem strychninę (*Strychninum*) (1818) i chininę (*Chininum*) (1820) oraz otrzymał po raz pierwszy związek poliodkowy – trójjodek strychniny. Wcześniej Caventou odkrył także i dokonał opisu chlorofilu (*Chlorophyllum*) – zielonego barwnika roślin (1819). Strychnina (*Strychninum*) (C₂₁H₂₂N₂O₂) jest alkaloidem silnie toksycznym występującym w nasionach kulczyby wroniego oka (*Strychnos nux vomica*). Działa ona jako symulant, wyostrażając zmysły. Działanie strychniny polega na blokowaniu synapsy hamulcowej, co implikuje pobudzenie neuronów. Zgon następuje w wyniku skurczu tonicznego mięśni oddechowych. Strychnina bywa stosowana w lecznictwie w małych dawkach pod postacią azotanu jako środek pobudzający krążenie, oddychanie oraz w stanie osłabienia¹³³. W Polsce azotan strychniny zawierał lek *Cardiamid-Coffein*, a także preparat witaminowy *Ascenerin*. *Nux vomica* znajduje zastosowanie w homeopatii¹³⁴.

Chinina (*Chininum*) (C₂₀H₂₄N₂O₂) jest alkaloidem występującym z korze drzewa chinowego. Był pierwszy efektywny lek stosowany przeciw malarii – chorobie wywoływanej przez pasożyta z rodziny *Plasmodium* i roznoszonej przez ślinę komarów z rodziny *Aedes*, *Culex*, *Anophelex*. Chinina posiada również właściwości przeciwgorączkowe, przeciwzapalne i przeciwbólowe. Jej działanie polega na tworzeniu kompleksów z DNA zarodźca malarycznego (*Plasmodium malariae*), co w efekcie powoduje zaburzenie funkcjonowania jego komórek. Chinina jest jadem protoplazmatycznym dla zarodźca malarycznego. Współcześnie zastępują ją leki syntetyczne z uwagi na silne

¹³¹ Opracowano na podstawie: *Farmakologia kliniczna*. Red. A. Chodera, Z.S. Herman. Warszawa: Wydawnictwo Lekarskie PZWL, 2008; H. Schott. *Kronika medycyny*. Przeł. z niem. M. Dutkiewicz, B. Floriańczyk, A. Zaniewska. Warszawa: Horyzont, 2002; A. Royston. *Sto największych odkryć medycznych*. Poznań: Podsiadlik-Raniowski i Spółka, 1995; S. Russel. *Antybiotyki...*, L.P. Graham. *Chemia leków...*

¹³² Por. *Nowy leksykon PWN...*, s. 1577.

¹³³ *Wielka encyklopedia powszechna PWN...*

¹³⁴ B. Wasilewski, J. Czelej. *Leksykon leków homeopatycznych*. Warszawa: Split Trading, 1994.

działania neurotoksyczne, wywołujące często uboczne nieodwracalne objawy zaburzenia wzroku i słuchu oraz zapalenia wielonerwowe.

W 1819 roku wyodrębniono atropinę (*Atropinum*) ($C_{17}H_{23}NO_3$) – optycznie nieczynną (racemiczną) mieszaninę alkaloidu hioscyjminy (*L-atropina*), otrzymywanej z liści i korzeni pokrzyki wilczej jagody (*Atropa belladonna*); atropina jest alkaloidem tropanowym i łatwo wchłanianym z przewodu pokarmowego. W dawkach leczniczych poraża zakończenia nerwów parasympatycznych i pobudza ośrodki oddechowe. W medycynie znalazła zastosowanie jako środek przeciwskurczowy i przeciwbólowy w skurczach mięśni gładkich żołądka, pęcherza i moczowodów, działa jednocześnie rozkurczowo na jelita, przewody żółciowe. Hamuje wydzielanie ślinianek, gruczołów potowych i gruczołów w oskrzelach, dzięki czemu używana jest m.in. w leczeniu astmy oskrzelowej. Atropina ma również zastosowanie w reanimacji. Przy jej pomocy leczy się m.in. blok przedsionkowo-komorowy związany z intensywną impulsacją przywspółczulną ze strony nerwu błędnego, a także usuwa skutki zatrucia glikozydami nasercowymi. W chorobach krążeniowych atropina działa obkurczająco na skórę. W premedykacji (farmakologicznym przygotowaniu chorego do operacji) używa się jej w celu zapobieżenia bradykardii wywołanej przez leki ogólnie znieczulające. Jest bardzo ważnym środkiem w leczeniu zatruc inhibitorami cholinesterazy, tj. organofosforanami (gazami bojowymi serii G, np. sarinem) i insektycydami organofosforanowymi, a także muskaryną zawartą w niektórych gatunkach grzybów – jej działanie polega na kompetencyjnym wiązaniu się z receptorami muskarynowymi w mięśniach i na ich blokadzie. Atropina znajduje zastosowanie w diagnostyce okulistycznej (działa na mięsień rzęskowy zaburzając zdolność akomodacji, blokuje receptory muskarynowe zwieracza źrenicy) oraz w leczeniu chorób oczu – zapobiega powstawaniu zrostów podczas stanów zapalnych rogówki i tęczówki. W dawkach terapeutycznych atropina nie wywiera szkodliwego wpływu na ośrodkowy układ nerwowy, natomiast w dawkach toksycznych powoduje objawy psychotyczne i zaburzenia orientacji.

W 1820 roku uzyskano kofeinę (*Coffeinum*) – alkaloid purynowy ($C_8H_{10}N_4O_2$) występujący w kawie, orzeszkach cola, liściach herbaty jako teina, guaranie jako guaranina, w yerba mate (wysuszonych, zmielonych liściach ostrokrzewu paragwajskiego *Ilex paraguariensis*) jako mateina. Odkrył ją niemiecki chemik Freidrich F. Runge. Kofeina jest środkiem psychoaktywnym z grupy stymulantów. Wykazuje działanie pobudzające na cały ośrodkowy układ nerwowy, a szczególnie na korę mózgową – zmniejsza uczucie zmęczenia, przyspiesza procesy myślowe, poprawia stan koncentracji, wyostrza spostrzegawczość i pamięć. Kofeina pobudza ośrodek oddechowy, naczynioruchowy i nerwu błędnego, czego wynikiem jest szybszy oddech, wzrost ciśnienia krwi, wzmożenie czynności serca. Kofeinę i inne pochodne metyloksantyny stosuje się do leczenia bezdechu u noworodków oraz regulacji rytmu serca. Używana jest ona również jako dodatek do środków leczniczych w preparatach na ból głowy (rozszerza naczynia krwionośne opon mózgowych). Kofeinę można przedawkować – wówczas obserwuje się silne pobudzenie psychiczne, drżenie mięśni, arytmie, ból głowy itd. W większych dawkach kofeina powoduje efekt na poziomie rdzenia kręgowego.

W 1826 roku wyodrębniono koniinę (*Coniinum*) ($C_8H_{17}N$) – główny alkaloid piperidynowy szczywołu plamiastego (*Conium maculatum*). Koniina jest silnym jadem zwojowym, podobnym w działaniu do nikotyny: poraża zwoje autonomicznego ukła-

du nerwowego, intensywnie działa na zakończenia mięśni ruchowych. Zgon następuje w wyniku paraliżu mięśni oddechowych. Toksyna wchłania się przez skórę i błony śluzowe. Koniina nie ma znaczenia leczniczego. W starożytnej Grecji stosowano ją jako truciznę dla skazańców (potocznie zwana cykutą).

W 1828 roku wyizolowano po raz pierwszy nikotynę (*Nicotinum*) ($C_{10}H_{14}N_2$) – organiczny związek chemiczny z grupy alkaloidów pirydynowych zawarty w liściach tytoniu. Śladowe ilości nikotyny znajdują się także w pomidorach, bakłażanach i papryce. Nazwa nikotyny pochodzi od nazwiska francuskiego lekarza Jeana Nicota, zalecającego w XVI wieku tytoń jako lek. Nikotyna jest silnie uzależniającym narkotykiem. W niewielkich dawkach działa jako stymulant, przyczyniając się do wzmożonego wydzielania adrenaliny, co powoduje zanik uczucia bólu i głodu, przyspieszenie bicia serca, rozszerzenie źrenicy, a także utrzymanie wysokiego poziomu dopaminy w mózgu (dlatego schizofrenicy z reguły dużo palą). Zażycie większych dawek blokuje działanie układu nerwowego, zaburza metabolizm i wywołuje znacznie silniejsze objawy niż inne narkotyki.

W 1832 roku odkryto alkaloid fenantrenowy wyodrębniony z opium – kodeinę (*Codeinum*), inaczej metylomorfinę ($C_{18}H_{21}NO_3$), metylową pochodną morfiny (*Morphinum*). W medycynie stosuje się na ogół fosforan kodeiny. Kodeina wchodzi w skład leków złożonych na ogół z kwasem acetylosalicylowym, paracetamolem, ibuprofenem, sulfogwajakolem i kofeiną. Wykorzystywana bywa jako środek przeciwkaszlowy i zmniejszający bólę klatki piersiowej wywołane uporczywym kaszlem (efekt wywołany jest przez działanie substancji na ośrodek mózgowy odpowiedzialny za oddychanie). Działa na organizm łagodnie uspokajająco, nie wywołują euforii, i lekko znieczulająco, wzmacnia także działanie innych środków przeciwbólowych. Ma zastosowanie przeciwbiegunkowe. Częste używanie kodeiny nie wiąże się jednak z uzależnieniem.

Próby wyizolowania związków czynnych z kokainowca (krasnodrzewu pospolitego, (*Erythroxylum coca* Lam.) podejmowane były od końca XVIII wieku. Sukces nastąpił dopiero w 1860 roku, kiedy Albert Niemann wyodrębnił z liści¹³⁵ koki alkaloid tropanowy, który nazwał kokainą (*Cocainum*), inaczej metylobenzoiloełkgoninę ($C_{17}H_{21}NO_4$). Był to kolejny przełom w medycynie. Kokaina dość szybko znalazła zastosowanie w chirurgii, a ściślej w anesteziologii jako środek znieczulający, opracowano różnorodne metody anestezji z jej użyciem, które zyskały aprobatę lekarzy na całym świecie. Jako pierwszy kokainę do znieczulenia miejscowego zastosował oftalmolog austriacki Karol Koller (1857–1944), który w 1884 roku zastosował jej rozcieńczony roztwór podczas operacji usunięcia zaćmy. Ludzie używali jej jednak powszechnie w charakterze antydepresantu – zyskała uznanie sławnego europejskiego psychoterapeuty Zygmunta Freuda. Dość szybko kokaina stała się popularna, a przede wszystkim była, niestety, mocno nadużywana – rozpoczęto jej sprzedaż w papierosach, napojach gazowanych, gumie do żucia, a w czystej postaci można ją było nabyć bez recepty w każdej drogerii. Sprzedawano preparaty galenowe z liści koki, a jednym z najbardziej znanych przetworów były wyciągi na czerwonym winie¹³⁶. Kokainę okrzyknięto

¹³⁵ K. Hanisz, J. Mularczyk. *Z historii leków uzależniających. Liście koka i kokaina*. „Bez Recepty”, kwiecień 2002.

¹³⁶ Był to ulubiony napój wzmacniający wielu osobowości świata artystycznego oraz papieża Leona XIII – za: K. Hanisz, J. Mularczyk. *Z historii leków uzależniających...*

lekiem na wszystko – na osłabienie ogólne, bóle dziąseł, brzucha, astmę, oparzenia, rany, żółtaczkę, a nawet cholere. Bezskrytyczne stosowanie niebezpiecznej kokainy stało się szybko przyczyną narkomanii kokainowej wśród elit¹³⁷. Z uwagi na silne właściwości narkotyczne kokainy w medycynie zastąpiono ją z czasem syntetycznymi środkami znieczulającymi, m.in. prokainą (nowokainą), tetrakainą, lidokainą i anestetyną. W farmacji stosowanie kokainy jako składnika leków ograniczone jest surowymi przepisami. Roztwór chlorowodoru kokainy stosuje się do znieczulenia miejscowego w laryngologii i okulistyce.

W 1887 roku niemiecki uczony Arthur Heffter jako pierwszy wyizolował i zidentyfikował meskalinę (*Mescalinum*) ($C_{11}H_{17}NO_3$) – organiczny związek chemiczny, alkaloid z szeregu fenyletyloamin o właściwościach halucynogennych, który występuje naturalnie w kaktusach – peyotlu (*Lophophora williamsii*), san pedro (*Echinopsis pachanoi*) i *Trichocereus bridgesii*, a także w małych liściach w rodzinie bobowatych, m.in. w *Acacia berlandieri*. Meskalina jest silnym enteogenem (substancją psychoaktywną).

W 1880 roku wydzielono hioscyjaminę (*L-atropina*) ($C_{17}H_{23}NO_3$), która jest alkaloidem występującym w postaci izomerów optycznie czynnych w roślinach z rodziny psiankowatych (*Solanaceae* Juss.), pokrzyku wilczej jagodzie (*Atropa belladonna* L.), bieluniu dziędzierzawie (*Datura stramonium* L.), lulku czarnym (*Hyoscyamus niger*), mandragorze lekarskiej (*Mandragora officinarum* L.). Hioscyjamina łatwo przechodzi w odmianę optycznie nieczynną – atropinę (*Atropinum*). Jest oczywiście trująca. W medycynie stosuje się ją w postaci atropiny, ziół oraz wyciągów z liści i korzeni. Znosi ona wpływ nerwu błędnego na serce, działa hamująco na gruczoły wydzielnicze w przewodzie pokarmowym oraz gruczoły potowe i ślinowe, rozszerzając na naczynia krwionośne skóry (uwolnienie histaminy), zaś rozszerzając na źrenicę i zwykle na ciśnienie śródgałkowe, blokując na receptory muskarynowe. Liście bielunia używane bywają do wyrobu papierosów i proszków przeciwastmatycznych – zawarte w dymie związki hioscyjminy wykazują działanie rozszerzające oskrzela. W dużych dawkach bielun poraża obwodowy układ nerwowy, powoduje pobudzenie psychoruchowe, otępienie, omamy, śpiączkę i delirium.

W 1828 roku austriacki profesor farmacji Johann Andreas Buchner uzyskał niewielką ilość żółtej substancji z wyciągu kory wierzbowej (*salix*)¹³⁸, organiczny związek chemiczny z grupy glikozydów fenolowych – połączenie saligeniny (alkoholu salicylowego) z glukozą –, którą nazwał salicyną (*Salicinum*), będącej prekursorem dzisiejszej aspiryny¹³⁹, tj. kwasu acetylosalicylowego (*acidum acetylsalicylicum*). Dwa lata wcześniej dwaj włoscy uczeni – Brugnatelli i Fontana – wyizolowali wprawdzie niewielką ilość salicyny, ale była ona mocno zanieczyszczona chemicznie. W 1829 roku francuski chemik Henri Leroux uzyskał 30 g salicyny z 11,5 kg kory wierzbowej. W 1899 roku Feliks Hoffman, pracujący w koncernie Bayer, po raz pierwszy zastosował kwas acetylosalicylowy jako środek przeciwbólowy (usiłował nim leczyć ojca chorego na stawy). Wkrótce otrzymano chemicznie oczyszczony kwas salicylowy, który był lepiej

¹³⁷ Ibidem.

¹³⁸ Korę wierzbową w leczeniu zapaleń stawów stosował już Dioskurides.

¹³⁹ K. Knypl. *Miejsce aspiryny w codziennej praktyce lekarskiej*. „Medycyna Rodzinna” 2003, nr 3–4.

tolerowany przez pacjentów. Nadano leкови nazwę *aspiryna* (od słów *acetyl* i *spiric acid*) i rozpoczęto jego powszechną sprzedaż bez recepty. W połowie XX wieku zaobserwowano, iż pacjenci zażywający aspirynę jako lek przeciwbólowy w postaci gumy do żucia nie ulegali atakom serca. Obserwacja ta uitorowała aspirynie drogę do zastosowania w kardiologii w profilaktyce zawałów serca i udarów mózgu. Wkrótce ujawniono również mechanizm przeciwzapalnego działania aspiryny (hamowanie syntezy prostaglandyn)¹⁴⁰.

W końcu XIX wieku trwały badania prowadzące do uzyskania alkaloidów drogą syntetyczną. Pierwszym syntetycznym alkaloidem była koniina (1886); potem dokonano syntezy kofeiny (1895), nikotyny (1904), kokainy (1923), chininy (1944), strychniny (1948). Dalsze badania umożliwiły dokładne poznanie budowy wielu alkaloidów, uzyskanie ich syntezy. Boddźcem w poszukiwaniu syntetycznych produktów zastępczych stały się takie czynniki, jak wysoka toksyczność alkaloidów, niepożądane działania uboczne, a także kłopoty i koszty związane z uzyskaniem czystych preparatów. Poszukiwania w tym kierunku zapoczątkował niemiecki chemik Alfred Einhorn (1857–1917), któremu w 1905 roku udało się dokonać syntezy nowokainy – leku zastępującego kokainę. Nowokaina (prokaina, polokaina) to chlorowodorek p-amino-benzoenu dwuetyloaminoetylowego ($\text{H}_2\text{N}-\text{C}_6\text{H}_4-\text{COO}-(\text{CH}_2)_2-\text{N}(\text{C}_2\text{H}_5)_2\cdot\text{HCl}$). Jest on lekiem znieczulającym miejscowo, o krótkotrwałym działaniu, stosowana do znieczuleń nasiękowych, nadoponowych i rdzeniowych¹⁴¹. Zbuforowany roztwór prokainy (tzw. geriokaina) był popularnym lekiem geriatrycznym o jednak niepewnej skuteczności. W 1930 roku otrzymano syntetycznie pierwszy lek zastępujący chininę – atebrynę (alkaloid), która była stosowana przez armię USA podczas II wojny światowej. Atebryna jest preparatem używanym głównie do zwalczania pełzaka malarii oraz pasożytów przewodu pokarmowego (glisty, tasiemce). Usilnie prowadzono też poszukiwania środków zastępujących morfinę, które zostały uwieńczone w roku 1939 syntezą dolantyny – pochodnej piperydyny, leku przeciwbólowego rozkurczającego mięśnie gładkie, wykazującego działanie odurzające na centralny system nerwowy. W 1937 roku w trakcie poszukiwań łatwego w użyciu podczas operacji chirurgicznych i niezależniającego leku usypiającego niemieccy badacze Max Bockmühl i Gustav Ehrhart otrzymali opioidowy lek przeciwbólowy – polamidon (łac. *dolor* ‘ból’) – obecnie wykorzystywany jest on jako substytut heroiny w terapiach odwykowych.

Fitoterapia – niezwykle właściwości leków roślinnych

Ziołolecznictwo (fitoterapia, fitofarmakologia, z gr. *phyton* ‘roślina’ i *therapeuo* ‘leczę’) jest działem medycyny i farmakologii, który zajmuje się wytwarzaniem leków na bazie naturalnych lub przetworzonych surowców roślinnych oraz ich zastosowaniem zarówno w terapii, jak i profilaktyce chorób. Działanie lecznicze roślin rozumiane jest w medycynie tradycyjnej jako obecność w nich ściśle zdefiniowanych substancji

¹⁴⁰ Ibidem.

¹⁴¹ M. Trąbska-Świstelnicza. *Rozwój znieczulenia miejscowego w polskiej stomatologii*. „Prace Historyczne” 2009, nr 4 (46).

chemicznych mających określoną budowę i związane z nią działanie fizjologiczne¹⁴². Lecznicza jest każda roślina użyta przez człowieka lub zwierzę, w dowolnej postaci i w jakikolwiek sposób, jeśli wywiera określone działanie farmakologiczne. Pod pojęciem surowca roślinnego rozumie się dowolną część rośliny wykorzystywaną do celów leczniczych, zaś lekiem roślinnym mogą być – prócz samego surowca – wyciągi płynne lub suche z surowca albo też izolowane czyste związki chemiczne. Cechą charakterystyczną leków roślinnych jest to, iż nie występują w postaci czystej, ale towarzyszą im liczne naturalne związki chemiczne.

Leki roślinne różnią się od leków syntetycznych pochodzenia roślinnego tym, że te drugie zawierają czysty związek czynny, na przykład atropina czy efedryna stosowane bywają na ogół w postaci soli rozpuszczalnych w wodzie¹⁴³. Lek roślinny miewa różne postacie farmaceutyczne w zależności od przeznaczenia i sposobu przygotowania. Wraz z rozwojem technologii farmaceutycznej zaczęto stopniowo wprowadzać coraz bardziej zróżnicowane formy leków mające zastosowanie przy wytwarzaniu preparatów syntetycznych. Szereg współczesnych leków wytwarza się nadal na bazie surowców roślinnych¹⁴⁴. Infekcje wywoływane przez wirusy ze względu na wysoką zakaźność i możliwość poważnych powikłań, a także zgonów wśród małych dzieci, osób cierpiących na przewlekłe schorzenia układu oddechowego itp., są wskazaniem do stosowania leków pochodzenia roślinnego¹⁴⁵. Ogromną zaletą leczenia surowcami roślinnymi jest to, iż w ich składzie istnieją związki, do których nasz organizm jest przyzwyczajony od tysiącleci. Polski znawca leków przygotowywanych na bazie roślinnej Jan Muszyński stwierdził, iż zawierają one związki optycznie czynne, natomiast związki otrzymywane sztucznie, nawet o takim samym składzie chemicznym, są optycznie obojętne, tzn. że „nie skręcają płaszczyzny światła spolaryzowanego”¹⁴⁶. Środki optycznie czynne wykazują najczęściej działanie kilkanaście razy silniejsze niż takie same środki otrzymywane sztucznie. Leki roślinne charakteryzują się zawsze zespolonym działaniem, przez co należy rozumieć, iż poszczególne składniki potęgują wzajemnie swoją skuteczność. Leki roślinne cechuje określona zawartość witamin, soli mineralnych, garbników, olejków eterycznych i innych składników uzupełniających, które są niezbędne dla prawidłowego funkcjonowania ustroju, a zwłaszcza trawienia i przyswajania spożytych pokarmów, wydalania i odtruwania produktów przemiany materii, jak również wzmacniania mechanizmów odpornościowych organizmu człowieka. Wraz z rozwojem chemii nastąpił silny wzrost liczby wyodrębnianych z surowca substancji czynnych o działaniu leczniczym, m.in. alkaloidów, gliko-

¹⁴² *Ziołolecznictwo*. [W:] *Encyklopedia zdrowia*. T. 1..., s. 457.

¹⁴³ *Fitoterapia i leki roślinne*. Red. E. Lamer-Zarawska et. al. Warszawa: Wydawnictwo Lekarskie PZWL, 2007.

¹⁴⁴ K. Hanisz. *Ziołolecznictwo w medycynie ludowej*. Cz. I. „Bez Recepty”, wrzesień 2002. [Online:] <http://bez-recepty.pgf.com.pl/index.php?co=artyk&id_artyk=782> (dostęp: 12.05.207); K. Hanisz. *Ziołolecznictwo w medycynie ludowej*. Cz. II: *Fitoterapia magiczna*. „Bez Recepty”, październik 2002. [Online:] <http://bez-recepty.pgf.com.pl/index.php?co=artyk&id_artyk=765> (dostęp: 12.05.2010).

¹⁴⁵ K. Blecharz-Klin et al. *Interakcje leków roślinnych stosowanych w chorobach układu oddechowego*. „Herba Polonica” 2005, nr 3–4 (51), s. 89–97. [Online:] <http://www.iriipz.pl/ftp/51_3_4_05_10.pdf> (dostęp: 11.06.2010).

¹⁴⁶ *Zielnik dla każdego...*, s. 13.

zydów, flawonoidów, saponin, kwasów, garbników, goryczy, tanin, azulenów, olejków eterycznych itd. Odkryto właściwości lecznicze pektyn i śluzów, a także zawartych w roślinach składników mineralnych i licznych pierwiastków śladowych. Medycyna współczesna na coraz większą skalę stosuje leki naturalne i modyfikowane. Zestaw leków fitoterapeutycznych zawiera wyodrębnione z roślin związki chemiczne, związki wytwarzane przez drobnoustroje, na przykład antybiotyki, leki półsyntetyczne lub zmodyfikowane, oczyszczone mieszaniny związków roślinnych, płynne i stałe wyciągi roślinne, olejki eteryczne, gotowe mieszanki ziołowe, granulaty lub suche wyciągi rozpuszczające się w wodzie, specyfiki i preparaty jednorodne, zawierające jedynie składniki roślinne oraz mieszane z dodatkiem związków syntetycznych lub pochodzenia zwierzęcego, a także homeopatycznych. Pochodzenia roślinnego są najbardziej popularne leki: polopiryna (kwas acetylosalicylowy) i witamina C (kwas askorbinyowy). Lecznictwo dysponuje licznymi preparatami naturalnymi i zobowiązane jest do ich umiejętnego łączenia z lekami syntetycznymi i chemioterapeutykami. Większość leków roślinnych charakteryzuje się powolnym działaniem oraz, co niezwykle istotne, małym prawdopodobieństwem wywołania niepożądanych objawów. Wyjątkiem są tu oczywiście leki uzyskiwane z roślin silnie toksycznych, zawierających alkaloidy lub glikozydy, jak sporysz (*Secale cornutum*), naparstnica (*Digitalis L.*), tojad (*Aconitum L.*), zimowit jesienny (*Colchicum autumnale*) itd.

Leki roślinne cechuje¹⁴⁷: 1) synergizm między składnikami zawartymi w wyciągach roślinnych, 2) synergetyczna aktywność we współdziałaniu z wieloma równolegle używanymi lekami syntetycznymi, 3) dobra resorpcja związków czynnych w przewodzie pokarmowym, 4) duża rozpiętość terapeutyczna, tj. duża różnica między dawką działającą a dawką toksyczną. Efektywność fitoterapeutyczną leków udowodniono naukowo w odniesieniu do wielu przypadków schorzeń, niekiedy nawet o nieustalonym podłożu. Stosowane są one w różnych jednostkach chorobowych, a wiele z nich poleca się dzieciom, osobom starszym, kobietom ciężarnym i karmiącym.

Leki roślinne są używane jako¹⁴⁸: 1) leki podstawowe, na przykład w osłabieniu mięśnia sercowego i wywołanej tym zastoinowej niewydolności krążenia, w zaburzeniach rytmu serca, bielactwie itd.; 2) leki pomocnicze w wielu jednostkach chorobowych, na przykład w przewlekłych chorobach nerek i wątroby, w stanach po WZW, w niezżytach jelit i żołądka, w miażdżycy, w niektórych chorobach narządu ruchu, chorobach skóry; 3) leki uzupełniające działanie środków syntetycznych i chemioterapeutyków, na przykład w gruźlicy, mało zaawansowanej cukrzycy, pewnych schorzeniach neurologicznych; 4) leki działające synergetycznie, czyli współdziałające z preparatami hormonalnymi i innymi, na przykład w klimakterium, cisawicy, przerście gruczołu krokowego prostaty; 5) leki przemienne, zalecane wtedy, gdy wymagana jest czasowa przerwa w podawaniu preparatów pochodzenia syntetycznego, na przykład w łuszczycy; 6) leki ochronne, podawane równolegle z lekami syntetycznymi i antybiotykami, zmniejszające ich szkodliwe działanie na wątrobę i układ moczowy.

W celu zagwarantowania właściwego działania terapeutycznego leki ziołowe powinny odpowiadać ustalonym normom pod względem zawartości głównych zwią-

¹⁴⁷ *Ziołolecznictwo*. [W:] *Encyklopedia zdrowia*. T. 1..., s. 469.

¹⁴⁸ *Ibidem*, s. 469.

ków chemicznych czynnych w surowcach leczniczych, preparatach oraz specyfikach ziołowych. Zioła zawierają następujące składniki: witaminy, makro- i mikroelementy, związki śluzowe, związki saponinowe, kwasy organiczne, kwas salicylowy, kwas krzemowy, glikozydy, olejki eteryczne, związki flawonowe, związki garbnikowe, hormony roślinne (fitochromy), bisabolol, antyoksydanty, różne związki naturalne o własnościach przeciwnowotworowych. Alkaloidy to liczna grupa związków w organicznych pochodzenia roślinnego, cechujących się charakterem zasadowym, obecnością w cząsteczce pierścienia z heteroatomem azotowym (do nielicznych wyjątków należy m.in. efedryna) oraz mniej lub bardziej silnym działaniem na układ nerwowy zwierząt wyższych¹⁴⁹. Alkaloidy dzielą się na: 1) pochodne pirydyny (np. nikotyna, koniina, piperyna, anabazyna, lobelina), 2) pochodne tropanu (np. atropina, hioscyamina, skopolamina, kokaina, tropakokaina), 3) pochodne chinoliny (np. chinina, cynchonina), 4) pochodne izochinoliny (np. alkaloidy opium: morfina, papaweryna, kodeina i in.; alkaloidy kurary: tubokuraryna, toksyferyna i in.), 5) pochodne indolu (np. strychnina, rezerpina, ergotamina, eseryna, brucyna), 6) pochodne puryny (np. kofeina, teobromina, teofilina). Alkaloidy obecne są tylko w niektórych gatunkach roślin; ujawniają się na ogół w postaci soli kwasów organicznych, na przykład jabłkowego, cytrynowego, winowego, rzadziej kwasów nieorganicznych, na przykład siarkowego, fosforowego, czasami jako połączenie typu na przykład estry, a wyjątkowo w postaci wolnych zasad alkaloidowych. Wykazują one silne działanie fizjologiczne na organizm zwierząt wyższych. Na ogół są toksyczne dla układu nerwowego. Niektóre z nich, na przykład akonityna, już w dawkach miligramowych wywołują śmiertelne zatrucia i człowieka i innych ssaków. Małe dawki alkaloidów wywierają często działanie pobudzające na określoną część układu nerwowego. Pewne alkaloidy, na przykład morfina, kokaina, wywołują stany euforii, ale często zażywane prowadzą do głębokiego uzależnienia. Z uwagi na swoiste działanie alkaloidy znalazły zastosowanie w medycynie jako środki przeciwbólowe, znieczulające, przeciwskurczowe, pobudzające ośrodek oddechowy, uspokajające. Są również niezwykle cennymi środkami pomocniczymi w badaniach układu nerwowego. W farmacji większość alkaloidów otrzymuje się z surowców roślinnych, drogą ekstrakcji odpowiednio dobranymi rozpuszczalnikami, a niektóre (efedrynę, lobelinę, papawerynę) wytwarzane są syntetycznie.

Glikozydy to złożone związki organiczne cukrów, hydrolizujące zawsze na cukier i składnik niecukrowy zwany aglikonem; są szeroko rozpowszechnione we florze i faunie, a obecnie można je otrzymywać również w sposób syntetyczny. Wiele glikozydów znalazło zastosowanie w medycynie, m.in. glikozydy sterydowe (nasercowe), witamina P, witamina B₂. Właściwości lecznicze preparatów ziołowych często związane są z glikozydowymi połączeniami aglikonów o właściwościach antyseptycznych i bakteriostatycznych. Do takich zalicza się m.in. arbutyna (np. z mącznicy lekarskiej (*Arctostaphylos uva-ursi* (L.) Spreng.)), salicyna (z wierzby (*Salix* L.)), synigryna (np. z chrzanzu pospolitego (*Armoracia rusticana*), czarnej gorczycy (*Brassica nigra*)). Glikozydy wytwarzane są w organach asymilacyjnych rośliny, a następnie gromadzone w korze, kłączach, korzeniach, owocach i nasionach¹⁵⁰. Fizjologicznie czynne związki

¹⁴⁹ Wielka encyklopedia powszechna PWN. T. 1..., s. 157–158.

¹⁵⁰ Farmakognozja. Podręcznik dla studentów farmacji. Red. I. Matławska, Poznań: Akademia Me-

chemiczne zawarte w roślinie nie są równomiernie rozmieszczone we wszystkich jej częściach. W celach terapeutycznych wykorzystuje się te części roślin, w których występuje najwięcej związków. W kwiatach kasztanowca (*Aesculus L.*) występują flawonoidy (rutyna, astragalina, kwercytyna, zowercytyna), kumaryny, garbniki, fenolokwasy; kora zawiera flawonoidy, związki kumarynowe, garbniki i saponiny trójterpentynowe (eskulina), w nasionach znajdują się związki kumarynowe, escyna, fenolokwasy, flawonoidy, garbniki, skrobia i cukry. Ponadto zawiera on karotenoidy, witaminę K i sole mineralne. Kasztanowiec jest rośliną wykazującą działanie przeciwzapalne, przeciwbólowe, przeciwbakteryjne, rozkurczające, przeciwkrwotoczne oraz uszczelniające ściany naczyń krwionośnych włoskowatych, zmniejszające kruchość i przywracające elastyczność naczyń krwionośnych, jak również wzmacniająco odporność organizmu. Jest on także rośliną kosmetyczną (działa kojąco i regenerująco na skórę). Stosuje się napar ze świeżych lub suchych liści w celach leczniczych w przypadku żylaków, reumatyzmu, krwawej biegunki, krwiomoczu, zapaleniu nerek, kamicy moczowej, zbyt obfitej menstruacji, krwotokach z nosa, chorobach wątroby. Naparu mieszanki z liści i kwiatu kasztanowca w połączeniu z surowcami innych roślin leczniczych używa się przy zaparciach, żylakach odbytu, niestrawności, zaburzeniach trawienia, biegunkach, chorobie wrzodowej, wzdęciach i otyłości. Korę kasztanowca w połączeniu z surowcami innych ziół stosuje się w miazdżycy.

Surowcem zielarskim bzu czarnego (*Sambucus nigra L.*) są kwiaty oraz dojrzałe czarne owoce, rzadziej liście i kora¹⁵¹. Wszystkie części rośliny zawierają toksyczny składnik – sambunigrinę, który po spożyciu rozkładany jest do cyjanowodoru, który powoduje uczucie słabości i wymioty. Po odpowiednim przetworzeniu następuje jej rozkład. Kwiaty bzu dzikiego zawierają olejki eteryczne, śluzu, związki wapnia, potasu, sodu, glinu i żelaza, glikozydy cyjanogenne, saponiny triterpenowe, flawonoidy (rutynę, kwercetynę, estragalinę), garbniki. Owoce zaś bogate są w witaminy: A, B1, B2, C i J, antocyjany, olejki eteryczne, garbniki, glikozydy cyjanogenne (sambunigrinę), pektyny, kwasy organiczne: octowy, jabłkowy, walerianowy, winowy i benzoesowy. Kwiaty działają moczopędnie (lek stosowany przy kamicy nerkowej), napotnie i przeciwgorączkowo, wzmacniają naczynia krwionośne (uelastyczniają ścianki naczyń włosowatych). Kwiaty też zalecane są na katar, astmę, gorączkę przebiegającą z wysypką, różyczkę, szkarlatynę, stany reumatyczne, zapalenia pęcherza, oskrzeli, gruźlicę, choroby skórne, czyraczność, dolegliwości oczu. Zewnętrznie stosuje się je do przemywania oczu i płukania gardła w stanach zapalnych. Owoce działają przeczyszczająco, moczopędnie, napotnie, przeciwbólowo (np. w rwie kulszowej, zapaleniu nerwu trójdzielonego i bólach neuralgicznych), odtruwająco; stosuje się je w niedomaganiach wątroby, żółtacze, dyspepsji, nerwicach i nerwobólach. Rdzenia białych młodych gałęzi używa się w artretyzmie, reumatyzmie, dnie moczanowej, puchlinie wodnej, zapaleniach nerek, kamicy moczowej, padaczce. Liście posiadają właściwości moczopędne i napotne, lekko żółciopędne i rozwalniające, zwiększają odporność na choroby

dyczna im. Karola Marcinkowskiego, 2005.

¹⁵¹ *Zielnik dla każdego, czyli opis ziół wykorzystywanych w leczeniu domowym wraz z praktycznym zastosowaniem (napary, wywary i wyciągi zdrowotne)*. Oprac. J. Rogala, R. Maciej. Ożarów Mazowiecki: Olesiejuk, 2009.

zakaźne; stosowane zewnętrznie podwyższają przepuszczalność naczyń włosowatych, zwalczają stany zapalne jamy ustnej i gardła.

Wiele surowców roślinnych wykazuje działanie przeciwzapalne, przeciwbakteryjne, przeciwwirusowe, wzmacniające organizm i immunostymulujące. Wykryto, iż niektóre surowce oferowane przez naturę charakteryzują się właściwościami przeciwnowotworowymi lub przynajmniej zmniejszają niebezpieczeństwo przerzutów¹⁵². Należy do nich huba brzoza, a właściwie czyr brzozowy (*Inonotus obliquus*). Zewnętrznie na guzy, narośle i nowotwory stosuje się liście pokrzywy (*Urtica dioica* L.) i wyciągi z szyszek chmielu (*Humulus* L.). Bukwica lekarska (czyściec lekarski, *Stachys officinalis* (L.) Trevis., syn. *Betonica officinalis* L.) leczy guzy twarde przechodzące w tkankę nowotworową. Świeży sok z bodziszka cuchnącego (*Geranium robertianum* L.) bywa rekomendowany przeciw rakowatym wrzodom i złośliwym wyrzutom, a pelargonia francuska (*Pelargonium-Geranium odorantissimum*) wykazuje dużą skuteczność w leczeniu ran i złamań kości, przeciwdziała nowotworom – stosuje się ją również pomocniczo w nowotworach macicy. Przeciwnowotworowe działania posiadają seskwiterpeny zawarte w lebidocze pospolitej (*Origanum vulgare*), kwas oleinowy, linolenowy, geraniol, pinen, linalol i limonen zawarte w kolendrze siewnej (*Coriandrum sativum* L.). Pomocniczo i w połączeniu z innymi lekami podaje się przetwory z kwiatów nagietka lekarskiego (*Calendula officinalis* L.) w nieoperacyjnych postaciach raka żołądka, stanach przednowotworowych w przewodzie pokarmowym, na przykład w długotrwałym przewlekłym zapaleniu błon śluzowych, owrzodzeniu z krwawieniami, braku poprawy po zastosowaniu innych leków chemicznych. Kwiaty nagietka zawierają olejek eteryczny, flawonoidy, karotenoidy, związki trójterpenowe (saponozydy), tj. arnidiol i faradiol, śluz, związki żywicowe, gorycze, kwas jabłkowy itd. Potwierdzone naukowo właściwości antynowotworowe posiada czarnuszka siewna (*Nigella sativa* L., *Nigella indica*), bogata w antyoksydanty i fitosterole, m.in. alfa-hederynę. Trwają intensywne badania naukowe zmierzające do wyizolowania z roślin substancji o własnościach przeciwnowotworowych wykorzystywanych w leczeniu biologicznym nowotworów¹⁵³, a także leczenia immunologicznego i immunosupresyjnego. Zwraca się uwagę na stosowanie właściwej diety, która ma istotny wpływ w profilaktyce chorób. Badania kliniczne wykazały, iż dieta bogata w składniki naturalne, roślinne może zmniejszać ryzyko zachorowania na nowotwory. Wynika to z faktu występowania w roślinach naturalnych antyoksydantów, bądź innych specyficznych właściwości związków roślin, takich jak zdolność hamowania procesów angiogenezy oraz stymulowania naturalnych procesów prowadzących do eliminacji komórek nowotworowych, czyli apoptozy¹⁵⁴.

¹⁵² T. Książkiewicz. *Zioła w walce z nowotworami. Uwierzyć wbrew nadziei*. Warszawa: Oficyna Wydawnicza Rytm, 2000.

¹⁵³ Szerzej o tym: Ł. Świątek. *Nadzieja na nowe leki onkologiczne*. „Aptekarz Polski” 2009, nr 9 (31). [Online:] <http://www.aptekarzpolski.pl/index.php?option=com_content&task=view&id=297&Itemid=86> (dostęp: 1.07.2010).

¹⁵⁴ Ibidem.

Odkrycie związków przeciwdrobnoustrojowych

Pierwsze wiadomości na temat „szczepień” prewencyjnych, dotyczących zamierzonego, w celach profilaktycznych, infekowania ospą osób zdrowych pochodzą z Chin z przełomu I i II wieku p.n.e. Metoda ta rozpowszechniła się w XV wieku Chinach, Indiach i Turcji i niegdyś nazwano ją *wariolacją*. Polegała na przenoszeniu przy pomocy igły wydzieliny ropnej pochodzącej od osób lekko chorych na osoby zdrowe.

Próby zastosowania drobnoustrojów bądź produktów ich metabolizmu do walki z chorobami podejmowane były już w starożytności. W medycynie ludowej do leczenia ropiejących ran i owrzodzeń stosuje się zazwyczaj produkty spożywcze pokryte zielonkawym nalotem grzybów pleśniowych. W Chinach około 3000 lat p.n.e. medycy w zakażeniach stosowali okłady z przefermentowanej mączki sojowej, a w egipskim papiirusie Ebersa jest mowa o zaletach okładów z „drożdży słodkiego piwa” na źle gorące się rany. Mikroorganizmy znane były ze swych własności przeciwzapalnych u cywilizowanych prekolumbijskich ludów indiańskich – Majowie i Inkowie hodowali grzyby pleśniowe na prażonej kukurydzy w celach leczniczych. Pleśń do leczenia ran stosowali też Indianie północnoamerykańscy. Na przestrzeni XIX wieku prowadzono badania w zakresie zastosowań mikroorganizmów wytwarzających antybiotyki. Już pod koniec XIX wieku uczeni byli o krok od pozyskania antybiotyku skutecznego w walce z zarazkami.

Bakterie jako pierwszy zidentyfikował w 1670 roku Antoni van Leeuwenhoek dzięki wynalezieniu mikroskopu¹⁵⁵. Jednak do XIX wieku nie doceniano ich związku z chorobami. Przełom nastąpił dopiero w badaniach Louisa Pasteura – nowoczesna era walki z chorobami infekcyjnymi rozpoczęła się w momencie, gdy udało mu się udowodnić rolę drobnoustrojów w procesie infekcji¹⁵⁶. Pasteur wykazał bakteryjny charakter choroby dziesiątkującej hodowlę jedwabników oraz opracował metody pozwalające na ich hodowlę wolną od bakterii. Istotny wkład do wiedzy na temat możliwości zastosowań związków chemicznych w praktyce medycznej wniósł w pierwszej połowie XIX wieku węgierski lekarz położnik Ignaz Philipp Semmelweis¹⁵⁷. Jego zasługą jest wyeliminowanie ze szpitali położniczych gorączki połogowej. Semmelweis był wielkim rzecznikiem higieny i aseptyki w szpitalnictwie, odkażania rąk przez lekarzy, częstej dezynfekcji pościeli i ubioru szpitalnego¹⁵⁸.

Odkrycie przez Pasteura etiologii chorób zakaźnych dało początek badaniom nad wpływem różnego typu substancji chemicznych na drobnoustroje chorobotwórcze. Ich nadrzędnym celem było poszukiwanie optymalnie działającego związku chemicznego do dezynfekcji. Odkryto m.in., że woda utleniona w stężeniu 1–2 % zabija drobnoustroje ropiejących ran, szczególnie gronkowce i paciorkowce. Kwas salicylowy i benzoesowy stosowane są do konserwacji produktów spożywczych – hamują także rozwój grzybów chorobotwórczych (pleśni). Zauważono też, iż kwas benzoesowy wy-

¹⁵⁵ P. Graham, *Chemia medyczna. Podstawowe zagadnienia*. Przeł. E. Mikiciuk-Olasik. Warszawa: Wydawnictwa Naukowo-Techniczne, 2003, s. 41.

¹⁵⁶ S. Russell. *Antybiotyki...*, s. 12.

¹⁵⁷ Ibidem, s. 15.

¹⁵⁸ Ibidem, s. 15.

stępuje w dużych ilościach w owocach roślin runa leśnego, czym tłumaczy się lecznicze właściwości jagód w schorzeniach przewodu pokarmowego (wyciągi z jagód były podstawowym środkiem terapeutycznym w medycynie ludowej)¹⁵⁹. Ogólnie można stwierdzić, iż wykrycie śmiertelnych własności niektórych związków chemicznych dla mikroorganizmów chorobotwórczych stało się podstawą rozwoju antyseptyki i aseptyki, co przyczyniło się przede wszystkim do wyeliminowania licznych powikłań pooperacyjnych powstających w wyniku zakażenia ran mikroorganizmami ropotwórczymi.

Pierwszym antybiotykiem¹⁶⁰ była penicylina odkryta przez Aleksandra Fleminga w 1928 roku. Przeglądając pożywki, na których rozwijały się bakterie, zauważył on, iż przypadkowe zanieczyszczenie podłoża pleśnią *Penicillium notatum* powstrzymuje wzrost kultur bakterii *Staphylococcus aureus*. Wyniki swych badań Fleming opublikował od razu, jednak do 1940 roku w świecie medycznym panowała cisza. Dopiero w 1940 roku Florey i Chain wyizolowali penicylinę w czystej postaci. Lek ten rewolucjonizował walkę z infekcjami bakteryjnymi i okazał się dużo skuteczniejszy od sulfonamidów. W czasie wojny właśnie penicylina wraz z konserwowaną krwią przyczyniła się do zwycięstwa aliantów (żołnierze mieli już świadomość, że istnieją leki, które mogą uratować im życie)¹⁶¹.

Potrzebne były jednak nowe leki przeciwbakteryjne, bowiem penicyliny nie były skuteczne w leczeniu wszystkich rodzajów zakażeń. Penicylina jest substancją wytwarzaną przez grzyby w celu zabicia bakterii mogących współzawodniczyć o pożywienie. Uświadomiwszy sobie fakt, iż grzyby mogą stać się źródłem nowych antybiotyków, uczeni na szeroką skalę przystąpili do badań nad nieznanymi kulturami mikrobów. Wcześniej w 1939 roku francuski mikrobiolog René Dubos podłożył podwaliny pod współczesną naukę o antybiotykach, dokonując szeregu istotnych odkryć z dziedziny mikrobiologii gleby. Do hodowli zjadliwych pałeczek riketsji (powodujących dur brzuszny) dodał szczepy bakterii wyizolowane z gleby. Dubos odkrył, że drobnoustroje izolowane z gleby hamują wzrost sprawców duru brzuszego, a szczególnie silnym antagonistą wobec riketsji jest bakteria *Bacillus brevis*. W 1939 roku doświadczenia Dubosa zwieńczone zostały wyizolowaniem pierwszego znanego antybiotyku – tyrotrycyny. Badania organizmów występujących w glebie przyczyniły się do odkrycia w 1944 roku przez urodzonego na Ukrainie mikrobiologa Selmana Waksmana – pierwszego antybiotyku aminoglikozydowego – streptomycyny. Możliwe stało się zwalczanie pałeczek gruźlicy i różnych bakterii Gram-ujemnych. Waksman w późniejszym czasie odkrył zresztą jeszcze inny antybiotyk pochodzenia promieniowcowego – neomycynę.

Po zakończeniu II wojny światowej uzyskano antybiotyki peptydowe (m.in. bacytracynę), chloramfenikol, antybiotyki tetracyklinowe, makrolidowe, cykliczne peptydowe antybiotyki, a w 1955 roku pierwszy antybiotyk z drugiej grupy β -laktamowych – cefalosporynę C. Prekursory cefalosporyn wyizolował po raz pierwszy z hodowli grzyba *Cephalosporium acremonium* w 1948 roku włoski naukowiec z Sardynii Giuseppe Brotzu.

¹⁵⁹ Ibidem, s. 15.

¹⁶⁰ Ibidem, s. 26–31.

¹⁶¹ Ibidem, s. 26–31.

Od czasu odkrycia pierwszych antybiotyków i innych chemoterapeutyków ziołolecznictwo zaczęło traktować jako przejaw zacoiania, czarów i zabobonów. Wielkie nadzieje pokładano w najnowocześniejszych syntetycznych preparatach farmaceutycznych często nie mając świadomości ich poważnych skutków ubocznych.

Odkrycie witamin

W latach osiemdziesiątych XIX wieku Michał Łunin stwierdził, iż do właściwego rozwoju zwierząt niezbędne są substancje chemiczne inne niż poznane dotychczas białka, tłuszcze, węglowodany i sole mineralne¹⁶². W 1897 roku po raz pierwszy opisano chorobę beri-beri, nękałą osoby odżywiające się głównie łuskany m ryżem. Poprawa stanu ich zdrowia następowała po włączeniu do diety otrąb ryżowych. W 1911 roku wyizolowano substancję chroniącą przed zachorowaniem na beri-beri – aminę życia (tj. witaminę). W niedługim czasie odkryto również istnienie witamin rozpuszczalnych w tłuszczach, m.in. witaminy A, których niedobór powoduje zahamowanie wzrostu oraz zaburzenia widzenia. Następnie z tranu wyizolowano witaminę D zapobiegającą krzywicy.

W latach trzydziestych XX wieku poznano przyczynę szkorbutu – wyodrębniono witaminę C. W latach 20. wydzielono witaminę B₁ – aneurynę (tj. tiaminę), B₂ (ryboflawinę), a później B₆ (pirydoksynę) i B₁₂ (kobalaminę), amid kwasu nikotynowego – witaminę PP, opisano witaminę H niezbędną do utrzymania prawidłowego rozwoju skóry (wcześniej z żółtka jaja kurzego wyizolowano biotylinę). W 1929 roku duński uczoney Henrik Dam zaobserwował, iż kurczęta pozbawione tłuszczu mają zaburzenia krzepliwości krwi – czynnik występujący w tłuszczu wieprzowym nazwał witaminą K.

Rośliny posiadają swój tajemniczy skład chemiczny¹⁶³. Są skarbnicą wielu cennych substancji. Do najpopularniejszych roślin bogatych w witaminy i minerały zalicza się m.in. różę dziką (*Rosa canina*) (zawiera mnóstwo witaminy C, a także E, K, PP, witaminy z grupy B, prowitaminę A), pokrzywę zwyczajną (*Urtica dioica* L.) (odnajdziemy w niej rozpuszczalne w tłuszczach witaminy A, E i K, ponadto witaminy z grupy B, witaminę PP oraz C), skrzyp polny (*Equisetum arvense*) itd. Lecnicze działanie wykazują nawet niektóre rośliny doniczkowe, na przykład drogocenny aloes (*Aloë* L.).

Chemioterapia nowotworów

Współcześnie naukowcy odkrywają właściwości roślin, zdolnych pokonywać komórki nowotworowe¹⁶⁴. W 1962 roku amerykański botanik Arthur Barclay stwierdził terapeutyczne działanie wyciągu z kory trujących cisów kalifornijskich drzew¹⁶⁵.

¹⁶² Por. S. Aldride. *Magiczne cząsteczki. Jak działają leki*. Przeł. B. Paluchowska. Poznań: Dom Wydawniczy „Rebis”, 2001, s. 315; K. Rożnowska. *Witaminy i biopierwiastki*. Kraków: Agencja Wydawniczo-Usługowa „Emilia”, 1997.

¹⁶³ Zob. P. Czirkow, J. Łąptiew. *Rośliny lecznicze i bogate w witaminy*. Z ros. przeł. H. Terpińska-Ostrowska. Wyd. 4. Warszawa: Państwowe Wydaw. Rolnicze i Leśne, 1988.

¹⁶⁴ O tym: *Onkologia. Podręcznik dla lekarzy i studentów*. Red. R. Kordek. Gdańsk: ViaMedica, 2006.

¹⁶⁵ Ł. Kaniewski. *Lek z kory trującego drzewa*. „Medycyna i Zdrowie” 21.03.2016. [Online:] <<http://>

Wyzolowana z kory drzew substancja czynna paklitaksel (od łac. *Taxus 'cis'*) weszła w skład nowego leku na raka trzustki¹⁶⁶. Cisy fascynowały ludzi od tysiącleci. Z ich twardego drewna wykonywano broń (włócznie, łuki), zdawano sobie również sprawę z jego toksyczności. Dzięki swoim wiecznie zielonym igłom cis uchodził za symbol życia i odrodzenia.

W latach 80. odkryto lecznicze działanie winorelbiny – alkaloidu wyizolowanego z barwinka różowego (*Catharantus roseus*), pochodzącego z Madagaskaru. Roślina ta zawiera też winkrystynę. Obydwa alkaloidy mają zastosowanie jako cytostatyki w leczeniu szeregu chorób nowotworowych. Zdarza się, że roślina ta jest mylona z innym gatunkiem barwinka, któremu również przypisuje się działanie przeciwnowotworowe – *Vinca cora*¹⁶⁷.

Aloes (*Aloë L.*), którego mięsiste liście zawierają mnóstwo substancji aktywnych, takich jak m.in. aloina, barbaloina, aloemodyna, wykorzystywany jest do produkcji leków wspomagających leczenie nowotworów (powstrzymuje m.in. rozwój białaczki).

Przykłady dobroczynnych właściwości terapeutycznych roślin można by było mnożyć.

Toksyczne działanie leków roślinnych

Skutki uboczne fitoterapii

Znakomita większość leków roślinnych w opinii powszechnej uważana jest za bezpieczną w stosowaniu. Zwolennicy fitoterapii przedstawiają zwykle działania uboczne leków roślinnych jako mało szkodliwe, natomiast jej przeciwnicy odrzucają fitoterapeutyki jako środki mało skuteczne i częściowo negują niebezpieczeństwo związane z ich użyciem. W piśmiennictwie medycznym wymienia się pewne skutki uboczne fitoterapii¹⁶⁸: 1) reakcje alergiczne, 2) efekty toksyczne, 3) niezamierzone działanie farmakologiczne, 4) działania mutagenne, karcinogenne, 5) interakcje z innymi lekami, 6) skutki spowodowane kontaminacją (zanieczyszczenie, skażenie), 7) następstwa błędnej identyfikacji surowców. Trzeba podkreślić, iż reakcja alergiczna może być w istocie skutkiem użycia każdego rodzaju ekstraktu roślinnego. Alergie występują częściej i są bardziej nasilone w przypadku, gdy poprzedza je reakcja uczuleniowa. Na ogół aplikacje parenteralne są dużo bardziej niebezpieczne niż dawki doustne. Nie tak dawno w literaturze medycznej doniesiono o wystąpieniu reakcji anafilaktycznej po użyciu preparatu *Echinacea*¹⁶⁹. Oczywiście jest, iż część roślin jest toksyczna; zawie-

www.rp.pl/Medycyna-i-zdrowie/303219873-Lek-z-kory-trujacego-drzewa.html#ap-2 (dostęp: 8.02.2017).

¹⁶⁶ Zob. *Paclitaxel-Ebewe (paklitaksel) – koncentrat do sporządzania roztworu do infuzji*. [W:] *Baza leków*. [Online:] <<https://bazalekow.mp.pl/lek/63208,Paclitaxel-Ebewe-koncentrat-do-sporzadzania-roztworu-do-infuzji>> (dostęp: 2.08.2017).

¹⁶⁷ Ibidem.

¹⁶⁸ B. Czerny. *Uwagi na temat ubocznych efektów stosowania roślinnych środków leczniczych*. „Postępy fitoterapii” 2000, nr 3, s. 21. [Online:] <http://www.czytelniamedyczna.pl/postepy_fitoterapii-67> (dostęp 11.06.2010).

¹⁶⁹ Ibidem, s. 21

rają one związki o bardzo silnym działaniu fizjologicznym, będące niekiedy trucizną. Dlatego stosowanie wielu preparatów ziołowych winno odbywać się: 1) po konsultacji z lekarzem w ściśle uzgodnionej dawce (na przykład przetwory z brzozy, chmielu), 2) leki należy nabywać jedynie w miejscach do tego upoważnionych (apteki i licencjonowane sklepy zielarskie). Trzeba też mieć na względzie to, iż zwiększone stężenie niektórych substancji uważanych za bezpieczne może wywołać niepożądane objawy. Do toksycznie działających związków należą¹⁷⁰: 1) alkaloidy tropinowe z liści pokrzyku wilczej jagody (*Atropa belladonna* L.), bielunia (*Datura* L.) i lulka (*Hyoscyamus* L.), 2) alkaloidy z opium lub z makówek, np. morfina, kodeina, papaweryna, 3) alkaloidy ze sporyszu (*Secale cornutum*), na przykład ergotamina, ergotoksyna, ergometryna, 4) ardenolidy z liści naparstnicy (*Digitalis* L.), ziela konwalii (*Convallaria* L.), ziela miłki wiosennej (*Adonis vernalis* L.), cebuli morskiej (urginia morska, *Drimia maritima*) i nasion strofantu (skrętnika, *Strophanthus*), 5) efedryna z ziela stroiczkii (*Lobelia*), 6) kolchicyna z nasion i cebuli ziwowitu (*Colchicum*), 7) rezerpina i ajmalina z korzeni rauwolfii żmijowej (*Rauwolfia serpentina*), 8) strychnina z nasion kulczyby wroniego oka (*Strychnos nux-vomica* L.), 9) akonityna z bulw tojadu (*Aconitum* L.), 10) chinina z kory chinowej (*Cinchona* L.).

W surowcach roślinnych zwykle znajduje się cały kompleks alkaloidów. Niektóre z nich wykazują bardzo silne działanie prowadzące do zgonu. Wiele toksycznych alkaloidów podawanych w małych dawkach leczniczych stanowi skuteczne leki, na przykład morfina, kodeina, chinina, efedryna; liczne alkaloidy są składnikami używek, na przykład kofeina, teobromina, nikotyna. Zawarta w chmielu lupulina stosowana w zbyt dużej ilości może okazać się niebezpieczna. Przeciwwskazane jest zażywanie glistnika jaskółczego ziela (*Chelidonium majus* L.) oraz leków, których składnikiem jest atropina i jej podobne (z uwagi na właściwości lekko narkotyczne), w przypadku kobiet w ciąży, dzieci, osób cierpiących na zaćmę czy jaskrę¹⁷¹. Przedawkowanie kopytnika (*Asarum europaeum* L.) jest bardzo niebezpieczne i skutkuje nudnościami, wymiotami, podrażnieniem przewodu pokarmowego i nerek, zapaścią, drgawkami, halucynacjami i majaczeniem. Bylica piołun (*Artemisia absinthium* L.) zawiera spore ilości tujonu – związku silnie toksycznego, dlatego napary z ziela powinny być stosowane rzadko i w niewielkich ilościach, gdyż mogą powodować agresywność, bóle i zawroty głowy. Szereg przeciwwskazań wiąże się z rdestem ptasim (świńską trawą, *Polygonum aviculare* L.), którego nie wolno zażywać przy uczuleniach na promienie słoneczne, po zawale, przy zatorach, dusznicy bolesnej, zapaleniu żył, postrzałach, kręczu szyi, skłonności do tycia, otyłości, opryszczkach, cukrzycy, półpaścu. Toksyczne alkaloidy, na przykład strychninę, wykorzystuje się do zwalczania szkodników. Do niezwykle silnych trucizn należy tubokuraryna występująca w *Chondodendron tomentosum*. Używana ona była do zatruwania grotów strzał przez Indian południowoamerykańskich. Efekty toksyczne stosowania fitoterapeutyków na ogół dotyczą wątroby. Możliwe są także uszkodzenia toksyczne innych narządów: nerek, mięśnia sercowego. Spośród potencjalnych działań niepożądanych tego typu wymienia się efekty toksyczne spowodowane na przykład używaniem kory korzenia *Sassafras* w leczeniu schorzeń reuma-

¹⁷⁰ Ibidem, s. 21.

¹⁷¹ *Zielnik dla każdego...*, s. 51.

tycznych, żywokostu lekarskiego (*Symphytum officinale* L.) jako środka przeciwzapalnego, pennyroyali (np. mięta polej, *Mentha pulegium* L.) jako środka wiatropędnego. Surowce, które zawierają kwas aristolochiowy, mogą być nefrotoksyczne. Bardzo niebezpieczne może okazać się stosowanie leków pochodzenia azjatyckiego¹⁷².

Leki roślinne mogą wywoływać również tzw. nieoczekiwane efekty farmakologiczne. Istnieją przeciwwskazania odnośnie stosowania niektórych fitoterapeutyków, takich jak *Cimincifuga*, *Ginseng*, *Sebal sernilata*, które wykazują aktywność estrogenową, lucerna (*Medicago* L.), biedrzyca anyż (*Pimpinella anisum* L.), arnika (*Arnica* L.), czarcie łąno (smrodzieniec, asafetyda)¹⁷³, miłorząb (*Ginkgo biloba* L.), rumianek (*Matricaria chamomilla* L.), czosnek (*Allium sativum* L.) wpływające na parametry krzepnięcia krwi¹⁷⁴. Rezultatem interakcji leków może być wzmocnienie bądź osłabienie działania leku, a także skrócenie lub wydłużenie czasu jego działania¹⁷⁵. Przykładowo preparaty z czosnku pospolitego (*Allium sativum* L.)¹⁷⁶ powodują wzrost aktywności warfaryny¹⁷⁷, co wskutek zmniejszenia agregacji płytek krwi grozi krwotokami pooperacyjnymi. Preparaty z miłorząbu dwuklapowego (*Ginkgo biloba*) w połączeniu z aspiryną mogą powodować krwiaki przedniej komory oka, a w połączeniu z paracetamolem – krwiaki ponadtwardówkowe. Preparaty z popularnego żeń-szenia (ginseng, wszechlek, *Panax ginseng* C.A. Meyer) wraz z fenelzyną wywołują bóle głowy, drżenie i stany maniakalne, a preparaty z lukrecji (*Glycyrrhiza* L.) – podwyższenie poziomu prednizolonu w surowicy krwi. Z kolei preparaty z babki jajowatej (*Plantago ovata*) obniżają poziom litu we krwi. Preparaty z dziurawca (*Hypericum perforatum* L.) mogą wraz z sertralina spowodować objawy serotoninowe, a aplikowane równocześnie z cyklosporyną obniżają jej poziom w surowicy, co grozi odrzuceniem przeszczepu¹⁷⁸. Niebezpieczna w skutkach może być efedryna, której nie zaleca się niemowlętom, kobietom ciężarnym i karmiącym (powoduje spadek ciśnienia u płodu i niemowląt). Efedryna wchodzi także w interakcje z niektórymi lekami, m.in. ze środkami używanymi w kardiologii, na przykład z beta-adrenolitykami, inhibitorami MAO, metyldopą, kofeiną i teofiliną. Równoczesne podawanie efedryny z kofeiną powoduje oporność na insulinę oraz hipokaliemię, może doprowadzić do wzrostu częstotliwości skurczów serca i podwyższenia ciśnienia tętniczego, arytmii, dyslipidemii oraz cukrzycy typu II¹⁷⁹.

¹⁷² B. Czerny. *Uwagi na temat ubocznych efektów stosowania...*

¹⁷³ Gumożywica otrzymywana z korzeni i kłączy zapalniczki cuchnącej (*Ferula assa-foetida*).

¹⁷⁴ Ibidem.

¹⁷⁵ K. Blecharz-Klin et al. *Interakcje leków roślinnych stosowanych w chorobach układu oddechowego*. „Herba Polonica” 2005, nr 3–4 (51), s. 89–97.

¹⁷⁶ Podawanie osobom zakażonym wirusem HIV wyciągu z czosnku powoduje nieznaczne zmniejszenie AU C dla inhibitora proteazy HIV-1 – ritonawiru. U chorych tych zażywających czosnek w połączeniu z lekami przeciwwirusowymi zaobserwowano działanie toksyczne skutkujące zaburzeniami funkcji układu pokarmowego. Zob. K. Blecharz-Klin et al. *Interakcje leków roślinnych stosowanych...*, s. 89–97.

¹⁷⁷ Ibidem.

¹⁷⁸ B. Kędzia, J. Alkiewicz. *Interakcje pomiędzy lekami roślinnymi stosowanymi w inhalacjach a lekami syntetycznymi stosowanymi doustnie*. „Postępy fitoterapii” 2006, nr 2, s. 105.

¹⁷⁹ K. Blecharz-Klin et al. *Interakcje leków roślinnych stosowanych...*, s. 89–97.

Olejki eteryczne

Olejki eteryczne wykorzystywane są w aromaterapii, inhalacjach leczniczych i odkażaniu pomieszczeń. W przypadku nadwrażliwości osobniczej mogą one wywoływać pewne działania alergizujące, co dotyczy zwłaszcza dzieci i młodzieży. Mogą ponadto spowodować alergię wziewną, kontaktową oraz odczyn toksyczny w następstwie zetknięcia się skóry z pewnymi substancjami ziołowymi. Zmiany skórne powstałe na skutek kontaktu z alergenem mają charakter wyprysku bądź zapalno-obrzękowe (odczyn pęcherzowy); towarzyszy im świąd, następuje wtórne zakażenie bakteryjne. Alergię może powodować bezpośrednio dotknięcie świeżych roślin, na przykład pierwiosnków, ruty, bylicy, sumaku, komosy, złocienia, jak również kontakt z substancjami zawartymi w oleju eterycznym drogą wziewną. Praktycznie każdy typ oleju lotnego może wywoływać podrażnienia śluzówki górnych i dolnych dróg oddechowych, skutkujące skurczem krtani lub oskrzeli, a nawet wywołać ataki astmy. Szczególnie osobami wrażliwymi na surowce zielarskie są pacjenci cierpiący na pyłkowicę. Za lek bezpieczny uważa się miętę pieprzową zalecaną nawet małym dzieciom, jednak większe ilości oleju otrzymanego z liści mięty pieprzowej, zawierającego mentol, menton, izomenton, 1,8-cyneol są toksyczne i mogą wywołać nie tylko alergię objawiającą się kurczem krtani, oskrzeli, ale i poważniejsze zatrucie (wymioty, zaburzenia równowagi, senność). Olejek miętowy wywołuje także interakcje z innymi lekami powodując wzrost toksyczności glikozydów nasercowych, hamując aktywność enzymu wątrobowego metabolizującego leki CYP 3A4 (cyklosporyna, lowastatyna, ketokonazol, triazolam)¹⁸⁰. W interakcje z innymi lekami syntetycznymi, a także roślinnymi, wchodzi olejki stosowane tradycyjnie w schorzeniach zapalnych górnych dróg oddechowych, takie jak anyż (*Pimpinella anisum* L.) czy eukaliptus (*Eucalyptus* L'Hér.). W anyżu aktywnym składnikiem jest anetol pobudzający aktywność nabłonka rzęskowego w oskrzelach. Anetol wchodzi jednak w reakcję krzyżową z koprem włoskim (*Foeniculum vulgare* Mill.), drzewem kamforowym (*Cinnamomum camphora* Ness et Eberm.), kminkiem (*Carum* L.) i kolendrą (*Coriandrum* L.)¹⁸¹. Główny składnik oleju anyżowego otrzymanego z owoców – trans-anetol obniża działanie leków przeciwzakrzepowych, przeciwłękowych i podwyższających ciśnienie. Olejek z owoców kopru włoskiego, zawierający trans-anetol i fenchon, wzmacnia działanie leków przeciwepileptycznych (fenobabital), obniża działanie antybiotyku ciprofloksacyny, inhibitor konwertazy angiotensynowej (zmniejsza działanie enalaprilu – leku obniżającego ciśnienie tętnicze)¹⁸². Fenchol – składnik kopru włoskiego, wywiera działanie drgawkotwórcze, dlatego stosowany u dzieci stanowić może zagrożenie dla osób o obniżonym progu drgawkowym. Podobne zagrożenie mogą nieść ze sobą inne produkty fitoterapeutyczne zawierające olejki z monoterpenowymi ketonami, tj. kamforą, pinokamfonem, tujonem, cyneolem i pulegonem¹⁸³. Istnieją przeciwwskazania do stosowania popularnego oleju lawendowego (*Oleum Lavandulae*), m.in. w ostrych

¹⁸⁰ B. Kędzia, J. Alkiewicz. *Interakcje pomiędzy lekami roślinnymi...*, s. 105.

¹⁸¹ K. Blecharz-Klin et al. *Interakcje leków roślinnych stosowanych w chorobach układu oddechowego...*

¹⁸² B. Kędzia, J. Alkiewicz. *Interakcje pomiędzy lekami roślinnymi...*, s. 105.

¹⁸³ K. Blecharz-Klin et al. *Interakcje leków roślinnych stosowanych...*, s. 89.

i podostrych zapaleniach żołądka, jelit, wyrostka robaczkowego, a także w chorobie wrzodowej, w przypadkach krwawienia z przewodu pokarmowego i poważnych schorzeń wątroby i nerek. Leki zawierające olejek kopytnikowy są zabronione dla kobiet ciężarnych z uwagi na właściwości poronne, z kolei azaron (trans-izoazaron) zawarty w kopytniku pospolitym (*Asarum europaeum* L.) ma także działanie karcynogenne.

Znamienne, iż zwierzęta omijają rośliny o działaniu toksycznym.

Antrazwiązki

Antrazwiązki stanowią pochodne antracenu i wykazują fizjologiczne działanie przeczyszczające głównie w jelicie grubym. Wskutek zażycia zbyt dużych dawek antrazwiązków dochodzi do przekrwienia błony śluzowej jelita, przede wszystkim odbytnicy, a także narządów miednicy małej (groźba poronienia). Może nastąpić krwawienie z jelit w wyniku uszkodzenia naczyń, istnieje przy tym ryzyko pojawienia się zakażeń infekcyjnych i owrzodzeń. Zaburza to system trawienny, powoduje przekrwienie i podrażnienie nerek, zaś przewlekły stan zapalny oraz przekrwienie może prowadzić do tzw. stanu przedrakowego¹⁸⁴. Dla toksykologii ważny jest również czas, jaki upłynął od chwili zażycia leku przeczyszczającego do momentu wypróżnienia. Do najbezpieczniejszych zalicza się liście senesu, które działają już po 6–8 godzinach i które w niewielkich dawkach mogą być przyjmowane przez dzieci i ciężarne. Niekorzystne objawy wywołuje natomiast *Aloe* – stężały sok z aloesu zawarty m.in. w popularnym preparacie *Alax*¹⁸⁵. Większe niż lecznicze dawki preparatu aloesu mogą spowodować ogólne osłabienie, spowolnienie pulsu, obniżenie ciepłoty ciała (hipotermia), a przy spożyciu 8 g proszku – zgon. Antagonistami aloesu są środki narkotyczne i kwasy. Niezgodność wywołują garbniki, żelazo, jod, mentol, tymol, fenol i in. Dlatego przeciwwskazane jest ich równoczesne stosowanie.

Związki antytiaminowe

W surowcach roślinnych zawarte są dwa rodzaje związków unieczynnijące tiaminę (witaminę B₁): 1) związki o aktywności enzymu tiaminazy, 2) czynniki przeciwtiaminowe odporne na temperaturę. Tiaminaza jest enzymem występującym w organizmie ludzkim, który eliminuje aktywność witaminy w wyniku rozszczepienia jej cząsteczki na składniki podstawowe. Mechanizm działania związków drugiej grupy nie został jeszcze dobrze zbadany¹⁸⁶. Zidentyfikowano kilka związków o właściwościach antytiaminy B₁. Odkryto także, że aktywność przeciwwitaminową B₁ posiadają niektóre grzyby, przyprawy kuchenne, m.in. cebula (*Allium*), owoce, na przykład mango indyjskie (*Mangifera indica* L.), ananasy jadalne (*Ananas comosus* (L.) Merr.), niektóre odmiany jabłek, a wśród surowców ziołowych – ziele skrzypu polnego (*Equisetum arvense*), rdestu ptasiego (*Polygonum aviculare* L.), owoc kolendry (*Coriandri fructus*), czosnek zwyczajny (*Allium sativum* L.), prawdopodobnie liście jeżyny (*Folium Rubi fruticosi*), maliny (*Folium Rubi idaei*), ziele cząbrku ogrodowego (*Herba Saturejæ*). Związki antytiaminowe wykazują odporność na działanie temperatury, pozostają

¹⁸⁴ *Ziółolecznictwo*. [W:] *Encyklopedia zdrowia*. T. 1..., s. 491.

¹⁸⁵ *Ibidem*, s. 492.

¹⁸⁶ *Ibidem*, s. 492.

w odwarach i naparach. Preparaty z tych surowców zażywane w niewielkich dawkach i od czasu do czasu nie wywołują objawów ubocznych, jakim jest ubytek witaminy B₁. W przypadku przedłużających się intensywnych kuracji – wielomiesięcznych czy nawet kilkuletnich przy pomocy wyciągów wodnych z tych roślin, np. z ziela skrzypu jako leku moczopędnego, może doprowadzić do znacznego obniżenia w organizmie poziomu witaminy B₁. Witamina B₁ jest organizmowi bardzo potrzebna – wspomaga wzrost, uczestniczy w przyswajaniu, zwłaszcza węglowodanów (zamiana glukozy na energię), reguluje procesy metaboliczne, poprawia sprawność umysłu i ogólny nastrój, działa korzystnie na pracę serca i układ mięśniowy, a ponadto zwalcza półpasiec oraz chorobę lokomocyjną i morską. Chorobą wynikającą z niedoboru tej witaminy jest beri-beri – objawiająca się porażeniem mięśni, obrzękami i zaburzeniami pracy nerek¹⁸⁷.

Związki fotodynamiczne

W organizmie ludzkim znajduje się hematoporfiryna powodująca, że pod wpływem naświetlającego działania na skórę promieniami nadfioletowymi o długości fal w granicach 297–408 nm, emitowanymi wraz ze światłem słonecznym, skóra przybiera brązową barwę¹⁸⁸. W przypadku zbyt długiego naświetlania pojawia się rumień bądź oparzenie w zależności od wrażliwości osobniczej. W niektórych roślinach występują związki o podobnych do hematoporfiryny właściwościach, a mianowicie: hyperycyna i jej analogi oraz furanokumaryny. Hyperycyna znajduje się w ziele, soku i wyciągu alkoholowym z dziurawca. Przy pomocy leków sporządzanych na bazie dziurawca posiadającego własności fotodynamiczne leczy się bielactwo (smarowania). Zażycie zbyt dużych dawek soku dziurawcowego pod wpływem ekspozycji słonecznej bądź naświetleń lampą kwarcową prowadzi do rumienia i oparzeń, a nawet udaru, który skutkuje hemolizą czerwonych krwinek, krwotokami wewnętrznymi i anemizacją jelit. Związki zbliżone do hyperycyny zawarte są też w ziele gryki – fagopyryna, w niektórych gatunkach *Penicillium* – peniciliopsyna¹⁸⁹. Furanokumaryny wykryto w takich surowcach zielarskich, jak korzeń arcydzięgla litwor (*Angelicae Archangelicae radix*), biederzeńca (*Radix Pimpinellae*) i lubczyka (*Levistici radix*), liść ruty (*Folium Rutae*), owoce pietruszki (*Fructus Petroselinii*) i aminka większego (*Fructus Ammi majoris*), seler zwyczajny (*Apium graveolens* L.), pasternak zwyczajny (*Pastinaca sativa* L.) itd. Do najważniejszych furanokumaryn zalicza się: psoralen, ksantotoksynę, bergapten, angelicynę, oksypeucedaninę. Preparatów zawierających furanokumaryny oraz izolowane wyciągi z nich używa się w leczeniu chorób skóry, takich jak bielactwo i łuszczyca. Przedawkowanie tych preparatów połączone z ekspozycją słoneczną lub naświetleniami lampą kwarcową powoduje jednak poważne objawy toksyczne: ogólne osłabienie, bezsenność, bóle i zawroty głowy, nudności i wymioty, a także uszkodzenia wątroby, stany zapalne żołądka i trzustki. Do objawów miejscowych należą: odczyn rumieniowy, rumieniowo-obrzękowy, wypryskowy, wypryskowo-pęcherzowy. Toksykologodzy wykazali także cytotoksyczne działanie furanokumaryn polegające na uszko-

¹⁸⁷ K. Rożnowska. *Witaminy i biopierwiastki. Przewodnik*. Wyd. 2. Kraków: Agencja Wydawniczo-Usługowa „Emilia”, 1997, s. 14.

¹⁸⁸ *Ziółolecznictwo*. [W:] *Encyklopedia zdrowia*. T. 1..., s. 492.

¹⁸⁹ *Ibidem*, s. 492.

dzeniu jądra komórkowego i aglutynacji chromosomów¹⁹⁰. Działanie fotouczulające posiadają również kmin rzymski (*Cuminum cyminum* L.) i kolendra siewna (*Coriandrum sativum* L.).

Związki izosiarkocyjanianowe

W komórkach niektórych roślin leczniczych występują glikozynolaty (glikozydy gorczyczne) – glikozydy zawierające atom siarki¹⁹¹. Pod wpływem enzymu mirozynazy, który znajduje się w odrębnych komórkach rośliny macierzystej, glikozynolaty ulegają hydrolizie uwalniając izosiarkocyjaniany. Za najbardziej aktywny uznaje się izosiarkocyjanian allilu (olejek gorczyczny), który znajduje się w nasieniu gorczycy czarnej (*Brassica nigra*), korzeniu rzodkwi (rzepy) czarnej (*Radix Raphani*) i korzeniu chrzanu (*Radix Armoraciae*). Po roztarciu powyższe surowce stosowane są zewnętrznie jako okłady rumieniące (plastry) w bólach reumatycznych, a olejek gorczyczny wchodzi w skład maści, balsamów, mazideł. Zbyt długie działanie preparatu na skórę wywołuje silny piekący ból, ostry stan zapalny z odczynem pęcherzowo-krwotocznym oraz martwicę naskórka, czemu towarzyszą wtórne powikłania bakteryjne. Nadmierne spożywanie tych surowców jako przypraw (np. musztardy) prowadzi do uszkodzeń nerek z krwimoczem i białkomoczem, a także przekrwienia macicy¹⁹². Glikozynolany zawarte w nasionach rzepaku (*Brassica napus* L. var. *napus*) i kapusty (*Brassica* L.) hamują natomiast proces utleniania jodków lub jodu, co skutkuje upośledzeniem czynności gruczołu tarczowego i powstaniem wola. Bezpośredni kontakt skóry z miazgą czosnku może wywoływać stan zapalny z trudno gojącymi się wrzodami i nadżerkami.

Glikozydy fenolowe

Glikozydy w rodzaju arbutyny i metyloarbutyny znajdują się w liściach mącznicy lekarskiej (*Folium Uvae-ursi*), borówki brusznicy (*Folium Vitis idaeae*), borówki czarnej (*Folium Myrtilli*), w korze gruszy (*Pyrus communis* L.) itd. Są one składnikiem mieszanek ziołowych o działaniu moczopędnym i odkażającym drogi moczowe (arbutyna hydrolizuje w moczu o odczynie alkalicznym i powoduje uwolnienie silnie bakteriobójczego hydrochinonu)¹⁹³. Zbyt duże dawki surowców arbutynowych bądź długotrwałe kuracje wyciągami z nich prowadzą do przewlekłego zatrucia objawiającego się anemią hemolityczną, stłuszczeniem wątroby, odbarwieniem włosów, złym samopoczuciem, wymiotami, biegunką itd.

Związki garbnikowe

Surowce roślinne oraz preparaty z nich mające działanie przeciwbiegunkowe mogą wywołać również szereg skutków ubocznych¹⁹⁴. Długotrwałe stosowanie oraz zbyt duże dawki wyciągów zawierających związki garbnikowe (na przykład mocna herbata) wpływa na zahamowanie przyswajania wielu mikroelementów, m.in. seleniu, miedzi,

¹⁹⁰ Ibidem, s. 493.

¹⁹¹ Ibidem, s. 493–494.

¹⁹² Ibidem, s. 493–494.

¹⁹³ Ibidem, s. 493–494.

¹⁹⁴ *Ziołolecznictwo*. [W:] *Encyklopedia zdrowia*. T. 1, s. 494.

oraz makroelementów, m.in. żelaza. Prowadzi to do utworzenia kompleksów z garbnikami nierozpuszczalnymi w wodzie; identyczne reakcje zachodzą z witaminami, m.in. witaminą B₁ oraz niektórymi lekami zawierającymi alkaloidy¹⁹⁵. Wskutek hydrolizy niektórych garbników, a szczególnie taniny, przez kwas żołądkowy, dochodzi do uwolnienia składników związków garbnikowych, m.in. kwasu galusowego, które mocno podrażniają błonę śluzową żołądka wywołując ból, nudności i wymioty. Kwas galusowy w niewielkim stężeniu jest silnym katalizatorem reakcji tworzenia się nitrozoamin z obecnych w przewodzie pokarmowym azotynów i amin. Należy podkreślić, iż to właśnie nitrozoaminy należą do najgroźniejszych związków rakotwórczych. Tanina uzyskiwana z galasów chińskich i tureckich oraz nalewka galasowa wykazuje podobne działanie do kwasu galusowego. Tanina w postaci środka ściągającego na oparzenia ulega częściowej hydrolizie oraz resorpcji i może spowodować nekrotyczne uszkodzenie wątroby.

Związki saponinowe

Saponiny w leczniczych dawkach powodują sekrecję śliny, podrażnienie błon śluzowych jamy ustnej, gardła i krtani, wzmożenie odruchów wykrztuśnych, natomiast nawet niewielkie przedawkowanie preparatów i leków zawierających związki saponinowe prowadzi do nadmiernego ślinienia, nudności oraz wymiotów. Zbyt duża dawka może prowadzić do uszkodzeń błony śluzowej przewodu pokarmowego i zatruc objawiających się zawrotami i bólami głowy, zaburzeniami akcji serca i krążenia, silnego bólu i nieżytu oskrzeli. Saponiny są truciznami hemolitycznymi *in vitro*¹⁹⁶, na przykład mydlnica lekarska obfitująca w saponiny nie może być stosowana przy krwawieniach przewodu pokarmowego, stanach zapalnych żołądka, jelit, wątroby, po operacji jamy brzusznej i w przypadku biegunki.

Inne związki toksyczne

Należałoby też podkreślić, iż niektóre produkty spożywcze zawierają toksyczne związki chemiczne. Brokuły (kapusta szparagowa, *Brassica oleracea* L. var. *italica* Plenck), kapusta (*Brassica* L.) i kalafior (*Brassica oleracea* L. var. *botrytis* L.) odznaczają się wysokim poziomem związków powodujących anomalie reprodukcyjne u szczurów. W orzeszkach ziemnych (*Arachis hypogaea* L.) i kukurydzy zwyczajnej (*Zea mays*) stwierdza się obecność toksyn grzybów. Popularna bazylija zawiera aż 50 związków o potencjalnym działaniu rakotwórczym, a w skład niektórych ziół wchodzi substancje działające silnie rakotwórczo. Substancje rakotwórcze ujawniono też w rzodkiewce zwyczajnej (*Raphanus sativus* L.), brązowej gorczycy (sarepskiej) (*Brassica juncea*), morelach (*Prunus armeniaca* L.), wiśniach (*Prunus cerasus* L.) i śliwkach (*Prunus* L.)¹⁹⁷.

¹⁹⁵ Ibidem, s. 494.

¹⁹⁶ Ibidem, s. 495.

¹⁹⁷ Zob. L.P. Graham. *Chemia medyczna...*

Podsumowanie

Po krótkim przeanalizowaniu metod leczniczych wykorzystywanych od tysiącleci nasuwa się prosty wniosek: ludzie od zawsze interesowali się kwestiami zdrowotnymi. Szeregu istotnych odkryć dokonano już w starożytności, a nawet w czasach przedhistorycznych – zarówno intuicyjnie, jak drogą doświadczeń (prób i błędów), świadomie dążąc do uzyskania środka zwalczającego określoną chorobą, dolegliwość czy szczególnie dokuczliwe objawy choroby. Metody leczenia oraz profilaktyki chorób przy pomocy różnorodnych substancji (najczęściej, choć nie tylko, pochodzenia naturalnego) praktykowane przez przedstawicieli różnych kręgów cywilizacyjnych były w istocie bardzo zbliżone, choć nie były wolne od błędów. Na podkreślenie zasługuje fakt w pełni świadomego korzystania ze zdobytych przez poprzednie pokolenia doświadczeń, rozwój myśli naukowej i nieustanna chęć do doskonalenia środków i metod leczniczych, przynoszących korzyść zdrowiu ogółu społeczności. Wiele współcześnie stosowanych środków (fitoterapeutycznych, minerałowych, zwierzęcych, chemicznych) i zasad ochrony zdrowia opracowano przed kilkoma tysiącami lat, co starałam się przedstawić w powyższych rozważaniach. Na przypomnienie zasługuje również fakt, iż od początku lekarze traktowali organizm ludzki jako organiczną całość – *some i psyche*, co dziś w medycynie konwencjonalnej często niestety jest bagatelizowane. Wielki rozwój farmacji związany jest ściśle z rozwojem chemii – prowadzonymi doświadczeniami, które uwiecznione zostały szeregiem nowych odkryć, a przede wszystkim wyizolowaniem określonych substancji aktywnych, które zostały szybko wdrożone do lecznictwa. Przełom w medycynie stanowiło także odkrycie witamin, wpływających m.in. na zachowanie homeostazy w ustroju (ich niedobór powoduje liczne choroby i niedomagania). Wraz z postępem nauki wydłuża się przeżywalność.

Bibliografia

- Aldride S. *Magiczne cząsteczki. Jak działają leki*. Przeł. B. Paluchowska. Poznań: Dom Wydawniczy „Rebis”, 2001.
- Baines J., Málek J. *Wielkie kultury świata. Egipt*. Przeł. z ang. T. Derda. Warszawa: Penta, 1995.
- Barosiak M. *Wąż Eskulapa, laska Asklepiosa i krew Gorgony. Cz. II*. „Bez Recepty” 2001, nr 5.
- Bartkowiak L. *Kształtowanie się aptekarstwa w Polsce (XIII–XX wiek). Studium historiograficzne*. Poznań: Wydawnictwo Naukowe Akademii Medycznej im. Karola Marcinkowskiego, 2004.
- Bela Z. *Etymologia i pierwotne znaczenia wyrazów lek i leczyć*. „Gazeta Farmaceutyczna”, marzec 2011, s. 16–28. [Online:] <http://www.kwadryga.pl/upload/Dokumenty/Artykuly_naukowe/GF_3_2011_naukowy.pdf> (dostęp: 25.08.2017).
- Bergandy W. *Od alchemii do chemii kwantowej. Zarys historii rozwoju chemii*. Poznań: Wydawnictwo Naukowe UAM, 1997.
- Blecharz-Klin K. et al. *Interakcje leków roślinnych stosowanych w chorobach układu oddechowego*. „Herba Polonica” 2005, nr 3–4 (51), s. 89–97. [Online:] <http://www.iripz.pl/ftp/51_3_4_05_10.pdf> (dostęp: 11.06.2010).
- Cavelius A., Frohn B. *Zioła w medycynie naturalnej*. Przeł. P. Montusiewicz. Bremen: Mak, 2005.
- Czerny B. *Uwagi na temat ubocznych efektów stosowania roślinnych środków leczniczych*. „Postępy fitoterapii” 2000, nr 3, s. 21. [Online:] <http://www.czytelniamedyczna.pl/postepy_fitoterapii-67> (dostęp 11.06.2010).

- Czikow P., Łaptiew J. *Rośliny lecznicze i bogate w witaminy*. Z ros. przeł. H. Terpińska-Ostrowska. Wyd. 4. Warszawa: Państwowe Wydawnictwa Rolnicze i Leśne, 1988.
- Danecki J. *Co zawdzięczamy islamowi*. [Online:] <http://www.opoka.org.pl/biblioteka/I/IR/co_islamowi.html> (dostęp: 12.02.2016).
- Dłużewski S. *Szen-Nung. Poczest wielkich fitoterapeutów*. [Online:] <<http://panacea.pl/articles.php?id=60>> (dostęp: 16.05.2010).
- Dobrogowski J. et al. *Ból i jego leczenie*. Seria Przewodnik Lekarza Praktyka. Warszawa: Springer PWN, 1996.
- Encyklopedia zielarstwa i ziołolecznictwa*. Red. H. Strzelecka, J. Kowalski. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2000.
- Farmakognozja. Podręcznik dla studentów farmacji*. Red. I. Matławska, Poznań: Akademia Medyczna im. Karola Marcinkowskiego, 2005.
- Farmakologia kliniczna*. Red. A. Chodera, Z.S. Herman. Warszawa: Wydawnictwo Lekarskie PZWL, 2008.
- Fitoterapia i leki roślinne*. Red. E. Lamer-Zarawska et al. Warszawa: Wydawnictwo Lekarskie PZWL, 2007.
- Giermaziak W. *Początki farmacji w cieniu piramid*. „Bez Recepty”, styczeń 2009.
- Gorski P., Hanisz K., Jaroniewski W. *Filozoficzne i przyrodnicze podstawy leku homeopatycznego w XIX w. Homeo sapiens*. „Polski Kwartalnik Homeopatyczny” 1995, nr 1.
- Graham L.P. *Chemia medyczna. Podstawowe zagadnienia*. Przeł. E. Mikiciuk-Olasik. Warszawa: Wydawnictwa Naukowo-Techniczne, 2003.
- Graham L.P. *Chemia leków*. Przeł. Z. Zawadzki. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2004.
- Jaroniewski W., Jaroniewska D. *Rośliny lecznicze i używki z Ameryki i Australii*. Łódź: Instytut Wydawniczy Związków Zawodowych, 1996.
- Hanis K. *Apteczki w polskich dworach i dworkach – historia farmacji*. „Bez Recepty” 2001.
- Hanis K. *Polihymnia u Asklepiosa. Cz. I: Historia farmacji*. „Bez Recepty”, lipiec 2001.
- Hanis K. *Polihymnia u Asklepiosa. Cz. II: Historia farmacji*. „Bez Recepty”, październik 2001.
- Hanis K. *Ziołolecznictwo w medycynie ludowej. Cz. I*. „Bez Recepty” 2002, nr 9, s. 24–25.
- Hanis K. *Ziołolecznictwo w medycynie ludowej. Cz. II: Fitoterapia magiczna*. „Bez Recepty” 2002, nr 10, s. 24–25.
- Hanis K., Mularczyk J. *Z historii leków uzależniających. Liście koka i kokaina*. „Bez Recepty”, kwiecień 2002.
- Hanis K., Ewich M. *Z dziejów reklamy aptekarskiej*. „Bez Recepty” 2003, nr 10, s. 22–23.
- Hanis K., *Z historii leków. Inhalacje*. „Bez recepty” 2005, luty. [Online:] <http://bez-recepty.pgf.com.pl/index.php?co=artyk&id_artyk=417> (dostęp: 12.05.2016).
- Hilgier M. *Historia i leczenie bólu przewlekłego*. „Nowa Medycyna” 2001, z. 2 (110).
- Historia leków naturalnych. T. 1: Źródła do dziejów etnofarmacji polskiej*. Red. B. Kuźnicka. Warszawa: Wydawnictwo Instytutu Historii Nauki, Oświaty i Techniki, 1989.
- Historia leków naturalnych. T. 2: Natura i kultura. Współzależności w dziejach lekoznawstwa*. Red. B. Kuźnicka. Warszawa: Wydawnictwo Instytutu Historii Nauki, Oświaty i Techniki, 1989.
- Historia leków naturalnych. T. 3: Ziołoznawstwo w dawnej i współczesnej kulturze Rzeszowszczyzny*. Red. B. Kuźnicka. Warszawa: Wydawnictwo Instytutu Historii Nauki, Oświaty i Techniki, 1993.
- Historia leków naturalnych. T. 4: Z historii i etymologii polskich nazw roślin leczniczych*. Red. B. Kuźnicka. Warszawa: Wydawnictwo Instytutu Historii Nauki, Oświaty i Techniki, 1993.
- Historia leków naturalnych. T. 5: Materia pharmaceutica*. Red. B. Kuźnicka. Warszawa: Wydawnictwo Instytutu Historii Nauki, Oświaty i Techniki, 1999.
- Historia leków naturalnych. T. 6: Rośliny odurzające polskiej literaturze naukowej XIX wieku*. Red. B. Kuźnicka. Warszawa: Instytut Historii Nauki PAN, 2007.

- Historia medycyny*. Wyd. 2 popr. i uzup. Red. T. Brzeziński. Warszawa: Wydawnictwo Lekarskie PZWL, 1995.
- Jouanny J. *Materia Medica. Leki homeopatyczne w praktyce medycznej*. Wyd. 2 popr. i uzup. Lublin: Editions Boiron, Instytut Wydawniczy Daimonion, 1991.
- Jütte R. *Historia medycyny alternatywnej. Od magii do naturalnych metod leczenia*. Tł. K. Jachimczak, E. Ptaszyńska-Sadowska. Warszawa: Wydawnictwo WAB. 2001.
- Kardas P. *Najstarsze leki*. „Żyjmy dłużej” 1999, nr 12.
- Kędzia B., Alkiewicz J. *Interakcje pomiędzy lekami roślinnymi stosowanymi w inhalacjach a lekami syntetycznymi stosowanymi doustnie*. „Postępy fitoterapii” 2006, nr 2, s. 105.
- Knypl K. *Miejsce aspiryny w codziennej praktyce lekarskiej*. „Medycyna Rodzinna” 2003, nr 3–4.
- Kora M. *Zielona medycyna. Apiterapia, homeopatia, ziołolecznictwo. Przewodnik pacjenta*. Wyd. 2 uzup. Warszawa: Oficyna Wydawnicza Eko-Vital, 1996.
- Krzakowski M., Siedlecki P. *Standardy leczenia systemowego nowotworów złośliwych u dorosłych w Polsce*. „Współczesna Onkologia” 2000, nr 4–5, s. 212–214, <http://www.termedia.pl/magazine.php?magazine_id=3&article_id=691&magazine_subpage=ABSTRACT> (dostęp: 1.07.2010).
- Książkiewicz T. *Zioła w walce z nowotworami. Uwierzyć wbrew nadziei*. Warszawa: Oficyna Wydawnicza Rytm, 2000.
- Kucharski S. *Aptekarz zapatrzony w Słońce*. „Bez Recepty”, czerwiec 2003.
- Kucharski S. *Coca-colę wynalazł aptekarz*. „Bez Recepty”, maj 2003.
- Kaniewski Ł. *Lek z kory trującego drzewa*. „Medycyna i Zdrowie” 21.03.2016. [Online:] <<http://www.rp.pl/Medycyna-i-zdrowie/303219873-Lek-z-kory-trujacego-drzewa.html#ap-2>> (dostęp: 8.02.2017).
- Kuźnicka B. *Znaczenie roślin halucynogennych w polskich tradycjach kulturowych. Zarys problematyki*. „Analecta” 1992, nr 1, s. 111–122.
- Majewski J. *Pierwsze apteki w grodzie Lecha*. „Bez Recepty”, styczeń 2003.
- Majewski J. *Muzea farmacji i zbiory aptekarskie w Polsce*. Poznań: Wydawnictwo Kontekst, 2006.
- Molenda J. *Rosliny, które zmieniły świat; fakty i mity na temat właściwości leczniczych warzyw i owoców, anegdoty i zagadki roślinnych peregrynacji, kulisy ewolucji gatunków*. Zakrzewo: Replika, 2011.
- Nowy leksykon PWN. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 1998.
- Onkologia. Podręcznik dla lekarzy i studentów*. Red. R. Kordek. Gdańsk: ViaMedica, 2006.
- Online Etymology Dictionary*. [Online:] <<https://www.etymonline.com/word/alchemy>> (dostęp: 10.10.2017).
- Paclitaxel-Ebewe (paklitaksel) – koncentrat do sporządzania roztworu do infuzji*. [W:] Baza leków. [Online:] <<https://bazalekow.mp.pl/lek/63208,Paclitaxel-Ebewe-koncentrat-do-sporzadzania-roztworu-do-infuzji>> (dostęp: 2.08.2017).
- Paluch A. *Świat roślin w tradycyjnych praktykach leczniczych wsi polskiej*. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 1984.
- Palusiński R. *Narkotyki. Przewodnik. Cz. 1: Soft – drugs: marijuana, LSD-25. Grzyby: historia, produkcja, sposób użycia, efekty, niebezpieczeństwa*. Kraków: Total Trade & Publishers, 1994.
- Pluta J., Haznar-Garbacz D., Karolewicz B., Fast M. *Preparaty galenowe*. Wrocław: MedPharm Polska, 2010.
- Royston A. *Sto największych odkryć medycznych*. Poznań: Podsiedlik-Raniowski i Spółka, 1995.
- Rożnowska K. *Witaminy i biopierwiastki*. Kraków: Agencja Wydawniczo-Usługowa „Emilia”, 1997.
- Russell S. *Antybiotyki*. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1977.
- Ryn J.Z. *Medycyna indiańska*. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 2007.
- Schott H. *Kronika medycyny*. Przeł. z niem. M. Dutkiewicz, B. Floriańczyk, A. Zaniewska. Warszawa: Horyzont, 2002.

- Seyda B. *Dzieje medycyny w zarysie*. Wyd. 3 uzup. Warszawa: Państwowe Zakłady Wydawnictw Lekarskich, 1977.
- Skopińska-Różewska E., Strzelecka H., Nartowska J. *Leki odpornościowe roślinne*, <<http://www.re-medica.pl/pl/archiwum/zdart20010.html>> (dostęp: 3.07.2010).
- Szczepański W. *Leki pochodzenia zwierzęcego w farmakopeach polskich od 1560 do 1970*. [W:] *Historia leków naturalnych. Cz. 2: Natura i kultura – współzależności w dziejach lekoznawstwa*. Red. B. Kuźnicka. Warszawa: Wydawnictwo Instytutu Historii Nauki, Oświaty i Techniki, 1989.
- Szczeniak K. *Świat roślin światem ludzi na pograniczu wschodniej i zachodniej Słowiańszczyzny*. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2008.
- Szczygielska D. *Kokainowiec pospolity*. „Wiadomości Zielarskie” 1993, nr 7.
- Szostak J. *Farmakognozja, farmacja galenowa i aptekarstwo w renesansowych zielnikach polskich*. Warszawa: Wydawnictwo Lekarskie PZWL, 2006.
- Szumowski W. *Historia medycyny*. Warszawa: PZWL, 1961 – Warszawa: Sanmedia, 1994.
- Szumowski W. *Historia medycyny filozoficznie ujęta*. Seria Fundamenta – Antyk, t. 58. Kęty: Marek Derewiecki, 2008.
- Świątek Ł. *Nadzieja na nowe leki onkologiczne*. „Aptekarz Polski” 2009, nr 9 (31). [Online:] <http://www.aptekarzpolski.pl/index.php?option=com_content&task=view&id=297&Itemid=86> (dostęp: 1.07.2010).
- The Oxford English Dictionary*. Ed. J.A. Simpson and E.S.C. Weiner. Vol. 1, 2nd ed., Oxford: Clarendon Press – New York: Oxford University Press, 1989.
- Thorwald J. *Dawna medycyna, jej tajemnice i potęga. Egipt, Babilonia, Indie, Chiny, Meksyk, Peru*. Przeł. A. Bandurski i J. Szczaniecka Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich – Wydawnictwo, 1990.
- Trąbska-Świstelnicza M. *Rozwój znieczulenia miejscowego w polskiej stomatologii*. „Prace Historyczne” 2009, nr 4 (46).
- Układ gniazdowy i słownik słów kluczowych wybranych kategorii kultury. Medycyna ludowa*. Red. Cz. Robotycki, W. Babik. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2005.
- Wasilewski M. *Minerał jako lek. Między starożytnością a współczesnością*. Warszawa: Oficyna Wydawnicza Rytm, 2008.
- Wasilewski B., Czelej J. *Leksykon leków homeopatycznych*. Warszawa: Split Trading, 1994.
- Wielka encyklopedia powszechna PWN*. T. 1–12. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1960–1968.
- Wolniak Z. *Historia pierwszych aptek*. „Bez Recepty”, lipiec 2003.
- Wolniak Z. *Korzenie aptek i zawodu lekarskiego*. „Bez Recepty”, kwiecień 2009.
- Wybrane zagadnienia z metod poszukiwania i otrzymywania środków leczniczych*. Red. K. Kieć-Kononowicz. Wyd. 2 popr. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2006.
- Zawód farmaceuty na ziemiach polskich w XIX i XX wieku*. Red. B. Urbanek. Katowice: Śląska Akademia Medyczna, Instytut Historii Nauki PAN, 2006.
- Zielnik dla każdego, czyli opis ziół wykorzystywanych w leczeniu domowym wraz z praktycznym zastosowaniem*. Zebrał i oprac. J. Rogala oraz R. Maciej. Ożarów: Wydawnictwo Olesiejuk, 2009.
- Ziołolecznictwo amazońskie i andyjskie*. Red. K. Żurowska. Gdańsk: Tower Press, 2001.

BIBLIOGRAFISTYKA
БИБЛИОГРАФИСТИКА
BIBLIOGRAPHIES

Z DOROBKU POLSKIEJ LEKSYKOGRAFII DZIEDZINOWEJ: BOTANIKA

KATARZYNA WOJAN

Uniwersytet Gdański
Wydział Filologiczny
Instytut Skandynawistyki
Pracownia Języka Fińskiego, Kultury i Gospodarki Finlandii
Neofilologia, ul. Wita Stwosza 51, 80-308 Gdańsk, Polska
e-mail: finkw@univ.gda.pl
(nadesłano 6.08.2017; zaakceptowano 21.10.2017)

Abstract

On the achievements of Polish specialised lexicography: botany

The article documents the achievements of Polish lexicographers (terminologists, encyclopaedists, ethnobotanists, herbalists) in botany. It contains a comprehensive list of 831 lexicographic works published in Poland in the years 1472–2017, including terminology dictionaries, encyclopaedias, indexes, glossaries, botanical atlases, alphabetical compendia, guides, etc. The bibliography is comprehensive and annotated.

The bibliographical material was extracted from library catalogues of various academic institutions and scientific centres in Poland, catalogues of publications, as well as from scientific works (monographs, articles) in the field of phytology and ethnobotany.

Key words

Polish lexicography, terminography, botanical dictionaries, encyclopaedic dictionaries, science, bibliography of dictionaries, phytology, herbarium.

Abstrakt

Artykuł dokumentuje dorobek polskich leksykografów (terminologów, encyklopedystów, etnobotaników, zielnikoznawców i in.) w dziedzinie botaniki. Zamieszczono obszerny wykaz 831 opracowań leksykograficznych, wydanych w Polsce w latach 1472–2017. Do opracowań słownikarskich zaliczono teksty różnego gatunku, takie jak słowniki terminologiczne, encyklopedyczne, spisy, indeksy, glosariusze, atlasy botaniczne, ułożone alfabetycznie kompendia, przewodniki itd. Bibliografia ma charakter kompleksowy i adnotowany.

Materiał do bibliografii wyekscerpowany został z rozproszonych katalogów bibliotecznych instytucji naukowych i ośrodków naukowo-dydaktycznych w Polsce, katalogów wydawniczych, a także z prac naukowych (monografii, artykułów) z zakresu fitonimiki i etnobotaniki.

Słowa kluczowe

Polska leksykografia dziedzinowa, terminografia, słowniki botaniczne, słowniki encyklopedyczne, naukoznawstwo, bibliografia słowników, fitonimika, zielniki.

*Mają oddawna Indjanie, Persowie, Turcy i inne narody Wschodu właściwe sposoby
wyrażenia myśli swych przez rozmaite kwiatów składanie...*

Karol Ferdynand Ney¹

O polskiej leksykografii botanicznej

Piśmiennictwo polskie na temat onomastyki botanicznej jest nader obszerne²; jego poszczególne działy omawiały Halina Chodurska³, Ewa Rogowska-Cybulska⁴, Krystyna Szcześniak⁵, Jadwiga Waniakowa⁶ i in. Rzadziej natomiast koncentruje się ono na prezentacji całościowego dorobku leksykografów polskich. Autorzy prac naukowych korzystają, rzecz jasna, obficie z rozmaitych typów opracowań leksykograficznych

¹ Mańkowski A. ks. *Karol Ferdynand Ney*. „Zapiski Towarzystwa Naukowego w Toruniu” 1925, t. VI, nr 11, s. 156.

² Por. J. Waniakowa. *Polskie gwarowe nazwy dziko rosnących roślin zielnych na tle słowiańskim. Zagadnienia ogólne*. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2012, s. 14.

³ Zob. m.in. J. Chodurska. *Ze studiów nad fitonimami rękopiśmiennych zielników wschodniosłowiańskich XVII–XVIII wieku*. Seria Prace Monograficzne. Akademia Pedagogiczna im. Komisji Edukacji Narodowej w Krakowie, nr 360. Kraków: Wydawnictwo Naukowe Akademii Pedagogicznej, 2003.

⁴ Zob. m.in. E. Rogowska. *Kaszubskie nazwy roślin uprawnych*. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 1998.

⁵ Zob. m.in. K. Szcześniak. *Świat roślin światem ludzi na pograniczu wschodniej i zachodniej Słowiańszczyzny*. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2008 (wyd. 2 popr. – Gdańsk 2013).

⁶ Zob. m.in. J. Waniakowa. *Polskie gwarowe nazwy dziko rosnących roślin zielnych na tle słowiańskim...*

dotyczących świata roślin, przede wszystkim z encyklopedii, przewodników, atlasów, kluczy do oznaczania, spisów, indeksów, nomenklatorów itd., zaś podstawę siatek hasłowych słowników roślin stanowiły w przeszłości i nadal stanowią zielniki⁷ (herbaria)⁸. W nauce polskiej dokonano m.in. podsumowań osiągnięć w zakresie leksykografii rolniczej, i to na tle porównawczym z dorobkiem innych krajów (prace Lesława Zimnego⁹). Jednak jak dotąd, nie wydano monografii poświęconej polskiemu słownikarstwu fitonimicznemu. Nie ma też kompleksowego opracowania bibliograficznego w zakresie polskiej terminologii botanicznej ani encyklopedystyki.

W celu przybliżenia – jakże bogatego – polskiego dorobku leksykograficznego sporządzono zatem niniejszy wykaz 831 pozycji różnego typu (gatunku), wydanych na Ziemiach Polskich w latach 1472–2017, bądź (sporadycznie) przez polskich autorów za granicą. Opracowania leksykograficzne ułożono w porządku chronologicznym. Załączona do nich bibliografia może posłużyć jako obiektywne narzędzie do wieloaspektowego opisu dokonań naszych rodaków i oceny ich wkładu do naukoznawstwa.

Najstarszą (rękopiśmienną) pracą jest *Antibolomenum (Antidotarium, Antibolarium) Benedicti Parthi*¹⁰ Jana Stanko z 1472 roku, będące nie tylko potężną encyklopedią fitonimiczną, ale również niezwykle wartościowym kompendium medyczno-farmaceutycznym. W dziele tym odnotowano nazwy 90 gatunków roślin zagranicznych i 433 gatunków krajowych¹¹. Z kolei pierwszym polskim zielnikiem jest renesansowy *Hortus sanitatis. O ziołach i o mocy ich (O paleniu wodek z zioł; O Oleykoch przyprawianiu; O Rzeczach zamorskich; O Zwierzętach, o Ptaszczach, y o Ribach; O Kamieniu drogim; O Urinie, o Pulsie; Y o inych znamionach; O Rodzeniu dzieci; O Naucze gwiazdeczney; O stawianiu baniek; Y o puszczaniu krwi; O Rządzeniu czasu powietrza morowego; O lekarstwiech doświadczonych na wiele niemoczy; O Naucze Barwierzkiej)* Stefana Falimirza (Falimierza) (Cracoviae 1534)¹², pochodzącego z Rusi botanika

⁷ Zob. np. J. Chodurska. *Nazwy roślin w rosyjskim tłumaczeniu „Zielnika” Szymona Syreniusza*. [W:] *W świecie Słowian. Szkice z dziejów leksykologii i leksykografii*. Red. nauk. H. Chodurska, A. Mażulis-Frydel, A. Radzik. Kraków: Oficyna Wydawnicza Impuls, 2013, s. 47–64.

⁸ Herbarz to rodzaj popularnej encyklopedii medycznej, której główną część stanowią opisy surowców leczniczych pochodzenia roślinnego, a także zwierzęcego i mineralnego; znajdują się w nim m.in. rozdziały poświęcone sposobom wykonania leków, oznakom chorób, leczeniu przez purgację i upuszczanie krwi, „sprawom brzemiennym” i „rozmaitym niemocom dziecinny”. Zob. Z. Bela. *Etymologia i pierwotne znaczenia wyrazów «lek» i «leczyć»*. „Gazeta Farmaceutyczna”, marzec 2011, s. 28.

⁹ Zob. L. Zimny. *Leksykografia rolnicza*. „Fragmenta Agronomica” 2008, nr 4. [Online:] <<http://karnet.up.wroc.pl/~zimny/leksykografia.html>> (dostęp: 6.08.2017).

¹⁰ Rękopis przechowywany jest w Bibliotece Krakowskiej Kapituły Katedralnej, nr Ms 225 (za J. Waniakowa. *Osobliwe procesy fonetyczne w gwarowych wyrazach zapożyczonych na przykładzie nazw roślin*. [W:] *Jazykovedné štúdie XXXII. Prirôdený vývin jazyka a jazykové kontakty*. Ed. K. Balleková, G. Múcsková, L. Králik. Bratislava: Veda 2015, s. 209).

¹¹ O tym M. Karnecka. *Słownik Jana Stanki – najbogatszy zabytek przyrodniczy średniowiecza*. „Rozprawy Komisji Językowej Wrocławskiego Towarzystwa Naukowego” 1976, t. 10, Wrocław, s. 119–155.

¹² Digitalizacja dzieła w Cyfrowej Bibliotece Narodowej Polona: <<https://polona.pl/item/o-ziołach-y-o-moczy-gich-o-paleniu-wodek-z-zioł-o-oleykach-przyprawianiu-o-rzeczach,MzMzMDIwNw/5/#item>>.

i lekarza, który rozwijał polską terminologię medyczną¹³. Ów zielnik był parokrotnie wznawiany.

Do ciekawych archiwaliów należy broszurka *Kwiaty czyli Wykład znaczeń blisko tysiąca roślin krajowych i zagranicznych w języku polskim, łacińskim i niemieckim spisanych* ułożona przez torunianina, pedagoga, literata i historyka, Karola Ferdynanda Neya „ku użytkowi i zabawie płci obojej” i wydana w Poznaniu w 1841 roku (kolejne wydanie pośmiertne – leszczyńskie).

W 1542 roku Hieronim (Jarosz) Spiczyński (Hieronim z Wielunia), rajca krakowski, lekarz króla Zygmunta Augusta, botanik, pisarz i wydawca, ogłosił drukiem *O Ziołach tutecznych y zamorskich y o mocy ich, a kthemu kxięgi lekarskie wedle rejestru niżej nowo wypisanego wssem wielmi vzyteczne*. Praca została zaopatrzona w *Rejestr o ziołach* – słowniczek polsko-łaciński.

Do ważnych osiągnięć polskiego ziołopisarstwa należy *Herbarz Polski to jest o przyrodzeniu ziół i drzew rozmaitych i inszych rzeczy do lekarstw należących księgi dwoje* autorstwa Marcina z Urzędowa, powstały w latach 1543–1553, a wydany pośmiertnie w 1595 roku w Krakowie. Jest to ilustrowana encyklopedia z dziedziny botaniki i medycyny, podający wiadomości na temat występujących na obszarze Polski roślin, zwierząt i minerałów.

Anton Schneeberger (Schneberger), urodzony w Zurychu lekarz, przyrodnik i humanista, wkrótce po przybyciu do Polski podjął badania nad polską florą. Już w 1556 roku ogłosił drukiem w oficynie Łazarza Andrysowica *Medicamentorum simplicium corpus humanum a pestilentiae contagione praeservantium catalogus...*, zestawienie różnorodnych leków ze wskazaniem ich stosowania, przy czym do łacińskich nazw ziół dodał odpowiedniki polskie, nie zawsze radząc sobie z ich poprawnością językową. Rezultatem prowadzonych badań florystycznych, głównie z okolic Krakowa (ale też Rusi i Litwy), był *Catalogus stirpium quarundam Latine et Polonice conscriptus...*, wydany w 1557 roku również u Andrysowica. Wędrując w poszukiwaniu rzadkich okazów roślin „po lasach, pagórkach, łąkach i mokradłach”, poznał i opisał 432 gatunki roślin (w tym 270 rosnących dziko), których łacińskie nazwy zaczerpnął z pism starożytnych i współczesnych sobie przyrodników (przede wszystkim Gesnera, którego czterojęzyczny *Catalogus plantarum* z 1542 roku posłużył mu za wzór), zaś odpowiedniki polskie z dzieł Macieja Miechowity, Szymona z Łowicza i Hieronima Spiczyńskiego¹⁴. Mimo dość słabej kompetencji języka polskiego korzystał też z własnych wywiadów i informacji uzyskiwanych od wiejskich kobiet. *Catalogus stirpium* był, jak

¹³ Zob. L.A. Jankowiak. *Słownictwo medyczne Stefana Falimirza*. T. 1: *Początki polskiej renesansowej terminologii medycznej*. Instytut Sławistyki Polskiej Akademii Nauk. Towarzystwo Naukowe Warszawskie. Seria Język na Pograniczach, 27. Warszawa: Sławistyczny Ośrodek Wydawniczy, 2005; L.A. Jankowiak. *Słownictwo medyczne Stefana Falimirza*. T. 2: *Słownik*. Instytut Sławistyki Polskiej Akademii Nauk. Towarzystwo Naukowe Warszawskie. Seria Język na Pograniczach, 31. Warszawa: Sławistyczny Ośrodek Wydawniczy, 2006.

¹⁴ Zob. Anton Schneeberger. [W:] *Internetowy polski słownik biograficzny*. [Online:] <<http://www.ipsb.nina.gov.pl/a/biografia/anton-schneeberger>> (dostęp: 1.06.2017).

podkreślał m.in. Marcin Siennik, pierwszym w piśmiennictwie naszym polsko-łacińskim słownikiem florystycznym¹⁵.

W 1568 w Krakowie roku światło dzienne ujrzał *Herbarz to iest, Zioł tutecznych, postronnych, y Zamorskich opisanie. Co za moc maią, a iako ich używać, tak ku przestrożeniu zdrowia ludzkiego, iako ku vzdrowienia rozmaitych chorob. Teraz nowo, wedle Herbarzow dzisieyszego wieku, y inych zacnych Medyków, poprawiony Marcina Siennika* (Heuwrechera, Pelczmana), wydawcy polskich druków przyrodniczych, botanika, twórcy ponad 800 polskich nazw roślin.

Klasycznym renesansowym dziełem jest ilustrowany *Zielnik Herbarzem z ięzyka Łacinskiego zowią To iest Opisanie własne imion, kształtu, przyrodzenia, skutkow, y mocy Zioł wszelakich Drzew Krzewin y korzenia ich, Kwiatu, Owocow, Sokow Miasg, Zywic y korzenia do potraw zaprawowania Takze Trunkow, Syropow, Wodek Lekiwarczow, Konfektow [...] pilnie zebrane a porządnie zapisane przez D. Simona Syrennivsa* w Krakowie w 1613 roku. Szymon Syreński (Syreniusz, Syrenius, Sacranus) był profesorem Akademii Krakowskiej, lekarzem, botanikiem, badaczem właściwości leczniczych ziół.

W latach 1777–1779 ksiądz katolicki i przyrodnik, Jan Krzysztof Kluk i napisał i wydał w Warszawie pomnikowe trzytomowe dzieło *Roslin Potrzebnych, Pozytecznych, Wygodnych, Osobliwie Kraiowych, Albo Ktore W Kraiu Uzyteczne Byc Mogą, Utrzymanie, Rozmnozenie I Zazycie* (t. 1: *O Drzewach, Ziołach Ogrodowych i Ogrodach z Figurami; O Drzewach, Ziołach Ogrodowych i Ogrodach*; t. 2: *O Drzewach I Ziołach Dzikich, Lasach etc.*; t. 3: *O Rolnictwie, Zbozach, Łąkach, Chmielnikach, Winnicach y Roslinach Gospodarskich*). Wkrótce też Kluk opublikował w latach 1786–1788 bezcenny trzytomowy *Dykcyonarz Roslinny W Którym Podług Układu Linneusza Są Opisane Rosliny Nietylko Kraiowe Dzikie, Pozyteczne, Albo Szkodliwe Na Roli, W Ogrodach, Oranżeryach Utrzymywane Ale Oraz Y Cudzoziemskie, Ktoreby W Kraiu Pozyteczne Byc Mogły Albo Z Ktorych Mamy Lekarstwa, Korzenie, Farby, &c. Albo Ktore Jakową Nadzwyczajność W Sobie Maią Ich Zdatności Lekarskie, Ekonomiczne, Dla Ludzi, Koni, Bydła, Owiec, Pszczół, &c. Utrzymywanie, &c. Z poprzedzającym wykładem słów Botanicznych y kilkorakim na końcu Regestrem*.

Wyraźne zainteresowanie terminologią botaniczną nastąpiło dopiero w XIX wieku. Powstało wówczas 59 opracowań leksykograficznych (tj. 7% wszystkich zamieszczonych w wykazie). Wraz z rozwojem nauki opracowywano bardziej zróżnicowane kompendia, przewodniki, spisy, katalogi, encyklopedie, słowniki, dopracowywano i aktualizowano wcześniejsze. Wynikiem dokonań uczonych minionego stulecia jest 421 prac słownikowych (tj. 50,66%). Tylko w latach 90. światło dzienne ujrzało 136 prac (tj. 16,36% wszystkich). Nowe stulecie (a ściślej: jego niespełna dwie dekady) przyniosło już 333 pozycje bibliograficzne (tj. 40%).

Język rosyjski uwzględniła zaledwie 26 (tj. 3,12%) prac słownikarskich; przy czym są to z reguły prace wielojęzyczne.

Poniższe tabele ilustrują osiągnięcia polskich uczonych w zakresie szeroko pojmowanej terminografii i encyklopedystyki botanicznej oraz zielnikoznawstwa. Tabela pierwsza przedstawia dane dotyczące liczby opracowań leksykograficznych z zakresu

¹⁵ Ibidem.

botaniki w poszczególnych dziesięcioleciach, natomiast tabela druga ilustruje proporcje powstawania i publikowania prac na przestrzeni siedmiu wieków.

Tabela 1. Liczba opracowań leksykograficznych z zakresu botaniki w poszczególnych dziesięcioleciach.

lp.	lata	liczba pozycji	udział %
1.	1472	1	0,12%
2.	1534	1	0,12%
3.	1542	1	0,12%
4.	1556–1568	4	0,48%
5.	1595	1	0,12%
6.	1613	1	0,12%
7.	1777–1779	4	0,48%
8.	1781–1788	5	0,60%
9.	1802–1808	10	1,20%
10.	1811	1	0,12%
11.	1824–1829	7	0,84%
12.	1830–1838	3	0,36%
13.	1841–1849	7	0,84%
14.	1851–1859	4	0,48%
15.	1860–1863	3	0,36%
16.	1871	1	0,12%
17.	1880–1889	12	1,44%
18.	1892–1898	11	1,32%
19.	1900–1906	12	1,44%
20.	1911–1914	4	0,48%
21.	1921–1929	20	2,40%
22.	1930–1939	36	4,33%
23.	1946–1948	6	0,72%
24.	1950–1959	26	3,12%
25.	1960–1969	52	6,25%
26.	1970–1979	66	7,94%
27.	1980–1989	63	7,58%
28.	1990–1999	136	16,36%
29.	2000–2009	215	25,87%
30.	2010–2017	118	14,19%
Łącznie	1472–2017	831	100%

Źródło: opracowanie własne.

Tabela 2. Liczba opracowań leksykograficznych z zakresu botaniki w poszczególnych stuleciach.

lp.	stulecie	liczba pozycji	udział %
1.	XV	1	0,12%
2.	XVI	7	0,84%
3.	XVII	1	0,12%
4.	XVIII	9	1,08%
5.	XIX	59	7,09%
6.	XX	421	50,66%
7.	XXI	333	40,07%
Łącznie	XV-XXI	831	100%

Źródło: opracowanie własne.

Podstawa katalogowania

Materiał faktograficzny wyekscerpowany został z wszelkich dostępnych źródeł bibliograficznych, publikacji naukowych (monografii, artykułów naukowych, recenzji etc.), katalogów bibliotecznych (NUKAT, WorldCat, Biblioteki Narodowej i in.) oraz wydawniczych. Poddano go starannej selekcji dziedzinowej i systematyzacji chronologicznej.

Podczas przygotowywania niniejszej bibliografii do publikacji kierowano się pewnymi zasadami. W procesie konfigurowania wykazu zachowano porządek chronologiczny, co oznacza, iż pozycje słownikarskie pogrupowano według roku ich wydania. W poszczególnych odcinkach czasowych publikacje uszeregowano alfabetycznie według nazwisk autorów, zaś w przypadku opracowań zbiorowych według tytułów – w obu przypadkach zgodnie z kolejnością liter alfabetu polskiego. Nazwiska redaktorów, jak również osób uczestniczących w procesie opracowywania haseł słownikowych, podaje się po tytule dzieła. W przypadku pozycji sygnowanych nazwiskiem autora po nazwisku przytaczano imię (imiona) w pełnym brzmieniu. W przypadku prac zbiorowych imię redaktora (redaktorów) i autorów haseł umieszczano przed nazwiskiem. Tytuły pozycji drukowanych w alfabetach innych aniżeli łańciski (oprócz cyrylicy) podaje się w transkrypcji, jaka ma zastosowanie w procedurze katalogowania bibliotecznego. W miejscu opisu bibliograficznego zamieszczono dane wydawcy, instytucji wydawniczej lub jej oddziału. W adresie bibliograficznym uwzględniano również kolejność wydań, nazwę serii i – każdorazowo – liczbę stron (z wyjątkiem niektórych publikacji w wersji elektronicznej online). Po adresie bibliograficznym, zwykle w nawiasach kwadratowych, umieszcza się informacje dodatkowe dotyczące zamieszczonego w publikacji indeksu rzeczowego, języków przekładu, przeznaczenia pracy, tytułu okładkowego, zapisów dodatkowych na stronach przytytułowych, informacji o innym tytule pierwszego / poprzedniego bądź oryginalnego wydania oraz adnotacje informujące o przeznaczeniu (typie) publikacji dla określonego odbiorcy. W przypadku zastosowania ekwiwalentnego tytułu (tytułów) innojęzycznego przytacza się obydwie bądź równoległe tytuły. W niektórych wypadkach w nawiasach kwadratowych przed adresem

bibliograficznym podaje się nazwisko właściwe autora bądź jego zapis polskojęzyczny, jeśli w oryginale pojawił się zapis cyrylicki.

Sporządzony wykaz bibliograficzny słowników ma charakter użytkowy – z założenia winien służyć on jako przydatne, aktualne i łatwo dostępne informatorium. Korzysta z niego mogą nie tylko naukowcy, leksykografowie, ale też osoby doskonalące swe kompetencje językowe oraz tłumacze tekstów specjalistycznych.

Bibliografia

- Anton Schneeberger. [W:] *Internetowy polski słownik biograficzny*. [Online:] <<http://www.ipsb.nina.gov.pl/a/biografia/anton-schneeberger>> (dostęp: 1.06.2017).
- Bela Z. *Etymologia i pierwotne znaczenia wyrazów lek i leczyc*. „Gazeta Farmaceutyczna”, marzec 2011, s. 16–28. [Online:] <http://www.kwadryga.pl/upload/Dokumenty/Artykuly_naukowe/GF_3_2011_naukowy.pdf> (dostęp: 25.08.2017).
- Chodurska J. *Ze studiów nad fitonimami rękopiśmiennych zielników wschodniosłowiańskich XVII–XVIII wieku*. Seria Prace Monograficzne. Akademia Pedagogiczna im. Komisji Edukacji Narodowej w Krakowie, nr 360. Kraków: Wydawnictwo Naukowe Akademii Pedagogicznej, 2003.
- Chodurska J. *Nazwy roślin w rosyjskim tłumaczeniu „Zielnika” Szymona Syreniusza*. [W:] *W świecie Słowian. Szkice z dziejów leksykologii i leksykografii*. Red. nauk. H. Chodurska, A. Mażulis-Frydel, A. Radzik. Kraków: Oficyna Wydawnicza Impuls, 2013, s. 47–64.
- Jankowiak L.A. *Słownictwo medyczne Stefana Falimirza*. T. 1: *Początki polskiej renesansowej terminologii medycznej*. Instytut Sławistyki Polskiej Akademii Nauk. Towarzystwo Naukowe Warszawskie. Seria Język na Pograniczach, 27. Warszawa: Sławistyczny Ośrodek Wydawniczy, 2005.
- Jankowiak L.A. *Słownictwo medyczne Stefana Falimirza*. T. 2: *Słownik*. Instytut Sławistyki Polskiej Akademii Nauk. Towarzystwo Naukowe Warszawskie. Seria Język na Pograniczach, 31. Warszawa: Sławistyczny Ośrodek Wydawniczy, 2006.
- Karnecka M. *Słownik Jana Stanki – najbogatszy zabytek przyrodniczy średniowiecza*. „Rozprawy Komisji Językowej Wrocławskiego Towarzystwa Naukowego” 1976, t. 10, Wrocław, s. 119–155.
- Katalog dzieł gospodarskich i nauk przyrodzonych, księgarni i składu nut muzycznych*, G. Gebethnera i R. Wolffa. Warszawa: Krakowskie-Przedmieście nr 17, w Pałacu hr. Stan. Potockiego, 1861.
- Mańkowski A. ks. *Karol Ferdynand Ney*. „Zapiski Towarzystwa Naukowego w Toruniu” 1925, t. VI, nr 11, s. 141–157.
- Rogowska E. *Kaszubskie nazwy roślin uprawnych*. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 1998.
- Szcześniak K. *Świat roślin światem ludzi na pograniczu wschodniej i zachodniej Słowiańszczyzny*. Wyd. 2 popr. Gdańsk–Sopot: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2013 (+ CD-ROM).
- Waniakowa J. *Polskie gwarowe nazwy dziko rosnących roślin zielnych na tle słowiańskim. Zagadnienia ogólne*. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2012.
- Waniakowa J. *Osobliwe procesy fonetyczne w gwarowych wyrazach zapożyczonych na przykładzie nazw roślin*. [W:] *Jazykovedné štúdie XXXII. Prirodený vývin jazyka a jazykové kontakty*. Ed. K. Balleková, G. Múcsková, L. Králik. Bratislava: Veda 2015, s. 203–210.
- Zimny L. *Leksykografia rolnicza*. „Fragmenta Agronomica” 2008, nr 4. [Online:] <<http://karnet.up.wroc.pl/~zimny/leksykografia.html>> (dostęp: 6.08.2017).

Chronologiczny wykaz opracowań leksykograficznych z zakresu botaniki wydanych w latach 1472–2017

1472

Stanko Jan. *Antibolomenum (Antidotarium, Antibolarium) Benedicti Parthi*. 1472 (rps) [kompedium sztuki medycznej, praktyk leczniczych i aptekarskich oraz ogromna encyklopedia minerałów, roślin; zawiera dawne nazwy chorób, części ciała, napojów i pokarmów używanych w leczeniu; swoisty przewodnik po ówczesnej technice medycznej (opisy sprzętów i przyborów medycznych); zawiera 20 000 synonimów łac., niem., grec. i arab., ok. 2000 synonimów pol.; 90 gatunków roślin zagranicznych i 433 gatunki krajowe; 219 krajowych gatunków zwierząt, w tym 88 gatunków ptaków].

1534

Falimirz Stefan. *O ziołach y o mocy gich (O paleniu wodek z zioł; O Oleykoch przyprawianiu; O Rzeczach zamorskich; O Zwierzętach, o Ptaszach, y o Ribach; O Kamieniu drogim; O Urinie, o Pulsie; Y o inych znamionach; O Rodzeniu dzieci; O Nauczce gwiazdeczney; O stawianiu baniek; Y o puszczeniu krwi; O Rządzeniu czasu powietrza morowego; O lekarstwiech doświadczonych na wiele niemocy; O Nauczce Barwierzkiej)*. Cracouiae: Florian Vnglerius [...], Imprimował 24 XII 1534, ss. [36], 156, 32, [1], 42, 59, [1], 119, [1] k.

1542

Spicyński Hieronim. *O Ziołach tutecznych y zamorskich y o mocy ich, a kthemu księgi lekarskie wedle rejestru niżej nowo wypisanego wssem wielmi vzyteczne*. [Var. B], Cracouiae: apud viduam Floriani Vnglerij, 1542, ss. [12], 247 [zawiera słowniczek polsko-łaciński *Registr o ziołach*].

1556

Schneeberger Anton. *Medicamentorum simplicium corpus humanum a pestilentiae contagione praeservantium catalogus: et quomodo iis utendum sit brevis institutio: apposita sunt etiam stirpium nomina Polonica: ubi plurima antehac ab aliis in re herbaria recte scripta breviter continentur...*, Cracouiae: Apud Lazarum Andreae, 1556, ss. [56].

Spicyński Hieronim. *O Ziołach tutecznych y zamorskich y o mocy ich, a kthemu księgi lekarskie wedle rejestru niżej nowo wypisanego wssem wielmi vzyteczne*. [Var. B], Cracoviae: Apud Hæredes Marci Scharfenberger, 1556, ss. [16], 247 [i.e. 245, [1 cz.]] [zawiera słowniczek polsko-łaciński *Registr o ziołach*].

1557

Schneeberger Anton. *Catalogus stirpium quarundam latine et polonice conscriptus*. Cracoviae: Lazarus Andreae Imprefsit, 1557.

1568

[Marcin Siennik]. *Herbarz to iest, Zioł tutecznych, postronnych, y Zamorskich opisanie. Co za moc mają, a iako ich używać, tak ku przestrzeżeniu zdrowia ludzkiego, iako ku vzdrowieniu rozmaitych chorob. Teraz nowo, wedle Herbarzow dzisiejszego wieku, y inych zacnych Medyków, poprawiony. Przydano Alexego Pedemontana Księgi ośmiory, o tajemnych a skrytych Lekarstwiech (...); Co sie w tych Księgach więcey opisuje (...)* Regestra dostateczne na koncu snadnieć pokażą. W Krakowie: w Drukarni Mikołaja Szarffenberga, [post 16 VI] (1568), k. [6], ss. 628, [51, 1 cz.].

1595

[Marcin z Urzędowa]. *Herbarz Polski, To iest O Przyrodzeniv Zioł Y Drzew Rozmaitych, Y Innych Rzeczy Do Lekarztw Należących, Księgi Dwoie*, Doctora Marcina Vrzedowa (...). [Ed. Ian Firlewicz]. W Krakowie: w Drukarni Łazarzowej, [post 9 VII] 1595, ss. [4], 488, [1, 1 cz.].

1613

[Syreński Szymon]. *Zielnik Herbarzem z ięzyka Łacinskiego zowią To iest Opisanie własne imion, kształtu, przyrodzenia, skutkow, y mocy Zioł wszelakich Drzew Krzewin y korzenia ich, Kwiatu, Owocow, Sokow Miasg, Zywic y korzenia do potraw zaprawowania Takze Trunkow, Syropow, Wodek Lekiwarzew, Konfektow [...] pilnie zebrane a porządnie zapisane przez D. Simona Syrennivsa*. Cracoviae: (w Drukarni Bazylego Skalskiego), [III] 1613, ss. [11] k., 1540 [i.e. 1544] s., [12] k.

1777

Roslin Potrzebnych, Pozytecznych, Wygodnych, Osobliwie Kraiowych, Albo Ktore W Kraiu Uzyteczne Byc Mogą, Utrzymanie, Rozmnozenie I Zazycie. T. 1: *O Drzewach, Ziołach Ogrodowych i Ogrodach z Figurami*. Przez X. Krzysztofa Kluka (...). W Drukarni J. K. Mci i Rzeczypospolitey u XX. Scholarum Piarum. W Warszawie Roku 1777, k. [2], ss. [8], 322, k. [4] [zawiera: Cz. 1–5 z tyt. nagł. oraz *Kalendarz Albo Przypomnienia Robot Rocznych W Ogrodach*, s. 310–322; indeksy].

Roslin Potrzebnych, Pozytecznych, Wygodnych, Osobliwie Kraiowych, Albo Ktore W Kraiu Uzyteczne Byc Mogą, Utrzymanie, Rozmnozenie I Zazycie. Tom (...) *Z Figurami*. T. 1: *O Drzewach, Ziołach Ogrodowych i Ogrodach*. Przez X. Krzysztofa Kluka (...). W Drukarni J. K. Mci i Rzeczypospolitey u XX. Scholarum Piarum. W Warszawie Roku 1777, k. [6], ss. 342 [i.e. 340], k. [1], tabl. VIII [zawiera: Cz. 1–5 z tyt. nagł. oraz *Kalendarz Albo Przypomnienia Robot Rocznych W Ogrodach*, ss. 329–342, na ost. k. *Omyłki*; indeksy].

1778

Roslin Potrzebnych, Pozytecznych, Wygodnych, Osobliwie Kraiowych, Albo Ktore W Kraiu Uzyteczne Byc Mogą, Utrzymanie, Rozmnozenie I Zazycie, Tom (...) *Z Figurami*. T. 2: *O Drzewach I Ziołach Dzikich, Lasach etc*. Przez X. Krzysztofa Kluka (...). W Drukarni J. K. Mci i Rzeczypospolitey u XX. Scholarum Piarum. W Warszawie 1778, k. [6, 1-sza cz.], ss. 307, [1], k. [1], tabl. V [na k. przedtvt.: *O Roslinach Ich Utrzymaniu, Rozmnozeniu I Zazyciu*. Tom 2; indeksy].

1779

Roslin Potrzebnych, Pozytecznych, Wygodnych, Osobliwie Kraiowych, Albo Ktore W Kraiu Uzyteczne Byc Mogq, Utrzymanie, Rozmnozenie I Zazycie, Tom (...) Z Figurami. T. 3: O Rolnictwie, Zbozach, Łąkach, Chmielnikach, Winnicach y Roslinach Gospodarskich. Przez X. Krzysztofa Kluka (...). W Drukarni J. K. Mci i Rzeczypospolitey u XX. Scholarum Piarum, W Warszawie 1779, k. [6], ss. 378, [1], k. [1], tabl. IV [na k. przedyt.: *O Roslinach Ich Utrzymaniu, Rozmnozeniu I Zazyciu. Tom 3; indeks*].

1781

Roslin Potrzebnych, Pozytecznych, Wygodnych, Osobliwie Kraiowych, Albo Ktore W Kraiu Uzyteczne Byc Mogq, Utrzymanie, Rozmnozenie I Zazycie, Tom (...) Z Figurami. T. 3: O Rólnictwie, Zbozach, Łąkach, Chmielnikach, Winnicach y Roslinach Gospodarskich. Przez X. Krzysztofa Kluka (...). W Drukarni J. K. Mci i Rzeczypospolitey u XX. Scholarum Piarum. W Warszawie 1781, k. [2], ss. [8], 362, k. [2], [indeksy].

1785

Botanika dla Szkół Narodowych, [podług Prospektu J. P. Pawła Czenpinskiego, (...) przez J. X. Krzysztofa Kluka (...) napisane, od Towarzystwa do Xiąg Elementarnych roztrząśnione]. Pierwszy raz wydana, [Var. A]. w Drukarni Nadworney J. K. Mci i P. Kom. E. N., W Warszawie [post 14 I] 1785, k. [1], ss. 238, k. [1], tabl. VI [*Słowniczek botaniczny polsko-łaciński* (s. 229–238)].

1786

Dykcyonarz Roślinny W Którym Podług Układu Linneusza Są Opisane Rosliny Nietylko Kraiowe Dzikie, Pozyteczne, Albo Szkodliwe Na Roli, W Ogrodach, Oranżeryach Utrzymywane Ale Oraz Y Cudzoziemskie, Ktoreby W Kraiu Pozyteczne Byc Mogły Albo Z Których Mamy Lekarstwa, Korzenie, Farby, &c. Albo Ktore Jakową Nadzwyczajność W Sobie Maią Ich Zdatości Lekarskie, Ekonomiczne, Dla Ludzi, Koni, Bydła, Owiec, Pszczoł, &c. Utrzymywanie, &c. Z poprzedzającym wykładem słów Botanicznych y kilkorakim na końcu Regestrem. T. 1: A–E. Ułożony Przez X. Krzysztofa Kluka (...). W Drukarni J. K. Mci y Rzeczypospolitey u XX. Scholarum Piarum. W Warszawie 1786, k. [1], ss. XLII, [1 cz.], ss. 214, k. [1].

1787

Dykcyonarz Roślinny W Którym Podług Układu Linneusza Są Opisane Rosliny Nietylko Kraiowe Dzikie, Pozyteczne, Albo Szkodliwe Na Roli, W Ogrodach, Oranżeryach Utrzymywane Ale Oraz Y Cudzoziemskie, Ktoreby W Kraiu Pozyteczne Byc Mogły Albo Z Których Mamy Lekarstwa, Korzenie, Farby, &c. Albo Ktore Jakową Nadzwyczajność W Sobie Maią Ich Zdatości Lekarskie, Ekonomiczne, Dla Ludzi, Koni, Bydła, Owiec, Pszczoł, &c. Utrzymywanie, &c. Z poprzedzającym wykładem słów Botanicznych y kilkorakim na końcu Regestrem. T. 2: F–Q. Ułożony Przez X. Krzysztofa Kluka (...). W Drukarni J. K. Mci y Rzeczypospolitey u XX. Scholarum Piarum. W Warszawie 1787, k. [1], ss. 256.

1788

Dykcyonarz Roślinny W Którym Podług Układu Linneusza Są Opisane Rosliny Nietylko Kraiowe Dzikie, Pozyteczne, Albo Szkodliwe Na Roli, W Ogrodach, Oranżeryach Utrzymywane Ale Oraz Y Cudzoziemskie, Ktoreby W Kraiu Pozyteczne Byc Mogły Albo Z Ktorych Mamy Lekarstwa, Korzenie, Farby, &c. Albo Ktore Jakową Nadzwyczajność W Sobie Maią Ich Zdatności Lekarskie, Ekonomiczne, Dla Ludzi, Koni, Bydła, Owiec, Pszczoł, &c. Utrzymywanie, &c. Z poprzedzającym wykładem słów Botanicznych y kilkorakim na końcu Regestrem. T. 3: R–Z. Ułożony Przez X. Krzysztofa Kluka (...). W Drukarni J. K. Mci y Rzeczypospolitey u XX. Scholarum Piarum. W Warszawie 1788, k. [1], ss. 172, k. [39] [Regestr Imion Roślinnych (...)] w języku łacińskim i polskim, Regestr Roślin zdatnych do różnego zażycia ekonomicznego; Regestr Roślin zdatnych do zażycia Lekarskiego; Gromady, Rzędy I Rodzaie Roslin (...)].

1802

Roslin potrzebnych, pozytecznych, wygodnych, osobliwie kraiowych, albo które w kraiu użyteczne być mogą, utrzymanie, rozmnozenie i zazycie. T. 2: O drzewach, i ziołach dzikich, lasach. Przez Krzysztofa Kluka. Przedrukowany w Warszawie. Warszawa: w Drukarni Xięży Piiarów, 1802, ss. [8], 288.

Roslin potrzebnych, pozytecznych, wygodnych, osobliwie kraiowych, albo które w kraiu użyteczne być mogą, utrzymanie, rozmnozenie i zazycie. T. 3: O rolnictwie, zbożach, łąkach, chmielnikach, winnicach i roslinach gospodarskich. Przez Krzysztofa Kluka. Ed. 2. Warszawa: w Drukarni Xięży Piiarów, 1802 ss. [8], 352, k. [2].

1803

Dykcyonarz roślinny, w którym podług układu Linneusza są opisane rośliny nietylko kraiowe dzikie, pozytywne, albo szkodliwe (...) i cudzoziemskie (...), albo z ktorych mamy lekarstwa, korzenie, farby, (...) albo ktore jakową nadzwyczajność w sobie mają (...) z poprzedzającym wykładem słów botanicznych, i kilkokrotnym na końcu reiestrem. T. 2: F–K. Ułożony przez Krzysztofa Kluka. Przedrukowany w Warszawie. Warszawa: w Drukarni Xięży Piiarów, 1803, k. 1, ss. 256.

1804

Dykcyonarz roślinny, w którym podług układu Linneusza są opisane rośliny nie tylko kraiowe dzikie, pozytywne, albo szkodliwe: na roli, w ogrodach, oranżeryach, utrzymywane: ale oraz i cudzoziemskie, ktoreby w kraiu pozytywne byc mogły: albo z ktorych mamy lekarstwa, korzenie, farby, i t. d. albo ktore jakową nadzwyczajność w sobie maią: ich zdatności lekarskie, ekonomiczne dla ludzi, koni, bydła, owiec, pszczoł, i t. d. utrzymywanie, i t. d. T. 3: R–Z. Ułożony przez X. Krzysztofa Kluka. Przedrukowany w Warszawie. Warszawa: w Drukarni Xięży Piiarów, 1804, ss. [4], 192, 74] [na s. tyt.: Z poprzedzającym wykładem słów botanicznych i kilkokrotnym na końcu reiestrem; indeksy].

Historya naturalna kraiu polskiego czyli Zbior krótki przez Alfabet ułożony, Zwierząt, Roślin, i Mineralów znajdujących się w Polsce i Litwie: zebrana z pisarzów godnych wiary, z rękopismow i świadkow oczywistych. T. 1. Przez Ładowskiego. Wyd. 2.

Kraków: w Drukarni Antoniego Gröbbla pozostałej Wdowy i Sukcesorów, 1804, ss. 340, [26].

Historia naturalna kraiu polskiego czyli Zbior krótki przez Alfabet ułożony, Zwierząt, Roślin, i Mineralów znajdujących się w Polsce i Litwie: zebrana z pisarzy godnych wiary, z rękopismów i świadków oczywistych. T. 2. Przez Ładowskiego. Wyd. 2. Kraków: w Drukarni Antoniego Gröbbla pozostałej Wdowy i Sukcesorów, 1804, ss. 378, [29].

1805

Dykcyonarz roślinny, w którym podług układu Linneusza są opisane rośliny nie tylko krajowe dzikie, pożyteczne, albo szkodliwe: na roli, w ogrodach, oranżeryach, utrzymywane: ale oraz i cudzoziemskie, któreby w kraiu pożyteczne być mogły: albo z których mamy lekarstwa, korzenie, farby, i t.d. albo które jakowa nadzwyczajność w sobie mają: ich zdolności lekarskie, ekonomiczne, dla ludzi, koni, bydła, owiec, pszczoł, i t.d. utrzymywanie, i t.d. z poprzedzającym wykładem słów botanicznych, i kilkakrotnym na końcu reiestrem. T. 1: A–E. Ułożony przez X. Krzysztofa Kluka. Warszawa: w Drukarni Xięży Piarów, 1805, ss. [4], XLII, 214, [2].

1808

Dykcyonarz roślinny, w którym podług układu Linneusza są opisane rośliny nie tylko krajowe dzikie, pożyteczne, albo szkodliwe: na roli, w ogrodach, oranżeryach, utrzymywane: ale oraz i cudzoziemskie, któreby w kraiu pożyteczne być mogły: albo z których mamy lekarstwa, korzenie, farby, i t.d. albo które jakowa nadzwyczajność w sobie mają: ich zdolności lekarskie, ekonomiczne, dla ludzi, koni, bydła, owiec, pszczoł, i t.d. utrzymywanie, i t.d. z poprzedzającym wykładem słów botanicznych, i kilkakrotnym na końcu reiestrem. T. 2: F–Q. Ułożony przez X. Krzysztofa Kluka. Warszawa: w Drukarni Xięży Piarów, 1808, ss. [4], 256, [2].

Roślin potrzebnych, pożytecznych, wygodnych, osobliwie krajowych, albo które w kraiu użyteczne być mogą, utrzymanie, rozmnożenie i zazycie. T. 1: O roślinach, ich utrzymaniu, rozmnożeniu i zazyciu. Przez Krzysztofa Kluka, Warszawa: w Drukarni XX. Piarów, Warszawa, 1808, ss. 307, [7], k. [4].

Schultes Joseph Aaugust. *Catalogus Plantarum Horti botanici C. R. Universitatis Cracoviensis.* Cracoviae: [s.n.], 1808, ss. 82.

1811

Dykcyonarz roślinny, w którym podług układu Linneusza są opisane rośliny nie tylko krajowe dzikie, pożyteczne, albo szkodliwe: na roli, w ogrodach, oranżeryach, utrzymywane: ale oraz i cudzoziemskie, któreby w kraiu pożyteczne być mogły: albo z których mamy lekarstwa, korzenie, farby, i t.d. albo które jakowa nadzwyczajność w sobie mają: ich zdolności lekarskie, ekonomiczne, dla ludzi, koni, bydła, owiec, pszczoł, i t.d. utrzymywanie, i t.d. z poprzedzającym wykładem słów botanicznych, i kilkakrotnym na końcu reiestrem. T. 3: R–Z. Ułożony przez X. Krzysztofa Kluka. Warszawa: w Drukarni Xięży Piarów, 1811, ss. 196, [70] [indeksy].

1824

Günther Carl Christian, Grabowski Heinrich Emmanuel, Wimmer Friedrich. *Enumeratio stirpium phanerogamarum, quae in Silesia sponte proveniunt*. Vratislaviae: apud Guilelmum Theophilum Korn, 1824, ss. VIII, 168 [spisy].

Spis roślin Ogródu Botanicznego Królewskiego-Warszawskiego Uniwersytetu. Wydany przez Michała Szuberta. Warszawa: Drukarnia Szkolna, 1824, ss. [2], XLIV, 583, [5], k. tabl. [1].

1825

Nauka wyrazów botanicznych dla łatwości determinowania roślin, czyli zastosowania do nich opisów z najlepszych autorów krotko zebrana i porządkiem abecadła ułożona, przez Antoniego Andrzejowskiego. Krzemieniec–Warszawa: nakł. i drukiem N. Glücksberga, 1825, ss. [4], XXXVI, 247, [1], XVII.

1827

Andrzejowski Antoni, *Nazwiska roślin Grekom starożytnym znanych na język polski przetłumaczone*, Wilno: [s.n.], 1827, ss. 12 [Pomnożenie Dykcjonarza roślinnego ś.p. Krzysztofa Kluka [rel.]. Wilno: W.S.J.G. Besser, 1827, ss. 22].

Flora Silesiae. Ps. 1: Cl. I–X, scripserunt Fr. Wimmer et H. Grabowski. Vratislaviae: apud Guilelmum Theophilum Korn, 1827, ss. XVI, 446, k. [1] [spis].

Spis roślin trebhauzowych, oranżeryowych i niektórych gruntowych, rozmnożonych w Ogrórze Botanicznym Warszawskim w roku 1827 = Plantes de serre chaude, de serre froide et quelques unes de pleine terre multipliées au jardin des Plantes de Varsovie an 1827. Warszawa: [s.n.], 1827, ss. 23.

1829

Flora Silesiae. Ps. 2. Vol. 1: Cl. XI–XV, scripserunt Fr. Wimmer et H. Grabowski, Vratislaviae: apud Guilelmum Theophilum Korn, 1829, ss. [2], XXIV, 282, [2], k. [1] [spis].

Flora Silesiae. Ps. 2. Vol. 2: Cl. XVI–XXII, scripserunt Fr. Wimmer et H. Grabowski, Vratislaviae: apud Guilelmum Theophilum Korn, 1829, ss. [4], 400 [spis].

1830

Słownik wyrazów botanicznych, przez Alexandra Pławskiego. Wilno: wydał Józef Zawadzki własnym nakładem, 1830, ss. VIII, 298, [1].

1834

Catalogus plantarum quae in caldariis, tepidariis frigidariisque horti botanici Academiae Cesariae Medico-Chirurgicae Vilnensis, reperiuntur: anno millesimo octingentesimo trigesimo quatro concinnatus. [S.l.: s.n., ca 1834], ss. 84.

1838

Teichler. *Spis ogólny strojnych roślin ogrodu niedźwiedzkiego na przedarż wystawionych aż po 1-o czerwca 1838 roku*. Kraków: w Drukarni J. Czecha, 1838, ss. 51.

1841

Kwiaty czyli Wykład znaczeń blisko tysiąca roślin krajowych i zagranicznych w języku polskim, łacińskim i niemieckim spisanych. Ku użytkowi i zabawie płci obojej ułożył Dr. N [krypt.] [właśc. Karol Ney], Poznań: E.S. Mittler, 1841 (Poznań: W. Decker i Spółka), ss. [1], VII, 152.

1844

Moralne abecadło ogrodowe czyli Paulin, ogrodnik ś. w winnicy Pańskiej. Powieść z dawnych czasów chrześcijańskich. Napisał dla użytku młodzieży szkólnej Józef Ried. Z niem przeł. Piotr Guhra. Leszno – Gniezno: nakł. i drukiem Ernesta Günthera, 1844, ss. 4, IV, 84.

1845

Dykcyonarz roślinny, w którym podług układu Linneusza są opisane rośliny nie tylko krajowe dzikie, pożyteczne, albo szkodliwe (...) i cudzoziemskie (...), albo z których mamy lekarstwa, korzenie, farby, (...) albo które jakową nadzwyczajność w sobie mają (...) z poprzedzającym wykładem słów botanicznych, i kilkokrotnym na końcu reiestrem. T. 2: F–Q. Ułożony przez Krzysztofa Kluka. Warszawa: w Drukarni XX. Piarów, 1845, ss. [2], 256.

Zielnik ekonomiczno-techniczny: czyli opisanie drzew, krzewów i roślin dziko rosnących w kraju, jako też przyswojonych, z pokazaniem użytku ich w ekonomice, rękodzielnictwach, fabrykach i medycynie domowej, z wyszczególnieniem jadowitych i szkodliwych [...] ułożony dla gospodarzy i gospodyń. T. 1. Przez Józefa Gerald-Wyżyckiego. Wilno: nakładem autora, 1845, ss. XII, 407.

Zielnik ekonomiczno-techniczny: czyli opisanie drzew, krzewów i roślin dziko rosnących w kraju, jako też przyswojonych, z pokazaniem użytku ich w ekonomice, rękodzielnictwach, fabrykach i medycynie domowej, z wyszczególnieniem jadowitych i szkodliwych [...] ułożony dla gospodarzy i gospodyń. T. 2. Przez Józefa Gerald-Wyżyckiego. Wilno: nakładem autora, 1845, ss. 555, [1] k.

1846

Dykcyonarz roślinny, w którym podług układu Linneusza są opisane rośliny nie tylko krajowe dzikie, pożyteczne, albo szkodliwe (...) i cudzoziemskie (...), albo z których mamy lekarstwa, korzenie, farby, (...) albo które jakową nadzwyczajność w sobie mają (...) z poprzedzającym wykładem słów botanicznych, i kilkokrotnym na końcu reiestrem. T. 3: R–Z. Ułożony przez Krzysztofa Kluka. Warszawa: w Drukarni XX. Piarów, 1846, ss. 270.

1849

Waga Jakób. Flora polska. Rejestra = Flora Polonica. Indices, Ukaziciel polskich nazwisk na rodzaje królestwa roślinnego, ułożony abecadłowo najprzód od łacińskich do polskich, a powtórę od polskich do łacińskich, dla użytku botaników, ogrodników, rolników, farmaceutów i wszystkich miłośników roślin. Przez Antoniego Wagę. Warszawa: Klukowski, 1849 (Warszawa: druk Strąbskiego), ss. [3], 682–820, [3], XXX, [2], 336.

1851

Kwiaty czyli Wykład znaczeń blisko tysiąca roślin krajowych i zagranicznych w języku polskim, łacińskim i niemieckim spisanych. Ku użytkowi i zabawie płci obojej ułożył Dr. N [krypt.] [właśc. Karol Ney]. [Wyd. 2]. Leszno: Ernest Günther, ss. [1], VII, 152.

1852

Opisanie roślin jednolistniowych lékarskich i przemysłowych. Przez Ignacego Raf. Czerwiakowskiego. Seria Botanika szczególna, przez Ignacego Raf. Czerwiakowskiego, cz. 2, Biblioteka Naukowa, Towarzystwo Naukowe z Uniwersytetem Jagiellońskim Złączone. Kraków: W Drukarni Uniwersytetu, 1852, s. [4], 264–821 [*Spis abecadłowy polski nazwisk-roślin, ich różnych działów, płodów lékarskich i przemysłowych, oraz nowszych narzędzi roślinnych*].

1859

Opisanie roślin dwulistniowych lékarskich i przemysłowych. Przez Ignacego Raf. Czerwiakowskiego. Seria Botanika szczególna, przez Ignacego Raf. Czerwiakowskiego, cz. 3, Biblioteka Naukowa, C. K. Towarzystwo Naukowe Krakowskie. Kraków: W Drukarni C. K. Uniwersytetu, 1859, s. [4], 824–1543 [*Spis abecadłowy polski nazwisk-roślin, ich różnych działów, płodów lékarskich i przemysłowych, oraz narzędzi roślinnych. Cz. 3 obejmuje: Dwulistniowe Zdrożne, Bezpłatkowe i Jednoplatkowe nadjajnikowe aż po rodzinę Szorstkolistnych – wyłącznie*].

Opisanie roślin dwulistniowych lékarskich i przemysłowych. Przez Ignacego Raf. Czerwiakowskiego. Seria Botanika szczególna, przez Ignacego Raf. Czerwiakowskiego, cz. 4, Biblioteka Naukowa, C. K. Towarzystwo Naukowe Krakowskie, Kraków: W Drukarni C. K. Uniwersytetu, 1859, s. [4], 1545–2254 [*Spis abecadłowy polski nazwisk-roślin, ich różnych działów, płodów lékarskich i przemysłowych, oraz narzędzi roślinnych. Cz. 4 obejmuje: Rośliny od rodziny Szorstkolistnych włącznie, aż do Wieloplatkowych podjajnikowych wyłącznie*].

1860

Opisanie roślin dwulistniowych lékarskich i przemysłowych. Przez Ignacego Raf. Czerwiakowskiego. Seria Botanika szczególna, przez Ignacego Raf. Czerwiakowskiego, cz. 5, Biblioteka Naukowa, C. K. Towarzystwo Naukowe Krakowskie, Kraków: W Drukarni C. K. Uniwersytetu, 1860, s. [4], 2255–2953 [*Spis abecadłowy polski nazwisk-roślin, ich różnych działów, płodów lékarskich i przemysłowych, oraz narzędzi roślinnych. Cz. 5 obejmuje: Rośliny Wieloplatkowe podjajnikowe*].

Waga Antoni, Atlas historyi naturalnej z 222 kolorowanemi wizerunkami i ze szczególnym tekstem do każdego wizerunku z polsko-łacińsko-francusko-niemiecką nomenklaturą przedmiotów. Warszawa: Litografia J. Odessera, 1860, ss. [4], IV, 191.

1863

Opisanie roślin dwulistniowych lékarskich i przemysłowych. Przez Ignacego Raf. Czerwiakowskiego. Seria Botanika szczególna, przez Ignacego Raf. Czerwiakowskiego, cz. 6, Biblioteka Naukowa, C. K. Towarzystwo Naukowe Krakowskie. Kraków:

W Drukarni C. K. Uniwersytetu, 1863, s. [4], 2956–3545 [*Spis abecadłowy polski nazwisk-roślin, ich różnych działów, płodów lékarskich i przemysłowych, oraz narzędzi roślinnych. Cz. 6 obejmuje: Rośliny Wielopłatkowe kołojajnikowe*].

1871

Historyja roślin. T. 3: Obejmujący rodziny skryptoplciowe, wiadomość o drzewach olbrzymich. Wykaz roślin używanych przez Tł. uzup. geografiją botaniczną, dodatek i t. d., przez Ludwika Figuiet. Z fr. przeł., objaśnił i licznymi dodatkami powiększył autor Flory polskiej [Jakub Waga]. Warszawa: Drukarnia Józefa Ungra, 1871, ss. [4], 258, LXXIII, 10, [1].

1880

Spis roślin naczyniowych z okolicy Przemyśla. Podał B. Kotula. Kraków: w Drukarni Uniwersytetu Jagiellońskiego, 1880, ss. 90 [Odbicie: „Sprawozdania Komisji fizyograficznej Akademii Umiejętności”, t. 14].

1881

Wykaz roślin naczyniowych zebranych przez dr A. Rogalskiego i I. Szczyłowicza w Wapiennych Tatrach Spiskich r. 1878. Zestawił A. Rogalski. Kraków: [s.n.], 1881, ss. [2], 37 [osobne odbicie ze „Sprawozdań Komisji fizyograficznej Akademii Umiejętności”, t. XV].

1882

Podręcznik botaniczny kieszonkowy, dla ogrodników polskich do uczenia się nazwisk roślin pożytecznych... Zebrał i ułożył Józef Borecki, Łowicz: [s. n.], 1882, ss. [2], 82, [3].

1883

Spis roślin jawnoptciowych rosnących w okolicach miasta Międzyrzeca, położonego w Gubernii Siedleckiej, powiecie Radzyńskim. Podał B. Eichler. Warszawa: Drukarnia J. Bergera, 1883, ss. 12 [odbicie „Pamiętnik Fizyograficzny”, t. 3, 1883].

Spis roślin znalezionych w okolicy Szemetowszczyzny na Litwie. Przez Maryję Twardowską. Warszawa: [s.n.], 1883 (Warszawa: Drukarnia J. Bergera), ss. 18 [odbicie: „Pamiętnik Fizyograficzny”, t. 3 za rok 1885].

1885

Spis roślin znalezionych w okolicy Szemetowszczyzny na Litwie. Przez Maryję Twardowską. Warszawa: [s.n.], 1883 (Warszawa: Drukarnia J. Bergera), ss. 18 [odbicie: „Pamiętnik Fizyograficzny”, t. 3 za rok 1885].

Spis roślin jawnokwiatowych dziko rosnących w Słupi-Nadbrzeżnej, zebranych przez Maryję Hempel. Warszawa: Drukarnia E. Skiwskiego, 1885, ss. 19 [odbicie z „Pamiętnika Fizyograficznego”, t. 5 za r. 1885].

Spis roślin znalezionych przez profesora Stanisława Cyrynę Dogiela z uczniami Szkoły Wojewódzkiej Sejneńskiej, w okolicach Sejny, od r. 1827–1830. Podał J. Rostafiński. Warszawa: [s.n.], 1885 (Warszawa: Drukarnia E. Skiwskiego), ss. 20 [opracowa-

nie materiału botanicznego zawartego w rozprawie S. Dogiela „Uwagi nad istotami przyrodzonymi, a szczególnie nad roślinami” zawartej w sprawozdaniu „Popis uczniów Szkoły wojewódzkiej Sejneńskiej dnia 26 i 27 lipca (...)”, Suwałki 1830; Odb.: „Pamiętnik Fizjograficzny”, t. 5 za rok 1885].

Spis rzadszych roślin jawnokwiatowych rosnących w Teresinie, zebranych przez Maryją Hempel. Warszawa: Drukarnia E. Skiwskiego, 1885, ss. 6 [odbitcie z „Pamiętnika Fizjograficznego”, t. 5 za r. 1885].

1887

Przyczynnik do znajomości wątrobowców (Hepaticae) południowo-zachodniej Polski. Podał Maryan Raciborski. Kraków: Drukarnia Uniwersytetu Jagiellońskiego pod zarządem A. M. Kosterkiewicza, 1887, ss. 6 [odbitcie: „Sprawozdania Komisji fizyjograficznej Akademii Umiejętności”, t. XXII; spisy].

1888

Гарман К.М. вон. *Сельско-хозяйственный гербарий. Краткое наставление к составлению гербария с приложением алфавитных списков русско-латинских и латинско-русских названий (...) доклад Лохвицкому Обществу Сельских Хозяев в сентябре 1887 года*. Poltava: [s.n.], 1888, ss. 13, [1], 25, [3], k. tabl. [1].

1889

Słownik nazwisk zoologicznych i botanicznych polskich, zawierający ludowe oraz naukowe nazwy i synonimy polskie, używane dla zwierząt i roślin od XV-go wieku do chwili obecnej. Źródłowo zebrane i zestawione z synonimami naukowymi łacińskimi w podwójnym porządku alfabetycznym i pomnożone porównawczym materiałem, zaczerpniętym z innych języków słowiańskich [= Dictionnaire latin-polonais augmenté de la nomenclature de plusieurs langues slaves]. T. 1: Słownik polsko-łaciński. Ułożył Erazm Majewski, Warszawa: nakł. prenumeratorów, 1889, ss. LXIV, 546, 2 [na okł. r. wyd.: 1894, Drukarnia Rubieszewski i Wrotnowski].

1892

Zielnik czyli dokładny opis ziół leczniczych, z których robienie skutecznych lekarstw podane jest w poradniku dla zdrowych i chorych napisanym przez księdza Seb. Kneippa, a mianowicie w części II-giej obejmującej aptekę domową opracowaną przez dr. Walsera: z 50-ciu rycinami. Rośliny opisał, jako i rejestr polskich, niemieckich i łacińskich nazw zestawił B. T. Poznań: nakładem Księgarni Katolickiej, 1892 (Poznań: czcionkami Drukarni Dziennika Poznańskiego), ss. V, 93.

Zielnik czyli Atlas roślin leczniczych znajdujących się w Kneippa „Apteczce domowej” (cz. II „Moje leczenie wodą”): zawiera wierne ryciny obrazowe roślin leczniczych polecanych w książkach ks. Kneippa, i niektórych używanych często przez lud. Tł. J. A. Ł. [Julian Antoni Łukaszewicz]. Wyd. 2 (kolorowy światłodruk). Kempten (Bawaria): nakł. Księgarni Józefa Köseła, 1892, ss. XII, [92] s., XLI k. tabl.

1893

Ciąg dalszy spisu roślin z okolic Szemetowszczyzny i z Weleśnicy. Przez Maryą Twardowską. Warszawa: [s.n.], 1893 (Warszawa: Drukiem Emila Skiwskiego), ss. 10 [odbitcie „Pamiętnik Fizjograficzny”, t. 12 za rok 1892].

1894

Słownik nazwisk zoologicznych i botanicznych polskich, zawierający ludowe oraz naukowe nazwy i synonimy polskie używane dla zwierząt i roślin od XV-go wieku aż do chwili obecnej, źródłowo zebrane i zestawione z synonimami naukowymi łacińskimi w podwójnym porządku alfabetycznym i pomnożone porównawczym materiałem zaczerpniętym z innych języków słowiańskich. T. 1: *Słownik polsko-łaciński [= Dictionnaire des noms polonais zoologiques et botaniques contenant les noms vulgaires et littéraires polonais, donnés aux animaux et aux plantes depuis le XV siècle jusqu'à nos jours.* Vol. 1: *Dictionnaire polonais-latin*]. Zebrał i ułożył Erazm Majewski. Warszawa: nakł. prenumeratorów – Skład Główny i Ekspedycja w Księgarni E. Wendego i S-ki, 1894 (Warszawa: Drukarnia Rubieszewskiego i Wrotnowskiego), ss. LXIV, 546, [2].

Słownik nazwisk zoologicznych i botanicznych polskich, zawierający ludowe oraz naukowe nazwy i synonimy polskie, używane dla zwierząt i roślin od XV-go wieku do chwili obecnej. Źródłowo zebrane i zestawione z synonimami naukowymi łacińskimi w podwójnym porządku alfabetycznym i pomnożone porównawczym materiałem, zaczerpniętym z innych języków słowiańskich. T. 2: *Słownik łacińsko-polski pomnożony porównawczym materiałem, zaczerpniętym z innych języków słowiańskich.* Cz. 1: *A–M [= Dictionnaire des noms Polonais zoologiques et botaniques contenant les noms vulgaires et littéraires Polonais, donnés aux animaux et aux végétaux depuis le XV-me siècle jusqu'à nos jours.* Vol. 2: *Dictionnaire latin-polonais.* Pt. 1: *A–M*]. Ułożył Erazm Majewski. Warszawa: nakł. autora, 1894, ss. [4], XLVII, XI, 888, [2] [na okł. r. wyd.: 1898, Drukarnia Rubieszewski i Wrotnowski].

1895

Zielnik czarodziejski to jest Zbiór przesądów o roślinach. Przez Józefa Rostafińskiego. Kraków: nakł. Akademii Umiejętności, 1895 (Kraków: Drukarnia Uniwersytetu Jagiellońskiego), ss. [4], 191.

1896

Spis roślin zebranych w pow. Dziśnieńskim w latach 1892 i 1893. Podała A. Missuna. Warszawa: Drukarnia Artystyczna Saturnina Sikorskiego, 1896, s. [95]–113 [nadb.: „Pamiętnik Fizjograficzny”, t. 14, 1896].

Spis roślin zebranych z Szemetowszczyzny i z Weleśnicy w latach 1893 i 1894. Podała Marya Twardowska. Warszawa: [s. n.], 1896, s. 115–118 [nadb.: „Pamiętnik Fizjograficzny”, t. 14 za rok 1896].

1897

Notatki florystyczne z powiatu mozyrskiego. Podała Marya ze Skirmutów Twardowska. Poznań: [s.n.], 1897 (Poznań: Drukarnia Dziennika Poznańskiego), ss. 27 [odb.: „Rocznik Towarzystwa Przyjaciół Nauk Poznańskiego”, t. 24].

1898

Atlas historii naturalnej: zoologia, botanika i mineralogia: w 180 obrazkach kolorowanych na 28 tablicach. Z tekstem Feliksa Wermińskiego. Warszawa: nakładem Księgarni Dubowskiego i Gajewskiego, 1898 (Warszawa: Drukarnia Towarzystwa Komandytowego St. J. Zaleski), ss. 16, k. tabl. 28.

Wiorogórski Władysław, *Słownik nowych środków lekarskich. Podręcznik dla aptekarzy, lekarzy i materyalistów*, Warszawa: [s.n.], 1898, ss. VIII, 1398, 23.

1900

Rostafiński Józef. *Słownik polskich imion rodzajów oraz wyższych skupień roślin poprzedzony historyczną rozprawą o źródłach*. Przez Józefa Rostafińskiego. Materiały do Historii Języka i Dyalektologii Polskiej, t. 1. Kraków: Akademia Umiejętności, 1900, ss. IV, 834, [2].

[Rostafiński Józef], *Średniowieczna historia naturalna. Systematyczne zestawienie roślin, zwierząt, minerałów oraz wszystkich innego rodzaju leków prostych, używanych w Polsce od XII do XVI w. Cz. 1, = Symbola ad historiam naturalem medii aevi*. Przez Józefa Rostafińskiego. Seria Munera Saecularia Universitatis Cracoviensis, vol. 3. Kraków: nakł. Uniwersytetu, 1900, ss. XXI, 605, k. [4] [indeksy].

[Rostafiński Józef], *Średniowieczna historia naturalna. Systematyczne zestawienie roślin, zwierząt, minerałów oraz wszystkich innego rodzaju leków prostych, używanych w Polsce od XII do XVI w. Cz. 2, = Symbola ad historiam naturalem medii aevi*. Przez Józefa Rostafińskiego. Seria Munera Saecularia Universitatis Cracoviensis, vol. 8. Kraków: nakł. Uniwersytetu, 1900, ss. 352 [Cz. 2: *Materiały źródłowe do słownictwa przyrodniczego średnich wieków w Polsce*].

Rostafiński Józef. *Symbola ad historiam naturalem medii aevii. Plantas, animalia, lapides et cetera simplicia medicamenta quae in Polonia adhibebantur inde a XII usque ad XVI saeculum (quattuor cum tabulis)*. Ps 1 = *Średniowieczna historia naturalna w Polsce*. Cz. 1, collegit, ad artis rationem redegit Józef Rostafiński. Munera Saecularia Universitatis Cracoviensis vol. 7. Cracoviae: sumpt. Universitatis, 1900, ss. XXI, 605 [indeksy].

Rostafiński Józef. *Symbola ad historiam naturalem medii aevi. Plantas, animalia, lapides et cetera simplicia medicamenta quae in Polonia adhibebantur inde a XII usque ad XVI saeculum (quattuor cum tabulis)*. Ps 2, [Collectanea scientiam naturalem qualis medii aevi temporibus in Polonia viguit, collegit, ad artis rationem redegit Josephus Rostafiński]. Munera Saecularia Universitatis Cracoviensis vol. 8. Cracoviae: sumpt. Universitatis, 1900 ss. [4], 352, k. [4] [indeksy].

Słownik polskich imion rodzajów oraz wyższych skupień roślin poprzedzony historyczną rozprawą o źródłach. Przez Józefa Rostafińskiego. Materiały do Historii Języka i Dyalektologii Polskiej, t. 1. Kraków: nakładem Akademii Umiejętności, 1900 (Kraków: Drukarnia C.K. UJ), ss. IV, 834, [2] [nazwy rodzajów roślin także łąc.].

Wilkomm Maurycy. *Atlas państwa roślinnego: zawierający 124 tablice kolorowane z 700 rysunkami roślin oraz 165 drzeworytów wśród tekstu szczegółowego oprac. przez Wł. M. Kozłowskiego*. Warszawa: nakład i własność Michała Arcta, 1900, ss. II, [187], k. tabl. 124.

1901

Przewodnik do oznaczania krajowych roślin nasiennych. Przez Józefa Rostafińskiego, ozdobione portretem K. Kluka rysunku P. Stachiewicza. Wyd. 2 pomnożone, uwzględniające wszystkie (...) rośliny. Kraków: nakł. autora, 1901 (Kraków: Drukarnia W.L. Anczyc i Spółka), ss. 109, [2], k. [1].

1902

Świat roślin (botanika). Cz. 2. Oprac. Waław Tański, seria Bezpłatne Dodatki „Ziarna”, 11. Warszawa: nakł. „Ziarna”, 1902 (Warszawa: Drukarnia A. T. Jezierskiego), ss. 199 [spis roślin].

1903

[Burniewski D.] Бурневский Д. *Параллельный ботанический словарь латинско-польско-русский, польско-латинско-русский и русско-латинско-польский*. Ченстохов: Типография и литография Ф.Д. Вилькошевского, 1903, ss. [6], 73.

1904

Prowincjonalne, polskie nazwy roślin XVIII w., z Prus Książęcych głównie z rękopisu Andrzeja Helwina. Oprac. przez Józefa Rostafińskiego. Kraków: [s.n.], 1904, ss. [2], 30 [osobne odbicie z „Rozpraw Wydziału filologicznego Akademii Umiejętności w Krakowie”, t. XL].

1906

Przewodnik do oznaczania pospolitszych roślin. Z. 1–2, przez Józefa Rostafińskiego. Wyd. 3. Kraków: nakł. autora, 1906 (Kraków: Drukarnia W.L. Anczyc i Spółka), 2 t. w 1 wol. (ss. 140, [96]) [wyd. obejmujące około 900 dziko rosnących roślin z 376 rycinami; tyt. okł.: *Przewodnik do oznaczania roślin z 376 miedziorytami*].

1911

Wilkomm Maurycy. *Atlas państwa roślinnego: zawierający 125 tablic kolorowych z 700 rysunkami roślin oraz liczne drzeworyty wśród tekstu szczegółowego oprac. przez Wł. M. Kozłowskiego*. Wyd. 2 przejrz. i uzup. Warszawa: Wydawnictwo M. Arcta, 1911, ss. 208, k. tabl. 125.

1913

Wóycicki Z. *Przyczynek do znajomości flory Wzgórz Kazimierskich. Wykaz niektórych wątrobowców i mchów, częściej występujących w Kazimierzu nad Wisłą i jego okolicach*, Warszawa: [s.n.], 1913 (Warszawa: Druk Rubiszewskiego i Wrotnowskiego), s. 980–983 [odbicie: „Sprawozdania z posiedzeń Towarzystwa Naukowego Warszawskiego. Wydział Nauk Matematycznych i Przyrodniczych”, z. 9, 1913].

1914

Słowniczek ludowych i naukowych nazw leków, surowców i przetworów chemicznych używanych w Galicyi, Królestwie Polskiem i w Ks. Poznańskim. Ułożył Zdzisław Zawalkiewicz. Warszawa: nakł. J. Bielawskiego, 1914 (Warszawa: Drukarnia i Litografia Towarzystwo B. A. Bukaty), ss. VIII, 84, ss. tabl. 37 [współwyd.: *Cennik Zakładów Graficznych T-wa B. A. Bukaty. Litografia, drukarnia, fabryka dekalkomanii i plakatów reklamowych*].

Wiorogórski Władysław, *Słownik nowych środków lekarskich. Podręcznik dla aptekarzy, lekarzy i materjalistów*, Warszawa: [s.n.], 1914, ss. VIII, 1394.

1921

Garbowski Ludwik. *Choroby roślin. Powstawanie, objawy, zwalczanie.* Seria Praktyczna Encyklopedia Gospodarstwa Wiejskiego, nr 5. Warszawa: Księgarnia Rolnicza, 1921 (Warszawa: Druk Synów St. Niemiry), ss. [8], 64.

Przewodnik do oznaczania roślin w Polsce dziko rosnących. Z 440 rycinami. Z. 1: Z tekstem, przez Józefa Rostańskiego. Wyd. 5. Lwów: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1921, ss. VIII, 151 [wyd. 5 obejmuje: *Rodniowce i rośliny nasienne*].

Przewodnik do oznaczania roślin w Polsce dziko rosnących. Z 440 rycinami. Z. 2: Z rycinami, przez Józefa Rostańskiego. Wyd. 5. Lwów: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1921, ss. [56], rys. 440 [wyd. 5 obejmuje: *Rodniowce i rośliny nasienne*].

Zielnik Polski: miesięcznik ilustrowany, poświęcony ziołom leczniczym, higienie i przyrodolecznictwu. Red. i wyd. Stanisław Breyer. Kraków: Stanisław Breyer, 1921–1922.

1923

Hryniewiecki Bolesław. *Przyczynek do znajomości flory ziemi Czukockiej = Contributions to the study of the flora in Tchuktchiland.* Seria Archiwum Nauk Biologicznych Towarzystwa Naukowego Warszawskiego, t. 1, z. 18. Lwów – Warszawa: Książnica Polska Towarzystwa Nauczycieli Szkół Wyższych, 1923, ss. 35 [spisy roślin].

Nehring Edward. *Cebula oraz rośliny pokrewne (uprawa, hodowla i sprzedaż).* Seria Praktyczna Encyklopedia Gospodarstwa Wiejskiego, nr 46–47. Warszawa: nakł. Księgarni Rolniczej, 1923 ([Warszawa]: Druk Synów St. Niemiry), ss. 86, [2].

Przewodnik do oznaczania roślin w Polsce dziko rosnących. Z. 1, przez Józefa Rostańskiego. Wyd. 6 powiększ. Lwów: Zakład Narodowy im. Ossolińskich – Wydawnictwo, 1923, ss. VIII, 167 [wyd. 6 obejmuje: *Rodniowce i rośliny nasienne*].

Przewodnik do oznaczania roślin w Polsce dziko rosnących. Z 440 rycinami. Z. 2: Z rycinami, przez Józefa Rostańskiego. Wyd. 6 powiększ. Lwów: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1923, ss. [102] [wyd. 6 obejmuje: *Rodniowce i rośliny nasienne*].

Wykaz drzew godnych ochrony na Śląsku Górnym według Th. Schube „Waldbuch von Schlesien”. Zestawił Tadeusz Wiśniewski, wstępem opatrzył Bolesław Hryniewiecki. Seria Państwowa Komisja Ochrony Przyrody, nr 3. Kraków: Państwowa Komisja Ochrony Przyrody, 1923, ss. 12.

1924

Strasburger Edward. *Krótki przewodnik do zajęć praktycznych z botaniki mikroskopowej.* Wyd. 2 według IX-go niem. wyd. przer. i uzup. Tadeusz Kołodziejczyk. War-

szawa: Wydawnictwo M. Arcta, 1924, ss. VII, [1], 296 [spis badanych roślin, wykaz niezbędnych odczynników i barwników, spis ogólny].

Szafer Władysław, Kulczyński Stanisław, Pawłowski Bogumił. *Rośliny polskie. Opisy i klucze do oznaczania wszystkich gatunków roślin naczyniowych rosnących w Polsce bądź dziko, bądź też dziedzicznych lub częściowo hodowanych dla użytku florystów, uczniów szkół wyższych i średnich, rolników, leśników, farmaceutów i innych miłośników przyrody*. Lwów – Warszawa: Książnica – Atlas, 1924, ss. XXXII, 736.

1925

Garbowski Ludwik. *Choroby roślin rolniczych*. Seria Encyklopedia Gospodarstwa Wiejskiego, nr 77–80. Warszawa: Księgarnia Rolnicza, 1925, ss. 271.

Mały atlas roślin górskich. Warszawa: Wydawnictwo M. Arcta, 1925, ss. 41, [1], k. tabl. złoż. [1].

Schreiber Joachim F. *Mały atlas roślin leczniczych*. Tł. Tadeusz Karyłowski. Warszawa: Wydawnictwo M. Arcta, 1925, ss. 15, [1], k. tabl. [12] [32 rys. kolor. na 12 tablicach z tekstem objaśniającym].

1926

Wierdak Szymon. *Wykaz drzew godnych ochrony*. Lwów: Polskie Towarzystwo Dendrologiczne, 1926, ss. 17 [odb.: „Polskie Towarzystwo Dendrologiczne”, R. 1].

1927

Kulesza Witold. *Wykaz drzew i krzewów godnych ochrony w poznańskim i na Pomorzu*. Kraków: Państwowa Rada Ochrony Przyrody, 1927, ss. 37, k. tabl. [4] [odb.: „Ochrona Przyrody”, t. 7].

Słownictwo anatomiczno-botaniczne. Skrót według projektu słownictwa prof. dr. Wł. Mazurkiewicza. Zebr. i ułożył Mieczysław Proner. Zakład Farmakognozji i Botaniki Lekarskiej Uniwersytetu Warszawskiego. Warszawa: nakł. Fr. Heroda, 1927 (Warszawa: Drukarnia Wzorowa), ss. 42, [1].

1928

Catalogi plantarum quae A. 1651 Varsaviae in hortis botanicis regis Ioannis Casimiri colebantur, secundum conspectus hortulanorum Bartholomei Gei et Jacobi Haic: accedit catalogus tertius plantarum indigenarum, quae circa Varsaviam nascuntur, auctore Martino Bernhardo, edidit et ambo priores in systema naturale redegit Josephus Rostafiński = Królewskie ogrody botaniczne króla Jana Kazimierza w Warszawie oraz systematyczny spis roślin tamże hodowanych. Wydał i oprac. Józef Rostafiński, Editionum Collegii ad Historiam Scientiarum Mathem.-Naturalium Perscrutandam, vol. 2. Cracoviae: Academiae Litterarum et Scientiarum Poloniae apud Bibliopolam G. Gebethner et Wolff, 1928 (Kraków: Drukarnia Uniwersytetu Jagiellońskiego), ss. 100 [oryg. publikacja Martina Bernharda wyd. w 1652 r. w Gdańsku; dostępny również w formie elektronicznej].

Ćwiczenia z anatomji roślin. 2: Atlas. Oprac. Adam Czartkowski. Wyd. 3, przejrzone. Warszawa: Wydawnictwo M. Arcta, 1928 (Warszawa: Drukarnia Zakładów Wydawniczych M. Arct), ss. [4], s. tabl. 31 [na s. tyt.: 102 rysunki na 31 tablicach].

1929

- Golonka Zygmunt. *Zielnik roślin łąkowych*. Skierniewice: Zakład Uprawy i Nawożenia Roli, 1929, ss. 24.
- Siemaszko W., Kaznowski Lucjan. *Choroby roślin uprawnych: zielnik*. Z. 2: *Choroby drzew i krzewów owocowych*. Seria Biblioteka Puławska, nr 7. Puławy: Państwowy Instytut Naukowy Gospodarstwa Wiejskiego, 1929, teka 21 k. tabl. złoż.

1930

- Kulczyński Stanisław, *Atlas flory polskiej = (Florae polonicae iconographia)*. T. 3 z. 2: *Cyperaceae – Caricoideae (pars 1)*. Tablice oprac. Józef Mądalski. Polska Akademia Umiejętności. Kraków: nakł. Polskiej Akademji Umiejętności, 1930 (Drukarnia Uniwersytetu Jagiellońskiego), teka (ss. IV, 21, k. tabl. luz. 41).
- Zielnik czyli Atlas roślin lekarskich polecanych przez Sebastjana Kneippa*. Tekst, zawierający opis roślin z podaniem zastosowań ich oprac. Dr. R. Wyd. 4. Monachjum: nakł. J. Köseła i F. Pusteta – Łódź: Michał Ettinger, 1930, ss. [6], 41, k. tabl. XX.

1931

- Grochowski Waclaw. *Flora Wilanowa i okolic*, seria Biblioteka „Wiadomości Farmaceutycznych”, t. 15. Warszawa: nakł. Fr. Heroda, 1931 (Warszawa: Drukarnia Wzowska), ss. 61.
- Kulczyński Stanisław. *Atlas flory polskiej = (Florae polonicae iconographia)*. T. 2 z. 2: *Juncaceae*. Tablice oprac. Tadeusz Szynal i Józef Mądalski. Polska Akademia Umiejętności. Kraków: nakł. Polskiej Akademji Umiejętności, 1931 (Drukarnia Uniwersytetu Jagiellońskiego), teka (ss. 17, k. tabl. luz. 38).
- Kulczyński Stanisław. *Atlas flory polskiej = (Florae polonicae iconographia)*. T. 4 z. 1: *Gramineae (pars 1)*. Tablice oprac. Karol Baecker i Jeremi Iwanicki. Polska Akademia Umiejętności, Kraków: nakł. Polskiej Akademji Umiejętności, 1931 (Drukarnia Uniwersytetu Jagiellońskiego), teka (ss. 16, k. tabl. luz. 29).
- Tuz Stefan. *Rośliny owadożerne Polski*. Warszawa: Książnica – Lwów: Atlas, 1931 (Toruń: Pomorska Drukarnia Rolnicza), ss. 97, [7].
- W.M. *Słownik botaniczny angielsko-francusko-niemiecko-lacińsko-polski. Dla użytku ogrodników*. Warszawa: Towarzystwo Pszczelno-Ogrodnicze, 1931, ss. 78.

1932

- Kulczyński Stanisław. *Atlas flory polskiej = (Florae polonicae iconographia)*. T. 4 z. 2: *Gramineae (pars 2)*. Tablice oprac. Karol Baecker i Jeremi Iwanicki. Polska Akademia Umiejętności. Kraków: nakł. Polskiej Akademji Umiejętności, 1932 (Drukarnia Uniwersytetu Jagiellońskiego), teka (ss. 16, k. tabl. luz. 31).
- Spis roślin leczniczych i przemysłowych rosnących i uprawianych w Polsce = Liste des plantes médicinales et industrielles croissant à l'état sauvage ou cultivées en Pologne = Verzeichnis der wildwachsenden sowie angebauten Heil- und Industrie-Pflanzen in Polen = Specification of medicinal and industrial plants growing in a wild state or being cultivated in Poland = Elenco di piante medicinali ed industriali silvestri e campestri, crescenti e coltivate in Polonia*. Polski Komitet Zielarski. Warszawa: Polski Komitet Zielarski, 1932 (Warszawa: Drukarnia Nowoświecka), ss. 32.

1933

Paweł L. *Słownik botaniczny polsko-łacińsko-hebrajski z alfabetycznymi spisami nazw łacińskich i hebrajskich*. Warszawa: Stowarzyszenie Kulturalno Oświatowe „Tarbut”, 1933 (Warszawa: Grafika), ss. 130, XIII [zawiera nazwy polskie, łacińskie i hebrajskie wszystkich gatunków roślin naczyniowych rosnących w Polsce bądź dziko bądź też zdziczałych lub częściej hodowanych].

Wykaz zbóż ozimych, obejrzanych na pniu w r. 1934 przez Wydział Nasienny Sekcji Centralnej do Spraw Nasiennictwa przy Związku Iz i Organizacyj Rzplitej Polskiej. Warszawa: [s.n.], 1934, ss. 11, [1].

Wykaz zbóż ozimych, uznanych warunkowo na pniu przez Wielkopolską Izbę Rolniczą w 1933 roku. Poznań: [s.n.], 1933, k. [2].

1935

Motyka Józef, Panycz T. *Rośliny lecznicze i przemysłowe w Polsce. Opis, uprawa, zbiór, handel*. Lwów: Książnica – Warszawa: Atlas, [ca 1935] (Lwów: Zakłady Graficzne), ss. 334 + Atlas, ss. 46 [zawiera indeksy].

Przewodnik do oznaczania roślin w Polsce dziko rosnących. Z 440 rycinami. Z. 1: Z tekstem, przez Józefa Rostafińskiego. Wyd. 8. Lwów: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1935, ss. VIII, 167 [wyd. 8 obejmuje: *Rodniowce i rośliny nasienne*].

Przewodnik do oznaczania roślin w Polsce dziko rosnących. Z. 2. Przez Józefa Rostafińskiego. Wyd. 9. Lwów: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1935 (Kraków: W.L. Anczyc i Spółka), ss. [112] [wyd. 9 obejmuje *Rodniowce i rośliny nasienne*].

Wykaz zbóż jarych okopowych i innych jarych roślin, obejrzanych na pniu przez Wydział Nasienny Sekcji Centralnej do Spraw Nasiennictwa przy Związku Iz i Organizacyj Rolniczych R. P. w Warszawie w r. 1934 na sezon wiosenny 1935. Warszawa: [s.n.], 1935, ss. 15, [1].

1936

Kulczyński Stanisław. *Atlas flory polskiej = (Florae polonicae iconographia)*. T. 4 z. 3: *Gramineae (pars 3)*. Tablice oprac. Jeremi Iwanicki. Polska Akademia Umiejętności, Kraków: nakł. Polskiej Akademji Umiejętności, 1936 (Drukarnia Uniwersytetu Jagiellońskiego), teka (ss. 13, k. tabl. luź. 31).

Kulczyński Stanisław. *Atlas flory polskiej = (Florae polonicae iconographia)*. T. 4 z. 4: *Gramineae (pars 4)*. Tablice oprac. Jeremi Iwanicki. Polska Akademia Umiejętności, Kraków: nakł. Polskiej Akademji Umiejętności, 1936 (Drukarnia Uniwersytetu Jagiellońskiego), teka (ss. 11, k. tabl. luź. 28).

Sinicynówna Zinaida. *Zespoły roślinne torfowisk pod Nieświeżem (=Associations végétales de tourbières des environs de Nieśwież)*. Prace Towarzystwa Przyjaciół Nauk w Wilnie. Wydział Nauk Matematycznych i Przyrodniczych, t. 10. Prace Zakładu Systematyki Roślin i Ogrodu Botanicznego Uniwersytetu St. Batorego w Wilnie. Wilno: Zakłady Graficzne „Znicz”, 1936, ss. 60, k. tabl. [1] [spisy].

Słownik botaniczny łacińsko-małopolski. Zebrał i ułożył w latach 1877–1932 Stefan Makowiecki. Prace Komisji Językowej PAU, nr 24. Kraków: nakł. PAU – Warszawa: Skład Główny w Księgarniach Gebethnera i Wolffa [etc.] 1936 (Kraków – Drukarnia UJ pod zarządem J. Filipowskiego), ss. XV, [1] [*Wykaz źródeł (wraz ze skrótami*

mi), z których nazwy zostały zaczerpnięte, s. VII–XV] [tyt. grzb.: *Małoruski słownik botaniczny*].

Szulczewski Jerzy Wojciech. *Wykaz wyrosli (zooecidia), zebranych w okolicy Myszynca na Kurpiach = Verzeichnis der in der Umgegend von Myszyniec im Kurpenlande (nördl. Polen) gesammelten Zooecidien*. Napisał J. W. Szulczewski. „Sprawozdanie Komisji Fizjograficznej Polskiej Akademii Umiejętności” 1935, t. 70. Kraków: [s.n.], 1936, ss. 111–128.

Wykaz roślin trujących pochodzenia krajowego. Warszawa: Polski Komitet Zielarski, 1936, ss. 7 [odb.: „Wiadomości Zielarskie” 1936, nr 10 (42)].

1938

Czarnowski August. *Zielnik lekarski: zastosowanie, opis botaniczny i uprawa najważniejszych polskich roślin lekarskich*. Wyd. 3. Warszawa: Księgarnia J. Przeworskiego, 1938 (Warszawa: Zakł. Druk. F. Wyszyński i S-ka), ss. 255, [1], k. tabl. [18].

Drewnowski Artur. *Słownik towaroznawczo-przemysłowy polsko-rosyjsko-francusko-niemiecko-angielski, a częściowo i łaciński (chemikalia i rośliny)*. Obejmuje: *minerały, surowce, półfabrykaty, fabrykaty, metale, stopy, barwniki (...), wszystko z objaśnieniami i równoznacznikami w językach polskim i obcych*. Z. 1. Wilno: nakładem autora, 1938, ss. 80.

Drewnowski Artur. *Słownik towaroznawczo-przemysłowy polsko-rosyjsko-francusko-niemiecko-angielski, a częściowo i łaciński (chemikalia i rośliny)*. Obejmuje: *minerały, surowce, półfabrykaty, fabrykaty, metale, stopy, barwniki (...), wszystko z objaśnieniami i równoznacznikami w językach polskim i obcych*. Z. 2. Wilno: nakładem autora, 1938, ss. 81–160.

Drewnowski Artur. *Słownik towaroznawczo-przemysłowy polsko-rosyjsko-francusko-niemiecko-angielski, a częściowo i łaciński (chemikalia i rośliny)*. Obejmuje: *minerały, surowce, półfabrykaty, fabrykaty, metale, stopy, barwniki (...), wszystko z objaśnieniami i równoznacznikami w językach polskim i obcych*. Z. 3. Wilno: nakładem autora, 1938, ss. 161–240.

Drewnowski Artur. *Słownik towaroznawczo-przemysłowy polsko-rosyjsko-francusko-niemiecko-angielski, a częściowo i łaciński (chemikalia i rośliny)*. Obejmuje: *minerały, surowce, półfabrykaty, fabrykaty, metale, stopy, barwniki (...), wszystko z objaśnieniami i równoznacznikami w językach polskim i obcych*. Z. 4. Wilno: nakładem autora, 1938, ss. 241–320.

Polskie mianownictwo botaniczne w zakresie cytologii i histologii roślin. Dział 2, Embriologia, Polskie Towarzystwo Botaniczne. Warszawa 1938, ss. 5 [nazwy polskie i łacińskie].

Przewodnik do oznaczania roślin w Polsce dziko rosnących. Z 440 rycinami. Z. 1: *Z tekstem*. Przez Józefa Rostańskiego. Wyd. 13. Lwów: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1935, ss. VIII, 167 [wyd. 13 obejmuje: *Rodniowce i rośliny nasienne*].

Przewodnik do oznaczania roślin w Polsce dziko rosnących. Z. 2. Przez Józefa Rostańskiego. Wyd. 11. Lwów: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1938 (Kraków: W.L. Anczyc i Spółka), ss. [110] [wyd. 9. obejmuje *Rodniowce i rośliny nasienne*].

Przewodnik do oznaczania roślin w Polsce dziko rosnących. Z. 2: *Z rycinami*. Przez Józefa Rostańskiego. Wyd. 13. Lwów: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1938 (Kra-

ków: W.L. Anczyc i Spółka), ss. [2] [112] [wyd. 13 obejmuje *Rodniowce i rośliny nasienne*].

Słowniczek polsko-łaciński i łacińsko-polski najczęściej używanych ziół leczniczych. Warszawa: Apteka J. Gessnera, [1938], ss. 35.

1939

Czarnowski August. *Zielnik lekarski: zastosowanie, opis botaniczny i uprawa najważniejszych polskich roślin lekarskich*. Wyd. 4. Warszawa: Księgarnia J. Przeworskiego, 1939 (Warszawa: Zakł. Druk. F. Wyszyński i S-ka), ss. 255, [1], k. tabl. [18].

Drewnowski Artur. *Słownik towaroznawczo-przemysłowy polsko-rosyjsko-francusko-niemiecko-angielski, a częściowo i łaciński (chemikalia i rośliny)*. Obejmuje: *minerały, surowce, półfabrykaty, fabrykaty, metale, stopy, barwniki (...), wszystko z objaśnieniami i równoznacznikami w językach polskim i obcych*. Z. 5. Wilno: nakł. aut., 1939, ss. 321–400 [wydanie nieukończone].

Przewodnik do oznaczania roślin w Polsce dziko rosnących. Z 440 rycinami. Z. 1: *Z tekstem*. Przez Józefa Rostafińskiego. Wyd. 14. Lwów: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1939, ss. 167 [wyd. 14 obejmuje: *Rodniowce i rośliny nasienne*].

Przewodnik do oznaczania roślin w Polsce dziko rosnących. Z. 2: Z rycinami. Przez Józefa Rostafińskiego. Wyd. 14. Lwów: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1939 (Kraków: W.L. Anczyc i Spółka), ss. [110] [wyd. 14 obejmuje *Rodniowce i rośliny nasienne*].

1946

Turowska Irena. *Skorowidz zielarski*. Kraków: [s.n.], 1946 (Kraków: Drukarnia Uniwersytetu Jagiellońskiego), ss. 16 [odb.: „Przegląd Zielarski” 1946, nr 9–12].

1947

Szaferowa Janina. *Poznaj 100 roślin. Klucz do oznaczania 100 gatunków roślin kwiatowych dzikich i hodowanych*. Seria Ilustrowane Klucze do Oznaczania Roślin Biblioteka Przyrodnicza. Warszawa: Państwowe Zakłady Wydawnictw Szkolnych, 1947, ss. 66 [indeks nazw polskich i łacińskich].

Szafer Władysław. *Flora plioceńska z Krościenka n/Dunajcem = The Pliocene flora of Krościenko in Poland*. T. 2: *Część opisowa = Descriptive part*. Seria Rozprawy Wydziału Matematyczno-Przyrodniczego, Polska Akademia Umiejętności, t. 72. Dz. B. 1946. (Seria III, t. 32), nr 2. Kraków: nakł. Polskiej Akademii Umiejętności, 1947 (Kraków: Drukarnia Uniwersytetu Jagiellońskiego), ss. 213, k. tabl. złoż. [29] s. z objaśn. oraz 15 tabl [Alfabetyczny spis nazw roślin, s. 206–213].

1948

Karchowski Tadeusz. *Słownik polskich roślin lekarskich wraz z dodatkiem. Słownik skrótów nazwisk botaników*. Poznań: Centrala Wydawnicza, 1948, ss. 170.

Wykaz zbóż i innych roślin jarych zakwalifikowanych na pniu przez Związek Samopomocy Chłopskiej, Oddział Wojewódzki. Wydział Rolniczy w Bydgoszczy w roku 1948. Bydgoszcz: Związek Samopomocy Chłopskiej. Oddział, 1948, ss. 43, [1].

1950

Szaferowa Janina. *Poznaj 100 roślin. Klucz do oznaczania 100 gatunków roślin kwiatowych dzikich i hodowanych*. Seria Biblioteka Przyrodnicza. Wyd. 2. Warszawa: Państwowe Zakłady Wydawnictw Szkolnych, 1950, ss. 68 [indeks nazw polskich i łacińskich].

1951

Dmitrijew A. *Łąkarstwo*. Przeł. Eugeniusz Osieczyński. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Rolnicze i Leśne, 1951, ss. 352 [Wykaz nazw rosyjskich, polskich i łacińskich roślin łąkowych, s. 338–349].

Szulczewski Jerzy Wojciech. *Wykaz roślin naczyniowych w Wielkopolsce dotąd stwierdzonych*. Poznańskie Towarzystwo Przyjaciół Nauk. Wydział Matematyczno-Przyrodniczy. Prace Komisji Biologicznej – Poznańskie Towarzystwo Przyjaciół Nauk. Wydział Matematyczno-Przyrodniczy, t. 12, z. 6. Poznań: Poznańskie Towarzystwo Przyjaciół Nauk, 1951, ss. [2]. 128k. tabl. [1].

Żukowski Piotr. *Botanika*. Przeł. z ros. Stanisław Ehrlich i Tadeusz Różycki. Wyd. 3 przer. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Rolnicze i Leśne, 1951 [wykaz alfabetyczny łacińskich i polskich nazw roślin; indeksy].

1952

Czarnocki Jerzy, Wroczyński Jarosław. *Podstawy nasionoznawstwa i czyszczałnictwa. Czystczenie nasion traw i motylkowych*. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Rolnicze i Leśne, 1952, ss. 452 [wykaz łacińskich nazw roślin].

1953

Rostafiński Józef. *Przewodnik do oznaczenia roślin w Polsce dziko rosnących*. Oprac. i uzup. Olga Seidl. Wyd. 15. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Rolnicze i Leśne, 1953, ss. 369, [1] [*Przeznaczona jest dla uczniów techników rolniczych i leśnych, uczniów średnich szkół ogólnokształcących, studentów*]

Siużiew Pavel. *Zielnik. Przewodnik do zbierania i suszenia roślin do zielnika i kompletowania zbiorów florystycznych*. Tł. z ros. Tadeusz Różycki. Seria Biblioteczka Przyrodnicza. Warszawa: Państwowe Zakłady Wydawnictw Szkolnych, 1953, ss. 91.

Szafer Władysław, Kulczyński Stanisław, Pawłowski Bogumił. *Rośliny polskie. Opisy i klucze do oznaczania wszystkich gatunków roślin naczyniowych rosnących w Polsce bądź dziko, bądź też dziczyałych lub częściej hodowanych*. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1953, ss. XXVIII, 1020.

1954

Dąmbska Izabella, Karpiński Józef. *Ramienice. Klucz do oznaczania gatunków krajowych*. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1954, ss. 128 [zawiera Skrowidz łacińskich nazw ramienic].

Fijałkowski Dominik, *Wykaz rzadszych roślin Lubelszczyzny = Enumeratio plantarum rariorum Terrae Lublinensis*. Kraków: Polskie Towarzystwo Botaniczne, 1954, ss. [1], 82–93, [3] [osobne odbicie: „Fragmenta Floristica et Geobotanica”. Ann. I, Pars 2].

Mądalski Józef. *Atlas flory polskiej i ziem ościennych = Florae polonicae terrarumque adiacentium iconographia*. T. 1, z. 1: *Ophioglossaceae, Osmundaceae, Polypodiaceae (pars 1), Salviniaceae, Marsiliaceae, Equisetaceae, Lycopodiaceae, Selaginellaceae et Isoëtaceae*. Tablice oprac. Tadeusz Szynal. Polska Akademia Nauk. Warszawa–Wrocław: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1954, teka (ss. 16, k. tabl. luź. 37).

Mądalski Józef. *Atlas flory polskiej i ziem ościennych = Florae polonicae terrarumque adiacentium iconographia*. T. 1, z. 2: *Polypodiaceae (pars 2), Salviniaceae, Marsiliaceae, Equisetaceae, Lycopodiaceae, Selaginellaceae et Isoëtaceae*. Tablice oprac. Tadeusz Szynal. Polska Akademia Nauk. Warszawa–Wrocław: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1954, teka (ss. 18, k. tabl. luź. 33).

1955

Mądalski Józef. *Atlas flory polskiej i ziem ościennych = Florae polonicae terrarumque adiacentium iconographia*. T. 1, z. 3: *Taxaceae, Pinaceae, Cupressaceae, Ephedraceae*. Tablice oprac. Tadeusz Szynal. Polska Akademia Nauk, Warszawa–Wrocław: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1955, teka (ss. 17, k. tabl. luź. 20).

Mądalski Józef, *Atlas flory polskiej i ziem ościennych = Florae polonicae terrarumque adiacentium iconographia*. T. 9, z. 1: *Papaveraceae*. Tablice oprac. Franciszek Białous. Polska Akademia Nauk. Warszawa–Wrocław: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1955, teka (ss. 13, k. tabl. luź. 22).

Nowaczyk Cz. *Zielnik mchów Doświadczalnego Nadleśnictwa Zielonka pod Poznaniem*. Poznań: Zakład Botaniki Leśnej Wyższej Szkoły Rolniczej, 1955, ss. [2], 15, [1].

1956

Koczwarą Marian. *Farmakognozja*. T. 3: *Atlas roślin i surowców leczniczych*. Akademia Medyczna w Krakowie. Kraków: Akademia Medyczna, 1956, ss. 369.

Rostafiński Józef. *Przewodnik do oznaczenia roślin*. Oprac. i uzup. Olga Seidl. Wyd. 16. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Rolnicze i Leśne, 1953, ss. [391]

1957

Mchy (Musci). T. 1. Oprac. Bronisław Szafran, Polska Akademia Nauk, Instytut Botaniki. Seria Flora Polska. Rośliny Zarodnikowe Polski i Ziemi Ościennych. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1957, ss. 448, [3] [*Skorowidz systematycznych nazw łacińskich*].

Pawłowski Bogumił. *Słowniczek botaniczny. Fachowe wyrazy używane w opisach roślin naczyniowych i kluczach do ich oznaczania*. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1957, ss. 40, [2].

Zielińska Regina. *Polskie i łacińskie nazwy krajowych roślin leczniczych*. Warszawa: Państwowe Zakłady Wydawnictw Lekarskich, 1957, ss. 60, [3].

1958

Lisowski Stanisław. *Wykaz gatunków mchów wydanych w Bryotheca Polonica (fasc. I–XLI) [= Index specierum muscorum quae in Bryotheca Polonica (fasc. I–XLI) editae sunt]*. Poznań: Wydawnictwo PAN, 1958, ss. 35, [1].

1959

Mądalski Józef. *Atlas flory polskiej i ziem ościennych = Florae polonicae terrarumque adiacentium iconographia*. T. 6, z. 1: *Betulaceae, Fagaceae, Myricaceae, Juglandaceae*. Tablice oprac. Adam Nowotarski i Józef Mądalski. Polska Akademia Nauk, Instytut Botaniki. Warszawa–Wrocław: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1959, teka (ss. 22, k. tabl. luź. 22).

Podbielkowski Zbigniew. *Rośliny torfowisk: [atlas]*. Tabl. wykonała z natury Hanna Rembertowicz-Szymborska. Warszawa: Państwowe Zakłady Wydawnictw Szkolnych, 1959, ss. 182, [2].

Szweykowski Jerzy. *Wykaz gatunków wątrobowców wydanych w Hepaticotheca Polonica (fasc. 1–10) = Index specierum hepaticarum, quae in Hepaticotheca Polonica (fasc. 1–10) editae sunt*. Poznań: Wydawnictwo PAN, 1959, ss. 14, [1].

Tobolewski Zygmunt. *Wykaz gatunków porostów wydanych w Lichenotheca Polonica (fasc. I–X) [= Index specierum lichenum quae in Lichenotheca Polonica (fasc. I–X)]*. Poznań: Wydawnictwo PAN, 1959, ss. 18.

Traczyk Tadeusz. *Rośliny lasu liściastego: [atlas]*. Warszawa: Państwowe Zakłady Wydawnictw Szkolnych, 1959, ss. 158, [1].

1960

Gayówna Delfina. *Rośliny łąk: [atlas]*. Warszawa: Państwowe Zakłady Wydawnictw Szkolnych, 1960, ss. 165.

Rośliny ruderalne. Cz. 2 = *Plantae ruderales*. P. 2. Oprac. Krzysztof Rostański. Seria Zielnik roślin naczyniowych Śląska, fasc. 18, nr 426–450. Wrocław: Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, 1960, ss. 7.

Schwarz Zofia, Szober Janina. *Rośliny towarzyszące człowiekowi*, Warszawa: Państwowe Zakłady Wydawnictw Szkolnych, 1960, ss. 113 [na okł. dod. do tyt.: *Atlas*].

1961

Dąbrowski Wawrzyniec. *Słownik nazw roślin łąkowo-pastwiskowych w układzie alfabetycznym: łaciński, polski, rosyjski, niemiecki, angielski, francuski, czeski*. Instytut Melioracji i Użytków Zielonych. Biblioteczka „Wiadomości IMUZ” nr 4. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Rolnicze i Leśne, 1961, ss. 205.

Deryng Jakub, przy współpr. Bogusławy Dobrowolskiej, Janiny Kamińskiej i Ewy Walewskiej. *Atlas sproszkowanych roślinnych surowców leczniczych*. Warszawa: Państwowy Zakład Wydawnictw Lekarskich, 1961, ss. 378, [1].

Kostyniuk Mikołaj, Marczek Edward. *Nasze rośliny chronione*, Wrocławskie Towarzystwo Naukowe. Wrocław: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1961, ss. 202 [Do bibliotek nauczycielskich w szkołach podstawowych i licealnych oraz do bibliotek zakładów kształcenia nauczycieli] [zawiera *Skorowidz nazw roślin łacińskich*; indeksy].

Mchy (Musci). T. 2. Oprac. Bronisław Szafran. Polska Akademia Nauk. Instytut Botaniki. Seria Flora Polska. *Rośliny Zarodnikowe Polski i Ziemi Ościennych*. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1961, ss. 405, [3] [zawiera *Skorowidz systematycznych nazw łacińskich*; indeks].

- Polakowska Maria. *Rośliny wodne: [atlas]*. Warszawa: Państwowe Zakłady Wydawnictw Szkolnych, 1961, ss. 121, [2].
- Teofrast. *Badania nad roślinami*. Oprac. i tłum. z jęz. grec. Jerzy Schnayder. PAN, Oddział w Krakowie. Kraków 1961, ss. 386 [zawiera *Indeks polsko-łacińsko-grecki* oraz *Indeks łacińsko-polski*]

1962

- Dąbrowski Wawrzyniec. *Słownik nazw roślin łąkowo-pastwiskowych w układzie alfabetycznym: łaciński, polski, rosyjski, niemiecki, angielski, francuski, czeski*. Instytut Melioracji i Użytków Zielonych. Biblioteczka „Wiadomości IMUZ” nr 6. Wyd. 2. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Rolnicze i Leśne, 1962, ss. 205.
- Encyklopedia ochrony roślin*. Praca zbiorowa pod red. St. Gałęckiego et al. Aut. Jerzy Achremowicz et al. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Rolnicze i Leśne, 1963, ss. 933.
- Karpowiczowa Ludmiła. *Wykaz drzew i krzewów Ogrodu Botanicznego Uniwersytetu Warszawskiego*. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1962, ss. 170, [2].
- Laskowska Wanda. *Rośliny borów: [atlas]*. Tabl. wykonała z natury Hanna Rembertowicz-Szyborska. Warszawa: Państwowe Zakłady Wydawnictw Szkolnych, 1962, ss. 145, [2].
- Massalski Edmund. *Obrazy roślinności krainy Gór Świętokrzyskich. Pamiętnik poszukiwań florystycznych Kazimierza Kaznowskiego*. Fot. Edmund i Andrzej Massalscy. Kieleckie Towarzystwo Naukowe. Komisja Nauk Ścisłych. Kraków: Wydawnictwo Artystyczno-Graficzne, 1962, ss. 119, [1], ss. tabl. [80].
- Podbielkowski Zbigniew. *Rośliny wydym: [atlas]*. Warszawa: Państwowe Zakłady Wydawnictw Szkolnych, 1962, ss. 126, [2].
- Porosty (Lichenes)*. T. 5. Cz. 2. Oprac. Józef Motyka. Rys. oprac. K. Karczmarz i St. Matuszewska. Polska Akademia Nauk. Instytut Botaniki. Seria Flora Polska. Rośliny Zarodnikowe Polski i Ziem Ościennych. Porosty (Lichenes), t. 5, cz. 2. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1962, ss. 353, [3] [zawiera *Skorowidz systematycznych nazw łacińskich*; indeks].
- Rostański Józef, Seidl Olga. *Przewodnik do oznaczenia roślin*. Wyd. 17. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Rolnicze i Leśne, 1962, ss. 437, [1] [zawiera indeksy]
- Wątrobowce (Hepaticae). Liverworts (Hepaticae)*, z. 1. Red. Zygmunt Czubiński i Jerzy Szweykowski. Oprac. Jerzy Szweykowski. Poznańskie Towarzystwo Przyjaciół Nauk, Wydział Matematyczno-Przyrodniczy, Komisja Biologiczna. Seria Atlas rozmieszczenia roślin zarodnikowych w Polsce = Atlas of Geographical Distribution of Spore-plants in Poland, Ser. 4. Poznań: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1962, teka (ss. 25, k. [10]) [tekst równoległy polski, angielski].
- Włodarczyk Stanisław. *Botanika łąkarska, [Podręcznik dla techników rolniczych o specjalności łąkarskiej]*. Wyd. 2 popr. i uzup. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Rolnicze i Leśne, 1962, ss. 250, [6], [zawiera *Skorowidz polsko-łaciński i łacińsko-polski nazw roślin*].

1964

- Celiński Florian. *Rośliny naczyniowe Puszczy Bukowej pod Szczecinem*. Seria Prace Komisji Biologicznej. Poznańskie Towarzystwo Przyjaciół Nauk. Wydział Matematyczno-Przyrodniczy, t. 29, z. 2. Poznań: Państwowe Wydawnictwo Naukowe – Oddział, 1964, ss. 189, [1], k. złoż. [1] [zawiera *Skorowidz nazw systematycznych w języku łacińskim*; indeks].
- Nowiński Marian. *Chwasty segetalne wyspy Wolin*. Seria Prace Komisji Biologicznej, Poznańskie Towarzystwo Przyjaciół Nauk. Wydział Matematyczno-Przyrodniczy, t. 22, z. 6. Poznań: Poznańskie Towarzystwo Przyjaciół Nauk, 1964, ss. 38, [1], s. tabl. [2] [zawiera *Skorowidz nazw systematycznych w języku łacińskim*].
- Porosty (Lichenes)*. T. 3, cz. 2. Oprac. Józef Motyka. Rys. oprac. St. Matuszewska, Polska Akademia Nauk. Instytut Botaniki. Seria Flora Polska. Rośliny Zarodnikowe Polski i Ziem Ościennych. *Porosty (Lichenes)*, t. 3, cz. 2. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1964, ss. 500, [2] [zawiera *Skorowidz systematycznych nazw łacińskich*; indeks].
- Porosty (Lichenes)*. T. 4, cz. 2. Oprac. Józef Motyka. Rys. oprac. St. Matuszewska. Polska Akademia Nauk. Instytut Botaniki. Seria Flora Polska. Rośliny Zarodnikowe Polski i Ziem Ościennych. *Porosty (Lichenes)*, t. 4, cz. 2. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1964, ss. 414, [2] [zawiera *Skorowidz systematycznych nazw łacińskich*; indeks].
- Podbielkowski Zbigniew. *Słownik roślin użytkowych: polski, łaciński, angielski, francuski, niemiecki, rosyjski*. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Rolnicze i Leśne, 1964, ss. 409.
- Sięmińska Jadwiga, *Chrysophyta. 2: Bacillariophyceae – Okrzemki*. Seria Flora Słodkowodna Polski. Red. Karol Starmach, t. 6. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1964, ss. 609, [2] [zawiera *Skorowidz nazw łacińskich*; indeksy].
- Turowska Irena. *Rośliny nasienne: przegląd systematyczny ze szczególnym uwzględnieniem gatunków leczniczych i użytkowych z dodatkiem materiałów ćwiczeniowych i atlasu roślin*. Il. Zofia Brunarska. Akademia Medyczna w Krakowie. Kraków: Akademia Medyczna im. M. Kopernika, 1964, ss. 228, + *Atlas*, ss. 64 [dokument towarzyszący: Irena Turowska, *Atlas do skryptu pt. Rośliny nasienne*, il. Zofia Brunarska].
- Wątrobowce (Hepaticae). Liverworts (Hepaticae)*. Z. 2, Red. Zygmunt Czubiński i Jerzy Szweykowski. Oprac. Jerzy Szweykowski. Poznańskie Towarzystwo Przyjaciół Nauk, Wydział Matematyczno-Przyrodniczy, Komisja Biologiczna. Seria Atlas rozmieszczenia roślin zarodnikowych w Polsce = Atlas of Geographical Distribution of Spore-plants in Poland, Ser. 4. Poznań: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, Oddział, 1964, teka (ss. 23, k. [10]) [tekst równoległy polski i przekład angielski].
- Włodarczyk Stanisław. *Botanika łąkarska, [Podręcznik dla techników rolniczych o specjalności łąkarskiej]*. Wyd. 2 popr. i uzup. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Rolnicze i Leśne, 1964, ss. 238, [2], [4] [zawiera *Skorowidz polsko-łaciński i łacińsko-polski nazw roślin*]

1965

- Gayówna Delfina. *Rośliny łąk: [atlas]*. Tabl. wykonała Ewa Śliwińska. Rys. kreskowe wykonała Hanna Rembertowicz-Szymborska. Wyd. 2. Warszawa: Państwowe Zakłady Wydawnictw Szkolnych, 1965, ss. 165, [2].
- Podbielkowski Zbigniew. *Rośliny torfowisk: [atlas]*. Tabl. wykonała z natury Hanna Rembertowicz-Szymborska. Wyd. 2. Warszawa: Państwowe Zakłady Wydawnictw Szkolnych, 1965, ss. 182, [2].
- Rostafiński Józef, Seidl Olga. *Przewodnik do oznaczenia roślin*. Wyd. 18 popr. i uzup. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Rolnicze i Leśne, 1962, ss. 441, [1] [indeksy]
- Traczyk Tadeusz. *Rośliny lasu liściastego: [atlas]*. Wyd. 2. Warszawa: Państwowe Zakłady Wydawnictw Szkolnych, 1965, ss. 157.

1966

- Międzynarodowy Kodeks Nomenklatury Botanicznej 1961 = International code of botanical nomenclature*. Adopted by The Ninth International Botanical Congress, Montreal, August 1959. Prep. and ed. by J. Lanjouw et al. Tłum. S. Domański, J. Mądalski, A. Skirgiełło, Red. ogólna A. Skirgiełło. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1966, ss. 250, [1] [tekst części łac.; indeks]
- Podbielkowski Zbigniew. *Słownik roślin użytkowych: polski, łaciński, angielski, francuski, niemiecki, rosyjski*. Rys. L. Brzywczy. Wyd. 2 popr. i uzup. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Rolnicze i Leśne, 1966, ss. 487, [1]
- Rośliny użytkowe*. Red. nauk. Tadeusz Gorczyński. Noty encyklopedyczne napisali Ludmiła Hausbrandt et al. Seria Wydawnictwa Popularno-Encyklopedyczne. Wyd. 2. Warszawa: Wiedza Powszechna, 1966, ss. 319, [1], ss. tabl. [4].
- Wątrobowce (Hepaticae)*. T. 1. Oprac. Irena Rejment-Grochowska. Polska Akademia Nauk. Instytut Botaniki. Seria Flora Polska. Rośliny Zarodnikowe Polski i Ziemi Ościennych. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1966, ss. 257, [2] [zawiera *Skorowidz systematycznych nazw łacińskich*; indeks].
- Wątrobowce (Hepaticae)*. *Liverworts (Hepaticae)*. Z. 3. Red. Zygmunt Czubiński i Jerzy Szweykowski. Oprac. Jerzy Szweykowski. Poznańskie Towarzystwo Przyjaciół Nauk, Wydział Matematyczno-Przyrodniczy, Komisja Biologiczna. Seria Atlas rozmieszczenia roślin zarodnikowych w Polsce = Atlas of Geographical Distribution of Spore-plants in Poland. Ser. 4. Poznań: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, Oddział, 1966, teka (ss. 31, k. [10]) [tekst równoległy polski i przekład angielski].

1967

- Iwanowski Czesław, Łuczak Zenon, Mikstacki Bronisław. *Przegląd wielkopolskich zabytków przyrody*. Poznań: Redakcja Poradnika Gospodarskiego – Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Rolnicze i Leśne, druk 1967, ss. 424, [4], s. tabl. [2] [spisy].
- Szafer Władysław, Kulczyński Stanisław, Pawłowski Bogumił. *Rośliny polskie. Opisy i klucze do oznaczania wszystkich gatunków roślin naczyniowych rosnących w Polsce bądź dziko, bądź też zdziczałych lub częścię hodowanych*. Wyd. 2. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1967, ss. XXVIII, 1020 [indeksy].
- Wątrobowce (Hepaticae)*. *Liverworts (Hepaticae)*. Z. 4. Red. Zygmunt Czubiński i Jerzy Szweykowski. Oprac. Jerzy Szweykowski. Poznańskie Towarzystwo Przyjaciół

Nauk, Wydział Matematyczno-Przyrodniczy, Komisja Biologiczna. Seria Atlas rozmieszczenia roślin zarodnikowych w Polsce = Atlas of Geographical Distribution of Spore-plants in Poland. Ser. 4. Poznań: Państwowe Wydawnictwo Naukowe. Oddział, 1967, teka (ss. 31, k. [10]) [tekst równoległy polski i przekład angielski].

1968

Atlas chorób i szkodników roślin oleistych. Kierownicy zespołu aut. i red. nauk. Jaroslav Benada, Josef Šedivý, Jan Špaček. Specjaliści konsultanci i aut. tekstu František Mráz, Josef Šedivý, František Kodys. Tłum. i uzup. tekstu Hanna Zarzycka (choroby), Eugeniusz Kamiński (szkodniki). Praga: Państwowe Wydawnictwo Rolnicze – Warszawa: we współpr. z Państwowym Wydawnictwem Rolniczym i Leśnym, 1968, teka (ss. [2], k. 56).

Mądalski Józef. *Atlas flory polskiej i ziem ościennych = Florae polonicae terrarumque adiacentium iconographia*. T. 3, z. 3: *Cyperaceae – Caricoideae (pars 2)*. Tablice oprac. Tadeusz Kowal i Józef Mądalski. Tekst łaciński w tłum. J. Mądalskiego i E. Jacaka. Polska Akademia Nauk. Instytut Botaniki. Warszawa–Wrocław: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1968, teka (ss. 65, k. tabl. luź. 35).

Wątrobowce (Hepaticae). Liverworts (Hepaticae). Z. 5. Red. Zygmunt Czubiński i Jerzy Szweykowski. Oprac. Jerzy Szweykowski. Poznańskie Towarzystwo Przyjaciół Nauk, Wydział Matematyczno-Przyrodniczy, Komisja Biologiczna. Seria Atlas rozmieszczenia roślin zarodnikowych w Polsce = Atlas of Geographical Distribution of Spore-plants in Poland, Ser. 4. Poznań: Państwowe Wydawnictwo Naukowe. Oddział, 1968, teka (ss. 29, [2], k. [10]) [tekst równoległy polski i przekład angielski].

Wykaz gruntowych roślin zielnych i roślin szklarniowych. Oprac. zbiorowe pod red. Ludmiły Karpowiczowej. Oprac. Janina Andrearczyk et al. Hortus botanicus Universitatis Varsaviensis. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1968, ss. 89, [2], s. tabl. 2.

1969

Leksykon hasel hodowli roślin i nasiennictwa oraz nauk pokrewnych. Kom. red. leksykonu J. Lekczyńska et al. Aut. W. Bejnar et al. Seria Biuletyn Instytutu Hodowli i Aklimatyzacji Roślin, nr 1–2 (88–89) 1969. Warszawa: Instytut Hodowli i Aklimatyzacji Roślin, 1969, ss. 156, [1] [hasła i indeksy także w językach: rosyjskim, angielskim, niemieckim].

Podbielkowski Zbigniew. *Rośliny torfowisk: [atlas]*. Tabl. wykonała z natury Hanna Rembertowicz-Szymborska. Wyd. 3. Warszawa: Państwowe Zakłady Wydawnictw Szkolnych, 1969, ss. 182, [2].

Polakowska Maria. *Rośliny wodne: [atlas]*. Wyd. 3. Warszawa: Państwowe Zakłady Wydawnictw Szkolnych, 1969, ss. 121, [2].

Schwarz Zofia, Szober Janina. *Rośliny towarzyszące człowiekowi*. Wyd. 3. Warszawa: Państwowe Zakłady Wydawnictw Szkolnych, 1969, ss. 113, [3].

Szafer Władysław, Kulczyński Stanisław, Pawłowski Bogumił. *Rośliny polskie. Opisy i klucze do oznaczania wszystkich gatunków roślin naczyniowych rosnących w Polsce bądź dziko, bądź też zdziczałych lub częścię hodowanych*. Wyd. 3. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1969, ss. XXVIII, 1020 [indeksy].

- Traczyk Tadeusz. *Rośliny lasu liściastego: [atlas]*. Wyd. 3. Warszawa: Państwowe Zakłady Wydawnictw Szkolnych, 1969, ss. 157, [2].
- Turowska Irena. *Rośliny nasienne: przegląd systematyczny ze szczególnym uwzględnieniem gatunków leczniczych i użytkowych z dodatkiem materiałów ćwiczeniowych i atlasu roślin*. Współpr. Elżbieta Cyunel. Atlas il. Zofia Brunarska. Wyd. 2. przejr. i uzup. Kraków: Akademia Medyczna, 1969, ss. 242 + Atlas, ss. 64.
- Wątrobowce (Hepaticae). Liverworts (Hepaticae)*. Z. 6. Red. Jerzy Szweykowski i Teofil Wojterski. Oprac. Jerzy Szweykowski. Poznańskie Towarzystwo Przyjaciół Nauk, Wydział Matematyczno-Przyrodniczy, Komisja Biologiczna. Seria Atlas rozmieszczenia roślin zarodnikowych w Polsce = Atlas of Geographical Distribution of Spore-plants in Poland, Ser. 4. Poznań: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, Oddział, 1969, teka (ss. 24, k. [10]) [tekst równoległy polski i przekład angielski].

1970

- Koczvara Marian. *Farmakognozja, t. 3: Atlas roślin i surowców leczniczych*. Akademia Medyczna w Krakowie. Wyd. 3. Kraków: Akademia Medyczna, 1970, ss. 369.

1971

- Fabiszewski Jerzy. *Rośliny Sudetów: atlas*. Tablice wykonał Władysław Micek. Warszawa: Państwowe Zakłady Wydawnictw Szkolnych, 1971, ss. 157, [3].
- Gayówna Delfina. *Rośliny łąk: [atlas]*. Wyd. 3. Warszawa: Państwowe Zakłady Wydawnictw Szkolnych, 1971, ss. 165, [1], k. tabl. 60.
- Izdebski Krystyn, Grądział Tadeusz. *Roztocze*. Seria Przyroda Polska. Warszawa: Wiedza Powszechna, 1971, ss. 190, [1], s. fot. [70] [zawiera *Skorowidz nazw roślin i zwierząt*].
- Mądalski Józef. *Atlas flory polskiej i ziem ościennych = Florae polonicae terrarumque adiacentium iconographia*. T. 5, z. 1: *Orchidaceae (pars 1)*. Tablice oprac. Jadwiga Mikulska i Józef Mądalski, Tekst łaciński w tłum. J. Mądalskiego i E. Jacaka. Polska Akademia Nauk. Instytut Botaniki. Warszawa-Wrocław: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1971, teka (ss. 63, k. tabl. luź. 32).
- Mchy Pomorza Zachodniego = Musci Pomeraniae Occidentalis*. Oprac. Stanisław Balcerkiewicz i Piotr Szmajda. Seria Zielnik Mchów Polski = Bryotheca Polonica, fasc. 73, nr 1851–1875. Poznań: Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, 1971, ss. 8.
- Porosty (Lichenes)*. Z. 1. Red. Jerzy Szweykowski i Teofil Wojterski. Oprac. Jerzy Szweykowski. Oprac. Zygmunt Tobolewski. Komitet Botaniczny PAN i Poznańskie Towarzystwo Przyjaciół Nauk, Wydział Matematyczno-Przyrodniczy, Komisja Biologiczna. Seria Atlas rozmieszczenia roślin zarodnikowych w Polsce = Atlas of Geographical Distribution of Spore-plants in Poland, Ser. 3. Poznań: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1971, teka (ss. 31, k. [10]) [tekst równoległy polski i przekład angielski].
- Rejment Grochowska Irena. *Bryophyta 2, Hepaticae – Wątrobowce*. Polska Akademia Nauk. Instytut Botaniki. Seria Flora Śłodkowodna Polski, t. 17. Kraków: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1971, ss. 334, [2] [zawiera *Skorowidz nazw łacińskich; indeks*].

- Rutkowska Barbara. *Atlas roślin łąkowych i pastwiskowych: 150 gatunków*. Tablice barwne wykonała z natury Hanna Rembertowicz-Szymborska. Warszawa: Państwowe Wydawnictwa Rolnicze i Leśne, 1971, ss. 336.
- Turowska Irena, Podbielkowski Zbigniew, Wojewoda Władysław. *Rośliny zarodnikowe*. Atlas il. Zofia Brunarska. Kraków: Akademia Medyczna, 1971, ss. 195 + *Atlas*, ss. 51.
- Wątrobowce (Hepaticae). Liverworts (Hepaticae). Z. 7*. Red. Jerzy Szwejkowski i Teofil Wojterski. Oprac. Jerzy Szwejkowski. Komitet Botaniczny PAN i Poznańskie Towarzystwo Przyjaciół Nauk, Wydział Matematyczno-Przyrodniczy, Komisja Biologiczna. Seria Atlas rozmieszczenia roślin zarodnikowych w Polsce = Atlas of Geographical Distribution of Spore-plants in Poland, Ser. 4. Poznań: Państwowe Wydawnictwo Naukowe. Oddział, 1971, teka (ss. 22, k. [10]) [tekst równoległy polski i przekład angielski].
- Włodarczyk Stanisław. *Botanika łąkarska, [Podręcznik dla techników rolniczych o specjalności łąkarskiej]*. Wyd. 3. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Rolnicze i Leśne, 1971, ss. 240, [4] [zawiera *Skorowidz polsko-łaciński i łacińsko-polski nazw roślin*].

1972

- Kadłubowska Joanna Zofia. *Chlorophyta. 5: Conjugales: Zygnemaceae Zrośmicowate*. Seria Flora Ślaskowa Polski, t. 12 A. Kraków: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1972, ss. 430, [4], s. tabl. [21] [zawiera *Skorowidz nazw łacińskich*; Indeks].
- Karpiński Jan Jerzy. *Puszcza Białowieża*. Red. Stefan Graniczny. Seria Przyroda Polska. Wyd. 2 uzup. Warszawa: Wiedza Powszechna, 1972, ss. 146, s. fot. [56], s. tabl. [2] [zawiera *Skorowidz nazw roślin i zwierząt*].
- Karpowiczowa Ludmiła. *Wykaz drzew i krzewów Ogrodu Botanicznego Uniwersytetu Warszawskiego*. Wyd. 2 popr. i uzup. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1972, ss. 171, [4], mapa.
- Kępczyński Klemens, Ceynowa-Giełdon Mirosława. *Obserwacje nad roślinnością Zalewu Koronowskiego = Beobachtungen über die Vegetation des Stausees von Koronowo*. Seria Studia Societatis Scientiarum Torunensis Toruń – Polonia. Sectio D (Botanica), vol. 9, nr 4. Warszawa–Poznań: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1972, ss. 68, [1], k. tabl. złoż. [5] [spisy].
- Novák František A. *Wielki atlas roślin*. Przeł. Aleksander Ostrowski. Warszawa: Państwowe Wydawnictwa Rolnicze i Leśne, 1972, ss. 588, [3], s. fot. [32].
- Ringer Zofia. *Rośliny Bałtyku: [atlas]*. Tabl. wykonała Hanna Rembertowicz-Szymborska. Warszawa: Państwowe Zakłady Wydawnictw Szkolnych, 1972, ss. 149, [3].
- Rostański Józef, Seidl Olga. *Przewodnik do oznaczenia roślin*. Wyd. 19. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Rolnicze i Leśne, 1972, ss. 441, [1] [indeksy].
- Słownik nazw roślin pochodzenia obcego łacińsko-polski i polsko-łaciński*. Red. Ludmiła Karpowiczowa. Uniwersytet Warszawski, Ogród Botaniczny. Warszawa: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, 1972, ss. 313, [1].
- Starmach Karol. *Chlorophyta, 3: Zielonice nitkowate: Ulothrichales, Ulvales, Prasiolales, Sphaeropleales, Cladophorales, Chaetophorales, Trentepohliales, Siphonales, Dichtomosiphonales (With Keys for the Identification of Filamentous Green Algae Mentioned in the Volume)*. PAN, Instytut Botaniki. Seria Flora Ślaskowa Polski,

t. 10. Warszawa–Kraków: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1972, ss. 750, [1] [zawiera *Skorowidz nazw łacińskich*; *Klucz do oznaczania zielenic nitkowatych w języku angielskim*].

1973

Atlas roślin uprawnych. Teksty pol. oprac. Barbara Dąbrowska et al. Tabl. barwne wykonały Csapody Vera, Maria Antuszczyk. Budapeszt: Akadémiai Kiadó – Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Rolnicze i Leśne, 1973, ss. 58, k. tabl. kolor. luź. 130.

Laskowska Wanda. *Rośliny borów*. Tabl. wykonała z natury Hanna Rembertowicz-Szymborska. Wyd. 3. Warszawa: Państwowe Zakłady Wydawnictw Szkolnych, 1973, ss. 145, [2].

Rostański Józef, Seidl Olga. *Przewodnik do oznaczenia roślin*. Wyd. 20. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Rolnicze i Leśne, 1973, ss. 441, [3] [indeksy].

Słownik nazw roślin pochodzenia obcego łacińsko-polski i polsko-łaciński. Red. Ludmiła Karpowiczowa. Uniwersytet Warszawski, Ogród Botaniczny. Warszawa: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, 1973, ss. 313, [1].

Słownik nazw roślin pochodzenia obcego łacińsko-polski i polsko-łaciński. Suplement 1. Red. Ludmiła Karpowiczowa. Uniwersytet Warszawski, Ogród Botaniczny. Warszawa: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, 1973, ss. 40.

Walas Jan. *Atlas roślin chronionych*. Rys. roślin wykonała J. Malczyńska et al. Warszawa: Liga Ochrony Przyrody, 1973, ss. 196, [1].

Wrońska Irena. *Zielnik mchów tatrzańskich dr Tytusa Chałubińskiego w Muzeum jego im. w Zakopanem*. Zakopane: Muzeum Tatrzańskie, 1973, k. [1], 29.

1974

Kwiaty ogrodów skalnych. Tekst Čestmír Böhm. Tablice barwne Jaromír Windsor, Karel Švarc. Przeł. Aleksander Ostrowski. Warszawa: Państwowe Wydawnictwa Rolnicze i Leśne, 1974, ss. 235, [1] [zawiera *Skorowidz*].

Mały atlas róż. Tekst Ludvík Večeřa. Tabl. barwne Jiřina Kaplická. Przeł. Aleksander Ostrowski. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Rolnicze i Leśne, 1974, ss. 238, [1] [zawiera *Skorowidz*].

Mądalski Józef. *Atlas flory polskiej i ziem ościennych = Florae polonicae terrarumque adiacentium iconographia*. T. 3, z. 4: *Cyperaceae – Caricoideae (pars 3)*. Tablice oprac. Tadeusz Kowal i Jadwiga Mikulska. Tekst łaciński w tłum. J. Mądalskiego i E. Jacaka. Polska Akademia Nauk. Instytut Botaniki. Warszawa [etc.]: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1974, teka (ss. 74, k. tabl. luź. 36).

Mowszowicz Jakub. *Zarys systematyki roślin dla słuchaczy studiów uniwersyteckich*. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1974, ss. 317, [2] [zawiera indeksy].

Podbielkowski Zbigniew. *Słownik roślin użytkowych: polski, łaciński, angielski, francuski, niemiecki, rosyjski*. Wyd. 3. Warszawa Państwowe Wydawnictwa Rolnicze i Leśne, 1974, ss. 523, [1].

Porosty (Lichenes). Z. 2. Red. Jerzy Szwejkowski i Teofil Wojterski. Oprac. Jerzy Szwejkowski, Zygmunt Tobolewski i Bogdana Kupczyk. PAN Komitet Botaniczny i Instytut Botaniki. Seria Atlas rozmieszczenia roślin zarodnikowych w Polsce = Atlas

of Geographical Distribution of Spore-plants in Poland, Ser. 3. Poznań – Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe. Oddział, 1974, teka (ss. 23, k. [10]) [tekst równoległy polski i przekład angielski].

Starmach Karol. *Cryptophyceae – Kryptofity, Dinophyceae – Dinofity, Raphidophyceae – Rafidofity*. Polska Akademia Nauk. Instytut Botaniki Seria Flora Słodkowodna Polski. Red. Karol Starmach, Jadwiga Siemińska, t. 4. Warszawa–Kraków: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1974, ss. 519, [2] [zawiera *Skorowidz nazw łacińskich*; indeks].

Wątrobowce (Hepaticae). Liverworts (Hepaticae). Z. 8. Red. Jerzy Szweykowski i Teofil Wojterski. Oprac. Jerzy Szweykowski i Maria Koźlicka. Komitet Botaniczny PAN i Poznańskie Towarzystwo Przyjaciół Nauk, Wydział Matematyczno-Przyrodniczy, Komisja Biologiczna. Seria Atlas rozmieszczenia roślin zarodnikowych w Polsce = Atlas of Geographical Distribution of Spore-plants in Poland, Ser. 4. Poznań: Państwowe Wydawnictwo Naukowe. Oddział, 1974, teka (ss. 20, [5], k. [10]) [tekst równoległy polski, angielski].

1975

Novák František A. *Wielki atlas roślin*. Przeł. Aleksander Ostrowski. Wyd. 2. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Rolnicze i Leśne, 1975, ss. 588, [3], s. fot.[32].

Roppel Leon. *Poradnik kwiatowy*. „Pomerania” 1975 nr 4, s. 9–11.

Traczyk Tadeusz. *Rośliny lasu liściastego: [atlas]*. Wyd. 4. Warszawa: Wydawnictwa Szkolne i Pedagogiczne, 1975, ss. 157, [2].

1976

Atlas organizmów wskaźnikowych do oceny wód powierzchniowych. Red. Lesław Turoboyski. Aut. Danuta Chudyba et al. Seria Skrypty Akademii Rolniczo-Technicznej w Olsztynie. Olsztyn: Dział Wydawnictw, 1976, ss. 218.

Bednarz Zdzisław, Koczwańska Janina. *Atlas roślin runa leśnego*. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Rolnicze i Leśne, 1976, ss. 530, [1].

Mądalski Józef. *Atlas flory polskiej i ziem ościennych = Florae polonicae terrarumque adiacentium iconographia*. T. 2, z. 4: *Liliaceae (pars 2)*. Tablice oprac. Elżbieta Skwirzyńska. Tekst łaciński w tłum. J. Mądalskiego i E. Jacaka. Polska Akademia Nauk. Instytut Botaniki. Warszawa [etc.]: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1975, teka (ss. 63, k. tabl. luź. 39).

Mowszowicz Jakub. *Dziko rosnące rośliny użytkowe*. Tabl. wyk. z natury Hanna Rembertowicz-Szyborska. Seria Atlas, Warszawa: Wydawnictwa Szkolne i Pedagogiczne, 1975, ss. 172, [3].

Porosty (Lichenes). Z. 3. Red. Jerzy Szweykowski i Teofil Wojterski. Oprac. Jerzy Szweykowski, Zygmunt Tobolewski i Bogdana Kupczyk. PAN Komitet Botaniczny i Instytut Botaniki. Seria Atlas rozmieszczenia roślin zarodnikowych w Polsce = Atlas of Geographical Distribution of Spore-plants in Poland, Ser. 3. Poznań – Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe. Oddział, 1976, teka (ss. 25, k. [10]) [tekst równoległy polski i przekład angielski].

Szafer Władysław, Kulczyński Stanisław, Pawłowski Bogumił. *Rośliny polskie. Opisy i klucze do oznaczania wszystkich gatunków roślin naczyniowych rosnących w Polsce*

bądź dziko, bądź też zdziczałych lub częściej hodowanych. Wyd. 4. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1976, ss. XXVIII, 1020 [indeksy].

Turowska Irena, Cyunel Elżbieta. *Rośliny nasienne: przegląd systematyczny ze szczególnym uwzględnieniem gatunków leczniczych i użytkowych z dodatkiem materiałów ćwiczeniowych i atlasu roślin.* Atlas il. Zofia Brunarska. Wyd. 3 zm. Kraków: Akademia Medyczna im. M. Kopernika, 1976, ss. 273 + *Atlas*, ss. 24.

Turowska Irena, Podbielkowski Zbigniew, Wojewoda Władysław. *Rośliny zarodnikowe.* Atlas il. Zofia Brunarska. Wyd. 2 zm. Kraków: Akademia Medyczna im. M. Kopernika, 1976, ss. 210 + *Atlas*, ss. 49.

1977

Czarnota Krzysztof, Wysocki Czesław. *Przegląd wyższych jednostek fitosocjologicznych Polski, wykaz gatunków charakterystycznych.* Seria Skrypty Szkoły Głównej Gospodarstwa Wiejskiego Akademii Rolniczej w Warszawie. Warszawa: Wydawnictwo SGGW-AR, 1977, ss. 51 [Dla studentów i magistrantów Sekcji Kształtowania Terenów Zieleni Wydż. Ogrodniczego SGGW-AR].

Mądalski Józef. *Atlas flory polskiej i ziem ościennych = Florae polonicae terrarumque adiacentium iconographia.* T. 2, z. 1: *Alismataceae, Butomaceae, Hydrocharitaceae, Juncaginaceae, Zannichelliaceae, Potamogetonaceae, Najadaceae.* Tablice oprac. Anna Sadowska. Tekst łaciński w tłum. J. Mądalskiego i E. Jacaka. Polska Akademia Nauk. Instytut Botaniki. Warszawa [etc.]: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1977, teka (ss. 94, k. tabl. luź. 45).

Mądalski Józef. *Atlas flory polskiej i ziem ościennych = Florae polonicae terrarumque adiacentium iconographia.* T. 5, z. 2: *Orchidaceae (pars 2), Sparganiaceae, Typhaceae, Araceae, Lemnaceae (34 tablice).* Tablice oprac. Jadwiga Mikulska. Tekst łaciński w tłum. J. Mądalskiego i E. Jacaka. Polska Akademia Nauk. Instytut Botaniki. Warszawa [etc.]: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1977, ss. 57, s. tabl. 71–604.

Porosty (Lichenes). Z. 4. Red. Jerzy Szweykowski i Teofil Wojterski. Oprac. Jerzy Szweykowski, Zygmunt Tobolewski i Bogdana Kupczyk. PAN Komitet Botaniczny i Instytut Botaniki. Seria Atlas rozmieszczenia roślin zarodnikowych w Polsce = Atlas of Geographical Distribution of Spore-plants in Poland, Ser. 3. Poznań – Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe. Oddział, 1977, teka (ss. 42, k. [10]) [tekst równoległy polski i przekład angielski].

Wątrobowce (Hepaticae). Liverworts (Hepaticae) Z. 9. Red. Jerzy Szweykowski i Teofil Wojterski. Oprac. Jerzy Szweykowski, i Maria Koźlicka. PAN Komitet Botaniczny i Instytut Botaniki. Seria Atlas rozmieszczenia roślin zarodnikowych w Polsce = Atlas of Geographical Distribution of Spore-plants in Poland, Ser. 4. Poznań – Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe. Oddział, 1977, teka (ss. 32, [3], k. [10]) [tekst równoległy polski i przekład angielski].

Wojewoda Władysław. *Podstawczaki (Basidiomycetes): trzęsakowe (Tremellales), uszakowe (Auriculariales), czerwcozrybowe (Septobasidiales).* Red. J. Kochman i A. Skiergieńło. Instytut Botaniki PAN. Seria Flora Polska. Rośliny Zarodnikowe Polski i Ziemi Ościennych. Grzyby (Mycota), t. 8. Warszawa–Kraków Państwowe Wydawnictwo Naukowe. Oddział, 1977, ss. 334, [4] [zawiera Indeks nazw polskich i łacińskich.]

1978

- Burdajewicz Stanisław, Glaser Tadeusz. *Atlas chorób i szkodników roślin ozdobnych*. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Rolnicze i Leśne, 1978, ss. 208.
- Krause Joanna, Lisiecka Anna. *Rośliny ozdobne*. Cz. 1: *Rośliny ozdobne uprawiane w gruncie*. Seria Skrypty Akademii Rolniczej w Poznaniu. Wyd. 2 uzup. Poznań: Wydawnictwo Akademii Rolniczej, 1978, ss. 158 [*Skorowidz nazw łacińskich; Słowniczek częściowej spotykanych nazw łacińskich*].
- Mądalski Józef. *Atlas flory polskiej i ziem ościennych = Florae polonicae terrarumque adiacentium iconographia*. T. 2, z. 3: *Liliaceae (pars 1)*. Tablice oprac. Elżbieta Skwirzyńska. Tekst łaciński w tłum. J. Mądalskiego i E. Jacaka. Polska Akademia Nauk. Instytut Botaniki. Warszawa [etc.]: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1978, teka (ss. 68, k. tabl. luź. 38).
- Rusin Maria. *Słownik roślin ozdobnych i innych rosyjsko-łacińsko-polski*. Skrypty dla Szkół Wyższych. Kraków: Akademia Rolnicza, 1978, ss. 72 [*Słownik jest przeznaczony przede wszystkim dla studentów Wydziału Ogrodniczego (stacjonarnych i zaocznych) do samodzielnej pracy z literaturą specjalistyczną tak na lektoratach, jak i w domu*].

1979

- Atlas skamieniałości przewodnich i charakterystycznych*. Cz. 2a: *Mezozoik: trias*. Red. nauk. Lidia Malinowska. Aut. Leon Karczewski et al. Instytut Geologiczny Seria Budowa geologiczna Polski, t. 3. Warszawa: Wydawnictwa Geologiczne, druk 1979, ss. 286, s. tabl. LXXVIII, k. tabl. złoż. [7] [spisy].
- Gayówna Delfina. *Rośliny tąg: [atlas]*. Tablice wykonała Ewa Śliwińska. Rys. kreskowe wykonała Hanna Rembertowicz-Szyborska. Wyd. 4. Warszawa: Wydawnictwa Szkolne i Pedagogiczne, 1979, ss. 158, [2].
- Glaser Tadeusz, Suski Zbigniew. *Ochrona roślin ogrodniczych*. Wyd. 3. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Rolnicze i Leśne, 1979, ss. 403, [1] [zawiera *Skorowidz nazw polskich i łacińskich*].
- Krejča Jindřich, Klimo Julius. *Kwiaty letnie: barwny atlas najpiękniejszych kwiatów jednorocznych i dwuletnich*. Z jęz. słowac. przeł. Herman Grzeszczyk. Wyd. 2. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Rolnicze i Leśne, 1979, ss. 125, [2].
- Mądalski Józef, *Atlas flory polskiej i ziem ościennych = Florae polonicae terrarumque adiacentium iconographia*. T. 3, z. 1: *Cyperaceae – Scirpoideae, Rhynchosporoideae, (43 Tablice)*. Tablice oprac. Jadwiga Mikulska. Tekst łaciński w tłum. J. Mądalskiego i E. Jacaka. Polska Akademia Nauk. Instytut Botaniki. Warszawa [etc.]: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1979, ss. 67, III, tabl. s. 239–274.
- Mowszowicz Jakub. *Zarys systematyki roślin dla słuchaczy studiów uniwersyteckich*. Wyd. 2. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1979, ss. 317, [2] [zawiera indeksy].
- Novák František A. *Wielki atlas roślin* Przeł. Aleksander Ostrowski. Wyd. 3. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Rolnicze i Leśne, 1979, ss. 588, [3], s. fot. kolor. [32].
- Porosty (Lichenes)*. Z. 5. Red. Jerzy Szweykowski i Teofil Wojterski. Oprac. Jerzy Szweykowski, Zygmunt Tobolewski i Bogdana Kupczyk. PAN Komitet Botaniczny i Instytut Botaniki. Seria Atlas rozmieszczenia roślin zarodnikowych w Polsce = Atlas

of Geographical Distribution of Spore-plants in Poland, Ser. 3. Poznań – Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe. Oddział, 1979, teka (ss. 29, k. [10]) [tekst równoległy polski i przekład angielski].

Rostafiński Józef, Seidl Olga. *Przewodnik do oznaczenia roślin*. Wyd. 21. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Rolnicze i Leśne, 1979, ss. 441, [3] [indeksy].

1980

Drzewa Europy Środkowej. Tekst Jaromír Pokorný. Tablice barwne Jiřina Kaplická. Tłum. Aleksander Ostrowski. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Rolnicze i Leśne, 1980, ss. 184 [Zawiera *Indeks nazw polskich i łacińskich*].

Jasiewicz Adam, Tacik Tadeusz. *Dwuliścienne*. Cz. 9: *Zrosłopłatkowe*. Cz. 5. Polska Akademia Nauk, Instytut Botaniki. Seria Flora Polska. Rośliny Naczyniowe Polski i Ziem Ościennych, t. 14. Warszawa–Kraków: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1980, ss. 351 [zawiera *Skorowidz nazw systematycznych w języku łacińskim*; indeks].

Mowszowicz Jakub. *Zarys systematyki roślin dla słuchaczy studiów uniwersyteckich*. Wyd. 2. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1980, ss. 317, [2] [zawiera indeksy].

Piątkowska Krystyna, Zaleska Józefa. *Drzewa, krzewy i pnącza w osiedlach mieszkaniowych*. Warszawa: Zakład Wydawnictw CZSR, 1980, ss. 206, [2] [zawiera *Indeks nazw łacińskich i polskich*].

Podbielkowski Zbigniew. *Słownik roślin użytkowych: polski, łaciński, angielski, francuski, niemiecki, rosyjski*. Wyd. 4. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Rolnicze i Leśne, 1980, ss. 528, [4].

Porosty (Lichenes). Z. 6. Red. Jerzy Szweykowski i Teofil Wojterski. Oprac. Jerzy Szweykowski, Zygmunt Tobolewski i Bogdana Kupczyk. PAN Komitet Botaniczny i Instytut Botaniki. Seria Atlas rozmieszczenia roślin zarodnikowych w Polsce = Atlas of Geographical Distribution of Spore-plants in Poland, Ser. 3. Poznań–Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe. Oddział, 1980, teka (ss. 29, k. [10]) [tekst równoległy polski i przekład angielski].

Seneta Włodzimierz. *Drzewa i krzewy iglaste*. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1981, ss. 560, s. tabl. [46] [indeks].

Wątrobowce (Hepaticae). *Liverworts (Hepaticae)*. Z. 10. Red. Jerzy Szweykowski i Teofil Wojterski. Oprac. Jerzy Szweykowski, Jerzy Szweykowski i Maria Koźlicka. PAN Komitet Botaniczny i Inst. Botaniki. Seria Atlas rozmieszczenia roślin zarodnikowych w Polsce = Atlas of Geographical Distribution of Spore-plants in Poland, Ser. 4. Poznań – Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe. Oddział, 1980, teka (ss. 30, [3], k. [1]) [tekst równoległy polski i przekład angielski].

Włodarczyk Stanisław. *Botanika łąkarska, [Podręcznik dla techników rolniczych o specjalności łąkarskiej]*. Wyd. 4, popr. i uzup. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Rolnicze i Leśne, 1980, ss. 277, [1] [zawiera *Skorowidz polsko-łaciński i łacińsko-polski nazw roślin*].

1981

Atlas skamieniałości przewodnich i charakterystycznych. Cz. 2b: *Mezozoik: jura*. Red. nauk. Lidia Malinowska. Aut. Wiesław Barczyk et al. Instytut Geologiczny. Seria

- Budowa geologiczna Polski, t. 3. Warszawa: Wydawnictwa Geologiczne, dr. 1981, ss. 641, s. tabl. CLXXX, k. tabl. złoż. [4] [spisy].
- Berbec Stanisław et al. *Morfologia i biologia roślin uprawnych + Atlas*. Red. Stanisław Tabin. Wyd. 2. Lublin: Wydawnictwo Akademii Rolniczej, 1981, ss. 195 + *Atlas*.
- Nespiak Andrzej. *Podstawczaki (Basidiomycetes): bedłkowe (Agaricales), zasłonakowate (Cortinariaceae), zasłonak II (Cortinarius II)*. Red. J. Kochman i A. Skirgiełło. Instytut Botaniki PAN. Seria Flora Polska. Rośliny Zarodnikowe Polski i Ziemi Ościennych. Grzyby (Mycota), t. 14. Warszawa–Kraków: Państwowe Wydawnictwo Naukowe. Oddział, 1981, ss. 218, [2] [zawiera *Indeks nazw polskich i łacińskich*].
- Porosty (Lichenes)*. Z. 7. Red. Jerzy Szwejkowski i Teofil Wojterski. Oprac. Jerzy Szwejkowski, Zygmunt Tobolewski. PAN Komitet Botaniczny i Instytut Botaniki. Seria Atlas rozmieszczenia roślin zarodnikowych w Polsce = Atlas of Geographical Distribution of Spore-plants in Poland, Ser. 3. Poznań – Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, Oddział, 1981, teka (ss. 37, k. [10]) [tekst równoległy polski i przekład angielski].
- Seneta Włodzimierz. *Drzewa i krzewy iglaste*. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1981, ss. 560, 92 k. tabl. [zawiera *Skorowidz nazw łacińskich i polskich*].
- Zarzycki Kazimierz. *Rośliny naczyniowe Pienin: rozmieszczenie i warunki występowania = The Vascular plants of the Pieniny Mts. (West Carpathians): distribution and habitats*. Polska Akademia Nauk. Instytut Botaniki, Warszawa–Kraków: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1981, ss. 257 [spisy].

1982

- Chlebowski Bolesław, Mynett Kazimierz. *Kwiaciarnictwo. Podręcznik dla techników ogrodniczych i policealnych studiów zawodowych*. Wyd. 2. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Rolnicze i Leśne, 1982, ss. 283, [1] [zawiera *Wykaz łacińskich i polskich nazw rodzajów gatunków roślin*].
- Mowszowicz Jakub. *Zarys systematyki roślin dla słuchaczy studiów uniwersyteckich*. Wyd. 3. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1982, ss. 317, [2] [zawiera indeksy].
- Słownik nazwisk zoologicznych i botanicznych polskich, zawierający ludowe oraz naukowe nazwy i synonimy polskie, używane dla zwierząt i roślin od XV-go wieku do chwili obecnej. Źródłowo zebrane i zestawione z synonimami naukowymi łacińskimi w podwójnym porządku alfabetycznym i pomnożone porównawczym materiałem, zaczerpniętym z innych języków słowiańskich*. T. 1: *Słownik polsko-łaciński*. Ułożył Erazm Majewski. Warszawa: Wydawnictwa Artystyczne i Filmowe na zam. Zjednoczenia Księgarstwa, 1982, ss. LXIV, 546.
- Słownik nazwisk zoologicznych i botanicznych polskich, zawierający ludowe oraz naukowe nazwy i synonimy polskie, używane dla zwierząt i roślin od XV-go wieku do chwili obecnej. Źródłowo zebrane i zestawione z synonimami naukowymi łacińskimi w podwójnym porządku alfabetycznym i pomnożone porównawczym materiałem, zaczerpniętym z innych języków słowiańskich*. T. 2: *Słownik łacińsko-polski pomnożony porównawczym materiałem, zaczerpniętym z innych języków słowiańskich*.

Ułożył Erazm Majewski. Warszawa: Wydawnictwa Artystyczne i Filmowe na zam. Zjednoczenia Księgarstwa, 1982, ss. [4], XLVII, XI, 888, [2].

1983

- Krause Joanna, Lisiecka Anna. *Rośliny ozdobne. Cz. 1: Rośliny ozdobne uprawiane w gruncie*. Seria Skrypty Akademii Rolniczej w Poznaniu. Wyd. 3 uzup. Poznań: Wydawnictwo Akademii Rolniczej, 1983 ss. 155 [zawiera *Skorowidz nazw łacińskich; Słowniczek częścię spotykanych nazw łacińskich*].
- Laskowska Wanda. *Rośliny borów*, tabl. wykonała z natury Hanna Rembertowicz-Szymborska. Wwyd. 4. Warszawa: Wydawnictwa Szkolne i Pedagogiczne, 1983, ss. 146.
- Mądalski Józef. *Atlas flory polskiej i ziem ościennych = Florae polonicae terrarumque adiacentium iconographia*. T. 6, z. 2: *Salicaceae*. Tablice oprac. Elżbieta Skwirzyńska. Tekst łaciński w tłum. J. Mądalskiego i E. Jacaka. Polska Akademia Nauk. Instytut Botaniki. Warszawa [etc.]: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1983, teka (ss. 75, k. tabl. luź. 32).
- Mowszowicz Jakub. *Zarys systematyki roślin dla słuchaczy studiów uniwersyteckich*. Wyd. 3, dodruk. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1983, ss. 317, [2] [zawiera indeksy].
- Porosty (Lichenes)*. T. 1, cz. 1. Oprac. Janusz Nowak. Rys. Barbara Tarnowska-Kownacka. Polska Akademia Nauk. Instytut Botaniki. Seria Flora Polska. Rośliny Zarodnikowe Polski i Ziem Ościennych. *Porosty (Lichenes)*, t. 1, cz. 1. Warszawa–Kaków: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1983, ss. 241, [4], s. tabl. XXXI [zawiera *Skorowidz systematycznych nazw łacińskich; indeks*].
- Porosty (Lichenes)*. Z. 8. Red. Jerzy Szwejkowski i Teofil Wojterski. Oprac. Jerzy Szwejkowski, Zygmunt Tobolewski. PAN Komitet Botaniczny i Inst. Botaniki. Seria Atlas rozmieszczenia roślin zarodnikowych w Polsce = Atlas of Geographical Distribution of Spore-plants in Poland, Ser. 3. Poznań–Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, Oddział, 1983, teka (ss. 30, k. [10]) [tekst równoległy polski i przekład angielski].
- Słownik nazwisk zoologicznych i botanicznych polskich, zawierający ludowe oraz naukowe nazwy i synonimy polskie, używane dla zwierząt i roślin od XV-go wieku do chwili obecnej. Źródłowo zebrane i zestawione z synonimami naukowymi łacińskimi w podwójnym porządku alfabetycznym i pomnożone porównawczym materiałem, zaczerpniętym z innych języków słowiańskich*. T. 1: *Słownik polsko-łaciński*. Cz. 2: *M–Z*, [= *Dictionnaire des noms Polonais zoologiques et botaniques contenant les noms vulgaires et littéraires Polonais, donnés aux animaux et aux végétaux depuis le XV-me siècle jusqu'à nos jours*. Vol. 2: *Dictionnaire latin-polonais*. Pt. 2: *M–Z*]. Ułożył Erazm Majewski. Warszawa: Wydawnictwa Artystyczne i Filmowe na zam. Zjednoczenia Księgarstwa, 1983, ss. [4], 457–888, [2].
- Słownik nazwisk zoologicznych i botanicznych polskich, zawierający ludowe oraz naukowe nazwy i synonimy polskie, używane dla zwierząt i roślin od XV-go wieku do chwili obecnej. Źródłowo zebrane i zestawione z synonimami naukowymi łacińskimi w podwójnym porządku alfabetycznym i pomnożone porównawczym materiałem, zaczerpniętym z innych języków słowiańskich*. T. 2: *Słownik łacińsko-polski pomno-*

żony prównawczym materiałem, zaczerpniętym z innych języków słowiańskich. Cz. 1: A–M, [= *Dictionnaire des noms Polonais zoologiques et botaniques contenant les noms vulgaires et littéraires Polonais, donnés aux animaux et aux végétaux depuis le XV-me siècle jusqu'à nos jours*. Vol. 2: *Dictionnaire latin-polonais*. Pt. 1: A–M]. Ułożył Erazm Majewski. Warszawa: Wydawnictwa Artystyczne i Filmowe na zam. Zjednoczenia Księgarstwa, 1983, ss. [4], XLVII, XI, 466 [przedr., oryg.: Warszawa: nakł. autora: skł. gł. w księgarni Teodora Paprockiego i S-ki, 1894].

Włodarczyk Stanisław. *Botanika łąkarska, [Podręcznik dla techników rolniczych o specjalności łąkarskiej]*. Wyd. 5. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Rolnicze i Leśne, 1983, ss. 277, [3] [zawiera *Skorowidz polsko-łaciński i łacińsko-polski nazw roślin*].

1984

Atlas skamieniałości przewodnich i charakterystycznych. Cz. 2c: *Mezozoik: kreda*. Red. nauk. Lidia Malinowska. Aut. Andrzej Błaszkiwicz et al. Instytut Geologiczny. Seria Budowa geologiczna Polski, t. 3. Warszawa: Wydawnictwa Geologiczne, 1984, ss. 579, s. tabl. CCXIV, k. tabl. złoż. [2] [spisy].

Krejča Jindřich, Klimo Julius. *Kwiaty letnie: barwny atlas najpiękniejszych kwiatów jednorocznych i dwuletnich* Z jęz. słowac. przeł. Herman Grzeszczyk. Wyd. 3. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Rolnicze i Leśne, 1984, ss. 125, [2].

Rutkowska Barbara. *Atlas roślin łąkowych i pastwiskowych: 160 gatunków*. Tabl. barwne wykonała z natury Hanna Rembertowicz-Szyborska. Wyd. 2 uzup. i rozsz. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Rolnicze i Leśne, 1984, ss. 367, [1].

Schubert Margot, Herwig Rob. *Mieszkamy wśród kwiatów*. Tł. Anna Rudowska, Inga Szwedler. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Rolnicze i Leśne, 1984, ss. 374, [2] [zawiera *Wykaz łacińskich nazw roślin i ich odmian*, s. 366–[375]; *Wykaz polskich nazw roślin*, s. 361–365; *Dodatek dla szukających szybkiej informacji*, s. 357–360].

Sendek Andrzej. *Rośliny naczyniowe Górnośląskiego Okręgu Przemysłowego*. Opolskie Towarzystwo Przyjaciół Nauk. Wydział III Nauk Przyrodniczych. Warszawa–Wrocław: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1984, ss. 137 [spisy].

Włodarczyk Stanisław. *Botanika łąkarska, [Podręcznik dla techników rolniczych o specjalności łąkarskiej]*. Wyd. 6. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Rolnicze i Leśne, 1984, ss. 277, [3] [zawiera *Skorowidz polsko-łaciński i łacińsko-polski nazw roślin*].

1985

Dykcyonarz roślinny, w którym podług układu Linneusza są opisane rośliny nie tylko krajowe dzikie, pożyteczne, albo szkodliwe: na roli, w ogrodach, oranżeryach, utrzymywane: ale oraz i cudzoziemskie, któreby w kraju pożyteczne być mogły: albo z których mamy lekarstwa, korzenie, farby, i t.d. albo które jakowa nadzwyczajność w sobie mają: ich zdolności lekarskie, ekonomiczne, dla ludzi, koni, bydła, owiec, pszczoł, i t.d. utrzymywanie, i t.d. z poprzedzającym wykładem słów botanicznych, i kilkokrotnym na końcu reiestrem. T. 1: A–E. Ułożony przez X. Krzysztofa Kluka. Warszawa: Wydawnictwa Artystyczne i Filmowe na zam. Zjednoczenia Księgarstwa, 1985, ss. [4], XLII, 214, [2] [przedr. fotooffsetowy, oryg.: Warszawa: w Drukarni Xięży Piarów, 1805].

- Dykcyonarz roślinny, w którym podług układu Linneusza są opisane rośliny nie tylko krajowe dzikie, pożyteczne, albo szkodliwe: na roli, w ogrodach, oranżeryach, utrzymywane: ale oraz i cudzoziemskie, któreby w kraju pożyteczne być mogły: albo z których mamy lekarstwa, korzenie, farby, i t.d. albo które jakowa nadzwyczajność w sobie mają: ich zdolności lekarskie, ekonomiczne, dla ludzi, koni, bydła, owiec, pszczoł, i t.d. utrzymywanie, i t.d. z poprzedzającym wykładem słów botanicznych, i kilkokrotnym na końcu reiestrem.* T. 2: F–Q. Ułożony przez X. Krzysztofa Kluka. Warszawa: Wydawnictwa Artystyczne i Filmowe na zam. Zjednoczenia Księgarstwa, 1985, ss. [4], 256, [2] [przedr. fotooffsetowy, oryg.: Warszawa: w Drukarni Xięży Piarów, 1808].
- Dykcyonarz roślinny, w którym podług układu Linneusza są opisane rośliny nie tylko krajowe dzikie, pożyteczne, albo szkodliwe: na roli, w ogrodach, oranżeryach, utrzymywane: ale oraz i cudzoziemskie, któreby w kraju pożyteczne być mogły: albo z których mamy lekarstwa, korzenie, farby, i t.d. albo które jakowa nadzwyczajność w sobie mają: ich zdolności lekarskie, ekonomiczne, dla ludzi, koni, bydła, owiec, pszczoł, i t.d. utrzymywanie, i t.d. z poprzedzającym wykładem słów botanicznych, i kilkokrotnym na końcu reiestrem.* T. 3: R–Z. Ułożony przez X. Krzysztofa Kluka. Warszawa: Wydawnictwa Artystyczne i Filmowe na zam. Zjednoczenia Księgarstwa, 1985, ss. 196, [4] [przedr. fotooffsetowy, oryg.: Warszawa: w Drukarni Xięży Piarów, 1811].
- Dwuliścienne wolnopłatkowe – dwuokwiatowe.* Cz. 1. Oprac. Maria Gostyńska-Jakuszewska et al. Polska Akademia Nauk. Instytut Botaniki. Seria Flora Polski: rośliny naczyniowe, t. 4, wyd. 2. Warszawa–Kraków: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1985, ss. 306, [1] [zawiera *Skorowidz nazw systematycznych w języku łacińskim; indeks*].
- Mchy (Musci).* Z. 2. Red. Zygmunt Tobolewski i Teofil Wojterski. Oprac. Ryszard Ochyra, Anna Rusińska i Piotr Szmajda. PAN Komitet Botaniki i Instytut Botaniki. Atlas rozmieszczenia roślin zarodnikowych w Polsce = Atlas of the Geographical Distribution of Spore Plants in Poland, Ser. 5. Warszawa–Poznań: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1985, teka (s. 32, k. [10]) [tekst równoległy polski i przekład angielski].
- Podbielkowski Zbigniew. *Słownik roślin użytkowych: polski, łaciński, angielski, francuski, niemiecki, rosyjski.* Wyd. 5. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Rolnicze i Leśne, 1985, ss. 529, [3]
- Porosty (Lichenes).* Z. 9. Red. Jerzy Szwejkowski i Teofil Wojterski. Oprac. Jerzy Szwejkowski, Zygmunt Tobolewski. PAN Komitet Botaniczny i Instytut Botaniki. Seria Atlas rozmieszczenia roślin zarodnikowych w Polsce = Atlas of Geographical Distribution of Spore-plants in Poland, Ser. 3. Poznań–Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1988, teka (ss. 46, k. [10]) [tekst równoległy polski i przekład angielski].
- Rodkiewicz Bohdan. *Embriologia roślin nagozalążkowych.* Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1984, ss. 419, [1], s. tabl. [16] [zawiera *Skorowidz nazw łacińskich; indeks*].
- Rośliny polskie. Opisy i klucze do oznaczania wszystkich gatunków roślin naczyniowych rosnących w Polsce bądź dziko, bądź też zdziczałych lub częściej hodowanych.*

- Cz. 1–2. Oprac. Władysław Szafer, Stanisław Kulczyński, Bogumił Pawłowski. Wyd. 5. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1986, ss. 1019 [*Spis łacińskich nazw rodzin, rodzajów i gatunków; Spis polskich nazw rodzin i rodzajów*].
- Rusin Maria. *Słownik roślin ozdobnych i innych rosyjsko-łacińsko-polski*. Skrypty dla Szkół Wyższych. Wyd. 2. Kraków: Akademia Rolnicza, 1985, ss. 72 [*Słownik jest przeznaczony przede wszystkim dla studentów Wydziału Ogrodniczego (stacjonarnych i zaocznych) do samodzielnej pracy z literaturą specjalistyczną tak na lektoratach jak i w domu*].
- Uniwersalna Klasyfikacja Dziesiąta. FID 607: 58. Botanika*. Oprac. red. całości: Bożenna Kłaga. Adiustacja klasyfikacyjna: Bożenna Kłaga, Henryka Golasowska. Oprac. indeksu Ryszard Dopierała – indeks terminologii polskiej, Bożenna Kłaga – indeks terminologii łacińskiej. Instytut Informacji Naukowej, Technicznej i Ekonomicznej, Zakład Teorii Języków Informacyjnych, 2 wyd. pełne w jęz. pol., aktualne na dzień 1.VII.1985 r., (wł. *Extensions and Corrections to the UDC*, seria, 12, nr 2). Warszawa: Centrum Informacji Naukowej, Technicznej i Ekonomicznej, 1985, ss. 98, XII [wyd. oprac. na podst.: pierwszego pełnego wyd. polskiego UKD działu 58, 1965, publ. FID nr 327; pełnego wydania UKD działu 58 w jęz. włoskim (*Classificazione Decimale Universale*, Ed. compl. italiana, 1979, publ. FID nr 479, z uwzględnieniem oficjalnych zmian i uzupełnień zamieszczonych w „*Extensions and corrections to the UDC*” włącznie z nr 2 serii 12, publ. FID 248)].

1986

- Fabiszewski Jerzy. *Rośliny Sudetów. Atlas*. Tablice wykonał Władysław Micek. Wyd. 2. Warszawa: Wydawnictwa Szkolne i Pedagogiczne, 1986, ss. 159, [1].
- Lista roślin wymierających i zagrożonych w Polsce = List of threatened plants in Poland*. Red. Kazimierz Zarzycki, Władysław Wojewoda przy współudziale Zofii Heinrich. PAN, Komitet Ochrony Przyrody i Instytut Botaniki. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1986, ss. 134.
- Mowszowicz Jakub. *Zarys systematyki roślin dla słuchaczy studiów uniwersyteckich*. Wyd. 4. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1986, ss. 317, [2] [zawiera indeksy].
- Novák František A. *Wielki atlas roślin*. Przeł. Aleksander Ostrowski. Wyd. 4. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Rolnicze i Leśne, 1986, ss. 588, [3], ss. fot. kolor. [32].
- Szafer Władysław, Kulczyński Stanisław, Pawłowski Bogumił. *Rośliny polskie: opisy i klucze do oznaczania wszystkich gatunków roślin naczyniowych rosnących w Polsce bądź dziko, bądź też zdziczałych lub częściej hodowanych*. Cz. 1–2. Wyd. 5. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1986, 2 cz. (ss. XXXI, 464; 465–1019) [*Spis łacińskich nazw rodzin, rodzajów i gatunków; Spis polskich nazw rodzin i rodzajów*].
- Wojewoda Władysław, Ławrynowicz Maria. *Czerwona lista grzybów wielkoowocnikowych zagrożonych w Polsce = Red list of threatened macrofungi in Poland*. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1986, s. [47]–82 [nadb. z: *Lista roślin wymierających i zagrożonych w Polsce*. Red. Kazimierz Zarzycki i Władysław Wojewoda. Warszawa, 1986]

1987

Seneta Włodzimierz. *Drzewa i krzewy iglaste*. Cz. 2. Wyd. 2. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1987, ss. [2], 272-560, s. tabl. [26] [*Skorowidz nazw łacińsko-polskich*].

1988

Charakterystyka odmian: rośliny warzywne. Red. nauk. Eugeniusz Bilski. Aut. G. Goździk et al. Słupia Wielka: Centralny Ośrodek Badań Odmian Roślin Uprawnych, 1988, ss. 300 [spisy].

Gayówna Delfina, *Rośliny łąk: [atlas]*. Tablice wykonała Ewa Śliwińska. Rys. kreskowe wykonała Hanna Rembertowicz-Szyborska. Wyd. 5. Warszawa: Wydawnictwa Szkolne i Pedagogiczne, 1988, ss. 158, [2].

Kiljańska Izabella, Mojłowska Hanna. *Zielnik polski*. Il. Bohdan Berg. Warszawa: Wydawnictwo Interpress, 1988, ss. 382.

Mastrenak Hanna, Wiech Kazimierz. *Jaki to szkodnik, jaka choroba: atlas chorób i szkodników najczęściej występujących na działkach*. Polski Związek Działkowców. Krajowa Rada w Warszawie. Seria Biblioteka Działkowca 52. Warszawa: Krajowa Rada Polskiego Związku Działkowców, 1988, ss. 136.

Mchy (Musci). Z. 3. Red. Zygmunt Tobolewski i Teofil Wojterski. Oprac. Ryszard Ochyra, Anna Rusińska i Piotr Szmajda. PAN, Komitet Botaniki i Instytut Botaniki, Atlas rozmieszczenia roślin zarodnikowych w Polsce = Atlas of the Geographical Distribution of Spore Plants in Poland. Seria 5. Warszawa-Poznań: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1988, teka (s. 60, k. [11]) [tekst równoległy polski i przekład angielski].

Mchy (Musci). Z. 4. Red. Zygmunt Tobolewski i Teofil Wojterski. Oprac. Ryszard Ochyra, Anna Rusińska i Piotr Szmajda. PAN, Komitet Botaniki i Instytut Botaniki, Atlas rozmieszczenia roślin zarodnikowych w Polsce = Atlas of the Geographical Distribution of Spore Plants in Poland. Seria 5. Warszawa-Poznań: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1988, teka (s. 48, k. [11]) [tekst równoległy polski i przekład angielski].

Szafer Władysław, Kulczyński Stanisław, Pawłowski Bogumił. *Rośliny polskie: opisy i klucze do oznaczania wszystkich gatunków roślin naczyniowych rosnących w Polsce bądź dziko, bądź też zdziczałych lub częściej hodowanych*. Cz. 1-2. Wyd. 6. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1988, 2 cz. (ss. XXXI, 464; 465-1019) [*Spis łacińskich nazw rodzin, rodzajów i gatunków; Spis polskich nazw rodzin i rodzajów*].

Sudnik-Wójcikowska Barbara, Koźniewska Beata. *Słownik z zakresu synantropizacji szaty roślinnej*. Warszawa: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, 1988, ss. 93, [1].

1989

Macků Jan, Krejča Jindřich. *Atlas roślin leczniczych*. Tłum. ze słowac. Uaktualnił i uzupeł. Apoloniusz Rymkiewicz. Wrocław [etc.]: Zakład Narodowy im. Ossolińskich – Wydawnictwo, 1989, ss. 431.

Podbielkowski Zbigniew. *Słownik roślin użytkowych [polski, łaciński, angielski, francuski, niemiecki, rosyjski]*. Wyd. 6. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Rolnicze i Leśne, 1989, ss. 529, [3] [*Indeks nazw roślin w językach: angielskim, francuskim, łacińskim, niemieckim, rosyjskim*].

Traczyk Tadeusz. *Rośliny lasu liściastego: [atlas]*. Wyd. 5. Warszawa: Wydawnictwa Szkolne i Pedagogiczne, 1989, ss. 158, [2].

1990

Atlas skamieniałości przewodnich i charakterystycznych. Cz. 1a: *Paleozoik starszy (z proterozoikiem górnym)*. Red. Mari Pajchłowa, Państwowy Instytut Geologiczny. Seria Budowa geologiczna Polski, t. 3. Warszawa: Wydawnictwa Geologiczne, 1990, ss. 558, l. tabl. złoż. [8], s. tabl. 199.

Jakubiec Anna, Gąsowski Andrzej, Wojciechowska Dorota. *Słownik specjalistyczny angielsko-polski, polsko-angielski z zakresu genetyki i hodowli roślin oraz nasiennictwa*. Warszawa: Wydawnictwo SGGW-AR, 1990, ss. 183.

Leksykon roślin leczniczych. Red. Antonina Rumińska i Aleksander Ożarowski, zespół aut. Aleksander Ożarowski et al. Tablice barwne wykonali Bohdan Berg et al. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Rolnicze i Leśne, 1990, ss. 565, [1].

Mądalski Józef. *Atlas flory polskiej i ziem ościennych = Florae polonicae terrarumque adiacentium iconographia*, t. 2, z. 5: *Liliaceae (pars 3), Amaryllidaceae, Iridaceae*. Tablice oprac. Elżbieta Skwirzyńska. Polska Akademia Nauk. Instytut Botaniki. Kraków: Instytut Botaniki im. W. Szafera PAN, 1990, teka (ss. 53, k. tabl. luź. 36).

Mchy (Musci). Z. 5. Red. Ryszard Ochyra i Piotr Szmajda, Instytut Botaniki im. W. Szafera PAN – Uniwersytet im. A. Mickiewicza. Atlas rozmieszczenia roślin zarodnikowych w Polsce = Atlas of the Geographical Distribution of Spore Plants in Poland. Seria 5. Kraków: Instytut Botaniki im. W. Szafera PAN – Poznań: UAM, 1990, ss. 52, k. [10] [tekst równoległy polski i przekład angielski].

Mchy (Musci). Z. 6. Red. Ryszard Ochyra i Piotr Szmajda, Instytut Botaniki im. W. Szafera PAN – Uniwersytet im. A. Mickiewicza. Atlas rozmieszczenia roślin zarodnikowych w Polsce = Atlas of the Geographical Distribution of Spore Plants in Poland. Seria 5. Kraków: Instytut Botaniki im. W. Szafera PAN – Poznań: UAM, 1990, ss. 50, k. [11] [tekst równoległy polski i przekład angielski].

Mowszowicz Jakub. *Dziko rosnące rośliny użytkowe*, tabl. wyk. z natury Hanna Rembertowicz-Szyborska. Seria Atlas. Wyd. 2. Warszawa: Wydawnictwa Szkolne i Pedagogiczne, 1990, ss. 172, [3].

Słownik słów kluczowych z botaniki. Wybór i oprac. słów kluczowych z botaniki zespół w składzie Zbigniew Mirek et al. Ośrodek Informacji Naukowej w Warszawie, PAN. Kraków 1990, ss. 59.

Świejkowski Leonidas. *Rośliny lecznicze i przemysłowe. Klucz do oznaczania*. Tekst cz. I Józef Kiszka. Wyd. 2. Warszawa: Wydawnictwo Rynku Wewnętrzznego Libra, 1990, ss. 649, [1] k. mapa, [48] s. tabl. [zawiera indeksy].

1991

Bremness Lesley. *Wielka księga ziół*. Przekł. Joanna Cieśla et al. Seria Encyklopedia „Wiedzy i Życia”. Wyd. 6. Warszawa: Wiedza i Życie, cop. 1991, ss. 288.

- Krause Joanna, Lisiecka Anna. *Rośliny ozdobne. Cz. 1: Rośliny ozdobne uprawiane w gruncie*. Seria Skrypty Akademii Rolniczej w Poznaniu. Poznań: Wydawnictwo Akademii Rolniczej, 1991, ss. 147 [*Skorowidz nazw łacińskich; Słowniczek częściowej spotykanych nazw łacińskich*].
- Mchy (Musci)*. Z. 7. Red. Ryszard Ochyra i Piotr Szmajda, Instytut Botaniki im. W. Szafera PAN – Uniwersytet im. A. Mickiewicza. Atlas rozmieszczenia roślin zarodnikowych w Polsce = Atlas of the Geographical Distribution of Spore Plants in Poland. Seria 5. Kraków: Instytut Botaniki im. W. Szafera PAN – Poznań: UAM, 1991, ss. 52, k. [10] [tekst równoległy polski i przekład angielski].
- Schubert Margot, Herwig Rob. *Mieszkamy wśród kwiatów*. Tł. Anna Rudowska, Inga Szwedler. Wyd. 5. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Rolnicze i Leśne, 1991, ss. 374, [2] [*Wykaz łacińskich nazw roślin i ich odmian*, s. 366–[375]; *Wykaz polskich nazw roślin*, s. 361–365; *Dodatek dla szukających szybkiej informacji*, s. 357–360].
- Stidworthy John. *Rośliny i zwierzęta*. Przeł. Tomasz Umiński. Seria Encyklopedia „Wiedzy i Życia”. Warszawa: Wiedza i Życie, cop. 1991, ss. 48.

1992

- Anioł-Kwiatkowska Jadwiga. *Rośliny kosmetyczne*. Seria Atlas. Warszawa: Wydawnictwa Szkolne i Pedagogiczne, 1992, ss. 247, [1].
- Atlas rozmieszczenia geograficznego mchów w Polsce*. Z. 8 [= *Atlas of the Geographical Distribution of Mosses in Poland*]. Red. Ryszard Ochyra, Piotr Szmajda. Oprac. Ryszard Ochyra, Piotr Szmajda, Halina Bednarek-Ochyra. Kraków: Instytut Botaniki im. W. Szafera PAN – Poznań: Uniwersytet im. Adama Mickiewicza, 1992, ss. 77, k. [10] [stanowi kontynuację: *Atlas rozmieszczenia roślin zarodnikowych w Polsce*. Ser. 5, *Mchy (Musci)*. Z. 1–7; tekst równoległy polski i przekład angielski].
- Fabiszewski Jerzy. *Rośliny Sudetów: atlas*. Tablice wykonał Władysław Micek. Wyd. 3. Warszawa: Wydawnictwa Szkolne i Pedagogiczne, 1992, ss. 159, [1], mapa.
- Gayówna Delfina. *Rośliny tąg: [atlas]*. Tablice wykonała Ewa Śliwińska. Rys. kreskowe wykonała Hanna Rembertowicz-Szyborska. Wyd. 6. Warszawa: Wydawnictwa Szkolne i Pedagogiczne, 1992, ss. 158, [2].
- Heitz Halina. *Jak kwitną i owocują najpiękniejsze rośliny doniczkowe. Ilustrowany poradnik i encyklopedia dla miłośników roślin doniczkowych*. Przeł. Anna Kozłowska. Warszawa: Wiedza i Życie, cop. 1992, ss. 239.
- Lánská Dagmar. *Jadalne rośliny dziko rosnące*. Il. Pavel Žilák. Z jęz. czes. tł. Małgorzata Garbarczyk. Seria Leksykon Przyrody. Warszawa: Polska Oficyna Wydawnicza Delta W-Z, cop. 1992, ss. 223. [1].
- Laskowska Wanda. *Rośliny borów: [atlas]*. Tabl. wykonała z natury Hanna Rembertowicz-Szyborska. Wyd. 5. Warszawa: Wydawnictwa Szkolne i Pedagogiczne, 1992, ss. 146.
- Lista roślin zagrożonych w Polsce = List of threatened plants in Poland*. Red. Kazimierz Zarzycki, Władysław Wojewoda, Zofia Heinrich. Wyd. 2. Kraków: Instytut Botaniki im. W. Szafera PAN, 1992, ss. 98.
- Pajor Wiktor Janusz. *Pierwszy polski słownik ziołolecznictwa*. Warszawa: Wydawnictwo „Spar”, 1992, ss. 162.

- Piękoś-Mirkowa Halina, Mirek Zbigniew, Mihál Ivor. *Kwiaty Tatr: atlas*. Kraków: „Karpaty” – Žilina: „Aurum”, 1992, ss. 144 [na s. tyt.: *Opracowano wg koncepcji autorskiej publikacji Ivor Mihál – Rudolf Šoltés – Anna Šoltésová „Kvety Tatier”*].
- Podlewski Jan Kazimierz, Chwalibogowska-Podlewska Alicja. *Leki współczesnej terapii. Preparaty roślinne, varia*. Oprac. hasel Joanna Dangel et al. Warszawa: Fundacja Büchnera, 1992 ss. XII, 108 [zawiera *Słownik łacińsko-polskich i polsko-łacińskich nazw wybranych roślin stosowanych w medycynie oficjalnej i ludowej*].
- Podhajska Zdenka, Rivola Milan. *Wielka encyklopedia roślin*. Il. Edward Demartini et al. Z jęz. fr. przeł. Helena Terpińska-Ostrowska. Warszawa: Delta, 1992, ss. 503.
- Radwańska-Paryska Zofia. *Słownik gwarowy górskich nazw roślin z Tatr i Podtatrza*. Seria Tatry i Podtatrze, Tatrzański Park Narodowy, nr 1. Zakopane: Tatrzański Park Narodowy, 1992, ss. 103.
- Sugden Andrew. *Ilustrowany słownik botaniczny. Podstawy botaniki z ilustracjami i objaśnieniami*. Przeł. Bronisław Wojtuń i Ludwik Żołnierz. Wrocław–Warszawa–Kraków: Zakład Narodowy im. Ossolińskich – Wydawnictwo, 1992, ss. 200 [1 wyd. ang. Longman York Press, 1984 r.; zawiera *Indeks terminów angielskich, Indeks terminów polskich*].
- Tykać Jan. *Rośliny pnące*. Il. František Severa. Z fr. tł. Elżbieta Traczewska-Zych. Seria Leksykon Przyrody. Warszawa: Polska Oficyna Wydawnicza BGW, cop. 1992, ss. 224.
- Wszelchświat i Ziemia, fauna i flora*. Przeł. Adam Stepnowski. Konsultacja nauk. Tomasz Hofmokl et al. Red. Rafał Łąkowski. Seria Encyklopedia Mémo Larousse, t. 1. Warszawa: Polska Oficyna Wydawnicza BGW, cop. 1992, ss. 176.
- Zając Maria. *Index of General Distribution Maps. Vascular Plants of Poland*. Seria Polish Botanical Studies. Guidebook Series no 7. Kraków: Polish Academy of Sciences. W. Szafer Institute of Botany, 1992, ss. 76 [zawiera indeks nazw roślin w języku łacińskim].

1993

- Altmann Horst. *Rośliny trujące i zwierzęta jadowite*. Tł. z jęz. niem. Henryk Garbarczyk. Red. wyd. pol. Aleksandra Zduńska. Warszawa: Oficyna Wydawnicza Multico, 1993, ss. 142, [2].
- Anioł-Kwiatkowska Jadwiga, Kwiatkowski Stanisław, Berdowski Witold. *Rośliny lecznicze: atlas*. Warszawa: Wydawnictwo Arkady, 1993, ss. 326, [2].
- Anioł-Kwiatkowska Jadwiga. *Plants in life of animals*. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 1993, ss. 182, [2] [indeksy].
- Atlas of the Geographical Distribution of Lichens in Poland*. Pt. 1 [= *Atlas rozmieszczenia geograficznego porostów w Polsce*]. Ed. by Stanisław Cieśliński, Wiesław Fałtynowicz. Elaborated by Urszula Bielczyk, Stanisław Cieśliński, Wiesław Fałtynowicz. Kraków: W. Szafer Institute of Botany of the Polish Academy of Sciences, 1993, ss. 66 [tekst równoległy polski, angielski].
- Bremness Lesley. *Zioła*. Tłum. Krzysztof Spalik. Seria Encyklopedia Kieszonkowa. Warszawa: Muza, 1993, ss. 240.
- Chmiel Julian. *Flora roślin naczyniowych wschodniej części Pojezierza Gnieźnieńskiego i jej antropogeniczne przeobrażenia w wieku XIX i XX*. Cz. 2: *Atlas rozmieszczenia*

- roślin. Prace Zakładu Taksonomii Roślin Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza w Poznaniu, nr 1. Poznań: Sorus, 1993, ss. 212 [mapy].
- Drobný Igor, Osvald Zdeněk. *Leksykon kwiatów letnich*. Tłum. ze słowac. Małgorzata Garbarczyk. Warszawa: Multico, 1993, ss. 96.
- Faliński Janusz B., Cieśliński Stanisław, Czyżewska Krystyna. *Dynamic-floristic Atlas of Jelonka Reserve and Adjacent Areas. Distribution of Vascular Plant Species, Bryophytes and Lichens on the Abandoned Farmlands During Secondary Succession = Atlas dynamiczno-florystyczny Rezerwatu Jelonka i przyległych obszarów. Rozmieszczenie garunków roślin naczyniowych, mszaków i porostów na nieużytkach porolnych podlegających sukcesji wtórnej*. Phytocoenosis, Supplementum Cartographiae Geobotanicae, 3. Warszawa–Białowieża: Białowieska Stacja Geobotaniczna Uniwersytetu Warszawskiego, 1993, ss. 139, [2] [indeks; tekst równoległy polski i przekład angielski].
- Grzybek Jan. *Ilustrowany słownik farmakobotaniczny*. Kraków: Collegium Medicum Uniwersytetu Jagiellońskiego, 1993, ss. 128, [1].
- Jackowiak Bogdan. *Atlas rozmieszczenia roślin naczyniowych w Poznaniu (=Atlas of distribution of vascular plants in Poznań)*. Prace Zakładu Taksonomii Roślin Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza w Poznaniu, nr 2. Poznań: [s.n.], 1993, ss. 409.
- Kardasz Piotr. *Rośliny tradycyjne*. Seria Kieszonkowa Encyklopedia, 17. Kieszonkowa Encyklopedia Praktycznej Uprawy Roślin Domowych. Katowice: Videograf, 1993, ss. 283, [1].
- Masłowski Włodzimierz. *Leksykon z anagramami: flora i fauna*, seria Leksykon z Anagramami. Warszawa: Contrast, 1993, ss. 196.
- Ody Penelope. *Wielki zielnik medyczny*. Przekł. i konsultacja Halina Piękoś-Mirek, Zbigniew Mirek. Przekł. Barbara Sobiewska. Bielsko-Biała: Wydawnictwo „Debit”, cop. 1993, ss. 192 [na okł.: praktyczny przewodnik po roślinach leczniczych wraz ze sposobami usuwania powszechnie znanych dolegliwości].
- Polunin Miriam, Robbins Christopher. *Naturalna farmacja [bogato ilustrowana encyklopedia]*. Tłum. Izabela Krężelewska, Paweł Oglęcki, Barbara Sudnik-Wójcikowska. Warszawa: Muza, 1993, ss. 144.
- Słownik botaniczny*. Red. Alicja i Jerzy Szwejkowscy. Aut. not encyklopedycznych: Kazimierz Browicz et al. Warszawa: Wiedza Powszechna, 1993, ss. 799, [1], [48] [indeks].
- Tymczasowy wykaz współczesnych i kopalnych roślin oraz awifauny Lednickiego Parku Krajobrazowego*. Red. Kazimierz Tobolski. Muzeum Pierwszych Piastów na Lednicy. Poznań: Sorus, 1993, ss. 61, [1].
- Wielka encyklopedia roślin*. Główny wydaw. Christopher Brickell. Tłum. Henryk Chmiel, Małgorzata Świdzińska. Warszawa: Muza, 1993, ss. 608.

1994

- Amann Gottfried. *Rośliny runa: kieszonkowy atlas najciekawszych grzybów, porostów, mchów, paprotników, traw, ziół rosnących w lasach środkowej Europy wraz z opisem ich budowy i życia*. Tł. z jęz. niem. Stefan Łukomski. Seria Flora i Fauna Lasów. Warszawa: Multico Oficyna Wydawnicza, 1994, ss. 416.

- Atlas rozmieszczenia geograficznego mchów w Polsce. Z. 9 [= Atlas of the Geographical Distribution of Mosses in Poland]*. Red. Ryszard Ochyra, Piotr Szmajda. Oprac. Halina Bednarek-Ochyra, Ryszard Ochyra, Piotr Szmajda. Kraków: Instytut Botaniki im. W. Szafera PAN, 1994, ss. 69, [10] [tekst równoległy polski i przekład angielski].
- Buliński Michał. *Systematyczny przegląd flory roślin naczyniowych doliny Wierzyty i dolin jej trzech dopływów*. Gdańskie Towarzystwo Naukowe, Wydział II Nauk Medycznych i Biologicznych. Seria Acta Biologica, Societas Scientiarum Gedanensis, nr 9. Gdańsk: Gdańskie Towarzystwo Naukowe, cop. 1994, ss. 173, [1], k. złoż. [1].
- Fitzsimons Cecilia. *Drzewa i lasy: przewodnik po przyrodzie, panorama, słowniczek, poradnik*. Przeł. Bartosz Barański i Anna Dorota Kamińska. Seria Mały Atlas Przyrody. Warszawa: Oficyna „Panda”, cop. 1994, ss. 34, k. złoż. [1].
- Fitzsimons Cecilia. *Wybrzeża morskie: przewodnik po przyrodzie, panorama, słowniczek, poradnik*. Przeł. Bartosz Barański i Anna Dorota Kamińska. Seria Mały Atlas Przyrody. Warszawa: Oficyna „Panda”, cop. 1994, ss. 34, k. złoż. [1].
- Fitzsimons Cecilia. *Rzeki i stawy: przewodnik po przyrodzie, panorama, słowniczek, poradnik*. Przeł. Bartosz Barański i Anna Dorota Kamińska. Seria Mały Atlas Przyrody. Warszawa: Oficyna „Panda”, cop. 1994, ss. 34, k. złoż. [1].
- Heitz Halina. *Jak kwitną i owocują najpiękniejsze rośliny doniczkowe. Ilustrowany poradnik i encyklopedia dla miłośników roślin doniczkowych*. Przekł. Anna Kozłowska. Warszawa: Ars Polona, cop. 1994, ss. 239.
- Kardasz Piotr. *Rośliny hodowane od pestki*. Seria Kieszonkowa Encyklopedia, 26. Kieszonkowa Encyklopedia Praktycznej Uprawy Roślin Domowych. Katowice: Videograf, 1994, ss. 227, [1].
- Lippert Wolfgang, Podlech Dieter. *Kwiaty*. Tłum. Anna i Stanisław Kłosowscy. Red. Maria Paciorkiewicz. Seria Encyklopedia Kieszonkowa. Warszawa: Świat Książki, 1994, ss. 253 [Okł.: 400 kolorowych fotografii, 250 rysunków].
- Masternak Hanna, Wiech Kazimierz. *Jaki to szkodnik, jaka choroba: atlas chorób i szkodników najczęściej występujących na działkach*. Biblioteka Działkowca, Polski Związek Działkowców. Krajowa Rada w Warszawie, 52. Warszawa: KR PZD, 1994, ss. 136.
- Mautner Uli, Küllenberg Bernd. *Przyprawy ziołowe*. Seria Kieszonkowa Encyklopedia, 29. Kieszonkowa Encyklopedia Praktycznej Gospodyni. Katowice: Videograf, 1994, ss. 209, [6].
- Podlech Dieter. *Rośliny lecznicze*. Tłum. i oprac. Anna i Stanisław Kłosowscy. Seria Encyklopedia Kieszonkowa. Warszawa: Muza SA, 1994, ss. 253 [315 kolorowych zdjęć z natury].
- Rośliny*. Tekst: Fabienne Fustec. Współpraca Denis Larpin i Jean-Noel Labat. Il. Catherine Fichaux et al., pod kierunkiem Christiane Beylier. Z jęz. fr. tłum. Elżbieta Traczewska-Zych. Seria Encyklopedia Małolatka. Warszawa: Delta, 1994, ss. 125.
- Sarwa Andrzej J. *Mała encyklopedia doniczkowych roślin ozdobnych*. Tarnów: Karat, 1994, ss. 329.
- Sudnik-Wójcikowska Barbara, Moraczewski Ireneusz R. *Indices of Synanthropization of Flora in Polish Cities*. Seria Plant Cover in Towns. Warszawa: Muzeum i Instytut Zoologii PAN, 1994, s. 93–98.

Wielka encyklopedia ogrodnictwa. Red. Christopher Brickell. Tłum. i oprac. nauk. Aleksandra Łukaszewska, Ewa Cześniak. Warszawa: Muza, 1994, ss. 648 [na okł. podtyt.: praktyczny, szczegółowy przewodnik po technikach ogrodniczych, planowaniu i pielęgnacji ogrodu, uprawie roślin ozdobnych, sadowniczych i warzywnych].

1995

Atlas of the Marine flora of Southern Spitsbergen [= *Atlas flory morskiej południowego Spitsbergenu*]. Ed. by Romuald Z. Klekowski and Jan Marcin Węślawski. Gdańsk: Polish Academy of Sciences, Institute of Ecology, Institute of Oceanology, 1995, ss. 515, [1] [indeks; tekst równoległy polski, angielski, rosyjski].

Chlebowski Bolesław, Mynett Kazimierz. *Kwiaciarnictwo. Podręcznik dla techników ogrodniczych i policealnych studiów zawodowych*. Wyd. 7 popr. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Rolnicze i Leśne, 1995, ss. 335, [1] [zawiera wykaz łacińskich i polskich nazw rodzajów gatunków roślin].

Flora Polski. Rośliny naczyniowe. T. 15: *Obejmuje: Historię oraz Indeksy do tomów serii Flora Polska – Rośliny Naczyniowe Polski i Ziemi Ościennych oraz Flora Polski – Rośliny Naczyniowe*. Red. Zbigniew Mirek. Aut. Elżbieta Cieślak, Zbigniew Mirek, Wojciech Paul. Seria Flora Polski – rośliny naczyniowe, t. 15. Kraków: Instytut Botaniki – Polska Akademia Nauk, 1995, ss. 262 [zawiera indeksy nazw łacińskich i polskich roślin opisanych w t. 1–14].

Gibbons Bob, Brough Peter. *Atlas roślin Europy Północnej i Środkowej*. Przeł. z ang. Barbara Sudnik-Wójcikowska, Izabella Krężelewska. Warszawa: Multico, cop., 1995, ss. 336 [indeks].

Kardasz Piotr. *Rośliny domowe końca XX wieku*. Seria Kieszonkowa Encyklopedia, 41. Kieszonkowa Encyklopedia Praktycznej Uprawy Roślin Domowych, (41) 14/95. Katowice: Videograf, 1995, ss. 223, [1].

Köhler Piotr. *Zielnik Józefa Jundziłła*. Seria Polish Botanical Studies. Guidebook Series, no 13. Kraków: Polish Academy of Sciences. W. Szafer Institute of Botany, 1995, ss. 154, k. złoż. [1].

Lippert Wolfgang. *Rośliny alpejskie*. Red. Maria Paciorkiewicz. Tłum. i oprac. nauk. Anna i Stanisław Kłosowscy. Seria Encyklopedia Kieszonkowa. Warszawa: Muza, cop. 1995, ss. 254, [2].

Lippert / Podlech. *Rośliny śródziemnomorskie. Rozpoznawanie i oznaczanie roślin zielnych i krzewów*. Seria Encyklopedia kieszonkowa. Warszawa: Musa SA, 1995, ss. 253 [Indeks nazw łacińskich, s. 247–253].

Mirek Zbigniew et al. *Vascular plants of Poland. A checklist = Krytyczna lista roślin naczyniowych Polski*. Seria Polish Botanical Studies. Guidebook Series no. 15. Kraków: W. Szafer Institute of Botany – Polish Academy of Sciences, 1995, ss. 303 [indeks].

Mirek Zbigniew et al. Collab. Leszek Bernacki et al. *Vascular plants of Poland. A checklist = Krytyczna lista roślin naczyniowych Polski*. Seria Polish Botanical Studies. Guidebook Series no. 15. Kraków: W. Szafer Institute of Botany – Polish Academy of Sciences, 1995, ss. 308 + dyskieta.

- Polakowski Benon. *Rośliny chronione: atlas*. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 1995, ss. 185, [3].
- Rośliny*. Tł. z ang. Małgorzata Garbarczyk. Seria Ilustrowane Słowniki. Warszawa: Arkady, 1995, ss. 62. [2].
- Siemińska Jadwiga. *Index of Latin Names of Blue-Green Algae Taxa (Cyanophyta) Noted in Poland up to the Year 1980*. Seria Polish Botanical Studies. Guidebook Series no 17. Kraków: W. Szafer Institute of Botany, Polish Academy of Science, 1995, ss. 51 [tekst równoległy polski, angielski]
- Sugden Andrew. *Ilustrowany słownik botaniczny. Podstawy botaniki z ilustracjami i objaśnieniami*. Tł. Bronisław Wojtuń i Ludwik Żołnierz. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich – Wydawnictwo, 1995, ss. 200 [zawiera *Indeks terminów angielskich, Indeks terminów polskich*].

1996

- Cisowski Wojciech et al. *Atlas do ćwiczeń morfologiczno-anatomicznych z farmakognozji*. Akademia Medyczna w Gdańsku. Wyd. 2 popr. i uzup. Gdańsk: Akademia Medyczna, ss. VIII, 67 [uzupełnienie do *Skryptu do ćwiczeń morfologiczno-anatomicznych z farmakognozji*].
- Coombes Allen J. *Drzewa. Ilustrowany przewodnik obejmujący ponad 500 gatunków drzew z całego świata*. Fot. Matthew Ward. Tł. z ang. Izabela Krężelewska, Barbara Sudnik-Wójcikowska. Seria Kolekcjoner – Wiedza i Życie. Warszawa: Wiedza i Życie, cop. 1996, ss. 320 [indeks].
- Grau Jürke, Jung Reinhard, Münker Bertram. *Zioła i owoce leśne*. Przekł. [z niem.] i adaptacja Władysław Matuszkiewicz. Seria Leksykon Przyrodniczy. Warszawa: GeoCenter, 1996, ss. 287.
- Greenaway Theresa. *Drzewa*. Tł. z ang. Izabela Krężelewska, Barbara Sudnik-Wójcikowska. Seria Mini Encyklopedia. Warszawa: Muza, 1996, ss. 159, [1] [indeks].
- Konraś Jan, Medwecka-Konraś Anna, Towpasz Krystyna. *Rośliny naczyniowe Pogórza Ciężkowickiego (Karpaty Zachodnie) = Vascular plants of Pogórze Ciężkowickie (Western Carpathians)*. Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego. Prace Botaniczne, z. 28. Kraków: Instytut Botaniki UJ, 1996, ss. 170 [spisy].
- Larousse encyklopedia przyrody. Flora i fauna*. Tłum. z jęz. fr. i konsult. nauk. Anna Jerzmańska et al. Wrocław: Panteon, cop. 1996, ss. XXIV, 370, tabl. [56].
- Příbyl Jan. *Ozdobne rośliny pokojowe*. Il. Zdeněk Berger. Z jęz. franc. tł. Elżbieta Traczewska-Zych. Seria Leksykon Przyrody. Warszawa: Oficyna Wydawnicza Delta W-Z, [1996 ?], ss. 223, [1] [zawiera *Indeks nazw polskich i łacińskich*].
- Rejewski Marian. *Pochodzenie łacińskich nazw roślin polskich. Przewodnik botaniczny*. Warszawa: Książka i Wiedza, cop., 1996, ss. 170, [2].
- Słownik botaniczny*. Red. Alicja i Jerzy Szwejkowscy. Aut. not encyklopedycznych: Kazimierz Browicz et al. Wyd. 1, dodruk. Warszawa: Wiedza Powszechna, 1996, ss. 799, [1], [48] [indeks].
- Sugden Andrew. *Ilustrowany słownik botaniczny: podstawy botaniki z ilustracjami i objaśnieniami*. Przeł. Bronisław Wojtuń i Ludwik Żołnierz. Wrocław–Warszawa–Kraków: Zakład Narodowy im. Ossolińskich – Wydawnictwo, 1996, ss. 200 [zawiera *Indeks terminów angielskich*, s. 180–189, *Indeks terminów polskich*, s. 190–200].

- Urbisz Andrzej. *Flora naczyniowa Płaskowyżu Rybnickiego na tle antropogenicznych przemian tego obszaru*. Park Krajobrazowy „Cysterskie Kompozycje Krajobrazowe Rud Wielkich”. Seria Scripta Rudensia 6. Rudy Wielkie: Dyrekcja Parku Krajobrazowego „Cysterskie Kompozycje Krajobrazowe Rud Wielkich”, 1996, ss. 173, [1], s. tabl. [4].
- Wielka encyklopedia roślin*. Red. Christopher Brickell. Tłum. Henryk Chmiel, Małgorzata Świdzińska. Red. wersji pol. Bożena Zasieczna. Warszawa: Świat Książki, 1996, ss. 640.
- Wielka encyklopedia roślin*. Red. Christopher Brickell. Tłum. Henryk Chmiel, Małgorzata Świdzińska. The Royal Horticultural Society. Wyd. 2 nowe. Warszawa: Muza, 1996, ss. 640.
- Zakładanie ogrodu*. Tłum. Małgorzata Świdzińska. Red. Bożena Zasieczna. Seria Encyklopedia Kieszonkowa. Warszawa: Muza, 1996, ss. 224.

1997

- Amann Gottfried. *Rośliny runa: kieszonkowy atlas najciekawszych grzybów, porostów, mchów, paprotników, traw i ziół rosnących w lasach środkowej Europy wraz z opisem ich budowy i życia*. Tł. z jęz. niem. Stefan Łukomski. Seria Flora i Fauna Lasów. Warszawa: Multico, 1997, ss. 416.
- Atlas rozmieszczenia roślin naczyniowych chronionych w Polsce [= Distribution Atlas of Vascular Plants Protected in Poland]*. Red. Adam Zajęc, Maria Zajęc. Aut. opracowań regionalnych Marian Ciaciura et al. Kraków: Pracownia Chorologii Komputerowej Instytutu Botaniki Uniwersytetu Jagiellońskiego, 1997, ss. 99, [1] [przedmowa, wstęp i omówienie gatunków również angielskich].
- Kupidłowska Ewa, Sudnik-Wójcikowska Barbara, *Słownik Szkolny. Terminy i pojęcia botaniczne*. Seria Słownik Szkolny. Warszawa: Wydawnictwa Szkolne i Pedagogiczne, 1997, ss. 254, [2].
- McIntyre Anne. *Apteczka babuni w pospolitych dolegliwościach*. Z ang. przeł. Joanna Figlewska. Warszawa: Świat Książki – Delta, 1997, ss. 95 [spisy].
- Ohnesorge Gerd, Scheiba Bernd, Uhlenhaut Karl. *Ślady i tropy zwierząt: kieszonkowy atlas*. Tł. z jęz. niem. Barbara Żybura. Seria Flora i Fauna Lasów. Warszawa: Multico, cop. 1997, ss. 352.
- Piotrowska Hanna, Żukowski Waldemar, Jackowiak Bogdan. *Rośliny naczyniowe Słowińskiego Parku Narodowego*. Prace Zakładu Taksonomii Roślin Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza w Poznaniu, nr 6. Poznań: Bogucki – Wydawnictwo Naukowe, 1997, ss. 216, mapy [spisy].
- Podbielkowski Zbigniew. *Szata roślinna Ziemi*. Seria Wielka encyklopedia geografii świata, t. 7. Poznań: Kurpisz, cop. 1997, ss. VI, [2], 359.
- Podlech Dieter. *Rośliny lecznicze*. Tłum. i oprac.nauk. Anna Kłosowska, Stanisław Kłosowski. Seria Encyklopedia Kieszonkowa. Wyd. 3. Warszawa: Muza, 1997, ss. 254.
- Rostański Krzysztof et al. *Drzewa i krzewy Katowic wraz z kluczem do ich oznaczania*. Seria Flora i Fauna Katowic. Wyd. 2. Krzeszowice: Planta: na zlec. Zarządu Miasta Katowice, 1997, ss. 64.

1998

- Atlas rozmieszczenia roślin naczyniowych w woj. krakowskim. Gatunki prawnie chronione, ginące, narażone i rzadkie = Distribution Atlas of Vascular Plants in Cracow Province. Legally Protected, Endangered, Vulnerable and Rare Species.* Red. Maria Zajac i Adam Zajac. Aut. Waclaw Bartoszek et al. Kraków: Pracownia Chorologii Komputerowej Instytutu Botaniki Uniwersytetu Jagiellońskiego, 1998, ss. 134 [tekst równoległy polski, angielski].
- Dajdok Zygmunt et al. *Atlas rozmieszczenia roślin naczyniowych prawnie chronionych w województwie opolskim = Distribution Atlas of Legally Protected Vascular Plants in Opole Province.* Opole: Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego, 1998, ss. 278, [1] [tekst równoległy polski, angielski].
- Dajdok Zygmunt et al. *Atlas rozmieszczenia rzadkich roślin naczyniowych w województwie opolskim = Distribution Atlas of Rare Vascular Plants in Opole Province.* Opole: Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego, 1998, ss. 204, [1] [tekst równoległy polski, angielski].
- Fiedorow Zofia, Weber Zbigniew. *Choroby roślin uprawnych.* Poznań: Wydawnictwo Medix Plus H. Mikołajczak, cop. 1998, ss. 171, [1] [atlas zawiera wykaz fungicydów stosowanych do zwalczania chorób].
- Katalog zbiorów zielnika Muzeum Przyrodniczego Uniwersytetu Wrocławskiego = Catalogus plantarum, quae in Herbario Musei Historiae Naturalis Universitatis Wratislaviensis asservantur. 16, Bryophyta.* Cz. 5. Oprac. Wanda Stojanowska. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego, 1998, ss. 15.
- Katalog zbiorów zielnika Muzeum Przyrodniczego Uniwersytetu Wrocławskiego = Catalogus plantarum, quae in Herbario Musei Historiae Naturalis Universitatis Wratislaviensis asservantur. 15, Myxophyta.* Cz. 2. Oprac. Wanda Stojanowska. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego, 1998, ss. 23.
- Krause Joanna, Lisiecka Anna. *Kwiaty jednoroczne: [atlas].* Poznań: Medix Plus, cop. 1998, ss. 162, [6] [literatura uzupełniająca w nauczaniu przedmiotu „rośliny ozdobne” dla nauczycieli i uczniów szkół ogrodniczych oraz studentów szkół wyższych].
- Lippert / Podlech. *Rośliny śródziemnomorskie. Rozpoznawanie i oznaczanie roślin zielnych i krzewów.* Seria Encyklopedia Kieszonkowa. Wyd. 2. Warszawa: Muza SA, 1998, ss. 253 [Indeks nazw łacińskich, s. 247–253].
- Podlech Dieter. *Rośliny lecznicze.* Tłum. i oprac. nauk. Anna i Stanisław Kłosowscy. Seria Encyklopedia Kieszonkowa. Wyd. 4. Warszawa: Muza SA, 1998, ss. 253.
- Mandecka Maria, Mirek Zbigniew, Paul Wojciech. *Polish Exsiccata of Vascular Plants. Index of Taxa and Bibliography = Wydawnictwa zielnikowe Polski.* Seria Polish Botanical Studies. Guidebook Series no 19. Kraków: W. Szafer Inst. of Botany. Polish Academy of Sciences, cop., 1998, ss. 219.
- Münker Bertram. *Kwiaty polne i leśne.* Przekł. z niem. Jadwiga Kozłowska. Seria Leksykon Przyrodniczy. Warszawa: Świat Książki, 1998, ss. 288.
- Pajor Wiktor Janusz. *Mała encyklopedia przypraw, smaków i ziołolecznictwa.* Kraków: Wydawnictwo Tempus Plus, 1998, ss. 206.
- Pick Józef. *W świecie Biblii – flora. Niemi świadkowie chwały Boga. Leksykon roślin w Biblii.* Pelpin: Bernardinum, 1998, ss. 183.

- Reichholf Josef. *Tereny wilgotne*. Przekł. Barbara Ostrowska. Seria Leksykon Przyrodniczy. Warszawa: Świat Książki, 1998, ss. 222.
- Rogowska Ewa. *Kaszubskie nazwy roślin uprawnych*. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 1998, ss. 195 [s. 11–152: *Słownik nazw*; zawiera 586 nazw 132 roślin wraz z odpowiednikami łacińskimi i niemieckimi; *Indeks kaszubskich nazw roślin*, *Indeks polskich nazw roślin*].
- Rośliny kwiatowe. 1.* Red. Anna Masternak. Tłum. Marian Rejewski, Tomasz Waszak. Seria Wielka Encyklopedia Przyrody. Warszawa: Muza, 1998, ss. 496.
- Rośliny kwiatowe. 2.* Red. Małgorzata Świdzińska. Tłum. Waldemar Fortuna, Dorota Metera, Tomasz Waszak. Seria Wielka Encyklopedia Przyrody. Warszawa: Muza, 1998, ss. 568.

1999

- Atlas of the Geographical Distribution of Lichens in Poland*, Pt. 2 [= *Atlas rozmieszczenia geograficznego porostów w Polsce*]. Ed. by Stanisław Cieśliński, Wiesław Fałtynowicz. Kraków: W. Szafer Institute of Botany of the Polish Academy of Sciences, 1999, ss. 58, [5] [tekst równoległy angielski, polski].
- Bown Deni. *Wielka encyklopedia ziół*. Tłum. Małgorzata Świdzińska. Warszawa: Muza, 1999, ss. 423, [1] [na okł.: *Ponad 1000 roślin, 1500 fotografii. Rzetelne źródło informacji*].
- Chinery Michael. *Rośliny i zwierzęta w ogrodzie*. Tłum. i konsultacja nauk. Grażyna Winiarska, Ewa Siedlar, Barbara Sudnik-Wójcikowska. Seria Encyklopedia Kieszonkowa. Warszawa: Muza, 1999, ss. 250, [6].
- Coombes Allen J. *Drzewa. Ilustrowany przewodnik obejmujący ponad 500 gatunków drzew z całego świata*. Fot. Matthew Ward. Tł. z ang. Izabela Krężelewska, Barbara Sudnik-Wójcikowska. Seria Kolekcjoner – Wiedza i Życie, Warszawa: Wiedza i Życie, cop. 1999, ss. 320 [indeks].
- Encyklopedia przyrody*. Tłum. Bartosz Baranowski et al. Red. Ewa Dedo, Zofia Siewak-Sojka. [Bielsko-Biała]: Pascal, cop. 1999, ss. 304, mapy.
- Flora A–Z*. Wybór i oprac. haseł Jerzy Marchewka. Biblioteczka Szaradzysty, t. 5. Toruń: Wydawnictwo Teresa i Jerzy Marchewka, 1999, ss. 204.
- Masternak Hanna. *Zagrażają roślinom w domu, na balkonie, w ogródku: atlas chorób i szkodników*. Warszawa: Oficyna Wydawnicza „Hoża”, 1999, ss. 156, [2].
- Mikołajczyk Krystyna, Wierzbicki Adam. *Zioła źródłem zdrowia [leksykon]*. Warszawa: Oficyna Wydawniczo-Poligraficzna „Adam”, 1999, ss. 448, XVI.
- Nawara Zbigniew, Sendeczek Paweł. *Rośliny chronione w Polsce*. Seria Encyklopedia Kieszonkowa. Warszawa: Muza, 1999, ss. 207, [1].
- Nowak Teresa. *Atlas rozmieszczenia roślin naczyniowych na terenie wschodniej części Garbu Tarnogórskiego (Wyżyna Śląska (= Atlas of vascular plants distribution of the eastern part of Tarnogórski Hump (Silesian Upland))*. Seria Materiały, Opracowania, Centrum Dziedzictwa Przyrody Górnego Śląsk, t. 2. Katowice: Centrum Dziedzictwa Przyrody Górnego Śląska, 1999, ss. 103.
- Ochyra Ryszard, Cisło Grażyna. *Mchy w zielniku Tytusa Chałubińskiego w Muzeum Tatrzańskim w Zakopanem = The moss herbarium of Tytus Chałubiński in the Tatra Museum in Zakopane*. Seria Polish Botanical Studies. Guidebook Series, no 22.

- Zakopane: Muzeum Tatrzańskie im. Dra Tytusa Chałubińskiego – Kraków: Polska Akademia Nauk. Instytut Botaniki im. W. Szafera, 1999, ss. 178.
- Ody Penelope. *Wielki zielnik medyczny*. Przekł. i konsultacja Halina Piękoś-Mirek, Zbigniew Mirek. Przekł. Barbara Sobiewska. Bielsko-Biała: Wydawnictwo „Debit”, cop. 1999, ss. 192 [na okł. podtyt.: *praktyczny przewodnik po roślinach leczniczych wraz ze sposobami usuwania powszechnie znanych dolegliwości*].
- Reichholf Josef. *Morza i wybrzeża: flora, fauna i zagrożenia ekologiczne*. Przekł. z niem. Anna Ambroziak. Seria Leksykon Przyrodniczy. Warszawa: Świat Książki, cop. 1999, ss. 222, [1].
- Reichholf Josef. *Żyją wśród nas: fauna i flora osiedli ludzkich*. Przekł. z niem. Zbigniew Woliński. Seria Leksykon Przyrodniczy. Warszawa: Świat Książki, cop. 1999, ss. 222, [1].
- Sugden Andrew. *Ilustrowany słownik botaniczny: podstawy botaniki z ilustracjami i objaśnieniami*. Tł. Bronisław Wojtuń i Ludwik Żołnierz. Dodruk Wrocław–Warszawa–Kraków: Zakład narodowy im. Ossilińskich – Wydawnictwo, 1999, ss. 200 [zawiera *Indeks terminów angielskich*, s. 180–189, *Indeks terminów polskich*, s. 190–200].
- Tokarska-Guzik Barbara. *Atlas rozmieszczenia roślin naczyniowych w Jaworznie (Wyżyna Śląska) = Atlas of vascular plants distribution in Jaworzno town (Silesian Upland)*. Seria Prace Botaniczne, Instytut Botaniki Uniwersytetu Jagiellońskiego, t. 34. Kraków: Instytut Botaniki Uniwersytetu Jagiellońskiego, 1999, ss. 292.
- Ważbińska Jadwiga, Puczel Urszula. *Ćwiczenia z roślin ozdobnych*. Cz. 1: *Rośliny jednoroczne i dwuletnie*. Uniwersytet Warmińsko-Mazurski w Olsztynie (Akademia Rolniczo-Techniczna im. Michała Oczapowskiego w Olsztynie). Olsztyn: Wydawnictwo Akademii Rolniczo-Technicznej im. Michała Oczapowskiego, 1999, ss. 118, [2] [indeksy].
- Wielka encyklopedia roślin ogrodowych od A do Z*. Red. wyd. Christopher Brickell. Tłum.: Ewa Bieńkowska-Mochtak et al. Warszawa: Muza, 1999, ss. 1080, [2] [Na okł.: *Ponad 15000 roślin ozdobnych, 6000 fotografii. Rzetelne źródło informacji*].

2000

- Dubiel Eugeniusz, Gawroński Stefan, Grzegorzek Piotr. *Atlas roślin chronionych, rzadkich i ginących gminy Chrzanów*. Chrzanów: Urząd Miejski, 2000, ss. 107.
- Encyklopedia zielarstwa i ziołolecznictwa*. Red. Halina Strzelecka i Józef Kowalski. Aut. Waldemar Buchwald et al. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2000, ss. 645 [Książka wydana dzięki pomocy finansowej Poznańskich Zakładów Zielarskich HERBAPOL S.A.].
- Mirkowie Halina i Zbigniew. *Rośliny gór polskich*. Fot. Ewa i Marek Zarębscy. Seria Encyklopedia Kieszonkowa. Warszawa: Muza, 2000, ss. 247, mapy.
- Nowak Barbara. *Leksykon roślin ozdobnych i użytkowych*. Fot. Tadeusz Mazurek. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Wiedza Powszechna, 2000, ss. 294, [1].
- Pastok Paweł. *Kompendium leków naturalnych: zioła pojedyncze, mieszanki ziołowe, wyciągi ziołowe, leki ziołowe złożone, leki homeopatyczne*. Seria Biblioteka „Lek w Polsce”, Warszawa: Medyk, 2000, ss. [6], XIV, [2], 466.

- Phillips Sue et al. *Encyklopedia roślin ogrodowych w pojemnikach [zastosowanie skrzynek, doniczek, korytek, koszyków]*. Fot. Neil Sutherland. Przekł. z jęz. ang. Elżbieta Traczewska-Zych. Warszawa: Oficyna Wydawnicza Delta W-Z, [ca 2000], ss. 348.
- Rośliny pokojowe. Ilustrowana encyklopedia*. Tekst Anna Skalická. Fot. Rudolf Šubík. Z jęz. fr. przeł. Helena Terpińska-Ostrowska i Elżbieta Traczewska-Zych. Warszawa: Delta, [ca 2000], ss. 255 [278 ilustracji].
- Zielnik x. Jana Twardowskiego*. Zdj. Robert Baś et al. Warszawa: Bronowski Studio, cop. 2000, ss. 63, [1].

2001

- Atlas rozmieszczenia roślin naczyniowych w Polsce = Distribution Atlas of Vascular Plants in Poland*. Red. Adam Zając, Maria Zając. Aut. Edward Bróz et al. Przedm. Romuald Olaczek. Przeł. Roman Tertil. Kraków: nakł. Pracowni Chorologii Komputerowej Instytutu Botaniki Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2001, ss. XII, 714, [2] [tekst równoległy polski, angielski].
- Atlas skamieniałości przewodnich i charakterystycznych. Cz. 1c. Z. 2: Młodszy paleozoik, karbon, flora*. Red. nauk. Maria Pajchłowa. Aut. Bolesław Brzyski et al. Państwowy Instytut Geologiczny. Seria Budowa geologiczna Polski, t. 3. Warszawa: Państwowy Instytut Geologiczny, 2001, ss. [5] 534–928, ss. 182–310, tabl.
- Atlas skamieniałości przewodnich i charakterystycznych. Cz. 1c. Z. 3: Młodszy paleozoik, perm.* Red. nauk. Maria Pajchłowa i Ryszard Wagner. Aut. Andrzej Boczarowski et al. Państwowy Instytut Geologiczny. Seria Budowa geologiczna Polski, t. 3. Warszawa: Państwowy Instytut Geologiczny, 2001, ss. 224, ss. tabl. 72, k. złoż. [1], mapy.
- Cabała Stanisław et al. *Przyroda Międzyrzecza Warty i Widawki*. Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, 2001, ss. 299, [1], mapa [zawiera spisy].
- Del Moro Maria Antonietta. *Rośliny*. Tłum. Dagmara Spólniak. Seria Na ścieżkach wiedzy: encyklopedia edukacyjna. Red. serii pol. Anna Kędziorek, 10. Warszawa: Dom Wydawniczy Bellona, cop. 2001, ss. 94.
- Drobný Igor, Osvald Zdeněk. *Leksykon kwiatów letnich*. Tłum. z jęz. słowac. Małgorzata Garbarczyk. Warszawa: Klub dla Ciebie, 2001, ss. 96.
- Encyklopedia przyrody. Fauna i flora Europy*. Tłum. Marta Chudzicka et al. Wyd. 2. Warszawa: Muza 2001, ss. 384, mapy.
- Encyklopedia roślin ogrodowych od A do Z*. Projekt i red. Ernő Zelter. Aut. Andreas Bärtels et al. Z niem. przeł. Krzysztof Żak. Warszawa: Świat Książki – Grupa Wydawnicza Bertelsmann, 2001, ss. 1149, [1].
- Faliński Janusz B. *Atlas fitofenologiczny zbiorowisk i gatunków leśnych Białowieskiego Parku Narodowego = Phytocenological Atlas of the Forest Communities and Species of Białowieża National Park*. Phytocoenosis, Archivum Geobotanicum, 8. Białowieża Stacja Geobotaniczna Uniwersytetu Warszawskiego. Warszawa–Białowieża 2001, ss. 176, k. [1] [indeks; tekst równoległy polski, angielski].
- Flora: anagramy, homonimy, synonimy*. Wybór i oprac. haseł Jerzy Marchewka. Indeks Teresa Marchewka. Toruń: Wydawnictwo Teresa i Jerzy Marchewka, cop. 2001, ss. 64.
- Jędrzejko Krzysztof. *Medicinal Plants and Herbal Materials in Use in Poland. A Check List = Wykaz roślin i surowców leczniczych stosowanych w Polsce*. Katowice: Śląska

- Akademia Medyczna, cop., 2001, ss. 393 [indeks; tekst równoległy polski, angielski].
- Kucharczyk Marek. *Distribution atlas of vascular plants in the Middle Vistula river valley*. Lublin: Maria Curie-Skłodowska University Press, 2001, ss. 395.
- Kwiaty. Rozpoznać – podziwiać – chronić*. Tekst Robert Hofrichter. Konsultacja niem. Bruno P. Kremer. Tłum. i adapt. Ewa Turyn, Barbara Urbańska. Seria Praktyczny Leksykon Przyrody. Warszawa: Klub dla Ciebie, 2001, ss. 191, [1].
- Lepert Rajmund, Turyn Ewa. *Słownik roślin i zwierząt. Nazewnictwo polskie, łacińskie, francuskie*. Wyd. 1. Warszawa: Wiedza Powszechna, 2001, ss. 530 [40 000 nazw roślin i zwierząt; indeksy: polski – 14 000 nazw, francuski – 14 000 nazw, łaciński – 12 000 terminów].
- Olech Maria. *Annotated checklist of Antarctic lichens and lichenicolous fungi*. Institute of Botany of the Jagiellonian University. Kraków 2001, ss. 145.
- Podręczny leksykon przyrody polskiej*. Tekst i il. Robert Dzwonkowski. Warszawa: Wydawnictwo RTW, 2001, ss. 274, [4] [tyt. okł.: *Leksykon – przyroda polska*].
- Rośliny Alp. Rozpoznać – podziwiać – chronić*. Tekst: Wolfgang Hensel. Konsultacja niem. Bruno P. Kremer. Tłum. i adapt. Barbara Zych. Seria Praktyczny Leksykon Przyrody. Warszawa: Klub dla Ciebie, 2001, ss. 191, [1].
- Rośliny i zwierzęta*. Przekł. z jęz. ang. Piotr Nowak. Red. wyd. pol. Beata Maria Mizerska. Seria Nowy leksykon szkolny. Warszawa: Delta – Hubert, [ca 2001], ss. 127, [1].
- Rośliny i zwierzęta*. Przekł. z jęz. fr. Elżbieta Traczewska-Zych, Małgorzata i Izabela Szmurło. Red. Donata Łuszczewska. Seria Encyklopedia Szkolna Larousse. Warszawa: Delta W-Z, [ca 2001], ss. 103, [1].
- Sarwa Andrzej. *Wielki leksykon roślin leczniczych*. Warszawa: Książka i Wiedza, cop. 2001, ss. 444, [1].
- Urbisz Alina. *Atlas rozmieszczenia roślin naczyniowych południowo-zachodniej części Wyżyny Katowickiej*. Prace Naukowe Uniwersytetu Śląskiego w Katowicach, nr 1944. Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, 2001, ss. 234, [1], [8].
- Ważbińska Jadwiga, Puczel Urszula. *Ćwiczenia z roślin ozdobnych. Cz. 2: Byliny*. Olsztyn: Wydawnictwo Uniwersytetu Warmińsko-Mazurskiego, 2001, ss. 195 [skorowidz dotyczący bylin].
- Ważbińska Jadwiga, Puczel Urszula. *Ćwiczenia z roślin ozdobnych. Cz. 3: Rośliny doniczkowe*. Olsztyn: Wydawnictwo Uniwersytetu Warmińsko-Mazurskiego, 2001, ss. 133 [skorowidz dotyczący doniczkowych roślin ozdobnych].
- Wielka encyklopedia roślin*. Red. nac. Christopher Brickell. Tłum. Henryk Chmiel, Małgorzata Świdzińska. Red. wersji pol. Bożena Zasieczna. Nowe [3] wyd. Warszawa: Muza, 2001, ss. 640.
- Zioła. Rozpoznać – podziwiać – chronić*. Tekst Wolfgang Hensel. Konsultacja nauk. Bruno P. Kremer. Przekł. i adaptacja Ewa Turyn i Barbara Urbańska. Seria Praktyczny Leksykon Przyrody. Warszawa: Klub dla Ciebie, 2001, ss. 191, [1] [230 gatunków ziół na 400 kolorowych zdjęciach].

2002

- Adamowski Wojciech, Ljudmila Dvorak, Ramanjuk Igar. *Atlas of Alien Woody Species of the Białowieża Primaeval Forest = Atlas obcych gatunków drzewiastych Puszczy*

- Białowieskiej* = *Атлас інішаземных дрэвавых відаў Беларэжскай Пушчы*. Phytocoenosis, Supplementum Cartographiae Geobotanicae, 14. Białowieska Stacja Geobotaniczna Uniwersytetu Warszawskiego. Warszawa–Białowieża 2002, ss. 303, [12] [indeks; tekst w językach: angielskim, polskim, białoruskim].
- Anioł-Kwiatkowska Jadwiga et al. *Czerwona księga roślin województwa opolskiego: rośliny naczyniowe, wymarłe, zagrożone i rzadkie*. Red. Arkadiusz Nowak, Krzysztof Spałek. Opolskie Towarzystwo Przyjaciół Nauk. Seria Wydawnicza „Przyroda Opolska”. Opole: Śląskie Wydawnictwo „Adan”, 2002, ss. 158, [2] [indeksy].
- Atlas of the Geographical Distribution of Lichens in Poland*. Pt. 3 = *Atlas rozmieszczenia geograficznego porostów w Polsce*. Ed. by Urszula Bielczyk, Stanisław Cieśliński, Wiesław Fałtynowicz. Kraków: W. Szafer Institute of Botany of the Polish Academy of Sciences, 2002, ss. 114 [tekst równoległy polski, angielski].
- Czerwona księga roślin województwa opolskiego. Rośliny naczyniowe, wymarłe, zagrożone i rzadkie*. Red. Arkadiusz Nowak, Krzysztof Spałek. Aut. Jadwiga Anioł-Kwiatkowska et al. Opolskie Towarzystwo Przyjaciół Nauk. Seria Wydawnicza „Przyroda Opolska”. Opole: Śląskie Wydawnictwo „Adan”, 2002, ss. 158, [2] [indeksy].
- Della Beffa Maria Teresa. *Rośliny górskie*. Z niem. przeł. Jadwiga Kozłowska. Il. Annalisa i Marina Durante. Seria Podręczny Leksykon Przyrodniczy. Warszawa: Horyzont – Grupa Wydawnicza Bertelsmann Media, 2002, ss. 223.
- Głowkin Borys N., Minin Aleksander A. *Atlas żywej przyrody*. Oprac. wersji pol. Grzegorz Wójcik. Il. A. A. Borysow et al. Zielona Góra: Wydawnictwo Elżbieta Jarmołkiewicz, cop. 2002, ss. 71, [1], mapy.
- Griffith Henry Winter. *Wielki leksykon witamin, ziół, składników mineralnych i suplementów*. Przekł. Stanisława Procyk. Seria Encyklopedyczne Poradniki Medyczne. Warszawa: Amber, cop. 2002, ss. 558, [2].
- Krause Joanna. *Kwiaty cebulowe*. Warszawa: Wydawnictwo „Działkowiec”, cop. 2002, ss. 175, [1], fot. [Skorowidz nazw polskich].
- Mirek Zbigniew et al. *Flowering plants and pteridophytes of Poland. A checklist = Krytyczna lista roślin naczyniowych Polski*. Seria Biodiversity of Poland = Różnorodność biologiczna Polski, vol. 1, Kraków: W. Szafer Institut of Botany, Polish Academy of Sciences, 2002, ss. 442 [lista gatunków równoległe w języku łacińskim i polskim].
- Motyka-Zgłobicka Maria, Zgłobicki Wojciech. *Atlas typów nomenklatorycznych rodziny Lecanoraceae z herbarium LBL – L = Atlas of Nomenclature Types of Lecanoraceae Family, Herbarium LBL – L*. Seria Porosty (Lichenes), Rodzina Lecanoraceae, J. Motyka, t. 5. Lublin: Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2002, ss. [86] [tekst angielski i polski, indeks i podpisy ilustracji w języku łacińskim].
- Poljsko-srpskohrvatski rečnik biljaka sa srpskohrvatsko-poljskim indeksom = Polsko-serbskochohwacki słownik roślin z indeksem serbskochohwacko-polskim*. Ułożył Dušan-Vladislav Paždjerski. Gdańsk: Wydawnictwo GP Art. Zaspas, 2002, ss. 194.
- Rohwer Jens G. *Atlas roślin tropikalnych*. Z niem. przeł. Małgorzata Świdzińska. Warszawa: Horyzont – Grupa Wydawnicza Bertelsmann Media, 2002, ss. 285, [2].
- Rośliny Wzgórz Dalkowskich*. Cz. 1 = *Plantae Wzgórz Dalkowskie*. P. 1. Oprac. Edward Koziół i Halina Charytonowicz. Uniwersytet Wrocławski. Muzeum Przyrodnicze.

Seria Zielnik roślin naczyniowych Śląska, z. 58. Wrocław: Uniwersytet Wrocławski, 2002, ss. 10.

Twardowski Jan. *Zielnik [68 roślin i ziół o wielkim działaniu wraz z opisem]*. Izabelin-Warszawa: Rosikon Press, cop. 2002, ss. 164, [4].

Ważyńska Jadwiga, Kawecki Zdzisław. *Drzewa i krzewy iglaste*. Olsztyn: Wydawnictwo Uniwersytetu Warmińsko-Mazurskiego, 2002, ss. 152 [indeks].

Zarzycki Kazimierz et al. *Ecological indicator values of vascular plants of Poland = Ekologiczne liczby wskaźnikowe roślin naczyniowych Polski*. Seria Biodiversity of Poland = Różnorodność biologiczna Polski, vol. 2. Kraków: W. Szafer Institute of Botany, Polish Academy of Sciences, 2002, ss. 183, k. luź. [1] [*Skorowidz łacińsko-polski i polsko-łaciński*].

2003

Anioł-Kwiatkowska Jadwiga. *Wielojęzyczny słownik florystyczny polsko-łacińsko-angielsko-francusko-niemiecki*. Acta Universitatis Wratislaviensis, nr 2577. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 2003, ss. 691, [2] [na okł.: *Słownik zawiera ponad 6000 haseł w językach: polskim, łacińskim, angielskim, francuskim i niemieckim*].

Cieśliński Stanisław. *Atlas rozmieszczenia porostów (Lichenes) w Polsce Północno-Wschodniej = Distribution Atlas of Lichens (Lichenes) in North-Eastern Poland*. Phytocoenosis, Supplementum Cartographiae Geobotanicae, 15. Warszawa-Białowieża: Białowieska Stacja Geobotaniczna Uniwersytetu Warszawskiego, 2003, ss. 430 [indeks], [napisy pod ilustracjami polskie, angielskie].

Drobný Igor, Osvald Zdeněk. *Leksykon kwiatów letnich*. Tł. z jęz. słowac. Małgorzata Garbarczyk. Warszawa: Klub dla Ciebie, 2003, ss. 96.

Drozdowicz Anna et al. *Myxomycetes of Poland – a checklist = Krytyczna lista śluzowców Polski*. Seria Biodiversity of Poland, vol. 10. Kraków: W. Szafer Institute of Botany, Polish Academy of Sciences, 2003, ss. 103, [1] [nazwy śluzowców łacińskie i polskie; tekst równoległy angielski i polski].

Dubiel Eugeniusz. *Rośliny naczyniowe Puszczy Niepołomickiej = Vascular plants of the Niepołomice Forest*. Prace Botaniczne, Instytut Botaniki Uniwersytetu Jagiellońskiego, 37. Kraków: Instytut Botaniki Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2003, ss. 313.

Fałtynowicz Wiesław. *The lichens, lichenicolous and allied fungi of Poland – an annotated checklist = Krytyczna lista porostów i grzybów naporostowych Polski*, seria Biodiversity of Poland = Różnorodność Biologiczna Polski, vol. 6. Kraków: W. Szafer Institute of Botany, Polish Academy of Sciences, 2003, ss. 435 [indeksy].

Lewkowicz-Mosiej Teresa. *Leksykon roślin leczniczych*. Warszawa: Świat Książki, cop. 2003, ss. 368, ss. tabl. [32].

Lista gatunków roślin naczyniowych Biebrzańskiego Parku Narodowego i Kotliny Biebrzańskiej = List of vascular plants of the Biebrza National Park and the Biebrza Valley = Gattungsliste Gefäßpflanzen von Biebrza National Park und Biebrza Tal. Red. Cezary Werpachowski. Współpr. Grzegorz Wroceński. Goniądz: Biebrzański Park Narodowy, 2003, ss. 99 [na okł.: *10 lat Biebrzańskiego Parku Narodowego*].

Lutowski Jerzy. *Ziołolecznictwo. Tradycja i przyszłość*. Biblioteka Zdrowego Człowieka, t. 5. Gdańsk: Tower Press, 2003, ss. 144 [zawiera spisy].

- Łukasiewicz Aleksander. *Rośliny okrywowe*. Poznań: Państwowe Wydawnictwa Rolnicze i Leśne. Oddział, cop. 2003, s. 142 [alfabetyczny spis roślin].
- Marosz Adam. *Ogród skalny*. Warszawa: Wydawnictwo „Działkowiec”, 2003, ss. 107, [1] [*Skorowidz nazw polskich; Skorowidz nazw łacińskich*].
- Piękoś-Mirkowa Halina, Mirek Zbigniew. *Atlas roślin chronionych*. Seria Flora Polski. Warszawa: Multico Oficyna Wydawnicza, 2003, ss. 584 [zawiera *Indeks nazw polskich i łacińskich*].
- Rośliny lecznicze w weterynarii i zootechnice*. Red. nauk. Ała Sadowska. Aut. Ała Sadowska et al. Warszawa: Wydawnictwo SGGW, 2003, ss. 310 [*Słownik terminów specjalistycznych, skorowidz*].
- Sciama Yves. *Mały atlas gatunków zagrożonych*. Tłum. z jęz. fr. Agnieszka Marcoń. Seria Mała Encyklopedia Larousse. Wrocław: Larousse Polska, cop. 2003, ss. 128, mapy.
- Słownik botaniczny*. Red. nauk. Alicja i Jerzy Szwejkowscy. Aut. not encyklopedycznych: Stanisław Balcerkiewicz et al. Wyd. 2 zm. i uzupeł. Warszawa: Wiedza Powszechna, 2003, ss. 1136 [zawiera *Skorowidz nazw polskich i łacińskich*].
- Szczepanowicz Barbara. *Atlas roślin biblijnych: pochodzenie, miejsce w Biblii i symbolika*. Kraków: Wydawnictwo WAM, 2003, ss. 270.
- Wielka encyklopedia roślin pokojowych. Ponad 1500 roślin, 250 pomysłów dekoracji. [Pomysły dla każdego wnętrza]*. Red. Patrick Mioulane. Z jęz. fr. przeł. Elżbieta Traczewska-Zych. Red. wyd. pol. Donata Łuszczewska. [S.l.]: Oficyna Wydawnicza Delta W-Z, [2003], ss. 511 [*Słowniczek terminów fachowych, indeks polskich i łacińskich nazw roślin*].
- Wojewoda Władysław. *Checklist of Polish larger Basidiomycetes = Krytyczna lista wielkoowocnikowych grzybów podstawkowych Polski*. Seria Biodiversity of Poland = Różnorodność Biologiczna Polski, vol. 7. Kraków: W. Szafer Institute of Botan. Polish Academy of Sciences, 2003, ss. 812 [indeks].
- Wołkowycki Dan. *Atlas rozmieszczenia roślin naczyniowych w Bielsku Podlaskim (stan na lata 1996–1997)*. Phytocoenosis, Supplementum Cartographiae Geobotanicae, 17. Warszawa–Białowieża: Białowieska Stacja Geobotaniczna Uniwersytetu Warszawskiego, 2003, ss. 128 [indeks; napisy pod ilustracjami polskie, angielskie].
- Wójciak Hanna. *Porosty, mszaki, paprotniki*. Seria Flora Polski. Warszawa: Multico, 2003, ss. 368 [*Indeks nazw polskich i łacińskich*].
- Zagrożenie porostów w Polsce = The threat to lichens in Poland*. Red. Krystyna Czyżewska. Seria Monographiae Botanicae, vol. 91. Łódź: Polskie Towarzystwo Botaniczne, 2003, ss. 248, [1].
- Zielnik dla każdego czyli opis ziół wykorzystywanych w leczeniu domowym wraz z praktycznym zastosowaniem (napary, wywary i wyciągi zdrowotne)*. Zebrali i oprac. Jan Rogala oraz Robert Maciej. Warszawa: Baobab, 2003, ss. 175, [1] [spis chorób i wykaz ziół leczniczych].

2004

- Altmann Horst. *Atlas trujących roślin i jadowitych zwierząt*. Z niem. przeł. Aldona Zaniewska i Henryk Garbarczyk. Warszawa: Świat Książki, 2004, ss. 159.

- Ardley Neil et al. *Encyklopedia juniora*. Tłum. Jerzy Podgórski. Konsultacja wyd. pol. Karol Sabath. Il. Neil Bullpit et al. Wyd. 1 w tej ed. Warszawa: Firma Księgarska Jacek i Krzysztof Olesiejuk, 2004, ss. 352 [na okł. podtyt.: *woda i powietrze – ciepło, światło i dźwięk – elektryczność i magnetyzm – ruch – rośliny i zwierzęta – odżywianie – rozmnażanie*].
- Atlas chorób zbóż powodowanych przez grzyby: rozpoznawanie, ocena, zwalczanie*. Syngenta Crop Protection, [S.l.]: [s.n.], [post 2004], ss. 58.
- Atlas of the Geographical Distribution of Lichens in Poland*, Pt. 4 [= *Atlas rozmieszczenia geograficznego porostów w Polsce*]. Ed. by Urszula Bielczyk, Stanisław Cieśliński, Wiesław Fałtynowicz. Kraków: W. Szafer Institute of the Polish Academy of Sciences, 2004, ss. 110 [tekst równoległy polski, angielski].
- Atlas roślin grzybów i porostów chronionych*. Tekst i il. Robert Dzwonkowski. Kielce: Mac Edukacja, 2004, ss. 96.
- Bielczyk Urszula et al. *Checklist of lichens of the Western Carpathians*, seria Biodiversity of the Carpathians, vol. 1. Kraków: W. Szafer Institute of Botany. Polish Academy of Sciences, 2004, ss. 181, mapy.
- Celka Zbigniew *Atlas rozmieszczenia roślin naczyniowych na grodziskach Wielkopolski = Distribution Atlas of Vascular Plants on the Earthworks of Wielkopolska*. Prace Zakładu Taksonomii Roślin UAM w Poznaniu, nr 13. Poznań: Bogucki Wydawnictwo Naukowe, 2004, ss. 447, [1], mapy + *Objaśnienia znaków i symboli*, k. 1 + 1 foliogram [tekst równoległy polski, angielski].
- Della Beffa Maria Teresa. *Zioła*. Seria Podręczny Leksykon Przyrodniczy. Z niem. przeł. Jadwiga Kozłowska. Warszawa: Świat Książki, cop. 2004, ss. 222.
- Encyklopedia przyrody. Fauna i flora Europy*. Red. prowadzący Bożena Zasieczna. Tłum. Marta Chudzińska et. al. Wyd. 4. Warszawa: Muza, 2004, ss. 384, mapy.
- Index plantarum*. Red. nauk. Karol Węglarski. Hortus Botanicus Universitatis Posnaniensis. Poznań: Bogucki Wydawnictwo Naukowe, 2004, ss. 383, [1] [indeks łaciński].
- Kielak Anna Maria. *Zielnik Elizy Orzeszkowej. Nieznany zabytek botaniczny przechowywany w zbiorach Poznańskiego Towarzystwa Przyjaciół Nauk*. Poznań: Kontekst, 2004, ss. 151, [1].
- Krause Joanna, Lisiecka Anna, Szczepaniak Stanisława. *Ozdobne rośliny jednoroczne i dwuletnie. Uprawa w gruncie*. Poznań: Wydawnictwo Akademii Rolniczej im. Augusta Cieszkowskiego, 2004, ss. 175 [*Skorowidz nazw łacińskich i polskich; słowniczek częściej spotykanych nazw łacińskich*].
- Lord Tony. *Encyklopedia kompozycji ogrodowych. Jak rośliny tworzą harmonię kolorów i kształtów*. Fot. Andrew Lawson. Tłum. Eleonora Karpuk. Konsultacje Wiesław Gawryś. Łódź: Galaktyka, cop. 2004, ss. 416.
- Muńenko Wiesław, Kozłowska Monika, Sałata Bogusław. *Microfungi of the Tatra National Park. A checklist = Grzyby mikroskopijne Tatrzańskiego Parku Narodowego*. Seria Biodiversity of the Tatra National Park = Bioróżnorodność Tatrzańskiego Parku Narodowego, vol. 1. Kraków: W. Szafer Institute of Botany, Polish Academy of Sciences, 2004, ss. 72.
- Olech Maria. *Lichens of the Tatra National Park. A checklist = Porosty Tatrzańskiego Parku Narodowego. Adnotowana lista taksonów*. Biodiversity of the Tatra Natio-

- nal Park = Bioróżnorodność Tatrzańskiego Parku Narodowego, vol. 2. Kraków: W. Szafer Institute of Botany, Polish Academy of Sciences, 2004, ss. 137 [indeks polski, łaciński].
- Podgórcy Barbara i Adam. *Polski zielnik kulinarny. Krajowe zioła jadalne i przyprawowe. Leksykon i przepisy*. Poznań: Kurpisz, cop. 2004, ss. 274, s. tabl. [20].
- Radziul Eugeniusz. *Rośliny cenne, rzadkie, poszukiwane*. 1. Warszawa: Państwowe Wydawnictwa Rolnicze i Leśne, 2004, ss. 261, [2].
- Rausch Andrea, Lotz Brigitte. *Zioła: zastosowanie: kulinarne, medyczne, dekoracyjne: leksykon*. Tł. Marek Gajewski. [Warszawa]: Elipsa – Poznań: Publicat, 2004, ss. 301, [2].
- Rekłajtis-Zawada Agnieszka, Kazubek Tadeusz. *Zielnik. Drzewa i krzewy liściaste*. Warszawa: Arkady, cop. 2004, ss. 63.
- Rośliny doniczkowe*. Wybór i oprac. Anna Budziarek. Seria Encyklopedia Ogrodnictwa. Warszawa: Skarbnica Wiedzy, cop., 2004, ss. 144, [16].
- Senderski Mateusz Emanuel. *Prawie wszystko o ziołach [poradnik]*. Il. Aneta Borewicz. Fot. cyfrowa il. Grzegorz Dymarski. Podkowa Leśna: Mateusz E. Senderski, 2004, ss. 668 [Skorowidz nazw polskich i nazw łacińskich roślin zielarskich].
- Szczepanowicz Barbara. *Atlas roślin biblijnych: pochodzenie, miejsce w Biblii i symbolika*. Kraków: Wydawnictwo WAM, 2004, ss. 270.
- Urbisz Andrzej. *Konspekt flory roślin naczyniowych Wyżyny Krakowsko-Częstochowskiej*. Prace Naukowe Uniwersytetu Śląskiego w Katowicach, nr 2240. Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, 2004, ss. 284, [2].
- Urbisz Andrzej, Urbisz Alina. *Rośliny zielne i krzewinki Polski – pospolite, częste*. Seria Atlas i Klucz. Krzeszowice: Wydawnictwo „Kubajak”, 2004, ss. 264.
- Ważbińska Jadwiga, Puczel Urszula. *Ćwiczenia z roślin ozdobnych*. Cz. 1: *Rośliny jednoroczne i dwuletnie*. Wyd. 2 uzup. Olsztyn: Wydawnictwo Uniwersytetu Warmińsko-Mazurskiego, 2004, ss. 100, [1] [indeksy].
- Wielka ilustrowana encyklopedia roślin ogrodowych*. Red. nacz. Jacek Fronczak. Tłum. Małgorzata Kaczarowska et al. Warszawa: Reader's Digest Przegląd, 2004, ss. 864.
- Wróbel Henryk. *Związki staroczesko-staropolskie w terminologii botanicznej*. Wstępem opatrzyła Teresa Zofia Orłoś. Kraków: Scriptorium – Instytut Filologii Słowiańskiej Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2004, ss. 75, [1] [zawiera glosaria].
- Zielski Andrzej, Krąpiec Marek. *Dendrochronologia*. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2004, ss. 328 [Skorowidz rzeczowy i łacińskich nazw roślin i zbiorowisk leśnych].

2005

- Augustyn Małgorzata. *Rośliny pokojowe. Encyklopedia pielęgnacji*. Poznań: Wydawnictwo Publicat, cop. 2005, ss. 190, [1].
- Encyklopedia roślin pokojowych. Aranżacje*. Warszawa: Arti-Centrum, 2005, ss. 335.
- Index Seminum et Sporarum 2005–2006*. Akademia Medyczna w Gdańsku. Wydział Farmaceutyczny. Katedra i Zakład Farmakognozji. Ogród Roślin Leczniczych. Gdańsk: Akademia Medyczna, 2005, ss. 26.

- Krzyściak-Kosińska Renata, Kosiński Marek. *Rośliny Polski. Ilustrowana encyklopedia od A do Z*. Red. merytoryczna i konsult. Anna Rusińska. Poznań: Publicat Wydawnictwo, cop. 2005, ss. 111, [1] [u dołu okł.: 200 gatunków, 200 fotografii].
- Lepert Rajmund, Turyn Ewa. *Słownik polsko-łacińsko-francuski. Rośliny i zwierzęta = Dictionnaire polonais-latin-français. Végétaux et animaux*. Wiedza Powszechna, Warszawa 2005, ss. 530 [zawiera 39 000 nazw; indeks polski, łaciński, francuski].
- Lippert Wolfgang, Podlech Dieter. *Kwiaty*. Tłum. i konsultacja Anna i Stanisław Kłosowscy. Oprac. nauk. Stanisław Kłosowski. Seria Encyklopedia Kieszonkowa. Wyd. 4. Warszawa: Muza SA, 2005, ss. 253, [1] [400 kolorowych fotografii, 250 rysunków].
- Marcinkowski Jacek. *Katalog bylin polecanych przez Związek Szkółkarzy Polskich*. Aut. fot. Piotr Banaszczak et al. Agencja Promocji Zieleni. Związek Szkółkarzy Polskich. Warszawa 2005, ss. 133 [zawiera Słownik nazw rodzajowych polsko-łaciński i łacińsko-polski].
- Noordhuis Klaas T. *Encyklopedia roślin ogrodowych*. Tłum. z jęz. ang. Małgorzata Samborska. Warszawa: Firma Księgarska Jacek i Krzysztof Olesiejuk – Inwestycje, cop. 2005, ss. 319.
- Nowak Arkadiusz, Nowak Sylwia. *Katalog zielnika roślin naczyniowych Muzeum Śląska Opolskiego. Zbiory z lat 1855–1940 z terenów spoza dzisiejszej Polski = Catalogue of the vascular plants herbarium of the Opole Silesia Museum. Collection from 1855 to 1940 from the area outside present Poland = Der Katalog des Gefäßpflanzenherbariums des Opperlner Schlesien Museums. Die Sammlungen aus den Jahren 1855–1940 von Geländen ausser des heutigen Polens = Katalog herbáře cévnatých rostlin Muzea Opolského Slezska. Sbírký ze let 1855–1940 z území mimo současné Polsko*. Tł. Arkadiusz Nowak, Małgorzata Mendela – j. niem., Arkadiusz Nowak – j. ang., Jarosław Radimersky – j. czes. Muzeum Śląska Opolskiego et al. Opole: Muzeum Śląska Opolskiego, 2005, ss. 86.
- Nowak Arkadiusz, Nowak Sylwia. *Katalog zielnika roślin naczyniowych Muzeum Śląska Opolskiego. Zbiory z lat 1829–1943 z terenów dzisiejszej Polski = Catalogue of the vascular plants herbarium of the Opole Silesia Museum. Collection from 1829 to 1943 from the present area of Poland = Der Katalog des Gefäßpflanzenherbariums des Opperlner Schlesien Museums. Die Sammlungen aus den Jahren 1829–1944 von Geländen des heutigen Polens = Katalog herbáře cévnatých rostlin Muzea Opolského Slezska. Sbírký ze let 1829–1943 z území současného Polska*. Tłum. Arkadiusz Nowak, Małgorzata Mendela – j. niem., Arkadiusz Nowak – j. ang., Jarosław Radimersky – j. czes. Muzeum Śląska Opolskiego et al. Opole: Muzeum Śląska Opolskiego, 2005, ss. 147.
- Nowak Arkadiusz, Nowak Sylwia. *Katalog zielnika roślin naczyniowych Muzeum Śląska Opolskiego. Zbiory z lat 1951–1976 z terenów Polski = Catalogue of the vascular plants herbarium of the Opole Silesia Museum. Collection from 1951 to 1976 from the area of Poland*. Opole: Muzeum Śląska Opolskiego, 2005, ss. 209.
- Reklajtis-Zawada Agnieszka. *Zielnik. Kwiaty pól i łąk*. Il. Magdalena Prugar-Kazubek. Warszawa: Arkady, 2005, ss. 64.

- Rogowska-Cybulska Ewa. *Gwarowy obraz roślin w świetle aktywności nominacyjnej ich nazw (na przykładzie gwary wsi Wagi w powiecie łomżyńskim)*. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2005 [zawiera *Słownik nazw roślin*, s. 233–333].
- Sarwa Andrzej. *Encyklopedia działkowca*. Warszawa: Książka i Wiedza, cop. 2005, ss. 428.
- Szot-Radziszewska Elżbieta. *Sekrety ziół: wiedza ludowa, magia, obrzędy, leczenie*. Warszawa: Wydawnictwo Trio, 2005, ss. 279, s. tabl. [48] [zawiera spisy].
- Tajemnice polskiej przyrody. Encyklopedia zwierząt i roślin*. 1–. Red. Krzysztof Środa. Warszawa: De Agostini Polska, 2005–.
- Ważyńska Jadwiga, Puczel Urszula. *Ćwiczenia z roślin ozdobnych. Cz. 3: Rośliny doniczkowe*. Wyd. 2 popr. i uzup. Olsztyn: Wydawnictwo Uniwersytetu Warmińsko-Mazurskiego, 2005, ss. 134 [indeksy].
- Wielka encyklopedia roślin*. Główny wydaw. Christopher Brickell. Tłum. Henryk Chmiel, Małgorzata Świdzińska. Wyd. 4. (Nowe wydanie). Warszawa: Muza, 2005, ss. 640 [4250 fotografii].

2006

- Augustyn Małgorzata. *Rośliny pokojowe. Encyklopedia pielęgnacji*. Poznań: Wydawnictwo Publicat, cop. 2006, ss. 190, [1].
- Chmiel Maria Alicja. *Checklist of Polish larger ascomycetes = Krytyczna lista wielkoowocnikowych grzybów workowych Polski*. Seria Biodiversity of Poland = Różnorodność Biologiczna Polski, vol. 8. Kraków: W. Szafer Institute of Botany. Polish Academy of Sciences, 2006, ss 152 [indeks].
- Chmiel Julian. *Rośliny specjalnej troski i wartościowe obszary przyrodnicze w północno-wschodniej Wielkopolsce (= Plants of special care and valuable natural areas in the North-Eastern part of the Wielkopolska)*. Prace Zakładu Taksonomii Roślin Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza w Poznaniu, nr 15. Poznań: Bogucki Wydawnictwo Naukowe, 2006, ss. 97 [zawiera spisy].
- Czekalski Mieczysław. *Liściaste krzewy ozdobne o wszechstronnym zastosowaniu, 2*. Poznań: Państwowe Wydawnictwo Rolnicze i Leśne, cop., 2006, ss. 200 [na okł. podtyt.: *Pnącza, krzewy zawsze zielone, rośliny mało znane i w pojemnikach do dekoracji wnętrza; zawiera Indeks nazw łac.*].
- Encyklopedia polska. Historia, literatura, przyroda, geografia*. Aut. tekstu Dariusz Banaszak et al. Red. Eleonora Mierzyńska-Iwanowska et al. Poznań: Publicat Wydawnictwo, cop. 2006, ss. 496 [u dołu okł.: *Historia Polski od najdawniejszych śladów osadnictwa po współczesność, najwybitniejsze dzieła i twórcy literatury polskiej – od Bogurodzicy po utwory najnowsze, najciekawsze zwierzęta i rośliny, środowiska naturalne i parki narodowe, krainy geograficzne, geologia, społeczeństwo i gospodarka, ponad 1500 barwnych ilustracji, reprodukcji, fotografii i map*].
- Fałtynowicz Wiesław, Kukwa Martin. *Lista porostów i grzybów naporostowych Pomorza Gdańskiego = List of lichens and lichenicolous fungi of Gdańskie Pomerania*. Acta Botanica Cassubica, Monographiae. Gdańsk: Katedra Taksonomii Roślin i Ochrony Przyrody Uniwersytetu Gdańskiego, 2006, ss. 98 [tekst w językach: polskim, angielskim, łacińskim].

- Fardon John. *Wielka księga faktów [nauka, budowa i transport, geografia, rośliny]*. Tł. Danuta Zgliczyńska, Beata Wojtkowska. Warszawa: SBM, cop. 2006, ss. 243, [13].
- Flora Cracoviensis Secunda (atlas)*. Red. Maria Zając, Adam Zając, Bogdan Zemanek. Aut. Wacław Bartoszek et al. Przeł. Roman Tertil, Ian Harman. Kraków: nakł. Pracownicy Chorologii Komputerowej Instytutu Botaniki Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2006, ss. 290, [1], k. luzem [2] [Tekst równoległy polski, angielski].
- Garbarczyk Henryk. *Zioła łąk i ogrodów*. Il. Magdalena Prugar-Kazubek. Warszawa: Arkady, 2006, ss. 63, [1].
- Haberer Martin. *Rośliny pokojowe. Atlas kieszonkowy. 350 roślin do pokoju i ogrodu zimowego*. Z niem. przeł. Krystyna Mazur. Warszawa: Oficyna Wydawnicza Delta W-Z, [ca 2006], ss. 192 [zawiera skorowidz polskich i łacińskich nazw roślin].
- Haberer Martin. *Rośliny rabatowe i balkonowe: atlas kieszonkowy: 222 rośliny ozdobne na rabaty i balkony*. Z niem. przeł. Krystyna Mazur. Warszawa: Delta, [ca 2006], ss. 127, [1].
- Iburg Anne. *Domowe leki ziołowe: leksykon: substancje czynne, działanie, stosowanie*. Fot. Roland Spohn. Tłum. Krystyna Niecikowska-Jastrzębska. Warszawa: Elipsa, cop. 2006, ss. 284.
- Impelluso Lucia. *Natura i jej symbole. Rośliny i zwierzęta*. Seria Leksykon: historia, sztuka, ikonografia. Tłum. Hanna Cieśla. Warszawa: Arkady, 2006, s. 382, [1].
- Iwaniuk Arkadiusz. *Atlas ziół krajowych*. Warszawa: Dom Wydawniczy Bellona, cop. 2006, ss. 142, [1].
- Kolorowy atlas świata: mapy, zwierzęta, rośliny, środowiska, ciekawostki*. Konsultacja merytoryczna i konsultacja kartograficzna Michał Siwicki. Il. Liku. Warszawa: Wydawnictwo Wilga, 2006, s. [12] + karty do gry [na okł.: *Książka przeznaczona dla dzieci powyżej 3 lat*].
- Kołtowski Zbigniew. *Wielki atlas roślin miododajnych*. Fot. Zbigniew Kołtowski. Il. Iwona Miśkiewicz. Seria Biblioteka Przeglądu Pszczelarskiego. Warszawa: Przedsiębiorstwo Wydawnicze Rzeczpospolita, 2006, ss. 327 [na okł.: *Zielne rośliny pożytkowe; Drzewa i krzewy pożytkowe*].
- Kossowska Maria. *Checklist of lichens and allied fungi of the Polish Karkonosze Mts*. Kraków: W. Szafer Institute of Botany. Polish Academy of Sciences, 2006, ss. 131 [indeksy; wykaz porostów w języku łacińskim].
- Kwiatkowski Paweł. *Current state, separateness and dynamics of vascular flora of the Góry Kaczawskie (Kaczawa Mountains) and Pogórze Kaczawskie (Kaczawa Plateau)*. 1: *Distribution atlas of vascular plants*. Kraków: W. Szafer Institute of Botany. Polish Academy of Sciences, 2006, ss. 467 + foliogram [tyt. grzb.: *Atlas of vascular plants of the Góry Kaczawskie MTS*].
- Leksykon zdrowia. Rośliny lecznicze, minerały, suplementy i witaminy*. Aut. Marcin Pustkowski et al. Bielsko-Biała: Wydawnictwo Park, cop. 2006, ss. 576.
- Mikołajczyk Krystyna, Wierzbicki Adam. *Zioła źródłem zdrowia [leksykon]*. Warszawa: Oficyna Wydawniczo-Poligraficzna „Adam”, 2006, ss. 448, XVI.
- Rausch Andrea, Lotz Brigitte. *Zioła. Zastosowanie: kulinarne, medyczne, dekoracyjne. Leksykon*. Tłum. Marek Gajewski. Warszawa: Elipsa, 2006, ss. 301.

- Red list of plants and fungi in Poland = Czerwona lista roślin i grzybów Polski*. Ed. by Zbigniew Mirek et al. Kraków: W. Szafer Institute of Botany, Polish Academy of Sciences, 2006, ss. 99.
- Rośliny i zwierzęta*. Oprac. wersji pol. Wydawnictwo Atlas, seria Co i Jak, nr 8. Warszawa: Edipresse Polska, [ca 2006], ss. 33 + płyta VCD [na okł.: *ciekawostki, krzyżówki, zagadki, 2 filmy*; podtyt. okł.: *zwierzęta w Europie, drzewa, dzikie kwiaty, badanie natury*; na płycie dwa filmy popularnonaukowe: *Drzewa i Kolej*].
- Rośliny pokojowe i balkonowe. Nastrojowe wnętrza*. Przekł. Elżbieta Tarnas. Red. Tomasz Ostromięcki. Red. nauk. Elżbieta Potocka. Kolonia: Naumann & Göbel Verlagsgesellschaft – Warszawa: Firma Księgarska Jacek i Krzysztof Olesiejuk, [ca 2006], ss. 160 [na okł.: *W książce leksykon roślin od A do Z*].
- Stebel Adam. *Atlas rozmieszczenia wątrobowców chronionych Polski w województwie śląskim (= Distribution atlas of Polish legally protected liverworts in Silesia Province)*. Red. t. Jerzy B. Parusel. Seria Materiały, Opracowania, Centrum Dziedzictwa Przyrody Górnego Śląska, t. 9. Katowice: Centrum Dziedzictwa Przyrody Górnego Śląska, 2006, ss. 37.
- Szweykowski Jerzy. *An annotated checklist of Polish liverworts and hornworts = Krytyczna lista wątrobowców i glewików Polski*. Seria Biodiversity of Poland = Różnorodność biologiczna Polski, vol. 4. Kraków: W. Szafer Institute of Botany, Polish Academy of Science, 2006, ss. 114.
- Vermeulen Nico. *Encyklopedia roślin domowych*. Tłum. Jakub Kutner. Red. nauk. i jęz. Elżbieta Potocka. Warszawa: Firma Księgarska Jacek i Krzysztof Olesiejuk – Inwestycje, cop. 2006, ss. 320.
- Ważbińska Jadwiga. *Ćwiczenia z roślin ozdobnych. Cz. 2: Byliny*. Wyd. 2 uzup. Olsztyn: Wydawnictwo Uniwersytetu Warmińsko-Mazurskiego, 2006, ss. 199, [1] [indeksy nazw łacińskich].
- Wielka encyklopedia roślin*. Red. Janet Marinelli. Z ang. przeł. Dorota Dobrowolska et al. Warszawa: Świat Książki, 2006, ss. 503.
- Więclaw Helena. *Flora roślin naczyniowych Ińskiego Parku Krajobrazowego i jej antropogeniczne przeobrażenia. Cz. 2: Atlas rozmieszczenia roślin*, Uniwersytet Szczeciński. Seria Rozprawy i Studia, Uniwersytet Szczeciński, t. 665 (591). Szczecin: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Szczecińskiego, 2006, ss. 226.
- Witośławski Piotr. *Atlas of distribution of vascular plants in Łódź = Atlas rozmieszczenia roślin naczyniowych w Łodzi*. Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 2006, ss. 386.
- Wolff Jürgen, Throll Angelika. *Encyklopedia roślin ogrodowych. Portrety ponad 2500 roślin*. Z niem. przeł. Barbara Floriańczyk. Red. Iwona Kowalewska. Warszawa: Delta, [2006], ss. 304.

2007

- Aranżacje. Encyklopedia roślin pokojowych [A–Z]*. Warszawa: Przedsiębiorstwo Wydawniczo-Handlowo-Usługowe ARTI CENTRUM, cop. 2007, ss. 335.
- [A–Z]. *Ilustrowana encyklopedia Polski. Sławni Polacy, zabytki, zwierzęta, rośliny*. Red. Eleonora Mierzyńska-Iwanowska, Małgorzata Potocka, Justyna Sell. Poznań: Wydawnictwo Publicat, cop. 2007, ss. 448.

- Bürki Moritz, Fuchs Marianne. *Leksykon roślin doniczkowych i balkonowych*. Z niem. przeł. Dorota Walentyn-Góral. Warszawa: Świat Książki. Bertelsmann Media, 2007, ss. 360.
- Cebrat Jan. *Atlas anatomii roślin*. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Przyrodniczego, 2007, ss. [539].
- Ciereszko Barbara, Rak Jarosław. *Encyklopedia roślin pokojowych*. Warszawa: Multico Oficyna Wydawnicza, 2007, ss. 288.
- Cygan Stanisław. *Słownictwo pism Stefana Żeromskiego*. T. 9: *Świat roślin*. Kraków: Universitas, 2007, ss. 604, [4].
- Drobnik Jacek. *Zielnik i zielnikoznawstwo*. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2007, ss. X, 284 [zawiera angielsko-polski słownik pojęć związanych z zielnikiem].
- Encyklopedia zdrowia – zioła*. Wybór i oprac. zespół red. Zdjęcia Tomasz Wójcik, Magdalena Szwedkiewicz-Kostrzewa. Warszawa: Skarbnica Wiedzy, 2007, ss. 176.
- Fletcher Neil. *Kieszonkowy atlas kwiatów dziko rosnących*. Tłum. z jęz. ang. Paulina Łukomska. Seria Kieszonkowy Atlas. Warszawa: Solis, cop. 2007, ss. 296 [indeks].
- Garbarczyk Henryk. *Zielnik. Runo leśne*. Il. Magdalena Prugar-Kazubek. Warszawa: Arkady, 2007, ss. 64.
- Haberer Martin. *Wielki atlas roślin ogrodowych i pokojowych. 1200 roślin do ogrodu, na taras, balkon, do mieszkania. 1220 barwnych zdjęć*. Z niem. przeł. Krystyna Mazur. Warszawa: Delta, [2007], ss. 697 [zawiera skorowidz polskich i łacińskich nazw roślin].
- Iburg Anne. *Domowe leki ziołowe. Stosowanie, działanie, substancje czynne*. Fot. Roland Spohn. Warszawa: Elipsa – Poznań: Publicat, 2007, ss. 284.
- Iwaniuk Arkadiusz. *Atlas ziół krajowych*. Warszawa: Dom Wydawniczy Bellona, cop. 2007, ss. 142, [2].
- Juszczo Sebastian. *Flora i fauna Łazienek. Przewodnik po wybranych gatunkach*. Warszawa: Muzeum Łowiectwa i Jeździectwa, 2007, ss. 256.
- Krzyściak-Kosińska Renata, Kosiński Marek. *Atlas roślin*. Seria Przydatny z Natury Rzeczy. Bielsko-Biała: Pascal, cop. 2007, ss. 271.
- Mały atlas kwiatów ogrodowych: kiedy sadzić, jak i gdzie*. Tekst Hanna Czerska. Warszawa: Przedsiębiorstwo Wydawnicze Rzeczpospolita, [ca 2007], ss. 67.
- Moja pierwsza encyklopedia – natura*. Tekst Thea Feldman et al. Tłum. Zuzanna Kondej, Małgorzata Szyszko-Kondej. Seria Disney Uczy. Warszawa: Wydawnictwo Egmont Polska, 2007, ss. 191, [1].
- Pastusiak Kazimiera. *Pogranicze polsko-białorusko-ukraińskie w świetle danych językowych i etnograficznych na podstawie nazw roślin*. Seria Język na Pograniczach, 32. Instytut Sławistyki PAN, Fundacja Sławistyczna. Warszawa: Sławistyczny Ośrodek Wydawniczy, 2007, ss. 423 [zawiera: indeks; *Nazwy botaniczne łacińskie*, s. 369–372; *Nazwy gwarowe polskie*, s. 373–379; *Nazwy gwarowe białoruskie*, s. 380–395; *Nazwy gwarowe ukraińskie*, s. 395–416].
- Politycka Barbara. *Słownik terminów z fizjologii roślin angielsko-polski i polsko-angielski = English-Polish and Polish-English dictionary of plant physiology terms*. Poznań: Wydawnictwo Akademii Rolniczej im. Augusta Cieszkowskiego, 2007, ss. 87.

- Praktyczny słownik farmaceutyczny angielsko-polski i polsko-angielski = Practical pharmaceutical dictionary English-Polish and Polish-English.* Red. nac. Jarosław Józwiak. Warszawa: Medyk, 2007, ss. 645, ss. tabl. [8].
- Rośliny. Wspólnie odkrywamy świat.* Tłum. Ewa Majkowska-Reutt. Seria Zadziwiający Świat Faktów: encyklopedia dla dzieci = Amazing children's encyclopedia the world of facts. Warszawa: Przedsiębiorstwo Wydawniczo-Handlowe „Arti” Artur Rogala, Mariusz Rogala, cop. 2007, ss. 32, [1].
- Rośliny w akwarium.* Red. Darek Firlej. Seria Wielka Encyklopedia Akwarystyki, cz. 2 t. 1. Warszawa: Magazyn Akwarium D. Firlej, 2007, ss. 178.
- Senderski Mateusz Emanuel. *Prawie wszystko o ziołach.* [Poradnik]. Il. Aneta Borewicz. Fot. cyfrowa il. Grzegorz Dymarski. Wyd. 2 popr. i uzup. Podkowa Leśna: Mateusz E. Senderski, 2007, ss. 670, [1] [zawiera *Skorowidz nazw polskich i nazw łacińskich roślin zielarskich*].
- Rośliny.* Tekst Inga Szwedler. Zdj. Zbigniew Nawara. Red. nauk. Barbara Sudnik-Wójcikowska. Seria Kocham Polską Przyrodę – Spotkania z Przyrodą. Warszawa: Multico Oficyna Wydawnicza, cop. 2007, ss. 397 [indeks].
- Throll Angelika. *Atlas roślin ogrodowych.* [1000 roślin. Opis, pielęgnowanie, zastosowanie, odmiany]. Z jęz. niem. przeł. Krystyna Mazur, Barbara Floriańczyk. Red. Zofia Bujnowska. Warszawa: Delta, 2007, ss. 448.
- Walker Richard. *Rośliny.* Il. Jim Channell et al. Seria Disney Encyklopedia Wiedzy, 15. Warszawa: Paperview – Axel Springer Polska, 2007, ss. 57.

2008

- A preliminary checklist of micromycetes in Poland = Wstępna lista grzybów mikroskopijnych Polski.* Ed. by Wiesław Mułenko, Tomasz Majewski, Małgorzata Ruszkiewicz-Michalska. Seria Biodiversity of Poland = Różnorodność Biologiczna Polski, vol. 9. Kraków: W. Szafer Institute of Botany Academy of Science, 2008, ss. 752 [indeks].
- Atlas roślinności rzeczywistej Krakowa.* Red. nauk. Eugeniusz Dubiel, Jerzy Szwagrzyk. Aut. tekstów Eugeniusz Dubiel et al. Kraków: Urząd Miasta Krakowa. Wydział Kształtowania Środowiska, cop. 2008, 1 atlas (ss. 159), mapy, oprawa kołnottanikowa [na okł.: *Kraków forma i treść, ochrona środowiska*].
- Atlas ziół.* Wybór i oprac. Emilia Grzędzicka. Zdj. Tomasz Wójcik, Magdalena Szwedkiewicz-Kostrzewa. Warszawa: Buchmann, cop. 2008, ss. 240 [na okł.: *Przegląd popularnych roślin leczniczych, dodatkowo wiadomości dotyczące przyrządzania leków ziołowych*].
- Augustyn Małgorzata. *Piękne rośliny w każdym domu.* Poznań: Wydawnictwo Publicat, 2008, ss. 591, [1] [Na okł.: *leksykon roślin pokojowych, najpopularniejsze gatunki, praktyczne wskazówki pielęgnacyjne*].
- Bellmann Heiko et al. *Rodziny atlas przyrody.* Tłum. Paulina Berndt, Warszawa: Wydawnictwo RM, 2008, ss. 191. [1].
- Bohne Burkhard, Dietze Peter. *Rośliny trujące: 170 gatunków roślin ozdobnych i dziko rosnących.* Przeł. Arkadiusz Iwaniuk, Warszawa: Bellona, 2008, ss. 128.
- Dreyer Eva Maria. *Zioła oraz ich trujące sobowtóry: poradnik dla zbieraczy.* Z jęz. niem. przeł. Jerzy Woźniak. Warszawa: Klub dla Ciebie, 2008, ss. 141, [3] [zawiera spis placówek toksykologicznych].

- Garbarczykowie Małgorzata i Henryk. *Zielnik. Drzewa i krzewy owocowe*. II. Tadeusz Kazubek. Warszawa: Arkady, 2008, ss. 64.
- Gawryś Wiesław. *Słownik roślin zielnych. Łacińsko-polski*. Oficyna Botanica, Kraków 2008, ss. 199.
- Grzebisz Witold. *Nawożenie roślin uprawnych*. T. 1: *Podstawy nawożenia*. Poznań: Państwowe Wydawnictwo Rolnicze i Leśne, 2008, ss. 428, s. tabl. [24] [*Dla studentów uczelni rolniczych*; zawiera Wykaz nazw gatunkowych wybranych roślin uprawnych].
- Grzelakowa Eliza. *W poszukiwaniu Edenu. Językowo-kulturowy obraz współczesnego polskiego ogrodu ozdobnego. Kreacja czasu i przestrzeni*. Gniezno: Oficyna Tum, 2008, ss. 311, ss. tabl. [40] [zawiera słownik (ok. 700 haseł); cz. 1: *Świat roślin*; cz. 2: *Człowiek w ogrodzie*; cz. 3: *Nazwy założenia ogrodowych*].
- Kosiński Marek, Krzyściak-Kosińska Renata. *Atlas ziół*, seria Przydatny z Natury Rzeczy. Bielsko-Biała: Pascal, 2008, ss. 272.
- Leksykon roślin i zwierząt Polski. Praktyczny przewodnik*. Aut. Renata Krzyściak-Kosińska et al. Poznań: Elipsa, 2008, ss. 416.
- Łuszczynski Janusz. *Basidiomycetes of the Góry Świętokrzyskie Mts. A checklist*. Kielce: Wydawnictwo Uniwersytetu Humanistyczno-Przyrodniczego Jana Kochanowskiego, 2008, ss. 240, [2].
- Nowak Arkadiusz et al. *Атлас сосудистых растений Таджикистана*. Ч. 1 = *Atlas roślin naczyniowych Tadżykistanu*. Cz. 1. Tłum. na jęz. ros. Elena Jagt-Yazykova. Opole: Stowarzyszenie Ochrony Przyrody BIOS – Studio Impreso Przemysław Biliczak, 2008, ss. 232.
- Ostrowski Janusz et al. *Atlas niedoborów wodnych roślin uprawnych i użytków zielonych w Polsce = Atlas of water deficits of cultivated plants and grasslands in Poland*. Red. nauk. Janusz Ostrowski, Leszek Łabędzki. Instytut Melioracji i Użytków Zielonych w Falentach, Instytut Geodezji i Kartografii w Warszawie. Falenty-Warszawa: Wydawnictwo IMUZ, 2008, 1 atlas (k. 19,32), mapy.
- Rapiejko Piotr. *Alergeny pyłku roślin*, Warszawa: Medical Education, 2008, ss. 91, [1] [do części nakładu dołączona płyta CD pt. *Atlas fotografii roślin alergogennych*].
- Szcześniak Krystyna. *Świat roślin światem ludzi na pograniczu wschodniej i zachodniej Słowiańszczyzny*. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2008, ss. 410, + 1 dysk opt. CD-ROM [zawiera *Słownik [magicznych zastosowań roślin, których nazwy zostały zapisane w słowniczku Zośki Wieras i w fitonimicznych materiałach Elizy Orzeszkowej]*, s. 120-335 (z ekwiwalentami białoruskimi, rosyjskimi i łacińskimi); *Indeks nazw roślin: Nazwy łacińskie (355-363); Nazwy pisane cyrylicą (s. 363-380); Nazwy zapisane łacinką (s. 380-410)*].
- Ważbińska Jadwiga, Puczel Urszula, Płoszaj Beata. *Ćwiczenia z roślin ozdobnych*. Cz. 1: *Rośliny jednoroczne i dwuletnie*. Wyd. 3 uzup. Olsztyn: Wydawnictwo Uniwersytetu Warmińsko-Mazurskiego, 2008, ss. 107, [1] [indeksy].
- Ważbińska Jadwiga, Kawecki Zdzisław, Płoszaj Beata. *Drzewa i krzewy iglaste*. Wyd. 2 uzup. Olsztyn: Wydawnictwo Uniwersytetu Warmińsko-Mazurskiego, 2008, ss. 182, [1] [indeksy].
- Witkowska-Żuk Leokadia. *Atlas roślinności lasów*. Seria Flora Polski. Warszawa: Multico Oficyna Wydawnicza, cop. 2008, ss. 592.

2009

- Amann Gottfried. *Drzewa i krzewy: kieszonkowy atlas liści, kwiatów, owoców, nasion, pędów bezlistnych i siewek najważniejszych gatunków drzew i krzewów lasów Europy Środkowej, zawierający część opisującą ich budowę i rozwój*. Tłum. z jęz. niem. Jarosław Malec. Seria Flora i Fauna Lasów. Warszawa: Multico Oficyna Wydawnicza, cop. 2009, ss. 220.
- Amann Gottfried. *Rośliny runa: kieszonkowy atlas najciekawszych grzybów, porostów, mchów, paprotników, traw, ziół rosnących w lasach środkowej Europy wraz z opisem ich budowy i życia*. Tł. z jęz. niem. Stefan Łukomski. Seria Flora i Fauna Lasów. Warszawa: Multico Oficyna Wydawnicza, cop. 2009, ss. 416.
- Atlas siedlisk dna polskich obszarów morskich. Waloryzacja przyrodnicza siedlisk morskich (=Atlas of Polish marine area bottom habitats: environmental valorization of marine habitats)*. Red. Gabriela Gic-Grusza et al. Oprac. kartogr. Lucyna Kryła-Straszewska, Jacek Urbański. Tłum. na jęz. ang. Jennifer Carter-Zielińska. Gdynia: Broker-Innowacji Gabriela Gic-Grusza, 2009, 1 atlas (ss. 179, [1]), mapy.
- Atlas siedlisk dna polskich obszarów morskich. Waloryzacja przyrodnicza siedlisk morskich (=Atlas of Polish marine area bottom habitats: environmental valorization of marine habitats)*, [dokument elektroniczny]. Red. Gabriela Gic-Grusza et al. Oprac. kartogr. Lucyna Kryła-Straszewska, Jacek Urbański. Tłum. na jęz. ang. Jennifer Carter-Zielińska. Gdynia: Broker-Innowacji Gabriela Gic-Grusza, 2009, 1 dysk optyczny (CD-ROM).
- Brud Władysław S., Konopacka-Brud Iwona. *Podstawy perfumerii. Historia, pochodzenie i zastosowania substancji zapachowych*. Łódź: Oficyna Wydawnicza MA, 2009, ss. 291 [zawiera spis roślin aromatycznych].
- Cunningham Scott. *Encyklopedia magicznych roślin*. Tłum. Paweł Karpowicz. Białystok: Studio Astropsychologii, 2009, ss. 315, [1] [na okł.: *Encyklopedia Cunninghama*].
- Garbarczykowie Małgorzata i Henryk. *Zielnik. Rośliny uprawne*. Il. Magdalena Prugar-Kazubek. Warszawa: Arkady, 2009, ss. 64.
- Krzyściak-Kosińska Renata, Kosiński Marek. *Atlas roślin*. Bielsko-Biała: Wydawnictwo Dragon, 2009, ss. 95.
- Marcinkowki Jacek. *Kosańce*. Seria Królowe Ogrodów. Warszawa: Wydawnictwo Działkowiec, 2009, ss. 87 [indeks nazw polskich i łacińskich].
- Moja mała encyklopedia – rośliny*. Tłum. Zuzanna Kondej, Małgorzata Szyszko-Kondej. Seria Disney Kubuś Puchatek. Disney Uczy. Warszawa: Wydawnictwo Egmont Polska, 2009, ss. 41.
- Paradowski Adam. *Atlas chwastów*. Aut. zdjęć Marzena Błażewicz-Woźniak et al.. Aut. rys. Olga Migdał. Kraków: Plantpress, cop., 2009, ss. 229 [zawiera słowniczek; Indeks nazw łacińskich].
- Przyprawy. Nazewnictwo botaniczne PN-EN ISO 676:2009 = Spices and Condiments. Botanical Nomenclature (ISO 676:1995, including Cor 1:1997) = Épices. Nomenclature botanique (ISO 676:1995, Cor 1:1997 inclus)*. Polski Komitet Normalizacyjny. Warszawa 2009, ss. 21 [Norma Europejska EN ISO 676:2009 ma status Polskiej Normy; tekst w języku angielskim, francuskim].

- Romer Marion. *Aromaterapia. Leksykon roślin leczniczych*. Red. wyd. pol. Władysław S. Brud. Tłum. Katarzyna Hanusz. Wrocław: MedPharm Polska, 2009, ss. XI, 180.
- Rośliny pokojowe. Praktyczna encyklopedia*. Praca zbiorowa pod kierownictwem Patricia Mioulane. Red. Alain Delavie et al. Tłum. i konsultacja merytoryczna Jerzy Woźniak. Larousse. Warszawa: Hachette Livre Polska, 2009, ss. 510.
- Sokolowski Ilka, Toll Claudia. *Mój pierwszy zielnik. Zbieramy i utrwalamy rośliny*. Z barwnymi il. Rity Lüder. Z niem. przeł. Leszek Karnas. Warszawa: Klub dla Ciebie, cop. 2009, ss. 88.
- Storl Wolf-Dieter. *Zioła lecznicze i magiczne: dziewięć magicznych ziół*. Tł. Mirosław Łanczkowski. Białystok: Studio Astropsychologii, 2009, ss. 223, s. tabl. [8] [*Spis przepisów wg nazw roślin i zastosowania; indeksy*].
- Ważbińska Jadwiga, Puczel Urszula, Płoszja Beata. *Ćwiczenia z roślin ozdobnych*. Cz. 2: *Byliny*. Wyd. 3 uzup. Olsztyn: Wydawnictwo Uniwersytetu Warmińsko-Mazurskiego, 2009, ss. 193 [indeksy].
- Ważbińska Jadwiga, Puczel Urszula. *Ćwiczenia z roślin ozdobnych*. Cz. 3: *Rośliny doniczkowe*. Wyd. 2 popr. i uzup. Olsztyn: Wydawnictwo Uniwersytetu Warmińsko-Mazurskiego, 2009, ss. 135 [indeksy].
- Zielnik dla każdego czyli Opis ziół wykorzystywanych w leczeniu domowym wraz z praktycznym zastosowaniem (napary, wywary i wyciągi zdrowotne)*. Zebr. i oprac. Jan Rogala oraz Robert Maciej. Wybór i wstęp Jan Rogala. Warszawa: Wydawnictwo Olesiejuk, cop. 2009, ss. 175, [1].

2010

- Aleje Doliny Baryczy: inwentaryzacja zadrzewień liniowych w krajobrazie otwartym Doliny Baryczy*. Koordynacja, oprac. koncepcji, metodyki i danych oraz red. wyd. Piotr Tyszko-Chmielowiec. Zbieranie danych i opisy gmin Waldemar Błaźniak et al. Wrocław: Fundacja Eko-Rozwoju, 2010, ss. 72.
- Atlas ziół: naturalnie kieszonkowy: medycyna naturalna, kuchnia, kosmetyka*. Aut. tekstów: Michał Mazik, Marcin Pastwa. Seria Natura. Bielsko-Biała: Wydawnictwo Dragon, 2010, ss. 143, [1].
- Bürki Moritz, Fuchs Marianne. *Leksykon roślin doniczkowych i balkonowych*. Z niem. przeł. Dorota Walentyn-Góral. Warszawa: Świat Książki, 2010, ss. 360.
- Frohne Dietrich przy współpr. Birgit Classen. *Leksykon roślin leczniczych. Przewodnik naukowy*. Tł. Wiktoria Palczewska, Iwona Zawada. Red. Alicja Noculak-Palczewska. Wyd. 1 pol. Wrocław: MedPharm Polska, cop. 2010, ss. 585.
- Iwaniuk Arkadiusz. *Atlas ziół krajowych*. Warszawa: Bellona, cop. 2010, ss. 142, [1].
- Kosiński Marek, Krzyściak-Kosińska Renata. *Atlas roślin*. Bielsko-Biała: Wydawnictwo Pascal, 2010, ss. 269 [na okł.: *przydatny z natury rzeczy*].
- Krzyściak-Kosińska Renata, Kosiński Marek. *Atlas roślin: naturalnie kieszonkowy*. Zdjęcia Marzena, Michał i Jacek Bronowscy. Seria Natura, Bielsko-Biała: Wydawnictwo Dragon, 2010, ss. 143, [1].
- Pastok Dorota, Pyka Walter. *Alfabetyczny zielnik w malarstwie i poezji*. Kołobrzeg: Wydawnictwo Kamera, 2010, ss. 51, [5].

- Przyroda Bielan warszawskich*. Red. nauk. Maciej Luniak. Wyd. 2. Warszawa: Muzeum i Instytut Zoologii PAN, 2010, ss. 312 [*Słowniczek nazw gatunków roślin i zwierząt w języku polskim i łacińskim*; indeks].
- Rak Jarosław. *Kwiaty w Twoim domu*. [*Leksykon roślin doniczkowych od A do Z*]. Warszawa: MULTICO Oficyna Wydawnicza, 2010, ss. 261 [Na okł.: 124 gatunki, modne, dekoracyjne, łatwe w uprawie, odporne].
- Rapiejko Piotr. *Alergeny pyłku roślin*. Wyd. 1. (dodruk 2010). Warszawa: Medical Education, 2010, ss. 90 + CD [CD pt. *Atlas fotografii roślin alergogennych*].
- Szweykowski Jerzy, Klama Henryk. *Liverworts of the Tatra National Park. A checklist = Wątrobowce Tatrzańskiego Parku Narodowego*. Seria Biodiversity of the Tatra National Park = Bioróżnorodność Tatrzańskiego Parku Narodowego, vol. 3. Kraków: W. Szafer Institute of Botany, Polish Academy of Sciences, 2010, ss. 60 [indeks].
- Urbisz Andrzej, Urbisz Alina. *Rośliny zielne i krzewinki Polski – pospolite, częste*. Seria Atlas i Klucz. Krzeszowice: Wydawnictwo „Kubajak”, 2010, ss. 264.
- Wielki leksykon roślin*. [Dokument elektroniczny]. Warszawa: Komputer Świat, 2010, 1 dysk optyczny (DVD-ROM) [Program zawiera szczegółowy opis 2500 roślin ogrodowych i domowych, wskazówki na temat ich pielęgnacji, a także informacje o chorobach, leczeniu oraz szkodnikach. Opisy są wzbogacone o zdjęcia, do dyspozycji mamy system filtrów umożliwiający wyszukiwanie roślin według różnych kryteriów. Istnieje możliwość wprowadzania własnych notatek przypisanych konkretnym roślinom].

2011

- Atlas ziół*. Wybór i oprac. Emilia Grzędzicka. Zdj. Tomasz Wójcik, Magdalena Szwedkowicz-Kostrzewa. Warszawa: Buchmann, cop. 2011, ss. 240 [na okł.: *Przegląd popularnych roślin leczniczych. Dodatkowo wiadomości dotyczące przyrządzania leków ziołowych*].
- Bauer Ute, Grothe Bärbel. *Róże. Najpiękniejsze gatunki róż na każdą rabatę*. Tł. Katarzyna Iwańska. Seria Quickfinder. Warszawa: Hachette Polska, 2011, ss. 202, [1] [na okł.: *wykaz odpowiednich odmian róż do twojego ogrodu, charakterystyka ponad 100 typowych gatunków, ciekawe aranżacje różanych rabat i pergoli*; indeks].
- Jakubowska-Gabara Janina et al. *Atlas rozmieszczenia roślin naczyniowych w Polsce Środkowej: gatunki chronione, rzadkie, ginące i narażone*. Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 2011, ss. 283.
- Lingg Adelheid. *Zioła przez cały rok*. Z niem. przeł. Barbara Janowska-Michnowska. Warszawa: Weltbild Media – Klub dla Ciebie, cop. 2011, ss. 187, [4].
- Nobis Marcin et al. *Atlas of vascular plants of Tajikistan*. Pt. 2. Kraków–Opole: Opole Scientific Society etc., 2011, ss. 256.
- Nowak Arkadiusz et al. *Atlas of vascular plants of Tajikistan*. Pt. 3, Opole–Kraków: Institute of Botany Jagiellonian University etc., 2011, ss. 232.
- Przybyłowiczowie Anna i Łukasz. *Rośliny: lasy – drzewa*. Red. prowadzący Paweł Zalewski. Seria Encyklopedia Przyrody: skarby polskiej natury, t. 2. Warszawa: De Agostini Polska, cop. 2011, ss. 48.

- Przybyłowiczowie Anna i Łukasz. *Rośliny: rzadkie i chronione*. Red. prowadzący Jakub Czajkowski, Paweł Zalewski. Seria Encyklopedia Przyrody: skarby polskiej natury, t. 7. Warszawa: De Agostini Polska, cop. 2011, ss. 48.
- Przybyłowiczowie Anna i Łukasz. *Rośliny: rośliny górskie*. Red. prowadzący Jakub Czajkowski, Paweł Zalewski. Seria Encyklopedia Przyrody: skarby polskiej natury, t. 10. Warszawa: De Agostini Polska, cop. 2011, ss. 48.
- Rośliny*. Tłum. Ewa Majkowska-Reutt. Red. Paulina Kędziora. Seria Ilustrowana Encyklopedia – Arti. Warszawa: Przedsiębiorstwo Wydawniczo-Handlowe „Arti” Artur Rogala, Mariusz Rogala, cop. 2011, ss. 32.
- Schuster Thomas. *Choroby roślin. Środki ochrony roślin i sposoby walki ze szkodnikami*. Tł. Anna Wolsan. Seria Quickfinder. Warszawa: Hachette Polska, 2011, ss. 178, [1] [na okł.: *szybka identyfikacja chorób na podstawie zamieszczonych fotografii, wykaz skutecznych środków ochrony roślin ogrodowych i pokojowych, ponad 120 opisów zdjęć szkodników i chorób roślin; zawiera Słowniczek*].
- Włodarczyk Zofia. *Rośliny biblijne. Leksykon*. Kraków: Instytut Botaniki im. W. Szafera Polskiej Akademii Nauk, cop. 2011, ss. 244, [2].
- Zielnik dla każdego czyli opis ziół wykorzystywanych w leczeniu domowym wraz z praktycznym zastosowaniem (napary, wywary i wyciągi zdrowotne)*. Zebrali i oprac. Jan Rogala oraz Robert Maciej. Seria Z Babcinego Notatnika. Ożarów Mazowiecki: Firma Księgarska Olesiejuk, 2011, ss. 175, [1] [*Spis chorób i wykaz ziół leczniczych*].

2012

- Czachorowska Magdalena. *Świat roślin w pismach Bolesława Prusa*. Bydgoszcz: Wydawnictwo Uniwersytetu Kazimierza Wielkiego, 2012, ss. 181 [zawiera *Słownik roślin*].
- Encyklopedia ziół*. Aut.: Łukasz Fiedoruk, Michał Mazik, Marcin Pastwa. Bielsko-Biała: Wydawnictwo Dragon, 2012, ss. 191, [1].
- Frey Ludwik, Tybur Janusz. *Atlas roślin pienińskich: kwiaty św. Kingi*. Kraków: Instytut Botaniki im. W. Szafera, Polska Akademia Nauk, 2012, ss. 249, [1].
- Hołubowicz-Kliza Grażyna, Korbas Marek. *Rolniczy atlas chorób*. Puławy: Instytut Nawożenia i Gleboznawstwa – Państwowy Instytut Badawczy, cop. 2012, ss. 327, [1].
- Houdret Jessica. *Wielka księga ziół leczniczych: tradycyjne środki ziołowe, które pomagają zwalczać częste dolegliwości, przyrządzenie krok po kroku, pokazane na ponad 750 fotografiach, ułożone alfabetycznie opisy 235 ziół, ze szczególnym uwzględnieniem leczniczych zastosowań każdego z nich*. Tłum. Jan Halbersztat. Warszawa: Reader's Digest Przegląd, 2012, ss. 256.
- Kamiński Wiesław et al. *Atlas przyrody: naturalnie kieszonkowy*. Seria Natura, Bielsko-Biała: Wydawnictwo Dragon, cop. 2012, ss. 250, [6].
- Krzyściak-Kosińska Renata, Kosiński Marek. *Atlas roślin*. Wyd. 2. Bielsko-Biała: Wydawnictwo Dragon, 2012, ss. 95.
- Lewkowicz-Mosiej Teresa. *Rośliny lecznicze. Leksykon*. Warszawa: Świat Książki, 2012, ss. 431, k. tabl. [16] [zawiera indeksy nazw polskich, łacińskich, angielskich, francuskich, niemieckich, rosyjskich].
- Mój zielnik. Kwiaty i zioła. Opisy roślin, barwne ilustracje, miejsca do wklejania*. Red. Beata Horosiewicz. Poznań: Olimp Media, cop. 2012, ss. 79.

- Przybyłowiczowie Anna i Łukasz. *Rośliny: rośliny łąkowe*. Cz. 1. Red. prowadzący Jakub Czajkowski, Paweł Zalewski. Seria Encyklopedia Przyrody: skarby polskiej natury, t. 13. Warszawa: De Agostini Polska, cop. 2012, ss. 48.
- Przybyłowiczowie Anna i Łukasz. *Rośliny: lasy – krzewy i rośliny zielne*. Cz. 1. Red. prowadzący Jakub Czajkowski, Paweł Zalewski. Seria Encyklopedia Przyrody: skarby polskiej natury, t. 16. Warszawa: De Agostini Polska, cop. 2012, ss. 48.
- Przybyłowiczowie Anna i Łukasz. *Rośliny: rośliny wodne i bagiennie*. Cz. 1. Red. prowadzący Jakub Czajkowski, Paweł Zalewski. Seria Encyklopedia Przyrody: skarby polskiej natury, t. 19. Warszawa: De Agostini Polska, cop. 2012, ss. 48.
- Przybyłowicz Łukasz. *Rośliny: rośliny parkowe i wprowadzone*. Red. prowadzący Jakub Czajkowski, Paweł Zalewski. Seria Encyklopedia Przyrody: skarby polskiej natury, t. 22. Warszawa: De Agostini Polska, cop. 2012, ss. 48.
- Przybyłowicz Łukasz. *Rośliny: lasy – krzewy i rośliny zielne*. Cz. 2. Red. prowadzący Jakub Czajkowski, Paweł Zalewski. Seria Encyklopedia Przyrody: skarby polskiej natury, t. 25. Warszawa: De Agostini Polska, cop. 2012, ss. 48.
- Przybyłowiczowie Anna i Łukasz. *Rośliny: rośliny łąkowe*. Cz. 2. Red. prowadzący Bartosz Kunowski, Paweł Zalewski. Seria Encyklopedia Przyrody: skarby polskiej natury, t. 29. Warszawa: De Agostini Polska, cop. 2012, ss. 48.
- Przybyłowicz Łukasz. *Rośliny: rośliny wodne i bagiennie*. Cz. 2. Red. prowadzący Bartosz Kunowski, Paweł Zalewski. Seria Encyklopedia Przyrody: skarby polskiej natury, t. 32. Warszawa: De Agostini Polska, cop. 2012, ss. 48.
- Przybyłowicz Łukasz. *Rośliny: rośliny lecznicze*. Red. prowadzący Bartosz Kunowski, Paweł Zalewski. Seria Encyklopedia Przyrody: skarby polskiej natury, t. 35. Warszawa: De Agostini Polska, cop. 2012, ss. 48.
- Przybyłowicz Łukasz. *Rośliny: lasy – krzewy i rośliny zielne*. Cz. 3. Red. prowadzący Bartosz Kunowski, Paweł Zalewski. Seria Encyklopedia Przyrody: skarby polskiej natury, t. 38. Warszawa: De Agostini Polska, cop. 2012, ss. 48.
- Rapiejko Piotr. *Alergeny pyłku roślin*. Wyd. 3. Warszawa: Medical Education, 2012, ss. 100 [CD pt.: *Atlas fotografii roślin alergogennych. Zawiera 1515 zdjęć roślin, których ziarna pyłku mają właściwości uczulające, fotografie przedstawiają kwiatostany i liście w różnych fazach rozwoju oraz obrazy mikroskopowe ziaren pyłku*].
- Słownik roślin medycznych*. Tł. Anna Matusik. Seria Biblioteczka Domowa. Zielarstwo, t. 7. Ożarów Mazowiecki: Wydawnictwo Olesiejuk, cop. 2012, ss. 57.
- Styczyński Marek. *Zielnik podróżny. Rośliny w tradycji Karpat i Bałkanów. Przewodnik alternatywny. Wprowadzenie do etnobotaniki*. Krosno: Wydawnictwo Ruthenus, cop. 2012, ss. 319, s. tabl. [8].
- Urbisz Andrzej. *Atlas rozmieszczenia roślin naczyniowych na Wyżynie Krakowsko-Częstochowskiej = Distribution atlas of vascular plants in the Kraków-Częstochowa uplands*. Katowice: Centrum Dziedzictwa Przyrody Górnego Śląska, 2012, ss. 397.
- Waniakowa Jadwiga. *Polskie gwarowe nazwy dziko rosnących roślin zielnych na tle słowiańskim. Zagadnienia ogólne*. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2012, ss. 282, [1] [zawiera indeksy nazw (s. 279–282): polskie nazwy naukowe, s. 251–253; polskie i kaszubskie nazwy potoczne, gwarowe i historyczne, s. 253–262; łacińskie nazwy naukowe, s. 262–264; łacińskie nazwy historyczne, s. 264–266; greckie nazwy historyczne, s. 266–266; nazwy słowiańskie: nazwy prasłowiań-

skie (s. 266–266), nazwy staro-cerkiewno-słowiańskie (s. 266–266), nazwy czeskie (s. 266–269), nazwy słowackie (s. 269–270), nazwy łużyckie (s. 272–272), nazwy białoruskie (s. 271–272), nazwy ukraińskie (s. 272–274), nazwy rosyjskie (s. 274–275), nazwy z Polesia (s. 275–275), nazwy słoweńskie (s. 275–276), nazwy serbskie i chorwackie (s. 276–278), nazwy bułgarskie i macedońskie (278–279), s. 266–279; nazwy niesłowiańskie: nazwy niemieckie (s. 279–281), nazwy niderlandzkie (s. 281–281), nazwy angielskie (s. 281–281), nazwy włoskie (s. 281–282)].

Witkowska-Zuk Leokadia. *Atlas roślinności lasów*. Seria Flora Polski. Warszawa: Multico Oficyna Wydawnicza, cop. 2012, ss. 592.

Zielnik czarodziejski to jest Zbiór przesądów o roślinach, przez Józefa Rostafińskiego, Warszawa: Grafika Iwona Knechta, 2012, ss. 200, [2].

Zioła i rośliny lecznicze: kieszonkowy atlas. Tł. Cezary Franciszek Murawski. Red. Bożena Zasiczna. Warszawa: Muza SA, 2012, ss. 192, k. tabl. [1].

2013

Chamovitz Daniel. *Zmysłowe życie roślin: podręczny atlas zmysłów*. Przeł. Dariusz Wójtowicz. Warszawa: Wydawnictwo WAB, 2013, ss. 183, [9] [na okł.: *Co wiedzą rośliny?*].

Ewolucja roślin i zwierząt. Tekst Jaromir Jaskuła. Red. prowadzący Paweł Zalewski. Seria Encyklopedia Przyrody: skarby polskiej natury, t. 59. Warszawa: De Agostini Polska, cop. 2013, ss. 48.

Hołubowicz-Kliza Grażyna, Mrówczyński Marek. *Atlas szkodników i owadów pożytecznych w integrowanej ochronie roślin*. Puławy: Instytut Uprawy Nawożenia i Gleboznawstwa – Państwowy Instytut Badawczy – Poznań: Instytut Ochrony Roślin – Państwowy Instytut Badawczy, 2013, ss. 248.

Mederska Małgorzata. *Atlas roślin leczniczych*. Seria Wademekum. Warszawa: Wydawnictwo SBM, cop. 2013, ss. 191 [1] [na s. tyt.: *Ponad 230 gatunków*].

Mysłiwy Monika, Schimroszyk Reinhard-Richard. *Słownik roślin leczniczych polsko-niemiecki = Heilpflanzen Wörterbuch Deutsch-Polnisch*. Szczecin: Wydawnictwo Hogben s.c., 2013, ss. 636.

Przybyłowicz Anna i Łukasz. *Ilustrowana encyklopedia roślin Polski*. Seria Klub Miłośników Książki. Warszawa: Dom Wydawniczy PWN, 2013, ss. 288.

Przybyłowicz Łukasz. *Rośliny. Rośliny uprawne*. Red. prowadzący Bartosz Kunowski, Paweł Zalewski. Seria Encyklopedia Przyrody: skarby polskiej natury, t. 41. Warszawa: De Agostini Polska, cop. 2013, ss. 48.

Przybyłowicz Łukasz. *Rośliny: paprotniki, mszaki i porosty*. Red. prowadzący Bartosz Kunowski, Paweł Zalewski. Seria Encyklopedia Przyrody: skarby polskiej natury, t. 44. Warszawa: De Agostini Polska, cop. 2013, ss. 48.

Przybyłowicz Łukasz. *Rośliny. Rośliny łąkowe*. Cz. 3. Red. prowadzący Paweł Zalewski. Seria Encyklopedia Przyrody: skarby polskiej natury, t. 47. Warszawa: De Agostini Polska, cop. 2013, ss. 48.

Przybyłowicz Łukasz. *Rośliny. Anatomia i rozwój*. Red. prowadzący Paweł Zalewski. Seria Encyklopedia Przyrody: skarby polskiej natury, t. 58. Warszawa: De Agostini Polska, cop. 2013, ss. 48.

- Przyroda Bielan warszawskich*. Red. nauk. Maciej Luniak. Wyd. 2. Muzeum i Instytut Zoologii PAN. Warszawa 2013, ss. 312 [*Słowniczek nazw gatunków roślin i zwierząt w języku polskim i łacińskim*].
- Sipowicz Kamil. *Encyklopedia polskiej psychodelii: [od Mickiewicza do Maślowskiej, od Witkacego do street-artu]*. Warszawa: Wydawnictwo Krytyki Politycznej, 2013, ss. 445, [3].
- [Syreński Szymon]. *Zielnik Herbarzem z języka Łacinskiego zowią. To iest Opisanie własne imion, kształtu, przyrodzenia, skutkow, y mocy Zioł wszelakich Drzew, Krzewin y korzenia ich, Kwiatu, Owocow, Sokow Miasg, Zywic y korzenia do potraw zaprawowania Takze Trunkow, Syropow, Wodek Lekiwarzew, Konfectow [...] Polskiem ięzykiem zebrany y na osmiero ksiąg rozłożony [...]*. Pilnie zebrane a porządnie zpisane przez D. Simona Syrennivsa. Warszawa: Grafika, 2013, ss. [22], 1540, [20] [tyt. okł.: *Zielnik D. Symona Syreniusa Herbarzem z ięzyka Lacinskiego zowia To iest Opisanie własne imion, kształtu, przyrodzenia, skutkow, y mocy Zioł wszela*].
- Szcześniak Krystyna. *Świat roślin światem ludzi na pograniczu wschodniej i zachodniej Słowiańszczyzny*. Wyd. 2 popr. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2013, ss. 410, + 1 dysk opt. CD-ROM [zawiera *Słownik [magicznych zastosowań roślin, których nazwy zostały zapisane w słowniczku Zośki Wieras i w fitonimicznych materiałach Elizy Orzeszkowej]*, s. 120-335 (z ekwiwalentami białoruskimi, rosyjskimi i łacińskimi); *Indeks nazw roślin: Nazwy łacińskie (355-363); Nazwy pisane cyrylicą (s. 363-380); Nazwy zapisane łacinką (s. 380-410)*].

2014

- Atlas przyrody*. Red. Justyna Brodłowicz, Małgorzata Gasińska, Izabela Jędraszek. Wierchy Parzeńskie: P.H.W. Fenix, [2014], ss. 96.
- Bieniek Adam. *Podręczny zielnik średniowiecznego muzułmanina. Księga dziwów stworzenia i cudów istnienia Al-Qazwīniego (XIII wiek) oraz zawarte w niej nazewnictwo i opisy roślin użytkowych*. T. 1. Kraków: Księgarnia Akademicka, cop. 2014, ss. 110.
- Halarewicz Aleksandra. *Atlas roślin: 200 gatunków*. Seria Wademekum. Warszawa: Wydawnictwo SBM, 2014, ss. 185, [7] [na okł.: *200 polskich gatunków*].
- Hołubowicz-Kliza Grażyna, Mrówczyński Marek. *Atlas szkodników i owadów pożytecznych w integrowanej ochronie roślin*. Puławy – Poznań: Wydawnictwo IUNG-PIB, 2014, ss. 248.
- Iwaniuk Arkadiusz. *Atlas ziół krajowych*. Warszawa: Bellona, cop. 2014, ss. 142, [2].
- Kurowski Lucjan. *Drzewa i krzewy iglaste*. Seria Ekspert w Ogrodzie. Warszawa: Multico Oficyna Wydawnicza, cop. 2014, ss. 328 [indeks].
- Macieszyna Maria. *Zielnik Płocka i okolicy. Rękopis z I poł. XX w.* [Dokument elektroniczny]. Towarzystwo Naukowe Płockie. Biblioteka im. Zielińskich. Raszyn: Mikrofilm-Service, [ca 2014], 1 dysk optyczny (CD-ROM).
- Mazik Michał. *Rośliny ozdobne. Encyklopedia*. Seria Twój Ekspert w Domu. Bielsko-Biała: Wydawnictwo Dragon, cop. 2014, ss. 189, [3].
- Mról Iwona, Wójcik Michał. *Ilustrowany atlas roślin*. Kalisz: Wydawnictwo i Dystrybucja Książek Martel, 2014, ss. 151.

- Pelcowa Halina. *Słownik gwar Lubelszczyzny*. T. 2: *Rolnictwo: transport wiejski, rośliny okopowe i paszowe, gleby i rodzaje pól, uprawa lnu i konopi, zbiór siana*. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2014, ss. 459.
- Pierścińska Agnieszka. *Rośliny naczyniowe wschodniej części Niecki Połanieckiej (Wyżyna Małopolska) i przyległej części Niziny Nadwiślańskiej (Kotlina Sandomierska) = Vascular plants of the eastern part of the Połaniec Basin (Małopolska Upland) and adjacent part of the Nadwiślańska Lowland (Sandomierz Basin)*. Seria Prace Botaniczne, Instytut Botaniki Uniwersytetu Jagiellońskiego 45. Kraków: nakładem Instytutu Botaniki Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2014, ss. 354.
- Pliszko Artur. *Flora roślin naczyniowych Pojezierza Zachodniosuwalskiego = The vascular plant flora of the Zachodniosuwalskie Lakeland*. Seria Prace Botaniczne, Instytut Botaniki Uniwersytetu Jagiellońskiego 48. Kraków: nakładem Instytutu Botaniki Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2014, ss. 349.
- Senderski Mateusz Emanuel. *Zioła w leczeniu dolegliwości i chorób układu moczowo-płciowego*, seri Mądrość Natury, 7. Podkowa Leśna: Wydawca Mateusz E. Senderski, cop. 2014, ss. 446 [zawiera indeksy].
- Urbisz Alina, Urbisz Andrzej. *Atlas rozmieszczenia roślin naczyniowych w Rybniku*. Katowice: Centrum Dziedzictwa Przyrody Górnego Śląska, 2014, ss. 119 [tekst równoległy polski i angielski].
- Urbisz Andrzej, Urbisz Alina. *Rośliny naczyniowe Rybnika = Vascular plants of Rybnik*. Katowice: Centrum Dziedzictwa Przyrody Górnego Śląska, 2014, s. 249.
- Wilson Andrew. *Encyklopedia małego ogrodu*. Specjalistyczne fot. Steven Wooster. Royal Horticultural Society. Tłum. TERKA – Marek Halczuk. Poznań: Publicat Wydawnictwo, cop. 2014, ss. 224 [na okł.: *Jak najlepiej wykorzystać niewielką przestrzeń pod gołym niebem*].
- Zielnik dla każdego: czyli opis ziół wykorzystywanych w leczeniu domowym wraz z praktycznym zastosowaniem: (napary, wywary i wyciągi zdrowotne)*. Zebrali i oprac. Jan Rogala oraz Robert Maciej. Ożarów Mazowiecki: Wydawnictwo Olesiejuk, cop. 2014, ss. 175, [1] [zawiera *Spis chorób i wykaz ziół leczniczych*].

2015

- Bogdański Mirosław. *Bardzo rzadkie gatunki roślin synantropijnych zebrane w latach 1987–2014 w Polsce. Zielnik*. Krzeszowice: Wydawnictwo „Kubajak”, 2015, ss. 74.
- Bogdański Mirosław. *Rzadkie gatunki roślin we florze synantropijnej terenów kolejowych linii Kraków–Katowice–Kielce zebrane w latach 1985–2014 w Polsce. Zielnik*. Krzeszowice: Wydawnictwo „Kubajak”, 2015, ss. 30.
- Fiedoruk Łukasz, Mazik Michał, Pastwa Marcin. *Zioła: encyklopedia*. Seria Twój Expert w Domu. Bielsko-Biała: Wydawnictwo Dragon, 2015, ss. 191, [1].
- Halarewicz Aleksandra. *Atlas ziół: 120 jadalnych gatunków*. Seria Wademekum. Warszawa: Wydawnictwo SBM, 2015, ss. 191, [1] [na okł.: *Kulinarne wykorzystanie roślin dziko rosnących*].
- Korbas Marek, Czubiński Tomasz, Horoszkiewicz-Janka Joanna, Jajor Ewa, Danielewicz Jakub. *Atlas chorób roślin rolniczych dla praktyków*. Poznań: Polskie Wydawnictwo Rolnicze, 2015, ss. 368.

- López María Tránsito, Máñez Carlota. *Zioła. Naturalne sposoby na różne dolegliwości*, Przekład Karolina Sikora-Zachariasz. Seria Leksykon Zdrowia, 3. Warszawa: Ringier Axel Springer Polska – [Kielce]: Wydawnictwo Jedność, cop. 2015, ss. 95, [1].
- Mederska Małgorzata, Mederski Paweł. *Atlas dzikich kwiatów: kulinarne i lecznicze wykorzystanie kwiatów dziko rosnących*. Seria Wademekum. Warszawa: Wydawnictwo SBM, cop. 2015, ss. 191, [1].
- Pawłowska Jolanta, Pawłowski Jacek. *Atlas roślin Doliny Baryczy: charakterystyczne gatunki roślin*. Il. Jakub Józefczuk, Milicz: Stowarzyszenie „Partnerstwo dla Doliny Baryczy”, 2015, ss. 124 [u góry okł. nazwa programu: *Edukacja dla Doliny Baryczy*].
- Przybyłowiczowie Anna i Łukasz. *Ilustrowana encyklopedia roślin Polski: atlas*. Wyd. 1, dodruk. Warszawa: Dom Wydawniczy PWN, 2015, ss. 288.
- Zubel Robert, Danylyk Ihor, Rabyk Iryna, Lobaczewska Oksana, Soroka Mirosława. *Bryophytes of the Roztocze region (Poland and Ukraine): a checklist of liverworts and mosses*. Lublin: Towarzystwo Wydawnictw Naukowych Libropolis, 2015, ss. 146.

2016

- Bogdański Mirosław. *Rzadkie gatunki chwastów polnych zebrane w latach 1981–2015 w Polsce. Zielnik*. Krzeszowice: Wydawnictwo „Kubajak”, 2015, ss. 122.
- Brodacki Michał. *Przyroda ojczysta. Encyklopedia dla całej rodziny*. Warszawa: MULTICO Oficyna Wydawnicza, cop. 2016, ss. 224.
- Gawryś Wiesław. *Słownik roślin zielnych: łacińsko-polski*. Kraków: Officina Botanica, 2008, ss. 199.
- Hołubowicz-Kliza Grażyna. *Rolniczy atlas chorób*. Puławy: Wydawnictwo IUNG-PIB, 2016, ss. 419.
- Ilustrowana encyklopedia zwierząt i roślin Polski*. Oprac. Jerzy Abramowicz et al. Warszawa: Dom Wydawniczy PWN – Bełchatów: P. H. W. Fenix, 2016, ss. 608.
- Iwaniuk Arkadiusz. *Atlas ziół krajowych*. Warszawa: Bellona, cop. 2016, ss. 142, [1].
- Korbas Marek, Jajor Ewa, Horoszkiewicz-Janka Joanna, Danielewicz Jakub. *Atlas chorób roślin rolniczych*. Warszawa: Hortpress, 2016, ss. 212.
- Kujawska Monika, Łuczaj Łukasz, Sosnowska Joanna, Klepacki Piotr. *Rośliny w wierzeniach i zwyczajach ludowych – Słownik Adama Fischera*. Seria Prace i Materiały Etnograficzne = Travaux et Matériaux Ethnographiques, Polskie Towarzystwo Ludoznawcze, t. 37. Wrocław: Polskie Towarzystwo Ludowe, 2016, ss. 518, [1].
- Leksykon terminologii europejskiej i międzynarodowej w kontroli sanitarnej, fitosanitarnej i farmaceutycznej*. Red. Marcin Janik. Katowice: Uniwersytet Śląski – Białystok: Partner Poligrafia, Andrzej Kardasz, 2016, ss. 148, [2].
- Mederska Małgorzata. *Atlas roślin doniczkowych: 200 gatunków ozdobnych*. Seria Wademekum. Warszawa: Wydawnictwo SBM, cop. 2016, ss. 191, [1].
- Mirek Zbigniew. *Rośliny naczyniowe Rowu Podtatrzańskiego: flora i atlas rozmieszczenia = Vascular plants of the Sub-Tatra Furrow: flora and distribution atlas*. Kraków: Instytut Botaniki im. W. Szafera Polskiej Akademii Nauk, 2016, ss. 314.
- Motta Giuseppe Bertelli. *Lecznicze rośliny Biblii. Tajemnice zdrowotne Pisma Świętego*. Tłumaczenie Agnieszka Zielińska, konsultacja i uzupełnienie wydania polskiego Anita Magowska. Kraków: Wydawnictwo Esprit, 2016, ss. 292, [4] [zawiera słownik].

Polska czerwona lista paprotników i roślin kwiatowych = Polish red list of pteridophytes and flowering plants. Red. Róża Kaźmierczakowa. Oprac. Róża Kaźmierczakowa, Joanna Bloch-Orłowska, Zbigniew Celka, Anna Cwener, Zygmunt Dajok, Dorota Michalska- Hejduk, Paweł Pawlikowski, Ewa Szczęśniak, Krzysztof Ziarnik. Instytut Ochrony Przyrody. Polska Akademia Nauk. Kraków: Instytut Ochrony Przyrody. Polska Akademia Nauk, 2016, ss. 44.

Rejewski Marian. *Nazwy roślin.* Toruń: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 2016, ss. 323, [2].

Rośliny lecznicze. Tekst Dorota Gnatowska. Seria Kolekcje Muzeum Rolnictwa im. ks. Krzysztofa Kluka w Ciechanowcu. Ciechanowiec: Muzeum Rolnictwa im. ks. Krzysztofa Kluka – Białystok: Urząd Marszałkowski Województwa Podlaskiego. Departament Kultury i Dziedzictwa Narodowego, 2016, ss. [4], 324.

Rośliny ozdobne: ogród z pasją. Tekst Krzysztof Ulanowski. Seria Natura – Books. Żychlin: Books, 2016, ss. 76, [4].

Rysiak Anna. *Atlas of distribution of vascular plants in Lublin = Atlas rozmieszczenia roślin naczyniowych w Lublinie.* Lublin: Kartpol, 2016, ss. 214.

Senderski Mateusz Emanuel. *Zioła dla układu oddechowego i oczu.* Seria Mądrość Natury, 8. Podkowa Leśna: Wydawca Mateusz E. Senderski, cop. 2016, ss. 256, XV [zawiera indeksy].

Styczyński Marek. *Zielnik podróżny. Rośliny w tradycji Karpat i Bałkanów. Przewodnik alternatywny. Wprowadzenie do etnobotaniki.* Krosno: Wydawnictwo Ruthenus, cop. 2016, ss. 319, s. tabl. [8].

Zielnik czarodziejski to jest Zbiór przesądów o roślinach. Przez Józefa Rostańskiego. Katowice: P.H.U. Zeta Tadeusz Zawada, 2016, ss. [2], 191, [1].

2017

Atlas roślin Polski. Aut. tekstu Renata Krzyściak-Kosińska, Marek Kosiński. Seria Unica, Bielsko-Biała: Wydawnictwo Dragon, 2017, ss. 30, [2] [na okł. podt.: *Kompendium wiedzy dla dzieci wrażliwych na piękno przyrody*].

Fijołek Monika. *Atlas dzikich roślin jadalnych: 150 polskich gatunków.* Seria Wademekum. Warszawa: Wydawnictwo SBM, 2017, ss. 191, [1].

Mazik Michał. *Rośliny wodne: uprawa, pielęgnacja.* Seria Poradnik Ogrodnika – Natura. Bielsko-Biała: Wydawnictwo Dragon, 2017, ss. 47, [1].

Mederska Małgorzata. *Ilustrowany leksykon roślin leczniczych: ponad 230 gatunków ziół, owoców i ich zastosowanie,* Chorzów: Grupa Arkadia, 2017, s. 191, [1].

RECENZJE
РЕЦЕНЗИИ
REVIEWS

Ewa Konefał. *Przekładoznawstwo rosyjskie. Tom I. Autoreferaty dysertacji 1937–2015*. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2016, 369 ss.

(nadesłano: 26.04.2017; zaakceptowano: 27.04.2017)

Gdy prawie dziewięćdziesiąt lat temu, w 1928 roku, Stefan Vrtel-Wierczyński (1886–1963), profesor Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza w Poznaniu, bibliotekarz i bibliograf, a jednocześnie historyk literatury polskiej i słowiańskiej, pisał, że „Każda nauka powinna mieć swoją własną bibliografię, opracowaną wyczerpująco i systematycznie, przystosowaną do jej potrzeb, obejmującą jej całokształt”¹, nie uwzględniał zapewne, jak bardzo rozwinie się technika pod koniec XX stulecia, a nowe technologie multimedialne wspomogą każdego badacza, który podejmie się jakże żmudnego, pozornie tylko nieatrakcyjnego intelektualnie i – wydawać by się mogło – mało użytecznego przedsięwzięcia, którego celem ostatecznym byłoby stworzenie dzieła kompletnego, o ambicjach monograficznych, w pełni przemyślanego koncepcyjnie, a przy tym – całkiem ambitnego edytorsko.

Słowa Stefana Vrtla-Wierczyńskiego, w funkcji cytatu poprzedzającego całą książkę, trafnie wykorzystała dr Ewa Konefał, Autorka recenzowanej pracy, wysyłając do odbiorcy czytelny sygnał o tym, że tworzenie opracowań bibliograficznych ma przede wszystkim sens, ma także sporą tradycję, a zebrane w przeszłości doświadczenia mogą się okazać przydatne także dzisiaj, gdy współczesny badacz zastanawia się nad optymalną strukturą własnego tekstu, w którym przystępnie, systemowo, całościowo, wyczerpująco, obiektywnie i rzetelnie dałoby się zawrzeć rozległą wiedzę z obszaru wielu nauk, zamkniętą w dość pojemnej ramie czasowej, bo obejmującej 78 lat aktywności twórczej różnorodnych przedstawicieli świata nauki. Dlatego z pełną świadomością trudów, które wystąpią podczas pokonywania poszczególnych etapów podjętego przedsięwzięcia, dr Ewa Konefał uczyniła jednak autoreferaty dysertacji prac naukowych, kandydackich (w rzeczywistości polskiej – doktorskich) i doktorskich (w rzeczywistości polskiej – habilitacyjnych), jakie stały się podstawą przewodów przeprowadzanych w instytucjach naukowych oraz uczelniach wyższych ZSRR, Federacji Rosyjskiej i państw obszaru po upadku komunizmu, przedmiotem docieklivej eksploracji. Wybór materiału faktograficznego nie był, jak podaje Autorka monografii, przypadkowy, ponieważ w jej słusznym przekonaniu rozprawy naukowe z definicji odzwierciedlają na bieżąco stan badań w określonym obszarze i „stanowią również główną formę prezentacji wieloletnich indywidualnych poszukiwań badawczych”.

Całość opracowania została podzielona dychotomicznie, na dwie części, które poprzedza *Przedmowa*. W każdej części znajdują się rozdziały w liczbie odpowiadają-

¹ S. Vrtel-Wierczyński. *O najpilniejszych zadaniach naszej bibliografii*. „Przegląd Biblioteczny” 1928, z. 3, s. 197.

cej założeniom koncepcyjnym Autorki. Tak więc, w części pierwszej, zatytułowanej *Charakterystyka bazy bibliograficznej*, po *Wstępie* pojawiają się następujące rozdziały: I. *Opis materiału faktograficznego*, II. *Badania nad przekładem a nomenklatura specjalności pracowników naukowych*, III. *Przekład jako obiekt badań naukowych w świetle danych bibliograficznych*. Jak widać, zaproponowany przez dr Ewę Konefał układ odpowiada współczesnym podejściom do eksploracji obszaru o złożonych, bo obcojęzycznych źródłach, wymagających fachowego wprowadzenia i zasygnalizowania podobieństw oraz różnic wynikających z badania odmiennych od polskiej sfer kulturowych. Stąd szczegółowe omówienie w ramach rozdziału pierwszego takich kwestii, jak: 1. Źródła ekscerpcji, 2. Zasięg terytorialny i chronologiczny, 3. Sposób systematyzacji, 4. Zasady opisu bibliograficznego. W rozdziale drugim, *Badania nad przekładem a nomenklatura specjalności pracowników naukowych*, zgodnie z jego brzmieniem, Autorka scharakteryzowała zależności pomiędzy aspektami translatologicznymi i bazą nazewnictwą, dostrzegając w danym obszarze kwestie, które nie zawsze były podejmowane w badaniach tego typu. Wreszcie, w rozdziale trzecim, *Przekład jako obiekt badań naukowych w świetle danych bibliograficznych*, dr Ewa Konefał istotnie przybliżyła się do zasadniczego nurtu opracowania przez wskazanie jedenastu obszarów naukowych, począwszy od nauk matematyczno-fizycznych i technicznych, przez nauki historyczne, filozoficzne, filologiczne (w rozbiciu na literaturoznawstwo i językoznawstwo), prawne, pedagogiczne, medyczne, o sztuce, psychologiczne, kulturoznawstwo, a na bibliotekoznawstwie (łącznie z bibliograficznawstwem i bibliologią) skończywszy. Tutaj także w ujęciu statystycznym i, najogólniej mówiąc, geograficzno-socjologicznym, zsyntetyzowano pokazną wiedzę o liczbie obronionych dysertacji w poszczególnych latach oraz miejscach przewodów doktorskich i habilitacyjnych, tworząc tym samym swoistą mapę aktywności naukowej placówek badawczych w byłym ZSRR oraz Federacji Rosyjskiej.

Część druga, *Wykaz autoreferatów dysertacji doktorskich i kandydackich za lata 1937–2015*, jest, według mnie, w aspekcie bibliograficznym najważniejsza i najcenniejsza, odsłania bowiem to, do czego zobowiązuje tytuł całego dzieła i zawiera przebogate wykazy, które bezkomentarzowo przekonują o tym, co, gdzie i w jakim konkretnie czasie zostało uczynione na niwie przekładoznawstwa rosyjskiego na poziomie rozpraw kandydackich i doktorskich. Układ prezentacji poszczególnych osiągnięć badawczych jest prawie identyczny z podziałem, jaki Autorka zastosowała w rozdziale trzecim części pierwszej, z tą jednak różnicą, że teraz nauki matematyczno-fizyczne zostały oddzielone od nauk technicznych. Każdej wyodrębnionej nauce towarzyszą wykazy autoreferatów: tylko kandydackich albo doktorskich i kandydackich.

Osobną i sporą wartością poznawczą mają rozbudowane przypisy świadczące o doskonałej orientacji Badaczki w dawnych i najnowszych kwestiach metodologicznych oraz znajomości źródeł. Opracowanie wzmacniają partie towarzyszące, jak *Wykaz skrótów* (tekstowych i odnoszących się do instytucji), *Spis tablic* oraz *Indeks nazwisk*. Szczególnie warto podkreślić liczbę skrótowców oraz akronimów, za którymi skrywają się aż 193 adresy placówek, mających związek z powstaniem pracy naukowej: doktorskiej i habilitacyjnej. Liczba skrótowców i akronimów nie pokrywa się jednak z pojedynczymi nazwami przywoływanych instytucji, ponieważ uwzględniła ona wewnętrzne ewolucje nomenklaturowe, jakie poszczególne ośrodki badawcze przechodziły

w swojej historii. W tablicach zaś Autorka skomasowała dane, których podstawą stały się obserwacje nad przekładoznawstwem z obszaru rosyjskojęzycznego. Otrzymaliśmy zatem cztery tablice, będące zestawieniem sumarycznym autoreferatów rozpraw: 1. w ramach poszczególnych dziedzin/grup specjalności w ujęciu chronologicznym, 2. odzwierciedlających miejsce powstania dokumentu, 3. związanych ze specjalnościami literaturoznawczymi i 4. związanych ze specjalnościami językoznawczymi.

To, co szczególnie interesuje mnie w recenzowanym opracowaniu, wiąże się z jego zakotwiczeniem w tradycji, stosunkiem do znanych rozwiązań edytorskich oraz tym nowym, co wnosi ono do nauki. O bogatą tradycję w danym przypadku jest stosunkowo trudno, gdyż, jak słusznie zauważa Autorka, mamy tutaj do czynienia z sytuacją paradoksalną: pomimo upływu prawie stu lat rosyjskie przekładoznawstwo naukowe nie doczekało się całościowego ujęcia, z którego wynikałoby jego bogactwo oraz różnorodność. Co dziwniejsze – odczuwalna pustka bibliograficzna w danym zakresie z punktu widzenia Rosjanina dotyczy obszaru rodzimego, radzieckiego i postradzieckiego. Owszem, były wcześniej podejmowane pewne próby ogarnięcia rozległego obszaru translatologicznego, lecz żadna z nich, najprawdopodobniej z uwagi na niemożność opanowania rzeczy niezwykle trudnej do całościowego i wielostronnego opisu zjawiska, kończyła się zwykle fiaskiem, albowiem prezentację sylwetek wybranych, najbardziej reprezentatywnych przedstawicieli przekładoznawstwa rosyjskiego raczej trudno utożsamiać z kompleksowym podejściem do problemu.

Autorka, podejmując się realizacji jakże ambitnego projektu, wyszła z założenia, że jego powodzenie – pomimo określonych trudności różnorodnej natury, w tym – obszaru zainteresowań translatologii, odczuwalnej rozległości terytorialnej tworzących ją dzieł oraz nie tak znów małej cezurzy chronologicznej – jest jednak możliwe, jeśli uwzględnieni się wszystkie prace konstytuujące daną dyscyplinę. Dlatego końcową syntezę poprzedziła głębokim rozpoznaniem retrospektywnej bibliografii dziedzinowej, zawierającej wykaz prac przekładoznawczych w szerokim tego słowa znaczeniu. Widać, że dr Ewa Konefał kierowała się w swoim postępowaniu eksploracyjnym nieśmiertelnymi wskazówkami Stefana Vrtla-Wierczyńskiego, odstąpiła bowiem od sporządzania tzw. bibliografii zalecającej, a więc selektywnej, na rzecz bibliografii kompleksowej, a nie reprezentatywnej dla danej dziedziny nauki. Trudno nie zgodzić się z Badaczką, która stoi na stanowisku, że „nie jest możliwa racjonalna ocena stanu dyscypliny oraz formułowanie wiarygodnych wniosków na temat dynamiki jej rozwoju na podstawie luźnych przypuszczeń i pozbawionych rzetelnej podstawy hipotez powielanych przez różnych badaczy. Niezbędna jest analiza kompletnych danych, zarówno kwantytatywnych, jak i kwalifikatywnych, pozwalających trafnie zdiagnozować postęp, kierunki i intensywność badań w poszczególnych okresach i na poszczególnych etapach ewolucji danej dziedziny nauki”. To swego rodzaju napędowe „credo” pozwoliło Autorce osiągnąć zamierzone cele, wśród których nadrzędnym stało się stworzenie możliwie jak najbardziej kompletnej retrospektywnej bazy bibliograficznej, gromadzącej liczne prace z dziedziny badań nad przekładem.

Żmudne prace dokumentacyjne, jakie zostały podyktowane realizacją danego projektu, podzieliła Autorka na trzy etapy rejestracyjne, obejmujące utrwalenie: 1. efektów działalności naukowej w obszarze badań nad przekładem w postaci autoreferatów dysertacji naukowych, 2. dorobku monograficznego, podręczników i skryptów aka-

demickich z zakresu przekładoznawstwa teoretycznego oraz aplikatywnego, 3. prac o tematyce przekładoznawczej w postaci artykułów opublikowanych w czasopismach naukowych. W ocenie Badaczki, trój etapowość prac była umotywowana obszernością rejestrowanego materiału faktograficznego oraz jego heterogenicznością, co implikowało konieczność zastosowania różnych sposobów systematyzacji. Wszystko to pomyślnie przywiodło dr Ewę Konefał do osiągnięcia efektów końcowych, jakimi stała się nie tylko prezentacją i ocena merytoryczna dziedzictwa radzieckiej i postradzieckiej myśli tłumaczeniowej, lecz także stworzenie mapy rosyjskiej nauki o przekładzie, uwzględniającej instytucjonalną strukturę ośrodków badawczych, redakcje czasopism i wydawnictwa zaangażowane w budowanie wiedzy o tamtejszej translatoologii.

Z uwagi na najbliższą mi dyscyplinę naukową, czyli literaturoznawstwo, dokonam krótkiego rekonesansu właśnie w tym obszarze, by zobrazować, w jaki sposób Badaczka komentowała osiągnięcia przekładoznawcze w pozostałych wyodrębnionych przez siebie naukach. Bezspornie, nauki filologiczne z uwagi na przedmiot eksploracji są najbardziej predestynowane do stałego podejmowania wielu różnorodnych kwestii związanych z przekładem, jego praktyką i krytyką tłumaczenia. Fakt ten przekłada się także wyraźnie na wskaźniki statystyczne, ponieważ liczba zarejestrowanych w danej grupie dokumentów należy do najwyższych, a sporządzony przez dr Ewę Konefał wykaz zawiera aż 1927 pozycji autoreferatów dysertacji z dziedziny nauk filologicznych, w tym 1762 pozycje odnoszą się do rozpraw kandydackich, a 165 – doktorskich, co łącznie stanowi 87,5% wszystkich odnotowanych dokumentów, jakie mają związek z przekładoznawstwem.

W translatoologii do dzisiaj pokutuje przekonanie, że radzieckie studia nad przekładem w XX wieku były zdominowane przez ujęcia literaturoznawcze. Tymczasem z danych przedstawionych w ocenianym tomie wynika, że zagadnienia typowo lingwistyczne wcale nie były zmarginalizowane. Badaczka dowiodła, że w analizowanym przez nią okresie w ramach specjalności literaturoznawczych zarejestrowano 555 autoreferatów dysertacji (51 doktorskich i 504 kandydackich), a zatem resztę, czyli 1372 (prawie 72%!) dysertacje stanowiły dzieła językoznawcze.

Najwcześniejsze naukowe prace literaturoznawcze znalazły odbicie w rejestrach pod koniec lat 40. XX wieku. ubiegłego stulecia, a wykaz ten otworzyła wzmianka o dysertacji Fiodora Awiłowa, obronionej w Instytucie Historii Akademii Nauk Gruzji w Tyflisie. W następnym dziesięcioleciu zarejestrowano 21 autoreferatów dysertacji kandydackich. W latach 60. minionego stulecia liczba ta się prawie podwoiła, gdyż bazę naukową zasililo 38 rozpraw kandydackich i 4 doktorskie. W dwóch kolejnych dziesięcioleciach tendencja wzrostowa została utrzymana: lata 70. przyniosły 79 autoreferatów (6 doktorskich i 73 – kandydackie), a lata 80. – 116 (109 kandydackich i 7 doktorskich). Potem nastąpiła zmiana tempa oraz liczby prac naukowych z uwagi, najprawdopodobniej, na przemiany ustrojowe w ZSRR. Tak więc w latach 90. XX wieku odnotowano łącznie 93 autoreferaty: 79 kandydackich i 14 doktorskich. Niewykluczone, że względna stabilizacja polityczna w Federacji Rosyjskiej i dawnych jej republikach wpłynęła korzystnie na ożywienie również w dziedzinie naukowej, albowiem w pierwszej dekadzie XXI wieku nauka wzbogaciła się o 10 rozpraw doktorskich i 118 kandydackich z obszaru przekładoznawstwa. Z poczynionych przez Badaczkę obserwacji wynika, że do roku 2015 liczba zarejestrowanych dokumentów pozostaje

na podobnym poziomie: w latach 2010–2015 odnotowano bowiem 74 autoreferaty: 10 – dysertacji doktorskich i 64 – kandydackie.

Autorka obok kwestii statystycznych zwraca także uwagę na problemy nomenklaturowe związane z uzyskiwanym stopniem naukowym. Zauważa na przykład, że „W obrębie grupy specjalności literaturoznawczych nie ma takiej, której podstawowy obiekt zainteresowań badawczych stanowiłby przykład. Badania nad przekładem w największym stopniu wpisują się w formułę specjalności 10.01.08 – teoria literatury, tekstologia. Jest to zarazem jedyna specjalność, w opisie której *explicite* pojawia się działalność przekładowa, a konkretnie rzecz ujmując – synteza dorobku działalności translatorsko-literackiej”. Stąd nie dziwi, że „autoreferatów rozpraw powstałych w obrębie powyższej specjalności jest zaskakująco mało w porównaniu z dokumentami powstającymi w ramach innych specjalności (...). Najwięcej dysertacji przedstawiających literaturoznawczo zorientowane badania nad przekładem powstało w zakresie specjalności 10.640/10.01.01 – literatura rosyjska (również w połączeniu z innymi specjalnościami)”.

W ramach projektu *Przekładoznawstwo rosyjskie* Ewa Konefał interesowała się także tematyką badań, jakie prowadzono w ramach wymienionej powyżej specjalności, by zauważyć, że obejmuje ona głównie historię literatury rosyjskiej w stosunkowo szerokim paśmie chronologicznym, bo od XI do XXI w. Wśród szczegółowych obszarów zainteresowań ważne miejsce obok historii poszczególnych epok literackich zajęły bibliografie i twórczość poszczególnych autorów, kwestie warsztatu literackiego, jak też idiolekt twórcy, jego cechy psychologiczne i ich odzwierciedlenie w dziele literackim, wreszcie – związki literatury rosyjskiej z literaturami narodów Związku Radzieckiego (później – Federacji Rosyjskiej) i literaturą światową. Jak podkreśla Autorka, „Lwią część rozpraw powstałych w ramach powyższej specjalności w okresie radzieckim stanowią analizy przekładu dzieł literatury rosyjskiej na języki narodów ZSRR oraz łączące je związki literackie”. Następne ustalenia Badaczki wiążą się z autoreferatami o specjalności 10.01.02 – literatura sowiecka, 642/10.642/10.01.03 – literatura narodów ZSRR/Federacji Rosyjskiej (ze wskazaniem konkretnej literatury). Co ciekawe, tematyka bronionych rozpraw naukowych odzwierciedlała, jak sugeruje Autorka, pewne cechy polityki państwa, o ile bowiem państwo dbało o rozwój badań nad dorobkiem literackim narodów ZSRR oraz ich związkami za sprawą przekładów z literaturą rosyjską, o tyle dał się odczuć wyraźny brak wsparcia z jego strony dla badań nad przekładami literatur zachodnich. Fakt ten miał bezpośredni wpływ na liczbę przewodów, w których podejmowano problematykę przekładów literatur Europy Zachodniej i Ameryki. Nieliczne są także w tym względzie rozprawy naukowe dotyczące literatur narodów Azji i Afryki.

Jak podkreśla Badaczka, zgromadzone w jej opracowaniu dane o rozprawach w ramach dyscypliny literaturoznawczej, mieszczą się w dziedzinie komparatystyki literackiej, a najczęściej podejmowanym zagadnieniem była recepcja tłumaczonego dzieła lub twórcy oraz ich odbiór krytyczny w literaturze przyjmującej. Ponadto podejmowano następujące problemy badawcze: „wpływ przekładów literatur obcych na rozwój literatury przyjmującej; kwestie literaturoznawczo zorientowanej stylistyki: styl autora, dzieła, epoki literatury wyjściowej i sposób ich przekazania w dziele tłumaczonym; zachowanie kolorytu oraz narodowej specyfiki oryginału w procesie jego przekładu

na kulturowo odmienny język obcy; problem interpretacji; wreszcie: kwestia osoby tłumacza jako pośrednika i indywidualności twórczej”. Nie bez pewnego zaskoczenia Autorka stwierdza, że „Dysertacji syntetyzujących ogólną wiedzę o przekładzie jest zaskakująco mało”.

Zgodnie z zapowiedzią i wyznaczonymi celami, dr Ewa Konefał uwzględniła w swoim projekcie także aspekty geograficzno-socjologiczne w odniesieniu do broniomych prac doktorskich i habilitacyjnych. Wyniki z obserwacji danego obszaru okazały się swego rodzaju niespodzianką, albowiem wbrew mylnemu, w rzeczy samej, założeniu, że palma pierwszeństwa badawczego w zakresie translatologii powinna należeć do Moskwy lub Leningradu (Petersburga), wiodących ośrodków w ZSRR i Federacji Rosyjskiej, pierwsze miejsce na mapie radzieckiej translatologii literaturoznawczej zajęła... Taszkient. Tam bowiem, w stolicy Uzbeckiej SRR, do końca 1991 r. przedstawiono w ramach przewodów 66 dysertacji, z czego aż 52 w Instytucie Języka i Literatury im. Aleksandra S. Puszkina Akademii Nauk Uzbeckiej SRR. Tymczasem w całej Rosyjskiej FSRR w porównywalnym okresie odnotowano 45 autoreferatów: 32 w Moskwie, 9 w Leningradzie, 3 w Kazaniu i 1 w Ułan Ude. W pozostałych republikach radzieckich przedstawiono łącznie do obrony przedstawiono 251 rozpraw, co przekonyuje, że nie małą rolę – przynajmniej w aspekcie statystycznym – w radzieckiej nauce o przekładzie odgrywały były republiki. Niewykluczone, że popularność ośrodków w Taszkencie i Tbilisi wiązała się z łatwiejszą drogą w uzyskaniu stopnia naukowego, ponieważ nierzadko w placówkach tych otwierano przewody badaczom, których rozprawy powstawały w Moskwie i Leningradzie.

Sama Autorka celnie scharakteryzowała swoje dzieło następująco: „Ze względu na różnorodność zgromadzonego materiału przedkładane do rąk czytelnika zestawienie bibliograficzne powinno stanowić cenne źródło informacji i przyczynę do dalszych badań szczegółowych nie tylko dla teoretyków przekładu, lecz również komparatystów – językoznawców i literaturoznawców, historyków, filozofów, psychologów, dydaktyków przekładu i nauczycieli języków obcych, bibliografów i bibliologów, socjologów nauki itd. Winno ono również być cennym źródłem informacji dla studentów i doktorantów kierunków rusycystycznych przygotowujących prace magisterskie i rozprawy doktorskie z dziedziny translatologii, zarówno poprzez wskazanie obszarów niezagospodarowanych, jak i tematów nadmiernie eksploatowanych, co pozwoli uniknąć niepotrzebnego dublowania podejmowanych problemów badawczych i skoncentrować uwagę badaczy na problemach i zagadnieniach, które do tej pory nie znalazły dogłębnego opracowania”.

Przed badaczami i autorami opracowań tego typu, co obecnie recenzowane, jest jeszcze bardzo długa i niełatwa droga, by uczynić zadość ogromnym i ambitnym oczekiwaniom, jakie w latach 60. i 80. XX wieku sformułował György Radó (1912–1994), węgierski historyk literatury, tłumacz i teoretyk przekładu literackiego. Marzył on o stworzeniu uniwersalnej bazy danych na temat historii światowej translatologii. Etapem początkowym w jej urzeczywistnieniu miałoby być powstanie pełnej bibliografii prac przekładowych oraz przekładoznawczych. Ambicją dr Ewy Konefał było rzetelne opracowanie fragmentu panoramicznej mozaiki translatologicznej, o jakiej pisał Radó, zawężonej bowiem do pola dorobku radzieckich i postradzieckich badaczy przekładu. I chociaż otrzymaliśmy zaledwie pojedynczy obraz z wielobarwnego i wielokształtne-

go przekładoznawczego kalejdoskopu, to jest to niezwykle kolorowy, ważny i potrzebny kadr, na który od dawna czekaliśmy.

Nie zawsze, a szkoda, pisze się w recenzjach o tym, kto był opiniodawcą wydawniczym określonej publikacji. Szkoda, ponieważ również nazwisko osoby, dopuszczającej dzieło do druku, ma w sobie dodatkowy walor, który stanowi na ogół rękojmię jakości tekstu. Dlatego nie sposób nie wspomnieć o dr hab. Katarzynie Wojan, profesor Uniwersytetu Gdańskiego, która recenzowała tom *Przekładoznawstwo rosyjskie*, a że sama Opiniodawczyni ma na swoim naukowym koncie kilka fundamentalnych bibliografii, można z zaufaniem przyjąć, że także oceniana przez nią monografia dr Ewy Konefał jest pod względem merytorycznym bez zarzutu.

W moim odczuciu recenzowane opracowanie jest nowoczesne, rzetelne, a przez to badawczo solidne, przy tym potrzebne, gdyż udanie utrwała stan badań nad bardzo rozległą dziedziną, jaką jest przekładoznawstwo rosyjskie. Siedemdziesiąt osiem lat ludzkiego wysiłku w oswojaniu złożonej lingwalnej rzeczywistości zostało zapisane na prawie czterystu stronach dzieła. Tego typu monografie funkcjonują w obiegu naukowym nie tylko jako swoisty dokument epoki, która go stworzyła (w tym przypadku – dwóch jakże różnych stuleci), lecz także jako potencjalne źródło inspiracji dla kolejnych badaczy, podejmujących benedyktyński wysiłek zbierania, porządkowania i prezentacji danych wedle określonego klucza. Tego rodzaju czynności badawcze trzeba bezwzględnie otwarcie pochwalać, starannie pielęgnować i w miarę możliwości doceniać, gdyż autorzy tego typu, co dr Ewa Konefał, piszą współczesną kronikę translatologiczną, inną wprawdzie w warstwie treściowej od Długoszowego słowa, lecz mającą tę samą nośność, gdy chodzi o potrzebę przechowywania wiedzy o tym, co wprawdzie minione, lecz wciąż w świadomości ludzkiej pozostaje żywe.

GRZEGORZ OJCEWICZ

Prof. em. Wyższej Szkoły Policji w Szczytnie, Polska
e-mail: gojcew@poczta.onet.pl

Вячеслав Васильевич Меркулов, Сергей Иванович Трифонов
Сергей Есенин в экслибрисе. Аннотированный каталог

Москва: Международный союз общественных организаций книголюбів, 2016, 280 с.

(nadesłano 27.07.2017; zaakceptowano 28.07.2017)

Najnowsza książka dwóch autorów, Wiaczesława Mierkułowa (1946) i Siergieja Trifonowa (1957), jest kolejnym cennym dziełem, które pośrednio, przez grafikę, poszerza naszą wiedzę związaną z życiem i twórczością Siergieja Jesienina (1895–1925). Została ona wydana dzięki finansowemu wsparciu Towarzystwa „Dom Książki Antykwarycznej” (Nikitsk), co wskazuje, że praktyka pomocy instytucjonalnej jest powszechna na świecie i że bez niej edycja niejednego wartościowego opracowania musiałaby się niekiedy zakończyć niepowodzeniem.

Omawiane opracowanie jest wydaniem drugim wcześniejszej jego wersji z 2000 roku, wydaniem poprawionym oraz znacznie poszerzonym. Ten nowy katalog uładanie i ciekawie rozwija album opublikowany przez Wiaczesława Mierkułowa *Есениниана в книжных знаках (Jesieniniana w znakach książkowych)*, ponieważ w ciągu szesnastu lat relatywnie szybko wzrosły zbiory jesieninowskich ekslibrisów, które dzisiaj liczą sobie na pewno więcej niż 1345 egzemplarzy (tą liczbą zamknięto dany katalog). Nakład opracowania, jak na warunki rosyjskie, oceniam jako mniej niż symboliczny – zaledwie 300 egzemplarzy, co oznacza, że książka trafi wyłącznie do wąskiego grona odbiorców, a więc i jej potencjalny wpływ na jesieninologów oraz wielbicieli twórczości tego poety będzie bardzo ograniczony. A szkoda.

Książka została podzielona na sześć części: 1. *Сергей Есенин и культура его времени (Siergiej Jesienin i kultura jego czasów)*, 2. *От составителей (Od autorów opracowania)*, 3. *Художники и их книжные знаки (Artyści i ich znaki książkowe)*, 4. *Именной указатель владельцев книжных знаков (Wykaz osób posiadających znaki książkowe)*, 5. *Литература о Есенинских книжных знаках (Literatura o Jesieniowskich znakach książkowych)*, 6. *Экслибрисы (Ekslibrisy)*. Dla jesieninologów największą chyba wartość mają przede wszystkim informacje zawarte w części pierwszej oraz piątej; dla znawców ekslibrisów – wszystkie pozostałe, zwłaszcza jednak część ostatnia, w której bogato zilustrowano współczesne zbiory rosyjskich znaków książkowych nawiązujących do postaci i twórczości Siergieja Jesienina. Piszę „bogato”, ponieważ w omawianym katalogu nie znalazły się zapewne z przyczyn obiektywnych wszystkie ilustracje ekslibrisów. Ale nawet to, co jest, tworzy wyrazisty obraz i daje wystarczające podstawy, by móc sądzić o znaczeniu znaku książkowego w ramach jesieninianów, jak też snuć rozważania o ich twórcach i właścicielach.

Z krótkiego wprowadzenia autorstwa Wiaczesława Mierkułowa, wypełniającego część pierwszą opracowania, można się dowiedzieć nie tylko o dawnej, lecz także nowszej historii ekslibrisu w Niemczech i Rosji. Autor podkreśla, że zainteresowanie nimi w ostatnim czasie wzrasta w niebywale szybkim tempie, a świat znaków książkowych jest wielki i niezwykle urozmaicony. Ujawniają one w sposób symboliczny nie tylko

gusta i preferencje konkretnych posiadaczy znaków książkowych, ich zawody, cechy osobowościowe, lecz także jako całość artystyczna wyrażają pewną estetykę i styl językowy ich twórców.

W literackich rosyjskich zbiorach ekslibrisów na pierwszym miejscu znajdują się znaki książkowe poświęcone Aleksandrowi Puszkiniowi (około 2000 egzemplarzy), na drugim – Jesieninowi, na trzecim – Michaiłowi Lermontowowi (około 800). Jak podliczyli autorzy katalogu, na dzień dzisiejszy 262 artystów wywodzących się z ZSRR oraz Rosji, jak też spoza jej granic, stworzyło ponad 1300 znaków książkowych poświęconych Jesieninowi. Mierkułow lokuje je w kilku grupach tematycznych, jak: portretowo-ikonograficzne – z wizerunkiem poety, wątkowo-tematyczne – odwołujące się do twórczości pisarza, pejzażowe – pokazujące przyrodę i miejsca, w których żył albo przebywał twórca, spersonifikowane – odślaniające fascynację właścicieli znaków książkowych poezją Jesienina. W ocenie Mierkułowa do najtrudniejszych gatunków ekslibrisowych należy gatunek portretowy, ponieważ wizerunki poety są na ogół odтворzeniem o słabej jakości mniej lub bardziej znanych ujęć fotograficznych rosyjskiego liryka, które do sztuki grafiki nie wnoszą zasadniczo niczego nowego.

Autor wstępu przybliży także historię ekslibrisów, poczynając od roku 1947, kiedy to Konstantin Teodorowicz (1907–1964) wykonał jako pierwszy jesieninowski znak książkowy dla Siergieja Gołowaczowa (1904–1950), przyjaciela poety. Odzwierciedlał on portret Jesienina umieszczony w dolnym rogu na tle gwiazdnego nieba i wysokiej brzozy. W katalogu ekslibris ten został umieszczony pod numerem 1018. Potem aż do połowy lat 60. XX wieku nastąpiła przerwa w sztuce „graficznych zabaw”. Po roku 1965 zainteresowanie ekslibrisami się wzmoгло, a ich rozkwit przypadł na lata 70., pokrywając się z 75. rocznicą urodzin Jesienina. W tym okresie szczególnie wyróżnił się znak książkowy, którego twórcą był Jewgienij Golachowski (1902–1971), wykonujący zamówienie graficzne dla Siergieja Jurczuka (1904–1978; numer katalogowy 202). Liderem, jeśli chodzi o liczbę stworzonych ekslibrisów jesieninowskich, pozostaje Władimir Czekar’kow (1937) z Tuły, który wykonał 186 znaków książkowych (w katalogu: 1066–1251). Niemały wkład w danej dziedzinie mają także inni graficy, jak: Jewgienij Władimirow (1914–2007) – 108 znaków, Abram Mistecki (1910–1985) – 61, Wasilij Leonienko (1948) – 60, Rudolf Kopyłow (1926–2011) – 59, Lew Raszporow (1933) – 45, Wasilij Kiemienow (1929–2006) – 33 znaki.

Wiacesław Mierkułow w części pierwszej omawianej książki pisze ponadto o artystach amatorach zajmujących się jesieninowskimi znakami książkowymi, wspomina o obchodach w 2015 roku Roku Literatury w Rosji i 120. rocznicy urodzin Siergieja Jesienina, o przeprowadzonych młodzieżowych konkursach rysunkowych i ekslibrisowych tematycznie nawiązujących do życia i twórczości poety z Konstantinowa, wymienia nazwiska osób zasłużonych w propagowaniu jesieninowskiej poezji, przypomina o losach „Statutu Jesieninianów” i najważniejszych wystąpieniach prasowych oraz kameralnych, gdzie podejmowano kwestie jesieninowskich znaków książkowych, zaznacza, że do dnia dzisiejszego w ZSRR i Federacji Rosyjskiej zorganizowano ponad 70 wystaw ekslibrisów związanych z tym wielkim poetą.

Każdy ekslibris w danym katalogu jest zaopatrzony w przejrzysty opis systemowy. Nazwiska twórców są podane w porządku alfabetycznym, a ich dzieła – w układzie chronologicznym. Każdy znak książkowy ma porządkowy numer katalogowy odpo-

wiadający klasyfikacji ogólnej. Tak więc, w katalogu odnajdujemy następujące dane o ekslibrisie: 1. numer porządkowy w katalogu, 2. numer porządkowy wśród ogólnej liczby znaków książkowych określonego twórcy, 3. nazwisko, imię odojcowskie i imię posiadacza, 4. rok powstania, 5. technika wytworzenia, 6. wymiary (w milimetrach, gdzie pierwsza liczba oznacza wysokość, a druga szerokość znaku), 7. w nawiasach – porządkowy numer miniatury wśród wszystkich wykonanych przez artystę znaków książkowych, 8. krótki opis motywu (wątku).

Wśród najbardziej szczęśliwych, jak się wydaje, ponad 400, posiadaczy ekslibrisów o tematyce jesieninowskiej znaleźli się ci kolekcjonerzy, którzy mają w swoich zbiorach najwięcej danych znaków książkowych. Należą do nich: Wiaczesław Mierkułow (166 ekslibrisów), Giennadij Ignatow (50), Eduard Gietmanski (37), Piotr Radeczko (37), Siergiej Trifonow (30), Aleksiej Kotłow (24), Witalij Bakumienko (18) i in. Jak widać, autorzy omawianego opracowania są tutaj mocno obecni, a pozycja Mierkułowa jako lidera wśród kolekcjonerów jest raczej niezagrożona. Moją uwagę przykuły tutaj dwa nazwiska wśród posiadaczy ekslibrisów: łotewskiego badacza życia i twórczości Siergieja Jesienina, nieżyjącego już profesora Eduarda Meksza (1939–2005), oraz innego znanego moskiewskiego jesieninologa i naukowca, Jurija Prokuszewa (1920–2004). Meksz miał w swoich zbiorach dwa znaki książkowe oznaczone w katalogu numerami 165 i 1008. Autorem pierwszego z nich, powstałym w 2004 roku, był Jewgienij Władimirow (1914–2007), który wykonał w sumie 108 jesieninowskich znaków książkowych, a drugiego, z 1990 roku – Nikołaj Striżak (1926–2003). W części ilustracyjnej katalogu są one reprezentowane tylko przez ekslibris o numerze 1008. Ten znak książkowy o wymiarach 59 x 39 mm został wykonany metodą Congreve'a i nawiązuje wprost do słynnego, mrocznego poematu Jesienina *Czarny człowiek*: w dolnym lewym rogu znajduje się lustro, w którym odbija się czarna sylwetka poety stojącego w rozkroku przed zwierciadłem. Pomiędzy jego stopami leży butelka. Poeta unosi laskę, którą za chwilę uderzy w szkło. W górnym lewym rogu ekslibrisu widnieje prawy profil poety, a w górnym prawym – krzyż o wydłużonym ramieniu w kierunku głowy Jesienina. W tle widać dwie gwiazdy i księżyc – atrybuty nocy.

Z kolei Jurij Prokuszew, który w mojej ocenie negatywnie przysłużył się sprawie jako przewodniczący społecznego komitetu, badającego okoliczności tragicznej śmierci Jesienina w hotelu „Angleterre” i opowiadającego się ostatecznie po stronie zwolenników tezy o poecie-samobójcy, był właścicielem trzech znaków książkowych, oznaczonych w katalogu numerami 110, 1011 i 1012. Autorem pierwszego, z 2000 roku, jest wspomniany już Jewgienij Władimirow, a dwóch pozostałych, z 1995 roku – moskwianin Awiet Tawrizow (1941), zasłużony artysta Rosji. W części ilustracyjnej autorzy opracowania zamieścili tylko ekslibris o numerze 1011 o wymiarach 78 x 43 mm, wykonany techniką linorytu. Odzwierciedla on hiperbolizowane, rozmieszczone po obydwu bokach znaku, regały wypełnione szczelnie olbrzymimi książkami, a między nimi przy stoliku siedzi sam poeta zajęty pisaniem, a może czytelnik dzieł Jesienina. W promieniach strzelających znad regałów widnieje w kształcie łuku napis „Ю. ПРОКУШЕВ”, a szczelinę między regałami książkowymi wypełnia, słowo: „ЕСЕНИНИАНА”, biorące swój początek pod literą „О” w nazwisku „Prokuszew” i sięgające

aż do głowy siedzącego (Jesienina? czytelnika). Są to, jak widać, odmienne poetyki, odslaniające inne gusta artystyczne właścicieli danych ekslibrisów.

Jeśli chodzi o literaturę rosyjską na temat jesieniowskich znaków książkowych, o czym w części piątej dzieła, to jest ona, trzeba przyznać, całkiem pokaźna. Autorom opracowania udało się zebrać 400 różnorodnych pozycji bibliograficznych o niejednakowym ciężarze gatunkowym, tj. będących publikacjami gazetowymi, jak też drukami zwartymi. Prym wśród autorów opracowań o znakach książkowych dedykowanych Jesieninowi wiecie Wiaczesław Mierkułow, który opublikował 72 teksty. Za nim kolejno w porządku malejącym: Eduard Gietmanski (48), Witalij Bakumienko (16), Walentina Gamajunowa (13), Piotr Radečko (12) i in.

Jesieninowską galerię znaków książkowych stworzyły dzieła zawodowych grafików oraz amatorów tego typu sztuki. Lecz bez względu na stopień profesjonalności prawie wszystkie stanowią w założeniu i realizacji określone minipowieści-mininowełe o życiu i twórczości jednego z największych poetów Rosji. Przyjęta przez Wiaczesława Mierkułowa klasyfikacja tematyczna może być, w mojej ocenie, tylko wstępem do szerszej i pogłębionej kategoryzacji, która obejmie nie tylko wizerunek poety i związane z nim pejzaże czy podstawowe wątki literackie, lecz wskaże jednocześnie na aktywną obecność elementów innych, jak na przykład komponenty personalne (w tym – osobiste), animalistyczne, florystyczne, religijne, orientalne, muzyczne, architektoniczne i czysto literowe. Wśród komponentów personalnych na szczególną uwagę zasługuje literackie sąsiedztwo, w jakim jest najczęściej przedstawiany Jesienin, a więc ukazywanie poety z Konstantinowa obok takich na przykład twórców rosyjskich, jak: Aleksandr Puszkina, Michaił Lermontow, Nikołaj Gogol, Anton Czechow, Maksim Gor'kij, Nikołaj Leskow, Michaił Szołochow, Boris Pasternak, Władimir Majakowski, Anatolij Marienhof, Władimir Wysocki czy artystów-aktywistów politycznych, jak tragicznie zmarły Igor Talkow (1956–1991). Są tutaj także ekslibrisy przedstawiające Jesienina z Isadorą Duncan, a wśród nich znak książkowy o numerze katalogowym 1303, który wyróżnia się na tle pozostałych swoją kolorystyką i kompozycją. Centralne miejsce zajmuje na nim auto z lat 30. ubiegłego wieku, które przypomina o tragicznej śmierci kolejnej żony Jesienina i burzliwy związek z tancerką; autorką ekslibrisu jest Natalia Szewcowa (1957). W świecie zwierząt do najczęściej wykorzystywanych motywów na jesieninowskich znakach książkowych należą konie, obok nich – psy, wilki, lisy, wielbłądy, ptaki (np. wrony, sroki, żurawie, łabędzie, jaskółki, cietrzewie), żaby. Florę reprezentują przede wszystkim drzewa: brzoza, topola, klon. Są także kwiaty, wśród których dominują róże.

Katalog Mierkułowa i Trifonowa jest potrzebnym i oryginalnym źródłem informacji, która pochodzi z wielu dyscyplin. Ta interdyscyplinarność umożliwia dość swobodne interpretowanie biografii Jesienina, co stanowi swoisty walor obecnych w opracowaniu grafik i może być interesującym materiałem do badań naukowych nad fenomenem jesieninowskiego ekslibrisu.

Na koniec spostrzeżenie nieco innego rodzaju. Może dziwić fakt, że chociaż sam ekslibris ma wielowiekową tradycję europejską, wciąż nie dysponujemy nazwą dziedziny naukowej, która by się nim zajmowała... Próżno bowiem szukać w słownikach na przykład terminu „ekslibristyka”. Przedkładam zatem tę propozycję nazewniczą,

której nie należy mylić z ekwilibrystyką (!), do rozważenia przez badaczy oraz użytkowników znaków książkowych w Polsce i poza jej granicami.

GRZEGORZ OJCEWICZ

Prof. em. Wyższej Szkoły Policji w Szczytnie, Polska
e-mail: gojcew@poczta.onet.pl

Николай Фёдорович Астафьев.

Трагедия в «Англетере»: действующие лица и исполнители.

Санкт-Петербург: НППЛ «Родные просторы», 2016, 160 с., ил.

(nadesłano 6.08.2017; zaakceptowano 7.08.2017)

Wielce zagadkowe okoliczności tragicznej śmierci Siergieja Jesienina (1895–1925) wciąż budzą ogromne zainteresowanie i duże emocje wśród współczesnych badaczy kryminalistycznych oraz prawnych aspektów sprawy, opatrzonej przed laty służbowym numerem „89”² i dotyczącej rzekomego targnięcia się na swoje życie wielkiego poety rosyjskiego rodem z Konstantinowa. Nie jest, jak uważam, do końca przesądzone, że do zabójstwa twórcy doszło w leningradzkim hotelu „Angleterre”, lecz nikt nie wątpi, że właśnie jeden z jego pokoi, feralny numer piąty, stał się świadkiem nadzwyczajnie brutalnej i zarazem prymitywnej zbrodni-mistyfikacji, której bezpośrednimi wykonawcami na polecenie Kremla byli, jak sądzę, dwaj mężczyźni: agent OGPU i administrator hotelu Wasilij Nazarov (1896–1941) oraz tajny współpracownik OGPU (ros. сексот) i zarazem przeciętny dziennikarz w jednej osobie – Georgij Ustinow (1888–1932). To ich uważam za zabójców Jesienina, o czym pisałem wcześniej w książce i artykułach³. Ponieważ od mojego rozpoznania problemu upłynęło kilka lat, czytałem książkę poety i dziennikarza Nikołaja Astafjewa (1949) pod określonym kątem, tj. szukając w niej przede wszystkim argumentów, które by moją tezę podtrzymywały, z nią dyskutowały lub całkowicie ją odrzucały. Przed lekturą zakładałem także taką

² Zob. np.: «Не умирая, мой друг, никогда». Воспоминания, статьи, речи, интервью, документы об обстоятельствах гибели С.А. Есенина. Отв. сост. С. П. Есенина, Саратов: Ай Пи Эр Медиа, 2011.

³ Zob.: G. Ojcewicz, R. Włodarczyk, D. Zajdel. *Zabójstwo Sergiusza Jesienina. Studium kryminalistyczno-historycznoliterackie*. Szczytno: Wydawnictwo Wyższej Szkoły Policji, 2009 oraz: G. Ojcewicz. *Najnowsza wersja okoliczności i przyczyny śmierci Sergiusza Jesienina. Od zlecenia do ekshumacji*. „Acta Neophilologica” 2011, nr XIII, s. 235–250. [Online:] <http://www.mediacentr.info/pl/criminal/najnowsza-wersja-okolicznoeshci-i-przyczyny-eshmierci-sergiusza-jesienina-od-zlecenia-do-ekshumacji__253>; Г. Ойцевич. *Новейшая версия обстоятельств и причины смерти Сергея Есенина. От заказа до эксгумации*. „Культура безпеки, екології та здоров’я” 2010, № 7, с. 31–39; Г. Ойцевич, Р. Влодарчик. *Криминалистические эксперименты и дело о смерти поэта Сергея Есенина*. [Online:] <<http://esenin.ru/gibel-poeta/oytsevich-g-vlodarchik-r-kriminalisticheskie-eksperimenti-i-delo-o-smerti-poeta-sergeya-esenina.html>>. Zob. także: Г. Ойцевич, Р. Влодарчик. *Криминалистический эксперимент с применением огнестрельного оружия при установлении обстоятельств смерти поэта Сергея Есенина*. [B:] *Kriminalistika ir teismo ekspertizė: mokslas, studijos, praktika. Criminalistics and Forensic Examination: science, studies, practice. Криминалістика і судебна експертиза: наука, обучение, практика. Kolektyvinė monografija. Corporate Study. Коллективная монография*. Sudarytojai H. Malevski, G. Juodkaitė-Granskienė. Vilnius: Lietuvos teismo ekspertizės centras, 2009, s. 211–234. Zob. ponadto: I.A. NDiaye. *O Sergiuszu Jesieninie i potrzebie prawdy historycznej*. Rozmowa z Grzegorzem Ojcewiczem. [W:] I.A. NDiaye. *O pamięci w literaturze rosyjskiej. Rozmowy najważniejsze*. Olsztyn: Stowarzyszenie Artystyczno-Kulturalne „Portret”, 2012, s. 89–102.

opcję, zgodnie z którą autor omawianego dzieła w ogóle o moich ustaleniach w kwestii okoliczności śmierci poety nie wiedział.

Praca petersburżanina Nikołaja Astafjewa, mieszcząca się idealnie w ramach uprawianej przeze mnie od dziesięciolecia filologii śledczej, ukazała się w nakładzie ekstremalnie niskim, liczącym bowiem zaledwie... 50 egzemplarzy (w Rosji nakład równy 1000 egzemplarzy jest uważany za mniej niż symboliczny). Fakt ten przemawia raczej za tym, że autor najprawdopodobniej wydał swoje dzieło za własne pieniądze. Praktyka taka staje się coraz powszechniejsza, co smuci, ponieważ przeciętna literatura, obliczona na niewybrednego czytelnika, znajduje zwykle bogatych wydawców, którzy publikują „wakacyjne romanse” w wielotysięcznych nakładach. Dobrze zatem się stało, że przed edycją wersji książkowej *Tragedii w „Angleterre”: uczestnicy i wykonawcy* opracowanie to miało swoje debiuty w kilku różnych publikatorach, jak „Невский Альманах” (2015, № 3), „Медный Всадник” (2015, № 2), „Всерусский Соборъ” (2015, № 2) i w almanachu „Петербургские строфы” (2015), gdyż to rozwiązanie zapewniło dotarcie dzieła do liczniejszego grona odbiorców, ale dopiero, jak sądzę, zamieszczenie książki na stronie internetowej Siergieja Trifonowa (1957) o adresie www.esenin.ru spowodowało masowe zainteresowanie tym nietuzinkowym opracowaniem i całkiem zasłużenie wywołało szeroki pozytywny rezonans wśród internautów. A trzeba przyznać, że nie jest wcale łatwo przebić się w Sieci, gęstej od niewiele wartych informacji w zakresie okoliczności śmierci Jesienina, z nowymi danymi i oryginalnymi ich interpretacjami.

Tragedia w „Angleterre”..., której głównym celem jest wszechstronne prześledzenie czterech ostatnich dni życia Siergieja Jesienina w Leningradzie (24–27 XII 1925) w świetle zachowanej i ogólnie dostępnej memuarystyki oraz pierwotnych materiałów archiwalnych przechowywanych w Petersburgu, jak też pedanteryjnie dociekliwa konfrontacja zeznań „naocznych świadków”⁴ zdarzenia, obnażająca nie tylko ich zmowę, konsekwentne trwanie w kłamstwie i działanie w porozumieniu, lecz także lęk przed jakimkolwiek wyłamaniem się ze szponów systemu, jakiemu służyli z gorliwością – zanim się ukazała w postaci książkowej, została ponownie przez autora przejrzana, miejscami poprawiona oraz uzupełniona o (względnie) nowy artykuł *Отречёмся от старого мифа (К истории внедрения одной фальсификации – Одзэгнаймы się od starego mitu. W nawiązaniu do historii rozpowszechnienia pewnej falsyfikacji)*, który ukazał się nieco wcześniej w gazecie „Тюмень Литературная” (2015, № 4 i 2016, № 5). Książka składa się ostatecznie z sześciu części – czterech rozdziałów narracyjnych (w tym – jeden stanowi wywiad z Siergiejem Trifonowem) oraz dwóch towarzyszących w postaci wykazu literatury i aneksu fotograficznego.

Zamiast przedmowy autor proponuje lapidarne wprowadzenie pod tytułem *Вновь открывшиеся обстоятельства (Nowe okoliczności)*, gdzie przybliża dzieje powstania swojej książki, o której pisze, że podążał ku niej przez dwadzieścia lat, co świadczy o tym, że temat jesieninowski nie jest mu na pewno obcy i że autor miał wystarczająco wiele czasu, by wszystko dokładnie przemyśleć i narracyjnie zaplanować. Ale dopiero

⁴ Nikołaj Astafjew konsekwentnie pisze o Jelizawiecie Ustinowej, Wolfie Erlichu, Gieorgiju Ustinowie i Wasiliju Nazarowie jako bardzo wątpliwych świadkach grudniowych zdarzeń w „Angleterre” i dlatego za każdym razem bierze zasadnie związek wyrazowy „naoczny świadek” w cudzysłów.

w 2011 roku jego plany i przemyślenia zaczęły przyjmować postać wydawnictwa zwanego, by wiosną 2015 mogły się przeobrazić w *Tragedię w „Angleterre”*... Rdzeniem metody śledczej Astafjewa stał się czynnik ludzki – logika oraz psychologia działań człowieka. Jak sam pisze, „Interesowała mnie przede wszystkim logika i psychologia postępów głównych uczestników zdarzeń, mających związek z tragedią w «Angleterre», utrwalona w tekstach «wspomnień». W poszukiwaniu prawdy usiłowałem rozszepać czas, odnajdując wśród znaczących zdarzeń brakujące ogniwa, wskazujące na ich związki przyczynowo-skutkowe” (s. 7). Tutaj także autor wprowadza czytelnika w świat zeznań poety Wolfa Erlicha, którego nazywa głównym świadkiem wydarzeń, świadomym fałszerzem oraz mistyfikatorem. Jak się okaże, Erlicha uczyni także zasadniczym osobowym punktem odniesienia w rozbudowanej linii narracyjnej w całym utworze.

Szczególną i zasadniczą rolę odgrywają w tej książce wnikliwe wieloaspektowe autorskie komentarze, które towarzyszą prezentowanym dokumentom. Są one traktowane przez Astafjewa jako wstęp do dogłębnego ponownego przemyślenia ostatnich dni życia Jesienina i okoliczności jego śmierci, o czym pisali tacy pamiętnikarze i „naoczni świadkowie”, jak: Jelizawieta Ustinowa (1892–1937) w operacyjnych wspomnieniach *Четыре дня Сергея Александровича Есенина* (*Cztery dni Siergieja Aleksandrowicza Jesienina*; napisane 3 I 1926 – opublikowane dopiero na początku lipca 1926), Wolf Erlich (1902–1937) w *Четыре дня* (*Cztery dni*; napisane 28 I 1926 – opublikowane dopiero w maju 1926), *Право на песнь* (*Prawo do pieśni*; napisane w XI 1928 – I 1929 – opublikowane w styczniu 1930), Georgij Ustinow w *Годы восхода и заката. Воспоминания о Сергее Есенине* (*Lata rozkwitu i zmierchu* – opublikowane w maju 1926), *Мои воспоминания о Есенине* (*Moje wspomnienia o Jesieninie* – opublikowane na początku lipca 1926). Centralnym punktem odniesienia Astafjewa są cztery dokumenty: dwie notatki Siergieja Jesienina pisane do Wolfa Erlicha w związku z jego przyjazdem do Leningradu (z XI i XII 1925) oraz dwa grudniowe upoważnienia do odbioru przez tegoż Erlicha przekazu pieniężnego z Moskwy.

Zdaniem Astafjewa, wszystkie wymienione wspomnienia, prezentowane jako jedyne źródło wiedzy o ostatnich dniach życia poety, po dokładnym ich przestudiowaniu, okazują się pracą zespołową, która powstawała z uwzględnieniem literackich dokonań poprzedników i w bezpośredniej zależności od zeznań złożonych przez „naocznych świadków”, korespondencji prywatnej Wolfa Erlicha, jak również dzienników innych autorów – Pawła Łuknickiego (1900–1973) i Innokientija Oksionowa (1887–1942), czy pamiętnikarzy, jak Nikołaj Nikitin (1895–1963) i Anna Bierziń (1897–1961). Ponadto memuary wymienione przez Astafjewa, były drukowane w ściśle określonej kolejności i poddawane wewnętrznej cenzurze. Tak więc, Wolf Erlich znał wypowiedź Jelizawiey Ustinowej, a Georgij Ustinow – jednej i drugiego zanim sam wystąpił ze swoimi tekstami. Słusznie zauważa Astafjew, że każde nowe nawiązanie do tego, co zostało powiedziane wcześniej, miało na celu pogłębianie mistyfikacji i dalsze zawoalowywanie prawdy, która niekiedy, najprawdopodobniej wbrew intencji samych piszących, mimo wszystko gdzieś się przebijają między wierszami spoza warstw słownej falsyfikacji.

Tak więc, autor *Tragedii w „Angleterre”*... położył szczególnie nacisk na analizę porównawczą memuarystyki trzech autorów: Wolfa Erlicha, Jelizawiey Ustinowej i Georgija Ustinowa. Dokonał rzeczy znaczącej, bo przekonująco udowodnił, że ich teksty

są zmanipulowane, a manipulacja ta, czyniona pod kontrolą Kremla i pod dyktando OGPU, miała jedynie wzmacniać w narodzie przekonanie o samobójczej śmierci poety, a nie o dokonaniu perfidnego zabójstwa. Astafjew w wyniku skrupulatnych i wielowątkowych analiz, dostarczył w swoich komentarzach mnóstwa dowodów, świadczących o poważnych zaniechaniach i karygodnych zaniedbaniach procesowych, zwłaszcza w obrębie prawa karnego i postępowania karnego, do jakich dopuściła się leningradzka milicja i prokuratura, które to zaniechania i zaniedbania już są wystarczającym powodem, aby wznowić postępowanie prokuratorskie w sprawie o pierwotnym numerze „89”. To przekonanie Astafjewa współgra w tym miejscu z równie donośnym oskarżeniem pod adresem rosyjskich organów ścigania i wymiaru sprawiedliwości, które sformułował i opublikował przed Astafjewem w 2010 roku prawosławny prawnik Wiktor Fomin⁵.

Nikołaj Astafjew nie był osamotniony w swoim niezwykle ambitnym dochodzeniu prawdy obiektywnej. Odwoływał się bowiem w trakcie nadzwyczaj skrupulatnego śledztwa do wcześniejszych ustaleń innych autorów, w tym również byłego pracownika radzieckiej milicji, którzy nie przyjmowali na wiarę opinii społecznego komitetu Prokuszewowskiego i drążyli sprawę po swojemu⁶. Należy w tym miejscu wymienić przede wszystkim postać śledczego do szczególnie ważnych spraw, Eduarda Chłystałowa (1932–2003)⁷, oraz Anatolija Prokopienki (1933–2013)⁸, byłego historyka archiwisty, zastępcy przewodniczącego Komitetu ds. Archiwów przy Rządzie Federacji Rosyjskiej w latach 1991–1993. Nie do pominięcia są tutaj także odważne i oryginalne spostrzeżenia, które sformułował woroneski i petersburski literaturoznawca Wiktor Kuzniecowa (1942) w dobrze znanej i cenionej w gronie jesieninologów książce z 2006 roku⁹. W ocenie autora opracowania, którą podziela zresztą większość osób zajmujących się tą kwestią, nadszedł już najwyższy czas, aby prokuratura rosyjska podjęła się weryfikacji ustaleń sprzed ponad 90 lat i spojrzała w pełni profesjonalnie i obiektywnie na śmierć poety. „Jeśli – pisze autor – w ramach sprawy karnej, dotyczącej zabójstwa Siergieja Aleksandrowicza Jesienina, zostaną wzięte pod uwagę nowe okoliczności, włączając do nich ujawnione w moim opracowaniu, będę uważać zadanie związane ze zmazywaniem piętna samobójcy z imienia wielkiego poety rosyjskiego za wykonane”

⁵ В. К. Фомин. *Сергей Есенин. Обстоятельства гибели. Аналитические исследования адвоката*. Воронеж: Воронежский госпедуниверситет, 2010.

⁶ Zob.: *Смерть Сергея Есенина. Документы. Факты. Версии. Материалы Комиссии Всероссийского писательского Есенинского комитета по выяснению обстоятельств смерти поэта*. Сост. Ю. Л. Прокушев, М. В. Стахова. Москва: ИМЛИ РАН, 2003.

⁷ Warto przy okazji wspomnieć o jego odkrywczej i bardzo ważnej w literaturze przedmiotowej książce: Э. Хлысталов. *13 уголовных дел Сергея Есенина*. Москва: Эксмо, Яуза, 2006. W rzeczy samej przeciwko Jesieninowi toczyły się aż... 52 postępowania karne.

⁸ Na szczególną uwagę zasługuje następująca jego praca: А. С. Прокопенко. *Чудовище по имени Государственная тайна*. Москва 2005.

⁹ Chodzi o następującą książkę: В. Кузнецов. *Сергей Есенин. Казнь после убийства*. Санкт-Петербург – Москва: Издательский дом «Нева», 2006. Główna teza wyjściowa rozważań Kuzniecowa sprowadza się do stwierdzenia, że Siergiej Jesienin w ogóle nie przebywał w hotelu „Angleterre” i że został do niego przetransportowany już po dokonaniu zabójstwa przez agentów OGPU.

(s. 4). I nieco dalej: „Ujawnienie falsyfikatów oraz fałszerstw w protokołach przesłuchań powinno się stać podstawą do przekształcenia «Sprawy 89 o samobójstwo poety Siergieja Aleksandrowicza Jesienina» w «Sprawę o zabójstwo poety Siergieja Aleksandrowicza Jesienina», a świadków – we współuczestników zatajenia rzeczywistych okoliczności, poprzedzających śmierć poety” (s. 10).

Olbrzymią zasługą autora *Tragedii w „Angleterre”*..., a zarazem istotnym wkładem w badanie okoliczności zabójstwa Siergieja Jesienina jest dokonana przez niego szerokopasmowa i dogłębna analiza określonych tekstów literackich oraz, najogólniej mówiąc, nieliterackich (dokumenty procesowe, korespondencja służbowa i prywatna, noty gazetowe itp.), mających bezpośredni i pośredni związek z tragicznym zgonem poety. Na podstawie tej historycznej, kulturowej i obyczajowej analizy, wniosek o Jesieninie jako ofierze wyrafinowanej kremlowskiej intrygi i odgórnym sterowaniu morderstwem oraz jego uczestnikami przez Moskwę – nasuwa się sam. Wielka szkoda, że autor nie wskazuje wprost i imiennie na tego, kogo obsadza w roli nadrzędnego stratega i taktyka całego tragicznego zdarzenia. Pozostają uzasadnione domysły, lecz to tylko domysły. Są natomiast niezbite dowody, że to Wolf Erlich zwiabił Jesienina do hotelu „Angleterre” i, zdaniem Astafjewa, był naocznym świadkiem zabójstwa poety, znał zatem jego oprawców (s. 49, 54, 69, 116). Myśli tej jednak autor, niestety, nie rozwija, co w jakiejś mierze osłabia, w moim przekonaniu, jego tezę. Twierdzi on ponadto, że zanim doszło do oficjalnego odkrycia zwłok poety w pokoju hotelowym 28 XII 1925 roku między godziną 10.30 a 11.00, byli „ludzie”, którzy to martwe ciało widzieli już wcześniej, lecz nazwisk danych osób-świadków nie przywołuje (s. 59). Jest to więc przede wszystkim informacja podana na wiarę. Astafjew nie wyklucza również prawdziwości hipotezy, zgodnie z którą do aresztowania Siergieja Jesienina przez milicję leningradzką lub agentów OGPU doszło właśnie w mieszkaniu Wolfa Erlicha, który opuścił swój lokal na dwie godziny dokładnie w tym samym przedziale czasowym, w którym można się było spodziewać przyjazdu poety wprost z dworca kolejowego do domu gospodarza (s. 118).

Dzieło Nikołaja Astafjewa wyróżnia się na tle innych tekstów poświęconych wyjaśnianiu okoliczności śmierci Jesienina szatą graficzną, lecz nie mam na myśli wyszukanych dodatków ilustracyjnych, świetnej jakości papieru czy innych ozdobników edytorskich, lecz to, że w jego książce na każdej stronie znajduje się sporo wyróżnień reprezentowanych przez pogrubioną czcionkę. Dla autora są to miejsca szczególnie pod względem merytorycznym i narracyjnym, dzięki czemu akcentuje on nośne poznawczo informacje oraz wyraża jednocześnie swoje stanowisko w określonej kwestii, stosując odpowiednie znaki interpunkcyjne, najczęściej w postaci wykrzykników oraz pytańników. Każdego, kto sięgnie po to opracowanie, czeka żmudna wielogodzinna lub nawet wielodniowa lektura, ponieważ tekst ten należy do rodzaju materiałów wymagających stale napiętej uwagi i utrzymywania w pamięci wszystkiego, co zostało powiedziane wcześniej. Autor zdawał chyba sobie sprawę ze stopnia trudności podążania za tokiem jego opowieści, dlatego wielokrotnie powtarza wcześniej podane informacje, lecz zwykle wzbogaca je o nowe spostrzeżenia. Stosuje zatem metodę narracji wspinającej się po spirali, stawiając na czytelnika zaangażowanego, cierpliwego i prawdziwie zainteresowanego poszukiwaniem prawdy obiektywnej.

Lecz metoda spirali ma także swoje pułapki i w jedną z nich, niestety, w moim odczuciu, wpadł autor *Tragedii w „Angleterre”*..., albowiem pomimo obiektywnie niepodważalnego wkładu merytorycznego do badania okoliczności śmierci Jesienina, jego książka ma wyraźną wadę kompozycyjną. Wada ta polega na zbyt częstym powielaniu treści w każdej części opracowania (prócz ilustracyjnej, oczywiście), co niepotrzebnie wyhamowuje i tak już zwolnione tempo narracji oraz może wywoływać odruch odbiorczej irytacji. Najbardziej w tym względzie grzeszy konstrukcja wywiadu, jaki w październiku 2015 roku Nikołaj Astafjew przeprowadził z Siergiejem Trifonowem. Wywiad ten, jak sądzę, powinien się raczej ograniczyć do wyeksponowania takich na przykład kwestii – obecnych zresztą w wywiadzie – jak czas i okoliczności zainteresowania się Siergieja Trifonowa postacią oraz twórczością Jesienina, historii utworzenia strony internetowej i jej zawartości, jak też perspektyw rozwoju, ewolucji aktywności internautów, oczekiwań administratora strony internetowej wobec Prokuratury Generalnej Federacji Rosyjskiej itp., nie powinien natomiast stać się okazją dla autora do ponownego streszczania najważniejszych ustaleń, do jakich doszedł w wyniku wieloletniego śledztwa filologicznego (s. 115–120). Jest to, oczywiście, zabieg celowy i dałby się uzasadnić, gdyby wywiad ten opublikowano poza książką, lecz tutaj to rozwiązanie w ramach repetycji raczej razi. Na zasadzie powtórzenia merytorycznego została również zbudowana trzecia część opracowania zatytułowana *Odżegnajmy się od starego mitu...*

Lektura omawianego dzieła przekonuje, że Nikołaj Astafjew, pracując nad swoją książką, nie znał szczywieńskiej monografii z 2009 roku i sformułowanych w niej jednoznacznych wniosków. Paradoksalnie, fakt ten tylko wzmacnia obopólne stanowisko, że mamy tutaj do czynienia z zabójstwem Siergieja Jesienina oraz mistyfikacją jego śmierci samobójczej. Okazuje się przy okazji, że tak samo, jak wszystkie drogi prowadzą do Rzymu, identycznie dochodzi się do ustalania prawdy obiektywnej, wykorzystując odmienne metody śledcze. Co ważne, autor *Tragedii w „Angleterre”*... należy do tego rodzaju wrażliwych moralnie ludzi, którzy wierzą, jeśli nie w Bożą, to przynajmniej w dziejową sprawiedliwość. Dlatego o negatywnych bohaterach leningradzkiej tragedii nie pisze ze współczuciem i postrzega ich powikłane losy oraz nagłe dziwne śmierci jako wyraz swego rodzaju nie tyle nawet zemsty, ile sprawiedliwej kary wymierzonej przez fatum (a może przez tych samych zleceńodawców?) za zgotowanie Siergiejowi Jesieninowi czarnej, złej legendy, której skutki odczuwamy – jako badacze i odbiorcy jego dzieł – do dzisiaj.

Wolałbym szczerze, by Jesieninowskie *Nie umrę, mój przyjacielu, nigdy...* nieskarżyło się z wieczną pamięcią o perfidnej mistyfikacji i brutalnym zabójstwie, do jakiego doszło przed laty w hotelu „Angleterre”, lecz wiązało się z przechowywaniem i przekazywaniem z pietyzmem kolejnym pokoleniom najlepszych tradycji poezji rosyjskiej i wiedzy o jej twórcach. Życzenie to ma mimo wszystko rzeczywiste szanse na spełnienie, lecz aby do tego doszło, jest potrzebna przede wszystkim wola polityczna Kremla. A o tę wolę – wciąż najtrudniej. Otwarcie tajnych archiwów FSB dałoby realne możliwości dotarcia do dokumentów, wśród których znalazłoby się niejedno źródło dotyczące Jesienina i kompromitujące zarazem stalinowski aparat bezpieczeństwa. Według mnie, dziś nie jest już najważniejsza kwestia, czy Siergiej Jesienin został zabity (co pewne) czy popełnił samobójstwo (co wykluczone), lecz poszukiwanie od-

powiedzi na pytanie o zleceniodawcę (którym najpewniej był Stalin) i motyw(y) jego działania, o postać ukrytego „reżysera” całego spektaklu, który czuwał nad szczegółami intrygi i na bieżąco relacjonował „ojcu narodów” rozwój sytuacji w Leningradzie, oraz o nazwiska morderców. Jakże szyderczy byłby chichot kadukowej historii, gdyby się w przyszłości okazało, że śmierć Siergieja Jesienina miała być „cennym prezentem” dla Stalina triumfującego w trakcie XIV Zjazdu Wszechzwiązkowej Komunistycznej Partii (bolszewików), jaki odbywał się w Moskwie w dniach 18–31 grudnia 1925 roku, a więc w okresie zbieżnym w pewnym momencie dziejowym z wydarzeniami leningradzkimi. Mam nadzieję, że kasus Siergieja Jesienina wydobędzie się w końcu ze zbyt długiej smugi kremłowskiego cienia, a historyczna dziś sprawa o numerze służbowym „89” stanie się kolejnym znakiem zwycięstwa prawdy nad dziejowym kłamstwem.

Bibliografia

- NDiaye I.A. *O Sergiuszu Jesieninie i potrzebie prawdy historycznej*. Rozmowa z Grzegorzem Ojcewiczem. [W:] NDiaye I.A. *O pamięci w literaturze rosyjskiej. Rozmowy najważniejsze*. Olsztyn: Stowarzyszenie Artystyczno-Kulturalne „Portret”, 2012, s. 89–102.
- Ojcewicz G., Włodarczyk R., Zajdel D. *Zabójstwo Sergiusza Jesienina. Studium kryminalistyczno-historycznoliterackie*. Szczytno: Wydawnictwo Wyższej Szkoły Policji, 2009.
- Ojcewicz G. *Najnowsza wersja okoliczności i przyczyny śmierci Sergiusza Jesienina. Od zlecenia do ekshumacji*. „Acta Neophilologica” 2011, nr XIII, s. 235–250.
- Ojcewicz G. *Najnowsza wersja okoliczności i przyczyny śmierci Sergiusza Jesienina. Od zlecenia do ekshumacji*. [Online:] <http://www.mediacentr.info/pl/criminal/najnowsza-wersja-okoliczno-oeshci-i-przyczyny-eshmierci-sergiusza-jesienina-od-zlecenia-do-ekshumacji__253> (dostęp: 13.07.2017).
- Кузнецов В. *Сергей Есенин. Казнь после убийства*. Санкт-Петербург – Москва: Издательский дом «Нева», 2006.
- «He umru я, мой друг, никогда». *Воспоминания, статьи, речи, интервью, документы об обстоятельствах гибели С. А. Есенина*. Отв. сост. С. П. Есенина, Саратов: Ай Пи Эр Медиа, 2011.
- Ойцевич Г., Влодарчик Р. *Криминалистический эксперимент с применением огнестрельного оружия при установлении обстоятельств смерти поэта Сергея Есенина*. [В:] *Kriminalistika ir teismo ekspertizė: mokslas, studijos, praktika. Criminalistics and Forensic Examination: science, studies, practice. Криминалистика и судебная экспертиза: наука, обучение, практика. Kolektyvinė monografija. Corporate Study. Коллективная монография*. Sudarytojai H. Malevski, G. Juodkaitė-Granskienė. Vilnius: Lietuvos teismo ekspertizės centras, 2009, s. 211–234.
- Ойцевич Г. *Новейшая версия обстоятельств и причины смерти Сергея Есенина. От заказа до эксгумации*. „Культура безпеки, екології та здоров’я” 2010, № 7, s. 31–39.
- Ойцевич Г., Влодарчик Р. *Криминалистические эксперименты и дело о смерти поэта Сергея Есенина*. [Online:] <<http://esenin.ru/o-esenine/gibel-poeta/oitceovich-g-vlodarchik-r-kriminalisticheskie-eksperimenty-i-delo-o-smerti-poeta-sergeia-esenina>> (dostęp: 13.07.2017).
- Прокопенко А. С. *Чудовище по имени Государственная тайна*. Москва 2005. [Online:] <<http://www.proza.ru/2009/11/07/428>> (dostęp: 12.07.217).
- Смерть Сергея Есенина. Документы. Факты. Версии. Материалы Комиссии Всероссийского писательского Есенинского комитета по выяснению обстоятельств смерти поэта*. Сост. Ю. Л. Прокушев, М. В. Стахова. Москва: ИМЛИ РАН, 2003.

Фомин В. К. *Сергей Есенин. Обстоятельства гибели. Аналитические исследования адвоката.*

Воронеж: Воронежский госпедуниверситет, 2010.

Хлысталов Э. *13 уголовных дел Сергея Есенина.* Москва: Эксмо, Яуза, 2006.

GRZEGORZ OJCEWICZ

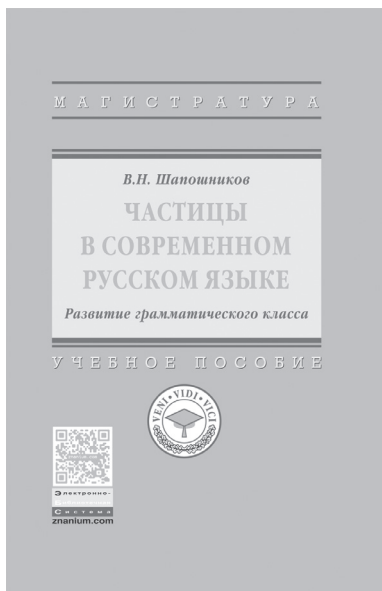
Prof. em. Wyższej Szkoły Policji w Szczytnie, Polska

e-mail: gojcew@poczta.onet.pl

Владимир Николаевич Шапошников
Частицы в современном русском языке.
Развитие грамматического класса. Учебное пособие.

Москва: Инфра-М, 2017, 158 с.

(получено 26.08.2017; принято 28.08.2017)

Язык описывать крайне трудно. Любая дескрипция предполагает рассмотрение динамической системы языка в статике. Вдвойне трудно описывать изменения актуальной языковой структуры. Изменение тончайших нюансов семантики, смена частотности употребления единиц, уход одних в пассивный запас и внезапная актуализация употребления других. Это удобно описывать в ретроспективе, рассматривая холодным и отстраненным препарирующим взглядом потомка. Только истинный исследователь способен в достаточной мере абстрагироваться от себя как языковой личности и дать объективную характеристику процессов, происходящих в языке в момент написания работы. Особенно, если речь идет о рассмотрении трансформаций части речи, которая

традиционно находится на периферии научного кругозора. Книга В. Н. Шапошникова *Частицы в современном русском языке. Развитие грамматического класса* и является именно такой работой, которая сочетает в себе все лучшие качества серьезного, фундаментального научного исследования и учебного пособия, адресованного молодым языковедам.

Рассматриваемое учебное пособие ориентировано на магистрантов и аспирантов-лингвистов, тех, кто изучает русский язык углубленно, на всех его уровнях, во всех его взаимосвязях: и грамматистам, и лексикологам, и семасиологам, и синтаксистам. Синтетический и синкретический подход к проблеме функционирования частиц – это то, что отличает данное пособие от других чисто грамматических или синтаксических трудов, посвященных этой категории русского языка.

Пособие В. Н. Шапошникова *Частицы в современном русском языке. Развитие грамматического класса* состоит из введения, девяти глав, заключения, списка литературы и списка сокращений. Учебный характер настоящей книги обуславливает то, что после каждой главы, которые представляют собой весьма глубокие исследования разных аспектов бытования частицы как части

речи в современном русском языке, помещены вопросы, позволяющие контролировать степень усвоения материала магистрантами.

Первая глава рецензируемого пособия *Внутренние изменения содержания частиц* посвящена общей классификации частиц, в ней описываются их группы, перечисляются их семантические, грамматические и функциональные признаки, заостряется внимание читателя на проблемах, которые встают перед языковедами, описывающими частицы.

Вторая глава учебного пособия рассматривает проблематику места частиц в грамматической системе языка, разграничению частиц и других частей речи.

В третьей главе автор останавливается на стилевой и стилистической стороне функционирования частиц в русском языке, причем рассмотрение стилевой и стилистической принадлежности лексем дается на основе актуального состояния языка.

Актуальному состоянию русского языка посвящена и четвертая глава рассматриваемого сочинения. В ней собран крайне ценный материал, раскрывающий особенности изменения семантики частиц в живой русской речи современности как в ракурсе устной, так и письменной реализации.

Пятая глава раскрывает лексические и семантические изменения в строе частиц, которые произошли и происходят в русском языке в последние годы, особое внимание автор уделяет здесь стилистике и семантике.

В шестой главе автор, помимо семантического анализа частиц, проводит и синтаксический, опять же опираясь на современное состояние русского языка, причем рассматривается как функционирование частиц в публичной речи, так и в устной спонтанной.

Предметом рассмотрения седьмой главы являются нормативные аспекты употребления частиц. Автор рассматривает стратовую принадлежность этих единиц в актуальном речевом бытовании.

В восьмой главе автор останавливается на парадигматических и синтагматических аспектах бытования частиц в русском языке, исследует синонимические, омонимические и антонимические отношения внутри этой части речи. Особый интерес в этой части работы вызывает анализ чрезвычайно активизировавшейся в последнее время в разговорной речи единицы «просто», а также предикативного слова «было». В этой же главе автор изучает частицу «авось», которую многие исследователи считают определяющей для русской ментальности.

Девятая глава помимо теоретических аспектов изучения частиц содержит указания на проблематику преподавания этой части речи в средней школе, что, несомненно, имеет большой практический интерес для учителей-русистов, в том числе и для преподавателей русского языка как иностранного.

Учебное пособие богато примерами, иллюстрирующими теоретические положения, выдвигаемые автором, что делает его очень наглядным. Примеры взяты как из классической литературы, так и из живой разговорной речи. В книге приведен солидный библиографический список, который поможет читателю расширить и углубить свои знания по проблеме функционирования частиц в современном русском языке.

В целом, данная книга будет ценным помощником для специалиста, изучающего актуальное состояние частеречной системы, проблемы семантики и тенденции в дальнейшем развитии русского языка.

ВЛАДИМИР ВАДИМОВИЧ КОЧЕТКОВ

Кафедра русского языка и методики обучения
Шуйский филиал федерального государственного бюджетного образовательного
учреждения высшего образования «Ивановский государственный университет»
ул. Кооперативная, д. 24, 155908, Ивановская область, г. Шуя, Россия
e-mail: ya-toot@yandex.ru

Рецензия на коллективную монографию
***Perswazja językowa w różnych dyskursach* (= *Речевое воздействие в разных дискурсах*). В 2 т. Под ред. Жанны Сладкевич и Александры Климкевич. Гданьск: Издательство Гданьского университета, 2017, 271 + 236 с.**

Современная теория речевого воздействия формируется как интердисциплинарная наука, интегрирующая методы и данные разных наук. Двухтомная монография, подготовленная коллегами из Гданьского университета, представляет собой коллективное интердисциплинарное исследование персуазивного коммуникативного процесса представителями разных наук: лингвистов, литературоведов, педагогов, психологов, политологов. В статьях ученых из разных стран (Польши, России, Украины, Казахстана, Литвы, Беларуси) речевое воздействие рассматривается в разных аспектах, раскрываются возможности применения самых разнообразных методов анализа речевого воздействия, описываются его технологии, способы, приемы, средства, инструменты, коммуникативно-речевые тактики и стратегии.

Речевое воздействие привлекает к себе повышенное внимание в таких сферах, как политическая и рекламная коммуникация. Название монографии *Речевое воздействие в разных дискурсах* обещает расширение исследуемых сфер, и ожидание читателя оказывается оправданным: в монографии рассматриваются особенности речевого воздействия в медиадискурсе, в политическом, научном, языковом, художественном, специальном и культурном дискурсах.

В статьях авторов монографии персуазивные и суггестивные эффекты описываются на материале разнообразных текстов (новостных сообщений, новогодних поздравлений глав государств, политических интервью, рекламных текстов, законодательных актов, высказываний политиков, газетной полемики, научной дискуссии) на польском, русском, немецком, итальянском, украинском и белорусском языках. Разнообразием отличаются и объекты анализа в публикуемых статьях, это: гипертексты новостных сервисов, макро- и микротексты электронных медиа, формы обращений, заголовки, подзаголовки, слоганы, слова, концепты, понятия, культурные коды, числовые данные, жесты, карикатуры, демотиваторы, кадры из кинофильмов, теле- и интернет трансляций и т.д. В фокусе внимания авторов статей оказываются как вербальные, так и невербальные элементы персуазивной коммуникации, часто анализируемые во взаимодействии.

Все это обуславливает многогранность двухтомника, объясняемую как сложностью и многоаспектностью исследуемого явления – речевого воздействия, так и возможностями современных парадигм лингвистики, и предполагающей эффективное использование методов и данных других наук.

Каждый из двух томов предваряет вступительное слово редакторов монографии Жанны Сладкевич и Александры Климкевич. В обоих предисловиях

кратко, но очень информативно аннотируются все составляющие том статьи. Остается сожалеть, что вступительные слова печатаются только на польском языке. В обоих томах публикуются статьи на русском и польском языках, каждая статья начинается с аннотации на английском языке.

Основная ось представленных в монографии исследований разных дискурсов «слово – действие» четко обозначена в статье Михаила Ильина и Андрея Ильина *Создание новых государств: убедительность перформативных высказываний и эффективность перформативных актов* (т. 1, с. 113–130). Опираясь категориями философии, политологии и лингвистики авторы статьи показывают переход от высказывания к событию – к созданию новых государств.

Монографию, несмотря на различие аспектов анализа, разнообразие материала и методов, обуславливающих ее междисциплинарный характер, можно рассматривать как гипертекст, состоящий из самостоятельных макротекстов, компоненты которых разворачиваются в последовательное повествование.

Так, например, один из основных выводов Виктории Макаровой о тенденции к возврату советской риторики в начале нулевых годов и реализации этой тенденции как обычной практики в современном медиапространстве России (т. 1, с. 75), отсылает читателя монографии к статьям, дающим возможность проследить изменение речевого воздействия в разные периоды: в 50-е годы (Петр Зэмшал), во время перестройки (Якуб Садовски), Российско-Чеченской войны (Мирослав Вархолек) и украинских событий (Виктория Макарова). В историческом плане рассматривается и языковая политика Российской Федерации (Эльжбета Петрась). В монографии представлены также наблюдения над новыми явлениями в современной коммуникации: формирование в медиапространстве нового концепта «вежливые люди» (Жанна Сладкевич), использование культурного кода «звездные войны» (Йоланта Юзвяк), нейтрализация стилевых особенностей в научном дискурсе (Тетяна Космеда), тенденция к множественности наименования реалий (Елена Маринова), взаимодействие вербальных и невербальных компонентов в персуазивной коммуникации (Александр Киклевич, Марта Ноиньска) и обсуждаются новые подходы к описанию языка (Валентина Маслова).

Языковому манипулированию посвящен ряд статей, которые с точки зрения содержания можно выстроить в следующую логическую последовательность: характеристика манипуляции как текстового явления, не имеющего собственных детекторов (Адам Яскольски), разграничение понятий ложь и манипуляция (Лукаш Малецки), выявление и анализ языковых средств манипуляции (Ярослав Вархолек, Ежи Беломызы, Кристина Ратайчик), способы защиты от манипуляции (Дорота Дзевановска). К этому ряду в смысловом отношении примыкают исследования социального воздействия в академической (Александра Климекевич) и школьной среде (Анна Хау, Катажина Вондолвска-Леснер), в рекламе (Клара Штайн, Денис Петренко; Анджей Нарлох; Наталья Кутуза), а также рассуждения о когнитивном аспекте социального воздействия (Ежи Швёнтек).

В монографии анализируются языковые средства реализации персуазивной стратегии при создании имиджа Евросоюза (Виктория Макарова), главы государства (Уршула Патоцка-Сигловы) и самопрезентации политика (Эва Капела),

описываются различные стратегии и средства персуазии, апеллирующие к эмоциям и чувствам адресата (Зоя Новоженова, Люцина Кошцельняк, Инна Самойлова, Елена Гудзенко, Ирина Дуркалевич, Камила Милковска-Самул).

Рецензируемая монография представляет собой серьезное междисциплинарное научное исследование, содержащее множество разнообразных оригинальных подходов к изучению персуазивности как основной коммуникативной стратегии в текстах различных типов и демонстрирующее умелое применение не только лингвистических методов, но и методов анализа, разработанных в других областях знания (культурологии, теории коммуникации, политологии, социологии, психологии). Несмотря на разнообразие анализируемого в статьях монографии материала, применяемых методик анализа, своеобразие авторского стиля и структурирования текста каждой статьи, разрозненные на первый взгляд «мозаичные фрагменты» удачно интегрируются в целостную картину, которая, не являясь завершенной, оставляет открытыми многие вопросы, одним из которых является вопрос о типологии дискурсов.

Эта сложная проблема, пребывающая в стадии разработки, отражается и в структуре монографии, а именно: в наименовании глав и включении в них определенных статей. Стремление составителей монографии объединить в одну главу очень разные, как отмечалось выше, по исследуемому материалу статьи совершенно понятно и объяснимо не столько трудностями подготовки книги к изданию, сколько трудностями определения границ дискурса. Так, например, первый том монографии составляют две главы: *Медиадискурс* и *Политический дискурс*. По существу, большинство статей первой главы *Медиадискурс* можно включить главу *Политический дискурс* и наоборот. Статья К. Штайн и Д. Петренко *Социальное насилие и языковые стереотипы в рекламе* (т. 1, с. 40–53) публикуется в главе *Медиадискурс*, тогда как две другие статьи, посвященные анализу рекламного дискурса (А. Нарлох, *Синтаксические средства речевого воздействия в современной рекламе автомобилей* – т. 2, с. 24–43 и Н. Кутуза, *Экспериментальные аспекты изучения суггестогенности рекламных слоганов* т. 2, с. 46–54), – в главе *Специальный дискурс* второго тома. Все сказанное выше ни в коей мере нельзя считать упреком в адрес составителей монографии, напротив, корпус отобранных для издания статей, рассматриваемые в них проблемы и способы их решения представляют собой особую ценность с точки зрения перспектив для дальнейших исследований различных дискурсов и разработки их типологии.

Помимо несомненной научной ценности, значимость монографии определяется тем, что определение тактик и стратегий речевого воздействия, описание использования вербальных и невербальных средств для достижения персуазивного эффекта в различных дискурсах могут служить в качестве рекомендаций для создателей новостных, рекламных, PR и других типов текстов, а также для тех, кто хочет научиться противостоять манипуляции: обладание знанием о персуазивных языковых маркерах в текстовой структуре поможет выстраивать защиту от манипуляции. Этим предопределяется интерес к монографии широкого круга читателей, деятельность которых связана с речевой коммуникацией. Неудивительно, что сразу после выхода в свет, рецензируемая

монография поступила во все академические библиотеки Польши и была заказана библиотекой Оксфордского университета (Bodleian Library / Taylor Institution Library in Oxford).

Здесь уместно отметить, что целесообразным представляется перевод на английский язык названия монографии, предисловий к каждому тому, названий глав, а также значительное увеличение объема аннотаций статей на английском языке, что, несомненно, сделало бы издание доступным большему числу заинтересованных читателей.

DANUTĖ BALŠAITYTĖ

Vilniaus Universitetas
Filologijos fakultetas
Užsienio Kalbų Institutas
Universiteto g. 5, Vilnius, Lietuva
e-mail: dbalsaityte@gmail.com

KRONIKA
ХРОНИКА
CHRONICLE

NEKROLOGI I WSPOMNIENIA
НЕКРОЛОГИ И ВОСПОМИНАНИЯ

Z głębokim żalem przyjęliśmy wiadomość,
że 9 listopada 2017 roku
zmarła

Profesor dr hab. Janina Sałajczykowa

wybitna rusycystka, literaturoznawczyni, uczona wielkiego formatu,
założycielka gdańskiej rusycystyki,
wieloletni dyrektor Instytutu Filologii Słowiańskiej
na Wydziale Filologiczno-Historycznym Uniwersytetu Gdańskiego,
członkini Komitetu Słowianoznawstwa Polskiej Akademii Nauk.

Odeszła Mistrzyni wielu polskich rusycystów, wybitna badaczka prozy rosyjskiej XX wieku, autorka licznych publikacji, które stanowią trwałą i znaczącą spuściznę rusycystycznej myśli literaturoznawczej. Profesor Janina Sałajczykowa otaczała opieką zarówno studentów, jak i doktorantów oraz pracowników Instytutu. Inspirowała do poszukiwania ciekawych tematów, zachęcała do przeżywania fascynujących przygód intelektualnych.

Profesor dr hab. Janina Sałajczykowa studiowała w Instytucie Pedagogicznym im. Hercena w Leningradzie (1951–1955), a po jego ukończeniu rozpoczęła pracę w Wyższej Szkole Pedagogicznej w Opolu, gdzie doktoryzowała się w roku 1964 z drama-

turgii Leonida Leonowa (praca wydana została następnie pod tytułem: *Teatr Leonida Leonowa. Wybrane zagadnienia*, 1967). W 1972 roku Profesor Sałajczykowa przeniosła się do Gdańska. Na Uniwersytecie Gdańskim uzyskała stopień doktora habilitowanego na podstawie monografii pt. *Twórczość Izaaka E. Babla. Zarys monograficzny* (1973), a także tytuł profesora zwyczajnego (1990). Obszary zainteresowań naukowych Profesor Janiny Sałajczykowej to przede wszystkim literatura rosyjska XX wieku – współczesna Badacze i ta, która wymagała odkrycia, zapełnienia białych plam w historii literatury. Problematykę badań wyznaczają już same tytuły książek: *Wieś w rosyjskiej radzieckiej prozie powieściowej lat 1917–1932* (1979), *Rosyjska proza marynistyczna lat 1917–1977 (Próba zarysu dziejów)* (1982), *Twórczość literacka Lwa Łunca* (1990), *Dziesięciolecie przemian. Proza rosyjska lat 1985–1995* (1998), *Literatura rosyjska XX wieku. Wybrane zagadnienia* (2001).

Profesor dr hab. Janina Sałajczykowa jest autorką ponad stu publikacji: książek, artykułów, recenzji, prac popularnonaukowych. Znaczący dorobek Jej spuścizny historycznoliterackiej stanowią teksty dotyczące twórczości Leonida Leonowa, Izaaka Babla, Lwa Łunca, Jewgienija Zamiatina, a obok nich prace poświęcone takim autorom, jak Walerij Briusow, Konstanty Fiedin, Aleksander Małyszkin, Osip Mandelsztam, Wsiewołod Iwanow, Wieniamin Kawierin, Andriej Sobol i inni. Gdańska Badaczka w swoich tekstach podejmowała problemy poetyki prozy ornamentalnej, ekspresjonizmu, prozy wiejskiej, prozy historycznej lat osiemdziesiątych (Władimira Maksimowa, Jurija Trifonowa, Jurija Dombrowskiego, Andrieja Bitowa) czy antyutopii (twórczość Aleksandra Kabakowa i Ludmiły Pietruszewskiej). W dorobku Profesor Sałajczykowej znajdują się także refleksje na temat motywów biblijnych w rosyjskiej prozie lat dwudziestych XX wieku czy motywów żydowskich w literaturze tego okresu. Wśród publikacji uczzonej należy zwrócić uwagę również na omówienia najnowszej literatury rosyjskiej, w tym pisarstwa kobiet (m.in. Mariny Palej i Ludmiły Ulickiej) czy też prozy Olega Jermakowa i Anatolija Azolskiego.

W latach 2000 domeną badań naukowych Profesor Sałajczykowej stała się literatura pierwszej fali emigracji rosyjskiej. Zjawisku temu gdańska rusycystka poświęciła monografię pt. *Prozaicy pierwszej fali emigracji rosyjskiej 1920–1940* (2003). Badaczka ma na swoim koncie również artykuły dotyczące twórczości poszczególnych pisarzy i pisarek, zaliczanych do rosyjskiej diaspory, tj. Georgij Iwanow, Władimir Nabokow, Nina Berberowa, Wasilij Janowski czy – wyjątkowo przedstawiciela trzeciej fali emigracji – Anatolija Gładilina.

Za unikatowe i niemające precedensu w historii polskiej rusycystyki należy uznać opracowanie przez Profesor Janinę Sałajczyk rosyjskiej antologii noweli morskiej („Gorzki smak morza”. *Antologia rosyjskiej noweli morskiej 1917–1977*, 1982) i wspomnianej już wyżej monografii o prozie morskiej lat 1917–1977. Publikacje te do dziś stanowią jedyny praktycznie wkład w badanie tej problematyki. Warta odnotowania jest również przygotowana przez Profesor Sałajczykową antologia pt. *Leningradzkie motywy* (1977).

Mniej znanym obszarem działalności Profesor Janiny Sałajczyk były tłumaczenia literatury pięknej. Spod pióra gdańskiej literaturoznawczyni wyszły przekłady powieści m.in. takich autorów, jak Lucy Maud Montgomery, Barbara Taylor Bradford, Evelyn Anthony, Charles Tritten czy Patrick Quentin.

Ważnym elementem życia zawodowego Profesor Sałajczykowej były pełnione przez Nią funkcje, m.in. kierownika Zakładu Literatury Rosyjskiej UG (1973–1993), wicedyrektora Instytutu Filologii Słowiańskiej UG (1982–1986), dyrektora Instytutu Filologii Słowiańskiej UG (1993–1999). Ponadto Profesor Janina Sałajczyk była członkiem Zespołu Ekspertów przy Ministerstwie Edukacji Narodowej (1990–1992), członkiem Neofilologicznej Grupy Opiniującej przy Komitecie Badań Naukowych (1994–1995), wchodziła w skład komitetów redakcyjnych czasopism: „Studia Litteraria Polono-Slavica” (1993–2008) oraz „Przeglądu Rusycystycznego” (1995–2015). W latach 1999–2002 Profesor Sałajczykowa była członkiem Prezydium Komitetu Słowianoznawstwa PAN.

Pozostanie w naszej pamięci jako wspaniały Nauczyciel, Profesor, Przyjaciel.

Cześć Jej Pamięci!

Liliana Kalita

O PROFESOR DR HAB. JANINIE SAŁAJCZYKOWEJ SŁOWA PAMIĘCI

Należała do osób skromnych, nigdy niedemonstrujących swoich zasług czy też intelektualnej przewagi nad kimkolwiek. Była człowiekiem przez duże C, życzliwym światu i zawsze pomocnym. Miała przy tym ogromną wiedzę: pozostawiła po sobie nie tylko duży dorobek naukowy (katalog Biblioteki Narodowej samych tylko napisanych bądź opracowanych przez Nią książek wymienia ponad dwadzieścia), lecz tematycznie i problemowo pionierski. Jej publikacje, nawet te najdawniejsze, z lat sześćdziesiątych i siedemdziesiątych minionego wieku, gdy czasy nie sprzyjały nauce, nie tracą walorów poznawczych i interpretacyjnych. W kontaktach prywatnych była ciepła i wyrozumiała. Dopóki nie dopadła Jej ciężka choroba, interesowała się polityką, kulturą i teatrem. Posyłałyśmy sobie nawzajem ciekawe książki, rozmawiałyśmy długo przez telefon o tym, co się dzieje w kraju i na świecie. Poglądowo czuła się związana z lewicą, była wrażliwa na wszelkie przejawy zła, dyskryminacji, niesprawiedliwości i zakłamania.

Osobistą znajomość z Janką Sałajczykową zawarłam dopiero na początku lat dziewięćdziesiątych minionego wieku, choć już przedtem była mi znana, głównie jako autorka monografii *Twórczość Izaaka Babla*, która ukazała się w Opolu w roku 1973. Pytałam Ją po latach, jak to się mogło stać, że nie uniemożliwiono Jej badań nad takim tematem, a tym bardziej zbierania materiałów do niego w archiwach radzieckich, gdyż Babel był wówczas i długo potem w Rosji sowieckiej na indeksie. Owszem, publikowano *Armię konną*, interpretując ją jako apologię bolszewizmu, ale biografię pisarza zakłamywano, ukrywano, że padł ofiarą represji, nie znano nawet daty jego śmierci. Ponieważ wiedziałam z własnego doświadczenia, jak niechętni są rosyjscy uczelniani decydenci pomysłom cudzoziemskich stażystów, by badać obszary literatury u nich źle widzianej, praca Janki nad spuścizną Babla wywołała mój podziw i uznanie. Wszak napisała pierwszą polską monografię o Izaaku Bablu! Następne mogły się pojawiać dopiero w latach dziewięćdziesiątych, już na fali transformacji ustrojowej, gdy przestał istnieć ZSRR i na jakiś czas rozwarły się szeroko drzwi archiwów, nawet byłego KGB. Ale rosyjscy badacze Babla do dziś powołują się na to studium prof. Janiny Sałajczykowej.

Od prof. Wiktorii Śliwowskiej, wspaniałego historyka, a zarazem małżonki naszego przyjaciela, zmarłego w roku 2015 prof. René Śliwowskiego, dowiedziałam się, że obie panie studiowały razem na początku lat pięćdziesiątych w leningradzkim Instytu-

cie Pedagogicznym im. Aleksandra Hercena. Janka była wtedy (mówi dzisiaj Wiktoria) kimś w rodzaju „komsomolskiej bogini”, jak określił nieco później ten typ dziewcząt Okudźawa – pryncypialną, wzorową, skromną studentką, a zarazem aktywną działaczką polskiego ziomkostwa. Po latach wspominała o przyjaźniach, jakie wówczas połączyły Polaków studiujących w tej uczelni – był wśród nich Zbigniew Barański – późniejszy promotor Jej rozprawy doktorskiej i recenzent habilitacyjnej, a także Gabriela Olak (Porębina), z czasem dwa filary polskich ośrodków rusycystycznych – profesorowie na uniwersytetach wrocławskim i śląskim.

Młodsza od Janki tylko o siedem lat, po ukończeniu Uniwersytetu Moskiewskiego im. Łomonosowa związałam się z Uniwersytetem Warszawskim i tam obroniłam doktorat o rosyjskiej batalistyce czasów odwilży w roku 1973 – jednym z moich recenzentów był wówczas prof. Barański. Pociągała mnie literatura rosyjska XX wieku, zwłaszcza ta oficjalnie nieuznawana – pierwsze moje artykuły poświęcone były poetom z Oberiu oraz Marinie Cwietajewej. Będąc przez kilka lat sekretarką Seweryna Pollaka, znanego tłumacza literatury rosyjskiej i jej popularyzatora – nazytałam się literatury emigracyjnej i dysydenckiej, którą jakimś cudem otrzymywał, i tłumaczyłam to i owo na język polski. A dekadę 1982–1992 spędziłam w renomowanym warszawskim wydawnictwie PIW, gdyż znudziła mnie dydaktyka i – co tu kryć – jeszcze bardziej zastój intelektualny na uczelni. Pracując w PIW-ie jako kierowniczka redakcji krajów słowiańskich zawarłam wiele interesujących, z reguły korespondencyjnych, znajomości. Po roku 1986, gdy zaczęła się pieriestrojka, można już było w Polsce wydawać rosyjskich autorów, zarówno emigrantów, jak i represjonowanych, i był to odurzający powiew wolności: Władimir Maksimow, Władimir Wojnowicz, Siergiej Dowłatow, Aleksander Sołżenicyn, Jurij Druźnikow, Mikołaj Morszen – nazwiska te fascynowały, były pierwszymi jaskółkami nadejścia nowej epoki.

Transformacja sprawiła, że książki stały się towarem i choć każdy wydawca mógł od tej pory drukować, co dusza zapagnie, teraz powstrzymywały go bariery ekonomiczne. Był to paradoks: wolno publikować wszystko, ale jednak nie wolno, gdyż brakowało pieniędzy (a nie papieru, który w epoce minionej po prostu wydawnictwom przydzielano). Gdy odmówiono mi w PIW-ie wydawania książek Aleksandra Sołżenicyna, Wasilija Grossmana, a nawet Bułhakowa, by nie wspomnieć o ówczesnym debiutancie Pielewinie, zdecydowałam się wrócić na Uniwersytet Warszawski. Nastąpiło to w roku 1992: trzy lata później uzyskałam habilitację na podstawie monografii *Pasierbowie Rosji. O prozaikach trzeciej emigracji* (Warszawa 1995).

Właśnie wtedy nawiązałam intensywne kontakty z Janką: z początku miały one charakter naukowy, lecz dość szybko przeobraziły się we wzajemną sympatię, a następnie przyjaźń. Połączyła nas literatura rosyjska, zwłaszcza ta najnowsza. Dzieliłyśmy się uwagami o literackich nowinkach, doradzałyśmy sobie nawzajem, co warto czytać, a czego nie. Gdy Janka przygotowywała do druku swoją monografię *Dziesięciolecie przemian. Proza rosyjska lat 1985–1995*, poprosiła mnie o napisanie recenzji wydawniczej, co zrobiłam z dużą satysfakcją: książka ta była bowiem bogatą poznawczo panoramą przemian w literaturze rosyjskiej wymienionego w tytule okresu. Scharakteryzowała w niej Autorka pisarzy emigracyjnych, represjonowanych i tworzących z racji swej „antyradzieckości” przez całe lata do szuflady, odnotowała też tryumfalne nadejście nowych pokoleń, w tym postmodernistów i nowych realistów. Ludmiła

Pietruszewska, Michaił Kurajew, Marina Palej, Tatiana Tołstoj, Wiaczesław Piecuch, Jewgienij Popow, Mark Charitonow, Waleria Narbikowa, Jurij Kowal, Wiktor Pielewin, Władimir Sorokin i wielu innych prozaików, dzisiaj cenionych wysoko lub (są i tacy) zapomnianych, zyskało dzięki tej książce prof. Sałajczykowej poczytność może nie tyle w całym naszym kraju, co z pewnością na kilkunastu polskich filologiach rosyjskich. Dla studentów rusycystyki *Dziesięciolecie przemian* było ważnym kompendium, przewodnikiem po literaturze rosyjskiej – my, wykładowcy, polecałiśmy je z przekonaniem, że lepszego i bardziej aktualnego znaleźć niepodobna. Na egzemplarzu tej książki ofiarowanej mi przez Panią Profesor widnieje dedykacja, z której jestem dumna: „Mojej życzliwej i pomocnej Recenzentce z prośbą o wyrozumiałość i cierpliwość – z przyjaźnią, Janina Sałajczykowa, Gdańsk, październik 1998”. A oto kolejna dedykacja, tym razem w książce *Prozaicy pierwszej fali emigracji rosyjskiej 1920–1940* wydanej w Gdańsku w roku 2003: „Drogiej Alicji – z przyjaźnią, poczuciem wspólnoty ducha i z prośbą o życzliwe odczytanie tego «dzieła emerytki» – Autorka (21.10.2003)”. Tu nasuwają się dwa spostrzeżenia: po pierwsze, na przełomie wieków prof. Sałajczykowa wydawała co dwa lata nową książkę! Ta z roku 2003 była studium prozy rosyjskich emigrantów tzw. pierwszej, porewolucyjnej fali, chociaż i o późniejszych falach w swych artykułach Autorka nie zapominała; przyłączyła się nawet do stworzonej przez profesorów Lucjana Suchanka i Bronisława Kodzisa sekcji „emigrantologów” przy Komitecie Słowianoznawstwa PAN. I po drugie: z dystansem oraz humorem traktowała wówczas swe naukowe piarstwo, a przecież właśnie na emeryturze powstała większość jej szczególnie wartościowych prac. Nie było już barier cenzuralnych, można więc było poszerzyć naukowe horyzonty i międzynarodowe kontakty. Stąd na przykład współpraca Janki z Uniwersytetem w Jerozolimie i jej udział w projekcie „Biblia i literatura rosyjska”, stąd wydobywanie przez Nią z niepamięci pisarzy wykluczonych poza nawias literatury, choć zasługiwali na światową sławę (by wspomnieć np. Jej znakomity esej *Сингал об Опасности, угрожающей человечеству. О романе „Мы” Евгения Замятина* w tomie *Десять лучших романов XX века*, Moskwa 2004).

Z Uniwersytetem Warszawskim współpracowała Janina Sałajczykowa przez wiele lat, zarówno uczestnicząc w organizowanych przez Instytut Rusycystki Uniwersytetu Warszawskiego konferencjach naukowych, jak i recenzując dla nas prace doktorskie, habilitacyjne i profesorskie. W roku 2004 opiniowała przygotowaną pod moim kierunkiem rozprawę doktorską Grzegorza Szymczaka *Proza Wiktora Pielewina w kontekście rosyjskiego postmodernizmu*, w roku 2007 rozprawę Elżbiety Banasiuk *Kolej losu Niny Berberowej a jej autobiografia „Podkreślenie moje”*, a w roku 2013 rozprawę Aldony Borkowskiej *Autobiograficzna proza Wiktora Astafiewa*. Była też na Uniwersytecie Warszawskim recenzentką prac habilitacyjnych Małgorzaty Semczuk-Jurskiej (*Ewolucja twórczości Anny Achmatowej*) oraz Anny Jędrzejkiewicz (*Opowiadania Antoniego Czechowa. Studia nad porozumiewaniem się ludzi*).

Recenzowała też moją monografię profesorską w roku 2004. Opowiadała mi kiedyś, jak przygotowuje się do oceniania prac naukowych (a zwracano się z prośbą o to do Niej często, z wielu uczelni): najpierw czyta kilka razy rozprawę, którą ma ocenić, potem teksty będące obiektem badawczym, a następnie literaturę przedmiotu. Trwa to dosyć długo, lecz bez tego czułaby się niekomfortowo, bo chce być nie tylko kompe-

tentna, ale i sprawiedliwa. Wiadomo mi, że w swej macierzystej uczelni recenzowała rozprawę doktorską o twórczości poetyckiej Wsiewołoda Niekrasowa – dla mnie Siewy, przyjaciela z młodych lat, męża mojej koleżanki ze studiów, później profesor Anny Żurawlowej, jednej z najbardziej autorytatywnych badaczek literatury rosyjskiej XIX wieku na Uniwersytecie Moskiewskim im. Łomonosowa. Moja wiedza o tych ludziach zaciekawiła Jankę: mogłam Jej sporo opowiedzieć o poetach i malarzach moskiewskiego undergroundu, których poznałam jeszcze w latach sześćdziesiątych.

Janka mówiła mi dość często o swoich studentkach i doktorantkach, a z czasem koleżankach z pracy. Cieszyła się ich osiągnięciami, ubolewała, gdy ktoś nie mieścił się w terminie z habilitacją, prosiła o pożyczenie tych lub innych książek, gdy były komuś potrzebne. Z czasem mówiła, że coraz więcej tych książek oddaje po wykorzystaniu do biblioteki – niech się przydadzą czytelnikom.

W ostatniej dekadzie życia nie było Jance łatwo. Ciężka i długotrwała śmiertelna choroba Jej męża, potem własne liczne dolegliwości ograniczały Ją. Coraz rzadziej pojawiała się na posiedzeniach Komitetu Słowianoznawstwa w Warszawie, nie mogła przyjeżdżać do stolicy ze względu na nasilające się niedomagania. Ale dość często dzwoniła, przysyłała pocztówki z okazji świąt, prosiła, by o Niej nie zapominać. Mówiła, że chodzi na spacer, rehabilituje się w przychodni, walczy z chorobą. Telefonowałyśmy do siebie co najmniej raz w miesiącu.

Kiedyś jednak przestała dzwonić, a ja w natłoku obowiązków nie od razu to dostrzegłam. A potem nie mogłam się dodzwonić do Niej. Może jest u córki? – domyślałam się. Napisałam do Janki kartkę, którą, jak się okazało, istotnie odebrała córka, przekazując mi smutną wiadomość, że Jej Mama przebywa w domu opieki, ale mogę do Niej zatelefonować. Porozmawiałymy, Janka ucieszyła się chyba nawet, ale szybko zmęczyła ją rozmowa. Był to mój ostatni z Nią kontakt.

Prof. Janina Sałajczykowa była tytanem pracy. Zastanawiam się, jak potrafiła sprostać ogromowi obowiązków, zajęć, spotkań, systematycznemu czytaniu i pisaniu książek, artykułów i recenzji, wyjazdom na konferencje krajowe i zagraniczne? Poza naukową i dydaktyczną działalnością pełniła też funkcje organizacyjne na swojej uczelni, była dyrektorem Instytutu Filologii Wschodniosłowiańskiej Uniwersytetu Gdańskiego, a także wieloletnim członkiem Komitetu Słowianoznawstwa Akademii Nauk. Tłumaczyła z języka angielskiego nie tylko prace naukowe (jak książkę Eloise Engle i Lauriego Paananena *Wojna zimowa i sowiecki atak na Finlandię 1939–1940*), ale i powieści dla młodzieży. Zastrzegła się, że to praca zarobkowa, ale z naszych rozmów wynikało, że interesuje Ją sztuka przekładu.

1 listopada bieżącego, czyli 2017 roku (a zatem kilka dni przed śmiercią Janki), zmarł Władimir Makanin, autor, o którym Janka sporo w swych książkach i artykułach pisała. Odejścia te, zbliżone w czasie, to sygnały końca pewnej epoki: Janina Sałajczykowa urodziła się w roku 1933, a Makanin – w 1937. Przeżyli wojnę, okres stalinizmu, odwilż, breżniewowski zastój, pieriestrojkę i doczekali czasów transformacji. Zaczynali swą działalność literacką i literaturoznawczą w latach sześćdziesiątych, były im przez pewien czas bliskie hasła szesťidiesiatników o socjalizmie z ludzką twarzą, potem nastąpiło rozczarowanie. Ale nigdy nie minęła fascynacja Rosją, literaturą i kulturą rosyjską. To z pewnością łączy wybitnego rosyjskiego pisarza i polską badaczkę Jego twórczości.

Dorobek naukowy prof. Janiny Sałajczykowej będzie przedmiotem uwagi niejednego jeszcze pokolenia rusycystów zarówno polskich, jak i zagranicznych.

A my, Jej przyjaciele, zachowamy na zawsze w pamięci tę niezwykłą, wspaniałą Postać.

Alicja Wołodźko-Butkiewicz

ALICJA WOŁODŹKO-BUTKIEWICZ

profesor emeritus
Uniwersytet Warszawski
Instytut Rusycystki
Warszawa, Polska
e-mail: ajwolodz@uw.edu.pl

PROFESOR JANINY SAŁAJCZYK PRZEKŁADY LITERACKIE¹**1977**

Leningradzkie motywy. Słowo wstępne i wybór tekstów Janina Sałajczykowa. Oprac. graf. Andrzej Kuczmiński. Gdańsk: Wydawnictwo Morskie, 1977, ss. 57, [3] [poezja rosyjska].

1982

Gorzki smak morza. Antologia rosyjskiej noweli morskiej 1917–1977. Wybór, przedm. i noty biograf.-bibliogr. Janina Sałajczyk. Seria Światowa Proza Morska. Gdańsk: Wydawnictwo Morskie, 1982, ss. 610, [2] [nowele rosyjskie].

1990

Lucy Maud Montgomery. *Złocista droga*. Przeł. z ang. Joanna Kazimierczyk. [Przekł. wierszy Karolina Bałaban]. Gdańsk: Wydawnictwo Graf, 1990, ss. 221, [3] [literatura kanadyjska dla dzieci].

1991

Barbara Taylor Bradford. *Akt woli*. Przeł. z ang. Joanna Kazimierczyk. Gdańsk: Wydawnictwo Graf, 1991, ss. 403, [1] [powieść angielska].

Evelyn Anthony. *Kryptonim „Albatros”*. Przeł. z ang. Joanna Kazimierczyk. Gdańsk: Wydawnictwo Graf, 1991, ss. 270, [1] [powieść szpiegowska angielska].

Jennifer Bacia. *Ujarzmić zło: [Anthea James – kobieta sukcesu]*. Przeł. z ang. Joanna Kazimierczyk. Seria Powieść o Kobietach – dla Wszystkich. Gdańsk: Wydawnictwo Graf, 1991, ss. 335, [1] [powieść angielska].

Lucy Maud Montgomery. *Jane z Lantern Hill*. Przeł. z ang. Joanna Kazimierczyk. Gdańsk: Wydawnictwo Graf, 1990, ss. 199, [1] [powieść kanadyjska dla młodzieży].

Jean Webster. *Kochany Wrogu*. Przeł. z ang. Joanna Kazimierczyk. Gdańsk: Wydawnictwo Graf, 1991, ss. 216 [powieść epistolarna amerykańska; powieść dla młodzieży].

1992

Evelyn Anthony. *Bractwo świętych*. Przeł. z ang. Anna Maria Hylla. Gdańsk: Wydawnictwo Graf, 1992, ss. 288 [powieść sensacyjna angielska].

Lucy Maud Montgomery. *Historynka* [Przeł. Janina Zawisza-Krasucka]; *Złocista droga*. Przeł. z ang. Joanna Kazimierczyk. [Przekł. wierszy Karolina Bałaban]. Wyd. 1 w tej edycji. Gdańsk: Oficyna Wydawnicza Graf, 1992, ss. 485 [literatura kanadyjska dla dzieci].

¹ Janina Sałajczyk posługiwała się pseudonimami.

Charles Tritten. *Heidi dorasta*. Przeł. z ang. Joanna Kazimierczyk. Seria Powieści dla Dziewcząt. Gdańsk: Novus Orbis, 1992, ss. 139 [na okł.: *Dalsze losy Heidi*] [powieść angielska dla młodzieży].

1993

Jennifer Bacia. *Ujarzmić zło*. Przeł. z ang. Joanna Kazimierczyk. Gdańsk: Wydawnictwo Graf, 1993, ss. 335, [1] [powieść angielska].

Barbara Taylor Bradford. *Akt woli*. Przeł. z ang. Joanna Kazimierczyk. Wyd. 2. Gdańsk: Media Film – Media Press, 1993, ss. 403, [1] [powieść angielska].

Maeve Haran. *Mieć wszystko!* Przeł. z ang. Joanna Kazimierczyk. Gdańsk: Oficyna Wydawnicza Graph Media Film, 1993, ss. 477, [1] [powieść amerykańska].

Lucy Maud Montgomery. *Błękitny Zamek*. Przeł. z ang. Joanna Kazimierczyk. Seria Kolekcja Lucy Maud Montgomery. Gdańsk: Novus Orbis, 1993, ss. 172, [4] [literatura kanadyjska dla młodzieży].

Lucy Maud Montgomery. *Jane z Lantern Hill*. Przeł. z ang. Joanna Kazimierczyk. Wyd. 2. Gdańsk: Graph Media Film, 1993, ss. 199, [1] [powieść kanadyjska dla młodzieży].

Lucy Maud Montgomery. *Spotkanie po latach*. Przeł. z ang. Karolina Bałaban, Joanna Kazimierczyk. Seria Kolekcja Lucy Maud Montgomery. Gdańsk: Novus Orbis, 1993, ss. 188, [4] [literatura kanadyjska dla młodzieży].

Charles Tritten. *Dzieci Heidi*. Przeł. z ang. Joanna Kazimierczyk. Seria Powieści dla Dziewcząt. Gdańsk: Novus Orbis, 1993, ss. 159 [na okł.: *Dalsze losy Heidi*] [powieść angielska dla młodzieży].

Patrick Quentin. *Łamigłówa dla wędrowców*. Przeł. z ang. Joanna Kazimierczyk. Gdańsk: Oficyna Wydawnicza Graph Media Film, 1993, ss. 223, [1] [powieść kryminalna amerykańska].

1994

Sharon Creech. *Absolutnie zwyczajny chaos*. Przeł. z ang. Joanna Kazimierczyk. Gdańsk: Novus Orbis, cop. 1994, ss. 184, [8] [powieść młodzieżowa angielska].

Lucy Maud Montgomery. *Biała magia*. Przeł. z ang. Joanna Kazimierczyk. Gdańsk: Novus Orbis, 1994, ss. 212, [4] [literatura kanadyjska dla młodzieży].

Lucy Maud Montgomery. *Panna młoda czeka*. Gdańsk: Novus Orbis, 1994, ss. 174. [2] [opowiadania publikowane w czasopismach i gazetach kanadyjskich w latach 1896–1932].

1995

John Habberton. *Wakacje bez mamy*. Przeł. z ang. Joanna Kazimierczyk. Gdańsk: Novus Orbis, 1995, ss. 201, [2] [literatura dziecięca amerykańska].

Barbara Taylor Bradford. *Akt woli*. Przeł. z ang. Joanna Kazimierczyk. Wyd. 1 w tej edycji. Warszawa: Ibis, 1995, ss. 403, [1] [powieść angielska].

Lucy Maud Montgomery. *Opowieści ze Złotego Brzegu*. Przeł. z ang. Joanna Kazimierczyk. Gdańsk: Novus Orbis, 1995, ss. 218, [3] [literatura kanadyjska dla młodzieży].

Lucy Maud Montgomery. *Spotkanie po latach*. Przeł. z ang. Karolina Bałłaban, Joanna Kazimierczyk. Seria Kolekcja Lucy Maud Montgomery. Wyd. 2 popr. Gdańsk: Novus Orbis, 1995, ss. 188, [4] [literatura kanadyjska dla młodzieży].

1996

Dorothy Eden. *Mów mi o miłości*. Przeł. z ang. Joanna Kazimierczyk. Gdańsk: Novus Orbis – Warszawa: Bej Service, 1996, ss. 297, [1] [powieść nowozelandzka].

Lucy Maud Montgomery. *Niedaleko Avonlea*. Przeł. z ang. Joanna Kazimierczyk. Gdańsk: Novus Orbis – Warszawa: Bej Service, 1996, ss. 221, [3] [literatura kanadyjska dla młodzieży].

Lucy Maud Montgomery. *Ślady na piasku*. Przeł. z ang. Joanna Kazimierczyk. Gdańsk: Novus Orbis, 1996, ss. 189, [3] [literatura kanadyjska dla młodzieży].

Kate Douglas Wiggin. *Rebeka z Riverboro*. Przeł. z ang. Joanna Kazimierczyk. Gdańsk: Novus Orbis – Warszawa: Bej Service, 1996, ss. 168, [8] [powieść młodzieżowa amerykańska].

1997

Sharon Creech. *Dwa obroty Księżycy*. Przeł. z ang. Joanna Kazimierczyk. Gdańsk: Novus Orbis, 1997, ss. 205, [1] [powieść młodzieżowa angielska].

Kate Douglas Wiggin. *Rebeka z Riverboro*. Przeł. z ang. Joanna Kazimierczyk. Czyta Sylwia Zmitrowicz. Warszawa: Zakład Nagrań i Wydawnictw Związku Niewidomych, 1997, audiobook [5 kaset dźwiękowych] [powieść młodzieżowa amerykańska].

1998

Jon P. Eaton, Charles A. Haas. *Titanic. Nieuchwytna katastrofa. Legendy i rzeczywistość*. Przeł. z ang. Karolina Bałłaban, Jan Kazimierczyk. Gdańsk: Wydawnictwo Gord, 1998, ss. 198, [8] [wydawnictwo popularne].

1999

Lucy Maud Montgomery. *Panna młoda czeka*. Przeł. z ang. Joanna Kazimierczyk. Wyd. 2. Gdańsk: Novus Orbis, 1999, ss. 174 [2] [opowiadania publikowane w czasopiśmie i gazetach kanadyjskich w latach 1896–1932].

Lucy Maud Montgomery. *Szczęśliwa pomyłka*. Przeł. z ang. Joanna Kazimierczyk, Jolanta Wnuk. Seria Kolekcja Lucy Maud Montgomery. Gdańsk: Novus Orbis, 1999, ss. 188 [literatura kanadyjska dla młodzieży].

2000

Lucy Maud Montgomery. *Zrządzenie losu*. Przeł. z ang. Joanna Kazimierczyk, Jolanta Wnuk. Seria Kolekcja Lucy Maud Montgomery. Gdańsk: Novus Orbis, 2000, ss. 222 [literatura kanadyjska dla młodzieży].

2001

Eloise Engle, Lauri Paananen. *Wojna zimowa. Sowiecki atak na Finlandię 1939–1940*. Przeł. z ang. Janina Sałajczyk. Gdańsk: Wydawnictwo L&L, 2001, ss. 246 [reportaż dokumentalny].

Gaspar da Cruz. *Traktat o sprawach osobliwościach Chin*. Red. nauk. Jan Kieniewicz. Przeł. Joanna Kazimierczyk, Izabela Komorowska. Seria Novus Orbis. Gdańsk: Novus Orbis, 2001, ss. 161, [26] tabl. [literatura podróżnicza portugalska].

2006

W poszukiwaniu królestwa kapłana Jana. Wybór, wstęp i red. nauk. Jerzy Strzelczyk. [Teksty z jęz. łac. przeł. Anna Strzelecka, tekst z jęz. ang. przeł. Janina Sałajczyk]. Seria Novus Orbis. Gdańsk: Novus Orbis, 2006, ss. LXXIX, [1], 80 [odkrycia i badania historyczne].

2007

Nowi dawni mistrzowie. Wielka wystawa sztuki współczesnej = New old masters. Great exhibition of contemporary art. [Esej i noty o artystach Donald Kuspit. Tł. Marzena Beata Guzowska, Tadeusz Z. Wolański, Janina Sałajczyk]. Gdańsk: Muzeum Narodowe, 2007, ss. 208 [Wystawa: Muzeum Narodowe w Gdańsku, Oddział Sztuki Współczesnej – Pałac Opatów w Oliwie, 20 listopada 2006 – 15 lutego, 2007] [katalog wystawy].

2013

Lucy Maud Montgomery. *Błękitny zamek*. Przeł. z ang. Joanna Kazimierczyk. Seria Romantyczna. Wyd. 2. Warszawa: Wydawnictwo Egmont Polska, 2013, ss. 279, [4] [literatura kanadyjska dla młodzieży].

Opracowały: Katarzyna Wojan, Liliana Kalita

KATARZYNA WOJAN

Uniwersytet Gdański
Wydział Filologiczny
Instytut Skandynawistyki
Pracownia Języka Fińskiego, Kultury i Gospodarki Finlandii
Neofilologia, ul. Wita Stwosza 51, 80-308 Gdańsk, Polska
e-mail: finkw@univ.gda.pl

LILIANA KALITA

Uniwersytet Gdański
Wydział Filologiczny
Instytut Ruscystyki i Studiów Wschodnich
Katedra Rosjoznawstwa, Literatury i Kultury Rosyjskiej
Neofilologia, ul. Wita Stwosza 51, 80-308 Gdańsk, Polska
e-mail: szedewr@wp.pl

JUBILEUSZE
ЮБИЛЕИ
ANNIVERSARY CELEBRATIONS

**Profesor
Irena Fijałkowska-Janiak**

JUBILEUSZ PROFESOR IRENY FIJAŁKOWSKIEJ-JANIAK¹

W Polsce obowiązuje zwyczaj zabraniający mówienia o wieku kobiety. Jednakże prof. Irena Fijałkowska-Janiak niedawno hucznie obchodziła swój jubileusz siedemdziesięciolecia, a więc sprawa się wydała i zakaz w tym wypadku już nie obowiązuje. Wobec tego zaczęłam od zakomunikowania wszem i wobec, że siedemdziesiąt lat temu, prawie dokładnie w połowie XX wieku urodziła się nasza obecna droga koleżanka i niezastąpiona nauczycielka naszych młodszych kolegów i koleżanek Irena Fijałkowska (oczywiście wtedy jeszcze nie Janiak). A urodziła się w sławnym mieście Harbinie (jako człowiek starej daty wolałbym pisać Charbin), założonym w latach 1897–1903, w czasie budowy Kolei Wschodniocińskiej, przez Polaka, inżyniera Adama Szydlowskiego, początkowo, na skutek zawirowań politycznych, jako miasto rosyjskie. Po rewolucji bolszewickiej do Harbinu napłynęła duża fala uchodźców, w rezultacie czego przestoczył się w największą enklawę rosyjskiej emigracji na Wschodzie. Leży na północnym wschodzie Chin i liczy obecnie prawie 5 mln mieszkańców. Nie od razu wiedziałem, że Irena urodziła się w Chinach, ale, jak pamiętam, zawsze emanowała jakimś wschodnim czarem.

Pamiętam, kiedy zobaczyłem Irenę po raz pierwszy. Było to na pierwszym roku studiów. Podczas przerwy między zajęciami mieli nam przedstawić opiekunkę naszego roku z ramienia ZSP, mogliśmy się do niej zgłaszać ze wszystkimi problemami. Czekaliśmy w sali wykładowej. Weszła bardzo seksowna dziewczyna w sukience mocno ściągniętej w talii szerokim czerwonym paskiem, co dodatkowo podkreślało jej urodę. Była to studentka z czwartego roku – Irena Fijałkowska. Wszyscy chłopcy, a było nas na pierwszym roku jeszcze całkiem niemało, bardzo się ucieszyli. Nie pamiętam jednak, żebym podczas studiów jeszcze się z nią spotykał. Kiedy zaczęła pracę na UG, z moją grupą zajęć nie miała.

Poznałem ją bliżej już wtedy, gdy sam zostałem zatrudniony na UG i znalazłem się w Zakładzie Literatury Rosyjskiej w naprawdę doborowym towarzystwie. Już w pierwszych dniach dowiedziałem się, że Irena napisała świetną pracę magisterską o twórczości Iwana Bunina, bardzo ją chwalił za to jej promotor Zbigniew Żakiewicz, wybitny uczony i pisarz. Potem jednak, jak żartował jej opiekun, a chyba sama Irena też, „spadła” z Bunina na Kuprina. Napisała rozprawę doktorską *Poetyka krótkich form A. Kuprina* pod kierunkiem naukowym prof. dr hab. Janiny Sałajczyk i obroniła na Wydzia-

¹ Niniejszy tekst jest zmienioną wersją mowy okolicznościowej zamieszczonej w: *Magia ksiąg. Księga magii. Księga jubileuszowa poświęcona profesor Irenie Fijałkowskiej-Janiak*. Pod red. Diany Oboleńskiej i Urszuli Patockiej-Sigłowy. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2017.

le Humanistycznym UG w 1980 roku. Nie została jednak przy Aleksandrze Kuprinie zbyt długo. Opublikowała parę artykułów na temat jego twórczości, bardzo interesujących zresztą i wnikliwych. Na przykład w artykule *Kuprinowska Pieśń nad pieśniami* (1981), poświęconym opowieści *Sulamitka*, dzięki błyskotliwej analizie dzieła Kuprina i znajomości *Biblii* ukazała różne wymiary skomplikowanej i fascynującej gry autora z tekstem biblijnym. Pamiętam porywającą dyskusję w Zakładzie nad tym artykułem, w której Irena była nader przekonująca nie tylko dzięki świetnej znajomości zagadnienia, ale również dzięki, rzekłbym, natchnionemu, pełnemu pasji zaangażowaniu. Był u nas taki dobry zwyczaj, że na zebraniach Zakładu, po omówieniu spraw organizacyjnych występował ktoś ze swoim nowym tekstem, najczęściej przeznaczonym do publikacji, a potem była dyskusja. Po takiej dyskusji, jeżeli tekst został zaakceptowany, to już można było mieć całkowitą pewność, że żaden recenzent go nie odrzuci.

Kolejnym obiektem jej zainteresowań naukowych, a nawet pasji, był wybitny pisarz i myśliciel rosyjski początku XX wieku Wasilij Rozanow, o którym dużo i chętnie opowiadała nam, kolegom z Zakładu Literatury, zarażając i nas swoją fascynacją. Napisała o nim całe mnóstwo artykułów i uwieńczyła te zainteresowania publikacją w roku 1992 rozprawy habilitacyjnej *U ścian cerkiewnych. O twórczości filozoficzno-religijnej Wasilija Rozanowa*, na podstawie której uzyskała stopień naukowy doktora habilitowanego z zakresu literaturoznawstwa. Była to pierwsza w Polsce tak poważna monografia naukowa o tym pisarzu. Dopiero o wiele lat później pojawiła się kolejna książka, autorstwa krakowskiej uczoniej Haliny Waszkielewicz.

Pragnąłbym w tym miejscu przypomnieć, że w latach siedemdziesiątych zaczęła się w literaturoznawstwie rusycystycznym zmiana, że się tak wyrażę, paradygmatu naukowego, która w humanistyce polskiej rozpoczęła się właściwie już po 1956 roku, ale była hamowana na wszystkie sposoby przez czynniki oficjalne. Następowoło to dwutorowo. Z jednej strony było to przesunięcie się zainteresowań badaczy na obszary literatury rosyjskiej nietolerowane do tej pory przez znaczną część dotychczasowej kadry uniwersyteckiej, przede wszystkim na modernizm rosyjski i innych pisarzy zakazanych dotąd z powodów politycznych, jak Izaak Babel czy Andriej Płatonow oraz twórcy emigracyjni: Marina Cwietajewa, pierwszy rosyjski laureat Nagrody Nobla Iwan Bunin czy drugi noblista, acz nie emigrant, Boris Pasternak i inni. Szło to w parze z całkowitym *désintéressement* dla realizmu socjalistycznego, nawet w ogóle z odsuwaniem się badaczy od klasycznego realizmu XIX wieku, choć trzeba przyznać, że powstało w Polsce w tamtych latach parę ważnych monografii twórczości Lwa Tołstoja, Antona Czechowa (oraz jego dramaturgii) i Maksyma Gorkiego (w swoim czasie pisał o nim również Zbigniew Żakiewicz). Nie będę tu wspominał o Dostojewskim, którego bardzo lubili kontestatorzy realistycznych tradycji. Z drugiej strony było to odrzucenie marksistowskich metod badawczych i odchodzenie bardzo wielu badaczy w ogóle od metod genetycznych na rzecz wewnętrznych, jak również wzrost zainteresowania strukturalizmem i kult naukowości w badaniach literackich.

Tendencje w zmianie tematów badań bardzo wyraźnie dały się zaobserwować w pracy badawczej niektórych naszych kolegów i koleżanek, w tym przede wszystkim prof. Elżbiety Biernat, która w latach siedemdziesiątych i osiemdziesiątych prowadziła gruntowne studia nad rosyjską powieścią symbolistyczną, zamykając je monografią *Poetyka rosyjskiej powieści symbolistycznej* (1988), a także nad twórczością Fiodora So-

łoguba oraz Michaiła Kuzmina, a nieco później związkami Andrieja Bielego i symbolistów rosyjskich z Rudolfem Steinerem i ich zaangażowaniem w budowę Goetheanum oraz ezoteryzmem w literaturze rosyjskiej. Irena również przez lata zajmowała się modernizmem rosyjskim, nie tylko Rozanowem, ale także Maksymilianem Wołoszynem, a nieco później zajęła się wolnomularstwem i ezoteryką, w ich związkach z literaturą rosyjską, czemu też poświęciła bardzo dużo artykułów.

Nie mogę nie wspomnieć w tym miejscu o Stiepanie Iljowie, wybitnym naukowcu z Odessy, który pracował u nas przez trzy lata jako „specjalista radziecki” i również prowadził badania nad powieścią modernistyczną, napisał nawet książkę o poetyce tej powieści, przy czym kilka rozdziałów opublikował w Polsce, w naszych „Zeszytach Naukowych” oraz w „Studia Rossica Posnaniensia”. Po powrocie do Odessy musiał stanąć „na dywaniku” przed rektorem uniwersytetu za ten „wybryk”, jak i za „niewłaściwe” zainteresowania naukowe. U nas natomiast czuł się jak u siebie. Wszyscy go bardzo lubiliśmy, a gorące dyskusje z nim trwały godzinami, nie tylko w naszych gabinetach, ale nawet na korytarzu. Pierwszymi jego dyskusantkami były oczywiście – Irena i Elżbieta – ze względu na wspólnotę zainteresowań badawczych.

Inni nasi koledzy również szukali nowych obszarów badawczych: np. Zbigniew Żakiewicz pisał o Iwanie Buninie, Ludmiła Dyakowska o Braciach Serafiońskich, Teresa Załęska o poezji Nikołaja Asiejewa na tle założeń estetycznych LEFu, Tadeusz Bogdanowicz o micie w twórczości Andrieja Płatonowa (mit jeszcze niedawno był wyklęty w humanistyce radzieckiej, zatem wybór mitu jako zasady wizji świata również oznaczał zerwanie z tamtym paradygmatem). Profesor Janina Sałajczyk co prawda zajmowała się literaturą radziecką, ale zainteresowała się Izaakiem Bablem. Jej książka o Bablu zdecydowanie wpisała się w nurt przywracania do historii literatury autorów jeszcze do niedawna zakazanych. Natomiast Jurek Godwod, mający legendarną przeszłość związaną ze współpracą z teatrami studenckimi lat pięćdziesiątych, zwłaszcza z „To Tu” i „Teatrzykiem Rąk”, zajmował się konsekwentnie teatrem rosyjskim lat dwudziestych i trzydziestych, w tym baśniami Jewgienija Szwarca. Znamienne, że wszystkie te nurty i twórcy wywodzili się bądź w inny sposób byli związani z rosyjskim modernizmem i przeciwstawiali się narzucanej coraz silniej literaturze ideologicznej. Potem Jurek Godwod prowadził wykład wydziałowy z historii filmu radzieckiego, połączony z pokazem najwybitniejszych filmów, znaczących drogę rozwoju kinematografii światowej. Z kolei Boguś Żyłko stał niejako trochę z boku, był ponad, gdyż zajmował się, że tak to sformułuję, metateorią: pisał o formalizmie i strukturalizmie rosyjskim oraz o myśli Michaiła Bachina, któremu poświęcił swoją rozprawę habilitacyjną. Uważaliśmy go z tej racji za kogoś całkiem wyjątkowego, wtajemniczonego, swoistego guru.

Tylko kilka osób wykroczyło poza ten szeroko rozumiany okres modernistyczny. Ludmiła Jankowska od początku konsekwentnie zajmowała się literaturą staroruską, Lucyna Kapała najpierw Nikołajem Leskowem, o którym napisała świetną strukturalistyczną książkę, a później Mielnikowem-Pieczerskim, ja zajmowałam się twórczością Michaiła Priszwina, a później, już po zmianie systemu politycznego, Wałłamem Szafłowem. Część z nas łączyły preferencje metodologiczne: byliśmy zarażeni strukturalizmem, który nie był tolerowany przez „starych koryfeuszy”, tkwiących jeszcze w paradygmacie metod marksistowskich.

Rewolucja metodologiczna docierała jednak do nas z różnych stron. W paradygmacie marksistowskim też wiele się działo, zwłaszcza u nas, na Uniwersytecie Gdańskim, dzięki Marii Janion. W 1974 roku opublikowała książkę *Humanistyka: poznanie i terapia*, w której podjęła wielką dyskusję o metodologii humanistyki i wskazała na poważne alternatywy wobec oficjalnego marksizmu, który był już wtedy faktycznie martwy. Poza tym – i dla nas to było najważniejsze – przez kilka lat prowadziła na UG słynne na całą Polskę seminarium doktoranckie, na którym szlify naukowe, ale także obywatelskie, zdobywali tacy wybitni dziś uczeni (i nie tylko uczeni), jak Stefan Chwin, Stanisław Rosiek, Kwiryna Ziemia, Zbigniew Majchrowski i wielu innych, nie sposób wszystkich wymienić. Plonem tych seminariów była słynna seria *Transgresje*. Biegaliśmy z zapałem na te seminaria, kiedy tylko mogliśmy, i chłoniliśmy, chłoniliśmy. Jeżeli dobrze pamiętam, to z naszego Instytutu najczęściej chodziła tam Lucyna Kapala, przeważnie chodziliśmy razem, oraz chyba Irena i Bogusław Żyłko.

Wiem, że pamięć ludzka jest zawodna. A moja pamięć jest pod tym względem wręcz arcyłudzka, nie tylko wymazuje to, co było, ale też kreuje nieraz rzeczy niebywałe. Jednakże, kiedy nieraz widziałem, w jaki sposób pracuje Irena ze swoimi magistrantami i doktorantami, a często miałem taką możliwość, albowiem zajmowaliśmy ten sam gabinet i czasem miałem okienko, kiedy ona prowadziła seminarium, to nieraz przypominały mi się seminaria Marii Janion, atmosfera których, szeroki horyzont poszukiwań, wielka erudycja i głęboki namysł zdawały się być obecne również na tych dyskusjach naukowych, podczas których studenci – doktoranci i nawet magistranci – odważnie stawiali tezy i dzielnie ich bronili, a korygujący delikatnie głos nauczycielki Ireny nie był apodyktyczny, lecz opiekuńczo-partnerski.

A w naszym Zakładzie również można było mówić o swoistej rewolucji intelektualnej. Profesor Sałajczyk, wieloletnia Kierownik naszego Zakładu, fascynowała się modernizmem, choć prawie nie prowadziła badań na tym obszarze (poza twórczością Lwa Łunca). I wpadła na fantastyczny pomysł zorganizowania cyklicznej dorocznej konferencji naukowej na temat rosyjskiej literatury modernistycznej, jednak nazwała ją „dla niepoznaki” całkiem niewinnie: „Literatura rosyjska przełomu XIX i XX wieku”. Nasza konferencja właściwie natychmiast zainteresowała prawie całe polskie środowisko rusycystyczne (i nie tylko polskie) jako akcja nowa w rusycystyce polskiej i półlegalna. Przyjeżdżali najwybitniejsi młodzi naukowcy z różnych ośrodków, że wymienię tylko niektórych, kto mi się pierwszy przypomniał: Halina Waszkielewicz, Eulalia Papla, Jerzy Kapuścik z UJ, Józef Smaga z WSP w Krakowie, Anna Paszkiewicz i Tadeusz Klimowicz z Wrocławia (osobno wspomnę o koryfeuszu, profesorze Zbigniewie Barańskim, bardzo przez nas wszystkich cenionym), Grażyna Bobilewicz i Anna Jędrzejewicz z Uniwersytetu Warszawskiego, Halina Brzoza i Halina Chałacińska z UAM w Poznaniu, Anna Majmieskułow z WSP w Bydgoszczy, Maria Cymborska z UMCS i Małgorzata Matecka z KUL z Lublina. I wielu innych. Z naszej strony stałymi uczestnikami konferencji byli Irena Fijałkowska-Janiak i Elżbieta Biernat, ale występowali również inni. Przecierano nowe drogi w rusycystyce, odkrywano zapomniane nazwiska najwybitniejszych twórców Srebrnego Wieku, jak Andriej Bielyj, Fiodor Sołogub, Walerij Briusow, Konstantin Balmont, Wasilij Rozanow, Nikołaj Gumilow, Władysław Iwanow, Maksymilian Wołoszyn, Osip Mandelsztam, Anna Achmatowa, Marina Cwietajewa i inni. Pamiętam zażarte dyskusje, jakie się toczyły na tych konferencjach.

Walczono zarówno o własną wizję literatury rosyjskiej Srebrnego Wieku, znaczenie różnych pisarzy, jak o postawę metodologiczną. Najbardziej zażartymi dyskutantami, jak sobie przypominam, były Halina Brzoza, Halina Chałacińska, Maria Cymborska, a z naszej strony Lucyna Kapala. Zawzięcie dyskutowała również Irena, z tym, że jej głos zawsze był bardziej stonowany i wyważony.

Młodzi uczestnicy gdańskiej konferencji również w dużej mierze preferowali metody strukturalistyczne, język większości referatów był tak przesycony naukową (lub „naukową”) terminologią, że nieraz trudno było zrozumieć, przynajmniej na słuch, o co chodzi, bo potem, w czytaniu, nie było większych trudności ze zrozumieniem. Powstrzymam się od wskazania nazwisk osób, teksty wystąpień których były tak hermetyczne. Koryfeuszem wielu młodych był w owym czasie Jerzy Faryno, który ze względu na wierność metodom strukturalistycznym i ich propagowanie w swoich pracach naukowych zmuszony był do odejścia z UW i znalazł pracę w szkole pedagogicznej w Siedlcach, jednak nie przestał oddziaływać na innych, a nie mogąc publikować w kraju, często publikował za granicą i to w prestiżowych pismach, co dodawało mu jeszcze splendoru. Jego obecność na konferencji podnosiła w naszych oczach jej znaczenie.

Irena nie uległa fascynacji strukturalizmem, chociaż ma w swoim dorobku teksty, nawiązujące do tej poetyki, np. wczesny jej artykuł *Konstrukcja motywacji losów bohatera na przykładzie prozy A. Kuprina* jeszcze z 1983 roku. Bliższa jej była postawa, nader trafnie odzwierciedlona w tytule innego artykułu, napisanego mniej więcej w tym samym czasie, w roku 1985: *„Opadłe liście” Wasilija Rozanowa. Próba refleksji*. Zawsze jednak pozostawała ona niespokojnym duchem, nigdy nie zadowolającym się tym, co już zostało osiągnięte, lecz nadal poszukującym i otwierającym nowe obszary aktywności naukowej. Znajdowało to odzwierciedlenie na różnych płaszczyznach. Kiedy, oprócz literatury rosyjskiej oraz innych przedmiotów rusycystycznych, zaczęła prowadzić literaturę powszechną, którą przejęła po Zbyszku Żakiewicz, od starożytności po współczesność, podjęła również własne badania naukowe nad różnymi zagadnieniami, związanymi z literaturą powszechną, o czym świadczą m.in. takie artykuły, jak *Rosyjskie motywy w twórczości Rainera Marii Rilkego* (1995), *Миф о жидомасонском заговоре в русской и польской литературе* (2008), *Кровь в „Пепле” Стефана Жеромского и романе XX века* (2012) czy interesujące studium *Kwartetu Aleksandryjskiego Lawrence’a Durrella* (2015). Natomiast kiedy profesor Elżbieta Biernat założyła ze swoimi znakomitymi doktorantkami, Moniką Rzeczycką, Dianą Oboleńską, Katarzyną Arciszewską i innymi, nieformalną gdańską szkołę ezoteryczną w badaniach nad literaturą rosyjską, Irena przyłączyła się do tej szkoły, wnosząc własny nietuzinkowy wkład: nie tylko wielki projekt badawczy *Literatura i Łoża*, który zaowocował wieloma artykułami, jak *Literatura i Łoża. Wpływ wolnomularstwa na literaturę rosyjską* (2002), *Литературная интерпретация масонской дороги к Храму Соломона* (2003), *Literacka interpretacja dziedzictwa filozoficzno-religijnego wolnomularstwa* (2006) czy *Żyd Wieczny Mason* (2008), ale i liczne artykuły o ezoteryzmie, m.in. *Эзотерические мотивы в творчестве русских реалистов перелома XIX и XX веков. Символика ночи* (2009) czy *Współczesna powieść okultystyczna* (2012) oraz *Księga/książka w podróżach ezoterycznych* (2014).

Gruntowna znajomość masonerii, jej systemu filozoficznego i etycznego, jak również ezoteryzmu, połączona z szeroką wiedzą w zakresie literatury powszechnej i porównawczej, i na temat rozmaitych meandrów jej ewolucji, pomogły jej rozpatrzyć motywy okultystyczne i masońskie oraz ezoterykę rosyjską w ogóle w szerszym kontekście literatury powszechnej, co nadało jej ustaleniom badawczym mocniejszą podstawę, jak i szerszy, bardziej uniwersalny wymiar.

W pierwszej dekadzie XXI wieku Irena Fijałkowska-Janiak włączyła się w działalność „Laboratorium Niedogmatycznej Duchowości”, do którego weszli m.in. doktorantki Elżbiety i inni pracownicy naszego Zakładu. W chwili obecnej pracują w Laboratorium uczeni z kilkunastu ośrodków naukowych w Polsce i zagranicą, zainteresowani wspólnymi badaniami i wymianą na bieżąco doświadczeń naukowych. Wyniki pionierskich badań prowadzonych w pracowni zostały opublikowane w siedmiu tomach serii „Światło i ciemność” oraz w trzech monografiach „Biblioteki Światła i Ciemności”. Z kolei w ostatnim czasie pracownicy naszej Katedry, działający w Laboratorium, kierują trzyletnim międzynarodowym projektem Narodowego Programu Rozwoju Humanistyki MNiSW *Kultura polska wobec zachodniej filozofii ezoterycznej w latach 1890–1939*. Irena jest uczestniczką tego projektu.

Również na początku XXI wieku Irena podjęła niełatwy trud nawiązania współpracy naukowej z Uniwersytetem Hebrajskim w Jerozolimie, co uwiecznione zostało powołaniem. Zaowocowało to m.in. wydaniem kilku tomów z prestiżowej serii *Jews and Slavs*: tom 11, pt. *Jewish-Polish and Jewish-Russian Contacts* (2003) oraz tom 21, *Jews, Poles and Russians, Jewish-Polish and Jewish-Russian Contacts* (2008) oba pod redakcją Wolfa Moskovicha, profesora Uniwersytetu Hebrajskiego i Ireny Fijałkowskiej-Janiak. Innym rezultatem był udział w kongresach naukowych, organizowanych przez Uniwersytety Hebrajski i Gdański. Wzięło w nich udział kilkoro pracowników z naszego Zakładu i z Wydziału Historii, w tym, oczywiście, sama Irena, która opublikowała również swoje artykuły w różnych tomach z serii *Jews and Slavs*, m.in. artykuł *Литературная интерпретация масонской дороги к Храму Соломона* w tomie 10, *Semiotics of Pilgrimage*, pod redakcją W. Moskovicha i S. Schwarzbanda (2003) oraz kilka innych artykułów w innych tomach serii *Jews and Slavs*: 11, 19, 21 i innych, ale także w innych wydawnictwach, jak np. artykuł *Образ женщины в религиозно-философской системе Василия Розанова*, opublikowany w jubileuszowym tomie Wolfa Moskovicha: *Quadrivium. К 70-летию профессора В. М. Московича*, pod red. M. Taube, R. Timenchik, S. Schwarzbanda Jerusalem (2006). W ramach tej współpracy do naszej uczelni przyjeżdżają z wykładami wybitni uczeni z zagranicy. Przy okazji dodam, że w wydawnictwach zagranicznych ukazało się również kilka innych artykułów Ireny, w tym artykuł z początków lat dziewięćdziesiątych *Монастырь, монашество в философской системе Василия Розанова*, opublikowany w Moskwie 1993, w tomie, będącym plonem konferencji naukowej w Bergamo we Włoszech, czy artykuł *Символика мессианских идей*, który ujrzał światło dzienne w 12. numerze z 2005 roku znanego elektronicznego czasopisma uniwersyteckiego „Toronto Slavic Quarterly”.

Z pewnością nie uda mi się powiedzieć o Irenie wszystkiego, co należałoby przy takiej okazji koniecznie powiedzieć. W żaden sposób jednak nie mogę pominąć pełnionych przez nią funkcji w Instytucie. W latach 1993–1996, zaraz po wyhabilitowaniu

się, pełniła funkcję zastępcy ds. Nauki dyrektora Instytutu Filologii Słowiańskiej UG. Ponownie tę samą funkcję pełniła w latach 2005–2008. Nie wiem dokładnie, jak wyglądała jej praca podczas pierwszej kadencji, ale dużo więcej wiem o kadencji drugiej, gdyż byłem wtedy dyrektorem Instytutu, a moimi zastępczyniami właśnie prof. Irena Fijałkowska-Janiak i dr Ula Patocka-Sigłowy. Brak mi słów dla wyrażenia zachwytu dla ich pracy. Obie były bystre, inteligentne, doskonale znały się na swoich zadaniach, a także pracowite, jak mrówki. To one dźwigały na swoich barkach cały ciężar pracy dyrektora. Pamiętam nawet, jak wtedy żartowałem, że ja nic nie robię jako dyrektor, wszystko robią moje zastępczynie. W tym żarcie było chyba coś z prawdy. W każdym razie zrobiliśmy sporo dobrych rzeczy. Powołaliśmy m.in. do życia makrokierunek roszjznawstwo. Mieliśmy prowadzić makrokierunek wspólnie z historykami, jednak całą pracę związaną z przygotowaniem wniosku, projektu oraz programu studiów wzięła na siebie Irena, choć pomagała jej, głównie z siatkami zajęć, Ula Patocka i oczywiście nasi koledzy z historii prof. dr hab. Zbigniew Opacki i (wtedy) dr Iwona Sakowicz. Była to kolosalna i niezwykle wyczerpująca praca. Ale Irena spisała się na medal. No i w konsekwencji Senat Uniwersytetu Gdańskiego na posiedzeniu w dniu 25 października 2007 roku jednogłośnie przyjął Wniosek o powołaniu makrokierunku roszjznawstwo. Było jeszcze wiele ważnych rzeczy, których dokonała wtedy Irena i Ula jako zastępczynie dyrektora.

Poza tym Irena pełniła w latach 2003–2004 funkcję kierownika Zakładu Literatury Rosyjskiej Instytutu Filologii Słowiańskiej, w 2008–2011 funkcję kierownika Pracowni Rosjznawstwa, w 2012–2016 i 2016–2017 funkcję Kierownika Katedry Rosjznawstwa, Literatury i Kultury Rosyjskiej. Natomiast od 2012 roku jest też członkiem Laboratorium Niedogmatycznej Duchowości, a od 2016 roku – członkiem zespołu w projekcie Narodowego Programu Rozwoju Humanistyki *Kultura polska wobec zachodniej filozofii ezoterycznej w latach 1890–1939*.

Nie będę opowiadał o naszych kontaktach prywatnych, które przez lata były bardzo aktywne i ścisłe. W latach siedemdziesiątych – osiemdziesiątych często spotykaliśmy się rodzinami w mieszkaniach: to u Ireny, to u Lucyny Kapały, to u Ludmiły Jankowskiej, to u Teresy Załęskiej, to u Tadeusza Bogdanowicza. Na spotkaniach zawzięcie dyskutowaliśmy na najprzeróżniejsze tematy, przede wszystkim o literaturze – rosyjskiej, polskiej i światowej, ale także o filozofii oraz o Rosji (raczej o ZSRR), Polsce i o polityce. W polityce działo się wiele: powstała opozycja demokratyczna, a potem Solidarność, którą popieraliśmy z całego serca, a niektórzy osobiście zaangażowali się w organizację struktur „Solidarności”. Później natomiast przeklinaliśmy stan wojenny i WRON, a rok 1989 powitaliśmy z ogromnym entuzjazmem. Jednak nikt nie zaangażował się w politykę, wszyscy pracowali na niwie naukowej, a Irena wtedy właśnie osiągała we wszystkich dziedzinach swojej działalności największe sukcesy.

FRANCISZEK APANOWICZ

profesor emeritus
Uniwersytet Gdański, Polska
e-mail: frapan@wp.pl

SPRAWOZDANIA
ОТЧЁТЫ
REPORTS

O ADAMIE MICKIEWICZU W MOSKWIE.

Międzynarodowa Konferencja Naukowa *Adam Mickiewicz*.
Polska – Rosja – Wschód. Ostafiewo, 28 października 2017 r.

Inicjatywa zorganizowania konferencji rusycystyczno-polonistycznej w Moskwie wyszła z Instytutu Rusycystyki Wydziału Lingwistyki Stosowanej Uniwersytetu Warszawskiego reprezentowanego przez dyrektora dr hab. Magdalenę Dąbrowską prof. UW i jej zastępcę dr. Piotra Głuszkowskiego. Konferencja *Mikołaj Karamzin i jego czasy* przygotowana w Warszawie w maju roku 2016 oraz publikacja książki pod takim tytułem¹ w roku 2017 wzmocniły kontakty Instytutu Rusycystyki z Państwowym Muzeum Posiadłości Ostafiewo – Rosyjski Parnas. Dzięki współpracy z kilkoma ośrodkami pałac, w którym mieszkał i pracował Karamzin, odwiedzany przez Mickiewicza, stał się miejscem międzynarodowego spotkania poświęconego polskiemu romantykowi w kontekście twórczości Rosjan.

Fot. 1. Prof. nadzw. dr hab. Zbigniew Kaźmierczyk

¹ *Mikołaj Karamzin i jego czasy*. Red. M. Dąbrowska, P. Głuszkowski. Seria Studia Rossica, t. 24. Warszawa: Instytut Rusycystyki Uniwersytetu Warszawskiego.

Fot. 2. Dyrektor Instytutu Polskiego (Польский культуральный центр) w Moskwie Dariusz Klechowski

Fot. 3. Ambasador Nadzwyczajny i Pełnomocny RP w Federacji Rosyjskiej Włodzimierz Marciniak

Konferencja została zorganizowana przez: Ministerstwo Kultury Federacji Rosyjskiej, Ambasadę Rzeczypospolitej Polskiej w Moskwie, Instytut Rusycystyki Uniwersytetu Warszawskiego oraz Polskie Kulturalne Centrum w Moskwie (Instytut Polski). Polskę reprezentowali: dr hab. Magdalena Dąbrowska prof. UW, dr hab. Zbigniew Kaźmierczyk prof. UG, dr Piotr Głuszkowski, dr hab. Dariusz Pniewski z Uniwersytetu Mikołaja Kopernika w Toruniu.

Magdalena Dąbrowska w przekrojowym referacie przedstawiła Adama Mickiewicza w pracach rosyjskich bibliografów. Wystąpienie to ukazało bogactwo rosyjskiej mickiewiczologii i dobrze poprzedziło szczegółowe prezentacje związków polskiego romantyka z księciem Piotrem Wiaziemskim i Faddiejem (Tadeuszem) Bułharynem. Omówili je Dmitrij Iwinskij w wystąpieniu *Książę Piotr Wiaziemski i rosyjskie stronice prelekcji paryskich Adama Mickiewicza* oraz Piotr Głuszkowski, który rozważania swe zatytułował „*Drogi Pan Tadeusz*”. *Relacje Adama Mickiewicza i Fadieja Benedyktowicza Bułharyna*.

Orient przedmahometański znalazł prezentację w referacie Zbigniewa Kaźmierczyka *Persja Adama Mickiewicza*. Ludmiła Marniej i Borys Nosow zwrócili uwagę na *Obraz szlacheckiej Rzeczypospolitej XVIII wieku w twórczości Adama Mickiewicza*, a Dariusz Pniewski mówił na temat: *Rosja w polskim wariacie „idei słowiańskiej”*. *Mickiewicz a ultramontanizm*. Ciekawym zagadnieniem były także przekłady poezji i epepei romantyka na język rosyjski. Elena Ponomariewa rozwinęła temat *Nieznane przekłady wierszy Adama Mickiewicza i Antoniego Edwarda Odyńca w książce dziecięcej czasów puшкиnowskich*, zaś Kirył Koczegarow mówił o *Poetyckich przekładach poezji Adama Mickiewicza „Pan Tadeusz” na język rosyjski w społeczno-politycznym kontekście Rosji*. Wizerunkowi poety w zbiorach muzeum w Ostafiewie był poświęcony referat *Obraz Adama Mickiewicza w dziełach sztuki medalionowej*, który wygłosiła Oksana Borowik.

Ciekawym suplementem do wszystkich referatów były odpowiedzi ich autorów na dociekliwe pytania zadawane w czasie na dyskusję. Zawsze tego czasu brakowało dla wszystkich pragnących zabrać głos, co może świadczyć o tym, że żywotność autora „*Dziadów*” w kulturze polskiej i rosyjskiej nie przeminęła. W okresie poszukiwań współczesnego modelu relacji Polaków i Rosjan propozycja romantyka stanowi interesujący punkt odniesienia.

ZBIGNIEW KAŻMIERCZYK

Uniwersytet Gdański
Wydział Filologiczny
Instytut Filologii Polskiej, Katedra Historii Literatury
ul. Wita Stwosza 55, 80-308 Gdańsk, Polska
e-mail: kazmierczykzb@wp.pl

STAŻ DYDAKTYCZNY GDAŃSKICH RUSYCYSTEK W GRODZIENSKIM UNIWERSYTECIE PAŃSTWOWYM IM. JANKI KUPAŁY

W dniach 29.01.2017–5.02.2017 dr Joanna Mampe oraz mgr Marta Noińska z Katedry Pragmatyki Komunikacji i Akwizycji Języka w Instytucie Rusycystyki i Studiów Wschodnich odbyły staż dydaktyczny w Grodzieńskim Uniwersytecie Państwowym im. Janki Kupały (Białoruś). Stroną przyjmującą była – afiliowana na Wydziale Przygotowania do Studiów Wyższych (*Факультет довузовской подготовки*) – Katedra Przygotowania Językowego Obywateli Białorusi i Obcokrajowców (*Кафедра языковой подготовки белорусских и иностранных граждан*) kierowana od wielu lat przez doc. dr Innę Ju. Samojułową, znanego i doświadczonego glottodydaktyka. Staż ten stanowi jeden z wymiernych efektów realizowania umowy o wzajemnej współpracy międzynarodowej zawartej w ubiegłym roku pomiędzy Uniwersytetem Gdańskim i Uniwersytetem w Grodnie².

W ramach zaproponowanego stażu gdańskie rusycystki otrzymały rzadką możliwość wizytowania zajęć z praktycznej nauki języka rosyjskiego jako obcego na różnych poziomach językowego zaawansowania, prowadzonych przez białoruskich wysoko wykwalifikowanych wykładowców zarówno w ramach kursów zorganizowanych dla przyszłych studentów orientacji stricte filologicznej, jak i anglojęzycznych słuchaczy kierunków niefilologicznych (medycznych, przyrodniczych itp.). Zajęcia te z założenia są przeznaczone dla zagranicznych studentów, często pochodzących z odległych zakątków świata i reprezentujących odmienne kręgi kulturowe. Polskie uczone przyjrzały się innowacyjnym metodom nauczania języka obcego stosowanym przez białoruskich specjalistów, dotyczącym m.in. atrakcyjnych sposobów prezentacji materiału językowego oraz skuteczności jego utrwalenia. Niezwykle interesujące, indywidualne podejście grodzieńskich wykładowców (metodyczne, psycholingwistyczne i społeczno-kulturowe), a także stworzony przez nich, oparty na wieloletnim doświadczeniu i ustawicznie udoskonalany, specyficzny system pracy ze studentem w audytorium akademickim zrobiły na reprezentantkach gdańskiej uczelni duże wrażenie. Wrażenie jest tym większe, że nasze metodyczki nie są przyzwyczajone do pracy w grupach kulturowo niehomogenicznych. Zajęcia z praktycznej nauki języka rosyjskiego jako obcego na kierunkach: filologia rosyjska, rosjoznawstwo oraz studia wschodnie z oferty edukacyjnej Uniwersytetu Gdańskiego prowadzone są głównie w grupach osób polskojęzycznych, z rzadka zaś w zespole pojawiają się studenci ukraińscy i białoruscy. W takich grupach, językowo i kulturowo ustabilizowanych, proces akwizycji języka rosyjskiego przebiega zgoła odmiennie niż w kontakcie lingwokulturowym ze studentami z Bliskiego czy Dalekiego Wschodu. Inne są bowiem czynniki determinujące stopień przyswojenia języka na jego różnych etapach uczenia się w grupach składających się ze słuchaczy o dużym zróżnicowaniu etnojęzykowym i socjokulturowym. Do

² Umowa z dn. 30.11.2016 nr 23/16.

Fot. 1. Od prawej: (jako trzecia) Joanna Mampe; w środku: Marta Noińska

Fot. 2. Marta Noińska ze studentami

czynników tych należą różnice w poziomach percepcji tekstów mówionych i pisanych, zasadnicze trudności artykulacyjne, bariery kulturowe i in.

Jedną z palety – doprawdy licznych – inspiracji były dla gdańskich rusycystek zajęcia z karaoke, znakomicie przeprowadzone przez Tatianę Czerkes³, podczas których nauczana jest prawidłowa wymowa rosyjska w ścisłym sprzężeniu z kulturami wschodniosłowiańskimi: rosyjską i białoruską. Podobne eksperymentalne lekcje poprowadziły w ubiegłym semestrze na Uniwersytecie Gdańskim niżej podpisane – Jo-

³ Zob. np. И. Красковская. «Карaoke по-русски» как один из приёмов работы над фонетикой в иностранной аудитории. „Studia Rossica Gedanensia” 2015, t. 2, s. 137–146.

Fot. 3. Joanna Mampe ze studentami

anna Mampe oraz Marta Noińska. Były to zintegrowane zajęcia otwarte dla studentów pierwszych lat filologii rosyjskiej, roszoznawstwa i studiów wschodnich.

Podczas intensywnego tygodniowego pobytu w gościnnych murach Uniwersytetu Grodzieńskiego rusycystki z Gdańska zostały zaproszone do udziału w obradach przy okrągłym stole poświęconych w szczególności zawiłej problematyce lingwokulturolologicznej i glottodydaktycznej, którym przewodniczyła doc. dr Inna Samożłowa.

Grodzieński staż dydaktyczny okazał się niezwykle konstruktywny – wzbogacił o nowe idee i doświadczenie, przyczynił się wydatnie do podwyższenia naszych kwalifikacji zawodowych, a także – co niebagatelne – pozwolił na zacieśnienie nawiązanych wcześniej akademickich kontaktów polsko-białoruskich. Dobrej atmosferze nauki towarzyszyła słowiańska gościnność grodnian. Również niepowtarzalny koloryt urokliwego miasta o ciekawej i wielowątkowej historii oraz bogata oferta atrakcji kulturalnych powodują, że do Grodna zawsze chętnie się wraca.

JOANNA MAMPE

Uniwersytet Gdański

Wydział Filologiczny

Instytut Rusycystyki i Studiów Wschodnich

Katedra Pragmatyki Komunikacji i Akwizycji Języka
Neofilologia, ul. Wita Stwosza 51, 80-308 Gdańsk, Polska
e-mail: zanna.m@wp.pl

MARTA NOIŃSKA

Uniwersytet Gdański

Wydział Filologiczny

Instytut Rusycystyki i Studiów Wschodnich

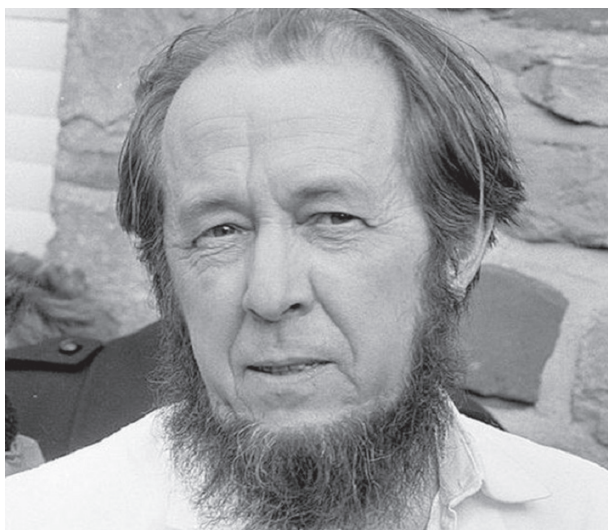
Katedra Pragmatyki Komunikacji i Akwizycji Języka
Neofilologia, ul. Wita Stwosza 51, 80-308 Gdańsk, Polska
e-mail: marta.noinska@ug.edu.pl

WYWIADY
ИНТЕРВЬЮ
INTERVIEWS

КУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО: УЧЕНЫЕ В ВАРШАВЕ – ОБ АЛЕКСАНДРЕ СОЛЖЕНИЦЫНЕ

**Интервью с кандидатом исторических наук Петром Глушковским,
заместителем директора Института русистики Варшавского университета,
и профессором Гданьского университета Збигневом Казьмерчиком**

Петр Глушковский и Збигнев Казьмерчик – участники Международной научной конференции «Александр Солженицын и русская эмиграция», состоявшейся в Варшаве 19–20 октября 2017 г.

Александр Солженицын в 1974 году.

Источник: Wikipedia/Photographs by Bert Verhoeff / Anefo /CC-BY-SA-3.0-NL/
Images from Duth Nationaal Archief.

В конференции, посвященной Александру Солженицыну, организованной Институтом русистики Варшавского университета, приняли участие, в большинстве своем, авторитетные польские и российские литературоведы, а также

представители научной среды Центральной и Западной Европы. Ученые представили целый спектр воззрений на литературное, публицистическое и философское наследие Александра Солженицына. В частности, речь шла о жанровых поисках, лингвистических особенностях текстов, оригинальном словотворчестве Солженицына, но не только. Творчество писателя рассматривалось в гораздо более широком контексте.

Более подробно об идее и концепции конференции рассказал **Петр Глушковский**, заместитель директора Института русистики Варшавского университета. Кроме того, **Петр Глушковский**, выступивший в роли не только организатора, но и участника конференции, представил на ней тему исторического видения русской революции Александром Солженицыным.

Петр Глушковский: «Эта конференция посвящена не только Александру Солженицыну, но также русской эмиграции. На это указывает название нашей конференции: «Александр Солженицын и русская эмиграция». В 2018 году пройдет круглая годовщина 100-летия со дня рождения Александра Солженицына. И мы в преддверии этой годовщины хотели вспомнить главные идеи творчества Александра Солженицына. А в этом году, конечно, годовщина русской революции. Специально говорю о революции в России – русской революции, а не февральской и октябрьской, потому что польские ученые, считают, что эта революция происходила и в феврале, и в октябре, и даже во время гражданской войны. Несомненно, революция повлияла на российскую эмиграцию, без революции не было бы первой волны российской эмиграции. И именно в этом контексте мы планировали поговорить о Солженицыне и российской эмиграции. Заодно мы хотели вспомнить, как поляки воспринимали Александра Солженицына, и одна секция нашей конференции как раз была посвящена Александру Солженицыну и Польше».

— **Петр Глушковский, представивший на конференции тему исторического видения русской революции Александром Солженицыным, поделился основными тезисами своего доклада относительно взглядов писателя.**

Петр Глушковский: «Не все читатели Солженицына знают, что писатель считал, что главное произведение его жизни – это не «Архипелаг Гулаг», не «В круге первом», а как раз «Красное колесо», в котором он рассказывает о русской революции. Солженицын работал над этим произведением около пятидесяти лет и пытался показать, каким образом его любимая, идеальная Россия, имперская Россия превратилась в Советский Союз, который, по мнению Александра Солженицына, был чем-то в роде анти-России. Солженицын считал, что если бы Столыпин остался у власти, если бы он не был убит во время теракта, то Россия в 1914 году, а тем более в 1917 году, была бы самой могучей, великой страной в мире, сверхдержавой. Николай II, с его точки зрения, а также большинства историков, был одним из самых плохих императоров, он сделал очень много ошибок, и таким образом сложилась возможность, чтобы произошла революция. С точки зрения Солженицына практически невозможным было, чтобы как раз в России произошла революция, поскольку он считал, что русский

народ не готов к революции, потому что он доволен тем, что живет в России. (...) Интересно, что революция, в суждениях Солженицына, была очень длительной. Ее началом он считал февраль, но завершение, в отличие от большинства историков, связывал не с концом гражданской войны, а примерно с 1930–1932 годами. Когда начнется еще одна пятилетка, и будут же колхозы, совхозы, когда уже не будет так называемых, кулаков».

Об отношении к Александру Солженицыну выдающихся представителей польской литературы, в частности, Чеслава Милоша, мы побеседовали с профессором Гданьского университета **Збигневом Казьмерчиком**.

— В свое время Чеслав Милош отметил, что в такой «нехристианской» стране, как Советская Россия, появился такой подлинно христианский писатель, как Солженицын...

Збигнев Казьмерчик: «Чеслав Милош был убежден, что тоталитарные режимы не обязательно уничтожают религиозность, так же, как не обязательно препятствуют созданию шедевров. И Александр Солженицын был для Милоша примером человека, вера которого в условиях Советской России только закалилась. Милош обращал внимание на Нобелевскую речь Солженицына и на то, что он вспомнил о многих миллионах христиан, убитых в России. Для Милоша это имело фундаментальное значение».

— При этом Ежи Гедройц, редактор парижского журнала «Культура», полемизировал с Милошем на тему Солженицына. В чем суть этой полемики?

Збигнев Казьмерчик: «Чеслав Милош видел в Солженицыне ученика Достоевского, человека, скорее XIX века, и считал, что именно сильная религиозность Солженицына, закалившаяся в период тоталитаризма, сделала его в определенной степени славянофилом и повлияла на характер его творчества. На этой почве рождались споры с Гедройцем, так как Гедройц видел этот вопрос несколько иначе. Видимо, следует обратить внимание на то, что Гедройц видел в Солженицыне такого славянофила, который подчеркивал необходимость связи России, Украины и Беларуси. А идея Гедройца была иной. Он считал, что для будущего Польши важно, чтобы Украина вернулась к союзу с Польшей. Мне кажется, что Гедройц считал, что Милош недооценивает славянофильства Солженицына, того, что взгляды Солженицына угрожают существованию Центральной Европы. Солженицын в глазах Гедройца как раз был тем, кто препятствует разрушению имперской мощи СССР».

— А что, прежде всего, объединяет автора «Порабощенного разума» с автором «Красного колеса»?

Збигнев Казьмерчик: «Объединяет опыт эмиграции. У Милоша был очень похожий опыт в 50-е годы. У него были большие проблемы с негативным восприятием его книги «Порабощенный разум» в западных либеральных и симпатизирующих коммунистам кругах. Он понимал некоторую, я бы сказал, невозможность передачи людям левых взглядов на Западе опыта коммунистического тоталитаризма. Когда в 1972 году Милош ознакомился с Нобелевской речью

Солженицына, опубликованной в «Вашингтон Пост», «Нью-Йорк Таймс», он был очень удивлен тем, какой небольшой резонанс вызвала эта речь в Америке. И цитировал из этой речи фрагмент, где Солженицын говорит, что после тяжелого трудового дня в лагере, суровой русской зимой, возвращаясь с работы, в колонне заключенных ему так сильно и столько хотелось сказать, кричать миру... Милош считал, что опыт советского лагеря не будет услышан Западом, и в одной из статей приводит аргументы из собственного эмиграционного опыта, объясняющие эту «неслышимость». Для либеральных кругов Солженицын был реакционером. Кроме того, по их мнению, взгляды Солженицына, что писатель должен быть духовным вождем народа, в XX веке устарели. Кроме того, Милоша и Солженицына роднили взгляды в восприятии категории правды. Оба противились ницшеанскому релятивизму в этой сфере. Что интересно, сомнения в высоком уровне популярности Солженицына на Западе Милош высказывал в 1972 году, за год до эмиграции Солженицына. Но одного Милош не предугадал... А именно, что в конце 1973 года выйдет «Архипелаг Гулаг», который нанесет удар, прежде всего, по коммунистическим партиям на Западе».

ИРИНА ЗАВИША

Polskie Radio dla Zagranicy
Redakcja Wschód, Sekcja w języku rosyjskim
al. Niepodległości 77/85, 00-977 Warszawa, Polska
e-mail: Irina.Zawisza@polskieradio.pl

Pierwodruk: Ирина Завиша. *Культурное пространство: Ученые в Варшаве – об Александре Солженицыне*. [W:] *Polskie Radio dla Zagranicy. Redakcja Wschód (Sekcja w języku rosyjskim)*. 24.11.2017 15:46. [Online:] <<http://www.radiopolsha.pl/6/249/Artykul/336701>>.

Tekst wypowiedzi dr Piotra Głuszkowskiego spisała Katarzyna Wojan.
Źródło: *Polskie Radio dla Zagranicy. Redakcja Wschód (sekcja w języku rosyjskim)*. 24.11.2017 15:46. [Online:] <<http://www.radiopolsha.pl/6/249/Artykul/336701>>.

O AUTORACH

FRANCISZEK APANOWICZ

Profesor zwyczajny doktor habilitowany nauk humanistycznych, rusycysta, historyk i krytyk literatury rosyjskiej, teoretyk i praktyk przekładu literackiego; emerytowany profesor zwyczajny Uniwersytetu Gdańskiego; b. dyrektor Instytutu Filologii Wschodniosłowiańskiej UG (2004–2007); b. prodziekan ds. studiów zaocznych Wydziału Historyczno-Filologicznego UG (1999–2005) oraz b. prodziekan ds. kształcenia Wydziału Filologicznego UG (2008–2011). Autor pierwszych w Polsce monografii o Michaiile Priszwinie i Warłamie Szałamowie oraz wielu artykułów o poezji rosyjskiej XX wieku; członek komitetów redakcyjnych czasopism naukowych („Przegląd Rusycystyczny”, „Acta Neophilologica”, „Русское обозрение”, „Studia Rossica Gedanensia”, „Слово.ру.Балтийский акцент”, „Литературные знакомства”), członek Komisji Przekładoznawczej przy Międzynarodowym Komitecie Słowistów w Lublanie (od 2003), a także Prezydium Komitetu Słowianoznawstwa PAN (od 2011); aktywny uczestnik regionalnego życia kulturalnego. Jego dorobek obejmuje 8 książek, ponad 100 artykułów naukowych, popularnonaukowych i publicystycznych, artykuły z dziedziny historii literatury rosyjskiej, przekładu literackiego i poetyckiego, przekład (poezji, bajek, utworów epickich, epistolografii, teatralny, filmowy i naukowy) oraz własną twórczość poetycką (liczne publikacje w „Autografie” oraz w serii „Biblioteka Rękopisów”). Najważniejsze monografie to *Zagadnienia poetyki „powieści-bajki” Michaiła Priszwina* (Wrocław 1988), *„Nowa proza” Warłama Szałamowa. Problemy wypowiedzi artystycznej* (Gdańsk 1996/1998), *Образы России и Европы в прозе и дневниках Михаила Пришвина* (Katowice 2002); współautor *Polsko-rosyjskiego słownika wyrazów obcych* (Gdańsk 2005). Laureat Nagrody Literackiej Wojewody Gdańskiego (1997).

KW

BALŠAITYTĖ DANUTĖ / БАЛШАЙТИТЕ ДАНУТЕ

Doktor nauk humanistycznych w zakresie językoznawstwa; profesor Instytutu Języków Obcych przy Wydziale Filologicznym Uniwersytetu Wileńskiego (Litwa). Autorka ponad 50 artykułów naukowych z zakresu badań nad akustycznymi i percepcyjnymi cechami dźwięków w systemie języków: litewskiego i łotewskiego, opisu litewsko-rosyjskiej interferencji fonetycznej, a także specyfiki funkcjonowania języ-

ka rosyjskiego na Litwie. Do ważniejszych publikacji należą: podręcznik akademicki *Морфемика* (Kaunas 2007), artykuły *Качественная редуция гласных в русской речи в Литве* [w:] *Мówimy, jak mówimy... Комунікація в мові ротоцшут: родеж-ście interdyscyplinarne* (Gdańsk 2014), *Количественная редуция гласных в позиции после мягких согласных в русской речи литовца* [w:] „*Respectus Philologicus*” (2012, nr 21 (26)), *Что говорят и пишут о русском языке в современной Литве* [w:] „Слово.ру: Балтийский акцент” (2011, nr 3–4), *Полезные признаки фонем и перцептивная база* [w:] „*Respectus Philologicus*” (2002, nr 1 (6)) i in.

Przewodnicząca Komitetu Programowego studiów magisterskich „Lingwistyka medialna”. Członek Petersburskiego Towarzystwa Lingwistycznego, członek Rady Litewskiej Asocjacji Pedagogów Lingwistów; członek komitetów redakcyjnych i rad naukowych czasopism: „*Respectus Philologicus*” (Litwa), „Социо- и психолингвистические исследования” (Rosja), „*Verbum*” (Litwa).

ŹS

ROBERT BIELECKI

Doktor habilitowany nauk humanistycznych w zakresie językoznawstwa, ugrofennista, hispanista; adiunkt w Instytucie Językoznawstwa na Wydziale Neofilologii Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza w Poznaniu (Polska). Główny obszar teoretycznych zainteresowań naukowych stanowią zagadnienia morfofonologiczne, składniowe, semantyczne, historyczno-porównawcze, glottodydaktyczne. Materiałowo zajmuje się językami ugrofińskimi, przede wszystkim językiem fińskim, estońskim i węgierskim. Jako jeden z nielicznych polskich językoznawców rozważania swe poświęca także językom ugrofińskim używanym przez wspólnoty komunikacyjne niedysponujące własną państwowością: językowi udmurckiemu, komi-zyriańskiemu, północnolapońskiemu oraz erzańskiemu. Kładzie podwaliny pod rozwój uralistyki porównawczej w Polsce. W przeszłości zajmował się też językiem kastylijskim. Główne publikacje książkowe to rozprawa *Finnish Case Grammar. From the Syntactic and Semantic Perspectives* (Poznań 2015) i doceniany, pierwszy na polskim rynku wydawniczym, trzytomowy akademicki podręcznik do nauki języka estońskiego: *Język estoński dla początkujących. Teksty i gramatyka* (Poznań 2009), *Język estoński dla początkujących. Słownik estońsko-polski polsko-estoński* (Poznań 2010), *Język estoński dla początkujących. Ćwiczenia i rozwiązania* (Poznań 2011). Publikuje artykuły (m.in. po angielsku, estońsku, fińsku) na łamach czasopism: „*Investigationes Linguisticae*”, „*Lingua Posnaniensis*”, „*Poznań Studies in Contemporary Linguistics*”, „*Scripta Neophilologica Posnaniensis*”.

KW

DENYS CHYK / ДЕНИС ЧАБОВИЧ ЧИК

Doktor nauk filologicznych; literaturoznawstwo; od 2011 docent Katedry Filologii Angielskiej w Akademii Humanistyczno-Pedagogicznej im. Tarasa Szewczenki w Krzemieńcu (Ukraina). Od 2013 habilitant w Katedrze Literatur Obcych i Teorii Literatury Państwowego Uniwersytetu Pedagogicznego w Berdiańsku (Ukraina). Praca doktorska nt. *Проза Г. Квитки-Основьяненко и английский сентиментализм* (Tarnopol 2008). Od 2011 redaktor naczelny czasopisma „Кременецькі компаративні студії”

(„Kremenets Comparative Studies”). Zainteresowania naukowe obejmują komparatystykę literacką, typologię i cechy narodowościowe literatury ukraińskiej i angielskiej pierwszej połowy XIX wieku, genologię komparatystyczną literatury ukraińskiej i literatur zachodnioeuropejskich, imagologię literacką. Autor ponad 60 publikacji w postaci artykułów naukowych, m.in.: *Архетип мудрого старика в украинском и английском романе воспитания первой половины XIX в.* („Вестник Университета Российской Академии Образования” 1/2014), *Ex providentia majōrum. Жанровий різновид сімейного роману-хроніки в англійській та українській літературі I-ї половини XIX ст.* („Наукові записки Бердянського державного педагогічного університету” 1/2014), *Реконструкція історії у сімейному романі-хроніці в англійській та українській літературі I-ї половини XIX ст.* (М. Еджворт, Г. Квітка-Оснoв'яненко) („Вісник Харківського національного університету ім. В.Н. Каразіна” 1107, Філологія 70/2014), *Жанрова специфіка «роману великої дороги». Проблеми поетики та типології* („Література в контексті культури” 26/2015), *Mitologizowanie toposu uczty w powieściach Castle Rackrent M. Edgeworth i Pan Chalawski H. Kwitki-Osnojwanenki* („Porównania” 17/2015). Publikuje głównie w języku ukraińskim; pisze również po rosyjsku i po polsku.

WS

OLGA CHYK / ОЛЬГА ИВАНОВНА ЧИК

Doktor nauk filologicznych; literaturoznawstwo; docent w Katedrze Filologii Niemieckiej Akademii Humanistyczno-Pedagogicznej im. Tarasa Szewczenki w Krzemieńcu (Ukraina). Autorka rozprawy doktorskiej *Роман воспитания в украинской и немецкоязычной литературе второй половины XIX в.* (2012). Zainteresowania naukowe skupiają się wokół komparatystyki literackiej, typologii i cech narodowościowych powieści edukacyjnej w literaturze ukraińskiej i niemieckiej. Autorka ponad 20 publikacji, m.in. artykułów w ukraińskich czasopismach naukowych: *Філософія простору в романах А. Свидницького „Люборацькі” і В. Раабе „Літопис Пташиної слободи”* (2009), *Місто як текст в українському та німецькомовному романі II-ї половини XIX ст.* (2010), *Анатомія імперій. Історичний дискурс українського та німецькомовного роману виховання II-ї пол. XIX ст.* (2014), *Романи виховання „Люборацькі” Анатолія Свидницького, „Хмари” Івана Нечуя-Левицького, „Die Akten des Vogelsangs” („Літопис Пташиної слободи”) Вільгельма Раабе, „Effi Briest” („Еффі Бріст”) Теодора Фонтане як сімейні хроніки* (2014), *Феміністичний дискурс у романах „Люборацькі” А. Свидницького та „Effi Briest” Т. Фонтане* (2015), *Емоційно-сміслова домінанта романів виховання І. Нечуя-Левицького, В. Раабе й Т. Фонтане* (2015).

WS

DOROTA DZIEWANOWSKA

Doktor habilitowany nauk humanistycznych, językoznawca i glottodydaktyk, profesor nadzwyczajny Uniwersytetu Pedagogicznego im. Komisji Edukacji Narodowej w Krakowie; pracuje w Katedrze Dydaktyki Języka Rosyjskiego Instytutu Neofilologii (filologia rosyjska), Wydział Filologiczny. Specjalizuje się w glottodydaktyce, meto-

dyce nauczania języka rosyjskiego. Zainteresowania szczegółowe dotyczą zagadnień: kształtowanie sprawności mówienia w korelacji z pozostałymi sprawnościami językowymi w procesie glottodydaktycznym, strategię nauczania artykulacji, intonacji i akcentuacji rosyjskiej, strategię nauczania gramatyki i ortografii rosyjskiej, problemy preparacji i ewaluacji materiałów glottodydaktycznych oraz programów nauczania, dobór i przyswajanie materiału glottokulturoznawczego i kształtowanie kompetencji komunikacyjnej studentów rusycystyki. Jest autorką i współautorką ponad 20 ceniowych podręczników szkolnych i akademickich, skryptów, poradników metodycznych, programów nauczania języka rosyjskiego na różnych poziomach (łącznie ok. 40 edycji prac), dwóch monografii: *Kształtowanie sprawności mownych w procesie nauczania języka rosyjskiego metodą reproduktywno-kreatywną w klasach V i VI szkoły podstawowej* (Kraków 1993), *Aspektowo-kompleksowe nauczanie akcentuacji na studiach rusycystycznych* (Kraków 2005), a także kilkudziesięciu artykułów naukowych, tez, referatów konferencyjnych i recenzji. Redaguje „Annales Academiae Paedagogicae Cracoviensis. Studia Russologica”. Ostatnio zajmuje się problematyką komunikacji międzykulturowej i komunikacji niewerbalnej.

KW

MAŁGORZATA GDOK-KLAFKOWSKA

Absolwentka Instytutu Filozofii Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza w Poznaniu. Jej główne zainteresowania skupiają się na życiu i twórczości Mikołaja K. Rericha i jego rodziny, Srebrnym Wieku kultury rosyjskiej, styku kulturowym Rosji z Indiami, Tybetem i Mongolią, filozofii indyjskiej (buddyjskiej, dżajnijskiej i klasycznej), kosmologii w myśli Wschodu i Zachodu oraz Agni Jodze. Nigdy nie ukrywa swej pasji do Bollywood. Prowadziła badania terenowe i kwerendy biblioteczne w Moskwie i Petersburgu. W roku 2008 była jedną z dwóch osób imiennie zaproszonych z Polski i całej Europy Środkowo-Wschodniej na jubileuszową konferencję pięćdziesięciolecia Namgyal Institute of Tibetology w Gangtoku, Sikkim, Indie. Jest autorką szeregu artykułów po polsku i angielsku poświęconych rodzinie Rerichów (osiem opublikowanych, jeden przyjęty do druku). O jeden z nich, omawiający życie i twórczość Jurija Rericha, syna Mikołaja, dopytywano się z uniwersytetu w Tokio w Japonii. Brała udział w wielu konferencjach i wydarzeniach kulturalnych poświęconych Tybetowi (w Poznaniu, Warszawie i Szczecinie), była także organizatorką wystaw reprodukcji obrazów Mikołaja Rericha w Poznaniu i w Szczecinie. W latach 1997–2000 prowadziła w Instytucie Etnologii i Antropologii Kulturowej UAM w Poznaniu cykle wykładów *Pax Cultura* (poświęconych życiu i twórczości rodziny Rerichów) oraz *Ex Oriente Lux* (poświęconych filozofii indyjskiej oraz Agni Jodze). W latach 2002–2012 prowadziła te i zbliżone tematycznie zajęcia w Instytucie Socjologii, Instytucie Socjologii i Psychologii oraz w samodzielnej Katedrze Etnologii i Antropologii Kulturowej Uniwersytetu Szczecińskiego. Kilkakrotnie była zapraszana do wygłoszenia wykładów w Książnicy Pomorskiej w Szczecinie (w cyklu *Academia Buddhica*) oraz na Zamku Książąt Pomorskich w Szczecinie (w cyklu *Od magii do psychotroniki*). Od roku 2012 rozwija swe badania jako niezależny freelancer. W życiu prywatnym jest żoną Piotra Klafkowskiego, a zainteresowania i pasje badawcze obojga idealnie

się uzupełniają, czego świadectwem ich wspólna praca *Mysł o przyrodzie w filozofii rosyjskiej. Szkice do portretu*.

PK

PIOTR GŁUSZKOWSKI

Doktor nauk humanistycznych, rusycysta, historyk (specjalność: historia Rosji i ZSRR, historia literatury rosyjskiej). Zastępca dyrektora Instytutu Rusycystyki Uniwersytetu Warszawskiego. Zainteresowania naukowe obejmują historię Rosji w literaturze rosyjskiej, historię polsko-rosyjskich związków kulturalnych, losy Polaków w Cesarstwie Rosyjskim. Autor i współredaktor ponad 70 prac naukowych, w tym 8 monografii m.in. *Antyrosja: historyczne wizje Aleksandra Sołżenicyna: próba polskiego odczytania* (Warszawa 2008), *Ф.В. Булгарин в русско-польских отношениях первой половины XIX века: эволюция идентичности и политических воззрений* (Petersburg 2013), *Польские исследователи Сибири* (współred. M. Wołos, B. Szostakowicz, Petersburg 2011), *Syberia. Wizje literackie – wizje dokumentalne* (red. i wstęp, Warszawa 2017). Duża część dorobku opublikowana w Rosji. Pracownik Stacji Naukowej PAN w Moskwie w latach 2008-2012. Sekretarz Redakcji „Studia Rossica” oraz serii wydawniczej „Biblioteka Polsko-Syberyjska”.

KW

RADOSŁAW KALETA

Doktor nauk humanistycznych, białorutenista i polonista; adiunkt w Katedrze Białorutenistyki Uniwersytetu Warszawskiego. W latach 2014-2016 zastępca p.o. Kierownika Katedry, twórca i kierownik Pracowni Glottodydaktyki Białorutenistycznej w Katedrze Białorutenistyki UW. Obszar zainteresowań naukowych obejmuje m.in. glottodydaktykę polonistyczną, białorutenistyczną i porównawczą, translatorykę, leksykologię, leksykografię, lingwistykę konfrontatywną oraz socjolingwistykę. Autor dwóch monografii: *Białorusko-polska homonimia międzyjęzykowa* (Warszawa 2014) i *Polsko-białoruska lapsologia glottodydaktyczna* (Warszawa 2015), a także ponad 50 publikacji (artykuły, recenzje, komunikaty) w języku polskim, rosyjskim i białoruskim; redaktor książek: *Białoruś w dyskursie naukowym. Lingwistyka, socjologia, politologia* (Warszawa 2017) i *Język białoruski (poziom podstawowy i średnio zaawansowany)* (Warszawa 2017, autor: T. Jasińska-Socha, przy współpracy T. Chylak-Schroeder i J. Głuszkowskiej-Babickiej). W ramach grantu współpracował też w pozyskiwaniu materiałów do trzytomowej monografii *Kulturowo-językowe dziedzictwo Podlasia* (red. N. Barszczewska, M. Chaustowicz, M. Timoszuk, Warszawa 2016). W latach 2012-2015 był sekretarzem naukowym rocznika „Acta Albaruthenica”, a obecnie jest założycielem i współredaktorem pisma internetowego „Język Białoruski jako Obcy”. Współpracował jako recenzent z pismami „Białorutenistyka Białostocka” i „Acta Universitatis Lodzianensis. Kształcenie Polonistyczne Cudzoziemców”. Od 2014 w ramach grantu współpracuje przy rozbudowie bibliograficznej bazy danych światowego językoznawstwa sławistycznego i *Sybislaw*.

Odbywał staże i wygłaszał wykłady m.in. na Białoruskim Uniwersytecie Państwowym, na Mińskim Państwowym Uniwersytecie Lingwistycznym, na Uniwersytecie Karola w Pradze oraz na Petersburskim Uniwersytecie Państwowym. Członek Międzynarodowej Asocjacji Białorutenistów, Towarzystwa Języka Białoruskiego oraz Polskiego Towarzystwa Białorutenistycznego. W 2016 otrzymał wyróżnienie Rektora UW w uznaniu osiągnięć mających wpływ na rozwój oraz prestiż Uniwersytetu Warszawskiego.

KW

LILIANA KALITA

Doktor nauk humanistycznych, literaturoznawstwo; adiunkt w Katedrze Rosjoznawstwa, Literatury i Kultury Rosyjskiej Instytutu Rusycystyki i Studiów Wschodnich Uniwersytetu Gdańskiego; założycielka i kierownik Pracowni Badań Kulturowych nad Najnowszą Literaturą Rosyjską. Zainteresowania naukowe obejmują literaturę rosyjską po 1917 roku, szczególnie emigrację „pierwszej fali” i twórczość Marka Ałdanowa, a także literaturę najnowszą i kinematografię rosyjską. Autorka ponad 20 publikacji naukowych; redaktor i współredaktor monografii: *Literatura rosyjska przełomu XIX i XX wieku* (Gdańsk 2005), *Literatura rosyjska przełomu XIX i XX wieku. Poszukiwania, eksperymenty, re-wizje* (Gdańsk 2008), *Samotność. Aspekty, konteksty, wymiary* (t. 1–2, Gdańsk 2016), *Meandry słowiańskiej kultury. Księga jubileuszowa poświęcona profesorowi Tadeuszowi Bogdanowiczowi* (Gdańsk 2016). Publikuje na łamach czasopism: „Acta Neophilologica”, „Przegląd Rusycystyczny”, „Rossica Olomucensia”, „Slavia Orientalis”, „Studia Rossica”, „Studia Rossica Posnaniensis”, „Studia Wschodniosłowiańskie”.

Twórczyni i przewodniczka *Spacerów Filmowych* szlakami scenerii filmowych w Trójmieście. Uczestniczka projektu „Lokalni Przewodnicy i Przewodniczki”. Współpracuje m.in. z Instytutem Kultury Miejskiej, Stowarzyszeniem Opowiadaczy Historii Dolnego Miasta w Gdańsku, Gdańską Galerią Günтера Grassa, Muzeum Sopotu.

KW

ZBIGNIEW KAŻMIERCZYK

Doktor habilitowany nauk humanistycznych w zakresie literaturoznawstwa, polonista; profesor nadzwyczajny w Katedrze Historii Literatury w Instytucie Filologii Polskiej Uniwersytetu Gdańskiego; założyciel i kierownik naukowo-badawczej Pracowni Literatury Etnogenetycznej. Zainteresowania naukowe obejmują gnoptycko-manichejski wymiar egzystencji w twórczości Czesława Miłosza i Adama Mickiewicza, religię gnozy, irańską etnogenezę Słowian i jej literaturoznawcze implikacje, irański dualizm, badania wschodniego „cienia” Słowiańszczyzny. Wypracował metodologię do ujęcia specyfiki kultur słowiańskich jako podstawę do hermeneutyki kultur Wschodu i Zachodu oraz rozwijania komparatystyki mitologicznej. Autor ponad 100 prac naukowych, w tym dwóch monografii: *Słowiańska psychomachia Mickiewicza* (Gdańsk 2012), *Dzieło demiurga. Zapis gnoptyckiego doświadczenia egzystencji we wczesnej poezji Czesława Miłosza* (Gdańsk 2011), a także licznych artykułów publikowanych w Polsce i za granicą (w przekładzie rosyjskim, ukraińskim, litewskim) w tomach zbiorowych i na łamach periodyków, m.in. „Acta Polono-Ruthenica”, „Česlovo

Milošo skaitymai”, „Res Philologica”, „Ruch Literacki”, „Slavia”, „Świat i Słowo”, „Teksty Drugie”, „Topos”, „Tytuł”, „Tygiel Kultury”. Członek komitetów redakcyjnych i rad naukowych czasopism, m.in. „Progress: Journal of Young Researchers”, „Studia Rossica Gedanensia”, „Київські полоністичні студії”, a także serii wydawniczej „Colloquia Orientalia Bialostocensia”.

Prezes Oddziału Gdańskiego Towarzystwa Literackiego im. Adama Mickiewicza, wiceprezes Pomorskiego Towarzystwa Filozoficzno-Teologicznego. Uczestnik konferencji Stacji Naukowej PAN w Moskwie.

KW

PIOTR KLAFKOWSKI

Doktor nauk humanistycznych, anglista, językoznawca-orientalista (obszary badań: subkontynent indyjski i Tybet), celtysta, etnolog i antropolog kultury, tłumacz. Absolwent i były pracownik Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza w Poznaniu. Wychowanek prof. Lokesha Chandry i jego Sarasvati Vihara (Międzynarodowej Akademii Kultury Indyjskiej w New Delhi). Studiował też na University of Delhi, Jawaharlal Nehru University w New Delhi, w Instytucie Celtyckim Uniwersytetu w Oslo oraz w Instytucie Eskimologii Uniwersytetu w Kopenhadze. Stypendysta Fundacji Alexandra von Humboldta na Uniwersytecie w Bonn (1981–1983). Laureat Dyplomu Honorowego Fundacji ROLEX w Genewie (1981) i Dyplomu Honorowego Domu Bretanii w Poznaniu (1996). Główne zainteresowania badawcze: historia i historiografia Tybetu, język tybetański, życie i nauki historycznego Buddy, dzajнизм, mniejszości etniczne i językowe świata, dzieje i współczesność różnych systemów pisma, nowe ruchy filozoficzno-religijne i ich literatura, współczesne języki i kultury celtyckie, etnojęzykowe obrzeża Skandynawii (społeczność i kultura języka nynorsk, Sameland, Farery, Grenlandia), etnomuzykologia. Prowadził badania terenowe w Indiach, Norwegii, Irlandii, Kornwalii, na Farerach (czyli Wyspach Owczych), w Petersburgu i Moskwie. Obecnie adiunkt w Zakładzie Etnologii i Antropologii Kulturowej Instytutu Socjologii Uniwersytetu Szczecińskiego.

Autor licznych prac, m.in. monografii *Człowiek i kultury w obliczu zagrożeń. Studia orientalne i celtyckie* (Szczecin 2013), studium przekładów *Modlitwy Pańskiej* na tybetański (Wiedeń 1983), wprowadzeń i komentarzy filologicznych do książek światowego formatu, m.in. *The secret deliverance of the Sixth Dalai-Lama. As narrated by Dharmatāla* (ed. from the Hor Chos-'byun by Dharmatāla and transl. into English, with an introd. and comments P. Klafkowski) (Wiedeń 1979), rozdziałów monografii z zakresu buddologii himalaistycznej i hinduistyki, m.in. *Buddhist Himalaya. Studies in religion, history and culture. Proceedings of the Golden Jubilee Conference of the Namgyal Institute of Tibetology* (Gangtok 2008), redaktor „Zeszytów Konwersatorium Celtyckiego Domu” (Poznań 2000; 2001). Znaczącym dziełem jest komentowany przekład jednej z największej kronik tybetańsko-mongolskich *Rosary of white lotuses. Being the clear account of how the precious teaching of Buddha appeared and spread in the great Hor country* (Wiesbaden 1987), sfinansowany przez Fundację Humboldta. Udostępnił po raz pierwszy w Polsce wiele literackich tekstów celtyckich oraz z literatury buddyjsko-konfucjańskiej. Tłumacz książek, m.in. *Polakowi tylko Boga a skrzypic*.

Dzieje lutnictwa na ziemiach polskich do II wojny światowej. Wystawa (aut. J. Jaskulski, R.J. Wiczorek) (Poznań 1996), poezji, m.in. *Nie zaznałem tu szczęścia. Wybór wierszy Tshangjanga Gjatsho (1683-1746), VI Dalaj Lamy Tybetu* (Poznań 1995). Publikuje głównie za granicą, m.in. Austrii, Niemczech, Indiach, USA; prace ukazywały się w serii „Wiener Studien zur Tibetologie und Buddhismuskunde”, na łamach „Estudios Latinoamericanos”, „Tibet Society Bulletin” (Bloomington), „Buddhist Studies” (Delhi) i in. Teksty naukowe i przekłady są cytowane w piśmiennictwie indyjskim, rosyjskim, holenderskim, brytyjskim i amerykańskim; szereg opracowań zostało ujętych w liczących się w świecie bibliografiach oraz dziejach tybetologii.

B. członek Komisji do Badań Wschodu przy Komitecie Nauk Etnologicznych PAN i b. członek Rady Programowej Działu Studiów Buddyjskich i Kultur Dalekiego Wschodu Książnicy Pomorskiej w Szczecinie, członek-założyciel Stowarzyszenia „Pax Cultura” w Szczecinie. Laureat dyplomu honorowego Fundacji ROLEX w Genewie (1981) i dyplomu honorowego poznańskiego Domu Bretanii (1996).

Organizator życia akademickiego, współorganizator wystaw o tematyce buddyjskiej, uczestnik i prelegent we wszystkich ważniejszych wydarzeniach poświęconych Tybetowi w latach 1993-2002 w Poznaniu (zwłaszcza na festiwalach *Tybet w Poznaniu* organizowanych przez poznańskie Muzeum Etnograficzne) oraz w Szczecinie (od 2003). Wygłosił kilka wykładów w cyklu *Academia Buddhica* odbywającym się w Książnicy Pomorskiej im. Stanisława Staszica w Szczecinie, wykłady w cyklach *Spotkania z historią* oraz *Od magii do psychotroniki* (w 130. rocznicę wydania *Księgi Oahspe*), odbywających się na Zamku Książąt Pomorskich w Szczecinie. Autor głośnych wykładów i prelekcji, m.in. *Tybetańska literatura historyczna. Charakterystyka i najważniejsze źródła* (Szczecin 2001), *Obrońca dzieci, których świat nie chciał. Życie i dzieła doktora Johna Ballou Newbrougha* (Poznań 2002), *Celtowie w dzisiejszej Europie. Tradycja i współczesność* (Szczecin 2005), *Tybetańska Księga Umarłych* (Szczecin 2010), *Znaczenia sanskrytu dla kultury indyjskiej* (Szczecin 2011). Uczestnik, prelegent, muzyk i tłumacz na wszystkich festiwalach kultury celtyckiej organizowanych przez poznański Dom Bretanii po rok 2002.

KW

VLADIMIR V. KOCHETKOV / ВЛАДИМИР ВАДИМОВИЧ КОЧЕТКОВ

Doktor nauk filologicznych, docent w Katedrze Języka Rosyjskiego i Metodyki Nauczania w Filii Federacyjnego Państwowego Uniwersytetu Iwanowskiego w Szui w Rosji (Шуйский филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Ивановский государственный университет»). B. nauczyciel języka angielskiego. Zainteresowania naukowe: współczesny język rosyjski, komunikacja werbalna, kultura języka rosyjskiego, język prasy i reklamy. Autor dysertacji *Лексико-стилистические новации и их функционирование в прессе второй половины 90-х годов XX века* napisanej pod kierunkiem prof. V.N. Shaposhnikova (1999). Autor i współautor około 30 publikacji, m.in. książek: *Контрольные работы. Методические рекомендации для абитуриентов* (Szuja 2005), *Орфоэпия. Теория. Практика. Тесты. Методические рекомендации по курсу «Речевая коммуникация» для всех специальностей и направлений подготовки*

(Szuja 2007), *Психоллингвистика: Учебное пособие для самостоятельной работы* (Szuja 2010), *Частотный словарь языка А.Н. Островского. База данных* (b.r.w.).

KW

PIOTR KOPROWSKI

Doktor nauk humanistycznych w zakresie historii; adiunkt w Instytucie Historii na Wydziale Historycznym Uniwersytetu Gdańskiego, członek Pracowni Historii Rosji i Europy Wschodniej; humanista, historyk idei, poeta. Zainteresowania naukowe: historia Kościoła rzymskokatolickiego w XX wieku, rosyjska myśl społeczno-filozoficzna XIX wieku, polska i europejska myśl filozoficzna XX wieku, współczesna polska edukacja w kontekście przemian cywilizacyjno-kulturowych, psychologia humanistyczna, poezja współczesna. Autor około 80 prac naukowych, w tym czterech monografii: *W kręgu romantyzmu. Kształtowanie się struktur światopoglądowych Iwana Turgeniewa* (Gdańsk 2008), *Pozytywista, ale jaki? Światopogląd Iwana Turgeniewa w latach 1848–1883* (Gdańsk 2009), *Między sacrum i profanum. Biografia intelektualna Janusza Stanisława Pasierba* (Pelplin 2015), *Polacy i Rosjanie wobec wyzwań swoich czasów (XIX–XX w.). Szkice historyczno-filozoficzne* (Rzeszów 2017); publikował m.in. w Cambridge Scholars Publishing (*Homo Viator. Janusz Pasierb on East Central European Intellectual Identity, East Central Europe in Exile*, vol. 1: *Transatlantic Migrations*, Newcastle upon Tyne 2013), na łamach czasopism: „Slavia Orientalis”, „Przegląd Wschodnioeuropejski”, „Studia Historica Gedanensia”, „Studia Rossica Gedanensia”, „Zeszyty Filozoficzne”, „Studia Redemptorystowskie”, „Ateneum Kapłańskie”, „Studia Pelplińskie”, „Forum Teologiczne”, „Kresy” i in. Członek Polskiego Towarzystwa Historycznego oraz Towarzystwa Historiograficznego. W 2014 debiutował jako poeta tomikiem wierszy *Czekając na Słońce* (Pelplin 2014); kolejne zbiory wierszy to: *W rytmie ciszy* (Lubliniec 2015), *Niś metafizyki* (Rzeszów 2015), *Z historią w (nie) tle* (Rzeszów 2016). Nominowany do Nagrody Orfeusz (2015), a także do Nagrody Głównej V Międzynarodowego Konkursu Jednego Wiersza o Puchar Wydawnictwa Św. Macieja Apostoła (2015).

KW

ALEKSEI A. KRETOV / АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ КРЕТОВ

Profesor, doktor habilitowany nauk filologicznych, językoznawca; kierownik Katedry Lingwistyki Teoretycznej i Stosowanej, dyrektor Naukowo-Dydaktycznego Centrum Lingwistyki Komputerowej w Państwowym Uniwersytecie Woroneskim (Rosja). Wykładał na zagranicznych uczelniach wyższych, m.in. na Uniwersytecie Helsińskim (Finlandia), Uniwersytecie w León (Hiszpania) oraz Uniwersytecie Donieckim (Ukraina). Zainteresowania naukowe obejmują: fonetykę, morfemikę, morfonologię i słowotwórstwo języka rosyjskiego, leksykologię ogólną, leksykografię, etymologię, indoeuropeistykę, lingwistykę komputerową, metody ścisłe badania języków. Twórca nowego kierunku w językoznawstwie – prognostyki lingwistycznej. Autor i współautor ponad 400 publikacji naukowych. Ważniejsze monografie: *Теория языковой категоризации. Национальное языковое сознание сквозь призму криптокласса* (Woroneż 2003; współaut. O.O. Boriskina), *Общая лексикология: учебное пособие*

(Woroneż 2009; współaut. E.N. Podtelezhnikova), *Единство Европы по данным лексики* (Woroneż 2016); słowników: *Обратный частотный словарь поэтических произведений А.В. Кольцова* (Woroneż 1997; współaut. R.K. Kavetska), *Македонский словарь омонимов с русскими толкованиями* (Woroneż 2008), *Славянские этимологии* (Woroneż 2009).

Zrealizował wiele grantów; uczestniczył w badaniach w zakresie parametrycznej analizy leksyki, a także uniwersaliów literatury rosyjskiej. Obecnie kieruje projektem *Лингвистическая подготовка и создание электронного «Живого стилистического словаря русского языка»* (grant RFFI № 1431 na l. 2017–2019).

Organizator i redaktor materiałów konferencyjnych: *Проблемы лингвистической прогностики* (t. 5), *Проблемы компьютерной лингвистики* (t. 5), *Проблемы лексико-семантической типологии* (t. 3). Jest redaktorem naczelnym prestiżowego czasopisma „Вестник ВГУ. Серия Лингвистика и межкультурная коммуникация”, redaktorem serii „Библиотека лингвистической прогностики” (t. 6), członkiem kolegium redakcyjnego „Вестник ВГУ” oraz serii „Системный анализ и информационные технологии”. Ekspert międzynarodowy w zakresie ustalania rankingów uczelni wyższych.

KW

OLGA MAKAROWSKA

Doktor nauk humanistycznych, językoznawstwo; adiunkt w Zakładzie Pragmatyki Komunikacyjnej Języków Obcych Instytutu Filologii Rosyjskiej i Ukraińskiej na Wydziale Neofilologii Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza w Poznaniu. Tematyka badawcza obejmuje lingwokonceptologię, teorię komunikacji międzykulturowej, lingwodydaktykę, komunikację językową w Internecie, memetykę lingwistyczną. Autorka dwóch monografii naukowych: *Концепты русской народной и национальной песни* (Poznań 2004) i *Культурные, культурно-личностные и коммуникативно-стилевые детерминанты интерперсональной коммуникации между польской и русской молодежью* (Poznań 2014), a także licznych artykułów w polskich i zagranicznych czasopismach naukowych oraz rozdziałów monografii wieloautorskich. Prace z zakresu lingwodydaktyki dotyczą kształtowania i doskonalenia kompetencji językowej i komunikacyjnej w procesie nauczania języka rosyjskiego jako obcego. Autorka koncepcji modyfikacji metodyki nauczania języka rosyjskiego studentów generacji *homo clipus*; dokonała naukowego opisu specyfiki myślenia klipowego. Nowsze prace nt. komunikacji językowej w Internecie zawierają analityczny opis specyfiki gatunkowo-kulturowej współczesnych przekazów medialnych na przykładzie memów z kotami. Członek Zespołu Redakcyjnego rocznika „Studia Rossica Gedanensia”.

WS

JOANNA MAMPE

Doktor nauk humanistycznych, językoznawstwo; adiunkt w Katedrze Pragmatyki Komunikacji i Akwizycji Języka Instytutu Rusycystyki i Studiów Wschodnich Uniwersytetu Gdańskiego. Założycielka i kierownik Pracowni Badań nad Socjolingwistycznymi Aspektami Języka oraz Pracowni Badań nad Akwizycją i Nauczaniem Języków Ob-

cych, członek Pracowni Badań nad Rosyjskim Językiem Potocznym. Zainteresowania naukowe obejmują różne działy językoznawstwa, a mianowicie glottodydaktykę (nauczanie języka rosyjskiego, nauczanie języka polskiego jako obcego, akwizycja języka, badania empiryczne), socjolingwistykę, psycholingwistykę, lingwokulturologię, pragmatolingwistykę, dyskursologię, komunikologię, komunikologię porównawczą. Autorka i współredaktorka kilkudziesięciu prac naukowych, w tym serii pięciu monografii wieloautorskich: *Socjolingwistyczne badania w teorii i praktyce. Ujęcie interdyscyplinarne*, t. 1–4 (współred. Ł. Owczinnikowa, H. Makurat, F. Marzouk, Gdańsk 2014, 2015, 2016); podręcznika *Расскажи мне обо всем: пособие по русскому языку в дружеской переписке* (współaut. Ł. Owczinnikowa; Gdańsk 2017). Publikuje w Polsce i za granicą (Białoruś, Czechy, Japonia, Rosja), m.in. na łamach czasopism naukowych: „Rossica Olomucensia”, „Слово.ру. Балтийский акцент”, „Вопросы филологических наук”, „Studia Wschodniosłowiańskie”, „Studia Rusycystyczne”. Członek Zespołu Redakcyjnego „Известия высших учебных заведений. Серия Гуманитарные науки” (Rosja). Członek wielu stowarzyszeń naukowych, m.in. Towarzystwa Neofilologicznego, Polskiego Stowarzyszenia Nauczycieli i Wykładowców Języka Rosyjskiego, Międzynarodowej Asocjacji Wykładowców Języka Rosyjskiego i Literatury (МАПРЫАЛ), Polskiego Towarzystwa Neofilologicznego oraz Towarzystwa Miłośników Języka Polskiego. Aktywna organizatorka życia akademickiego w Gdańsku; współorganizowała „Dyktanda z języka rosyjskiego” dla licealistów i studentów województwa pomorskiego (od 2014). Współpracuje z Okręgową Komisją Maturalną w Gdańsku (2012).

KW

INESSA I. MOROZOVA / ИНЕССА ИВАНОВНА МОРОЗОВА

Doktor nauk humanistycznych, literaturoznawstwo; docent, starszy pracownik naukowy Instytutu Filozofii Narodowej Akademii Nauk Białorusi. Zainteresowania naukowe związane z literaturą rosyjską drugiej połowy XIX wieku, spuścizną twórczą Konstantina Nikołajewicza Leontjewa, rosyjską myślą religijno-filozoficzną XIX–XX wieku, współczesną literaturą białoruską. W skład dorobku wchodzi ponad 60 publikacji naukowych; główny redaktor trzech monografii zbiorowych: *Достоевский в XXI веке* (Homel 2002), *Триада бытия. Слово-время-личность. Вторые научные чтения, посвященные памяти В.Н. Соболенко* (Homel 2006), *Актуальные проблемы филологии* (Homel 2008).

ЕК

VIKTORIA V. NIKULTSEVA / ВИКТОРИЯ ВАЛЕРЬЕВНА НИКУЛЬЦЕВА

Docent, doktor nauk humanistycznych, literaturoznawstwo i językoznawstwo; kierownik Katedry Dyscyplin Humanistycznych w Moskiewskim Uniwersytecie Finansowo-Prawniczym (Rosja). Zajmuje się badaniem języka i stylu poezji Srebrnego Wieku; lingwotekstolog. Autorka i współautorka ponad 230 prac naukowych i naukowo-metodycznych, m.in. *Теория и методика преподавания русского языка в специальной (коррекционной) школе V вида. Курс лекций* (Moskwa 2008), *Русский язык и культура речи. Учебное пособие для студентов высших и средних специальных учебных заведений, обучающихся по дефектологическим специальностям*

(współaut.; Moskwa 2008), *Теория и методика преподавания русского языка в специальной (коррекционной) школе V вида: Учебное пособие по курсу «Методика преподавания русского языка (специальная)» для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности 031800 логопедия. В 2-х ч.* (Moskwa 2008), a także leksykograficznych: słownika *Словарь неологизмов Игоря-Северянина* (Moskwa 2008); tematycznych artykułów słownikowych i encyklopedycznych. Uczestniczka licznych konferencji naukowych rusycystycznych i literaturoznawczych. Laureatka konkursu *За образцовое владение русским языком в профессиональной речи* (2006).

KW

MARTA NOIŃSKA

Magister, językoznawstwo; absolwentka Uniwersytetu Gdańskiego (filologia rosyjska i filologia angielska); asystent w Katedrze Pragmatyki Komunikacji i Akwizycji Języka w Instytucie Rusycystyki i Studiów Wschodnich Uniwersytetu Gdańskiego. Zainteresowania naukowe obejmują językoznawstwo porównawcze (polsko-rosyjskie i polsko-angielskie), lingwistykę populacyjną (kwestie etnogenezy Europejczyków), system edukacji oraz multimodalną analizę dyskursu. Autorka artykułów naukowych, m.in. z obszaru analizy semiotycznej przemówień politycznych, paremiologii, genetyki lingwistycznej (historia ludów zasiedlających Europę na podstawie analiz DNA). Autorka publikacji m.in. w „Przeglądzie Wschodnioeuropejskim”, „Slavia Orientalis” i „Studia Rossica Gedanensia”. Uczestniczka międzynarodowych konferencji naukowych, m.in. „Россиеведение как новое направление междисциплинарных исследований” na Uniwersytecie Nankińskim w Chinach. Redaktor językowy monografii pokonferencyjnych w zakresie języka angielskiego, m.in. *Nowe wyzwania, nowe horyzonty. Czterdzieści lat skandynawistyki gdańskiej*, t. 3: *Język, kultura i społeczeństwo Finlandii* (Gdańsk 2016). Członek Zespołu Redakcyjnego „Studia Rossica Gedanensia”, redaktor językowy „Progress: Journal of Young Researchers”.

Członek Polskiego Towarzystwa Językoznawczego. Członek Pracowni Badań nad Perswazją Językową oraz Pracowni Badań nad Socjolingwistycznymi Aspektami Języka.

KW

GRZEGORZ OJCEWICZ

Doktor habilitowany nauk humanistycznych, literaturoznawca, rusycysta, filolog śledczy, teoretyk i praktyk przekładu artystycznego oraz specjalistycznego (policyjno-prawniczego i administracyjnego); emerytowany profesor Wyższej Szkoły Policji w Szczytnie oraz b. profesor nadzwyczajny Uniwersytetu Warmińsko-Mazurskiego w Olsztynie. Znawca życia i twórczości Iwana Bunina, Sergiusza Jesienina, św. Matki Marii z Paryża; badacz XX-wiecznej emigracji rosyjskiej; interesuje się historią średniowiecza (Zakon Krzyżacki, św. Dorota z Mąków). Kierownik zespołu badawczego UW-M realizującego projekt *Specyfika tłumaczeń sądowo-prawniczych w świetle współczesnej translatologii* (2010–2013). Autor i współautor ponad 410 publikacji, w tym ponad 30 książek. W dorobku naukowym znajduje się m.in. nowatorska monografia

o Jarosławie Mogutinie *Skazani na trwanie. Odmieńcy XX wieku w esejach Jarosława Mogutina* (2007) oraz przekład tomu poetyckiego Borysa Popławskiego *Automatyczne wiersze* (2009). Pomyślodawca i współautor nagrodzonej przez Ministra Spraw Wewnętrznych i Administracji książki z obszaru filologii śledczej *Zabójstwo Sergiusza Jesienina. Studium kryminalistyczno-historycznoliterackie* (Szczytno 2009), a także monografii z dziejów Zakonu Krzyżackiego *Zabójstwo wielkiego mistrza Wernera von Orseln* (2015; współaut. H. Bobińska). Autor dwóch monumentalnych monografii: *Śmiertelna pobożność. Święta Dorota z Mąków. Mity i rzeczywistość* (2016) oraz *Stara Dusza. Fenomen Matki Marii (Skobcowej). Badania i materiały* (2016; współaut. D.A. Myślak). Ostatnio wydał studium literaturoznawcze *Proste prawdy. Misteria św. Matki Marii (Skobcowej) i inne utwory* (2017), jak również tom zawierający teksty religijne, filozoficzne i publicystyczne św. Matki Marii (Skobcowej) we własnym tłumaczeniu na język polski *Jak lód jest Jego duch, jak kamień – serce* (2017). Autor i współautor licznych opracowań, takich m.in. jak *Podstawy translatoryki* (1991), *Przestępczość w Rosji i Polsce. Wybór tekstów policyjno-prawniczych do samodzielnego tłumaczenia* (2005), *Kryminalistyka w Rosji i Polsce. Wybór tekstów specjalistycznych do samodzielnego tłumaczenia z języka rosyjskiego i na język rosyjski* (2013); redaktor naukowy i współautor wielu wielojęzycznych słowników specjalistycznych. Posiada w dorobku prace poświęcone pracy policji, m.in. *Wywiad hipnotyczny w pracy policji* (2011). Współredaktor i współautor olsztyńskiej serii naukowej „Luminarze Rosyjskiej Emigracji”. Członek Międzynarodowego Komitetu Słowistów Polskiej Akademii Nauk. Były redaktor naczelny czasopisma naukowego „Acta Neophilologica” (2005–2013).

KW

SIARHEI PADSASONNY / СЯРГЕЙ АЛЯКСАНДРАВІЧ ПАДСАСОННЫ

Doktor nauk humanistycznych, literaturoznawstwo; adiunkt w Instytucie Lingwistyki Stosowanej w Uniwersytecie Warszawskim. Absolwent Homelskiego Uniwersytetu Państwowego im. Franciszka Skaryny (Wydział Filologii); studia na Wydziale Psychologii. Filolog, historyk literatury rosyjskiej, kontekstów kulturowych literatury rosyjskiej XIX wieku, zagadnień mentalności rosyjskiej, rosyjskiej myśli filozoficzno-religijnej, przekładu literackiego. Znanca twórczości Fiodora Dostojewskiego. Autor ponad 40 publikacji naukowych w Polsce, na Białorusi, w Rosji. W dorobku naukowym znajduje się monografia *Трех no Достоевскому* (Mińsk 2007).

Redaktor naczelny Działu Informacji Telewizji Bielsat (TVP S.A.). Dziennikarz; twórca ponad tysiąca reportaży o tematyce politycznej, społecznej, kulturowej. Przeprowadził setki wywiadów ze znanymi politykami, naukowcami, ekspertami. Pracował jako reporter na Białorusi, w Niemczech, w Polsce, w Rosji, na Ukrainie, w Szwecji.

KW

LARISA V. RATSIBURSKAYA / ЛАРИСА ВИКТОРОВНА РАЦИБУРСКАЯ

Profesor, doktor habilitowany w zakresie nauk humanistycznych, językoznawstwo; kierownik Katedry Współczesnego Języka Rosyjskiego i Językoznawstwa Ogólnego w Instytucie Filologii i Dziennikarstwa na Państwowym Uniwersytecie Badawczym im. Łobaczewskiego w Niżnym Nowogrodzie. W kręgu zainteresowań badawczych

znajdują się morfemika, ortoepia i fonetyka, słowotwórstwo, neologia, a także socjolingwistyka, język mediów, leksykografia dydaktyczna. Autorka i współautorka ponad 240 prac naukowych: monografii, podręczników akademickich i opracowań metodycznych oraz słowników i poradników językowych, a także szeregu artykułów. Ważniejsze prace: *Уникальные части слова в историческом и современном освещении* (Niżny Nowogród 1996), *Уникальные морфемы в современном русском языке* (Moskwa 1998), *Словообразовательное гнездо и принципы его описания* (Niżny Nowogród 2002), *Основные понятия фонетики* (Niżny Nowogród 2004), *Основные понятия орфоэпии* (Niżny Nowogród 2005), *Неология и неография современного русского языка* (współaut.; Moskwa 2005), *Энциклопедический словарь-справочник лингвистических терминов и понятий. Русский язык. В 2 т.* (współaut.; Moskwa 2005), *Человек и его язык. Комплексный лингвокультурологический словарь для школьников* (współaut.; Niżny Nowogród 2005), *Словарь уникальных морфем современного русского языка* (Moskwa 2009), *Язык современных СМИ. Средства речевой агрессии. Учебное пособие* (współaut.; Moskwa 2011), *Современный русский язык. Морфемика. Учебное пособие* (współaut.; Moskwa 2013), *Новые тенденции в русском языке начала XXI века* (współaut., Moskwa 2014), *Проблемы словотворчества в современных российских СМИ. Учебное пособие* (współaut., Moskwa 2015), *Специфика современного медийного словотворчества. Учебное пособие* (współaut.; Moskwa 2015) i in.

Członek Komisji Słowotwórstwa Słowiańskiego przy Międzynarodowym Komitecie Sławistów (od 2015).

KW

MIKOŁAJ RYCHŁO

Doktor nauk humanistycznych, językoznawca, anglista; adiunkt w Katedrze Językoznawstwa w Instytucie Anglistyki i Amerykanistyki Uniwersytetu Gdańskiego. Zainteresowania naukowe: polsko-angielskie pokrewieństwo leksykalne, etymologia, historia języka angielskiego i polskiego, język staroangielski i jego pochodzenie, fonologia diachroniczna, językoznawstwo angielskie (w szczególności fonologia, morfologia, składnia), językoznawstwo ogólne i historyczne, filozofia edukacji językowej. Autor kilkunastu publikacji naukowych, m.in. podręcznika *The Educational Approach to Language Teaching* (Warszawa 2008; reprint: Chennai, Tamil Nadu (India) 2009), tomu *General Education and Language Teaching Methodology: The Gdańsk School of ELT* (Peter Lang, w druku; współred. K. Janczukowicz), rozdziałów i artykułów: *An etymological comparison of English „fist” and Polish „pięść”: How they both descended from the PIE root for ‘five’* („Linguistica Silesiana” 2012), *English „herd” and Polish „trzoda”: How the two words developed from one Proto-Indo-European root* („Acta Neophilologica” 2013), *Ślady prawa Grimma w angielszczyźnie w zestawieniu z polskimi wyrazami pokrewnymi: pie. *p > pgerm. *f* („Język Polski” 2014), *Przejście pie. *p w pgerm. *f utrwalone w polsko-angielskich wyrazach pokrewnych: praformy różniące się budową słowotwórczą oraz późniejsze zmiany modyfikujące skutki prawa Grimma* („Język Polski” 2014), *Gothic „wopjan”, Polish „wabić” and English „weep”* ([w:] *The Subcarpathian Studies in English Language, Literature and Culture 1*, Rzeszów 2014),

The philological element in the education of a language teacher: Understanding the similarity between English and Polish ([w:] *General Education and Language Teaching Methodology: The Gdańsk School of ELT*, red. K. Janczukowicz, M. Rychło, Peter Lang, 2015), *Can weep lure? An analysis of a controversial Slavico-Germanic pair of cognates* („Beyond Philology” 2016), *Why do Poles fail to produce Polish sounds in foreign words?* ([w:] *Language Education: Controversies, Observations and Proposals*, red. D. Stanulewicz, K. Janczukowicz, M. Ročławska-Daniluk, Peter Lang 2016), *The irregularity of weak verbs without vowel alternations in Modern English* („Linguistica Silesiana” 2017), *Kontrowersyjne ślady zmiany pie. *p > pgerm. *f utrwalone w polsko-angielskich wyrazach pokrewnych: zestawienia sporne i wczesne zapożyczenia* („Język Polski” 2017).

MN

VLADIMIR N. SHAPOSHNIKOV / ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ
ШАПОШНИКОВ

Doktor habilitowany nauk humanistycznych, językoznawstwo; profesor w Katedrze Lingwodydaktyki i Komunikacji Międzykulturowej na Wydziale Języków Obcych Państwowego Uniwersytetu Psychologiczno-Pedagogicznego w Moskwie (Rosja). Obszar zainteresowań obejmuje badania zagadnień aktywnych procesów we współczesnym języku rosyjskim, historię języka, teorię języka, komparatystykę międzyjęzykową, lingwistykę stosowaną. Stworzył oryginalną szkołę badawczą. Autor ponad 100 prac naukowych, w tym monografii: *Историческая этнонимика* (Petersburg 1992), *Хулиганы и хулиганство в России. Аспект истории и литературы XX века* (Moskwa 2000), popularnej i wielokrotnie wznawianej *Русская речь 1990-х гг. Современная Россия в языковом отражении* (Moskwa 1998, 2006, 2010), *Семантические преобразования в современном русском языке* (Moskwa 2012), *Просторечие в системе русского языка на современном этапе* (Moskwa 2012). Z nowszych publikacji wymienić można *Предикативное слово «было» в современном русском языке. Норма выражения и границы нормы* (w: „Studia Rossica Gedanensia” 2/2015). Członek Kolegium Redakcyjnego czasopisma „Проблемы филологии: язык и литература”. W latach 2000–2003 laureat stypendium Rządu Federacji Rosyjskiej dla wybitnych uczonych.

WS

YELENA V. SHCHENIKOVA / ЕЛЕНА ВИКТОРОВНА ЩЕНИКОВА

Doktor nauk filologicznych, językoznawca; docent w Katedrze Współczesnego Języka Rosyjskiego i Językoznawstwa Ogólnego w Instytucie Filologii i Dziennikarstwa na Państwowym Uniwersytecie Badawczym im. Łobaczewskiego w Niżnym Nowogrodzie. Obroniła dysertację *Факторы выбора количественных и собирательных числительных в современной художественной прозе* (2006). Zainteresowania naukowe obejmują słowotwórstwo, morfologię, stylistykę, język Internetu, język reklamy. Autorka i współautorka około 30 prac naukowych i metodycznych, m.in. podręcznika *Функциональные стили* (Moskwa 2016), artykułów: *Неузальные наименования лиц в форумном дискурсе* („Научный диалог” 2017), *Сложные глагольные дериваты в текстах интернет-форумов (на материале форумов любителей домашнего*

них животных) („Динамика языковых и культурных процессов в современной России” 5/2016), *Неузуальные слова в системе нижегородской автоэргонимии: структурный аспект* („Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского” 5/2016), a także rozdziałów książek, m.in. *Семантические аспекты варьирования количественных и собирательных числительных в современном русском языке* (w: *Новые тенденции в русском языке начала XXI века*, red. L.V. Ratsiburskaya, Moskwa 2014).

KW

MARIAN SZCZODROWSKI

Profesor zwyczajny, doktor habilitowany nauk humanistycznych w zakresie językoznawstwa stosowanego; glottodydaktyka, glottokodematyka; b. kierownik Katedry Filologii Germańskiej Uniwersytetu Gdańskiego (1994–1996), kierownik Zakładu Teorii Komunikacji Obcojęzycznej w Instytucie Filologii Germańskiej UG (1995–2010), dziekan Wydziału Filologiczno-Historycznego UG (2002–2005). Obecnie profesor zwyczajny w Ateneum Szkole Wyższej w Gdańsku.

Zainteresowania naukowe obejmują zagadnienia glottodydaktyczne, tzn. nauczania i uczenia się języków obcych, które analizuje na płaszczyźnie glottokodematycznej, wyszczególniając proces kodowania (generowania i produkowania) mownych albo graficznych informacji obcojęzycznych oraz proces ich fonetyczno-fonematycznego albo graficzno-grafematycznego i semantyczno-gramatycznego dekodowania. Rozważa również procesy przetwarzania i przyswajania poznanych struktur u uczącego się, a także jego receptywno-produktywne sprawności i umiejętności obcojęzyczne. W przebiegu glottokodematycznych procesów wyróżnia prymarnego nadawcę i odbiorcę oraz sekundarnego nadawcę i odbiorcę, określając ich role i możliwości informacyjno-komunikacyjne.

Autor monografii: *Modele konfiguracji materiału językowego w planie lingwistyczno-dydaktycznym* (Warszawa–Poznań 1977), *Statyczne i dynamiczne struktury języka w aspekcie glottodydaktycznym* (Szczecin 1988), *Steuerung fremdsprachlicher Kommunikation* (Gdańsk 2001), *Glottokodematyka a nauka języków obcych* (Gdańsk 2004), *Fremdsprachliche Lehr-Lern-Vorgänge im kodematischen Blickfeld* (Gdańsk 2009), współautor podręcznika *Der deutsche Wortschatz mit Humor. Texte und lexikalische Übungen* (Toruń 1994/2003), opublikował 120 artykułów, m.in. w periodykach „Glottodidactica”, „Neodidagmata”, „Studia Niemcoznawcze”, „Przegląd Glottodydaktyczny”, „Języki Obce w Szkole”, „Lingua Posnaniensis”, „Studia Germanica Posnaniensia”, „Deutsch als Fremdsprache”, „Zielsprache Deutsch”, „Colloquia Germanica Stetinensia”, „Comunicaciones Germanicas”, „Acta Universitatis Nicolai Copernici”, „Fremdsprachen und Hochschule”, „Studia Germanica Gedanensia”; przygotował 29 recenzji, wygłosił 87 referatów na krajowych i międzynarodowych konferencjach/sympozjach; promotor 17 doktorów, recenzent rozpraw doktorskich, habilitacyjnych i wniosków profesorskich. Redaktor i współredaktor książek/tomów: *Efektywność nauczania języków obcych na kursach pozaszkolnych* (Szczecin 1980), *Johann Gottfried Herders Humanistisches Denken und Universale Wirkung* (Gdańsk 1997), „Studia Germanica Geda-

nensia” 3 (Gdańsk 1997) i 14 (Gdańsk 2006), *Danzig und der Ostseeraum. Sprache, Literatur, Publizistik* (Bremen 2005).

Członek Komitetu/Kolegium Redakcyjnego „Studia Germanica Gedanensia”, „Acta Cassubiana”, „Studia Niemcoznawcze”, „INTER-LINGVA”, Rady Naukowej „Linguistica Bidgostiana”, „Glottodidactica”, „Studia Germanica Resoviensia”, „Studia Linguistica Resoviensia”; członek Polskiego Towarzystwa Neofilologicznego, Polskiego Towarzystwa Językoznawczego, Polskiego Towarzystwa Lingwistyki Stosowanej, Stowarzyszenia Germanistów Polskich, Gdańskiego Towarzystwa Naukowego.

KW

ALYONA G. SHEVCHENKO / АЛЁНА ГЕОРГИЕВНА ШЕВЧЕНКО

Wykładowca w Katedrze Praktyki Języka Angielskiego Ustnego i Pisemnego na Charkowskim Narodowym Uniwersytecie Pedagogicznym im. G.S. Skoworody. Zainteresowania naukowe obejmują: życie i twórczość Edwarda Bagrickiego, twórczość i biografie poetów XX wieku, kontekst kulturowy XX-wiecznej literatury rosyjskiej. Autorka 14 prac naukowych, m.in. *Образ Летучего Голландца в поэзии Багрицкого* (Charków 2011), *Багрицкий и Маяковский* (Kijów 2012), *Тиль Уленишигель – герой лирики Эдуарда Багрицкого* (Kamieniec Podolski 2012), *Летучий Голландец Эдуарда Багрицкого* (Budapeszt 2015), *Лирика Э. Багрицкого в контексте житнетворческого проекта поэта: основные итоги изучения* (Kijów 2017).

KW

SERGEI A. SHULTS / СЕРГЕЙ АНАТОЛЬЕВИЧ ШУЛЬЦ

Doktor habilitowany nauk filologicznych; badacz niezależny (Rosja). Autor wielu książek, m.in. *Гоголь. Личность и художественный мир* (Moskwa 1994), *Историческая поэтика драматургии Л.Н. Толстого (герменевтический аспект)* (Rostów nad Donem 2002), *Поэма Гоголя «Мертвые души»: внутренний мир и литературно-философские контексты* (Petersburg 2017), a także około 150 prac nt. literatury rosyjskiej i zachodnioeuropejskiej, historii kultury i filozofii.

KW

PIOTR SIWCZAK

Magister; absolwent filologii nowogreckiej, doktorant w Instytucie Językoznawstwa na Wydziale Neofilologii Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza w Poznaniu; prowadził zajęcia z praktycznej nauki języka nowogreckiego, wstępu do kultury i języka nowogreckiego (lektorat) oraz wstępu do językoznawstwa. Zainteresowania naukowe obejmują frazeologię rosyjską i nowogrecką, językoznawstwo porównawcze, metody nauczania języka rosyjskiego i nowogreckiego. Autor artykułów: *Starożytni o małżeństwie z powagą i komizmem* „Nowy Filomata” 2014, nr 2), *Filologia Nowogrecka w Poznaniu: osiągnięcia i perspektywy* (w: *Miscellanea Novograeca Posnaniensia. Monografia jubileuszowa z okazji dziesięciolecia Zakładu Filologii Nowogreckiej w Instytucie Językoznawstwa UAM, Poznań 2015*). Przygotowuje rozprawę doktorską pod kierunkiem prof. zw. dra hab. Jerzego Kaliszana.

KW

ŻANNA SŁADKIEWICZ / ЖАННА СЛАДКЕВИЧ

Doktor habilitowany nauk humanistycznych, językoznawstwo; prof. Uniwersytetu Gdańskiego; absolwentka Grodzieńskiego Uniwersytetu Państwowego im. Janki Ku-pały (studia filologiczne, specjalność: nauczanie języka rosyjskiego jako obcego, 1999); związana z Uniwersytetem Gdańskim od 1999 roku; kierownik Katedry Pragmatyki Komunikacji i Akwizycji Języka w Instytucie Filologii Wschodniosłowiańskiej UG (od 2014). Założycielka i kierownik Pracowni Badań nad Rosyjskim Językiem Potocz-nym (2013–2016), założycielka i kierownik Pracowni Badań nad Perswazję Językową, członek Pracowni Badań nad Socjolingwistycznymi Aspektami Języka; członek Rady Naukowej „Studia Rossica Gedanensia”, recenzent „Folia Linguistica Rossica”, recen-zent „Respectus Philologicus”. Opublikowała ponad 80 prac naukowych (w tym osiem pozycji książkowych) z zakresu językoznawstwa rosyjskiego, słowiańskiego, fonetyki, frazeologii, glottodydaktyki, komunikologii, komunikologii porównawczej, komu-nikologii niewerbalnej, pragmalingwistyki, lingwokulturologii, socjolingwistyki, psycholingwistyki. Badania skoncentrowane na zagadnieniach typologii osobowości językowych, dyskursologii, ściślej: dyskursu politycznego, medialnego, satyrycznego, służbowego; metaforyki politycznej, komunikacji masowej, perswazyjnej i wizualnej; część prac poświęcona frazeologicznym studiom porównawczym polsko-rosyjskim. Wydała rozprawę habilitacyjną *Политический фельетон в свете теории речевого воздействия* (Gdańsk 2013). Współautorka podręcznika akademickiego: *Ćwiczenia z fonetyki języka rosyjskiego dla początkujących* (Gdańsk 2014), autorka i współredak-torka monografii: „Słowa, słowa, słowa”... w komunikacji językowej III (Gdańsk 2011), „Mówimy, jak mówimy...”. *Komunikacja w języku potocznym. Podejście interdyscypli-narne* (Gdańsk 2014), „Mówimy, jak mówimy...” *Gdzie ukryta jest potoczność?* (Gdańsk 2015), *Imiona komunikacji językowej, czyli demakijażowanie sensów* (Gdańsk 2015), *W poszukiwaniu tożsamości językowej*, t. 1 (Gdańsk 2016), *Perswazja językowa w róż-nych dyskursach*, t. 1 i 2 (Gdańsk 2017). Publikuje w języku polskim i rosyjskim m.in. na łamach pism „Opcje”, „Polilog. Studia Neofilologiczne”, „Przegląd Rusycystyczny”, „Przegląd Wschodnioeuropejski”, „Acta Slavica Estonica”, „Rossica Olomucensia”, „Studia Sławistyczne”, „Studia Rossica Gedanensia”, „Studia Slavica”, „Семиозис и культура”, „Слово.ру. Балтийский акцент”, „Политическая наука”; większość prac ukazała się za granicą (Białoruś, Czechy, Rosja, Litwa, Ukraina, Estonia). Członek Pol-skiego Towarzystwa Językoznawczego oraz Polskiego Towarzystwa Rusycystycznego.

KW

NATALIA G. TEREKHOVA / НАТАЛЬЯ ГЕННАДИЕВНА ТЕРЕХОВА

Dyplomowany specjalista, specjalność nauczycielska: język włoski i włoska lite-ratura; absolwentka Uniwersytetu im. M. Łomonosowa w Moskwie (Rosja); starszy wykładowca w Katedrze Języków Obcych Narodowego Uniwersytetu Badawczego „Szkoła Wyższa Ekonomii” w Moskwie; studiowała we Włoszech na Uniwersytecie w Genui, Uniwersytecie Ca Foscari w Wenecji, w Centro Studi Italiani. Zaintereso-wania naukowe dotyczą historii rosyjsko-włoskich stosunków dyplomatycznych oraz gospodarczych (w szczególności XVIII-wiecznych), radziecko-włoskich stosunków gospodarczych, regionalistyki włoskiej, włoskiego dyskursu społecznego, historii

urbanistyki włoskiej. Autorka kilkunastu artykułów w języku włoskim i rosyjskim; współuczestniczyła w przekładzie włoskiej encyklopedii *Итальянская энциклопедия домашних животных De Agostini* (Moskwa 2003) oraz książki *Цена нефти* M. Nikolazziiego (Moskwa 2012).

Członek Związku Tłumaczy Rosyjskich oraz kilku międzynarodowych organizacji non profit, takich jak World Monument Fund, Fondo Ambiente Italiano, The Renaissance Society of America.

KW

JAN WAWRZYŃCZYK

Profesor zwyczajny, doktor habilitowany nauk humanistycznych, językoznawstwo; rusycysta, polonista; profesor senior Uniwersytetu Warszawskiego (Instytut Lingwistyki Stosowanej). Zainteresowania naukowe: gramatyka i leksyka rosyjska, leksykografia języka polskiego, leksykografia dwujęzyczna, rosyjsko-polskie językoznawstwo konfrontatywne, chronologizacja słownictwa polskiego schyłku XVII – pocz. XXI wieku, bibliografia słowiańska, bibliometria. Dorobek naukowy obejmuje ponad 200 publikacji, w tym 50 pozycji książkowych; ważniejsze książki: *Polszczyzna, jaką znamy. Nowa sonda słownikowa* [we współaut. z A. Bogusławskim] (Warszawa 1993), *Słownik bibliograficzny języka polskiego*, t. 1–10 (Warszawa 2000–2012), *Inny „Doroszewski”* (Łask 2010), *Słownictwo nowopolskie. Redatacje* (Warszawa 2011), *O stronie ruscorporainpoland.pl* (Warszawa 2014), *Fotocytatografia polska. Koniec XVIII – początek XXI w.*, t. 1–4. (Warszawa 2014–2015). Autor i redaktor wielu znaczących opracowań leksykograficznych z zakresu słownictwa polsko-rosyjskiego, twórca nowych nurtów w leksykografii.

KW

MAJA WIĘCKOWSKA

Magister filologii rosyjskiej; nauczycielka; absolwentka Uniwersytetu Warszawskiego; doktorantka w Instytucie Komunikacji Specjalistycznej i Interkulturowej na Wydziale Lingwistyki Stosowanej UW. Zainteresowania naukowe: życie i twórczość Iwana Bunina. Autorka artykułu *Zarysy portretowe postaci w cyklu szkiców podróżniczych I. Bunina „Cień ptaka”* („Studia Rossica Gedanensia” 2014, t. 1).

KW

ALICJA WOŁODŹKO-BUTKIEWICZ

Emerytowany profesor zwyczajny Uniwersytetu Warszawskiego, doktor habilitowany, literaturoznawca, tłumaczka i popularyzatorka literatury oraz kultury rosyjskiej; członek Komitetu Słowianoznawstwa Polskiej Akademii Nauk.

Studia ukończyła na Wydziale Filologicznym Uniwersytetu im. Łomonosowa w Moskwie (1962), rozprawę doktorską obroniła w roku 1973 na Uniwersytecie Warszawskim, z którym związała swą dalszą karierę naukową aż do przejścia na emeryturę (z dziesięcioletnią przerwą na pracę w wydawnictwie). W latach 1962–1966 była sekretarzem literackim poety i tłumacza literatury rosyjskiej Seweryna Pollaka. W latach 2002–2012 pełniła funkcję dyrektora Instytutu Rusycystyki na Wydziale Lingwistyki Stosowanej UW. Pod jej kierunkiem uzyskało magisteria ponad stu pięćdzie-

sięciu absolwentów IR UW, wypromowała także ośmiu doktorów. Podczas jej kadencji Instytut Rusycystyki wydał dziesięć tomów pokonferencyjnych „Studia Rossica”, m.in. poświęconych Czechowowi, rosyjskiej literaturze dokumentu osobistego, najnowszej prozie rosyjskiej.

Od połowy lat 70. współpracowała z warszawskimi wydawnictwami: PIW-em, „Czytelnikiem”, „Iskrami” oraz „Książką i Wiedzą”, jako tłumaczka, autorka wstępów i posłowi o pisarzach rosyjskich oraz redaktor i twórca antologii z literaturą rosyjską związanych. W l. 1981–1992 pracowała w Państwowym Instytucie Wydawniczym jako kierownik redakcji literatur słowiańskich. Wróciwszy na Uniwersytet obroniła w roku 1995 rozprawę habilitacyjną, a w roku 2005 uzyskała tytuł naukowy profesora. Od roku 1986 należy do Związku Literatów Polskich.

Jest autorką ponad dwustu publikacji naukowych oraz artykułów krytyczno-literackich i popularyzatorskich, w tym monografii *Pasierbowie Rosji. O prozaikach trzeciej emigracji* (Warszawa 1995) i *Od pieriestrojki do laboratoriów netliteratury* (Warszawa 2004) oraz kilkudziesięciu przekładów literatury pięknej, m.in. Aleksandra Sołżenicyna, Czynigiza Ajtmatowa, Władimira Tiendriakowa, Iriny Grekowej, Anatolija Gładilina, Ludmiły Ulickiej oraz naukowej (np. *Osobowość Dostojewskiego* Borysa Bursowa).

Otrzymała Złoty Krzyż Zasługi (1980), Krzyż Oficerski Orderu Odrodzenia Polski (2005), nagrodę ZAIKS-u za przekłady literatury rosyjskiej na język polski (2008), rosyjskie odznaczenie państwowe „Medal Puszkina” za popularyzację kultury rosyjskiej w Polsce (2013).

KW

(na podstawie otrzymanego biogramu)

KATARZYNA WOJAN

Doktor habilitowany nauk humanistycznych w zakresie językoznawstwa; rusycystka i fennistka; profesor nadzwyczajny, kierownik Pracowni Języka, Kultury i Gospodarki Finlandii w Instytucie Skandynawistyki Uniwersytetu Gdańskiego; założycielka i kierownik dwu pracowni naukowo-badawczych: Pracowni Leksykograficzno-Bibliograficznej oraz Pracowni Języka Fińskiego. Wcześniej związana z Instytutem Filologii Wschodniosłowiańskiej UG (1999–2015). Autorka, współautorka lub współredaktorka ok. 180 prac z zakresu językoznawstwa ogólnego, słowiańskiego, ugrofińskiego, komparatystryki lingwistycznej, nostratyki, leksykologii porównawczej, słowiańskiej, ugrofińskiej, interlingwistyki, paleolingwistyki, leksykografii przekładowej, historii leksykografii, bibibliografistyki i bibliografistyki, przekładoznawstwa, akustyki mowy, w tym 17 książek i czterech roczników, m.in. *Wstęp do badań wieloznaczności leksemów w ujęciu kontrastywnym* (Gdańsk 2010), *Przypadkowe i nieprzypadkowe wędrówki leksemów* (Gdańsk 2010), *Rosyjskie leksemy homonimiczne w teorii językoznawczej i praktyce leksykograficznej* (Gdańsk 2011), *Język rosyjski w polskiej leksykografii przekładowej. Bibliografia słowników za lata 1795–2005* (Gdańsk 2006), *Słownik homonimów leksemowych języka rosyjskiego z polskimi ekwiwalentami tłumaczeniowymi* (Gdańsk 2011), *Język angielski w polskiej leksykografii. Słowniki przekładowe lingwistyczne i encyklopedyczne wydane w latach 1782–2012* (Gdańsk 2013), *Język angielski w polskiej leksykografii. Słowniki przekładowe terminologiczne wydane w latach 1782–*

2012 (Gdańsk 2014), *Języki sztuczne. Zapotrzebowanie społeczeństw czy fantazja jednostek? Zarys dziejów interlingwistyki* (Gdańsk 2015). Autorka pierwszej polskojęzycznej monografii o języku fińskim *Język fiński w teorii i praktyce* (Gdańsk 2016) oraz pierwszego w Polsce dużego słownika polsko-fińskiego: *Polsko-fiński tezaurus tematyczny*, t. 1: *Ziemia i Kosmos* (Gdańsk 2012). Opracowała edycję tekstów źródłowych Zbigniewa Żakiewicza *W czasie zatrzymane*, t. 1: *Wybór szkiców literackich z lat 1977–2008* (Gdańsk 2017). Twórczyni szkoły metodologiczno-badawczej w zakresie homonemiki międzyjęzykowej. Publikuje na łamach takich czasopism, jak m.in. „Acta Albaruthenica”, „Archives of Acoustics”, „Българска русистика” (Bułgaria), „Biuletyn Polskiego Towarzystwa Językoznawczego”, „Fenno-Ugristica” (Estonia), „Język. Komunikacja. Informacja”, „Między Oryginałem a Przekładem”, „Przegląd Rusycystyczny”, „Slavia Orientalis”, „Speculum Linguisticum”, „Studia Rossica Gedanensia”, „Studia Scandinavica”, „Symbolae Philologorum Posnaniensium Graecae et Latinae”, „Съпоставително езикознание” (Bułgaria). Redaktor naczelna „Studia Rossica Gedanensia”; członek komitetów redakcyjnych: „Болгарская русистика” (Sofia, Bułgaria), „Studia Scandinavica” oraz rad naukowych: „Acta Polono-Ruthenica”, „Progress: Journal of Young Researchers”; członek towarzystw naukowych, m.in. European Acoustics Association, Polskiego Towarzystwa Akustycznego, Polskiego Towarzystwa Językoznawczego, Krakowskiego Towarzystwa Popularyzowania Wiedzy o Komunikacji Językowej „Tertium”. Aktywnie współpracuje z Opetushallitus w Helsinkach (Finlandia). Tłumaczka języka fińskiego (również w zakresie przekładu literackiego).

KW

ANDREI V. ZAKHAROV / АНДРЕЙ ВИКТОРОВИЧ ЗАХАРОВ

Docent, doktor nauk historycznych; kierownik Sekcji Badań Historycznych Naukowo-Dydaktycznego Laboratorium Międzydyscyplinarnych Badań Empirycznych Narodowego Uniwersytetu Badawczego „Wyższa Szkoła Ekonomii” w Permie (Rosja). Zainteresowania naukowe: wschodoznawstwo, historia służby państwowej, historia rządów państwowych, informatyka historyczna, historia cyfrowa, historia Rosji XVII i XVIII wieku. Autor licznych artykułów naukowych, rozdziałów w książkach, a także monografii *Государев двор Петра I: публикация и исследование массовых источников разрядного* (Czelabińsk 2009). Publikuje na łamach pism „Вестник Челябинского государственного университета”, „Вестник Пермского университета”, „Вопросы истории”, „Историческая информатика”, „Труды Государственного Эрмитажа”.

KW

IRINA ZAWISZA

Dziennikarka Redakcji Wschód Polskiego Radia dla Zagranicy (Warszawa); autorka audycji podejmujących tematy z kultury, nauki i historii.

KW

WYTYCZNE DLA AUTORÓW

Studia Rossica Gedanensia jest założonym w 2013 roku rocznikiem Instytutu Filologii Wschodniosłowiańskiej na Wydziale Filologicznym Uniwersytetu Gdańskiego. Publikuje oryginalne teksty naukowe z obszaru rusycystyki. Nadesłane prace nie powinny przekroczyć objętości 120 000 znaków (łącznie ze spacjami), czyli około 60 stron.

Rocznik prowadzi cztery działy: I. Studia i artykuły, II. Recenzje i omówienia, III. Bibliografie, oraz IV. Kronika.

Autorzy prac winni przestrzegać następujących wskazówek:

1. Tytuł pracy nie powinien być zbyt długi.
2. Artykuł winien być opatrzony dwoma abstraktami (do 200 słów każdy): jednym w języku angielskim wraz z angielskim tłumaczeniem tytułu i słowami kluczowymi (5–10 słów) oraz drugim w języku polskim lub rosyjskim wraz ze słowami kluczowymi (5–10 słów) i ewentualnym tłumaczeniem tytułu.
3. W bibliografii należy podać inicjały imienia i nazwisko autora, pełny tytuł pracy (w języku oryginału pracy). Przy pozycjach książkowych należy podać nazwę wydawcy oraz miejsce i rok wydania. W przypadku czasopism należy wymienić tytuł czasopisma, rok wydania, numer oraz strony.

Nadesłane prace Redakcja rocznika przekazuje do recenzji. Komitet Redakcyjny czasopisma podejmuje decyzję o przyjęciu do publikacji na podstawie opinii wydanych przez recenzentów numeru.

Prace przesłane do publikacji w czasopiśmie winny być napisane w języku angielskim, polskim lub rosyjskim.

Teksty należy przysyłać w formie elektronicznej do końca czerwca każdego roku.

Redakcja prosi wszystkich Autorów o przygotowanie notki o sobie w języku polskim, rosyjskim lub angielskim.

Komitet Redakcyjny
Studia Rossica Gedanensia

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Studia Rossica Gedanensia – это ежегодник Института восточнославянской филологии на филологическом факультете Гданьского университета, основанный в 2013 году. В журнале публикуются оригинальные научные тексты по русистике. Присланные работы не должны превышать объем 120 000 символов (включая пробелы), или примерно 60 страниц.

Ежегодник состоит из четырех разделов: I. Исследования и статьи, II. Рецензии и обзоры, III. Библиографии и IV. Хроника.

Присланные работы должны соответствовать следующим требованиям:

1. Заглавие текста не может быть слишком длинным.
2. Статья должна иметь два резюме (до 200 слов каждое): одно на английском языке с переводом на английский язык заглавия и ключевыми словами (5–10 слов) и второе на польском или русском языке с ключевыми словами (5–10 слов) и, желательно, переводом заглавия.

3. В библиографии следует указать инициалы имени и полную фамилию автора, полное оригинальное заглавие работы (на языке, на котором она написана). При оформлении книжных изданий следует указать издательство, место и год издания. При оформлении журналов следует указать его полное заглавие, год издания, номер и страницы.

Присланные работы редакторы ежегодника пересылают рецензентам. Редакционная коллегия журнала принимает решение о публикации на основании заключения, составленного рецензентами данного номера.

Работы, присланные для публикации в журнале, должны быть написаны на английском, польском или русском языке.

Тексты должны быть отправлены в электронном виде до конца июня каждого года.

Редакторы просят всех авторов подготовить сведения о себе на польском, русском или английском языке.

Редакционная коллегия
Studia Rossica Gedanensia

GUIDELINES FOR AUTHORS

Studia Rossica Gedanensia, the annual journal of the Institute of East Slavic Philology, Faculty of Languages of the University of Gdańsk, was founded in 2013, with the aim of publishing original scientific papers in all fields of Russian studies. Submitted papers should not exceed a total of 120,000 keystrokes (characters and spaces), i.e. approximately 60 pages.

The journal consists of four major sections: I. Studies and Articles, II. Reviews and Polemics, III. Bibliographies, and IV. Chronicle.

The following guidelines are of particular importance:

1. The title of the paper should be as short as possible.
2. The paper should be preceded by two abstracts, each less than 200 words. One abstract should be in English (including an English translation of the title and 5–10 key words). The other abstract should be in either Polish or Russian (including 5–10 key words).
3. The reference list should include the initials of the first name and the full surname of the author, as well as the full title of the paper (in the language of the original paper). In the case of books, the publisher's name, as well as the place and year of publication, should be stated. In the case of periodicals, the full title of the periodical, year of publication, consecutive volume number, current issue number, and pages should all be stated.

Upon receipt of the paper, the Editorial Office forwards it to the reviewers. The Editorial Committee's decision as to whether the paper should be accepted for publication or not is based on the opinions of the reviewers.

The papers submitted for publication in the journal should be written in English, Polish or Russian.

Please kindly submit your papers in electronic format by the end of June.

The Editorial Board kindly requests all authors to submit short notes about themselves in Polish, Russian or English.

Editorial Board
Studia Rossica Gedanensia